А29 °/13.
46/95

ЧЕТЫРЕ ВОЙНЫ.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ

1849, 1853, 1854—56 и 1877—78

ГОДАХЪ.

2.3

Л. Алабинъ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собствени. домъ.
1892.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 335273
" ..... 193 г.

Часть III.

ЗАЩИТА СЕВАСТОПОЛЯ

(1854—1856).

ОГЛАВЛЕНІЕ

главнѣйшихъ событій, разсказанныхъ въ 3-й части.

Стр.

1) М. Скуляны. Вступленіе въ Россію 1
2) Высадка союзниковъ въ Крымъ. Слухи о дѣлѣ на Алмѣ 5
3) Кр. Бендеры. Воспоминаніе о пребываніи здѣсь Карла XII 16
4) Разсказы о страшной опасности, грозившей Севастополю съ приближеніемъ къ нему союзниковъ 25
5) Бомбардированіе Севастополя. Смерть генералъ-адъютанта Корнилова. 40
6) Нашъ походъ въ Крымъ. 43
7) 19-е октября. Симферополь 53
8) Разсказы о разбитіи Англійской кавалеріи подъ Балаклавой 74
9) 23 октября бивакъ на Чоргунской позиціи подъ Севастополемъ. 82
10) Инкерманское сраженіе, 24 октября 1854. 83
11) Буря 144
12) Вступленіе въ Севастополь 160
13) Генералъ Декабрь 185
14) Атака Евпаторіи генерала Хрулева 244
15) Отбитіе французской атаки на Селенгинскій редутъ 247
16) Кончина Императора Николая I 270
17) Прибытіе въ Севастополь новаго главнокомандующаго князя М. Д. Горчакова . 283
18) Большая вылазка Хрулева въ ночь на 11 марта . . . . . .
19) Второе, одинадцати-дневное бомбардированіе Севастополя 311
20) Празднованіе юбилея шестимѣсячнаго пребыванія Охотскаго пѣхотнаго полка на оборонительной линіи 357
21) Союзники взяли Керчь 371
22) Взятіе союзниками Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета 376
23) Четвертое бомбардированіе Севастополя 390
24) Отбитіе штурма 6 іюня. 394
25) Прибытіе въ Севастополь преосвященнаго Иннокентія епископа Херсонскаго и Таврическаго и проповѣди его 430
26) Смерть адмирала Нахимова 439
27) Дѣло на Черной рѣчкѣ, 4 августа 458
28) Пятая бомбардировка Севастополя 460
29) Открытіе моста черезъ бухту 15 августа 497
30) Взрывъ пороховаго погреба на Камчатскомъ люнетѣ 498
31) Шестая бомбардировка Севастополя, 24 августа 515

Стр.
32) Штурмъ Севастополя, 27 августа 529
33) Отступленіе отъ Севастополя 562
34) Неудачное дѣло кавалеріи подъ Евпаторіей 17, сентября 575
35) Взятіе Кинбурна 578
36) Смотръ Государя Императора на Инкерманскихъ высотахъ 582
37) Греческій легіонъ Императора Николая I 591
38) Окончательное разрушеніе Севастополя Англичанами 604
39) Перемиріе съ непріятелемъ 605
40) Заключеніе мира 623
41) Поѣздка къ союзникамъ 625
42) Смотры войскъ: французскихъ и англійскихъ 637
43) Смотръ сардинскихъ войскъ 639
44) Завтракъ на Мекензіевой позиціи въ честь союзныхъ главнокомандующихъ . . 641
45) Посѣщеніе развалинъ Севастополя 649
46) Выступленіе въ Россію 652
47) Поѣздка для обозрѣнія южнаго берега Крыма 655
48) Отъѣздъ изъ Крыма 691

Оглавленіе приложеній.

I. Н. Ив. Васичъ 693
Разные случаи въ Инкерманскомъ дѣлѣ 700
II. Письмо генер. Пелисье Императору Наполеону о штурмѣ 6-го іюня 703
III. Иванъ Петровичъ Голевъ 708
IV. Василій Васильевичъ Безобразовъ 730
V. Выдержки изъ дневника поручика Маевскаго 739
Русскіе раненые на Алмѣ у Англичанъ 751
VI. Приказаніе по Севастопольскому горнизону 26 августа 1855 г. 758
VII. Свѣдѣніе, для генерала Хрулева, о числѣ войскъ на лѣвой половинѣ оборонительной линіи 25 августа 1855 г. 760
VIII. Взрывъ Павловскаго форта 763
IX. Чумаченко 772
X. Какія знамена взяты у насъ Французами въ Крымской кампаніи 787

... Имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его пребудутъ въ памяти и сердцахъ всѣхъ Русскихъ.

Императоръ Александръ II.

(въ приказѣ Россійскимъ арміямъ 30 августа 1855).

Sevastopol crederanno
Sogni favole i nepoti—
Tanta gloria e tanto affano
Eternar la nostra età
Tai prodigi furo ignoti
Alla illustre antichita!

* * *

Ma la polve aglomerata
Ma la pietre e i resti Sacri
Sian la storia immemorata
Ai nipoti che verran...
Tema agli inni ai simulacri
Gloriosi al genio uman.

Dott. Giustiniani da Imola.

(Внуки наши назовутъ баснями разсказы о Севастополѣ, не находя въ скрижаляхъ славной древности описанія подобныхъ чудесъ.

Но пусть груды пепла и камней, священные остатки борьбы за родную святыню, будутъ свидѣтелями предъ лицемъ правдивой исторіи, пусть будутъ они предметомъ пѣсней и памятниковъ славныхъ для человѣческаго рода.)

Какой тутъ дышитъ миръ! Какая славы тризна
Средь кипарисовъ, миртъ и каменныхъ гробовъ!
Рукою набожной сложила здѣсь отчизна
Священный прахъ своихъ сыновъ.
Они и подъ землей отвагой прежней дышатъ...
Боюсь, мои стопы покой ихъ возмутятъ,
И мнится, всѣ они шаги живаго слышатъ,
Но лишь молитвенно молчатъ.
Счастливцы! Высшею пылали вы любовью.
Тутъ что ни мавзолей, ни надпись—все боецъ,
И рядомъ улеглись, своей залиты кровью,
И дѣдъ со внукомъ, и отецъ.
Изъ каменныхъ гробовъ ихъ голосъ вѣчно слышенъ,
Имъ внуковъ поучать на вѣки суждено,
Ихъ слава такъ чиста, ихъ жребій такъ возвышенъ,
Что имъ завидовать грѣшно.

Фетъ.

4 іюня 1887 г.

Возставъ отъ сна, идя ко сну,
Въ молитвѣ, сердцемъ умиленный,
Что день тебя воспомяну,
Многострадалецъ нашъ священный!
. . . . . .
. . . . . .
Изъ ада молній и громовъ,
Изъ пещи, триста кратъ разженной,
Гдѣ пали тысячи бойцовъ,
Богохранимо изведенный,
Я, какъ съумѣю, пропою,
Въ походъ готовясь замогильный,
Пѣснь лебединую свою,
Тебѣ во славу, витязь сильный!
. . . . . .
. . . . . .

Священникъ Дорошкевичъ.

Вильна. 1871 г.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ

ПРЕДѢЛАХЪ ИМПЕРІИ.

7 сентября 1854 года.—Въ Молдавіи, въ виду мѣстечка Скулянъ.

Приближаемся къ Россіи. Трепещетъ сердце предвкушеніемъ счастія, которое такъ можетъ быть полно, такъ неожиданно, что не смѣю ему вѣрить! Еще нѣсколько шаговъ до гребня высоты—и предъ нами завѣтная панорама... Вотъ она—Русь-матушка; насъ раздѣляетъ только Прутъ!...

Скуляны.—7 сентября.

Еще нѣсколько мгновеній похода — Молдавскіе Скуляны остались за нами—и я по отлично устроенному мосту, на томъ же самомъ конѣ, на которомъ вышелъ изъ Россіи почти полтора года тому назадъ, теперь вступилъ въ ея предѣлы съ молитвою и крестнымъ знаменіемъ, подобно солдатамъ, ежеминутно крестившимся и съ благоговѣніемъ лобзавшимъ родную землю. Было отъ чего умилиться сердцу. Руки невольно подымались сотворить знаменіе креста, уста шептали мольбы сердечнаго благодаренія... И было отъ чего трепетать сердцу солдата,—каждому приходило въ голову: всѣ ли мы, шедшіе нѣкогда на брань по этому мосту, теперь обратно его переходимъ? Нѣтъ, многіе, многіе изъ насъ переступили уже мостъ вѣчности...

Они опочили уже вѣчнымъ сномъ: одни подъ благодатнымъ холмомъ ольтеницкой могилы, другіе на роскошныхъ островахъ Дуная, — на кровавыхъ поляхъ Четати, иные подъ мирными крестами въ треншеяхъ Силистріи.—А предъ нимъ, нынѣ вновь переходящимъ Прутъ, рисуется родина, ему мерещится теплый уголъ родимой хаты, давно оставленная хозяйка съ горшкомъ горячихъ щей... Пограничный шлагбаумъ за нами... Мы въ Россіи послѣ пятнадцатимѣсячнаго похода за ея предѣлами. Все какъ-то еще не вѣрится. Думается, не во снѣ ли видишь далекія высоты праваго берега долины рѣки Прута и посреди ихъ во всей красѣ огромный домъ Разнована, отѣненный густыми садами и перелѣсками, покрытыми синевою дали.

Но нѣтъ, это—сладкая существенность. Мы въ Скулянахъ, въ Русскихъ Скулянахъ! Хотя и невѣроятное дѣло, но оно совершилось, полное чудеснаго, облеченное для насъ покровами глубокой тайны.

И то сказать: съ побѣднаго пути, не побѣжденные, не разстроенные, не разбитые, даже не потрясенные, въ грозномъ спокойствіи, съ ружьемъ на плечѣ, мы отошли въ свои предѣлы, полные силъ физическихъ и нравственныхъ,—повитые новыми лучами воинской славы, вновь искушенные въ дѣлѣ ратномъ, отошли, покинувъ все, что добыли потомъ и кровью!... Не чудесное ли это событіе? Не полно ли оно таинственности, особенно для насъ—простыхъ солдатъ? Что будетъ слѣдствіемъ этого величаваго отступленія—событія столь знаменательнаго? Чему суждено совершиться вслѣдъ за симъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Того, предъ Чьимъ престоломъ стоитъ въ непрестанномъ моленіи вся колѣнопреклоненная Россія?...

13 сентября.—Скуляны.

Нѣтъ мрачныхъ предчувствій ни въ комъ, ни въ войскѣ, ни въ жителяхъ: все полно надеждъ на благость Божію, на могущество отечества, на мудрость Царя великаго. Всѣ спокойны. Пограничные жители преданы обычнымъ занятіямъ, хозяйству; торговая дѣятельность кипитъ, земля обрабатывается по прежнему; коммерческія сдѣлки въ полномъ развитіи; кредитъ не теряется; словомъ, всюду господствуетъ спокойствіе, какъ будто факелъ войны вовсе и не мерцаетъ на горизонтѣ; нѣтъ думъ объ опасности; безъ тревоги всѣ смотрятъ въ будущность, ждутъ завтрашняго дня. Всѣ жители—дома. Главная квартира тѣснится въ небольшомъ мѣстечкѣ, обратившемся въ военный таборъ. Нѣтъ лачужки, садика, сѣней, жидовской хаты, которые не были бы заняты военными. Но такое положеніе было непродолжительно. Вскорѣ мы одни остались хозяевами Скулянъ, а главный штабъ и корпусный ушли,—одинъ въ Кишиневъ, другой въ Каменецъ-Подольскій, до котораго, впрочемъ, не пришлось ему дойти. Мы расположились пожуировать на зимовыхъ квартирахъ: принялись устраивать свои походныя жилища. Здѣсь я ждалъ семью свою изъ за тысячи верстъ. Всякій ударъ почтоваго колокольчика, отъ котораго уже совершенно отвыкло ухо за границею, какъ-то особенно заставлялъ упадать сердце, замирать на мгновенье, какъ не замирало оно въ траншеяхъ подъ Силистріей, когда лопнетъ, бывало, за сосѣднимъ траверсомъ граната, или съ жалобнымъ стономъ ляжетъ у ногъ твоихъ штуцерная пуля. Мы располагались на зимовыя квартиры, повторяю, и я ждалъ свою семью. Но дня черезъ три сталъ носиться слухъ, что австрійскіе квартиргеры пріѣхали въ Яссы. Въ добрый часъ, старые друзья! По крайней мѣрѣ съ великихъ событій Наполеоновской эпохи, подробно разсказанной намъ нашими отцами, до незабвенныхъ дней, когда по манію нашего Государя мы сами устремились на поддержаніе колеблющагося престола Австріи, мы привыкли считать себя *друзьями* ея сыновъ.

Другое обстоятельство: 5 сентября на разсвѣтѣ прискакалъ отъ князя Меньшикова курьеръ съ извѣстіемъ, что союзные флоты въ числѣ 106 вымпеловъ и до 700 транспортныхъ судовъ показались въ виду мыса Лукулла, что близъ Евпаторіи, и въ тотъ же день бросили якорь противу этого города. Ясно, что союзники рѣшились сдѣлать высадку въ этомъ пунктѣ; князь Меньшиковъ немедленно началъ стягивать свои войска на берега рѣки Алмы, высоты которой представляютъ почти неприступныя позиціи. Что-то будетъ? Теперь невѣроятно, чтобы насъ оставили здѣсь на зимовку, когда Крымъ затрепещетъ подъ ядрами Армады, громаднѣйшей изъ всѣхъ когда-либо ходившихъ въ морѣ. И вотъ однажды ночью, усатый ординарецъ разбудилъ меня роковымъ: „пожалуйте къ генералу!“ На дворѣ темно, грязно; тяготитъ какое-то смутное предчувствіе... Не обмануло сердце-вѣщунъ! Прощай мечтательная отрада зимовыхъ квартиръ! Прощай полуустроенное жилище, украшенное большимъ зеркаломъ, устланное англійскимъ ковромъ, по милости двойнаго жалованья купленнымъ „за границею!“ Прощай вся роскошь пѣхотнаго офицера! Прощайте надежды отдохнуть отъ бивачной жизни въ кругу милой семьи, вспомнить прошлое за большимъ самоваромъ, бивачный костеръ—при матовомъ свѣтѣ лампы!... Эй, завтра съ разсвѣтомъ осѣдлать рыжаго!... и завтра съ восходомъ солнца—

Бѣлаго Царя солдаты
Поднималися въ походъ!...

14 сентября.

Пріѣхалъ нашъ дивизіонный квартирмейстеръ Черняевъ. Разсказываетъ, что въ главной квартирѣ оффиціально уже извѣстно о высадкѣ союзниками у Евпаторіи четырехъ тысячъ кавалеріи.

Если это извѣстіе вѣрно, то какими же перевозочными средствами располагаютъ союзники когда имѣли возможность сдѣлать такую значительную высадку собственно кавалеріи только!!

Князь Меньшиковъ, говорятъ, пишетъ Горчакову, что силы предпринявшаго высадку непріятеля значительно превосходнѣе тѣхъ, какія онъ ему можетъ противупоставить. Горчаковъ, собственною властью, не ожидая распоряженій свыше, послалъ на помощь Меньшикову бригаду уланъ и 12-ю пѣхотную дивизію, которая просто, что называется, *бѣгомъ побѣжала* въ Крымъ. Солдатскіе ранцы везутъ на подводахъ; солдатамъ ежедневно даютъ по двѣ чарки водки и по фунту мяса; идутъ безъ дневокъ, дѣлая по два перехода въ день. Кромѣ того, донской атаманъ Хомутовъ, говорятъ, устремился на помощь Меньшикову, при первомъ извѣстіи объ опасности, пригрозившей Крыму, съ восемью полками казаковъ и 16-ю черноморскими баталіонами.

Итакъ, совершилось: враги коснулись нашей земли!

Да будетъ воля Господня! Но, что до меня, я убѣжденъ: враги наши,

если и будутъ имѣть успѣхъ, то только временный, а въ результатѣ ихъ все таки ждетъ гибель!

Мы не понимаемъ возможности заключенія съ ними, когда-либо, *продиктованнаго намъ мира*. Мы думаемъ, что и къ нашей эпохѣ можно будетъ отнести слова манифеста Александра I-го къ народу, 25 декабря 1821 года: „Вломившійся въ грудь ея (Россіи) врагъ всѣми неслыханными средствами лютостей и неистовствъ не могъ достигнуть до того, чтобы она хоть единожды отъ нанесенныхъ ей отъ него глубокихъ ранъ вздохнула. Казалось, съ пролитіемъ крови ея умножился въ ней духъ мужества, съ пожарами градовъ ея воспалялась любовь къ отечеству, съ разрушеніемъ и поруганіемъ храмовъ Божіихъ утверждалась въ ней вѣра и возникало непримиримое мщеніе“.

Вотъ только что пугаетъ: нѣтъ у насъ начальниковъ и вождей, въ которыхъ бы мы вѣровали и на которыхъ надѣялись бы въ настоящія трудныя времена, какъ на каменную гору. Къ Паскевичу армія относится какъ-то съ формальной стороны; видитъ въ немъ начальника поставленнаго властію Государя выше всѣхъ, приказы котораго она должна исполнять и распоряженіямъ котораго должна подчиняться, и только; но не видитъ въ немъ близкаго къ себѣ излюбленнаго вождя, одно слово котораго зажигало бы кровь каждаго и заставляло устремляться хотя бы въ пропасть, даже не замѣчая смертной опасности!

Затѣмъ князь М. Д. Горчаковъ. Его нерѣшительность, какая то порывчатость, непослѣдовательность—всѣмъ извѣстны. Его чрезвычайная разсѣянность сдѣлалась притчей во языцѣхъ. Его маршей и контръ маршей—боятся какъ мучительнаго огня.

Коцебу терпѣть не могутъ.

Въ главномъ штабѣ не видятъ ни одного выдающагося лица, на котораго возлагали бы свои упованія. Про Бутурлина говорятъ, что онъ только *„поретъ горячку“*, по солдатскому выраженію. Надъ Болдыревымъ смѣются... Чего же, говорятъ, ждать отъ нихъ, когда начнутся боевыя дѣла, если при расквартированіи войскъ, напримѣръ, они забыли указать квартиры цѣлому стрѣлковому батальону!!...

Изъ армейскихъ генераловъ, знаютъ одного только Хрулева, про него только и говорятъ...

16 сентября.—На походѣ.

Присланъ маршрутъ до Одессы—и не сбывшіяся надежды не безпокоятъ больше. Явились новыя предположенія... Альнаскаровы замки такъ быстро и легко строятся: военный людъ, право, настоящія дѣти! Одесса начала рисоваться радужными красками,—авось въ ней останемся на зимовку. Волшебное авось—утѣшитель, двигатель, руководитель русскаго человѣка.

Въ дождь и слякоть, съ горы на гору, картинной мѣстностію, мы до-

брались до с. Корнешти и на утро двинулись въ дальнѣйшій путь, къ величайшей досадѣ моей, оставивъ далеко вправо долину, со столбомъ, гдѣ закатилось въ вѣчность одно изъ лучезарнѣйшихъ свѣтилъ Екатерининскаго вѣка. Столбъ доселѣ извѣстенъ у простолюдиновъ подъ именемъ *свѣтлѣйшаго столба*, но не всѣ изъ окрестныхъ жителей знаютъ, что на этомъ мѣстѣ кончилъ славные дни свои Потемкинъ, *великолѣпный князь Таврическій*, подъ шатромъ изъ казачьихъ плащей.

18 сентября.—Г. Кишиневъ.

Вотъ и Кишиневъ. Давно ли, кажется, я его видѣлъ, а какъ онъ похорошѣлъ съ тѣхъ поръ въ какія-нибудь семь лѣтъ. Разросся, будто соперничая быстротою развитія съ своимъ же публичнымъ садомъ, который такъ недавно, я помню, младенчествовалъ, а теперь вижу тѣнистымъ, густымъ, роскошнымъ... Улицы Кишинева широки, чисты, дома современной архитектуры, большею частью каменные. Главная квартира князя Горчакова помѣстилась здѣсь, повидимому, удобно и роскошно, а между тѣмъ въ короткое время военные наводнили собою городъ, и нѣтъ дома, гдѣ бы не было военнаго постояльца.

Если Вельтманъ не былъ въ Кишиневѣ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалъ его художественный очеркъ на страницахъ своего извѣстнаго *Странника* то, ручаюсь, поэтъ не узналъ бы теперь областнаго города Бессарабіи.

Въ Кишиневѣ улыбнулось мнѣ счастіе: послѣ полуторагодичной разлуки здѣсь я встрѣтился съ своей женой и сыномъ, въѣхавъ въ городскія ворота почти въ одно съ ними время. Кто не испыталъ долгой разлуки съ любимыми существами и надъ головою кого не кружился въ это время часто ураганъ смерти, тотъ не пойметъ восторженныхъ чувствъ свиданья съ родными,—счастія, проникающаго все бытіе человѣка въ подобныя мгновенія!...

Итакъ, нѣтъ больше сомнѣнія: союзники высадились въ Крыму 2 сентября *), въ день вступленія Наполеона въ Москву, а наша армія, разбитая въ первой встрѣчѣ съ врагами, отброшена внутрь края. Сперва день-другой объ этомъ говорили шепотомъ, съ таинственнымъ видомъ, а нынѣ говорятъ во всеуслышаніе и пророчатъ намъ скорый походъ къ Перекопу. Дай Богъ!

О проигрышѣ дѣла на Алмѣ, у Бурлюка, было множество различныхъ толковъ; воздержимся отъ повторенія ихъ, а подождемъ—и прочтемъ всю правду. Вообще говорятъ, что непріятель одолѣлъ насъ превосходствомъ своихъ силъ, превосходствомъ оружія, большимъ примѣненіемъ къ дѣлу роз-

*) Когда непріятель приближался къ нашему берегу, то издали казалось, что подходитъ большой движущійся городъ со множествомъ дымовыхъ трубъ, фабрикъ и заводовъ. Союзный флотъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ 330 судовъ разной величины, имѣвшихъ на себѣ до 63.000 человѣкъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, съ 134 полевыми и 73 осадными орудіями (*Дубровинъ*: „Восточная война 1853—56 годовъ“. стр. 78.

сыпнаго строя, огнемъ своихъ кораблей, подъ который попала часть нашего войска, и, наконецъ, преимущественно тѣмъ, что въ самомъ началѣ дѣла обошелъ нашъ лѣвый флангъ, безъ всякой почти потери овладѣвъ высотами, у насъ считавшимися неприступными и потому надлежащимъ образомъ не защищенными.

Говорятъ: какая была надобность давать отпоръ союзникамъ непремѣнно на Алминскихъ высотахъ, когда можно было избрать гораздо лучшую позицію для прикрытія Севастополя *), на которой войска не могли бы попасть подъ выстрѣлы флота и которая могла бы быть укрѣплена надежнымъ образомъ. Но, повторяю, обсудить всѣ фазы этого событія, взвѣсить и оцѣнить ихъ будетъ имѣть возможность только будущій историкъ, у котораго для рѣшенія этой задачи, безъ сомнѣнія, будетъ фактовъ больше нашего **).

---

*) Замѣчательно, что маршалъ С. Арно рѣшительно былъ противъ высадки у Евпаторіи (по англійскимъ картамъ у „стараго форта“), гдѣ не было непріятеля: онъ непремѣнно хотѣлъ или обогнуть Севастополь и взять Балаклаву, чтобы оттуда немедленно ударить на южную сторону Севастополя, еще не укрѣпленную, какъ была укрѣплена сѣверная, или высадиться при устьѣ Качи, открытою силою, чтобы ближе очутиться къ Севастополю; но лордъ Рагланъ, а также старѣйшіе французскіе генералы были противнаго мнѣнія. С. Арно поспорилъ и согласился на высадку у Евпаторіи, хотя высадка у Качи его плѣняла болѣе возможностью скорѣйшей встрѣчи съ непріятелемъ, въ борьбѣ съ которымъ кончить свою жизнь было любимѣйшею мечтою французскаго главнокомандующаго, уже предчувствовавшаго свою кончину и поддерживавшаго себя только этою мечтою.

**) У Англичанъ съ Французами произошло сильное печатное препирательство по поводу Алминской битвы; и у насъ между нѣкоторыми изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой битвы, а именно между генералами княземъ П. Д. Горчаковымъ, Квицинскимъ и Кирьяковымъ возбудилась самая оживленная полемика въ печати. Англичане успѣхъ дѣла приписываютъ себѣ, обвиняя Французовъ въ громадности потерь, понесенныхъ Англичанами вслѣдствіе неправильнаго образа дѣйствій Французовъ, которые, въ свою очередь обвиняя Англичанъ въ медленности и неумѣлости дѣйствій, всю честь побѣды оставляютъ за собою. Вообще многіе военные писатели Русскіе и иностранные, въ разсказахъ о событіяхъ этого дня, во многомъ не сходятся между собою.

Мы, желая сказать нѣсколько словъ объ Алминскомъ дѣлѣ, остановимся на описаніи его, помѣщенномъ въ прибавленіи къ IX тому Военно-Энциклопедическаго Лексикона (отдѣльная брошюра: „Военно-Историческій очеркъ Крымской экспедиціи“ капитана генеральн. штаба Аничкова. Ч. I. 1856), хотя помѣщеніе этого описанія въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, какъ представляющаго много загадочнаго и недоговореннаго, неразъясненнаго и невѣрнаго, мы, съ своей стороны, находимъ преждевременнымъ. Въ подобныхъ, руководящихъ, справочныхъ изданіяхъ разсказы о такихъ великихъ, своими послѣдствіями, событіяхъ, какъ Алминская битва, напримѣръ, должны помѣщаться вполнѣ выработанные, основанные на фактахъ всесторонне разсмотрѣнныхъ и разъясненныхъ,—словомъ, такія описанія должны давать точное представленіе о событіи, а не отличаться умышленными, или неумышленными—въ данномъ случаѣ все равно—искаженіями фактовъ. Но абрисъ дѣла болѣе или менѣе вѣрный дѣйствительности сдѣланъ въ этой статьѣ и потому здѣсь описывать Алминское дѣло мы не будемъ, а только обратимся къ тѣмъ многочисленнымъ печатнымъ и устнымъ толкамъ, какіе породила собою названная битва.

Говорятъ, Алминское дѣло проиграно нами преимущественно потому, что Французы взобрались безпрепятственно, даже безъ выстрѣла, на высоты, составлявшія лѣвый флангъ нашей позиціи, потому что высоты эти, считавшіяся неприступными, не были надлежащимъ образомъ обороняемы и вовсе не были укрѣплены.

Въ дѣйствительности, на высотахъ, крутыхъ и трудно доступныхъ. лѣваго берега р. Алмы, на нашемъ лѣвомъ флангѣ достаточно было поставить батарею хотя бы въ 8 только орудій, давъ ей въ прикрытіе или собранныхъ со всѣхъ полковъ отряда штуцерниковъ, или имѣвшійся на-лицо 6 стрѣлковый баталіонъ, вооруженный штуцерами, чтобы Алминское сраженіе имѣло не тотъ печальный исходъ, который тяжкимъ ударомъ былъ для Государя и Россіи.

Очевидно, еслибы зуавы Боске хотя на нѣкоторое время были задержаны въ своемъ наступленіи на нашъ лѣвый флангъ огнемъ сказанной батареи и штуцерниковъ,—была бы долѣе задержана подъ огнемъ нашихъ батарей и вся линія наступавшаго непріятеля [1]). Громадность потерь, невозможность употребить въ дѣло свою артиллерію въ достаточномъ числѣ быть-можетъ парализировали бы усилія Англичанъ и Французовъ, а наши колонны, не угрожаемыя и не поражаемыя съ фланга (обстоятельство бывшее исключительною причиною слишкомъ быстраго отступленія нѣкоторыхъ изъ нихъ [2]),—имѣя непріятеля только передъ собою, и притомъ непріятеля поставленнаго далеко въ худшее положеніе по сравненію съ нами, непріятеля поражаемаго нашею картечью и вынужденнаго подъ этимъ огнемъ подыматься на крутыя высоты,—держались бы крѣпче и, быть-можетъ, удержались бы до конца.

При первомъ взглядѣ на планъ сраженія видно, что нашъ лѣвый флангъ, вся часть позиціи отъ Евпаторійской дороги, не имѣла ни одного земляного укрѣпленія, ни одного эполемента, построить которые наши войска имѣли достаточно времени, оставаясь на позиціи съ 2-го по 8 сентября.

Говорятъ: нельзя было поставить артиллеріи на нашемъ лѣвомъ флангѣ,—ее бы *смели* пароходы. Положимъ, смели бы; но, построивъ углубленную батарею, хорошо прикрытую траверсами, возможно было долго дѣйствовать, не обращая вниманія на усилія пароходовъ. Положимъ, эта батарея и не устояла бы до конца дѣла, но нельзя не согласиться, что ея картечный огонь прибавилъ бы много новыхъ жертвъ въ рядахъ Французовъ, а быть-можетъ и совершенно бы заставилъ ихъ отказаться отъ попытки овладѣть этимъ пунктомъ позиціи.

Развѣ Щеголевъ, стоя за земляннымъ прикрытіемъ, не дрался съ нѣсколькими кораблями? Развѣ впослѣдствіи подъ Севастополемъ земляныя батареи не тягались съ флотомъ? Притомъ, надо замѣтить, пароходы не могли подойти вплоть къ нашей позиціи, а могли дѣйствовать не ближе, какъ съ двухверстнаго разстоянія на пунктъ нашей позиціи, съ котораго было удобно обстрѣливать переходъ Французовъ черезъ Алму и подъемъ на гору. Слѣдовательно, большой точности отъ прицѣльнаго выстрѣла непріятеля ожидать было невозможно и батарея, нами поставленная на таковомъ пунктѣ, долго могла бы держаться.

Бывшіе въ Алминскомъ сраженіи утверждаютъ, будто бы генеральнаго штаба капитанъ Жолобовъ, офицеръ подававшій большія надежды, мужественный и съ блестящими военными способностями (убитъ въ этомъ дѣлѣ), убѣждалъ князя Меньшикова укрѣпить нашъ лѣвый флангъ, но князь его не послушалъ—потому собственно, что названный офицеръ былъ слишкомъ молодъ и слѣдовательно не годился въ совѣтники. Впрочемъ другіе утверждаютъ, что такой же совѣтъ подавалъ князю Меньшикову и командовавшій 6-мъ корпусомъ князь П. Д. Горчаковъ, но Свѣтлѣйшій не послушалъ и его, а обратился за совѣтомъ къ дивизіонному квартирмейстеру 14 пѣхотной дивизіи, подполковнику Залѣсскому, Поляку и самохвалу, который увѣрилъ князя, что въ возведеніи предлагаемыхъ укрѣпленій нѣтъ ни малѣйшей нужды, по естественной неприступности этой позиціи.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, на высоты, составлявшія лѣвый флангъ нашей позиціи, подымалась дорога изъ Алмы-Томака, по которой французы и взобрались безъ особаго труда, въ самомъ началѣ дѣла; по этой дорогѣ, какъ доказываетъ въ своей статьѣ генералъ Кирьяковъ, Татары обыкновенно возили въ Севастополь сѣно, арбузы и проч.

Слова генерала Кирьякова объ удобовосходимости дороги изъ Алма-Томака на высоту нашей позиціи, дороги, оставленной нами безъ вниманія, подтверждаются словами Дю-Касса, который, надо отдать ему справедливость, лучше всѣхъ иностранцевъ описалъ

---

[1]) Между тѣмъ когда командиръ Минскаго баталіона, подполковникъ Раковичъ стоявшій на нашемъ лѣвомъ флангѣ, донесъ генералу Кирьякову о движеніи Боске, слѣдовавшаго по морскому берегу, прикрываясь холмами, наступая на высоты занятыя нашимъ лѣвымъ флангомъ, то „Кирьяковъ не обратилъ никакого вниманія,—говоритъ генералъ Хрущовъ („Исторія обороны Севастополя". С.-Пб., 1888),—на это донесеніе и даже выразился: „Пусть идутъ, мы забросаемъ ихъ шапками" (стр. 11).

[2]) Въ вышеупомянутой печатной полемикѣ, возникшей впослѣдствіи по поводу Алминскаго дѣла между нашими генералами въ этомъ дѣлѣ командовавшими, начальникъ 17 дивизіи генералъ Кирьяковъ, командовавшій нашимъ лѣвымъ крыломъ, утверждалъ, что ввѣренныя ему войска начали отступленіе тогда только, когда нашъ правый флангъ былъ выбитъ изъ позиціи и находился въ полномъ отступленіи.

Упоминая объ этомъ заявленіи, генералъ А. П. Хрущовъ, говоритъ, что: „Это наглая ложь. 16-я дивизія еще держалась, когда три французскія батареи стали дѣйствовать во флангъ полкамъ этой дивизіи,—слѣдовательно, мѣстность, войсками Кирьякова, была уже оставлена" Ibidem, стр. 13).

нашу позицію на Алмѣ: какъ офицеръ генеральнаго штаба, онъ имѣлъ къ тому полную возможность. Вотъ что говоритъ Дю-Кассъ относительно всходовъ на нашу позицію: „Три дороги давали намъ возможность проникнуть чрезъ встрѣченныя нами естественныя препятствія. Во первыхъ Севастопольская дорога. Проходя чрезъ Бурлюкъ и по каменному мосту черезъ Алму, она подымается на противоположную высоту, извиваясь по краю долины. Другая, около версты ниже, ведетъ къ тому мѣсту рѣки, гдѣ она, несмотря на крутизну береговъ, имѣетъ бродъ и пролегаетъ по крутому, изрытому оврагами, склону противоположныхъ высотъ. Третья переходя Алма-Томакъ и ручей, прямо подымается на противоположный берегъ и тянется по такому крутому карнизу, что Русскіе считали ее недоступною для войскъ и вслѣдствіе того оставили эту дорогу безъ вниманія, не подумавъ перерѣзать и преградить доступъ къ оной“ (*A. du Casse*, Précis Historique des opérations militaires en Orient de mars 1854, à octobre 1855 „Paris 1857“:

Если, какъ выше замѣчено, такіе громоздкіе предметы, какъ возы съ сѣномъ и арбузами, можно было Татарамъ возить по Алма-томакской дорогѣ, то, конечно, безъ затрудненія могла по ней взобраться французская пѣхота, а за нею артиллерія. Такъ и случилось: Французы овладѣли высотами, на которыя вела Алма-томакская дорога, безъ выстрѣла.

Всѣ французскіе историки Алминскаго дѣла утверждаютъ, что вся бригада д' Отмара (дивизіи Боске) взобралась на нашу позицію, гребень которой даже не былъ занятъ нашими стрѣлками, не потерявъ ни одного человѣка и лишь обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами съ нашими наблюдательными постами; что за бригадою д' Отмара взобралась французская артиллерія, тогда какъ стоило намъ употребить два часа времени, какъ говорятъ Французы, чтобы эту позицію сдѣлать совершенно недоступною для артиллеріи. Заподозрить въ данномъ случаѣ французскихъ писателей во лжи было бы неосновательно; если имъ лгать изъ хвастовства и тщеславія, то гораздо было бы ближе сказать, что они овладѣли высотою и взвезли на нее артиллерію подъ смертоноснымъ огнемъ нашей артиллеріи и стрѣлковъ.

Если нашли невозможнымъ укрѣпить лѣвый флангъ нашей позиціи и вооружить его артиллеріей [1]), то, безъ сомнѣнія, возможно было опоясать его ложементами, изъ-за которыхъ наши штуцерники произвели бы опустошеніе въ рядахъ непріятеля и непремѣнно привели бы его въ совершенное разстройство, которое легко могло бы обратиться въ гибель для врага, особенно еслибы главный начальникъ двинулъ вовремя на тотъ или на другой изъ угрожаемыхъ пунктовъ конную артиллерію, которой у него въ распоряженіи было три батареи. Во всякомъ случаѣ огонь однихъ полковыхъ штуцерниковъ (ихъ въ каждомъ полку было по 96 человѣкъ, слѣдовательно въ $9^1/_2$ полкахъ отряда — болѣе 900 человѣкъ) непремѣнно остановилъ бы непріятеля, взбиравшагося почти на отвѣсныя высоты, большею частію безъ дороги, а тѣмъ болѣе не далъ бы подняться его артиллеріи.

Нечего и повторять, что людей, вооруженныхъ штуцерами и вообще дальнострѣльнымъ оружіемъ, если не вся армія имъ вооружена, должо всегда располагать на пунктахъ, предъ которыми непріятель, по свойству мѣстности, долженъ наидолѣе оставаться, чтобы стрѣлкамъ наиболѣе имѣть непріятеля своею цѣлью; съ большею также пользою таковые стрѣлки могутъ располагаться на мѣстахъ по возможности удаленныхъ отъ непріятеля, чтобъ онъ не могъ ихъ отбросить моментальнымъ ударомъ. Между тѣмъ въ Алминскомъ дѣлѣ, напримѣръ, двѣ роты 6 стрѣлковаго баталіона были расположены по *ту* сторону р. Алмы, такъ что при наступленіи непріятеля почти тотчасъ же вынуждены были отступить и такимъ образомъ не принесли той пользы дѣлу, какую можно было ожидать отъ ихъ оружія. Къ тому же, въ самую критическую минуту наступленія дивизіи Канробера, при переходѣ оной черезъ рѣку: у означенныхъ стрѣлковъ не оказалось патроновъ и они не могли отыскать своихъ патронныхъ ящиковъ, находившихся гдѣ-то за нашимъ правымъ флангомъ (*Тотлебенъ:* „Описаніе обороны Севастополя“. Ч. I. Спб. 1863, стр. 180).

Расположеніе войскъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ было далеко не такъ правильно, какъ старается показать Аничковъ. Доказательствомъ самый разсказъ генерала Квицинскаго: 1-я линія отъ 2-й находилась въ 150 шагахъ, а не въ 300, какъ показываетъ планъ дѣла, приложенный къ вышеупомянутой брошюрѣ; цѣпь застрѣльщиковъ была разсыпана предъ баталіонами не далѣе 50 шаговъ по сю, а не по ту сторону рѣчки Алмы, какъ показываетъ тотъ же планъ; 6-й стрѣлковый баталіонъ не былъ разсыпанъ передъ всѣмъ лѣвымъ флангомъ, какъ надо понимать изъ означенной статьи г. Аничкова, а цѣпь его начиналась противъ Бородинскаго полка и не далѣе, какъ въ десяти отъ него шагахъ (какъ утверждаетъ начальникъ нашего лѣваго фланга, генералъ Кирьяковъ). Такое стѣсненіе войскъ лѣваго фланга имѣло послѣдствіемъ то, что всякій непріятельскій снарядъ находилъ себѣ въ нашихъ рядахъ обильную жертву и привелъ этотъ флангъ въ разстройство въ самомъ началѣ дѣла, особенно когда генералъ Кирьяковъ нашелъ *теперь только* воз-

---

[1]) Говорятъ, на гребнѣ высотъ нашей позиціи (лѣваго фланга) нельзя было поставить орудій, съ тѣмъ чтобы дать имъ такое склоненіе, какое было нужно по чрезвычайной крутости высотъ, для успѣшнаго дѣйствія по наступавшему непріятелю.

можнымъ измѣнить расположеніе своихъ войскъ и началъ отводить ихъ назадъ, чѣмъ конечно далъ своему маневру характеръ отступленія.

Очень ясно, что если возможно было удержать непріятеля отъ подъема на высоту, то только посредствомъ ружейнаго и артиллерійскаго огня, на что, если невозможно было устроить батарей, вполнѣ были пригодны конныя орудія, имѣвшія возможность засыпать непріятеля смертоноснымъ градомъ на одномъ пунктѣ и, сдѣлавъ свое дѣло на этомъ, перенестись на другой, равно угрожаемый, чтобы также покончить разсчетъ съ нѣдругомъ. Очень было ясно, что если таковымъ огнемъ не остановили напоръ непріятеля, то штыками его не остановишь и подавно, по значительности протяженія, которое надлежало отстаивать отъ непріятеля, дѣйствовавшаго на всемъ пространствѣ разсыпнымъ строемъ, а не колоннами, и слѣдовательно имѣвшаго возможность охватить насъ со всѣхъ сторонъ, въ то же время, своимъ фронтомъ, не представляя ни одной значительной части, которую опрокинувъ штыками, можно бы было измѣнить судьбу боя.

Гораздо было возможнѣе, еслибы мы имѣли на второй линіи высотъ замляныя укрѣпленія съ батарейными орудіями, сбросить непріятеля съ нашей позиціи, не позволивъ ему поставить своихъ орудій на открытой мѣстности. Вотъ при этомъ случаѣ, для довершенія пораженія, возможенъ былъ бы ударъ въ штыки. Къ тому же, при этомъ способѣ защиты мѣстности могъ представиться удобный моментъ воспользоваться превосходствомъ нашей кавалеріи, которая могла бы быть пущена въ атаку на непріятеля, еслибъ онъ сталъ устраиваться на высотѣ.

При такомъ порядкѣ дѣйствій во время сраженія не пришлось бы дѣлать никакой перемѣны въ расположеніи войскъ, и таковой маневръ не могъ бы незамѣтно перейти въ отступленіе, какъ замѣчаетъ въ своей статьѣ генералъ Кирьяковъ. Нокакъ по всему видно, въ этомъ дѣлѣ не было ни общей системы, ни общаго командованія. Описатели сраженія не представляютъ на общественный судъ диспозиціи боя: это заставляетъ сомнѣваться въ самомъ существованіи диспозиціи. Можно полагать, что частнымъ начальникамъ было предоставлено дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами

Кажется, никто изъ начальниковъ частей не получилъ положительныхъ наставленій о томъ, что ему дѣлать въ случаѣ успѣха. Доказательствомъ—слова самого генерала Квицинскаго, который въ своей оправдательной статьѣ разсказываетъ, какъ онъ съ Владимірцами опрокинулъ Англичанъ съ эполемента батарейной № 1 батареи, какъ они бѣжали въ величайшемъ безпорядкѣ, не дождавшись нашего удара, и какъ, несмотря на то, онъ не рѣшился ихъ преслѣдовать (чѣмъ, замѣтимъ въ скобкахъ, могла быть выиграна битва, ибо, кто знаетъ, быть-можетъ, опрокинутые въ центрѣ, Англичане растроились бы, и отъ этого могъ остановиться натискъ самихъ Французовъ), не имѣя близко резерва. Между тѣмъ, по словамъ князя П. Горчакова, резервъ у генерала Квицинскаго (Углицкій полкъ) былъ въ 200 отъ него саженяхъ за противоположнымъ скатомъ!...

Никто изъ начальниковъ частей не зналъ, также что должно было дѣлать въ случаѣ неуспѣха той или другой части, либо всего отряда. Доказательствомъ—свидѣтельство генерала Кирьякова, что онъ *не былъ посвященъ ни въ какія намѣренія и планы* (на что, какъ начальникъ значительной половины отряда, онъ имѣлъ несомнѣнное право) *и до боя не получилъ ни одного особаго по сему приказанія;* другое свидѣтельство: молчаніе генераловъ Кирьякова и Квицинскаго о полученіи какого-либо приказанія относительно врекращенія боя и отступленія съ позиціи, и наконецъ свидѣтельствомъ того же служитъ явное противорѣчіе князя П. Горчакова статьѣ г-на Аничкова, въ которой г. Аничковъ говоритъ, что князь Меньшиковъ приказалъ князю Горчакову отступить. Еслибы князь Горчаковъ получилъ такое приказаніе, безъ сомнѣнія, онъ бы его поредалъ кому надлежало, и тогда не говорилъ бы въ своей статьѣ, съ нѣкоторою горечью: „*приказанія отступить я дѣйствительно не давалъ, усиливаясь личнымъ примѣромъ до послѣдней крайности удерживать ввѣренную моей оборонѣ позицію, и мнѣ казалось бы, что генералу Квицинскому, безъ моего согласія, не слѣдовало приступать къ столь важной мѣрѣ*“...

Словомъ, Алминская битва представляетъ много загадочнаго.

У насъ вотъ что толковали про Алминское дѣло его очевидцы или участники.

Въ Крыму у насъ не было достаточно силъ, чтобъ удержать союзниковъ отъ высадки, а арміи наши были слишкомъ далеко [1]); слѣдовательно мы не могли навѣрно сказать, что послѣ высадки союзниковъ заставимъ ихъ вновь сѣсть на корабли и покинуть Крымъ; но

---

[1]) У насъ по показанію Тотлебена (Ibidem, стр. 169), было подъ Алмой 33.600 человѣкъ, въ составѣ $42^1/_2$ батал., 16 эскадр., 11 сотенъ и 96 орудій. У союзниковъ, по словамъ Базанкура, было Французовъ 27.600, Англичанъ 27.600 и Турокъ 6.000, всего 61.200 человѣкъ при 137 орудіяхъ. („L'expédition de Crimée jusquà la prise de Sévastopol“ и пр. Paris. 1856, ч. I). По словамъ Кинглека („L'invasion de la Crimée“ etc., перев. съ англ., т. III. Bruxelles 1864) союзниковъ, въ Алминскомъ дѣлѣ было 63.000 при 128 орудіяхъ.

если мы хотѣли показать союзникамъ, что драться съ нами не шутка и что мы не рзаучились побѣждать,то надлежало, во что бы то ни стало, выиграть первое дѣло.

Если суждено было пролиться крови 4-хъ генераловъ, 137 офицеровъ и болѣе 5.000 нижнихъ чиновъ [1]), то этою дорогою цѣною слѣдовало купить побѣду и потомъ, пожалуй, также отступить къ Севастопою, какъ и 8 сентября. Но для этого слѣдовало усилить защиту избранной позиціи: рыться въ продолженіе 6 дней, проведенныхъ на позиціи день и ночь, и настроить батарей, которыя бы уравновѣсили хоть нѣсколько средства нашего малочисленнаго отряда съ средствами нашихъ враговъ. Слѣдовало, укрѣпивъ позицію, дѣйствовать по плану, обсужденному сообща и извѣстному главнымъ начальникамъ частей, чтобъ во время дѣла каждый зналъ въ точности, что ему дѣлать и въ какой именно моментъ боя онъ можетъ выходить изъ рамки, въ которую вставленъ волею и указаніемъ начальника, и когда именно онъ предоставляется собственному своему знанію дѣла, своей воинской способности и соображенію.

Личное безстрашіе главнаго и другихъ начальниковъ не подлежитъ сомнѣнію: рыцарская отвага ихъ запечатлѣна кровію нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но когда же русскихъ офицеровъ упрекали въ трусости? И до, и послѣ Алминскаго дѣла они доказали, какъ умѣютъ умирать. Но въ этомъ ли все дѣло? Алминское сраженіе представляетъ собою картину суматохи и безпорядка отъ начала до конца, а гдѣ нѣтъ спокойнаго, систематическаго развитія идеи однажды выработанной и усвоенной, тамъ нельзя ждать отъ дѣла благопріятныхъ результатовъ. Чему, напримѣръ, какъ не безпорядку и отсутствію твердо поставленной руководящей мысли, приписать, что значительный непріятельскій отрядъ взобрался къ намъ на мѣстность доселѣ считавшуюся нами неприступною, а наши войска тогда только опомнились, когда самъ непріятель открылъ по нимъ огонь, занявъ одну изъ важнѣйшихъ точекъ нашей собственной позиціи?

Генералъ Кирьяковъ говоритъ, что протестовалъ противъ спуска войска внизъ съ высотъ, на которыхъ были расположены главныя наши силы, протестовалъ передъ подполковникомъ генеральнаго штаба Залѣсскимъ еще 6 сентября. Еслибъ генералъ Кирьяковъ былъ убѣжденъ въ невыгодности размѣщенія своихъ войскъ и предвидѣлъ отъ того ихъ гибель, его долгомъ было, какъ вѣрнаго слуги отечества и начальника 12.000 человѣкъ, не ограничиться протестомъ передъ подполковникомъ генеральнаго штаба, а протестовать передъ самимъ главнокомандующимъ. Князь Александръ Сергѣевичъ, извѣстный своимъ патріотизмомъ и любовью къ истинѣ, или доказалъ бы фактически несправедливость убѣжденій генерала Кирьякова, или согласился бы съ его представленіямп. Затѣмъ, такія частности въ расположеніи войскъ, какъ напримѣръ нахожденіе очень близко первой линіи отъ второй, застрѣльщиковъ передъ полкомъ, стрѣлковъ 6 стрѣлковаго баталіона въ десяти шагахъ передъ Бородинскимъ полкомъ, не можетъ быть поставлено въ вину главнокомандующему, которому даже и не слѣдуетъ входить въ такія мелочи. Достаточно было князю Меньшикову сказать генералу Кирьякову: „вамъ поручается пространство отъ дороги до моря. Вы не пустите непріятеля на этомъ пунктѣ!“ А уже генералу Кирьякову самому слѣдовало расположить свои войска такъ, или иначе. Такимъ образомъ, скорѣе сму самому можно поставить въ вину неправильное, даже противное законамъ воинскаго устава, расположеніе войскъ его отряда. Допустилъ же генералъ Кирьяковъ самимъ войскамъ, безъ приказанія, измѣнить свое расположеніе, когда они стали страдать отъ непріятельскаго огня, или, что еще кажется правильнѣе, когда только началось движеніе Французовъ. Самъ генералъ Кирьяковъ говоритъ: *„когда бой начался, войска тотчасъ нашлись вынужденными помышлять о томъ, какъ бы подняться на верхъ“*, и далѣе: *„подъемъ на нагорный берегъ различныхъ частей нашихъ боевыхъ линій легко могъ незамѣтнымъ образомъ какъ для войскъ, такъ и для частныхъ начальниковъ превратиться въ отступленіе»*.

---

[1]) По словамъ Тотлебена, (Ibidem, стр. 192), у насъ убито: шт.- и оберъ-офицеровъ 46, нижн. чиновъ 1.755; ранено: генераловъ 4, шт. и оберъ-офицеровъ 84, нижнихъ чиновъ 2.611; контужено: генералъ 1, шт. и оберъ-офицеровъ 56, нижнихъ чиновъ 417; безъвѣсти пропало: оберъ-офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 728. Итого выбыло изъ строя 5.709 человѣкъ. Наибольшую потерю понесъ Владимірскій полкъ, а именно шт. и оберъ-офицеровъ 47, нижн. чин. 1.260.

Союзники потеряли гораздо меньше нашего, а именно: Французы около 1.500 чел. и Англичане около 2.000 чел.

По словамъ Кинглека (Ibidem, стр. 290,291) Французы потеряли убитыми только 3 офицера. По свѣдѣніямъ англійскаго главнокомандующаго лорда Раглана, Французы потеряли въ Алминскомъ дѣлѣ всего 60 человѣкъ убитыми и 500 чел. ранеными; что же касается до Англичанъ, то у нихъ убито: 25 офицеровъ, 19 сержантовъ и 318 солдатъ, а ранено: 81 офицеръ, 102 сержанта и 1.438 солдатъ, безъвѣсти пропало 19 человѣкъ, всего выбыло изъ строя 2.002 человѣка.

Послѣ битвы на Алминскомъ полѣ оставались неубранными, въ продолженіе трехъ и даже четырехъ дней, русскихъ и англійскахъ раненыхъ до 1.600 человѣкъ.

Ясно: или не слѣдовало начальству допускать такого расположенія войскъ, чтобы въ первый моментъ боя почувствовать необходимость въ измѣненіи этого положенія, или не слѣдовало допускать войска, безъ приказанія, измѣнять расположеніе и то еще — движеніемъ назадъ.

Разъ поставленныя войска должны были, по выраженію Остермана, *„стоять и умирать“*, пока не приказалъ бы имъ сойти съ мѣста тотъ, кто ихъ туда поставилъ.

Очень вѣроятно, что войска лѣваго фланга, занятыя подъемомъ на верхъ, не зная, гдѣ остановить свое отступленіе и что предпринять, не дали должнаго отпора Французамъ, взбиравшимся на высоты, и такимъ образомъ увидѣли вдругъ появившуюся на высотахъ своей позиціи батарею, мгновенно снявшуюся съ передковъ и анфилировавшую часть нашей позиціи.

Отчего бы иначе могло случиться, что Алминское дѣло на лѣвомъ нашемъ флангѣ начали *не мы*, а Французы? Какъ могло иначе случиться, что зуавы дивизіи Боске, не будучи встрѣчены ни однимъ выстрѣломъ съ нашей стороны, взобрались на лѣво фланговыя высоты нашей позиціи и взвезли съ собою артиллерію, такъ что въ Алминскомъ дѣлѣ на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи грянула французская пушка—*первая* [1]). Этого, какъ говоритъ Базанкуръ, не могла и вообразить свита французскаго главнокомандующаго. Когда раздался первый выстрѣлъ, офицеры, составлявшіе свиту, слѣдя въ трубы за ходомъ дѣла, закричали; „смотрите, Русскіе открыли огонь по дивизіи Боске“.—„Нѣтъ, воскликнулъ С. Арно, также смотрѣвшій въ трубу,—вижу красные штаны! это нашъ выстрѣлъ! узнаю моего храбраго Боске—африканскаго товарища!“

Дѣйствія князя П. Горчакова во время боя даютъ понятіе о его личномъ мужествѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рождаютъ вопросъ: какая надобность начальнику цѣлаго фланга, которому княземъ Меньшиковымъ было поручено удержать напоръ всей арміи Англичанъ, вмѣсто того чтобы руководить ходомъ всего дѣла на этомъ флангѣ, обращаться къ частностямъ?... Все это кончилось тѣмъ, что князь П. Горчаковъ, котораго по званію корпуснаго командира должна бы сопровождать въ сраженіи большая свита адъютантовъ, штабныхъ чиновъ, ординарцевъ, вѣстовыхъ, казаковъ и жандармовъ, остался одинъ, пѣшій, и, лишась возможности распоряжаться дѣломъ на правомъ флангѣ, направился къ большой дорогѣ, а бой на этомъ флангѣ, оставшійся безъ распорядителя, проигранъ!..

Генералъ Квицинскій самъ говоритъ, что Англичане отъ него бѣжали, однако онъ, какъ видно, не воспользовался моментомъ и не опрокинулъ ихъ за рѣку, потому что не имѣлъ резерва и не былъ подкрѣпленъ. Между тѣмъ резервъ былъ въ 200 саженяхъ, и ударъ генерала Квицинскаго могъ быть своевременно и достаточно поддержанъ.

Наши войска отступили, оставивъ поле сраженія, покрытое ранеными и убитыми, оружіемъ и амуниціею; на полѣ осталось нѣсколько зарядныхъ ящиковъ, два маленькія орудія и фургонъ главнокомандующаго [2]).

Напрасно вѣстовщики разсказываютъ, что отдача фургона была военною хитростію князя Меньшикова, что нарочито положенными тамъ бумагами онъ обманулъ непріятеля на счетъ численности войскъ, расположенныхъ въ Крыму, и своихъ намѣреній, не допустивъ его рѣшиться на немедленное взятіе Севастополя. Все это выдумки. Безъ подготовки заранѣе подобная военная хитрость не могла имѣть мѣста, князь же Меньшиковъ давалъ Алминское сраженіе конечно не съ намѣреніемъ проиграть его, а безъ проигрыша сраженія нельзя было пустить въ ходъ и описанной хитрости. Фургонъ весьма просто попался непріятелю. Не знаемъ, кто былъ въ фургонѣ. По разсказу Базанкура, фургонъ скакалъ по полю сраженія и, принявъ издали французскую артиллерію, выдвинутую впередъ, за русскую,

---

[1]) Кинглекъ разсказываетъ (Ibidem, стр. 76), что одинъ изъ офицеровъ свиты лорда Раглана, наблюдавшій за движеніями войскъ, услышавъ сильную пальбу на высотахъ нашего лѣваго фланга, воскликнулъ: „Милордъ, Французы сильно атакованы!“

— Вы думаете?—спросилъ Рагланъ.—Я не вижу чтобы непріятель отвѣчалъ на огонь Французовъ!

Чуткое ухо стараго генерала не обмануло его. Колонна Боске не встрѣтила никакого отпора; но французскіе стрѣлки имѣютъ обычай открывать огонь вступая на мѣстность намѣченную для ихъ атаки, хотя бы они и не видѣли непріятеля. Такъ они поступаютъ частію чтобы дать знать начальникамъ о мѣстѣ своего нахожденія, частію чтобы придать драмѣ больше жизни и движенія.

Далѣе Кинглекъ продолжаетъ (стр. 78): „Едва пѣлый баталіонъ зуавовъ взобрался на высоту, онъ выстроился въ линію на плато. Непріятель не сдѣлалъ еще на этомъ пунктѣ ни одного выстрѣла и генералъ Боске со своимъ штабомъ уже выѣхалъвпередъ, чтобы обозрѣть мѣстность“.

[2]) Французы не могутъ не прихвастнуть. Е. Пикъ („Les fastes de la guerre d'Orient“ etc), разсказываетъ, что у насъ взято 4 орудія, два знамени и 18 гидоновъ (вѣроятно жалонерныхъ значковъ). Очень не мудрено, что 18 изъ нихъ досталось непріятелю, но что касается до знаменъ, то мы не потеряли ни одного.

поскакалъ на нее; однако скоро разсмотрѣлъ и воротился, но батарейный командиръ съ 20-тью верховыми догналъ его и заставилъ слѣдовать за собою. Въ фургонѣ взято 5 человѣкъ.

На полѣ Алминской битвы не было устроено достаточнаго числа перевязочныхъ пунктовъ; подвижныхъ лазаретовъ тоже не было.

Говорятъ, Минцы подали подъ огонь пароходовъ и гибли не нанося никому вреда своимъ нахожденіемъ въ колоннахъ на пространствѣ, обстрѣливаемомъ съ моря, безполезно представляя хорошую цѣль непріятелю, тогда какъ, будучи во время употреблены противъ взбиравшихся Французовъ, они бы не пустили ихъ и сами не подверглись бы такой гибели.

Волынскій полкъ совершенно не былъ введенъ въ дѣло. Углицкій полкъ тоже почти не участвовалъ въ дѣлѣ.

Разсказъ французскаго писателя объ Алминскомъ дѣлѣ во многомъ не сходенъ съ реляціею князя Меньшикова и съ разсказомъ г. Аничкова [1]), кажется, основаннымъ на ней исключительно.

Де Базанкуръ [2]), Дю Кассъ [3]) и Герень [4]) своими разсказами совершенно подтверждаютъ, въ противность разсказу г. Аничкова, объясненія генераловъ князя П. Горчакова и Квицинскаго, что отступленіе началось *съ лѣваго нашего фланга* и что войска этого фланга уже совершенно отступили, когда центръ и правый флангъ еще дрались.

Отступленіе лѣваго фланга послѣ взятія «телеграфа», вслѣдствіе сильной борьбы сперва артиллерійской, потомъ рукопашной,—борьбы, которой Французы придаютъ особое значеніе, а нашъ историкъ не придаетъ никакого, — дало возможность французской артиллеріи приблизиться къ нашему правому флангу (который было совершенно удержалъ и отразилъ Англичанъ) и заставить его отступить, дѣйствуя ему во флангъ.

Также французскими писателями подтверждается разсказъ генерала Квицинскаго, что нашъ эполементъ, на которомъ осталось два орудія, отняли Англичане (подъ начальствомъ маіора Наркота), но что онъ ихъ прогналъ, двинувшись въ штыки съ Владимірцами и въ свою очередь долженъ былъ уступить превосходству свѣжихъ непріятельскихъ силъ (гвардейскому полку подъ начальствомъ Колина-Кемпля).

Не менѣе полемики, возникшей у насъ по поводу Алминскаго дѣла, интересенъ споръ, возникшій между французскими и англійскими писателями о томъ же предметѣ.

Французы, отдавая полную справедливость мужественной рѣшимости и хладнокровію Англичанъ [5]) которые наступали на нашу позицію, даже соблюдая равненіе и всѣ воинскія парадныя правила, будто на смотру, вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ, что происшедшая, при этомъ правильномъ наступленіи, медленность Англичанъ была причиною огромныхъ потерь, понесенныхъ Французами, особенно дивизіею принца Наполеона, на которую, по милости отставшихъ Англичанъ, долго былъ обращенъ огонь всего нашего центра, предоставленнаго атакѣ принца, и огонь праваго нашего фланга, всѣ удары котораго должны бы принять на себя собственно Англичане, еслибы согласовали быстроту своей атаки съ атакою Французовъ.

Главнокомандующій С. Арно въ своемъ донесеніи императору говоритъ, что Англичане, которымъ было предоставлено охватить нашъ правый флангъ, опоздали выступленіемъ и движеніемъ, хотя впослѣдствіи мужествомъ и неустрашимостью загладили ошибку.

Планъ Французовъ былъ—опрокинуть наше правое крыло на центръ, такъ же поступить съ лѣвымъ крыломъ и, охвативъ беапорядочную массу, которая при этомъ неминуемо должна образоваться изъ нашей арміи, уничтожить ее. По словамъ Французовъ, медленность Англичанъ помѣшала осуществленію таковаго плана.

Рѣзче другихъ свои укоризны Англичанамъ высказалъ де-Базанкуръ въ своемъ сочиненіи о Крымской кампаніи. Противъ него-то преимущественно направлены обвиненія Англичанъ въ пристрастіи разсказа и въ умышленномъ затемненіи заслугъ англійской арміи, по словамъ англійскихъ писателей, главнѣйшей виновницы успѣха Алминскаго дѣла. Если вѣрить ихъ разсказу, то, вопервыхъ, былъ опрокинутъ нашъ центръ и правый флангъ собственно ихъ усиліями, и тогда уже Французы заставили отступить наше лѣвое крыло; слѣдовательно разсказъ англійскихъ писателей противорѣчитъ доказательствамъ генераловъ князя П. Горчакова и Квицинскаго и подтверждаетъ объясненіе генерала Кирьякова.

---

[1]) Ibidem.

[2]) Idem.

[3]) Idem.

[4]) „Histoire de la dernière guerre de Russie (1853 — 1856)“ и пр. par Léon Guérin. T. I. Paris. 1858.

[5]) На одномъ изъ приваловъ союзной арміи, во время марша отъ стараго укрѣпленія, главнокомандующіе объѣзжали свои войска и старались воодушевить ихъ. С. Арно, подъѣхавъ къ 59 полку англійской пѣхоты, воскликнулъ: „Англичане, надѣюсь, вы будете драться молодцами!“ Слова эти не только не произвели ожиданнаго восторга, но напротивъ Британцы обидѣлись и молчали, одинъ только голосъ откликнулся: „Вы надѣетесь?... Вы могли бы быть въ этомъ увѣрены!...“ (Guérin. Ibidem, стр. 227).

Такимъ образомъ, основываясь на разсказахъ историковъ трехъ армій объ Алминскомъ дѣлѣ, едва ли можно произнесть рѣшительный приговоръ о томъ, какая часть русской арміи первая начала отступать, хотя самый разсказъ генерала Кирьякова заставляетъ думать, что отступленіе началось ввѣренными ему частями лѣваго крыла.

За тѣмъ не пожелать ли, чтобъ кто нибудь изъ офицеровъ турецкихъ войскъ, этихъ *невинныхъ* свидѣтелей Алминскаго дѣла, имѣвшихъ возможность *со стороны* видѣть весь ходъ его и могущихъ, слѣдовательно, рѣшить вышеизложенный вопросъ, не рискуя быть обвиненными въ пристрастномъ сужденіи, взялъ на себя трудъ рѣшить эту задачу, равно интересную для каждой изъ трехъ армій?!

Въ опроверженіе отзывовъ маршала С. Арно [1]) и Базанкура издана въ Лондонѣ секретаремъ королевы Викторіи, извѣстнымъ писателемъ Хайвардомъ, брошюра, (первоначально напечатанная въ *Британскомъ Обозрѣніи* въ августѣ 1856 года).

Англичанъ въ особенности оскорбили упреки, высказанные главнокомандующимъ ихъ союзниковъ и потомъ писателемъ (Базанкуромъ), находившимся при главной квартирѣ, по распоряженію французскаго министра народнаго просвѣщенія, чье сочиненіе, составленное по важнѣйшимъ документамъ, имѣющимся въ военномъ министерствѣ, посвящено императору Французовъ, слѣдовательно, имѣетъ оффиціозный характеръ.

Вначалѣ доказывая, что не французскій главнокомандующій настоялъ на необходимости немедленной высадки въ Крымъ, а англійскій,—доказывая, что самая армія Французовъ, гдѣ каждый солдатъ разсуждаетъ о стратегіи, была противъ этой высадки, называя ее „исканіемъ приключеній“, доказывая, что только непреклонной рѣшимости Раглана обязаны союзники, что состоялась высадка,—Хайвардъ переходитъ собственно къ Альминскому дѣлу.

Хайвардъ говоритъ, что не задержка, сдѣланная Англичанами, заставила въ моментъ начала боя измѣнить планъ атаки, но онъ измѣненъ потому, что Французы были не въ силахъ выполнить имъ указаннаго.

Французамъ, говоритъ авторъ брошюры, предстояло рѣшить менѣе трудную задачу на пространствѣ, примыкавшемъ къ морю, имѣя свой флангъ подъ покровительствомъ флота. Англичане, напротивъ, могли подвергнуться атакѣ русской кавалеріи. Это объясняетъ, почему Рагланъ въ бесѣдѣ съ С. Арно въ день боя, во время произведенной ими съобща рекогносцировки русской позиціи, рѣшилъ лучше атаковать русскую позицію съ фронта, чѣмъ обходить ея флангъ. Но Рагланъ былъ увѣренъ, что эта атака Англичанъ будетъ предшествуема атакою Французовъ противъ „телеграфа“. — Вотъ почему Рагланъ ждалъ почти два часа, ежеминутно надѣясь увидѣть движеніе Французовъ впередъ и такимъ образомъ не быть вынужденнымъ идти на штурмъ одному и напрасно пожертвовать множествомъ своихъ солдатъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что зуавы съ обычною храбростію довольно близко подошли къ Русскимъ на лѣвомъ флангѣ; не подлежитъ также сомнѣнію, что французскіе военоначальники, особенно принцъ Наполеонъ, бывшій ближе всѣхъ къ непріятелю (противъ центра русской арміи), начали безпокоиться и что отъ принца являлось къ лорду Раглану нѣсколько посланныхъ съ объявленіемъ, что отрядъ принца находится въ затруднительномъ положеніи, что онъ даже разбитъ! но всѣ дѣйствія Французовъ ограничивались, надо сказать правду, весьма дѣятельною перестрѣлкою, такъ что лордъ Рагланъ, не видя другаго исхода, приказалъ, во что бы то ни стало, овладѣть ужасными высотами, находившимися передъ нимъ. Потомъ Рагланъ собственно съ своимъ штабомъ переѣхалъ рѣку и сталъ на холмѣ, съ котораго открывалось все поле битвы и русскія укрѣпленія, атакованныя его полками.

Быстрый взглядъ лорда Раглана остановился на двухъ большихъ пѣхотныхъ колоннахъ, находившихся въ резервѣ за русскою артиллеріею; колонны эти были на пушечный выстрѣлъ отъ холма и, по знаку Раглана, полковникъ Диксонъ мгновенно поставилъ на этомъ холмѣ два орудія. Двумя первыми выстрѣлами была сбита русская артиллерія; слѣдующіе выстрѣлы произвели опустошеніе въ пѣхотныхъ колоннахъ, отступившихъ въ безпорядкѣ. Русская артиллерія отступила,—Англичане бросились впередъ и овладѣли высотами прежде, чѣмъ Французы рѣшительно атаковали русскую позицію.

Авторъ брошюры говоритъ, что „телеграфъ“, взятый послѣ кровопролитной битвы былъ ключемъ, отворившимъ врата Альминской побѣды, по словамъ Базанкура и маршала Сентъ-Арно, дѣйствительно взятъ Французами съ боя, но *въ концѣ дѣла*, и потому, что Русскіе, за крутизною мѣстности, не могли дать такого склоненія своимъ орудіямъ, чтобъ поражать Французовъ картечью, отъ которой такъ потерпѣли Англичане.

Въ заключеніе своего разсказа объ Алминскомъ дѣлѣ, англійскій писатель говоритъ, что Французы потеряли въ этомъ сраженіи гораздо меньше людей, чѣмъ показали, включивъ въ число убитыхъ всѣхъ, кто умеръ отъ холеры со дня высадки, и наконецъ, что

---

[1]) „Lettres de marèchal de Saint Arnaud“. Paris. 1854.

еслибъ Англичане не сдѣлали больше Французовъ въ Алминскомъ дѣлѣ, эта битва была бы не болѣе какъ стычка; а также еслибъ Французы ударили на Русскихъ всѣми своими силами одновременно съ Англичанами и не прекратили бы дѣла за утомленіемъ, въ моментъ предложеннаго Рагланомъ дальнѣйшаго наступленія, то большая часть русской арміи была бы взята, или уничтожена. Съ этимъ заключеніемъ англійскаго писателя, полагаю надлежитъ согласиться зная то плачевное состояніе, въ которомъ находились наши войска на другой день Алминскаго боя. Описывая это „состояніе“, заслуживающій полнаго довѣрія генералъ Хрущовъ говоритъ (Ibidem. стр. 14 и 15): „Непріятель не преслѣдовалъ наши войска, отступавшія на главныя высоты въ большомъ безпорядкѣ.

Союзники назвали наше отступленіе belle retraite, но они, обрадованные успѣхомъ и понеся сами значительную потерю, не видали всю безпорядочность нашей ретирады съ первоначальныхъ позицій. Солдаты, оставившіе ряды по причинѣ полученныхъ ранъ и безъ всякихъ причинъ, тянулись по всѣмъ направленіямъ, стрѣляли вверхъ и многіе бросали оружіе. Никто не заботился о раненыхъ; всѣ обозы и даже патронные ящики давно ускакали на р. Качу.

Были уже сумерки когда я спустился въ долину р. Качи у деревни Ефендикіой, гдѣ былъ страшный безпорядокъ: войска и обозы перемѣшались, не зная куда идти; крики, даже ружейные выстрѣлы раздавались повсюду. Ночью солдаты разбрелись по селенію, зажгли его, разбили бочки съ виномъ и многіе перепились. Всѣ старанія мои отыскать кого либо изъ начальниковъ остались тщетны. При этомъ безпорядкѣ, непріятель могъ бы нанести намъ, въ ночь на 9 сентября, чрезвычайный вредъ; но Богъ сохранилъ насъ отъ полнаго пораженія, союзники занявъ лѣвый берегъ Альмы, въ восторгѣ отъ своей побѣды, не думали о преслѣдованіи“.

Тотлебенъ, въ своемъ „Описаніи обороны Севастополя“, весьма безпристрастно разсказывая Алминское дѣло, какъ на причины потери его нами, указываетъ на слѣдующія обстоятельства.

Наши войска, участвовавшія въ этомъ дѣлѣ, уступали непріятелю въ вооруженіи и въ тактическомъ образованіи [1]), не говоря уже, что мы въ этомъ дѣлѣ были вдвое малочисленнѣе союзниковъ.

„Наша пѣхота, вооруженная гладкоствольными ружьями, могла дѣйствовать не далѣе какъ на 300 шаговъ, тогда какъ непріятель начиналъ поражать насъ съ 1.200 шаговъ. Слѣдовательно, не подвергаясь потерямъ самъ, непріятель наносилъ вредъ нашимъ войскамъ и ослаблялъ ихъ.

„Непріятель, зная превосходство своего оружія, всякій разъ, какъ наши баталіоны двигались въ атаку, уклонялся отъ рукопашной схватки и, отступивъ на нѣкоторое разстояніе, открывалъ противъ насъ убійственный огонь.

„Продолжая наступленіе, наши колонны только подвергались страшнымъ потерямъ, и, не будучи въ состояніи вынести града пуль, которыми ихъ осыпали, ослабленные и разстроенные, должны были отступать не дойдя до непріятеля.

„Артиллерія, поражаемая огнемъ густой цѣпи съ разстоянія, превышающаго дальность картечнаго выстрѣла, по необходимости должна была дѣйствовать картечными гранатами, которыхъ было только по 15 въ каждой легкой батареѣ; а обыкновенныя гранаты наносили мало вреда непріятелю, дѣйствовавшему разсыпнымъ строемъ; и только когда союзники подводили свои войска подъ картечный выстрѣлъ, огонь нашей артиллеріи былъ дѣйствителенъ“.

Кромѣ того, по словамъ Тотлебена, причиной потери алмскаго сраженія было:

а) неукрѣпленіе нашей позиціи, хотя мы на это имѣли и время и средства;

б) поздняя встрѣча дивизіи Боске на высотахъ лѣваго нашего фланга;

в) оставленіе позиціи войсками генерала Кирьякова (стр. 192—197).

Свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ, въ донесеніи Императору Николаю, причиной алминской неудачи выставилъ—*малодушіе нашихъ войскъ* и ихъ *недостаточную стойкость*.

Одинъ изъ писателей, говорившихъ объ алминскомъ сраженіи, совершенно справедливо замѣчаетъ, что „Свѣтлѣйшій слишкомъ поспѣшилъ обобщить замѣченные имъ частные случаи нѣкоторой нервной впечатлительности среди отдѣльныхъ частей, еще недостаточно обстрѣленныхъ,—случаи, которые всегда могутъ имѣть мѣсто даже въ самомъ побѣдоносномъ сраженіи, далеко не имѣя значенія общаго явленія, могущаго вызвать неудачу“. (Шильдеръ. Инж. Журналъ 1885. „Біографія Тотлебена“, стр. 311).

Дубровинъ, въ своемъ капитальномъ трудѣ о Восточной войнѣ 1853 — 56 годовъ, приводя указаніе генерала Богдановича („Восточн. война 1853—56“), какъ на одну изъ

---

[1]) Маршалъ Сентъ-Арно въ своемъ донесеніи Наполеону наше алминское пораженіе приписалъ *нашей устарѣвшей тактикѣ*.

Первыя положительныя свѣдѣнія объ алминскомъ дѣлѣ привезъ сюда къ князю Михаилу Дмитріевичу состоящій при немъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручикъ Мезенцовъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, начальникъ III Отдѣл. Собственной Его Величества Канцеляріи, какъ извѣстно, погибшій отъ руки злодѣя въ Петербургѣ, на Михайловской пло-

---

главныхъ причинъ потери алминскаго дѣла, на *„отсутствіе взаимной связи въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ“* говоритъ слѣдующее: „Эта послѣдняя причина, по нашему мнѣнію, главнѣйшимъ образомъ происходила отъ отсутствія всякихъ предварительныхъ распоряженій, отчего не только войска, но и главные начальники оставались въ полномъ невѣдѣніи относительно предстоявшихъ дѣйствій. Никто не зналъ что предпринять въ случаѣ успѣха и куда отступать въ случаѣ неудачи; полки не знали гдѣ ихъ патронные ящики и лазаретныя фуры. Перевязочные пункты не были назначены и госпитальная часть находилась въ полномъ разстройствѣ. Неопредѣленность распоряженій, предшествовавшихъ сраженію, были поводомъ къ тому, что князь П. Горчаковъ и генералъ Кирьяковъ не согласовали между собою дѣйствій: одинъ не зналъ что дѣлалось у другаго и, наоборотъ.

До сихъ поръ никому еще не удавалось видѣть диспозиціи или другаго какого письменнаго распоряженія передъ сраженіемъ на р. Алмѣ. Въ арміи царствовала полнѣйшая безурядица и князь Меньшиковъ не принималъ въ ней лично никакого участія.

Подробности несчастнаго сраженія 8 сент. ясно указываютъ, что главною причиною неудачи было ошибочное расположеніе войскъ на избранной позиціи, хотя, при правильномъ ея занятіи войсками, рѣдкая позиція можетъ быть благопріятнѣе алминской для защиты. Idem. Стр. 92, 93.

Бывшій адъютантъ кн. Меньшикова, Панаевъ (въ №№ 1 и 2 Русск. Старины за 1878), очевидецъ алминскаго сраженія, подтверждаетъ донесеніе князя о недостаточной стойкости нашихъ войскъ въ этомъ дѣлѣ. Г. Дубровинъ и нѣкоторые другіе писатели, опровергая это обвиненіе, причину его ищутъ въ желаніи снять съ своего начальника обвиненіе въ виновности за проигрышъ дѣла.

Императоръ Николай писалъ князю М. Горчакову: ....„больно мнѣ, что причиной (погрома) поставляется *малодушіе войскъ!* Непонятно для меня, зная какъ хороши были и по общему слуху и донесеніямъ самого князя, какой духъ ими господствовалъ“...

Вообще изъ всего доселѣ разсказаннаго очевидцами и участниками алминскаго дѣла и описаннаго многочисленными его историками, можно составить себѣ слѣдующее понятіе о причинахъ проигрыша этого сраженія.

Князь Меньшиковъ не далъ надлежащихъ и точныхъ указаній начальникамъ главныхъ частей арміи: какъ они должны поступать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, тогда какъ подобныя точныя указанія въ данномъ случаѣ были тѣмъ необходимѣе, что его генералы не имѣли боевой практики, также какъ и отличныхъ военныхъ способностей, и все ихъ знаніе военнаго дѣла ограничивалось искусствомъ въ шагистикѣ и фрунтовистикѣ.

Войска наши были не обстрѣлены; къ боевому маневрированію не подготовлевы; вооруженіе несравненно хуже непріятеля.

Во время дѣла не было никакого порядка; никто не зналъ своихъ резервовъ, мѣстонахожденія перевязочныхъ пунктовъ, своихъ зарядныхъ ящиковъ, которыхъ въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ непріятельскаго наступленія не могли отыскать наши стрѣлковыя части, разстрѣлявшія свои патроны и потому бывшія вынужденными, въ виду наступающаго непріятеля, прекратить свой огонь.

Военачальники не умѣли сдѣлать цѣлесообразнаго употребленія изъ тѣхъ нашихъ войскъ, которыя были вооружены не хуже непріятеля, (а именно штуцерники, которыхъ было по 96 человѣкъ въ каждомъ полку и цѣлый стрѣлковый баталіонъ), будучи правильно употреблены въ дѣло, они могли бы произвести опустошеніе въ рядахъ наступавшаго на нашъ лѣвый флангъ непріятеля, если не остановить это наступленіе.

Лѣвый флангъ нашей позиціи ошибочно признавался неприступнымъ и на этомъ основаніи не былъ укрѣпленъ, потому былъ занятъ непріятелемъ безъ всякой почти потери, что дало ему возможность взять во флангъ всю нашу позицію, вслѣдствіе слабаго отпора даннаго непріятелю на этомъ пунктѣ войсками генерала Кирьякова.

Наконецъ, сраженіемъ князь Меньшиковъ не руководилъ и никакого не далъ направленія дѣйствію своихъ войскъ во время боя, которое вызывалось бы его теченіемъ, оставаясь все время какъ бы индифферентнымъ его зрителемъ, повидимому, безъ всякой опредѣленной цѣли переѣзжая только съ мѣста на мѣсто, что и было причиной отсутствія единства въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ и отсутствія той взаимной связи въ этихъ дѣйствіяхъ, на отсутствіе которой такъ справедливо указываетъ Дубровинъ.

щади). По разсказамъ Мезенцова въ этомъ дѣлѣ больше всѣхъ пострадалъ Владимірскій полкъ, потерявъ болѣе половины людей. Наши войска отошли къ Качѣ и къ Севастополю, который нынѣ только стали укрѣплять съ сухаго пути. До сего времени никто не хотѣлъ вѣрить въ возможность высадки союзниковъ *) и вовсе непринимались за укрѣпленіе города; даже смѣялись и подшучивали надъ тѣми, кто говорилъ о необходимости укрѣпленій! Начальникъ штаба Черноморскаго флота генералъ-адъютантъ Корниловъ былъ на сторонѣ *осторожныхъ* и представилъ князю Меньшикову отъ имени морскихъ офицеровъ и севастопольскихъ жителей подписку на потребную сумму для осуществленія ихъ проекта сооруженія укрѣпленій Севастополя съ суши. Но это ходатайство не имѣло успѣха, — князь Меньшиковъ, какъ говорятъ, даже не хотѣлъ видѣть подписки, чтобы не знать именъ подписавшихся.

Впослѣдствіи Высочайше разрѣшено подрядчику Черноморскаго флота, отставному поручику Волохову, выстроить башню на сѣверной сторонѣ Севастополя, на собственный счетъ, для защиты рейда и въ помощь Константиновскому форту. Она окончена и вооружена въ послѣднихъ числахъ апрѣля по образцу башенъ „Мартелло“ **).

Тотлебену, посланному въ Севастополь изъ г. Фокшанъ княземъ Горчаковымъ, нынѣ, послѣ Алминскаго сраженія, говорятъ, поручили укрѣпить Севастополь. Всѣ, у кого только есть силы, взялись за работу и она закипѣла. Дай Богъ успѣха....

21 сентября.—Г. Бендеры.

Роскошнѣйшимъ уголкомъ Бессарабіи, чрезъ Оргѣевскій и Кишиневскій уѣзды, мы достигли до преславутыхъ Бендеръ, нѣкогда служившихъ однимъ изъ надежнѣйшихъ оплотовъ Турціи противу нашего отечества. Хорошенькая эта крѣпость, небольшая, но содержащаяся въ отличномъ порядкѣ и готовая грозою смерти встрѣтить непріятеля, прислонилась однимъ бокомъ къ Днѣстру и ввѣрена управленію дѣятельнаго и энергическаго генерала П. Чистенькая, исправная во всѣхъ отношеніяхъ, она похожа на разряженную красавицу. Маленькій городокъ составляетъ форштадтъ крѣпости съ одной стороны, съ двухъ другихъ—она окружена превосходными садами.

---

*) Графъ Петръ Дм. Киселевъ въ своемъ дневникѣ („Графъ Киселевъ и его время“. Заблоцкій-Десятовскій, ст. III, стр. 407) пишетъ: „Императоръ Николай Павловичъ мнѣ говорилъ, что Меньшиковъ отвергаетъ всякое усиленіе его войскъ въ Крыму, утверждая, что, *по безводію*, непріятель значительнаго дессанта сдѣлать не можетъ, и что слѣдуетъ обратить вниманіе на устье Днѣстра, на Одессу и Николаевъ. Весьма можетъ быть, что князь Меньшиковъ не признавалъ нужнымъ усиливать его корпусъ до Алминскаго сраженія и что впослѣдствіи онъ убѣдился въ противномъ (союзники привезли воду въ бочкахъ на корабляхъ, не допуская экономическихъ разсчетовъ въ подобныхъ случаяхъ). Это предвидѣть было трудно и не можетъ служить къ обвиненію главнокамандующаго, такъ точно какъ и упреки въ нестойкости 16 дивизіи, которая вступила въ бой, имѣя старыя ружья, изъ коихъ пули ложились на половинной дистанціи отъ непріятельскаго фронта, тогда какъ непріятельскія пули достигали, помимо стрѣлковъ нашихъ, до резервныхъ колоннъ“.

**) Такого наименованія башни устроены Англичанами для защиты своихъ береговъ, также для обороны о-ва Минорки.

Сады, источникъ благосостоянія многихъ здѣшнихъ жителей, съ приближеніемъ военной бури къ предѣламъ Имперіи, должны будутъ склониться предъ ея разрушительнымъ дыханіемъ. Къ общему, временному впрочемъ, горю жителей, сады эти, при приведеніи крѣпости въ оборонительное положеніе, надо вырубить и заборы, ихъ раздѣляющіе и ограждающіе, уничтожить, чтобы открыть передъ крѣпостію мѣсто, на извѣстное разстояніе, для артилерійскаго огня. Хотя и болѣзненно сжимается сердце, когда смотришь на этотъ густой лѣсъ превосходныхъ сливовыхъ деревьевъ, даже персиковыхъ и абрикосовыхъ, падающихъ подъ неумолимыми топорами военно-рабочей роты; но утѣшаешься сознаніемъ, что къ тому побуждаетъ крайняя необходимость, военная осторожность, и удовлетворяешься надеждою, что щедрою рукою попечительнаго Монарха будутъ современемъ вознаграждены всѣ понесшіе убытокъ владѣльцы-садоводы.

Крѣпость кажется намъ способною выдержать сильную осаду. Она обведена довольно глубокимъ и прекрасно содержимымъ рвомъ, эскарпъ и контръ-эскарпъ котораго одѣты тесанымъ камнемъ; ея угловыя, каменныя башни, также какъ башни каменной цитадели и магазины, блиндированы въ послѣднее время; недавно выстроенъ новый пороховой погребъ, также блиндированный; исправлено все, на что успѣло только время наложить свою тяжкую руку. Бастіоны, батареи, даже гласисъ приведены въ совершенно-исправное состояніе; у двухъ прекрасныхъ, плашкоутныхъ мостовъ черезъ Днѣстръ построенъ отличный тетъ-де-понъ; на всѣхъ важныхъ пунктахъ, впереди крѣпости, командующихъ мѣстностью, построены батареи; въ цитадели и погребкахъ сложены громадные запасы артиллерійскихъ снарядовъ; отлично содержимый арсеналъ набитъ оружіемъ; казармы наполнены гарнизономъ и нѣтъ дня, чтобы не видно было передъ крѣпостью и въ ея стѣнахъ практическихъ ученій. Куда ни взглянешь, видишь смирно лежащія пушки, или сидящія на корточкахъ громадныя мортиры, ждущія своего часа.

Да, Бендеры готовы на всякій случай. Пусть бы пожаловали незваные гости: имъ приготовлено тамъ угощеніе на славу. Въ одномъ углу крѣпости, вблизи хорошенькой церкви, домъ коменданта, памятный старожиламъ тѣмъ, что въ комендантствованіе генерала Эмме, во время прошедшей Турецкой кампаніи (1828), когда Государь Императоръ изволилъ дѣлить съ войсками трудъ военнаго похода, Августѣйшая Его Супруга, чтобы быть ближе къ театру войны, изволила избрать своимъ мѣстопребываніемъ Одессу, а на пути въ этотъ городъ удостоила провесть нѣсколько дней въ скромномъ домикѣ бендерскаго коменданта.

Бендеры сдѣлались окончательно нашими недавно—съ 12 года, по Букарестскому миру; но въ настоящее время въ нихъ не увидишь и слѣда магометанскаго владычества; они совершенно обрусѣли и объ ихъ прошломъ только и напоминаетъ, что старинный минаретъ, да турецкія надписи и вензеля, нѣкогда вызолоченные, покрывающіе мраморныя доски, вдѣланныя надъ крѣпостными воротами.

Съ нами Бендеры боролись часто, но никогда не боролись долго. Впервые они пали предъ нашимъ оружіемъ послѣ кроваваго сопротивленія 1770 года. Графъ Панинъ, ихъ осаждавшій, 14 сентября взорвалъ горнъ въ 400 пудовъ пороха, бросился на приступъ съ 11.000 человѣкъ своей арміи, зажегъ и взялъ городъ, уничтоживъ, или плѣнивъ большую часть его гарнизона, хотя 2.000 удальцовъ и успѣло прорубиться сквозь ряды штурмующихъ и спастись бѣгствомъ. Эта блистательная страница нашей военной исторіи куплена цѣною жизни 2.560 человѣкъ. Но вдвое болѣе было пролито крови вражьей. Многочисленные военные трофеи были блистательною наградою оставшимся въ живыхъ, а кровавый бой приступа сдѣлался столь памятнымъ магометанскимъ властителямъ Бендеръ, возвращенныхъ въ послѣдствіи Турціи, что въ послѣдующія войны ни разу уже больше гарнизонъ этой крѣпости не дерзнулъ помѣрять оружія съ нашими войсками.

Въ памяти народной Бендеры отмѣчены не кровавымъ приступомъ 1770 года, не послѣдующими, менѣе громкими событіями, но преданіемъ о пребываніи близъ стѣнъ этой крѣпости одного изъ знаменитѣйшихъ военныхъ людей новой исторіи, Карла XII и товарища его насчастій Мазепы. Судьба этихъ двухъ замѣчательныхъ людей хотя и извѣстна во всей подробности читающему міру, но такъ интересна, такъ тѣсно связана съ именемъ Бендеръ, что нѣтъ возможности пройти здѣсь молчаніемъ нѣкоторыхъ эпизодовъ пребыванія Карла и Мазепы близъ этой крѣпости. Хотя дѣйствительно какъ-то странно вспоминать прошлое пробѣгаемой нами страны въ настоящее время, полное такими событіями, предъ громадностію которыхъ едва ли не поблѣднѣютъ многія прославленныя событія былыхъ вѣковъ, но да простятъ намъ маленькое путешествіе въ область прошлаго ради его интереса.

Карлъ XII, разбитый подъ Полтавой, бѣжалъ по указанію Мазепы въ Очаковъ, оттуда въ Бендеры, гдѣ принятъ былъ съ распростертыми объятіями властями Турціи, втайнѣ намъ не дружившей, хотя и не дерзавшей еще поднять оружіе на Петра, слава котораго возрастала не по днямъ, а по часамъ. Опомнясь отъ погрома, Карлъ XII, почти обезоруженный, сталъ дѣйствовать противу Россіи уже не силою своей шпаги, а силою ухищреній: онъ началъ поднимать на Россію Турцію, зная тайну ея помысловъ и думая при помощи ея осуществить свою мечту—сломить Великаго соперника.

Молдавіей въ это время правилъ Михаилъ Раковицъ, тайный врагъ Порты, мечтавшій съ помощію Петра освободить отчизну, стенавшую подъ властію ислама. Постигая интригу Карла, успѣшное развитіе которой могло быть опасно для Россіи, Раковицъ, пользуясь намѣреніемъ шведскаго короля—изъ Бендеръ, гдѣ онъ жилъ на содержаніи султана, переселиться въ Яссы, предложилъ Петру схватить Карла въ Яссахъ и переслать въ Россію, съ тѣмъ, чтобы Царь помогъ Молдавіи вооруженною силою и впослѣдствіи защитилъ ее отъ Порты. Но Турки провѣдали намѣреніе Раковица и не только отсовѣтовали Карлу ѣхать въ Яссы, но будто за допущеніе Русскихъ въ предѣлы Молдавіи (границы которой часть нашего войска

дѣйствительно прошла, чтобы уничтожить отрядъ Шведовъ и казаковъ, перешедшій въ Черновицы),—схватили господаря, отправили сперва въ Бендеры, потомъ въ Царьградъ и заключили въ семибашенный замокъ. Словомъ, интрига Карла, съ помощію Іосифа Потоцкаго, удалась вполнѣ. Турція начала дѣйствовать во всемъ непріязненно Россіи, и между этими державами загорѣлась война, которой суждено было кончиться Прутскимъ миромъ къ величайшему бѣшенству Карла XII, мечтавшаго видѣть въ этой войнѣ и въ случайныхъ успѣхахъ Турокъ возстановленіе своего перевѣса надъ Петромъ, средство одолѣть его, возвратить утраченную славу и провинціи. Разочарованіе его было велико, но онъ не отчаявался въ возможности вновь поднять Турцію и продолжалъ свою интригу при Высокой Портѣ, доказывая султану, что великій визирь Балтаджи-Магометъ измѣнилъ ему, заключилъ миръ съ Петромъ, будучи подкупленъ его золотомъ въ моментъ, когда могъ взять живьемъ всю русскую армію. Султанъ сталъ было склоняться на убѣжденія Карла возобновить войну; но кровавые уроки, заданные его арміи Петромъ, были еще свѣжи въ памяти турецкихъ сановниковъ; къ тому же Петръ выполнилъ всѣ условія Прутскаго мира и султанъ рѣшился не обнажать меча. Слѣдствіемъ этого было, что Турки предложили Карлу съ почестями и конвоемъ уѣхать въ отечество.

Но надежда еще не покидала гордой души Карловой: еще онъ видѣлъ возможность отмстить Великому и не было средствъ, на которыя онъ не рѣшался, чтобъ отсрочить выѣздъ изъ своей Бендерской резиденціи. А ему тамъ славное было житье: онъ самъ, весь его многочисленный дворъ, вся свита, увеличенная собравшимися обломками его нѣкогда грозной арміи, все жило, пило, ѣло,—на счетъ султана. Ни въ чемъ не было отказа шведскому королю! Нужно было ему золота,—онъ требовалъ—и оно лилось къ нему рѣкою. Сперва онъ жилъ въ роскошной ставкѣ, присланной ему сераскиромъ Юсуфъ-пашей; знатнѣйшія особы его свиты помѣщались въ богатыхъ палаткахъ, остальные въ шалашахъ. Военный, бивачный, такъ сказать, дворъ Карла состоялъ уже изъ 1.800 человѣкъ. Вскорѣ король построилъ себѣ домъ, въ видѣ маленькаго форта; свита послѣдовала примѣру владыки, и въ самое непродолжительное время, между стѣнами Бендеръ и маленькой деревней Варница, на правомъ берегу Днѣстра, выросъ укрѣпленный каменный городокъ. Отъ него не осталось теперь и развалинъ; на мѣсто его существованія указываютъ и доселѣ, обозначенное небольшими курганами, рытвинами, канавою, совершенно почти осунувшимся валомъ, слѣдами рва [1]). Небольшіе остатки вала въ особенности сохранились, немного отступя отъ довольно крутаго берега рѣки, который имѣетъ еще уступъ, вѣроятно, при

[1]) Что мѣсто это достойно вниманія, показало посѣщеніе ею въ Бозѣ почившею нынѣ Императрицею Александрою Ѳеодоровною. Ея Величество въ 1828 году, ожидая въ Бендеры Императора Николая Павловича, изволила посѣтить Варницу и милостиво слушать разсказы стариковъ, подаривъ при своемъ отъѣздѣ старцу Димитрію (умершему въ 1852 году 125-ти лѣтъ отъ роду) 50 рублей.—Ф. Лагусъ. Карлъ XII въ южной Россіи. Записки Одесскаго Общ. Ист. и Древн. т. III. 1853 года.

разливѣ поднимающійся водою. Но на этомъ прославленномъ мѣстѣ уже не видны, вѣроятно, существовавшія во времена Пушкина:

Останки разоренной сѣни,
Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени,
. . . . . .
Съ которыхъ
Отражалъ герой безумный,
Одинъ въ толпѣ домашнихъ слугъ,
Турецкой рати приступъ шумный
. . . . . !

Я посѣтилъ это историческое мѣсто и долго сидѣлъ на валу, погрузясь въ думу о поэтической жизни того, кто далъ своимъ именемъ извѣстность этому клочку земли. Какая живописная мѣстность! Сидя лицомъ къ Днѣстру, опушенному, будто роскошнымъ мѣхомъ, небольшимъ лѣсомъ, покрывающимъ часть лѣваго берега, видишь направо полузакрытыя зеленью садовъ предмѣстья, башни крѣпости, еще далѣе верхи городскихъ церквей; за ними, въ туманной дали, возвышенности, сопровождающія съ правой стороны теченіе Днѣстра, будто указывая ему путь къ морю. Взглянешь налѣво, по сю и по ту сторону рѣки безбрежная степь, и не на чемъ остановиться взору: онъ несется, несется, до темносиняго сліянія неба съ землей... Еще лѣвѣе картина завершается маленькой деревенькой Варница, обвитою блестящей лѣнтой Днѣстра, то появляющагося, то исчезающаго за изгибомъ крутаго берега,—деревенькой, одѣвшей пестрымъ осеннимъ убранствомъ своихъ садовъ небольшую церковь, въ которой нѣкогда отпѣвали Мазепу, умершаго въ лагерѣ Карла, 18 марта (по другимъ 20 октября) 1710 года и отвезеннаго отсюда въ Галацъ, гдѣ недолго костямъ его суждено было покоиться въ великолѣпной гробницѣ, сооруженной ему Орликомъ въ церкви св. Георгія: его же друзья и союзники—Турки выбросили изъ гробницы прахъ его, надѣясь найти въ ней зарытыя будто бы съ нимъ въ могилу сокровища *). Почтенный старичекъ, протоіерей соборной Бендерской

*) Обстоятельства этого, какъ видно, не зналъ Пушкинъ, иначе онъ въ своемъ дивномъ эпилогѣ къ „Полтавѣ“ не выразилъ бы мысли, что отъ времени и людской ненависти исчезли самые слѣды мазепиной могилы; такъ я, по крайней мѣрѣ, понимаю эти строки эпилога:

И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы гетманской могилы:
Забытъ Мазепа съ давныхъ поръ.
. . . . . .

Чрезвычайно интересны подробности, разсказанныя въ лѣтописи (съ 1662 по 1711) великаго логоѳета Молдавіи Николая Костина о странной судьбѣ мазепина праха. Послушаемъ лѣтописца: „18 марта 1710 года умеръ въ Бендерахъ гетманъ Мазепа; его погребеніе совершалось въ церкви деревни Варницы, близъ Бендеръ. Отсюда его тѣло перевезено въ Галацъ и погребено въ монастырѣ Св. Георгія; но самая могила не доставила ему покоя, котораго онъ не имѣлъ при жизни. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ княженіе

церкви, разсказывая о пребываніи Государыни Императрицы въ Бендерахъ, говоритъ, что Она изволила посѣщать мѣсто Карлова лагеря и указателемъ мѣстности служилъ старикъ, которому отецъ, какъ очевидецъ, показывалъ самое мѣсто королевскаго дома.

И такъ здѣсь было знаменитое логовище сѣвернаго льва! Здѣсь пролетѣли нѣсколько странныхъ лѣтъ его жизни, вдали отъ отечества, править которымъ онъ былъ призванъ судьбою, но которое покинулъ въ жертву всѣмъ бѣдствіямъ безначалія и безпорядка. Карлъ не измѣнялъ своимъ привычкамъ, какая бы судьбина не тяготѣла надъ его челомъ. Онъ былъ полководцемъ, солдатомъ, поэтомъ и въ той маленькой сферѣ, въ какую его заключили обстоятельства. Солнце никогда не заставало его въ постелѣ. Прежде, чѣмъ подымутся другіе, онъ утомитъ уже трехъ лошадей, носясь

Димитрія Кантемира, турки разграбили Галацъ, откопали трупъ Мазепы, думая найти сокровища въ его гробницѣ, и, какъ говорятъ, разбросали его кости по берегу Дуная.

Разсказываютъ, что послѣ его смерти нашли у него 160,000 червонцевъ, кромѣ другихъ драгоцѣнностей, что будто бы до 40,000 червонцевъ изъ этихъ денегъ взялъ Карлъ XII, остальное досталось племяннику Мазепы—Войнаровскому. Такимъ образомъ его деньги попали, куда онъ и не воображалъ; и, все потерявъ, онъ не нашелъ на землѣ даже спокойнаго уголка для своихъ костей. Его пережила только память его измѣны, причина столькихъ бѣдствій и такихъ потоковъ христіанской крови". Еще интереснѣе подробности, собранныя на мѣстѣ извѣстнымъ молдавскимъ писателемъ Когальничаномъ, о судьбѣ гробницы Мазепы и его останковъ,—подробности, приведенныя въ примѣчаніи къ изданію его „Fragments tirés des chroniques Moldaves et Valaques pour servir à l' histoire de Pierre le grand'" и проч. част. II Яссы 1845.—Вотъ что говоритъ маіоръ Когальничанъ на стр. 91 и 92: „Монастырь Св. Георгія въ Галацѣ, на берегу Дуная, въ чудесномъ мѣстоположеніи,—древнее зданіе, построенное генуэзцами еще до сформированія молдавскаго княжества. Гетманъ Мазепа погребенъ былъ посреди церковной трапезы въ кирпичномъ склепѣ, на которомъ былъ положенъ надгробный камень, съ изсѣченною на немъ надписью, гербами Украйны и Мазепы.—Должно полагать, что послѣ разграбленія Галаца, сторонники гетмана возстановили его гробницу, потому что надгробный камень, хотя и разбитый, покрывалъ до нашихъ временъ его могилу посреди церкви. Правда, надписи истерты стопами богомольцевъ, но все-таки очень хорошо можно различить изображеніе украинскаго орла. Въ 1835 году, не зная даже имени того, кто былъ похороненъ въ ихъ церкви, священники, желая похоронить въ трапезѣ церковной умершаго бояра Сердаря Димитрія Деретчи-баша, начали рыть могилу и нашли сводъ мазепиной гробницы. Разбили склепъ и нашли голову и кости знаменитаго гетмана. Не зная, чей это костякъ,—оставили его въ могилѣ и похоронили въ ней же бояра, о которомъ мы упомянули выше. Такимъ образомъ останки Мазепы, этого славнаго искателя приключеній, столько шуму надѣлавшаго при жизни, смѣшались съ останками неизвѣстнаго молдавскаго дворянина. Нѣсколько лѣтъ спустя, родные Деретчи-баши открыли его тѣло, чтобы, по обычаю страны, совершить надъ нимъ церковное поминовеніе, но вслѣдствіе распоряженія молдавскаго правительства, запретившаго хоронить внутри церквей, кости эти не могли положить въ ихъ прежнюю могилу и вынуждены были кости Деретчи-баши, слѣдовательно и кости Мазепы, положить въ новую гробницу, сдѣланную внѣ церкви, вправо отъ преддверія.—Тогда-то старый надгробный камень, или, скорѣе, его останки были посланы чиновниками карантина, какъ историческій памятникъ, въ подарокъ Михаилу Гикѣ, брату бывшаго валахскаго господаря, во дворѣ котораго, кажется, камень этотъ существуетъ и доселѣ, вмѣстѣ со множествомъ другихъ памятниковъ, камней, надписей подобнаго рода, найденныхъ въ различныхъ мѣстахъ княжества.

Какъ на старомъ надгробномъ мазепиномъ камнѣ можно было различить изсѣченнаго орла, то родные бояра Деретчи-баши пожелали сохранить этотъ гербъ на гробницѣ ихъ родственниковъ, въ которой заключены и мазепины останки, но по незнанію геральдики вышло, что скульпторъ, которому была поручена эта работа, вмѣсто одноглаваго орла Украины изсѣкъ на прекрасной новой мраморной доскѣ двухглаваго *австрійскаго* орла. Всякій можетъ видѣть эту аномалію на первой гробницѣ, которая представится на право отъ преддверія церкви Св. Георгія, въ Галацѣ".

Такова странная судьба, постигшая даже останки Мазепы.

по окрестности; потомъ ученья своей маленькой арміи, потомъ роскошный обѣдъ; нѣсколько часовъ пріятельской бесѣды и шумныхъ споровъ за чашей добраго вина; потомъ *проиграетъ* нѣсколько партій въ шахматы,—проиграетъ по нетерпѣливости своей пламенной натуры;—опять бесѣда,—опять бражничанье! Вотъ странная жизнь этого поэтическаго рыцаря. Въ станѣ его было во всемъ изобиліе, роскошь; деньгамъ король не зналъ цѣны и сыпалъ ихъ обѣими руками. Получая отъ султана 500 ефимковъ въ день, онъ почти столько же проживалъ своихъ, занимая деньги у кого было только возможно. Разумѣется, свита слѣдовала примѣру вождя и храбрые Шведы блаженствовали въ новой Капуѣ. Между тѣмъ отношенія Россіи съ Турціей становились часъ отъ часу лучше и дошли наконецъ до того, что Карлу вторично предложили уѣхать съ конвоемъ въ 30000 Татаръ, что и было однимъ изъ условій Прутскаго мира. Но, по счастію для себя, Карлъ перехватилъ гонцовъ татарскаго хана съ предложеніемъ къ командующему нашими войсками графу Б. П. Шереметеву, стоявшему близъ Смоленска, за назначаемую Ханомъ цѣну выдать Карла живьемъ! Король тотчасъ повѣсилъ гонцовъ и, не объясняя причины, отказался уѣзжать изъ своей резиденціи. Султанъ хотѣлъ знать причину. Карлъ сослался на долги. Его спросили о числѣ ихъ? Вѣроятно, думая испугать цифрой: Карлъ назвалъ 1000 мѣшковъ золота. Ему прислали 1200, только уѣзжай! хотя и не велѣли отдавать денегъ до самаго отъѣзда. Карлъ, почти обманомъ, взялъ-таки эти 1200 мѣшковъ и зажилъ попрежнему.

Тогда султанъ прислалъ бендерскому пашѣ фетьву: если Карлъ не поѣдетъ добровольно, избавиться отъ него посредствомъ силы, и, пожалуй, хоть убить его. Паша бендерскій повиновался султану и сталъ настаивать; но Карлъ и слышать не хотѣлъ объ отъѣздѣ.

„Не поѣду!“ и только—одинъ отвѣтъ на всѣ представленія.

Напрасно убѣждалъ, молилъ, просилъ его англійскій посланникъ. „Не хочу ѣхать!“ и кончено.

Напрасно его духовники стали предъ нимъ на колѣни, прося пощадить себя и для блага своего и для блага отечества уѣхать; онъ сказалъ имъ, что они призваны для молитвъ, а не совѣтовъ, и не поѣхалъ!

Напрасно генералы Гордъ и Дальфордъ, указывая ему на свои раны, какъ доказательства своей преданности его особѣ и престолу, молили его покинуть Турцію,—онъ отвѣчалъ: „я вижу по вашимъ и своимъ ранамъ, что мы хорошо дрались, и всегда исполняли свой долгъ; значитъ, должны его исполнить и теперь!“

Карлъ приготовился встрѣтить, въ случаѣ необходимости, силу—силой! Привелъ въ оборонительное состояніе свою крѣпостцу, распредѣлилъ къ мѣстамъ триста человѣкъ своего гарнизона; вооружилъ всѣхъ, до послѣдняго повара и рѣшился встрѣтить грудью, хоть всю оттоманскую армію.

Дѣятельность Карла не знала границъ. Казалось, онъ радъ былъ сильнымъ ощущеніямъ, какія сулила ему предстоящая борьба горсти его то-

варищей съ цѣлою арміей непріятельской; казалось, близость этой борьбы приводила его въ восторгъ! Въ какомъ-то упоеніи онъ скакалъ на любимомъ конѣ отъ дома своего къ окопамъ и отъ окоповъ—къ дому; распоряжался; дѣйствовалъ; работалъ головой, будто готовясь, предводя цѣлою арміей, принять генеральное сраженіе!

Но вотъ Турки, грозными тучами обложили его маленькій станъ, не начиная впрочемъ приступа.

Одинъ изъ любимцевъ карловыхъ, баронъ Гротузенъ, сыпавшій, въ свое время, золото янычарамъ,—имѣвшій между ними авторитетъ, не сказавъ королю, вышелъ къ Туркамъ и убѣждалъ ихъ не драться противу храбраго Карла.

Янычары знали львиную храбрость шведскаго короля, знали что имъ не дешево достанется побѣда надъ этимъ витяземъ; при томъ они уважали его какъ героя; любили, какъ человѣка; не хотѣли оскорбить какъ гостя, послушали Гротузена, и рѣшительно не повиновались Пашѣ, отказавшись драться съ Шведами. Тогда Измаилъ Эффенди послалъ къ Карлу агу янычарскаго, прося его удалиться безъ кровопролитія. Король прогналъ его.

Ага, слѣдуя заранѣе данному приказанію, выходя изъ шведскаго городка, сказалъ янычарамъ, что Карлъ за ихъ преданность платитъ имъ неблагодарностью и рѣшительно объявилъ, что не боится, а презираетъ ихъ и готовъ встрѣтить со своей дружиной всю ихъ армію. Взбѣшенные янычары бросились на приступъ, безъ труда овладѣли однимъ фасомъ окоповъ, захватили тамъ до 300 шведовъ, подавивъ ихъ своею многочисленностію, и повели атаку на домъ короля, въ которомъ онъ заперся съ своими приближенными, пригласивъ ихъ защищать эту крѣпостцу „pro aris et focis!“ Выбитый изъ окоповъ, бросясь къ дому, Карлъ нашелъ его уже занятымъ Турками. Въ головѣ своей малочисленной свиты онъ со шпагою на-голо бросился на янычаръ и въ одно мгновеніе изрубилъ тѣхъ, которые подвернулись ему подъ руку, одинъ янычаръ выстрѣлилъ Карлу въ лицо, но его нечаянно подтолкнулъ другой Турокъ; пуля задѣла короля по носу, оторвала конецъ его уха и пробила руку генералу Горду, Карлъ убилъ этого янычара, другіе бѣжали, большая часть дома осталась за Шведами, хотя его одну половину еще занимали Турки.

„Пойдемъ,—воскликнулъ король,—очистимъ нашъ домъ отъ этой нечисти!“ Внезапно отворивъ дверь, ведущую въ половину занятую Турками, онъ устремился на изумленныхъ его дерзостью янычаръ. Ничто не устояло: Турки бѣжали въ одно мгновенье. Двое спрятались подъ кровать; король закололъ одного, а другаго пустилъ съ тѣмъ, чтобы онъ шелъ сейчасъ и разсказалъ пашѣ все происходившее. Уже весь домъ былъ въ рукахъ у Шведовъ. Турки начали по немъ дѣйствовать артиллерійскимъ огнемъ и наконецъ зажгли его. Думая залить огонь въ одномъ углу крыши, Шведы бросили въ него боченокъ, оказалось, что этотъ боченокъ—съ водкой,—пожаръ усилился. Карлъ и не думалъ о сдачѣ. Такова была грозная отвага и могучая рѣшимость

этого желѣзнаго человѣка! Половина кровли обрушилась;—пылала другая, вся половина дома была въ огнѣ;—одинъ изъ караульныхъ закричалъ, что надо спасаться!... Карлъ замѣтилъ:

„—Вотъ странный человѣкъ, думаетъ, что лучше отдаться въ плѣнъ, чѣмъ умереть!“ Убѣжище короля близилось къ конечному разрушенію: оно было наполнено дымомъ, пробиваемо ядрами, пылало какъ костеръ! Нѣкто Газетъ указалъ Карлу на сосѣдній небольшой домикъ съ черепичною кровлей:

„—Тамъ можно держаться. Мы къ нему пробьемся!

„—Вотъ истинный Шведъ! За мной!...“—и, отворивъ двери, Карлъ бросился на осаждавшихъ; горсть людей, его сопровождавшая, имѣя по два съ собою выстрѣла, обнаживъ шпаги, послѣдовала за своимъ государемъ! Ярость его была ужасна. Турки валились грудами отъ руки его и отхлынули на мгновеніе... но, опомнясь, окружили Шведовъ непроницаемою толпой. Поражая противниковъ, Карлъ запутался шпорами и упалъ!.. На него бросилось двадцать отважныхъ янычаръ... Карлъ швырнулъ въ воздухъ свою грозную шпагу, чтобы она не досталась врагамъ,—онъ былъ плѣнникомъ... За руки, за ноги его понесли янычары къ пашѣ...

Эта знаменитая сцена происходила 1 февраля 1713 года.

Никто не спасся изъ мужественной свиты Шведскаго короля; немногіе попались въ плѣнъ; большинство, какъ слѣдовало честнымъ людямъ, запечатлѣло кровью преданность свою особѣ короля и его престолу.

Таковъ былъ кровавый эпизодъ, заключившій собою почти четырехлѣтнее пребываніе Карла XII на этомъ уголкѣ земли, на которомъ сижу въ настоящую минуту, воскрешая въ своей памяти славное прошлое...

Но лошади давно готовы; пора въ походъ.

23 сентября.—Тирасполь.

Станція маленькая. Лошадки славныя. Вотъ и Тирасполь—мѣсто долговременнаго пребыванія нашей осадной артиллеріи. Сколько хорошенькихъ домовъ, принадлежащихъ артиллерійскимъ властямъ и офицерамъ, сдѣлавшимъ себѣ здѣсь осѣдлость. Съ каждымъ годомъ городъ принималъ болѣе и болѣе военный обликъ и еще немного—онъ сдѣлался бы совершенно военнымъ городомъ... Но бранная труба прозвучала въ отдаленіи, и онъ покинутъ своими боевыми жильцами, и они уже подъ знаменами Марса, уже громили Силистрійскія твердыни, а теперь отодвинулись на свои рубежи и ждутъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ новыхъ дѣлъ, новой славы. Тирасполь пустъ: множество семействъ военныхъ офицеровъ, его населявшихъ, разъѣхалось гостить къ роднымъ и знакомымъ; было много домовъ, принадлежащихъ холостякамъ; въ домахъ этихъ живетъ теперь какой нибудь старый денщикъ или отставной солдатъ, съ удовольствіемъ васъ встрѣчающій; радъ-радехонекъ, что хоть кого-нибудь да посылаетъ ему Богъ въ гости, что хоть кого-нибудь изъ военныхъ собратьевъ да отогрѣетъ теплый уголокъ барскаго дома.

Пошелъ къ вечернѣ помолиться въ церковь.—Странное какое-то чувство тобою овладѣваетъ, когда, думая войти въ православный храмъ и найти тамъ обычную обстановку, вдругъ находишь что-нибудь для тебя новое, дотолѣ тобою невиданное! Такъ я былъ удивленъ и пораженъ, войдя въ Тираспольскую церковь: она принадлежитъ раскольничьей сектѣ „поповщина“.

Осмотрѣвъ городъ, я не нашелъ въ немъ ничего замѣчательнаго, кромѣ старовѣрческой русской слободы, гдѣ на насъ повѣяло первобытною Русью. Раскольники живутъ богато, привольно; строго держатся обычаевъ русской старины; въ первобытной чистотѣ сохраняютъ прежній порядокъ вещей и сосѣдямъ подаютъ собою примѣръ торговой оборотливости и благосостоянія. На утро я посѣтилъ базаръ и имѣлъ удовольствіе за 20 коп. сер. пріобрѣсть около 3 фун. животрепещущей аршинной стерляди.

Говорятъ, днѣстровская стерлядь вкуснѣе другихъ. Мною купленная была облита золотымъ жиромъ и *ушица*, изъ нея сваренная, ей-ей была *на славу* и густо *подернутая янтаремъ*.

Сдѣлалось положительно извѣстнымъ, что союзники не взяли Севастополя однимъ ударомъ, какъ угрожали и какъ всѣ мы имѣли право думать, зная ничтожность севастопольскихъ укрѣпленій съ сухаго пути, малочисленность нашей арміи сравнительно съ громадными силами союзниковъ и имѣя въ виду побѣду ими одержанную на Алмѣ. По милости Божіей, наши опасенія не сбылись. Послѣ Алминскаго дѣла союзники двинулись къ Севастополю только 11 сентября *). Прійдя на Бельбекъ, откуда имъ была виднехонька сѣверная сторона съ ея укрѣпленіями, въ сущности ничтожными, но имъ показавшимися достаточно сильными, союзники составили военный совѣтъ: брать городъ съ этой стороны или не брать? На совѣтѣ рѣшили, что вновь воздвигнутыя нами укрѣпленія у Константиновскаго форта и укрѣпленія на высотахъ Бельбека противупоставляютъ союзникамъ позицію, которую невозможно взять безъ большихъ пожертвованій. Къ тому же затопленіе кораблей нашими моряками ужаснуло французскаго главнокомандующаго, давъ ему понять, какой ему готовится отпоръ со стороны гарнизона. Союзники затопленіемъ нашихъ кораблей были лишены содѣйствія своего флота, при томъ не могли имѣть, еслибы повели осаду сѣверной стороны Севастополя, столь

*) Не имѣя возможности двинуться впередъ раньше, вслѣдствіе разстройства арміи, а въ особенности англійской, какъ говорятъ французскіе писатели, равно и потому, что необходимо было прежде, чѣмъ идти дальше, пристроить раненыхъ, похоронить убитыхъ. Вообще французскіе писатели, какъ напр. Perret „Les Français en Orient. Recits de Crimée 1854—1856“. Paris) утверждаютъ, что союзники совсѣмъ не были приготовлены къ войнѣ (стр. 48—49). По его словамъ, необходимость для французовъ вмѣшаться въ Восточную войну сдѣлалась очевидною уже въ іюнѣ 1853, а между тѣмъ весною 1854, еще не было сдѣлано никакого у нихъ приготовленія къ ней, особенно не была приготовлена къ войнѣ Англія. Англичане въ долгій періодъ мира, отъ 1815 до 1853 года, отвыкли отъ большихъ войнъ и, мало-по малу, все съ большимъ невниманіемъ относились къ такимъ мелочамъ, казавшимся безполезными, въ сущности безъ которыхъ армія не можетъ вести войны. Впослѣдствіи представились ужасныя этому доказательства, а именно при осадѣ Севастополя, когда тѣ превосходныя англійскія войска, при видѣ которыхъ, въ Варнѣ, маршалъ Сентъ-Арно не находилъ выраженій своему восторгу, начали таять, какъ снѣгъ на солнцѣ, съ другаго же дня послѣ Алминской битвы.

удобной стоянки для флота, какую представляютъ Балаклавская, Камышевая, Казачья, Стрѣлецкая бухты, и потому рѣшились брать менѣе укрѣпленную, южную часть города.

13 сентября союзники подошли къ Балаклавѣ, причемъ Англичане отхватили нѣсколько нашихъ парковыхъ повозокъ на Мекензіи и взяли городокъ Балаклаву послѣ четырехчасоваго бомбардированія ея крѣпостцы, которую, *для очищенія своей совѣсти,* защищалъ нѣсколькими выстрѣлами, изъ единственной мортирки, командиръ Греческаго Балаклавскаго баталіона полковникъ Манто.

С. Арно заболѣлъ холерою и сдалъ главное начальство генералу Канроберу, храброму, благоразумному, любимому арміею, но въ высшей степени осторожному.

Союзники не рѣшились броситься на Севастополь и съ южной стороны, не рѣшились покончить съ нимъ расчета однимъ напряженнымъ ударомъ и, какъ слышно, приступаютъ къ правильной осадѣ города. Что же они будутъ осаждать?—городъ безъ крѣпости, не укрѣпленный по законамъ науки! Гдѣ же ихъ похвальбы, угрозы, гдѣ ихъ надежды? Что за причина ихъ нерѣшимости, или ихъ неудачи? *) Великъ русскій Богъ! Не клиномъ сошлось

---

*) Общій голосъ говоритъ, что союзники могли безъ всякаго труда взять Севастополь на другой, на третій, на четвертый день послѣ Алминской битвы, въ день отступленія князя Меньшикова внутрь края, или на разсвѣтѣ другаго дня [1]). Всѣ свидѣтели этого труднаго часа Севастопольской жизни разсказываютъ, что гарнизонъ былъ въ такомъ положеніи, что съ минуты на минуту ждалъ взятія города и не было возможности отстоять его. Отчего же онъ не взятъ?

Французы говорятъ, что его нельзя было взять, что городъ былъ очень крѣпокъ, словомъ, по причинамъ, мною высказаннымъ въ текстѣ этихъ записокъ.

Самъ Канроберъ говорилъ: „Я бы попробовалъ войти въ Севастополь, но неудача могла быть причиною событія, котораго послѣдствія были бы неисчислимы; наши земляныя работы были ничтожны; у насъ не было никакихъ укрѣпленій на пути отступленія, ни оборонительныхъ сооруженій, ни возможности отступить въ Камышъ“ (Базанкуръ, „Cinq mois au camp devant Sebastopol, стр. 282. Paris. MDCCCLV).

Англичане за невзятіе Севастополя, немедленно послѣ высадки, рѣшительно обвиняютъ французовъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ дѣлѣ Г. Хайвардъ въ вышеупомянутой мною брошюрѣ:

„Лордъ Рагланъ желалъ и настаивалъ, чтобъ немедленно взять Севастополь приступомъ, но С.-Арно, къ несчастію, бывшій уже на краю могилы, не рѣшился подвергнуть армію случайности штурма и убѣдилъ лорда Раглана согласиться перейти на южную сторону. Можно быть увѣрену, что еслибъ атаковали Севастополь тотчасъ по приближеніи къ нему, его бы взяли въ нѣсколько дней. Сѣверная сторона съ сухаго пути была вооружена дурно и имѣла очень мало гарнизона. Адмиралъ Лайонсъ, посредствомъ сдѣланной имъ рекогносцировки, лично убѣдился, что Бельбекскія укрѣпленія не кончены и даже еще не вооружены. Но дѣло было рѣшено. Переходъ на южную сторону совершился, и Канроберъ принялъ начальство надъ французскою арміею, по собственному его сознанію, никогда не имѣвъ достаточно силы воли для рискованнаго предпріятія, сопряженнаго къ тому же съ чрезвычайными пожертвованіями. На второй же день командованія Канробера, 16 сентября, въ военномъ совѣтѣ Рагланъ предложилъ немедленно штурмовать городъ, будучи убѣжденъ, что русскіе оставятъ южную часть, при первомъ на нее ударѣ.

„Но Канроберъ представилъ, какой подвергнутся опасности войска въ борьбѣ на улицахъ незнакомаго города, подъ огнемъ огромнаго непріятельскаго флота; притомъ же

---

1) И дѣйствительно могъ бы быть взятъ, еслибы, какъ говоритъ генералъ Хрущовъ (Ibidem стр. 17), „союзники воспользовались побѣдою и преслѣдовали насъ по пятамъ, ибо при отступленіи войска не получали никакихъ распоряженій, и большая часть изъ нихъ ретировались въ совершенномъ безпорядкѣ.

онъ страшился неудовольствія императора за неупотребленіе въ дѣло осадной артиллеріи, доставленной изъ Франціи, въ которую Наполеонъ такъ вѣруетъ и надъ усовершенствованіемъ которой онъ такъ долго трудился".

Между тѣмъ французскіе писатели, какъ напр. G. Marchal „La guerre de Crimée". Paris. 1888) утверждаетъ, что Канроберъ и не думалъ вести противъ Севастополя правильной осады. Принявъ команду послѣ Сентъ-Арно, онъ писалъ военному министру, что выгрузивъ артиллерію, онъ обстрѣляетъ Севастополь и возьметъ его штурмомъ. Генералъ Бизо тоже былъ увѣренъ и писалъ военному министру, что прежде, чѣмъ это письмо дойдетъ до него, Севастополь будетъ взятъ стр. 146.

Что до насъ касается, то намъ кажется, что и лордъ Рагланъ напрасно настаивалъ, послѣ 16 сентября, атаковать Севастополь. Объ этомъ надо было прежде подумать, а именно, устранивъ всѣ затрудненія и второстепенныя препятствія, союзникамъ слѣдовало тотчасъ послѣ Алминскаго дѣла броситься на Севастополь. Тогда успѣхъ можно было считать вѣрнымъ, а послѣ 16 сентября Корниловъ съ Нахимовымъ отбилъ бы непремѣнно союзниковъ. Также кажется намъ несправедливымъ притязаніе Англичанъ на необходимость овладѣнія сѣверною стороною Севастополя. Положимъ, они могли бы овладѣть сѣверною, но развѣ это значило бы овладѣть Севастополемъ? Кто знаетъ, страшный огонь флота, стоявшаго въ бухтѣ, позволилъ ли бы союзникамъ поставить хоть одну батарею на берегу сѣверной, чтобы дѣйствовать по флоту и городу? Конечно, отдавая сѣверную, наши взорвали бы Константиновскій, Михайловскій форты, свезя, сколько бы успѣли, орудій на южную сторону; весь берегъ южной стороны бухты представлялъ бы одну ужасную батарею, одѣтую непрерывною цѣпью орудій; нашего сообщенія съ Россіею союзники не могли бы перерѣзать и тогда, какъ не могли перерѣзать теперь; Балаклаву мы бы сдѣлали недоступною для ихъ флота; Инкерманскія высоты, по уничтоженіи моста на Черной у бухты, мы берегли-бъ какъ зѣницу ока, поставивъ потребное число батарей на гребнѣ Сапунъ горы; нашимъ резервамъ во время осады не было бы необходимости быть подъ огнемъ непріятельской артиллеріи, они были бы въ безопасности. Да и какимъ бы образомъ союзники повели на насъ атаку? Траншеи подводныя еще не изобрѣтены, а черезъ бухту другихъ траншей не поведешь! Противъ атаки непріятеля на Сапунъ гору мы всегда могли противопоставить значительныя силы, и еще Богъ вѣсть, увѣнчалась ли бы успѣхомъ эта атака союзниковъ. Словомъ, не рѣшась тотчасъ послѣ Алминскаго дѣла ударить на сѣверную сторону Севастополя, союзники не могли ничего лучшаго придумать, какъ взять его съ южной стороны правильною осадою.

Повторяю, былъ удобный моментъ взять Севастополь однимъ рѣшительнымъ ударомъ потеря у нихъ была бы велика несомнѣнно, но и успѣхъ былъ бы совершенный и полный, а затѣмъ не существовало бы одиннадцати мѣсяцевъ осады съ ея гигантскими потерями для союзниковъ. Положимъ, они взяли бы Севастополь немедленнымъ штурмомъ послѣ Алминскаго дѣла и потеряли бы на штурмѣ десять тысячъ человѣкъ, но вѣдь они потеряли ту же цифру людей *въ день* взятія Севастополя и *послѣ* одиннадцатимѣсячной осады. Слѣдовательно, все что потеряно съ Алминскаго сраженія по 27 августа 1856 года, въ людяхъ, деньгахъ, матеріалахъ—все это совершенно напрасная потеря!!!

Сѣверная, несомнѣнно, могла бы быть взята союзниками, вслѣдъ за Алминскимъ дѣломъ, безъ особыхъ усилій: несмотря на непрерывный, денной и ночной, трудъ гарнизона, возведенныя имъ для обороны сѣверной стороны укрѣпленія не представляли надежной защиты, тѣмъ болѣе, что могли встрѣтить атакующую непріятельскую армію только 29-ю орудіями. Слѣдовательно, если сопротивленіе и могло быть противупоставлено союзникамъ при овладѣніи ими сѣверною стороною, то собственно въ геройствѣ и стойкости гарнизона. Но взятіемъ сѣверной никакихъ благопріятныхъ результатовъ союзники не достигали съ того момента, какъ наши затопили суда, преградивъ тѣмъ входъ на рейдъ, что для союзнаго флота сдѣлало невозможнымъ войти въ бухту, а атаковать сѣверную одними сухопутными войсками не было цѣли, такъ какъ подъ огнемъ нашего флота союзники не могли бы удержаться на сѣверной, а тѣмъ болѣе не могли бы надѣяться одной полевой артиллеріей своей уничтожить нашъ флотъ въ бухтѣ, а между тѣмъ союзники, становясь тыломъ ко всей Россіи, теряли базу дѣйствій, оставались бы безъ продовольствія въ ежеминутномъ опасеніи, что русская армія можетъ перервать ихъ сообщенія съ Евпаторіей и флотомъ, поставивъ ихъ между двухъ огней [1]).

Слѣдовательно, союзникамъ было безусловно необходимо обезпечить свой тылъ. На

---

[1]) Такимъ образомъ Тотлебенъ былъ правъ, отвѣтивъ на вопросъ Императора Наполеона, могъ ли Севастополь быть взятъ съ сѣверной стороны? что укрѣпленія сѣверной имѣли слабую профиль, были не сильно вооружены и занимались однимъ баталіономъ пѣхоты, поддержаннымъ двѣнадцатью баталіонами только-что сформированныхъ и дурно вооруженныхъ флотскихъ экипажей,—а потому еслибы послѣ Алминскаго дѣла союзники безостановочно продолжали наступленіе, то штурмъ былъ бы успѣшенъ.

наше отечество и въ немъ есть люди, геній которыхъ не угасъ еще ко благу и славѣ народной. Дѣйствительно,—ужасно было положеніе Севастополя послѣ Алминскаго дѣла! Пойди союзники по пятамъ за нашими полками, они бы вступили въ Севастополь и хотя нашли бы въ его стѣнахъ вторую Сарагоссу, но изъ этого ужаснаго боя они, вѣроятно, вышли бы побѣдителями и разомъ кончили бы свое дѣло, а теперь оно затянулось и еще Богъ вѣсть—чѣмъ и когда кончится.

9 сентября наши войска перешли съ Качи на южную сторону Севастополя; еслибы союзники рѣшились слѣдовать за ними, они мгновенно овладѣли бы сѣверною стороною, занявъ Инкерманскія высоты и не допустивъ такимъ образомъ князя Меньшикова на помощь атакованному пункту. Но моментъ былъ упущенъ. Князь Меньшиковъ умѣлъ воспользоваться ошибкою союзниковъ: приказалъ преградить входъ въ бухту потопленіемъ нѣсколькихъ кораблей (съ полнымъ морскимъ вооруженіемъ, свезя орудія съ командами въ городъ для его защиты), ввелъ въ городъ 8 резервныхъ баталіоновъ и нѣсколько морскихъ командъ и 12 сентября занялъ позицію на р. Бельбекѣ, чтобы сохранить сообщеніе съ внутренностію края и, въ случаѣ аттаки союзниковъ на Севастополь, имѣть возможность дѣйствовать имъ въ тылъ, а еслибы союзники начали борьбу съ одною половиною Севастополя, — всегда имѣть возможность во-время подкрѣпить другую, ибо, судя по ихъ силамъ, они не могли одновременно атаковать обѣ половины *).

Повозки, отхваченныя союзниками на Мекензіи, были послѣдними повозками обоза нашего отряда, производившаго фланговое движеніе на Бельбекъ.

Говорятъ, гарнизонъ Севастополя, не зная тайныхъ плановъ князя Меньшикова, свѣдавъ о его отступленіи, былъ въ ужасномъ положеніи. Большинство обрекло себя на смерть, но не на сдачу. Геній Корнилова и Нахимова берегъ судьбу города. Эти два героя болѣе другихъ бодрствовали, одушев-

---

этомъ основаніи оба союзные главнокомандующіе положили обогнуть Севастопольскій рейдъ, овладѣть Балаклавой и атаковать городъ съ южной стороны.

Рѣшившись на эту мѣру союзники тѣснѣе соединились со своимъ флотомъ, получили въ свое распоряженіе бухты: Балаклавскую, Камышевую, Казачью и Стрѣлецкую, представлявшія всѣ удобства для якорной стоянки, тогда какъ, атакуя Севастополь съ сѣверной стороны, флоту предстояло бы оставаться въ открытомъ морѣ. Перейдя на южную сторону, союзники обезпечивали себя отъ обхода и имѣли предъ собою городъ, противъ котораго удобно могли открыть осадныя работы.

Словомъ, движеніе на югъ Севастополя было необходимо союзникамъ; они его выполнили удачно но отчего они немедленно не взяли штурмомъ съ южной стороны почти беззащитный городъ?!.. Пользуясь превосходствомъ своего вооруженія, говоритъ Дубровинъ (Idem, стр. 191), и занявши своими штуцерными прилегающія къ городу высоты, непріятель могъ свободно подойти ближе чѣмъ на 100 саженъ, и безнаказанно разстрѣливать наши войска, стоявшія за укрѣпленіями, ихъ не прикрывавшими, и нанести огромный вредъ прежде, чѣмъ двинуться на штурмъ".

*) Извѣстное фланговое движеніе, о которомъ здѣсь говорится, многими военными историками ставится князю Меньшикову въ особую заслугу. Утверждаютъ, что только благодаря этому движенію Севастополь не былъ взятъ союзниками однимъ ударомъ, тотчасъ послѣ Алминскаго дѣла. Французскіе военные писатели доказываютъ, что Базену не слѣдовало запираться въ Мецѣ, а сдѣлать изъ онаго такое же фланговое движеніе, какое сдѣлалъ Меньшиковъ изъ Севастополя,—тогда, они полагаютъ, могло и не послѣдовать *Седана!*

ляли жителей и гарнизонъ словомъ и примѣромъ. Созвали военный совѣтъ: что дѣлать? Корниловъ предложилъ выйти съ остальнымъ флотомъ въ море и съ огнемъ и мечомъ достигнуть Константинополя, или броситься на непріятельскій флотъ и погибнуть, увлекая съ собою на гибель сонмы враговъ.

Многіе воспротивились принятію этого геройскаго предложенія.

Смертію своею, говорили герои, мы все-таки не только не спасемъ флота, но погубимъ флотъ и городъ; если уже суждено погибнуть нашему флоту, то, по крайней мѣрѣ, спасемъ городъ, умирая на его стѣнахъ.

Предложеніе было принято съ восторгомъ. Говорятъ, Корниловъ согласился съ нимъ и воскликнулъ: „Итакъ, товарищи, на насъ лежитъ честь защиты Севастополя,—защиты роднаго намъ флота! Будемъ драться до послѣдняго. Отступить намъ некуда: сзади насъ—море. Всѣмъ начальникамъ я запрещаю бить отбой, барабанщики должны забыть этотъ бой. Если кто изъ начальниковъ прикажетъ бить отбой,—заколите такого начальника, заколите барабанщика, который осмѣлится ударить позорный бой. Товарищи! еслибъ я приказалъ ударить отбой,—не слушайте, и тотъ подлецъ будетъ изъ васъ, кто не убьетъ меня!...“

Понятно, какое впечатлѣніе должна была произвесть на севастопольскихъ офицеровъ такая геройская рѣчь, возвышавшаяся до паѳоса. Съ такимъ человѣкомъ, какъ Корниловъ, въ такомъ обществѣ, какое образовали севастопольскіе моряки, какое предпріятіе могло показаться невозможнымъ? Какая смерть ужасною? Воскресли древнія времена Россіи, и какъ на нижегородскую площадь и женщины, и старики добровольно приносили нѣкогда всѣ свои цѣнныя вещи и всѣ, у кого были только силы, шли на освобожденіе попранной отчизны, такъ и теперь всѣ севастопольцы были готовы по каплѣ источить свою кровь, готовы были всѣ, безъ исключенія, отдать свою жизнь на спасеніе завѣтнаго города, всѣ рѣшились изъ своихъ тѣлъ создать твердыню, черезъ которую не пробиться дерзновенному врагу!...

Геній одного пробудилъ геній другаго: Тотлебенъ взялся искусствомъ помочь мужеству и несокрушимой отвагѣ севастопольцевъ. Закипѣла сверхъестественная дѣятельность. Кто имѣлъ только силы—работалъ словомъ и дѣломъ. Всѣ жители, не говорю про войско, даже женщины принялись за работу; перо Тотлебена едва успѣвало чертить укрѣпленія, а севастопольцы не уставали осуществлять его идеи. Орудія съ флота сотнями переходили на вновь создаваемыя батареи. Матеріалы морскаго арсенала послужили для созданія укрѣпленій, лѣсъ для защиты гарнизона устройствомъ прочныхъ блиндажей. Морскіе офицеры съ своими командами взялись за оборону батарей, для нихъ замѣнившихъ корабли: та же прислуга, что и на корабляхъ, тѣ же командиры, тотъ же порядокъ, почти тотъ же способъ командованія и управленія, та же несокрушимая рѣшимость, что и на морѣ, та же ловкость, что и на реяхъ, та же отвага, что и въ борьбѣ съ разъяренною стихіею *).

*) Когда эти „Записки“ уже изготовились для печати, мы прочли въ 48 и 49 нумерахъ „Сѣверной Пчелы“ 1860 года, основательную и интересную замѣтку г. Комовскаго

И вотъ внезапно предсталъ врагамъ на сушѣ, будто по манію волшебнаго жезла, *окаменѣлый* флотъ. Бортами повернутые къ врагу, неподвижно стоятъ стопушечные земляные корабли, люки открыты, фитили горятъ, все готово... Идите дорогіе гости!... Но они видно провѣдали, какой имъ приготовленъ пріемъ, и не рѣшились идти прямо, а пошли траншеями, начали правильную осаду...

4 октября.

За Тирасполемъ на неизмѣримое для глазъ пространство предъ нами разостлалась степь. Ею потянулись мы до самаго Овидіополя. Тутъ не ви-

---

о разсказанныхъ нами моментахъ перваго времени осады. Авторъ опровергаетъ слухи о томъ, что Корниловъ, по своему плану, загородилъ бухту затопленіемъ судовъ, и объ оффиціальности собраннаго Корниловымъ совѣта, равно какъ и произнесеніи на этомъ совѣтѣ рѣчей, нами записанныхъ. Не имѣю фактовъ для возраженій г. Комовскому, но не измѣняю своего разсказа потому, что разсказъ этотъ въ настоящемъ видѣ *носился* по Севастополю, когда мы явились къ нему на выручку, а я рѣшился вносить въ эту тетрадь только записанное мною на листки дневника *во время кампаніи*, не измѣняя записаннаго ни по какимъ причинамъ.

Впрочемъ, теперь, когда вторично переписываю настоящія „Записки“, многое уже получило надлежащее разъясненіе. Такъ, что касается до распоряженія преградить доступъ въ бухту потопленіемъ судовъ при входѣ въ оную, то таковая мѣра предписана княземъ Меньшиковымъ, который настоялъ на ея исполненіи, несмотря на сильное противодѣйствіе адмирала Корнилова. Что же касается военнаго совѣта, то таковой дѣйствительно былъ собранъ Корниловымъ изъ флагмановъ и командировъ судовъ, утромъ 9 сентября, вслѣдъ за полученіемъ приказанія Свѣтлѣйшаго затопить входъ на рейдъ, какъ свидѣтельствуетъ Тотлебенъ въ „Описаніи обороны Севастополя“ (стр. 204). На этомъ совѣтѣ Корниловъ умолчавъ о полученномъ приказаніи князя затопить рейдъ кораблями, объявилъ о проигранномъ сраженіи на Алмѣ и объ опасности, грозящей Севастополю, предложилъ выйти въ море и атаковать союзный флотъ у мыса Лукулла. „Корниловъ расчитывалъ, какъ говоритъ Тотлебенъ, — что при удачѣ Черноморскій флотъ могъ разметать непріятельскую Армаду, при неудачѣ же предполагалъ сцѣпиться съ непріятельскими кораблями и взорваться на воздухъ“. Послѣднее средство, по мнѣнію Корнилова, ослабило бы непріятеля до такой степени, что онъ не предпринялъ бы ничего рѣшительнаго противъ Севастополя, а между тѣмъ подошли бы наши подкрѣпленія и Севастополь былъ бы спасенъ.

Большинство присутствовавшихъ въ этомъ совѣтѣ съ мнѣніемъ Корнилова не согласилось, а по предложенію капитана 1 ранга Зорина, хотя и вызвавшему слезы у присутствовавшихъ, предложенію, согласовавшемуся съ приказаніемъ князя Меньшикова (еще, какъ мы видѣли, не объявленнымъ) рѣшили затопить рейдъ кораблями и употребить ихъ экипажи на сухопутную оборону города. Корниловъ распустилъ совѣтъ и отправился къ прибывшему въ это время князю Меньшикову съ докладомъ о предположеніи своемъ выйти въ море и ударить на союзниковъ; но Свѣтлѣйшій не согласился на эту мѣру и повторилъ свое приказаніе о затопленіи рейда. „Корниловъ (по словамъ Жандра, повторяющаго разсказъ самого князя Меньшикова *„Матеріалы для исторіи обороны Севаст.* и пр. С-Пб. 1859, стр. 199) возразилъ, что онъ этого не сдѣлаетъ. Разсерженный его настойчивымъ противорѣчіемъ, князь Меньшиковъ сказалъ: „Ну, такъ поѣзжайте въ Николаевъ къ своему мѣсту службы“ и приказалъ ординарцу позвать вице-адмирала Станюковича, дабы отдать ему приказанія. „Остановитесь! вскричалъ Корниловъ,—это самоубійство... то, къ чему вы меня принуждаете; но чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріятелемъ—невозможно! Я готовъ повиноваться вамъ“.

Дубровинъ (*Восточная война.* Примѣч. стр. 129) не допускаетъ, чтобы Корниловъ, имѣя уже приказаніе Меньшикова затопить корабли, позволилъ себѣ скрыть таковое отъ собраннаго имъ военнаго совѣта и потомъ, когда совѣтъ по иниціативѣ Зорина постановилъ ту же мѣру, чтобы Корниловъ рѣшился скрыть это постановленіе отъ князя Меньшикова. Дубровинъ настаиваетъ, что во всякомъ случаѣ совѣту не было извѣстно приказаніе кн. Меньшикова и среди его членовъ мысль о необходимости затопить суда на фарватерѣ явилась самостоятельно и независимо отъ вліянія командующаго войсками.

В. И. Васильчиковъ, въ статьѣ своей „Севастополь“ и пр., Русск. Архивъ 1891, № 6, говоритъ, что на вопросъ Корнилова: „Что ему дѣлать съ флотомъ?“ отвѣчалъ:—Положите его себѣ въ карманъ!

дишь на своемъ пути ничего, кромѣ совершенно ровнаго и, повидимому, совершенно необработаннаго пространства, преимущественно покрытаго бурьяномъ, колючими растеніями, разными сорными травами или, весьма рѣдко, чахлыми кустами терновника, либо приземистыми, крошечными кустиками дубняка. Впрочемъ стоитъ только спуститься въ первую, такъ называемую, балку и увидишь вереницу селъ, тянущихся по берегамъ тощаго ручейка, перехваченнаго плотинами образующими слишкомъ достаточныя запруды, чтобы напоить большія стада и дать жизнь окрестности. Но вотъ мы уклоняемся вправо, въ глубь степей, сопутствующихъ Днѣстру съ лѣвой стороны; тутъ больше почти не встрѣчаются маленькія благотворныя рѣчки и селенія группируются у колодцевъ. Степь является пространнѣе, огромнѣе и на ней, будто роскошные оазисы, густо отѣненные благотворной бѣлой акаціей, представляются колоніи иноземцевъ.

Подъѣзжаемъ къ колоніи Маріенталь (по большей части всѣ колоніи—*таль*—долина: Либенталь, Іозефталь и тому подобное). Длинное правильное селеніе съ однообразными, но красивыми каменными домами, каждый со множествомъ службъ и колодцемъ на дворѣ. Большіе дома сельскаго управленія и корчмы; кирка изящной, хотя простой архитектуры; хорошенькіе домики пастора и шульца, приходскаго училища и учителя невольно бросятся вамъ въ глаза.

Въѣзжаете въ степную колонію—въ это привольное жилье нѣмецкихъ, французскихъ, даже швейцарскихъ поселенцевъ, Богъ вѣсть, когда сюда забредшихъ; и взоръ и сердце ваше радуются картинною окрестностью этого поселенія,—столько въ немъ видно труда, благосостоянія, искуснаго ухода за благодарною землею. Загляните на дворъ колониста, на гумно: тамъ увидите какую-нибудь машину, облегчающую тяжкій трудъ своему владѣльцу; въ погребѣ найдете нѣсколько бочекъ добраго вина, собственнаго приготовленія, колодецъ глубины неизмѣримой, тщательно выложенный камнемъ; взгляните на домашнюю фабрику колониста, или сельскихъ экипажей, или шерстяныхъ, или бумажныхъ тканей; загляните въ сарай его, въ которомъ стоитъ нѣсколько повозокъ укладистыхъ, легкихъ, простыхъ, красивыхъ;—въ конюшнѣ найдете нѣсколько паръ добрыхъ, хорошо содержимыхъ, коренастыхъ лошадокъ, ременную сбрую, въ порядкѣ висящую на стѣнѣ, длинный бичъ, стоящій въ углу, ясли, полъ. За конюшней вамъ представятся большіе стоги сѣна, особенно хорошо уложенные; нѣсколько стоговъ соломы, правда, измятой отъ особаго рода молотьбы посредствомъ лошадей,—пирамиды правильно сложеннаго топлива (кизяка). Удостойте заглянуть въ хлѣвъ,—увидите превосходной породы рогатый скотъ, не рѣдко найдете голландскихъ коровъ, постоянно черкасскихъ быковъ и воловъ; необыкновенно хорошо откормленныхъ свиней, которымъ выстроенъ, впрочемъ, всегда особый маленькій хлѣвокъ. Перейдите на черный дворикъ и вы невольно залюбуетесь стадомъ куръ всевозможныхъ породъ: тутъ вамъ представятся и голландскія на высокихъ ногахъ, граціозныя, стройныя (несущія такія крупныя яйца) и приземистыя съ развѣсистыми хохлами, мохнатыми ножками, пестрыя какъ кукушки и

нѣмецкія—черныя, съ мелкими золотыми пятнами и, такъ называемыя, голубыя—дымчатаго, пепельнаго цвѣта, и куцыя и цезарки. Словомъ, не видывалъ я нигдѣ такихъ разнообразныхъ породъ куринаго племени у простолюдина! А пѣтухи-то, пѣтухи! Просто: уму помраченье, какъ выразился бы капитанъ Копѣйкинъ! Не говорю о другой домашней птицѣ—всего много у колониста. Даже голуби, кошки, собаки, своимъ сытымъ видомъ доказываютъ заботливость хозяина. Наконецъ, зайдите въ палисадникъ—какое множество душистыхъ цвѣтовъ! За ними ходитъ хозяйка съ помощію дочерей. Вглядитесь, какой тщательный уходъ виденъ въ этомъ цвѣтникѣ! Сейчасъ замѣтно, что онъ подъ особымъ попеченіемъ трудолюбивой женщины.

Однимъ словомъ, колонія вамъ во всѣхъ частяхъ своихъ представитъ отрадное явленіе, на всемъ вы увидите печать просвѣщенной заботливости, аккуратности, вознагражденнаго труда.

Войдите въ домикъ колониста. Домъ раздѣленъ на двѣ половины большими сѣнями, глубина которыхъ отрѣзанная плотною стѣною, составляетъ кладовую. На одной половинѣ дома происходитъ вся черная работа, — совершаются всѣ тайны домашняго хозяйства: тамъ большой очагъ съ котлами; тамъ же и ткацкій станокъ, или другая какая либо машина; тамъ же и маслобойки и насѣдки съ цыплятами и колыбелька дитяти, словомъ, все что должно быть подъ рукой у хозяйки, которая, засучивъ рукава своего синяго платья, не уставая хлопочетъ цѣлый день.

Войдите въ другую половину. Крашеный полъ; чистыя окна, кровать подъ пологомъ, до верху накладенная подушками, подъ чистымъ одѣяломъ; лакомъ покрытый столъ съ разрисованными на немъ пестрыми растеніями и еще пестрѣйшими птицами; нѣсколько стульевъ, иногда диванъ, всегда цвѣты на окнахъ и стѣнные часы, большіе, расписаные сундуки съ хозяйскимъ добромъ и шкапъ со стеклами, въ верхней части за которыми видите симметрически разставленный фаянсъ, стекло, торчащія нейзильберныя ложечки, кофейники различныхъ величинъ, иногда самоваръ и московскіе жестяные подносы.

Въ *красномъ* углу, въ рамкѣ съ золотымъ бордюромъ (работы домашняго искусника какъ видно)—литографированный образъ Спасителя—„Salvator mundi“; онъ окруженъ нѣсколькими десятками раскрашенныхъ и не раскрашенныхъ нѣмецкихъ литографій, изображающихъ сцены изъ священной исторіи. Образа, покрывающіе уголъ, обыкновенно окружены нѣсколькими кусками разноцвѣтныхъ обоевъ, прибитыхъ гвоздиками. Правѣе, посреди стѣны, небольшое зеркало въ зеркальныхъ же рамкахъ, ярко расписанныхъ красками. Въ каждомъ домикѣ непремѣнно портретъ Императора, Императрицы и или князя Воронцова, или генерала Инзова. У зажиточнаго увидите всѣ эти портреты, столь драгоцѣнные жителю колоній, да еще портретъ какого-нибудь извѣстнаго въ окрестности пастора или любимаго писателя,—иногда Шиллера,—иногда портретъ Наполеона,—да двѣ три маленькія картинки—плохія литографіи, изображающія какую нибудь небывалую долину, въ глубинѣ которой, подъ сѣнью громадныхъ скалъ, журчитъ ручеекъ и на

берегу у розовыхъ кустовъ пастушокъ обнимаетъ пастушку, уронившую корзину цвѣтовъ, между тѣмъ какъ вѣрная собака сгоняетъ въ кучу разбѣжавшихся барашковъ. Нѣмецъ, хоть и поселянинъ, хоть и колонистъ, а все-таки, въ немъ хоть немножко да есть сантиментальности.

Въ колоніяхъ и окрестъ ихъ царство довольства и благосостоянія, которое впрочемъ, колонисту не даромъ достается: земля колонистовъ обильна, правда, но земли этой становится имъ мало,—населеніе ихъ увеличивается, а владѣютъ они тѣмъ же количествомъ земли, какимъ владѣли ихъ дѣды, сюда переселившіеся; при томъ, со временемъ, отъ смѣшенія родовъ, произошла черезполосность владѣній, что нѣсколько стѣсняетъ хозяевъ въ ихъ сельскихъ занятіяхъ. Эти маленькіе шипы не имѣютъ, впрочемъ, большаго вліянія на благосостояніе колонистовъ, а только побуждаютъ ихъ трудиться нѣсколько больше, чѣмъ бы они трудились въ другихъ обстоятельствахъ. Но трудъ никогда не дѣйствуетъ злотворно на нравственную сторону простаго человѣка и колонисты вполнѣ довольны своею судьбою: любятъ новое отечество свое, какъ любимъ его мы—его исконные дѣти и готовы для него, подобно намъ, жертвовать всѣмъ добромъ своимъ *).

Мы опять въ необозримой степи, опять нѣтъ предъ очами ни жилья,

---

*) Это колонисты доказали въ настоящую кампанію. Одно только подробное исчисленіе жертвъ, принесенныхъ колонистами южной Россіи, особенно менонитами, было бы краснорѣчивою страницею въ исторіи этихъ колоній, служило бы живымъ свидѣтельствомъ ихъ любви къ Россіи, ихъ сочувствія нашему великому дѣлу. Я изъ опыта знаю нѣсколько такихъ жертвъ, но чтобы разсказать о нихъ здѣсь, кстати, я долженъ опередить свой дневникъ.

Въ послѣднемъ нашемъ походѣ въ Крымъ, отъ границъ турецкихъ, мы проходили много колоній и вездѣ находили любовь и привѣтъ; нигдѣ не имѣли ни одного непріятнаго столкновенія съ жителями, ни одного случая, который бы говорилъ не въ пользу колонистовъ. Говорю про себя только, то-есть про свою дивизію, не могу сказать при другихъ, потому что не шелъ съ ними; но, судя по аналогіи, другіе находили такой же пріемъ. Мы становились лагеремъ по большей части или бивакомъ, довольствовались, разумѣется, изъ котла, но лазареты, разные штабы, конвой—наполняли собою деревни и ни разу не случилось, чтобы жители позволили варить казенную кашу своимъ постояльцамъ,—сами ихъ кормили, да еще и на дорогу снабжали кускомъ мягкаго хлѣба или лепешкой, что очень было по-нутру солдатамъ: зубы ихъ порядкомъ уже попритупились на сухарѣ.

Отъ Алешекъ мы пошли переходами, какими едва ли важивалъ своихъ солдатъ батюшка Суворовъ! Быстраго движенія требовали военныя обстоятельства: нашихъ было очень мало въ Крыму, особенно же въ Севастополѣ. Мы не знали даже ночлеговъ на всемъ пространствѣ отъ Днѣпра до Черной рѣчки, кромѣ Перекопа, гдѣ намъ велѣли *вздохнуть*. Мы приходили на станцію, съѣдали свою кашу и шли дальше. О подробностяхъ этого, можетъ-быть безпримѣрнаго, похода поговоримъ послѣ, теперь же я только хочу разсказать, какое участіе въ этомъ спѣшномъ движеніи принимали колонисты. Конечно, мы не могли пройти пѣшкомъ огромнаго предстоявшаго пространства въ нѣсколько дней и, прійдя, тотчасъ быть готовыми въ бой,—и вотъ колонисты, съ пространства верстъ на 500 въ окружности, явились въ числѣ болѣе пяти тысячъ человѣкъ на своихъ прекрасныхъ фургонахъ, запряженныхъ парами крѣпенькихъ лошадокъ, и добровольно предложили свои услуги. Съ ихъ-то помощію прокатилъ въ самое короткое время трехсотверстное разстояніе весь нашъ корпусъ (4-й), три дивизіи пѣхоты, вся артиллерійская прислуга, стрѣлки и саперы. Цѣлый мѣсяцъ колонисты стояли по указаннымъ имъ станціямъ, подвергаясь всѣмъ трудностямъ бивачной жизни, всѣмъ лишеніямъ, какія только можетъ испытать простой человѣкъ, отбившись отъ дому на нѣсколько сотъ верстъ и живя нѣсколько недѣль преимущественно въ открытомъ полѣ. Отвозя одинъ полкъ на станцію, колонисты возвращались, забирали другой полкъ и везли его опять впередъ на одну станцію. Такое путешествіе они должны были совершить отъ 12 до 15 разъ, и ни одной станціи, самой

ни деревца. Только туземцу мила степь, какъ мило все родное, а по мнѣ— ея хоть ввѣкъ не будь!... Глаза заболятъ, глядя въ даль; хоть бы что нибудь увидѣть: небо да земля,—земля да небо, да кое гдѣ громадный коршунъ впился глазами въ землю и торчитъ въ поднебесьѣ, распластавъ крылья. Правда, что воздухъ чистъ, легокъ; но воздухомъ, пропитаннымъ ароматомъ кустарниковъ и перелѣсковъ, по моему, какъ-то отраднѣе дышать! Однако, вотъ что-то новое...

То облако блеститъ: заря на небесахъ...
О нѣтъ! то свѣтлый Днѣстръ, то лампа Аккермана.
. . . . . .

5-го октября.—Овидіополь.

Городъ вродѣ деревни, безпорядочно раскинувшійся на крутомъ лѣвомъ берегу Днѣстровскаго лимана или такъ-называемаго „Овидіева озера“.

малой для нихъ, не было меньше тридцати верстъ. Не легко имъ было, и что-жъ?—кромѣ ласки съ ихъ стороны, кромѣ добраго слова,—кромѣ братскаго привѣта, мы ничего отъ нихъ не слыхали,—кончили добровольно принятую на себя обязанность и, насъ же благодаря за ласковое съ ними обхожденіе, поѣхали по домамъ.

Мы были посланы въ отрядъ генерала отъ инфантеріи князя Горчакова I-го, стоявшій на Черной рѣчкѣ. Тамъ мы опять имѣли случаи почувствовать истинную признательность къ колонистамъ. Они на нѣсколькихъ стахъ подводахъ привезли, изъ дальнихъ колоній, множество всякой всячины—добровольнаго приношенія солдатамъ: горы картофеля, луку, фасоли, ячменя, овса. Солдатамъ все съѣдомое выдавалось не въ зачетъ ихъ обыкновенной дачи; зерно роздали артиллерійскимъ лошадямъ также не въ зачетъ отпускаемаго отъ правительства фуража. Солдатики, лакомясь картофелемъ, испеченнымъ въ золѣ бивачныхъ костровъ,—отзывались о Нѣмцахъ съ отличной стороны. Но благодарность не однихъ только облагодѣтельствованныхъ колонистами, а благодарность всего человѣчества заслужили добрые Нѣмцы менониты поступкомъ, о которомъ хочу разсказать далѣе.

Театръ войны, загорѣвшейся въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, какъ всѣмъ извѣстно, слишкомъ быстро, силою обстоятельствъ, былъ перенесенъ съ береговъ Дуная на роскошные берега Салгира. Въ Крыму не могло быть сдѣлано всѣхъ военныхъ приготовленій для такой значительной арміи, какая вдругъ образовалась на полуостровѣ,

Битва на Алмѣ, продолжительное бомбардированіе Севастополя, дѣло 13 октября на Чоргунѣ, дѣло 24 октября на Инкерманскихъ высотахъ, ежедневная перестрѣлка и безпрестанныя вылазки защитниковъ Севастополя не могли обойтись безъ большей прибыли нашихъ раненыхъ; если же прибавить къ тому самое даже незначительное заболѣваніе людей обыкновенными болѣзнями—и раненыхъ плѣнныхъ непріятелей, то сдѣлается яснымъ, что цифра требующихъ правильнаго лѣченія вышла довольно значительною въ войскахъ, собравшихся подъ Севастополемъ, а слѣдовательно, чтобы успокоить больныхъ, много было нужно готовыхъ средствъ, устроенныхъ пріютовъ, кромѣ медицинскихъ пособій, тщательнаго ухода, дѣятельнаго присмотра. Въ короткое время ближайшій къ театру дѣйствій городъ Симферополь наполнился больными; ихъ было необходимо эвакуировать далѣе — въ глубь Россіи. Что же дѣлаютъ Менониты Молочныхъ Водъ? — на свое полное попеченіе берутъ изъ Симферополя 5.000 раненыхъ и больныхъ, увозятъ ихъ въ свои колоніи, даютъ имъ отличное помѣщеніе и пищу по назначенію медика. Жены и дочери ихъ принимаютъ на себя священную обязанность сестеръ милосердія, сами перевязываютъ ихъ раны, бѣлье свое рвутъ на корпію и бинты, ходятъ за страдальцами, какъ за родными дѣтьми и братьями, и не допускаютъ Правительство ни до какихъ издержекъ для тѣхъ, кого они взяли на свое попеченіе, — требуютъ только медиковъ и лѣкарствъ.

По нѣскольку человѣкъ помѣщено въ чистомъ домикѣ, уложено на мягкихъ постеляхъ въ часто перемѣняемомъ хозяйскомъ бѣльѣ, содержатся на сытой, здоровой пищѣ, подъ нѣжнымъ присмотромъ женщины. Подумайте, во сколько разъ скорѣе раненые оправятся здѣсь, чѣмъ оправились бы они въ атмосферѣ благоустроеннѣйшаго изъ госпиталей!

Сколько человѣкъ сохранили своимъ подвигомъ менониты для будущихъ битвъ!

Вотъ какъ отслужили они матушкѣ Россіи за пріютъ, имъ дарованный въ одномъ изъ ея лучшихъ уголковъ, и за благосостояніе, котораго элементы найдя въ немъ, они съумѣли развить и усвоить.

Видъ города навѣваетъ на душу тоску и уныніе. Ни жизни, ни движенія (жителей въ немъ обоего пола до 3.500 человѣкъ); вмѣсто домовъ преимущественно мазанки и землянки; только церковь Святителя Николая величаво возносится красивымъ зданіемъ своимъ на площадкѣ, да небольшія зданія карантинной заставы напоминаютъ, что Овидіополь—городъ, а не деревня. За то какой видъ предъ нами! Зеркальный лиманъ направо продолжается Днѣстромъ, исчезающимъ въ пространствѣ налѣво, постепенно расширяясь, перехватывается едва обрисованною *„Косою“*, перерѣзывающею его будто плотина. Лиманъ прямо передъ нами обрамливается кручью праваго берега и раскинутыми на немъ зданіями г. Аккермана, съ большими постройками военнаго госпиталя, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города, и прекрасно сохранившимися остатками Генуэзской крѣпости; силуетъ ея рисуется насупротивъ Овидіополя на ясномъ, свѣтлоголубомъ небѣ. Сюда идетъ пароходъ. Водная гладь оставляетъ на себѣ волнистый слѣдъ могучаго бѣга, осеннее небо служитъ чудеснымъ полемъ красивому извиву пароходнаго дыма, густо ложащагося за быстрою машиной... Перевозъ черезъ лиманъ, благодаря просвѣщенной заботливости князя М. С. Воронцова, съ нѣкотораго времени здѣсь производится пароходомъ. Мы переѣхали въ Аккерманъ (Бѣлый городъ). Вотъ полуразрушенная, покинутая крѣпость, *„коварной Генуи гнѣздо“*, впослѣдствіи обратившееся въ зловѣщее гнѣздо ислама, чему видимымъ доказательствомъ служитъ высокій минаретъ на площадкѣ крѣпости, въ которую мы вступили, по трепещущему отъ времени подъемному мосту. Эта площадка обнесена съ трехъ сторонъ толстыми, высокими стѣнами, кое-гдѣ осунувшимися; съ четвертой же, съ сѣверной, стороны она ограждена большою стѣною съ башнями, бойницами и воротами, вступивъ въ которыя, мы увидѣли второе отдѣленіе крѣпости съ нѣсколькими каменными зданіями турецкой архитектуры и цитаделью, въ которую вѣроятно былъ превращенъ Турками старый Генуэзскій замокъ. Тутъ на одной, самой большой башнѣ, высоко отъ земли, видна мраморная доска съ прекрасно сохранившимся какимъ-то гербомъ: въ рыцарскомъ щитѣ треугольникъ, съ угломъ въ серединѣ. Рядомъ съ этимъ гербомъ двѣ строчки какой-то надписи, которыя едва можно усмотрѣть простымъ глазомъ. Цитадель значительной высоты. На площади у цитадели валяется русское чугунное орудіе большаго калибра съ надписью 1805 года августа 17 дня. Этотъ замокъ былъ нѣкоторое время нашею крѣпостцой и съ тѣхъ, вѣроятно, поръ это орудіе здѣсь опочиваетъ. Прошло то время, когда

... правилъ Буджакомъ паша
Съ высокихъ башенъ Аккермана,

и онѣ, забывъ о своемъ быломъ величіи и могуществѣ, мирныя, тихія, какъ бы трепещущія отъ дряхлости, словно старые ветераны, вышедшіе погрѣться на солнышкѣ изъ скучной своей богадѣльни, картинною группой спускаются къ самому Днѣстру, не представляя путнику ничего замѣчательнаго, кромѣ живописнаго вида, повторяющагося въ мутныхъ струяхъ быстрой рѣки.

Но пароходъ отходитъ; долѣе нѣсколькихъ минутъ нельзя оставаться въ замкѣ,—бѣгомъ назадъ... Осторожнѣе по мосту; ровъ, черезъ который онъ перекинутъ, такъ глубокъ и широкъ, что невольно подивишься трудолюбію тѣхъ, которые его вырыли и такъ щегольски выложили тесанымъ камнемъ. Впрочемъ нечему дивиться: Турки—мастера рыться въ землѣ, громоздить укрѣпленія; работаютъ они не своими руками, а руками христіанъ, имъ подвластныхъ,—чего же жалѣть ихъ? Для чего, какъ не для кроваваго труда, они, по ихъ мнѣнію, и созданы?...

И въ городѣ не удалось забѣжать, а онъ замѣчателенъ въ мірѣ промышленномъ въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, по большой торговлѣ винами, близъ него добываемыми и извѣстными подъ именемъ „аккерманскихъ“; вовторыхъ, какъ центръ соляной торговли Бессарабской области.

Что касается до винодѣлія Аккермана и его окрестностей, то очень немудрено, что Генуэзцы, еще во время своего здѣсь владычества, положили основаніе этой промышленности; но многіе писатели приписываютъ разведеніе виноградниковъ въ Аккерманѣ обитавшимъ нѣкогда здѣсь Грекамъ. Съ незапамятныхъ временъ аккерманскія вина пользуются нѣкоторою извѣстностію въ сосѣднихъ странахъ.

Здѣшніе виноградники—самые обширные въ Новороссійскомъ краѣ, исключая, разумѣется, Крыма, и даютъ въ изобиліи самое добротное въ этомъ краѣ вино.

Нынѣ около Аккермана существуютъ 1.200 виноградныхъ садовъ, разведенныхъ преимущественно на городской землѣ, по дорогѣ къ швейцарской колоніи Шабѣ. „Всѣ эти виноградники,—говоритъ Скальковскій *),—тѣмъ замѣчательнѣе въ этомъ краю, что разведены на глубокихъ красножелтыхъ пескахъ, которыхъ подпочва состоитъ изъ бѣлой и весьма плотной глины. Виноградъ свободно стелется по песку, который, согрѣваясь въ жаркое лѣто, даетъ возможность скоро созрѣвать ягодамъ“. И дѣйствительно, виноградъ, который я увидѣлъ у аккерманскихъ торговокъ, сидѣвшихъ подъ древнею стѣной замка, на пароходной пристани, поразилъ меня: что за величина гроздій, что за сладость, что за вкусъ плода! Право, ни въ Россіи, ни въ Валахіи я не ѣдалъ такого винограда, и если встрѣчалъ прекраснѣйшій, если гдѣ въ болѣе поэтической красотѣ и являлся мнѣ *„янтарь и яхонтъ винограда“*, то это лишь на благотворныхъ берегахъ Тиссы, на цвѣтущихъ скатахъ роскошныхъ окрестностей Маада и Токая... Изъ превосходнаго винограда, котораго въ аккерманскихъ городскихъ садахъ считается три милліона лозъ, ежегодно выдѣлывается вина отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ ведеръ. Вина эти не только потребляются на мѣстѣ, но идутъ далеко внутрь и на западъ Россіи, гдѣ промышленные жидки, да наши смѣтливые погребщики творятъ изъ него цѣлые ассортименты самыхъ разнообразныхъ винъ: бутылки ихъ, украшенныя писанными ярлыками и узорчатыми печатями, продаются не дешево. Изъ этого-то вина преимущественно приготовляется у насъ то, которое Ноздревъ

*) *Скальковскій*: „Опытъ хозяйственной статистики Новороссійскаго края“. Ч. I, гл. 1.

назвалъ французскимъ виномъ: *бонбонъ*, и въ которомъ, по его словамъ, есть и запахъ, и розетка, и все что хочешь *).

Но мы вновь на пароходѣ, вновь несемся по Овидіеву озеру. Сколько думъ навѣваетъ это названіе Днѣстровскаго лимана, или присвоенное ему отъ города Овидіополя (названіе котораго, съ именемъ города Одессы, придумано Императорскою Академіею Наукъ въ царствованіе Екатерины II), или же данное ему съ древнихъ временъ, въ память славнаго изгнанника, скитавшагося на этихъ величавыхъ берегахъ, который, говорятъ,

Имѣлъ пѣсенъ дивный даръ,
И голосъ шуму водъ подобный.

Мѣстные жители увѣряютъ что десятилѣтнее пребываніе здѣсь въ изгнаніи Овидія вовсе не миѳъ. Утверждаютъ, будто бы здѣсь хранится преданіе, что во времена оны пришелъ сюда, съ береговъ Тибра, необыковенный человѣкъ, ласковый какъ ребенокъ и добрый какъ отецъ; что онъ часто вздыхалъ и говорилъ самъ съ собою, въ началѣ своего пребыванія въ этой странѣ, но потомъ, когда выучился языку жителей страны, сталъ слагать пѣсни на этомъ языкѣ,—пѣсни, которыхъ заслушивался народъ. Этими пѣснями онъ привлекъ къ себѣ всѣ сердца и людямъ, съ которыми онъ говорилъ, казалось, что изъ устъ его течетъ медъ!...

Приближаемся къ городу. Картина пустыни. Налѣво, въ полуверстѣ отъ города, остатки русской крѣпостцы, наблюдавшей, въ свое время, за турецкимъ Аккерманомъ и при основаніи города Овидіополя имѣвшей своего коменданта. Эта крѣпостца построена не на мѣстѣ ли замка Монкастро, которымъ, по словамъ польскихъ историковъ, овладѣлъ Ольгердъ Литовскій, преслѣдуя разбитыхъ имъ Татаръ до самаго Днѣстровскаго лимана?

Однако теперь не до историческихъ воспоминаній, въ особенности намъ, солдатамъ: не успѣешь и задуматься о давнопрошедшемъ, какъ настоящее швырнетъ тебя изъ одного мѣста въ другое, призывая быть свидѣтелемъ и участникомъ событій, одно другаго знаменательнѣе.

Вновь курьеръ! Вновь походъ!... Намъ указано форсированное движеніе въ Крымъ. Короче нашихъ сборовъ ничего быть не можетъ. Утромъ другаго дня вновь загремѣли родныя пѣсни; запрыгалъ отдохнувшій конь; запрыгало сердце подъ говоръ новыхъ надеждъ, новыхъ ощущеній... Полтора года мы скитались и дрались не мало; но не дрался еще никто изъ насъ на родной землѣ, на землѣ отечества... Видѣли много мы труповъ вражьихъ, устилавшихъ землю, но то были трупы турецкіе... И вотъ нашему корпусу предоставлена честь: устремясь съ береговъ Дуная, обогнуть почти четверть Чернаго моря и стать лицомъ къ лицу съ отборнѣйшими войсками двухъ могущественныхъ державъ европейскихъ. Намъ суждено встрѣтиться съ незва-

*) Все это, такъ сказать, древняя исторія. Въ настоящее время, благодаря Бога, русскія виноградныя вина, подъ своимъ настоящимъ именемъ, подаются даже при Дворѣ и употребляются во всей Россіи. Прим. 1891.

ными гостями. Незваными!?... Но Русскій всегда радъ гостямъ,—милости просимъ! Жалуйте, дорогіе, жалуйте! Пиръ готовъ, брашно на столѣ, питье заварено, только бы не показалось оно вамъ хмѣльно!... Жалуйте,—хозяева ждутъ васъ съ тѣмъ же хлѣбомъ-солью, съ какимъ встрѣчали, въ незабвенный годъ, вашихъ отцовъ и братій въ стѣнахъ Москвы, въ лѣсахъ Смоленскихъ! Идите: въ Россіи Энгельгардовъ много, умѣютъ состряпать угощеніе на славу.... А мы, братья тѣхъ, что встрѣтятъ васъ на берегахъ *русскаго* моря, бѣжимъ къ вамъ съ распростертыми объятіями,—чудный ждетъ васъ пиръ. Кровью напѣнимъ мы праздничный фіалъ.... Спѣшите распить съ нами завѣтную чашу; не бойтесь, не впервые намъ пить ее до дна; не пріучаться стать. Упьемся мы, ляжемъ мы на вѣчный покой; стекутся наши братья, прійдутъ дѣти наши, а не оставитъ радушная Россія безъ вниманія и почета гостей своихъ: уложитъ она, уложитъ ихъ въ покойную постель, толстымъ, пушистымъ покровомъ прикроетъ ихъ она, покровомъ земли родимой; высокій, подобный пирамидамъ, свидѣтелямъ былой ихъ славы, насыплетъ она курганъ надъ костями пришельцевъ и ясно, и четко, на позорище вѣкамъ грядущимъ, напишетъ на немъ: здѣсь опочили мои незваные гости!

7 октября.—Одесса.

Давно я не видалъ нашей южной красавицы и нынѣ нахожу въ ней большія перемѣны. Она смотритъ теперь героинею. Изъ торговки она прекратилась въ амазонку, изъ вѣтреной щеголихи, поклонницы модъ и свѣтскаго шума—сдѣлалась вѣрною слугой отчизны, полною готовности отдать за нее и свои богатства, и свою жизнь. Одинъ урокъ пересоздалъ ее: нѣсколько часовъ испытанія огнемъ и желѣзомъ, вынесенныхъ ею въ тѣ памятные дни, которые посвящаются у насъ христіанскимъ воспоминаніямъ о страданіяхъ Богочеловѣка, измѣнили, на нѣкоторое время, и ее, и характеръ ея жителей. Одесса измѣнила даже наружный видъ. Гдѣ эти горы пшеницы, что бывало подъ открытымъ небомъ на улицахъ безпрестанно растутъ, увеличиваясь золотыми потоками роскошнаго зерна, текущими изъ третьяго, четвертаго этажей великолѣпныхъ зданій? Вмѣсто этихъ золотистыхъ горъ вознеслись другія горы, доселѣ невиданныя здѣсь—горы ядеръ и бомбъ, сложенныхъ въ лучшей части города—у батарей набережной. Гдѣ эти необыкновенныя вереницы чумацкихъ подводъ, запружавшія, бывало, по нѣскольку улицъ вмѣстѣ, везя хлѣбъ въ одну сторону и заморскіе товары въ другую?

Посмотрите, какъ всѣ почти предметы измѣнились здѣсь, освѣщенные не тѣмъ уже, что прежде, свѣтомъ,—кровавое зарево войны на все бросило свой отблескъ: опустѣла биржа, не видно на ней суеты, бѣготни, прежней дѣятельности; исчезло многолюдство, замолкъ шумъ смежныхъ съ биржею казино; на рейдѣ, какъ бѣлые гоголи, едва колышатся только нѣсколько австрійскихъ и греческихъ судовъ. Все измѣнилось: шелкъ и золото прикрылись солдатскимъ плащомъ; шлемъ и латы нынѣ признаются лучшимъ убран-

ствомъ, оружіе—лучшимъ украшеніемъ, изящнѣйшею игрушкою; война вошла въ моду: только и рѣчи въ обществахъ, что объ Алминскомъ дѣлѣ, о движеніи союзниковъ къ Севастополю, о планахъ князя Меньшикова, о намѣреніяхъ Канробера, о его разладѣ съ Рагланомъ, о незабытой еще бомбардировкѣ самой Одессы.

Книжные магазины наполнены картами Крыма, военными сочиненіями; въ окнахъ—портреты Щеголева, генерала барона Остенъ-Сакена.

Щеголевъ здѣсь самое народное имя: всякій мальчишка, всякій извощикъ знаетъ его въ лицо, знаетъ его квартиру, его привычки, его время препровожденія. А la Щеголевъ здѣсь сигары, пирожки въ кондитерскихъ, серьги, брошки, кольца, папиросы, шинели, носовые платки съ его портретомъ, гипсовыя и гуттаперчевыя его статуэтки и проч. и проч.

Во всѣхъ магазинахъ, лавочкахъ, у всѣхъ токарей множество чубуковъ для сигаръ, коробочекъ для спичекъ, набалдашниковъ для трости,—все съ маленькою бляшкою и съ надписью: „Тигръ“, такого-то числа 1854 года; т.-е. всѣ эти вещи будто сдѣланы изъ дерева, погибшаго у Одесскаго берега, парохода „Тигръ“.

У каждаго фотографа видите портреты всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ на военномъ пароходѣ „Тигръ“, и портретъ капитана этого несчастнаго судна Джеффорда—въ гробу.

Множество магазиновъ вовсе закрыто, множество другихъ объявляютъ въ газетахъ, также выставленными въ окнахъ надписями prix fixe, vente au grand rabais и особенными вывѣсками, что дескать они прекращаютъ свою торговлю, отъѣзжая за границу, и потому спѣшатъ продать свой товаръ; а между тѣмъ всѣ привозные товары значительно вздорожали. Только квартиры сдѣлались дешевле, потому что множество семействъ уѣхало послѣ бомбардировки, забравъ съ собою свое имущество, такъ что квартиры отдаются пустыя, безъ мебели и необходимаго убранства.

Европейская гостиница прекрасна попрежнему, ея оркестріонъ гремитъ, въ ней все дешево, вкусно, отлично сервировано; прислуги много, страдать отъ ея медленности не приходится; нынѣ и эта гостиница и театръ наполнены военными; какъ прежде рѣдко можно было здѣсь встрѣтить мундиръ, такъ нынѣ рѣдко встрѣчаешь фракъ.

Во всѣхъ почти домахъ военный постой, чего прежде не знали жители.

Вездѣ мелькаютъ сѣрые плащи солдатъ и непремѣнно гдѣ-нибудь видишь тянется военный отрядъ: одни приходятъ, другіе уходятъ.

Вообще одесская жизнь получила военный характеръ. Попрежнему на приморскомъ бульварѣ толпы гуляющихъ; попрежнему стоитъ у береговаго гранита множество лицъ, разсматривающихъ въ трубы кораблики, кочающіеся на горизонтѣ, но это уже не тѣ столь любезные Одессѣ корабли, заключавшіе въ себѣ ея жизнь и благосостояніе, это виднѣются непріятельскія суда, блокирующія Одессу. Кровавые памятники ихъ сближенія съ нею видны на стѣнахъ одесскихъ домовъ: начальство города, на память потомству, при-

казало всѣ мѣста сдѣланныхъ союзнымъ флотомъ пробоинъ въ одесскихъ домахъ при бомбардированіи города означить красною краскою съ лаконическою надписью: „страстная суббота 1854 года“.

Одно изъ французскихъ ядеръ легло къ стопамъ своего знаменитаго соотечественника, почтеннаго благодарною Одессою величавымъ памятникомъ. Поврежденный пьедесталъ монумента Дюка де Ришелье исправленъ, отбитая ядромъ часть гранита замѣнена бронзовымъ приливомъ съ изображеніемъ ядра-разрушителя!...

Другой, драгоцѣнный Одессѣ памятникъ — Щеголевская батарея. Конечно, несмотря на краткость времени, бывшаго въ нашемъ распоряженіи, мы ее посѣтили. Слѣдовъ страшной борьбы, ею выдержанной, на ней уже не замѣтно. Ярко горитъ образъ Спаса съ теплящеюся предъ Нимъ лампадою и краткая надпись разсказываетъ повѣсть здѣсь совершившагося событія. Повторять ли эту повѣсть?—и безъ меня многіе ее нарисовали, разсказали, описали, воспѣли.

Молъ, на оконечности котораго стоитъ Щеголевская батарея, раскинутъ на лазурной поверхности моря, какъ хартія, повѣствующая о знаменательныхъ для Одессы событіяхъ: въ самомъ началѣ мола мы видимъ бронзовую доску; на этомъ мѣстѣ, какъ гласитъ ея надпись, Государь Императоръ Николай Павловичъ ступилъ на свою землю, возвращаясь изъ-подъ Варны въ 1828 году. Итакъ, первый шагъ на землю мола—воспоминаніе о славномъ для Россіи событіи; далѣе лежитъ пять громадныхъ пушекъ и якорь „Тигра“ съ вензелями королевы Викторіи; на оконечности мола прославленная батарея Щеголева, на которой одно изъ подбитыхъ непріятелемъ орудій замѣнено снятымъ съ „Тигра“ англійскимъ—бомбическимъ.

8-го октября.

Участь наша опредѣляется. Ночью получили приказаніе: сего дня выступаемъ и идемъ въ Крымъ форсированнымъ маршемъ, на подводахъ, какъ сказано въ предписаніи, объ изготовленіи которыхъ, въ возможно большомъ количествѣ на станціяхъ, сдѣлано распоряженіе. Изъ Крыма получены извѣстія. Всѣ громко говорятъ, что тамъ совершились чрезвычайныя событія. Союзники атаковали Севастополь. Борьба была ужасная. Мы вполнѣ восторжествовали, но пожатые нами лавры облиты кровью!...

Генералъ-адъютантъ Корниловъ, бывшій геніемъ-хранителемъ Севастополя, убитъ ядромъ на улицѣ, объѣзжая бастіоны.

Извѣстно достовѣрно, что Тотлебенъ успѣлъ построить батареи и вооружилъ ихъ 350-ю орудіями, снятыми съ потопленныхъ кораблей. Хомутовъ подослалъ въ помощь князю Меньшикову еще нѣсколько черноморскихъ баталіоновъ и Севастополь получилъ нѣкоторую самостоятельность.

Кончивъ свои приготовительныя работы, союзники открыли ужасное бомбардированіе съ моря и суши, чтобъ облегчить себѣ предстоявшую раздѣлку съ Севастополемъ на предположенномъ уже штурмѣ. Весь день длилась борьба, говорятъ—у союзниковъ произошла большая потеря. У насъ убито

800 человѣкъ, подбито много орудій; но у нихъ взорванъ линейный корабль и подбито 8 пароходовъ; обломки корабля, говорятъ, прибило въ тотъ же день къ бергу, такъ равно и трупы многихъ съ нимъ взорванныхъ.

Непріятель вышелъ изъ-подъ огня, не имѣвъ надъ нами успѣха. Штурмовыя колонны возвратились въ лагерь, не рѣшась атаковать насъ.

Вся Одесса кипитъ восторгомъ. Только и рѣчи что о побѣдѣ. Всѣ встрѣчаютъ другъ друга словами: „Слышали?“ — „Какже, какже, слава тебѣ Господи!“ — „Эхъ, Корнилова только жаль, на него всѣ надѣялись, какъ на лучшую твердыню; онъ бы навѣрно составилъ себѣ славу въ эту войну“.— Да, быть можетъ, его ждала великая судьба!...“

Государь особенно благоволилъ къ нему. Говорятъ, наканунѣ смерти Корнилову однимъ изъ прибывшихъ изъ Петербурга лицъ были переданы слѣдующія милостивыя слова Его Величества: „Скажи Корнилову, что какъ ни больно и ни тяжко Мнѣ свыкаться съ мыслью, но Я уже стараюсь готовить себя къ полученію извѣстія о взятіи Севастополя и гибели флота. За симъ Мнѣ остается молить Бога сохранить Мнѣ Корнилова, для постройки новаго флота!“

Сегодня собираемся въ походъ. Авось и намъ достанется доля славы. 12-я дивизія уже нѣсколько дней какъ *ушла* въ Севастополь.

Генералъ послалъ меня къ преосвященному Иннокентію просить удостоить своимъ благословеніемъ нашу дивизію, идущую на кровавый бой. Знаменитый витія удостоилъ меня продолжительною бесѣдою въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Онъ распрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ прошедшей кампаніи на Дунаѣ, говорилъ о настоящемъ положеніи союзниковъ въ Крыму: изъявлялъ сомнѣніе въ возможности успѣха ихъ предпріятія при тѣхъ средствахъ, какія Россія можетъ развить для ихъ сокрушенія, особенно въ Крыму, если только Австрія останется спокойною зрительницею происходящаго и если мы будемъ имѣть возможность двинуть огромныя свои силы на полуостровъ; особенно, говорилъ владыка, трудно имъ будетъ нынѣ, когда ихъ флотъ ужасно пострадалъ, какъ слышно, при двойной атакѣ Севастополя. Теперь уже они истощили всѣ средства,—откуда они возьмутъ новыхъ послѣ погрома?

Владыка съ любовью принялъ мою просьбу, принесенную отъ имени дивизіи—благословить ее, и предложилъ къ 11-ти часамъ собраться полкамъ на соборной площади.

Въ назначенный часъ Селенгинскій и Якутскій полки съ артиллеріею составляли общее каре на назначенномъ мѣстѣ, окруженномъ толпами народа. Раздался колокольный звонъ, и преосвященный Иннокентій съ чудотворною иконою Касперовской Божіей Матери, съ большимъ причтомъ, выступилъ изъ собора и посреди колѣнопреклоненнаго каре началъ напутственное молебствіе.

Только передъ штурмомъ Силистріи такъ усердно молились Камчатцы, какъ теперь молились эти солдаты. Чуетъ сердце другаго, что не долго ему останется биться въ тлѣнной оболочкѣ, и что скоро, быть-можетъ, духъ, его оживотворяющій, туда же воспаритъ, куда несутся теперь теплыя мо-

литвы великаго архипастыря. Но вотъ замолкло богослуженіе; Иннокентій оперся на посохъ, благодушными очами обвелъ воинскій строй и тихимъ, но внятнымъ голосомъ сказалъ мгновенно стѣснившимся къ самому аналою воинамъ-слушателямъ:

„Христолюбивые и побѣдоносные воины! Христолюбивые и потому побѣдоносные! Не долго досталось вамъ покоиться отъ вашихъ трудовъ и подвиговъ Задунайскихъ! По гласу Монарха, вы снова должны возстать и идти на полуостровъ Таврическій для наказанія и пораженія тамъ кичливыхъ враговъ нашихъ, кои, въ ослѣпленіи гордости и злобы, дерзнули, переплывъ море, вторгнуться въ эту древнюю область нашу, гдѣ пріялъ крещеніе еще Великій и Равноапостольный Князь Владиміръ, откуда вмѣстѣ съ нимъ вѣра христіанская пошла по всей земли Русской. Привѣтствуемъ васъ съ симъ новымъ походомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и благочестнымъ странствіемъ къ колыбели нашего христіанства и православія!... Поклонитесь, съ благоговѣніемъ поклонитесь ей, отъ лица всей земли Русской и станьте съ свойственнымъ вамъ мужествомъ противу изувѣрныхъ поклонниковъ Магомета и наглыхъ клевретовъ ихъ, за честь вѣры и креста Христова, за слезы и кровь собратій нашихъ по вѣрѣ.

„Если вы, памятуя, за Кого и за что сражаетесь, будете вести себя какъ подобаетъ воинамъ христолюбивымъ, отличаясь не однимъ мужествомъ и храбростью, а и вѣрою и упованіемъ на Бога, благодушнымъ перенесеніемъ нуждъ и трудностей, кротостію къ мирнымъ жителямъ и великодушіемъ къ самимъ побѣжденнымъ: то среди вашего стана будетъ присутствовать Самъ Господь силъ, въ рядахъ вашихъ будутъ невидимо сражаться за васъ сами Ангелы небесные—и врагъ, пришедшій *однимъ путемъ*, побѣжитъ отъ васъ *десятію путями*, побѣжитъ и не возможетъ ускользнуть отъ меча вашего. Между тѣмъ, да будетъ вѣдомо вамъ, что онъ, изъязвленный со всѣхъ сторонъ, теперь, безъ сомнѣнія, хотѣлъ бы на крыльяхъ вѣтренныхъ возвратиться вспять; но, стрегомый храбрыми дружинами нашими, не можетъ подняться съ мѣста. Остается только нанести ему послѣдній ударъ и свергнуть его съ береговъ нашихъ, какъ безобразный трупъ, въ пучину морскую. Честь эта предоставлена вамъ и вашему мужеству: спѣшите же воспользоваться столь рѣдкимъ случаемъ—на радость всей Россіи и къ славѣ возлюбленнаго Монарха нашего, дабы и мы возымѣли утѣшеніе скорѣе видѣть васъ побѣдителями и, вмѣстѣ съ вами, гласомъ радованія воскликнуть благодарственно: Слава въ вышнихъ Богу, на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!“

Мы едва удержались, чтобы не отвѣтить любимымъ своимъ крикомъ „ура“ на вдохновенную рѣчь русскаго Златоуста; но всѣ мы, толпившіеся близъ него офицеры, не могли не покрыть поцѣлуями его рукъ, его одежды. Когда нѣсколько успокоилось волненіе восторга слушателей, преосвященный благословилъ дивизію иконою нерукотвореннаго Спаса, вручилъ оный генералъ-лейтенанту Павлову и съ чудотворною иконою Касперовской Богоматери пошелъ по рядамъ солдатъ, окропляя ихъ святою водою. Долго

солдаты лобзали одежды великаго проповѣдника, просили не забывать ихъ въ своихъ святыхъ молитвахъ. Еще разъ благословивъ насъ въ далекій, а для многихъ послѣдній путь, владыка удалился въ соборъ при колокольномъ звонѣ и пѣніи клира, а мы потянулись въ походъ, провожаемые любопытствующимъ народомъ.

9-го октября.—Д. Дофиновка.

Черное море реветъ, какъ дикій звѣрь, у самой почтовой станціи. Мы пришли ночью. На таможнѣ войска пропускали безъ осмотра; вѣжливость таможенныхъ чиновниковъ до того простерлась, что экипажи, въ которыхъ ѣхало мое семейство, слѣдуя за полками, также не были осмотрѣны.

Станціонный смотритель, у котораго я остановился на ночлегъ, разсказывалъ чудеса о дѣйствіяхъ непріятеля, постоянно лавирующаго въ виду Дофиновки.

Мнѣ кажется, возьми самаго остроумнаго человѣка, и тотъ нарочно не выдумаетъ такихъ нелѣпостей, какія весьма легко создаются воображеніемъ нашихъ простолюдиновъ при разсказахъ о непріятелѣ.

Большая Одесско-Николаевская дорога пролегаетъ у самаго моря; по ней обыкновенно двигаются войска изъ Одессы, „А *онъ*,—говоритъ смотритель,—нѣтъ-нѣтъ, да и подойдетъ и начнетъ метать разныя снадобья на нашу Дофиновку, для потѣхи видно: все не долетаютъ, да въ воду юркаютъ. Только вотъ и пошли полки изъ *Одесты*, какъ слѣдуетъ быть, подходятъ къ селу—музыка играетъ, пѣсни поютъ. Какъ заслышали только на кораблѣхъ, начальникъ-то ихъ какъ взъѣстся, какъ закричитъ на матросъ: *Алламалла*—и давай палить по нашимъ. Одно ядро три сажени не долетѣло, другое перенесло черезъ войско, и пошелъ валять, и пошелъ не умолкая; но, благодаря Бога, пѣхота наша прошла и ни одного человѣчка не задѣло, а артиллерія, слышь, рысью тронулась и—тоже благополучно!“

Какъ слышалъ смотритель Дофиновской станціи, что начальникъ непріятельскихъ судовъ кричалъ своимъ матросамъ: *Алла-малла*—остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности...

12 октября.—Херсонъ.

Идемъ съ неимовѣрною быстротою. Необходимо торопиться: севастопольскія событія не ждутъ. Въ Николаевѣ насъ встрѣтилъ флигель-адъютантъ графъ Левашевъ, между прочимъ, съ распоряженіемъ—оставить каски въ особыхъ складахъ и, что называется, прибавить шагу!

Съ Николаева, т.-е. съ момента переступленія р. Буга, мы уже подъ командою князя Меньшикова.

Солдаты отъ души благодарятъ Свѣтлѣйшаго за распоряженіе объ оставленіи касокъ. Простое, кажется, распоряженіе, а между тѣмъ нѣсколькими подобными можно очень привязать къ себѣ солдатъ. И то сказать, эти шлемы не только не приносили намъ пользы, но дѣлали вредъ. Отъ дождей и по-

томъ сильныхъ жаровъ каски скоробились, сжались до того, что едва держались на головахъ солдатъ, давя ихъ и сжимая до головной боли. Небольшой вѣтеръ—глядишь—и летятъ каски съ головъ. А чистка ихъ мѣдныхъ украшеній, а сбереженіе чешуи, чтобъ не разорвалась, да звенья не разсыпались, да шишакъ чтобъ не сломался—развѣ мало это поглощало времени и труда? То ли дѣло фуражка: и спять въ ней ладно, и въ холодъ тепло, и въ жару не жарко, а головѣ легко и спокойно.

Въ Николаевѣ мы также оставили всѣ солдатскія тяжести и пошли дальше съ тѣмъ, что лишь кладется въ ранецъ солдата, закатавъ въ шинельный чехолъ мундиръ съ принадлежностями. Легко славно. Изъ Николаева мы выступили какъ изъ роднаго города: Селенгинскій полкъ угостила водкой и булками купчиха Соболева, а одинъ купецъ сдѣлалъ прощальный завтракъ офицерамъ: „въ спасибо, говоритъ, пріймите за Дунайскую службу, господа, да напредки не оставляйте угощать недруга какъ можно чище!“ Охотскому полку жители поднесли по чаркѣ водки и дали щи и кашу; Якутскому полку городское общество дало по чаркѣ водкѣ и по булкѣ на каждаго человѣка; солдатъ Камчатскаго полка общество накормило ужиномъ и завтракомъ. Херсонъ тоже не остался къ намъ равнодушнымъ: такъ, для солдатъ Якутскаго полка городъ безплатно приготовилъ баню, а солдатамъ Камчатскаго полка 2-й гильдіи купецъ Николай Ѳедоровичъ Панфиловъ поднесъ по чаркѣ водки.

Когда полки выступали изъ Николаева, какой-то старикъ солдатъ прихворнулъ и отсталъ, чтобы дождаться лазаретныхъ полуфурковъ, слѣдовавшихъ, по обыкновенію, въ хвостѣ колонны. Проѣзжала въ экипажѣ госпожа О. „Что ты отсталъ отъ своихъ, служивый?“ — „Не здоровится, матушка, крѣпко усталъ, за молодежью не сдюжу!“ — „Садись-ка со мною, голубчикъ“.

Служивый не заставилъ повторять приглашенія, и почтенная госпожа О. довезла усталаго солдата, до слѣдующей станціи. Ну, я думаю, старикъ долго будетъ молиться Богу за добрую барыню!

Предъ нами Днѣпръ, переправа весьма затруднительна. Въ облегченіе ея мы отправили всѣ казенные обозы и артиллерію на Бериславль, гдѣ устроенъ мостъ, а сами, на-легкѣ, пустились на *дубахъ* въ Алешки. Переправа, съ содѣйствіемъ мѣстной власти и нарочито командированныхъ морскихъ офицеровъ, произведена въ возможномъ порядкѣ и довольно быстро.

Г. Алешки.

Для меня Днѣпръ былъ Рубикономъ. Здѣсь я опять простился съ своею семьею, быть-можетъ, въ послѣдній разъ, опять въ перспективѣ рисуются бранныя тревоги и ужасная борьба. Но, нечего дѣлать, долгъ подавляетъ нѣжныя чувства, обязанность гражданина заставляетъ забывать всѣ другія обязанности, кромѣ обязанностей относительно друзей и братій, погибшихъ въ прошедшую кампанію, тѣни которыхъ доселѣ остаются не отомщенными.

Солдатъ и вещи повезли на *дубахъ;* мы отправились вечеромъ, передъ закатомъ, на небольшой парусной лодочкѣ подъ управленіемъ двухъ мальчишекъ. Изъ Днѣпра мы вступили въ рѣченку, вьющуюся между камышами плавней на пространствѣ болѣе десяти верстъ. Мальчишки выскочили на берегъ, взяли бичеву, привязанную къ верху мачты, и почти бѣгомъ пустились по берегу, увлекая насъ за собою. Ничего картиннаго намъ не представлялось. Горько было удаляться отъ праваго берега Днѣпра; тяжело было на сердцѣ; будущее казалось такъ мрачно, а обстановка окрестной природы увеличивала тоску—ее не разогнали Алешки, славныя только окрестными песками и арбузами.

Совсѣмъ было темно, когда мы вышли на берегъ города Алешекъ, построеннаго близъ бывшей неподалеку, съ 1709 по 1732 годъ, Запорожской сѣчи. Громадные костры камыша зажжены на берегу для освѣщенія пристани, къ которой безпрестанно, одинъ за другимъ, прибивались *дубы,* выгружая солдатъ и обозы. Пламя костровъ чудесно и картинно освѣщало едва колеблющіеся лѣса окрестныхъ камышей, сонныя волны, плещущія на желтый песокъ, группы военнаго люда, безпорядочный таборъ обоза и толпы перевозчиковъ, отдыхающихъ, послѣ тяжкаго труда, у пылающихъ огней.

Нашъ отрядъ уже ушелъ; приходилось догонять его на почтовыхъ. Пока привели намъ лошадей, мы *любовались,* въ единственной гостиницѣ Алешекъ, alfresco написанною на стѣнѣ картиною Синопской битвы, въ которой наши грозные моряки, стоя на корабляхъ, штыками поражаютъ Турокъ въ крѣпости, тогда какъ другіе Турки кувыркаются въ воздухѣ, съ самыми печальными рожами, надъ взорваннымъ кораблемъ!!...

13 октября.—Станція Колончакская.

Какіе глубокіе пески! Сейчасъ видно, что ѣдешь по пространству, бывшему нѣкогда морскимъ дномъ. Кругомъ песчаные холмы, горы песку, поросшія чахлымъ кустарникомъ, преимущественно насажденнымъ здѣсь, по распоряженію правительства, въ громадномъ количествѣ. До Брылевки иначе нельзя ѣхать, какъ шагомъ, несмотря на добротность лошадокъ и легкость повозки. Песокъ до ступицъ. Здѣсь ѣздятъ шибко только во время морозовъ, когда дорога бываетъ гладка и крѣпка, какъ столъ, или по первому санному пути.

Дорогой, смотрю, быстро ползетъ большая змѣя; я успѣлъ къ ней подбѣжать и перерубить ее саблею. Долго еще прыгали и вертѣлись ея половинки.

— Что это, змѣя или *ужака?*—спросилъ я ямщика.

— Змѣя.

— Можно умереть, если укуситъ?

— А кто его знаетъ!... Меня *вкусила,* такъ не умеръ. Нога было распухла, какъ колода стала, потомъ ее свело.

— Какъ же ты вылѣчился?

— Баба вылѣчила. На воду шептала, да смывала рану—и прошло.

Тутъ мы догнали своихъ, уже проѣхавшихъ песчаное пространство, на битой дорогѣ, въ голой, безпредѣльной степи, раскинутой предъ нами во всей ея пустынности и тоскливомъ однообразіи. Нигдѣ не видать деревца, высоты, деревеньки; только кое-гдѣ торчитъ курганъ, а кое-гдѣ и цѣлая группа ихъ, обвитая блестящими струями миража, красиво рисуется на горизонтѣ. Но появленіе нашего отряда въ степи придало ей другой видъ. Сотни нѣмецкихъ фургоновъ, нагруженныхъ ранцами, съ сидящими на нихъ солдатами съ поднятыми ружьями, представляютъ необыкновенную картину. Полуденное солнце горитъ на ихъ штыкахъ. Повозки окружены толпами быстро идущихъ солдатъ безъ оружія,—они положили его на повозки; кто въ шинелѣ на распашку, кто идетъ въ одной рубахѣ и штанахъ; шумятъ, поютъ пѣсни; солдатамъ кажется весело въ этомъ необыкновенномъ для нихъ походѣ: они острятъ, смѣются другъ надъ другомъ, смѣются надъ веренницами повозокъ, рысью возвращающихся съ слѣдующей станціи, чтобы поднять идущій за нами полкъ и везть его впередъ. Усталые садятся на мѣсто отдохнувшихъ и всѣ двигаются впередъ и впередъ, и день и ночь, только и отдыха, что во время приготовленія каши.

Нашъ солдатъ не боится труда; — главное только бы ему выспаться; а въ настоящемъ движеніи онъ можетъ хорошо выспаться на повозкѣ во время пути; слѣдовательно, такимъ образомъ мы можемъ проходить ежедневно значительное пространство.

Съ подобною быстротою переносился съ мѣста на мѣсто только Суворовъ въ Польшѣ, поражая конфедератовъ, нападая на нихъ, какъ снѣгъ на голову, въ мѣстахъ, гдѣ всего менѣе его бывало ждали...

Товарищъ нашъ Журавлевъ, состоящій при корпусномъ штабѣ для развозки приказаній, въ качествѣ курьера, проскакалъ сегодня изъ-подъ Севастополя, къ которому уже подошла наша 12 дивизія, въ Николаевъ. Конечно мы его забросали вопросами, изъ которыхъ главнымъ былъ: почему насъ такъ торопятъ? Круто что ли приходится нашимъ? Или хотятъ разомъ смять врага, не давъ ему хорошенько укрѣпиться?

— Ни то, ни другое,—отвѣчалъ Журавлевъ:—просто боятся, чтобы союзники не ушли, такъ и хотятъ поскорѣе накрыть!“

Тутъ впервые я увидѣлъ ногайскихъ Татаръ, оборванныхъ, на громадныхъ двуколесныхъ арбахъ, заложенныхъ одною крошечною лошаденкою, Татаръ въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, нѣкоторыхъ въ чалмахъ. Лица у нихъ не красивыя, будто раздавленныя. Узенькіе глазки, огромныя скулы, приплюснутый носъ, рѣдкіе усы и борода ясно доказываютъ ихъ монгольское происхожденіе. Исторія этого народа у насъ въ Россіи достойна замѣчанія.

Бывшіе наши властители, 200 лѣтъ держа насъ въ рабствѣ, Татары Золотой орды, къ которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежатъ Ногайцы, и по сокрушеніи ихъ могущественнаго царства, продолжали оставаться грозою нашихъ южныхъ провинцій, постоянно подвергавшихся, въ былое время, ихъ опустошительнымъ набѣгамъ.

По разрушеніи Золотой орды, въ теченіе вѣковъ, Ногайцы раздѣлились на четыре главныя племени, или *кабыли*, и со временемъ сдѣлались совершенно независимыми другъ отъ друга, подъ вліяніемъ обстоятельствъ и мѣстныхъ условій сблизясь съ сосѣдними къ мѣсту ихъ кочевья племенами и такимъ путемъ образовавъ какъ бы отдѣльные народы. Они покрывали весь югъ нынѣшней Россіи отъ Земли Донскаго Войска до Буджакской степи включительно.

На пространствѣ, нами теперь проходимомъ, кочевала Едичькульская орда, имѣвшая обязанностію охранять Крымъ отъ набѣговъ Запорожья.

Въ свою очередь Запорожье, казачество малороссійское и слободское было оплотомъ отъ набѣговъ Татаръ, оплотомъ, о который не разъ разбивались ихъ бурныя волны, но который не разъ и прорывали эти волны, какъ было въ 1769 году, когда всю Новороссію до самой Польши опустошилъ татарскій набѣгъ. Впрочемъ этотъ набѣгъ былъ послѣднимъ, графъ Панинъ обратилъ Татаръ въ подданство Россіи, преклонивъ ихъ къ тому добровольно въ 1770 году и ихъ поселили на рѣчкѣ *Конскія воды*, въ таврической губерніи, въ нынѣшнемъ мелитопольскомъ уѣздѣ; тамъ татары получили огромныя земли, гдѣ могли на свободѣ предаваться любимому своему промыслу—скотоводству, столь сообразному съ ихъ кочевымъ бытомъ. Но свѣтлѣйшій Потемкинъ, завоевавъ Крымъ, нашелъ неблагоразумнымъ оставлять татарскія орды въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ едва завоеваннымъ татарскимъ государствомъ и переселилъ въ 1784 году Ногайскую орду въ Уральскія степи, чѣмъ и разорилъ этотъ народъ до крайности.

Ногайцы не усидѣли на вновь отведенныхъ степяхъ, въ суровомъ климатѣ и бѣжали на Кавказъ. Нѣкоторая часть Ногайцевъ воротилась въ Новороссію и въ 1792 году поселилась на *Молочныхъ водахъ*. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились Ногайцы изъ Буджакской степи и въ настоящее время они, будучи прикрѣплены къ землѣ въ числѣ болѣе 30.000 душъ обоего пола, живутъ весьма богато, владѣя огромными землями, слѣдовательно имѣя полную возможность держать безчисленныя стада, особенно овецъ, табуны лошадей и верблюдовъ.

Ногайцы доселѣ во всей чистотѣ сохранили нравы и обычаи своихъ предковъ, ихъ образъ жизни, одежду и привычки. Они магометане, хотя не показываютъ большой ревности къ этой религіи, и ограничиваются исполненіемъ нѣкоторыхъ изъ ея обрядовъ.

Присутствіе нѣмецкихъ колоній въ ближайшемъ съ ними сосѣдствѣ не имѣло почти никакого вліянія на ихъ развитіе. Впрочемъ Ногайцы стали въ послѣднее время обращать большее вниманіе на хлѣбопашество и даже на садоводство: многія ногайскія деревни, близъ которыхъ сдѣланы Татарами искусственныя насажденія дикорастущихъ деревьевъ въ особыхъ плантаціяхъ, и самые аулы ихъ, по настоянію мѣстнаго начальства, начинаютъ обсаживаться деревьями и украшаться аллеями бѣлыхъ акацій и другихъ свойственныхъ краю деревьевъ, между которыми съ удовольствіемъ замѣчаются *тутовыя*.

— Что, хорошо они съ вами живутъ?—спрашивалъ я своего ямщика, указывая на безмятежно сидящаго на краю уродливой арбы Татарина, медленно пускавшаго струйки дыма крѣпкаго туземнаго табаку.

— Ничево.

Я поклонился Татарину: онъ мнѣ отвѣтилъ, кивнувъ головою, не снимая шапки и продолжая курить.

— А рады они, небось, что Турокъ въ Крыму?

— Э, порадовались было. Свой своему, вѣдь, по неволѣ братъ, тоже вѣдь кобылятину ѣдятъ, да наши разомъ успокоили *).

Ногайскіе Татары въ настоящее время остались совершенно вѣрными Россіи. Несмотря на усилія Турокъ и ихъ союзниковъ возмутить ихъ противъ правительства, между ними нигдѣ не было замѣчено волненія. Но, въ предупрежденіе ихъ сближенія съ заперекопскими Татарами, значительная часть которыхъ, особенно поселенныхъ на пространствѣ смежномъ съ пунктами занятыми непріятелемъ, оказалась намъ враждебною, правительство весьма благоразумно приняло мѣры, чтобы Ногайцы не ходили съ подводами далѣе Перекопа, а чтобы выставленное ими огромное количество подводъ доставляло продукты только до того города.

15 и 16 октября.—Г. Перекопъ.

Мы проѣхали одну изъ пустыннѣйшихъ станцій, какую мнѣ когда-либо случалось встрѣчать въ жизни. По прежнему быстро двигаемся впередъ, нигдѣ не встрѣчая ни малѣйшей остановки. Нашъ корпусъ ѣдетъ точно на почтовыхъ (12-я дивизія давно уже на мѣстѣ).

Та же, что и на предыдущей станціи, скучная, однообразная степь, гдѣ ни жилья, ни деревца, только и оживляемъ пространство мы своимъ движеніемъ, да вотъ тянется намъ на встрѣчу обозъ на верблюдахъ... Удивляюсь вкусу тѣхъ, кому не нравится это животное: они, вѣрно, видали его гдѣ нибудь въ сараѣ, въ балаганѣ, тамъ верблюдъ конечно больше жалокъ, чѣмъ красивъ и нѣкоторая кажущаяся непропорціональность частей его тѣла производитъ на глазъ какое-то не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Но чтобъ оцѣнить красоту верблюда, его надо видѣть въ степи, непремѣнно навьюченнаго грузнымъ вьюкомъ, окруженнаго вереницею всадниковъ, скачущихъ, носящихся вокругъ него взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ онъ, гордо помахивая головой на своей лебединой шеѣ, мѣрнымъ, но крупнымъ шагомъ, будто съ чувствомъ собственнаго достоинства, шибко двигается впередъ.

*) Значительная часть крымскихъ татаръ сочувствовали союзникамъ. Молодежь волновалась, передавалась на сторону непріятеля, разбойничала и наводила страхъ на жителей. Шайки татаръ въ 200—300 человѣкъ бродили по разнымъ направленіямъ, разоряли имѣнія, грабили, разбойничали до самаго Перекопа. Проѣздъ по большимъ дорогамъ сдѣлался не безопаснымъ, и въ первые дни послѣ высадки сообщеніе между городами было прервано. Почти всѣ прибрежные владѣльцы испытали насиліе отъ татаръ, производившихъ буйства въ большомъ размѣрѣ. Появленіе нѣсколькихъ донскихъ казачьихъ полковъ обезопасило край, татары цѣлыми селеніями переселились въ Евпаторію, гдѣ гибли отъ голода и недостатка помѣщенія. Дубровинъ Ibidem стр. 85—86).

Верблюдъ мнѣ кажется прекраснымъ животнымъ, даже когда онъ запряженъ въ эту неуклюжую татарскую арбу, стѣсняющую его движенья.

Верблюды запрягаются въ арбы попарно. Въ обозѣ, нами встрѣченномъ, было верблюдовъ паръ 50 и между ними красовалась одна пара бѣлыхъ. Эти верблюды дороже другихъ: цѣна ихъ доходитъ здѣсь до 100 руб. серебромъ за штуку.

Нерадѣніе Татаръ видимая причина, что эта прекрасная порода верблюдовъ не размножается сильнѣе; они не обращаютъ никакого вниманія вообще на разведеніе этихъ животныхъ и оно идетъ весьма медленно. Изъ статистическихъ свѣдѣній края усматривается, что въ настоящее время здѣсь верблюдовъ около 5.000 головъ, т.-е. почти то же самое количество, что считалось въ Крыму въ 1808 году. Причиною такого равнодушія жителей къ этимъ животнымъ, не смотря на скудость пищи, какою они довольствуются, питаясь преимущественно молодымъ камышомъ и сухимъ ковылемъ, которымъ бываютъ покрыты здѣшнія степи, надо полагать чувствительность верблюдовъ къ зимнимъ стужамъ, которыя здѣсь иногда бываютъ сильны, а также отвращеніе этихъ животныхъ отъ грязи и совершенную неспособность ихъ не только перевозить тяжести, но даже двигаться по мерзлой землѣ, не говорю уже—по колотью. Бѣдные верблюды, имѣя ноги съ мягкою подошвою и широкою ступнею, приспособленною природой къ движенію по пескамъ пустыни, не могутъ двигаться по замерзлой землѣ; въ случаѣ, если верблюдовъ станутъ принуждать идти по такой дорогѣ, они ложатся и рѣшительно не идутъ дальше, не смотря ни на какіе побои. Даже лѣтомъ, въ грязь, имъ трудно ходить съ тяжестью: ноги ихъ скользятъ и они, часто падая на колѣни, испускаютъ жалобные, раздирающіе душу крики. Кромѣ того отъ дождей, во время работы, кожа на верблюдахъ лопается и шея на мѣстѣ ярма покрывается ранами.

Когда верблюды линяютъ, и съ нихъ клочьями валится шерсть, тогда они дѣйствительно бываютъ весьма некрасивы. Эта шерсть не пропадаетъ даромъ: ее подбираютъ пастухи и употребляютъ въ дѣло.

Верблюды способны перевозить большія тяжести и обыкновенно очень послушны и кротки, если ими управляетъ извѣстный имъ вожакъ. Новаго человѣка они не любятъ допускать къ себѣ. Будучи разсержены, они отрыгаютъ жвачку и выплевываютъ ее на досадившаго имъ, обдавая его вонючею жидкостью съ ногъ до головы, хотя бы онъ былъ отъ нихъ въ нѣсколькихъ шагахъ.

Верблюжье мясо христіанами не употребляется въ пищу, но Ногайцы ѣдятъ его съ удовольствіемъ; впрочемъ никогда не рѣжутъ верблюда, а дожидаются пока онъ самъ издохнетъ. Смерть верблюда—праздникъ для аула. Всѣ пріятели хозяина издохшаго верблюда являются на поминки о покойникѣ и до тѣхъ поръ не прекращаютъ пиршества, пока останутся однѣ кости животнаго.

Верблюды въ этой степи сохранились со временъ завоеванія Крыма турецкимъ племенемъ, заселившимъ степь отъ Перекопа до Салгира.

Во времена Сѣчи, Запорожцы посылали бѣлыхъ крымскихъ верблюдовъ въ подарокъ нашему Двору, скупая ихъ въ степи или, въ свою очередь, получая въ подарки отъ перекопскихъ правителей.

Но вотъ, наконецъ, показалось на горизонтѣ какое-то зданіе. Оказалась большая ферма менонита—точно городокъ: столько деревянныхъ зданій и каменныхъ службъ, сараевъ и всякихъ хозяйственныхъ построекъ. Все въ порядкѣ и совершенствѣ. У фермы значительной величины вновь разведенный садъ, а кругомъ пустыня.

Еще нѣсколько верстъ и показался городъ Перекопъ (Оръ-капи, царскія ворота, по татарскому названію; древній Тарфъ или Неаполь, по словамъ географа Мелетія), болѣе похожій на большое село. Правѣе его какая-то черная полоска, будто довольно возвышенный валъ, протянувшійся на значительное пространство.

— Что это, ямщикъ?

— А это-то Перекопъ и есть, баринъ. Видишь, какой тянется, отъ Сиваша до Сиваша. Рвище какой огромный Татары себѣ состроили еще за Туречину. Старики сказываютъ: водою былъ напущенъ.

Наконецъ мы въ городѣ, на площади пустыннаго Перекопа, посреди котораго вырыто четыре большихъ квадратныхъ резервуара для стока и скопа дождевой воды. Городъ терпитъ чувствительный недостатокъ въ прѣсной водѣ. Во всѣхъ почти колодцахъ вода горько-соленая. Единственная правильная улица города обставлена домиками, между которыми возвышаются два-три каменныхъ, двухъ-этажныхъ дома; отвратительный трактиръ; одна или двѣ лавки русскихъ купцовъ съ разнымъ товаромъ; каменная церковь во имя Св. Николая за городскою заставою, окруженная каменными зданіями солянаго управленія, а нѣсколько далѣе за заставою, глубокій ровъ съ валомъ, мѣстами осунувшимся, идущимъ черезъ весь перешеекъ, на протяженіи восьми верстъ. Посреди этого *Перекопа*, отъ котораго и городъ получилъ у насъ свое названіе, видна древняя крѣпостца, имѣющая бастіонное начертаніе; она давно не поддерживается и потому мѣстами каменныя стѣны развалились и подъ ногами колышется мостъ, нѣкогда бывшій подъемнымъ.

Этотъ „Перекопъ“ ведетъ свое начало съ незапамятныхъ временъ: одни говорятъ, что онъ вырытъ еще до Р. Хр., другіе утверждаютъ, что этотъ ровъ и валъ обязаны своимъ существованіемъ крымскому хану Сагимъ-Гирею, жившему въ XVI столѣтіи.

Русскіе два раза брали Перекопъ: при Минихѣ въ 1736 году и при князѣ Долгорукомъ-Крымскомъ въ 1771 году.

Въ планъ настоящей войны союзниковъ, говорятъ, входило немедленное послѣ высадки въ Крымъ движеніе турецкой арміи къ Перекопу, чтобы возобновить его крѣпость и отнять у насъ возможность сообщенія съ войсками полуострова. Жаль, что союзники не рѣшились привесть этотъ планъ въ исполненіе; только составляя его они, видно забыли, что не легко на восьми-

верстномъ пространствѣ удержать переходъ черезъ ничтожный ровъ той арміи, которую не могъ остановить Дунай; они видно забыли еще, что кромѣ Перекопа у насъ существуютъ два сообщенія съ Крымомъ—чрезъ Арбатскую стрѣлку и черезъ Ченгарскій мостъ.

Правленіе, завѣдывающее всѣми соляными промыслами полуострова, находится здѣсь въ Перекопѣ.

Крымъ съиздревле снабжалъ солью Россію. Даже во времена владычества хановъ, малороссійскіе и запорожскіе чумаки, какъ и нынѣ, вывозили въ Россію большое количество соли съ полуострова, преимущественно изъ Стараго и Краснаго соляныхъ озеръ (Галяль-гель и Гаромъ-гель); завтра мы ихъ увидимъ,—они лежатъ у самой дороги въ Симферополь.

Осадка здѣшней соли кончается въ августѣ и къ тому времени сюда стекается множество чумаковъ изъ южной Россіи: ихъ сюда ежегодно приходитъ до 123.000 фуръ съ 30.000 погонщиковъ и болѣе чѣмъ съ тремя стами тысячъ рогатаго скота, который въ жаркіе годы терпитъ большія бѣдствія въ степи отъ недостатка подножнаго корма, выжигаемаго солнцемъ и годной для питья воды, не смотря на множество колодцевъ, устроенныхъ по распоряженію правительства.

Добыча соли въ иные годы бываетъ огромна. Такъ, напримѣръ, въ 1845 году соли вынуто изъ крымскихъ озеръ до 34-хъ милліоновъ пудовъ; за то въ иные годы отъ особенно сильныхъ дождей и большаго, вслѣдствіе того, притока воды изъ окрестныхъ балокъ, а иногда и отъ прорыва озерныхъ плотинъ, соль вовсе не родится какъ, напримѣръ, въ 1838 году, или родится въ самомъ незначительномъ количествѣ, какъ, напримѣръ, въ 1844 году.

Въ способѣ добыванія соли между крымскими и бессарабскими промыслами существуетъ нѣкоторая разница.

Скажемъ нѣсколько словъ о способѣ добычи соли, здѣсь употребляемомъ. Здѣсь за крутостію береговъ соляныхъ озеръ рабочіе не могутъ спуститься въ озеро со своими повозками и вывозятъ соль изъ озера тачками, или особеннаго устройства низенькими повозочками, запрягая въ нихъ по 3 или 4 пары воловъ и перегружая соль уже потомъ на обыкновенныя чумацкія телѣги.

Главныя соляныя озера Крыма въ уѣздахъ Ѳеодосійскомъ и Евпаторійскомъ; въ послѣднемъ изъ этихъ уѣздовъ находятся и знаменитыя своею цѣлебною силою—соляныя грязи. Какъ эти грязи, такъ и соляныя евпаторійскія озера, въ этомъ году останутся безъ посѣтителей: они въ районѣ занятомъ непріятелемъ.

На улицѣ мирнаго Перекопа суматоха: немногіе жители и многочисленные гости—солдаты и погонцы бѣгутъ по одному направленію: вѣрно—пожаръ? нѣтъ не пожаръ, а болѣе необыкновенное явленіе—ведутъ плѣнныхъ. Конечно и мы поспѣшили взглянуть на представителей нашихъ незваныхъ гостей.

Шелъ обычный этапъ, впереди толпа скованныхъ Татаръ и разныхъ

другихъ арестантовъ, за ними, какъ обыкновенные *невроды* *), шло нѣсколько десятковъ Англичанъ и Французовъ. Эти плѣнники заинтересовали насъ своими блестящими костюмами, молодецкимъ видомъ, отличною, совершенно для насъ новою выправкою; большинство ихъ были молодецъ къ молодцу—бойкіе, ловкіе, коренастые, особенно англійскіе гвардейцы—красавцы, съ окладистыми рыжими бородами.

Мы разболтались съ Французами. Говорятъ свысока, стараясь выражаться отборными фразами. Недовольны обращеніемъ съ ними:

— Худо,—говорятъ,—содержатъ, идемъ пѣшкомъ, спимъ на голой соломѣ, безъ постели и подушекъ. Если будетъ такъ дальше, кажется, мы не перенесемъ пути! О Господи, съ вашими плѣнными у насъ не такъ обходятся!

— Ну, ужь, извините, мы люди простые. Вотъ мы и офицеры, а ни у одного изъ насъ здѣсь въ походѣ нѣтъ постели; спимъ тоже на соломѣ, какъ и вы, да и то если достанемъ, а въ головахъ сѣдѣльная подушка.

— Нѣтъ, что до насъ касается, мы не привыкли къ такой сальной жизни. Мы не можемъ, какъ ваши солдаты, быть въ грязномъ бѣльѣ, платьѣ, мы ходимъ чисто, опрятно, даже на войнѣ. У насъ во Франціи хоть десять милліоновъ приходи войска, всѣмъ дадутъ хорошую постель. Притомъ же, вы—дѣло другое: вы на войнѣ, а мы въ плѣну—мы ваши гости!...

Но, по командѣ унтеръ-офицера, этапъ двинулся. Французы, смѣясь, повторили команду своего начальника: „*шкори шагъ мааршъ*!“ Нашъ болтливый знакомецъ ловко приподнялъ кепи и простился съ нами; мы отвѣчали ему пожеланіями поближе познакомиться съ Россіею и постараться полюбить ее.

— О чемъ это, батюшка, ваше б-іе, говорилъ съ вами красноштанникъ-то?—спросилъ поближе къ намъ стоявшій мужичокъ, скинувъ шапку.

— Да жалуется, видишь, что въ Армянскѣ (село въ 7-ми верстахъ отъ Перекопа), гдѣ плѣнные ночевали, постели ему хорошей не дали и все наше ему какъ-то не нравится.

Мужикъ, не отвѣчая мнѣ, бросился за этапомъ и, пробѣжавъ шаговъ пять, закричалъ Французу въ догонку: „А зачѣмъ ты, проклятый, пришелъ-то сюда, коли у насъ не хорошо, не што те звали?!“...

Пошли мы по городу, да и смотрѣть-то нечего: все такъ однообразно и жалко. У одной лавки Татаринъ ссыпалъ овесъ въ закрома. Мы остановились полюбоваться на верблюдовъ, запряженныхъ въ его арбу; они медленно поворачивали въ нашу сторону головы и какъ будто выражали своими мордами неудовольствіе на наше къ нимъ приближеніе. Татаринъ былъ дюжій молодецъ, въ огромной шапкѣ. Странно, что какъ у всѣхъ здѣшнихъ Татаръ, такъ и у тѣхъ, что разсѣяны по сѣверо-востоку Россіи, уши со-

*) *Невроды*—техническій терминъ этаповъ: онъ означаетъ людей, посылаемыхъ по этапу *не въ родъ арестантовъ*, какъ-то: выписныхъ изъ госпиталей, переведенныхъ и вообще всѣхъ пересылаемыхъ по этапу по службѣ.

гнуты вдвое и оттопырены: это происходитъ, вѣроятно, отъ небрежнаго ношенія ермолки съ раннихъ лѣтъ, не заправляя въ нее ушей.

— Отчего,—спросилъ я у Татарина, ссыпавшаго овесъ,—вы такъ скверно шапкой уши на изнанку выворачиваете? Не лучше ли бы такъ носить шапку?— и я поправилъ ему уши.

— Э, ваше б-іе, не мы первые стали такъ уши носить.

— Да вотъ,—замѣтилъ мѣщанинъ, принимавшій овесъ,—Богъ поможетъ, такъ мы имъ черезъ полгодика всѣмъ по своему уши-то выправимъ!...

19 октября.—Г. Симферополь.

Пространство, люди и предметы мелькаютъ предъ нами, какъ тѣни въ волшебномъ фонарѣ. Перекопъ, Сивашъ, съ его громадными лужами, лѣниво плещущимися въ берегъ, и соляными озерами, съ ихъ безмолвною неподвижностью, степь, степь и степь, да порою кое-гдѣ безобразные татарскіе аулы—все промелькнуло, лишь Чатырдагъ стоитъ на горизонтѣ сторожемъ полуострова.

Вотъ и Симферополь, наполненный теперь военными, шумный, кипучій. На большихъ улицахъ, у лавокъ, едва возможно проѣхать,—такъ велика толпа, представляющая пеструю, разнообразную картину: толпы раненыхъ и больныхъ, бредущіе изъ одного госпитальнаго помѣщенія въ другое, вновь отведенное, едва неся свои пожитки и оружіе на плечахъ; множество нѣмецкихъ колонистовъ, пріѣхавшихъ издалека послужить чѣмъ могутъ своему новому отечеству; татарскія рожи, арбы душистаго винограда, верблюды, груды разныхъ фруктовъ и овощей, между которыми больше всего золотистыхъ помидоровъ, стрѣльчатыя мечети и плоскія крыши татарскихъ домовъ, минареты и христіанскіе храмы—все это составляетъ новую для насъ картину.

Городъ рѣшительно превратился въ военное депо: множество лучшихъ домовъ занято подъ госпитали; во всѣхъ остальныхъ—временный или постоянный постой, а чаще всего и тотъ и другой.

Вдохновенные ли энергическимъ призывомъ Иннокентія, напомнившаго симферопольцамъ о ихъ святомъ призваніи и долгѣ относительно своихъ защитниковъ, или движимые собственною потребностію сердца, только всѣ жители Симферополя спѣшатъ всѣми силами на помощь ратующимъ братьямъ: нѣтъ дома, гдѣ бы барышни и дамы не щипали корпіи, гдѣ бы не дѣлали бинтовъ, поставляя ихъ въ большомъ количествѣ въ госпитали и лазареты; многія семейства взяли въ свои дома на излѣченіе офицеровъ, юнкеровъ, солдатъ, и ходятъ за ними какъ за родными, многія дамы ходятъ въ госпитали, помогаютъ перевязывать раненыхъ, носятъ съ собою легкую пищу, прохладительное питье, чай, собственноручно раздаютъ все страдальцамъ, вызывая ихъ молитвы и благословенія.

Города, сосѣдніе театру войны, должны раздѣлять тріумфъ побѣди-

телей—своихъ защитниковъ, если побѣда увѣнчаетъ ихъ усилія. Таковая награда справедливо достается такимъ городамъ, потому что они раздѣляютъ съ своими защитниками значительную часть горя, страданій и бѣдъ, достающихся имъ на долю.

Такъ и Симферополь пережилъ тяжкую годину послѣ Алминской битвы.

Когда князь Меньшиковъ отступилъ къ Севастополю, и въ Симферополѣ не осталось никакихъ войскъ, кромѣ гарнизоннаго полубаталіона, въ виду двигавшихся по направленію къ нему непріятельскихъ полчищъ и посреди Татаръ, на вѣрность которыхъ невозможно было полагаться, послѣ того, какъ десятки тысячъ ихъ семействъ обратились на сторону нашихъ враговъ,—жители и власти Симферополя въ этотъ затруднительный моментъ его жизни увидѣли себя въ крайнемъ положеніи.

Перекопское начальство ушло въ Бериславль, оставивъ городъ на произволъ судьбы; такъ же поступило и симферопольское начальство: таврическій гражданскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Пестель *), со всѣми присутственными мѣстами и казначействомъ, а за ними и всѣ жители, кто только имѣлъ возможность подняться, огромнымъ караваномъ выступили изъ Симферополя **) по направленію на Чонгарскій мостъ и Мелитополь, оставивъ городъ съ татарскимъ его населеніемъ подъ защиту и покровительство гарнизоннаго полубаталіона, партіи рекрутъ, полсотни казаковъ, инвалидной команды, всего вооруженныхъ около 1.000 человѣкъ, всѣ подъ командою командира гарнизоннаго полубаталіона подполковника Сухарева, по счастію, человѣка смѣлаго, толковаго и основательнаго, который не только не растерялся будучи поставленъ въ такое невозможное положеніе, но, напротивъ, принялъ самыя рѣшительныя мѣры, чтобы удержать городъ въ должномъ порядкѣ и спокойствіи.

Разсказываютъ, между прочимъ, что выступившія въ походъ городскія власти Симферополя не захватили съ собою населенія больницы, Приказа Общественнаго Призрѣнія, слѣдовательно и умалишенныхъ, въ ней находившихся. Эти послѣдніе, разумѣется, сейчасъ воспользовались ослабленнымъ надъ ними надзоромъ и въ своихъ халатахъ и колпакахъ разбѣжались по городу, начавъ продѣлывать разныя штуки, каждый по своей спеціальности: такъ, напримѣръ, одинъ изъ умалишенныхъ взобрался на минаретъ и съ высоты его началъ что-то проповѣдывать народу; Татары озлились, бросились бить его и такъ далѣе.

Когда объ этомъ безобразномъ бѣгствѣ симферопольскихъ властей и о

---

*) Пестель, симферопольскій губернаторъ, былъ роднымъ братомъ извѣстнаго декабриста, казненнаго повѣшеніемъ; въ день казни брата, говорятъ, онъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ.

**) Въ 9 часовъ утра, 20 сентября, длинный обозъ, болѣе чѣмъ въ 2.500 подводъ, нагруженныхъ женщинами, дѣтьми и разнаго рода имуществомъ, тронулся изъ города, конвоируемый 60-ю гарнизонными солдатами, растянувшись болѣе чѣмъ на двѣ версты. Дубровинъ: „Восточная война 1853—56 годовъ“. Спб. 1878, стр. 109.

послѣдствіяхъ таковаго подполковникъ Сухаревъ донесъ рапортомъ князю Меньшикову, онъ собственноручно написалъ на немъ:

„Сумашедшихъ и губернатора немедленно воротить на свои мѣста!“... Рапортъ этотъ съ собственноручною резолюціей князя хранится у Сухарева *).

Въ то же почти время, свѣдавъ о происшедшихъ въ Перекопѣ безпорядкахъ и о водворившемся тамъ безначаліи, могущихъ повесть къ весьма неблагопріятнымъ результатамъ, князь М. Д. Горчаковъ немедленно командировалъ въ Перекопъ генералъ-лейтенанта Богушевскаго на должность военнаго начальника того пункта, предписавъ ему водворить тамъ должный порядокъ.

Однако волненіе Татаръ и явное и тайное—усиливалось. Почти весь Евпаторійскій уѣздъ передался непріятелю; Татары погнали свои и заграбленныя ими у помѣщиковъ стада въ Евпаторію, туда же они повезли свое имущество поцѣннѣе и хлѣба сколько успѣли захватить, покидая свои жилища съ остальнымъ добромъ на произволъ судьбы. Дорога отъ Перекопа до Симферополя сдѣлалась опасною: Татары отнимали у проходившихъ чумаковъ воловъ и деньги, грабили имѣнія помѣщиковъ, нападали на проѣзжающихъ; почты, курьеры, эстафеты поѣхали черезъ Арбатскую стрѣлку; сообщеніе Симферополя съ Севастополемъ для проѣзжающихъ также оказалось затруднительнымъ.

Татары всего полуострова начинаютъ обнаруживать вражду къ нашему правительству, отовсюду безпрестанно бѣгутъ удалыя головы въ непріятельскій станъ искать счастья въ борьбѣ съ нами. Что-то праздничное на всѣхъ татарскихъ лицахъ. Между ними замѣтна необыкновенная дѣятельность. На лихихъ лошадяхъ, въ лучшихъ одеждахъ, они гарцуютъ по деревнямъ, джигитуютъ, ѣздятъ большими толпами въ гости изъ деревни въ деревню, ведутъ оживленную бесѣду, нѣкоторые куда-то скрываются на время и вскорѣ вновь являются съ занимательными, вѣроятно, новостями, потому что послѣ ихъ появленія больше обыкновеннаго къ нимъ льнутъ товарищи. Надобно сознаться, что это—опасное броженіе и трудно его остановить. Христіане, имѣющіе средства, покидаютъ Крымъ и уѣзжаютъ внутрь Россіи.

Въ Евпаторійскомъ уѣздѣ уже доходило до оружія между Татарами, пробиравшимися въ Евпаторію большимъ караваномъ, и нашими гусарами, встрѣтившими ихъ на походѣ. Конечно, у Татаръ отбили скотъ, захватили нѣсколько погонщиковъ, а нѣкоторые поплатились даже жизнью за измѣну, но остановить движеніе этого метежнаго каравана, отбившаго наши атаки батальнымъ огнемъ, гусары не могли.

---

*) „Сегодня сидѣлъ у меня и разсказывалъ о крымскихъ дѣлахъ очевидецъ, Вар—нэтъ, посланный въ началѣ сентября для наблюденія за перемѣщеніемъ судебныхъ управленій. Страшно становится при разсказахъ о томъ... что въ Симферополѣ, гдѣ безсмысленный губернаторъ бѣжалъ безъ спросу и по приказанію князя Меньшикова догнанъ за 18 верстъ, или, какъ говорятъ симферопольскія бабы: взятъ Меньшиковымъ въ плѣнъ“.

Вообще, по словамъ В—ндта, экспедиція застала Крымъ въ совершенный расплохъ и послѣ Алминскаго сраженія, 8 сентября, прямое движеніе непріятеля на Севастополь или Симферополь могло бы имѣть самыя гибельныя для насъ послѣдствія (изъ Записокъ Лебедева. Русск. Архивъ 1888, № 7, стр. 363).

Однако начало движенія изъ Перекопа значительныхъ массъ войска измѣнило характеръ дѣла, и кто изъ Татаръ остался вѣренъ намъ доселѣ, тотъ волею-неволею останется вѣренъ и впредь. О побѣгахъ цѣлыхъ деревень уже больше не слыхать.

Подошедшіе полки казаковъ и кавалеріи составили около Евпаторіи полукругъ, и едва ли теперь самые рѣшительные изъ Татаръ погонятъ свои стада союзникамъ.

Намъ оставалось отсюда сдѣлать одинъ только переходъ на повозкахъ до Алминской станціи, а оттуда неизвѣстно куда насъ направятъ. Кто знаетъ, быть-можетъ завтра уже увидимъ вражьи шатры.

Сегодня нашъ начальникъ дивизіи получилъ слѣдующее собственноручное письмо отъ таврическаго губернатора Пестеля:

„Милостивый Государь Прокофій Яковлевичъ.

„Для достиженія болѣе успѣшнаго слѣдованія войскъ, я обращаюсь къ Вашему Пр-ству съ покорнѣйшею просьбой о воспрещеніи того произвольнаго распоряженія подводами, которое случалось при прежнихъ проходахъ полковъ, и о болѣе ласковомъ обращеніи съ подводчиками, которые къ таковому привыкли, да и, кажется, огромными и такъ усердно ими исполняемыми трудами, на нихъ возложенными, пріобрѣли нѣкоторое право на доброе расположеніе войскъ. При условіяхъ, о которыхъ я прошу, я могу ручаться за безостановочное и удобное слѣдованіе ввѣренной Вашему Пр-ству дивизіи, которая, въ противномъ случаѣ, при всей моей заботливости, можетъ встрѣтить препятствія, или могутъ возникнуть непріятные случаи. Я увѣренъ, что Вы примете эти строки съ тѣмъ же чувствомъ стремленія къ общему добру, съ которымъ онѣ писаны.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ“ и пр.

P.S. Дабы подводы могли возвратиться во-время, для будущихъ эшелоновъ, необходимо, чтобы предыдущій отпускалъ подводы изъ Бахчисарая и слѣдовалъ до позиціи пѣшкомъ“.

Изъ этого письма можно заключить, что имѣютъ основанія доходившіе до насъ слухи о тѣхъ безобразіяхъ, какія позволяютъ себѣ ѣдущіе на колонистскихъ фургонахъ наши войска, какъ бы въ благодарность колонистамъ за ихъ намъ услуги.

Не говоря уже о томъ, что колонистовъ, солдаты колотятъ на каждомъ шагу, что ихъ загоняютъ часто дальше станціи, маршрутомъ указанной, но нерѣдко ихъ, просто-на-просто, грабятъ, отнимая зерновой фуражъ, приготовленный ими для своихъ лошадей, порою собственное ихъ продовольствіе, для нашего солдата представляющееся лакомымъ кускомъ, а порою—даже одежду и деньги...

Распущенность эта практикуется преимущественно потому, что почти ни одинъ офицеръ не слѣдуетъ при своей части, а пользуясь значительною числительностью этихъ же колонистскихъ повозокъ, каждый офицеръ (рѣдко—двое вмѣстѣ) оставляютъ себѣ особый фургонъ и потомъ или догоняютъ на немъ свою часть, на походѣ, уже приближающуюся къ мѣсту ночлега, или опережаютъ ее и пріѣзжаютъ прямо на ночлегъ, гдѣ и стараются устроиться такъ, чтобы возможно пріятнѣе провести время до дальнѣйшаго выступленія, оставляя всю заботу о порядкѣ въ своей части на фельдфебеля или унтеръ-офицера.

Здѣсь только и рѣчи, что о блистательномъ дѣлѣ генерала Липранди 13 октября. Сколько можно было понять изъ сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ разсказовъ очевидцевъ и участниковъ дѣла, отрядъ генерала Липранди атаковалъ у с. Кадыкіой, въ долинѣ р. Черной, редутъ устроенный на ея лѣвомъ берегу и охраняемый Турками. Послѣ взятія нашими перваго редута ударомъ въ штыки Турки бѣжали изъ остальныхъ редутовъ и наши заняли ихъ, причемъ у насъ въ рукахъ осталось 11 орудій.

Когда Англичане, съ занимаемыхъ ими высотъ Сапунъ горы, усмотрѣли нашъ успѣхъ, то послали свою кавалерію отбить у насъ взятые нами редуты. На встрѣчу Англичанамъ наши выслали Саксенъ-Веймарнскій гусарскій полкъ, который, двинувшись въ атаку, повернулъ лошадей назадъ, не доскакавъ до непріятеля; Англичане стремительно его преслѣдовали, увлеклись, проскочили мимо занятыхъ нами редутовъ и были встрѣчены съ обоихъ фланговъ картечью артиллеріи и батальнымъ огнемъ ея прикрытія,—съ фронта остановившимися и повернувшими противъ нихъ Саксенъ-Веймарнцами и во флангъ—полкомъ уланъ, ударившимъ на нихъ въ пики. Англичане были окружены, отступленіе имъ отрѣзано! Почуявъ неминуемую гибель, Англичане повернулу назадъ, бросились на проломъ и почти всѣ погибли.

Здѣсь изъ этого отряда раненыхъ Англичанъ 80 человѣкъ и плѣнныхъ 70. Все пространство пройденное атаковавшими, говорятъ, было усѣяно трупами ихъ и ихъ лошадей. Нашимъ досталось множество оружія, лошадей и всевозможныхъ вещей, подобранныхъ на мѣстѣ побоища Англичанъ.

Ходилъ въ обширный соборъ Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, окруженный тѣнистымъ бульваромъ. Передъ соборомъ на площади порфировая колонна въ память князя Долгорукова-Крымскаго, поставленная его внукомъ. На основаніи этой пирамиды изсѣчено изъ мрамора изображеніе самого князя, на двухъ другихъ сторонахъ пирамиды — гербъ его, на третьей—щитъ, на двухъ мечахъ, съ крестомъ посрединѣ—въ лучахъ.

Особенное наше вниманіе при вступленіи въ церковь обратила на себя на лѣвой стѣнѣ храма бронзовая позолоченная доска, въ такой же рамѣ. На ней изображено: „По форсированіи въ 14-й день 1771 года линіи Пере-

копской и по покорении крѣпости Ора *) главнокомандующій россійскою арміею генералъ аншефъ и кавалеръ князь В. М. Долгорукой того мѣсяца 29 числа въ день Высочайшаго тезоименитства Е. И. В. Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, приближаясь къ приморскому городу Кефѣ и оставя армію въ трехъ верстахъ, самъ съ двумя тысячами конницы атаковалъ и разбилъ турецкія войска, простирающіяся свыше 20-ти тысячъ человѣкъ, укрѣпившіяся въ ретраншаментѣ, кромѣ судовъ на морѣ, коихъ болѣе 200 было, не взирая на сильную стрѣльбу изъ ретраншамента, ниже съ судовъ производимую; послѣ чего и городъ Кефа взятъ съ пріобрѣтеніемъ чрезъ то всего Крыма. Взятые при Кефѣ орудія пожалованы Императрицею Екатериною побѣдителю Турокъ; онѣ перевезены въ имѣніе его село Крымское, Московской губерніи, гдѣ хранятся и доселѣ".

---

14 сентября Симферополь посѣтилъ преосвященный Иннокентій Херсонскій, желавшій, шествуя съ чудотворною иконою Касперовской Божіей Матери, лично быть на всѣхъ мѣстностяхъ своей епархіи угрожаемыхъ непріятелемъ, утѣшить и успокоить свою устрашенную паству и благословить войска на самомъ полѣ бранномъ, крѣпко стоять за Отечество и, буде угодно будетъ Богу, положить за него свои головы. Но дальше Бахчисарая знаменитому святителю проѣхать не удалось: Свѣтлѣйшій не соизволилъ на его пріѣздъ къ арміи и на поѣздку въ Севастополь, онъ велѣлъ передать преосвященному, что „боится, чтобы чудотворная икона Касперовской Богоматери не попала въ руки непріятелю".

Между тѣмъ появленіе преосвященнаго Иннокентія на потрясенномъ войной полуостровѣ производило на всѣхъ по истинѣ отрадное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что не было мѣстности имъ посѣщенной, жители которой не запечатлѣли бы въ своей памяти рѣчей русскаго Златоуста, къ нимъ обращенныхъ. Съ какою любовію, напримѣръ, хранятъ симферопольскіе жители листокъ, при семъ прилагаемой, сказаннаго имъ преосвященнымъ Иннокентіемъ слова, въ каѳедральномъ соборѣ, 14 сентября.

„*Миръ вамъ* (Лук. XXIV, 36)! Сими словами Спаситель и Господь нашъ привѣтствовалъ возлюбленныхъ учениковъ своихъ, когда, явясь имъ, по воскресеніи своемъ, нашелъ ихъ въ страхѣ и смущеніи отъ ужасныхъ событій Голгоѳскихъ. Сіи же самыя слова любви и успокоенія мы дерзаемъ обратить нынѣ къ вамъ, жители богоспасаемаго града сего, къ вамъ, кои такъ много смущены теперь отъ вторженія въ страну вашу иноплеменниковъ: *миръ вамъ*. Миръ не отъ нашего безсилія и немощи, а отъ Бога Отца всемогущаго, отъ Бога Сына—всесодержащаго, отъ Бога Духа Святаго—всеживотворящаго!

„И *почто*, скажемъ словами же Спасителя нашего, *почто* такъ *сму-*

---

*) *Оръ-капи*—Перекопская крѣпость.

щени есте и столько боязливыхъ *помышленій входитъ въ сердца ваши* *), что многіе изъ васъ готовы, оставивъ все, искать спасенія внѣ града и страны здѣшней? Ужели по той причинѣ, что злобный врагъ нашъ вторгся въ предѣлы ваши? Но развѣ вы не были давно предварены о томъ — имъ же самимъ? И что въ семъ случаѣ слишкомъ необыкновеннаго? Впервые-ли, во время брани, вторгаться врагамъ въ землю Русскую? Вторгнуться въ нее, по ея неизмѣримому пространству, всегда возможно; трудно только, какъ показываетъ опытъ, выйти изъ нея, не доставшись въ снѣдь птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ... Не смущаютъ ли нѣкоторыхъ изъ васъ небольшіе успѣхи врага, пришедшаго въ такомъ множествѣ изъ-за моря? Такіе успѣхи оказывались, и не разъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ; но чѣмъ всегда оканчивались они?—совершеннымъ пораженіемъ враговъ и посрамленіемъ ихъ предъ цѣлымъ свѣтомъ. Кто помнитъ 1812 годъ? Тогда колебался не одинъ какой-либо край, какъ теперь колеблется вашъ, а сотрясалась отъ конца до конца вся Россія, самое сердце ея — Москва, было въ рукахъ врага; многимъ казалось потому, что уже все потеряно, а между тѣмъ вскорѣ оказалось, что держава Русская цѣла и несокрушима; сокрушились только, не смотря на ихъ силу, искусство и успѣхи, полчища враговъ, и исчезли, какъ призракъ. Подобное тому, дастъ Господь, послѣдуетъ и теперь! Ибо примѣтили-ль вы, въ какой день враги появились на землѣ вашей?—въ тотъ самый день, въ который вошли они нѣкогда въ Москву, какъ бы въ предвѣстіе, что въ Крыму ихъ ожидаетъ та же горькая участь, коей подверглись они по занятіи первопрестольной столицы нашей.

„Мы не чаяли уже почти въ это время врага, и вотъ Господь попустилъ ему занять внезапно брега наши и стѣснить насъ,—да будетъ надежда наша не на свои силы, а на Его всемогущую помощь; но если это вторженіе причинило безпокойство и смущеніе намъ, то, будьте увѣрены — оно послужитъ не на радость и врагу нашему: отраженный отъ береговъ нашихъ, или пораженный тотчасъ по выходѣ его на сушу, онъ, конечно, удалился бы отсюда, но удалился бы еще съ великими силами, а потому долго бы могъ изливать ярость свою на другія мѣста. Теперь же, не смотря на его кичливость и мнимый успѣхъ, онъ, вышедъ съ моря на сушу, весь уже нѣкоторымъ образомъ въ рукахъ нашихъ, и, пораженный до конца, потеряетъ охоту и средства къ продолженію самой брани. Для сего нужно только усилиться храбрымъ дружинамъ нашимъ, чтобы врагъ не подавлялъ насъ своимъ многолюдствомъ,—и у Россіи-ли не достанетъ ратниковъ? Она можетъ покрыть ими весь полуостровъ вашъ, не обнажая другихъ предѣловъ своихъ. Храбрые воины наши, какъ то я видѣлъ на всемъ протяженіи пути своего къ вамъ, спѣшатъ уже сюда со всѣхъ сторонъ, подобно громоноснымъ облакамъ, дабы составить вскорѣ страшную тучу надъ головой врага. Пройдетъ нѣсколько дней — и весь свѣтъ увидитъ, что ожидаетъ того, кто съ мечемъ въ рукахъ осмѣлится проникнуть нагло внутрь Россіи...

*) Лук. XXIV, 37.

Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ самыхъ сожителей вашихъ въ сей странѣ (вы знаетѣ кого разумѣю я), имѣли несчастіе увлечься безумно на сторону нашихъ враговъ: но, во-первыхъ, этото нельзя было не ожидать, при ихъ извѣстномъ неразуміи и при тѣхъ обольщеніяхъ, коими умѣли окружить ихъ враги наши; а во-вторыхъ—что въ этомъ такъ важнаго и страшнаго, чтобы искать уже безопасности себѣ не вдругомъ чемъ, а въ бѣгствѣ? Это—возстаніе злонравныхъ, конечно, и невѣрныхъ Отцу, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабыхъ и неискустныхъ дѣтей, коимъ, по неразумію ихъ, противна сама отеческая опека надъ ними, но кои при одномъ грозномъ поднятіи начальнической руки, тѣмъ паче при наложеніи ея на голову, готовы пастъ на колѣни и просить милости. Съ этими, такъ называемыми туземцами, а въ самомъ дѣлѣ буйными пришлецами, нѣкогда завладѣвшими нагло здѣсь чуждымъ достояніемъ, произошло то же самое, что бываетъ во время бури съ слабыми листьями и вѣтвями на деревахъ, кои тогда отстаютъ отъ дерева и падаютъ на землю; то же произошло, что бываетъ съ прахомъ на пути, который во время вихря тотчасъ поднимается, летитъ вверхъ и помрачаетъ собою—на нѣсколько минутъ!—воздухъ. И это-ли можетъ отнимать духъ у истинныхъ сыновъ отечества? Пройдетъ буря съ вихремъ, и дерево,—безъ слабыхъ листьевъ и вѣтвей—будетъ свѣжѣе и крѣпче; и путь, освобожденный отъ праха, сдѣлается чище и лучше.

Никогда не хорошо и не благоразумно предаваться воображенію опасностей, тѣмъ паче въ настоящихъ обстоятельствахъ. Еслибы, устремившись къ вамъ, я хоть въ половину приложилъ вѣру тому; что слышалъ о нынѣшнемъ положеніи вашемъ, что разные и нелегковѣрные люди говорили мнѣ объ ожидающихъ на пути опасностяхъ, то мнѣ тотчасъ надлежало бы остановиться и отказаться отъ намѣренія посѣтить, утѣшить и ободрить васъ. Но, по милости Божіей, слышанное мною нисколько на меня не подѣйствовало; и я теперь опытный и очевидный свидѣтель для васъ въ томъ, что положеніе страны вашей отнюдь не такъ опасно, какъ могло казаться нѣкоторымъ, и что если была какая-либо опасность, то она со дня на день уменьшается и скоро должна пройти совершенно.

„Доселѣ бесѣдовалъ я съ вами какъ посѣтитель — искренно усердный къ вамъ, но взирающій на положеніе и обстоятельства ваши глазомъ обыкновеннымъ; время теперь возвысить голосъ и сказать вамъ нѣсколько словъ устами пастыря страны сей, хотя и недостойнаго. Не здѣсь ли, не у васъ ли колыбель нашего Христіанства? Не отсюда ли возсіялъ свѣтъ Вѣры Православной на всю землю Русскую? Не за сію ли страну положили душу свою наши приснопоминаемые Священномученники Херсонскіе? И вы попустили себѣ, хотя на минуту, подумать, что все сіе можетъ остаться втунѣ и Крестъ Христовъ уступитъ здѣсь мѣсто лунѣ Магометовой!... Такъ ли, — простите моему дерзновенію и любви къ вамъ,—такъ ли должно мыслить и чувствовать сынамъ Россіи, чадамъ Церкви Православной? Развѣ напрасно и вотще молится она ежедневно на колѣняхъ о побѣдѣ надъ врагами и супостатами?

Если мы нечисты и по грѣхамъ нашимъ недостойны того, чтобы Господь услышалъ молитву нашу, то на неизмѣримомъ пространствѣ земли Русской не можетъ не быть душъ чистыхъ и святыхъ, коихъ молитва за Отечество сильна предъ Господомъ, и кои теперь не даютъ вѣждемъ своимъ дреманія, воздвигая преподобныя руки свои день и нощь за Церковь Православную, за Царя Благочестивѣйшаго и за Его Христолюбивое воинство. А ваши Священномученики, положившіе душу свои за страну здѣшнюю, думаете ли, что они праздно стоятъ теперь предъ Престоломъ Божіимъ, и не повергаютъ себя и мученическихъ вѣнцовъ своихъ предъ Сѣдящимъ на немъ, ходатайствуя за спасеніе васъ отъ настоящихъ золъ и искушеній? А Великій Князь Владиміръ, пріявшій здѣсь крещеніе и въ немъ залогъ славы небесной, коею нынѣ наслаждается, можетъ ли забыть, чѣмъ онъ обязанъ странѣ вашей, и не поспѣшить ей на помощь противо объюродѣвшихъ безвѣріемъ пришельцевъ Запада?—Нѣтъ, если мы любимъ искренно свое Отечество, то небожители тѣмъ паче не могутъ забыть его и не предстательствовать за него у Господа.

„А за успѣхъ враговъ нашихъ кто можетъ стать и ходатайствовать на небѣ? Не предки ли этихъ безумныхъ пришельцевъ, тѣ несчастные предки, кои, обуянные безбожіемъ и страстями, ниспровергали алтари и престолы, покланялись богинямъ разума и, проповѣдуя всеобщее братство, плавали сами въ крови своихъ ближнихъ и знаемыхъ? Не ханы ли Крымскіе, кои, завладѣвъ сею страною, нѣкогда цвѣтущею, довели ее до всеконечнаго опустошенія, кои всю жизнь проводили въ набѣгахъ и плотоугодіи, питаясь и питая полчища свои слезами и кровію странъ сопредѣльныхъ? Не прежніе ли служители здѣсь вѣры магометанской, кои, послѣдуя душевредному Алкорану, и сами всю жизнь шли и другихъ слѣпо вели за собою въ пропасть адскую? Видите, что я, хотя и по любви къ вамъ, но ожесточаю слово... Для чего?—дабы пробудить во всѣхъ васъ чувство вѣры и упованія, приличное чадамъ Церкви Православной, дабы удалить васъ отъ опасеній и малодушія, столь несродныхъ сынамъ земли Русской.

„Вмѣсто безотраднаго и безплоднаго смущенія, займемся тѣмъ, чего требуютъ настоящія обстоятельства. Къ вамъ на защиту спѣшатъ храбрыя войска наши, для коихъ, по самой быстротѣ ихъ шествія, невозможно было имѣть съ собою всего нужнаго. Не замедлите оказать усердіе и уготовать для нихъ пищу и питіе. У васъ будутъ уязвленные на брани: да не окажется недостатка въ томъ, что необходимо для ихъ успокоенія. Для всего этого не пожалѣйте ничего: ибо стыдъ и горе намъ, если проливший за насъ кровь свою принужденъ будетъ сказать, что онъ не призрѣнъ, какъ должно, *своими!*... А вмѣстѣ съ симъ обратитесь всѣ къ молитвѣ и покаянію, ибо это оружіе на враговъ самое дѣйствительное, коимъ притомъ можетъ владѣть всякій. Коль скоро мы, чрезъ покаяніе, истинно примиримся съ совѣстію своею и Богомъ, то и вокругъ насъ все обратится къ тишинѣ и миру, коими да благословитъ скорѣе Господь всѣхъ насъ!—Аминь“.

20 октября—Станція Алминская.

Рѣчка Алма, въ живописныхъ крутыхъ берегахъ, бѣжитъ здѣсь изъ ущелья, съ камня на камень, множествомъ ручейковъ, будто торопясь взглянуть на кровавое поле Алминскаго дѣла.

Ущелье замкнуто громадою Чатырдага, здѣсь также царящаго надъ окрестностію, какъ и надъ Симферополемъ. Отъ этой горы вѣетъ холодомъ въ Алминское ущелье, даже лѣтомъ, а теперь сильный сѣверякъ,—очень холодно,—и забываешь, что на югѣ; вершины Чатырдага и смежныхъ съ нимъ горъ покрыты снѣгомъ.

Туземцы говорятъ, что союзникамъ теперь плохо придется на нашемъ *негостепріимномъ* морѣ, и что нынѣ-то надо улучить минуту, чтобы, какъ здѣсь выражаются, *попереть ихъ къ морю*, тутъ *имъ* будетъ конецъ: на суда *имъ*, во время погоды, не сѣсть и поневолѣ придется окончить съ нами всѣ счеты!...

Аулъ Дуванка.

То горами, то долами мы скакали на почтовыхъ, догоняя свои полки, будучи задержаны въ Симферополѣ служебными дѣлами. При спускѣ съ одной изъ горъ, видя вдали разбросанныя деревушки на разстилающейся предъ нами долинѣ, а вблизи только горы да горы, да скалы, нагроможденныя на скалы, мы удивились, когда ямщикъ обернулся къ намъ съ вопросомъ: куда прикажете везти—въ Бахчисарай, или на станцію?

— Да гдѣ же станція?

— Она въ деревнѣ.

— А городъ?

— Города невидать,—онъ въ ущельѣ, налѣво.

— Остановиться тамъ есть гдѣ?

Ямщикъ замялся.

— Э, да тутъ наши полки отдыхаютъ; пошелъ вонъ туда, гдѣ разложены огни!

Мы пошли въ городъ пѣшкомъ. Бахчисарай, такъ сказать, притаился въ глубокомъ ущельѣ на берегу грязной Чурукъ-Су, горной рѣчонки, въ которую стекаютъ всѣ нечистоты города; впрочемъ Чурукъ-Су послужила для орошенія многочисленныхъ огородовъ, лежащихъ ниже города *).

Бахчисарай одною главной улицей своею протянулся версты на 4,

---

*) На этихъ огородахъ въ огромномъ количествѣ разводится капуста. Говорятъ, здѣшняя капуста вредна будтобы потому, что бахчисарайцы, занимаясь выдѣлкою кожъ, вымачиваютъ ихъ въ Чурукъ-су. Капуста, поливаемая водою, преисполненною частиицами разложившихся органическихъ веществъ, дѣлается вредною. Кстати замѣтимъ, что разводимая въ Крыму капуста достигаетъ большихъ размѣровъ и тяжести; ее преимущественно сажаютъ между фруктовыми деревьями, близъ ручьевъ, всегда орошающихъ крымскіе сады. Капуста доставляетъ здѣсь большую выгоду хозяевамъ, будучи сбываема въ значительномъ количествѣ поставщикамъ квашеной капусты для флота.

къ этой улицѣ прилѣпилось на небольшомъ пространствѣ нѣсколько переулковъ, что и составляетъ собственно городъ. Видъ его совершенно азіатскій. Тѣ же зданія, что и въ Турціи, тѣ же женщины въ чадрахъ, ремесленники работающіе на улицахъ, въ открытыхъ лавкахъ; та же грязь и вонь; множество собакъ толпится на улицахъ до того узкихъ, что двѣ повозки едва могутъ разъѣхаться; такое же множество фонтановъ (болѣе 60), бьющихъ въ мраморные водоемы, исписанные арабскими буквами, изреченіями изъ Корана или стихами Фирдуси; то же множество мечетей съ стрѣльчатыми минаретами, окруженныхъ купами пирамидальныхъ тополей и ивъ, составляющихъ издали живописныя группы. На главной улицѣ тріумфальныя ворота, построенныя для встрѣчи Императрицы Екатерины II. Пройдя ихъ, слѣдуешь по восточному базару, составляющему лучшую часть большой улицы, т.-е. самого города. По обѣимъ сторонамъ лавки съ овощами и фруктами превосходнѣйшихъ сортовъ, между которыми особенно замѣчательны груши, могущія поспорить—вкусомъ и красотою—съ лучшими французскими, которыми лакомятся наши столицы; но эти груши, по причинѣ ихъ необыкновенной нѣжности, не терпятъ транспортировки сухимъ путемъ и потому не имѣютъ возможности вступить въ состязаніе съ своими иностранными соперницами на петербургскомъ рынкѣ. Далѣе, десятки лавокъ набиты шерстяными издѣліями, между которыми главное мѣсто занимаютъ бурки, черныя какъ смоль, съ длинною волнистою шерстью. На видъ эти бурки далеко лучше кавказскихъ, на самомъ же дѣлѣ не выдерживаютъ сравненія съ ними; здѣшнія бурки очень жидки, волна ихъ не имѣетъ надлежащей крѣпости и ползетъ при первомъ прикосновеніи. Въ лавкахъ шерстяныхъ издѣлій множество шапокъ на манеръ черкесскихъ, но далеко отставшихъ отъ своихъ образцовъ прочностію и изяществомъ; тамъ же огромное количество собственно татарскихъ шапокъ, тюфяковъ, подушекъ и тому подобнаго. Затѣмъ слѣдуютъ сафьянныя издѣлія и вмѣстѣ серебряныя украшенія: сѣдла, нагайки съ ножами въ черенкѣ, кисеты, табачницы, шитыя серебромъ и золотомъ ермолки, мужскіе и женскіе пояса, татарскія женскія головныя украшенія, шитыя серебромъ по цвѣтному сафьяну, и множество различныхъ мелочей, которыми наши офицеры бросились запасаться, какъ будто намъ Бахчисарая болѣе и въ вѣкъ не видать. Наконецъ, мимо множества всевозможныхъ лавокъ, харчевень, цирулень, открытыхъ мастерскихъ сапожниковъ и башмачниковъ съ преобладающимъ между ихъ издѣліями количествомъ желтыхъ сафьянныхъ *мешт*ъ, которыя надѣваются правовѣрными мужчинами и женщинами на чулки подъ башмаки (мешты хотя сами имѣютъ форму кожанныхъ носковъ безъ подошвы, но замѣняютъ башмаки въ мечети, при входѣ въ которую правовѣрные обязаны оставлять верхнюю обувь); мимо хаоса, толкотни и суматохи, господствующей на главной улицѣ Бахчисарая, мы выбрались на небольшую, единственную, площадку его и очутились у самыхъ стѣнъ пресловутаго дворца Крымскихъ Гиреевъ.

Изъ-за большой стѣны выглядываютъ минареты, кіоски, куполы на-

громожденныхъ зданій, издали похожихъ на терема Московскаго Кремля, отѣненныхъ группами пирамидальныхъ тополей.

Чурукъ-Су струится по сю сторону дворцовыхъ воротъ; передъ входомъ въ эти ворота, налѣво, столбъ съ двуглавымъ орломъ наверху и вензелемъ Екатерины II въ память ея здѣсь пребыванія.

Въ воротахъ на часахъ — балаклавскіе Греки. Входимъ на дворъ, и передъ нами во всей его поэтической, необыкновенной красотѣ, воспѣтый и поэтами, и прозаиками, бахчисарайскій дворецъ — направо, и кладбище гиреевъ — налѣво отъ входа.

Пробѣжавъ по опустѣлымъ переходамъ дворца, подивясь его красотѣ, реставрированной Потемкинымъ (подновленъ въ 1835 году), мы спѣшили взглянуть на великолѣпную ротонду, гдѣ покоится прахъ союзника Іоанна III, Менгли-Гирея хана.

Изъ опочивальни, въ которой хранится прахъ шестнадцати гиреевъ,— шестнадцати, можно сказать, кровожадныхъ враговъ Россіи,—мы опять воротились въ ихъ бывшее жилище, разграбленное отрядомъ Миниха при взятіи Бахчисарая въ 1736 году.

Этотъ дворецъ кажется осуществленіемъ одного изъ поэтическихъ описаній Шехерезады.

Какими-то пестрыми дверями мы вошли въ пространныя сѣни, выложенныя мраморомъ, съ рядами тонкихъ колоннъ посрединѣ и фонтанами по стѣнамъ. Каждый изъ этихъ фонтановъ—картина. Вымыселъ ли, истина ли—прекрасный разсказъ Пушкина, но его имя не умретъ въ этихъ стѣнахъ, пока онѣ будутъ существовать, хотя бы изсякъ самый источникъ, струя котораго каплетъ *хладными слезами* съ чашечки на чашечку фонтана, обвитаго мраморными изваяніями цвѣтовъ и растеній, своимъ сплетеніемъ изобразившихъ на вершинѣ фонтана нѣкоторое подобіе креста.

Нашъ чичероне—дворцовый солдатъ, грамотный полякъ—очень ловко исполняетъ свою обязанность, зная наизустъ весь „Бахчисарайскій фонтанъ“ Пушкина. Провожатый говорилъ намъ, что изъ своихъ комнатъ Марія Потоцкая имѣла право ходить только къ этому фонтану и, пользуясь этимъ правомъ, часто мѣшала съ его неумолкающими холодными слезами свои горючія слезы любви къ далекой отчизнѣ. Тутъ же налѣво изъ сѣней провожатый ввелъ насъ въ обширную залу, прежде бывшую мечетью, гдѣ, по его словамъ, была заключена Марія до того времени, пока согласилась раздѣлить ханское ложе; впослѣдствіи эти комнаты были часовнею; зала эта въ два свѣта, внизу четыре окна съ цвѣтными стеклами, вверху—три— всѣ съ желѣзными рѣшетками, между тѣмъ какъ во всѣхъ окнахъ дворца рѣшетки деревянныя. — По словамъ нашего путеводителя, когда Марія согласилась на желанія Хана, она переведена была въ другіе покои,—и онъ провелъ насъ въ ея пріемную. — Она обита голубымъ атласомъ, украшена двумя люстрами, зелеными шелковыми ковриками, шитыми золотомъ, зеркаломъ въ пестрой рамѣ и такими же пестрыми рамами оконъ; мебель въ ней

съ позолотою. Далѣе проводникъ показалъ намъ еще двѣ комнаты Маріи, тоже украшенныя по-европейски, уборную и опочивальню съ двумя диванчиками, обитыми краснымъ сукномъ, шитымъ золотомъ и шелками; стулья и столъ покрыты краснаго сукна салфетками, шитыми шелками въ тамбуръ. Гардеробный шкафъ, грубо разрисованный, занимаетъ стѣну.

Странно, если существованіе какой-то прекрасной иноземки-христіанки въ этихъ стѣнахъ и повѣсть ея исключительнаго влыдычества надъ сердцемъ Хана есть не болѣе какъ вымыселъ. Откуда такое живое о ней воспоминаніе, и почему это воспоминаніе составляетъ прекраснѣйшее изъ преданій волшебнаго дворца, единственное, пережившее о всѣхъ таинственныхъ и мрачныхъ дѣлахъ, совершавшихся въ этихъ узорчатыхъ стѣнахъ!

Мы вошли въ большую залу судилища. Каменный полъ, кругомъ диваны съ подушками, хрустальная люстра посрединѣ, четыре окна съ рѣшетками, хоры закрыты мелкою рѣшеткою; за нею-то — обыкновенно невидимо для присутствующихъ—сидѣлъ Гирей, слушая сужденія судей и повѣряя ихъ дѣйствія. Судьи и сановники не смѣли кривить совѣстью, не смѣли дѣйствовать и судить противозаконно: они ежеминутно должны были думать, что Ханъ взвѣшиваетъ ихъ каждое слово.

Съ террасы, на которой сиживалъ Ханъ, идетъ небольшой корридоръ въ уютную комнату, гдѣ была секретная канцелярія Хана; услышанное въ засѣданіи суда, все заслуживавшее особеннаго вниманія, онъ могъ тотчасъ приказать записать, или сдѣлать по этому предмету должныя распоряженія.

Пріемная Хановъ, такъ называемая *цареградская* комната, вся грубо росписана какими-то фантастическими пейзажами, обитыми на подобіе рамокъ краснымъ сукномъ съ синею и красною бахромою; въ пріемной множество оконъ всѣхъ сортовъ и видовъ; полъ покрытъ дорогою цыновкою; зеркала съ зеркальными же украшеніями цареградской работы; къ этой комнатѣ прилегаетъ кабинетъ, отдѣланный зеленымъ атласомъ — уборная посланниковъ; далѣе комната для прислуги, гдѣ обѣ двери завѣшаны дорогими шелковыми шитыми коврами. На дверяхъ каждой комнаты ярлыкъ съ ея названіемъ. Это производитъ какое-то болѣзненное чувство, похожее на то, какое родится въ груди, когда берешь въ руки прекрасную птичку и видишь, что въ ней нѣтъ жизни, что это только птичья шкурка, искусно набитая ароматическими травами или ватою...

Однако слѣдуемъ далѣе.

Намъ показываютъ комнаты Императрицы Екатерины II, богато отдѣланныя Потемкинымъ. Перламутровая мебель обита свѣтлоголубымъ шитымъ атласомъ. Роскошна богатоубранная опочивальня высокой Посѣтительницы, ложе ея — подъ балдахиномъ. Направо на стѣнѣ драгоцѣнныя собственноручныя надписи, тщательно покрытыя стекломъ:

Александръ 14 сентября 1837.
Николай въ первый разъ 25 іюня 1816.
Во второй разъ 14 сентября 1837.

Марія 1837.
Александра 14 сентября 1837.
Константинъ 2 сентября 1845, и то же имя по-татарски собственноручно.
Николай и Михаилъ 14 октября 1851.

За этими покоями слѣдуетъ комната Государя Наслѣдника Цесаревича *), отдѣланная фіолетовымъ бархатомъ съ золотомъ; за нею ханская цирульня, гдѣ показываютъ покрывало послѣдняго Гирея.

Вездѣ признаки восточнаго комфорта и азіатской роскоши; ковры, шелкъ, золото, бархатъ, парчею завѣшанныя комнаты, мирты, фонтаны, розы, виноградъ и тополи вокругъ дворца; вездѣ какая-то странная пестрота и прихотливость узоровъ. Только рѣзкую противоположность со всѣмъ этимъ составляютъ комнаты Государя Императора, убранныя съ величайшею простотою, безъ парчи и золота.

Гаремъ никакого по себѣ не оставилъ въ насъ пріятнаго впечатлѣнія, все равно, что раковина моллюска. Конечно, не то бы онъ произвелъ впечатлѣніе, еслибъ въ него было возможно заглянуть тогда, какъ онъ кипѣлъ своимъ роскошнымъ населеніемъ, дыша нѣгою и наслажденіемъ.

Съ крытой террасы дворца, сквозь ея рѣшетчатыя стѣны, открывается прекрасный видъ на татарскій Бахчисарай; эта терраса — кофейня хановъ. Восхитителенъ этотъ видъ ночью, при таинственномъ свѣтѣ луны, измѣняющемъ своими свѣтотѣнями виды мечетей, тополей, плосковерхихъ крышъ и пробѣгающихъ по нимъ татарокъ подъ длинными бѣлыми чадрами, все смѣшивая въ фантастическую картину, совершенно новую для насъ—сѣверянъ.

Пора догонять своихъ. Мы пріѣхали въ Дуванку ночью. Этотъ аулъ лежитъ въ живописной долинѣ между высокими прекрасными горами. Здѣсь прошли союзники и поживились наши казаки, а почти всѣ жители бѣжали дальше въ горы, въ ожиданіи, не прояснится ли небосклонъ? другіе бѣжали къ своимъ въ Евпаторію или послѣдовали за союзниками; вслѣдствіе этого Дуванку разбили и разграбили **).

Наши полки остановились, не доходя деревни, бивакомъ, а мы нѣсколько времени скитались по деревнѣ, чтобы занять для ночлега сколько-нибудь порядочную саклю, но не могли найти ни одной съ желаемыми удобствами, а мы вѣдь куда какъ прихотливы!...

Разведя посреди одной сакли большой огонь, мы заставили дверями разбитыя окна и расположились на ночлегъ; команда наша устроилась на

---

*) Въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ II.

**) Частію Дуванки владѣетъ одинъ изъ нашихъ товарищей—Ковалевскій. Конечно онъ съ полкомъ. Мать его и сестры съ приближеніемъ союзниковъ бѣжали въ Симферополь, захвативъ съ собою, что получше и поцѣннѣе; братъ Ковалевскаго, что было получше изъ оставленныхъ вещей, зарылъ, казалось, очень искусно, а самъ скрылся въ сосѣднія горы. Когда опасность миновала, молодой Ковалевскій воротился въ отцовскій домъ, но зарытыхъ вещей не нашелъ: оставшіеся въ Дуванкѣ старики сказывали, что эти вещи были вырыты казаками.

дворѣ и на улицѣ у костровъ, сложенныхъ изъ разной мебели, деревянной посуды, заборовъ и тому подобнаго. Такимъ образомъ мы, истомленные длиннымъ маршемъ, ѣздой, устройствомъ помѣщенія, думали было уснуть богатырскимъ сномъ да не удалось: скоро насъ отыскалъ нарочный, съ приказаніемъ воротиться съ разсвѣтомъ... Въ Россію? Ни чуть не бывало—идти черезъ Орто-королесъ на Чоргунъ.

Что намъ покажетъ завтра, таинственное завтра, въ которое намъ вновь суждено увидѣть непріятеля? Не пойдемъ ли на его позицію? не будетъ ли наше сближеніе съ нимъ исходною точкою великихъ событій?

Вѣсть о побѣдѣ Липранди подтвердилась разсказами оффиціальныхъ лицъ и приказомъ князя Меньшикова. Слава Богу за дарованіе намъ перваго успѣха надъ врагомъ въ эту кампанію на *своей* землѣ! Завтра увидимъ поле битвы и услышимъ о ней подробнѣе.

21-го октября.—Бивакъ у с. Чоргуна.

Вступивши сегодня изъ Дуванки въ ущелье, мы были поражены видами и картинами природы, недоступными, кажется, никакому описанію: красота этихъ мѣстъ выше всякаго разсказа.

Въ нѣсколькихъ, нами пройденныхъ аулахъ Татары, оставшіеся на мѣстахъ, встрѣчали и провожали насъ очень привѣтливо, предлагая намъ не только кристальную воду для утоленія жажды, но и фрукты.

Кстати, я забылъ было сказать, что наши солдаты съ сегоднешняго ночлега унесли и увезли съ собою множество яблоковъ. Всѣ деревья долины покрыты фруктами, а хозяевъ нѣтъ: бери кто хочетъ. Однихъ *падалицъ* можно собрать сотни возовъ. Къ несчастію владѣльцевъ, фрукты, какъ на зло, уродились въ настоящемъ году, а родятся-то они не каждый годъ.

Двигаясь великолѣпнымъ ущельемъ, мы часто встрѣчали, признаки побѣды 13 октября. Множество солдатъ щеголяли чѣмъ нибудь англійскимъ, или французскимъ: на иномъ англійская военная шинель, на другомъ фуражка съ англійскою высѣчкою, у того славная походная баклажка чрезъ плечо. Со стороны странно было смотрѣть на эти украшенія; но солдаты носили ихъ съ гордостію, какъ вывѣску совершеннаго ими подвига, хотя большинство носившихъ эти украшенія, какъ оказывалось по справкѣ, не были въ балаклавскомъ сраженіи, а, состоя въ дожностяхъ артельщиковъ и каптенармусовъ, получили эти трофеи отъ солдатъ въ подарки, или промѣняли на что-нибудь болѣе пригодное солдату.

Наконецъ мы выдвинулись изъ ущелья и, пройдя раззоренную въ конецъ деревню Чоргунъ, вступили въ долину р. Черной, гдѣ и должны были стать бивакомъ. Въ Чоргунѣ не осталось камня на камнѣ; онъ обращенъ въ развалины будто для симметріи съ древнею башнею того же наименованія, полуразрушенною временемъ и нынѣ будто осклабляющеюся на окрестную картину не давно еще шумнаго селенія.

Предъ нами теперь долина Черной рѣчки, обставленная высокими горами, необыкновенно живописная, покрытая растительностію, раззоренными хуторами и брошенными садами. Вдали на право виднѣется на высотѣ инкерманская башня, на лѣво долина замыкается толпою горъ самыхъ прихотливыхъ очертаній.

Мы остановились по сю сторону рѣчки, на южномъ склонѣ горы, охраняющей долину съ сѣвера. Предъ нами, нѣсколько правѣе, были Ѳедюхины высоты, занятыя передовымъ отрядомъ генерала Жабокрицкаго; нѣсколько лѣвѣе, долина тянется къ Балаклавѣ и видны холмы—мѣсто битвы 13 октября. Вдали ясно различаются, въ трубу, биваки и палатки союзниковъ, особенно видныя на Сапунъ-горѣ, замыкающей горизонтъ.

Мы узнали здѣсь съ нѣкоторою подробностію, что такое было такъ называемое Балаклавское *дѣло 13 октября*, какія обстоятельства ему предшествовали и какія ему послѣдовали.

Рагланъ съ Канробером, перейдя на южную сторону Севастополя, рѣшились атаковать оную съ моря и суши.

Бывшіе въ Севастополѣ во время передвиженія союзниковъ съ сѣверной стороны на южную не вѣрили своимъ глазамъ. Защитники слабаго съ суши города, правда, рѣшились бороться до послѣдней крайности, но никто не надѣялся устоять противъ вражьихъ полчищъ; моряки, воспламеняемые рѣшимостію Корнилова, Нахимова, Истомина и другихъ своихъ начальниковъ, клялись взорвать на воздухъ корабли, когда уже не останется никакой надежды на спасеніе ихъ роднаго города, клялись взорваться съ кораблями, чтобы не видѣть вражьяго торжества, вписавъ пламенемъ и кровью новую страницу въ лѣтопись славы русскаго флота.

Когда союзники изъ подъ сѣвернаго укрѣпленія, которое защищалось *двумя* Ластовыми баталіонами, да нѣсколькими морскими экипажами, двинулись къ Черной рѣчкѣ, никто не могъ понять, что они задумали. Особенно казалось страннымъ, когда они не уничтожили пороховаго погреба, мимо котораго проходили, и не лишили насъ 16.000 пудовъ пороха, находившагося подъ присмотромъ двухъ, трехъ караульныхъ!

Но какъ бы то ни было, а союзники двинулись къ Балаклавѣ, заняли ее, Георгіескій монастырь и избрали Камышевую бухту—базою своихъ дѣйствій. Дѣятельность союзниковъ была чрезвычайна: Англичане выгружались въ Балаклавѣ, Французы въ Камышѣ, свозя на берегъ морскую и осадную артиллерію.

Наши тоже трудились, не опуская рукъ, и то же свозили на берегъ морскую артиллерію, вооружая ею вновь возводимые форты.

Не впервые ли предстояло сразиться морской артиллеріи враждующихъ сторонъ на сушѣ? Обыкновенно, артиллерія осаждающаго громадностію своего калибра превосходитъ артиллерію осажденнаго, но здѣсь артиллерія осаждающаго встрѣтила достойную противницу. Обыкновенно артиллерія осаждающаго, имѣя возможность сосредоточиваться въ потребномъ, огромномъ, если нужно,

количествѣ противъ одного пункта атаки, встрѣчаетъ болѣе разъединенный огонь противника;—здѣсь мы видимъ другое явленіе: батареи, крѣпости, созидающіяся, такъ сказать, въ моментъ дѣла, могутъ противупоставить врагу равное, если еще не большее количество орудій; слѣдовательно борьба должна быть ужасна.

Во время высадки, Севастополь съ сухаго пути былъ защищенъ каменною оборонительною стѣнкою бастіоннаго расположенія, безъ рва впереди; бастіономъ № 7, тремя оборонительными казармами и возведенною на Малаховомъ курганѣ, на счетъ добровольныхъ пожертвованій жителей и севастопольскихъ офицеровъ, каменною башнею. Эта башня выстроена, что называется, на скорую руку и была до того не надежна, что, какъ разсказывали намъ флотскіе офицеры, когда ее стали вооружать, инженеръ, ее строившій, просилъ не ставить на нее большихъ орудій, опасаясь, что она не выдержитъ потрясеній при пальбѣ изъ нихъ; опасенія ея строителя, замѣтимъ кстати, не были напрасны. Малахова башня, въ первые же моменты бомбардировки, 5 октября, была разбита непріятельскими выстрѣлами, и орудія, на ней стоявшія, подбиты и засыпаны.

На море и рейдъ дѣйствуетъ, кромѣ сѣвернаго укрѣпленія 460 орудій большаго калибра. Но число сухопутныхъ укрѣпленій немедленно было увеличено Тотлебеномъ, такъ что, когда непріятель открылъ бомбардировку 5 октября, ему отвѣчало съ суши 250 орудій, прислуга которыхъ преимущественно была изъ моряковъ, лихихъ и отважныхъ, хорошо знакомыхъ съ артиллерійскимъ дѣломъ.

Послѣ нѣсколькихъ рекогносцировокъ, союзники рѣшились вести правильную атаку противъ Севастополя, и ночью съ 27 на 28 сентября открыли первую параллель на значительномъ разстояніи отъ городскихъ укрѣпленій *). Французы взяли на себя атаку нашего праваго фланга, Англичане—лѣваго.

Не станемъ описывать всѣхъ подробностей начальныхъ работъ союзниковъ, со временемъ историки настоящей борьбы представятъ полную картину осады и защиты Севастополя; мы же не имѣемъ къ тому ни достаточныхъ источниковъ, ни довольнаго количества фактовъ. Къ тому же многія дѣйствія, какъ наши, такъ и союзниковъ теперь еще кажутся загадочными.

Со дня заложенія непріятельскихъ траншей начался сильнѣйшій огонь осажденныхъ по непріятельскимъ работамъ; онъ не прекращался ни днемъ, ни ночью. Огромное количество зарядовъ, наполнявшихъ морскіе арсеналы, давало, казалось, возможность поддерживать его съ такою яростію, хотя онъ и не наносилъ осаждающимъ существеннаго вреда, что доказывалось безостановочнымъ продолженіемъ и постояннымъ исправленіемъ земляныхъ работъ, повреждаемыхъ нашими выстрѣлами.

Особенно сильнымъ огнемъ отличались наши 4-й и 5-й бастіоны.

Наши было пытались дѣлать вылазки, но онѣ тоже были безуспѣшны:

*) Первая параллель была открыта союзниками въ двухъ верстахъ отъ проектированной Тотлебеномъ линіи огня.

въ лунныя ночи тотчасъ обнаруживалось движеніе нашихъ отрядовъ и они должны были возвращаться въ городъ, часто даже не достигнувъ непріятеля, готоваго ихъ встрѣтить батальнымъ огнемъ, картечью и превосходнымъ числомъ штыковъ.

Наконецъ насталъ первый ужасный день въ жизни Севастополя: разсвѣтъ 5 октября.

Въ половинѣ седьмаго, по сигналу съ французской батареи, бросившей три бомбы одна за другою, открылась первая бомбардировка города съ суши. Съ удивительною живостію заревѣло 53 орудія французскихъ и 73 англійскихъ, но имъ тотчасъ стали отвѣчать наши *) съ такою силою, что немедленно заставили понять союзниковъ, легко ли имъ будетъ сладить съ этою, возникшею на ихъ глазахъ, твердынею, и могутъ ли они въ тотъ день употребить въ дѣло свою армію, которая стояла подъ ружьемъ въ ожиданіи удобной минуты броситься на штурмъ, или приказанія вступить съ распущенными знаменами въ падшій къ ея ногамъ Севастополь!

На одной изъ французскихъ батарей, бывшихъ въ средоточіи укрѣпленій, наша бомба взорвала пороховой погребъ, при чемъ болѣе 50 человѣкъ прислуги бросило на воздухъ; за этимъ послѣдовалъ взрывъ на другой батареѣ; потомъ непріятельскія батареи нѣсколько ослабили свой огонь; у нихъ оказалось много подбитыхъ орудій, другія были обнажены отъ землянаго прикрытія. Наши батареи также сильно пострадали и на время ослабили огонь послѣ двухчасовой борьбы, чтобы подбитыя орудія замѣнить новыми. Союзники приняли это ослабленіе огня за побѣду и войска стали готовиться къ штурму, что наши замѣтили по ихъ передвиженіямъ. Но вскорѣ союзники увидѣли свою ошибку: подбитыя орудія перемѣнены, пороховые погреба пополнены и огонь нашей артиллеріи не только не прекратился, но еще усилился. Еще съ часъ держались французскія батареи, но въ половинѣ одиннадцатаго вынуждены были совершенно замолчать. Можно ли себѣ вообразить восторгъ нашихъ героевъ? Но, между тѣмъ, Англичане еще боролись нѣкоторое время, хотя въ свою очередь страшнымъ дѣйствіемъ съ Малахова кургана, огнемъ котораго управлялъ самъ Истоминъ, были вынуждены почти прекратить пальбу. Перевѣсъ въ этомъ состязаніи явно былъ на нашей сторонѣ, несмотря на отдаленность ихъ батарей отъ нашихъ верковъ, дальность выстрѣловъ англійской артиллеріи и громадность ея калибра. У Англичанъ произошелъ сильный взрывъ и къ вечеру дѣйствовало противъ Севастополя только *два* орудія.

Пока происходила эта сухопутная борьба, непріятельскій флотъ, обязанный, по принятому въ бывшемъ наканунѣ военномъ совѣтѣ рѣшенію, бомбардировать наши приморскіе форты, одновременно съ сухопутною бомбардировкою, за безвѣтріемъ не могъ въ точности исполнить своей обязанности и собрался противъ нашего рейда только въ два часа пополудни.

*) Съ нашей стороны могли отвѣчать, въ этотъ день, союзникамъ, изъ 340 бывшихъ на вооруженіи, только 118 орудій.

На французскомъ адмиральскомъ кораблѣ былъ поднятъ сигналъ: *„Франція смотритъ на васъ!“* Конечно, французскіе моряки отвѣчали этому сигналу восторженнымъ возгласомъ и по послѣдующему за тѣмъ сигналу, ставъ на мѣсто, открыли огонь *изъ 1500 орудій.*

Очевидцы сказываютъ, что ужаснѣе этой борьбы ничего себѣ невозможно и вообразить. Была страшная синопская канонада, но сравнительно съ бомбардировкою 5 октября, она тоже, что ружейный выстрѣлъ, сравнительно съ пушечнымъ. Туча дыма все закрыла: нѣкоторое время не было видно ни фортовъ, ни флота. Громъ выстрѣловъ слился въ одинъ страшный ревъ. Иногда на нѣсколько минутъ онъ прекращался съ той стороны, которая желала дать разсѣяться дыму, чтобы видѣть, куда стрѣлять? но за этою минутною остановкою слѣдовала канонада еще ужаснѣе. У насъ сильно пострадалъ Константиновскій фортъ, говорятъ, внутри его лопнула бомба. У непріятеля сильнѣе другихъ пострадалъ адмиральскій корабль „La ville de Paris“ *) въ капитанской каютѣ котораго разорвало бомбу, взорвавъ ютъ, причемъ перебило или переранило всю свиту адмирала Гамлена, кромѣ его самого, хотя и его подбросило на воздухъ, также ранило начальника его штаба контръ-адмирала Буе-Виломецъ. Другіе корабли, какъ Французскіе такъ и Англійскіе, также очень потерпѣли, недостигнувъ предположенныхъ результатовъ **). Но пролетѣвшій слухъ о взрывѣ одного непріятельскаго корабля, къ сожалѣнію, ложный ***). Мы въ этотъ день много пострадали: до тысячи

---

*) Судовой журналъ корабля „La Ville de Paris“ говоритъ, что этотъ корабль получилъ 50 ядеръ въ свой корпусъ; три ниже ватерлиніи; три каленыя ядра, произведшія пожары, тотчасъ, впрочемъ, потушенные; мачты его были очень попорчены и многія бомбы, упавшія на ютъ, почти совершенно его разрушили. Perret. Ibidem, стр. 146).

По словамъ Rousset (Ibidem, стр. 311—312), корабль „La Ville de Paris“ получилъ три каленыя ядра; сто снарядовъ попало въ его такелажъ, 50 въ корпусъ, три въ его подводную часть; бомба, разорвавшаяся на его ютѣ, опрокинула вице-адмирала Гамлена, ранила двухъ его адъютантовъ и убила ординарца.

**) Атака Севастополя 5 октября съ суши и съ моря показала, надо полагать, союзникамъ, что съ русскими твердынями не такъ легко справляться, какъ имъ казалось, и что пари, которое подержалъ Чарльзъ Непиръ, выступая съ англійскимъ флотомъ въ Балтійское море, взять Кронштадтъ въ два дни—есть ни что иное какъ пустая бравада.

Разсказываютъ по этому поводу, что когда въ 1845 году Императоръ Николай самъ лично показывалъ Кронштадтъ одному извѣстному англійскому адмиралу, посѣтившему Россію, онъ сказалъ Англичанину:

— Согласны ли вы, что это превосходная крѣпость, которую невозможно взять?
— О! Государь, отвѣчалъ адмиралъ,—только Гибралтаръ нельзя взять.
— Какой же вашъ взглядъ на Кронштадтъ?
— Хорошая крѣпость, ее трудно взять.
— Да, конечно, трудно...
— Съ 15-ю кораблями ее не возмешь!...
— Ну, а съ двадцатью?
— Потребуется время.
— Съ двадцатью пятью?
— Надо будетъ употребить около 15 дней.
— Съ тридцатью пятью?
— О! ваше величество!—пятнадцать часовъ!...

(Perret. Ibidem, стр. 89).

***) Бомба, по словамъ Rousset, пробила всѣ палубы корабля „Le Charlemagne“ и разбила его машину. На англійскихъ судахъ: „Лондонъ“, „Королева“, „Агамемнонъ“—начинался пожаръ. Но наиболѣе пострадали суда, бывшія подъ навѣснымъ огнемъ батарей,

человѣкъ выбыло изъ строя; много потеряли офицеровъ; потеряли доблестнаго Корнилова; но за то честно исполнили свое дѣло и доказали врагу, что побѣда надъ нами не можетъ быть куплена дешево. Другой доблестный витязь нашъ Нахимовъ чуть было не погибъ тоже въ этотъ страшный день. Нахимовъ былъ раненъ въ голову, по счастію, легко. При этомъ кто-то изъ приближенныхъ сказалъ:

— Вы ранены, Павелъ Степановичъ?

— Не правда-съ!—воскликнулъ онъ энергически. Но черезъ мгновеніе, проведя рукою по окровавленному лицу, онъ прибавилъ:—Слишкомъ мало-съ, чтобъ объ этомъ заботиться, слишкомъ мало-съ!

Память Корнилова священна для каждаго русскаго; послѣдніе моменты жизни героя будутъ обрисованы, конечно, во всей подробности свидѣтелями. Скажу объ этомъ печальномъ событіи, что знаю, по слухамъ. Разсказывали, что Корниловъ, за два дня до смерти, объѣзжая укрѣпленія съ капитаномъ 2 ранга Попандополо, на одномъ изъ севастопольскихъ бастіоновъ встрѣтилъ знакомаго доктора, тоже наблюдавшаго передвиженіе непріятельскаго флота.

— Что вы думаете, любезный докторъ,—спросилъ его, между прочимъ, Корниловъ:—Славно было бы прожить еще десять-пятнадцать дней.— Сколько мысли въ этихъ краткихъ словахъ, вырвавшихся изъ души! Не многаго хотѣлъ герой, нѣсколькихъ только дней жизни: онъ желалъ только видѣть торжество своего созданія надъ напряженными силами врага; онъ видно былъ убѣжденъ, что всей борьбы ему не пережить и только хоть бы дожить до перваго торжества. Осуществилась его мечта: онъ унесъ съ собою въ могилу вѣсть о побѣдѣ, благословляя за нее Бога. Умирая, онъ интересовался знать подробности борьбы и только муки агоніи заставили его забыть о святомъ долгѣ защиты родимаго города.

Капитанъ Попандополо напросился въ дѣло: по своей службѣ онъ не долженъ былъ принимать въ немъ участія; но могъ ли честный русскій офицеръ не желать раздѣлить съ своими братьями кровавое пиршество смерти? Онъ командовалъ третьимъ бастіономъ; подъ его начальствомъ командовалъ батареею юный сынъ его; когда сыну оторвало руку,—„до свиданья,—сказалъ отецъ,—увидимся!“—и дѣйствительно: раненаго и контуженнаго его принесли въ тотъ же госпиталь, гдѣ умиралъ его сынъ.

Третій бастіонъ грозно отомстилъ за кровь и горе своего командира: двѣ перемѣны прислуги на немъ легло; поставили третью, и онъ до глубокой ночи не прекратилъ своего яростнаго рева, продолжая громить вражьи батареи огнемъ и желѣзомъ.

Но возможно ли пересказать исторію всѣхъ подвиговъ героевъ—дѣйствователей 5 октября, всѣхъ славныхъ частностей этого знаменитаго дня.

Увлеченіе защитниковъ Севастополя доходило въ этотъ день до энту-

---

расположенныхъ за Константиновскимъ фортомъ. Такъ наприм. у „Альбіона“ были перебиты всѣ мачты, оказалось болѣе 93 пробоинъ въ его корпусѣ и три бомбы попали въ его крютъ-камеру,—непонятно, какъ онъ не взлетѣлъ на воздухъ!

зіазма, и счастливы союзники, что не пошли на штурмъ,—они бы встрѣтили безпримѣрный отпоръ.

Въ слѣдующій за бомбардировкою день, незначительный Чоргунскій отрядъ генерала Семякина, по распоряженію главнокомандующаго, двинулся впередъ отъ деревни Чоргунъ съ цѣлію угрожать тылу позиціи Англичанъ и заставить ихъ отвлечь вниманіе отъ Севастополя на этотъ пунктъ. Но незначительность этого отряда была причиною, что движеніе его не достигло своей цѣли: доказательство, что Англичане 6 октября продолжали поддерживать канонаду противъ Севастополя, хотя и съ меньшею сравнительно съ 5-мъ октября силою; но причиною ослабленія огня Англичанъ была отнюдь не демонстрація наша, а потери, понесенныя союзниками наканунѣ въ людяхъ, снарядахъ, орудіяхъ, и поврежденія ихъ батарей,—тѣ же причины вовсе не позволили Французамъ 6 октября продолжать канонаду.

Съ 5 октября, дня столь достопамятной артиллерійской дуэли, работы закипѣли съ удвоенною силою у насъ и у противниковъ. Какъ мы, такъ и *они* узнали слабыя стороны свои и противниковъ и спѣшили сдѣлать постройки, оказавшіяся необходимыми, и вооружить пункты, найденные слабыми, разоруживъ признанные безполезными. Съ нашей стороны почти всякую ночь производились незначительныя вылазки. Главнѣйшимъ результатомъ ихъ было вынужденіе непріятеля истомлять значительное число людей ночнымъ бодрствованіемъ и необходимость держать сильные резервы подъ огнемъ нашей артиллеріи, чтобы всегда быть готовымъ дать отпоръ нашему покушенію, особенно если оно приметъ серьезные размѣры. Другаго же, болѣе существеннаго, вреда наши вылазки производить не могли, по малочисленности нашего гарнизона и по значительности разстоянія, которое надлежало проходить отъ крѣпости до работъ союзниковъ. Часто наши вылазки во время самаго движенія бывали открываемы непріятелемъ и издали встрѣчаемы батальнымъ огнемъ, что тотчасъ привлекало на помощь атакованному непріятелю его резервы и вынуждало нашихъ, не ударивъ въ штыки, возвратиться, ибо успѣхъ схватки обыкновенно зависѣлъ отъ нечаянности нападенія на незначительную часть непріятеля, съ которымъ слѣдовало покончить дѣло до прибытія его резерва.

Удачнѣе другихъ, говорятъ, была вылазка ночью на 9 октября, причемъ наши удальцы достигли непріятельской батареи и хотя потеряли двухъ офицеровъ, изъ пяти бывшихъ на вылазкѣ, но заклепали орудія, найденныя ими на батареѣ, и отступили только послѣ упорнаго боя.

Между тѣмъ, какъ осада затянулась, наши войска были подкрѣплены 12-ю дивизіею, дивизіею кавалеріи и полкомъ Уральскихъ казаковъ.

Князь Меньшиковъ нашелъ необходимымъ, не дожидаясь прибытія остальныхъ полковъ нашего корпуса, сдѣлать болѣе сильную демонстрацію въ тылъ непріятельской арміи *). Отрядъ подъ начальствомъ генералъ-лейте-

*) Быстрое приближеніе работъ, особенно французскихъ, къ нашимъ веркамъ до того тревожило князя Меньшикова, что онъ 11 октября донесъ Государю о намѣреніи своемъ

нанта Липранди, 13 октября, атаковалъ непріятеля у Балаклавы, предъ которою онъ имѣлъ двѣ линіи редутовъ.—Вторая изъ этихъ двухъ линій охранялась гигландерами, а первая линія (4 редута съ одиннадцатью орудіями)—Турками.

На разсвѣтѣ, 13 октября, полковникъ Скюдери съ полкомъ Одессцевъ, ротою стрѣлковъ 4-го баталіона и полубатареею артиллеріи пошелъ ущельемъ между Ѳедюхиными высотами. За нимъ слѣдовала бригада кавалеріи и Уральскіе казаки съ двумя конными батареями. Лѣвѣе Скюдери шла другая колонна генерала Левуцкаго: Украинскій полкъ съ другою ротою стрѣлковаго батаіьона и десятью орудіями. За ними слѣдовалъ генералъ Семякинъ съ ротою стрѣлковъ, Азовскимъ полкомъ и баталіономъ Днѣпровцевъ съ десятью орудіями. Еще лѣвѣе эихъ колоннъ генералъ Гриббе двигался на селеніе Комары, въ обходъ праваго непріятельскаго фланга, съ тремя баталіонами Днѣпровцевъ, ротою стрѣлковъ, своднымъ уланскимъ полкомъ, сотнею казаковъ и десятью орудіями. Для обезпеченія нашего отряда со стороны непріятеля, занимавшаго Сапунъ-гору, слѣдовалъ генералъ Жабокрицкій, правѣе колонны Скюдери, по ущелью между Ѳедюхиными высотами.

Въ 6 часовъ утра генералъ Гриббе началъ артиллерійское дѣло; въ то же время лѣвѣе его выстроилъ свою колонну генералъ Семякинъ и бросился съ нею на англо-турецкій редутъ № 1, который и взялъ мгновенно,

---

оставить южную сторону Севастополя и, съ помощью кораблей, перевезти гарнизонъ на сѣверную. Единственнымъ способомъ отвратить эту необходимость было, по его мнѣнію, остановить или на нѣкоторое время, хотя бы только до прибытія нашего, т.-е. 10 и 11 й дивизій, замедлить наступательное движеніе союзниковъ—это самимъ перейти въ наступленіе. Цѣлью нашей атаки намѣтили Балаклаву, какъ главный опорный пунктъ Англичанъ, потеря котораго была бы для нихъ бѣдственною, но для успѣха нашего нужны были значительныя силы; въ случаѣ же неполнаго успѣха задуманное предпріятіе кромѣ вреда намъ ничего не приносило, такъ какъ мы, безполезно и преждевременно, обнаружили бы свои намѣренія и заставили бы противника принять энергическія мѣры, чтобы лишить насъ возможности успѣха, на этомъ пунктѣ, и въ будущемъ.

Князь Меньшиковъ поручилъ прибывшему въ это время начальнику 12 пѣх. дивизіи генералу Липранди составить планъ предполагаемой атаки. Онъ произвелъ рекогносцировку непріятельской позиціи со стороны Чоргуна и составилъ прекрасный планъ атаки Кадыкіойской позиціи и Сапунъ-горы тремя дивизіями съ кавалеріей, почему и предполагалось выждать для осуществленія этого плана прибытія 10 и 11 дивизій. Главнокомандующій вполнѣ одобрилъ этотъ планъ, но 10 октября, вечеромъ, прислалъ къ генералу Липранди генеральнаго штаба полковника Попова сообщить, что такъ какъ по недостатку у гарнизона пороху [1]), скоро нечѣмъ будетъ отвѣчать постоянно бомбардирующему непріятелю, то признается необходимымъ отвлечь его вниманіе вылазкою 12-й дивизіи изъ Севастополя. Липранди немедленно отправился къ Меньшикову и доказалъ ему невозможность этого плана, но Меньшиковъ, уступивъ въ этомъ, настоялъ, несмотря на новыя возраженія Липранди, на производствѣ *отвлеченія* союзниковъ, хотя бы взятіемъ Кадыкіойскихъ редутовъ.

---

[1]) Между тѣмъ оказалось, что вовсе не было у гарнизона такого недостатка пороха, чтобы это вызывало столь рѣшительное дѣйствіе, какъ преждевременное наступленіе на непріятеля. У одного сухопутнаго вѣдомства къ вечеру 9 октября было 12.951 пудъ пороху, притомъ къ Севастополю приближались три транспорта съ порохомъ, всего 5.900 пуд., изъ которыхъ одинъ пришелъ 13 октября.

По разсчету, пороха достало бы еще на недѣлю, т.-е. до прибытія новыхъ транспортовъ и 10 пѣх. дивизіи; кромѣ того, въ крайности можно было бы взять порохъ съ флота, наконецъ изъ заряженныхъ минъ. Все несчастіе въ томъ, что въ штабѣ князя Меньшикова не было точныхъ свѣдѣній о средствахъ обороны.

въ то время какъ Украинцы, также устремясь на штурмъ лежавшихъ передъ ними укрѣпленій, заняли редуты №№ 2 и 3, а полковникъ Скюдери съ Одессцами—редутъ № 4, съ которыхъ Турки бѣжали опрометью, видя гибель своихъ товарищей на первомъ редутѣ и неукротимую отвагу нашихъ солдатъ, смѣло бѣжавшихъ на приступъ.

Въ нашихъ рукахъ осталось 11 орудій, артиллерійскіе запасы, турецкія палатки, оружіе, инструменты и тому подобное.

Немедленно уничтоживъ слишкомъ видвинувшійся впередъ изъ занятой нами позиціи редутъ № 4, изрубивъ колеса и лафеты его артиллеріи, заклепавъ орудія, полковникъ Скюдери поставилъ батарею своей колонны на мѣстѣ редута; генералъ Жабокрицкій сталъ правѣе, на склонѣ Ѳедюхиныхъ горъ; генералъ Гриббе занялъ селеніе Камары,ославъ лѣвѣе своей позиціи сотню бывшихъ съ нимъ казаковъ; генералъ Семякинъ занялъ редутъ № 1, а генералъ Левуцкій, редуты №№ 2 и 3; вся кавалерія отряда стала между Скюдери и Жабокрицкимъ.

Тревога немедленно распространилась въ лагерѣ союзниковъ, и Англичане спѣшили выстроиться, закрывая собою Балаклаву; съ Сапунъ-горы скоро потянулись къ нимъ резервы. Генералъ Липранди приказалъ бригадѣ 6-й легкой кавалерійской дивизіи и Уральцамъ атаковать англійскую драгунскую бригаду Скарлета, передъ Балаклавою. Одинъ, какъ сказываютъ очевидцы, изъ гусарскихъ полковъ и Уральцы пошли въ атаку, но послѣ кратковременнаго боя были опрокинуты бросившимися имъ на встрѣчу драгунами Скарлета и обхватившими ихъ съ фланговъ, вóвремя присланными изъ резерва, двумя драгунскими полками того же генерала.

За нашею опрокинутою кавалеріею бросились, увлеченные успѣхомъ, Англичане, не обращая вниманія на близость нашихъ войскъ; но наши батареи, поставленныя у редутовъ №№ 2 и 3, встрѣтили ихъ картечью и тотчасъ обратили вспять. Наша кавалерія не преслѣдовала Англичанъ: стягивавшіяся отвсюду войска союзниковъ дѣлали невозможнымъ наше движеніе изъ линіи нами занимаемыхъ редутовъ; кавалерія пошла назадъ, по Балаклавской дорогѣ, по направленію къ Чоргуну, проходя въ промежутокъ между отрядами Скюдери и Жабокрицкаго. Въ это время, уязвленные потерею орудій на редутахъ, Англичане рѣшились, во что бы то ни стало, возвратить ихъ. Англійская легкая кавалерія, по несчастному для нея заблужденію главнокомандующаго, была признана достаточно сильною, чтобъ отнять у насъ редуты, а потому перешла въ наступленіе. Тутъ произошла гибельная для нея катастрофа: она погибла *вся*, несмотря на свое необыкновенное мужество, смѣлость предпріятія, силу атаки и грозную рѣшимость *).

*) Базанкуръ разсказываетъ („Cinq mois“ и проч. Ibidem, стр. 125), что молоденькая, хорошенькая англійская дама, жена одного изъ офицеровъ, участвовавшихъ въ этой атакѣ, верхомъ на конѣ смотрѣла съ холма, господствующаго надъ пространствомъ, на происходившую битву. Неподвижная, какъ мраморное изваяніе, она забыла, казалось, весь міръ и, вперивъ взоръ въ гибнувшій передъ нею отрядъ, силилась различить въ этой толпѣ своего мужа. „Подъ старость,—говоритъ Базанкуръ (если можетъ только когда-нибудь состариться красавица),—будетъ ей о чемъ поразсказать“.

Три драгунскихъ и два гусарскихъ полка Кардигана, построясь въ двѣ линіи, смѣло пошли отыскивать свои орудія и нашу кавалерію. Но наши гусары не выждали атаки и въ безпорядкѣ бросились къ мосту, когда Уральскіе казаки ускакали еще далѣе. Англичане обскакали высоту, гдѣ стояли Одессцы, на мѣстѣ срытаго редута № 4, и, подъ картечнымъ и штуцернымъ огнемъ Скюдери и Жабокрицкаго, частію бросились преслѣдовать нашу отступающую кавалерію, частью ударили на донскую батарею. Завязалась кровопролитная свалка: прислуга донской батареи была изрублена; но огонь нашихъ батарей сдѣлалъ свое дѣло—Англичане были опрокинуты. Кто остался живъ, бросился назадъ; но наша картечь, батальный огонь пѣхоты и частію уланскія пики еще многихъ вырвали изъ толпы бѣгущихъ. На мѣстѣ осталось 400 тѣлъ, 60 раненыхъ и 22 плѣнныхъ*). Пораженіе англійской кавалеріи было полное и ужасное.

---

*) Изъ подробныхъ описаній этого несчастнаго для Англичанъ дѣла: Базанкура (Ibidem), Roussett'a (*Histoire de la guerre de Crimée*). Paris, 1877), Герень, Кинглека (L'invasion de la Crimée. Tome 6. Bruxelles 1879) и др. мы можемъ составить себѣ точное понятіе объ этомъ событіи и о причинахъ его, хотя въ объясненіи ихъ англійскій писатель нѣсколько расходится съ французскими. Вотъ что мы находимъ у этихъ писателей.

Передвиженіе нашей кавалеріи, послѣ отбитія первой атаки тяжелой англійской кавалеріи, за линію взятыхъ нами редутовъ, какъ видно, показалось издали лорду Раглану, слѣдившему съ высоты за ходомъ дѣла, отступленіемъ всего отряда, какъ будто увозившаго взятыя на редутахъ орудія. Раглanъ послалъ сказать генералу Лукану, чтобы онъ, будучи поддержанъ дивизіею Каткарта, двинулся впередъ и воспользовался бы первою возможностію возвратить отнятыя у Турокъ высоты. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ это дѣло самъ лордъ Раглanъ, въ донесеніи своему правительству. Но въ короткое время, съ минуты отданія этого приказанія до минуты его полученія Луканомъ, обстоятельства измѣнились: „Русскіе вновь устроились,—говоритъ лордъ Раглanъ,—и поставили, гдѣ надлежало, артиллерію. Вѣроятно, не понявъ приказанія, которое предписывало наступать, при *благопріятныхъ обстоятельствахъ*, генералъ Луканъ счелъ себя обязаннымъ *во всякомъ случаѣ* атаковать непріятеля и потому приказалъ легкой бригадѣ Кардигана идти въ атаку". Между тѣмъ генералъ Луканъ, объясняя свою непостижимую атаку, разсказываетъ это дѣло такимъ образомъ: „Когда Французы подкрѣпили лѣвое крыло англійской кавалеріи бригадою африканскихъ егерей, и англійская пѣхота, спустясь въ долину, стала между кавалеріей и Балаклавой, прискакалъ къ Лукану адъютантъ генералъ-квартирмейстера, капитанъ Нолanъ, съ письменнымъ приказаніемъ лорда Раглана слѣдующаго содержанія: „лордъ Раглanъ желаетъ, чтобы кавалерія быстро двинулась впередъ, преслѣдовала непріятеля и старалась бы не позволить ему увезть орудія. Съ кавалеріею можетъ идти батарея конной артиллеріи. Французская кавалерія на вашемъ лѣвомъ флангѣ. Немедленно. Р. Эйръ (R. Airey)".

„Внимательно прочтя эти строки,—говоритъ лордъ Луканъ,—я поколебался слѣдовать приказанію, доказывая опасность, сопряженную съ исполненіемъ этого распоряженія". На опасенія лорда Лукана капитанъ Нолanъ возразилъ, что приказаніе лорда Раглана было пустить кавалерію немедленно.

— Но куда же я ее пущу?

— Милордъ,—отвѣчалъ Нолanъ съ азартомъ, энергическимъ жестомъ указывая въ сторону редутовъ,—тамъ наши орудія, тамъ непріятель [1])!

Тогда только Луканъ, не сообразивъ всей отвѣтственности, на немъ лежащей, по высокому, имъ занимаемому посту, счелъ себя обязаннымъ повиноваться и приказалъ атаковать.

Когда лорду Кардигану передали это приказаніе, онъ поколебался, какъ и лордъ

---

[1]) „Вотъ непріятель, вотъ наши пушки въ средѣ его, милордъ, указывая на нихъ рукою, говорилъ Нолanъ,—ваша обязанность отнять ихъ" (т. 1, стр. 344. Герень. Ibidem). „Вотъ вашъ непріятель, милордъ; вотъ ваши орудія!" Слова эти приведены въ рапортѣ лорда Лукана, но тамъ гдѣ говорится о жестѣ Нолана рукою слова имъ сказанныя измѣнены такъ: „*на той сторонѣ долины*" (Кинглекъ. Ibidem, стр. 33).

Луканъ, но также, какъ и онъ, не осмѣлился ослушаться: потому бросился на нашу позицію; съ нимъ рядомъ скакалъ капитанъ Нолanъ, виновникъ несчастной атаки, заплатившій тутъ же своею жизнію за рѣшимость, съ какою настаивалъ на необходимости это атаки... [1]).

Мы разсказали печальныя для англійской арміи послѣдствія этого недоразумѣнія и опрометчивой атаки ея кавалеріи. Разумѣется, лордъ Рагланъ, въ своемъ донесеніи правительству, вину этого событія больше отнесъ къ лорду Лукану чѣмъ къ себѣ. Но въ Англіи не такъ легко главнокомандующему сваливать свою вину на другаго. Лордъ Луканъ адресовалъ къ лорду Раглану, вслѣдъ за опубликованіемъ его денесенія о Балаклавскомъ дѣлѣ, письмо слѣдующаго содержанія:

Балаклава, 18 ноября 1854 года.

Милордъ!

Въ вашемъ рапортѣ объ атакѣ 13 октября, подъ Балаклавою, опубликованномъ журналами, присланными теперь изъ Англіи, вы говорите: „Ошибочно понявъ приказаніе наступать, генералъ-лейтенантъ Луканъ считалъ себя обязаннымъ атаковать во всякомъ случаѣ и приказалъ, вслѣдствіе сего, лорду Кардигану наступать съ легкою бригадою».

Такое важное обвиненіе, милордъ, поражаетъ мою военную репутацію. Не могу молчать. Нахожусь въ необходимости объяснить дѣло, чѣмъ, я убѣжденъ, избавлю себя отъ нареканій, которыхъ, осмѣлюсь почтительнѣйше замѣтить, я ничѣмъ не заслужилъ.

Кавалерія построилась, чтобъ поддерживать предполагавшееся движеніе пѣхоты, когда капитанъ Нолanъ, адъютантъ генералъ-кватирмейстера главнаго штаба, прискакавъ, передалъ мнѣ слѣдующую записку (см. выше). Прочтя это приказаніе съ большимъ вниманіемъ, я опасался его исполнить и доказывалъ опасность его выполненія. Адъютантъ объявилъ весьма рѣшительно, что приказаніе лорда Раглана было: немедленно атаковать—кавалеріею. Когда я спросилъ у Нолана: что надо сдѣлать? потому что невидно было ни врага, ни пушекъ.—«Тамъ, милордъ, враги, тамъ ваши пушки»! указывая на противоположную сторону долины, отвѣчалъ мнѣ Нолanъ, самымъ неуважительнымъ и вмѣстѣ рѣшительнымъ тономъ.

Ваше письменнее приказаніе мнѣ казалось столь точнымъ, приказаніе, переданное адъютантомъ, столь положительнымъ и настойчивымъ, что я считалъ себя непремѣнно обязаннымъ его исполнить и приказалъ лорду Кардигану наступать. На возраженія, имъ мнѣ сдѣланныя, съ которыми я совершенно былъ согласенъ, я отвѣчалъ, что приказаніе проистекало отъ вашего превосходительства.

Рѣшившись, вопреки моимъ убѣжденіямъ, предпринять это движеніе, я употребилъ всѣ силы, чтобъ устранить, по возможности, затрудненія, предстоявшія при исполненіи плана: я построилъ бригаду въ двѣ линіи, подкрѣпивъ эти линіи двумя полками тяжелой кавалеріи, поставивъ ихъ на мѣста, откуда они могли покровительствовать отступленію легкой кавалеріи, еслибъ ее преслѣдовалъ непріятель, на мѣста, далѣе которыхъ тяжелая кавалерія не могла двигаться, безъ опасенія быть уничтоженною.

Милордъ! я думалъ тогда, какъ и теперь, что поступая такимъ образомъ, я только исполняю ваши приказанія. Конечно я, какъ генералъ-лейтенантъ, имѣю власть свободную; но взять на себя смѣлость неповиноваться письменному приказанію моего главнокомандующаго, въ самую почти минуту полученія этого приказа, въ особенности, когда онъ съ высоты видитъ всѣ батареи и все расположеніе непріятеля, было бы ничѣмъ инымъ, какъ только прямымъ неповиновеніемъ приказаніямъ, мною полученнымъ,—неповиновеніемъ, ни на чемъ другомъ не основанномъ, какъ только на предпочтеніи своего собственнаго мнѣнія—мнѣнію главнокомандующаго: и тогда и я, и кавалерія подверглись бы нареканіямъ, противъ которыхъ трудно было бы возражать. Я долженъ еще прибавить, что адъютантъ, хорошо зная намѣренія своего генерала и цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду, настоявъ на немедленной атакѣ, сталъ самъ въ головѣ первыхъ эскадроновъ, назначенныхъ идти на непріятеля, и былъ убитъ первый!

Я не смѣлъ не повиноваться вашему превосходительству, и всѣ офицеры, которымъ я только показалъ ваше предписаніе, убѣждены, что мнѣ было невозможно дѣйствовать иначе.

Надѣюсь, милордъ, что я изложилъ дѣло съ умѣренностію, не забывъ должнаго уваженія; питаю надежду, что вы будете ко мнѣ справедливы. Я прошу только, чтобъ ваше превосходительство сдѣлали милость—дали этому письму такую же гласность, какъ своему донесенію, потому что я планенно желаю убѣдить мою Государыню, мое военное начальство и публику, что въ этомъ несчастномъ дѣлѣ я не показалъ себя недостойнымъ ихъ довѣренности, или не способнымъ исполнить служебныя обязанности, на меня возложенныя».

Генералъ-лейтенантъ Луканъ.

---

[1]) Атака началась 10 минутъ 12-го, а въ половинѣ 12-го не существовало ни одного живаго или здороваго Англичанина подъ русскими выстрѣлами, говоритъ одинъ изъ корреспондентовъ англійскихъ газетъ, описывая Балаклавское дѣло.

Итакъ, кто же виноватъ въ этомъ гибельномъ для Англичанъ дѣлѣ?

Виноватъ лордъ Раглань. Почему онъ,ославъ приказаніе преслѣдовать отступающихъ, въ моментъ, когда предполагалъ, что они дѣйствительно отступаютъ, не послалъ другаго гонца—остановить наступленіе, когда увидѣлъ что наши только маневрируютъ, только строятся, а не думаютъ отступать.

Виноватъ генералъ Эйръ, написавшій записку именемъ лорда Раглана, не ясно выразивъ то, что этою запискою вмѣнялось въ обязанность лорду Раглану, и такимъ образомъ вынудивъ его обратиться за объясненіемъ смысла къ адъютанту—капитану Нолану.

Кругомъ виноватъ капитанъ Нолань, хотя и грѣхъ поминать зломъ кровью запечатлѣвшаго свою ошибку: какое онъ имѣлъ право рѣшиться на разъясненіе привезенной имъ записки, если ему этого не было поручено? онъ долженъ былъ, по своей обязанности, только передать записку Лукану и этимъ считать свое порученіе конченнымъ. Между тѣмъ, давъ волю своему энергическому порыву, онъ поставилъ Лукана въ такое положеніе, что ему дѣйствительно трудно было не атаковать. Дѣйствіе Нолана—наука адъютантамъ будущихъ кампаній. На полѣ битвы адъютантъ важное дѣйствующее лицо: адъютантъ въ битвѣ,—такъ-сказать,—бразды, которыми возница-начальникъ правитъ своими рьяными колоннами. Адъютантъ привозитъ приказаніе идти на смерть, или уступить поле врагу; нанесть ему такой или другой ударъ, отъ котораго зависитъ участь боя, судьба многихъ людей и часто всего дѣла, связаннаго съ рѣшеніемъ битвы, въ ту или другую пользу. Слѣдовательно, адъютантъ, которому приходится носиться подъ смертоноснымъ огнемъ непріятельскимъ, въ суматохѣ боя отыскивая того, къ кому посланъ съ приказаніемъ [1]), долженъ сохранить полное присутствіе духа, долженъ быть преисполненъ отваги и душевной твердости, но вмѣстѣ съ тѣмъ не долженъ допускать себя ни до малѣйшаго измѣненія приказанія, ему даннаго для передачи; долженъ помнить, что онъ не что иное въ этомъ случаѣ, какъ портфель, въ который вложено приказаніе начальника: получившій портфель вынетъ это приказаніе во всей его чистотѣ, а портфель отсылается къ владѣльцу.

Наконецъ, виноватъ въ этомъ дѣлѣ и лордъ Луканъ. Онъ видѣлъ невозможность исполненія ему указаннаго дѣла, вѣроятности успѣха не было видно, въ перспективѣ представлялась только гибель,—зачѣмъ же онъ пускалъ на нее свои войска? Еслибы еще, по долгу службы, ему надлежало лично броситься съ этими солдатами на вѣрную смерть, то неисполненіе такого печальнаго приказанія могли бы приписать его трусости, слѣдовательно страшная опасность прослыть трусомъ могла бы заставить его пожертвовать собою и своими полками; но онъ оставался внѣ боя и только послалъ умирать своихъ солдатъ! гдѣ же тутъ душевная сила, гдѣ рѣшимость военачальника? онъ на свою голову не взялъ ничего; зачѣмъ же онъ начальникъ? зачѣмъ же онъ поставленъ на высокій постъ? Ясно, затѣмъ, чтобъ было виднѣе какъ поступать, а онъ не рѣшился подвергнуться отвѣтственности за спасеніе своихъ людей и, видя, что ихъ шлютъ на гибель, не рѣшился, какъ Гартунгъ съ лейбъ-егерями въ 1829 года, умереть въ рядахъ своихъ солдатъ, какъ равный имъ. Ему слѣдовало, видя недоразумѣніе въ присланномъ приказаніи, послать просить его разъясненія, а не довольствоваться запальчивыми объясненіями капитана Нолана, чтобъ остаться издали зрителемъ гибели своихъ подчиненныхъ.

Базанкуръ въ «Cinq mois au camp devant Sébastopol» разсказываетъ, что онъ видѣлъ Лукана, когда онъ, собираясь ѣхать въ Англію, куда его потребовали, посѣщалъ работы союзниковъ, изучая ихъ. Онъ всѣмъ и каждому толковалъ о несчастной битвѣ 13 октября. Ударяя себя въ грудь, «здѣсь на мнѣ, говорилъ Луканъ, предписаніе лорда Раглана, оно меня не покидаетъ ни на минуту. Меня отзываютъ. Я этого ждалъ; но скоро Англія насъ разсудитъ».

Другой французскій писатель, Пикъ (idem.) нѣсколько иначе разсказываетъ причины атаки кавалеріи Лукана. Приводя здѣсь этотъ разсказъ, мы должны замѣтить, что больше вѣроятія можно дать разсказу г. Базанкура, чѣмъ г. Пика, вѣроятно, основавшаго свое повѣствованіе на разсказахъ, которые послѣ всякаго, сколько-нибудь замѣчательнаго, событія ходятъ въ арміи изъ устъ въ уста, со всякимъ часомъ хоть нѣсколько измѣняя свой первоначальный видъ и, наконецъ, значительно удаляясь отъ истины.

Когда Нолань передалъ приказаніе Лукану (г. Пикъ не говоритъ о запискѣ), онъ замѣтилъ:

— Я долженъ, разумѣется, понимать это приказаніе какъ обязывающее меня прогнать изъ долины русскую кавалерію, только потому, что было бы сумашествіемъ думать взять гусарскими эскадронами вооруженныя батареи?

— Милордъ,—отвѣчалъ юный капитанъ, увлеченный за границы своихъ обязанностей пыломъ битвы и несправедливыми подозрѣніями арміи, которая прозвала этого генерала, за его осторожность, *Лордъ* Look-on! (*лордъ разсудительный*), — враги также въ редутахъ,

---

[1]) У насъ приказанія во время сраженія отдаютъ словесно, не такъ какъ у Англичанъ, которые всегда стараются излагать приказанія на бумагѣ.

какъ и въ долинѣ; они всюду предъ вами; уничтожьте же всѣхъ; безполезно тратить время на разсужденія (to Look-on).

Лордъ Луканъ, затронутый за живое, и чтобы показать, что осторожность его отнюдь не граничитъ съ трусостію, приказалъ атаковать. Послѣдствія извѣстны [1]).

Кинглекъ (Idem, часть 6), вообще надо замѣтить, большой сторонникъ и панегиристъ лорда Раглана, совершеено оправдываетъ его въ этомъ дѣлѣ.

Кинглекъ утверждаетъ, что англійскій главнокомандующій ясно видѣлъ, съ своего наблюдательнаго поста, полную возможность ударомъ кавалеріи нанесть пораженіе Русскимъ и отнять у нихъ захваченную ими артиллерію на редутахъ.

Впрочемъ, пораженіе это Русскимъ, крайне будто бы разстроеннымъ предыдущими моментами боя, Рагланъ первоначально полагалъ нанести атакой пѣхоты. Для этого онъ направилъ противъ Русскихъ колонны герцога Кембриджскаго и генерала Каткарта и былъ крайне взволнованъ долгимъ непоявленіемъ колонны Каткарта, видя что упускаетъ благопріятный моментъ для успѣшной атаки непріятеля, и хотя запоздалая колонна появилась наконецъ, но ей предстояло еще пройти весьма значительное пространство прежде чѣмъ ударить на непріятеля. Въ виду этой-то невозможности нанесть своевременно ударъ пѣхотой, лордъ Рагланъ, боясь потерять благопріятную минуту, рѣшился произвести атаку кавалеріей и послалъ лорду Лукану слѣдующій письменный приказъ: «Кавалеріи наступать и воспользоваться случаемъ отнять высоты. Она будетъ поддержана пѣхотой, которой дано приказаніе наступать съ двухъ сторонъ». Лордъ Луканъ понялъ полученное имъ приказаніе такъ, что онъ долженъ наступать, когда подойдетъ пѣхота, и потому ограничиться соотвѣтствующими исполненію этого приказанія передвиженіями своей кавалеріи. На этомъ основаніи лордъ Луканъ наступленія не дѣлалъ. Такимъ образомъ значительность пространства, которое предстояло пройти пѣхотѣ, чтобы имѣть возможность ударить на непріятеля, побуждала лорда Роглана, желавшаго воспользоваться благопріятной минутой пустить въ дѣло кавалерію, а лорда Лукана та же значительность пространства предстоявшаго пройти пѣхотѣ, чтобы соединиться съ нимъ, побуждала замедлить свое наступленіе въ ожиданіи этого соединенія.

Не видя исполненія своего приказанія со стороны лорда Лукана и слыша увѣренія офицеровъ своей свиты, наблюдавшихъ въ бинокли за движеніями Русскихъ, будто у нихъ подводятъ лошадей ко взятымъ ими редутамъ и готовятся увезть, какъ трофеи, англійскія орудія, отнятыя у Турокъ, лордъ Рагланъ послалъ новое приказаніе лорду Лукану, съ адъютантомъ генералъ-квартирмейстера, капитаномъ Нолановъ, выше приведеннаго содержанія, за подписью Генерала Эйр'а.

Кинглекъ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаетъ, что генералъ Липранди въ моментъ распоряженій Раглана объ атакѣ былъ намѣренъ покинуть занятые имъ редуты и дѣлалъ уже всѣ приготовленія для отступленія отряда, и если генералъ Липранди, въ своихъ послѣдующихъ реляціяхъ отвергаетъ существованіе этого намѣренія, то собственно въ виду благопріятнаго для его отряда исхода дѣла.

Дальнѣйшій несчастный для Англичанъ ходъ Балаклавскаго дѣла, съ момента привезенія лорду Лукану втораго приказа лорда Раглана, разсказанъ выше, а потому мы воздержимся отъ повторенія онаго. Н. Дубровинъ въ своемъ «Обзорѣ событій по поводу сочиненія М. Богдановича: «Восточная война 1853—1856 годовъ» С.-Петербургъ 1878 г., совершенно справедливо замѣчаетъ, дѣлая оцѣнку Балаклавскаго дѣла (стр. 265): «Всѣ кажущіеся успѣхи (достигнутые нами Балаклавскимъ дѣломъ), повидимому очень важные, въ сущности принесли намъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

„Занятую нами позицію впослѣдствіи мы сами же принуждены были оставить безъ боя, а въ данную минуту, съ тѣмъ отрядомъ, который былъ въ распоряженіи генерала Липранди, не было возможности продолжать наступательныя дѣйствія далѣе Кадыкіойскихъ высотъ и всѣ выгоды побѣды сами собою исчезали. Оставаясь на мѣстѣ и ожидая прибытія новыхъ подкрѣпленій, мы преждевременно обнаружили свои намѣренія, пробудили вниманіе союзниковъ, открыли имъ глаза, указали слабые ихъ пункты и, развернувшись, какъ говорится, на-распашку, остановились, давая имъ время и средства исправить свою ошибку".

По поводу Балаклавскаго дѣла генералъ Хрущевъ въ своихъ „Запискахъ" (Ibidem, стр. 35) весьма основательно говоритъ слѣдующее: „Дѣло 13 октября хотя было вполнѣ успѣшно и ободрило наши войска, но, какъ предпринятое съ числомъ войскъ недостаточнымъ для продолженія наступленія, имѣло результатъ болѣе вредный, чѣмъ полезный. До занятія нами Чоргуна и позицій на лѣвомъ берегу р. Черной, непріятель не обращалъ особеннаго вниманія на укрѣпленія Сапунъ-Горы. Слѣдовало оставить его въ этомъ положеніи до прибытія всего 4 корпуса и тогда съ четырьмя дивизіями и кавалеріею атако-

---

[1]) Интересно замѣтить, что лордъ Луканъ въ войну 1829 года служилъ, подъ начальствомъ графа Дибича-Забалканскаго, въ нашихъ войскахъ.

Видя гибель союзниковъ, французскіе конно-егеря (Chasseurs d'Afrique) устремились на отрядъ Жабокрицкаго, чтобы прикрыть лѣвый флангъ несчастныхъ Англичанъ. Наша стрѣлковая цѣпь не могла остановить этого новаго урагана: конно-егеря пронеслись сквозь нее и бросились на батарейную батарею отряда Жабокрицкаго, обскакавъ ея флангъ и уже начавъ рубить ея прислугу, когда два баталіона Владимірскаго полка прибѣжали на выручку и штыками опрокинули африканскихъ егерей; подоспѣвшіе уланы довершили побѣду.

Французы оставили на батареѣ 12 убитыхъ своихъ товарищей и троихъ плѣнныхъ.

Союзникамъ довольно было на этотъ разъ. Они не рѣшились загладить своего пораженія новою борьбою. Гибель лучшей части англійской кавалеріи въ глазахъ, можно сказать, цѣлой арміи союзниковъ была такимъ для нихъ ударомъ, что они не могли опомниться и оставили насъ владѣть покойно занятыми нами редутами, не дѣлая болѣе попытокъ къ возвращенію ихъ, а только сильнѣе укрѣпили Балаклаву и всю свою позицію съ этой стороны, чтобы сдѣлать ее совершенно для насъ недоступною. Между тѣмъ, наше начальство тоже разсудило, что владѣніе редутами 13 октября для насъ безполезно и опасно, такъ какъ они слишкомъ выдались впередъ, и потому наши войска ихъ срыли и покинули. Это оставленіе редутовъ 13 октября произвело непріятное впечатлѣніе на армію. Всѣ говорили: стоило ли брать ихъ, чтобы такъ скоро оставить. Если хотѣли начинать съ этой стороны борьбу съ союзниками, то на этотъ пунктъ, слабѣйшій въ ихъ позиціи, не слѣдовало преждевременно обращать ихъ вниманія, а дождаться прибытія 11-й и 10-й дивизій, и тогда начать серьезное дѣло, которое могло бы кончиться чѣмъ-нибудь рѣшительнымъ; а что касается Балаклавы, то, безъ сомнѣнія, она была бы взята. Теперь же союзники укрѣпятъ этотъ пунктъ, сдѣлаютъ свою позицію недоступною съ этой стороны и, такимъ образомъ закроютъ для насъ единственную *лазейку*, которою мы могли бы проникнуть въ центръ ихъ армій.

На Чергунскую позицію наша дивизія прибыла въ слѣдующемъ составѣ строевыхъ и нестроевыхъ:

Селенгинскій полкъ	3.516	человѣкъ.
Якутскій „	3.420	„
Охотскій „	3.190	„
Батарейная № 3 батарея	350	„

вать непріятеля внезапно на долинѣ р. Черной. Потомъ, послѣ перваго несомнѣннаго успѣха, не останавливаясь на занятой мѣстности, продолжать наступленіе на Сапунъ-Гору и Инкерманскія высоты. Мы могли надѣяться тогда на успѣхъ, ибо непріятель, не имѣя въ виду нашихъ дѣйствій съ той стороны, не привелъ бы въ сильное оборонительное положеніе всходовъ на горы, что имъ сдѣлано послѣ 13 октября. И тогда война могла принять другой оборотъ. Можно сказать положительно, что Инкерманскому дѣлу не должно было предшествовать Балаклавское.

Легкая № 3 батарея . . . . 273 человѣкъ.
Легкая № 4 „ . . . . . 263 „

Итого . . 11.012 человѣкъ, въ томъ числѣ штабъ-офицеровъ 12, оберъ-офицеровъ 168 и чиновниковъ 12.

22 октября.

Поле Балаклавской битвы отчасти закрыто отъ насъ высотами, но холмы, на которыхъ взяты у Турокъ редуты, рисуются передъ нами. Правѣе ихъ, нѣсколько въ тылу, на Ѳедюхиныхъ высотахъ доселѣ стоялъ отрядъ Жабокрицкаго, полки Владимірскій и Суздальскій и двѣ роты 6-го стрѣлковаго баталіона съ батарейною батареею; но вчера его смѣнилъ Соймоновъ второю бригадою своей дивизіи и Жабокрицкій сталъ въ прикрытіе къ *каменному мосту*, спустясь съ высотъ. Впереди этихъ отрядовъ стоятъ гусары Великаго Князя Николая Максимиліановича и двѣ сотни казаковъ. Войска по ту сторону Черной составляютъ нашъ авангардъ, ежеминутно готовый перейти въ наступленіе, о которомъ говорятъ рѣшительно. Въ корпусномъ штабѣ, помѣстившемся въ развалинахъ Чоргуна, большая дѣятельность. Къ чему-то готовятся, пишутъ проекты и диспозиціи. Нашъ корпусный командиръ большой тактикъ,—ему, говорятъ, будетъ поручено наступленіе, которое предполагается исполнить по составленному имъ плану. Между тѣмъ до насъ доносится порою громъ севастопольской канонады: она не умолкаетъ со дня первой бомбардировки, разумѣется, только утративъ свою первоначальную силу.

Надо замѣтить, что 14 октября, т.-е. на другой день послѣ балаклавской побѣды, наши сдѣлали изъ Севастополя вылазку. Пошелъ противъ Англичанъ полковникъ Ѳедоровъ съ Бутырскимъ полкомъ и 4-мя орудіями—днемъ. Сначала эта вылазка имѣла большой успѣхъ; но подоспѣвшіе Англичане заставили нашихъ отступить. По несчастію, при сильномъ вѣтрѣ и пыли, наши Бутырцы, одѣтые въ уродливыя высокія фуражки, въ родѣ киверовъ или колпаковъ, незнакомыя войскамъ и доселѣ въ русской арміи не встрѣчавшіяся, приняты были нашими артиллеристами за непріятелей и встрѣчены съ крѣпости картечью.

Этотъ несчастный случай увеличилъ цифру нашей потери, причемъ убитъ, особенно любимый товарищами, командиръ штуцерниковъ Бутырскаго полка—юноша, какъ говорятъ, полный многихъ достоинствъ.

Французы 12 октября заложили вторую параллель передъ 4-мъ бастіономъ, а 20 октября открыли изъ нея артиллерійскій огонь и вслѣдъ за этимъ заложили третью параллель, въ 60 саженяхъ отъ 4 бастіона. Это смѣлое движеніе впередъ непріятельскихъ осадныхъ работъ вынуждаетъ насъ оставить полумѣры и рѣшиться на что-нибудь серьезное. Вотъ причины, почему такъ положительно говорятъ о неминуемости нашего наступленія не

сегодня-завтра. Скучно стоять бивакомъ, терпя всѣ неудобства; куда бы ни идти, лишь бы перемѣнить позицію. Въ долинѣ ночи такія сырыя, холодныя: сквозной вѣтеръ изъ ущелья проницаетъ до костей. За дровами ходить далеко, за водою въ Черную рѣчку—тоже далеко, съ версту будетъ. Купить ничего нельзя,—маркитантовъ нѣтъ; только тѣмъ и довольствуйся, что привезъ съ собою. Колонисты доставили солдатамъ много разныхъ съѣстныхъ припасовъ, между прочимъ много картофеля, и мы имъ лакомимся, какъ будто какою рѣдкостію.

23 октября.—Бивакъ на 14-й верстѣ отъ Севастополя.

Вчера, около полудня, мы получили приказаніе выступить на Инкерманскія высоты, черезъ Мекензіеву гору, но до сумерекъ ничѣмъ не обнаруживать намѣренія перемѣнить позицію. Спрашивается: отчего насъ изъ Бахчисарая прямо не направили туда, куда теперь посылаютъ, а привели на настоящую позицію? *).

Вчера былъ совершенно осенній день. Дождевыя тучи носились по небосклону, сильный и рѣзкій вѣтеръ заставлялъ кутаться въ теплые плащи. Мы съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждали сумерекъ. Толки были самые разнообразные. Большинство говорило, что насъ перевезутъ въ Севастополь, и мы оттуда пойдемъ всѣми силами на вылазку противъ созидаемой Французами передъ 4-мъ бастіономъ брешь-батареи, которую необходимо взять и уничтожить прежде, чѣмъ она будетъ вооружена; въ противномъ случаѣ южная часть Севастополя можетъ не выдержать ея огня. Но вотъ совершенно смерклось. Безъ особаго шума мы стали въ ружье и потянулись внизъ по долинѣ р. Черной. Вѣтеръ усилился: когда мы стали взбраться на высоту Мекензія, едва можно было сидѣть на конѣ. Лохмотья тучъ все еще носились; печальная и мрачная была эта ночь; луна по временамъ выглядывала изъ облаковъ, освѣщая дивную картину окрестныхъ горъ и покидаемой нами долины, придавая фантастическій колоритъ двигавшимся молча баталіонамъ нашимъ, бросавшимъ отъ себя длинныя тѣни на покрытыя кустарникомъ скалы. Полуосвѣщенную картину нашего движенія дополняла казачья артиллерія, несясь мимо насъ; окруженная своими живописными всадниками, она то тонула въ ночномъ мракѣ, то вдругъ попадала подъ блѣд-

*) Передвиженіе наше впослѣдствіи объяснилось. Развивая вышеупомянутый планъ Липранди атаки Англичанъ, надо было *повторить* нападеніе на Кадыкіой. Съ прибытіемъ нашимъ успѣхъ этого предпріятія еще былъ возможенъ, хотя былъ уже труднѣе, потому что съ ночи же 13 октября Англичане стали укрѣплять свою позицію со стороны Балаклавы, а Французы Сапунъ-Гору, и потому князь Меньшиковъ согласился на возобновленіе атаки. На этомъ основаніи мы были направлены на Чоргунъ, а 18 октября перенесена туда и главная квартира князя Меньшикова, гдѣ и оставалась до 22 октября, но въ этотъ день главнокомандующій измѣнилъ свое намѣреніе, рѣшившись на атаку изъ Севастополя, кончившуюся Инкерманскимъ дѣломъ, 24 октября. По словамъ Дубровина: „Причину столь быстрой перемѣны слѣдуетъ искать въ полученномъ Меньшиковымъ рескриптѣ Императора“ (Ibidem, стр. 272). „Совершенно неожиданная перемѣна дѣла,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—относительно наступательныхъ дѣйствій, имѣла послѣдствіемъ поспѣшность, неточность и неполноту всѣхъ распоряженій къ предстоявшему сраженію“ (Ibidem, стр. 273).

ный лучъ мѣсяца, причемъ ярко освѣщались группы всадниковъ въ буркахъ и папахахъ, пригнувшись къ сѣдламъ, шибкою рысью двигавшихся впередъ... Всѣ эти солдаты и казаки, всѣ эти толпы народа, то исчезая, то вдругъ появляясь полуочерченные луною, стремясь впередъ въ молчаніи и тишинѣ, прерываемой звономъ орудій или изрѣдка ржаніемъ коня, являлись будто тѣни тѣхъ нашихъ товарищей, ровно годъ тому назадъ погибшихъ въ Ольтеницкомъ бою, чья кровь доселѣ осталась не отмщенною...

Едва мы сегодня ночью успѣли стать на позицію, какъ началъ моросить частый дождикъ, проникая до костей. Балагана сдѣлать не изъ чего, палатки нѣтъ, да и когда бы съ нею возиться ночью. Костеръ тухнетъ. Добрая порція рому, правда, очень согрѣваетъ, но не надолго; мокро все: и земля, на которую такъ и хочется лечь уснуть, и платье, и даже кожаный плащъ,—что дѣлать, куда дѣваться? Я влѣзъ на казенный полуфурокъ, въ которомъ лежали *дѣла*, закрылся совершенно кожанымъ брезентомъ, изъ толстыхъ *дѣлъ* устроилъ ложе и проспалъ преспокойно до самаго разсвѣта.

Поутру я съ восторгомъ увидѣлъ раскинутую предъ нами картину дымящагося Севастополя и взволнованнаго моря, въ которое смотрятся дождевыя тучи, одна другой чернѣе; налѣво—горы, направо—морская безпредѣльность и кое гдѣ борется съ волнами корабль; оглянешься назадъ—опять горы, съ которыхъ ползутъ, *„какъ змѣи, облака“*, и выше всѣхъ, и сумрачнѣе всѣхъ—Чатырдагъ, скрывшій сегодня свою вершину въ облакахъ и тучахъ.

23 октября.—Бивакъ на Иккерманскихъ высотахъ.—16 верстъ отъ Севастополя.

Рано утромъ насъ отвели съ занятой было нами позиціи назадъ, версты на двѣ, чтобы наши костры и огни кашеваровъ не были видны непріятелю и такимъ образомъ наше внезапное передвиженіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и намѣреніе, не было обнаружено.

Вскорѣ генералъ поѣхалъ на рекогносцировку съ корпуснымъ командиромъ, всѣми полковыми и батарейными командирами. По невозможности приблизиться къ непріятельской позиціи, рекогносцировку производили посредствомъ наблюденій надъ противолежащею мѣстностію, съ Маячной батареи, простымъ глазомъ и въ трубу.

Рѣшено завтра атаковать непріятеля.

Какая странная судьба: атаковать хотѣли непремѣнно сегодня, чтобы заранѣе не обнаружить непріятелю наше намѣреніе; но вспомнили, что сегодня годовщина Ольтеницкаго дѣла, побоялись, чтобы солдаты не увидѣли въ этомъ дурнаго предзнаменованія, и отложили бой до завтра. Итакъ, говорите, что въ сочетаніи цифръ нѣтъ ничего таинственнаго, а между тѣмъ на-лицо какое странное сочетаніе цифръ: двѣ рѣшительныя атаки непріятельской позиціи нашими войсками совершатся въ эту кампанію: первая—23 октября 1853 г., вторая—24 октября 1854 г.

Тотъ же начальникъ ведетъ въ атаку, что велъ и тогда; также неприступна и эта непріятельская позиція, какъ та была неприступна:— остается дождаться результата завтрашней атаки!

Во время рекогносцировки, на которую я не могъ ѣхать по другимъ служебнымъ занятіямъ, вдругъ слышу необыкновенные крики въ Якутскомъ полку, стоявшемъ выше нашего штаба около дороги. Крики приближались, въ густомъ туманномъ воздухѣ казавшіеся то восторженными криками „ура", то воплями сѣчи. Неужели союзники, пользуясь туманомъ, сдѣлали нечаянное нападеніе и застали нашихъ врасплохъ? Бѣда, если это такъ: начальниковъ никого нѣтъ,—погибнемъ... Мысли эти мгновенно мелькнули въ моей головѣ. Опоясавъ саблю, бѣгу на крикъ, а крикъ бѣжитъ ко мнѣ. На горѣ толпы солдатъ. Что такое? Шапки летятъ вверхъ, „ура" ревetъ сильнѣе. Посреди восторженной толпы коляска. Это—Великіе Князья! Поспѣли царственные юноши раздѣлить пиръ, уготованный недругу, своимъ присутствіемъ почтить тризну по братьямъ героямъ, за нихъ, за насъ животъ свой положившимъ.

„Драться будемъ, ребята!" говорили Великіе Князья.

— Ради стараться, Ваше Высочество!—кричатъ одни.

— Готовы умереть!—кричатъ другіе, бросая въ воздухъ шапки.

„Государь Императоръ кланяться вамъ приказалъ, ребята".

— Ура! Ура!—раздираетъ воздухъ, и, несмотря на грязь и глину дороги, солдаты бѣгутъ наравнѣ съ коляскою Великихъ Князей и новыя толпы смѣняютъ ихъ въ торжествѣ и восторгѣ.

Конечно, еслибъ значительный отрядъ войска подошелъ къ намъ сегодня на помощь, не произвелъ бы онъ такого восторга, какой произвело прибытіе Великихъ Князей. Они явились живыми свидѣтелями любви и довѣренности къ намъ Монарха: мы ли не оправдаемъ ея, мы ли не возблагодаримъ за нее?

Гибель врагу или гибель намъ! Завтра рѣшительный бой.

Рекогносцировка кончилась благополучно; только одинъ изъ адъютантовъ генерала Даненберга свалился съ лошадью съ горы и порядкомъ себѣ ушибъ голову и руку. Ситуаціонной карты мѣстности, на которой намъ завтра предстояло сражаться, начальникамъ отрядовъ не было дано *), слѣдовательно частные начальники, а именно полковые командиры, хотя и бывшіе на рекогносцировкѣ, но, по причинѣ, (какъ было уже замѣчено выше) значительности разстоянія отъ мѣста, съ котораго производилось наблюденіе, до мѣстности занятой непріятелемъ, по причинѣ туманной погоды и мел-

*) На другой только день послѣ Инкерманскаго сраженія, когда въ штабѣ 4 корпуса собрались писать объ оном реляцію, прислали изъ главной квартиры спеціальную карту мѣстности, на которой происходило сраженіе. Просто невѣроятно! Сраженіе рѣшились дать не имѣя плана мѣстности поля предстоявшихъ дѣйствій, потому что генералъ Даненбергъ объявилъ, что ему планы не нужны, что онъ эту мѣстность знаетъ, какъ свои карманы. Планы окрестностей Севастополя имѣлись, но они были оставлены въ Одессѣ, и вахтеръ, завѣдывавшій тамъ архивомъ, не могъ ихъ отыскать, а планы подлинной съемки, хранившіеся въ главномъ штабѣ, военный министръ безъ особаго Высочайшаго повелѣнія выдать не рѣшился, а испросить таковаго Меньшиковъ не успѣлъ, торопясь дать сраженіе, чтобы предупредить штурмъ Севастополя, который на военномъ совѣтѣ союзниковъ было рѣшено произвести 6 ноября н. с.

каго дождя, а равно по причинѣ большой толпы рекогносцировавшихъ, не могли изучить поля предстоявшаго сраженія и опредѣлить его положительно, чтобы составить себѣ заранѣе, хотя приблизительный, планъ дѣйствіямъ. По окончаніи рекогносцировки, большая часть лицъ ее производившихъ воротилась съ тѣмъ же запасомъ данныхъ, съ какимъ отправилась на рекогносцировку. Оставалось завтра дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Смеркается.

Сейчасъ привезъ намъ диспозицію завтрашняго боя товарищъ нашъ Клейнгаузъ *), ѣздившій, чтобы ее выписать. Вотъ она.

Диспозиція по крымской арміи на 24 октября 1854 г.—Бивуакъ на Сѣверной.

Завтра, 24 октября, назначается наступленіе на англійскую позицію, съ тѣмъ, чтобы, овладѣвъ высотами оной, утвердиться на нихъ. Для чего: 1) Дѣйствующему отряду въ г. Севастополѣ (тремъ полкамъ 10 пѣхотной дивизіи, тремъ полкамъ 16 пѣхотной дивизіи и Бутырскому полку съ 22-мя батарейными и 16 легкими орудіями), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Соймонова, начать наступленіе отъ Киленъ-балки въ 6 часовъ утра, предварительно сему сдѣлавъ уже выдвиженіе изъ укрѣпленій. 2) Отряду съ Инкерманской горы, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Павлова (11 пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею. Бородинскій и Тарутинскій егерскіе полки съ батарейною № 3 батареею 17-й артиллерійской бригады), въ 6 же часовъ утра возстановить инкерманскій мостъ **) и быстро слѣдовать на соединеніе съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Соймонова. При семъ отрядѣ находиться командиру 4-го пѣхотнаго корпуса генералъ-отъ инфантеріи Даненбергу, которому, по соединеніи помянутыхъ двухъ отрядовъ, принять общее надъ ними начальство. 3) Войскамъ, находящимся подъ начальствомъ князя Горчакова,

*) Игнатій Михайловичъ Клейнгаузъ былъ въ это время поручикомъ и исполнялъ при генералѣ Павловѣ должность личнаго адъютанта. Это былъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ арміи во всѣхъ отношеніяхъ. Окончивъ курсъ въ лицеѣ князя Безбородко и будучи отъ природы умнымъ и способнымъ человѣкомъ, онъ докончилъ свое образованіе постояннымъ серіознымъ чтеніемъ. Основательно знавшій всѣ тогдашнія тонкости военной службы, онъ съ педантическою точностью выполнялъ обязанности, какія бы на него ни возлагались. Прекраснаго, добрѣйшаго сердца, хотя и суровой наружности, Клейнгаузъ былъ всегда отличнымъ товарищемъ и вѣрнымъ другомъ порядочныхъ людей,—съ непорядочными же онъ совсѣмъ не якшался, чѣмъ въ мѣстахъ своей службы обыкновенно наживалъ много враговъ. Человѣкъ твердыхъ убѣжденій, истый рыцарь чести, онъ даже въ мелочахъ оставался всегда вѣренъ самому себѣ,—никогда, ни передъ кѣмъ не стѣснялся высказать правдивый свой взглядъ самымъ рѣшительнымъ образомъ и никогда не кривилъ совѣстью.

Впослѣдствіи Клейнгаузъ командовалъ различными частями, довольно быстро начавъ подыматься на лѣстницу военной іерархіи: командовалъ баталіономъ внутренней стражи, кажется, въ Костромѣ, былъ тамъ воинскимъ начальникомъ, когда таковыя должности только были учреждены, и затѣмъ командовалъ 19 пѣхотнымъ Костромскимъ полкомъ, на челѣ котораго и палъ смертію храбрыхъ, въ первую атаку Плевны 8 іюля 1877 г.

**) Хотя этою диспозиціею и поручалось нашему отряду, т.-е. отряду Павлова, *возстановить инкерманскій мостъ*, но къ исполненію этого распоряженія мы и не приступали, такъ какъ въ послѣдовавшей затѣмъ диспозиціи корпуснаго командира нашего генерала Даненберга, возстановленіе Инкерманскаго моста прямо было отнесено на обязанность чиновъ морскаго вѣдомства.

содѣйствовать общему наступленію, отвлекая собою силы непріятеля и стараясь овладѣть однимъ изъ всходовъ на Сапунъ-гору. Причемъ драгунъ имѣть въ полной готовности къ движенію на гору при первой возможности. 4) Гарнизону Севастополя, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Моллера, слѣдить за ходомъ наступленія, прикрывая своими батареями правый флангъ наступающихъ войскъ и, въ случаѣ замѣшательства на непріятельскихъ батареяхъ, захватить оныя. 5) Всѣ частныя распоряженія къ выполненію данныхъ назначеній предоставляю сдѣлать начальникамъ обозначенныхъ частей и доставить мнѣ, въ теченіе ночи на 24 число, ихъ диспозиціи. 6) Господинъ главнокомандующій будетъ находиться первоначально у инкерманскаго моста". *Подлинную подписалъ генеральнаго штаба полковникъ Герсевановъ* *). Вѣрно: Оберъ-квартермистръ полковникъ Норденстренгъ.

Поздній вечеръ.

Генералъ приказалъ Черняеву составить диспозицію, и я, по просьбѣ Черняева, исполнялъ у него должность *писаря*. Всѣмъ обществомъ мы забрались въ мой крошечный балаганъ изъ вѣтвей, покрытыхъ брезентами, и начали составлять канву завтрашняго боя.

При составленіи этой частной диспозиціи у Черняева не было карты, на которой изображалась бы во всей подробности мѣстность предстоящаго дѣла съ нанесеніемъ хотя приблизительно расположенія непріятельскихъ войскъ,— карты, по которой можно было бы составить себѣ идею дѣйствія; поэтому диспозиція, имъ писанная, состояла преимущественно изъ указаній, которой части отряда идти за которою, когда начнется движеніе, и кому куда слѣдуетъ направиться по переходѣ чрезъ инкерманскій мостъ. Дальнѣйшаго же порядка дѣйствій и цѣли, къ которой должна была стремиться каждая часть, этою диспозиціей невозможно было опредѣлить.

Полковые командиры нашей дивизіи: Сабашинскій, Бялый, Бибиковъ (старый офицеръ генеральнаго штаба)—ждали съ генераломъ Павловымъ въ его палаткѣ составленія диспозиціи. Черняевъ понесъ ее. Завязался споръ о нѣкоторыхъ мелочахъ; потребовали незначительныхъ измѣненій; на нихъ легко было согласиться, потому что они не противорѣчили сущности дѣла. Теперь диспозиція уже переписана и отослана на редакцію въ главную квартиру и къ генералу Даненбергу.

---

*) Дубровинъ въ своемъ „Обзорѣ" (Ibidem, стр. 273, 275) даетъ слѣдующій отзывъ объ этой диспозиціи: „Замкнувшись въ кругу своего немногочисленнаго и молодаго штаба, князь Меньшиковъ поручилъ ему составить диспозицію для предстоящаго наступленія. Генералы, на которыхъ возлагалось командованіе войсками, были совершенно устранены отъ этого дѣла и не присутствовали при составленіи окончательнаго плана дѣйствій, а между тѣмъ непосредственное участіе этихъ лицъ казалось необходимымъ хотя бы и потому, что, зная ранѣе другихъ общій планъ дѣйствій, они имѣли бы время познакомиться съ мѣстностью".

И далѣе:

„Изъ этой, отличающейся своею неопредѣленностью, диспозиціи прежде всего видно желаніе главнокомандующаго устранить себя отъ всѣхъ подробностей и предоставить всѣ распоряженія частнымъ начальникамъ которые и должны, конечно, отвѣчать за правильность дѣйствій".

Еще ждемъ отвѣта; еще не передано въ полки подробныхъ приказаній назавтра; они знаютъ, что завтра бой, но когда, куда и какъ идти, еще не знаютъ. Перепадаетъ дождь. Ночь хоть глазъ коли; теперь бы лечь выспаться дозавтра, а то навѣрно тронемся съ позиціи до разсвѣта; такъ нѣтъ, куда тутъ ложиться: у генерала въ палаткѣ огонь, требуютъ часто; еще чаще привозятъ приказанія: то ординарца нарядить, то офицера за заклепками послать, то собрать въ особую команду штуцерниковъ и дать имъ особаго начальника. Впрочемъ суматоха у насъ только въ штабахъ, а въ войскахъ все спокойно; не позволили раскладывать костровъ, чтобъ ихъ заревомъ не обратить вниманія непріятеля; воинскій станъ спитъ во мракѣ; только брезжатъ огоньки въ палаткахъ начальниковъ; только у насъ бушуетъ огромный костеръ и мы, сидя и лежа вокругъ него, закутанные въ бурки или кожаные плащи, попиваемъ доброе крымское вино, порою, мрачно напѣвая хоромъ:

Не кубокъ шипящій душистаго меда
Румяное утро намъ, други, сулитъ,
Не сладостныхъ женъ любовь и бесѣда
Намъ душу согрѣетъ и жизнь оживитъ;
Но насъ, обновленныхъ прохладою сна,
Кровавыя битвы подниметъ волна!...

И послѣ этой, въ полголоса промурлыканной пѣсни, какъ то прекраснѣе казалось наше сумрачное настоящее, его грязная обстановка, этотъ нависшій надъ землею сырой туманъ, изъ котораго вдругъ, отъ рядомъ стоявшей коновязи, къ самому огню тянулась морда какъ будто удивленной лошади, или еще внезапнѣе являлся, словно выросшій изъ земли, какой-нибудь посланецъ съ приказаніемъ, нѣсколько уже часовъ отыскивая въ темнотѣ сказанную ему часть или лицо, и теперь бросившійся, какъ на маякъ, къ нашему костру...

Но при всемъ томъ надо сказать, что канунъ Ольтеницкаго дѣла былъ несравненно живѣе и одушевленнѣе. Моложе ли мы были цѣлымъ годомъ или меньше у насъ теперь въ душѣ надежды на успѣхъ, чѣмъ было ее тогда, какъ мы шли смахнуть врага съ занятой имъ мѣстности — однимъ вѣяніемъ нашихъ знаменъ, однимъ ударомъ штыка, или горькій опытъ виною не совсѣмъ радостнаго настроенія нашего духа, — опытъ, убѣдившій насъ, какъ перемѣнчива судьба битвъ и какъ тверды бываютъ препоны, воздвигаемыя обстоятельствами мужеству и отвагѣ человѣка.

Прошло еще часа два. Дождь прекратился совершенно, но темнота все-таки была большая. Получена диспозиція генерала Даненберга, вотъ она отъ слова до слова.

Диспозиція на 24 октября.—Бивуаки на Сѣверной.

Въ два часа по полуночи 2-я бригада 10-й пѣхотной дивизіи, расположенная у Графской пристани, а за нею Екатеринбургскій пѣхотный полкъ

выступаютъ въ возможной тишинѣ и слѣдуютъ лѣвымъ флангомъ въ шестирядныхъ колоннахъ, имѣя въ головѣ колонны всѣхъ своихъ штуцерныхъ. Бригада направляется по указанію генеральнаго штаба капитана Яковлева такъ, чтобы, прикрываясь справа штуцерными, дойти сколь можно скрытнѣе до мѣста, откуда можно прикрыть переправу чрезъ Черную рѣчку войскъ, для того назначенныхъ. По мѣрѣ, какъ мѣстность будетъ позволять, баталіоны выстраиваются въ колонны къ атакѣ по командным словамъ въ полголоса, послѣдовательно, такъ чтобы, перемѣною дирекціи по-баталіонно налѣво, полки могли построиться удобно въ боевой порядокъ. Батарейная № 2-го батарея 10-й артиллерійской бригады слѣдуетъ между Колыванскимъ и Томскимъ егерскими полками.

Полки 10-й пѣхотной дивизіи выстраиваются, каждый, уступами изъ средины съ однимъ баталіономъ въ резервѣ, Томскій егерскій полкъ—на правомъ флангѣ, Колыванскій—на лѣвомъ и Екатеринбургскій пѣхотный—въ резервѣ.

За 10-ю пѣхотною дивизіею слѣдуетъ, тѣмъ же порядкомъ, 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи, Бутырскій пѣхотный и Углицкій егерскій полки, съ десятью батарейными орудіями, подъ командою генералъ-маіора Жабокрицкаго, и выстраиваются въ обыкновенномъ боевомъ порядкѣ, правѣе 10-й пѣхотной дивизіи.

За сими войсками должны слѣдовать двѣ саперныя роты по назначенію инженеръ-подполковника Тотлебена съ инструментомъ и мѣшками для предполагаемыхъ укрѣпленій.

Всѣми войсками, выступающими изъ города, будетъ командовать начальникъ 10-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Соймоновъ.

Коль скоро 10-я пѣхотная дивизія прикроетъ переправу чрезъ Черную рѣчку, то по устроенному флотскимъ вѣдомствомъ мосту переходятъ полки 11-й пѣхотной дивизіи въ слѣдующемъ порядкѣ: Охотскій егерскій, Якутскій и Селенгинскій пѣхотные полки. Между полками слѣдуютъ 1-я и 3-я батарейныя батареи 4-й артиллерійской дивизіи. Колонну сію поведетъ дивизіонный квартирмейстеръ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Черняевъ.

Перейдя черезъ мостъ, 11-я пѣхотная дивизія, оставивъ почтовую дорогу слѣва, слѣдуетъ направо по дорогѣ, вновь проложенной надъ бухтою, и располагается въ резервномъ порядкѣ за центромъ линіи, т.-е. за интерваллом между 16-ю и 10-ю пѣхотными дивизіями. При сей колоннѣ будетъ находиться командиръ 4-го пѣхотнаго корпуса, коему поручается командованіе всѣми войсками, назначенными для нападенія на правый флангъ расположенія непріятельскихъ войскъ.

За 11-й пѣхотною дивизіею должны слѣдовать, по распоряженію начальника штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, телѣги, нагруженныя турами; за оными должна переправиться 2-я бригада 17-й пѣхотной дивизіи съ своею артиллеріею подъ командою генералъ-лейтенанта Кирьякова и расположиться въ резервѣ, за лѣвымъ флангомъ 10-й пѣхотной дивизіи.

Цѣль предпріятія—отбросить отъ города правый флангъ непріятеля и укрѣпиться на занимаемой имъ мѣстности между городомъ и берегомъ, на горной плоскости.

Въ случаѣ необходимости отказаться отъ назначенной цѣли, войска, перешедшія чрезъ переправу первыя, переходятъ на правый берегъ Черной рѣчки, а войска, вышедшія изъ города, возвращаются въ оный. Подробности исполненія будутъ указаны на мѣстѣ сообразно ходу дѣлъ.

Перевязочный пунктъ для войскъ, назначенныхъ переходить чрезъ Черную рѣчку, назначается не доходя сей рѣчки у фонтана, а для войскъ вышедшихъ изъ Севастополя — въ Ушаковой балкѣ, или другомъ удобномъ мѣстѣ, по распоряженію генералъ-лейтенанта Соймонова. *Подписалъ генералъ-отъ-инфантеріи Даненбергъ 1-й.*

Мы написали свою диспозицію не имѣя въ виду этой, но была ли эта диспозиція составлена въ корпусномъ штабѣ, имѣя въ виду нашу диспозицію, или она составлена еще до полученія нашей, намъ неизвѣстно.

Часа черезъ два или три по полученіи этой диспозиціи, мы получили приказаніе генерала Даненберга къ 5 часамъ утра прибыть къ инкерманскому мосту и далѣе наступать уже не въ порядкѣ указанномъ сейчасъ приведенною диспозиціею, а въ слѣдующемъ: первому двигаться Охотскому полку, потомъ двумъ ротамъ 4-го стрѣлковаго баталіона, Бородинскому и Тарутинскому полкамъ, за ними восьми батарейнымъ орудіямъ 17-й артиллерійской бригады, Якутскому полку, батарейной № 3-го батареѣ, 11-й артиллерійской бригадѣ, Селенгинскому полку и за нимъ всей остальной артиллеріи.

Когда войска соберутся у переправы, ста охотникамъ Охотскаго полка велѣно переправиться на баркасѣ за бухту и прикрыть возстановленіе инкерманскаго моста. Когда онъ будетъ готовъ, первымъ идти Охотцамъ, при которыхъ находиться генеральнаго штаба штабсъ-капитану Черняеву, и слѣдовать вправо отъ моста по новой саперной дорогѣ; за Охотскимъ полкомъ идти стрѣлкамъ 4-го баталіона, подкрѣпленнымъ Бородинскимъ полкомъ, имъ отъ бухты подыматься на высоту безъ дороги, прямо балкою, а Тарутинскому полку идти влѣво отъ переправы, по старой почтовой дорогѣ. Этимъ тремъ полкамъ, со стрѣлками взобравшись на гору, очистить дорогу для артиллеріи и, не слѣдуя покамѣстъ дальше, обезпечивать своимъ положеніемъ движеніе прочихъ войскъ. Далѣе, сказано было, будемъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, по приказаніямъ генерала Даненберга, который будетъ находиться съ нами.

Если егерскіе полки будутъ тотчасъ опрокинуты превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, то войска спустятся къ бухтѣ, а высоты нагорнаго берега будутъ обстрѣлены съ пароходовъ „Херсонесъ“ и „Владиміръ“.

Намъ казалось очень страннымъ это писаніе диспозицій. Къ чему насъ заставляли писать свою диспозицію, если намѣрены были измѣнять ее? Не

лучше ли бы было прямо написать диспозицію въ корпусной квартирѣ и прислать къ намъ: дескать дѣлайте такъ-то вотъ, *не мудрствуя лукаво;* а то, какъ будто для практики, приказали намъ написать диспозицію, а принять-то все-таки ее не приняли. Хорошо мы подъ рукой у корпуснаго штаба, а Соймоновъ далеко, за бухтою; ну, что, если онъ диспозицію, сдѣланную имъ на основаніи перваго распоряженія *), не предполагая, чтобъ она была измѣнена, передастъ войскамъ, между тѣмъ въ корпусномъ штабѣ измѣнятъ ея основаніе, да по краткости времени или не успѣютъ доставить ему, или онъ не успѣетъ передать всѣмъ своимъ войскамъ, — вѣдь можетъ произойти большая суматоха!!!

---

*) Вотъ диспозиція генерала Соймонова, составленная имъ на основаніи § 5 диспозиціи главнокомандующаго на 24-е октября.

Диспозиція.

по войскамъ дѣйствующаго отряда въ Севастополь на 24-е октября 1854 г.

Завтра, 24 октября, отряду произвесть наступленіе въ 6 часовъ утра съ цѣлью занять высоты англійской позиціи и утвердиться на оныхъ.

Для чего:

1) Предварительное движеніе для перехода черезъ Киленъ-балку произвести въ слѣдующемъ порядкѣ: двѣ роты Стрѣлковаго № 6 батальона, 1 и 2 батальоны Колыванскаго егерьскаго полка, батарейная № 2 батарея 10 артиллерійской бригады, 3 и 4 батальоны сего же полка, 4 и 3 батальоны Томскаго егерьскаго полка, батарейная № 1 батарея 16 артил. бригады, 2 и 1-й батальоны Томскаго же полка, Екатеринбургскій пѣхотный полкъ, имѣя младшій батальонъ впереди, Углицкій егерьскій полкъ, имѣя впереди старшіе батальоны, Бутырскій пѣхот. полкъ, имѣя впереди младшіе батальоны, Суздальскій пѣхотный полкъ, имѣя старшіе, и Владимірскій пѣхотный полкъ, имѣя младшіе батальоны впереди. За симъ легкія №№ 5 и 4 батареи 17 артил. бригады, двѣ роты саперъ и сотня казаковъ полка № 67.

2) Войскамъ симъ, по переходѣ за Келенъ-балку, выстроить на походѣ: егерьской бригадѣ 10 пѣхотной дивизіи—*первый* боевой порядокъ (не развертывая среднихъ батальоновъ) и имѣя съ фронта и праваго флага обѣ роты стрѣлковаго № 6 батальона—разсыпанными, Екатеринбургскій же полкъ въ резервѣ. Остальнымъ полкамъ съ легкими батареями выстроить резервный порядокъ за полками 10 пѣхотной дивизіи и слѣдовать на подлежащей дистанціи. Егерьской бригадѣ 10 пѣхотной дивизіи имѣть штуцерныхъ впереди своихъ полковъ; въ прочихъ полкахъ штуцерные должны быть въ своихъ мѣстахъ.

3) Тремя полками 10 пѣхотной дивизіи командовать генералъ-маіору Вельбоа, а сводною дивизіей генералъ-маіору Жабокрицкому. Всею артиллеріею командовать командиру 10 артиллерійской бригады полковнику Загоскину. При 10-й пѣхотной дивизіи находиться генеральнаго штаба капитану Яковлеву и штабсъ-капитану Андреянову, а при сводной—подполковнику Залѣсскому.

4) Всѣмъ означеннымъ войскамъ завтра, къ 4 часамъ утра, собраться у бастіона № 2-й и построиться по указанію генеральнаго-штаба капитана Яковлева, для чего къ назначенному времени выслать отъ всѣхъ частей жолонеровъ.

5) Войскамъ при сборѣ и при началѣ движенія шума не производить и не разводить огней, что возлагается на стражайшую отвѣтственность начальниковъ.

6) Дальнѣйшія распоряженія будутъ отданы мною на мѣстѣ.

7) Всѣмъ медикамъ слѣдовать за своими частями и находиться имъ въ вѣдѣніи дивизіоннаго доктора 10 пѣхот. дивизіи кол. сов. Копытовскаго, по распоряженію коего учрежденъ будетъ и перевязочный пунктъ.

8) Патроннымъ ящикамъ по 4-е на полкъ, а равно 2-мъ и 3-мъ зарядным ящикамъ слѣдовать за главнымъ резервомъ отряда.

9) Музыкантамъ быть при своихъ мѣстахъ, но безъ инструментовъ.

10) Лазаретнымъ повозкамъ со всѣми перевязочными припасами собраться къ 6-и часамъ утра въ Аполлоновой балкѣ, близъ бухты.

Примѣчаніе: 10-й пунктъ отмѣняется вслѣдствіе повелѣнія Его Свѣтлости устроить перевязочный пунктъ Севастопольскаго отряда въ г. Севастополѣ.

Подлинную подписалъ: начальникъ 10 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Соймоновъ.

24 октября.—4-й часъ утра.

Темная ночь. Дождь хотя совершенно унялся, но образовалъ вязкую грязь, которая неминуемо должна затруднить наше движеніе при подъемѣ на гору.

Еще странное сближеніе: передъ Ольтеницкимъ сраженіемъ также былъ дождь, также тамъ, какъ и здѣсь, размокла земля, мѣшавшая двигаться.

Но время не ждетъ. Полки начинаютъ шевелиться. Сѣдлаютъ нашихъ лошадей. Чтобы не отрывать людей отъ дѣла, мы сами поставили себѣ самоваръ у непотухшаго еще костра и напились чаю... кто знаетъ, не въ послѣдній ли это разъ!

Полки вытягиваются. Наши лошадки нетерпѣливо пляшутъ. Пора закрыть дневникъ. Закрыть!... А мнѣ ли суждено раскрыть опять эти столь близкіе моему сердцу листки?... Или коммиссія, описывая мои вещи для отсылки къ семьѣ, заглянетъ въ него съ тѣмъ, чтобъ опредѣлить его названіе для внесенія въ опись, да, пожалуй, еще и не удостоитъ такой чести этой черновой тетради!... Прощай же *мой спутникъ странный*, быть можетъ, не надолго! Но если на всегда!?... Смерть въ бою всегда желанна и завидна. Убитый, такъ сказать, *не знаетъ* о своей смерти. Онъ не вынесъ пытки, которую испытываетъ человѣкъ, пожираемый болѣзнію, видя свое разрушеніе, истаявая, догорая какъ свѣча. Убитый воинъ въ наиболѣе опоэтизированный моментъ земной своей жизни, въ моментъ полнаго восторга и увлеченія, *внезапно* переносится въ другой, свѣтлый міръ нескончаемаго райскаго блаженства... Тоска о покидаемомъ; ужасъ пути, предъ нимъ въ это мгновеніе разверстаго, едва успѣли сложиться въ одинъ звукъ, прощальный стонъ, вопль жизни—и человѣкъ уже тамъ, въ той лучезарной сферѣ, которая доступна только избранникамъ Божіимъ. Не завидная ли доля?...

Черезъ часъ, черезъ другой откроется предъ нами арена, на которой и намъ легко будетъ сдѣлаться причастниками смерти.—Благослови Господи!...

25 октября.—Бивакъ на инкерманскихъ высотахъ.

Прошелъ день сраженія 24 октября и слава Богу, что прошелъ; но лучше бы ему было и не родиться. О какъ много въ этотъ день пролито крови и по милости его какъ много прольется слезъ!

Цѣль вчерашняго сраженія была отбросить отъ Севастополя правый флангъ непріятеля, утвердиться самимъ на этомъ пунктѣ и, если обстоятельства поблагопріятствуютъ, заставить союзниковъ снять осаду города. Мы не достигли этой цѣли; понесли большую потерю, хотя въ свою очередь нанесли большой уронъ непріятелю, и отступили на ту же позицію, съ которой начали наступленіе. На полѣ битвы мы оставили большую часть своихъ убитыхъ и раненыхъ, не подобравъ ихъ, оставили много оружія и амуниціи. Вся наша артиллерія должна была отступить въ Севастополь, понеся значи-

тельную потерю въ лошадяхъ, и подвергнуться тамъ большимъ лишеніямъ отъ недостатка фуража, пока таковой не будетъ перевезенъ посредствомъ судовъ и пароходовъ на тотъ берегъ бухты.

Наше войско сильно пріуныло. Разстроенные ряды его теперь только начали смыкаться. Полковые адьютанты не могутъ свести счетовъ людямъ, а начальство требуетъ немедленно свѣдѣній о понесенной вчера утратѣ въ людяхъ и о наличномъ состояніи полковъ. Фельдфебеля перебиты, перераненны; очень много выбыло изъ строя ротныхъ командировъ, баталіонныхъ адъютантовъ, отдѣленныхъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ. Тружусь цѣлый день, пересчитывая людей съ полковыми адъютантами. Много раненыхъ и контуженныхъ осталось во фронтѣ; они своею свѣжею кровью, какъ оружіе своею копотью, какъ одежда солдатъ грязью и кровью, ее покрывающею, служатъ живымъ напоминаніемъ всѣхъ ужасовъ едва отгремѣвшаго боя. Полки очень разстроены, очень! Недоумѣваю, какой будетъ исходъ дѣла, если союзники вздумаютъ, въ свою очередь, перейти въ наступленіе. Мы здѣсь совершенно безъ артиллеріи,—они насъ могутъ прихлопнуть или отбросить подъ пушки Сѣверной, или разметать: одну часть въ одну сторону, другую—въ другую и потомъ одолѣть по частямъ. Но есть ли у нихъ для того достаточно свѣжихъ силъ? Тѣ, съ которыми мы дрались вчера, едва ли не сильнѣе нашего потрясены; кромѣ того, вся армія союзниковъ сильно пострадала, какъ говорятъ плѣнные, отъ свирѣпствующей у нихъ холеры!

По долгу точнаго повѣствователя я долженъ разсказать здѣсь участіе нашего отряда и наше собственное въ кровавомъ событіи вчерашняго дня, хотя, признаться, мнѣ и не хотѣлось бы передавать этого разсказа. Доселѣ мнѣ достается печальная доля описывать все погромъ, да погромъ; а если и удается украшать эти страницы рѣчью о побѣдахъ, то о побѣдахъ товарищей, а все-таки не своихъ.

Однако, дѣлать нечего, начинаю.

Вчера, часа за два до разсвѣта, я закрылъ свой дневникъ при свѣтѣ бивачнаго костра, прощаясь письменно со всѣмъ милымъ сердцу, въ тотъ моментъ, когда меня позвали къ генералу Павлову, чтобы ѣхать къ войскамъ.

Мы отправились, обгоняя массы, безмолвно двигавшіяся во мракѣ, сбираясь къ домику лѣсничаго, въ составъ нашего отряда. Генералъ весело здоровался съ солдатами; полки оживали, по нимъ будто пробѣгала электрическая искра; радостное „здравія желаемъ!“ словно было признакомъ ихъ пробужденія отъ апатическаго состоянія, въ какомъ они находились до этого момента. Когда мы сблизились съ домикомъ лѣсничаго, гдѣ была квартира нашего корпуснаго командира и его штаба, насъ встрѣтилъ адъютантъ генерала Даненберга съ приказаніемъ генералу Павлову явиться немедленно къ его высокопревосходительству для совѣщанія и съ просьбою не здороваться съ войсками, чтобы не обратить вниманія непріятеля.

— „Помилуйте, да непріятель въ нѣсколькихъ верстахъ, за горами-за долами, спитъ преспокойно!“

Полки становились на свои мѣста въ колоннѣ. Генералъ пошелъ къ корпусному командиру, занимавшему кухню домика лѣсничаго, единственный удобный для жилья покой. Мы толпились, закуривъ сигары, въ сѣняхъ домика, въ которомъ теперь жилъ начальникъ штаба генералъ Мартинау и свита корпуснаго командира. Одинъ изъ его адъютантовъ, Чаплицкій, при многихъ поздравилъ меня съ предстоящею намъ первою боевою встрѣчею съ европейцами.

— Спасибо, спасибо!

„Ну, а какъ ты думаешь,—продолжалъ онъ,—выиграемъ ли мы дѣло?“

— Нѣтъ, проиграемъ!

„Это почему?“

— Сердце говоритъ.

„Поди ты съ своимъ сердцемъ, вздоръ какой!“

— Вздоръ, вздоръ,—закричали всѣ,—отчего проиграть? Мы ихъ, гляди, накроемъ какъ куропатокъ... Отчего проиграть?...

— Господа, корпусный вышелъ!—крикнулъ кто-то съ надворья, мы бросились къ лошадямъ и черезъ нѣсколько мгновеній уже пробирались дальше между колоннами солдатъ, становившихся въ ружье.

Вступивъ въ ущелье, ведущее въ долину Черной, мы остановились напротивъ фонтана, находясь въ свитѣ корпуснаго командира, въ головѣ отряда.

Сто человѣкъ охотниковъ, когда еще войска не трогались отъ домика, согласно диспозиціи, посланы впередъ прикрывать возстановленіе инкерманскаго моста.

Въ головѣ колонны былъ Охотскій полкъ. Командиръ его полковникъ Бибиковъ, сидя на краю канавы, балагурилъ, жалуясь на нарушеніе его сибаритскихъ привычекъ раннимъ движеніемъ, еще болѣе жалѣя бѣдныхъ Англичанъ, которыхъ мы собираемся разбудить штыками *).

Корпусный командиръ послалъ товарища моего Клейнгауза выдвинуть впередъ стрѣлковыя роты, въ темнотѣ не нашедшія своего мѣста.

Около часу прошло, пока они пробрались по узкой дорогѣ, между запрудившими ее солдатами.

Еще было такъ темно, что въ двухъ шагахъ нельзя было отличить человѣка.

---

*) Какъ странно отъ г. Аничкова («Военно-Историческіе очерки» и пр., стр. 75) слышать повтореніе разсказа Базанкура («L'Expédition de Crimée» и пр. т. II ст. 54), что до слуха англійскихъ часовыхъ доходилъ какой-то странный шумъ, выходившій изъ глубины Инкерманской долины, и что когда о немъ извѣстили аванпосты, то непріятель полагалъ, что идутъ въ городъ татарскія арбы или полковые обозы, часто пользовавшіеся ночнымъ временемъ для прослѣдованія въ Севастополь!

Скажите на милость, какъ могъ непріятель предполагать такую нелѣпость? развѣ онъ не зналъ, что Инкерманскій мостъ уничтоженъ и Инкерманскою долиною ни татарскія арбы, ни полковые обозы въ Севастополь пробраться не могутъ, съ тѣхъ поръ, какъ занята союзниками вся Сапунъ-гора до долины Черной рѣчки?

Обозы въ Севастополь, со времени обложенія союзниками Южной стороны, шли обыкновенно съ Бельбека на Сѣверную, тамъ разгружались и что нужно доставлялось въ городъ на судахъ. Для непріятеля не могло быть тайною, что для города другое сообщеніе невозможно.

— Надо послать къ мосту узнать, что тамъ дѣлается?—сказалъ корпусный командиръ, обращаясь къ генералу Павлову.

Генералъ назвалъ меня. Я подъѣхалъ. Корпусный командиръ лично мнѣ приказалъ ѣхать на мостъ узнать, готовъ ли онъ? и осмотрѣть охотничью цѣпь. Я было повернулъ коня и поднялъ нагайку...

— Стойте, стойте,—крикнулъ генералъ Павловъ,—возьмите казака, вѣдь вы здѣсь не бывали; гдѣ же ночью будете отыскивать мостъ?

Я взялъ двухъ казаковъ и пустился. Я ѣхалъ шагомъ за однимъ изъ казаковъ; не зная мѣстности, никогда ее не видавъ до этого, я боялся звукомъ копытъ нашихъ лошадей обратить чуткое вниманіе непріятельскихъ часовыхъ и заставить ихъ принять мѣры предосторожности; въ темнотѣ я не могъ различить ничего, кромѣ мрачной поверхности бухты, лежавшей вправо отъ меня; нигдѣ ни огонька; мертвая тишина; но вотъ какіе-то неясные звуки, шумъ, гамъ... Каково же было мое изумленіе, когда, проѣхавъ съ полверсты по узкой гати, я очутился у толпы народа, трудившагося надъ постройкою моста, съ крикомъ, шумомъ и громомъ у самаго подножія высотъ скалистаго берега, занятаго непріятелемъ, не опасаясь пробудить его вниманія, тогда какъ мы тамъ за нѣсколько верстъ боимся здороваться съ войскомъ и готовы обмотать чѣмъ-нибудь копыты нашихъ лошадей, чтобы звукомъ ихъ подковъ не разбудить непріятельскихъ часовыхъ и не поднять преждевременно тревоги во вражьемъ станѣ.

Арестанты и моряки работали дружно надъ возстановленіемъ моста. На меня никто не обратилъ и малѣйшаго вниманія.

— Ребята, гдѣ офицеръ?—кричалъ я.—Рабята гдѣ офицеръ?—но никто мнѣ не отвѣчалъ; всякій дѣлалъ свое дѣло, ругался или хохоталъ съ товарищемъ, либо продолжалъ свой мѣрный, однообразный крикъ, обычный крикъ рабочихъ, когда они тащатъ какую-нибудь тяжесть. Бросивъ поводья лошади казаку и соскочивъ на землю, я вмѣшался въ толпу кричавшихъ и работавшихъ людей.—Гдѣ офицеръ,—продолжалъ кричать я,—гдѣ офицеръ?

— Что тамъ?—отозвался наконецъ чей-то голосъ, съ противуположнаго конца работы. Я пробрался къ нему *).

„Вы строите мостъ?“

— Я.

„Начальникъ отряда прислалъ меня узнать: готовъ ли мостъ?“

— Не готовъ.

„Скоро ли будетъ готовъ, позвольте узнать.“

— Да я почемъ знаю? Кончимъ работу, тогда и будетъ готовъ.

„Такъ я и долженъ доложить?“

— Такъ и доложите.

„Позвольте вамъ замѣтить, г. офицеръ, что отрядъ готовъ къ переправѣ, весь стоитъ въ этомъ ущельѣ; шумъ, здѣсь происходящій, можетъ

*) Оказалось, что это былъ лейтенантъ Тверитиновъ.

преждевременно открыть непріятелю наше намѣреніе и мы можемъ быть здѣсь сильно встрѣчены. Казалось бы, надо поторопиться съ работою.“

— Вы видите, мы не спимъ. Ночь хоть глазъ коли. Работаемъ!

„Позвольте мнѣ лодку переѣхать на ту сторону, я долженъ осмотрѣть охотниковъ“.

— Эй, лодку!

Переправясь и осмотрѣвъ цѣпь, я воротился къ лошадямъ и во весь духъ, по знакомой уже дорогѣ, помчался къ отряду. Вдругъ лошадь моя шарахнулась. Я наткнулся на часоваго передовой цѣпи и едва усидѣлъ въ сѣдлѣ, схватившись за луку.

— Стой, кто ѣдетъ?

Вмѣсто отвѣта я ударилъ нагайкою лошадь и, нарушая законы аванпостной службы, *не зная отзыва*, помчался съ казаками далѣе. Ну, думаю, какъ выстрѣлитъ по мнѣ часовой, надѣлаетъ дѣла: пойдетъ тревога! Но, благодаря Бога, часовой не выстрѣлилъ, и я благополучно пріѣхалъ къ мѣсту и доложилъ о видѣнномъ. Не болѣе какъ черезъ полчаса, я былъ посланъ опять къ мосту. Уже не шагомъ, какъ въ первый разъ, а во всю конскую прыть, не боясь разбудить непріятеля, скакалъ я къ возстановляемому мосту. По востоку уже потянулись блѣдныя полосы разсвѣта. Опять отыскавъ офицера, я спросилъ: —„что мостъ?“

— Не готовъ.

„Помилуйте, да скоро ли онъ будетъ готовъ?“

— Не знаю, не знаю.

„Но, однако, какъ примѣрно? Черезъ полчаса будетъ ли готовъ?“

— Ну, черезъ полчаса можетъ быть и приготовимъ.

„Я такъ и доложу“.

— Пожалуй, такъ и доложите.

Воротившись, я вновь доложилъ о происходящемъ корпусному командиру.

— Что же дѣлать,—замѣтилъ онъ,—больше невозможно ждать, господа,—продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ адъютантамъ,—велите становиться въ ружье. Благослови Богъ! Поѣдемте.

Генералъ Павловъ поскакалъ къ головѣ колонны, мы слѣдовали за нимъ и пошли съ передовою частію Охотскаго полка. Когда мы выступили изъ дефиле, еще было темно и тихо всюду. На полугорѣ противуположнаго берега, лѣвѣе моста, въ двухъ мѣстахъ брезжились огоньки; впослѣдствіи оказалось, что эти огоньки виднѣлись въ маленькихъ жилищахъ семействъ отставныхъ матросовъ, кажется, карауливщихъ тесаный камень, сложенный у берега Черной рѣчки. Едва свѣтало, когда мы вступили на длинную, узкую гать, по которой не иначе могли идти, какъ только шестирядною колонною. Тутъ мы впервые сегодня услышали канонаду со стороны Севастополя; брезжился свѣтъ; мостъ все еще не былъ готовъ; впрочемъ уже набрасывали послѣднія половицы, ихъ не дали еще хорошенько укрѣпить, какъ мы уже тронулись, спѣша на поле чести. Генералъ Павловъ остано-

вился, проѣхавъ мостъ; совсѣмъ разсвѣло; было 7 часовъ утра. Мы забыли о близости непріятеля, и мысли, насъ томившія во все время нашего слѣдованія по ущелью и мосту въ предутренней темнотѣ, предположенія, что вотъ сейчасъ, сейчасъ откроютъ насъ и встрѣтятъ страшнымъ огнемъ, и половина нашего плана останется не выполненною,—исчезли совершенно. Мы только и думали, какъ бы скорѣе добраться туда, откуда слышались уже глухія завыванія канонады.

Генералъ Павловъ пропустилъ мимо Охотскій полкъ, пропустилъ 2 роты 4-го стрѣлковаго баталіона и поѣхалъ съ нами, составлявшими его свиту, въ головѣ сводной команды штуцерниковъ Тарутинскаго и Бородинскаго полковъ, слѣдовавшихъ передъ Бородинскимъ полкомъ, тогда какъ Тарутинскій полкъ потянулся влѣво отъ моста, по старой почтовой дорогѣ *).

Мы медленно двигались по узкой дорогѣ лѣваго берега бухты и поворотили во вторую балку, налѣво. Стрѣлки, какъ дикія кошки, полѣзли прямо по скаламъ отвѣсной кручи лѣвой стороны ущелья и въ короткое время очутились у самаго гребня высоты; мы же стали взбираться вверхъ по правой сторонѣ балки (если смотрѣть по ея паденію); не прошли мы пятидесяти саженъ, какъ надъ нами пронеслось первое въ этотъ день ядро и запрыгало съ камня на камень, проскочивъ подъ лошадью нашего штабъ-горниста; лошадь шарахнулась, но и она и сѣдокъ уцѣлѣли **).

---

*) Совершенно несправедливо замѣчаніе г. Аничкова (Ibidem, стр. 67), что въ 5 часовъ утра началось *одновременно* дѣло колонною Соймонова и передовыми частями Павлова: самъ генералъ Даненбергъ въ своемъ денесеніи главнокомандующему ставитъ въ вину Соймонову, что онъ, не выждавъ войскъ Павлова, атаковалъ Англичанъ *одинъ*. Къ тому же извѣстно, что Соймоновъ началъ движеніе въ 5 часовъ, около часу надлежало употребить на переходъ черезъ Келенъ-балку, да на приготовленіе къ бою; слѣдовательно онъ атаковалъ около 6 или $6^1/_2$ часовъ утра; что же касается до Тарутинцевъ и Бородинцевъ, то они вступили въ дѣло не ранѣе 8 часовъ утра.

**) Замѣчаніе г. Аничкова (Idem., стр. 76), повторенное Военно-Энциклопедическимъ Лексикономъ, въ статьѣ «Инкерманъ», что будто нашимъ стрѣлкамъ помогли подойти на самое близкое разстояніе къ непріятелю, незамѣтно, густой туманъ и *сѣрыя шинели*, намъ кажется неосновательнымъ: когда стрѣлки нашей колонны вступили въ дѣло, тумана уже почти не было. Если означенное замѣчаніе и можно сдѣлать, то только о стрѣлкахъ колонны Соймонова; но ихъ скорѣе скрывала предъутренняя темнота, чѣмъ сѣрыя шинели: ибо масса, будь одѣта въ сѣрое или черное, она одинаково обрисуется въ сумракѣ. Также несправедливо замѣчаніе г. Аничкова, что Англичане завидѣли стрѣлковъ *сквозь мелкій дождь*—дождя не было.

Равно я долженъ возразить г. Аничкову, на дальнѣйшій его разсказъ (Idem., стр. 76). Говоря, что огонь былъ открытъ съ одной стороны головными частями колонны Соймонова, съ другой — егерями колонны Павлова, г. Аничковъ замѣчаетъ въ выноскѣ: «Не должно упустить изъ виду, что главныя силы колонны Павлова въ это время были еще далеко отъ мѣста боя и прибыли тогда уже, когда войска Соймонова вынуждены были къ отступленію». Если г. Аничковъ подъ именемъ главныхъ силъ нашей колонны разумѣетъ Селенгинскій полкъ, то онъ правъ. Селенгинцы вошли на высоту дѣйствительно послѣ другихъ войскъ нашего отряда; егерьскіе же полки этой колонны (Тарутинскій, Бородинскій, штуцерники Камчатскаго и Охотскій полкъ) и непосредственно за ними Якутскій вошли на высоту почти одновременно. Такимъ образомъ *не главныя силы* Павлова прибыли на мѣсто боя, когда отрядъ Соймонова былъ уже вынужденъ къ отступленію, а *всѣ* вообще полки Павлова, *даже передовые*, пришли на мѣсто боя, послѣ разстройства большей части войскъ отряда Соймонова.

На стр. 89 г. Аничковъ (Ibem.) опять ошибается, говоря: «*три* задніе полка колонны Павлова повернули съ Инкерманскаго моста *вправо* по Саперной дорогѣ». По Саперной дорогѣ пошли: передовой полкъ (Охотскій) и два заднихъ Якутскій и Селенгинскій; второй

Крутизна, по которой намъ приходилось взбираться, казалась недоступною, такъ она была отвѣсна; но что было дѣлать? надо было идти,— другаго пути не было.

Канонада гремѣла уже вблизи, снаряды часто начали черезъ насъ переноситься; нечего было думать, надобно было торопиться; но лошади не въ силахъ уже были нести насъ; мы съ нихъ соскочили и стали карабкаться на гору, таща за собою лошадей, нѣсколько разъ вынужденные остановиться, перевести духъ. Въ одинъ изъ такихъ приваловъ я окинулъ взоромъ мѣстность. Она представляла замѣчательную картину. Прямо передъ нами оставалось еще нѣсколько десятковъ саженъ до гребня высоты, на которую мы взбирались и гдѣ предъ нами должно было открыться поле начавшейся борьбы; надъ нами небо уже раздираемое полетомъ снарядовъ; за нами ущелье съ разсыпанными по немъ солдатами; далѣе бухта съ отдаленною картиною Сѣверной стороны,—бухта, по которой взадъ и впередъ шныряетъ множество лодокъ и медленно двигаются пароходы, сближаясь съ мѣстомъ боя... Послѣ нѣсколькихъ мгновеній отдыха, мы полѣзли впередъ и наконецъ достигли гребня высоты, казавшейся недоступною... Стрѣлки ринулись впередъ и влѣво, а непріятель какъ варомъ обварилъ насъ картечью, ядрами и штуцернымъ огнемъ. Непріятельская батарея изрыгала на насъ тучи чугуна, дыма и смерти. Картечь разрывала наши ряды. Тарутинскіе и Бородинскіе штуцерники, смѣшавшись, отвѣчали изъ толпы огню непріятельскихъ штуцерниковъ, поражавшихъ насъ сильнымъ огнемъ изъ цѣпи. Генералъ послалъ меня приказать нашимъ штуцерникамъ разсыпаться. „Ребята,—крикнулъ я имъ, не видя офицеровъ въ пороховомъ дыму:—приказано разсыпаться въ цѣпь. Вы—Москвичи, ребята; вспомни Иверскую—и впередъ!“

Пока длилась эта жаркая перестрѣлка, съ праваго фланга прискакалъ подполковникъ Тотлебенъ съ какимъ-то юношей-морякомъ. Отъ Тотлебена мы узнали, что хотя наши и сбили Англичанъ, хотя наши и ворвались въ ихъ лагерь, но полки 10-й дивизіи сильно разстроились, послѣ того какъ Соймоновъ тяжело раненъ. Намъ надо было стараться удержаться на позиціи. Выслушавъ этотъ разсказъ, генералъ Павловъ замѣтилъ, что сюда необходимо артиллерію, — непремѣнно надо хоть одну батарею. — „Видите, какъ насъ жарятъ, а ихъ силы какъ будто возрастаютъ! Надо торопиться до прибытія Французовъ“, прибавилъ Тотлебенъ.

— Ступайте,—продолжалъ генералъ, обращаясь ко мнѣ,—отыщите корпуснаго командира и доложите о необходимости имѣть здѣсь батарею; если же встрѣтите батарею нашего отряда, прямо ведите ее сюда.—Я кликнулъ

полкъ (Бородинскій) также повернулъ съ моота вправо и поднялся на высоту прямо по ущелью, безъ дороги. Это обстоятельство доказывается самымъ *планомъ* сраженія, приложеннымъ къ означенной брошюрѣ г. Аничкова. Это же обстоятельство служитъ отчасти подтвержденіемъ, что Охотцы могли, слѣдуя по Саперной дорогѣ, войти на высоту Сапунъ-горы одновременно съ Бородинцами и Тарутинцами, послѣ нихъ начавшими движеніе, которымъ предстоялъ хотя болѣе короткій, но гораздо труднѣйшій путь, слѣдовательно передовые полки Павлова вступили въ дѣло не раньше 8 часовъ утра.

своего казака, осмотрѣлся и помчался прямо по направленію къ инкерманскому мосту, разсчитывая или выѣхать на дорогу, по которой ѣдетъ корпусный командиръ, или тотчасъ найти свою артиллерію. Непріятельскій огонь свирѣпѣлъ ежеминутно, бой разгарался. Подскакавъ къ крутому берегу ущелья, я, не слѣзая съ лошади, пустился внизъ, казакъ скакалъ за мною. Вдругъ между нами пронеслось ядро, мой казакъ покатился въ одну сторону, я, съ лошадью, въ другую, какимъ-то чудомъ усидѣвъ на ней.

Едва отыскавъ въ пороховомъ дыму сраженія начальника штаба, я нередалъ ему просьбу генерала и, получивъ въ отвѣтъ, что прибывшія на гору батареи уже введены въ дѣло на необходимыхъ пунктахъ, я принялъ приказаніе ѣхать за мостъ и велѣть остальной артиллеріи слѣдовать сюда. У моста я уже обгонялъ толпы раненыхъ, на мосту встрѣтилъ Великихъ Князей и главнокомандующаго; на вопросъ главнокомандующаго: „Что дѣлается на горѣ?“ я доложилъ, что мы очень пострадали, но что два земляныхъ укрѣпленія заняты нами, что наши ворвались въ англійскій лагерь и бой доселѣ клонится въ нашу пользу. Всѣ перекрестились.

Исполнивъ приказаніе, я нашелъ генерала лѣвѣе мѣста, на которомъ его оставилъ, близъ непріятеля.

Поле битвы покрыто было убитыми и ранеными; наши войска въ большомъ безпорядкѣ перемѣшались между собою. Вообще суматоха была ужасная, кононада и штуцерный огонь еще ужаснѣе; Тарутинцы и Бородинцы, тоже какъ и полки нашей дивизіи, были разстроены, и ихъ составъ чрезвычайно ослабленъ потерею и уходомъ людей, выводившихъ изъ дѣла раненыхъ и уносившихъ убитыхъ. Генералъ послалъ меня остановить это движеніе, сокращавшее массу дѣйствователей до невозможности удержаться далѣе на позиціи съ ослабѣвшими въ числѣ полками. Ни одной уже не осталось части войскъ свѣжей и полной; все, что находилось подъ рукою, было введено въ дѣло.

Генералъ опять остался одинъ съ казаками; его остальные адъютанты и ординарцы рыскали съ приказаніями изъ угла въ уголъ сраженія; жолнеръ дивизіонный раненъ; дивизіонный вагенмейстеръ *), назначенный командовать баталіономъ Селенгинцевъ, тоже раненъ.

Поскакавъ по направленію оврага, гдѣ каменоломня, я увидѣлъ страшное зрилище: весь оврагъ каменоломни былъ, такъ сказать, заваленъ убитыми и ранеными. Французскіе стрѣлки сидѣли уже во многихъ мѣстахъ за камнями противуположнаго берега оврага и перестрѣливались съ нашими стрѣлками, кое-когда посылавшими имъ пулю другую изъ-за камней, покрывавшихъ мѣстность. Особенно было много убитыхъ и раненныхъ подъ арками аквадука. Я поскакалъ дальше и нашелъ на берегу р. Черной, у домиковъ каменеломовъ, множество въ безпорядкѣ столпившихся солдатъ, на старой почтовой дорогѣ и на берегу рѣчки, въ ожи-

*) Маіоръ де-Бурблянъ.

данiи наступленiя непрiятеля со стороны каменоломнаго оврага. Тутъ происходила невообразимая суматоха. Солдаты всѣхъ полковъ столпились въ огромную массу, наводнившую собою все пространство отъ отвѣсныхъ стѣнъ берега до самой рѣчки. Офицеры силились разобрать ихъ по полкамъ и теряли силы въ безполезныхъ усилiяхъ. Я проскакалъ дальше, собравъ десятокъ солдатъ Охотскаго полка, поставилъ ихъ въ караулъ у моста, не велѣвъ пропускать ни одного здороваго провожатаго раненыхъ; попросилъ морскаго офицера — начальника моста—принять на себя трудъ наблюсти, чтобы караулъ, мною поставленный, исполнилъ мое приказанiе, и поскакалъ къ перевязочному пункту, гдѣ, съ помощью казначея Якутскаго полка Ефимова, тутъ распоряжавшагося, собралъ болѣе 200 человѣкъ, отдыхавшихъ послѣ принесенiя раненыхъ, и повелъ ихъ за мостъ, у котораго дежурный штабъ-офицеръ нашего корпуса, маiоръ Яннау, уже поставилъ жандармовъ, чтобы не пропускать людей служившихъ провожатыми раненыхъ. Съ собою я захватилъ болѣе 10 полуфурковъ, назначенныхъ для перевозки раненыхъ, и повелъ ихъ въ балку, гдѣ подъ аквадукомъ видѣлъ тысячи несчастныхъ; присоединивъ собранныхъ мною солдатъ къ тѣмъ, что формировались на берегу, я бросился съ полуфурками къ аквадуку и нагрузилъ ихъ ранеными. О, какихъ картинъ я былъ при этомъ зрителемъ,—сценъ, раздирающихъ душу однимъ воспоминанiемъ о нихъ!

„Батюшка, ваше благородiе, возьмите меня“, кричалъ одинъ. „Не покидайте меня, кормилецъ“, стоналъ другой, ползя съ оторванною ногою. Третiй, десятый, сотый очами молитъ о помощи, или медленно, съ усилiемъ, можетъ только поднять руку, давая знакъ жизни! Не слушая криковъ и воплей, я сажалъ съ помощью фурштатъ на полуфурокъ раненыхъ, сколько могъ ихъ помѣстить, а прибѣжавшiй со мною маленькiй фельдшерскiй ученикъ Охотскаго полка Даниловъ, тутъ же, гляжу, подъ скалою дѣлаетъ перевязки, которыя по силамъ. Отправивъ этотъ кровавый транспортъ, я вновь поскакалъ отыскивать своего генерала и доложить ему, что толпы солдатъ стоятъ подъ горою у берега рѣки: что онъ имъ прикажетъ дѣлать? Въ это время все уже было для насъ кончено: Французы опрокинули нашихъ совершенно и возстановить бой было только возможно большими свѣжими силами. Съ минуты на минуту можно было ожидать, что Французы пойдутъ за нашими войсками въ оврагъ каменеломни и ударятъ на путь нашего отступленiя. При этомъ могла совершиться ужасная катастрофа. Въ массѣ войска, столпившагося на берегу Черной, не было никакого порядка; голосъ начальниковъ едва ли былъ бы услышанъ; развернуться намъ было негдѣ, выстроиться для принятiя боя тоже; всякiй выстрѣлъ непрiятеля, попадая въ столпившуюся кучу народа, находилъ бы обильную жатву; артиллерiи для прикрытiя нашего отступленiя было выдвинуть негдѣ; словомъ, движенiе союзниковъ на этомъ пунктѣ было бы для насъ гибельно *)!

*) Англiйскiе писатели упрекаютъ Французовъ за бездѣйствiе на этомъ пунктѣ, говоря, что лордъ Раглан настоятельно убѣждалъ Канробера двинуть впередъ правое крыло

Французовъ, чтобъ атаковать насъ у моста, но Канроберъ не согласился, въ чемъ впослѣдствіи самъ раскаявался. Въ этомъ же родѣ крайне интересна замѣтка «Perret» (idem, глава VI, стр. 170—174) относительно Инкерманскаго дѣла:

«Когда Боске съ Зуавами и Алжирскими стрѣлками стремился на помощь къ разбитымъ Англичанамъ, генералъ Канроберъ прискакалъ къ лорду Раглану. Положеніе Англичанъ въ этотъ моментъ было самое критическое и затрудненіе увеличивалось съ каждымъ часомъ: Русскіе занимали все большее пространство на Инкерманскихъ высотахъ и ихъ массы являлись все грознѣе и грознѣе; доложили, что лѣвый флангъ Французовъ сильно атакованъ нашей колонной, вышедшей изъ города, и что дѣйствіе нашихъ войскъ противъ Балаклавы перестаетъ имѣть характеръ простой демонстраціи...

Лордъ Рагланъ, повѣсивъ голову, съ обычнымъ своимъ спокойствіемъ сказалъ:

— Кажется... мы... очень больны?..

— Не очень, милордъ, по крайней мѣрѣ не надо терять надежды,—отвѣчалъ Канроберъ [1]).

На слѣдующій день, въ своемъ донесеніи военному министру, герцогу Ньюкестльскому, Англійскій главнокомандующій совсѣмъ забылъ объ этомъ свиданіи!!

«Такъ продолжалась битва,—доноситъ лордъ Рагланъ,—безостановочно и безъ окончательнаго результата до полудня. Непріятель выдвинулъ не только всю свою полевую артиллерію, но употребилъ тяжелыя и даже морскія орудія. Въ полдень Русскіе стали отступать и вскорѣ хотя огонь и не прекращался, но отступленіе сдѣлалось общимъ, по направленію къ Инкерманскому мосту».

Однако, въ концѣ этого донесенія, упоминается о двухъ батальонахъ, приведенныхъ генераломъ Боске, и лордъ Рагланъ благодаритъ за ихъ помощь, не относя ее, впрочемъ, къ особенной услугѣ со стороны союзныхъ генераловъ; можно понять поэтому, что если онъ и упоминаетъ о ней, то изъ простой вѣжливости, подобно тому, какъ впослѣдствіи генералъ Пелисье благодарилъ Сеферъ-пашу и его Турокъ за помощь, которую они оказали Французамъ въ сраженіи на Черной, причемъ Турки имѣли 7 раненыхъ! Англійская реляція имѣетъ слѣдующее, въ точности нами передаваемое, заключеніе: «имѣю полное основаніе думать, что число Русскихъ не могло быть меньше 60.000 человѣкъ. Потеря непріятеля была чрезмѣрна. Утверждаютъ, что Русскіе оставили на полѣ битвы 5.000 тѣлъ и что цифра ихъ потери вообще достигаетъ до 15.000 человѣкъ. Ваша Свѣтлость удивитесь узнавъ, что число пострадавшихъ въ этомъ дѣлѣ Англичанъ не превышаетъ 8.000 человѣкъ».

Впрочемъ британское самохвальство на этомъ не остановилось. По полученіи первыхъ донесеній объ Инкерманскомъ сраженіи, Его Свѣтлость герцогъ Ньюкестльскій, объявилъ что Англичане дрались въ началѣ дѣла 1 противъ 7-и и въ концѣ 1 противъ четырехъ, а черезъ нѣсколько послѣ того дней герцогъ, не щадя скромности лорда Раглана, утверждаетъ, что этотъ генералъ имѣлъ счастіе разбить не 60, а 70.000 Русскихъ, а можетъ-быть и больше!

Французскіе генералы, описывая Инкерманское сраженіе, всѣми силами старались не затронуть, въ какой-либо степени, чувства собственнаго достоинства Англичанъ, хотя не могли избѣжать нѣкоторыхъ намековъ. Такъ генералъ Боске даетъ понять, что Англичане лишены были возможности поддержать его, когда онъ началъ наступленіе, и что они находились въ безпорядкѣ на его правомъ крылѣ, но этотъ скромный отзывъ генерала, вызванный обстоятельствами, не обратилъ на себя общественнаго вниманія Франціи, гдѣ силились забыть старинное національное соперничество, восхваляя своихъ союзниковъ. Такимъ образомъ установилось понятіе, что горсть Англичанъ разбила подъ Инкерманомъ безчисленную армію Русскихъ.

Мы видѣли умѣнье лорда Раглана и герцога Ньюкестль играть цифрами: въ дѣйствительности, 24 октября, Русскіе вывели въ дѣло 34.835 человѣкъ.

Послѣ Крымской войны, въ Парижѣ построили Алминскій мостъ, который очень удобно было назвать „Инкерманскимъ“, но этого не сдѣлали, желая доставить удовольствіе своимъ союзникамъ думать, что Инкерманское дѣло было выиграно собственно ими. На это доказательство международной любезности чѣмъ же отвѣчала заламаншская печать? По отзывамъ англійскихъ газетъ, Англичане готовились къ штурму Севастополя, когда на разсвѣтѣ 24 октября они были внезапно атакованы безчисленной арміей Русскихъ, привезенной, на почтовыхъ съ береговъ Дуная. Подъ непроницаемымъ туманомъ, непріятель имѣлъ возможность проникнуть до самого лагеря не будучи замѣченъ, но эта дерзкая попытка не потрясла англійскаго хладнокровія. Нужно было только нѣсколько минутъ, чтобы полки

---

[1]) Такой разсказъ, впервые приведенный Базанкуромъ (въ его „Expedition“, т. II, стр. 75—76), показался обиднымъ Англичанамъ. Писатели ихъ (напримѣръ Хайвардъ) считаютъ такія восклицанія несообразными съ характеромъ лорда Раглана, извѣстнаго въ арміи хладнокровіемъ, трердостію, вѣрностью взгляда и тактомъ, который не допустилъ бы его до малѣйшаго дѣйствія, способнаго обезкуражить его окружающихъ.

опомнились и тотчасъ затѣмъ остановили успѣхъ Русскихъ, въ десять разъ превосходившихъ ихъ въ числѣ. Слабые англійскіе баталіоны, можно сказать, исчезли въ охватившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ глубокихъ колоннахъ Русскихъ, но, несмотря на это, они не менѣе шести часовъ сряду, въ ожесточенномъ бою, отражали всѣ ихъ нападенія. Въ моментъ, когда Русскіе, утомленные этимъ упорнымъ сопротивленіемъ, начали отступать, солдаты Ея Британскаго Величества перешли въ наступленіе и, поддержанные однимъ отрядомъ Французовъ, *пришедшихъ къ концу дѣла*, опрокинули непріятеля въ долину Черной. Русскіе отступили черезъ Инкерманскій мостъ въ величайшемъ безпорядкѣ, при чемъ видѣли, какъ молодые Великіе Князья, прибывшіе въ Севастополь, чтобы присутствовать при побѣдѣ, бѣжали безъ оглядки, давя своими лошадьми солдатъ, столпившихся на мосту [1]). Словомъ, этотъ день принесъ Русскимъ полнѣйшее пораженіе: они оставили на полѣ битвы 15—30 тысячъ человѣкъ. Лордъ Раглан говорилъ, что онъ не видѣлъ такой бойни съ Ватерлоосской битвы! Къ побѣднымъ восторгамъ присоединились крики осужденія русскихъ солдатъ, будто бы убивавшихъ раненыхъ во время сраженія. Письмо одного союзнаго генерала заявляло цивилизованному міру о варварскомъ поведеніи русскихъ солдатъ, которымъ служили примѣромъ ихъ собственные офицеры. Русскій майоръ, застигнутый на мѣстѣ дѣйствія, былъ отданъ подъ военный судъ, обвиненъ и повѣшенъ! [2]).

По поводу этого обвиненія скажемъ, между прочимъ, что произведенное по этому предмету слѣдствіе показало ложность обвиненія, взводимаго на русскихъ офицеровъ.

Такимъ образомъ, если вѣрить англійской печати, французская армія не играла никакой роли въ славномъ дѣлѣ 24 октября!

Въ брошюрѣ, появившейся въ 1857 году („Letters from Headquarters or the Realities of the war in the Crimea by on officer of the Staff. London"), лордъ Кальтхорнъ, причисленный къ штабу лорда Раглана, во время Крымской войны, идетъ еще дальше, обрисовывая яркими красками англійскую армію съ ея предразсудками, страстями, ненавистью къ Россіи и завистью къ Франціи. Кальтхорнъ приписываетъ отступленіе царскихъ войскъ огню двухъ орудій большаго калибра, привезенныхъ изъ траншеи, по приказанію лорда Раглана, и свой разсказъ о прибытіи генерала Боске озаглавливаетъ: *„Паника французскихъ войскъ"*.

„Бюллетени не исторія", говорилъ Наполеонъ I. Эти слова въ нѣкоторой степени объясняютъ дѣйствіе лорда Раглана, донесенія котораго были дѣлаемы подъ вліяніемъ момента, вліяніемъ весьма понятнымъ, если принять во вниманіе то положеніе, въ какомъ онъ находился на другой день послѣ Инкерманскаго сраженія. Англійская армія была разбита. Королевская гвардія потеряла двѣ трети своихъ людей. Цѣлые полки были уничтожены; изъ 12 дивизіонныхъ и бригадныхъ генераловъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, семеро было убито или ранено.

„Послѣ такой побѣды,—сказалъ сэръ Ласи Эвенсъ главнокомандующему при всемъ его штабѣ,—ничего больше не остается, какъ только сѣсть на суда!"

Поэтому необходимо было поднять духъ войска и всѣми силами устранить деморализацію солдатъ—вотъ причина, вынудившая англійскаго военачальника обнародовать свой знаменитый бюллетень!

Благодарственное письмо, довольно банальнаго содержанія, было единственнымъ выраженіемъ благодарности Канроберу и Боске. Меньше этого ничего нельзя было сдѣлать.

28 декабря (н. с.) Канроберъ объявилъ войскамъ, въ приказѣ по арміи, лестные отзывы англійской королевы о ихъ участіи въ Инкерманскомъ сраженіи.

„Главнокомандующій,—писалъ Канроберъ,—имѣетъ счастіе объявить войскамъ весьма почетный отзывъ Ея Величества, Англійской Королевы, о поведеніи нашей арміи въ Инкерманскомъ сраженіи."

„Королева замѣтила, съ благодарностью, мужество, съ какимъ полки ея союзника, Императора Французовъ, пришли на помощь отряду англійскихъ войскъ, вступившихъ въ борьбу столь неравную. Ея Величество глубоко сочувствуетъ дружескому содѣйствію главнокомандующаго генерала Канробера и доблестному поведенію этого выдающагося офицера—генерала Боске.

Ея Величество усматриваетъ въ этихъ крикахъ, которыми воодушевляли себя войска обоихъ націй, во время дѣла, доказательство взаимнаго уваженія, утвержденнаго подвигами обоюднаго мужества.

Но замѣчательно, что ни въ одномъ изъ англійскихъ сочиненій о Крымской войнѣ,—говоритъ Petitet,—не приведено письма Ея Величества Королевы.

---

[1]) Кстати умѣстно припомнить, что Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи отступили съ поля сраженія не черезъ Инкерманскій мостъ, а прямо въ Севастополь, не переправляясь черезъ Черную.

[2]) Это вымыселъ все о томъ же нашемъ товарищѣ майорѣ Ангеловѣ, о несчастной судьбѣ котораго мы подробно говоримъ въ „Приложеніи" подъ № V.

Не желая карабкаться съ своимъ измученнымъ конемъ прямо по отвѣснымъ скаламъ, я поѣхалъ по саперной дорогѣ и увидѣлъ Великихъ Князей и главнокомандующаго со свитою на одной изъ высотъ, съ которой открывалась вся страшная картина проигрываемаго сраженія *): непріятельскіе снаряды то ложились не подалеку, то переносились и шли рикошетомъ дальше. Наша казачья батарея стояла лѣвѣе свиты въ нѣсколькихъ шагахъ и дѣйствовала энергически.

Для выиграния времени доложивъ прямо полковнику Герсеванову, что прикажутъ дѣлать войскамъ, собравшимся на берегу Черной? я получилъ приказаніе вести ихъ сюда и хотѣлъ было уже ѣхать, какъ полковникъ Герсевановъ остановилъ меня и доложилъ главнокомандующему. Его свѣтлость измѣнилъ приказаніе и велѣлъ идти имъ за мостъ. Пріѣхавъ къ этимъ войскамъ, изъ которыхъ болѣе другихъ устроились Селенгинскій и Якутскій полки, я услышалъ отъ ихъ командировъ, что таковое же приказаніе прислано уже имъ чрезъ одного изъ ординарцевъ князя.

— Что же будетъ съ ранеными, которыми покрытъ путь нашего отступленія—каменоломная балка...

Тѣ пожали плечами.

— Позвольте подобрать кого можно.

— Подбирайте.

— Дайте рабочихъ.

Полковникъ Бялый послалъ со мною баталіонъ Якутцевъ, подъ командою маіора Новашина. Мы двинулись до угла балки; по сю сторону его остался слабый баталіонъ, состоявшій не болѣе какъ изъ двухъ сотъ человѣкъ, а я съ застрѣльщиками побѣжалъ въ балку, разсыпалъ ихъ за камни, засадилъ за аквадукъ и, отвѣчая огню непріятельскихъ стрѣлковъ, въ значительномъ уже числѣ появившихся, людьми баталіона Новашина, при которомъ однако не было ни одного офицера, началъ таскать раненыхъ и убитыхъ. Тѣ же полуфурки, что уже разъ мною были сюда приведены и съ тѣхъ поръ не переставали ѣздить и увозить раненыхъ, сопровождаемые двумя мною приставленными казаками, явились снова и снова приняли печальную клажу; до аквадука мы очистили пространство не только отъ раненыхъ, но и отъ убитыхъ, не смотря на штуцерныя пули Французовъ, прыгавшія повсюду, но, по милости Божіей, не нанося никому изъ насъ вреда.

Дѣятельнѣе другихъ солдатъ былъ, добровольно къ намъ приставшій, рядовой Тарутинскаго полка, Ѳедоръ Нечаевъ. Онъ вынесъ человѣкъ 15 раненыхъ отъ аквадука, и изъ-за него, на собственныхъ плечахъ, за уголъ, гдѣ стоялъ Новашинъ съ резервами. Наконецъ, когда, видимо, пора была отступать, ибо Французы противъ насъ возросли въ числѣ и открыли уже

*) Во время Инкерманскаго дѣла князь Меньшиковъ съ Великими Князьями и свитою стоялъ въ верховьи Георгіевской балки, подъ огнемъ непріятеля.

весьма сильный огонь, а наше войско на этомъ берегу Черной стало рѣдѣть, мы заиграли отступленіе и отстрѣливаясь стали отходить.

Тотъ же Нечаевъ просилъ меня:

— Ваше б-діе, позвольте мнѣ сходить; за тѣмъ мостомъ, подъ скалою, сидятъ два солдата, здоровыхъ, я замѣтилъ, они тамъ недоброе что-то замышляютъ. Позвольте привесть ихъ.

„Ну, а какъ они тебя уходятъ?“

— Гдѣ имъ меня уходить!—десятокъ такихъ мало.

„А Французъ подстрѣлитъ? Слышь, какъ строчатъ?“

— Такъ тому дѣлу и быть, ваше благородіе. Пропадать все равно,—не здѣсь пропадешь, такъ въ другомъ мѣстѣ.

„Ну ладно, братъ, да живѣй оборачивайся, а мы, такъ и быть, подождемъ.“

Нечаевъ побѣжалъ, я заигралъ своей цѣпи: ложиться. Якутцы залегли за тесаные камни, всюду валявшіеся. Новашинъ, начавшій было отступать, пріостановился. Мы подождали минутъ десятокъ, пока, видимъ, Нечаевъ гонитъ передъ собою, безъ церемоніи, прикладомъ двухъ солдатъ и несетъ кромѣ своего ихъ два ружья. Пули такъ и ложились кругомъ. Французы обратили особое вниманіе на эту кучку людей, но всѣ трое остались невредимы.

— Что вы, разбойники, остались тамъ? Зачѣмъ? А?

„Устали, ваше благородіе—присѣли отдохнуть.“

— А другіе развѣ не устали, да не отдыхаютъ! Взвали-ка на нихъ нѣсколько ружей; пусть отнесутъ на позицію; въ дежурство ихъ представь, ребята, сегодня же, смотри.

Нечаеву за его молодечество я отдалъ что было мелочи въ моемъ кошелькѣ; вотъ его и награда.

Мы отходили. Сколько жертвъ осталось еще на покидаемомъ нами пространствѣ!! Сколько погибнетъ ихъ сегодня отъ того, что во-время не попадутъ въ госпиталь: другому возвратилъ бы жизнь глотокъ воды, а не кому будетъ подать ее! Но что же дѣлать, такова уже судьбина битвъ.

По мосту и гати, по которой намъ предстояло проходить, покрытой отступавшими войсками, непріятель сталъ бросать снаряды, поставивъ орудія *) на возвышеннѣйшей точкѣ гребня Сапунъ-горы, у самаго обрыва. Граната упала у пристани (временно устроенной моряками, не подалеку отъ моста), на которой они принимали множество раненыхъ на свои лодки и баркасы, частію увозя страдальцевъ въ Севастополь, частію перевозя ихъ на свои пароходы и корабли, лишь бы на первый разъ ихъ поскорѣе куда-нибудь пристроить, спѣша захватить новый транспортъ раненыхъ. Конечно, на пристани произошла суматоха. Другая граната легла у самой гати, по которой мы отступали; еще одна легла на перевязочномъ пун-

*) Батарея Ле Каріера де Ленсека—дивизіи принца Наполеона. Эти батареи были прикрыты двумя баталіонами Бурбаке (Guerin, Ibidem, стр. 399).

ктѣ, заваленномъ ранеными, между полуфурками, частію приготовленными для подъема раненыхъ, частію нагруженными турами и фашинами въ ожиданіи требованія на атакованный нами пунктъ, для возведенія укрѣпленія *). Эта послѣдняя, не кстати упавшая, граната произвела тутъ ужасныя сцены. Многіе доктора и священники бросились бѣжать; за ними пустились раненые, кто имѣлъ силы подняться — поднимался и бѣжалъ: раненый, которому начата и не кончена ампутація, страдалецъ, едва дышащій — все бѣжало, ползло, тащилось; между ними скакали и давили людей фурштаты, торопившіеся уѣхать изъ опасныхъ мѣстъ, не обращая вниманія на раненыхъ, для которыхъ они и были назначены: нагруженные турами полуфурки тоже скакали. Печальная была картина: раздирающіе душу вопли, крики отчаянія слышались на перевязочномъ пунктѣ, вмѣсто напутственныхъ молитвъ и утѣшеній...

Ежеминутно можно было ожидать продолженія и усиленія непріятельскаго огня, а вслѣдствіе того увеличенія суматохи; но вотъ засинѣлъ дымокъ на гребнѣ высотъ нашего берега бухты, — непріятелю посланъ гостинецъ, другой; непріятель попытался было отвѣчать однимъ выстрѣломъ, но третій, четвертый выстрѣлъ нашей батареи, *смелъ* непріятельскую и избавилъ отступающихъ отъ серіозной опасности.

Что же дѣлать однако съ перевязочнымъ пунктомъ? Сердце надрывалось глядя на несчастныхъ раненыхъ, всюду валявшихся, облитыхъ собственною кровью. Якутскій казначей Ефимовъ, Охотскій казначей поручикъ Логиновъ, мы втроемъ стали силою хватать бѣжавшіе полуфурки, возвращать ихъ на перевязочный пунктъ, нагружать ранеными и отправлять дальше. Никогда не забуду этой сцены, когда я, бросясь въ догонку за убѣжавшими было полуфурками съ турами, нагналъ ихъ уже въ ущельѣ и силился остановить ихъ и, заставивъ сбросить туры и фашины, забрать раненыхъ. Но голоса моего не слушали. Желая поставить на своемъ, я сталъ посреди дороги, удерживая ѣдущихъ, но мои усилія остались бы тщетными: въ суматохѣ одному человѣку заставить поступать человѣкъ пятьдесятъ фурштатъ разныхъ полковъ не такъ, какъ имъ хочется, почти невозможно. Кто знаетъ наши *безпардонныя* нестроевыя команды, тотъ мнѣ повѣритъ. Но въ это трудное мгновеніе явился на мою помощь флигель-адъютантъ гвардіи капитанъ Денъ **). Съ двухъ словъ моихъ онъ понялъ въ чемъ дѣло, выхватилъ саблю и погрозилъ изрубить или лошадь, или самого ѣздока —

---

*) Ни одной повозки съ турами и фашинами на тотъ берегъ бухты не было перевезено, такъ какъ начать на занятой позиціи возведеніе предполагавшихся укрѣпленій не могли успѣть.

**) Впослѣдствіи сенаторъ, генералъ-лейтенантъ Владиміръ Ивановичъ Денъ (умершій 26 января 1888 года), въ своихъ *Запискахъ* (помѣщенныхъ въ мартовской книжкѣ „Русской Старины“ за 1890 годъ, стр. 628—679), вспомнилъ объ этомъ случаѣ и объ нашихъ общихъ съ нимъ дѣйствіяхъ на перевязочномъ пунктѣ по окончаніи Инкерманскаго дѣла. Понятно какъ послѣ 36 лѣтъ, прошедшихъ со времени событія, намъ пріятно было встрѣтить печатное о немъ воспоминаніе лица, съ которымъ мы послѣ разсказаннаго случая не встрѣчались въ жизни!

перваго, кто осмѣлится ѣхать далѣе, не исполнивъ, что ему будетъ приказано. Поѣздъ остановился. Мы бросились къ полуфуркамъ и съ помощью проходившихъ солдатъ мигомъ свалили въ канаву туры и фашины. Освободивъ полуфурки, мы, можно сказать, въ нѣсколько минутъ нагрузили ихъ ранеными, частію тутъ же на мѣстѣ, остановивъ тѣхъ, которые ползли и шли, какъ могли, за войскомъ, частію воротивъ полуфурки на перевязочный пунктъ, который и очистили весь, оставивъ на немъ только мертвыхъ и груды оружія. Наши уничтожали мостъ; союзники не мѣшали работѣ, болѣе не преслѣдовали насъ и, послѣ удачныхъ выстрѣловъ нашей батареи, даже перестали появляться на гребнѣ высотъ южной стороны, откуда стали было угощать насъ штуцернымъ огнемъ во время нашего отступленія черезъ мостъ.

Наши войска, отступая, большею частію, поремѣшались совершенно; выбравшись изъ ущелья, всѣ потянулись на тѣ мѣста, съ которыхъ началось наступленіе. Войска были чрезвычайно утомлены: всю почти предыдущую ночь не спали; ночь съ 22 на 23 провели въ передвиженіи; цѣлый почти день 24-й были въ бою не ѣвши и должны были лазить по крутымъ горамъ.—Едва добрались до бивака, какъ запылали костры; къ нимъ цѣлую ночь собирались усталые и раненые разныхъ полковъ; утомленные, они не отыскивали уже своихъ мѣстъ, а пристраивались къ первому отрадному огоньку, чтобъ отдохнуть хорошенько. Цѣлую ночь большая часть войскъ провела въ глубокомъ снѣ; остальные, натуры болѣе воспріимчивыя, не смотря на утомленіе, всю ночь занимались разсказами, су́дами да пересудами всего происходившаго въ ихъ глазахъ въ этотъ, закатившійся въ вѣчность, день.

И мы, съ своей стороны, можемъ ли ограничиться разсказомъ собственно о томъ участіи, какое мы сами принимали въ этой катастрофѣ? Если это участіе моей незначительной личности въ столь великомъ событіи и разсказано мною съ такою подробностію, то частію потому, что этотъ разсказъ въ нѣкоторой степени рисуетъ ту суматоху, какая происходила вчера въ нашихъ войскахъ, частію изъ желанія остаться совершенно вѣрнымъ своей задачѣ—разсказать все то, что совершалось собственно со мною во время кампаніи, предполагая, что такіе же разсказы издадутъ и многіе другіе участники настоящихъ событій и что изъ массы этихъ разсказовъ будущій историкъ почерпнетъ хоть кое-что. Впрочемъ, нисколько не отступая отъ своей программы, я могу и долженъ разсказать все, что мнѣ достовѣрно извѣстно о вчерашнемъ сраженіи, что происходило съ моими товарищами и какое принималъ участіе нашъ отрядъ въ этомъ событіи.

Какъ выше сказано, нашъ отрядъ состоялъ изъ полковъ: Охотскаго, Тарутинскаго, Бородинскаго егерскихъ, штуцерниковъ Камчатскаго егерскаго, изъ Селенгинскаго и Якутскаго пѣхотныхъ полковъ, съ артиллеріею и, на-

конецъ, двухъ ротъ 4-го стрѣлковаго баталіона, остававшихся подъ непосредственнымъ распоряженіемъ начальника корпуснаго штаба.

Взбираясь одновременно на три пункта Сапунъ-горы, занятой правымъ флангомъ арміи Англичанъ, мы, такимъ образомъ, имѣя въ резервѣ два пѣхотные полка, должны были атаковать три пункта англійской позиціи, въ то самое время, какъ генералъ Соймоновъ атаковалъ бы лѣвый флангъ той же позиціи.

Потрясенные во многихъ пунктахъ, такъ сказать, однимъ ударомъ, Англичане не должны были устоять и долженствовали быть совершенно разбиты прежде, чѣмъ могли бы подоспѣть ихъ собственные резервы, тѣмъ болѣе Французы, которымъ должны были грозить, съ одной стороны, усилія отряда князя Горчакова (дивизія Липранди и кавалерія), *стремясь, какъ гласила диспозиція, овладѣть однимъ изъ всходовъ на Сапунъ-гору,*—съ другой—усиленное бомбардированіе артиллеріею крѣпости и вылазка генерала Тимоѳеева.

Но вышло иначе.

Соймоновъ ударилъ своимъ отрядомъ на пунктъ, *предоставленный нашей атакѣ,* и мы, можно сказать, столпились всею массою двухъ отрядовъ на небольшомъ пространствѣ, правда, уничтоживъ на немъ Англичанъ, которыхъ только встрѣтили на своемъ пути. Тутъ, не видя, не зная и не получая никакихъ ни отъ кого распоряженій, что дѣлать дальше? мы стояли и гибли во множествѣ, пока сраженіе не превратилось въ частные, едва не кулачные бои. Въ одномъ углу часть нашихъ войскъ бросалась на непріятельское укрѣпленіе, брала его и оставалась на немъ, не зная что дѣлать дальше, между тѣмъ поражаемая артиллеріею противника; въ свою очередь непріятель отнималъ у насъ это укрѣпленіе и мы брали его снова, если къ намъ подбѣгала хоть небольшая помощь... Въ другомъ концѣ одинъ изъ начальниковъ видитъ непріятельскую цѣпь, поражающую нашихъ штуцерныхъ огнемъ; онъ посылаетъ для пораженія ея одну изъ болѣе еще устроенныхъ своихъ частей; та достигаетъ указанной цѣли: непріятельская цѣпь опрокинута; но что же дальше?.... Тутъ прискакавшая батарея снялась съ передковъ, подъ страшнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, дѣйствуетъ по вражьей батареѣ и ея прикрытію..... Люди валятся съ обѣихъ сторонъ; то наши наступаютъ и бьютъ Англичанъ, которые не только ружья бросаютъ, но даже амуницію съ себя сбрасываютъ, чтобъ не мѣшала имъ бѣжать со всѣхъ ногъ; то наша разстроенная часть отступаетъ, въ суматохѣ, къ крутому оврагу; одни еще отстрѣливаются, другіе уже спускаются внизъ; третьи — просто прыгаютъ съ крутизны.... А общихъ распоряженій никакихъ..... Эти отступленія, эти наступленія отнюдь не развитіе какой-нибудь одной мысли, отнюдь не проведеніе идеи одного человѣка, который своимъ кровавымъ жезломъ чертилъ бы на полѣ смерти непонятные для большинства знаки, но таинственный смыслъ которыхъ все-таки одинъ и тотъ же — побѣда; нѣтъ, всѣ эти порывчатыя дѣйствія—дѣти случая, и никто не знаетъ къ чему все это ведетъ?

Почти одновременно взобрались на высоту праваго берега Черной рѣчки Тарутинскій, правѣе его Бородинскій, еще правѣе его Охотскій полкъ, въ тотъ моментъ, когда впереди линіи, нами занятой, и правѣе Охотскаго полка, отрядъ Соймонова уже частію ворвался въ англійскій лагерь, частію сбилъ передовые полки Англичанъ, бросившіеся ему на встрѣчу; но былъ самъ совершенно разстроенъ и мы, слѣдовательно, взобравшись на высоты, нашли этотъ отрядъ въ такомъ положеніи, что долѣе правильной борьбы съ непріятельскими полками онъ продолжать не могъ.

Встрѣченные на самомъ гребнѣ гористаго берега сильнымъ штуцернымъ и артиллерійскимъ огнемъ, какъ и мы сами были встрѣчены въ подобный же моментъ, Охотцы, безъ артиллеріи, отвѣчали непріятелю ружейнымъ, но едва ли дѣйствительнымъ огнемъ и пошли за генераломъ Даненбергомъ, который, выѣхавъ впередъ, направился налѣво отъ мѣста подъема Охотцевъ на гору. Охотцы прошли до крайняго пункта праваго фланга англійской позиціи, гдѣ кипѣлъ бой въ оврагѣ каменоломни, вслѣдствіе котораго совершенно разстроились Тарутинцы и Бородинцы, думавшіе черезъ оврагъ достигнуть англійскихъ батарей, его обстрѣливавшихъ съ противоположнаго берега оврага, а между тѣмъ попавшіе подъ перекрестный огонь. Правѣе оврага были Англичане, поражавшіе Охотцевъ штуцернымъ огнемъ во флангъ. За Охотцами уже вытягивались на гору тою же дорогою Якутскіе баталіоны. Ряды Охотцевъ рѣдѣли,—они бросились на Англичанъ въ штыки и опрокинули ихъ, но въ то же время попали подъ огонь означенныхъ батарей. Потеря ихъ увеличилась. Они спустились въ тотъ же оврагъ, гдѣ уже разстроились совершенно подъ перекрестнымъ огнемъ англійскихъ батарей егерскіе полки Соймонова, потомъ Тарутинскій и Бородинскій полки. Что дѣлать! Но выборъ былъ не труденъ: лучше погибнуть на непріятельской батареѣ, чѣмъ оставаться здѣсь—мишенью!... Охотцы повернули по оврагу вправо и, несмотря на огромную потерю въ солдатахъ и офицерахъ, взяли батарею, которая его обстрѣливала (нанесенная на наши карты подъ именемъ редута № 2-го),—батарею, уже однажды взятую полками 10-й дивизіи, но отнятую у нихъ Англичанами.

Якутцы, по приказанію генерала Даненберга, переданному начальникомъ штаба генераломъ Мартинау, слѣдуя по тому же направленію, что и Охотцы, при выдвиженіи изъ оврага, увидѣли колонну Англичанъ, шедшую имъ во флангъ, повернули на нее и опрокинули, въ этотъ моментъ имѣя въ своемъ правомъ флангѣ редутъ № 2-й, занятый Охотцами, а въ лѣвомъ батарею (нанесенную на наши карты подъ именемъ редута № 1-го), еще бывшую въ рукахъ у Англичанъ, но не имѣвшую уже возможности дѣйствовать по Якутцамъ, закрытымъ неровною мѣстностію. Преслѣдуя опрокинутыхъ Англичанъ, Якутцы очутились въ тылу у этой батареи и бросились было на нее, но встрѣченные сильнымъ батальнымъ огнемъ человѣкъ 400 бывшихъ на этой батареѣ Кольдстримовъ и уже сильно разстроенные столкновеніемъ съ частію Англичанъ, лишь только ими опрокинутою, Якутцы

не рѣшились штурмовать батарею и ограничились перестрѣлкою съ ея гарнизономъ, который, пользуясь этимъ благополучнымъ для себя обстоятельствомъ, отступилъ съ батареи, гуськомъ пробираясь по гребню оврага, одушевленный примѣромъ своихъ офицеровъ, рѣшившихся на этотъ отважный поступокъ, какъ на единственный счастливый исходъ, возможный еще для нихъ, изъ столь критическаго положенія.

Видя бѣгство Англичанъ, Якутцы, подкрѣпленные присоединившимися къ нимъ, въ значительномъ числѣ, солдатами другихъ разстроенныхъ полковъ, бросились на батарею и послѣ недолговременнаго, хотя упорнаго сопротивленія не успѣвшихъ спастись Кольдстримовъ, овладѣли батареею и ея защитниками, изъ которыхъ не многіе остались въ живыхъ. *)

Якутцы и Охотцы на батареяхъ, занятыхъ ими, терпѣли ужасную убыль въ людяхъ отъ артиллерійскаго и штуцернаго огня свѣжихъ англійскихъ силъ, подоспѣвшихъ на этотъ пунктъ, которыми наши были вскорѣ выбиты какъ изъ той, такъ и изъ другой батареи **); но подоспѣвшіе Селенгинцы подкрѣпили Якутцевъ; къ нимъ же присоединились остатки Охотцевъ, и редутъ № 1-го опять остался за нами, и опять Англичане были отброшены ***). Водворясь на редутѣ, наши продолжали нести на немъ сильную потерю въ людяхъ и потому двинулись впередъ, потѣснивъ Англичанъ, какъ вдругъ наши солдаты начали кричать: „Турки, Турки заходятъ во флангъ!“ Дѣйствительно въ дыму и пыли боя показались красныя фески, но это были не Турки, а Зуавы.

Съ неимовѣрнымъ увлеченіемъ бросились на нашихъ два передовые баталіона бригады Бурбаке; встрѣтившій ихъ батальный огонь остановилъ

---

*) Подробности этого дѣла, независимо отъ моихъ личныхъ наблюденій, разсказаны мнѣ многими изъ моихъ товарищей и однимъ изъ главнѣйшихъ дѣйствователей того дня въ нашемъ отрядѣ, нашимъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ Генеральнаго Штаба, штабсъ-капитаномъ Черняевымъ (Михаилъ Григорьевичъ нынѣ столь извѣстный). Онъ велъ Охотскій полкъ, кому же какъ не ему лучше знать, куда пошелъ Охотскій полкъ и при какихъ обстоятельствахъ, кого онъ атаковалъ и что изъ этого произошло?

Историки Инкерманскаго дѣла разсказываютъ событіе, мною переданное, совершенно иначе,—съ ними согласна реляція, или правильнѣе, ихъ разсказъ согласенъ съ реляціями. Историки говорятъ, что редутъ *№ 1-го* взятъ Охотцами, отнятъ Англичанами и опять взятъ Якутцами. Редутъ *№ 2-го* (на два орудія), вторичное взятіе котораго послѣ отнятія его Англичанами у полковъ 10-й дивизіи, мы приписываемъ собственно Охотцамъ, историки отдаютъ вообще полкамъ нашего отряда, которые будто бы послѣ этого ворвались еще на одну батарею и также, какъ полки отряда Соймонова, добрались до англійскаго лагеря.

Мой разсказъ подтверждается самымъ описаніемъ сраженія, сдѣланнымъ генераломъ Даненбергомъ и представленнымъ по командѣ (пятый моментъ боя): тамъ очень ясно говорится, что редутъ № 2-го взятъ Охотцами.

**) Въ этотъ моментъ Англичане думали отрѣзать отступленіе нашимъ и, увлеченные личнымъ примѣромъ генерала Каткарта, устремились на перерѣзъ нашимъ, но очутились между Якутцами и Селенгинцами. Каткартъ хотѣлъ пробиться, но встрѣтилъ крѣпкій отпоръ и палъ прострѣленный пулею и пробитый штыками. „Такъ погибъ,—говоритъ Guerin (Ibidem, стр. 382),—другъ и воспитанникъ Веллингтона и знаменитый побѣдитель Кафровъ!“ Полковникъ Сеймуръ соскочилъ съ лошади, чтобы поднять генерала, но упалъ раненый на его тѣло.

***) При этомъ убито 12 англійскихъ офицеровъ и раненъ въ руку генералъ Бентинкъ (Bentinck).

ихъ не надолго, *). Произошла страшная ошибка холоднымъ оружіемъ, бой длился нѣсколько только мгновеній, но Французы были совершенно разбиты и отброшены.

Однако нашъ отрядъ былъ предоставленъ собственнымъ, потрясеннымъ уже силамъ; французская артиллерія уже поражала нашихъ, наши резервы всѣ введены уже были въ дѣло, тогда какъ главныя силы Французовъ только стремились на поле битвы. Вскорѣ эти свѣжія силы непріятеля подоспѣли, и бой закипѣлъ съ удвоенною яростію. Менѣе разстроенные баталіоны Якутцевъ и Селенгинцевъ съ примкнувшими къ нимъ солдатами другихъ полковъ, преимущественно Охотскаго, дружно встрѣтили Французовъ батальнымъ огнемъ, потомъ—штыками..... и опрокинули ихъ.

Казалось, побѣда была совершенно за нами, но Французы вновь построились и опять на насъ бросились, однако наши еще въ третій разъ не только устояли, даже опрокинули Французовъ.

Впрочемъ торжество нашихъ было непродолжительно: отброшенные, но подкрѣпленные безпрестанно прибывавшими свѣжими силами, Французы еще разъ перешли въ наступленіе и восторжествовали **) надъ нашими измученными, разстроенными баталіонами ***).

Въ это время всѣ наши войска были введены въ дѣло, исключая двухъ полковъ, которые берегли для крайняго случая; наши войска были разстроены, смѣшаны, лишены множества начальниковъ; наша артиллерія дѣйствовала сильно, неутомимо и губительно для врага, правда, но потеря прислуги была такъ велика, что корпусный командиръ замѣнилъ уже нѣкоторыя батареи другими; притомъ вообще должно замѣтить, что наша артиллерія не могла успѣшно и безъ огромныхъ жертвъ состязаться съ непріительскою несравненно бо́льшаго калибра... Тутъ, въ разгарѣ боя, показалась нѣсколько устроенная часть Екатеринбургскаго полка. Генералъ Павловъ приказалъ ей немедленно аттаковать бывшаго передъ нами непріятеля, несмотря на видимое его превосходство въ силахъ, думая тѣмъ удержать его натискъ и дать время собраться къ болѣе угрожаемому пункту растроеннымъ частямъ нашихъ отрядовъ. Полковникъ Уважновъ-Александровъ хотѣлъ что-то говорить, но генералъ Павловъ повторилъ приказаніе... Александровъ бросился съ пол-

*) Огонь нашихъ баталіоновъ остановилъ пылкую атаку Французовъ, въ этомъ согласны англійскіе историки битвы (Bruce, Hamley), но Французы увѣряютъ, что ихъ солдаты остановились отнюдь не предъ опасностью, а изъ желанія построиться и собраться. Французы также отвергаютъ справедливость разсказа Англичанъ, будто генералъ Пеннефатеръ вынужденъ былъ броситься къ нимъ и воодушевить ихъ, послѣ чего они уже устремились на насъ.

**) При первой встрѣчѣ съ Боске, лордъ Раглань, протянувъ ему руку, сказалъ: „Генералъ, вмѣсто моей единственной руки, я бы желалъ имѣть четыре, чтобъ вамъ протянуть ихъ всѣ вдругъ!“ (Базанкуръ: „Cinq mois“ и пр., стр. 156).

***) Французскіе офицеры даютъ понять своими описаніями дѣла 24 октября, что ихъ войска если и отступали при встрѣчахъ съ нами, то это отнюдь не было слѣдствіемъ нашего надъ ними перевѣса, но что, дѣйствуя такимъ образомъ, они только маневрировали съ изумительнымъ присутствіемъ духа ихъ начальниковъ и въ величайшемъ порядкѣ. У Дю-Касса приведенъ по этому случаю отзывъ какого-то офицера, какъ говоритъ этотъ писатель, достойнаго особаго уваженія (примѣч. 1, стр. 191. Ibidem).

комъ впередъ, но тотчасъ упалъ пробитый пулею и чрезъ нѣсколько минутъ этотъ полкъ также пришелъ въ замѣшательство, какъ и всѣ другіе *), послѣ упорнаго боя овладѣвъ было нѣсколькими непріятельскими орудіями.

Всѣ наши войска, какія только были на высотѣ Сапунъ-горы, у гребня роковаго оврага, близъ батарей, занятыхъ было Охотцами, Селенгинцами, Якутцами, всѣ силились, воодушевляемые отчаянною отвагою генерала Даненберга и генерала Павлова, удержать ярый напоръ непріятеля; но всѣ усилія ихъ были тщетны: всѣ они были опрокинуты частію въ оврагъ, частію на старую дорогу. Едва показавшійся въ бою на этомъ пунктѣ Владимірскій полкъ былъ посланъ генераломъ Павловымъ занять лѣвую возвышенность, господствовавшую надъ мѣстностію, что нѣсколько удержало дальнѣйшій натискъ непріятеля. Наша артиллерія оставалась безъ прикрытія, но продолжала дѣйствовать,—ей велѣно отступить въ Севастополь. Лишь только началось ея движеніе, Французы устремились на нее. Но тутъ подполковникъ Тотлебенъ вóвремя прикрылъ ее баталіономъ саперъ, вскорѣ подкрѣпленныхъ остатками Бутырцевъ, а потомъ Екатеринбургцами. Артиллерія поступила весьма рѣшительно: она остановилась и одною батареею открыла огонь по Французамъ,—они не рѣшились наступать далѣе, и артиллерія была спасена, а непріятелю не досталось ни одного нашего орудія **).

---

*) Guerin („Guere de Russie". T. I, стр. 376) разсказываетъ, что два баталіона Екатеринбургскаго полка, встрѣтя въ общей свалкѣ батарею Тоусенда (Townsend) дивизіи Каткарта, бросились стремительно на эти орудія и отняли четыре, но 88-й Англійскій полкъ (полковникъ Джефрейсъ, Jeffreys) и 77-й полкъ (полковникъ Эгертонъ, Egerton) взяли ихъ обратно и обратили на вынужденныхъ отступить Екатеринбургцевъ.

**) Странно: откуда почерпнулъ г. Аничковъ матеріалы для описанія послѣднихъ моментовъ Инкерманскаго боя?

Якутскій и Селенгинскій полки отнюдь не прикрывали отступленіе артиллеріи чрезъ Инкерманскій мостъ. Она, вопервыхъ, чрезъ этотъ мостъ и не отступала, а пошла прямо въ городъ по Саперной дорогѣ; а вовторыхъ, Якутскій и Селенгинскій полки были совершенно разстроены и опрокинуты Французами въ каменоломную балку, откуда и вышли прямо на Инкерманскій мостъ, какъ мною было выше разсказано; слѣдовательно эти полки не могли прикрывать отступленіе артиллеріи, шедшей другою съ ними дорогою. Гораздо обстоятельнѣе передаетъ подробности этого событія Шильдеръ въ своей „Біографіи Тотлебена" (стр. 363 и далѣе). По его разсказу, составляющему повтореніе описанія этого подвига, помѣщеннаго самимъ Тотлебеномъ въ его „Описаніе обороны Севастополя" (ч. I, стр. 450—451), та часть бывшей въ Инкерманскомъ дѣлѣ артиллеріи, которая отступила прямо въ Серастополь, по Саперной дорогѣ, была остановлена подбитыми непріятелемъ нашими повозками и осталась въ виду непріятеля безо всякаго прикрытія вслѣдствіе чего непріятельскіе стрѣлки двинулись чтобы захватить орудія. По счастію, обстоятельство это было во время усмотрѣно полковникомъ Тотлебеномъ. Онъ тотчасъ остановилъ ближайшую къ этому пункту роту Углицкаго полка, разсыпалъ ее въ цѣпь и прикрылъ орудія, въ слѣдъ за симъ приведя бывшій неподалеку Бутырскій полкъ, завязалъ ружейную перестрѣлку съ непріятелемъ, которая, подкрѣпленная огнемъ ставшихъ на позицію 4-хъ орудій, остановили его наступленіе. Послѣ этого, по увѣдомленію Тотлебена, прибѣжали изъ Севастополя 4-й и 6-й саперные баталіоны и матросы 36-го и 39-го флотскихъ экипажей, почти на рукахъ утащившіе артиллерію въ Севастополь.

Подполковникъ А. Розинъ, въ „Очеркахъ изъ Крымской войны" (Рукописи о Севастопольской оборонѣ, ч. II, стр. 232), честь спасенія артиллеріи въ Инкерманскомъ сраженіи приписываетъ Владимірскому полку, будто бы дѣйствовавшему по приказанію князя Меньшикова, но Тотлебенъ свое показаніе, сдѣланное въ „Описаніи обороны Севастополя", подтвердилъ нѣкотораго рода формальнымъ дознаніемъ, на которое указываетъ Шильдеръ,

Правда, очень трудно разсказать систематически дѣло 24 октября, потому что послѣ разгара боя въ немъ не было никакой системы *).

Все это дѣло было хаосомъ, въ которомъ носились смерть и гибель; о порядкѣ не было и помину. Въ моментъ сраженія никто не могъ знать и понимать, что гдѣ дѣлается? потому что все и вездѣ дѣлалось преимущественно подъ вліяніемъ случая: видятъ батарею — бросаются и стараются взять, не разсуждая, нужно ли брать ее, стоитъ ли брать и что изъ этого произойдетъ; видятъ непріятеля и — или стрѣляютъ въ него, или бросаются на него, или отступаютъ, не подумавъ, что именно нужнѣе для счастливаго исхода общаго-то дѣла: наступать, стоять и отбиваться, или отступать поспѣшно на извѣстный пунктъ?

Если же въ реляціяхъ и описаніяхъ этого сраженія еще видна нѣкоторая стройность, то ею мы должны быть обязаны господамъ составителямъ реляцій и описателямъ битвы, умѣвшимъ привесть это сраженіе въ порядокъ и систему, по крайней мѣрѣ на бумагѣ.

Въ административномъ отношеніи это сраженіе тоже не представляло большаго порядка. Мой разсказъ передалъ нѣкоторыя тому доказательства, но вотъ еще нѣсколько для примѣра.

Нельзя оспоривать, что въ битвѣ одна изъ важнѣйшихъ обязанностей главныхъ начальниковъ, если возможно, устроить перевязочный пунктъ и приготовить раненымъ всѣ средства спасенія жизни своевременно поданною медицинскою помощію. Въ день Инкерманскаго сраженія перевязочный пунктъ нашего отряда былъ сперва назначенъ версты полторы не доходя инкерманскаго моста у фонтана, въ ущельѣ, по которому мы шли въ дѣло. Но по-

---

на 363 стр. „Біографіи“. Подробное объясненіе этого случая Шильдеромъ вѣроятно заимствовано у (Богдановича „Восточная война 1853 и 56 годовъ“, т. III, стр. 147 и далѣе), съ тою разницею, что Шильдеръ всю честь дѣла приписываетъ четыремъ баталіонамъ Бутырцевъ, а Богдановичъ говоритъ объ одномъ баталіонѣ Бутырцевъ и двухъ баталіонахъ Владимірскаго полка, ссылаясь на вышеуказанную статью Розина. Этотъ же случай контръ-адмираломъ Стеценко, какъ его очевидцемъ, передается въ иномъ видѣ, въ его „Воспоминаніямъ и разсужденіяхъ“ (Рукописи о Севаст. оборонѣ. Т. I, стр. 250—251). Онъ говоритъ, что князь Меньшиковъ приказалъ найденному имъ при спускѣ Саперной дороги въ Кивенъ-балку какому-то полку разсыпаться и прикрыть артиллерію. Стеценко говоритъ, что полкъ этого приказанія не исполнилъ, „но Тотлебенъ, замѣтивъ это, послалъ тотчасъ съ поля сраженія къ адмиралу Истомину на бастіонъ записку о присылкѣ войскъ для прикрытія этой артиллеріи; вслѣдствіе того П. В. Воеводскій послалъ съ двумя баталіонами матросовъ для перетаски и спуска орудій, у которыхъ были подбиты лошади и лафеты, и этою помощью, а равно при сильномъ огнѣ пароходовъ, артиллерію спасли“.

*) Базанкуръ (L'Expédition и пр.) весьма вѣрно обрисовалъ характеръ Инкерманскаго дѣла. Мы повторимъ здѣсь его описаніе (Ibidem, т. II, стр. 76—77):

„Въ этомъ сраженіи не могло проявиться стратегическихъ соображеній, тутъ не было возможности полководцу, бросивъ одинъ взглядъ на дѣло, создать планъ маневра, который измѣнилъ бы ходъ всего сраженія и привлекъ бы на свою сторону побѣду, еще парящую между двумя врагами, не зная къ кому склониться. Здѣсь увлеченіе, сила, храбрость остаются побѣдителями. Это штурмъ, ужасный, безконечный — возобновляющійся штурмъ, подобный волнамъ прибоя, то отбѣгающимъ, то набѣгающимъ на берегъ. Пространство, на которомъ кипитъ бой, обширно, неровно, мѣстность безконечно волниста; пользуясь этимъ, безпрестанно являются въ сраженіи новыя густыя колонны противниковъ. Эта суматоха, происходившая болѣе семи часовъ, выше всякихъ описаній: примѣры истиннаго геройства, ужасная борьба грудь съ грудью, всѣ проявленія мужества, отчаянныя атаки въ ущеліяхъ, въ трущобахъ — вотъ Инкерманъ!“

томъ сообразивъ, что многіе могутъ умереть отъ потери крови, пока дойдутъ или будутъ донесены до перевязочнаго пункта, — отдали приказаніе устроить перевязку *пройдя мостъ*. Тутъ направо, у самой бухты, ущелье образовало небольшую долину, закрытую утесами отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Тутъ можно было устроить перевязочный пунктъ со всѣми удобствами, тѣмъ болѣе, что тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ, была и пристань: перевязанныхъ сейчасъ же можно было отправлять на судахъ въ Севастополь и на Сѣверную. Правда, иногда и на эту площадку скатывалось ядро, во время дѣла, рикошетируя съ высотъ, но подобные случаи не могли быть очень опасны. Началось дѣло. Смотримъ: перевязочный пунктъ сами доктора открыли, не доходя инкерманскаго моста. Ни флага не выкинуто, для обозначенія этого важнаго мѣста, ни столовъ, не только деревянныхъ не привезено для ампутацій, но даже не вырыли земляныхъ; даже ни одного походнаго стула не оказалось, на который можно было бы посадить ампутируемаго; большую часть операцій доктора должны были дѣлать раненымъ стоявшимъ, лежавшимъ,—либо посадивъ ихъ на туры или фашины, снятые съ полуфурковъ, тутъ же стоявшихъ, въ ожиданіи переѣзда на ту сторону.

Раненые запрудили собою мостъ и гать, отъ него ведущую: множество этихъ, едва бредущихъ людей, остановило движеніе артиллеріи по мосту; многіе, истекая кровью и не имѣя силъ идти дальше, легли тутъ же на мосту, или на гати; зарядные ящики не могли ѣхать; на мосту произошла и суета и суматоха, какихъ вообразить себѣ невозможно; говорятъ, двухъ раненыхъ раздавили артиллеріею; лошади начали биться, напуганныя толпами кричащаго и стенящаго народа, между которыми должны были пробираться; нѣсколько орудій и зарядныхъ ящиковъ лошади понесли, насилу могли ихъ остановить; одно орудіе, такимъ образомъ, наскочило на баталіонъ проходившихъ въ то время по мосту Селенгинцевъ и помяло нѣсколько солдатъ; капитану Казачинскому орудіе переѣхало обѣ ноги, его отнесли на перевязочный пунктъ.

Ничего бы этого не произошло, еслибы перевязочный пунктъ былъ на южномъ берегу бухты, какъ выше сказано, на площадкѣ у пристани: раненые получили бы скорѣйшую помощь; скорѣе были бы успокоены; на мосту и на гати не было бы запруды народомъ и тѣ, которые выносили и выводили раненыхъ, несравненно скорѣе возвращались бы къ своимъ мѣстамъ.

Между тѣмъ на нашемъ правомъ флангѣ генералъ Тимоѳеевъ отважно и лихо исполнилъ свое дѣло.

Въ 10 часовъ утра, подъ покровительствомъ еще не разсѣявшагося въ той мѣстности тумана, когда у насъ совершенно уже разгорѣлся бой, генералъ Тимоѳеевъ выступилъ изъ 6-го бастіона съ Минскимъ полкомъ и артиллеріею, сбилъ траншейный караулъ, взялъ и заклепалъ 15 орудій; разрушилъ у непріятеля все, что могъ, и началъ отступленіе въ городъ, когда Французы и Турки бросились на помощь атакованному пункту.

Отважный генералъ де-Лурмель на челѣ своей бригады ринулся на Минцевъ, но попалъ подъ огонь нашихъ крѣпостныхъ верковъ и погибъ самъ, понеся огромную потерю въ людяхъ.

Вылазка Тимоѳеева отвлекла непріятельскія силы отъ поля инкерманской битвы и уменьшила дурныя для насъ послѣдствія оной, которыя безъ атаки Тимоѳеева могли бы сдѣлаться еще хуже, чѣмъ были въ этотъ день.

Чоргунскій отрядъ былъ менѣе счастливъ, если не сказать—менѣе рѣшителенъ. Онъ не достигъ своей цѣли и, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, даже и не пытался овладѣть *однимъ изъ всходовъ на Сапунъ-гору*, что вмѣнялось ему въ исключительную обязанность диспозиціею главнокомандующаго, чѣмъ единственно онъ и могъ бы удержать Французовъ въ своей позиціи и не допустить ихъ помочь Англичанамъ, которые окончательно и неминуемо погибли бы подъ нашими ударами; тогда мы, очистивъ отъ непріятеля атакованное нами пространство, успѣли бы соорудить на немъ батареи и, по всей вѣроятности, удержали бы за собой позицію.

Генералъ Липранди, кажется, ошибается говоря въ своемъ донесеніи командовавшему сухопутными войсками въ Крыму князю Петру Дмитріевичу Горчакову (25 октября за № 3174), что *„наступленіе его дивизіи* (по-нашему правильнѣе было бы выразиться: маневрированіе съ артиллерійскимъ огнемъ) *достигло вполнѣ желаемой цѣли: непріятель вывелъ всѣ свои войска въ ружье и не могъ отдѣлить ничего къ Севастополю!“* Напротивъ, фактически доказывается, что Боске, видя нерѣшительность дѣйствій Чоргунскаго отряда, понялъ, что его маневрированіе только демонстрація, и сейчасъ же послалъ на помощь Англичанамъ *всѣ свои войска*, оставшись противъ Липранди съ одною только бригадою *).

Исчислять ли здѣсь наши потери? По долгу лѣтописца, я считаю это

*) Впослѣдствіи мы увидѣли отзывы объ этомъ дѣлѣ самихъ Французовъ. Они говорятъ: „Циркумвалаціонныя работы, противъ которыхъ стоялъ отрядъ князя Горчакова, были гораздо серіознѣе, чѣмъ укрѣпленія позиціи противъ развалинъ Инкермана; но эти работы по своей обширности нуждались въ большомъ числѣ войскъ для ихъ защиты, чѣмъ ихъ было тамъ въ этотъ день. Еслибъ дивизія Липранди, поддержанная большимъ числомъ кавалеріи и конной артиллеріи, въ значительномъ числѣ имѣвшихся у Русскихъ, ударила бы не только на стоявшій предъ нею редутъ, а на всю линію укрѣпленій Кадыкіоя, то дивизія Боске, которая обрушилась на Даненберга, должна была бы выручать линію кадыкіойскихъ укрѣпленій, и Даненбергъ имѣлъ бы дѣло съ одними Англичанами, которые были слабѣе Русскихъ. Еслибъ атака со стороны Кадыкіоя удалась Русскимъ, а Боске, несмотря на эту удачу, все-таки двинулся бы на Даненберга, то Липранди, взявъ кадыкіойскую линію, могъ ринуться всѣми своими силами съ кавалеріею въ тылъ союзникамъ; тогда Инкерманскій бой имѣлъ бы совершенно другіе результаты“.

Не забудемъ, что въ Чоргунскомъ отрядѣ было *25.000* человѣкъ, въ томъ числѣ 58 эскадроновъ кавалеріи и 100 орудій.

Вотъ еще отзывы объ этомъ же предметѣ: „Еслибъ генералъ Липранди рѣшительнѣе атаковалъ Балаклаву и тѣмъ не далъ понять Французамъ, что ему поручено сдѣлать противъ нихъ только диверсію, онъ сильнѣе бы поддержалъ генерала Даненберга и далъ бы ему полный перевѣсъ надъ непріятелемъ“ (Базанкуръ, т. II, ibidem). „Войска князя Горчакова вмѣсто того, чтобъ продолжать наступательное движеніе, вскорѣ остановились и открыли огонь на разстояніи 2.000 метровъ (около 1,000 саженъ) отъ нашихъ укрѣпленій, которыя слабо имъ отвѣчали, не имѣя возможности ни поражать непріятеля, ни принимать удары“ (Du Casse, ibidem, стр. 183).

своею обязанностію, а потому привожу въ примѣчаніи *) вѣдомость погиб-

*) ВѢДОМОСТЬ

о числѣ воинскихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя 24 октября 1854 года, въ отрядѣ генерала Даненберга.

Званіе войскъ.	Убитыхъ.				Раненыхъ.				Безъ вѣсти пропавшихъ.				Всего.			
	Штабъ-офиц.	Оберъ-офиц.	Нижнихъ чин.	Итого.	Штабъ-офиц.	Оберъ-офиц.	Нижнихъ чин.	Итого.	Штабъ-офиц.	Оберъ-офиц.	Нижнихъ чин.	Итого.	Штабъ-офиц.	Оберъ-офиц.	Нижнихъ чин.	Итого.
Корпуснаго штаба.	—	—	—	—	1	4	—	5	—	—	—	—	—	—	—	5
10-й пѣхотной дивизіи.																
Полкъ. Екатеринбург.	1	4	227	232	5	12	579	596	—	—	262	262	6	19	1068	1090
Полкъ. Томскаго. . .	1	5	281	287	2	14	731	747	—	—	63	63	3	13	1075	1097
Полкъ. Колыванскаго	—	2	69	71	4	11	630	645	—	—	188	188	4	16	887	904
11-й пѣхотной дивизіи.																
Полкъ. Селенгинскаго	—	3	243	246	2	9	549	560	—	1	47	48	2	13	839	854
Полкъ. Якутскаго . .	2	3	415	420	3	14	685	702	—	1	87	88	5	18	1187	1210
Полкъ. Охотскаго . .	—	6	989	995	3	38	778	819	—	2	114	116	3	46	1881	1930
Полкъ. Камчатскаго..	—	—	2	2	—	1	29	30	2	—	11	13	2	1	42	45
16-й пѣхотной дивизіи.																
Полкъ. Владимірскаго	—	2	66	68	1	6	141	148	—	—	112	112	1	8	319	328
Полкъ. Суздальскаго..	—	—	13	13	1	5	105	111	—	—	8	8	1	5	126	132
Полкъ. Углицкаго. . .	—	1	31	32	2	17	304	323	—	—	20	20	2	18	355	357
17-й пѣхотной дивизіи.																
Полкъ. Бутырскаго. .	1	2	248	251	—	11	273	284	—	—	—	—	1	13	521	535
Полкъ. Бородинскаго.	1	2	37	40	4	10	490	504	—	—	326	326	5	12	853	870
Полкъ. Тарутинскаго.	—	4	227	231	2	14	379	395	—	2	347	345	2	20	951	973
2 роты 4 стрѣлковаго батальона. .	—	—	8	8	—	—	50	50	—	—	6	6	—	—	64	64
4 сапернаго батальона.	—	—	4	4	—	2	5	7	—	—	—	—	—	2	9	11
6 стрѣлковаго батальона.	—	—	5	5	—	2	36	38	—	—	3	—	—	2	44	46
10 артил. бригады.	—	—	34	34	3	5	116	124	—	—	—	—	3	5	150	158
11 „ „	—	—	5	5	1	2	59	62	—	—	—	—	1	2	64	67
16 „ „	—	—	5	5	1	1	30	32	—	—	2		1	1	37	39
Донской резервн. батареи № 4. .	—	—	—	—	—	—	3	3	—	—	—	—	—	—	3	3
Донскаго казачьяго № 40 полка .	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	2	2
Донскаго казачьяго № 60 полка.	—	1	—	—	—	—	3	3	—	—	—	—2	—	1	3	4
Итого.	6	35	2909	2950	35	178	5977	6190	2	6	1594	1602	43	219	10480	10742

Примѣчаніе: *1*) Ручаюсь за вѣрность цифръ, показанныхъ только въ 11-й дивизіи, въ которой, по должности старшаго адъютанта, я былъ обязанъ вести правильный счетъ людямъ. Впрочемъ цифры, въ настоящей вѣдомости показанныя, и думаю, должны быть вѣрнѣе другихъ.

Примѣчаніе: *2*) Изъ числа показанныхъ у насъ безъ вѣсти пропавшими большинство было убито, небольшая часть взята въ плѣнъ, а остальные въ числѣ раненыхъ отправлены въ госпитали, больше всего въ нѣмецкія колоніи на излѣченіе, безъ именныхъ билетовъ или другихъ письменныхъ свѣдѣній; впослѣдствіи они воротились къ своимъ полкамъ, также какъ и многіе изъ числа показанныхъ убитыми и исключенными изъ полковъ, а въ самомъ дѣлѣ вовсе не бывшихъ убитыми, а находившимися за тяжкими ранами въ госпиталяхъ (см. приложеніе I).

Для сравненія посмотримъ, какъ исчисляютъ свои и наши потери этого дня иностранные писатели, а также и наши историки этой битвы.

Г. Аничковъ считаетъ потерю: убит. ранен. безъ вѣс. проп. итого

Нашу . . .	2969	5791	„	„	8760
Французовъ.	„	„	„	„	2000
Англичанъ .	632	1878	„	„	2510
Итого потеря союзниковъ:			„	„	4510

Дю-Кассъ считаетъ потерю нашу до 10.000, въ томъ числѣ, онъ говоритъ, 4560 тѣлъ нашихъ солдатъ было зарыто на другой день союзниками; поднято 900 раненыхъ и 250 плѣнныхъ отправлено изъ Крыма на пароходѣ „Вулканъ".

Потерю Французовъ.	1680
„ Англичанъ.	3000
По дю-Кассу потеря союзниковъ всего . .	4680

Эти цифры повторяетъ Guerin (Ibidem, т. I, стр. 403).

Изъ числа выбывшихъ изъ строя Англичанъ считаются убитыми 3 генерала (генералъ-лейтенантъ Каткартъ, бригадные генералы: Странгвейсъ и Гольди) и 38 офицеровъ (въ томъ числѣ члены парламента полковники Блеръ и Пакенгамъ), ранены 6 генераловъ (въ томъ числѣ: Сиръ Джонъ Броунъ, Адамсъ, Бентингъ, Буллеръ, Кодрингтонъ, Торренсъ) и 96 офицеровъ (въ числѣ коихъ полковники Макинокъ, Свини, Сеймуръ и Гамбіеръ, кромѣ того состоявшій при лордѣ Раглапѣ графъ Вико).

Въ этой битвѣ погибъ цвѣтъ англійской молодежи. Юный герцогъ Кембриджскій нѣсколько разъ восклицалъ послѣ сраженія: «они погибли, мои друзья, мои братья по оружію! всѣ, съ кѣмъ я жилъ»! Жатва, въ такомъ изобиліи собранная смертію вокругъ герцога, такъ потрясла его впечатлительную душу, что онъ черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ Лондонъ.

У Французовъ убиты: командиръ 6-го линейнаго полка; баталіонные командиры: Шиневріе, Героль де-Бризи, генералъ де-Лурмель Ранены: главнокомандующій генералъ Канроберъ; въ 19-мъ линейномъ полку изъ 19 офицеровъ ранено 15; смертельно раненъ пулею въ грудь, отчего и умеръ на полѣ сраженія, полковникъ дю-Кама.

Вообще цифры дѣйствительныхъ потерь союзниковъ доселѣ остаются не опредѣленными, и останутся таковыми, доколѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Геренъ, не будутъ обнародованы *рукописныя* реляція этой битвы, которыя обыкновенно не бываютъ похожи на печатныя реляціи.

Ненавистники Россіи даже при вопляхъ смерти ежедневныхъ битвъ не могутъ оставить своихъ желчныхъ на насъ сплетней и приписываютъ намъ разныя варварскія дѣйствія. Такъ, между прочимъ, распустили слухъ, что мы добиваемъ раненыхъ, и что полковникъ дю-Кама такимъ именно образомъ лишился жизни. Но рыцарскія понятія французскихъ офицеровъ слишкомъ извѣстны, чтобы намъ подозрѣвать кого-либо изъ ихъ военныхъ людей въ изобрѣтеніи подобныхъ клеветъ: конечно, это дѣло журнальныхъ корреспондентовъ, слетѣвшихся къ арміи, какъ стадо воронъ, чтобы подбирать объѣдки кровавой трапезы Марса и питать ими себя и свои жадные журналы. Напротивъ сами, французскіе офицеры возвысили голосъ, чтобъ опровергнуть низкую клевету, на насъ взведенную. Этому опроверженію далъ мѣсто на страницахъ своего интереснаго труда баронъ де-Базанкуръ: онъ приводитъ (L' Expedition и пр. въ примѣчаніи на стр. 69 т. II) выписку изъ письма брата Дю-Кама (22 декабря н. с. 1854 г.). Вотъ его слова: «полковникъ Кама пробитъ ружейною пулею въ нижней лѣвой части груди. Сержантъ, съ помощью товарища, поднялъ его и протащилъ около 30 шаговъ; Кама, который, казалось, не страдалъ, но много потерялъ крови, велѣлъ себя оставить, зная, что ему неминуемо предстоитъ умереть немедленно... Лежа на землѣ, теряя сознаніе, онъ рукою шарилъ вокругъ себя, повторяя: отцовскую шпагу! отцовскую шпагу!» Въ приливахъ и отливахъ сражавшихся колоннъ Русскіе овла-

дѣли мѣстностію, на которой лежалъ Кама. Впослѣдствіи его нашли на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставили мертвымъ, но это ложь, чтобъ онъ былъ *добитъ* штыкомъ, или ударомъ приклада Русскихъ. Мнѣ объ этомъ говорили прежде, чѣмъ я отыскалъ это тѣло; но когда я осмотрѣлъ его, на немъ не было другихъ боевыхъ знаковъ, кромѣ его смертельной, сквозной, огнестрѣльной раны!»

По словамъ Rousset (Idem, ч. I, стр. 394), Англичане тоже жаловались, что ихъ раненые были добиваемы нашими на поляхъ сраженій; даже утверждали, что одинъ командиръ батальона, грекъ по происхожденію, побуждалъ къ тому своихъ солдатъ, самъ показывая имъ примѣръ дѣйствіемъ.

Очевидно, что эта легенда относится къ маіору нашего Охотскяго полка Ангелову, взятому въ плѣнъ на полѣ Инкерманскаго сраженія, вслѣдствіе полученной имъ въ дѣлѣ тяжкой раны. О лихомъ штабъ-офицерѣ мы говоримъ подробнѣе въ приложеніи № V, къ настоящимъ запискамъ, а между тѣмъ не можемъ умолчать, что разсказы о томъ, будто Русскіе добиваютъ раненыхъ, изъ области сплетень не замедлили перейти въ офиціальныя объясненія между главнокомандующими воюющихъ армій; такъ союзные главнокомандующіе, 7 ноября н. с., написали князю Меньшикову:

Генералъ.

Мы вынуждены обратить ваше негодованіе на гнусныя дѣйствія, безпримѣрныя въ войнахъ нашего времени, которымъ мы отказывались вѣрить, несмотря на убѣжденія очевидцевъ, но которыхъ печальная дѣйствительность нынѣ подтверждается неоспоримыми доказательствами.

Русскіе солдаты добиваютъ оружіемъ нашихъ раненыхъ офицеровъ и солдатъ, остающихся послѣ рукопашнаго съ ними боя, на полѣ сраженія.

Такимъ образомъ, въ то время когда мы раненымъ арміи вашего превосходительства, какъ на полѣ битвы, такъ и въ госпиталяхъ, подаемъ ту же помощь, что и своимъ солдатамъ, наши раненые не могутъ расчитывать найти у васъ необходимое призрѣніе.

Въ воюющихъ арміяхъ частные случаи жестокости трудно предусмотрѣть и предотвратить. Мы не знаемъ имѣли, ли такіе случаи мѣсто, какъ исключенія, въ англійской и французской арміяхъ, но вашему превосходительству извѣстно, что съ нашей стороны подобныхъ дѣйствій ждать и опасаться нечего, и что наши солдаты ни въ какомъ случаѣ не допустятъ себя до подобныхъ крайностей, которыя придали бы этой войнѣ ужасный характеръ и которыя нарушали бы, въ одно и тоже время, законы и военные и христіанскіе. Великая семья европейскаго цивилизованнаго міра, освѣдомясь о подобныхъ дѣйствіяхъ арміи, перестала бы считать ее своею.

Мы глубоко убѣждены, что ваше превосходительство проникнуты такими же чувствами, что вы узнаете объ этихъ дѣйствіяхъ съ тѣмъ же тяжелымъ чувствомъ, какое удручаетъ и насъ, и что вы примете необходимыя мѣры, чтобы положить предѣлъ этимъ ужасамъ, продолженіе которыхъ, несмотря на признанныя доблести русскихъ офицеровъ, омрачитъ честь ихъ знаменъ.

Мы заключаемъ, выражая соболѣзнованіе, что русская армія, ни разу послѣ происходившихъ битвъ не просила перемирія для уборки тѣлъ своихъ солдатъ. Такая просьба была бы охотно удовлетворена и избавила бы союзныя армія отъ тяжелой обязанности, которую, сообразно съ естественными побужденіями, свято соблюдаемыми и на войнѣ, предстояло бы выполнять русской арміи.

Подписали: Лордъ Раглань. Генералъ Канроберъ.

На это письмо послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ князя Меньшикова, отъ 9 ноября (н. с.):

Господа главнокомандующіе.

Хотя до меня еще не доходили извѣстія о дѣлахъ подобныхъ тѣмъ, на которыя вы указываете, но я допускаю возможность единичныхъ случаевъ, когда солдатъ, въ увлеченіи и въ пылу битвы, можетъ совершить жестокость.

Если о подобныхъ фактахъ можно глубоко сожалѣть, то въ то же время не могу скрыть, что разграбленіе Херсонскаго храма, этой древней святыни,—разграбленіе, свидѣтелями котораго были наши солдаты съ севастопольскихъ бастіоновъ,—произвело тягостное впечатлѣніе на религіозное чувство людей, привыкшихъ чтить предметы поклоненія, какъ великую святыню и въ своихъ хижинахъ и въ церквахъ; отпоръ народа нерѣдко принимаетъ свирѣпый характеръ, вызванный дѣйствіями противника.

Но чтобы какой-либо единичный случай могъ имѣть слѣдствіемъ формальное обвиненіе главнокомандующими всей Императорской арміи, я допустить не могу и возвращаю таковое безъ разбирательства и безъ оправданій тѣмъ, кому угодно было его возбудить.

Извѣстныя всѣмъ уже совершившіяся событія этой войны на Сѣверѣ, какъ и на Югѣ, даютъ мнѣ право говорить такимъ образомъ: беззащитный врагъ есть и всегда будетъ подъ защитой Русскаго знамени.

Что же касается до обязанности хоронить убитыхъ, а также до ухода за ранеными,

шимъ и пострадавшимъ воинскимъ чинамъ, 24 октября, собственно въ войскахъ, дѣйствовавшихъ подъ начальствомъ генерала Даненберга. Потеря въ Чоргунскомъ отрядѣ была самая ничтожная, но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробныхъ объ оной свѣдѣній, равно и о томъ, сколько потерялъ Тимоѳеевъ во время вылазки.

Что касается до потерь, понесенныхъ въ этотъ день союзниками, то таковыя должны быть немаловажны, иначе они, ясно видя наше разстройство послѣ Инкерманскаго сраженія, не оставили бы насъ въ покоѣ, а непремѣнно сдѣлали бы на насъ наступленіе. Впрочемъ, впослѣдствіи, мы изъ оффиціальныхъ донесеній самихъ союзниковъ будемъ видѣть приблизительную цифру ихъ дѣйствительной потери, которой, конечно, не раньше повѣримъ, какъ подвергнувъ строгой исторической критикѣ.

26 октября, Биваkъ на Бельбекскихъ высотахъ *).

Очень хорошо понимаю, что мой порывчатый разсказъ о сраженіи 24 октября не удовлетворитъ читателя, не создастъ, не возстановитъ въ его воображеніи полной картины этого дѣла, не разъяснитъ многихъ темныхъ мѣстъ, которыя будутъ встрѣчены читателемъ у другихъ разсказчиковъ того же событія; но я и не берусь писать критическій разборъ дѣла, не пишу его исторіи; я только считаю своимъ долгомъ передать публикѣ разсказъ о томъ, чего въ этотъ день я былъ личнымъ свидѣтелемъ, а равно разсказы, переданные мнѣ моими товарищами—очевидцами дѣла.

Нынѣ, когда у насъ въ отрядѣ сдѣлалась извѣстною реляція о сраженіи 24 октября, мы могли бы повторить разсказъ объ этой битвѣ, построивъ его на основаніяхъ, высказанныхъ въ реляціи, составленной руководителемъ боя, единственнымъ лицомъ, имѣвшимъ возможность видѣть, гдѣ что въ день этого сраженія дѣлалось? и долженствовавшимъ знать: почему, гдѣ и что дѣлалось? но этотъ разсказъ будетъ повторенъ и безъ насъ историками этой достопамятной битвы, наше же дѣло высказать, съ чѣмъ мы не можемъ согласиться? и почему именно не можемъ?

Да простятъ смѣлость моего выраженія: считаю несправедливостію исключительное обвиненіе генерала Соймонова въ неуспѣхѣ дѣла 24 Октября.

Тѣнь героя, своею кровью запечатлѣвшаго всегда доблестную службу

оставленными на полѣ сраженія, то такая обязанность всегда лежала на тѣхъ, за кѣмъ осталось это поле.

Послѣ дѣлъ 13—25 этого мѣсяца (октября) Русскій солдатъ предавалъ землѣ павшія жертвы и въ настоящее время поступитъ такъ же, въ случаѣ если онѣ будутъ брошены и если союзныя войска этому не воспрепятствуютъ.

Князь Меньшиковъ.

Marechal: Laguerre de Crimée. Paris. 1888, стр. 207—209.

*) Бельбекъ,—село на берегу рѣчки того же имени, Кабарга-Су, вытекаетъ изъ Сѣверныхъ склоновъ Яйлы и имѣетъ отъ истока до устья 60 верстъ. Долина, по которой пробѣгаетъ эта рѣчка, сплошь покрыта садами и виноградниками числомъ болѣе семисотъ. Въ верховьяхъ рѣчка идетъ по ущельямъ, изъ коихъ главное,—Каралезское, съ развалинами замка Мангупа.—*Емисьевъ.*

свою отечеству, омрачена несправедливо и вопіетъ о защитѣ во имя истины и воинской чести.

Начало реляціи генерала Даненберга говоритъ, что генералу Соймонову было *предписано*: до разсвѣта 24 Октября начать наступательное движеніе, упираясь лѣвымъ флангомъ о лѣвой берегъ Киленъ-балки, дабы таковымъ ударомъ на лѣвый флангъ англійской арміи, одновременнымъ съ ударомъ Павлова на правый флангъ, развлечь непріятельскія сила. Между тѣмъ диспозиціею генерала Даненберга, разосланною намъ 23 октября вечеромъ, было приказано отряду Соймонова прикрывать переходъ нашего отряда черезъ Черную рѣчку,—слѣдовательно, ему надлежало *перейти* Киленъ-балку, ибо *прикрывать переправу черезъ инкерманскій мостъ, находясь и дѣйствуя на лѣвомъ берегу означеннаго оврага,—невозможно.* Нашему отряду этою диспозиціею предписывалось составить резервъ Соймонова, которымъ, по выдвиженіи войскъ на высоту Сапунъ-горы, предоставлялъ себѣ распоряжаться генералъ Даненбергъ *).

Таковая диспозиція въ основаніяхъ своихъ совершенно была согласна съ диспозиціею, представленною генераломъ Соймоновымъ **), въ которой онъ очень ясно приказываетъ своему отряду *перейти Киленъ-балку* (въ пунктѣ 1-мъ диспозиціи) и потомъ указываетъ, какъ эти войска должны поступать *по переходѣ* чрезъ Киленъ-балку (§ 2 диспозиціи).

Получивъ диспозиціи отъ генераловъ Павлова и Соймонова генералъ Даненбергъ нашелся въ необходимости измѣнить планъ нападенія и атаковать Англичанъ не по первому предположенію на одномъ пунктѣ послѣдовательно всѣми силами (какъ значилось въ его первой диспозиціи), а одновременно на двухъ пунктахъ, по обѣимъ сторонамъ Киленъ-балки. Вслѣдствіе этого генералъ Даненбергъ измѣнилъ направленіе движенія Павлова, о чемъ и донесъ главнокомандующему рапортомъ, здѣсь въ копіи прилагаемымъ за № 1522 ***), и далъ предписаніе Соймонову за № 1521, тоже

*) Число нашихъ войскъ, участвовавшихъ въ Инкерманскомъ сраженіи, у г. Аничкова (Ibidem, на стр. 67) и въ „Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ (статья „Инкерманъ“) показано вѣрно; только пропущены штуцерники Камчатскаго полка, бывшіе въ дѣлѣ подъ командою подпоручика Модль (раненаго при этомъ въ ногу), въ числѣ 102 человѣкъ.

Составъ нашей собственно дивизіи, при вступленіи въ это дѣло, былъ слѣдующій:

	Генераловъ.	Шт.- и оберъ-офиц.	Нижн. чин.	Итого.
Въ штабѣ дивизіи	1	5	4	10
„ Селенгинскомъ полку .	1	52	3.197	3.250
„ Якутскомъ полку . . .	—	52	3.223	3.275
„ Охотскомъ полку . . .	—	54	3.182	3.236
„ Камчатскомъ полку . .	—	4	102	106
Всего	2	167	9.708	9.877

**) Диспозиція эта приведена нами выше.

***) *Копія съ рапорта командира 4 пѣхотнаго корпуса, генералъ-отъ-инфантеріи Даненберга, главнокомандующему военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму, генералъ-адъютанту князю Меньшикову, 23 октября 1854 года, за № 1522.*

„Спѣшу донести Вашей Свѣтлости, что я нашелъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ диспозиціи, которую генералъ-лейтенантъ Павловъ сообщилъ мнѣ, по слѣдующимъ уваженіямъ: глубокій и продолжительный оврагъ, называемый Киленъ-балка, ра-

въ копіи при семъ прилагаемымъ. Это предписаніе, какъ видно, какъ бы уже основано на убѣжденіи, что отрядъ Соймонова будетъ дѣйствовать *не переходя* Киленъ-балки, *на лѣвомъ* ея берегу. Но было ли дано генераломъ Даненбергомъ (кромѣ предписанія за № 1521) Соймонову предписаніе, чтобъ онъ, въ отмѣну первой диспозиціи генерала Даненберга и собственной диспозиціи его, генерала Соймонова (представленной по начальству и прямо главнокомандующему), дѣйствовалъ уже не на основаніяхъ, изложенныхъ въ тѣхъ диспозиціяхъ, а другимъ, вновь указаннымъ, порядкомъ, намъ неизвѣстно *).

Говорятъ, что таковаго предписанія генераломъ Соймоновымъ, или новой диспозиціи вовсе не было получено, что всѣ письменныя распоряже-

---

зобщаетъ первоначальное наше наступленіе съ генераломъ Соймоновымъ; оврагъ сей удобопроходимъ по дорогѣ, недавно устроенной, который ведетъ только на путь дѣйствія правой колонны, чрезъ что мы были бы лишены возможности дѣйствовать по обѣимъ сторонамъ Киленъ-балки, что мнѣ кажется необходимымъ; кромѣ того какъ мѣстность вверхъ по правому берегу Киленъ-балки довольно затруднительна, а также силы непріятельскія и ихъ расположеніе намъ неизвѣстны положительнымъ образомъ; дороги, ведущія отъ переправы столь узкія, что всякое обратное движеніе, при какомъ-либо непредвидѣнномъ случаѣ, могло бы быть сопряжено съ крайнимъ затрудненіемъ и потерею времени.

„По сему поводу я сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: генералъ-лейтенанту Павлову я приказалъ привести войска его колонны къ 5 часамъ пополуночи въ слѣдующемъ порядкѣ: Охотскій егерскій полкъ, двѣ роты 4-го стрѣлковаго баталіона, Бородинскій, Тарутинскій егерскіе полки, 8 батарейныхъ орудій 17 артиллерійской бригады и Селенгинскій пѣхотный полкъ, за коимъ будутъ слѣдовать прочія батареи, составляющія артиллерійскій резервъ. Съ прибытіемъ сихъ войскъ къ переправѣ, отправляются 100 охотниковъ изъ штуцерныхъ на баркасѣ для прикрытія устройства моста, и вмѣстѣ съ тѣмъ переходитъ чрезъ оный Охотскій егерскій полкъ и открываетъ себѣ путь вправо по новой Саперной дорогѣ; за нимъ слѣдуютъ двѣ роты 4-го стрѣлковаго баталіона, которыя пролагаютъ себѣ путь чрезъ двѣ балки, подкрѣпившись Бородинскимъ егерскимъ полкомъ; наконецъ Тарутинскій егерскій полкъ, послѣ переправы, идетъ влѣво по старой почтовой дорогѣ; егерскіе полки, дошедшіе до вершины горы и очистивъ дороги, по которымъ будетъ удобнѣе идти артиллеріи, останавливаются и обезпечиваютъ движеніе прочихъ войскъ. Дальнѣйшій ходъ дѣла укажутъ обстоятельства. Еслибы 12 баталіоновъ егерей встрѣтили непріятеля въ превосходныхъ силахъ, чего однако же не предвидится, то они спускаются къ бухтѣ, а высоты нагорнаго берега будутъ обстрѣливаемы съ пароходовъ „Херсонесъ“ и „Владиміръ“, если послѣдній будетъ придвинутъ на сей случай. Мнѣ кажется также, что колонна генералъ-лейтенанта Соймонова подвергается дѣйствію англійскихъ осадныхъ батарей въ началѣ своего движенія, и потому я предложилъ генералъ-лейтенанту Соймонову начать свое дѣйствіе часомъ ранѣе“.

Копія съ предписанія генерала-отъ-инфантеріи Даненберга генералъ-лейтенанту Соймонову, отъ 23 октября, за № 1521.

Какъ при наступленіи колоннъ вверхъ по лѣвому берегу Киленъ-балки оныя подвергаются дѣйствію англійскихъ осадныхъ батарей, пока Вы не поровняетесь съ ними на одной высотѣ, то я полагаю полезнымъ начать движеніе Ваше отъ Малахова кургана часомъ ранѣе назначеннаго времени, т.-е. въ 5 часовъ, дабы миновать опасную для движенія мѣстность до разсвѣта; полагаю также полезнымъ имѣть за правымъ флангомъ Вашимъ главный резервъ ввѣренныхъ Вамъ войскъ, ибо лѣвый флангъ ихъ будетъ совершенно обезпеченъ оврагомъ Киленъ-балки и содѣйствіемъ войскъ, которыя переправятся черезъ Черную рѣчку.

*) Въ приведенной г. Аничковымъ („Военно-историческіе очерки Крымской экспедиціи“, ч. I, стр. 71) второй диспозиціи генерала Даненберга, при указаніи, какъ поступать отряду Соймонова, сказано: *„войскамъ симъ направиться вверхъ по лѣвой сторонѣ Киленъ-балки“*, а большихъ разъясненій не сдѣлано, и на какую часть непріятеля наступать и какъ дѣйствовать одной части войска относительно другой, ничего не сказано,—предполагалось, видно, все это указать на мѣстѣ.

Этой *второй* диспозиціи генерала Даненберга мы, т.-е. колонна Павлова, не получали, а получилъ ли ее Соймоновъ—мы не знаемъ.

нія генерала Даненберга относительно извѣщенія Соймонова о послѣдовавшемъ измѣненіи диспозиціи ограничились посылкою вышеозначеннаго предписанія за № 1521, и что Соймоновъ дѣйствовалъ на основаніяхъ *своей* и *первой* диспозиціи корпуснаго командира, считая ихъ окончательно признанными. Что же касается до предписанія за № 1521, которое своимъ противорѣчіемъ первой диспозиціи генерала Даненберга могло остановить Соймонова приведеніемъ въ исполненіе этой диспозиціи въ ея первоначальномъ видѣ, то говорятъ, что Соймоновъ получилъ это предписаніе не только уже спустившись съ своимъ отрядомъ въ Киленъ-балку, но даже тогда, какъ передовыя части его отряда начали взбираться на правый ея берегъ. Соймоновъ счелъ уже невозможнымъ воротить весь отрядъ и начать движеніе къ другому пункту, боясь, преждевременно открывъ свои намѣренія непріятелю, помѣшать успѣху дѣла, и потому рѣшился продолжать переходъ черезъ Киленъ-балку *). Другіе говорятъ, что вторая диспозиція была по-

*) Генералъ Богдановичъ въ трудѣ своемъ „Восточная война 1853—56 годовъ“ (Спб. 1876. Т. III, стр. 135), въ нѣкоторое оправданіе *„явнаго нарушенія дисциплины“* генераломъ Соймоновымъ, выразившагося неисполненіемъ приказанія корпуснаго командира: не переходить Киленъ-балки, а дѣйствовать на ея лѣвомъ берегу, указываетъ на *„несвоевременное полученіе* генераломъ Соймоновымъ *предписанія, измѣнявшаго прежній планъ дѣйствій“*. „И дѣйствительно,—продолжаетъ военный исторіографъ,—это предписаніе было получено Соймоновымъ уже тогда, когда большая часть его отряда перешла черезъ Киленъ-балку и когда обратный переходъ черезъ оврагъ подвергалъ его опасности быть атакованнымъ, не успѣвъ совершить обратнаго движенія“.

Очевидно, тутъ какое-то недоразумѣніе. О какомъ *предписаніи* говоритъ генералъ Богдановичъ? Если о приведенномъ у насъ за № 1521, то мы уже замѣтили, что намекъ сдѣланный въ этомъ предписаніи словами: „какъ при наступленіи колонны вверхъ по лѣвому берегу Киленъ-балки“ и далѣе, что „лѣвый флангъ его резерва будетъ обезпеченъ оврагомъ Киленъ-балки“,—едва ли можно признать за категорическое указаніе мѣстности, на которой генералъ Соймоновъ долженъ былъ дѣйствовать. Но если и признать это предписаніе дѣйствительно, тѣмъ, отступивъ отъ котораго Соймоновъ *нарушилъ дисциплину*, что повело за собою потерю сраженія, то нельзя оправдывать Соймонова въ неисполненіи этого приказанія позднимъ его полученіемъ. Надлежитъ имѣть въ виду, что хотя я и помѣстилъ въ текстѣ своихъ „Записокъ“ (изд. 1, т. II, стр. 92) слухъ о позднемъ полученіи Соймоновымъ этого предписанія, а именно, когда съ отрядомъ своимъ онъ уже спустился въ Киленъ-балку, но за достовѣрность этого слуха я не ручался, а между тѣмъ адъютантъ генерала Даненберга—Чаплинскій (Воспоминанія. Сборникъ рукописей о Севастопольской оборонѣ и пр., т. II, стр. 90) разсказываетъ, что онъ пакетъ съ означеннымъ предписаніемъ за № 1521 вручилъ Соймонову около 8 часовъ, послѣ чего генералъ Соймоновъ еще отправился съ генераломъ Баумгартеномъ къ начальнику Севастопольскаго гарнизона генералу Моллеру, затѣмъ чтобы передать ему о распоряженіяхъ, полученныхъ на завтра, и потомъ, возвратившись домой около $9^1/_2$ часовъ вечера, сѣлъ ужинать съ собравшимися къ нему командирами частей его отряда.

Необходимо замѣтить при этомъ, что изъ словъ того же Чаплинскаго (Ibidem, стр. 88) видно, что генералъ Даненбергъ, получивъ диспозивію князя Меньшикова въ 5 часовъ вечера, въ 6 часовъ того же вечера уже отправилъ генералу Соймонову, съ Чаплинскимъ, вышеупомянутое предписаніе за № 1521, слѣдовательно можно полагать—никакой другой своей диспозиціи, вѣроятно даже такой, какую онъ прислалъ въ нашу дивизію (если только г. Чаплинскому не измѣнила память при составленіи его разсказа), генералъ Даненбергъ Соймонову не посылалъ и диспозиціи, въ силу распоряженія главнокомандующаго, составленной Соймоновымъ, онъ категорически не измѣнялъ, какъ измѣнилъ диспозиціи генерала Павлова, кромѣ указанія выступленія отряда Соймонова, часомъ раньше порвоначально назначеннаго времени, иначе генералъ Даненбергъ о таковомъ существенномъ измѣненіи упомянулъ бы въ донесеніи своемъ Свѣтлѣйшему за № 1522 (т.-е. написанномъ послѣ составленія предписанія Соймонову), если онъ о несущественныхъ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ диспозиціи составленной генераломъ Павловымъ, нашелъ необходимымъ подробно донести главнокомандующему.

слана генераломъ Даненбергомъ Соймонову и что ее-то онъ и получилъ, войдя въ Киленъ-балку и начавъ подыматься изъ оной. Говорятъ, что офицеръ, везшій Соймонову распоряженіе Даненберга объ измѣненіи первоначальнаго плана дѣйствія, за дождемъ, грязью, ночною темнотою и по случаю переправы черезъ бухту въ бурную ночь, не успѣлъ вовремя выполнить возложеннаго на него порученія; но кто этотъ офицеръ и дѣйствительно ли такое распоряженіе было послано Соймонову—намъ неизвѣстно.

Еслибы генералъ Соймоновъ получилъ распоряженіе во-время объ измѣненіи всего первоначально даннаго плана атаки, осмѣлился ли бы онъ ослушаться даннаго ему предписанія и не выполнить того, что ему было ясно приказано?...

Но допустимъ, что Соймоновъ получилъ новый планъ наступательныхъ дѣйствій во-время; допустимъ, что въ суматохѣ приготовленія къ большому сраженію, въ позднюю ночь, онъ не обратилъ вниманія (дѣло почти невозможное) на терминологію въ названіи береговъ балки и правый ея берегъ счелъ лѣвымъ, опредѣляя названіе береговъ, какъ будто поднимаясь вверхъ по оврагу и считая тотъ берегъ лѣвымъ, который при такомъ подъемѣ вверхъ по оврагу будетъ въ лѣвой рукѣ.

Тогда рождается вопросъ: приняты ли были со стороны дававшихъ новую диспозицію всѣ мѣры къ устраненію подобнаго недоразумѣнія при ея выполненіи? Было ли въ новой диспозиціи отряду Соймонова сказано хоть бы такъ, напримѣръ: „въ отмѣну первоначальнаго плана, даннаго для дѣйствій вашему отряду, предписывается вамъ Киленъ-балку не переходить, а идти по ея лѣвому берегу, т.-е. по тому, на которомъ вы находитесь, такъ чтобы между отрядомъ Павлова и вами оставалась эта балка. Далѣе, вамъ дѣйствовать на одной высотѣ съ отрядомъ Павлова, причемъ имѣть въ виду, что вамъ съ Павловымъ предстоитъ ударить на различные пункты англійской позиціи, а не на одинъ и тотъ же пунктъ послѣдовательно, какъ было первоначально приказано“. Можно быть убѣждену, что такого положительнаго приказанія Соймоновъ не получилъ, а еслибъ получилъ, то, повторяю, этотъ опытный и пунктуальный генералъ не осмѣлился бы его не исполнить.

Дубровинъ въ своемъ „Обзорѣ“ даетъ такой тонъ дѣлу, что Соймоновъ зналъ что ему предстоитъ наступать по *лѣвому* берегу Киленъ-балки, а если и наступалъ по *правому*, то вслѣдствіе ошибки происшедшей отъ совершеннаго незнанія мѣстности.

Можно еще предположить, что дѣло было и такъ:

Поздно получивъ диспозицію главнокомандующаго (въ 6 часовъ вечера), генералъ Даненбергъ, найдя необходимымъ написать свою диспозицію и имѣя въ виду, что на составленіе ея потребуется нѣкоторое, довольно продолжительное время и невозможность ея скораго доставленія Соймонову, такъ какъ было совершенно темно, шелъ дождь, глинистый путь до Севастополя растворился, предстояло проѣхать до Севастополя 14 верстъ и ночью переправиться черезъ бухту, побоялся опоздать съ передачей распоряженія Соймонову и ограничился посылкою ему несовершенно яснаго предписанія за № 1521. Можетъ-быть послѣ этого предписанія, когда была изготовлена диспозиція, которая была тутъ же передана генералу Павлову, таковая же и была послана генералу Соймонову, объ ней-то можетъ-быть и говорятъ, что она застала генерала Соймонова уже переходящимъ Киленъ-балку.

Если же еще не выяснено, получилъ ли Соймоновъ положительное приказаніе, отмѣняющее первую диспозицію, то какимъ же образомъ рѣшились произнести положительный приговоръ его памяти? Безъ суда и слѣдствія никто да не накажется, гласятъ мудрые законы. а между тѣмъ доблестный покойникъ жестоко наказанъ безъ слѣдствія и суда!

Ничей еще не возвысился голосъ для разъясненія темныхъ сторонъ этого вопроса; никто изъ приближенныхъ Соймонова, изъ офицеровъ генеральнаго штаба въ его вѣдѣніи находившихся, не вступился доселѣ за своего бывшаго начальника и не взялся разъясненіемъ дѣла или совершенно снять съ его памяти незаслуженную укоризну, или хоть нѣсколько облегчить тяжесть обвиненія, на него возлагаемаго *). Странно!... Къ тому же мы должны бы имѣть въ виду, что, обвиняя въ неуспѣхѣ сраженія 24 октября опрометчивость Соймонова, мы унижаемъ себя въ глазахъ европейскихъ полководцевъ. Военачальникъ можетъ ошибаться: по милости ошибокъ противника чаще всего и выигрываются сраженія; но можно ли, говоря безъ шутокъ, сдѣлать такую ошибку, въ какой обвиняютъ Соймонова? Ему говорятъ: иди по лѣвому берегу балки, а онъ ошибается, принимаетъ правую руку за лѣвую и идетъ по правому берегу!

Не правильнѣе ли будетъ обвинить въ неуспѣхѣ этого отлично задуманнаго дѣла не Соймонова собственно, а стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ? Исчислимъ нѣкоторыя:

Если Соймоновъ и получилъ вторую диспозицію генерала Даненберга, или предписаніе его, отмѣнявшее первую диспозицію, то получилъ несвоевременно, по причинамъ, ни отъ кого исключительно не зависѣвшимъ.

Ударивъ и разбивъ Англичанъ, Соймоновъ не былъ подкрѣпленъ на-

---

*) Историкъ Инкерманской битвы, г. Аничковъ, не потрудился обратить должнаго вниманія на этотъ сложный и печальный вопросъ. Г. Аничковъ воспользовался торопливыми донесеніями, писанными, такъ-сказать, при звукахъ едва замолкавшихъ выстрѣловъ.

Но историкъ, начиная строить свои разсказы и выводы на фактахъ, не долженъ ли подвергнуть ихъ строгой исторической критикѣ? Между тѣмъ г. Аничковъ поступилъ не такъ, и тѣмъ болѣе поступилъ неправильно, что внесъ свою торопливую статью въ „Военно-Энциклопедическій Лексиконъ“.

Ссылаясь, какъ на фактъ (стр. 80, „Очерки“, часть I, примѣчаніе) на фразу предписанія генерала Даненберга за № 1521, гдѣ говорится, что *„львый фланъ его* (Соймонова) *отряда будетъ совершенно обезпеченъ Киленъ-балкою“*, почему г. Аничковъ не сослался на подлинныя слова второй диспозиціи генерала Даненберга (данной въ отмѣну первой, если только она была), гдѣ говорится, чтобы генералъ Соймоновъ не переходилъ уже Киленъ-балки, а дѣйствовалъ на ея лѣвомъ берегу? Такое указаніе могло бы служить болѣе положительнымъ свидѣтельствомъ противъ Соймонова, чѣмъ указаніе *на намекъ* только сдѣланный въ предписаніи за № 1521, указывающемъ, какъ должно дѣйствовать Соймонову на томъ пунктѣ, который уже назначенъ ему театромъ боя. Этотъ *намекъ* вполнѣ понимался бы и могъ быть тогда только приложимъ къ дѣлу, когда бы уже было сдѣлано предварительное подробное распоряженіе въ отмѣну первой диспозиціи, и положительно было бы сказано *не переходить* балки; мы думаемъ, что въ настоящемъ случаѣ г. Аничкову надлежало ссылаться на самое распоряженіе генерала Даненберга не переходить балки, какъ на краеугольный камень дѣйствія, а не указывать на намекъ, не имѣвшій смысла безъ предварительнаго распоряженія, послужившаго ему основаніемъ.

Таковая ссылка заставляетъ думать, что при составленіи описанія Инкерманскаго дѣла г. Аничковъ не былъ убѣжденъ, что *вторая* диспозиція генерала Даненберга, которая ясно бы указывала Соймонову путь наступленія на англійскую позицію по *львому* берегу Киленъ-балки, была имъ получена *вовремя*.

шимъ отрядомъ своевременно, по милости моста, насъ задержавшаго,—по милости глинистой почвы, размокшей въ предшествовавшія событію сутки и теперь затруднившей подъемъ и до крайности измучившей людей: вслѣдствіе чего, когда нашъ отрядъ поднялся на гору, Соймоновъ былъ уже разбитъ.

Чоргунскій отрядъ не вполнѣ развилъ предположеніе главнокомандующаго и не удержалъ передъ собою Французовъ, рѣшившихъ сраженіе.

Корпусному командиру было физически невозможно на такой пересѣченной мѣстности, на какой происходилъ бой, видѣть все происходившее, чтобъ имѣть возможность, если уже по обстоятельствамъ, въ самомъ началѣ дѣла планъ дѣйствій оказался неисполнимымъ, тутъ же создать, развить и осуществить другой, новый планъ, сообразный съ обстоятельствами. Получить полное понятіе о положеніи дѣла, о пунктахъ нахожденія нашихъ и непріятельскихъ войскъ отъ адъютантовъ и ординарцевъ корпусный командиръ также не могъ, потому что частные начальники, отъ которыхъ слѣдовало адъютантамъ взять свѣдѣнія, не зная мѣстности и не имѣя карты оной, не могли дать никакихъ положительныхъ отвѣтовъ; притомъ главный дѣйствователь Соймоновъ, отъ котораго наиболѣе можно было ожидать свѣдѣній, былъ смертельно раненъ въ началѣ дѣла!

Еще нѣсколько словъ по поводу обвиненій, взводимыхъ на генерала Соймонова. Реляція будто укоряетъ его, что онъ *„съ разсвѣтомъ, не выждавъ появленія лѣвой колонны, быстро двинулся впередъ“*. Но не самъ ли корпусный командиръ предписалъ Соймонову (№ 1521) идти часомъ раньше противъ предназначеннаго времени, а именно въ 5 часовъ утра? Вотъ слова предписанія: *начать движеніе ваше отъ Малахова кургана часомъ ранѣе назначеннаго времени, т.-е. въ 5 часовъ, дабы миновать опасную для движенія мѣстность до разсвѣта* *). Слѣдовательно, еслибъ онъ этого не исполнилъ и не пошелъ въ 5 часовъ, то ему это обстоятельство было бы поставлено въ вину, какъ теперь ставятъ въ вину переходъ черезъ Киленъ-балку. Между тѣмъ, прошу покорно сообразить: начавъ движеніе, по приказанію начальства, въ пять часовъ и ничего не зная, что нашъ отрядъ не могъ еще поспѣть на свое мѣсто,—могъ ли Соймоновъ, явясь въ виду непріятельскихъ войскъ, остановиться и ждать приказанія дѣйствовать, или извѣстія о готовности къ бою нашего отряда и о переходѣ его черезъ мостъ? Развѣ Англичане не сосредоточили бы своихъ войскъ къ угрожаемому пункту, не приготовились бы къ бою, не дали бы знать Французамъ о предстоящей атакѣ нашей? Развѣ не сказали бы потомъ, что Соймоновъ упустилъ мо-

*) Г. Аничковъ упустилъ это обстоятельство изъ вида и въ приведенной имъ второй диспозиціи генерала Даненберга („Очерки“. Ibidem, ч. I, стр. 71) не измѣнилъ часа, въ который Соймоновъ долженъ былъ начать движеніе, т.-е. по приведенной диспозиціи значится, что Соймоновъ долженъ начать движеніе въ *шесть* часовъ, тогда какъ по вышеприведенному предписанію, за № 1521, онъ долженъ былъ начать движеніе отъ 2 бастіона въ 5 часовъ утра. Г. Аничковъ нигдѣ не выражаетъ сомнѣнія въ своевременности полученія этого предписанія г. Соймоновымъ.

ментъ, благопріятствовавшій неожиданному нападенію на непріятеля и былъ виною потери сраженія?!

Если генералъ Даненбергъ находитъ атаку Соймонова, *по переходѣ* черезъ Киленъ-балку, все-таки преждевременною, когда отъ 2-го бастіона, пункта, съ котораго Соймоновъ началъ движеніе, до отряда Лесси Ивенса, на который онъ ударилъ, было около $2^1/_2$ верстъ и на пути отряда Соймонова лежала глубокая Киленъ-балка, которая неминуемо затруднила движеніе, причемъ дѣло началось около *шести съ половиною* часовъ утра; то не была ли бы атака еще болѣе преждевременною, еслибы генералъ Соймоновъ началъ движеніе отряда, не переходя Киленъ-балки, а слѣдовательно *по ровной мѣстности*, долженъ бы былъ пройти до Англичанъ только около $1^1/_4$ версты (до передовыхъ частей дивизіи Броуна — бригады Кондригтона), и такимъ образомъ начать дѣло уже не въ $6^1/_2$ часовъ, какъ его началъ Соймоновъ, а можетъ-быть въ $5^1/_2$? Потому что получаса достаточно для перехода менѣе полутора верстнаго разстоянія, отдѣлявшаго Соймонова отъ Англичанъ.

Повторяю: обвиненіе Соймонова въ преждевременномъ началіи атаки такъ же несправедливо, какъ и самое отнесеніе неуспѣха Инкерманскаго дѣла къ переходу Соймонова черезъ Киленъ-балку *).

---

*) Иностранные писатели, отдавая полную справедливость нашему неукротимому мужеству и отличной стойкости въ бою, съ уваженіемъ отзываются о планѣ атаки; неудачное его исполненіе приписываютъ непредвидѣнному случаю и почти ни въ чемъ не противорѣчатъ нашему разсказу о подробностяхъ этого боя. Разсказъ г. Аничкова объ Инкерманскомъ дѣлѣ („Очерки“, ч. I, и „Военно-Энциклопедическій Лексиконъ“) сдѣланъ по Базанкуру, о чемъ слѣдовало бы упомянуть г. Аничкову, тѣмъ болѣе, что большинство разсказовъ и описаній брошюры чуть ли не цѣликомъ взяты у означеннаго писателя.

Разсказъ г. Аничкова не излагаетъ всѣхъ подробностей этого дѣла и оставляетъ многое въ тѣни. Такъ, напримѣръ, онъ вскользь упоминаетъ („Очерки“, ч. I, стр. 85 и 86) о прибытіи $2^1/_2$ баталіоновъ Боске, вслѣдствіе чего наши войска, будто бы, тотчасъ должны были отступить въ Инкерманскую долину, въ первый же моментъ боя, и потомъ повторяетъ (на стр. 88) объ этой важной услугѣ, оказанной англійской арміи французскими войсками; какъ будто въ самомъ дѣлѣ *два съ половиною* баталіона бригады Бурбаке могли имѣть рѣшительное вліяніе на судьбу всего сраженія.

При этомъ г. Аничковъ оставилъ безъ вниманія показаніе не только Англичанъ, но и самихъ Французовъ, что первое слабое подкрѣпленіе, присланное генераломъ Боске, было совершенно разбито нашими войсками и слѣдовательно особеннаго вліянія на ходъ дѣла не могло имѣть. Только прибытіе впослѣдствіи значительныхъ французскихъ силъ, подъ командою самого Боске, и новыхъ батарей полевой артиллеріи, дало рѣшительный перевѣсъ французскому оружію и доставило Французамъ побѣду, которую еще долго оспаривали у нихъ храбрые полки 11-й дивизіи, исключительно почти принявъ на свою грудь тяжелые удары значительнаго отряда Французовъ.

Вѣроятно этотъ послѣдній бой полковъ 11-й дивизіи съ Французами подразумѣваетъ г. Аничковъ, когда говоритъ („Очерки“, стр. 96—97), что, при необходимости спустить артиллерію къ Инкерманскому мосту, пашлись вынужденными приказать Якутскому и Селенгинскому полкамъ *„держаться на окраинѣ обрывистыхъ высотъ, подъ ударами сильнѣйшаго непріятеля,* которые и отбили всѣ атаки Французовъ и разстроивали ихъ неоднократно, а давъ время отойти *артиллеріи за Инкерманскій* мостъ, русская пѣхота начала и совершила отступленіе въ изумительномъ порядкѣ“. Ничего подобнаго не было въ этотъ день, смѣемъ увѣрить г. Аничкова. Якутскій и Селенгинскій полки не оставались въ прикрытіи артиллеріи на окраинѣ высотъ, а дрались съ Французами жестоко и упорно; съ помощію артиллеріи опрокидывали своихъ враговъ, торжествуя надъ ними, и, въ свою очередь, были опрокинуты и сбиты съ поля прежде, чѣмъ артиллерія начала свое отступленіе.

Полковникъ Дю-Кама, командиръ Зуавскаго полка, убитъ не при защитѣ Якутскимъ

Кто можетъ намъ поручиться за исходъ, какой имѣло бы дѣло, если-бы Соймоновъ пошелъ на Англичанъ прямо въ 5 часовъ утра, какъ ему было предписано и слѣдовательно ударилъ бы на нихъ, на лѣвой сторонѣ Киленъ-балки, въ $5^1/_2$ или около 6 часовъ утра, т.-е. когда еще мы выдвигались изъ инкерманскаго ущелья къ неготовому еще мосту!?

Почему бы не могли дивизіи Броуна и Лесси Ивенса, гвардейская бригада Бентинга, 4 дивизія Каткарта (бывшая въ полуверстѣ отъ Кондригтона) и потомъ рядомъ съ нимъ стоявшая дивизія Ингланда разбить Соймонова или, по крайней мѣрѣ, привесть его въ безпорядокъ, до нашего прибытія, которыми-нибудь дивизіями, положимъ, Лесси Ивенса и Броуна? Тогда войска, одолѣвшія Соймонова, могли идти намъ во флангъ, когда мы атаковали редуты №№ 1 и 2 и прикрывавшіе ихъ полки Англичанъ! Принятые въ два огня, угрожаемые съ фланга и тыла, встрѣтившіе отпоръ еще не потрясенныхъ свѣжихъ войскъ, можетъ-быть, мы и не овладѣли бы этими укрѣпленіями. А еслибы все-таки были призваны и подоспѣли Французы, то мы все-таки были бы разбиты на голову, потому что въ нашихъ дѣйствіяхъ и ударахъ, нами нанесенныхъ Англичанамъ, также не было бы единства, какъ его не было и при атакѣ, *съ переходомъ* Соймонова *за Киленъ-балку*. Мы были бы и тогда поражены по частямъ, какъ были поражены нынѣ.

Смотря съ предубѣжденіемъ на дѣйствія Соймонова, всякій уже его шагъ кажется неправильнымъ, и потому даже точное исполненіе приказаній ставятъ ему въ вину.

Утверждаютъ также, что Соймоновъ очень хорошо понималъ изъ предписанія Даненберга, что ему приказывается сдѣлать наступленіе на Англичанъ не переходя Киленъ-балки и дѣйствовать на одной высотѣ съ отрядомъ генерала Павлова, но въ томъ-то и дѣло что онъ предпочиталъ дѣйствовать по первоначальному плану, развитіе котораго давало ему большую самостоятельность и свободу дѣйствій и представляло ему возможность безраздѣльно пожать лавры и составить себѣ громкую извѣстность одержаніемъ побѣды силой собственнаго мужества и искусства. Еще за нѣсколько дней до 24 октября, какъ-то бесѣдуя съ Черняевымъ за вечернимъ чаемъ о только-что совершившихся балаклавскихъ событіяхъ, Соймоновъ говорилъ: „Вотъ Липранди и Семякина теперь превозноситъ вся Россія (за дѣло 13 октября)! Громкой, славной побѣдой называютъ ихъ случайный успѣхъ! Я ихъ держу въ счастливомъ заблужденіи—пусть ихъ тѣшатся! Въ сущности же что они сдѣлали хорошаго? Вздоръ одинъ! Нѣтъ, вотъ еслибы подготовить посильнѣе отрядецъ, да изъ Севастополя бы, отъ Малахова бы кургана, да темной ночушкой ударить на пришельцевъ—вотъ такъ на славу бы ихъ можно было поколотить, да пожалуй и съ берега спихнуть туда, откуда пришли!“

и Селенгинскимъ полками окраины высотъ, а при первомъ ударѣ Французовъ на нашъ отрядъ. Притомъ наша артиллерія, какъ мы видѣли выше, снявшись съ позиціи, *вошла въ Севастополь*, а на Инкерманскій мостъ не отступала вовсе.

Надо полагать, что такого рода мысли были усвоены Соймоновымъ, и въ представившемся случаѣ онъ увидѣлъ возможность ихъ осуществленія... *).

Вообще, толкамъ нѣтъ конца; каждый смотритъ на происшедшее печальное событіе съ своей точки зрѣнія и на основаніи этихъ взглядовъ произноситъ обвиненіе тому или другому лицу, но общественное мнѣніе преимущественно обвиняетъ въ неуспѣхѣ Инкерманскаго дѣла — генерала Даненберга и особенно князя Меньшикова **).

---

*) Въ подтвержденіе этой мысли можно указать на разсказъ того же Чаплинскаго о своемъ прощаніи съ Соймоновымъ послѣ ужина у него 23 октября, когда Чаплинскій пообѣщалъ увидѣться съ нимъ на англійской батареѣ „Викторія“.

„— Куда вамъ!—отвѣчалъ засмѣявшись Соймоновъ,—впрочемъ приходите, мы вамъ на „Викторіи“ завтракъ устроимъ!“ т.-е., другими словами: я все дѣло обработаю еще до вашего прихода!“

**) Князя Меньшикова обвиняютъ въ этомъ дѣлѣ и нѣкоторые историки. Вотъ какъ объ этомъ вопросѣ отзывается Дубровинъ (Ibidem, стр. 291):

„Предпринимая нападеніе и назначая для того болѣе 70 баталіоновъ, князь Меньшиковъ выразилъ въ своей диспозиціи неважную цѣль потѣснить Англичанъ и устранилъ себя отъ участія въ подробностяхъ распоряженій. Онъ разбросалъ ихъ по рукамъ подчиненныхъ: Нахимову приказалъ строить мостъ, а Павлову, не знавшему, гдѣ и кѣмъ строится этотъ мостъ, наводить его; Даненбергу поручилъ командовать войсками, но въ то же время обязалъ его находиться при отрядѣ Павлова; и, наконецъ, Соймонову и Павлову поручилъ писать диспозиціи. Предоставивъ всѣмъ дѣйствовать по усмотрѣнію, главнокомандующій не оживилъ эти дѣйствія одною общею идеею, не свѣривъ отдѣльныхъ предложеній, и не придалъ имъ характера точности и опредѣленности. Войска шли въ бой, не зная куда и за чѣмъ идутъ. Они не знали ни расположенія непріятеля, ни мѣстности, на которой имъ приходилось дѣйствовать“.

Генералъ Хрущевъ въ своихъ „Запискахъ“ („Исторія обороны Севастополя“, Спб. 1889) говоритъ: „Инкерманское сраженіе вновь доказало князю Меньшикову, что онъ взялся не за свое дѣло и что трудно командовать арміею безъ хорошо устроеннаго штаба.

Главнокомандующій сложилъ всю вину на Даненберга, что доказываетъ удаленіе его изъ арміи вскорѣ послѣ Инкерманскаго сраженія. Конечно, этотъ генералъ много виноватъ въ неуспѣхѣ дѣла, ибо, принявъ на себя начальство, а слѣдовательно и отвѣтственность за послѣдствія, онъ долженъ былъ сдѣлать лично всѣ распоряженія наканунѣ боя, что не было имъ сдѣлано. И это тѣмъ болѣе непростительно Даненбергу, что мѣстность ему была совершенно неизвѣстна. Но это не слагаетъ вины съ главнокомандующаго за неуспѣхъ дѣла“.

Командированный Императоромъ Николаемъ Павловичемъ для занятія должности начальника Главнаго Штаба войскъ дѣйствовавшихъ въ Крыму, полковникъ Генеральнаго Штаба А. Е. Поповъ, разсказывая въ „Русской Старинѣ“ (мартъ 1878) о своемъ участіи въ Инкерманскомъ дѣлѣ, даетъ понять, что если дѣло это проиграно нами, то собственно благодаря невниманію главнокомандующаго и генерала Даненберга къ его указаніямъ.

Диспозицію предстоявшему сраженію, по порученію князя Меньшикова, составилъ генералъ Даненбергъ и при полковникѣ Поповѣ прочелъ ее князю, который вполнѣ ее было одобрилъ, но прежде чѣмъ передавать ее въ войска оставилъ ее на нѣсколько часовъ у себя для прочтенія, а когда, въ отсутствіе Даненберга, Поповъ отнесся къ ней критически, то князь Меньшиковъ, вполнѣ согласившись съ его замѣчаніями, поручилъ ему, Попову, составить новую диспозицію сраженія, цѣль котораго приказалъ оставить ту же, что проектировалъ генералъ Даненбергъ.

По докладѣ Поповымъ составленной имъ новой диспозиціи, князь Меньшиковъ одобрилъ и утвердилъ ее во всѣхъ частяхъ, кромѣ двухъ пунктовъ имъ измѣненныхъ, сказавъ, что прикажетъ передать ее войскамъ къ исполненію въ настоящемъ ея видѣ.

Аппробованная княземъ Меньшиковымъ диспозиція полковника Попова, между прочимъ, предписывала:

1) Колоннѣ Соймонова въ 6 часовъ утра начать наступленіе отъ Киленъ-балки, *предварительно сдѣлавъ переходъ оной.*

Сегодня главнокомандующій князь Меньшиковъ объѣхалъ наши войска. Въ солдатской шинели съ чернымъ воротникомъ и генералъ-адмиральскими

---

2) Отряду Павлова, по переходѣ Инкерманскаго моста, направить прямо на береговыя высоты застрѣльщиковъ полка, слѣдовавшаго во главѣ отряда, *за этимъ полкомъ идти всей артиллеріи отряда* и затѣмъ остальнымъ частямъ пѣхоты, которымъ, перейдя мостъ, быстро слѣдовать по Саперной дорогѣ на соединеніе съ колонною Соймонова, и

3) Отряду князя Горчакова содѣйствовать общему наступленію, отвлекая собою силы непріятеля и стараясь при этомъ овладѣть однимъ изъ всходовъ на Сапунъ-гору.

Между тѣмъ въ разосланной войскамъ диспозиціи главнокомандующаго пункты вышеприведенные, были изложены иначе, а именно:

1) Отряду Соймонова начать наступленіе отъ Киленъ-балки, въ 6 часовъ утра, предварительно сему сдѣлавъ уже выдвиженіе изъ укрѣпленій.

(Замѣтимъ, *о переходѣ* Киленъ-балки нѣтъ въ этой диспозиціи того категорическаго приказанія, какое значилось въ диспозиціи составленной Поповымъ и, по его словамъ, получившей утвержденіе главнокомандующаго.)

2) Отряду Павлова, возстановивъ Инкерманскій мостъ, быстро слѣдовать на соединеніе съ отрядомъ Соймонова.

(Опять-таки—ни о занятіи береговыхъ высотъ застрѣльщиками головнаго полка, ни о слѣдованіи черезъ мостъ артиллеріи отряда непосредственно за головнымъ полкомъ, по Саперной дорогѣ, что категорически предписывалось диспозиціей, составленной полковникомъ Поповымъ, нѣтъ ни полслова.)

Извѣстно, что Соймонову ставятъ въ вину произвольный переходъ Киленъ-балки, бывшій одною изъ главныхъ причинъ потери сраженія, но полковникъ Поповъ настаиваетъ что, дѣйствуя по диспозиціи, Соймоновъ долженъ былъ перейти Киленъ-балку, такъ какъ онъ, Поповъ, находясь все время съ Соймоновымъ, съ 2-хъ часовъ ночи на 24 октября, до полученія имъ раны, положительно знаетъ, что Соймоновъ не упоминалъ ему ни о какомъ-либо контръ-ордрѣ въ отмѣну общей диспозиціи главнокомандующаго или о полученіи какого-либо приказанія генерала Даненберга, противорѣчащаго распоряженіямъ главнокомандующаго, *да онъ бы*,—прибавляетъ полковникъ Поповъ,—*его и не послушалъ* (!?!), такъ какъ начальствованіе Даненберга начиналось только по соединеніи съ Соймоновымъ колонны Павлова. Но, повидимому, полковникъ Поповъ не прочелъ передъ началомъ движенія Соймонова *настоящей* диспозиціи главнокомандующаго, разосланной войскамъ, а то онъ увидѣлъ бы, что въ ней нѣтъ того категорическаго приказа колоннѣ Соймонова перейти Киленъ-балку, который былъ проектированъ въ диспозиціи имъ составленной, также какъ нѣтъ приказанія артиллеріи Павлова слѣдовать черезъ мостъ за головнымъ полкомъ. Поэтому, надо думать, что полковникъ Поповъ, находясь при Соймоновѣ съ 2-хъ часовъ ночи на 24 октября, безотлучно, и былъ причиною перехода отряда Соймонова черезъ Киленъ-балку, убѣдивъ его совершить таковой переходъ, помня, что въ диспозиціи имъ, Поповымъ, составленной, такой переходъ указанъ категорически и не имѣя въ виду, что онъ не предписывается дѣйствительною диспозиціею главнокомандующаго и даже отклоняется, по смыслу генерала Даненберга (за № 1551), которое полковникъ Поповъ, надо полагать, и знать не хотѣлъ!

Затѣмъ, вполнѣ обѣляя Соймонова по обвиненію въ неправильномъ переходѣ Киленъ-балки, т.-е. въ дѣйствіи признававшемся причиною потери сраженія, полковникъ Поповъ неуспѣхъ дѣла приписываетъ: 1) исключенію изъ составленной имъ, Поповымъ, и будто бы утвержденной главнокомандующимъ диспозиціи приказанія артиллеріи Павлова слѣдовать за головнымъ полкомъ черезъ мостъ, вслѣдствіе чего артиллерія, оставленная за мостомъ, не могла быть своевременно употреблена противъ непріятеля и тѣмъ лишила насъ возможности одержать надъ нимъ полное превосходство, удержавъ позиціи нами занятыя; 2) неразрѣшенію генераломъ Даненбергомъ, во время самаго сраженія, сдѣланнаго ему полковникомъ Поповымъ предложенія: наступавшей дивизіей Жабокрицкаго занять впереди лежавшія высоты, на которыхъ не имѣли силъ утвердиться взявшіе ихъ полки 10-й дивизіи, причемъ Даненбергъ приказалъ дивизіи Жабокрицкаго повернуть вправо и примкнуться флангомъ къ Киленъ-балкѣ, и, наконецъ, 3) почти полное бездѣйствіе Чоргунскаго отряда, который, дѣйствуя энергично, не допустилъ бы Французовъ помочь Англичанамъ въ самую критическую минуту.

Если и нельзя вполнѣ согласиться съ мыслью полковника Попова, проведенною во всемъ его разсказѣ объ Инкерманскомъ сраженіи, что таковое проиграно отъ того, что не слушали его, полковника Попова, ни главнокомандующій, ни генералъ Даненбергъ,—то нѣтъ сомнѣнія, что, резюмируя все написанное объ этомъ сраженіи и воскрешая въ своей памяти происходившее на нашихъ глазахъ, невольно согласишься съ полковникомъ Поповымъ, что *„неуспѣхъ нашъ произошелъ отъ дурнаго распоряженія войсками въ бою“*.... (Ibidem, стр. 515).

погонами, медленно онъ ѣхалъ по фронту, въ мрачномъ настроеніи духа, въ полголоса здороваясь съ солдатами, большею частью его видѣвшими впервые и отвѣчавшими ему тоже въ полголоса. Князь никому не сказалъ привѣтливаго слова; никому не сказалъ „спасибо“, даже тѣмъ, которые стояли тутъ же, во фронтѣ, съ обвязанными головами, съ подвязанными раненными руками... Особенно какъ-то болѣзненно сжалось сердце когда Свѣтлѣйшій, подъѣхавъ къ Селенгинскому полку, вмѣсто обычнаго въ этихъ случаяхъ начальническаго привѣта, спросилъ солдатъ: „вы отчего своихъ перестрѣляли?“ Солдаты дружно отвѣчали, что Богъ ихъ миловалъ отъ стрѣльбы по своимъ *). Передъ Якутскимъ полкомъ главнокомандующій, увидѣвъ двухъ штабъ-офицеровъ: полковника Бялаго хромающимъ и подполковника Малевскаго въ перевязкахъ, спросилъ перваго, отчего онъ хромаетъ, и втораго, гдѣ раненъ. Полковникъ Бялый **) отвѣчалъ за себя и за Малевскаго: ***) „Хромаю, ваша

*) Надо замѣтить, что со вчерашняго дня начала бродить по войску молва, будто какой-то полкъ 6-го корпуса сильно пострадалъ отъ огня одного изъ полковъ нашей или 10-й дивизіи, принявшихъ его за непріятеля, такъ какъ на солдатахъ 6-го корпуса (полковъ здѣсь находящихся) фуражки не того обыкновеннаго покроя, къ которому привыкъ нашъ солдатъ, нося ихъ всю службу и видя всю жизнь, а высокія въ видѣ *гречушника* построенныя по этому образцу, по приказанію генералъ-адъютанта Хомутова, войскамъ въ его отрядѣ находившимся, какъ предохранительное средство отъ болѣзни головы во время сильныхъ жаровъ.

На Селенгинцевъ подозрѣніе въ произведеніи пальбы *по своимъ* пало потому, вѣроятно, что баталіонъ Селенгинцевъ шелъ въ атаку по тому же пути, по которому шелъ и Тарутинскій полкъ, т.-е. по старой почтовой дорогѣ. Но надо замѣтить, что Селенгинскій полкъ пошелъ въ атаку, въ хвостѣ наступавшей колонны, тогда уже, какъ бой былъ въ полномъ разгарѣ, никакъ не раньше 9 часовъ утра. Первый баталіонъ Селенгинцевъ пошелъ на высоты въ то время, когда Тарутинскій полкъ давно уже былъ разстроенъ и не представлялъ ни одной устроенной части, которую было бы возможно *принять за непріятеля* и встрѣтить батальнымъ огнемъ. Притомъ полки 11-й дивизіи вступили въ дѣло, когда уже былъ бѣлый день и туманъ, еще лежавшій на горахъ во время разсвѣта, уже начиналъ подыматься; слѣдовательно трудно было принять своихъ за чужихъ, въ какихъ бы шапкахъ они ни были. Если такая ошибка, весьма впрочемъ естественная, и могла произойти, то въ полкахъ 10-й дивизіи, которые, также вмѣстѣ съ полками 6-го корпуса, еще до разсвѣта ударили на враговъ и, въ суматохѣ предутренняго боя, въ туманѣ могли принять какую-нибудь часть 6-го корпуса своего отряда за непріятеля. Но такое событіе едва ли было въ дѣйствительности и въ тѣхъ полкахъ, судя по направленію, въ которомъ всѣ полки атаковали непріятеля: перейдя Киленъ-балку, они всѣ бросились впередъ, а впереди всѣхъ были Томскій и Колыванскій полки; маневрированій никакихъ до разсвѣта не дѣлали, а просто дрались съ тѣми, кого встрѣтили, слѣдовательно едва ли могли имѣть несчастіе перестрѣлять своихъ. Но допустимъ, что такое печальное событіе совершилось въ дѣйствительности, то прилично ли главнокотандующему, на другой день боя объѣзжая свои полки, обагренные вражьею и своею кровью, еще такъ-сказать дымящеюся, попрекать ихъ подобнымъ событіемъ, представляющимъ собою только несчастную случайность!! Удобно ли главнокомандующему, вмѣсто того, чтобы ободрить своихъ пострадавшихъ солдатъ твердою рѣчью, вмѣсто того, чтобы поднять ихъ духъ энергическою похвалой ихъ подвиговъ, ласковымъ словомъ, сочувствіемъ къ ранамъ ими понесеннымъ, слѣды которыхъ онъ видитъ предъ собою, вмѣсто того, говорю, чтобы одушевить своихъ солдатъ и сдѣлать ихъ способными къ принятію и нанесенію новыхъ ударовъ, быть-можетъ завтра же имъ предстоящихъ,—удобно ли оскорблять солдатъ поклепами, огорчать ихъ и угнетать ихъ духъ выраженіемъ неудовольствія?!! Не по-военачальнически!

**) Леонардъ Онуфріевичъ Бялый назначенъ былъ командиромъ Якутскаго пѣхотнаго полка изъ баталіонныхъ командировъ гвардіи. За отличіе въ Инкерманскомъ сраженіи онъ произведенъ въ генералъ-майоры.

***) Андрей Константиновичъ Малевскій въ Севастополѣ былъ командиромъ Охотскаго егерскаго полка, потомъ вышелъ въ отставку генералъ-майоромъ, поступилъ опять на службу, командовалъ Гренадерскимъ Лейбъ-Екатеринославскимъ полкомъ и былъ произведенъ въ генералъ-майоры. За отличіе въ Инкерманскомъ сраженіи Малевскій былъ произведенъ въ полковники.

свѣтлость, отъ боли въ ранѣ; мы оба ранены тамъ, гдѣ отняли батарею у англійской гвардіи!“

27 октября.

Вотъ это дѣло совсѣмъ другое; вотъ такую рѣчь, такое обращеніе любитъ нашъ солдатъ! Оно его воодушевляетъ, на ноги подымаетъ; оно—его отрада, утѣшеніе, поэзія его жизни; и, право, это безотвѣтное существо стоитъ, чтобъ ему дарили иногда такія минуты!..

Солдаты бѣгутъ со всѣхъ сторонъ точно по тревогѣ. Въ бивакирующемъ отрядѣ раздается перекатный воинскій кликъ. Вотъ всѣ сгруппировались вокругъ нѣсколькихъ всадниковъ; я бросился туда же, едва успѣвъ вскочить на неосѣдланную лошадь, и издали узналъ въ этихъ всадникахъ—Великихъ Князей! Солдаты Ихъ окружали съ восторгомъ, съ умиленіемъ; всякій изъ солдатъ, видѣлъ онъ или не видѣлъ своими глазами юныхъ стратиговъ въ дыму и огнѣ 24 октября, всякій знаетъ, что эти Августѣйшіе Дѣти Великаго нашего Царя пили съ нимъ, со всякимъ изъ простыхъ солдатъ, три дни тому назадъ, одну кровавую чашу; въ теченіе цѣлаго дня ужасной борьбы дѣлили съ нимъ одну долю и вмѣстѣ съ нимъ ежеминутно были готовы предстать къ престолу Того, предъ лицемъ котораго всѣ равны—и царь и рабъ,—предстать въ лучезарной одеждѣ Христовыхъ мучениковъ, съ одинаковымъ вѣнцомъ—на брани убіенныхъ.

Поэтому-то солдаты смотрятъ на Дѣтей царскихъ какъ на своихъ братій по оружію, братій по долѣ, дѣлимой вмѣстѣ, по одинаковости судьбы, и тѣмъ и другимъ недавно грозившей. Не будь этихъ узъ, связавшихъ царскихъ Дѣтей съ каждымъ изъ нашихъ солдатъ, закаленныхъ въ одномъ съ ними огнѣ Инкерманскаго боя, солдаты не говорили бы съ Царевичами такъ смѣло, такъ откровенно, съ такимъ увлеченіемъ не разсказывали бы Имъ эпизодовъ битвы, съ какимъ они разсказываютъ теперь.

Великіе Князья щедрою рукою сыплютъ золото раненымъ, оставшимся во фронтѣ; велятъ своимъ адъютантамъ записывать всякій разсказъ, всякую подробность, всякое незначительное событіе, характеризующее бой.

Уѣзжаютъ Великіе Князья — и солдаты какъ дѣти, толпами, бѣгутъ за Ними, провожаютъ Ихъ восторженными криками, шлютъ Имъ благословенія и хвалы.

До солдатъ дошелъ уже слухъ о томъ вниманіи, о томъ попеченіи, какое Великіе Князья оказываютъ въ эти дни ихъ раненымъ собратамъ. Ежедневно посѣщая госпитали, раздавая деньги въ утѣшеніе раненымъ, ходатайствуя у главнокомандующаго о пожалованіи георгіевскихъ крестовъ многимъ, заботясь объ участи семействъ, погибшихъ въ Севастополѣ офицеровъ и солдатъ, всякому оказывая воевозможную помощь и успокоеніе, Великіе Князья, въ нѣсколько дней своего здѣсь пребыванія, заслужили имена ангеловъ-утѣшителей Крымской арміи.

Солдаты расходились толпами, каждый на свой ладъ воспѣвая Царе-

вичей, каждый находя что-нибудь сказать о Нихъ хорошаго, каждый по своему благодаря, восхваляя Ихъ.

— Что вамъ, ребята, говорили Великіе Князья?—спросилъ я одну толпу Охотцевъ.

— Благодарили, просили напредки постараться. Впередъ вызвали всѣхъ раненыхъ, сказывали: „Царь-Батюшка не забудетъ васъ"!

Въ средѣ Охотцевъ, окруженные толпою этихъ немногихъ остальныхъ отъ славнаго полка, представленныхъ Великимъ Князьямъ капитаномъ Кравченко, (сильно контуженнымъ, но оставшимся въ строю) *), который вывелъ полкъ изъ сраженія, какъ старшій, и доселѣ на томъ же основаніи имъ командуетъ—Царевичи, пробыли около получаса; они распрашивали солдатъ о подробностяхъ боя; интересовались слышать *отъ самихъ солдатъ* различныя частности и эпизоды этого дня; заставляли разсказывать многихъ о томъ участіи, какое они собственно сами принимали въ дѣлѣ.

Вотъ что изъ такихъ разсказовъ солдатъ нашей дивизіи Великимъ Князьямъ сохранилось въ моей памяти:

Подъ конецъ боя 24 октября осталось на-лицо въ ротахъ Охотскаго полка не болѣе какъ по 40 человѣкъ, а изъ офицеровъ: капитанъ Кравченко, штабсъ-капитанъ Недрыгайловъ, поручики: Токаревъ, Лыловъ, Ѳедоровъ, Лыкинъ, Крыловъ и Черкавскій; подпоручики Мольскій и Цицеронъ и прапорщикъ Рытовъ **). Изъ этихъ *десяти остальныхъ* офицеровъ полка нѣкоторые были контужены и легко ранены, что не помѣшало имъ, однако, остаться въ бою до конца онаго.

---

*) Вскорѣ послѣ этого капитанъ Кравченко умеръ скоропостижно, по мнѣнію медиковъ, отъ полученной и оставленной имъ безъ медицинскаго пользованія контузіи въ дѣлѣ 24 октября.

**) Изъ нихъ впослѣдствіи при защитѣ Севастополя прославились храбростію, командуя неоднократно охотниками на вылазкахъ съ 3 отдѣленія оборонительной линіи: поручикъ Крыловъ и прапорщикъ Рытовъ.

Ефимъ Аѳанасьевичъ Крыловъ былъ произведенъ въ офицеры въ 1853 году и во время Севастопольской защиты, оказавъ многія отличія участіемъ въ вылазкахъ изъ Севастополя, въ два года службы дослужился до чина поручика, получивъ ордена: Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", Св. Анны 3 ст., Св. Станислава 3 ст. и Св. Владиміра 4 ст., былъ представленъ за вылазку на 22 іюля къ золотому оружію (не знаю, получилъ ли таковое).

Василій Михайловичъ Рытовъ офицеромъ съ мая 1854 года, во время Севастопольской защиты за блистательное участіе въ многочисленныхъ вылазкахъ, въ годъ службы, дослужился до чина поручика и получилъ: золотую саблю съ надписью „за храбрость", Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", Св. Анны и Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ, за отличіе на вылазкѣ съ 6 на 7 іюля представленъ былъ къ ордену Св. Владиміра 4 ст.—тоже, не знаю получилъ ли?

Изъ поименованвыхъ офицеровъ: Василій Ивановичъ Недрыгайловъ вышелъ капитаномъ изъ Севастополя, за дѣло 24 октября получилъ Св. Анны 3 ст. съ бантомъ. Алексѣй Михайловичъ Токаревъ вышелъ изъ Севастополя штабсъ-капитаномъ. Никаноръ Нестеровичъ Лыловъ получилъ чинъ штабсъ-капитана за отбитіе штурма 6 іюня. Иванъ Васильевичъ Ѳедоровъ за дѣло 24 октября получилъ Св. Анны 3 ст. съ бантомъ. Павелъ Тихоновичъ Лыкинъ былъ полковымъ адъютантомъ въ дѣлѣ 24 октября и за отличіе въ ономъ получилъ Св. Анны 3 ст. съ бантомъ, также какъ Осипъ Михайловичъ Черковскій, Мартынъ Григорьевичъ Цицеронъ и Виталій Константиновичъ Мольскій, который, какъ ниже будетъ разсказано, за это же дѣло получилъ впослѣдствіи орденъ Св. Георгія 4-й степени. Изъ этого видимъ, что за дѣло 24 октября награждены всѣ офицеры Охотскаго полка, оставшіеся во фронтѣ. Что же касается раненыхъ, то тѣ награждены несомнѣнно

Знамя 1-го баталіона Охотскаго полка, при выбитіи Охотцевъ съ занятой ими батареи свѣжими силами непріятеля, едва не досталось въ руки послѣдняго. Знаменщикъ былъ убитъ и знамя осталось было на полѣ битвы, но два унтеръ-офицера: Иванъ Барабашевъ и Осипъ Игнатьевъ—бросились за нимъ, подняли и вынесли его изъ боя, присоединясь къ подоспѣвшему на этотъ пунктъ Якутскому баталіону. За этотъ подвигъ имъ сегодня прислалъ главнокомандующій исходатайствованные Великими Князьями георгіевскіе кресты.

Рядовые Якутскаго полка: Чубаревъ и Гайваненко упали отъ ранъ, безъ чувствъ, на полѣ сраженія. Холодный ночной воздухъ возвратилъ имъ сознаніе. Они лежали рядомъ и очнулись; каждый изъ нихъ съ радостію увидѣлъ, что Богъ не оставилъ его одного на полѣ смерти. Сообразивъ, что наши отступили, они ползкомъ добрались до Черной рѣчки, перешли ее въ бродъ и утромъ явились въ полкъ. Головныя ихъ раны оказались легкими и они лѣчатся при полку.

Ворвавшись на англійскую батарею, въ рукопашномъ бою, Охотскаго полка унтеръ-офицеръ Овсянниковъ, закололъ двухъ непріятельскихъ офицеровъ и тутъ же, въ разгарѣ боя, былъ окруженъ Англичанами. Успѣвъ повалить еще одного врага, Овсянниковъ прислонясь къ брустверу спиною, отбивался штыкомъ и уже изнемогалъ въ неравномъ бою, когда рядовой Яковъ Гарнинъ подскочилъ къ мѣсту драки, ударомъ приклада по затылку свалилъ Англичанина съ ногъ и въ то же мгновенье штыкомъ угодилъ въ бокъ другаго, остальные бросились бѣжать, — Овсянниковъ спасенъ.

27 октября.—Бельбекъ.

Генералъ Павловъ, сегодня за обѣдомъ, передавалъ вчерашній свой разговоръ съ генераломъ Даненбергомъ, который разсказывалъ ему, будто одною изъ главныхъ причинъ произведенной нами 24 октября атаки былъ генералъ лейтенантъ Моллеръ, начальникъ Севастопольскаго гарнизона, который увѣрилъ Князя Меньшикова, что Севастополь дольше однихъ сутокъ не можетъ держаться, если непріятельскій флангъ не будетъ отброшенъ. Убѣжденіе это главнѣйше основывалось на томъ, что Французы очень близко подвинулись къ нашимъ, въ сущности ничтожнымъ, укрѣпленіямъ, которыя устоять не могутъ, если только союзники перейдутъ въ рѣшительное наступленіе: а по всѣмъ признакамъ, утверждалъ Моллеръ, они готовы прибѣгнуть къ этой мѣрѣ.

Можетъ-быть Моллеръ и преувеличилъ опасность грозившую Севастополю, но правду надо сказать: Севастопольскія укрѣпленія вначалѣ были куда какъ плохи. Разсказываютъ, напримѣръ, за вѣрное, что чей-то *козелъ* повадился ежедневно дѣлать прогулку за городъ по одному и тому же направленію; однажды, дѣлая таковую обычную прогулку, козелъ встрѣтилъ на своемъ пути неожиданное препятствіе, загораживавшее ему дорогу,

а именно насыпь какой-то внезапно выстроенной батареи. Не долго думая, нашъ козелъ отошелъ отъ новаго укрѣпленія на приличную дистанцію, разбѣжался и... такъ хватилъ его лбомъ, что часть укрѣпленія обрушилась, открывъ козлу свободный проходъ!... Вслѣдствіе этого, утверждаютъ, Севастопольской полиціи былъ отданъ приказъ: прекратить выпускъ рогатого скота на улицы, потому что онъ разрушаетъ укрѣпленія! Значитъ надежныя укрѣпленія!! *)

28 октября.

Вчера и сегодня въ Севастополѣ реветъ канонада. То замолкнетъ, то опять загрохочетъ, повторяемая эхомъ горъ и долинъ. Говорятъ, вчера моряки дѣлали вылазку—днемъ!

Вообще про моряковъ здѣсь тысячи самыхъ лестныхъ для нихъ разсказовъ. Въ короткое время севастопольской защиты они уже составили и упрочили за собою славу, которая не померкнетъ во вѣки вѣковъ. Они дерутся какъ львы. Почти одни матросы составляютъ прислугу артиллеріи оборонительной линіи, ими самими вооруженной. Морякамъ помогаютъ и умираютъ вмѣстѣ съ ними рабочіе изъ арестантскихъ ротъ; нынѣ же стали давать имъ въ помощь пѣхотинцевъ, обученныхъ въ артиллеріи дѣйствію при орудіяхъ. Флотскіе офицеры командуютъ всѣми батареями оборонительной линіи; слѣдовательно вся защита Севастополя доселѣ, почти исключительно, лежитъ на морякахъ. Пѣхота составляетъ прикрытіе батарей, работаетъ надъ ихъ исправленіемъ и возведеніемъ новыхъ, а штуцерниковъ своихъ имѣетъ на банкетахъ и въ ложементахъ. Много моряковъ уже погибло, особенно много погибло офицеровъ; но остальные не унываютъ, про-

---

*) Свѣдѣнія о ничтожности первоначальныхъ укрѣпленій южной стороны Севастополя съ сухаго пути находятъ подтвержденіе въ горькихъ жалобахъ князя Меньшикова князю Горчакову на инженеровъ, которые строили ему укрѣпленія едва достаточныя чтобы прикрыть 12-лѣтняго ребенка (письмо князю Меньшикову 20 января 1854, цитированное въ сочиненіи Шильдера: „Біографическій очеркъ. Генералъ-адъютантъ графъ Тотлебенъ“, стр. 256) и въ объясненіи его князю Горчакову другимъ письмомъ (отъ 5 марта 1854, тамъ же цитированное, стр. 257), въ которомъ онъ прямо говоритъ, что въ сущности, съ сухопутной стороны ко дню высадки существовали одни *фортификаціонные намеки*; мѣстами же, какъ, наприм., на Корабельной, эти намеки не существовали даже на планахъ. Свободный доступъ непріятелю почти ничѣмъ не возбранялся.

Далѣе, говоря объ укрѣпленіи Севастополя передъ высадкой съ суши, Шильдеръ продолжаетъ: „Земляныя работы подвигались впередъ съ поразительною медленностію, по недостатку рабочихъ рукъ, шанцеваго инструмента и запасовъ сухопутнаго вѣдомства; притомъ князь Меньшиковъ вовсе не имѣлъ въ своемъ подчиненіи искусныхъ руководителей для устройства оборонительной линіи временнаго характера [1]). Главнымъ образомъ укрѣпленія состояли изъ заваловъ и стѣнокъ, сложенныхъ изъ плитняка частью насухо, частью на глинѣ; затѣмъ загораживались улицы и устраивались баррикады“ (ibidem, стр. 257). Ничтожность первоначальныхъ укрѣпленій Севастополя съ сухаго пути подтверждается отзывомъ о нихъ Тотлебена послѣ осмотра ихъ по порученію князя Меньшикова и онъ увидѣлъ,—говоритъ Шильдеръ (Ibidem, стр. 265) только слабые начатки укрѣпленій, которыя едва обозначали собою направленіе оборонительной линіи, раскинутой на протяженіи семи верстъ и долженствовавшей прикрыть Севастополь съ сухаго пути“.

---

[1]) Авторъ говоритъ о времени до прибытія Тотлебена.

никнутые вполнѣ чувствомъ своего долга и обязанностію къ родимому городу, отечеству и товарищамъ. Въ дѣлѣ мнѣ еще не приводилось видѣть моряковъ, — въ Севастополѣ мы еще не были; но я видѣлъ 24 октября, какъ они дѣйствовали подъ огнемъ непріятельскимъ, увозя нашихъ раненыхъ на корабли и въ городъ: съ какою любовію, съ какимъ увлеченіемъ ихъ офицеры работали, какъ простые солдаты, съ какимъ презрѣніемъ опасности и хладнокровіемъ они распоряжались во все время дѣла и при разборкѣ моста!

29 октября.—Аулъ Бельбекъ.

Вторую ночь сряду идетъ мелкій, но частый дождь: какъ пріятно стоять бивакомъ безъ палатокъ!!... Канонада обыкновенно не умолкаетъ всю ночь, а всякое утро у насъ въ дивизіи играетъ музыка,—какъ весело на бивакѣ!!... Ежечасно у насъ является какая-нибудь новость: вотъ то и то произошло въ Севастополѣ; такая-то часть войска спѣшитъ къ намъ на помощь; такое-то затѣвается дѣло; тотъ или другой умеръ отъ ранъ въ госпиталѣ; тому или другому оторвало ногу или руку въ Севастополѣ: не правда ли, какая полная разнообразія и живыхъ свѣжихъ впечатлѣній жизнь? А вѣдь едвали кто-нибудь позавидуетъ нашей жизни!

Въ особенности затруднительно стоять на бивакѣ, имѣя на своей обязанности письменную часть: какъ писать? какъ исполнять всѣ требованія начальства и давать необходимые отчеты? Мы переселились въ деревню Бельбекъ: она лежитъ въ долинѣ и на рѣчкѣ того же имени. Долина одна изъ самыхъ цвѣтущихъ въ Крыму; вся покрыта садами и прекрасными дачами владѣльцевъ. Замѣчательнѣйшія дачи: Бибикова, Алексіано, Бардаки, Кокораки.

Большая часть этихъ зданій разорена преимущественно казаками, которые на пути слѣдованія непріятельской арміи, во время ея перехода отъ Евпаторіи на южную сторону Севастополя, старались все сжечь и уничтожить. Такъ на Бельбекѣ сожгли прекрасный домъ Алексіано. Отъ этого зданія сохранилась кухня; въ ней поселился генералъ Павловъ, а мы заняли татарскія сакли, покинутыя хозяевами. Часть Татаръ бѣжала къ непріятелю, другая ушла въ горы, ожидая конца грозы, разразившейся надъ ихъ отечествомъ.

По недостатку лѣса, здѣшнія сакли сложены преимущественно изъ камня, или смазаны изъ глины; кровля ихъ черепичная безъ потолка; сакли обыкновенно раздѣляются на двѣ половины, обѣ съ красными окнами, залѣпленными промасленною бумагою, или пузыремъ. Лѣвая половина сакли обыкновенно—съ голландскою печью—состоитъ изъ одной или двухъ комнатъ и составляетъ женское отдѣленіе, нѣчто въ родѣ гарема; правая — кунацкая, съ огромнымъ каминомъ—отрадою осеннихъ дней и существенно-необходимымъ зимою, когда хозяинъ бо́льшую часть дня сидитъ *въ своемъ каминѣ*, у огонька, покуривая доморощенный табакъ.

Женское отдѣленіе одной лучшей сакли мы заняли Дежурствомъ; въ кунацкой помѣстились сами съ товарищемъ моимъ Клейнгаусомъ, завѣсивъ окна и двери рогожами и брезентами. Можно вообразить, комфортабельно ли было въ такомъ жилищѣ! Что же до насъ касается, то мы смотрѣли на него какъ на обѣтованный уголокъ и, сравнивая его съ бивакомъ, видѣли особенное счастіе въ возможности жить подъ легкою крышею этой сакли, а не подъ сводомъ неба пасмурнаго, мрачнаго, покрытаго тучами. Жилья Татаръ также пострадали, какъ и помѣщичьи дома. Окна, двери, турецкіе диваны—все выломали и вынесли на биваки. Спасаясь изъ деревень театра войны, жители, разумѣется, не успѣли захватить съ собою всего своего имущества, но бо́льшую части они зарыли въ садахъ и на дворахъ самыхъ домиковъ своихъ, въ хлѣбныя ямы, чѣмъ, однако, не спасли своего достоянія: издавна извѣстна необыкновенная способность нашихъ казаковъ пронюхивать зарытое непріятельское добро. По милости этой способности бо́льшая часть такихъ *кладовъ* была открыта если не казаками исключительно, то и перенявшими ихъ искуство солдатиками. Вообще въ нашей арміи сильно развилось мародерство. Причиною развитія этой язвы была необходимость дозволить фуражировку, вслѣдствіе неустройства правильнаго довольствія войскъ. Подобная мѣра едва ли была когда-либо прежде принимаема нашею арміею въ своемъ отечествѣ. Разъ прививъ къ арміи такую болѣзнь, не скоро отъ ней вылѣчишь ее!...

Татары бѣжали: положимъ, поэтому и разорили ихъ жилища, обративъ цѣлыя большія деревни буквально въ груду развалинъ, но зачѣмъ же было трогать владѣльческія дачи, а между тѣмъ многія изъ нихъ разграблены и сожжены *своими?!* Здѣшніе владѣльцы говорятъ въ одинъ голосъ: Французы здѣсь проходили—ничего безъ денегъ не взяли, ничего не опустошили, никого не ограбили; пришли *наши* и точно ворвались въ страну ихъ ожесточившаго своими дѣйствіями непріятеля: все обратили въ прахъ, что могли — унесли, чего не могли или не успѣли — съ корнемъ вырвали или разбили,—посмотрите огромныя зеркала, рояли, дорогая мебель—одни осколки, да щепки! Къ чему это? Для кого это было нужно и для чего??!!....

Окрестности Севастополя на значительное пространство совершенно опустошены. Многихъ продуктовъ теперь и за деньги нельзя достать; за сѣномъ для нашихъ верховыхъ лошадей мы теперь уже вынуждены посылать верстъ за 60, что же будетъ дальше? Притомъ, на мѣстѣ покупки мы платимъ копѣекъ по 60 пудъ, а въ Севостополѣ пудъ сѣна обходится до 1 руб. 30 коп.!...

Мы сами опустошили край: одни брали что было нужно и не нужно; другіе жгли и истребляли все что попадалось подъ руку, безъ надобности и причины—такъ, единственно будучи одержимы какимъ-то разрушительнымъ и истребительнымъ духомъ. Къ тому же начальство держитъ значительныя массы кавалеріи близъ Севастополя. Къ огда она съѣстъ всѣ подгородные запасы, что мы и она будемъ тогда дѣлать? желательно знать: какъ будетъ продовольствовать лошадей?....

Вообще военно-административная и хозяйственая части здѣсь въ крайне жалкомъ положеніи. Госпитали бѣдствуютъ: у насъ нѣтъ даже перевязочныхъ средствъ *); послѣ дѣла 24 октября они совершенно истощились, и случись еще другое (чего Боже сохрани) такое сраженіе, пришлось бы драть солдатское бѣлье на перевязки. Мы послали въ Херсонъ курьеромъ офицера съ предписаніемъ: на почтовыхъ привезть нѣсколько тюковъ перевязочныхъ средствъ для всей дивизіи. Севастопольскіе госпитали, полковые лазареты, Симферополь, Бахчисарай завалены ранеными и больными. Начала показываться холера. Войска прибываетъ, потери, при ежедневной борьбѣ, увеличиваются; подвижныхъ госпиталей армія не имѣетъ. Трудное положеніе войскъ!

Сегодня генералъ Павловъ посѣтилъ отдѣленіе раненыхъ, въ госпиталяхъ сѣверной стороны. Я его сопровождалъ. Сердце разрывалось, глядя на этихъ несчастныхъ и на обстановку ихъ госпитальной жизни. Больныхъ и раненыхъ — какъ сельдей въ боченкѣ. Они—въ своемъ платьѣ и бѣльѣ грязномъ, облитомъ кровью, запачканномъ до величайшей степени; люди не бриты, не вымыты, многіе со времени инкерманскаго дѣла не болѣе одного раза перевязаны; лежатъ на нарахъ; ихъ изголовье—мундиръ, подстилка—суконныя штаны, у кого таковыя уцѣлѣли, а многіе лежатъ и безъ подстилки; покрышка многихъ раненыхъ и больныхъ — неизмѣнная шинель. Вмѣстѣ съ легко-ранеными лежатъ многіе тяжело-раненые, безнадежно-больные, умирающіе. О, ради Бога, читатель, не думайте, чтобъ я преувеличивалъ свой разсказъ! Сохрани меня отъ этого Богъ! Да я не смѣлъ бы этого сдѣлать: столько свидѣтелей такого положенія госпиталей, вѣроятно, еще живы, они бы обличили меня.

Какой воздухъ въ этихъ палатахъ! Здоровый сдѣлается больнымъ,—такъ и давитъ онъ легкія, такъ и поражаетъ свѣжаго человѣка! И эти госпитали въ такомъ положеніи *теперь*, когда значительные транспорты больныхъ и раненыхъ отправили уже въ Симферополь и Бахчисарай, а что же было *тотчасъ послѣ* инкерманской битвы!!! Сколько раненыхъ оставалось по два дни безъ пищи, безъ глотка вина для подкрѣпленія истощенныхъ силъ, не говорю, что многіе долго оставались безъ наложенія правильнымъ образомъ перевязки на ихъ раны, надлежаще очищенныя медикомъ. Многіе раненые умерли, не сдѣлавъ извѣстными своихъ именъ ни медицинскому, ни госпитальному начальству, и ихъ хоронили, не зная не только кого хоронятъ, но часто не зная даже къ какому полку или командѣ принадлежалъ умершій, потому что во время дѣла многихъ доставили въ госпиталь

*) При началѣ Крымской войны Пироговъ требовалъ, чтобы заготовлено было для арміи значительное количество алебастра, дерюги и прочихъ матеріаловъ для гипсовыхъ повязокъ, но Военно-Медицинскій Департаментъ не исполнилъ требованія. Поэтому Пироговъ въ Севастополѣ накладывалъ *гипсовую* повязку и таковая выдерживала сырость и мокроту при транспортировкѣ. Надо правду сказать, что Пироговъ крахмальной повязкой своей оказалъ большія услуги Крымской арміи: накладывая ее въ переломахъ, онъ пересылалъ съ нею раненыхъ въ Симферополь, Перекопъ и даже въ Херсонскіе госпитали.

даже безъ верхней одежды, которую, при торопливости медиковъ перевязочнаго пункта, разрывали на части на раненомъ, чтобы скорѣе обнажить пораженное мѣсто и остановить кровотеченіе, либо сдѣлать ампутацію. Многіе офицеры раненые и больные въ не менѣе бѣдственномъ положеніи. Говорятъ, многія севастопольскія дамы и простыя женщины ухаживаютъ за офицерами, помѣщенными частію въ госпиталяхъ, частію на квартирахъ, тогда какъ денщики многихъ изъ этихъ офицеровъ доселѣ не могли ихъ отыскать, и потому они оставались бы безъ средствъ и безъ вещей, еслибы не помощь этихъ новыхъ сестеръ милосердія, которыя ходятъ за больными, перевязываютъ ихъ раны, приносятъ имъ супъ, коршю, бѣлье, бинты. Большинство изъ этихъ доблестныхъ христіанокъ похоронило въ Севастополѣ своихъ мужей, сыновей, братьевъ; помогая пострадавшимъ отъ вражьяго оружія, онѣ какъ будто совершаютъ непрестанное поминовеніе по существамъ милымъ ихъ сердцу.

Изъ солдатскаго госпиталя сѣверной стороны мы вышли на свѣжій воздухъ точно въ рай; но вышли съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ полными слезъ глазами. Помочь нашимъ несчастнымъ братьямъ мы были не въ силахъ, да едва ли кто-либо былъ въ силахъ помочь имъ въ настоящія минуты. Чтобъ устранить такое печальное состояніе госпиталей, надо было сдѣлать заблаговременно приготовленіе къ открытію госпиталей на десятокъ тысячъ человѣкъ, а какъ этого не сдѣлано, и не могло быть сдѣлано, то и надо покориться волѣ случая и терпѣливо ждать лучшихъ дней, когда все устроится и придетъ въ порядокъ. Говорятъ, къ устройству госпиталей приняты энергическія мѣры. . . . . .

Нѣтъ медиковъ, нѣтъ фельдшеровъ, а безъ нихъ развѣ можно устроить госпитали? Напримѣръ, на тысячу и болѣе человѣкъ больныхъ и раненыхъ одинъ медикъ, одинъ или два фельдшера, — что они могутъ сдѣлать? Въ теченіе дня они едва ли имѣютъ возможность обойти всѣхъ паціентовъ, не говорю перемѣнить перевязки, съ тою тщательностію, какой требуетъ уходъ за раною.

Великіе Князья, въ высокой заботливости о несчастныхъ страдальцахъ ежедневно посѣщаютъ казармы, обращенныя въ госпитали. Желая, чѣмъ возможно, помочь раненымъ, Они ежедневно раздаютъ солдатамъ деньги. Но эта мѣра, несмотря на величіе чувства, водящаго рукою Дателей, едва ли можетъ облегчить участь множества раненыхъ. Говорятъ, Нахимовъ рѣшился доложить объ этомъ Ихъ Высочествамъ, прибавивъ, что, по его мнѣнію, многіе солдаты пропьютъ пожалованныя имъ деньги, а спать все таки имъ не на чемъ и дѣло ихъ исцѣленія не двинется впередъ.

Великіе Князья, къ общему восторгу рененыхъ офицеровъ, два раза изволили посѣтить помѣщеніе ими занятое. Съ братскою нѣжностью, съ теплымъ, истинно-сердечнымъ чувствомъ самаго живаго сочувствія, Они распрашиваютъ всякаго раненаго о его нуждахъ, о его домашнихъ, о положеніи его раны; во всемъ принимаютъ участіе и для каждаго стараются сдѣлать какое-либо примѣрное одолженіе,—исходатайствовать у своего Августѣйшаго

Родителя какую-либо особую милость. И, несмотря на все это, Они же извиняются передъ офицерами, что, по обстоятельствамъ, не могутъ устроить ихъ положенія такъ, какъ бы того хотѣли, и просятъ потерпѣть до конца. Конечно, изувѣченные страдальцы видятъ въ этихъ посѣщеніяхъ Царевичей улыбку счастія и молятъ Бога о скорѣйшемъ выздоровленіи, чтобы снова, если будетъ нужно, немедленно броситься въ кровавый бой.

Ютимся съ Клейнгаузомъ въ полуразрушенной саклѣ. Оконныхъ рамъ въ нашемъ жилищѣ, когда мы его занимали, уже не было,—ихъ ростащили на биваки прежде насъ стоявшія здѣсь войска. Мы было завѣсили окна рогожами, брезентами, коврами, да непріятно: точно въ тюрьмѣ, темно. Клейнгаузъ, по своей нѣмецкой аккуратности, добылъ гдѣ то двѣ оконныя рамы и мы ихъ кое-какъ приладили къ своимъ окнамъ. На другой половинѣ сакли помѣщается дивизіонное Дежурство: вмѣсто столовъ добыли какія-то доски, вмѣсто стульевъ—опрокинутые боченки да чурбаки; окна вмѣсто стеколъ заклеены промасленной бумагой и ничего—работаемъ, и пишемъ, и отчеты составляемъ, и представленія къ наградамъ фабрикуемъ! Крыша нашей сакли черепичная, слѣдовательно — никому не нужная изъ нашихъ солдатъ и потому исполняющая свое назначеніе; что же касается до надворныхъ службъ, то крыши на нихъ были соломенныя, а потому разобраны и стравлены лошадьми. Мы изъ милости пустили къ себѣ въ саклю назначеннаго къ намъ дивизіоннымъ провіантмейстеромъ, нѣкоего Жискара, съ начала войны вступившаго въ провіантское вѣдомство изъ чиновниковъ Петербургской таможни. Мы его поселили въ нашей саклѣ *за печкой*, на полу. Для него это самое приличное мѣсто потому, что господинъ этотъ—настоящая гадина. Мы его такъ и третируемъ: онъ пріѣхалъ служить въ армію съ цѣлью, которую по цинизму своему и не скрываетъ, состоящею въ томъ, чтобы, во что бы то ни стало, награбить себѣ средства къ дальнѣйшей жизни. Но, къ несчастію для себя, онъ попалъ въ нашу дивизію, гдѣ мы не даемъ ему никакого хода, дурачимъ его на всякомъ шагу, изобличаемъ во лжи, выводимъ на свѣжую воду его продѣлки, не давая имъ возможности принесть желаемыхъ имъ плодовъ,—топчемъ въ грязь его подлые взгляды на дѣло, иногда ругаемъ его напрямикъ, просто чуть не бьемъ, когда онъ, судя по себѣ о всѣхъ, никакъ не хочетъ повѣрить, что мы служимъ и дѣйствуемъ безукоризненно, не крадемъ ни казеннаго, ни солдатскаго, и не беремъ взятокъ, хотя занимая столь серіозныя мѣста, какія мы занимаемъ, и, пользуясь вообще большимъ вліяніемъ въ дивизіи, имѣли бы къ тому полную возможность. Жискаръ думаетъ, что мы только ловкіе и опытные мошейники, умѣющіе хоронить концы своихъ дѣяній!

Своего стола мы не держимъ,—мы всякій день обѣдаемъ у генерала Павлова, который помѣщается на кухнѣ и въ людской прекрасной дачи Алексіано, до нашего еще прихода разграбленной казаками.

По вечерамъ, когда смеркнется, часто играемъ въ карты или у насъ, или у артиллеристовъ, на горѣ, гдѣ встрѣчаемъ графа Льва Толстого, получившаго извѣстность литератора и страстнаго картежника,—онъ служитъ въ нашей артиллерійской бригадѣ *).

Ночью насъ часто будитъ, ужасная иногда, внезапно загорающаяся канонада въ Севастополѣ, и мы выскакиваемъ на крыльцо прислушиваться къ ней и угадывать ея, таинственное для насъ, при нашемъ отдаленіи отъ Севастополя, значеніе.

Тотлебенъ пожалованъ во флигель - адъютанты. Пора наградить его хорошенько, всѣ говорятъ. Стоитъ большой награды. Его дѣятельность невѣроятная, его мужество и польза имъ принесенная и приносимая—всякой награды достойны. Я видѣлъ его на работѣ, видѣлъ въ дѣлѣ 24 октября—въ самомъ страшномъ огнѣ сраженья,—онъ мастеръ и молодецъ и тамъ, и тамъ. Кого ни спроси здѣсь, всѣ говорятъ, что если Севастополь еще держится, то это благодаря Тотлебену: его геній прикрылъ Севастополь своимъ спасительнымъ крыломъ отъ вражьихъ ударовъ, и вотъ онъ стоитъ, грозя врагу доселѣ, крѣпчая со всякимъ днемъ и ежечасно дѣлаясь недоступнѣе.

30 Октября.

Русская безпечность сильно проявилась въ жителяхъ Севастополя: они скорехонько свыклись съ своимъ положеніемъ и жизнь подъ смертоноснымъ огнемъ, при ревѣ канонады, имъ стала казаться обыкновенною жизнью; даже дѣти—и тѣ играютъ со смертію. Какъ-то на дняхъ, напримѣръ, упала на улицѣ ударная бомба пистономъ кверху и не разорвалась. Ребятишки увидѣли гостью, осмотрѣли ее, поняли тайну ея устройства, принесли камень, одинъ удалецъ хватилъ имъ по пистону—бомбу разорвало, двухъ мальчиковъ положило на мѣстѣ, да мальчика съ дѣвочкою изувѣчило.....

Впрочемъ нѣкоторые изъ жителей стали принимать мѣры осторожности: переселяться на Сѣверную, или вовсе выбираться изъ Крыма. Многіе бѣдные люди, замѣтивъ, что обыкновенно днемъ канонада бываетъ сильнѣе, стали на день убираться изъ города, а на ночь возвращаться въ свои жилища, ночуя въ подвалахъ и погребахъ и думая въ нихъ найти спасеніе отъ разрушительныхъ снарядовъ.

Севастополю очень трудно, правда; но труднѣйшій моментъ его жизни прошелъ: теперь Тотлебенъ не унываетъ и громоздитъ батарею на батареѣ. Мудрено будетъ союзникамъ взять Севастополь. Пусть штурмуютъ: посмотримъ, удастся ли имъ овладѣть хотя однимъ изъ его уголковъ. Хотѣли же они штурмовать его передъ дѣломъ 24 октября, и наканунѣ у нихъ дѣлались всѣ необходимыя къ тому приготовленія; еще день, другой — и они пошли бы на приступъ! Вотъ всѣ и говорятъ нынѣ: гораздо лучше

---

*) Рѣчь о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, нынѣ столь славномъ.

было намъ сберечь потерянныхъ 10 тысячъ человѣкъ въ Инкерманскомъ дѣлѣ для этого момента. Говорятъ: надо было всегда имѣть сильный отрядъ подъ рукою, на инкерманскихъ высотахъ что ли, по сю сторону Черной рѣчки, да въ моментъ, когда бы они пошли на приступъ, и ударить имъ всею массою въ тылъ, наступая по тому же самому пути, по которому шелъ отрядъ по переправѣ черезъ Черную рѣчку; тогда посмотрѣли бы мы, какъ бы они отдѣлались отъ такой атаки, еслибы къ тому же князь Горчаковъ пошелъ бы на нихъ отъ Чоргуна съ кавалеріею!

Но все это хорошо разсказывать, когда событія уже совершились. Теперь, имѣя въ виду неудачу инкерманской атаки, легко говорить, что эта атака была безполезна; а удайся она — союзники не только не отважились бы ни на какой штурмъ, но постарались бы скорѣе найти другой исходъ затѣянной ими кампаніи, и тогда всѣ бы говорили, что инкерманская атака плодъ геніальной мысли, и что она была необходима, а теперь, даже стыдно слушать: винятъ Даненберга въ измѣнѣ!... Что же мудренаго: вѣдь и Меньшикова называли *Измѣнщиковымъ*, когда онъ вышелъ изъ Севастополя, какъ увѣряли, оставивъ его на произволъ судьбы!... Но Меньшиковъ не боялся подобныхъ подозрѣній и самъ открыто и громко смѣялся надъ ними, говоря: „Хотѣлъ продать Севастополь Англичанамъ, да не сошелся въ цѣнѣ: дешево давали!“ Такъ Меньшиковъ былъ въ такомъ положеніи, что могъ глумиться надъ клеветниками, а положеніе Даненберга было совершенно иное, тѣмъ болѣе что противъ него возвышаютъ голосъ такія уважаемыя Севастопольцами лица, какъ напримѣръ контръ адмиралъ Истоминъ, который во-всеуслышаніе проповѣдуетъ что Даненбергъ съ атакой черезъ Инкерманскій мостъ опоздалъ потому, что мостъ этотъ по винѣ его же, Даненберга, былъ не готовъ во-время. Между тѣмъ какъ выше мною сказано, что возстановленіе Инкерманскаго моста предоставлено было морякамъ, и Даненбергъ неповиненъ совершенно въ позднемъ его изготовленіи.

Вовторыхъ, Истоминъ разсказываетъ: „Зная отлично мѣстность избранную для дѣла 24 октября, вижу, что колонны Даненберга идутъ не туда, куда бы слѣдовало имъ идти,—просто на гибель идутъ! Рву на себѣ волосы, кричу: не туда! не туда! Говорю начальнику его штаба, тотъ мои указанія передаетъ Даненбергу: „Что вы ихъ слушаете?—отвѣчаетъ онъ,—я самъ знаю куда надо идти!— „Вотъ и пошелъ!“

Баумгартенъ тоже на сторонѣ критиковъ и порицателей Даненберга. Говорятъ, что это происходитъ отъ желанія, унизивъ старшихъ себя, столкнуть ихъ съ своей дороги! Утверждаютъ что Баумгартенъ повторяетъ: „если вздумаютъ вину проигрыша Инкерманскаго дѣла сваливать на Соймонова, подамъ рапортъ и буду требовать формальнаго слѣдствія — тогда докажу: кто въ этомъ дѣлѣ правъ, кто виноватъ!“

Что до меня, я твердо увѣренъ, что хотя генералъ Даненбергъ можетъ быть и не совсѣмъ правъ въ Инкерманскомъ дѣлѣ, но что на него валятъ грязи слишкомъ уже много.

Вечеръ.

Вдругъ сорвался вѣтеръ, да какой! Вотъ онъ губительный черноморскій, восточный вѣтеръ, который разводитъ волненіе страшное на этомъ морѣ для судовъ. Хоть бы онъ хватилъ о берегъ который-нибудь изъ вражьихъ кораблей. Такъ нѣтъ же—вооруженные винтомъ, отлично искусные въ своемъ дѣлѣ, они и не обращаютъ вниманія на опасностъ. Даже *прачки* и *водовозы*, какъ называютъ сторожевые казаки суда, занимающіяся доставленіемъ флоту свѣжей воды и мытьемъ бѣлья, не робѣютъ: отошли подальше отъ устья Качи, да и покачиваются на бурныхъ волнахъ, а на ночь обставятся цѣпью пароходовъ на всякій случай, да и стоятъ будто на рейдѣ. Впрочемъ моряки говорятъ, что всей зимы имъ не простоять, что какъ они ни хвастайся знаніемъ морскаго дѣла, а ноябрьскія и декабрьскія бури свое возьмутъ.

Что-то подѣлываютъ, въ такой студеный, рѣзкій вѣтеръ, бѣдныя семейства татаръ-измѣнниковъ, бѣжавшихъ къ Туркамъ? Ихъ, привычныхъ въ суровые осенніе дни, сидя у огня въ своемъ громадномъ каминѣ, съ трубкою въ зубахъ, дѣлать кейфъ, теперь новые ихъ союзники помѣстили на евпаторійской косѣ, окопали ихъ, снабдили двумя пушками и оставили въ жертву суровой непогодѣ, голоду и всевозможнымъ лишеніямъ. Говорятъ, Татаръ тамъ до 30 тысячъ человѣкъ и между ними свирѣпствуютъ болѣзни, уничтожающія ихъ во множествѣ. Хотя Татары народъ не изнѣженный, хоть они на время и могутъ отказаться отъ кейфа и отраднаго камина, но все-таки постоянный холодъ и голодъ не можетъ не имѣть гибельнаго вліянія на ихъ семейства. Пусть настоящее положеніе ихъ будетъ имъ казнію за измѣну нашему правительству, подъ рукою котораго много лѣтъ имъ было жить привольно и спокойно. На дняхъ казаки отняли у этихъ Татаръ 25 тысячъ овецъ, рогатаго скота и лошадей. Этихъ послѣднихъ пригнали въ замѣнъ павшихъ и убитыхъ подъемныхъ лошадей. Пригнанныя лошади — дрянь:—заморенныя, полудикія, истощенныя, онѣ совершенно не годятся для службы въ обозѣ, какъ непривычныя къ тяжестямъ; изъ всего пригнаннаго табуна не оказалось ни одной порядочной лошаденки; надо полагать, что казаки не прозѣвали и выбрали себѣ изъ табуна лошадокъ, которыя получше.

Одно изъ чувствительнѣйшихъ лишеній, которымъ мы подвергаемся,— это недостатокъ топлива. Съ каждымъ днемъ потребность въ немъ дѣлается ощутительнѣе, а запасы, состоящіе изъ крышъ, надворныхъ строеній и другихъ деревянныхъ частей татарскихъ жилищъ все болѣе и болѣе истощаются: что мы будемъ дѣлать, какъ они совершенно истощатся? И теперь уже, несмотря на сильный присмотръ, нерѣдко оказываются порубки фруктовыхъ деревьевъ; что же будетъ впослѣдствіи, когда истощатся подручные запасы топлива и доставка его изъ ближайшихъ, имѣющихся при устьѣ Качи перелѣсковъ, будучи сопряжена съ большими неудобствами, ляжетъ всею тяжестію на войска? Силъ не будетъ остановить порубку садовъ. А

по-истинѣ горько видѣть слѣды таковыхъ дѣйствій, уничтожающихъ благосостояніе края: что заводилось десятками лѣтъ, можетъ погибнуть въ два-три мѣсяца. Въ одно время фашины было стали вязать виноградными лозами! О мѣстахъ занятыхъ непріятелемъ и говорить нечего: тамъ не только лозы, но и корни виноградныхъ кустовъ идутъ на топливо, по совершенному недостатку таковаго. Такимъ образомъ уничтожаются большіе виноградники, заведеніе которыхъ стоило огромныхъ трудовъ и капиталовъ.

Вообще настоящее положеніе дѣлъ гибельно для всѣхъ виноградниковъ края: владѣльцы и садоводы, по недостатку рабочихъ рукъ, не будутъ имѣть возможности защитить виноградъ извѣстными здѣсь способами отъ суровости зимы, что можетъ быть причиною гибели виноградниковъ.

Въ настоящее время въ долинѣ Бельбека, близъ деревни, рубятъ огромныя вѣковыя липы и дубы: ихъ достанетъ на нѣкоторое время, правда; но что будетъ дальше? Въ Севастополѣ собственно и на отопленіе и на вареніе пищи топлива въ волю: разбираютъ на дрова старые корабли и отпускаютъ каменный уголь. Но всѣ эти запасы скоро истощатся, тогда что будемъ дѣлать? Господи Боже, да развѣ вѣкъ будетъ длится эта кровавая драма, развѣ не будетъ предѣла этой осадѣ? Должна же она кончиться! Но чѣмъ она кончится? Нѣтъ, не человѣческому уму поднять таинственную завѣсу будущаго, разгадать судьбы Господни!

Сегодня ночью такая сильная была въ Севастополѣ канонада, что мы думали: непремѣнно начался штурмъ. Небо покрылось огненными слѣдами полета бомбъ, казалось земля стонала. Мы послали узнать казака: что такое? и не добились толку. Всякаго, кто пріѣдетъ изъ города, допрашиваемъ: что была за причина такой ужасной канонады? и всякій разсказываетъ по-своему. Одни говорятъ, что наши построили батарею, которая очень безпокоитъ непріятеля: онъ и повелъ на нее атаку; наши подпустили, оставили батарею и взорвали ее на воздухъ съ Французами, да потомъ и начали со всѣхъ батарей стрѣлять по ихъ резервамъ. Другіе говорятъ, будто французскіе охотники, пользуясь темнотою, подкрались къ нашимъ укрѣпленіямъ и бросились на одну изъ батарей, но наши во время замѣтили атаку и перебили атакующихъ.

Впрочемъ, все это не болѣе какъ слухи, и всякій изъ нихъ требуетъ подтвержденія.

Корпусный командиръ вѣрно знаетъ въ чемъ дѣло, а молчитъ; это самое доказываетъ, что ничего не произошло особенно для насъ удачнаго.

1 ноября.

Какое здѣсь странное состояніе погоды: день какъ день—и тепло и ясно, и сушитъ какъ лѣтомъ; къ вечеру поднимается вѣтеръ, а ночью дождь, какъ изъ ведра, и холодъ. И это изо дня въ день! На бивакѣ войскамъ стоять—наказаніе, да и только. Одно утѣшеніе, что нашимъ врагамъ еще хуже нашего, потому что они, особенно Англичане, меньше нашего

привыкли къ перенесенію всѣхъ невзгодъ бивачной жизни. Холера стала сильнѣе развиваться. Сегодня полученъ приказъ главнокомандующаго давать солдатамъ по двѣ чарки водки ежедневно. Мѣра прекрасная; но одною ею не спасешь солдатъ отъ климатическихъ вліяній; не согрѣешь ихъ ночью, когда они безъ подстилки валяются на сырой землѣ, кутаясь въ единственную свою одежду — шинель, и ту часто истасканную до невѣроятности. Единственное спасеніе — раскладываніе костровъ: они и пылаютъ всякую ночь вездѣ, гдѣ только стоятъ войска.

Князь Меньшиковъ принимаетъ еще другую мѣру для сбереженія здоровья солдатъ: онъ хочетъ снабдить армію полушубками. Для этого велѣно составить списки, у кого изъ солдатъ есть собственные полушубки, чтобы выдать имъ за то денежное вознагражденіе. Цифра собственныхъ полушубковъ, напримѣръ, въ нашей дивизіи, составилась самая ничтожная; владѣльцами полушубокъ оказались только фельдфебеля, каптенармусы, артельщики и еще въ ротѣ человѣка по два или по три нижнихъ чиновъ. За этимъ послѣдовало распоряженіе главнокомандующаго о назначеніи изъ экстраординарныхъ суммъ по 1 руб. 20 коп. серебромъ на полушубокъ, съ тѣмъ, чтобъ полковые командиры немедленно озаботились постройкою для солдатъ полушубковъ на эту сумму. Но гдѣ же теперь за эту цѣну можно заготовить такое огромное количество полушубковъ, какое потребно для арміи, притомъ съ такимъ во времени разсчетомъ, чтобы таковые поспѣли не къ концу зимы, здѣсь весьма кратковременной. Пожалуй, можно послать строить полушубки за тридевять земель: такъ они поспѣютъ въ одно время съ тѣми, которые, какъ говорятъ, везутся къ намъ изъ Москвы и изъ Малороссіи, пожертвованные разными патріотами!

Впрочемъ наши полки ухитрились, послали въ города внутренняго Крыма скупать овчины; ихъ доставятъ къ полкамъ на подъемныхъ лошадяхъ, устроятъ въ каждомъ полку швальню и построятъ полушубки своевременно.

На счетъ того, что теперь предпримутъ союзники, мнѣнія у насъ въ арміи раздѣлились: одни утверждаютъ, что союзники, видя отчаянную нашу отвагу, угрожаемые близостію опаснаго времени года для судовъ на морѣ, для здоровья на сушѣ, не рѣшатся долѣе осаждать Севастополя; можетъ быть попытаются сдѣлать штурмъ и, если онъ не удастся, уѣдутъ зимовать куда-нибудь въ Турцію, а весною откроютъ новую кампанію. Другіе говорятъ, что непріятель только ждетъ подкрѣпленій, чтобъ или двинуться на насъ одновременно со стороны Черной рѣчки и прямо на Севастополь, или, посадивъ значительную часть войскъ на суда, сдѣлать вылазку въ Качѣ и разбить насъ ударомъ въ тылъ, загнавъ въ Севастополь; или, наоборотъ, отбросить отъ него нашу армію, чтобы перерѣзать ей сообщеніе съ осажденнымъ городомъ. Эта партія доказываетъ, что союзники возьмутъ Севастополь до зимы непремѣнно и уѣдутъ зимовать, куда заблагоразсудится.

Англичане употребляютъ всевозможныя усилія къ возведенію сильныхъ

укрѣпленій на бывшихъ доступными прежде частяхъ Сапунъ-горы; они даже прекратили свои траншейныя работы, а занялись этимъ дѣломъ: живое доказательство, что они думаютъ не столько о скоромъ взятіи Севастополя, сколько объ обезпеченіи своего положенія на пространствахъ ими занятыхъ въ настоящее время. Батареи эти уже вооружены.

На другой день послѣ битвы 24 октября у союзниковъ былъ военный совѣтъ, собравшійся у лорда Раглана *). Канроберъ предложилъ задачу на разрѣшеніе совѣту: дать ли штурмъ Севастополю немедленно, или отложить его? Говорятъ, совѣтъ рѣшилъ отложить штурмъ и ждать подкрѣпленій, между тѣмъ сильнѣе укрѣпить свою позицію, дѣятельно вести осадныя работы и громить городъ и укрѣпленія сколько возможно сильнѣе **).

Главнѣйшими причинами отсрочки штурма считаютъ потери, понесенныя союзниками въ Инкерманскомъ бою, особенно же совершенное разстройство англійской арміи двумя погромами: 13 и 24 октября.

2 ноября.—Раннее утро. Бивакъ.

Сегодня ночью поднялась и доселѣ реветъ страшная черноморская буря съ неимовѣрною яростію. Пусть-ка съ нею поближе познакомятся наши пріятели, авось она кое-кому изъ нихъ голову-то свернетъ! Буря — этотъ *единственный нашъ союзникъ*, ниспосланный намъ Богомъ—можетъ намъ

*) Извѣстно, что штурмъ былъ заблаговременно назначенъ, именно 25 октября. Своею атакою мы сдѣлали невозможнымъ осуществленіе этого плана, и вотъ вмѣсто штурма союзники собрали военный совѣтъ опредѣлить, что должно предпринять. Кромѣ главнокомандующихъ на совѣтѣ присутствовали, со стороны Французовъ: генералы Боске, Форе, Бизо, Мартенпрей, полковникъ Трошю и вице-адмиралъ Брюа; со стороны Англичанъ: генералы Бургоньи, Энгландъ, Эйръ, Розъ и контръ-адмиралъ Лайонсъ. Нѣкоторые писатели иностранные говорятъ, что союзники самое благоразумное что могли бы придумать на этомъ совѣтѣ—это снять осаду и уѣхать.

Генералъ Герсевановъ, очевидецъ и участникъ Инкерманскаго сраженія, говоритъ, что „Кровопролитное сраженіе это, несмотря на то что не оправдало ожиданій и было порицаемо, не мало также способствовало къ возвышенію духа нашихъ войскъ и къ упадку духа у непріятеля. Со временъ штурма Измаильскаго, по словамъ Герсеванова, никогда пѣхота наша не дралась съ такимъ ожесточеніемъ.

„Густой туманъ способствовалъ передовымъ полкамъ подойти къ непріятелю на близкое разстояніе, и хотя движеніе густыми колоннами подвергало насъ жестокому огню развернутаго строя Англичанъ и дѣйствію ядеръ и шрапнелевыхъ гранатъ, войска не останавливались, сошлись съ непріятелемъ и вступили съ нимъ въ рукопашный бой...

„Инкерманская битва,—продолжаетъ Герсевановъ,—доказавъ непріятелю силу и предпріимчивость гарнизона, задержала осаду до весны".

„Нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Крыму въ 1854 и 55 годахъ". Paris, 1867, стр. 105 и 106.

**) Въ частной депешѣ главнокомандующій, генералъ Канроберъ, отъ 29 октября (8 ноября) говоритъ: „несмотря на упорное сопротивленіе, какое мы съ лордомъ Рагланомъ предполагали встрѣтить въ этомъ обширномъ, исключительно укрѣпленномъ городѣ, имѣющемъ безчисленные, всевозможные артиллерійскіе запасы, мы все-таки были убѣждены въ успѣхѣ атаки противъ него, пока не привлекло всего нашего вниманія неожиданное прибытіе части Дунайской арміи, которую долженствовали задержать близъ Прута Австрійцы и Турки, и другихъ подкрѣпленій, пріѣхавшихъ на повозкахъ изъ внутреннихъ провинцій, составивъ почти сто-тысячную армію.

„Армія Русскихъ не упустила бы случая ударить намъ во флангъ, въ моментъ штурма, еслибы мы отважились на таковой, употребивъ на то лучшія войска, по неволѣ ослабивъ въ нѣкоторой степени оборону нашей циркумвалаціонной линіи, которая сдѣлалась, по милости мѣстности, очень уже велика. Штурмъ былъ отложенъ."

оказать большія услуги. Взойдя на ближайшую высоту, мы видимъ часть бушующаго моря: громадные корабли союзниковъ, утративъ свою неподвижность, будто ожили, готовясь къ рѣшительной борьбѣ со стихіею на жизнь и смерть! Нашъ любознательный аудиторъ, Галайницкій, постоянно наблюдающій положеніе непріятельскаго флота, съ разсвѣта сегодня сидитъ на скалѣ, служащей ему обсерваторіею, и, несмотря на страшный холодный вѣтеръ и дождь, не спускаетъ глазъ съ моря. Я было попытался пробраться къ нему полюбоваться критическимъ положеніемъ союзниковъ, да терпѣнія недостало сидѣть на такомъ вѣтру. Я отправляюсь на высоту праваго берега Бельбека къ полковнику Голеву, для наблюденій; онъ съ своими Камчатцами стоитъ тамъ бивакомъ; у него отличная подбитая сукномъ палатка, снабженная печью; изъ палатки виднехонько все море; въ ясные дни даже Евпаторія видна; также видно и морское пространство передъ устьемъ Качи. Тамъ наиболѣе непріятельскихъ судовъ различныхъ величинъ стоитъ въ три линіи. Союзники обыкновенно запасаются въ Качѣ водою, подъ прикрытіемъ пушекъ флота. Казачья цѣпь все это видитъ и не можетъ помѣшать. Къ самому берегу нельзя подойти: угостятъ картечью и штуцерными пулями, а издали ровно ничего не сдѣлаешь. Можно бы ночью построить на высотахъ батареи для дѣйствія по работамъ, да союзники въ первый моментъ, по открытіи нами огня, *сметутъ* съ земли эти батареи залпами своей артиллеріи. Однако казаки, съ свойственною однимъ имъ изобрѣтательностію, ухитряются иногда схватить одного-двухъ изъ непріятелей. На дняхъ они схватили Англичанина и Татарина. Этотъ послѣдній повелъ одного изъ новыхъ своихъ друзей въ сады, покрывающіе оба берега рѣки Качи, въ долинѣ того же имени, набрать свѣжей капусты да винограда (не снятаго доселѣ), тутъ-то ихъ обоихъ и подцѣпили казаки. Конечно, Татарину, прежде, чѣмъ его представили къ полковнику, казаки влѣпили нагаекъ, что называется, сколько влѣзло: не измѣняй, дескать, хотя татарской—а все-таки — присягѣ! Ну, съ Англичаниномъ-то конечно обошлись *политично* и представили начальству, не сдѣлавъ обиды, только, разумѣется, предварительно избавивъ отъ всякой лишней тяжести.

Вечеръ.

Привелъ мнѣ сегодня Богъ быть зрителемъ картины, которую ввѣкъ не забуду. Вотъ тема для новыхъ работъ Айвазовскому! Словомъ, ночью заревѣвшая буря къ полудню приняла такіе размѣры, какихъ не запомнятъ здѣшніе старожилы. Событіе, сегодня совершившееся, конечно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ военно-морской исторіи. — Если союзные флоты и не потерпѣли сегодня одной участи съ знаменитою Армадою, то своимъ спасеніемъ они обязаны конечно собственно развитію морской науки. Что же касается до природы, то едва ли она сегодня употребила меньше усилій къ уничтоженію союзнаго флота, чѣмъ во время погибели морскихъ силъ Испанцевъ.

Сегодня съ утра разыгралась сильная буря, превратившаяся въ ураганъ; во второмъ часу пополудни прискакалъ къ корпусному командиру казакъ съ донесеніемъ, что противъ устья Качи выбрасываетъ на берегъ непріятельскіе корабли. Можно вообразить общій нашъ восторгъ.... Мы понеслись къ указанному мѣсту. Дорогою корпусный командиръ, подозвавъ меня, приказалъ, чтобы 8 орудій нашей батарейной батареи и Камчатскій полкъ шли къ устью Качи. Скачу; нагайка моя давно такъ не работала; конь мой, несмотря на огненную натуру свою, едва можетъ бороться со стихіею; ужасъ что за буря: дождь и градъ, какъ кнутомъ, сѣкутъ мнѣ лицо, вѣтеръ буквально валитъ меня съ лошади, но на душѣ весело, потому что вѣрно невесело недругу. Добираюсь до цѣли поѣздки, по ущелью поднимаюсь въ гору. Какое зрѣлище! Даже во снѣ я не видывалъ ничего подобнаго! Море, Черное на тотъ разъ не только по имени, но и по цвѣту, слилось съ чернымъ небомъ. Казалось, будто какое-то необъятной величины чудовище раскрыло свою бездонную пасть, и въ ней трепещетъ въ предсмертномъ бореніи множество кораблей непріятельской эскадры. Нѣсколько судовъ уже лежатъ на берегу словно трупы; между эскадрою бьются нѣсколько кораблей безъ мачтъ; тамъ направо, за скалою, видны только мачты нѣсколькихъ судовъ, торчащія изъ воды; другимъ готовымъ испытать ту же участь всѣми силами помогаютъ спастись левіаѳаны эскадры, не опускающіе еще оружія въ борьбѣ съ ужаснымъ врагомъ, на нихъ устремившимся; у устья Качи восемь судовъ уже лежатъ на берегу, или сидятъ на мели, или совершенно разбиты въ щепы, и только остовы ихъ наводятъ ужасъ на зрителя, только флаги трепещутъ и вьются на уцѣлѣвшихъ обломкахъ ихъ мачтъ, подобно крыльямъ подстрѣленной птицы, еще за мгновенье до смерти употребляющей усилія спастись.... И всѣ эти подробности рисуются на громадномъ пространствѣ, темномъ, страшномъ, вдали мрачномъ, какъ адъ, вблизи покрытомъ клубящеюся пѣною прибоя или девятаго вала, вдругъ мшистою скалою падающаго на берегъ.... Ревъ разъяреннаго моря доносился къ намъ издали; съ нимъ сливались перекаты тревоги... Баталіоны живо стали въ ружье и потянулись къ берегу, съ напряженіемъ силъ идя противъ вѣтра; за ними послѣдовала артиллерія, едва влачимая мгновенно измучившимися лошадьми. Одинъ штабъ-офицеръ, мущина колоссальнаго сложенія, идя впереди своей части, едва взобравшись на крайнюю точку высоты, съ которой уже начинался спускъ въ долину, былъ сбитъ съ ногъ порывомъ вѣтра!... Можно вообразить, судя по этому, что сталось съ несчастными палатками и шалашами солдатъ нагорнаго бивака Камчатскаго полка! Уже болѣе часа какъ ихъ почти не существовало, — вѣтеръ все разнесъ, все разрушилъ!... *).

*) Лагерю союзниковъ и вообще ихъ войскамъ эта буря надѣлала также немало непріятностей. Первыя были опрокинуты высокія палатки англійскихъ госпиталей: больные и раненые подъ дождемъ и бурею остались безъ крова. Первою заботою солдатъ было призрѣть этихъ несчастныхъ, отыскавъ имъ помѣщеніе. Два большіе деревянные барака,

Корпусный командиръ пріѣхалъ со свитою; съ крайней высоты осматривалъ положеніе непріятеля; поговорилъ съ нѣсколькими англійскими, французскими и итальянскими матросами, выброшенными на берегъ и схваченными казаками *),

---

въ коихъ устроенъ былъ перевязочный лазаретъ главной квартиры генерала Канробера, уничтожены до основанія, причемъ убиты двое. Ту же участь потерпѣли магазины съ одеждой и съѣстными припасами, принадлежавшими арміи. Пространство, такъ недавно еще оживленное чистыми, бѣлыми шатрами, теперь представлялось бурнымъ потокомъ, уносившимъ съ собою все встрѣчное. Долѣе всѣхъ держались маленькія французскія палатки, введенныя генераломъ Бюжо въ африканской арміи Французовъ, но и тѣхъ постигла общая участь: сорвавшіяся съ коновязей лошади бѣгали какъ бѣшеныя; солдаты бѣгали, отыскивая убѣжища. Вѣтеръ многихъ повалилъ съ ногъ, опрокинулъ множество фуръ съ багажомъ и лазаретныхъ повозокъ. Траншеи наполнились водой,—солдаты должны были вылѣзти изъ нихъ... Такъ описываетъ Guerin (Ibidem, т. II, стр. 8) утро этого достопамятнаго дня въ лагерѣ союзниковъ.

Perret такъ передаетъ это событіе (Ibidem, стр. 188 и далѣе): У союзниковъ буря надѣлала много бѣдъ. У Французовъ одинъ лазаретный баракъ обрушился на больныхъ и большихъ стоило усилій спасти ихъ. Арбу съ запряженными въ нее двумя быками подняло вѣтромъ и съ Инкерманской высоты сбросило въ долину Черной. Цѣлый отрядъ солдатъ *сдуло* съ вершины скалы къ ея подножію. Артиллерійскія орудія откатывались со своихъ мѣстъ, что заставляло тормозить ихъ бревнами. Въ одномъ занятомъ Французами домикѣ вышибло вѣтромъ стѣну, причемъ пострадали многіе солдаты. Несчастнымъ конскриптамъ, только-что прибывшимъ изъ Франціи, недостаточно еще подготовленнымъ къ военной службѣ, дѣлали ученье въ траншеяхъ. Мало еще ознакомленные съ военнымъ ремесломъ, они оказались безсильны въ этой первой борьбѣ; многіе изъ нихъ, придя въ изнеможеніе во время бури, потеряли присутствіе духа, и..... когда буря утихла, и вода наполнявшая траншеи стекла, многихъ нашли въ нихъ мертвыми. Въ Камышѣ Французы потеряли три транспортныя судна; по несчастію, на одномъ изъ нихъ былъ взводъ гусаръ, изъ которыхъ удалось спасти только 6 человѣкъ. Суда сталкивались въ морѣ, ихъ мачты ломались, такелажъ рвался, нѣкоторые опрокинулись.

*) Надо замѣтить, что на воротникахъ синихъ куртокъ этихъ матросовъ были высѣчены красные якоря,—слѣдовательно, это были матросы съ военныхъ судовъ.

„Это,—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ событія,—была сцена неописуемаго томленія подъ воемъ свирѣпаго вѣтра, при ревѣ разбушевавшагося моря, при глухихъ раскатахъ пушечныхъ выстрѣловъ просившихъ помощи погибавшихъ кораблей. Человѣческія усилія были напрасны,—спасеніе или гибель здѣсь зависѣли отъ одного Господа!“ Но съ бурями мореходы свычны и потому союзный флотъ потерпѣлъ меньше сухопутной арміи. Англичане пострадали больше Французовъ. Въ Балаклавской бухтѣ повреждено и разбито множество судовъ.

„Англичане,—пишетъ штабъ-офицеръ Вико, французскій военный агентъ при лордѣ Рагланѣ,—потеряли при входѣ въ Балаклавскую бухту 8 большихъ транспортныхъ судовъ, между которыми пароходъ „Принцъ“ ожидавшій разгрузки. Ничего нельзя было спасти, кромѣ весьма незначительнаго числа людей экипажа. Погибшія суда были нагружены амуниціей, продовольствіемъ, теплой зимней одеждой для всей англійской арміи и 20-дневнымъ запасомъ фуража; на немъ, кромѣ того, было 500 тысячъ ливровъ золотомъ. Въ Херсонской бухтѣ Англичане потеряли пароходъ; при устьѣ Качи 7 или 8 транспортныхъ судовъ и паровой корветъ выбросило на берегъ“.

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 193, ibidem) *Perret* о послѣдствіяхъ этой бури въ лагерѣ союзниковъ говоритъ, что Французы привели въ порядокъ свой лагерь и траншеи въ нѣсколько дней, такъ что изгладились всѣ слѣды бури, тогда какъ Англичане деморализованные съ Инкерманскаго сраженія окончательно были какъ бы уничтожены бѣдствіемъ 2 ноября.

„На слѣдующій день послѣ бури,—говоритъ Perret,—Англичанъ видѣли скитающимися по своему лагерю, какъ души грѣшниковъ. Распростертые на сырой землѣ въ холодныя ночи, они не употребляли никакихъ усилій, чтобы улучшить свое положеніе. Инженеры не снабжали ихъ необходимыми инструментами; никто изъ нихъ не заботился объ удовлетвореніи существеннѣйшихъ потребностей. Что касается до администраціи нашихъ союзниковъ,—она явилась неспособною до невозможности. Продовольствіе, въ которомъ нуждалась армія, было выгружено въ балаклавскіе магазины только 8 ноября, но его еще предстояло доставить въ лагерь, а между тѣмъ эта администрація оказалась неспособною организовать способы транспортировки. Невѣроятное дѣло! Англійскіе солдаты отказались побезпокоиться пріемкой продовольствія въ Балаклавѣ, и мы должны были послать свой обозъ для перевозки его въ англійскій лагерь!“

приказалъ артиллеріи и пѣхотѣ уйти, оставивъ одну, кажется, роту въ помощь казакамъ и объявивъ, что разбиваемыя бурею суда—купеческія, и что было бы безчеловѣчно открыть противъ нихъ огонь, когда они и безъ того на краю погибели.

Зачѣмъ же приводили артиллерію? Вѣдь не могли же думать, что выброшенные на берегъ корабли на колесахъ поѣдутъ далѣе; не съ тѣмъ же вѣдь привели на берегъ артиллерію, чтобъ не допустить ихъ взобраться на нашу высоту? Если привели артиллерію, то, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобъ какъ можно больше судовъ заставить спустить флагъ, сдаться и какъ можно меньше судовъ и экипажей допустить спастись.

Тутъ казаки привели еще человѣкъ 15 иностранныхъ матросовъ; они были частію съ купеческихъ транспортовъ, зафрахтованныхъ французскимъ и англійскимъ правительствами для подвоза арміи различныхъ военныхъ запасовъ, частію съ военнаго парохода „Могадоръ“, прислашаго часть экипажа на помощь погибающимъ транспортамъ, которые собственными силами, по недостатку умѣнья и рукъ, не могли управиться съ бушующею стихіею. Казаки объявили, что, кромѣ этихъ людей, экипажи еще двухъ судовъ выразили желаніе перебраться на берегъ, но что нѣтъ никакой возможности снять ихъ, — къ этимъ судамъ не на чемъ подъѣхать: у насъ нѣтъ ни одной лодки. Корпусный командиръ уѣхалъ. Мы остались посмотрѣть, что будетъ дальше.

Господи Боже, всѣ мы молились, продли эту бурю; повели ей быть полною побѣдительницею въ настоящей борьбѣ, достигнувъ болѣе рѣшительныхъ результатовъ, чѣмъ гибель нѣсколькихъ транспортовъ *); пусть

---

*) Вотъ разсказъ Guerin (Ibidem, т. II, стр. 9 и далѣе) о бѣдствіи на морѣ, постигшемъ въ этотъ день союзниковъ.

Когда буря начала свирѣпѣть, французскія и англійскія суда бросили всѣ свои якоря. Но вскорѣ якорныя цѣпи порвало, и суда начало выбрасывать на берегъ. Боковая и килевая качка такъ была ужасна, что никто не могъ держаться на палубѣ, не прицѣпившись къ шкафуту или мачтѣ. Снѣгъ и градъ рѣзали лицо и заставляли коченѣть руки матросовъ.

Якоря не выдержали ни въ Камышѣ, ни въ Балаклавѣ, особенно въ Балаклавѣ. Всюду представлялось бѣдствіе. Англійскія суда, такъ недавно еще стоявшія въ линіяхъ, на балаклавскомъ рейдѣ, какъ въ бассейнѣ, прогнало въ глубину бухты; собравшись около „Sans-Pareil“, они, такъ-сказать, втолкали этотъ огромный линейный корабль на мель. Англійскіе линейные корабли или потеряли мачты, или потерпѣли большія аваріи. 5 транспортовъ и 13 купеческихъ судовъ выбросило на берегъ у Качи: по счастію,—говоритъ Guerin (къ сожалѣнію, скажемъ мы), эти суда не были нагружены. Семь англійскихъ транспортовъ, нагруженныхъ продовольствіемъ, амуниціей, фуражомъ, теплою одеждою, погибли съ грузомъ у входа въ Балаклавскій портъ, при чемъ изъ экипажей ихъ, весьма значительныхъ, спаслось только 40 человѣкъ. Между этими транспортами былъ превосходный пароходъ „Принцъ“, имѣвшій, по крайней мѣрѣ, 150 чел., транспортировавшихъ особый военный приборъ для дѣйствія по Севастополю и весьма большой запасъ зимней одежды для арміи. При этомъ погибъ и инженеръ Инглисъ (Inglis), отправившійся на бортъ *несчастнаго* „Принца“, чтобы способствовать выгрузкѣ и доставленію къ Севастополю помянутой машины. Гибель „Принца“ и другихъ судовъ, нагруженныхъ необходимыми для арміи припасами, была непоправимымъ несчастіемъ для Англичанъ, не имѣвшихъ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, даже чѣмъ прикрыться отъ дождей и холода.

Два турецкіе фрегата и нѣсколько судовъ другихъ наименованій погибло также въ этотъ день. Турецкій адмиральскій корабль избѣжалъ вѣрной гибели, только срубивъ мачты.

Передъ мысомъ Херсонесъ, передъ Евпаторіей и до самыхъ береговъ Одессы всюду

она разыграется еще сильнѣе и поставитъ на краю гибели эти плавучія крѣпости, которыя доселѣ безтрепетно выдерживаютъ грозную борьбу! Авось и мы тогда проснемся, авось воспользуемся этою улыбкою судьбы! А то бурный день клонится къ вечеру, мы же не извлекли никакой для себя выгоды изъ столь благопріятныхъ для насъ обстоятельствъ. Ясно, что Провидѣніе отдаетъ намъ на жертву значительную часть непріятельскихъ военныхъ средствъ; если мы этимъ случаемъ не воспользуемся, то не кого будетъ намъ винить! Лишь только начнетъ стихать буря, союзники тотчасъ употребятъ всѣ силы, чтобъ спасти свои суда или, по крайней мѣрѣ, ихъ экипажи; зачѣмъ же мы упускаемъ изъ рукъ военные призы, плѣнныхъ, флаги непріятельскихъ судовъ? упускаемъ случай порадовать Россію разсказами *о какомъ-нибудь* успѣхѣ надъ врагомъ, по крайней мѣрѣ, о вредѣ ему нанесенномъ? *).

Люки непріятельскихъ судовъ закрыты; борясь съ бурею, флотъ не могъ бы поддерживать дѣйствительный противъ насъ огонь; еслибы наша артиллерія начала его обстрѣливать, она увеличила бы суматоху въ погибающемъ флотѣ и болѣе приблизила бы его къ гибели. Да и почему бы съ ближайшихъ батарей не привезть два или три крѣпостныхъ орудія? Ихъ было бы возможно перетащить на людяхъ посредствомъ тѣхъ огромныхъ колесъ, на которыхъ эти орудія, привязанныя къ ихъ оси, перевозятъ на батареи. На эту перевозку возможно употребить подъемныхъ и артиллерійскихъ лошадей, а настилку для временной платформы ничего бы не стоило сдѣлать. Поста-

---

гибли суда. Англійскій транспортъ утонулъ въ виду самой Одессы съ экипажемъ и 250 Русскими плѣнными, перевозимыми въ Константинополь. Съ французскаго корабля „Le Sané“ порывомъ вѣтра, на высотѣ мыса Херсонесъ, сорвало большую пушку, ошвартовленную на бакѣ, боковою качкою перекинуло ее за бортъ съ лафетомъ, что едва не было причиной гибели самаго судна. Вблизи этого же мыса опрокинулось французское судно „Дунай“, но экипажъ его спасся. „La Perseverança“, изъ Ливорнскаго порта зафрахтованный Французскимъ правительствомъ, перевозившій изъ Варны въ Крымъ 25 гусаръ съ лошадьми, *переломился* пополамъ. Спаслось 19 гусаръ.

Передъ Евпаторіей погибло до 15 англійскихъ и французскихъ транспортовъ.

Паровой корветъ „Плутонъ“ успѣшно боролся съ бурею, но на его бакбортъ навалился большой англійскій бригъ, потерявшій мачты, и заставилъ его потерпѣть одну участь съ другими погибшими судами. Экипажъ спасся. Въ этотъ же день французскій флотъ потерпѣлъ еще большее несчастіе, потерявъ линейный корабль „Генрихъ IV“, выброшенный на берегъ. Тутъ же погибли: турецкій линейный корабль подъ флагомъ, контръ-адмирала и множество транспортовъ.

*) Очень многіе тогда были убѣждены, что слѣдовало воспользоваться этою ужасною бурей и нанести пораженіе союзникамъ, сдѣлавъ рѣшительную вылазку изъ Севастополя, ударивъ на осаждающихъ всѣми силами. Но развѣ такого рода ударъ могъ быть нанесенъ безъ предварительнаго, основательнаго къ тому приготовленія? Состоявшій при нашей арміи прусскій докторъ Пфлюгъ (въ Souvenirs de la Campagne de Crimeé—Journal d'un medecin Allemand a Service du l'armée Russe“. Перев. съ нѣм. Paris. 1862) говоритъ: „Еслибы я былъ княземъ Меньшиковымъ, я бы воспользовался этой бурей, чтобы внезапно ударитъ на непріятеля. Другаго, такого прекраснаго случая разбить его—не представится, такъ какъ при томъ безпорядкѣ, въ которомъ въ настоящую минуту находится, непріятельскій станъ, и при настоящей неподготовленности ихъ къ отпору, надо полагать что наша атака имѣла бы громадный успѣхъ. Но этому не вѣрили и никто не думалъ воспользоваться этою неожиданною милостію Неба“ (стр. 82—83).

Marechal (Ibidem. La guerre de Crimée, стр. 214) утверждаетъ, что послѣ этой бури мы могли безъ затрудненія взять Евпаторію, гдѣ оставался самый слабый гарнизонъ, еслибы у насъ была на этомъ пунктѣ пѣхота.

вивъ такія орудія въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобъ они, по возможности, были отъ непріятеля прикрыты, можно произвесть у него большее опустошеніе. Но сегодня не было предпринято никакой мѣры; даже казаки и солдаты ворчали, говоря, что слѣдовало сегодня, пользуясь бурею, пощипать недруга. Всѣ офицеры генеральнаго штаба, бывшіе сегодня съ нами, думаютъ, что подвинутые къ берегу корабли необходимо было заставить артиллерійскимъ огнемъ спустить флаги; артиллеристы отвѣчаютъ, что по непріятелю отлично можно дѣйствовать съ берега батарейными орудіями и что мы занимаемъ весьма удобную для этого позицію. Про мнѣніе большинства изъ насъ и говорить нечего: мы всѣ до одного убѣждены, что сегодня надо было поподчивать союзниковъ гранатами; но станутъ ли обращать вниманіе на наши мнѣнія? Въ чемъ же дѣло? Почему не принимали никакихъ мѣръ противъ гибнущаго флота? Почему только полюбовались ужасною картиною и разъѣхались, ничего, рѣшительно ничего не сдѣлавъ?!... *)

А картина-то, картина, право, выше описаній! Стоитъ вообразить отвѣсныя скалы берега направо и налѣво отъ устья Качи; силящіяся сравниться съ громадными скалами волны разъяреннаго моря и то на ихъ гребнѣ, то въ пропастяхъ между ними образующихся, множество судовъ различныхъ ве-

---

*) За мѣропріятія въ эту бурю генералу Даненбергу досталось отъ общественнаго мнѣнія войска и отъ молвы, если не народной, то военной, больше чѣмъ за неуспѣхъ Ольтеницкаго дѣла, больше чѣмъ за Инкерманскій погромъ. Въ непринятіи никакихъ мѣръ къ усиленію бѣдствій, которыя терпѣлъ непріятель отъ разыгравшейся бури,—въ этихъ ласковыхъ бесѣдахъ его съ выброшенными на берегъ людьми непріятельскихъ судовъ,—въ приказаніи прекратить всякія дѣйствія противъ этихъ судовъ въ самый удобный моментъ для таковыхъ дѣйствій, усмотрѣли не филантропію и космополитизмъ генерала, которые вѣроятно и руководили этими дѣйствіями, а совершенное презрѣніе интересами того государства, которому онъ служитъ, и предпочтеніе имъ интересовъ его враговъ.

„Свой своему поневолѣ братъ!“ твердили въ нашихъ рядахъ. „Ясно что Даненбергъ Полякъ до мозга костей, хотя и съ нѣмецкой фамиліей, при всякомъ случаѣ помирволитъ друзьямъ Поляковъ—Французамъ да Англичанамъ“.

„Не даромъ,—говорятъ офицеры,—Меньшиковъ терпѣтъ его не можетъ и ни за что не хотѣлъ, чтобы онъ приходилъ въ Крымъ подъ его команду“...

Въ сущности Петръ Андреевичъ Даненбергъ былъ вовсе не Полякъ, а Шведъ по происхожденію, хотя дѣйствительно долго служилъ въ Польшѣ еще при Константинѣ Павловичѣ и у насъ его считали Полякомъ.

Меньшиковъ еще до Ольтеницкаго сраженія писалъ о немъ князю Горчакову (9 іюня 1853 г.): „Очень жалѣю, любезный князь, что у васъ подъ командой ученикъ Куруты—Даненбергъ и генералы 5-го корпуса, въ которомъ еще не угасъ духъ Литовскаго корпуса“ („Русск. Ст.“, янв. 1875 г. „Оборона Севаст.“, стр. 176). Даненбергъ никому не нравился. *Князь Горчаковъ* писалъ о немъ Меньшикову: „Danenberg ne fera que de l'eau claire. Ses moyens ne sont pas tels qu'on puisse lui confier avec succès un commendemant détaché“. Въ свою очередь князь Меньшиковъ писалъ о немъ Горчакову: „Danenberg est un idéologue et un utopiste de cabinet et possede peu d'energie“; и въ другомъ письмѣ: (10 ноября 1854 г.), говоря о нездоровьѣ своемъ и князя Петра Горчакова, замѣчаетъ, что если ихъ болѣзнь усилится и они не въ состояніи будутъ командовать, „тогда главное начальство должно перейти въ руки Даненберга, но это было бы истинное несчастіе. Я, прибавилъ Меньшиковъ, обратилъ вниманіе военнаго министра на это обстоятельство“ (Рус. Стар. фев., стр., 313). *Нахимовъ* невзлюбилъ Даненберга при первомъ съ нимъ свиданіи. Наканунѣ Инкерманскаго дѣла Даненбергъ, встрѣтивъ Нахимова, извинился, что доселѣ не былъ у него съ визитомъ. „Помилуйте, ваше высокопр-ство,—отвѣчалъ Нахимовъ,—никакъ я этого не ожидалъ. Вы лучше бы сдѣлали визитъ Сапунъ-Горѣ-съ“! и въ заключеніе дальнѣйшаго разговора сказалъ: „Ну, знаете, ваше пр-ство, грѣшный я человѣкъ-съ, а мнѣ кажется, завтра не быть добру“!

личинъ, цѣлый флотъ, двигаемый какъ бы сверхъестественною силою къ берегу, на которомъ ждетъ его гибель! Суда большей величины напрягаютъ силы, выдерживаютъ борьбу, но изъ самой среды ихъ одинъ за другимъ отдѣляются слабѣйшія, ихъ подхватываютъ волны и несутъ ближе, ближе... Вотъ поднялась волна, рухнула на берегъ и оставила на немъ принесенное ею судно; вотъ тѣмъ же путемъ идетъ другая несчастная жертва; вотъ лежатъ уже на берегу многія суда, и волны, какъ бѣшеныя, прыгаютъ черезъ нихъ, рвутъ, ломаютъ ихъ на части, бичуютъ и терзаютъ, то приподымая съ берега, то вновь объ оный ударяя...

Ночь.

Я было разоблачился, разсчитывая отогрѣться у пылающаго камина, поотдохнуть послѣ трудоваго дня; но вдругъ при словѣ ординарца „пожалуйте къ генералу!“ разлетѣлись мои мечты и надежды. Нечего дѣлать, бреду по грязи, при ревѣ еще не совсѣмъ затихнувшей бури.

— Что прикажете?

— Главнокомандующій прислалъ лейтенанта Хонджогло и мичмана Нелединскаго взять у насъ чттыре батарейныя орудія со взводомъ пѣхоты и сжечь непріятезьскія суда, прибитыя къ берегу. Распорядитесь сейчасъ же.

— Слушаю.

Юный мичманъ увѣряетъ, что пострадавшія суда купеческія, и ему какъ будто совѣстно дѣйствовать противъ нихъ—оружіемъ. Чтобы казалось тутъ фантазировать? Вѣдь эти милые купцы не апельсины мессинскіе привезли къ намъ, не французскій табакъ, не блонды и кружева, а привезли намъ смерть и гибель, доставляя нашимъ врагамъ порохъ, свинецъ, желѣзо, продовольственныя средства, средства перенести нашу зимнюю стужу, на помощь которой въ свое время, мы, признаться сказать, возлагаемъ большія надежды, особенно если союзники не будутъ приготовлены встрѣтить искони грозную для нихъ гостью. Чего же жалѣть этихъ купцовъ? Всякій такой транспортъ, если онъ и не вооруженъ пушками, вреднѣе для насъ роты непріятельскихъ солдатъ; а въ какое бы трудное положеніе ни была поставлена обстоятельствами таковая рота, мы вѣдь никогда не откажемся взять ее въ плѣнъ или уничтожить! Право, на мои глаза это странное понятіе: „они и безъ того страдаютъ, и безъ того отяготѣла надъ ними рука Господня: что же намъ-то еще увеличивать ихъ несчастіе?!“ Если прилагать къ военному ремеслу такія филантропичныя идеи, то придется не только не нападать на врага, въ случаѣ, если напримѣръ въ его арміи разовьется какая эпидемія, но и въ такомъ случаѣ, если у него мало снарядовъ, артиллерія еще не привезена, если его оборонительныя работы еще не кончены и проч. и проч. и проч.

Нѣтъ, всякимъ несчастнымъ случаемъ, постигшимъ непріятеля, надо пользоваться, надо умѣть извлечь изъ него выгоду; всякое великодушіе должно имѣть предѣлъ; преступая этотъ предѣлъ, лицо преступающее дѣлается виновнымъ относительно своихъ собратій: все что сдѣлано во вредъ врагу—

сдѣлано въ пользу собратій, и наоборотъ! Какъ бы то ни было, а мы сдѣлали должное распоряженіе къ немедленному выступленію указанныхъ частей. Но теперь 9 часовъ: пока батарея поднимется, пока она дойдетъ до мѣста, навѣрно будетъ 12 часовъ ночи—темной, зги не видать. Какимъ же образомъ эта экспедиція будетъ зажигать суда артиллерійскимъ огнемъ, когда едва ли непріятельскія суда будутъ обрисовываться на мрачномъ грунтѣ моря. Говорятъ: будемъ стрѣлять на огоньки этихъ судовъ; ну, а если эти огоньки тотчасъ послѣ первыхъ выстрѣловъ будутъ погашены? Мнѣ кажется, изъ этой экспедиціи, кромѣ напрасной суеты и утомленія для людей и лошадей, ровно ничего не произойдетъ. Если хотѣли нанесть непріятелю вредъ, то надо было наносить его сегодня днемъ, а не ночью.

— Что-жь,—спрашиваетъ меня товарищъ мой Клейнгаусъ,—велѣли вы коня сѣдлать?

— Это зачѣмъ?

— Да вѣдь вы рьяный; ну, поѣзжайте посмотрѣть на ночное представленіе!

— Нѣтъ, слуга покорный, насмѣшникъ вы эдакой; я лучше попытаюсь увидѣть во снѣ повтореніе сегоднешней бури!...

3 ноября.—Бельбекъ.

Ночная экспедиція, какъ мы и предполагали, кончилась пустяками. Баталіонъ моряковъ и охотниковъ ходилъ къ устью Качи; пришли ночью *съ фонарями*, посмотрѣли, походили по берегу: ничего ровнехонько не сдѣлали и ушли. Нѣсколько человѣкъ два раза бросались въ волны, пытаясь добраться до непріятельскихъ кораблей, но всѣ усилія были тщетны,—смѣльчаковъ выбрасывало волною на берегъ, а одинъ боцманъ утонулъ.

Намъ кажется, что главнокомандующій недоволенъ нашимъ отрядомъ за наше вчерашнее бездѣйствіе, дилетантическое созерцаніе великолѣпной картины крушенія множества непріятельскихъ судовъ и за излишнее человѣколюбіе. Сегодня свѣтлѣйшій предписалъ генералу Даненбергу взять, сколько понадобится, войска и артиллеріи и идти уничтожить или взять изъ непріятелькаго флота что окажется возможнымъ.

Корпусный командиръ предписалъ генералу Павлову исполнить эту операцію, а онъ, въ свою очередь, возложилъ это порученіе на генерала Заливкина, поѣхавъ въ повозкѣ посмотрѣть, какъ будетъ выполняться это распоряженіе.

Мы приблизились къ морю; волненіе еще не улеглось, но, по словамъ моряковъ флотъ сегодня уже внѣ опасности, потому что на морѣ *одна* зыбь, а вѣтеръ *другой*, такъ суда могутъ держаться; и еслибъ доселѣ дулъ вчерашній вѣтеръ, т.-е. *на берегъ*, то не одно бы еще судно было сегодня выброшено на прибрежныя скалы.

Моряки единогласно говорятъ, что вчера надлежало дѣйствовать по флоту: корабли были очень близко къ берегу, должны были закрыть люки,

выпустили слишкомъ много каната, стояли на вольной водѣ, ихъ прибивало къ берегу: они не могли защищаться.

Поставивъ орудія на высотахъ морскаго берега, можно было нанести большой вредъ непріятелю.

Но прошлаго не воротишь!... Другой столь удобный моментъ повредить морскимъ средствамъ союзниковъ едва ли представится въ эту кампанію.

Съ полковникомъ Сабашинскимъ мы доѣхали по берегу моря, на лѣвомъ берегу Качи, до казачьяго пикета, стоявшаго противъ прибитаго къ берегу французскаго военнаго транспорта. На обломкахъ его мачты, совершенно накренившейся, вилось нѣсколько флаговъ; погибшее судно все еще подавало сигналы своимъ, вѣроятно, умоляя о спасеніи. На транспортѣ виднѣлись люди.

— „Много народа на кораблѣ?—спросили мы у казаковъ.“

— Человѣкъ десятка полтора.

— „Что же они?“

— Да ничего, ваше благородіе. Не палятъ, смирны стали; подъѣдемъ, все шапками машутъ, кланяются.

— „Можно говорить съ ними?“

— Кто знаетъ! по ихнему чай можно.

Мы съ казакомъ поѣхали къ кораблю; казакъ на всякій случай вооружился бѣлымъ платкомъ. По сыпучему песку мы добрались до самаго морскаго берега, о который съ неописанною силою разбивались волны, своимъ ревомъ заглушая человѣческіе голоса.

Непріятельское судно стояло къ намъ носомъ; на палубѣ его видно было обращенное къ намъ орудіе большаго калибра; сломанныя мачты болтались у бока, ударяясь о судно. На кораблѣ были люди.

Мы закричали имъ, чтобъ они сдались, чтобъ подняли бѣлый флагъ, что мы найдемъ средство взять ихъ на берегъ, гдѣ они встрѣтятъ гостепріимство. Слышалъ ли, нѣтъ ли, крикъ нашъ, повидимому, старшій изъ находившихся на кораблѣ, почтенной наружности, хорошо одѣтый господинъ, только онъ приподнялъ фуражку и указалъ намъ на орудіе и на флагъ, какъ бы желая показать, что долгъ побуждаетъ его, какъ начальника военнаго судна, защищаться до послѣдней крайности, не сдаваясь добровольно. Словъ этого господина, за ревомъ волнъ, мы не разслышали и въ свою очередь поклонясь уѣхали.

Вся сегоднешняя исторія кончилась тоже ничѣмъ. Еще нѣсколько часовъ мы думали, да гадали, что бы намъ предпринять, а между тѣмъ море значительно улеглось, непріятельскій флотъ давно уже развелъ пары, и на немъ замѣтно закипѣла лихорадочная дѣятельность.

Днемъ мы не рѣшились открыть по судамъ артиллерійскаго огня, полагая, что флотъ двумя, тремя залпами смететъ насъ и съ артиллеріею, какъ метлою съ берега; отложили дѣло уничтоженія пострадавшихъ судовъ опять до ночи. А между тѣмъ множество лодокъ, отдѣлясь отъ непріятель-

скаго флота, несмотря на сильное еще волненіе, стали подъѣзжать къ судамъ и забирать съ нихъ не только людей, но и различныя вещи. Наши послали штуцерниковъ на кручу морскаго берега за Качу и потащили туда же артиллерію. Пока наши штуцерники добѣжали до берега, моряки союзниковъ, какъ говорятъ наблюдавшіе за ними казаки, сдѣлали свое дѣло, посадили людей въ лодки, нагрузились вещами и отвалили. Едва наши штуцерники показались на гребнѣ берега и открыли огонь по отплывшимъ лодкамъ, какъ съ кораблей послали намъ два ядра, впрочемъ не долетѣвшія до насъ, и бросили двѣ шрапнелевы гранаты, лопнувшія надъ нами, не причинивъ однако никому вреда. Штуцерники караулили людей на разбитыхъ корабляхъ, думая поподчивать ихъ свинцовымъ гостинцемъ, но никто не появлялся: спрятались, видно, въ ожиданіи ночи, или всѣ уже были перевезены. Словомъ, и это наша экспедиція не имѣла успѣха.

Намъ надо было вчера еще, до разсвѣта, устроить нѣсколько ложементовъ на крутомъ берегу, засадить туда штуцерниковъ, каждому ложементу поручить особое судно, два, три; штуцерники не позволили бы лодкамъ подойти безнаказанно къ оберегаемымъ судамъ, тѣмъ болѣе нагрузиться и уйти.

Артиллерія со штуцерниками осталась на позиціи до ночи. Когда совершенно стемнѣло, наши открыли огонь, но бросивъ четыре гранаты и не видя отъ нихъ ровно никакого результата, не стали долѣе бить воздуха и взялись на передки. Непріятельскій флотъ, усѣянный огнями, не отвѣчалъ ни однимъ выстрѣломъ на наше хлопанье, гордо покачиваясь на усмирившихся волнахъ и, вѣроятно, посмѣиваясь надъ нашими попытками.

Такъ мы и не воспользовались тѣмъ благопріятнымъ случаемъ, какой намъ сама природа какъ бы устроила, чтобы большой имѣть успѣхъ надъ непріятелемъ. Одною изъ главныхъ этому причинъ—безпорядокъ, доселѣ еще царящій въ штабѣ князя Меньшикова. Атаманъ казачьихъ войскъ Красновъ на вопросъ полковника Бялого: „Какъ онъ находитъ существующіе въ штабѣ главнокомандующаго порядки?“—отвѣчалъ: „Извѣстно, у нихъ тамъ—по-морскому! Тамъ нашъ братъ у нихъ никакого толку не доберется!“ И дѣйствительно, по всему видно, что въ трудномъ дѣлѣ управленія арміею не искусился ни князь Меньшиковъ, ни его окружающіе,—безпорядокъ и неурядица во всемъ *).

7 ноября.

Благослови, Господь!—Нашу дивизію тронули въ Севастополь! Доселѣ ее держали въ сторонѣ, чтобы дать опомниться послѣ 24 октября.

---

*) Генералъ Затлеръ въ своемъ „Описаніи распоряженій по снабженію Крымской арміи въ войну съ 1854—1856 годъ“ (Лейпцигъ 1877 г. стр. 42) говоритъ: „Со времени назначенія Остенъ-Сакена начальникомъ Севастопольскаго гарнизона, здѣсь водворился порядокъ, вмѣсто существовавшей до того времени анархіи, происходившей отъ того, что морское вѣдомство, почитая себя совершенно независимымъ, неохотно подчинялось сухопутному вѣдомству“.

Мы переформировали Охотскій полкъ въ двухбаталіонный составъ; составъ остальныхъ трехъ полковъ не измѣненъ.

Честь вступленія въ Севастополь первымъ изъ нашей дивизіи предоставлена старшему полку дивизіи—Селенгинскому. Онъ пошелъ въ городъ 5 ноября и сталъ въ резервѣ на Николаевской площади, а сегодня перешелъ на четвертый бастіонъ, подъ начальство генерала Баумгартена, на самый опасный, въ настоящее время, пунктъ Севастопольской защиты, противъ котораго союзники употребляютъ наибольшія усилія.

Вчера перешелъ въ Севастополь Якутскій полкъ и расположился бивакомъ въ Ушаковой балкѣ.

Черняевъ оба раза ѣздилъ ставить эти полки на указанныя мѣста. Онъ разсказываетъ, что и теперь еще можно заключить о красотѣ Севастополя, хотя большая часть домовъ, особенно ближайшихъ къ непріятелю, похожа на рѣшето.

Моряки, говоритъ Черняевъ, не унываютъ и своимъ мужествомъ много придаютъ духа другимъ войскамъ, не столько еще свыкшимся съ опасностію, какъ они. Жены моряковъ носятъ на батареи пищу мужьямъ, нѣкоторыя погибаютъ или на бастіонахъ, или дорогою; но настанетъ вечеръ и во всѣхъ домикахъ видны огоньки: населеніе города, доживая можетъ-быть свой послѣдній часъ, живетъ не думая о своемъ завтра.

Даже женщины говорятъ: „не отдадимъ города, къ мужьямъ на помощь пойдемъ, когда врагъ на *штурму* полѣзетъ; всѣ погибнемъ, а не увидимъ гибели нашего роднаго уголка!“

Говорятъ, у насъ взорвали, какъ-то недавно, пороховой погребокъ на одной изъ нашихъ передовыхъ батарей; вся линія нашихъ ближайшихъ къ этому пункту укрѣпленій единодушно закричала: „ура!“ и за взрывъ отвѣчала врагу залпомъ изъ всѣхъ орудій. Плѣнные разсказываютъ: „видя такое мужество Севастопольцевъ, у насъ въ лагерѣ подумали: что же это за люди!?“...

Непріятельскій флотъ что-то сосредоточился передъ бухтою. Въ городѣ ждутъ какой-нибудь рѣшительной попытки со стороны непріятеля—предположеніе, тѣмъ болѣе вѣроятное, что онъ почти не стрѣляетъ, какъ будто къ чему-то приготовляется. Господи, помоги нашему дѣлу! Великій просвѣтитель земли Русской, Князь Равноапостольный! не дай намъ лишиться того мѣста, гдѣ ты пріялъ крещеніе во спасеніе намъ! Наши солдаты молодцы, офицеры не унываютъ, только пошли намъ Господи для оживленія нашихъ нравственныхъ силъ хотя небольшую побѣду, хоть незначительный успѣхъ: онъ нуженъ намъ, какъ капля свѣжей воды скитальцу пустыни въ знойный день! Духъ нашъ еще не ослабѣваетъ, но можетъ ослабѣть при постоянныхъ неудачахъ. Бодрость и рѣшительность нашего солдата проглядываетъ въ каждомъ его дѣйствіи: надо бы ее употребить съ пользою. Бранныхъ встрѣчъ онъ не боится; только надобно стараться, чтобы эти встрѣчи сопровождались благопріятными обстоятельствами. Еслибы не эти обстоятельства, то и дѣло 24 октября имѣло бы другой исходъ, и мы теперь въ другомъ были бы

положеніи, а наши усилія того дня заслуживали лучшей участи, потому что въ этотъ незабвенный день многіе славно дрались. Третьяго дня объ этомъ событіи былъ достопримѣчательный разговоръ. Когда Селенгинскій полкъ началъ переправляться въ Севастополь, переправа почему-то замедлилась и полкъ, оставивъ ружья, часа два стоялъ у переправы и почти все это время ихъ Императорскія Высочества изволили бесѣдовать съ солдатами, запретивъ имъ становиться въ ружье, и будучи окружены ихъ толпами.

Вотъ нѣкоторые эпизоды этой бесѣды.

Великій князь Николай Николаевичъ изволилъ спросить штуцерниковъ:

— Что, братцы, правду ли говорятъ, ваши штуцера при пальбѣ очень дергаютъ, отдаютъ?

Одинъ солдатъ и началъ объяснять по-своему, впрочемъ съ знаніемъ дѣла, что штуцера отдаютъ дѣйствительно, но у того только, кто плохо стрѣляетъ, кто досконально не знаетъ какъ должно, при пальбѣ на извѣстную дистанцію, держать себя относительно штуцера...

Внимательно выслушавъ разскащика, Его Высочество изволилъ продолжать:

— Ну, а штыки-то, у васъ, братцы, говорятъ, совсѣмъ тупые, у Англичанъ, говорятъ, гораздо острѣе. Правда ли?

— „Ничего, Ваше Высочество,—отвѣчалъ голосъ изъ толпы,—ловко и наши лѣзутъ“.

— Поди, поди сюда молодецъ, ты почемъ знаешь?—изволили спрашивать Ихъ Высочества протолкавшагося изъ заднихъ рядовъ невзрачнаго на видъ, но, какъ казалось, удалаго солдата.—Развѣ ты пробовалъ?

— „Да, какъ же не спробовать Ваше Высочество“?

— Ну, ну, разскажи, когда, кого и какъ ты хватилъ?

— „24 октября, Ваше Высочество, взлѣзли мы на батарею; ребята, что шли впереди, обработали уже по чести всѣхъ; я съ заклепкою, съ ершомъ такимъ, что передъ сраженьемъ намъ роздали, прямо бѣгу къ орудію. Глядь, а одинъ Англичанинъ мнѣ прямо въ лицо изъ пистоля какъ хватитъ—да, пуля-то по шапкѣ пошла, а я его въ брюхо штыкомъ: онъ только ногою лягнулъ; я повернулся—отколь ни возьмись другой, размахнулся да прикладомъ хотѣлъ меня по затылку. Слава Богу, повернуться успѣлъ, такъ что онъ меня мазнулъ только по груди, а я же его какъ хвачу въ бокъ штыкомъ! загналъ сгоряча чуть не по самую дужку,—онъ только крякнулъ, да такую—инъ рожу скорчилъ, что глянуть гадко“.

— Ничего, Ваше Высочество, штыки у насъ тупы, правда, а куда нужно, лѣзутъ ловко—ничего—прибавилъ другой солдатикъ.

Ихъ Высочество изволили собственноручно пожаловать разскащику нѣсколько рублей серебромъ.

8 ноября.

По милости фальшивой тревоги не спали всю ночь. Казаки наврали, донеся что Французы наступаютъ и строятъ переправу черезъ Черную рѣчку.

Получено было приказаніе немедленно двинуть 2 бригаду нашей дивизіи въ Инкерманскую долину. Сдѣлали соотвѣтствующія распоряженія, подняли войска, но выступить не успѣли, такъ какъ было получено изъ главной квартиры приказаніе не тревожить войскъ. Оказалось, что Французы дѣлали рекогносцировку въ долину Черной въ намѣреніи укрѣпить высоты по ту сторону устья Черной, ближе къ бухтѣ. Наши это усмотрѣли и начали строить батарею около развалинъ Инкермана, завтра ее уже вооружатъ.

9 ноября.

Маіоръ Полѣсскій-Щепилло живъ. Думали что онъ убитъ 24 октября. Сегодня ночью получено отъ него письмо изъ главной квартиры Англичанъ. Пишетъ, что ему тамъ хорошо,—за нимъ очень ухаживаютъ, къ нему такъ внимательны англійскіе медики и прочій госпитальный персоналъ, что онъ не находитъ словъ благодарить ихъ.

Впрочемъ какъ же иначе можно и писать изъ плѣна *)?

Французы помѣнялись съ Англичанами позиціями. Англичане перешли на лѣвый флангъ атакующей линіи, ближе къ морю; Французы стали противъ лѣвой половины нашей оборонительной линіи. Очевидно союзники готовятъ какое-нибудь предпріятіе и потому Французы заняли болѣе опасный для насъ пунктъ. Французы для насъ опаснѣе Англичанъ, они несравненно лучше дерутся, ихъ ударъ стремительнѣе и сильнѣе, напоръ они выдерживаютъ тверже. Въ Инкерманскомъ дѣлѣ наши мигомъ опрокинули и погнали Англичанъ,—они удирали не только бросая ружья, но даже сбрасывая съ себя амуницію, чтобы легче было бѣжать. Солдаты разсказываютъ, что многіе изъ нихъ, видя приближеніе нашихъ и невозможность удрать, притворялись мертвыми, чтобы ихъ не трогали, и когда наши пробѣгали дальше, они вскакивали и убѣгали; замѣтивъ эту продѣлку, наши прикололи нѣсколько такихъ хитрецовъ.

10 ноября.—Бельбекъ.

Въ 10 часовъ (безъ малаго) вечера началась сильнѣйшая канонада въ Севастополѣ. Артиллерійскій офицеръ Лепарскій, пріѣхавшій изъ Севастополя, разсказываетъ, что предположено было сдѣлать вылазку, чтобы отбить захваченныя у насъ третьяго дня вечеромъ ложементы передъ 4-мъ бастіономъ. Этотъ случай нашей потери передаютъ такимъ образомъ: увидѣли цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ, надвигавшуюся на наши ложементы, и занялись перестрѣлкою съ наступающими, не замѣтивъ что другая цѣпь непріятеля приближалась къ нашимъ ложементамъ ползкомъ, не открывая огня,—вдругъ вскочили, бросились къ ложементамъ и овладѣли ими. Теперь отъ потери этихъ ложементовъ очень трудно стало на 4-мъ бастіонѣ, особенно бьютъ артилерійскую прислугу, когда заряжаютъ орудіе.

*) Однакоже этотъ внимательный уходъ не помѣшалъ бѣдному Щепилло умереть въ плѣну отъ полученной имъ раны.

Поздній вечеръ.

Сейчасъ мы перемѣнили своими людьми конвой и отправили дальше шестьдесятъ одного плѣннаго, Англичанъ и Французовъ и нѣсколько офицеровъ, старшій изъ нихъ—лейтенантъ Дуффъ. Надо полагать, что они остались довольны нашимъ пріемомъ: мы ихъ всѣхъ накормили и напоили. Офицеровъ мы приняли въ своей саклѣ и чаемъ подчивали, и виномъ, и ужиномъ. Дуффъ—прекрасный, образованный молодой человѣкъ, очень ко мнѣ расположился, попросилъ на память написать свою фамилію въ его записной книжкѣ и записалъ свою въ моей. Разсказывалъ, что всѣ офицеры его полка до одного убиты или тяжело ранены подъ Алмой и Инкерманомъ и солдатъ ихъ полкъ потерялъ болѣе ста человѣкъ. На мои распросы разсказалъ, что онъ здѣсь въ походѣ получалъ содержанія въ день 8 шиллинговъ, да по званію ротнаго командира за каждую сотню человѣкъ, входящую въ составъ его роты, 2½ шиллинга, да лагерныхъ 2½ шилл., итого въ день онъ получалъ 13 шил. (3 р. 90 к. сер.).

Содержаніе побольше нашего! Почти 1.200 р. въ годъ—лейтенантъ!

11 ноября.

Нечего сказать: хорошо стоять биваками въ ноябрѣ! Холодъ, дождь, грязь, холера! Какое надо имѣть здоровье, чтобы выйти невредимымъ изъ борьбы съ этими врагами человѣческаго организма! Въ утѣшеніе говорятъ, что союзникамъ еще тяжеле нашего, что холера у нихъ сильнѣе нашего развита и кромѣ того начала свирѣпствовать цинга. Тоже весело!... а на горизонтѣ нашемъ все играетъ зарница выстрѣловъ, все гремятъ непрерывные раскаты пушечнаго грома и бомбы, какъ метеоры, мѣрно, тихо, одна за другою, пролетаютъ по темному небу....

12 ноября.

Безпорядки у насъ большіе, во всѣхъ отношеніяхъ. На Новой Голландіи полки нашей дивизіи строятъ 18-ти-пушечную батарею,—ее кончить еще не успѣли, а она уже разваливается сама собою; пороховой погребокъ на этой батареѣ до того говорятъ плохо построенъ, что онъ того и гляди разрушится отъ одной только тяжести насыпанной на него земли. Постройкой этой руководитъ морской офицеръ, понятія не имѣющій о полевой фортификаціи.

15 ноября.

Сегодня ночью загремѣла ужасная канонада, длившаяся болѣе обыкновеннаго и всѣхъ насъ поставившая на ноги. При подобномъ случаѣ мы, живущіе здѣсь, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Севастополя, несравненно больше безпокоимся, чѣмъ тѣ, которые живутъ въ самыхъ его стѣнахъ. Не зная положительно, что тамъ происходитъ, слыша и видя эту страшную канонаду,

мы думаемъ, что непріятель бросился на штурмъ; стараемся силою и направленіемъ огня опредѣлить, кто одолѣваетъ?

Офицеръ, пріѣхавшій изъ Севастополя, разсказываетъ, что Англичане пытались оторвать у насъ нѣсколько ложементовъ, цѣпью которыхъ защитники Севастополя оградились со стороны непріятеля, и, посадивъ въ нихъ штуцерниковъ, страшное производятъ опустошеніе въ его рядахъ, особенно когда, при смѣнѣ съ траншейныхъ карауловъ, много появляется народа на поверхности земли и нашимъ стрѣлкамъ есть надъ кѣмъ показать свое искусство.

Переметчики единогласно говорятъ, что наши штуцерники успѣли составить у союзниковъ грозную славу, и что они ежедневно приносятъ Богу войны много жертвъ, особенно въ послѣднее время, когда буря 2 ноября произвела чувствительныя разрушенія въ работахъ союзниковъ и заставила ихъ день и ночь трудиться надъ исправленіемъ и возстановленіемъ совершенно почти размытыхъ батарей и надъ очищеніемъ траншей, частію наполнившихся водою, въ которой по-неволѣ должны были стоять траншейные караулы, частію занесенныхъ землею и грязью до того, что они перестали быть защитою солдатамъ. Огромныхъ трудовъ стоитъ спустить воду или освободить траншеи отъ наносовъ грязи и глины; эти работы требуютъ почти столько же труда и крови, сколько нужно для созданія новыхъ траншей. Особенно въ этомъ дѣлѣ страдаютъ Англичане; ихъ осталось немного отъ кровавыхъ боевыхъ катастрофъ и отъ борьбы съ эпидеміею, а между тѣмъ имъ предстоитъ ежедневная работа—штыкомъ или лопатою. Къ тому же, надо замѣтить, что Англичане несравненно болѣе Французовъ терпятъ лишеній всякаго рода отъ нераспорядительности своего военнаго министерства, не снабдившаго эту армію необходимыми предметами для перенесенія тѣхъ лишеній, какія она, противъ всякаго чаянія, встрѣтила въ этомъ суровомъ климатѣ. Особенно дурно у Англичанъ устроена госпитальная часть: у нихъ нѣтъ бараковъ для помѣщенія походныхъ лазаретовъ и больные лежатъ въ холодныхъ палаткахъ, несмотря на наступившіе холода. Къ этой несчастной для англійской арміи нераспорядительности высшихъ властей, на бѣду Англичанъ, присоединился ураганъ 2 ноября, разбившій и уничтожившій значительные запасы съѣстныхъ припасовъ, сѣна и въ особенности теплой одежды, которой достало бы на всю армію.

У Англичанъ начинаетъ обнаруживаться деморализація, самая страшная язва для арміи, и они стали часто перебѣгать къ намъ, всегда единогласно увѣряя, что у нихъ еще остались многіе, ищущіе только случая, чтобы спастись отъ вѣрной гибели, грозящей англійской арміи.

16 ноября.

Къ союзникамъ привезли изъ Метца новый снарядъ—ракеты необыкновенной величины и дальности полета. Онѣ летятъ болѣе пяти верстъ; сила ихъ удара неимовѣрна. Союзники вотъ уже нѣсколько дней сряду бросаютъ эти ракеты въ городъ и въ корабли; но доселѣ ими не произведено особаго

вреда; онѣ только ужасаютъ звукомъ своего полета, раздирающимъ душу. Особенно лошади не могутъ равнодушно слышать полетъ ракеты, хотя онѣ совершенно привыкли къ шуму летящаго ядра или другаго снаряда; при этомъ новомъ для нихъ звукѣ лошади приходятъ въ ужасъ, дрожатъ, какъ въ лихорадкѣ; когда же ракета идетъ низко надъ зданіемъ, въ которомъ онѣ стоятъ, лошади мгновенно дѣлаются потными отъ ужаса, какъ будто онѣ пробѣжали десятокъ верстъ.

Впрочемъ, немного погодя, и къ этимъ снарядамъ привыкнутъ и люди, и животныя, и также мало будутъ обращать на нихъ вниманія, какъ и на бомбы, безпрестанно носящіяся по всему севастопольскому небу.

На дняхъ бомба упала на улицѣ Екатерининской стороны, возлѣ проходившаго мальчика; сдѣлала рикошетъ; подхватила несчастнаго ребенка и въ воздухѣ лопнула, разбросавъ кругомъ маленькіе его члены.

Вчера потребовали меня къ начальнику корпуснаго штаба, генералу Мартинау. Онъ передалъ мнѣ, что сейчасъ получено экстренное распоряженіе главнокомандующаго—немедленно Камчатскому полку перейти въ Севастополь; при немъ слѣдовать дивизіонному штабу и генералу Павлову принять команду надъ пѣхотой лѣвой половины оборонительной линіи.

Начальникъ штаба приказалъ мнѣ какъ можно скорѣе передать частямъ это распоряженіе. Исполняя это приказаніе, я пустилъ своего коня сильнымъ галопомъ, несмотря на глубокую грязь, сплошною массою покрывавшую дорогу, по которой мнѣ надлежало отправляться, и вдругъ—о, ужасъ!—Со всѣхъ четырехъ ногъ мой конь повалился со мною въ грязь, оступившись въ какую-то колдобину... Каска моя погрязла въ одномъ мѣстѣ, я въ другомъ,—въ кафтанѣ на мѣху, съ эксельбантами, съ серебряной портупеей!... Что называется, чортъ чортомъ вылѣзъ я изъ этой ужасной грязи, въ которую попалъ; казакъ вытащилъ мою лошадь, но, конечно, не могъ стереть грязи съ барашковаго чепрака, покрывавшаго мое сѣдло, и я *прилипъ* къ нему... кое-какъ добрался до начальника дивизіи, перепугавъ его своимъ ужасающимъ видомъ, насмѣшивъ имъ товарищей до смерти, однакоже передалъ данное мнѣ приказаніе и принялся, вмѣсто того, чтобы укладываться въ походъ, чиститься и мыться!

Однако, только-что мы уложились и собирались уже выступать, какъ послѣдовало измѣненіе сдѣланнаго распоряженія: вмѣсто Камчатскаго полка идти въ Севастополь Охотскому полку, а генералу Павлову и дивизіонному штабу, оставаться на Бельбекѣ, впредь до приказанія.

Очевидно, что это распоряженіе есть не что иное какъ результатъ интриги противъ генерала Павлова, чтобы не дать ему командованія въ Севастополѣ *).

*) Почти къ этому времени относится отзывъ о генералѣ Павловѣ свѣтлѣйшаго Меньшикова въ письмѣ князю М. Д. Горчакову, въ которомъ онъ (отъ 27 ноября), жалуясь

19 ноября.—Севастополь.

15 ноября Охотскій полкъ, подъ командою подполковника Радомскаго (за болѣзнію полковника Бибикова, происходящею отъ раны, полученной 24 октября), выступилъ съ Бельбекской долины и на пароходѣ „Одесса“ переѣхалъ на южную сторону Севастополя, гдѣ и расположился, первоначально, у Графской пристани. Вечеромъ, 18 ноября, полкъ перешелъ на корабельную сторону въ Аполлонову балку, а сегодня утромъ сталъ въ матросскихъ казармахъ, подъ Малаховъ курганъ. Обязанность Охотскаго полка—ходить въ траншейный караулъ передъ это укрѣпленіе и ежедневно заниматься работами на немъ же. Долѣе всѣхъ другихъ полковъ судьба щадила и берегла Камчатскій. Спасенный почти чудомъ отъ потерь на предполагавшемся штурмѣ передовыхъ силистрійскихъ верковъ, этотъ полкъ не раздѣлилъ съ остальными полками своей дивизіи кровавой трапезы 24 октября и нынѣ еще не переходилъ завѣтной черты Севастополя, когда уже другіе полки стоятъ и дерутся тамъ, подъ его неугасимымъ огнемъ.

Что до насъ, мы было уже и отчаялись побывать въ Севастополѣ, какъ вдругъ полученное вчера приказаніе рѣшило наше переселеніе.

Съ особымъ замираніемъ сердца я переѣхалъ бухту... Переѣду ли ее назадъ?

Частный приставъ отвелъ мнѣ въ помѣщеніе съ Клейнгаусомъ покинутый жильцами хорошенькій домикъ, съ мебелью и нѣкоторою домашнею утварью, на углу одной изъ улицъ Корабельной слободки, на площади, гдѣ устроенъ новый базаръ.

Совершенно новая открылась мнѣ жизнь, полная неиспытанныхъ доселѣ ощущеній: жизнь ежеминутнаго ожиданія смерти, постоянной душевной тревоги; конечно, черезъ день, черезъ два, эта тревога пройдетъ, какъ прошла у здѣшнихъ жителей. Особенно для меня была тяжела первая севастопольская ночь. Обыкновенно сплю, какъ убитый; а тутъ первый разъ въ жизни пришлось спать подъ непріятельскими снарядами!... Воля ваша, господа, а

на недостатокъ въ его арміи способныхъ генераловъ, пишетъ: „Павловъ, о которомъ отзывались какъ о храбрецѣ, исполнился такой паники, что я въ предупрежденіе перехода ея на другихъ долженъ былъ удалить его изъ Севастополя“.

Теперь только, по выходѣ въ свѣтъ книги Дубровина (Обзоръ событій, и пр. 1877 г.), въ которой помѣщенъ этотъ отзывъ князя Меньшикова, я узналъ о таковомъ и, перебирая въ памяти прошлое, рѣшительно не могу себѣ представить: что было поводомъ къ таковому отзыву? Чѣмъ выразилась *паника*, которой будто бы преисполнился генералъ Павловъ? Весь день Инкерманскаго дѣла онъ былъ въ постоянномъ огнѣ; послѣ этого дѣла не было даже случая, который бы далъ возможность Павлову проявить мужество или трусость. Не шелъ онъ въ Севастополь не по своей волѣ, а потому что его туда не посылали,—обстоятельство, которое его возмущало и оскорбляло, что онъ постоянно высказывалъ, тогда какъ, еслибы онъ проникся паникою, то былъ бы очень доволенъ, что его не трогаютъ съ Бельбека, молчалъ бы и благодушествовалъ. Дѣло въ томъ, что у Павлова всегда было много враговъ: онъ какъ-то умѣлъ ихъ наживать. Очевидно, что на него насплетничали князю Меньшикову и князь не посовѣстился оклеветать его съ чужихъ словъ. Какіе бы недостатки ни были въ Павловѣ, но трусомъ онъ никогда не былъ, доказательствомъ могутъ служить георгіевскіе кресты имъ полученные: 4 степени—въ молодости, подъ Варной, и 3 ст. въ томъ же Севастополѣ за отбитіе англійскаго штурма на 3 бастіонъ, 27 аввуста.

первая ночь подобнаго рода заставитъ каждаго смертнаго испытать сильныя ощущенія. Товарищъ мой Клейнгаузъ тоже не трусливаго десятка человѣкъ, а и въ немъ съ непривычки сердце йокало. Вотъ летитъ со стономъ и визгомъ какой-то снарядъ надъ нашею крышею, такъ и кажется—задѣнетъ за нее и ея развалинами прикроетъ и насъ... И вскочимъ мы оба, внезапно проснувшись, и окликнемъ другъ друга, будто по командѣ: „Слышите?“—„Слышу, батюшка, экъ ее реветъ!“—Посмѣемся другъ надъ другомъ и опять засыпаемъ, на нѣсколько мгновеній, чтобы вновь проснуться при пролетѣ перваго за тѣмъ снаряда. А между тѣмъ за перегородкою старуха, прислужница убѣжавшихъ хозяевъ нашего дома, храпитъ во всю ивановскую съ своимъ девятилѣтнимъ сынишкомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на близкій перелетъ снарядовъ, на смерть ежеминутно грозящую, которая тревожитъ наши сердца—людей закаленныхъ въ огнѣ сраженій, не разъ уже видѣвшихъ смерть надъ головою своею и подъ ногами. Живое доказательство, что стоитъ намъ пожить здѣсь нѣсколько деньковъ, переночевать нѣсколько ночей, и насъ та только развѣ бомба разбудитъ, которая размечетъ наше жилище.

Сегодня мы успѣли пробѣжать по нѣсколькимъ частямъ города.

Какія повсюду возводятъ укрѣпленія! Но если они не удержатъ союзниковъ, если непріятель и ворвется въ городъ, онъ встрѣтитъ ужасный отпоръ на его улицахъ: положимъ, баррикады не оказали бы намъ особой пользы, потому что каждую можно обойти или разметать двумя, тремя пушечными выстрѣлами; причемъ эти баррикады, сложенныя въ видѣ не толстой стѣны, насухо изъ камня, больше надѣлали бы намъ вреда, чѣмъ пользы, поражая своихъ защитниковъ камнями и осколками, но у города есть другой, сильный защитникъ — флотъ, который, стоя въ бухтѣ, мгновенно очиститъ корабельною картечью каждую улицу, по которой только устремится непріятель. Вообще, оборонительная линія нынѣ не то, что была мѣсяца два назадъ. На ней, считая съ приморскими батареями, до 1.300 орудій большаго калибра и до сорока тысячъ гарнизона! Голыми руками не возьмешь! какъ говорятъ солдаты.

20 ноября.

Заботы и опасенія князя Горчакова о крымской арміи дѣлаютъ честь его высокому чувству долга, обличаютъ въ немъ истинное великодушіе и доказываютъ истинную любовь къ отечеству.

Не успѣвая получать во время распоряженій откуда слѣдуетъ, онъ беретъ многое на свою отвѣтственность и снабжаетъ насъ всѣмъ, чѣмъ только можетъ. Въ самомъ началѣ Крымской экспедиціи князъ Горчаковъ, безъ разрѣшенія, двинулъ сюда войска, едва воротившіяся изъ-за Дуная; теперь безпрестанно шлетъ къ намъ опытныхъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ; шлетъ множество медиковъ и фельдшеровъ, въ которыхъ армія долгое время терпѣла недостатокъ; запасные хирургическіе инструменты; три подвижныхъ госпиталя; изъ крѣпостей шлетъ на подводахъ гарнизонныхъ

артиллеристовъ, порохъ, снаряды въ огромномъ количествѣ. По его же приказанію направлена къ намъ лабораторная рота; транспорты полушубковъ, три полубригады подвижныхъ магазиновъ, составляющія болѣе 2.000 подводъ съ мѣсячнымъ продовольствіемъ на 36.000-ую армію. По приглашенію князя, херсонскіе и екатеринославскіе помѣщики перепекаютъ огромное количество муки въ сухари и отправляютъ таковые къ намъ на сформированныхъ ими же самими обозахъ въ числѣ болѣе двухъ тысячъ подводъ. Наконецъ къ намъ отправлено три подвижныхъ артиллерійскихъ парка. Да и кромѣ того на все, даже на шанцевый инструментъ, князь Горчаковъ обратилъ свое вниманіе и послалъ въ Севастополь болѣе десяти тысячъ штукъ лопатъ и кирокъ, приказавъ заготовить ихъ въ Одессѣ, принимая во вниманіе то обстоятельство, что по твердости грунта и по огромности земляныхъ работъ, производимыхъ въ Севастополѣ, а также по отдаленности этого пункта отъ промышленныхъ мѣстъ, въ шанцевомъ инструментѣ войска могутъ встрѣтить крайнюю потребность. Что касается до войскъ, то видя дѣйствительную и постоянную въ нихъ нужду севастопольскаго гарнизона, видя, что противники непрестанно подкрѣпляются прибытіемъ резервовъ изъ-за моря, князь Горчаковъ посылалъ все войско, какое только могъ собрать, безтрепетно обнажая югозападную границу Россіи, несмотря на близость оттоманскихъ армій и явное недружелюбіе, высказываемое намъ *доброю союзницею*—Австріею.

Память о заслугахъ князя Горчакова отечеству въ дѣлѣ поддержки борьбы, закипѣвшей на южной оконечности Имперіи съ многочисленными врагами, не умретъ въ народныхъ преданіяхъ. Въ страданіяхъ, въ горести князя Горчакова при нашихъ неудачахъ, въ его трепетѣ за каждый нашъ шагъ, за каждый часъ нами здѣсь прожитый, очечество увидѣло выраженіе его страстной къ нему любви и никогда его не забудетъ за это святое и великое чувство.

24 ноября.

Едва генералъ Павловъ успѣлъ появиться въ Севастополѣ, какъ его опять стали оттуда вытѣснять. Такъ сегодня начальникомъ штаба главнокомандующаго генераломъ Семякинымъ, за № 127, передано Павлову слѣдующее секретное распоряженіе:

„Господинъ главнокомандующій, получивъ извѣстіе, что непріятель намѣренъ предпринять высадку въ устьяхъ Качи, съ тѣмъ, чтобъ атаковать сѣверное укрѣпленіе, полагаетъ присутствіе вашего п-ства болѣе необходимымъ при тѣхъ частяхъ ввѣренной вамъ дивизіи, которыя находятся на высотахъ между Качей и Бельбекомъ.

„Увѣдомляя о томъ ваше п-ство, по порученію Его Свѣтлости, для зависящаго исполненія, имѣю честь присовокупить, что на мѣсто ваше командируется въ г. Севастополь генералъ маіоръ Заливкинъ“.

А между тѣмъ въ дѣйствительности-то какія же части дивизіи Павлова находились на Бельбекѣ? одинъ Камчатскій полкъ! Очевидно, что рас-

поряженіе главнокомандующаго, спроваживающаго нашего генерала изъ Севастополя, было не чѣмъ инымъ какъ результатомъ интриги противъ него, всего вѣроятнѣе, какъ предполагаетъ генералъ, того же Заливкина, постоянно добивающагося занять мѣстечко повиднѣе и, наконецъ, добившагося исполненія своего жаланія, а то еще вѣроятнѣе—Баумгартена, имѣющаго здѣсь большую силу и значеніе. Съ Баумгартеномъ Павловъ поссорился тотчасъ по вступленіи въ Севастополь полковъ нашей дивизіи, за то что полки эти, 13 дней находясь подъ командой Баумгартена, все время несли службу безъ отдыха, раздѣться ни разу не могли, такъ что ихъ вши заѣли, между тѣмъ какъ полки дивизіи Баумгартена все это время благодушествовали, занимая баррикады въ городѣ, въ сущности же—живя по домамъ.

Полученное распоряженіе взорвало Павлова. „Пишите,—говоритъ мнѣ,—рапортъ о моей болѣзни, ни за что не поѣду на Качу“! Насилу мы его убѣдили не подымать исторіи. „Кто знаетъ,—увѣряли мы его,—можетъ и дѣйствительно постъ, на который васъ посылаютъ, получаетъ особое значеніе“? Павловъ согласился съ нашими доводами, но все-таки отказался ѣхать и принять команду на Бельбекѣ противъ воображаемой высадки, подъ предлогомъ болѣзни, выразивъ, впрочемъ свой отказъ въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ. Генералъ Заливкинъ вступилъ въ командованіе пѣхотою лѣвой половины оборонительной линіи.

26 ноября.

Право, смѣшно читать иные возгласы нашихъ фельетонистовъ. Хоть бы напримѣръ въ Санкпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ помѣщена статья: „*Немобо не слушай*“ и проч. (14 ноября 1854 г. № 255 на стр. 1235): статья эта вздумала вступиться за честь нашего оружія и возстать противъ лондонскихъ газетъ, которыя напечатали письмо англійскаго офицера изъ Балаклавы (Alg. Zeitung № 298, стр. 4757), разсказывающаго, будто въ нашей арміи существуютъ *деревянные пистолеты и такіе же штыки.* Можно ли обижаться подобными обвиненіями и серьезно приниматься доказывать ихъ ложность? Надъ ними можно только смѣяться, какъ обличающими невѣжество англійскаго офицера, принявшаго за пистолеты деревяшки, въ видѣ сѣдельныхъ форменныхъ пистолетовъ вкладываемыя нашими офицерами въ кобуры, чтобы кобуры имѣли видъ и не мялись, тогда какъ пистолеты (у кого таковые имѣются) мы обыкновенно въ сраженьи возимъ у пояса, и принявшаго за штыки—ружейныя пробки, состоящія изъ палочки, обшитой сукномъ съ пуговицею на верху, носимыя солдатами въ штыковыхъ ножнахъ, когда надо дѣйствовать изъ ружья, и которою, когда штыкъ бываетъ отомкнутъ, затыкается ружейный стволъ, чтобъ онъ не засорялся. Надъ такими промахами, повторяю, можно смѣяться какъ надъ обличающими невѣжество тѣхъ газетъ, которыя рѣшаются печатать такія нелѣпыя извѣстія изъ арміи, приписывая ихъ офицерамъ, но возставать противъ этихъ свѣдѣній значитъ самому дѣлаться смѣшнымъ.

28 ноября.—Севастополь.

Канонада не умолкаетъ. Есть особенно голосистыя пушки, рѣшительно не дающія спать ночью. Между ними особенно отличаются пушки пароходовъ, которые бросаютъ къ непріятелю огромные снаряды черезъ городъ. Ужасный звукъ, но тотчасъ слышишь свой снарядъ: ревъ его сперва сильный, понемногу ослабѣваетъ—значитъ снарядъ отъ насъ удаляется; ревъ непріятельскаго снаряда, приближаясь къ намъ, разумѣется, ежеминутно усиливается.

На Корабельной сторонѣ канонада не такъ сильна, какъ въ городѣ,—тамъ, особенно противъ 4 и 5 бастіоновъ, перестрѣлка не умолкаетъ; у насъ изрѣдка раздается выстрѣлъ или трескъ лопнувшаго снаряда, напоминая наше осадное положеніе и близость той минуты, въ которую, быть-можетъ, откроется бомбардировка, столь страшная особенно жителямъ. Штурма не только не боятся, а напротивъ нетерпѣливо ждутъ его: такъ всѣ надѣются на неодолимость нашихъ укрѣпленій, на стойкость гарнизона, на рѣшимость начальниковъ, которые всѣ до одного, конечно, скорѣе погибнутъ, чѣмъ сдѣлаютъ шагъ назадъ. Со стороны моря мы тоже спокойны: бурею 2 ноября размыло одинъ изъ нашихъ затопленныхъ кораблей, такъ что проходъ въ бухту сдѣлался возможнымъ, при отчаянной, впрочемъ, попыткѣ; и вотъ, чтобъ уничтожить всякую возможность проникнуть въ бухту, третьяго дня затопили еще одинъ корабль на фарватерѣ. Теперь даже для нашихъ судовъ пѣтъ совершенно свободнаго выхода въ море.—Оставленъ между затопленными судами узкій, извилистый проходъ, по которому можетъ пробраться только капитанъ, отлично знающій этотъ путь.

Какъ горько и больно даже не моряку смотрѣть на корабль, когда его топятъ. Обыкновенно обреченнаго на потопленіе приводитъ пароходъ и удаляется; когда тотъ броситъ якорь, вокругъ корабля начнетъ сновать множество лодокъ; народъ копошится на немъ и хлопочетъ, приготовляя его къ смерти, какъ вдругъ по звуку колокола, по командному слову начальника, всѣ бросаются съ него на лодки, и гребя изъ всѣхъ силъ, торопятся отъ него удалиться. Еще нѣсколько мгновеній—и корабль медленно заколышется и пойдетъ ко дну. Однако онъ, созданный для борьбы со стихіей и людьми, не отдается имъ въ жертву безъ борьбы: иной, сначала опускаясь и образуя вокругъ себя множество водоворотовъ, вдругъ останавливается, нѣсколько накренившись на одну сторону. Волны ревутъ вокругъ него, онъ еще нѣкоторое время борется съ ними и, наконецъ, быстро опускается въ глубь, и только верхушки мачтъ остаются отъ него на поверхности воды, да горюющіе по немъ матросы, столько лѣтъ на немъ служившіе; изъ нихъ многіе плачутъ навзрыдъ, какъ братья по старшемъ братѣ и другѣ, во цвѣтѣ лѣтъ опускаемомъ въ могилу.

Когда топили огромный, трехдечный, корабль „Три Святителя“, онъ рѣшительно не шелъ на дно; къ нему приблизился военный пароходъ и началъ громить его всѣмъ бортомъ, пока онъ не погрузился. Матросы гово-

рятъ, что этотъ корабль не тонулъ потому, что на немъ забыли икону, а какъ только ее сняли, корабль тотчасъ погрузился.

Мы ежедневно скитаемся по городу, осматривая каждый его уголокъ. Въ городъ обыкновенно ходимъ, переправляясь на лодкѣ отъ Павловскаго мыска; ходить черезъ мостъ, что у Александровскихъ казармъ, утомительно, по милости крутаго подъема на гористый берегъ. Мостикъ этотъ — второй со времени осады. Первый существовалъ нѣсколько ниже, устроенъ былъ на судахъ; въ бомбардировку 5 октября его розорвало непріятельскими снарядами и часть судовъ разбило. Нынѣ существующій мостъ устроенъ, по приказанію Нахимова, *на бочкахъ*. Весьма хорошее и остроумное устройство: испорченную бочку или разбитое выстрѣломъ бревно, всегда можно замѣнить новымъ, и чрезъ нѣсколько десятковъ минутъ послѣ поврежденія мостъ опять является надежнымъ и удобнымъ путемъ сообщенія.

На Корабельной сторонѣ, въ обитаемой нами части города, почти незамѣтно слѣдовъ большаго разрушенія, но стóитъ пройти за доковую стѣну, чтобъ увидѣть пространство, усѣянное чугуномъ, гдѣ онъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ бы замѣняетъ мостовую. Стѣна, что защищаетъ сухіе доки со стороны непріятельскихъ осадныхъ работъ, ужасно избита; у подножія ея, какъ будто въ арсеналѣ, навалены всевозможныхъ калибровъ снаряды, разрывные и неразрывные; но стѣна постояла за себя: сквозь ее не пролетѣло ни одного ядра! Правда, силою удара нѣкоторые камни выдвинуло изъ стѣны, но ядро все-таки не было пропущено стѣною; нѣсколько ядеръ большаго калибра лежатъ на самомъ краю сдѣланнаго ими пролома, но все-таки они не полетѣли дальше. Впрочемъ, едва ли эта стѣна будетъ въ силахъ противустать еще одной такой бомбардировкѣ, тѣмъ болѣе, что на нее, какъ на защитницу доковъ, все время направлены самые ярые удары Англичанъ. Доки имъ какъ бѣльмо на глазу, они постоянно въ нихъ стрѣляютъ, и потому въ докахъ набросаны горы снарядовъ.

8 часовъ вечера.

Началась ужасная канонада. Пушечный огонь особенно эффектенъ ночью, причемъ бомбы и гранаты, описывая огненныя дуги, однѣ своимъ полетомъ къ намъ, другія отъ насъ, кажется—скрещиваются, сталкиваются, мелькаютъ по небу во всевозможныхъ направленіяхъ, въ цѣломъ представляя чудные узоры на мрачномъ фонѣ осенняго неба.

Понемногу канонада стала затихать.

9 часовъ вечера.

Не успѣлъ приняться за служебное дѣло, какъ вновь задребезжали окна отъ оглушительнаго треска и рева съ удвоенною силою возобновившейся канонады *).

---

*) Это частое замираніе и возобновленіе канонады въ продолженіе ночи было результатомъ особой системы пальбы по непріятелю, установившейся въ этотъ періодъ осады, а

Четверти часа не прошло, и опять все затихло, замолкло и не стало видно на темномъ небѣ этихъ пламенныхъ звѣздочекъ, что медленно подымаются на недостигаемую почти для глазъ высоту, на мгновеніе теряются для взора въ сонмѣ звѣздъ небесныхъ и мелькая спускаются, катясь по небу какъ метеоры, ежеминутно усиливая быстроту своего полета и вдругъ, внезапно останавливаются, озаряя нѣкоторое вокругъ себя пространство будто блескомъ молніи, причемъ разрывъ снаряда сопровождается трескомъ, похожимъ на громовой ударъ.

Не лишніе ли въ моихъ запискахъ эти разсказы о канонадахъ, то потрясавшихъ наши души, то услаждавшихъ ихъ грозною своею пѣснью, составляя поэзію нашей настоящей жизни, воспоминаніе о которой каждый изъ насъ сохранитъ до могилы. Для читателя едва ли будутъ занимательны эти разсказы, но я рѣшился написать записки о своей здѣсь жизни, перенесть на бумагу каждый ударъ своего сердца и разсказать все, что меня здѣсь потрясало и занимало, развлекало и мучило. Какъ же я вырву изъ этихъ разсказовъ повѣсть о самыхъ мучительныхъ и вмѣстѣ самыхъ прекрасныхъ часахъ моей жизни, когда каждый изъ насъ ежеминутно былъ готовъ перестать жить? Какъ же я не упомяну о тѣхъ минутахъ, въ которыя мы свыкались съ мыслію о смерти, и до того, наконецъ, съ нею свыклись, что она потеряла для насъ свой ужасъ и стала казаться намъ товарищемъ, пріятелемъ, встрѣча съ которымъ никакого новаго не производитъ въ нашей душѣ чувства, сдѣлавшись такъ же обыкновенна, какъ и остальные явленія ежедневной жизни?

Конечно, теперь, когда много уже прошло времени съ тѣхъ дней, въ которые гремѣли эти смертоносныя грозы, теперь, когда листки эти съ трепетомъ предстаютъ на судъ читающаго міра, событія уже, такъ сказать, сгладились, утратили свой ужасъ и разсказъ о нихъ не можетъ потрясть читателя, какъ насъ потрясала бывало грозная дѣйствительность. Слѣдовательно, не напрасно ли воскрешаю свое прошлое съ математическою точностію? Не посѣтуетъ ли на меня равнодушный къ нашему прошлому читатель? Но да проститъ онъ меня за помѣщеніе этихъ разсказовъ, хотя бы во имя того, что событія, послужившія имъ матеріалами, нѣкогда потрясали арміи героевъ, что изъ этихъ матеріаловъ, грубыхъ и непривлекательныхъ, мало-помалу складывалось и сложилось чудное зданіе безпримѣрной въ лѣтописяхъ міра борьбы, преданіе о которой не умретъ въ поученіе человѣчеству, доколѣ люди не забудутъ своей исторіи.

Вчера мы были удивлены: генерала Даненберга взяли отъ насъ въ Петербургъ, а на мѣсто его назначили барона Д. Е. Остенъ-Сакена *). По-

---

именно: когда французы приблизились къ намъ своими работами саженъ на 200, т.-е. на такое разстояніе, что можно было усиленно дѣйствовать картечью, наши высылали секреты точно опредѣлить, гдѣ именно работаетъ непріятель. И по этому пункту стрѣляли четверть часа картечью, безпрерывно, затѣмъ прекращали огонь, опять высылали секреты для новой раздѣлки и опять открывали пальбу на четверть часа,—и такъ далѣе во всю ночь.

*) Даненбергъ былъ отозванъ по настоянію князя Меньшикова и назначенъ въ Военный Совѣтъ.

смотримъ, будетъ ли толкъ изъ этого назначенія. Какъ бы онъ опять не сталъ заставлять насъ пѣть „дурынду“—стихотвореніе имъ самимъ сложенное, поучительнаго содержанія, въ сатирической формѣ, осмѣивающее солдата нерасторопнаго, безтолковаго, незнающаго службы и проч. Впрочемъ, надо полагать, что Сакенъ все-таки будетъ полѣзнѣе Даненберга несмотря на свой крайній педантизмъ, хотя подчиненнымъ ему войскамъ служба покажется при немъ тяжеленькою послѣ легкой службы подъ командой Даненберга *).

Дня четыре тому какъ произошло маленькое морское дѣло.

Въ продолженіе двухъ послѣднихъ дней къ союзникамъ пришли около 16-и тяжело нагруженныхъ судовъ частью артиллерійскими снарядами, частью фуфайками. Наши, предположивъ, что эти суда стоятъ у Херсонескаго маяка, безъ прикрытія, въ надеждѣ, что севастопольская бухта затоплена и не имѣетъ выхода для нашихъ крейсеровъ, рѣшились попытаться уничтожить эти суда. Съ этою цѣлью вышелъ изъ бухты пароходъ „Владиміръ“ и ему въ поддержку пароходъ „Херсонесъ“. Едва наши пароходы успѣли отойти на нѣкоторое пространство отъ входа въ бухту, какъ на нихъ бросился стоявшій на аванпостахъ небольшой французскій пароходъ и какъ гоголь понесся на встрѣчу нашимъ, имѣя за собою два большіе линейные корабля. Наши немедленно стали отступать подъ свои пушки. Вотъ тутъ-то и пошла канонада! Линейные корабли ревели какъ крѣпости, дѣлая залпъ то однимъ бортомъ, то другимъ, однако остерегаясь подвертываться подъ пушки нашихъ батерей, которыя въ свою очередь походили на волканы въ дѣйствіи!...

Мало по малу огонь сталъ уменьшаться, наконецъ затихъ совершенно и наши пароходы ни съ чѣмъ воротились въ бухту **).

---

*) Генералъ Хрущевъ по поводу назначенія Сакена говоритъ: „Мы радовались назначенію Сакена, полагая найти въ немъ умнаго, храбраго и самостоятельнаго начальника, но онъ не оправдалъ ожиданій арміи, хотя всегда добросовѣстно исполнялъ свой долгъ (Idem, стр. 57).

**) Эта морская вылазка происходила 6 декабря новаго стиля (24 ноября). Вице-адмиралъ Нахимовъ доносилъ о ней Государю Императору рапортомъ отъ 24 ноября, за № 588. Было поручено пароходу „Владиміръ“, капитанъ 2-го ранга Бутаковъ имѣя въ резервѣ пароходъ „Херсонесъ“, капитанъ-лейтенантъ Рудневъ, атаковать желѣзный винтовой пароходъ, наблюдавшій за движеніями нашихъ судовъ на рейдѣ и стоявшій противъ „Песочной бухты“. Выбѣжавъ изъ-за баковъ, „Владиміръ“, полнымъ ходомъ, пошелъ на своего врага и на пути сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ по непріятельскому лагерю, расположенному на восточномъ склонѣ Стрѣлецкой бухты. Замѣтивъ наступленіе „Владиміра“, непріятельскій пароходъ сталъ удаляться отстрѣливаясь подъ прикрытіе кораблей, стоявшихъ въ Камышевой бухтѣ. „Владиміръ“ продолжалъ дѣйствовать по немъ и отступилъ только тогда на соединеніе съ „Херсонесомъ“, обстрѣливавшимъ, все время, лагерь у Стрѣлецкой бухты, когда подошелъ подъ выстрѣлы непріятельскаго флота, многія суда котораго стали уже разводить пары. Два англійскіе и одинъ французскій пароходы начали приближаться къ нашему, а пароходъ, стоявшій у Качи, снялся съ якоря, чтобы броситься наперерѣзъ „Владиміру“.

Что замѣчаніе автора, будто „Владиміръ“, не дождавшись даже открытія непріятельскаго огня, повернулъ назадъ, невѣрно, доказывается нѣкоторымъ поврежденіемъ фокъ-мачты „Владиміра“ непріятельскимъ ядромъ.

Эта вылазка, по словамъ Герена (Histoire de la dernière guerre de Russie. Paris. 1859. Томъ II, стр. 24), показала союзному флоту существованіе прохода между затопленными въ бухтѣ нашими судами, и французскіе моряки рѣшились его изслѣдовать, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться имъ для атаки съ моря, открытой силой. Въ этихъ видахъ, адмиралъ Брюа вызвалъ въ охотники нѣсколько флотскихъ офицеровъ, и на шлюпкахъ, ночью,

29 ноября.

Утромъ мы узнали, что сегодня ночью произведена сильная вылазка Черноморскаго батальона войсковымъ старшиною Головинскимъ съ 4 бастіона. На этой вылазкѣ непріятель сильно пострадалъ, причемъ у него взято въ плѣнъ нѣсколько офицеровъ, нижнихъ чиновъ и захвачены три кекгорновы мортирки, говорятъ, съ турецкимъ гербомъ *).

отправился на рекогносцировку. Предпріятіе это, по увѣренію Герена, было очень удачно. Рекогносцирующіе проникли черезъ проходъ между затопленными судами, а баркасъ „Шарлемань", на которомъ шелъ Брюа, даже достигъ до цѣпи, протянутой черезъ бухту. Но тутъ, говоритъ тотъ же писатель, наши замѣтили Французовъ и осыпали ихъ всевозможными снарядами съ прибрежныхъ батарей. Нѣкоторые снаряды попали и въ адмиральскую шлюпку. Разумѣется, Французы поспѣшили удалиться, и, по ихъ словамъ, не понесли потерь.

Не смѣемъ утверждать, чтобы разсказъ Герена былъ вымысломъ; но намъ кажется страннымъ, что разсказаннаго случая мы не находимъ ни въ своей памяти, ни въ нашей записной книжкѣ, тогда какъ мы аккуратно записывали всякій, сколько-нибуть замѣчательный, случай въ Севастополѣ, а событіе здѣсь разсказанное, вызвавшее канонаду прибрежныхъ батарей по судамъ, уже проникшимъ въ самую бухту, не могло бы не сдѣлаться предметомъ общихъ толковъ въ севастопольскомъ гарнизонѣ. Еще болѣе намъ кажется невозможнымъ событіе, передаваемое Гереномъ, потому что объ немъ умалчиваютъ и Тотлебенъ въ сочиненіи своемъ „Осада г. Севастополя", и генералъ Ніель, и оффиціальное французское изданіе „Historique du serivice de l'artillerie", упоминающіе о нашей морской вылазкѣ. Послѣднее сочиненіе ошибочно говоритъ, что ее произвели три нашихъ парохода.

Думаемъ, что всѣ интересующіеся *достовѣрною* исторіею севастопольской защиты пожелаютъ вмѣстѣ съ нами, чтобы упомянутый поучительный случай былъ или подробно разъясненъ, или фактически опровергнутъ въ нашей литературѣ. Если адмиралу Брюа, дѣйствительно, удалось, съ нѣсколькими шлюпками, проникнуть до цѣпи протянутой черезъ бухту и безнаказанно воротиться, то это доказывало бы слишкомъ большой недостатокъ въ бдительномъ, съ нашей стороны, надзорѣ за бухтой!..

*) Нѣкоторые французскіе писатели всколзь упоминаютъ объ этой вылазкѣ, явно показывая, что имъ непріятно о ней вспоминать.

Дю-Кассъ (Idem, стр. 208) говоритъ только, что наши двѣ колонны неожиданно бросились на *молодыхъ* солдатъ 42-го линейнаго полка и имѣли надъ ними краткій успѣхъ, заклепавъ между прочимъ три маленькія мортирки, но что, по призыву начальниковъ, эти молодцы ударили на Русскихъ, опрокинули ихъ штыками, выгнали изъ траншеи и со славою заняли свой постъ!

Базанкуръ (L'Expedition, стр. 135—136) тоже говоритъ, что Головинскій опрокинулъ молодыхъ солдатъ, еще не бывавшихъ въ сраженіи, но что они, слѣдуя геройскому примѣру своего капитана Клемента (раненнаго тремя ударами штыкомъ), скоро перешли въ наступленіе и, съ помощію рабочихъ 22-го легкаго полка, опрокинули нашихъ, захватившихъ три мортирки и лейтенанта Мартена. Guerin (Idem, т. II, стр. 24) иначе разсказываетъ это печальное для Французовъ событіе. Его разсказъ несравненно ближе къ разсказу нашихъ историковъ. Guerin говоритъ, что вылазка Головинскаго раздѣлилась на двѣ колонны—одна подъ его личною командою, другая подъ начальствомъ морскаго офицера. Эта колонна потерпѣла неудачу, но колонна Головинскаго была счастливѣе, найдя своими противниками молодыхъ конскриптовъ 42-го полка, испуганныхъ нечаяннымъ нападеніемъ и бѣжавшихъ отъ перваго удара. Но капитанъ Клементъ удержалъ бѣгущихъ, собралъ, устроилъ и ударилъ на Головинскаго, будучи поддержанъ 22-мъ легкимъ полкомъ, въ свою очередь поддержаннымъ 97-мъ; капитанъ Клементъ убитъ штыками, а Головинскій опрокинулъ Французовъ, положилъ у нихъ убитыми 150 человѣкъ, взявъ семерыхъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ одного офицера, и разрушивъ 8 мортирную батарею, дѣйствующую противъ 5 бастіона; изъ этихъ мортиръ—4 заклепаны и 3 доставлены въ городъ. Головинскій награжденъ за эту вылазку орденомъ Св. Георгія 4 ст. Вылазка эта имѣла цѣлью осмотрѣть третью параллель Французовъ и узнать, не возводитъ ли на ней непріятель брешь-батареи, противъ названнаго бастіона. Вылазка была сдѣлана войсковымъ старшиною Головинскимъ, съ 380 человѣками черноморскаго казачьяго № 2 баталіона, подъ командою сотника Щербы и есаула Вербовскаго, 80 матросовъ, подъ командою лейтенанта Батьянова 1-го и мичмана Батурина, 50 солдатъ Колыванскаго полка, подъ командою прапорщика Мисевича, и 5 саперовъ съ инженеръ-поручикомъ Дельсалемъ, всего 515 человѣкъ. На вылазкѣ этой мы потеряли

30 ноября.

У поручика Охотскаго полка Чижевскаго, одного изъ ротныхъ командировъ, уцѣлѣвшихъ отъ Инкерманскаго дѣла, есть денщикъ, по фамиліи Чабанъ. Это замѣчательный человѣкъ по мужеству и преданности своему начальнику.

Идетъ Чижевскій на бастіонъ, Чабанъ за нимъ; отправляется въ траншейный караулъ—Чабанъ тутъ, неотлучный, какъ тѣнь. Гонитъ его иногда Чижевскій—„Ни, отвѣчаетъ Чабанъ, не пойду я отъ васъ, гдѣ вы, тамъ и я лягу!—Въ Инкерманскомъ дѣлѣ съ ружьемъ въ рукѣ Чабанъ сопровождалъ Чижевскаго въ качествѣ тѣлохранителя, и когда наши ворвались на редутъ, разбивъ его прикрытіе, Чабанъ былъ въ числѣ первыхъ дѣйствователей. Англійскій офицеръ прострѣлилъ Чабану мякоть руки; Чабанъ, видите, въ схваткѣ хотѣлъ его штыкомъ подъ *девятое* угодить, но тотъ встрѣтилъ его выстрѣломъ, что заставило Чабана, не дѣйствуя болѣе оружіемъ, броситься на шею Англичанину, чтобъ придушить его; но это оказалось не такъ-то исполнимо: ловкій, дюжій Англичанинъ смялъ подъ себя нашего героя; по счастію, подскочили наши солдаты и взяли джентльмена въ плѣнъ здрава и невредима, съ помятыми немного боками.

Несмотря на рану, о которой Чабанъ и впослѣдствіи даже не объявилъ формально для занесенія въ формуляръ, онъ на собственныхъ плечахъ вынесъ изъ сраженія раненаго поручика Чижевскаго и доставилъ на перевязочный пунктъ, гдѣ ему и самому перевязали рану, послѣ чего онъ опять воротился въ дѣло и принесъ впослѣдствіи поднятыхъ имъ на полѣ шесть англійскихъ штуцеровъ.

Чижевскій выздоровѣлъ, на службѣ, Чабанъ опять безотлучно съ нимъ и сопровождаетъ его при исполненіи всѣхъ служебныхъ обязанностей, сопряженныхъ здѣсь съ немалою опасностію...

Такія явленія, какъ Чабанъ, здѣсь будутъ не рѣдкость; дайте срокъ, выработаются дивныя натуры въ этомъ огненномъ горнилѣ, гдѣ ежеминутно молотъ смерти, разрушенія и гибели куетъ человѣческую природу, гдѣ тысячи гибнутъ, но остальные, закаляясь, ежечасно крѣпнутъ духомъ.

1 декабря.

Мы не всегда *грыземся* съ союзниками, а иногда для разнообразія размѣниваемся любезностями. Дня два, три тому назадъ, парламентеръ привезъ

---

13 убитыхъ, 47 раненыхъ и 3 безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ, причемъ смертельно равенъ, пулею въ животъ, лейтенантъ Батьяновъ, умершій послѣ девятидневныхъ страданій. Результатомъ вылазки было то, что наши разрушили 8-мортирную батарею французовъ, заклепали на ней и оставили на мѣстѣ 4 мортиры, и принесли съ собою 3 малыя мортиры (15 сантим.); взяли въ плѣнъ офицера (поручика Мартена) и 8 нижнихъ чиновъ; уложили на мѣстѣ 150 Французовъ.

Почти одновременно съ этою вылазкою, мичманъ Титовъ также вышелъ изъ укрѣпленій съ двумя горными единорогами, и съ ближайшей дистанціи далъ по французскимъ траншеямъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, произведя у нихъ тревогу и нанесся имъ нѣкоторую потерю.

контръ-адмиралу Истомину въ подарокъ отъ англійскаго адмирала и начальника эскадры Дундаса, кругъ превосходнаго честерскаго сыра. Дундасъ приказалъ при этомъ сказать Истомину много лестнаго за его геройскую защиту Малахова кургана, прибавивъ, что ему гораздо пріятнѣе помѣняться съ старымъ пріятелемъ этимъ сыромъ, чѣмъ ядромъ.

Истоминъ сблизился съ Дундасомъ во время своего пребыванія въ Аѳинахъ. Воспоминаніе о старой дружбѣ, въ такой кровавый моментъ жизни, порадовало нашего моряка—онъ съ удовольствіемъ принялъ сыръ; но въ долгу не хотѣлъ остаться: по его распоряженію наши охотники немедленно промыслили въ окрестныхъ горахъ дикую козу, которую онъ и послалъ адмиралу Дундасу.

Надо сказать правду, постоянная, необыкновенная дѣятельность Истомина достойна удивленія самихъ враговъ. И день, и ночь онъ на работѣ, и день, и ночь онъ готовъ къ смерти. Въ какое отличное состояніе Истоминъ привелъ Малаховъ курганъ! Какія всюду произведены работы, какія траверзы нагромождены! Чистота, порядокъ, осторожность, дисциплина царствуютъ на курганѣ и всюду тамъ видна готовность къ борьбѣ и смерти. Курганъ—это корабль Истомина! И управляется-то онъ такимъ же точно порядкомъ, какъ корабль, тѣ же формы соблюдаются здѣсь, что и тамъ, тѣ же условія жизни, что и на кораблѣ, съ тою только разницею, что этотъ корабль самою природою поставленъ на незыблемомъ якорѣ, а между тѣмъ на немъ все-таки столько же работы экипажу, какъ еслибъ онъ былъ подъ парусами. Также вахты смѣняются здѣсь, что и на кораблѣ; также царствуетъ языкъ корабля, введена морская терминологія при названіи различныхъ частей вооруженія и нѣкоторыхъ укрѣпленій; также господствуетъ рупоръ, также колоколъ бьетъ склянки; та же здѣсь дѣятельность и бдительность, что на кораблѣ у хорошаго командира.

3 декабря.

Говорятъ, князю Меньшикову пріѣздъ барона Д. Е. Остенъ-Сакена крайне не нравится. Меньшиковъ вообще не жалуетъ тѣхъ, кто можетъ выдвинуться и если не затмить его, то по крайности доказать, что у насъ существуютъ дѣятели, способные проявить самостоятельную силу и недюжинныя военныя способности, притомъ подкрѣпленныя непоколебимымъ мужествомъ и высокимъ чувствомъ долга.

Педантизмъ, оригинальность Сакена, особенности его обращенія съ подчиненными и окружающими, его странныя привычки даютъ обильную пищу саркастическому и острому языку князя Меньшикова. Правда ли—не знаемъ, но разсказываютъ будто баронъ Сакенъ послалъ какъ-то Меньшикову траву Св. Ерофея, увѣряя, что она очень сильна и помогаетъ въ каменной болѣзни, которою страдаетъ Меньшиковъ. Свѣтлѣйшій на третій же день возвратилъ присылку барону Сакену, увѣдомляя, что „никакой не видитъ пользы отъ этой *травки*“...

Еще разсказываютъ будто Меньшиковъ въ особомъ письмѣ благодарилъ князя Горчакова за подкрѣпленіе его угасающихъ силъ „*Ерофѣичемъ*“, въ которомъ, впрочемъ, будто бы прибавилъ Меньшиковъ, „*трава плохо подобрана!...*“

Другой разъ, кто-то явился съ южной стороны къ Меньшикову и засталъ его за завтракомъ.

„Милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ закусить съ нами,—говоритъ главнокомандующій,—извините только, не подчую васъ „*Ерофѣичемъ*“,—у насъ, на Сѣверной, онъ не въ модѣ!“

4 декабря.

Дожди, грязь, слякоть. Дороги отъ Бельбека до Дуванки и отъ Дуванки до Симферополя представляютъ поразительную картину. Грязь по брюхо лошадямъ; дорога узкая; образовались большія выбоины; по ночамъ бываютъ заморозки, стягивающія грязь, что, благодаря глинистому грунту, дѣлаетъ дорогу рѣшительно непроѣздимою. Ѣдущему приходится переѣзжать буквально по трупамъ утонувшихъ въ грязи лошадей и воловъ, по обломкамъ повозокъ, вытащить которыя изъ грязи нѣтъ возможности. На несчастныхъ подводчиковъ жалко смотрѣть! Упадетъ у него въ грязь лошадь или волъ: собственныя усилія животнаго освободиться изъ этой вязкой могилы еще болѣе лишаютъ его силъ и глубже погружаютъ въ грязь; соберется нѣсколько человѣкъ извощиковъ, силятся вытащить животное, сами стоя въ грязи гораздо выше колѣнъ, но по большей части ихъ усилія остаются тщетными и кончаются тѣмъ, что они повыдергаютъ у лошади хвостъ и гриву, сломаютъ два, три кола, употребляя ихъ въ качествѣ рычаговъ, и пойдутъ своею дорогою, или съ бранью и проклятіями начнутъ раскладывать кладь своего твварища по остальнымъ возамъ. Что же дѣлать? Казенной клади бросить нельзя!

Особенно печальныя, говорятъ, сцены предстоятъ во всякое время дня и ночи, при подъемахъ на гору въ пяти-шести мѣстахъ названнаго тракта, какъ напримѣръ: въ долинѣ Альмы, при подъемѣ на Мекензіеву гору, въ долинѣ Бельбека и многихъ другихъ мѣстахъ, къ которымъ они приближаются съ трепетомъ, какъ къ Сциллѣ и Харибдѣ.

Направо и налѣво отъ дороги, тоже валяется во множествѣ падаль—трупы издохлаго порціоннаго скота, почтовыхъ, казенно-подъемныхъ и извощичьихъ лошадей. Отъ этого воздухъ до такой степени зараженъ, что безпрестанно надо зажимать себѣ ротъ и носъ платкомъ. Самый терпѣливый человѣкъ не перенесетъ равнодушно этой картины и этой вони. Преимущественно падаетъ порціонный скотъ отъ чумы, частію занесенной, частію, быть-можетъ, и здѣсь развившейся вслѣдствіе дурныхъ кормовъ, голода и климатическихъ условій. Въ видахъ возможнаго уменьшенія развитія заразы, начальство требуетъ, чтобы съ палаго скота отнюдь не сдирали кожи, и чтобъ онъ былъ непремѣнно зарываемъ въ глубокія ямы. Но таковое тре-

бованіе—гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Трупы животныхъ всюду валяются на поверхности земли, и непремѣнно ободранные если не солдатами, то окрестными Татарами. На такую добычу сбѣжались и слетѣлись стаи собакъ и всякой хищной птицы, между которой нерѣдко можно видѣть и черныхъ орловъ, красиво подымающихъ свою красивую голову.

Одинъ мой товарищъ, ѣхавшій изъ Бахчисарая въ Дуванку, на одной верстѣ, взятой на выдержку, насчиталъ болѣе 120 издохшихъ скотинъ, валявшихся на дорогѣ и близь оной! Эта цифра даетъ понятіе о картинѣ, какая представляется проѣзжему по этой дорогѣ.

Дурная погода не намъ однимъ, впрочемъ, досаждаетъ. Хотя дожди и грязь приводятъ насъ въ крайнее затрудненіе, замедляя доставку къ намъ артиллерійскихъ снарядовъ, продовольствія и фуража; но мы утѣшаемся тѣмъ, что настоящее время года, столь трудное для насъ, должно казаться еще труднѣе непріятелю. Правда, и мы иногда начинаемъ чувствовать недостатокъ какого-либо необходимаго продукта: то мяса нѣтъ, то крупъ не подвезли, то хлѣбъ на исходѣ; однако, глядишь, къ кому-нибудь и притащится транспортъ и опять зажили припѣваючи. Болѣе всего насъ затрудняетъ продовольствіе лошадей, въ особенности доставка сѣна. Приходится возить сѣно за 60 верстъ, а на чемъ его возить? Посылаемъ своихъ лошадей за продовольствіемъ для нихъ же самихъ, да для пары верховыхъ, которыя поневолѣ остаются при каждомъ изъ насъ; проѣздятъ нѣсколько дней, и если воротятся живы—здоровы, то, конечно, привезутъ только нѣсколько пудиковъ сѣна, скормивъ остальное дорогою; а на проѣздъ 60 верстъ съ возомъ сѣна, здѣсь въ настоящее время надо употребить 4—5 дней непремѣнно.

Непріятель, за непогодою, долженъ былъ поневолѣ прекратить свои осадныя работы, ограничиваясь исправленіемъ и поддержаніемъ уже произведенныхъ и увеличеніемъ числа своихъ укрѣпленій только съ тыла и съ фланга. Союзники, особенно Англичане, судя по разсказамъ плѣнныхъ и перемётчиковъ, а также по откровеннымъ отзывамъ англійскихъ газетъ, терпятъ большія лишенія: большинство арміи не имѣетъ теплой одежды; непривыкшіе къ холодамъ они сотнями гибнутъ ежедневно, преимущественно отъ холеры. Слава Богу—насъ не посѣтила еще эта гостья!

У Французовъ палатки устроены надъ углубленіемъ, вырытымъ въ землѣ; у многихъ въ этихъ углубленіяхъ устроены желѣзныя печи; Англичане только еще собираются строить бараки, а нынѣ большая часть ихъ арміи бивакируетъ. Жизнь англійскаго солдата, привыкшаго къ комфорту, избалованнаго большимъ содержаніемъ, дѣлается невыносимѣе со всякимъ днемъ и многіе изъ Англичанъ передаются намъ.

Англійская кавалерія совершенно погибла *) и, если французскіе аф-

*) Въ это время англійская бригада кавалеріи едва состояла изъ 60 лошадей; между людьми также свирѣпствовали болѣзни у Англичанъ и Турокъ, уничтожавшія ихъ во множествѣ (Guérin. Ibidem, стр. 28, т. II).

риканскіе егеря пострадали до сихъ поръ менѣе, то по милости своихъ маленькихъ лошадокъ, ремонтированныхъ частію въ Африкѣ, частію въ Болгаріи, привыкшихъ къ различнымъ лишеніямъ и весьма скудному и плохому корму *).

Въ арміи общій говоръ, что мы не сегодня такъ завтра воспользуемся тяжелымъ положеніемъ союзниковъ и перейдемъ въ наступленіе, успѣхъ котораго весьма вѣроятенъ, при значительности нашихъ силъ и при очевидной деморализаціи непріятельской арміи.

Говорятъ, только поджидаютъ свѣжихъ полковъ 8-й дивизіи, уже выступившей откуда-то изъ-подъ Одессы.

Ясно, что союзники въ это опасное время года для плаванія по Черному морю, не могутъ ждать подкрѣпленія, а то, что подойдетъ къ намъ, дастъ нашей арміи надъ непріятельскою значительный перевѣсъ въ силахъ.

5 декабря.

Стали поступать къ намъ благочестивыя и патріотическія приношенія изъ Россіи. Сегодня въ штабъ нашей дивизіи доставлены: образъ Божіей Матери, которымъ преосвященный Иннокентій Херсонскій благословилъ дивизію; присланные изъ Пензы: икона Богоматери Споручницы, другая икона Св. Митрофанія Воронежскаго **), 10 руб. для раздачи нуждающимся солдатамъ Якутскаго полка и много ладонокъ для раздачи солдатамъ.

6 декабря.

Николинъ день—тезоименитство Государя. Въ церквахъ богослуженіе; во всѣхъ частяхъ войскъ—на бастіонахъ и батареяхъ, на корабляхъ, въ ка-

---

*) 3 декабря н. ст. Канробертъ доноситъ своему правительству:

„Дождь льетъ какъ изъ ведра. Наши дороги непроходимы; траншеи наполнились водою, и большая часть нашихъ работъ пріостановлена. Непріятель бездѣйствуетъ по той же причинѣ".

Вотъ еще отрывокъ изъ письма одного французскаго офицера къ редактору французской газеты („Journal de Loiret"), относящагося къ тому же времени:

„Еслибы вы могли теперь видѣть одинъ изъ этихъ полковъ, котораго видомъ вы восхищались въ Орлеанѣ, вы бы навѣрно воздѣли руки къ небу!

„Исхудалыя лица, небритыя бороды, всевозможныя и всецвѣтныя одежды, исключая извѣстныхъ формъ и цвѣтовъ, покрытыя недѣльною грязью, ежедневно возобновляемою—таковъ нашъ видъ, столь же жалкій, какъ и необыкновенный. Сегодня утромъ, возвращаясь изъ грязнаго углубленія, гдѣ мы провели ночь въ главномъ караулѣ, я смѣялся отъ души, глядя на свою роту. Право, трудно встрѣтить толпу Цыганъ, видъ которыхъ былъ бы болѣе разнообразенъ! То, что говорю о 27-мъ линейномъ полкѣ, можно сказать про всю армію".

**) Письмо на имя главнокомандующаго отъ неизвѣстнаго лица, изъ Пензы, было слѣдующаго содержанія:

Ваше Сіятельство
Князь Махаилъ Дмитріевичъ!

Препровождая при семъ икону для Дунайскихъ войскъ отъ мощей Святителя Митрофана Воронежскаго, который былъ епископомъ въ царствованіе императора Петра I, въ Турецкую войну пожертвованіями, увѣщаніями и настояніями много способствовалъ къ сооруженію въ Воронежѣ перваго русскаго флота употребленнаго при покореніи крѣпости Азова. Уповаю, что и нынѣ, предстательствомъ Его, Господь благословитъ преодолѣть враговъ Россіи. 1854 года 7 іюля. Пенза.

Какъ значится въ отзывѣ начальника штаба войскъ отъ 18 сентября, за № 18666, князъ Горчаковъ назначилъ эту икону въ Селенгинскій полкъ.

зармахъ, на бивакахъ—вездѣ служатъ обѣденцы и благодарственныя молебствія; вездѣ затѣмъ пьютъ заздравную чарку водки и кричатъ „ура“ во славу Великаго Государя.

8 декабря.

Перебѣжчики говорятъ, что ночь на 6-е декабря проведена подъ ружьемъ главными резервами союзниковъ и траншейными караулами, въ предположеніи, что съ нашей стороны захотятъ сдѣлать большую вылазку, чтобы такимъ образомъ отпраздновать день тезоименитства Государя Императора, но союзники ошиблись въ своихъ предположеніяхъ,—мы не дѣлали вылазки.

9 декабря.

Сегодня ночью, лѣвѣе 3-го отдѣленія, была сильная канонада и ружейный огонь. Наши дѣлали вылазку подъ командою лейтенанта Берюлева, другія части вылазки шли подъ командою лейтенанта Астахова и поручика Бейтнера. Отъ нашей дивизіи ходили: Селенгинскаго полка поручикъ Вальцовъ и подпоручикъ Юдинъ. Они мнѣ сегодня разсказали всю исторію дѣйствія нашихъ однополчанъ на этой вылазкѣ.

Предпріятіе было сдѣлано противъ Англичанъ. Въ часъ ночи наши выступили. Впереди двигалась цѣпь по большей части ползкомъ, чтобы, подобравшись, незамѣтно для аванпостовъ, какъ можно ближе къ непріятелю, ударить на него внезапно; въ нѣкоторомъ отдаленіи за цѣпью слѣдовалъ нашъ резервъ. Каково было изумленіе начальника нашей цѣпи, когда на мѣстѣ, гдѣ обыкновенно становилась непріятельская цѣпь, онъ не нашелъ никого! Давъ объ этомъ знать начальнику резерва, наши еще осторожнѣе поползли дальше. Между тѣмъ солдаты резерва, услышавъ такое извѣстіе, вообразили, что нами уже одержана полная побѣда и, закричавъ во все горло „ура“, двинулись впередъ. Тутъ уже думать было нечего, цѣпь также стремглавъ бросилась впередъ и застала Англичанъ въ траншеѣ спящими. Взбудораженные, испуганные грозною неожиданностію, слыша въ темную ночь разразившійся надъ своими головами страшный крикъ, выстрѣлы, шумъ, сматоху боя, предсмертные вопли пораженныхъ уже товарищей, Англичане, не сдѣлавъ ни малѣйшаго сопротивленія, большею частію только хватая свои теплыя одѣяла, бросились бѣжать куда глаза глядятъ. На атакованный пунктъ вскорѣ подоспѣли резервы, къ нашимъ тоже подошла помощь, и завязался упорный бой, продолжавшійся около трехъ четвертей часа, послѣ котораго наши отступили, взявъ въ плѣнъ трехъ офицеровъ и 33 рядовыхъ, да захвативъ на обратномъ пути 80 одѣялъ, 90 ружей, 36 штуцеровъ и порядочное количество разныхъ офицерскихъ походныхъ вещей. У насъ ранено 14 человѣкъ, и два Селенгинца пропало безъ вѣсти, вѣрно остались убитыми въ траншеяхъ, не будучи замѣчены нашими, при отступленіи, въ темнотѣ. Вальцовъ разсказываетъ особенно много про удаль одного изъ своихъ солдатъ—Плюхина, высланнаго къ намъ на службу изъ гвардіи, конеч-

но, не въ видѣ награды, но своимъ поведеніемъ въ бою обратившаго на себя общее вниманіе *).

Когда наши ворвались въ траншею и въ разсыпную преслѣдовали убѣгавшихъ Англичанъ, Плюхинъ попалъ въ толпу непріятелей, состоявшую человѣкъ изъ 5 или 6, и, не долго думая, бросился прямо на того изъ этой толпы, который болѣе всѣхъ кричалъ и бѣсновался, какъ видно, призывая своихъ оторопѣлыхъ подчиненыхъ къ отраженію нашего удара. Плюхинъ, говорю, прямо бросился на этого господина и, какъ самъ разсказываетъ, *сгребъ* его подъ себя, прихвативъ тутъ же и другого и въ ту же минуту закричалъ во все горло: „ко мнѣ, братцы-Селенгинцы, помогите ради Бога!“ На этотъ крикъ наскочило двое матросовъ, да двое солдатъ, между тѣмъ какъ нѣсколько Англичанъ тащило изъ рукъ Плюхина своего товарища и начальника. Помощь подоспѣла вовремя къ Плюхину: онъ уже изнемогалъ въ неравной борьбѣ; но наши одолѣли и однихъ потащили за собою, другихъ перебили. У Плюхина оказались четыре штыковыя раны, по счастію, до того легкія, что онъ даже въ госпиталь не пошелъ. Замѣчательно, что когда Плюхинъ бросился только на англійскаго офицера, тотъ было встрѣтилъ его сабельнымъ ударомъ, но въ темнотѣ промахнулся, а Плюхинъ такъ его хватилъ кулакомъ въ голову, что тотъ обезпамятѣлъ, да такъ безъ памяти и принесенъ въ городъ.

— Кто его зналъ,—отзывается Плюхинъ,—что онъ начальникъ, ночью не разглядишь, а ужь что я ему тамъ насовалъ-то, при немъ останется!

Когда наши заиграли отступленіе,—говоритъ Вальцовъ,—солдаты рѣшительно не хотѣли идти назадъ и покинуть непріятельскія траншеи.

— Ваше благородіе,—кричали они,—зачѣмъ намъ отступать, когда наша беретъ?

Насилу могли убѣдить, что приказано главнокомандующимъ, такъ тутъ разсуждать нечего, а пошелъ—назадъ!

Одинъ солдатъ изъ числа бывшихъ на вылазкѣ разсказывалъ мнѣ сегодня: „Штыкомъ поработали ночью на порядкахъ, правду надо сказать. Съ однимъ я чуть было не пропалъ: хватилъ, видите, его штыкомъ, а штыкъ-то въ него какъ по маслу пошелъ, да до самаго дула доѣхалъ; мягкій такой Англичанинъ, да сильный, схватилъ мое ружье обѣими руками и зоветъ своихъ; еслибы наши не подскочили и не дошибли его прикладомъ, такъ того и гляди пропалъ бы съ нимъ!“

*) Guerin (Ibidem, т. II, стр. 26—27) такъ разсказываетъ про эту вылазку. Атакованные на нѣсколькихъ пунктахъ одновременно, Англичане, послѣ упорнаго боя въ продолженіе трехъ четвертей часа, съ помощью резервовъ, опрокинули Русскихъ; но при этомъ у Англичанъ раненъ майоръ Моллеръ и взяты въ плѣнъ капитанъ Фрамптонъ и лейтенантъ Кларкъ съ одиннадцатью солдатами, какъ увѣряютъ англійскія реляціи. Въ то время другая колонна Русскихъ, прорвавшись черезъ передовые французскіе посты, бросилась на батарею, называемую Т (названіе это ей дано вслѣдствіе ея формы), но тутъ былъ уже готовъ отпоръ: солдаты, предупрежденные пальбою въ сторонѣ Англичанъ, ждали нападенія, лежа за брустверомъ съ ружьями на-готовѣ, встрѣтили нападающихъ залпомъ и опрокинули ихъ стремительнымъ ударомъ въ штыки.

10 декабря.

Здѣсь въ Севастополѣ издавна были постоянныя квартиры Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка; его казармы, каменная церковь, манежъ и различныя хозяйственныя заведенія устроены близъ Малахова кургана. Уходя на Кавказъ, Бѣлостокскій полкъ оставилъ здѣсь свои склады, а многіе офицеры и солдаты оставили свои семейства, не имѣя средствъ отправить ихъ на родину. Эти лица значительно увеличиваютъ цифру настоящаго населенія Севастополя, а многія изъ этихъ покинутыхъ существъ дѣлятъ съ нами *дружно* радость и горе осады.

Офицеръ, завѣдующій складами полка, для большей безопасности оныхъ, сложилъ все казенное добро въ зданіе казармъ за 3-мъ бастіономъ, тамъ же помѣстивъ и походную церковь. Недавно вздумали пересмотрѣть и просушить образа иконостаса, вынули ихъ изъ ящиковъ и разставили въ цейхгаузѣ, какъ вдругъ, въ послѣднихъ числахъ ноября, ворвалась въ этотъ цейхгаузъ бомба и лопнула тамъ, разбивъ осколками нѣсколько иконъ.

Въ сущности въ этомъ событіи нѣтъ ничего необыкновеннаго, но я разсказываю его какъ странное стеченіе обстоятельствъ. Изъ этихъ иконъ двѣ, а именно—Богоматери и Св. Николая *писаны, въ Парижѣ*, во время пребыванія тамъ нашихъ войскъ, и вотъ теперь, столько лѣтъ спустя, имъ суждено было пострадать отъ Французовъ же, но въ предѣлахъ Россіи.

11 декабря.

Говорятъ, будто отданъ приказъ по гарнизону, я впрочемъ самъ еще не читалъ его,—что Тотлебенъ въ такое грозное привелъ положеніе Севастополь и всѣ распоряженія его такъ основательны и приносятъ такую пользу дѣлу, что генералъ баронъ Остенъ-Сакенъ предлагаетъ всему севастопольскому гарнизону исполнять всѣ его приказанія какъ бы его собственныя и всѣми сооруженіями до обороны Севастополя относящимися поручаетъ распоряжаться Тотлебену, по его усмотрѣнію.

12 декабря.

Мы утѣшены и обрадованы, скажу болѣе—въ полномъ смыслѣ слова осчастливлены необыкновенною къ намъ милостію Царскою: Высочайше повелѣно мѣсяцъ службы въ Севастополѣ во время его защиты — считать намъ за годъ! *)

13 декабря.—Бельбекъ.

Штабъ нашей дивизіи съ Селенгинскимъ и Якутскимъ полками вышелъ изъ Севастополя и опять сталъ на Бельбекѣ, и мы снова поселились въ той

*) 29 ноября 1854 г. Императоръ Николай писалъ князю Меньшикову: „Считаю справедливымъ велѣть тебѣ объявить всѣмъ войскамъ, составляющимъ другой мѣсяцъ гарнизонъ Севастополя, какъ сухопутнымъ, такъ и морскимъ, что, въ признательность за ихъ безпримѣрное мужество, усердіе и труды въ теченіе сего времени, Я велѣлъ имъ зачесть *каждый мѣсяцъ за годъ службы* по всѣмъ правамъ и преимуществамъ. Они этого вполнѣ заслуживаютъ, и объяви это на 6 декабря".

полуразрушенной саклѣ, въ которой жили болѣе мѣсяца; но въ настоящее суровое время занимать такую лѣтнюю квартиру безъ печки не совсѣмъ удобно. Впрочемъ, солдаты немедленно сложили намъ печь, разобравъ на кирпичъ часть стѣны сожженнаго господскаго дома, достали гдѣ-то дверь и окна и устроили намъ квартиру на славу.

Здѣсь мы поступили въ команду начальника главнаго резерва, генералъ-лейтенанта Моллера. Что касается до генерала Павлова, то онъ очень горюетъ, что насъ перевели сюда изъ Севастополя—*въ бездѣйствіи жирѣть!* Мы уже было свыклись съ севастопольскою жизнью и намъ не только горько, но даже совѣстно было перебираться съ пожитками изъ города въ тѣ минуты его жизни, когда изъ него уѣзжаютъ только женщины, дѣти, раненые или умирающіе, а въ него сгремятся здоровые, бодрые духомъ и крѣпкіе силами, готовые постоять за родную землю и лечь за нее костьми.

Но что дѣлать? Воля начальства!

Селенгинцы перешли 11 ноября, Якутцы 9 декабря, послѣдніе не потерявъ въ Севастополѣ ни одного человѣка, несмотря на то, что въ теченіе мѣсяца и трехъ дней пребыванія на южной сторонѣ несли весьма тяжкую службу въ траншеяхъ, при защитѣ Малахова кургана, по ночамъ занимаясь исправленіемъ и возведеніемъ укрѣпленій на этомъ отдѣленіи.

На мѣсто этой бригады пошелъ въ Севастополь Камчатскій полкъ, подъ командою полковника Голева, имѣя въ строю на-лицо: штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 45 и нижнихъ чиновъ 2.983 *). Подъ защиту этому полку отдано пространство отъ „Доковаго оврага“ до „Киленъ-балки“.

Пѣхоту лѣвой половины оборонительной линіи отъ генерала Павлова принялъ въ свое командованіе командиръ 2-й бригады нашей дивизіи, генералъ-майоръ Заливкинъ.

Охотскій полкъ въ это самое время, при перемѣщеніи пѣхотныхъ полковъ, съ высылкою нѣкоторыхъ изъ нихъ въ резервъ (поводомъ чему было предположеніе, что непріятель въ такое неблагопріятное для военныхъ дѣйствій время не отважится ни на какой рѣшительный шагъ противъ осажденнаго города),—переведенъ на 3-й бастіонъ 10 декабря и расположился въ зданіяхъ бывшаго морскаго госпиталя **).

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ при переправѣ Селенгинскаго полка изъ Севастополя, когда полкъ стоялъ приваломъ на Сѣверной, изволилъ вспомнить фельдфебеля Щепановскаго, подвигъ котораго въ Ольтеницкомъ сраженіи, выйдя въ размалеванномъ видѣ изъ-подъ пера Батезатула,

*) Камчатскій полкъ пробылъ въ Севастополѣ до конца защиты, т.-е. до 27 августа 1855 года, и вышелъ оттуда имѣя въ строю штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 23 и нижнихъ чиновъ 1303. Во время пребыванія въ Севастополѣ къ нему поступило на укомплектованіе 772 нижнихъ чиновъ (не говорю про штабъ- и оберъ-офицеровъ), слѣдовательно полкъ потерялъ 2452 человѣка убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти.

**) На этомъ отдѣленіи Охотскій полкъ безвыходно находился до конца осады.

разсказанъ во всѣхъ газетахъ, изволилъ освѣдомиться, здѣсь ли онъ? и на утвердительный докладъ потребовалъ его къ Себѣ.

— Поди сюда, молодецъ, поди,—изволилъ сказать Великій Князь, когда Щепановскій явился Его Высочеству, повелъ его въ Свой домикъ, велѣлъ снять съ него портретъ для Своего альбома и пожаловалъ ему 50 руб. сер.

15 декабря.

Генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ принялъ начальство надъ севастопольскимъ гарнизономъ; въ помощники ему назначенъ вице-адмиралъ Нахимовъ.

Гарнизонъ съ любовью и надеждою встрѣтилъ Дмитрія Ерофеевича. Онъ издавна пользуется отличною извѣстностью въ арміи. Служить съ нимъ, особенно въ мирное время, не легко, за то хорошій служивый у него никогда не бываетъ смѣшанъ съ плохимъ: строгая справедливость издавна— девизъ его служебныхъ дѣйствій и обращенія съ подчиненными; власть его всегда крѣпка, сильна и неотразима; такую власть мужественная природа русскаго солдата и вообще русскаго человѣка принимаетъ и любитъ искренно, — всегда любитъ сильнѣе власти слабой, нерѣшительной, опускающей бразды, на которыхъ держится русскій человѣкъ и безъ которыхъ онъ еще, такъ сказать, боится разбить себѣ голову.

Самые моряки, не совсѣмъ ласково смотрящіе на своихъ начальниковъ изъ пѣхотинцевъ, сознавая достоинства генерала Остенъ-Сакена, привѣтствовали его назначеніе, какъ зорю новой судьбы Севастополя.

Генералъ Остенъ-Сакенъ вездѣ бываетъ самъ; верхомъ и пѣшкомъ онъ безпрестанно осматриваетъ бастіоны, изучая тайну и ходъ обороны и атаки на мѣстѣ, во всей подробности; нѣтъ уголка оборонительной линіи, который бы онъ не посѣтилъ; нѣтъ человѣка, заслуживающаго своею службою вниманія, которому бы онъ не отдалъ справедливости; нѣтъ неисправности, которой бы онъ не замѣтилъ и за которую не сдѣлалъ бы взысканія или не погрозилъ бы таковымъ.

16 декабря.

Какъ-то на дняхъ у насъ взорвало непріятельскою бомбою пороховой погребокъ на одной батареѣ. Говорятъ, этимъ взрывомъ подняло на воздухъ лейтенанта П.....го. Возвращаясь изъ воздушнаго путешествія, несчастный юноша упалъ неподалеку отъ мѣста взрыва на мягкій траверзъ, едва сохранивъ признаки жизни, обожженный, израненный, совершенно почти обугленный. Его отнесли въ госпиталь. Великіе Князья, какъ ангелы-утѣшители, безпрестанно появляясь, чаще всего въ отдѣленіи раненыхъ, ко всѣмъ подходятъ, всѣхъ ободряютъ и утѣшаютъ. Мнѣ разсказывали, что Они изволили подойти какъ-то на дняхъ и къ лейтенанту П—му.

— Ну, что, какъ теперь ваше здоровье, лейтенантъ?—удостоилъ спросить Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

„Да что, Ваше Высочество, съ докторами никакъ не совладаю, все роютъ траншеи у меня на головѣ!“

Великіе Князья изволили быть такъ милостивы, что, получивъ удостовѣреніе докторовъ о способности лейтенанта П—го перенесть транспортировку, изволили отправить его въ своемъ экипажѣ, съ старушкою матерью его, лечиться въ Симферополь, такъ какъ тѣ же медики признали, что здѣсь безпрестанное сотрясеніе воздуха отъ выстрѣловъ и громъ ихъ имѣетъ разрушительное вліяніе на его нервы, слѣдовательно на состояніе его здоровья.

17 декабря.

Такіе начались морозы, что до полудня можно путешествовать въ повозкѣ по замерзшей грязи. Она проваливается только въ мѣстахъ особенно глубокихъ, но за то ужь гдѣ провалится, то тутъ предстоитъ путнику настоящая борьба съ этою, по выраженію Наполеона, пятою стихіею Россіи!

Морозы много способствуютъ счастливому успѣху нашихъ вылазокъ, къ сожалѣнію, не имѣющихъ никакого рѣшительнаго смысла, а служащихъ какъ будто только забавою гарнизону.—Эти вылазки предпринимаются какъ будто съ цѣлію разогнать собственный сонъ и разбудить своихъ противниковъ.

Въ дѣлѣ вылазокъ солдаты и матросы, что называется, набили руку: присяжные удальцы дѣлаютъ чудеса. Севастопольцы, кажется, забыли, что значитъ опасность: они не знаютъ ее, не видятъ, не находятъ въ самыхъ ужасныхъ мѣстахъ, на которыхъ не проходитъ минуты, чтобы не взвизгнула пуля; не говорю про артиллерійскіе снаряды: здѣсь мало на нихъ обращаютъ вниманія, особенно если разрывной снарядъ ложится не близко. На мѣстахъ, безпрестанно *очищаемыхъ* прицѣльными штуцерными выстрѣлами непріятеля, наши молодцы шляются день и ночь, даже взглядомъ не удостоивая мѣста, откуда несутся пули!... Передъ проходящимъ солдатомъ идетъ его товарищъ по опасному мѣсту, глядь—и повалится; солдатъ равнодушно подыметъ товарища и понесетъ, куда надо, долго еще преслѣдуемый докучными визгуньями.

Жены и дѣти здѣшнихъ жителей-бойцовъ также ознакомились съ опасностію, какъ ихъ отцы и мужья, и также не знаютъ страха, какъ и они. Многіе живутъ у самыхъ батарей, иные даже на одной съ ними высотѣ, и не бываетъ дня, чтобы не убило или не ранило здѣсь женщину или ребенка.

Сынишки здѣшнихъ матросовъ и солдатъ шляются по траншеямъ, подбираютъ пули, или просто ходятъ въ гости къ отцамъ, либо вмѣстѣ съ матерями носятъ имъ ѣсть и пить.

Пойдите по скатамъ Малахова кургана, облѣпленнымъ домиками матросовъ, подите по грязнымъ и извилистымъ улицамъ этого, сильно населеннаго, квартала, хоть на разсвѣтѣ напримѣръ. Видите, хозяйка сосѣдней избенки подошла къ окнамъ супротивнаго домика. Прислушайтесь:

— Дунька, а Дунька! Жива-ль ты?...

„Жива, — отвѣчаетъ голосъ изъ избенки, — только ночью, слышь, осколокъ крышу провалилъ“.

— Хорошо, что не голову.

„Вѣстимо хорошо,—отвѣчаетъ тотъ же голосъ изнутри“.

— Пойдемъ за водой.

„Пойдемъ, голубка“.

И пошлелись, тараторя про то, про сё...

Ночью съ 8 на 9 декабря, во время сильной канонады, мы съ товарищемъ пошли бродить по улицамъ; скучно показалось и тяжело какъ-то подъ крышею, да такъ незамѣтно почти всю ночь и проходили, то наблюдая за живописнымъ полетомъ снарядовъ, то толкуя о своей загадочной судьбѣ. Проходя мимо одного домика, мы видѣли, какъ какой-то мѣщанинъ или отставной матросъ зажегъ лампаду передъ образомъ, зажегъ свѣчу и пошелъ на крыльцо, видно встревоженный особенно сильною канонадою.—Мы остановились и наблюдали.

— Чего таскаешься, Михѣичъ, по ночи,—послышался женскій голосъ изъ полузатворенной двери домика,—аль выстрѣловъ еще не наслушался?

Особенно любятъ вылазки моряки: у нихъ не считается подвигомъ напасть ночью на траншею, забраться ни вѣсть въ какую трущобу посреди непріятеля, вырѣзать пикетъ, поднять на ноги непріятельскіе резервы, надѣлать зла врагу, какъ только можно и сколько можно, и удрать назадъ. Все это у нихъ не болѣе какъ удальство, молодечество.

Многихъ матросовъ перестали пускать на вылазки: ни одна изъ нихъ конечно не обходится безъ потерь, а эти молодцы нужны общему дѣлу, очень нужны въ настоящее время.

Есть между моряками такіе, которые по нѣскольку разъ ходили на вылазку и для которыхъ это хожденіе обратилось, кажется, въ потребность, даже въ страсть. Въ Севастополѣ есть матросъ Кошка, составившій себѣ особенно блистательную репутацію; его даже запираютъ, когда собираются на вылазку, но почти всегда онъ успѣваетъ улизнуть. Кошка пускается на разныя штуки и дѣлаетъ разныя продѣлки съ непріятелемъ. Есть у него, напримѣръ, мѣшокъ съ дырами для глазъ; онъ его надѣнетъ да и ползетъ въ немъ: то остановится, полежитъ нѣкоторое время въ видѣ камня, то опять пустится впередъ и, превосходно зная мѣстность, почти всегда благополучно достигаетъ или передовой непріятельской цѣпи, или даже траншей. Тутъ, улучивъ минуту, высмотрѣвъ что нужно, Кошка вдругъ вскочитъ и бросится на часоваго и или убьетъ его, или штуцеръ у него выхватитъ. Иногда даже никто его и не замѣтитъ, а онъ украдетъ ружье у спящаго на часахъ Англичанина и въ тихомолку прокрадется назадъ.

Говорятъ, ночью съ 8 на 9 декабря, Кошка тоже былъ запертъ, но какъ-то ушелъ на вылазку, притащилъ въ казармы Англичанина и началъ его угощать, кормить, поить и потомъ уложилъ спать на свою постель.

Вообще всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ на этой вылазкѣ, угостили на 3 бастіонѣ, а матросы уложили спать на своихъ койкахъ въ казармахъ, подружились съ ними, толковали, разсказывали разныя разности, разумѣется, нисколько не понимая другъ друга. Смѣшно было смотрѣть со стороны на эти бесѣды.

19 декабря.

Какія у насъ на Русси дѣла иногда творятся—просто не вѣроятныя. Напримѣръ, вотъ что о здѣшнихъ порядкахъ мирнаго времени передавали намъ знающіе, мѣстные служаки-сторожилы.

Князь Меньшиковъ очень экономенъ, бережетъ казенное добро, но все-таки его обкрадываютъ и онъ это знаетъ. Вотъ, чтобы по возможности устранять злоупотребленія наиболѣе практикуемыя при казенныхъ заготовкахъ и поставкахъ, онъ, между прочимъ, постоянно противился заготавленію и поставкѣ въ Севастополь корабельнаго лѣса въ значительномъ количествѣ. Въ результатѣ оказалось, что когда наши суда сильно пострадали подъ Синопомъ, въ Севастополѣ не нашлось достаточнаго количества мачтоваго лѣса, не чѣмъ было оснастись потерпѣвшихъ аваріи кораблей. И вотъ, тогда какъ союзныя эскадры уже появились въ Черномъ морѣ, наши вздумали доставить въ Севастополь изъ Николаевска потребное количество мачтъ. Доставку эту рѣшили сдѣлать посредствомъ буксированія пароходомъ плота сдѣланнаго изъ мачтоваго лѣса. Сказано-сдѣлано. Одинъ такой плотъ стоившій около 40.000 р., пароходъ взялъ на буксиръ, потащилъ. Пока море было спокойно, дѣло шло на ладъ, но вдругъ поднялся вѣтеръ, развело волненіе, плотъ мачтъ началъ ударять въ ведущій его пароходъ и кончилось тѣмъ, что пароходъ, въ видахъ собственнаго спасенія, долженъ былъ отрубить буксиръ и плотъ мачтъ столь цѣнныхъ, и что главное—столь намъ необходимыхъ, пошелъ гулять по бѣлу свѣту. Другой случай. Купцы предлагали заготовить въ Севастополѣ сколько угодно пудовъ каменнаго угля, по 15 к. за пудъ. Князь Меньшиковъ не согласился на эту поставку, признавъ предложенную цѣну слишкомъ высокою, а теперь ощущается уже сильный недостатокъ въ углѣ, который усилится, буде осада затянется, и морское вѣдомство дастъ уже не 15 к. какъ просили за пудъ, а 75 к.: поставь только, ради Бога, угля сколько можешь поставить!

27 декабря.

Наша здѣсь жизнь не имѣетъ особеннаго интереса, да и вообще севастопольская жизнь очень однообразна, особенно для того, кто не посвященъ въ тайны здѣсь происходящей борьбы и не принимаетъ въ ней ежедневно дѣйствительнаго участія перомъ или саблею. Общая картина борьбы стала незанимательна для боеваго населенія Севастополя,— къ ней приглядѣлись. Ежедневно, ежеминутно одно и то же: та же канонада сегодня, что и вчера, болѣе или менѣе сильная, преимущественно смотря потому, какъ вздумается

командирамъ нашихъ батарей: затѣять ли яростную канонаду по врагу, или ограничиться рѣдкими выстрѣлами очередной пушки; сами же союзники почти никогда не завязываютъ перестрѣлки и молчатъ, если наши молчатъ.

Говорятъ, у непріятеля не кончены необходимыя работы для успѣшнаго состязанія съ нами артиллерійскимъ огнемъ; особенно въ этихъ работахъ мало успѣли Англичане, и потому они боятся затѣять съ нами неравный артиллерійскій бой, изъ опасенія, чтобъ мы не уничтожили ихъ трудовъ огнемъ своей артиллеріи.

Неудача въ сраженіяхъ, дурная администрація и болѣзни чрезвычайно ослабили англійскую армію. Это разстройство нынѣ должно увеличиться отъ того, что наступили очень порядочные морозы, а сегодня выпалъ довольно глубокій снѣгъ. Мы въ этомъ, обыкновенномъ явленіи природы видимъ особенное къ намъ милосердіе Божіе: здѣсь такіе морозы и такой снѣгъ бываютъ не всякій годъ, какъ говорятъ старожилы. Правду надо сказать: мы вообще, солдаты въ особенности, много разсчитывали на помощь нашей сѣверной природы. Мы все еще воображаемъ: когда морозы порядкомъ поостудятъ пылкую кровь союзниковъ, наше начальство попытается разсчитаться съ ними. Однако, доселѣ у насъ не дѣлается никакихъ приготовленій къ наступленію, и если чѣмъ-нибудь севастопольскій гарнизонъ напоминаетъ о себѣ союзникамъ, кромѣ значительно ослабленной противъ прежняго канонады, такъ это небольшими вылазками, все-таки не имѣющими никакого результата, кромѣ смерти нѣсколькихъ нашихъ удальцовъ и тревоги, распространяемой въ непріятельскихъ траншеяхъ.

Между тѣмъ, по словамъ перебѣжчиковъ, союзники въ печальномъ положеніи *) и въ высшей степени деморализованы.

---

*) Иностранные писатели не скрываютъ этого и поразительными красками рисуютъ тягостное положеніе своихъ армій. Не можемъ воздержаться, чтобы не повторить здѣсь этихъ разсказовъ, вполнѣ сдѣлавшихся намъ доступными послѣ кампаніи. На эторъ разъ у насъ подъ рукою Guerin (Idem. т. II; стр. 46 и далѣе) и de Damas (Souvenirs religieux et militaires de la Crimée и проч. Paris 1857 г.).

У Французовъ не было топлива; не только все растущее пошло на дрова, но даже корни деревьевъ и винограда. Снѣгъ былъ для Французовъ сущимъ бѣдствіемъ. Отъ снѣга не спасали палатки: онъ пробивался въ малѣйшія щели, покрывалъ бѣдныхъ солдатъ, ожидавшихъ покоя хоть ночью, послѣ тяжкаго дневнаго труда. Весьма часто ихъ утромъ находили замерзшими—ихъ застылое платье послужило имъ саваномъ. Но если еще эти палатки заняты здоровыми людьми, бѣдствіе еще не такъ велико; если же ихъ наполняютъ больные и раненые, страдающіе грудью или лихорадочные, одержимые поносомъ или лишившіеся члена, оторваннаго, либо отрѣзаннаго операторомъ!... Идетъ снѣгъ, и какую же отъ него защиту представляетъ холщевая кровля?!...

Англичане страдали еще гораздо больше. Въ этомъ году у нихъ еще не было такого благоустройства, какъ въ слѣдующемъ году. Англичанамъ всегда надо время, чтобы устроиться, но если они уже привели въ порядокъ свои дѣла, то на этомъ поприщѣ ихъ никто не перещеголяетъ. Застигнутые войною врасплохъ, они очень пострадали. Англійская армія, столь пострадавшая уже въ сраженіяхъ въ половинѣ декабря (нашего стиля), считала у себя больныхъ собственно подъ Севастополемъ около 3.500 человѣкъ, не считая 5.000 уже отправленныхъ въ Скутарійскіе госпитали. Почти всѣ генералы, открывшіе кампанію, сошли со сцены. Въ числѣ покинувшихъ армію видимъ Бровна, герц. Кембриджскаго, Кардигана, Каткарта, Лесси Ивенса, Тильдена, Странгвайса, Бентинга, Бюллера, Голди, Адамса, Торренса, Катора, Росса, примѣру которыхъ послѣдовали почти всѣ полковники и офицеры всѣхъ чиновъ и оружія. То же можно сказать и о солдатахъ, которые тоже почти всѣ пере-

Перебѣжчики безпрестанно къ намъ являются. Часовой стоитъ въ цѣпи, пляшетъ, пляшетъ, съ ноги на ногу, да вдругъ, видно, потерявъ терпѣніе, броситъ ружье и пустится бѣжать къ намъ. По немъ его же товарищи тотчасъ откроютъ огонь; очень часто случается, что наши, не разобравъ въ чемъ дѣло, сгоряча тоже подымутъ пальбу, и несчастный не знаетъ куда дѣваться... Нѣкоторыхъ бѣдняковъ убили такимъ образомъ.

Нѣсколько дней тому назадъ былъ подобный случай. Французъ пошелъ за водою въ колодезь, находящійся въ виду нашей и непріятельской цѣпи, да отъ колодца и бѣжалъ къ намъ. Когда съ двухъ сторонъ по немъ открыли огонь, онъ, не добѣжалъ половины разстоянія между враждующими сторонами, упалъ. Тогда наши поняли, что напрасно открыли пальбу, а Французы изъ своихъ ложементовъ до сумерокъ продолжали стрѣлять въ трупъ несчастнаго, какъ въ мишень. Когда стемнѣло, Камчатскаго полка поручики Арсеньевъ и Мисайловъ вздумали, единственно изъ удальства, притащить трупъ Француза и, взявъ двухъ солдатъ съ носилками, пошли къ мѣсту, гдѣ онъ упалъ. Каково же было ихъ изумленіе, когда они нашли Француза-переметчика живымъ и здоровымъ! Онъ притворился только мертвымъ, чтобы спастись отъ выстрѣловъ, и потомъ по особому, необыкновенному счастію остался невредимымъ, служа въ теченіе четырехъ часовъ мишенью французскимъ стрѣлкамъ.

Наши солдаты конечно тоже очень много терпятъ отъ холода, особенно по ночамъ, за то отогрѣваются, возвращаясь со службы въ дома и казармы Севастополя, гдѣ топлива вволю, а печи, конечно, хорошо устроены.

мѣнились. Несчастные юноши, присылаемые изъ Англіи на смѣну старымъ солдатамъ, погибали, даже не побывавъ еще въ боевомъ огнѣ. Гвардейская бригада королевы, столь великолѣпная нѣкогда, состояла теперь не болѣе какъ изъ 950 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ прислугу, къ концу же января въ ея рядахъ было не болѣе 500 солдатъ! „Подумайте,— писалъ одинъ корреспондентъ редактору извѣстной газеты,—каково должно быть подъ палаткою, поставленною на болотѣ, подъ которою отъ 12 до 14 несчастныхъ, мокрыхъ, прозябшихъ до костей, должны искать отдыха послѣ двѣнадцати часоваго бодрствованія въ траншеѣ, наполненной водою или грязью! Подумайте, въ какомъ положеніи должны быть эти бѣдные люди къ концу ночи, проведенной подъ такимъ кровомъ, не имѣя возможности перемѣнить промокшей одежды, подъ мокрымъ одѣяломъ»!

Артиллерійскій подполковникъ Гамлей въ своей исторіи Севастопольской кампаніи такъ разсказываетъ о жалкомъ положеніи англійской арміи въ это время: «Въ декабрѣ и январѣ число больныхъ въ англійскомъ лагерѣ считалось отъ 2 до 3 тысячъ, а считая съ отосланными въ Балаклаву, Скутари и Англію (не считая убитыхъ и раненыхъ) число больныхъ доходило до 14 тысячъ. Прибывавшія подкрѣпленія не могли пополнить такой убыли, а между тѣмъ необходимость охранять траншеи не изчезала, и солдаты бывали вынуждены иногда безсмѣнно оставаться въ нихъ по трое сутокъ. Кромѣ того, для продовольствія осаднаго корпуса необходимо было доставлять ежедневно изъ Балаклавы провизію, такъ какъ осадныя работы были такого рода, что, до конца декабря, транспортныя средства не позволяли запасать продовольствія на день впередъ. Поэтому ежедневно измученные люди и лошади вынуждены были путешествовать по грязи и слякоти изъ Балаклавы въ лагерь и обратно, а иногда ожидать, по колѣни въ грязи, своей очереди приступить къ пріемкѣ. Часто случалось, что нѣкоторыя дивизіи по два дни не получали порцій рому и говядины и вынуждены бывали питаться кофеемъ и сухарями; также часто приходилось солдатамъ довольствоваться половинною порціею продовольствія».

Но если печально было положеніе Французовъ и ужасно положеніе Англичанъ, то положеніе Турокъ было плохо до чрезвычайности. Мусульманскіе лазареты, по словамъ очевидца, скорѣе были похожи на кладбища, чѣмъ на мѣста, устроенныя для облегченія страданій. Суровость зимы и постоянные труды тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на Турокъ и Тунисцевъ, что они привыкли къ другой жизни, къ другому, пламенному небу.

Одежда у нашихъ солдатъ поистаскалась, полушубками снабжены далеко не всѣ; хотя приказано передавать другъ другу полушубки, т.-е. чтобъ идущіе на службу брали полушубки у остающихся, но эта безпрестанная мѣна весьма неудобна. Притомъ полушубки нашихъ солдатъ коротки, по большей части даже не прикрываютъ всего живота, и узки. Отпускомъ денегъ на постройку полушубковъ поскупились, а овчина, едва только начали заводить полушубки, весьма вздорожала, поэтому и нѣтъ возможности построить на отпускаемыя деньги полушубокъ достаточной величины.

Хотя русскій человѣкъ переноситъ большіе холода съ открытымъ горломъ, а иногда и съ открытою грудью, но все-таки онъ бываетъ одѣтъ въ теплый тулупъ; солдату же нашему въ одной изорванной шинелишкѣ, зимою въ траншеѣ, едва ли веселѣе Англичанина въ теплой фуфайкѣ, закутаннаго въ байковое одѣяло, употребляемое Англичанами на службѣ вмѣсто бурки.

Однако есть у насъ забубенныя головы, что не робѣютъ и въ одной протертой шинелишкѣ. Напримѣръ, на дняхъ какъ-то товарищъ мнѣ разсказывалъ случай: во время его нахожденія въ траншейномъ караулѣ, въ сильный морозъ, одинъ солдатъ въ изорванной шинелькѣ безъ полушубка, порядкомъ, видно, промерзъ и, чтобъ согрѣться, выскочилъ изъ траншеи къ сторонѣ непріятеля и началъ бѣгать вдоль ее. Взглянувъ къ непріятельской сторонѣ, видитъ — двое-трое Англичанъ тотчасъ послѣдовали его примѣру и стали бѣгать у своей траншеи, не открывая по немъ огня. „Ага, проклятые, закричалъ имъ нашъ солдатъ, продолжая бѣгать, проняло? По дѣломъ—не лазьте, куда не спрашиваютъ! Дайте, дайте срокъ,—продолжалъ онъ кричать, грозя кулакомъ Англичанамъ,—не такой еще хватитъ; дайте только крещенскимъ подойти, какъ тараканы померзнете въ такихъ штанахъ да шинеляхъ!... Намъ что?... намъ ни почемъ,—кричалъ онъ, танцуя на одной ножкѣ:—наше дѣло привычное, морозецкій—свой братъ!“

Сочиненіе, отрывокъ изъ котораго мы перевели нижеслѣдующую статью, съ фотографическою точностью представляетъ почти каждый день, проведенный нашими врагами въ осадѣ многострадальнаго Севастополя.

Доселѣ мы не имѣемъ еще такой картины, которая представила бы безсмертную севастопольскую борьбу во всѣхъ ея фазисахъ. Разсказъ, нами приводимый, можетъ назваться однимъ, нелишеннымъ смысла и значенія, штрихомъ этой будущей великой картины.

Мы выбрали, для своего перевода, изъ двухтомнаго сочиненія французскаго автора представляемый эпизодъ и потому еще, что, рисуя положеніе французской арміи подъ Севастополемъ, въ декабрѣ (нов. ст.) 1854 года, авторъ, этимъ самымъ разсказомъ, какъ бы очерчиваетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и наше собственное положеніе, въ тотъ же періодъ осады. Дѣйствительно, въ это время, мы, защитники Севастополя, въ траншеяхъ и ложементахъ, бивуакируя на банкетахъ бастіоновъ, въ ночныхъ караулахъ,

на вылазкахъ и безпрестанныхъ работахъ, терпѣли и страдали такъ же, какъ, по разсказамъ автора, терпѣли и страдали Французы, осаждая Севастополь. Что я говорю: „такъ же“? мы страдали больше, потому уже, что всѣ мы, стоявшіе на южной сторонѣ Севастополя, находились *безпрестанно* подъ косою смерти: здѣсь не было мѣста, куда бы не ложилось непріятельскаго снаряда, а большинство французской осадной арміи, послѣ смѣны съ очередной службы, становилось *внѣ* нашего огня. Къ тому же, мы, кромѣ смертной опасности, которой подвергались ежеминутно, мокли подъ дождемъ, купались въ грязи, проводили безсонныя ночи въ утомительныхъ работахъ такъ же, какъ и Французы; такъ же, какъ и они, томились неизвѣстностью, жаждали скорѣйшаго конца своимъ страданіямъ, открытыхъ, рѣшительныхъ битвъ... И мы не видѣли предѣла бѣдствіямъ насъ постигшимъ, и если холодали меньше Французовъ и Англичанъ, то только внѣ очередной службы. А что касается до пищи, до тѣхъ лишеній, на которыя указываетъ авторъ, какъ на одно изъ бѣдствій, постигшихъ Французовъ, то если мы и не испытывали ихъ, то собственно потому, что привыкли довольствоваться болѣе грубою пищею, не считая даже лишеніемъ питаться, при нуждѣ, сухарями съ водой.

Словомъ, приводимый нами разсказъ долженъ напомнить многое и многое изъ прошлаго каждому, кто провелъ зиму 1854 года въ Севастополѣ.

Мы сочли нужнымъ присоединить къ разсказу автора примѣчанія, отчасти для разъясненія нѣкоторыхъ фактовъ, отчасти въ видахъ возстановленія истины.

ГЕНЕРАЛЪ ДЕКАБРЬ.

(*Изъ „Journal Humoristique du siège de Sebastopol, par un artilleur“. 3-е изданіе. Т. II. Парижъ. 1868 г.*)

(Сочиненіе это, по всей вѣроятности, принадлежитъ перу г. Робида, офицера служившаго въ 6 артиллерійскомъ полку, въ 12 ротѣ, капитана Маріона.)

Декабрь (1854) наступилъ подъ мрачными предзнаменованіями. Императоръ Николай совершенно основательно назвалъ этомъ мѣсяцъ *„Генералъ декабрь“*.

Въ первое же утро морозило. 4-й бастіонъ (bastion du Mât), третьяго же дня, сообразуясь съ обстоятельствами, измѣнилъ свою обычную тактику, а именно: онъ предоставилъ дѣйствовать лучшему своему союзнику—крымскому климату.

Такимъ образомъ, первый день декабря ознаменовался тишиной и усиленнымъ трудомъ въ осадныхъ работахъ, а въ лагеряхъ убійственнымъ однообразіемъ. Къ затрудненіямъ, которыя намъ рисовались въ будущемъ, присоединился рядъ мелкихъ лишеній. Особенно надобно было беречь топливо—послѣднее наше утѣшеніе въ пустынѣ—подъ опасеніемъ почувствовать въ немъ вскорѣ недостатокъ и на кухнѣ. Собиравшіе топливо съ большими затрудненіями не находили уже въ окрестности ничего другаго, кромѣ глубоко-сидящихъ древесныхъ корней; да добыча и этого лѣснаго матеріала представляла немалыя трудности, благодаря морозамъ, сковавшимъ землю. Взапуски бѣжали, со своими почетными ношами, лагерные жители, снабжая свои келліи необходимымъ запасомъ топлива.

Долина блестѣла, покрытая ледяною корой; армія безмолвствовала въ своихъ логовищахъ; изрѣдка кто-нибудь пробирался въ ресторанчикъ или погребокъ. Херсонесъ являлъ печальную картину.

Что же будетъ утромъ? Что до меня касается, признаться, я никогда не испытывалъ подобнаго изнеможенія. Горе слабымъ, любившимъ поспать! Имъ оставалось одно мѣсто—лазаретъ! Эта перспектива меня вразумила. Я поклялся быть благоразумнѣе, вставать раньше; но, чтобы тотчасъ же не нарушить своей клятвы, завалился спать гораздо прежде двухъ куръ, взятыхъ моимъ сосѣдомъ у непріятеля. Лагерь тоже не дождался сигнала и сонъ перенесъ ему предавшихся въ тотъ идеальный міръ, откуда поэты почерпа-

ютъ свое вдохновеніе и гдѣ бивуачный изгнанникъ находитъ единственную отраду въ немилостяхъ судьбы. Тамъ красота безъ покрововъ; добродѣтель не пугается звука поцѣлуевъ; тамъ царствуютъ вѣчный миръ, вѣчная весна.

На утро, 20-го ноября (2-го декабря), я проснулся свѣжъ и бодръ, по милости путешествія въ страну идеальнаго счастія.

Труба вызвала меня къ дѣйствительности. Мнѣ была очередь въ траншеи. Увы! Очередь доставалась мнѣ, по крайней мѣрѣ, разъ въ три дня. Ночь обиловала происшествіями. Едва мы устроились около орудій, какъ услышали шумъ вылазки. Охотники изъ войскъ, недавно прибывшихъ съ Кавказа для усиленія севастопольскаго гарнизона, какъ разсказывали, должны были отличиться. Надлежало сдѣлать имъ блистательный пріемъ. Вездѣ усилили караулы. Къ несчастію, сѣверный вѣтеръ, съ ледяною изморозью, бичевалъ насъ въ лицо. Было темно, какъ въ пещерѣ. Только разрывы бомбъ полуобрисовывали кровавыми красками сцену. Не замѣченные нашими аванпостами, Русскіе ударили на траншеи между второю и третьею параллелями. Но горсть защитниковъ 39-го полка безтрепетно встрѣтила ихъ, за парапетомъ, скрещенными штыками *). Русскіе бросились на эту желѣзную стѣну, но ихъ начальникъ былъ убитъ, и они тотчасъ дали тылъ, многіе кидая оружіе и свои вещи **), чтобы легче было бѣжать. Они пробѣгали мимо самой нашей батареи и стрѣлки нашего прикрытія проводили бы ихъ огнемъ, еслибы не боялись перебить своихъ. Побѣдные клики сливались съ воплями отчаянія бѣглецовъ, которыхъ наши преслѣдовали до полупути отъ русскихъ укрѣпленій ***). Объявленный (4-го ноября н. ст.) приказъ главнокомандующаго строго воспрещалъ, однако, увлекаться преслѣдованіемъ, въ случаѣ успѣха. Но храбрость неисправима! Вылазка не успѣла еще воротиться въ Севастополь, какъ 4-й бастіонъ заговорилъ снова, и опять начали мѣняться съ недругомъ гранатами и бомбами. Спокойствіе водворилось лишь къ утру.

Холодный дождь не переставалъ. Возвращаясь въ лагерь по дорогѣ, становившейся все болѣе и болѣе скользкою, многіе падали, возбуждая общій смѣхъ. Право, человѣкъ существо желѣзное. Онъ, по нуждѣ, можетъ свыкнуться даже съ ежедневнымъ бичеваньемъ. Мы съ удовольствіемъ принялись за обѣдъ, слегка приправленный саломъ. Что до меня, я собирался угостить себя ночью въ офицерскомъ клубѣ (Cercle). Увы! радость, дочь солнца и тепла, улетала все дальше и дальше. Возрастало число желавшихъ явно или тайно *счастливой раны*, чтобы спастись отъ тягостей осады. Посреди жалобъ всѣмъ хоромъ на дурное время, кто-то замѣтилъ, что завтра

---

*) Подъ командою полковника Бёръ. *Прим. П. А.*

**) Съ людьми, ходившими на вылазки, никакихъ вещей не бывало, слѣдовательно и бросать было нечего. Сказано это такъ только, для краснаго словца. *П. А.*

***) Авторъ говоритъ, безъ сомнѣнія, о вылазкѣ въ ночь на 21 ноября (4 декабря), съ 4-го бастіона, подъ командою Селенгинскаго полка поручика Ивана Ивановича Васильева (въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1854 года, № 268, ошибочно было сказано, что поручикъ Васильевъ Волынскаго полка). Въ убитомъ начальникѣ вылазки авторъ, вѣроятно, разумѣетъ

4-е декабря (н. ст.), великій день Св. Варвары. Да проститъ намъ наша патронесса, во имя лишеній нами переносимыхъ, слишкомъ уже тяжелыхъ! Никто и не предложилъ праздновать ея день. И тѣни не было обычнаго торжества. Отсрочили празднованіе до будущаго года, въ Севастополѣ!... Въ лагерѣ все ограничилось грустными пѣснями и скудными угощеньями канонировъ между собою. Какъ пировать, когда едва доставало рукъ осушить наши траншеи, когда работы казались безконечными, когда благосостояніе бивуаковъ заключалось въ порціи соленой свинины или въ кускѣ мяса, въ постелѣ на голой землѣ и въ нѣсколькихъ полѣньяхъ, съ трудомъ добытыхъ, и, притомъ, безсильныхъ обогрѣть насъ.

Древесные корни уничтожались; вскорѣ намъ предстояло увидѣть исчезновеніе и этой послѣдней надежды нашихъ дымныхъ каминовъ. Придется тогда, чтобы спастись отъ холода, днемъ лежать въ постели; но хотя суровая нужда стучалась уже къ намъ въ двери, никто, однако, не берегъ свою жалкую вязанку прутьевъ: каждый, однажды добравшись до своего жилища, торопился насладиться послѣдней головешкой, послѣдними лучами тепла,—послѣдними!—не разсчитывая даже на случай... Случай былъ нашимъ Провидѣніемъ! На бивуакахъ говорили о предстоящемъ распредѣленіи топлива и одѣялъ. Отечество бодрствуетъ надъ нами и не дастъ своимъ дѣтямъ умереть отъ холода... Однако, во Франціи, судя по разсказамъ послѣднихъ пріѣзжихъ, почти оплакали уже Крымскую армію; и большинство новобранцевъ, что прибыли къ намъ съ такимъ багажомъ, какъ будто собрались въ степную экспедицію, вѣровали, что Херсонесъ будетъ нашей могилой. Въ Марсели и въ Константинополѣ они встрѣтили остатки раненыхъ въ Инкерманскомъ дѣлѣ, и такой отблескъ войны, конечно, не прельстилъ ихъ. Въ будущемъ они не видѣли ничего хорошаго, не понимали наслажденія, представляемаго лишеніями бивуачной жизни, а вскорѣ многіе изъ новоприбывшихъ сошли со сцены, даже не видѣвъ врага. Сколько честолюбивыхъ мечтаній исчезло слишкомъ скоро! Одинъ просилъ у судьбы только ленточку въ петлицу, другой—галуны, третій—эполеты. Между тѣмъ, судьба, самымъ жестокимъ образомъ, не принимая во вниманіе ни надеждъ, ни мечтаній, запрятала почти всѣхъ этихъ господъ въ госпиталь, надѣливъ ихъ

Волынскаго полка подпоручика Терлецкаго, по нашимъ донесеніямъ объ этой вылазкѣ показаннаго безъ вѣсти пропавшимъ; но, какъ оказалось впослѣдствіи, тяжело раненаго и взятаго въ плѣнъ. Не Терлецкій былъ начальникомъ вылазки, а поручикъ Васильевъ. На эту вылазку ходили не кавказскіе волонтеры, которымъ *надлежало показать себя*, послѣ недавняго прибытія въ Севастополь, какъ увѣряетъ авторъ, а охотники изъ полковъ Екатеринбургскаго, Тобольскаго, Томскаго и Волынскаго, въ числѣ 250 человѣкъ и 60 матросовъ. Отрядъ вели три офицера. На этой вылазкѣ мы потеряли 7 раненыхъ и 5 контуженныхъ нижнихъ чиновъ, и, какъ сказано, подпоручика Терлецкаго. Эта вылазка наша, подъ командою Васильева, большаго хвастуна и нахала, если и отличавшагося мужествомъ и искусствомъ, то отнюдь не въ боевомъ ремеслѣ, а въ разныхъ гешефтмахерствахъ и, особенно, въ картежной игрѣ (за которую его даже подозрѣвали въ шуллерствѣ), дѣйствительно была неудачна, что подтверждаетъ и генералъ Хрущевъ въ своихъ правдивыхъ запискахъ (Idem, стр. 59) говоря, что командовавшій вылазкою на 21 ноября офицеръ Селенгинскаго полка, рекомендованный генераломъ Баумгартеномъ, «струсилъ и съ главнымъ отрядомъ вернулся назадъ». *П. А.*

лихорадками, холерой и тому подоб. Они не возвратились оттуда, къ величайшему нашему сожалѣнію,—впрочемъ, сожалѣнію эгоистическому, потому что на насъ однихъ ложилась теперь вся тяжесть траншейной службы.

23-го ноября (5-го декабря) мнѣ опять въ траншеи, а наканунѣ ночью, проводивъ на кладбище одного изъ новоприбывшихъ, я воротился домой съ горемъ въ душѣ. Это было вечеромъ артиллерійскаго праздника. Завалившись на свою койку, я предался воспоминаніямъ—доброму генію бивуаковъ. Какая перемѣна въ одинъ годъ! Въ эти самые часы, годъ тому назадъ, мы, беззаботные поручики, совершали тріумфальное шествіе по городу, изъ трактира въ кафе, подъ звуки флейтъ и бряцанье опущенныхъ сабель. Два лакея съ факелами открывали шествіе. За этими гражданами-свѣтоносцами слѣдовалъ священный легіонъ: одни съ пѣснями, другіе бросая въ воздухъ потѣшныя петарды, нѣкоторые встрѣчая прохожихъ цвѣтами и любезностями. Всѣ шли, раскраснѣвшись, вакхически-нетвердою походкой. Старухи съ ужасомъ затворяли двери. Гризетки поспѣшно бросали шитье и, помирая со смѣху, толпились на крыльцахъ. Полиціянты отворачивались, будто ничего не замѣчая. Но вотъ пришли... начинается церемонія!... Возліяніе въ видѣ жертвоприношенія, шуточные гимны, заглушаемые громомъ рукоплесканій; стукъ пуншевыхъ чашъ, чоканье стакановъ! Тутъ были и степенные люди, которые возвышали голосъ собственно у этого только алтаря, чтобы пропѣть всегда одни и тѣ же куплеты. Имъ дѣлали школьническую овацію—ихъ носили на плечахъ!... Нѣсколько отставныхъ, украшенныхъ сѣдинами, присутствовали безмолвно, будто бородатые патріархи. Всѣ эти картины, одна за другою, проносились передо мною, а лагерь, между тѣмъ, спалъ. Одинъ я торжествовалъ во снѣ праздникъ патронессы нашей артиллеріи.

Пробужденіе разбило въ дребезги сладкія мечты; дождь со снѣгомъ усилился. Лагерь разстилался степью. Вдали палатки, сорванныя вѣтромъ, казались изорванными парусами на разбитомъ кораблѣ. Кое-гдѣ появлявшіеся солдаты, вызванные службою изъ подземныхъ жилищъ, наглядно изображали собою потерпѣвшихъ крушеніе; другіе не унывали. Угрюмый Севастополь ревѣлъ по временамъ. Въ гарнизонѣ пробуждалась дѣятельность. Въ обычный часъ, мы пошли толпою наблюдать вблизи движенія осажденныхъ. Изъ докучнаго бездѣйствія насъ извлекла вылазка. Думая отмстить за свою послѣднюю неудачу, Русскіе возобновили нападеніе *) въ тотъ же самый часъ, что и вчера, противъ того же самаго пункта, охраняемаго тѣмъ же 39-мъ полкомъ. Ихъ проводили такъ же, какъ и въ тотъ разъ. Ночь не совсѣмъ была темна; бой завязался по сосѣдству съ нами, и мы видѣли бѣгство непріятеля. Бѣглецы, въ шинеляхъ, неслись, съ отчаянными крика-

*) Очевидно, авторъ описываетъ ночь съ 22 на 23 ноября нашего стиля. Но въ эту ночь, сколько намъ извѣстно, вылазки съ 4-го бастіона не производилось, а сдѣлана была ничтожная вылазка съ Сахарной Головки, причемъ 40 нашихъ охотниковъ устремились на англійскія работы на склонѣ Зеленой Горы и брошеннымъ Англичанами же шанцовымъ инструментомъ разрушили эти работы. *П. А.*

ми, какъ олени; наши гнали ихъ штыками, при свѣтѣ гранатъ и бомбъ, при жалобномъ звонѣ колоколовъ *), при грохотѣ барабановъ, гремѣвшихъ въ городѣ, какъ будто на штурмѣ. Правду сказать, самая фантастическая обстановка оперы блѣднѣетъ передъ этою травлею людей. Классическая картечь 4-го бастіона, во второмъ актѣ, больше принесла пользы Севастополю, чѣмъ дерзость его охотниковъ, потому что она пріостановила осадныя работы по всей линіи. Свѣтало, а ядра не переставали прыгать. Мы не знали какъ понять ожесточеніе врага, который обыкновенно чтилъ разсвѣтъ, часъ завтрака обоихъ становъ. Мы терялись въ предположеніяхъ, когда одинъ изъ нашихъ *ученыхъ*, наканунѣ изучавшій свой календарь, далъ намъ разгадку. Сегодня, сказалъ онъ, Св. Николая **), именины Русскаго Императора. Другой *ученый*, одинъ изъ чиновныхъ въ полку, смѣялся надъ невѣждой-нувелистомъ, доказывая, съ увѣренностью хронолога, что русскій календарь опаздываетъ противъ нашего на *тринадцать* дней. Товарищи звали этого господина *докторомъ*. Онъ, кромѣ того, вытвердилъ грамматику и съ бивуачнымъ пуризмомъ поправлялъ ошибки противъ французскаго языка. Менѣе свѣдущій въ географіи, онъ называлъ Босфоръ—*фосфоромъ*, и вообще служилъ обществу постояннымъ развлеченіемъ. По несчастію, сегодня утромъ, отчего бы тамъ ни было, городъ обходился съ нами самымъ суровымъ образомъ. Нѣсколько нашихъ батарей сильно отвѣчали; мы были вынуждены присѣсть въ кружокъ, за откосомъ, обставленнымъ турами и, волей-неволей, принимать все, что посылало намъ небо: и воду, и разрывные снаряды.

Въ такомъ положеніи засталъ насъ генералъ Лебефъ, совершавшій свой обычный дозоръ***). Его появленіе ободрило всѣхъ. Знаменитый начальникъ артиллеріи осаждающихъ ****), не щадя своей жизни, старался показывать

---

*) Да извинитъ насъ авторъ: у него вѣрно въ ушахъ звенѣло! Вылазка наша была сдѣлана въ 1 мъ часу ночи: какой же колокольный звонъ могъ производиться въ это время? Да и зачѣмъ онъ понадобился намъ? Также не было никакого барабаннаго боя по городскимъ улицамъ. Все это авторомъ прибавлено, вѣроятно, изъ желанія придать своему разсказу побольше образности! *П. А.*

**) Авторъ перепуталъ дни. Разсказъ о 4 декабрѣ (н. с.) онъ смѣшалъ съ разсказомъ о 6 декабрѣ (н. с. . Усиленная канонада съ нашей стороны была вызвана англійскими работами на склонѣ Зеленой Горы. *П. А.*

***) Впослѣдствіи французскій военный министръ получившій столь печальную извѣстность въ послѣдніе минуты Имперіи!

****) Не только главные начальники отдѣльныхъ частей, какъ генералы Лебефъ и Бизо, часто посѣщали свои осадныя работы, но по траншеямъ, чуть ли не ежедневно, обходилъ и главнокомандующій Канроберъ. Въ храбрости французскимъ офицерамъ никто не откажетъ. Моленсъ, одинъ изъ офицеровъ состоявшій при Канроберѣ, въ изданныхъ имъ въ 1860 году «Les commentaires d'un soldat», разсказываетъ, между прочимъ, интересный случай подобнаго посѣщенія, рисующій Канробера какъ главнокомандующаго заботливаго о положеніи своихъ войскъ. Въ одну ночь, говоритъ Моленсъ, шелъ особенно сильный дождь со снѣгомъ. Къ утру онъ прекратился, подморозило, земля покрылась ледяной корой. Лошади не могли двигаться по скользкой поверхности; люди тоже пробирались съ трудомъ. Канроберъ пошелъ въ траншеи со мною, направляясь къ бивуаку только-что прибывшаго полка. Казалось, все вымерло подъ вчера только разбитыми палатками. Не видно было ни одного солдата, кромѣ часовыхъ. У новичковъ не было дровъ — единственнаго средства выйдти побѣдителями изъ предстоявшей имъ борьбы. Да и гдѣ было найти имъ топлива на

собою примѣръ, смѣло подымая голову надъ парапетомъ, и, внѣ траншей, вдаваясь въ опасности съ такимъ спокойствіемъ, которое даже не давало уснуть генералу Бизо, его сопернику, начальнику инженеровъ. И онъ, въ свою очередь, нисколько не затруднялся, выйдя изъ траншей, наблюдать на чистомъ полѣ въ подзорную трубу работы осажденныхъ *). Русскіе какъ будто знали ихъ, и едва они показывались, привѣтствовали обыкновенно залпомъ картечи. Когда генералы увлекались своими наблюденіями, присутствовавшіе при этомъ дозволяли себѣ нѣкоторую фамильярность съ ними (рождаемую войной и идущую прямо отъ сердца). Они отдергивали ихъ отъ опаснаго мѣста за капюшонъ плаща. Солдаты потихоньку звали ихъ *отцами*—имя, которое, со временъ маршала Бюжо, стало почетнымъ титуломъ въ арміи.

Въ день Св. Николая, мужество генерала Лебефа поставило меня въ затруднительное положеніе. Носился слухъ, что Русскіе палисадируютъ исходящій уголъ 4-го бастіона. Генералъ Лебефъ хотѣлъ лично удостовѣриться въ этомъ, но, несмотря на близость укрѣпленія, за дождемъ нельзя было хорошенько разсмотрѣть происходившаго у Русскихъ. Спросили мою подзорную трубу. Ея не было при мнѣ, и потому я бросился въ пороховой погребокъ и принесъ ее. Но увы! я увидѣлъ моего командира уже въ 30-ти метрахъ (15 саж.) передъ батареей, въ чистомъ полѣ. Увлеченный своими наблюденіями, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на непріятельскихъ застрѣльщиковъ, сидѣвшихъ противъ него въ ложементахъ и цѣлившихъ ему прямо въ грудь. У меня не было ни такого дѣла, что у генерала Лебефа, ни той же звѣзды. Мнѣ грозила бѣда, даже, можетъ-быть, смерть: русскіе штыки блестѣли на малый ружейный выстрѣлъ. А воротиться невозможно. Лебефъ ждалъ несчастной подзорной трубы. Эта мысль, вмѣстѣ съ молитвой, мгновенно пронеслась въ моемъ умѣ. Однимъ прыжкомъ я очутился близъ генерала. Пули засвистѣли мимо нашихъ ушей. Никто изъ насъ не показалъ себя трусомъ, но смѣшно было смотрѣть, каждый изъ свиты, переминаясь съ ноги на ногу, будто ненарочно старался придать болѣе безопасное положеніе своему тѣлу: одинъ, подъ предлогомъ провѣрки прицѣла,

---

опустошенной равнинѣ, которая, повидимому, могла производить однѣ ядра. Генералъ заглянулъ въ одну палатку... зоветъ, будитъ нѣсколько человѣкъ, прижавшихся другъ къ другу, чтобы, успокоившись, забыть свои лишенія. Онъ велитъ солдатамъ развести огонь. На него вытаращили изумленные глаза.—«У насъ нѣтъ дровъ».—«Пойдемте, ребята, за мною». Идутъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ Канроберъ останавливается и концемъ своей палки указываетъ, посреди гладкаго, снѣжнаго пространства, на нѣсколько черныхъ, тощихъ, хрупкихъ хворостинокъ, похожихъ на стебли травы.—«Вотъ дрова»,—говоритъ Канроберъ. Солдаты смѣются, думаютъ, что это шутка, которой они не понимаютъ. Между тѣмъ они уже развлеклись, разогрѣлись отъ движенія, а это очень важно. Но генералъ закричалъ: «Давайте сюда кирку». Принесли и начали, по его указанію, разбрасывать снѣгъ, потомъ землю на мѣстѣ указанныхъ стебельковъ. И что же? скорехонько открылось настоящее сокровище: огромный чурбанъ.—«Вездѣ,—замѣтилъ имъ генералъ,—гдѣ только вы увидите подобные побѣги вами презираемые, попробуйте киркою, и вы найдете рождественское дерево! Полкъ встрепенулся; солдаты ожили... *П. А.*

*) Генералъ Бизо, какъ извѣстно, смертельно раненъ пулей, раздробившей ему челюсть подъ Севастополемъ. *П. А.*

пригибался за плечо своего сосѣда; другой, съ глубокомысленнымъ видомъ, горбился, чтобы сократить свою поверхность. Сознаюсь, что, во все время операціи, я прикрывалъ ловкими жестами руку и голову. Но генералу сопутствовало счастіе, и непріятель ничего не выигралъ. По сравненію съ этою четвертью часа, остальное время пронеслось стрѣлой, хотя и не безъ непріятностей. Супъ оказался водянистѣе обыкновеннаго. Я предпочелъ бы ему пищу, которую дома у насъ даютъ собакѣ. Мы грызли сухари и, до вечера прикованные къ турамъ, безчувственные къ бомбамъ, только тогда вздохнули свободнѣе, когда насъ смѣнили. Промокнувъ до костей, мы, наконецъ, достигли лагеря. Моя хижина не улыбалась уже мнѣ: ни одной хворостинки, чѣмъ бы развести огонь. Я зажегъ часть моего стола, нѣсколько страницъ „Корнеля“, одну за другой, а когда вода начала заливать полъ моей обители и тушить остатки моего костра, закутался въ овчинное одѣяло. Никогда самый нѣжный пухъ не заставлялъ меня испытывать подобнаго ощущенія. Родные мои заплакали бы, увидѣвъ меня въ одеждѣ дикихъ, а я трепеталъ отъ наслажденія. Какъ благотворно дѣйствуетъ звѣриная шкура послѣ двадцатичетырехъ-часоваго невольнаго купанья въ траншеяхъ! Дождь усиливался. Въ станѣ мертвая тишина. Я натянулъ свое одѣяло на голову, какъ дѣлаютъ маленькія дѣти, когда боятся, и вскорѣ ничего не слышалъ. Но священная тишина была нарушена, послѣ полуночи, громами 4-го бастіона. Съ ревомъ пушекъ сливалась трескотня ружейнаго огня—признакъ, что происходитъ вылазка. На другой день, 7-го декабря (25-го ноября), Севастополь молчалъ, и потому работы подвигались, несмотря на неустанный дождь.

Каждый изъ насъ, въ своемъ домашнемъ быту, устроивался по-своему. Огня нѣтъ; вмѣсто постели вода. Весь день мы, съ моимъ Мартенемъ, работали надъ отводомъ воды изъ нашего жилища. Вечеромъ я направился въ офицерскій клубъ. Тамъ былъ постоянно горѣвшій каминъ. Наше собраніе, уменьшенное, въ своемъ составѣ, непріятельскимъ огнемъ, болѣзнями и распространявшеюся любовью къ монашескому уединенію, въ послѣднее время стало принимать траурный видъ. Здѣсь предсѣдательствовали: *„Отецъ страданія“*, *„Все равно“* и *„Распространитель ложныхъ слуховъ“*. Одинъ изъ посѣтителей принялся изучать хирургію, чтобы заранѣе ознакомиться со страданіями на случай, еслибы бомба перебила ему одинъ изъ членовъ. Во весь вечеръ онъ, не умолкая, объяснялъ молчаливымъ слушателямъ, подробности ампутацій. Внимая ему, мнѣ какъ бы слышались и визгъ пилы, отрѣзывающей кость, и отчаянные крики раненаго. Мнѣ казалось, я вижу груды мяса и кровь, обагряющую руки оператора. Мои нервы были разстроены—я ушелъ; но мысль, что сто разъ въ день каждый изъ насъ, на службѣ, рискуетъ подвергнуться ампутаціи, мнѣ не давала уснуть всю ночь. Моя лошадь ржала отъ нетерпѣнія; она, кажется, тоже мечтала о своемъ прекрасномъ отечествѣ, о свободѣ на тучныхъ пажитяхъ Бретани. Зачѣмъ, думалось ей, я не осталась лошадью земледѣльца? Отчего и я, мечталось

мнѣ, въ настоящую минуту не сажаю свою капусту въ деревнѣ? Подобныя обращенія къ прошедшему были здѣсь такъ же часты и постоянны, какъ лихорадка. Вездѣ, гдѣ сходились только двое, по крайней мѣрѣ одинъ выражалъ жалобы въ подобномъ тонѣ. За столомъ мы ежедневно бесѣдовали о прелестяхъ домашняго очага. Когда воротимся мы къ этой благодатной жизни?—повторяли слушатели хоромъ...

Томительное однообразіе нашего быта извиняло наши тайныя стенанья. Лагерная жизнь немногимъ отличалась отъ жизни каторжниковъ: ни тѣни удовольствій. Картечь унесла въ могилу послѣдніе проблески веселости изъ нашего жилища; даже попойки получили печальный характеръ. Въ нихъ уже находили только успокоеніе и забвеніе. Друзья избѣгали разговоровъ объ осадѣ, какъ будто изъ боязни убѣдиться въ ея нескончаемости. Севастополь сталъ чаще опочивать, полагаясь на своего вѣрнаго союзника—на декабрь. Обмѣнъ морскихъ салютовъ производилъ столько же грому, какъ и крѣпостныя пушки.

8-го декабря (26-го ноября) 4-й бастіонъ дремалъ почти весь день. Я воспользовался тишиною, чтобы навѣстить, на перевязочномъ пунктѣ, одного изъ моихъ товарищей. Вотъ такъ противоядіе славѣ! Блѣдныя, желтыя ляца, костыли, слезы... кругомъ зіяющія могилы. Я далъ себѣ слово не являться сюда больше, развѣ только по необходимости. Я возвращался вмѣстѣ съ однимъ Англичаниномъ. Онъ не сознавалъ ослабленія своей арміи. Какое дѣло, что ихъ сапа не двигалась дальше того пункта, съ котораго она начата, что бо́льшая часть ихъ баталіоновъ совершенно уничтожена, что ихъ кавалерія не существуетъ! Настанетъ день—и остатки ихъ съумѣютъ сдѣлаться достойными Англіи!... Никто ему не противорѣчилъ, разумѣется изъ состраданія. Къ несчастію, факты говорили другое *): положеніе Русскихъ на Корабельной, вмѣсто ухудшенія, улучшилось; земляныя

*) Англійская армія, въ это время, была, точно, въ ужасномъ положеніи Доказательствомъ тому служатъ письма англійскихъ офицеровъ съ театра дѣйствій, наполнявшія столбцы «Times», «Morning Herald» и другихъ англійскихъ газетъ. Вотъ какъ они описывали свое положеніе 30 ноября н. с.: «Подкрѣпленія наши служатъ только для увеличенія цифры больныхъ. Несчастные пріѣзжаютъ къ намъ въ проливные дожди и высаживаются въ глубокою грязь. Это ведетъ ихъ въ госпиталь. Въ нѣкоторыхъ полкахъ нѣтъ медикаментовъ, врачей, перевязочныхъ средствъ. 46-й полкъ высадился, 10 ноября, въ числѣ 706 человѣкъ; не бывъ въ дѣлѣ, кромѣ траншейной службы, онъ уже потерялъ 114 человѣкъ и имѣетъ 257 больныхъ».

Въ другомъ письмѣ (отъ 6 декабря): «Въ войскѣ страшно свирѣпствуетъ цынга, благодаря сырости и пищѣ, почти исключительно состоящей изъ соленой свинины».

Еще въ одномъ письмѣ: «Мы не можемъ двинуться ни взадъ, ни впередъ. Мы всѣ перемремъ здѣсь отъ поноса и отъ неизбѣжныхъ слѣдствій нашего бѣдственнаго положенія. Третья часть арміи больна; дровъ день отъ дня становится меньше: мы уже не знаемъ, что значитъ свѣжее и свареное блюдо».

Сэръ Агнеу, въ письмѣ изъ Балаклавы («Times»), 18 декабря, говоритъ между прочимъ: «Принесли обѣдъ: жидкій супъ въ жестяныхъ мискахъ, два куска солонины, немного рису и сухари, крѣпкіе какъ камень».

Изъ Скутари, въ ту же газету, пишутъ: «Ежедневно наши силы слабѣютъ подъ Севастополемъ, и храбрыя войска наши не выдерживаютъ бремени осады, участіе въ которой, съ нашей стороны, не соотвѣтствуетъ нашимъ силамъ».

Въ ту же газету, отъ 18—30 декабря, сообщаютъ изъ-подъ Севастополя: «Во всемъ

укрѣпленія волнами вздымались около Малахова. Напротивъ, съ 17 (5) октября наши союзники занимали прежнюю свою позицію.

Ночь на 9-е декабря (27-е ноября) прошла спокойно. Въ траншеяхъ день тянулся въ скучной праздности, въ лагерѣ—въ ожиданіи. Я обѣгалъ сосѣдніе погребки, отыскивая бутылку рома, чтобы замѣнить имъ отсутствіе топлива. Я надѣялся, между прочимъ, услышать тамъ нѣсколько интересныхъ фразъ. Увы! ни малѣйшаго проблеска веселости. Въ этихъ безмолвныхъ собутыльникахъ вы напрасно искали бы тѣхъ сыновъ Галліи, что смѣялись, бывало, надъ громами небесными. Ихъ скорѣе можно было принять за переодѣтыхъ Германцевъ. Но, въ подобныхъ обстоятельствахъ, и наши отцы навѣрно такъ же роптали бы на судьбу, какъ ропщемъ мы. Ихъ войны были праздниками. Дипломатія приковала насъ къ пустынной скалѣ, отдавъ въ жертву мрачной тоскѣ, лишеніямъ и смерти. Національная веселость, этотъ цвѣтокъ французскихъ полей, который обыкновенно такъ роскошно распускается въ палаткахъ во время войны, увялъ въ Херсонесской степи...

Мы встрѣчаемъ здѣсь только печальныя лица.

....Но настало время идти на службу. Была пасмурная ночь. Непріятельскій бастіонъ насъ не привѣтствовалъ. Ни о чемъ не думалось. Воображеніе охладѣло. Изсякъ источникъ воспоминаній. Тянулись минуты... Меня мучило нетерпѣніе; я пошелъ на сосѣднюю батарею поискать въ обществѣ товарища средствъ не одурѣть. На первомъ поворотѣ параллели осколки лопнувшей гранаты обсыпали меня; но, инстинктивно, я уклонился отъ удара. Не ожидая новаго предостереженія—назадъ. И у себя, дома, довольно случаевъ умереть, чтобы еще бѣгать отыскивать ихъ. Неосторожность очень часто стоила жизни странствующимъ искателямъ приключеній; однако ежедневные случаи не излѣчивали насъ отъ безпечности, благодаря привычкѣ. Опасность притупляетъ чувства, какъ любовныя похожденія, и чугунный дождь, который такъ часто проливалъ осажденный городъ на нашъ лагерь, представлялся намъ такимъ обыкновеннымъ явленіемъ, какъ и осенняя непогода. Солдаты не только не безпокоились при видѣ разрывныхъ снарядовъ, когда эти посланники осажденныхъ грозили явною смертью, но до того простирали презрѣніе къ нимъ, что давали имъ клички. Пули, картечь, міріады различныхъ смертоносныхъ сфероидовъ, небольшаго объема, солдаты называли мухами или москитами, въ память тѣхъ тучъ насѣкомыхъ-кровопійцъ, что въ Варнѣ были мучителями нашихъ ночей. Бомбы до конца внушали къ себѣ уваженіе. Эти махины солдаты сравнивали съ самыми опасными пресмыкающимися. Но русскія бомбы, подчасъ, были очень добродушны: онѣ предупреждали о своемъ прибытіи особымъ ворчаньемъ. Ихъ прозвали „Marie-Jeanne“. Когда одна изъ нихъ величественно проносилась по

недостатокъ: въ пушкахъ, мортирахъ, ядрахъ, бомбахъ, топливѣ, матеріалѣ для постройки бараковъ—во всемъ, что необходимо для существованія, и потому армія уменьшается и исчезаетъ безъ сраженій». *П. А.*

небу, осаждающіе любовались ею, слѣдили за нею глазами, какъ за воздушнымъ шаромъ. Подчасъ держались пари: какое приметъ направленіе тотъ или другой чугунный аэростатъ, куда онъ упадетъ? Если двѣ или три бомбы были пущены одновременно и, вѣрно направленныя, неслись вмѣстѣ, начиналась суматоха: переставали курить, воцарялась тишина, пока спускались эти кометы. Тревожные взоры были вперены въ нихъ; тутъ находили еще средства уклониться отъ опасности, по крайней мѣрѣ отъ бѣды. Но когда небо озарялось жирандолью бомбъ, поднимался общій содомъ. Всѣ въ безпокойствѣ, подъ страхомъ смерти: какая драматическая картина для посторонняго зрителя!... Батарею въ эти минуты можно было бы принять за палубу корабля, надъ которымъ разразилось нѣсколько громовыхъ ударовъ. Тотъ растянулся на землѣ, тотъ въ ужасѣ стоитъ, будто прикованный къ своему мѣсту, другіе мечутся, какъ угорѣлые, тѣ пляшутъ и кричатъ благимъ матомъ. Стойте, не трогайтесь! Тутъ распоряжается случай! Однако фатализмъ имѣлъ немного адептовъ. Даже Турки старались убѣгать отъ бомбъ. Что сказалъ бы Магометъ?

Съ восходомъ солнца, 10-го декабря (28-го ноября), между тѣмъ какъ мы, измученные бездѣйствіемъ, прихлебывали свою утреннюю порцію, проходилъ отрядъ редифа, и многіе изъ Османлы не отказались отвѣдать запрещеннаго напитка. О времена, о нравы!... Будто вознаграждая себя за данное намъ ночью спокойствіе, 4-й бастіонъ весь день не переставалъ стрѣлять залпами. При необходимости безпрестанно спасаться какъ кто могъ, безпорядокъ на батареѣ дошелъ до высшей степени. Одна бомба упала въ дверяхъ пороховаго погребка, но, по счастію, потухла. Увлеченные самосохраненіемъ, мы не замѣчали знаменательнаго движенія въ бухтѣ. Суда, нагруженныя войсками, направлялись въ городъ съ Сѣверной стороны *). Предвѣщаніе бури, готовящейся на-завтра...

Ночь 10-го декабря (28-го ноября) и утро 11-го декабря (29-го ноября) были замѣчательно спокойны **). Съ моря можно было подумать, что противники заключили перемиріе. Вороны безбоязненно садились на землю, между гласисомъ и нашею передовою линіей, терзая забытые тамъ трупы. Было очень холодно. Осень хотѣла отличиться—намъ въ ущербъ, Русскимъ въ пользу. Подъ вечеръ 11-го декабря городъ все еще безмолствовалъ. Мы очень остерегались тревожить 4-й бастіонъ; и предпочитали беречь снаряды для удобнѣйшаго случая. Ночью канонада не возобновлялась. Огни казались блѣднѣе по линіи укрѣпленій; слышался только отдаленный лай собакъ. Вѣтеръ гналъ тучи со стороны Франціи. Шелъ проливной дождь. Въ лагерѣ, чтобы быть бдительнѣе ночью, завалились спать тотчасъ

*) Въ этотъ день никакого особеннаго передвиженія войскъ въ городъ не происходило. *П. А.*

**) Автору измѣняетъ память или записная книжка. Ночь на 11 декабря (29 ноября) была проведена на правомъ флангѣ нашей оборонительной линіи далеко не спокойно. Во-первыхъ, сами Французы, подъ командою инженеръ-поручика Делабуасьера, сдѣлали нападеніе на наши завалы, находившіеся у „Рѣзни“, что на правомъ берегу Бульварной ло-

по закатѣ солнца. Сегодня, вечеромъ, отрядъ молодыхъ солдатъ 42-го полка, новички въ траншеяхъ, заняли караулы въ третьей параллели. Труды и усталость одолѣли передовую стражу. Солдаты спали у своего оружія, въ узкой одеждѣ, съ окостенѣлыми отъ холода руками, когда, около 11 часовъ, двѣ колонны осажденныхъ, выйдя незамѣтно изъ 4-го бастіона, внезапно ударили на нихъ. Испуганные крикомъ непріятеля, новички бросились бѣжать. Воспользовавшись суматохой, несмотря на усилія канониpовъ подвижной батареи, Русскіе овладѣли тремя мортирами 15-й батареи и готовились идти впередъ; но офицеры собрали защитниковъ и, подкрѣпивъ ихъ ротой волтижеровъ 22-го полка, ударили на атакующихъ въ штыки. Перемѣшались; дерутся въ темнотѣ; побѣжденныхъ не видитъ побѣдитель. Однако непріятель, добровольно ли или принужденный, оставляетъ поле битвы и на немъ немало тѣлъ *). Взятыхъ имъ трофеевъ не удалось отнять. Это была едва ли не первая добыча Русскихъ въ эту войну **). Отбитыя орудія были тотчасъ, подъ надежнымъ прикрытіемъ, отправлены въ городъ, и поутру торжественная процессія, съ распущенными знаменами, при колокольномъ звонѣ, слѣдовала по севастопольскимъ улицамъ благодарить Св. Троицу за начало успѣховъ ***).

Раскаты ружейнаго огня заставили въ лагерѣ опасаться общей большой вылазки. Отнятіе у насъ занимаемой нами равнины было нашимъ кошмаромъ, точно такъ же, какъ штурмъ былъ страшилищемъ для осажденныхъ ****). Тотчасъ баталіоны, бывшіе въ резервѣ, стали въ ружье. Остальныя войска ждали внимательно что будетъ. Спали почти въ боевой аммуниціи; слѣдовательно, въ случаѣ нужды, мы мигомъ были бы готовы въ дѣло. Предположенія переносились изъ шалаша въ шалашъ. Придутъ или не придутъ? Сверхъ того, за всѣхъ насъ бодрствовалъ начальникъ главнаго парка. При немъ непріятель не могъ надѣяться перебить насъ сонныхъ. Этотъ командиръ былъ ангеломъ-хранителемъ артиллерійскаго стана. Онъ олицетворялъ собою ночную полицію, лучшую всякихъ патрулей. Его благословляли также за объявленную имъ войну лошадямъ, бродившимъ на свободѣ

щины, причемъ не обошлось безъ сильной канонады съ 3, 4 и 5-го бастіоновъ; во вторыхъ, впереди редута Шварца (№ 1), противъ французскихъ траншейныхъ работъ, была сдѣлана мичманомъ Титовымъ 2-мъ смѣлая попытка. Этотъ офицеръ подкрался къ работавшимъ Французамъ и осыпалъ ихъ картечью изъ 2-хъ горныхъ единороговъ. Конечно, эта тревога должна была пробудить кононаду съ обѣихъ сторонъ. *П. А.*

*) Здѣсь особенно говорится о вылазкѣ, произведенной съ 4-го бастіона, и разсказанной нами выше въ *Примѣчаніи* къ нашей запискѣ о *29 ноября*.

**) А англійская орудія отнятыя на батареяхъ въ Балаклавской долинѣ генераломъ Липранди,—забылъ авторъ?

***) Само собою разумѣется, что ничего подобнаго въ Севастополѣ не происходило, не было никакого особаго по этому случаю торжества, ни распущенныхъ знаменъ, ни колокольнаго звона, ни процессій и т. под. *П. А.*

****) Смѣемъ увѣрить автора, въ твердомъ убѣжденіи найти подтвержденіе нашимъ словамъ у всѣхъ безпристрастныхъ Севастопольцевъ, что штурмъ никогда не былъ страшилищемъ гарнизона. Напротивъ, мы ждали и желали штурма; мы вполнѣ были къ нему готовы и твердо надѣялись не только отразить его, но воспользоваться имъ, на гибель нашего врага. *П. А.*

по лагерю: во всякое время ночи слышались его крики на этихъ возмутителей ночнаго успокоенія. „*Въ караулъ безъ очереди!*“ вотъ почти единственное наказаніе, употреблявшееся у насъ подъ Севастополемъ. Къ чести Крымской арміи, надо сказать, дисциплина рѣдко была вынуждаема прибѣгать къ болѣе строгимъ взысканіямъ. Когда, при рапортѣ, исчисляли наказанныхъ такимъ образомъ, нашъ полковникъ шутилъ, говоря, что онъ одинъ осужденъ на безсмѣнный *караулъ не въ очередь!*

Вылазки гарнизона, повторявшіяся съ конца ноября (н. ст.), не предвѣщали намѣренія возобновить Инкерманское дѣло. Напротивъ, съ 29-го ноября (11-го декабря) генералъ Липранди сталъ разрушать укрѣпленія Карани, сжегъ деревню и окончательно покинулъ Балаклавскую долину, гдѣ онъ былъ слишкомъ удаленъ отъ главной арміи и, въ крайнемъ случаѣ, не могъ бы явиться на помощь городу. Его отрядъ сосредоточился на правомъ берегу Черной, лѣвое крыло на высотахъ Чергуна, правое занимало вершины Мекензи, разсыпавъ оттуда свои наблюдательные посты до Байдаръ *).

Своей системой вылазокъ думалъ ли гарнизонъ остановить наши осадныя работы? Но если работы какъ будто и прекратились, въ особенности у нашихъ союзниковъ, то единственною тому причиною было время года. А въ частныхъ стычкахъ, въ которыхъ побѣда была всегда (?) на сторонѣ осаждающихъ, наши постоянно только досадовали, что непріятель предпочиталъ выбирать ночное время, когда темнота затрудняла преслѣдованіе. Можетъ-быть, Тотлебенъ думалъ, посредствомъ вылазокъ, держать насъ въ постоянномъ напряженіи, отвлечь наше вниманіе отъ производившихся тогда контръ-апрошныхъ работъ, которыя, гигантскими шагами, подвигались между Карантиномъ и Корабельной, затѣмъ отъ палисадированія 4-го бастіона, почти уже оконченнаго **)? Какъ бы то ни было, а эта метода періодиче-

---

*) Генералъ Липранди, дѣйствительно, перешелъ на правый берегъ р. Черной, но не 11 декабря (29 ноября) а въ ночь съ 5 на 6 декабря (23—24 ноября) Отозвать эти войска на новую позицію нашъ главнокомандующій былъ принужденъ разливомъ р. Черной и, въ особенности, необходимостью сблизить войска къ пунктамъ, съ которыхъ они получали свое продовольствіе. *П. А.*

**) Генералъ Тотлебенъ, въ сочиненіи своемъ „Осада г. Севастополя“ (т. I, стр. 598), цѣль вылазокъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Съ цѣлью препятствовать осаднымъ работамъ, обороняющійся производилъ также частыя вылазки, какъ малыми командами, такъ и отрядами, силою до 300 и болѣе человѣкъ. Эти вылазки тревожили осаждающаго, замедляли его работы и принуждали соблюдать усиленную бдительность, изнурявшую его войска“.

По нашему мнѣнію, частыя вылазки изъ Севастополя были, дѣйствительно, необходимы; но мы не можемъ умолчать, что въ тѣ тяжелыя времена, когда происходили вылазки, мы, и съ нами многіе изъ борцовъ севастопольскихъ, были убѣждены, что вылазки, производимыя, по преимуществу, весьма незначительными отрядами, такъ сказать, не окупались гарнизону тѣми результатами, какіе отъ нихъ получались. Не забудемъ, что ни одна почти вылазка не обошлась намъ безъ нѣкоторыхъ, часто весьма чувствительныхъ, потерь, и что на этихъ вылазкахъ мы теряли цвѣтъ нашихъ храбрецовъ. Правда въ послѣдующій періодъ осады, когда союзники получили значительныя подкрѣпленія, возвели множество новыхъ верковъ, хорошо ихъ вооружили и вообще оправились отъ зимнихъ невзгодъ, вылазки большими массами сдѣлались затруднительнѣе и всегда влекли бы за

скихъ стычекъ была бы ошибкой, не оправдываемой наукою осады крѣпостей. Чтобы вылазки были, дѣйствительно, полезны,—говоритъ Вобанъ,—ихъ должно дѣлать съ достаточными силами и направлять исключительно на голову сапы или на вновь сооружаемыя батареи. Если вылазка предпринимается малыми силами и на какую попало точку траншей, безразлично (какъ это дѣлали все время защитники Севастополя), то онѣ влекутъ за собою только напрасное пролитіе крови, а нравственный, слѣдовательно и матеріальный, успѣхъ имѣютъ отъ нихъ не осажденные, а осаждающіе, при условіи осторожности со стороны послѣднихъ, чтобы предупредить случайности, подобныя постигшей 42-й полкъ.

Въ этихъ-то видахъ, въ началѣ декабря (н. ст.), главнокомандующій образовалъ три роты передовой стражи. Вызвали охотниковъ со всей арміи. Явилось множество желающихъ и для ихъ организаціи довольно было одной недѣли. Раздѣленные на команды, отъ 5 до 10 человѣкъ въ каждой, они должны были дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, то отдѣльно, то вмѣстѣ, и образовали непрерывную застрѣльщичью цѣпь, между передовыми нашими параллелями и непріятельскими укрѣпленіями *). Такъ создались особыя правила обороны на случай будущихъ вылазокъ. Здѣсь нашла приложеніе и музыка: при малѣйшемъ признакѣ опасности, труба звучала „берегись“, и этотъ сигналъ повторялся по всѣмъ линіямъ, до лагеря. По сигналу: *„въ ружье“*, баталіоны, наряженные въ резервъ при каждой дивизіи, роты, стоявшія на аванпостахъ у колокольни **) (clocheton), резервъ у домика, передъ передовыми укрѣпленіями противъ 4-го бастіона (des Carriéres), послѣ въ балкѣ у Англичанъ—шли на помощь къ траншейному караулу, немедленно выстраивавшемуся у подошвы своихъ парапетовъ. Если непріятель наступалъ, авангардъ давалъ сигналъ *„подъемъ“*, и по всѣмъ параллелямъ труба предупреждала о приближеніи Русскихъ. Если непріятель атакуетъ, сигналъ *„сбора“* гремитъ, сливаясь со звуками первыхъ выстрѣловъ и ускоряетъ шагъ двигающихся подкрѣпленій, выступающихъ при первомъ сигналѣ. Чтобы направить подкрѣпленія къ угрожаемымъ пунктамъ, особымъ сигналомъ дается знать: сдѣлана ли вылазка на лѣвое, правое крыло или на центръ нашихъ работъ. Кромѣ того, особое сочетаніе фейерверочныхъ огней, пускаемыхъ у колокольни, предотвращаетъ случайность и предупреждаетъ самые отдаленные отряды о происходящемъ. Двѣ ракеты

собою большія потери въ людяхъ, чему доказательствомъ служитъ извѣстная хрулевская вылазка, 10 марта, съ Камчатскаго люнета, безъ сомнѣнія успѣшная, но дорого намъ стоившая. А въ періодъ осады нами разсматриваемый, когда нравственная сила союзниковъ была крайне ослаблена, когда они не имѣли достаточно и физическихъ силъ, чтобы противустать намъ, большія ночныя вылазки, притомъ одновременно направленныя на нѣсколько пунктовъ, хорошо разсчитанныя и смѣло произведенныя, могли бы имѣть чрезвычайные результаты. *П. А.*

*) Эти роты назывались „compagnies d'éclaireurs volontaires“. Солдаты ихъ называли „enfants perdus“. Тотлебенъ: Опис. обароны г. Севаст.“, т. I, стр. 537, въ примѣчаніи.

**) Нѣсколько южнѣе Карантинной балки. *П. А.*

означали *„начало тревоги“*, три ракеты—*„подъемъ“*, четыре—*„сборъ“*; *„звѣзды“* означали, что дерутся въ сторонѣ Карантина, *мароны* (родъ петарды)—передъ 5-мъ бастіономъ, *швермеры*—передъ 4-мъ бастіономъ.

Такія мѣры предосторожности были установлены въ первой половинѣ декабря (н. ст.). Передовая стража обѣщала успѣхъ. Обязанности ея не ограничивалась наблюдательною ролью: она должна была, кромѣ того, тревожить тылъ нападающихъ, срывать не большіе посты, каждую ночь появлявшіеся передъ укрѣпленіями, уничтожать ложементы непріятельскихъ застрѣльщиковъ и разрушать всякаго рода препятствія, затруднявшія движеніе штурмовыхъ колоннъ. Эта обязанность выполнялась охотниками съ увлеченіемъ и удачно. Лихія сорви-головы втораго призыва! Какими тяжкими усиліями они обезсмертили себя при осадѣ! Въ первыхъ рядахъ открывали непріятеля, часто одинъ противъ десятерыхъ, нерѣдко бивуакируя въ кустарникахъ, на голой землѣ, часто ползая какъ змѣи, чтобы удобнѣе нанесть ударъ врагу или спастись отъ преслѣдованія. И они не хвастали своими подвигами—нѣтъ! Постоянные жители траншеи видѣли въ нихъ своихъ наставниковъ. Когда, обыкновенно вечеромъ, послѣ смѣны съ караула, охотники скромно проходили мимо батареи, на свои посты, намъ казалось, сравнивая съ ними себя, прикрытыхъ парапетомъ, что мы принадлежимъ къ числу счастливцевъ.

Въ безпрестанныхъ встрѣчахъ гарнизона съ осаждающими, многіе; съ обѣхъ сторонъ, поплачивались жизнью или свободой. Отсюда—рядъ сношеній между враждующими сторонами: то для погребенія мертвыхъ, то для обмѣна плѣнныхъ или ихъ кореспонденцій. Оказалось необходимыхъ установить церемоніалъ встрѣчи парламентеровъ. Для такихъ встрѣчъ былъ избранъ восточный уголъ кладбищенской ограды, около Карантина *). Выкидывали бѣлый флагъ; по этому сигналу вездѣ прекращали огонь: тогда парламентеръ выходилъ изъ лагеря или изъ города, предшествуемый трубачомъ. По ихъ возвращеніи, мирный флагъ спускался и обѣ стороны становились прежними ожесточенными врагами.

12-е декабря (30-го ноября) открылось прекращеніемъ огня. Происходило свиданіе парламентеровъ, по вышеописанному порядку: хоронили убитыхъ наканунѣ. Послѣднее ядро ранило несчастнаго путешественника, голландца. Куда завлекло его любопытство!

Безконечная осада надоѣдала все болѣе и болѣе. Херсонесъ казался могильнымъ полемъ. Болѣзни усиливались. Въ продолженіе первыхъ двѣнадцати дней декабря по лагерю проходили только погребальныя процессіи, да носильщики съ ранеными. Послѣ полудня была большая буря; лилъ дождь, но ничто не отдалило времени идти на службу; въ четыре часа труба дала сигналъ очереднымъ карауламъ. Я имѣлъ честь, увы! слишкомъ обыкновенную, командовать прислугой батареи № 22.

---

*) Что впереди нашего 6-го бастіона. *Прим. А.*

Сегодня вечеромъ, 12-го декабря, посвящали передовую стражу въ ея новую должность — содержанія аванпостовъ. Въ траншеяхъ всѣ многаго ожидали отъ этихъ молодцовъ.

Заря обѣщала наступленіе красныхъ, зимнихъ дней! Благодарили Бога за прекращеніе проливныхъ дождей, больше чѣмъ за снисходительность 4-го бастіона, потому что на бивуакахъ тщетно, утромъ и вечеромъ, сгребали грязь. По всему пространству главнаго парка, земля растворилась, мѣстами глубже чѣмъ на метръ. Иногда ночью, въ нашихъ палаткахъ, являлись зловонные стоки, достигавшіе половины нашихъ кроватей. Часто, просыпась, мы чувствовали себя плавающими подъ одѣялами, и невольныхъ купальщиковъ пробирала продолжительная дрожь. Постоянная сырость — здѣшній врагъ солдата. Самые крѣпкіе люди не могутъ переносить ея. Бѣда тому, кто часто, въ продолженіе 24 часовъ, обязанъ бываетъ службою стоять подъ проливнымъ осеннимъ дождемъ! Онъ невольно поддается болѣзненному разслабленію. Мы всѣ, кому приходилось по три раза въ недѣлю мучиться въ треншеяхъ, желали наступленія морозовъ.

Въ ночь на 12-е декабря (30-е ноября) мы были обрадованы: морозъ сковалъ землю и обычные посѣтители траншей пустились въ характеристическую пляску, спокойно и съ сухими ногами. Необходимость согрѣться и противустоять дремотѣ, которая могла быть смертельною, возбуждала насъ сильнѣе, чѣмъ громъ оркестра, чѣмъ картина бала. При видѣ нашихъ гимнастическихъ упражненій въ этомъ безпорядочномъ кадрилѣ, вмѣсто музыки подъ милостивую канонаду 4-го бастіона насъ вѣрно сравнили бы съ укушенными тарантуломъ.

Передъ разсвѣтомъ проснулся 4-й бастіонъ; съ разсвѣтомъ морозъ усилился. Мы нетерпѣливо посматривали къ сторонѣ колокольни: не несутъ ли намъ утренняго лѣкарства? Вскорѣ мы увидѣли своего носильщика въ открытомъ полѣ, съ манеркой. Онъ писалъ вензеля, жестикулировалъ и издали еще держалъ какую-то рѣчь къ осажденнымъ. Наши кричали ему: „берегись“! Русскіе, безчувственные къ его краснорѣчію, открыли по немъ ружейный огонь; но Бахусъ покровительствовалъ ему и онъ достигъ батареи, послѣ множества эволюцій. Ему простили, несмотря на крайнюю потребность въ водочной порціи, — простили отчасти потому, что онъ былъ уже неизлѣчимъ, частію за его геройскіе подвиги въ качествѣ солдата подвижной гвардіи на іюньскихъ барикадахъ. Въ бездѣствіи, мы терпѣливо ждали завтрака, къ которому намъ принесли мерзлаго свинаго сала. Какъ бы въ утѣшеніе, Мартенъ, мой сумконосецъ, объявилъ мнѣ, что онъ приготовилъ, въ палаткѣ, порядочной запасъ корней и сухихъ листьевъ. Съ этой минуты я только и думалъ какъ бы скорѣе насладиться прелестями пылающаго домашняго очага. Достигнувъ его, я предался поэтическимъ мечтамъ. Вдали прозвучалъ сигналъ ложиться спать. Лагерь погасилъ свои огни, послѣ того какъ около нихъ съ радостью посидѣли солдаты, добывшіе топливо днемъ. Нравственный барометръ арміи поднялся: каждый былъ доволенъ.

Ночью 4-й бастіонъ не подалъ ни какого признака жизни. Нѣсколько бомбъ блеснули со стороны Корабельной; они были пущены противъ Англичанъ, которые возъимѣли, наконецъ, нѣкоторое желаніе тронуться изъ своей осадной линіи.

На утро 14-го (2-го) декабря то же положеніе осады. Морозъ усилился; была изморозь. Опять нѣтъ огня, вслѣдствіе расточительнаго употребленія топлива наканунѣ. Дровосѣки отправились къ сторонѣ Балаклавы; армія напутствовала ихъ добрыми пожеланіями. Я придумалъ устроить землянку, которая спасла бы меня отъ ужасовъ предстоявшей зимы. Достаточно было бы сдѣлать подъ палаткой яму для помѣщенія постели, и углубить эту яму на столько, чтобы, когда морозы усилятся въ половинѣ января, можно было, посредствомъ крышки, удержать въ ямѣ больше тепла, чѣмъ въ гробу.

Моя мысль увлекла тѣхъ, у кого были свободныя руки, и всѣ принялись устраивать себѣ подобныя логовища. Монахи не трудятся съ бо́льшимъ рвеніемъ надъ приготовленіемъ себѣ могилъ... Когда Мартенъ воротился изъ лѣсу и увидѣлъ меня работающимъ съ киркой въ рукахъ, помирая со смѣху, онъ вообразилъ, что я сошелъ съ ума. Сколько горечи было въ этомъ смѣхѣ! Такой смѣхъ искажаетъ лица подобныхъ намъ людей, дошедшихъ до послѣдней крайности, потому что намъ, кромѣ перспективы пропасть съ голоду, скоро не оставалось ни одной ступени бѣдствія, съ которой предстояло бы сойти. Въ лагерѣ убійственная тоска; мертвящій холодъ; близость врага; опасность; скорбь; смерть во всевозможныхъ видахъ: въ перспективѣ госпиталь, ревматизмъ на всю жизнь и то бѣдствіе, о которомъ уже поговаривали съ ужасомъ, страшнѣе потери руки или ноги, ужаснѣе всѣхъ другихъ лишеній и страданій—отмороженіе ногъ... Такова была наша доля! Всѣми силами мы боролись съ ожесточенными нападками судьбы, намъ враждебной, и съ климатомъ. Начинались сибирскія ночи. Надлежало торопиться устройствомъ ночлеговъ потеплѣе.

День заключился канонадой съ 4-го бастіона, предпринятой противъ неосторожнаго караула, показавшагося въ долинѣ. Затѣмъ тихій мракъ своей завѣсой прикрылъ лагерь до утра.

15-го (3-го) декабря. Артиллерія вотъ уже недѣля, какъ окончила вновь предпринятыя ею работы и отдыхала на своихъ трехъ стахъ орудіяхъ большаго калибра, ожидая начала дѣйствія, пріостановленнаго на неопредѣленное время. Батареи, съ амбразурами, тщательно укрѣпленными мѣшками съ землей, имѣли приказаніе отнюдь не начинать дѣйствія иначе, какъ въ случаѣ сильнаго вызова со стороны непріятеля. Въ городъ, послѣ большихъ промежутковъ времени, періодически бросали нѣсколько бомбъ большаго и малаго калибровъ и нѣсколько гранатъ; словомъ, дѣлали только такое количество выстрѣловъ, какое было небходимо, чтобы не задремать. Никто не смѣлъ сдѣлать болѣе 25 выстрѣловъ изъ мортиры. Инженеры безостановочно шли летучей сапой противъ исходящаго угла 4-го бастіона

и не прекращали подземной войны. Непріятель, имѣя въ виду возможность энергической атаки съ нашей стороны, громоздилъ препятствіе на препятствіе.

Въ виду приступа, Русскіе обдѣлали эскарпъ деревомъ. Къ палисаду прибавили фризъ и засѣку передъ контръ-эскарпомъ, на наиболѣе угрожаемомъ пунктѣ. Во рву, въ концѣ праваго фаса бастіона, устроили блокгаузъ, вооруженный легкими орудіями, предназначенный взять во флангъ штурмующія колонны, въ тотъ моментъ, когда они спустятся съ гласиса. Русскій минеръ велъ также множество, весьма глубокихъ подземныхъ галерей, по направленію къ нашимъ наиболѣе выдающимся траншеямъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность, при случаѣ, взорвать наши подкопы, остановить осаждающихъ, еслибы они рѣшились дѣйствовать открытою силой, или воспрепятствовать намъ вѣнчать нашъ крытый путь.

Союзники и Русскіе исполняли программу предположенныхъ работъ, какъ бы собираясь съ мыслями; исключительно только пушки смѣшивали свой громовой голосъ со стукомъ кирокъ.

Со времени Инкерманскаго дѣла огонь значительно уменьшился. Не было ни бомбардировокъ, ни правильной осады.

15-го (3-го) декабря не являлось ни одной вспышки. Лагерь былъ печаленъ. На севастопольскихъ высотахъ стояли другъ передъ другомъ двѣ арміи, укрѣпляющіяся каждая въ своихъ линіяхъ, и стараясь наперерывъ, одна передъ другою, принять болѣе прочное оборонительное положеніе. Между тѣмъ, чѣмъ долѣе отсрочивали рѣшительный ударъ, тѣмъ болѣе Русскіе пользовались возможностью укрѣпиться за парапетами и тѣмъ долѣе продолжится наше пребываніе въ мѣстахъ траншейнаго изгнанія. Эта очевидность приводила въ отчаяніе самыхъ рьяныхъ сторонниковъ войны, потому что число больныхъ возростало въ непрерывной прогрессіи. Привилегированный легіонъ тѣхъ несчастныхъ, на которыхъ служба ложилась веею своею тяжестью, быстро уменьшался, и большинство ветерановъ Олдъ-форта вообще вздыхала по своимъ вещамъ, гнившимъ въ варнскихъ магазинахъ, потому что Камышъ, еще только зарождавшійся, не представлялъ никакихъ средствъ для удовлетворенія главнѣйшихъ потребностей жизни. Самые твердые находили, что и они обманулись въ прелестяхъ осады. Ропотъ противъ судьбы смѣнилъ побѣдныя пѣсни...

Вечеромъ, меня, съ легіономъ недовольныхъ, отрядили въ третью параллель. Наступленіе ночи радовало меня. Благодаря тишинѣ, очень рѣдкой въ этихъ мѣстахъ, ко мнѣ присоединился мой товарищъ по предыдущему караулу и, вѣрный даннымъ мною ему совѣтамъ, встрѣтилъ меня „ex abrupto“, стихами Корнеля: „Есть ли у тебя сердце, Родриго?“ Я поспѣшилъ увѣрить его, что у меня, по крайней мѣрѣ, есть память, и мы выступили на сцену, дружески обмѣниваясь тирадами. Я былъ побѣжденъ въ декламаціи, въ томъ превосходномъ мѣстѣ, гдѣ Сидъ, увлеченный признаніемъ своей возлюбленной, выражаетъ презрѣніе къ Испаніи и къ Маврамъ. Одушевленіе

моего товарища вызвало мою искреннюю похвалу. Мы забыли позднѣе пробужденіе 4-го бастіона. Множество бомбъ носилось въ воздухѣ. Одна упала неподалеку отъ нашего *театра* и, такимъ образомъ, благодаря своей разсѣянности, мы подвергались большой опасности.

Дурное настроеніе духа у крѣпости не кончилось до разсвѣта. Саперы передовыхъ сапъ были осыпаны осколками; даже минеры, подъ землею, почувствовали брызги чугуннаго дождя. Наконецъ, разсердилась и наша сосѣдка—*подвижная батарея*. Тогда произошелъ какъ бы поединокъ между ею и Русскими. Непріятельскія бомбы малаго калибра, съ ужасной силой, точно срѣзывали парапетъ. Въ отвѣтъ, наши бросали множество гранатъ. Но затѣмъ канонаду на всемъ полѣ битвы покрывалъ, будто голосъ Стентора, ревъ мортиры, оживляя борьбу. Небо было въ огнѣ. Мнѣ и товарищу, несмотря на увлеченіе декламаціей, пришлось замолчать, какъ освистаннымъ актерамъ, и посмотрѣть что дѣлалось внѣ нашего помѣщенія. Можно было ожидать вылазки, судя по усиленному лаю собакъ въ городѣ. Мы вздохнули свободно только тогда, когда побѣлѣлъ востокъ.

День до смѣны прошелъ, по обыкновенію, скучно. Мы оказали честь ежедневной водочной порціи; затѣмъ слѣдовали оживленныя гимнастическія упражненія, потому что было десять градусовъ мороза *), по словамъ нашего караульнаго физика, всегда носившаго съ собою инструменты. Утренняя трубка табаку, приправленная жалобами на судьбу; потомъ служебныя частности, посылка по начальству рапорта, всегда состоявшаго изъ несносныхъ трехъ словъ: „новаго ничего нѣтъ!“; надзоръ за рабочими по очисткѣ траншей; ожиданіе завтрака; прибытіе сала съ рисомъ; пищевареніе, какъ послѣ куропатки съ трюфелями; попытка вздремнуть, стоя послѣ обѣда, подъ звукъ ружейной перестрѣлки... Послѣ домашнаго театра, шествіе нагруженныхъ носилокъ съ аванпостовъ; потомъ еще маленькое несчастіе—табакъ отсырѣлъ и не горитъ! Въ промежуткѣ, множество людей, въ раздраженіи снующихъ взадъ и впередъ по батареѣ, словно звѣри въ клѣткѣ; какъ интермедія, безпрестанно повторяемыя наблюденія въ трубу надъ Севастополемъ. Съ большимъ удовольствіемъ видишь разрушеніе, происходящее въ городѣ: тамъ, исключая зданія съ зеленой крышей, не остается передъ нами ни одного цѣлаго дома.

Но оборона необыкновенно усиливается. Изъ-за мусора зіяютъ пушечныя жерла. Разрушенныя стѣны образуютъ баррикады; баррикады превращены въ парапеты.

Въ досадѣ отворачиваемся отъ этой картины, умоляя небо положить

---

*) Это неправда: первый порядочный морозъ былъ гораздо позднѣе, а именно 19 декабря; легкіе же морозы начались дѣйствительно съ 12 декабря. Генералъ Канроберъ доносилъ военному министру отъ (10—22) декабря: „хотя войска сильно обезпокоены дождями, но холодовъ еще не наступало. Снѣга, давно уже покрывающіе горныя вершины, не появлялись еще въ долинѣ нами занимаемой, и термометръ доселѣ еще не падалъ, ни разу, ниже нуля“. *П. А.*

скорѣйшій конецъ нелѣпому караулу, скучной зѣвотѣ. Потомъ появились нетерпѣливыя движенія, докучливые взгляды на часы; затѣялся грустный разговоръ со старымъ сержантомъ, жалѣющимъ свою Африку; послѣдовалъ визитъ англійскаго туриста, рьянаго искателя сильныхъ ощущеній. Наконецъ, освобожденіе...

Возвращеніе въ лагерь, 16-го (4-го) декабря, было похоже на бѣгъ взапуски. Взглянувъ на насъ со стороны, кто-нибудь подумалъ бы, что насъ ожидаетъ гостепріимный кровъ, радушный обѣдъ. Увы! не то... Впрочемъ, сегодня было необыкновенное кушанье, а именно—блюдо улитокъ. Но это не тѣ вкусные моллюски, пища бѣдняковъ, что откармливаются на холмахъ родины моей, Прованса,—нѣтъ! это тощіе слизняки, медленно таскающіе свою скорлупку по скаламъ и грязнымъ низменностямъ долины, едва поддерживая свое существованіе. Нѣкоторые гастрономы по сосѣдству прибавили къ этому блюду жаркое изъ воронъ и рагу изъ крысъ Тавриды. Общее избіеніе ихъ было плодотворнымъ явленіемъ дня. Лагерь праздновалъ удачную охоту. Изъ столовой я воротился домой почти сытый.

Утро 17-го (5-го) декабря было очень холодно. Главный паркъ, казалось, бѣдствовалъ: въ немъ деспотически царствовала скука. Въ палаткахъ слышались проклятья или унылыя пѣсни. Снаружи никого, кромѣ немногихъ отъявленныхъ конькобѣжцевъ. Только Турки парадировали, исполняя свои религіозные обряды; но ихъ музыканты, пострадавшіе отъ болѣзней, не играли: одинъ барабанъ издавалъ рѣзкіе, отрывистые звуки. Можно было подумать, что наши собратья-Османы совершаютъ заупокойное моленье... Севастополь хранилъ молчаніе мудреца. Я всталъ и, за неимѣніемъ топлива, чтобы согрѣться, сталъ бѣгать вокругъ своего жилища. Но этотъ способъ согрѣванья оказался недѣйствительнымъ; я опять принился за кирку, начавъ углублять свое могильное ложе; потомъ, отдохнувъ, бралъ заступъ. Сосѣдъ зашелъ ко мнѣ и позавидовалъ моему счастію: онъ передалъ мнѣ, что большинство нашихъ падаетъ духомъ; что скоро начнутся самоубійства; что зима будетъ гибельна для насъ всѣхъ. Я не останавливалъ этого зловѣщаго ворона и, чтобы отвратить осуществленіе его предвѣщаній, принялся отыскивать способъ какъ-нибудь развлечься.

Въ палаткѣ, по сосѣдству со мной, была собака, которую хозяинъ привязалъ, уходя въ траншеи. Несчастное животное билось, рвалось, лаяло, выло—словомъ, ужасно скучало. Между мною и псомъ установилась симпатія. Я началъ его уговаривать, когда онъ ревѣлъ уже слишкомъ усердно... Но мнѣ принесли приказъ идти на батарею, на мѣсто захворавшаго офицера.

18-го (6-го) декабря у Русскихъ былъ день Св. Николая, и поэтому думали, что Севастополь отпразднуетъ большою вылазкою день ангела своего Императора. Поговаривали о новомъ покушеніи взять Инкерманъ. Вслѣдствіе того удвоили прислугу на осадныхъ батареяхъ и усилили пѣхотные караулы. Каждый на своемъ посту приготовился къ бою; открыли амбразуры, заря-

дили орудія, повѣрили прицѣлы. Наступила ночь; съ нею начались наши опасенія *).

Лишь только со стороны города слышался какой-нибудь шумъ, лишь только мелькнетъ на укрѣпленіяхъ какой-нибудь огонекъ или загорится въ ложементахъ ружейная перестрѣлка, либо букетъ бомбъ подымется къ облакамъ, спрашиваютъ: не сигналъ ли?—и всѣ, съ душевной тревогой всматриваются въ горизонтъ и разбираютъ оружіе. Это лихорадочное ожиданіе какъ бы увеличивало продолжительность тѣхъ двѣнадцати часовъ, которые надлежало провесть до утра.

Когда, наконецъ, первые лучи солнца освѣтили городъ,—загудѣли колокола, и барабаны съ грохотомъ, казалось, пробѣгали по улицамъ. Мы терялись въ догадкахъ. Гарнизонъ идетъ къ обѣднѣ, думали мы; священники воодушевляютъ защитниковъ и, послѣ благословенія, сѣверные крестоносцы—впередъ на варваровъ! Но въ восемь часовъ 4-й бастіонъ, этотъ капельмейстеръ канонады, не подавалъ еще сигнала. Вотъ тутъ-то стали надѣяться, что и день Св. Николая не нарушитъ однообразія нашей жизни. Однако, около полудня, толпы зрителей показались на севастопольскихъ парапетахъ. Наши передовые стрѣлки отдыхали и не замѣчали ихъ. Произошло безмолвное перемиріе.

Всѣ глаза, всѣ подзорныя трубы устремились на русскій пароходъ, смѣло плывшій по направленію къ Камышу. Узнали „Владиміра“, отчаяніе нашихъ моряковъ—того самаго, который нерѣдко ночью обманывалъ бдительность крейсеровъ и подходилъ даже къ нашей эскадрѣ. Но днемъ какія могутъ быть намѣренія у этого кирифея Синопа? Послѣ бури 2-го (14-го) ноября, часть нашего флота ушла ни зимовку къ берегамъ Азіи и въ Константинополь; пользуясь уменьшеніемъ нашихъ морскихъ силъ, не рѣшался ли онъ достигнуть нашего рейда? Не употребитъ ли въ дѣло брандеръ?

Такіе комментаріи прибавляли интереса ожидаемому морскому представленію. Но едва русскій пароходъ-фрегатъ миновалъ Стрѣлецкую бухту, ему наперерѣзъ понесся англійскій пароходъ. Непріятель даже не выжидалъ залпа **). Онъ проворно повернулъ и удалился подъ защиту карантиннаго форта, при громѣ аплодисментовъ англо-французскихъ зрителей и къ величайшему прискорбію русскихъ. Тогда мгновенно все исчезло. На гребняхъ укрѣпленій не видно уже было ни одной человѣческой фигуры и осада пошла

---

*) По всей французской арміи оффиціально было объявлено, изъ главной квартиры, о предстоящемъ въ эту ночь нашемъ наступленіи. Не довольствуясь извѣщеніемъ, главный начальникъ обсерваціоннаго отряда самъ объѣзжалъ аванпосты и, приглашая ихъ къ удвоенной осторожности, говорилъ всѣмъ: „непріятель насъ завтра атакуетъ“. „Стало быть,—замѣтилъ ему одинъ молодой солдатъ,—будетъ раздача сапогъ?“. Фей (Ch. Fey), разсказывая эту выходку въ своихъ „Souvenirs de la guerre de Crimée“ (Paris 1867 г.), замѣчаетъ: „кому не извѣстно, что Русскіе обуты въ кожаные сапоги. Наши солдаты постарались собрать всѣ сапоги, какіе только могли, на полѣ Инкерманскаго сраженья, и эти сапоги имъ такъ понравились, что каждому хотѣлось непремѣнно имѣть такіе же“. *П. А.*

**) Авторъ ошибается: эта вывозка пароходами произведена не въ тотъ день, а 24 ноября нашего стиля и выше разсказана нами въ статьѣ „28 ноября“.

обычной колеей: малая война на аванпостахъ; дань бомбамъ, уплачиваемая 4-мъ бастіономъ... Какая насмѣшка!

Настоящій день, начинавшійся при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, кончился прескучно. Шелъ дождь. Облака превратились въ микроскопически-мелкую изморозь. Она проникла сквозь платье и колола все тѣло, точно булавками. Траншеи представляли угрюмый, недовольный видъ: въ нихъ бранились, чуть не дрались, изъ-за всякихъ пустяковъ. Только охотники, занимавшіе свои обычныя мѣста, были непричастны этимъ временнымъ смутамъ. Одинъ изъ нихъ, исполняя свои обязанности передъ третьей параллелью, привелъ насъ въ восторгъ. Пользуясь волнистою мѣстностью и растянувшись на животѣ, онъ подвигалъ свое ружье передъ собою и ползъ впередъ, хватаясь за траву или просто за землю. Его можно было принять за змѣю. Весело было любоваться искусствомъ этого охотника: такъ методически онъ подбирался къ непріятелю и неподозрѣвавшему подобной стратагемы. Однако намъ не удалось видѣть результата этого оригинальнаго нападенія: мы ушли.

Воротясь домой, мы застали лагерь въ смущеніи. Непріятность неудачи, испытанной нами въ Николинъ день, усиливалась слухами о сильной помощи, пришедшей къ Русскимъ и состоявшей изъ авангарда 2-го и 3-го корпусовъ, о выступленіи которыхъ изъ Одессы съ мѣсяцъ уже какъ увѣдомлялъ Омеръ-паша.

Въ самомъ дѣлѣ, ряды палатокъ со дня на день увеличивались на высотахъ Мекензи и въ долинѣ р. Черной. Этими извѣстіями объяснилось временное бездѣйствіе Русскихъ. Чтобы опредѣлять численность непріятеля, узнать расположеніе внѣшняго севастопольскаго гарнизона, принятое имъ съ того времени, какъ Русскіе оставили Балаклавскую долину, наконецъ, чтобы разгадать ихъ намѣренія, рѣшено было сегодня, 18-го (6-го декабря), генералу д'Алонвилю произвесть рекогносцировку къ Чоргуну.

Ночью, 18-го (6-го декабря), крѣпость бушевала. Изъ ложементовъ и съ укрѣпленій поддерживали сильный ружейный огонь. 4-й бастіонъ стрѣлялъ залпами. Это запоздалое увеселеніе пробудило наши батареи и, такимъ образомъ, дрались до утра.

Утро 19-го (7-го декабря) было блѣдно, какъ зимнее солнце, убѣлявшее долину, блѣдно, какъ огни только и горѣвшіе еще, тамъ и сямъ, въ трактирахъ, распространяя тоску между отшельниками главнаго парка. Становилось все труднѣе найти себѣ какое-нибудь развлеченіе. Я пошелъ скитаться по сосѣдямъ.

Малѣйшая прогулка по лагерю была труднымъ путешествіемъ, по милости дорогъ, заваленныхъ навозомъ, покрытыхъ мерзлыми лужами. Меня увлекала потребность новизны. Я ходилъ отъ двери къ двери, съ палкой окованной желѣзомъ. Нѣсколько лаконическихъ фразъ, которыми я перекинулся со своими товарищами, составляли весь нашъ разговоръ. Одинъ говоритъ: „я совсѣмъ одурѣлъ!“ Другой: „мы, пожалуй, сдѣлаемся кретинами!“ —

Третій: „вы вѣрите въ возможность штурма, вѣрите?.. Мы всѣ здѣсь погибнемъ!“ —Послѣдній: „намъ не видать больше Франціи!“

Такой отголосокъ общественнаго мнѣнія ужаснулъ меня... Я запрусь въ своемъ монастырѣ до завтра... Вагенмейстеръ принесъ письмо изъ дома. Бѣдные мои родители! Ихъ положеніе, въ это ужасное время, было хуже нашего. Недавно навѣстилъ ихъ другъ моего дѣтства. Онъ вообразилъ, что я уже не существую, и сдѣлалъ моимъ роднымъ, такъ называемый, визитъ соболѣзнованія. Ошибки въ этомъ родѣ были очень обыкновенны. Насъ всѣхъ, одного за другимъ, хоронила предупредительная молва. Франція, уже сорокъ лѣтъ отвыкнувшая отъ великихъ жертвоприношеній богу браней, оплакивала нынѣ участь жертвъ Восточной войны: у нашихъ матерей не было уже сердецъ спартанскихъ женъ! Меня умоляли отвѣчать... Поправляю свое единственное перо и изображаю въ письмѣ, что Крымъ отнюдь не адъ, какъ разблаговѣстили газеты, но довольно сносное чистилище. Чернилъ нѣтъ, даже въ лавкахъ. Ихъ замѣняетъ у насъ преимущественно разжиженная вакса. Притомъ холодъ не давалъ мнѣ писать, а потому, такъ или иначе, надо было развесть огонь. И вотъ я обрекъ на костеръ свои счеты, нѣсколько бѣлыхъ страницъ записной книги—драгоцѣнное сокровище, мое утѣшеніе—связку патронной бумаги, половину соломы, замѣнявшей мою подушку, длинный турецкій черешневый чубукъ, часть моего стула, наконецъ нѣсколько листковъ изъ Беранже—тѣ пѣсни, которыя я лучше другихъ зналъ наизустъ. Я далъ себѣ слово завтра добыть топлива во что бы то ни стало.

Ночь прошла неспокойно. На 4-й бастіонъ какъ будто *находило*—два раза, въ полночь и на разсвѣтѣ. 20-го (8-го декабря) тысячи снарядовъ неслись сквозь наши линіи, долетая даже до такъ-называемой *бухты ядеръ* (Ravin de boulets) *), которая служила какъ бы общимъ вмѣстилищемъ снарядовъ, ложившихся въ окрестности, во время бомбардировокъ. Караулы бодрствовали. Саперы, работавшіе безъ закрытія, должны были пріостановиться на довольно долгое время. Одни минеры не прекращали работъ. Однако, въ семь часовъ, эскадроны, подъ командою генерала д'Алонвиля, двинулись на рекогносцировку, подкрѣпленные тремя ротами зуавовъ и полкомъ шотландцевъ **). Русскіе патрули, при приближеніи нашего авангарда, отступили.

Всюду на высотахъ скалъ были видны русскіе часовые, верхомъ на клячахъ съ пиками. Наши ведеты напрасно старались вызвать этихъ кочевниковъ на долину. Не было сдѣлано ни одного выстрѣла ***). Вече-

---

*) „Ravin aux boulets“, или „des carrières“, французы называли нашу Карантинную балку. *П. А.*

**) По Ніелю (Siège de Sebastopol. Paris. 1859), рекогносцировка, подъ начальствомъ генерала д'Алонвиля, состояла изъ 6-го полка драгуновъ и 4-го полка конныхъ африканскихъ егерей. Въ то же время, въ подкрѣпленіе этой рекогносцировкѣ, изъ Балаклавы, для занятія Байдарскихъ высотъ, двинулся 42-й полкъ шотландцевъ полковника Камерона, баталіонъ стрѣлковъ и полубаталіонъ зуавовъ. *П. А.*

***) Невѣрно: была перестрѣлка, причемъ и у насъ раненъ одинъ казакъ. *П. А.*

ромъ наши патрули безпрепятственно достигли горъ, отдѣляющихъ Балаклаву отъ Байдарской долины, и убѣдились, что непріятель, не помышляя о предпринятіи общаго наступленія на наши линіи, окончательно укрѣпляется за Черной *).

Возвратившись съ развѣдки, наши аванпосты вновь заняли старые турецкіе редуты, и такимъ образомъ, безъ выстрѣла, мы опять утвердились на мѣстности, потерянной 25-го (13-го) октября.

Севастополь замѣтилъ наше движеніе и гарнизонъ всю ночь былъ въ готовности. Съ Инкерманскаго дѣла Французы получили какъ бы привилегію отражать вылазки. Наши союзники, благодаря отдаленности головы ихъ сапы отъ непріятельскихъ укрѣпленій, не обращали на себя вниманія Русскихъ. Положеніе англійскаго войска отнимало у лорда Раглана всякую возможность вдаваться въ случайности атакъ; по недостатку рукъ, необходимые караулы въ лагерѣ и въ Балаклавѣ содержались въ явный ущербъ успѣху траншейныхъ работъ. Смерть уложила послѣдніе остатки англійской кавалеріи. Перевозочныя средства уменьшились до того, что явилось затрудненіе въ подвозѣ снарядовъ и продовольствія.

При такомъ слабомъ состояніи нашихъ боевыхъ товарищей, у нихъ было достаточно запасовъ **). Имъ помогали присылкою рабочихъ. Ежедневно до тридцати нашихъ свободныхъ повозокъ катались по Балаклавской дорогѣ. Однако мортиры, присланныя мальтійскимъ губернаторомъ, ожидали своего часа на набережной бухты, а чтобы обмануть непріятеля, на высотахъ Карани ***) были рискинуты пустыя палатки.

Чрезъ лазутчиковъ и нашихъ поребѣжчиковъ, а можетъ-быть и изъ неосторожныхъ обмолвокъ лондонскихъ газетъ, Меньшиковъ зналъ слабость англійскихъ осадныхъ работъ; и вотъ русскіе охотники пошли изслѣдовать это больное мѣсто осады. По счастливой случайности, избранный осажденными пунктъ атаки охранялся цвѣтомъ уцѣлѣвшихъ „рифльменовъ“ (стрѣлковъ). Хладнокровно и мужественно они открыли сильный огонь, на ближайшую дистанцію, по нападающимъ; непріятель бросился направо и попалъ на нашу третью параллель, передъ укрѣпленіе, недавно только выстроенное и по его формѣ, названное французскою буквою Т. Тутъ ихъ встрѣтили штыками—Русскіе „налѣво кругомъ“ и побѣжали ***). 4-й бастіонъ отмстилъ

---

*) Выше было замѣчено, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ лѣвый берегъ Черной былъ нами очищенъ на 24-е ноября. *П. А.*

**) Въ „Morning Herald“ 6 (18) декабря писали изъ Балаклавы: „Балаклавскій портъ наполненъ кораблями, которые выгружаются. Боченки сухарей, свинины, рому, ящики съ одеждою, осадныя орудія, мѣшки картофеля, ячменя, ящики съ карабинами Минье,—все это разбросано въ густой и черной грязи. Блѣдные и оборванные люди двигаются посреди вонючей грязи, изгибаясь подъ тяжелыми ношами: это солдаты нашихъ пѣхотныхъ полковъ, нѣкогда столь крѣпкіе и блестящіе“. Сэръ А. Агнью пишетъ отъ 15 декабря: „Корабли и магазины наполнены предметами первой необходимости; но, по недостатку перевозочныхъ средствъ, люди умираютъ отъ лишеній и страданій“. *П. А.*

***) Деревня Карани между Балаклавскою бухтою и монастыремъ Св. Георгія.—*П. А.*

****) Въ сущности вотъ въ чемъ было дѣло. Въ ночь съ 8 на 9 декабря были сдѣланы двѣ вылазки. Первая вылазка произведена съ 3-го бастіона противъ Англичанъ. На

канонадой изъ всѣхъ своихъ орудій. Этимъ успѣхомъ ознаменовалось вступленіе на осадную службу 5-го легкаго полка. На утро приказъ по арміи назвалъ сражавшихся и, въ награду за блистательный дебютъ, прибывшій полкъ былъ назначенъ на защиту самаго опаснаго пункта. Это сдѣлало его предметомъ уваженія арміи и побудило въ ней соревнованіе. Духъ войскъ на войнѣ питается мужествомъ. Въ военное время кавалеристъ не смотритъ уже свысока на пѣхотинца; канониръ не смѣется надъ пріемами кавалериста, не передразниваетъ его; нѣтъ смѣшныхъ феодаловъ; нѣтъ ребяческаго тщеславія. Между всѣми равными дѣтьми одного семейства, хотя и разнаго оружія, тотъ считается выше, кто большею славою увѣнчаетъ отечественное знамя. Ошибки покрываются молодецкими подвигами. На полѣ битвы такъ же честно подняться послѣ паденія, какъ и постоянно побѣждать. Упрекали 42-й полкъ въ потерѣ трехъ мортиръ; но впослѣдствіи онъ со славой заставилъ забыть эту немилость къ нему судьбы.

Рекогносцировка, произведенная наканунѣ, принесла неожиданную прибыль несчастному лагерному населенію. Въ арріергардѣ послали дровосѣковъ съ фурами и, между тѣмъ, какъ солдаты генерала д'Алонвиля гонялась за казаками, дровосѣки рубили лѣсъ около д. Комары. Вечеромъ, получивъ топливо, мы подсмѣивались надъ „декабремъ“.

При раздѣлѣ, мнѣ досталось чѣмъ топить до конца мѣсяца. Сравнивая часть мою, полученную съ доставшеюся моему сосѣду, я замѣтилъ, что его обочли. Мартенъ объяснилъ мнѣ дѣло внушительными знаками. Подъ грубою оболочкою, этотъ Альзасецъ скрывалъ достоинства доктора плутней. Когда ему удавалась какая-нибудь выходка въ мою или въ свою пользу, напри-

---

Зеленую Гору пошелъ лейтенантъ Берюлевъ съ 120 охотниками, имѣя въ резервѣ роту Селенгинскаго полка, поручика Вальцева (въ этой ротѣ находился подпоручикъ Юдинъ), а на Воронцовскую высоту двинулся лейтенантъ Астановъ, съ 150 охотниками, имѣя въ резервѣ 100 охотниковъ, подъ командою маіора Московскаго полка Попялковскаго. Отрядъ Астанова раздѣлился на двѣ части, которыя должны атаковать англійскія траншеи, одновременно, съ двухъ сторонъ. Для развлеченія вниманія непріятеля, отъ Пересыпи пошли на Англичанъ двѣ партіи штуцерниковъ, одна въ 30 другая въ 25 человѣкъ. Отряды выступили въ два часа ночи и, незамѣтно приблизились къ непріятелю, бросились на него въ траншею, опрокинули его и захватили въ плѣнъ: на Зеленой Горѣ 2-хъ офицеровъ и 2 нижнихъ чиновъ и на Воронцовской высотѣ 1-го офицера и 14 нижнихъ чиновъ, разное оружіе и вещи. Наши потеряли 39 человѣтъ, въ томъ числѣ убитыми 4-хъ, ранеными 25 чел. между ними 3 офицера, 6 контуженными и 4-хъ безъ вѣсти пропавшими. Эта вылазка подробно разсказана выше.

Вторая вылазка, въ ту же ночь, была произведена съ 5-го бастіона, съ цѣлію разрушить новые ближайшіе къ намъ подступы Французовъ, преимущественно главный въ видѣ литеры Т, около 210 сажень отъ исходящаго угла редута Шварца и около 280 саженъ отъ исходящихъ угловъ 4-го и 5-го бастіоновъ. На эту вылазку съ мичманомъ Титовымъ ходило 350 охотниковъ, при двухъ горныхъ единорогахъ, подъ главнымъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Ильинскаго (Геренъ называетъ его capitain Hinski). Этотъ отрядъ, еще не достигнувъ цѣли своего движенія, былъ открытъ Французами (2-й баталіонъ 5-го легкаго полка, маіора Курзона), и подъ ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ воротился безъ боя, потерявъ 1 убитымъ и 4 ранеными. Изъ настоящаго разъясненія слѣдуетъ, что замѣчаніе французскаго автора не имѣетъ ни малѣйшаго основанія: вопервыхъ, покушеніе противъ Англичанъ было вполнѣ успѣшно доказательство:—плѣнные и трофеи; вовторыхъ, передъ французскую 3-ю параллель и новое укрѣпленіе, названное буквою Т, попали отнюдь не войска отброшенныя, по словамъ автора, Англичанами, а нарочно назначенный для разрушенія этой батареи отрядъ, который и шелъ прямо на нее. *П. А.*

мѣръ обмануть расходчика топлива, или получить лишнюю порцію овса для моей лошади, онъ говорилъ на своемъ ломанномъ нарѣчіи: „всякій для себя, mon lieutenant, всякій для себя!“ Я не имѣлъ мужества упрекать Мартена. Сегодня онъ даже получилъ благодарность отъ меня. О чистая добродѣтель временъ Олдъ-Форта, что съ тобою сталось *)! При изобиліи въ топливѣ и надежда воскресла въ сердцахъ. Отчизна-мать усиленно заботилась о насъ. Вездѣ устраивались въ нашу пользу національныя подписки; по словамъ газетъ, энтузіазмъ овладѣлъ даже дамами. Во времена оны жены рыцарей вышивали шелками шарфы крестоносцамъ и за иголкою лелѣяли мечты о славѣ. Другія времена, другіе люди! Нынѣ дѣвицы вяжутъ шерстяные чулки бѣднымъ крымскимъ солдатамъ и изъ ихъ же дѣвичьихъ рядовъ выступаютъ героини, въ одеждѣ сестеръ милосердія, и идутъ въ константинопольскіе госпитали на борьбу, у коекъ раненыхъ солдатъ. Такимъ образомъ, и женщины и граждане приносили свою лепту. Былъ слухъ, что транспортъ патріотическихъ приношеній вышелъ уже въ море и не замедлитъ улучшить положеніе бивуакирующихъ.

Мы всѣ почти были уже снабжены плащами съ капюшонами, похожими на военное домино, и намъ раздавали первыя мѣховыя пальто, защиту отъ траншейнаго холода. Поговаривали о скорой раздачѣ сабо (деревянныхъ башмаковъ). Султанъ *осчастливилъ* армію, подаривъ имъ красныя фесы— единственное доказательство вниманія, выраженнаго Турками своимъ спасителямъ. Какихъ благодѣяній вамъ больше? Шутники—храброе меньшинство— толковали о предстоящей присылкѣ какихъ-то новоизобрѣтенныхъ, особаго устройства, бомбъ. По ихъ словамъ, нѣтъ ничего невозможнаго для генія изобрѣтательности. Находилъ же возможнымъ какой-то англійскій механикъ срыть севастопольскія укрѣпленія напоромъ цѣпныхъ локомотивовъ!

Что касается великодушія, Англія не отставала отъ Франціи. Золото лилось рѣкой въ кошельки жертвъ войны. Вельможи подавали примѣръ. Герцогъ Мальбороу приказалъ своимъ охотникамъ убить сто дикихъ козъ для офицеровъ крымской арміи. По несчастію, администрація не была еще въ силахъ вторить этому патріотическому увлеченію, и наши союзники, на нашихъ глазахъ, гибли все быстрѣе и быстрѣе.

---

*) Здѣсь намекъ на то, какъ вели себя офицеры союзной арміи тотчасъ послѣ высадки у Евпаторіи. Въ первой части своихъ записокъ авторъ, описывая высадку союзниковъ у Олдъ-Форта (Стараго замка), между прочимъ, разсказываетъ слѣдующій случай, какъ фактъ той „чистой добродѣтели“, къ которой онъ теперь взываетъ:

„На утро другаго дня высадки, толпы солдатъ отправились пошарить въ окрестности и разграбили до-чиста ближайшую татарскую деревню. Нѣсколько канонировъ нашей батареи приняли живое участіе въ этой безчестной экспедиціи, увлеченные примѣромъ африканскихъ служакъ, большихъ мастеровъ производить набѣги. Фуражиры къ ночи воротились на бивуакъ обремененные добычею, которую тащили на арбѣ два вола. Бѣдный ихъ хозяинъ издали слѣдилъ за шествіемъ и обратился къ намъ съ жалобою на самовольство нашихъ людей. Мы наказали грабителей, возвратили Татарину все у него отнятое и тутъ же все у него купили, щедро расплатившись съ нимъ чистымъ золотомъ. Татаринъ остался служить намъ и со своими волами, не рѣшаясь возвратиться въ свою деревню, чтобы опять не быть ограбленнымъ“. *П. А.*

Эта помощь, эти знаки уваженія облегчали порой наши страданія; но невыносимое положеніе осаждающихъ пересоздало, въ физическомъ отношеніи, самыхъ молодыхъ людей. Закутанные въ бараньи шкуры *), обросшіе бородами, небритыми съ Варны, загорѣлые и одичалые, мы походили, при безпорядочной обстановкѣ нашихъ жилищъ, скорѣе на искателей приключеній, чѣмъ на цивилизованныхъ воиновъ. Отцы навѣрное не узнали бы своихъ дѣтей. А что касается нашихъ милыхъ соотечественницъ, которыя, предсѣдательствуя на крымскихъ лотереяхъ, посылали намъ пожертвованныя сигары, или трудились для насъ, то если изъ числа ихъ мечтательницы рисуютъ себѣ романтическими красками героевъ Алмы, въ битвѣ подъ Севастополемъ—какая иллюзія! При выступленіи въ траншеи, лбы нахмурились; глаза у однихъ сверкали гнѣвомъ, у другихъ тускнѣли; у иныхъ волосы становились дыбомъ. Кэпи на затылкѣ; панталоны запрятаны въ охотничьи сапоги; другихъ отличій нѣтъ, кромѣ золотаго шнурка на плечѣ; краснымъ шерстянымъ шарфомъ обмотанная шея, въ одной рукѣ сабля, въ другой палка; подзорная труба и фляга черезъ плечо—такова была наша боевая форма. Бьютъ маршъ. Въ дорогу! Ординарецъ несетъ за командиромъ запасную шинель, болгарскіе штиблеты и походный запасъ въ торбѣ. Наступаетъ ночь; каждый наряжается по своему вкусу.

Сущій маскарадъ! Одни накутали на себя множество разной одежды или обмотали голову платками; тотъ импровизировалъ себѣ муфту; этотъ натянулъ бумажный колпакъ на каску. Надо было всѣми средствами спасаться отъ холода. На утро, при возвращеніи со службы, картина была еще прозаичнѣе. Страшная пыль, конечно, не скрашивала насъ. Бойцы были покрыты черной грязью. Торопились надѣть шлафрокъ, деревянные башмаки, чтобы испытать наслажденіе подобное тому, какое испытывали нѣкоторые мученики, когда, на нѣсколько мгновеній, прекращались ихъ терзанья.

Однако, бывали въ траншеяхъ таинственные моменты, въ которые лесть и пристрастіе могли бы прославить насъ. Это когда русскіе нападали на наши линіи и когда мы, волей-неволей, бывали вынуждены бросаться въ бой. Много разъ я присутствовалъ при такихъ ночныхъ дракахъ, происходившихъ въ непроницаемой тьмѣ, причемъ было неизвѣстно: достигалъ ли какихъ результатовъ огонь схватки? Послѣ этого мы опять принимали видъ дикарей.

Изрѣдка какіе-нибудь фешенебли напоминали своимъ щегольствомъ тѣхъ дворянъ былаго времени, цвѣтъ рыцарства нашихъ предшественниковъ въ боевой карьерѣ, которые осаждали города разодѣтые и раздушенные. Честь имъ! Любовь къ туалету предполагаетъ величіе души, если эта любовь проявляется среди тысячи опасностей, на волосокъ отъ смерти.

---

*) Да и не только въ бараньи, но даже въ невыдѣланныя собачьи шкуры. Въ началѣ осады, со всѣхъ окрестныхъ хуторовъ, покинутыхъ хозяевами, голодавшія собаки собрались въ огромномъ числѣ, преимущественно въ лагерь англійской кавалеріи, гдѣ имъ была большая пожива отъ передохшихъ, въ значительномъ количествѣ, фронтовыхъ лошадей; но лишь только наступили большіе холода, французскіе солдаты перестрѣляли этихъ собакъ и одѣлись въ ихъ шкуры. *П. А.*

Утромъ 21 (9 с. с.) декабря я сибартничалъ у большаго костра и, впервые, съ нетерпѣніемъ ждалъ заката, потому что моя очередь въ караулъ обыкновенно приходилась вечеромъ. Одинъ изъ моихъ ближайшихъ товарищей, смѣясь, показалъ мнѣ письмо своей кузины. Это юное существо, безъ сомнѣнія начитавшись Байрона, такъ начинало свой диѳирамбъ: „Очаровательный богатырь! чего бы я не отдала, чтобы рукоплескать тебѣ, когда ты смѣло пойдешь на приступъ...“ Она насъ такъ идеализировала, что если бы ей не было шестнадцати лѣтъ, то можно было бы принять письмо за насмѣшку. Въ обычный часъ я отправился въ траншеи. Зеркало, заброшенное на моемъ столѣ, между всякою мелочью, случайно показало мнѣ смѣшную каррикатуру *современнаго богатыря*, и всѣ поэтическія сравненія юной энтузіастки, прійдя мнѣ на память, оживили мой путь.

Сегодня караулъ шелъ веселѣе обыкновеннаго; небо было ясно; заходящее солнце представляло за Херсонесомъ всю прелесть заката, который бываетъ такъ живописенъ въ восточныхъ странахъ. Не было ни малѣйшаго облачка на небѣ со стороны наконецъ успокоившагося моря. Все обѣщало прекрасный зимній вечеръ; даже Севастополь затихъ. Наступила ночь; безъ заботно бродилъ я по третьей параллели; бомбы падали изрѣдка; я продолжалъ свои послѣобѣденныя мечтанья. Около полуночи, подъ вліяніемъ измѣненія температуры, я закончилъ тезисъ, начало развитія котораго было испещрено такими цвѣтами. Однако обстановка не измѣнилась. Обычный ревъ русскихъ пушекъ, слабое мерцанье звѣздъ. Командиръ, обходя батареи, проронилъ нѣсколько печально-знаменательныхъ словъ: „друзья, утолщайте батарею“. Парапетъ и безъ того уже имѣлъ восемь метровъ толщины. Мы предпочли бы драться въ открытомъ полѣ; но не время было расточать снаряды. Тоска мучила насъ пуще холода...

Какой-то филосовъ утверждалъ, что самое лучшее общество—быть одному. Еслибы этого философа посылать ежедневно въ траншейный караулъ, онъ, навѣрное, отказался бы отъ своихъ словъ. Усиливаясь занять, развлечь себя, устаешь еще скорѣе. Только глупцы всегда довольны.

Что до меня, то, продумавъ безсонную ночь, я готовъ бы купить цѣною продолженія траншейнаго караула (великая жертва!) общество товарища, хоть бы только до утра. Я побѣжалъ къ одному любимцу Камены: мнѣ объявили, что его отнесли на перевязочный пунктъ. Нечего было дѣлать, оставалось довольствоваться обществомъ сержанта, который разсказалъ мнѣ исторію своего семейства. Въ этомъ семействѣ была наслѣдственною страсть къ вину. Многіе изъ предковъ сержанта умерли отъ пьянства. Отецъ, старый республиканскій солдатъ, ведя, однажды, конскриптовъ походомъ, по безплоднымъ полямъ Бретани, гдѣ виноградъ не растетъ, увидѣлъ вдали виноградникъ. Онъ тотчасъ же построилъ свой отрядъ во фронтъ, лицемъ къ холму, на которомъ былъ разведенъ виноградникъ, и отдалъ ему воинскую честь.

Эти анекдоты заняли меня на нѣсколько минутъ. По счастью, 4-й

бастіонъ позаботился о развлеченіи насъ въ остальное время ночи. Ужаснымъ образомъ увеличивалось число бомбъ, появлявшихся на нашемъ зенитѣ. Цѣлыя стаи маленькихъ гранатъ сбивали парапетъ и ложились въ одно и то же избраное мѣсто, будто ядра, пущенныя искуснымъ стрѣлкомъ. Подвижная батарея усердно отвѣчала на вызовъ. Часто за одинъ ударъ она платила сномъ гранатъ. Всѣ сосѣднія мортиры помогали ей усердно. Канониры до того оживились, что можно было подумать, будто у нихъ сегодня праздникъ, еслибъ вдругъ, по временамъ, не раздавался жалобный стонъ раненаго, и еслибы не появлялись носилки. Воздухъ казался краснымъ отъ блеска бомбардировки, которая принимала видъ огненнаго моста, порекинутаго съ укрѣпленій Севастополя на нашу третью параллель *).

Находясь по сосѣдству на авансценѣ, мы думали насладиться спокойнымъ созерцаніемъ картины; но опасность помѣшала. Приходилось безпрестанно ложиться на землю, нагибаться, бѣгать, прыгать, какъ ловкимъ игрокамъ въ мячъ. Никто, однако, изъ насъ не потерялъ и капли крови на этой осадной игрѣ въ бомбы. Съ восходомъ солнца канонада прекратилась и 22-го (10-го) декабря своимъ однообразіемъ чуть не заставила насъ пожалѣть о волненіяхъ битвы. *„Новаго ничего нѣтъ!“* —такъ и объявлено. Эти три слова сдѣлались для насъ почти тождественными съ тѣмъ, что поэтъ помѣстилъ надписи на дверяхъ ада! *Новаго ничего нѣтъ!...* Безконечность осады, вѣчное: „прости“! отечеству становилось все болѣе и болѣе вѣроятнымъ.

Насталъ вечеръ, и мы, послѣ тяжелыхъ вздоховъ, усиленныхъ пируэтовъ, прыжковъ въ разныя стороны во время нахожденія на батареѣ, съ восторгомъ встрѣтили свою смѣну.

Сегодня у насъ ужинъ былъ не такъ скверенъ какъ обыкновенно. Одинъ полковой рыбакъ поймалъ какое-то морское чудовище, страшное на видъ, но со вкуснымъ мясомъ. Мы поглотили его.

И зачѣмъ демонъ товарищества увлекъ меня сегодня въ офицерскій клубъ? Тамъ оставалась только скучная группа подъ предсѣдательствомъ отцовъ *„Лишенія“*, *„Страданія“* и *„Тѣмъ хуже“*, и вотъ какъ они проводили вечеръ: первый восклицалъ: „о, Боже, какая скучная жизнь!“; второй: „жизнь-то насмѣшка!“; третій: „мы такъ много страдаемъ, а зачѣмъ?“ — Послѣдній: „о, еслибы небо послало мнѣ *счатливую рану!*“ Затѣмъ всѣ жалобно стенали и, послѣ минутнаго молчанія, разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ.

Бѣда, кто осмѣлился бы сказать *одно* шуточное слово. Этихъ господъ возмущалъ одинъ видъ веселаго пришельца изъ траншей. Я отвѣсилъ имъ по-

*) Эта усиленная канонада, съ нашей стороны, была вызвана нападеніемъ французскихъ охотниковъ на наши передовые ложементы, передъ 5-мъ бастіономъ, оставленные нами при приближеніи Французовъ. Наши, отступивъ, подали условный сигналъ, и укрѣпленія открыли по ложементамъ усиленный огонь, прогнавшій Французовъ, которые успѣли, однако, разрушить два ложемента. Ложементы тотчасъ опять были нами заняты и, въ ту же ночь, приведены въ совершенную исправность. *П. А.*

клонъ и далъ себѣ слово, до лучшихъ дней, не посѣщать этой юдоли плача *).

Завтра, 23-го (11-го) декабря, канунъ сочельника Рождества Христова, дня чтимаго даже мусульманами, какъ годовщины рожденія ихъ пророка, но праздновать который они себѣ не позволяютъ. Бивуачныя заботы не могли отклонить солдатъ отъ исполненія завѣтнаго обычая, и попойки, нерѣдко шумныя, являлись предвѣстниками предстоящаго ночнаго пиршества. Всѣ, одной семьей, предполагали повеселиться за общимъ столомъ, 25-го декабря, а артиллеристы рѣшили праздновать, за-одно, и день Св. Варвары, въ убѣжденіи, что Святая Великомученица не обидится запоздалымъ торжествомъ ея праздника. Хозяева артелей шныряли уже съ утра, съ озабоченнымъ видомъ, словно дипломаты кулинарнаго міра.

Въ лагерѣ царствовалъ недостатокъ; во всемъ чувствовалась нужда; слѣдовательно, нелегко было устроить пиръ изъ ничего. Такая почетная обязанность, на этотъ разъ, лежала и на мнѣ. Поэтому я счелъ долгомъ представить настоящее положеніе вещей моимъ сотоварищамъ. Если у насъ и было топливо, если мы и имѣли деньги, то не было ни зелени, ни говядины,—словомъ, буквально ничего! Я отправился за покупками. Солнце играло, зима была забыта. Камышъ походилъ на большую ярмарку. Отъ толпы комиссіонеровъ и поваровъ, которыхъ рожи были краснѣе ихъ штановъ, рѣзко отдѣлялись маркитантки, словно разбросанныя маргаритки по полю, покрытому краснымъ макомъ. Кое-гдѣ проглядывалъ канканъ. Объявлялось о прибытіи перваго транспорта куръ Бу-Мазы. По этому случаю разсказывали исторію арабскаго шейха:

Въ началѣ кампаніи, высадясь въ Константинополѣ и не заплативъ денегъ за проѣздъ, онъ предложилъ свою саблю къ услугамъ властителя правовѣрныхъ. Турція отвергла его услуги. Оттуда онъ явился къ Шамилю. Но африканская репутація Бу-Мазы не достигла Кавказа и черкескій вождь протурилъ его. Тогда, разлюбивъ славу, но не желая лишить союзниковъ своихъ услугъ,этотъ соперникъ-пигмей Абдель-Кадера, съ умѣвшій разными обманами поднять нѣсколько степныхъ племенъ, этотъ разбойникъ-кабилъ, которому алжирскіе бюллетени придали случайное значеніе, этотъ Бу-Маза, нѣкоторое время любимецъ Парижа, снизошелъ до роли поставщика птицъ войскамъ, осаждающимъ Севастополь. Если вѣрить вѣстовщикамъ, прибыли уже его передовые.

Дорогою каждый мечталъ: что купитъ?—и создавалъ планы параднаго обѣда, съ сюрпризомъ своимъ товарищамъ. Тотъ проектировалъ изготовить хорошее жаркое, другой рагу, этотъ лѣнивыя щи. Моимъ идеаломъ было душоное мясо. Одинъ поваръ, большой мастеръ своего дѣла, увѣрилъ меня, что безъ свѣжей моркови невозможно хорошо приготовить душонаго мяса.

*) Главнокомандующій, генералъ Канроберъ, писалъ военному министру, отъ 22 (10) декабря: „Нравственное состояніе арміи превосходно“. Приведенный нами разсказъ показываетъ какъ оно было превосходно! *П. А.*

Случай помогъ мнѣ найти морковь. Камышъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Его наводняли торговцы. Нѣсколько лавокъ уже предлагали различные припасы на вѣсъ золота. На два франка даютъ немного больше двухъ фунтовъ картофелю; на пять франковъ,—поллитра прованскаго масла!

Сегодня, 24-го (12-го) декабря, рейдъ былъ щегольски изукрашенъ, по случаю отъѣзда адмирала Гамелена, отозваннаго во Францію и замѣщеннаго адмираломъ Брюа. Посреди илюминованныхъ флагами кораблей, покачивалось большое судно, нанятое константинопольскими спекулянтами, притянутое къ берегу и осажденное покупателями. Оно было со свѣжею зеленью—наша мечта. Покупатели оспаривали этотъ грузъ другъ у друга, съ ожесточеніемъ людей, питавшихся только саломъ. Было что-то похожее на биржу.

Протискавшись въ толпу, я высмотрѣлъ, въ глубинѣ барки, привлекательно желтую морковь, толщиною чуть не съ тыкву,—такую морковь, какой не производятъ тощіе огороды Франціи, съ зеленымъ и свѣжимъ стеблемъ. Такой корень способенъ развиться до подобныхъ размѣровъ только подъ небомъ Востока! „Что стоитъ“?—закричалъ я греческому штурману.—„Три франка“!—„Получай“. Я не торговался, потому что видѣлъ, какъ одинъ лагерный богачъ собирался уже вырвать у меня морковь изъ-подъ рукъ.

Счастливый обладатель растительнаго богатства, я возвращался домой съ другими, болѣе или менѣе навьюченнымъ провизіей и торжествующими. Нѣкоторые тащили свои корзины съ важностью маговъ. Англичане несли пуддинги, нарочно присланные изъ Англіи, по приказанію королевы. Моя морковь шествовала съ тріумфомъ въ торбѣ Мартена.

Но, по возвращеніи моемъ въ лагерь, собрался домашній военный совѣтъ, и—о непрочность счастія!...—принимая во вниманіе дороговизну душоной говядины, принимая во вниманіе, что финансы артели потрясены въ основаніи, меня, увы! отодвинули на задній планъ. Министръ, болѣе способный и экономный, мой намѣстникъ, мастерскимъ подвигомъ ознаменовалъ свое вступленіе въ должность: по сосѣдству издохъ жирный мулъ — и мой намѣстникъ разными происками добылъ отъ него кусокъ отличнаго филе.

Спорная морковь какъ бы разрослась. Ея достало на праздничныя кушаньи. Мы лакомились ею нѣсколько разъ и съ жаркимъ, и подъ соусомъ. Приготовленія къ торжеству вездѣ подвигались быстро и успѣшно. Въ лагерномъ воздухѣ пахло близкимъ праздникомъ и время обѣщало возвращеніе веселыхъ дней.

Смѣялись надъ Кэбиромъ, однимъ изъ сильныхъ лицъ осады, котораго новичокъ-ординарецъ, встрѣтивъ у дверей барака, закутаннаго, по лагерному обычаю, въ одѣяло, въ полнѣйшемъ утреннемъ неглиже, принялъ за его бородобрѣя. Хохотали надъ однимъ офицеромъ, который ночью, въ траншеѣ, имѣлъ обыкновеніе напяливать, сверхъ своего кэпи, бумажный колпакъ. Однажды, на разсвѣтѣ, его посѣтила нѣкая особа: торопясь съ нею раскланяться, нашъ собрать забылъ про свой бѣлый колпакъ.

Кромѣ подобныхъ пустяковъ, ни о чемъ больше не заботились какъ

только о потребностяхъ желудка. Вездѣ происходили домашнія сцены, въ родѣ случившейся со мною. Серьезныя дѣла были отложены.

Вотъ, въ концѣ декабря, въ какую чепуху обратилась хроника осады! Интересы сосредоточивались на сплетняхъ и на переднихъ. Зима парализовала начальниковъ осады. Сапа не подвигалась. Дѣятельно работали только въ минныхъ галлереяхъ.

Даже слово *штурмъ* не произносилось, какъ будто траншеи только что открыты. Чаще всего наши батареи и непріятельскіе бастіоны имѣли свои амбразуры герметически закупоренными. Сторонній наблюдатель не повѣрилъ бы, что три великія европейскія державы дерутся въ херсонесской пустынѣ. Ничего не происходитъ подъ Севастополемъ, ничего на Черной! За своими укрѣпленіями и внѣ оныхъ, гарнизонъ выжидалъ диверсіи *маршала Января*, предполагаемаго спасителя города.

Армія осаждающихъ, наскучивъ бездѣйствіемъ, посматривала уже на Малаховъ курганъ, желая чтобы ей на долю досталась эта лучшая часть, предоставленная Англичанамъ. Оффиціальные бюллетени лорда Раглана точно обрисовывали положеніе союзниковъ и въ нѣсколькихъ словахъ выражали всю современную исторію. Онъ сообщалъ англійскому министру: „время дождливое“, или: „идетъ снѣгъ“, или: „морозитъ“, „смертность возрастаетъ“; „никто не подается“; „все благополучно“. Въ лаконизмѣ Цезаря не было больше правды. Несмотря на остановку сапныхъ работъ, нравственная сила осаждающихъ не ослабѣвала. Ропотъ былъ мимолетный. Высшіе и низшіе, отъ перваго до послѣдняго, были готовы на всевозможныя самопожертвованія, и едва прояснялось, какъ, при первыхъ лучахъ солнца къ войскамъ возвращалась твердость временъ Алмы.

Утро 24-го (н. с.) декабря, какъ и канунъ этого дня, прошло въ приготовленіяхъ къ празднику. Изъ всѣхъ землянокъ несся тонкій запахъ рагу, да шмыгали запоздалые переносчики *священныхъ* припасовъ.

Крысы, испуганныя запахомъ ихъ жареныхъ собратій, не смѣли показываться изъ глубины своихъ норъ и щелей; вороны осторожно порхали внѣ охотничьихъ выстрѣловъ. Севастополь былъ спокоенъ съ утра до вечера. Онъ проснулся только разъ, когда начался разводъ. Вмѣстѣ съ другими, я велъ въ огонь часть артиллерійской прислуги. Солнце садилось въ лазурь, одѣтую багрянцемъ. На сѣверѣ не видно было ни облачка, и никогда еще караулъ не шелъ такъ весело къ своимъ мѣстамъ. Несмотря на визгъ ядеръ, одна мысль о праздничномъ ужинѣ воодушевляла всѣхъ. „Ахъ! еслибы мы теперь были во Франціи, какое счастіе! — восклицалъ одинъ:—я ужиналъ бы съ отцемъ и съ матерью“. — „А потомъ, — прибавлялъ другой,—въ полночь—въ церковь“.—„И сколько тамъ всегда бываетъ красавицъ“,— замѣчалъ третій.—Свѣчи у алтаря, будто нарочно, едва горятъ, и гдѣ-нибудь, тайкомъ, успѣешь сорвать поцѣлуй“.—„Мы пѣли бы тамъ рождественскія молитвы“, присовокуплялъ любитель пѣнія... Скоро они запоютъ, въ траншеяхъ, но тихо, въ полголоса, и дуя себѣ въ кулаки отъ холода, по-

тому что къ ночи морозъ усилился. Другихъ непріятностей намъ не предстоитъ: городъ очень скупъ на бомбы.

Такимъ образомъ бесѣда, начатая съ выступленіемъ, не прерывалась до прибытія на батарею. Праздникъ Рождества Христова одушевилъ самыхъ не говорливыхъ. Въ траншеяхъ только и было рѣчи о деревенскихъ воспоминаніяхъ, и, за недостаткомъ свѣжихъ боевыхъ впечатлѣній, солдаты съ наслажденіемъ прислушивались къ живому отголоску отечества. Каждый новый часъ будилъ въ нихъ новыя, трогательныя воспоминанія. Полночь — часъ столкновенія молитвы съ удовольствіемъ... Часъ утра—встрѣча влюбленныхъ въ часовнѣ; два часа—выходъ изъ церкви. Разсвѣтъ—восхитительная минута, когда сельская стража, въ праздничныхъ одеждахъ, послѣдуемая толпами пляшущихъ дѣтей, съ музыкой, провозглашаетъ по улицамъ священный часъ пробужденія и радостную вѣсть... Полдень—большая церковная служба съ музыкою и съ господиномъ меромъ въ парадномъ шарфѣ. Дѣвицы разодѣты въ возможно-легкія зимою платья. Потомъ—семейный обѣдъ съ торжественно-поданнымъ индюкомъ!... „О, еслибы у насъ могъ быть такой же!“—замѣчали любящіе хорошо поѣсть. Послѣ вечерень—прогулка. Приглашаютъ дѣвицъ на предстоящій балъ. Смѣются, надѣются. Боже! какое сокровище юность! Бойцы осады одними разговорами объ этихъ сладостныхъ минутахъ, столь отъ насъ далекихъ, врачевали свои страданія и передавали свою радость другимъ.

Севастополь до конца сохранилъ уваженіе къ нашему религіозному настроенію, и, впервые засвѣтло, кончилась неожиданно наша барщина. Я простился съ третьей параллелью до новыхъ распоряженій. Вчера высадилось подкрѣпленіе артиллеріи, что вызвало необходимыя измѣненія въ распредѣленіи нашихъ служебныхъ обязанностей. Моя рота перешла изъ центра атаки на оконечность ея праваго фланга. Служить здѣсь или тамъ было все равно, потому что осаждающимъ въ перспективѣ представлялась зима, готовая, такъ сказать, сорваться съ цѣпи. Я воротился въ лагерь, менѣе озабоченный этой перемѣной постовъ, чѣмъ предстоящимъ праздничнымъ ужиномъ. Онъ былъ очень оживленъ. Позднею ночью, въ палаткахъ, еще видны были огни. Звуки трубъ, въ которыхъ слышалось разгульное веселье, покрывали печальные сигналы: тушить огонь. Шумъ рождественскаго праздника пробуждалъ и англійскій бивуакъ. Венера горѣла на гаризонтѣ Ялты, будто та звѣзда, что указала волхвамъ мѣсто рожденія Іисуса Христа. Видъ радостнаго, торжествующаго лагеря воскрешалъ въ воображеніи Виѳлеемъ, тотъ многознаменательный день, когда Господь сошелъ на землю.

Ночь прошла спокойно. Можетъ-быть, по примѣру своихъ соперниковъ, и Севастополь пировалъ за ужиномъ, потому что въ городѣ гремѣла музыка до поздней поры. На другой день отдыхъ въ лагерѣ. Я отправился въ Камышъ и видѣлъ тамъ Омера-пашу, который прибылъ сегодня, 24-го (н. с.) декабря, изъ Константинополя съ особымъ порученіемъ. Избавитель Силистріи (?) высадился безъ пышности. На пристани солдаты привѣтствовали

того, кого они, на своемъ языкѣ, прозвали „Mère-Pascha“. Онъ тотчасъ отправился въ главную квартиру Французовъ. Въ честь его былъ собранъ совѣтъ, въ которомъ разсуждали о принятіи мѣръ къ достиженію успѣха въ предстоявшей кампаніи на всѣхъ театрахъ войны. Относительно Турокъ рѣшили, чтобы гарнизонъ Евпаторіи, предназначенный для внѣшнихъ маневрированій и имѣвшій до 12.000 человѣкъ, былъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, усиленъ до 45.000 человѣкъ. Турецкій вождь недолго оставался въ Крыму. Онъ уѣхалъ, нисколько не завидуя славѣ бездѣйствующихъ союзниковъ.

Корабль, который доставилъ Омера-пашу въ Крымъ, привезъ нѣсколькихъ офицеровъ. Между ними былъ одинъ изъ моихъ лучшихъ школьныхъ друзей. Я его отрекомендовалъ Сандису *), который далъ ему убѣжище въ свободной палаткѣ. Мы пробесѣдовали всю ночь. Гость долго разсказывалъ мнѣ про Францію. „Тамъ насъ оплакиваютъ“, говорилъ онъ. Желая разогнать его иллюзіи, я объяснялъ ему, что мы ведемъ здѣсь жалкую жизнь; что никто не знаетъ, что съ нами будетъ завтра; что зима уже свирѣпствуетъ; что въ самые жестокіе холода берегутъ топливо; что, для препровожденія времени, существуютъ траншеи съ погребальными церемоніями и офицерскій клубъ, cercle, гдѣ на смѣхъ наложено проклятіе, гдѣ общество воиновъ-трапистовъ безпрестанно повторяетъ: „братья, надо умирать!„ Я говорилъ также, что если онъ хочетъ испытать здѣсь нѣсколько пріятныхъ минутъ, то необходимо уединиться и предаться игрѣ воображенія. Этотъ очеркъ нашей дѣйствительности не разочаровалъ моего однокашника, уже просвѣщеннаго въ Марсели однимъ изъ воротившихся нашихъ товарищей, раненымъ въ Инкерманскомъ сраженіи. Онъ допрашивалъ меня: „далеко ли Севастополь входитъ во внутрь страны, и отчего неслышно пушечныхъ выстрѣловъ?“ — „Городъ, по временамъ, спитъ, — отвѣчалъ я; — но берегись его пробужденія!“ Вскорѣ послѣ высказаннаго мною предостереженія, 4-й бастіонъ запѣлъ свою утреннюю пѣсню, по случаю какой-то попытки нашихъ охотниковъ. Земля дрожала. Ночь была очень темна. Тогда Сандисъ, разсчетливый, какъ всѣ пожилые люди, закричалъ намъ: „гасите свѣчу!“ И мы послушались, засыпая и читая молитвы. Но предварительно мой товарищъ вытащилъ изъ своего походнаго чемодана цѣлую коллекцію игръ — надежду и развлеченіе предстоящихъ дней: карты, лото, гусекъ, въ особенности гусекъ, игру, соотвѣтствовавшую нашимъ обстоятельствамъ, потому что, говорятъ, ее изобрѣлъ Паламидъ подъ стѣнами Трои. — „Завтра, когда ты устроишь свое жилище въ главномъ паркѣ, приходи, мы займемся“! Перспектива интересной партіи усладила мой сонъ.

Въ осадѣ ни одного случая во всю ночь.

Рано утромъ 27-го (15-го) декабря я воротился въ лагерь; ничего не измѣнилось въ мое отсутсвіе; только небо заволокли снѣговыя тучи. Прощай,

---

*) Одинъ изъ товарищей автора. *П. А.*

веселый рождественскій праздникъ! Съ утра еще херсонесская долина приняла свой унылый видъ. Осаждающіе тянулись, по направленію къ колокольнѣ, точно процессія кающихся. Сигналы едва успѣвали созывать больныхъ. На эспланадѣ, неподалеку отъ моряковъ, продавались вещи одного нашего убитаго товарища. Небольшая толпа покупщиковъ тѣснилась около коммиссара. Каждый какъ бы боялся пріобрѣсти эти воспоминанія о смерти. Каждый, прежде чѣмъ рѣшиться на покупку, повторялъ: „кто знаетъ, можетъ быть, завтра будутъ продавать съ аукціона и мое добро?“—Отъ скуки я заперся въ своемъ логовищѣ и, чтобы порвать нить размышленій, рѣшился приняться за свой обычный трудъ—за углубленіе своего алькова.

Ночь прошла безъ приключеній. Праздная армія не обращала никакого вниманія на разсвѣтъ. Я послѣдовалъ общему примѣру и проснулся тогда, когда уже настало время завтрака. Мрачно небо; въ лагерѣ безмолвіе.

Чтобы добраться до батареи № 21, моего новаго боеваго поста, расположенной на границѣ англійскихъ осадныхъ работъ *), я долженъ былъ пропутешествовать по прелестнѣйшей мѣстности. Мы шли оврагомъ. Предъ нами точно изсохшее ложе громадной рѣки; его волнообразные склоны достигали до долины; съ французской стороны восточныя крутизны состояли изъ скалъ, изрѣзанныхъ пещерами, жилищемъ волковъ передъ войною.

Въ первое время осады, казаки выгнавъ волковъ, размѣстили въ пещерахъ свои передовые посты; мы, въ свою очередь, выгнали казаковъ и, теперь, въ этихъ пещерахъ устроены наши пороховые магазины. Къ нимъ проложили отъ пристани дорогу, обезпеченную отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Тутъ во всемъ предгоріи не было и сотой доли тѣхъ слѣдовъ разрыва бомбъ, что на каждомъ шагу покрываютъ мѣстность передъ 4-мъ бастіономъ. Проходя мимо пороховыхъ погребовъ, мы съ завистью посматривали на часовыхъ, курившихъ безъ малѣйшей опасности.

Городъ стрѣлялъ; множество снарядовъ спускалось съ высоты. Въ глубинѣ оврага уже ложились тѣни, но около разрушеннаго домика еще ясно обрисовывался фонтанъ **), осажденный траншейными носильщиками. На этотъ-

---

*) Французская батарея № 21, для 4-хъ турецкихъ мортиръ, на краю Сарандинакиной балки, на крайней точкѣ праваго фланга французскихъ работъ, была врѣзана въ скалистый утесъ, что дѣлало ее совершенно для насъ незамѣтною и превосходно ее предохраняло отъ прицѣльнаго огня; къ тому же положеніе батареи на краю утеса, у глубокаго обрыва, спасало ее отъ дѣйствія разрывныхъ навѣсныхъ снарядовъ. Пороховые погреба этой батареи, равно и помѣщеніе для прислуги, были устроены въ природныхъ гротахъ и пещерахъ. Она имѣла назначеніемъ обстрѣливать 4-й бастіонъ (1300—1400 метровъ), дѣйствовать по докамъ, по казармамъ, по мостику черезъ Корабельную бухту и, наконецъ, вообще по городу. Турецкія мортиры этой батареи дѣйствовали довольно хорошо, но дурно приготовленные снаряды были причиною множества несчастныхъ случаевъ на батареѣ: нерѣдко снаряды разрывало въ самомъ жерлѣ орудія; но всего опаснѣе былъ преждевременный разрывъ уже брошенныхъ снарядовъ, поражавшій французскихъ застрѣльщиковъ, которые находилась между нашею позиціею и этою батареею. Съ нея же бросалъ въ городъ ракеты капитанъ Гарель. *П. А.*

**) Фонтанъ на разрушенномъ хуторѣ Делагарди, въ глубинѣ балки, гдѣ она развѣтвляется на Сарандинакину (Ravin des Anglais) и Делагардіеву. *П. А.*

то пунктъ и былъ направленъ огонь Русскихъ *). Мы ускорили шагъ и достигли, наконецъ, площадки, изсѣченной въ скалѣ, на которой стояли четыре осадные колосса: то были турецкія 99-ти фунтовыя мортиры, прикрѣпленныя къ своимъ станкамъ канатами, какъ будто уличенныя въ какомъ преступленіи.

Эспланада батареи № 21 соединилась съ батареей № 23, тоже отданной въ наше распоряженіе и состоявшей изъ шести превосходныхъ бомбическихъ пушекъ, которыя были присланы изъ Константинополя, какъ говорили, это подарокъ султану отъ англійской королевы.

Прежде чѣмъ стемнѣло, я разсмотрѣлъ наше новое зимовье, отдалъ строгія приказанія прислугѣ и расположилъ ведеты за пригоркомъ, указаннымъ мнѣ передъ парапетомъ. Орудія были хорошо заряжены и наведены. Потомъ я пошелъ искать убѣжища для себя самого.

Я надѣялся найти въ сосѣднихъ скалахъ болѣе гостепріимный кровъ, чѣмъ подъ открытымъ небомъ. По близости я усмотрѣлъ яму; но и цивилизованная собака, конечно, не заняла бы ее. Однако я пробрался въ нее и устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ постели изъ песку и изъ своего платья. Снаружи кто-то закрылъ входъ ко мнѣ носилками. Растянувшись на своемъ нероскошномъ диванѣ, я мечталъ по крайней мѣрѣ не проводить болѣе цѣлыхъ ночей подъ открытымъ небомъ. Около полуночи, въ урочный часъ, отдаленное эхо ружейной перестрѣлки, по временамъ, нарушало окрестную тишину. Я вскакивалъ и, въ одинъ прыжокъ, являлся къ своему мѣсту. Къ сожалѣнію, не стоило безпокоиться: это нѣсколько отчаянныхъ охотниковъ сорвали ложементъ передъ 4-мъ бастіономъ, и изъ-за этихъ-то пустяковъ сонный городъ открылъ такой огонь, какъ будто сейчасъ собирались взять его открытой силой **).

Тишина возстановилась; я опять удалился въ свою каюту, но уже не ощущалъ прежняго наслажденія. Можетъ-быть эта фальшивая тревога предвѣщаетъ болѣе серьезное предпріятіе. Въ такомъ предположеніи, мнѣ казалось, я еще не хорошо ознакомился съ мѣстностью, и при тускломъ свѣтѣ заходившей луны, которая давала видѣть окрестность на самое ничтожное

---

*) По другимъ источникамъ, батарея № 23, лежавшая влѣво отъ батареи № 21 (какъ мы уже сказали, построенной на гребнѣ Сарандинакиной балки) и дѣйствовавшая противъ батареи Никонова 4-го бастіона, была вооружена 5-ю турецкими 25-фунтовыми бомбическими пушками и тремя турецкими же мортирами (33 сант.). Въ мартѣ (Historique du service d'artillerie. 1859, т. II) она была увеличена одною турецкою мортирою; въ апрѣлѣ турецкія орудія были замѣнены французскими; въ маѣ, когда передовыя французскія работы уже значительно подались впередъ, на этой батареѣ остались только 2 орудія, а въ іюлѣ она вовсе прекратила дѣйствіе. *П. А.*

**) Эти, по словамъ автора, *пустяки*, было нападеніе французскихъ охотниковъ на наши ложементы передъ французскими подступами, извѣстныаи подъ литерою Г. Оставаться безмолвными зрителями столь смѣлаго нападенія наши укрѣпленія не могли, и своимъ огнемъ очистили ложементи отъ непріятеля, когда они были имъ заняты. Вообще говоря, если когда, то именно въ настоящіе дни Севастополь всего менѣе справедливо было назвать соннымъ, въ отношеніи дѣятельности его артиллеріи. Самъ генералъ Ніель говоритъ (стр. 121), что городъ поддерживалъ сильный огонь въ продолженіе нѣсколькихъ дней сряду. *П. А.*

пространство, началъ свои топографическія изслѣдованія. Прогулка имѣла свою прелесть. Пейзажъ, хотя и въ полумракѣ, былъ поразительно величественъ. На краю горизонта угрюмый городъ, словно древняя развалина; у подножія стѣнъ гавань, испещренная сигнальными огнями; завывающія совы; повсюду гремящая канонада... я забылся: мнѣ казалось, я перенесся въ міръ сновидѣній.

Разсвѣтъ засталъ меня на англійской батареѣ, примыкавшей къ нашей. Я очень былъ радъ этому сосѣдству, обѣщавшему мнѣ постоянное развлеченіе и возможность кое-чему научиться. Наши союзники, какъ мнѣ казалось, очень оригинально понимаютъ свои обязанности по траншейной службѣ. У нихъ никого не было въ траншейномъ караулѣ. Эти представители королевской артиллеріи пили утренній чай въ галереяхъ, подъ скалами, какъ будто нарочно устроенныхъ природою на занятомъ ими посту. Но едва я началъ знакомиться со своими интересными сосѣдями, какъ служебныя обязанности отозвали меня. Весь день мы посвятили опытамъ надъ дѣйствіемъ турецкихъ орудій нашей батареи. Эти первобытныя махины опрокидывались послѣ каждаго выстрѣла, разрывая свои скрѣпы съ платформой и откидываясь на значительное разстояніе. Съ большими усиліями было можно поставить ихъ на старое мѣсто.

Какая милость Господня, что здѣсь нѣтъ надобности торчать на ногахъ все время караула! Послѣ полудня городъ насъ порядочно потѣшилъ: къ намъ было брошено нѣсколько бомбъ, которыя катились однако безвредно и падали съ большимъ громомъ въ глубину балки, сопровождаемыя нашимъ хохотомъ и свистками. Вечеромъ я воротился въ свое логовище въ отличномъ расположеніи духа. Лагерь отчасти освободился отъ своего мрачнаго настроенія, вопервыхъ, потому, что термометръ поднялся, и, вовторыхъ, потому, что завтра назначена рекогносцировка въ долину Черной, а это означало увеличеніе нашихъ запасовъ топлива. По этому случаю наши камины пылали.

На разсвѣтѣ, 30-го (18-го) декабря, генералъ Морисъ съ 12-ю эскадронами, 6-ю пѣхотными баталіонами *) и двумя полевыми батареями, спустился изъ лагеря, что у мельницы **) (camp de Maolin). Первая французская дивизія поддерживала его со стороны Инкермана. Шотландцы составляли правый флангъ. Войска пошли по Воронцовской дорогѣ и быстро достигли берега рѣчки Кентцинъ ***), впадающей въ р. Черную. Казачья

*) Рекогносцировка дивизіоннаго генерала Мориса, имѣвшаго подъ командою генераловъ Эспинаса и д'Алонвиля, состояла изъ бригады кавалеріи и бригады пѣхоты (слѣдовавшей налегкѣ, безъ мѣшковъ), съ батареей артиллеріи. Полковникъ Дезенъ, съ двумя офицерами-топографами, снималъ мѣстность. Правый флангъ Французовъ прикрывала бригада англійской пѣхоты, генерала Коллинъ-Кемпбля. Французскіе писатели говорятъ, что наша пѣхота отступила отстрѣливаясь, послѣ того какъ у насъ было подбито орудіе. Рекогносцировка достигала дачи графа Перовскаго. *П. А.*

**) На Сапунъ-Горѣ, между хуторами Стамати и Дергачева, у Воронцовской дороги. *П. А.*

***) Никакой рѣчки Кентцинъ въ этой мѣстности нѣтъ, а есть рѣчка Варнутка, дѣйствительно впадающая въ р. Черную. Черезъ Варнутку, на Воронцовской дорогѣ, есть мостъ, названный на французскомъ планѣ (приложенномъ къ сочиненію генерала Ніеля) „pont de Kreuten". Вѣроятно, это названіе и передѣлано авторомъ въ Кентцинъ.—*П. А.*

сотня *) хотѣла воспрепятствовать переправѣ. Ее отбросили, и она бѣжала отстрѣливаясь. Наши достигли Варнутки. Въ лѣсу сдѣлали привалъ, выдвинувъ авангардъ до высотъ, окаймляющихъ Байдарскую долину. Разъѣзды, посланные оттуда далѣе во внутрь, нигдѣ не встрѣтили непріятеля.

Пользуясь отдыхомъ, солдаты разрушили нѣсколько русскихъ шалашей **) и возвратились съ убѣжденіемъ, что ни одного малѣйшаго непріятельскаго отряда нѣтъ на лѣвомъ берегу р. Черной. Это обратное движеніе походило на тріумфальное шествіе: недоставало только трофеевъ ***). Люди, безъ мѣшковъ, весело шли, съ музыкой и пѣснями. Группа любителей, въ охотничьихъ костюмахъ, англійскія амазонки съ развѣвающимися перьями, офицеры топографическаго отряда замыкали шествіе. При наступленіи ночи, по обыкновенію, охотники заняли свои таинственные посты передъ Севастополемъ.

Наши дровосѣки опередили дѣйствовавшій отрядъ. Они разсказывали намъ чудеса про свое странствованіе. Мѣстность была плодоносная; только и видны были сады, луга и рощи. Вокругъ пылающихъ костровъ, обитатели большаго парка благословляли кавалерію за ея благотворныя похожденія и до поздней ночи толковали про чудеса Байдарской долины. Особенно допрашивали ходившихъ туда про казаковъ. Видѣли ли ихъ? Не правда ли— дрянь какая-то? О злополучные Донцы—вчера еще, на бумагѣ, ужасъ Европы!! Наши были убѣждены, что они похожи на дикихъ звѣрей...

Немедленно послѣ нашего пробужденія разнеслась интересная новость: нѣсколько дней тому, одинъ изъ адъютантовъ императора ****) передалъ главнокомандующему письмо, которое уполномочивало его—жаловать достойнымъ даже офицерскіе знаки Почетнаго Легіона *****). И вотъ, по случаю, новаго года, генералъ Канроберъ намѣренъ былъ раздать первыя награды, заслуженныя подъ стѣнами Севастополя. Завтра по этому случаю, назначенъ большой смотръ. Избранники, которыхъ списокъ былъ уже извѣстенъ, находились на седьмомъ небѣ восторга, лелѣя честолюбивыя мечты. Ленточка, правда, тоже погремушка, но погремушка служащая утѣшеніемъ въ скорбныхъ дняхъ, — погремушка, за которую умираютъ. Да и то сказать: изъ-за чего, обыкновенно, хлопочутъ въ жизни, какъ не изъ-за тряпокъ: знамя, женщина!...

---

*) Донскаго № 53 полка, дѣйствительно опрокинутая Французами и преслѣдованная ими до Варнутки. *П. А.*

**) Не только разрушили шалашы, но сожгли продовольственные запасы казачьяго № 53 полка у Чоргуна и станціонный домъ на дачѣ графа Перовскаго, а въ д. Алсу забрали у жителей скотъ и птицу. *П. А.*

***) Рекогносцирующимъ не доставало трофеевъ—это правда; но кромѣ того автору слѣдовало бы, кажется, упомянуть, что они везли съ собою раненаго офицера и 10 солдатъ (по Тотлебену, у нихъ было ранено 1 офицеръ, 30 нижнихъ чиновъ; убито 14 человѣкъ и взять въ плѣнъ казаками одинъ солдатъ). *П. А.*

****) Генералъ-адъютантъ императора Наполеона, де-Монтебелло. *П. А.*

*****) Декретомъ императора Наполеона, отъ 23 ноября, главнокомандующій уполномочивался повышать въ должностяхъ, включительно до эскадроннаго или баталіоннаго командира, и жаловать кавалерскіе и офицерскіе знаки Почетнаго Легіона, а равно медали за военныя заслуги. Кромѣ того, Монтебелло привезъ главнокомандующему письмо императора, въ которомъ онъ поручалъ благодарить армію за ея подвиги, и пр. *П. А.*

1-го января (нов. ст.) былъ блистательный парадъ. Только небо хмурилось, шелъ снѣгъ большими хлопьями. Однако пирующіе новые кавалеры перевернули не одну палатку. Солдаты одѣвались и чистились. Мой Мартенъ отыскалъ на днѣ чемодана какой-то хламъ и жаловался, что мы оставили въ Варнѣ весь нашъ парадный костюмъ; затѣмъ вытащилъ наши панталоны, лучшія изъ двухъ наличныхъ паръ, и кое-какъ поправилъ ихъ. Добрый малый привыкъ уже считать себя однимъ лицомъ со мною. Онъ мою очередь въ караулъ называлъ: „наша очередь“. О! еслибы возможно было посылать его, иногда, вмѣсто себя!... День Св. Сильвестра прошелъ въ лагерѣ въ исправленіи одежды, что немало потребовало труда, потому что мундирная ветошь соотвѣтствовала нашему вообще бѣдному положенію. Вечеромъ снѣгъ пересталъ и армія заранѣе отошла ко сну, будучи въ восторгѣ встрѣтить начинающійся годъ первою жатвою крестовъ и медалей.

Моимъ кошемаромъ была ночная перестрѣлка. Русскіе ложементы выростали тѣмъ въ большемъ числѣ, чѣмъ болѣе старались уничтожать ихъ. Около 10 часовъ вечера, караулъ нашихъ передовыхъ укрѣпленій овладѣлъ однимъ изъ наиболѣе выдвинувшихся ложементовъ, передъ третьей параллелью, и рѣшился удержать его и отразить всякое новое на него покушеніе. Русскіе не замедлили ударить на этотъ ложемянтъ, въ значительныхъ силахъ, и защитники его были окружены. Половина изъ нихъ отступила, а остальные легли тамъ съ оружіемъ въ рукахъ. Приказъ 1-го января былъ ихъ панегирикомъ *).

Это дѣло достойно вѣнчало истекающій годъ. Съ окончаніемъ кампаніи 1854 года, какой итогъ можно было подвесть осадѣ Севастополя? Четыре мѣсяца борьбы, начатой Алминской побѣдой и законченной нашимъ поселеніемъ въ 200 метрахъ отъ атакуемаго бастіона, ничего не рѣшили.

Въ настоящее время, менѣе чѣмъ когда-нибудь, было возможно предвидѣть исходъ предпріятія. Союзники вдавались въ кровавый рядъ битвъ

---

*) Съ какою изысканною ловкостью авторъ говоритъ полусловами о тѣхъ случаяхъ осады, гдѣ его товарищи понесли явную и чувствительную неудачу. Здѣсь упоминается о нашей вылазкѣ съ 19 на 20 декабря на урочищѣ „Рѣзню“, подробно мною описанной подъ рубрикою *„2 мая. Севастополь“*. Эта вылазка происходила, подъ начальствомъ лейтенанта Бирюлева, слѣдующимъ образомъ. Наши многочисленные ложементы, которыми мы наносили немалый ущербъ непріятелю, съ ближайшей дистанціи поражая его рабочихъ, крѣпко не нравились Французамъ, отчего они неоднократно покушались овладѣть ими. Такого рода атаку Французы произвели и 18 (30) декабря, на лѣвые ложементы, что были выдвинуты передъ редутъ Шварца, но не удержались въ нихъ, а въ ту же ночь овладѣли ложементами на урочищѣ „Рѣзня“. Урочище, извѣстное подъ этимъ именемъ у защитниковъ Севастополя (иначе „Бойня“), лежитъ напротивъ южной бухты, между 3 и 4 бастіонами, на мысу, образуемомъ Бульварною лощиною и Сарандинакиной балкой. Французы овладѣли этими ложементами безъ боя, потому что нашли ихъ незанятыми нашими стрѣлками и успѣли окопаться. Но Французы были тотчасъ выбиты изъ ложементовъ, а въ ночь на 19 (31) декабря, опять нашли ихъ пустыми и вторично заняли. Чтобы отнять у Французовъ ложементы, пошли на вылазку лейтенантъ Бирюлевъ съ Охотскаго полка подпоручикомъ Кондратьевымъ, съ 50 охотскими солдатами, 50 солдатами резервнаго баталіона Волынскаго полка и 20 матросами. Отрядъ этотъ достигъ своей цѣли: Французы были выбиты изъ ложементовъ и взято 10 человѣкъ въ плѣнъ; но мы потеряли убитымъ подпоручика Кондратьева и легко раненными 6 человѣкъ нижнихъ чиновъ. *П. А.*

съ защитниками Севастополя; но, несмотря на доказанное въ сраженіяхъ превосходство осаждающихъ, городъ лежалъ предъ нами несравненно сильнѣе теперь, чѣмъ онъ былъ 17-го (5-го) октября. Оконченныя укрѣпленія не боялись штурма, и за своими сапами, протянутыми отъ Карантина до Корабельной, подъ защитой множества ложементовъ, осажденные вели работы навстрѣчу осаждающимъ, не столько для того, чтобы разорвать цѣпь нашихъ траншей, сколько, преимущественно, съ тѣмъ, чтобы, шагъ за шагомъ, оттѣснять насъ въ глубину Херсонеской долины, на скалы между Балаклавой и Камышомъ. Словомъ, осажденные методически приводили теперь въ исполненіе тотъ планъ, что въ Инкерманскую битву имъ не удалось осуществить открытою силою. Для достиженія этой цѣли, преслѣдуемой медленно, но упорно, князь Меньшиковъ располагалъ болѣе чѣмъ двухсотъ-тысячною арміею, къ которой безпрестанно подходили подкрѣпленія, слѣдовавшія, отъ Перекопа, на саняхъ.

Между тѣмъ восемь французскихъ дивизій считали въ своихъ рядахъ не болѣе 65.000 солдатъ *)—число едва достаточное, чтобы охранять оборонительныя линіи, на протяженіи почти восьми километровъ, и производить, въ то же время, осадныя работы, которыхъ нельзя было останавливать изъ опасенія до весны еще быть, въ свою очередь, атакованными.

Изъ Англичанъ оставалась только горсть храбрецовъ, дурно содержанныхъ, дурно одѣтыхъ, и потому безсильныхъ. Осадныя работы передъ Корабельной и теперь находились въ такомъ же положеніи, въ какомъ онѣ были въ день открытія огня противъ Севастополя; слѣдовательно, наши успѣхи передъ 4-мъ бастіономъ ни къ чему собственно не вели. Безъ сомнѣнія, въ самомъ непродолжительномъ времени, мы можемъ приступить къ пробитію бреши въ севастопольскихъ укрѣпленіяхъ; предположимъ даже, что нашъ штурмъ будетъ удаченъ; но мы все-таки не будемъ имѣть возможности воспользоваться своей побѣдой, безъ одновременнаго уничтоженія непріятельскихъ бастіоновъ на Корабельной.

Отчего бы намъ не сказать нашимъ союзникамъ: „сознайте ваше безсиліе, уступите намъ свою долю работъ и труда, и мы раздѣлимъ славу?“ По несчастію, наши союзники смотрѣли на дѣло съ британскою гордостью, и только послѣднія напряженныя усилія зимы заставили Англичанъ уступить намъ свою первоначальную боевую позицію.

Очевидно, что, при дальнѣйшемъ отсутствіи единства въ своихъ дѣйствіяхъ противъ города и его окрестностей, союзники рисковали потерять плоды уже сдѣланныхъ ими усилій.

Таково было положеніе осадной арміи 1-го января (19-го декабря).

---

*) По Герену, во французской арміи, въ декабрѣ было 65.118 человѣкъ, изъ которыхъ 88 убито, въ томъ числѣ 3 офицера, 11 пропало безъ вѣсти, между ними 1 офицеръ, 6,340 чел. поступили въ госпитали. въ томъ числѣ 632 раненыхъ, 500 съ отмороженными членами, 352 холерныхъ, 100 цынготныхъ, 86 тифозныхъ и остальные менѣе опасными болѣзнями. Изъ числа поступившихъ въ госпитали, умерло подъ Севастополемъ 754 человѣка.
П. А.

У болѣе дальновидныхъ наблюдателей возникало сомнѣніе: правильно ли выбранъ пунктъ атаки? И тутъ-то стало произноситься съ настойчивостью, не для всѣхъ еще понятною, имя Малахова кургана.

Лагерные жители молили Бога спасти ихъ отъ ужасовъ траншей и положить конецъ ихъ ссылкѣ. Изъ глуши, въ которую мы были заброшены, являлась Франція подобною той далекой странѣ, которая усматривается потерпѣвшими крушеніе людьми съ высоты носящихъ ихъ волнъ, и которой они, очень часто случается, не достигаютъ никогда.

Самые мужественные изъ насъ едва имѣли тѣнь надежды увидѣть отечество, какъ будто мы уже одной ногой стояли въ могилѣ.

Служба тяготила даже наиболѣе усердныхъ. Нерѣдко приходилось быть въ огнѣ сряду по 48 часовъ, непремѣнно каждые три дня. Правда, намъ было обѣщано подкрѣпленіе; но, съ наступленіемъ зимы, Черное Море сдѣлалось еще бурливѣе. Мы лелѣяли себя надеждою, что, по крайней мѣрѣ, въ бивуачной жизни мы уже не встрѣтимъ еще бо̀льшихъ лишеній: январь долженъ былъ разубѣдить насъ и въ этомъ.

Маршалъ Январь, по выраженію императора Николая, искуснѣе всѣхъ русскихъ генераловъ. Непріятель вѣровалъ въ его превосходную тактику— вьюгъ и морозовъ"!

---

3 января 1855 года.

Одинъ изъ героевъ-дѣйствователей въ защитѣ Севастополя, князь Викторъ Илларіоновичъ Васильчиковъ, говорятъ, сегодня порядкомъ проучилъ посредствомъ русскаго мороза полковника Рауля, начальника французскихъ траншей лѣваго фланга осады (траншей-майора), за неуваженіе къ тѣламъ нашихъ убитыхъ.

Послѣ вылазки съ нашей стороны, происшедшей этою ночью, Французы повыбросали тѣла нашихъ убитыхъ солдатъ изъ своихъ траншей, не похоронивъ ихъ, а другихъ замерзлыхъ приставили къ гребню траншей *).

Князь Васильчиковъ поѣхалъ парламентеромъ для объясненія съ Французами. Къ нему вышелъ караульный офицеръ. Князь объявилъ, что онъ имѣетъ порученіе говорить съ начальникомъ траншей. Вскорѣ увидѣли полковника Рауля, который едва притащился по сугробамъ снѣга, измучился и задыхался. Князь сейчасъ же поставилъ его такъ, чтобъ его проняло русскимъ зефиромъ.—Дулъ сѣверякъ. Князь сказалъ свое имя. Французъ разсыпался въ любезностяхъ, наговорилъ много пріятнаго, объявилъ, что имя князя ему давно извѣстно не изъ одной только исторіи, какъ славное имя

*) Въ ночь съ 2 на 3 января произведена довольно серіозная вылазка капитаномъ Волынскаго полка Сыробоярскимъ, причемъ взято нами въ плѣнъ 5 Французовъ. Наши бросились въ третью параллель Французовъ съ 4 бастіона и произвели большое опустошеніе въ ихъ караулахъ. По словамъ самихъ Французовъ, у нихъ убыло 2 капитана и 17 нижнихъ чиновъ, ранено 3 офицера и 34 солдата (Guerin Idem с. 75 т. II).

его отца, а изъ настоящихъ событій, которыя, конечно, также займутъ свое не послѣднее мѣсто въ исторіи. Потомъ, когда князь объявилъ ему причину своего посѣщенія, траншей-майоръ сталъ извиняться за этотъ непріятный случай, говоря, что наши не похоронены потому, что убиты, не доходя французскихъ траншей, и ихъ безъ перемирія для уборки тѣлъ нельзя было поднять, по случаю безпрестаннаго огня нашихъ штуцерниковъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ князь,—вотъ можетъ засвидѣтельствовать этотъ офицеръ, который самъ былъ у васъ въ траншеяхъ: онъ говоритъ, что изъ его партіи убитые были только въ траншеяхъ. Князь указалъ на офицера вершковъ чуть не 12-ти—косая сажень въ плечахъ; онъ подтвердилъ слова князя: Французъ, глядя на этого господина, какъ-то пожался; онъ, вѣрно, подумалъ о непріятности, какую можетъ доставить встрѣча съ такимъ *дентистомъ*, ночью, въ траншеѣ. А князь все поворачиваетъ Француза на вѣтеръ; усы его обледенѣли, онъ весь посинѣлъ отъ холоду; князь же нарочно распахнулъ свой бараній тулупъ и стоитъ передъ Французомъ, почти въ одномъ сюртукѣ и тонкихъ перчаткахъ. Французъ постарался скорѣе откланяться, обѣщая убрать тѣла и впредь не допускать подобныхъ недоразумѣній.

4 января.

Одинъ французскій солдатъ, идя въ траншейный караулъ, говоритъ своему капралу: „Ну, капралъ, многіе не возвращаются изъ траншей, быть-можетъ, и я не ворочусь; дайте мнѣ возможность исповѣдаться и причаститься. Если мнѣ здѣсь суждено умереть, то я все-таки хочу умереть хорошимъ христіаниномъ, хочу, чтобъ нашъ священникъ могъ утѣшить моихъ родныхъ и друзей извѣстіемъ, что я умеръ по-христіански!“ Капралъ оказался большимъ спектикомъ и на этотъ монологъ сказалъ солдату дурака и приказалъ безъ разговоровъ тотчасъ идти въ свое мѣсто. Солдатъ не повиновался, взбѣшенный отвѣтомъ капрала; произошла ссора, кончившаяся тѣмъ, что солдатъ закололъ капрала, и, какъ это было ночью и происходило между капраломъ и солдатомъ наединѣ, послѣдній успѣлъ бѣжать къ намъ.

Сегодня этотъ солдатъ путешествовалъ въ Симферополь, въ числѣ другихъ плѣнныхъ и переметчиковъ, и самъ намъ разсказывалъ всю эту исторію.

Здѣсь, въ нашемъ штабѣ, мѣняемъ конвой плѣнныхъ и въ это время беремъ ихъ къ себѣ, угощаемъ виномъ и чаемъ и слушаемъ ихъ болтовню, для насъ не лишенную интереса.

5 января.

Разсказываютъ: взятъ въ плѣнъ французскій инженерный капитанъ, разбитной такой, болтунъ великій, какъ всѣ Французы. Князь Меньшиковъ любитъ съ нимъ поговорить и часто зоветъ его къ себѣ обѣдать, при чемъ ведетъ съ нимъ оживленную бесѣду. Однажды, въ разговорѣ, Французъ за-

мѣтилъ князю, что его удивляетъ эта напрасная, нынѣ происходящая борьба,—это упорство наше, съ которымъ мы отстаиваемъ Севастополь,—это напрасное пролитіе человѣческой крови.

— Почему же вы такъ удивляетесь происходящему, — спрашиваетъ князь Меньшиковъ.

— Потому, что вѣдь все равно Севастополь возьмутъ наши!—отвѣчалъ Французъ.

— Да,—возразилъ Меньшиковъ,—пока вы были въ станѣ союзниковъ, мы могли еще этого опасаться, но теперь, когда вы здѣсь, у насъ, я на этотъ счетъ совершенно спокоенъ...

6 января.—Бельбекъ.

Мы устроили на замерзшемъ Бельбекѣ іордань и сегодня освящали знамена—по обычаю; но вмѣсто ожиданныхъ крещенскихъ морозовъ сегодня весь день идетъ дождь.

Жизнь наша на Бельбекѣ скучна, однообразна—сегодня, какъ вчера, завтра, какъ сегодня. Приглядѣлись утесы, нависшіе надъ долиною и ревниво закрывающіе отъ насъ картину моря, ревъ котораго намъ бываетъ слышенъ только въ бурю. Наскучило смотрѣть на правильныя линіи фруктовыхъ деревъ, еще уцѣлѣвшихъ въ долинѣ, оголенныхъ зимою; надоѣла картина каменныхъ татарскихъ саклей съ черепичными кровлями, съ каменными заборами; непроходимая грязь, частые дожди, бездѣйствіе... У насъ тишина, прерываемая громомъ севастопольской канонады, сегодня потрясающая окна нашей сакли, завтра едва слышимая, смотря по состоянію атмосферы. Но уже прислушались и эти потрясающіе звуки, только иногда ночью производя эффектъ, когда вдругъ заревутъ наши батареи залпами, и батальный огонь множества орудій враждующихъ сторонъ, смѣшавшійся съ ружейнымъ батальнымъ огнемъ, въ ночномъ безмолвіи повторяемый эхомъ горъ, долинъ и моря составляетъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ необыкновенную музыку.

Всѣ мы ждемъ чего-то, предъ нами разыгрывается великая драма, но, жаль, длинны антракты. Пора бы, кажется, быть и пятому акту. Ожиданіе—томительнѣйшее изъ чувствъ, заставляетъ насъ дѣятельно искать новыхъ свѣдѣній, свѣжихъ вѣстей изъ другихъ уголковъ отечества. Оттуда не принесется ли хотя намекъ на развязку? Почти всякій день мы ждемъ нетерпѣливо почты; газеты и разные печатные листки съ жадностью нами читаются; но съ сожалѣніемъ замѣчаемъ, что нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ начали увлекаться! Доселѣ онѣ отличались умѣренностію и правдивостію; доселѣ мы кололи глаза иностранцамъ, уличали ихъ на каждомъ шагу въ преувеличеніи и искаженіи истины, особенно если дѣло шло о Россіи или о столкновеніи съ нею; а нынѣ иногда сами начинаемъ говорить такія вещи, по милости которыхъ иностранцы, читающіе наши газеты, да и наши добросовѣстные читатели, знающіе дѣло, скажутъ, что мы начали вдаваться въ ту же крайность, за которую упрекали европейцевъ.

Такъ, нѣкоторыя наши газеты, вѣроятно, желая угодить читателямъ разсказами о предметѣ, наиболѣе интересномъ въ настоящее время каждому Русскому—разсказами о Севастополѣ и Крымѣ, не совсѣмъ строго взвѣшиваютъ помѣщаемыя ими статьи, касающіяся этихъ предметовъ.

Надо помнить, что Русь, какъ мать страстная къ своимъ дѣтямъ, на брани подвизающимся, съ трепетомъ ждетъ вѣсточки объ нихъ, съ любовію встрѣчаетъ каждое о нихъ слово; страждетъ, если убѣдится, что вѣсть, до нея долетѣвшая объ ея милыхъ, далека отъ истины, и, однажды обманутая, потомъ не будетъ вѣрить даже самой истинѣ.

На этотъ разъ предъ нами „Одесскій Вѣстникъ“ (1855, январь. № 4. Фельетонъ). Въ статьѣ „Вѣсти изъ Крыма“ нѣкто г. Славони берется разсказать вылазку въ ночи на 1-е января и между прочимъ говоритъ: „Нѣтъ словъ описать, съ какимъ самоотверженіемъ и храбростію *моряки наши* дерутся и отстаиваютъ близкій ихъ сердцу Севастополь“.

„Англо-Французы поняли теперь, кажется, всю трудность предстоящей имъ задачи овладѣть Севастополемъ, увидѣвши съ какимъ упорствомъ онъ защищается; они оцѣнили стойкость и меткость стрѣльбы нашихъ *матросовъ* и удивляются ей“.

Читая такіе разсказы, каждый составитъ себѣ понятіе, что при защитѣ Севастополя *доселѣ* подвизаются одни *только моряки*, что вся тягость этой борьбы лежитъ исключительно *на нихъ;* что если *доселѣ* торжествуетъ Севастополь надъ усиліями враговъ, то Россія обязана таковымъ торжествомъ *собственно морякамъ;* что если льется вражья кровь подъ древнимъ Херсонесомъ, то льется *моряками только;* что если ежедневно почти, въ безпрестанныхъ вылазкахъ берутся въ плѣнъ союзники, то берутся *только матросами*. Я по крайней мѣрѣ и мои товарищи, мы такъ понимаемъ названную статью г. Славони. И намъ, скажу по совѣсти, обидны такіе разсказы. Мы говоримъ: читая ихъ, что подумаетъ про насъ Матушка-Русь? „Залежалась, видно, въ Севастополѣ прославленная моя пѣхота, что о ней и слуху нѣтъ!?“

Нѣтъ, отвѣтимъ мы, не залежалась пѣхота, и свято, и честно исполняетъ свое дѣло; бодрствуетъ и день, и ночь; днемъ роется въ землѣ да морякамъ палить помогаетъ съ бастіоновъ, ночью громоздитъ укрѣпленія, стережетъ городъ, да ходитъ съ моряками въ траншеи рѣзать недруга. Но что я говорю съ *моряками?* Нынѣ *моряки* съ *пѣхотинцами* ходятъ. Дѣло ясное: матросовъ меньше пѣхотинцевъ, да и народъ они нужный, пріученый, мастера своего дѣла, ихъ надо поберечь; вотъ ихъ и стали посылать на вылазки въ незначительномъ только числѣ, такъ что съ сотнею пѣхотинцевъ идетъ только 10—20 матросовъ. Нѣтъ, не залежалась пѣхота, она раздѣляетъ съ моряками кровавый трудъ, только не умѣетъ красно говорить о своихъ подвигахъ. Севастополь—городъ морской, большой городъ, въ немъ много людей *письменныхъ*, да все или моряки, или ихъ друзья, да братья, такъ они про себя, да про своихъ и не молчатъ, и все выходитъ: моряки да моряки! Мы же пѣхотинцы—народъ темный, по сравненію

съ ними, чернорабочій. Намъ вотъ скажутъ: полѣзайте на ту батарею, мы и лѣземъ, и не смотримъ, что намъ оттуда летитъ въ глаза. Скажутъ: велѣно взять тѣ пушки! а онѣ за оврагомъ, да еще за рвомъ, и ихъ прикрываютъ такіе молодцы всѣ въ красномъ, да въ медвѣжьихъ шапкахъ... Вотъ мы и бѣжимъ, и перелѣзаемъ ровъ, и заклепываемъ пушки, и молодцами, которые ихъ прикрывали,—родную землю прикрываемъ!...

Вотъ сфера нашихъ дѣйствій, а пишутъ-то другіе, разсказываютъ тѣ, у которыхъ слогъ поцвѣтистѣе, да кто покраснорѣчивѣе. Мы про себя не пишемъ, не разсказываемъ, молчимъ про труды, про раны свои, про геройскую кончину товарищей. За насъ говоритъ дѣло. Посчитайте, сколько уже нашихъ легло въ траншеяхъ, на батареяхъ и вылазкахъ изъ Севастополя! Посмотрите, бываетъ ли недостатокъ охотниковъ между пѣхотинцами-офицерами и солдатами при каждомъ вызовѣ. Передовая цѣпь, секреты изъ кого составлены, какъ не изъ пѣхотинцевъ по преимуществу? Всмотритесь въ приказы главнокомандующаго: безпристрастное начальство однихъ ли моряковъ награждаетъ, или и на долю нашей братьи достаются столь же высокія награды за безпрестанныя вылазки и вообще за защиту Севастополя?

Кто можетъ сказать, чтобъ моряки не дѣлали своего дѣла? Дѣлаютъ, дерутся какъ львы, работаютъ какъ труженики. Большая часть прислуги на батареяхъ—моряки, до того пристрастившіеся къ своему дѣлу, что добровольно безсмѣнно остаются у своей пушки, ѣдятъ и пьютъ, не отходя отъ нея, а во время дѣйствій, не смотря на раны, не покидаютъ ея, пока не теряютъ силъ. Моряки дерутся на славу—это святая правда, а офицеры показываютъ имъ блистательнѣйшіе примѣры отваги. Слова нѣтъ, до прихода пѣхоты моряки почти одни отстояли Севастополь: имъ честь и слава, и мы радуемся, что Господь послалъ имъ счастіе такъ блистательно исполнить свой долгъ. Подвигъ моряковъ безпримѣренъ—имъ награда въ исторіи! Но зачѣмъ же обижать насъ, бѣдныхъ пѣхотинцевъ? Почему, со времени нашего прибытія, не хотятъ раздѣлить съ нами предъ лицемъ Россіи-Матушки честь защиты одного изъ прекраснѣйшихъ ея перловъ и, печатно разсказывая о подвигахъ севастопольскихъ защитниковъ, говорятъ объ однихъ морякахъ и молчатъ о насъ, какъ будто бы насъ здѣсь и не существовало?...

Но возвратимся къ статьѣ г. Славони.

Разсказывая собственно о вылазкахъ на 1 января, онъ между прочимъ говоритъ:

„Утромъ мы узнали, что это дѣйствительно была вылазка нашихъ охотниковъ-матросовъ, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: привели человѣкъ 20 и проч.“

На это мы можемъ замѣтить г. Славони, что вылазка, въ ночи съ 31 декабря 1854 г. на 1 января 1855 г. произведена не исключительно одними матросами-охотниками, а преимущественно пѣхотою. Какъ она происходила и кѣмъ сдѣлана, не угодно ли послушать?

Охотниковъ идти на вылазку въ ночи на Новый Годъ явилось на вы-

зовъ начальства несравненно болѣе обыкновеннаго: всякій хотѣлъ испытать *новаго счастія*. Предстоящая встрѣча съ врагомъ темною ночью въ его собственныхъ земляныхъ жилищахъ увлекала своею чудесностью, своею загадочностью, сердца суровыхъ защитниковъ Севастополя. Всякій видѣлъ въ предстоящемъ событіи страшное гаданье!... Опасно пытать судьбу!... Такъ страшится русская дѣвушка, рѣшаясь въ темную ночь на Новый Годъ идти одна въ баню, сѣсть тамъ за накрытый столъ и гадать о своемъ суженомъ-ряженомъ... Однако, прижавъ ручкой сильнѣе обыкновеннаго бьющееся сердце, переступаетъ таки таинственный порогъ... Повторяю, этотъ разъ вызвалось охотниковъ больше, чѣмъ было нужно; но все-таки назначено на вылазку заранѣе опредѣленное число. Всѣ встрѣтили таинственный 1855 годъ *дома*, т.-е. въ своихъ траншеяхъ. Не было обычныхъ пировъ и баловъ, съ которыми Русскіе привыкли провожать старый годъ.—Переступая роковую межу загадочнаго года, всякій съ теплою вѣрою прижималъ къ сердцу родительское *благословеніе*: всѣ молились и съ упованіемъ смотрѣли въ будущее, предавая себя волѣ Господней!

Собрались охотники и ровно въ часъ пополуночи вышли изъ траншей.

Вылазка происходила насупротивъ 3-го отдѣленія оборонительной линіи, подъ командою 4-го сапернаго баталіона подполковника Макарова.

Цѣль вылазки была, разумѣется, нанести возможный вредъ непріятелю, опредѣлить, какія онъ предпринимаетъ противъ насъ работы, и встревожить станъ его.

Вся *работа* была возложена, преимущественно, на двѣ колонны, шедшія впереди; остальныя части отряда, дѣлавшаго вылазку, служили или только для развлеченія вниманія непріятеля, или для резерва охотникамъ.

Лѣвая колонна, состоявшая изъ трехъ сотъ охотниковъ подъ командою лейтенанта Астапова, скрытно поднялась на правую сторону лабораторной балки, и стала подбираться къ флангу передовыхъ англійскихъ траншей въ то время, какъ правая охотничья колонна лейтенанта Бирюлева, состоявшая изъ двухсотъ человѣкъ (въ томъ числѣ семьдесятъ пять человѣкъ Охотскаго егерскаго полка съ подпоручиками: Крыловымъ и Герздорфомъ), взобравшись на правую сторону Садовой балки, и обойдя французскіе секреты, цѣпь и пикеты, пошла противъ праваго фланга французскихъ траншей. Для содѣйствія охотничьимъ колоннамъ и отвлеченія вниманія непріятеля отъ пункта, на который направленъ былъ дѣйствительный ударъ охотниковъ, поднялся изъ Лабораторной балки Московскаго пѣхотнаго полка, прапорщикъ Голубовъ съ тридцатью человѣками штуцерниковъ, а на правую сторону высоты отъ Садовой балки, Охотскаго егерскаго полка, прапорщикъ Цуруповъ, тоже съ тридцатью человѣками охотниковъ.

Передовыя части экспедиціи имѣли резервомъ первый баталіонъ Охотскаго егерскаго полка: третья егерская его рота, подъ командою штабсъ-капитана Недрыгайлова, за колонною лейтенанта Бирюлева. Остальной по-

лубаталіонъ, подъ командою Охотскаго егерскаго полка майора Салова *), (состоявшій изъ первой карабинерной роты поручика Вишневскаго и второй егерской роты), пошелъ противъ центра атакуемой позиціи, чтобы дать помощь, въ случаѣ нужды, болѣе угрожаемой части. Мертвая тишина проходимаго пространства изрѣдка прерывалась мѣрными выстрѣлами батарей— разрывомъ снаряда или стономъ пролетѣвшаго надъ головою охотниковъ ядра, пущеннаго на удачу изъ очередной пушки. Ни одной звѣздочки на небѣ; темно, какъ въ могилѣ, но моряки, знакомые съ родимою мѣстностію, не теряютъ дороги. Непріятель не ждетъ бури, готовой разразиться: изнеможенный, утомленный дневнымъ трудомъ, успокоенный мыслію, что наканунѣ торжественнаго дня мы пируемъ, и, вѣроятно, не станемъ нападать, непріятель спитъ, не видя висящаго надъ нимъ грознаго меча.

Еще мгновеніе, и страшно было пробужденіе однихъ, не пробудились другіе. Колонна Бирюлева ворвалась въ траншеи Французовъ; колонна Астапова бросилась во флангъ англійской траншеи; третья егерская рота Охотцевъ во фронтъ ей—и пошла рѣзня! Застонала окрестность; заревѣли всѣ сухопутныя батареи наши въ отвѣтъ на ревъ непріятельскихъ батарей; какъ метеоры, забороздили небо огненными искрами бомбы, ракеты и гранаты; съ трескомъ разрывающихся снарядовъ, съ визгомъ пуль и гранатныхъ осколковъ, съ ревомъ ядеръ и стономъ раненыхъ слилась дребедень батальнаго огня, открытаго командами прапорщиковъ Голубова и Щурупова, слилось родимое „ура“ оставшихся въ резервѣ командъ, загремѣвшее на радость своимъ, на страхъ врагамъ! Не долго длился бой. Караулы союзниковъ, найденные въ траншеяхъ, или бѣжали или перебиты, пока подоспѣли къ нимъ резервы и помощь съ ближайшихъ постовъ. Войска, ходившія на вылазку, въ два часа ночи уже возвращались въ свои траншеи, при неумолкающемъ громѣ всѣхъ батарей непріятельскихъ и всей нашей оборонительной линіи, будто поздравлявшей удальцовъ съ первою побѣдою въ 1855 году **); Фран-

*) Владиміръ Николаевичъ Саловъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, начальникъ пѣхотной дивизіи, съ назначеніемъ комендантомъ Кіевской крѣпости въ 1889 году умеръ скоропостижно, въ Финляндіи.

**) Эту вылазку Французы разсказываютъ по-своему. По ихъ словамъ, Русскіе повели атаку двумя колоннами, по обѣимъ сторонамъ *доковаго оврага*, на правый флангъ французскихъ и лѣвый флангъ англійскихъ траншей. Русскіе вскочили было въ траншею, несмотря на батальній огонь роты 20 полка, стрѣлявшей въ нихъ почти въ упоръ и одушевленной примѣромъ подпоручика Ла-Жаллета (La Jallet), который спасъ двухъ солдатъ, убивъ ихъ противниковъ. Послѣ жестокой рукопашной борьбы Русскіе были опрокинуты, несмотря на подоспѣвшій къ нимъ резервъ. За это дѣло подпоручикъ Ла-Жаллетъ награжденъ орденомъ почетнаго легіона (Базанкуръ: L'Expédition и пр., стр. 159—160. Дю-Кассъ. Idem, стр. 219—220).

Guerin (Idem, т. II, стр. 73) подробнѣе въ своемъ разсказѣ. Приведя все вышесказанное, онъ продолжаетъ: въ то же время другая часть вылазки устремилась на Англичанъ. Русскіе, заставъ своихъ противниковъ врасплохъ, взяли ихъ передовой постъ и съ такою стремительностію ударили на траншейный караулъ, что онъ бѣжалъ почти безъ выстрѣла. Англичане, будучи подкрѣплены своими резервами, перешли въ наступленіе и провожали отступающихъ Русскихъ почти до самой крѣпости, но потеряли при этомъ тяжело ранеными офицера и девять солдатъ, 6 убитыми и 14 плѣнными.

Однимъ словомъ, эта вылазка Русскихъ была успѣшна, даже судя по иностраннымъ источникамъ.

цузамъ и Англичанамъ ближе знать, сколько ихъ товарищей пало въ эту ночь. Въ плѣнъ же взято четырнадцать Англичанъ и четыре Француза. Трофеями вылазки были двадцать одинъ штуцеръ, нѣсколько ранцевъ, множество аммуниціи, байковыхъ одѣялъ, подъ которыми покоился измерзлый Джонъ Буль и тому подобное.

Эта вылазка стоила намъ двухъ убитыми, шестнадцати человѣкъ ранеными и контуженными (въ томъ числѣ двѣнадцати человѣкъ Охотскаго полка, изъ которыхъ шесть отправлено въ госпиталь, гдѣ одинъ умеръ отъ ранъ, а остальные добровольно остались во фронтѣ); два человѣка упали и утонули въ колодцѣ, незамѣченномъ за темнотою ночи.

7 января.

Говорятъ, князь Меньшиковъ послалъ на дняхъ предупредить Французовъ, чтобы они не вели траншей черезъ кладбище противъ праваго фланга нашей оборонительной линіи, такъ какъ на этомъ кладбищѣ зарывали умершихъ отъ чумы. Французы въ восторгѣ отъ такого рыцарскаго поступка нашего главнокомандующаго.

8 января.

Съ крышъ такъ и льетъ. Обстоятельство казалось бы само по себѣ и неважное, а оно насъ очень пугаетъ. Дороги со всякимъ часомъ дѣлаются хуже, никто не принимаетъ никакихъ мѣръ къ ихъ разработкѣ, да и едва ли можно въ такое время года улучшить дороги, какимъ бы то ни было способомъ. Что же мы будемъ дѣлать? И безъ того продовольственная часть начинаетъ приходить у насъ въ плохое положеніе; вслѣдствіе того уменьшена дача провіанта: иногда у откупщика не достаетъ водки; порціонный скотъ отпускается чрезвычайно плохой, больной, исхудавшій отъ недостатка корма и продолжительнаго пути.

Наши лошади, если продолжится такое положеніе дѣлъ, непремѣнно погибнутъ. На ихъ содержаніе мы получаемъ отъ правительства большія деньги, да и за деньги иногда невозможно достать фуража; многіе изъ насъ кормятъ лошадей дубовымъ листомъ, посыпая его мукою; одинъ господинъ ухитрился рубить на мелкіе кусочки рогожи, обливаетъ кипяткомъ эту новаго рода сѣчку, посыпаетъ мукою и даетъ лошадямъ! Что же? Лошади ѣдятъ—голодъ не тетка! *)

---

*) Лошади французской арміи были также въ плачевномъ состояніи, даже артиллерійскія лошади сильно пострадали въ продолженіе зимы, хотя имъ была увеличена дача фуража. Не защищенныя отъ дождя, мороза и снѣга, цѣлые дни проводя въ грязи, постоянно находясь въ работѣ для подвозки снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ, а ночью для возки матеріаловъ для траншейныхъ работъ, онѣ погибали въ значительномъ числѣ. Значительная часть артиллерійскихъ лошадей у Французовъ опаршивѣла и получила сухотку; значительная часть погибла отъ обструкцій и смертельныхъ заваловъ, образовавшихся вслѣдствіе поглощенія земляныхъ частицъ съ фуражомъ, подбираемымъ съ земли. Guerre d' orient. Siege de Sébastopol. Historique du service de l' Artillerie (1854—1856), стр. 208. T. I. Paris 1859.

Даже артиллерійскія лошади въ бѣдственномъ положеніи: въ 1-й батарейной батареѣ 9-й артиллерійской бригады, напримѣръ, издохло 85 лошадей!

Если не примутъ энергическихъ мѣръ и не отведутъ большую часть артиллеріи за Симферополь, мы лишимся артиллерійскихъ лошадей, и что тогда будемъ дѣлать? Казалось бы, давно надо артиллерію отвести дальше; бояться нечего, наступленія союзниковъ невозможно ожидать—они еще меньше нашего имѣютъ средствъ подняться.

Одинъ достойный вѣроятія господинъ разсказывалъ мнѣ сегодня, что батарейная батарея 10-й артиллерійской бригады вотъ уже четвертый день выступаетъ съ позиціи, получивъ предписаніе перейти на другую, и все еще подняться не можетъ.

Недавно произошла тревога на Чоргунѣ, по случаю рекогносцировки, произведенной французскою кавалеріею. Въ самый моментъ тревоги, князь П. Горчаковъ, командующій чоргунскимъ отрядомъ, приказалъ артиллеріи готовиться къ отступленію. Зачѣмъ же, говорили батарейные командиры, мы здѣсь стоимъ, когда при первомъ появленіи непріятеля должны отступать безъ боя? Не лучше ли же намъ заранѣе уйти отсюда?... *) Замѣчаніе батарейныхъ командировъ намъ, простымъ людямъ, кажется совершенно справедливымъ и основательнымъ. Въ мѣстахъ, обильныхъ фуражемъ, наша артиллерія могла бы возстановить силы своихъ лошадей, укомплектоваться, словомъ, прійти въ состояніе помѣряться съ артиллеріей союзниковъ, тогда какъ стоя здѣсь, она сдѣлается неспособною къ дѣйствію и, поглощая огромное количество фуража, тѣмъ самымъ ежедневно увеличиваетъ трудность его пріобрѣтенія для нашихъ лошадей.

Ночью была порядочная вылазка **) двумя колоннами: одна ударила на лѣвый флангъ, другая на центръ французскихъ траншей. Вылазками командовали: майоръ Рудаковскій, капитанъ Ляпуновъ, лейтенанты: Титовъ и Завалишинъ.

Разсказываютъ, что Сакенъ затѣялъ устроить *костюмированную* вылазку изъ Севастополя, нарядивъ отрядъ охотниковъ во все бѣлое, чтобы ихъ нельзя было отличить отъ снѣгу! Прійдетъ же въ голову такая затѣя; впрочемъ, говорятъ, она не состоялась и слава Богу, что не состоялась, потому что только людей бы насмѣшила такая вылазка, да къ общему итогу безполезныхъ жертвъ, нами приносимыхъ, прибавила бы еще нѣсколько злополучныхъ единицъ.

---

*) Князь П. Д. Горчаковъ все боялся что его обойдетъ непріятель. Князь Михаилъ Дмитріевичъ сказалъ по этому случаю: „Сегодня его обходятъ, завтра обходятъ, лучше брату Петру самому уходить!“

**) При этомъ наши взяли въ плѣнъ двухъ офицеровъ и десятокъ солдатъ. Французы говорятъ, что кромѣ того у нихъ убито 7 человѣкъ и ранено 32.

9 января.

Говорятъ, что князь Меньшиковъ съ барономъ Остенъ-Сакеномъ начинаютъ очень не ладить, и Сакенъ что-то начинаетъ сказываться больнымъ. И не мудрено, что между этими генералами произойдетъ полный разладъ: Сакенъ человѣкъ своеобычный, крайне самостоятельный, съ извѣстной военной репутаціей, не мелкая сошка въ военной іерархіи и не позволитъ играть собою, какъ пѣшкою. Меньшиковъ—эгоистъ великій, гордый и самолюбивый до чрезвычайности—я его не знаю вовсе, но такъ про него всѣ говорятъ, онъ терпѣть не можетъ ни кого, кто въ какой-либо степени могъ бы раздѣлить съ нимъ власть и значеніе или про кого могутъ только сказать, что онъ вполнѣ полезный дѣлу человѣкъ и можетъ быть хорошимъ помощникомъ главнокомандующаго. Прибывающихъ въ его армію людей съ такой репутаціей онъ чуть не прогоняетъ отъ себя. Такъ онъ встрѣтилъ Тотлебена, приказавъ ему немедленно воротиться къ своему мѣсту въ южную армію,—такъ онъ встрѣтилъ полковника Попова, посланнаго къ нему Государемъ въ качествѣ одного изъ искуснѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба,—такъ онъ встрѣтилъ теперь генераловъ Хрулева и Огарева, посланныхъ къ нему въ качествѣ опытныхъ боевыхъ генераловъ *) и теперь они живутъ безъ всякаго дѣла и занятій въ Севастополѣ, ожидая назначенія. Впрочемъ, у Меньшикова многіе сидятъ безъ дѣла, какъ напримѣръ, нашъ генералъ Павловъ на Бельбекѣ, но этотъ хоть чѣмъ-нибудь командуетъ, а вотъ генералъ-лейтенантъ Моллеръ, бывшій начальникъ севастопольскаго гарнизона, такъ тотъ на томъ же Бельбекѣ проживаетъ ровно никѣмъ не командуя, исключая своихъ деньщиковъ.

Генералъ Моллеръ бываетъ у Павлова и зло бранитъ Меньшикова, разсказывая о первыхъ дняхъ Севастопольской осады.

„Мы,—говоритъ онъ,—послѣ Алминскаго дѣла съ минуты на минуту ждали гибели. Укрѣпленій у насъ никакихъ не было и было время, что у меня въ распоряженіи оставалось только четыре батальона. Нашимъ потомкамъ дѣло спасенія Севастополя покажется баснословнымъ. Нахимовъ безпрестанно присылаетъ съ Сѣверной, чтобы я его поддерживалъ въ случаѣ атаки. „Съ чѣмъ?“ — спрашиваю, когда мнѣ и Южную-то часть некѣмъ защищать! Вдругъ однажды ночью намъ даютъ знать, что непріятель наступаетъ на Южную сторону, по направленію отъ Балаклавы, освѣщая себѣ путь факелами. Гарнизонъ мой несчастный сталъ въ ружье, приготовясь къ дракѣ на смерть. Къ счастію объяснилось, что это вовсе не непріятель наступаетъ, а наши обозы пробравшіеся черезъ Мекензіеву гору и спасшіеся отъ непріятеля, направившагося на Ѳедюхины высоты....“

*) Что касается до генерала Огарева, то, не признавая въ немъ качествъ боевого генерала, Меньшиковъ былъ правъ совершенно. Случайность прославила его, какъ героя, извѣстнымъ разбитіемъ Коканцевъ, при атакѣ ихъ на фортъ Перовскій, но впослѣдствіи оказалось, что подвигъ его былъ преувеличенъ, а послѣдующее участіе его въ военныхъ дѣйствіяхъ подтвердило отсутствіе въ немъ военныхъ дорованій и другихъ боевыхъ достоинствъ.

10 января.

Когда было пріударили сильные морозцы, одинъ солдатъ Камчатскаго полка, похлопывая руками, плясалъ въ траншеѣ; изорванная шинелишка его вовсе не грѣла, тулупа на его долю не досталась; плясалъ бѣдный, зубомъ на зубъ не попадая, а все-таки приговаривалъ: „эхъ, кабы Богъ далъ, *скрѣпчалъ морозъ*—посмотрѣлъ бы я тогда на Француза!“... *).

11 января.

Тащитъ солдатъ плѣннаго Англичанина съ вылазки, да видно очень великодушно обошелся съ нимъ; или со страху Англичанинъ, думая, какъ бы задобрить своего побѣдителя, не знаю, только вдругъ схватилъ и поцѣловалъ у солдата руку. Солдату понравилась эта ласка; онъ досталъ изъ кармана кусокъ чернаго хлѣба и отдалъ его Англичанину, вѣроятно, какъ доказательство особаго расположенія....

12 января.

На дняхъ перебѣжалъ къ намъ французскій унтеръ-офицеръ, восемь уже лѣтъ прослужившій въ войскахъ, въ томъ числѣ нѣсколько лѣтъ въ Африкѣ, — молодчина такой на видъ. На вопросъ о причинѣ бѣгства заявилъ, что онъ Русскій, помнитъ съ дѣтства свою родину и при первой возможности рѣшился возвратиться къ ней. Онъ говоритъ, что его почти ребенкомъ Черкесы похитили въ Русскомъ поселеніи и продали въ Турцію. Тамъ онъ выросъ и оттуда перебрался во Францію, гдѣ вступилъ въ войсковую службу. Вретъ или нѣтъ? Какъ его повѣришь? По-русски не говоритъ. Забылъ, будто бы.

---

20 января.

Севастопольскій гарнизонъ обрадованъ возвращеніемъ Великихъ Князей. При Ихъ Высочествахъ не столь страшною кажется судьба, намъ грозящая, будущее не такъ мрачно! Они—красное солнышко нашего гарнизона; Ихъ появленіе всегда для насъ благотворно: раненые оживаютъ, больные, умирающіе собираютъ остатки силъ, чтобъ благословить Ихъ имя.

Забіяки, если можно назвать такъ тѣхъ изъ насъ, кто жаждетъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій съ нашей стороны, кто только и мечтаетъ о боевомъ разсчетѣ съ недругомъ, надѣются, что съ прибытіемъ Царевичей дѣла примутъ крутой оборотъ, и мы что-нибудь предпримемъ болѣе рѣшительное, чѣмъ незначительныя вылазки, нами такъ часто производимыя и намъ

---

*) Лазареты непріятельскіе были наполнены обморозившимися. Въ это время таковыхъ больныхъ у Французовъ было до 2.500, изъ которыхъ, по словамъ главнаго доктора арміи, умерло до 800 человѣкъ въ Крыму и Константинополѣ. Вообще у Французовъ въ теченіе января (ихъ стиля) умерло и убито, по словамъ того же медика, 1.857 человѣкъ (Guerin. Idem, т. II, стр. 80), а по словамъ Rousset'a (Idem, стр. 18) изъ числа 75.000 человѣкъ составлявшихъ къ 31 января французскую армію—9.000 было въ госпиталяхъ и лазаретахъ.

уже надоѣвшія своимъ однообразіемъ, перейдя въ разрядъ обычныхъ, ежедневныхъ явленій.

21 января.

Ночью на 20 января охотники Охотскаго полка, въ числѣ 150-ти человѣкъ, съ поручикомъ Токаревымъ и прапорщикомъ Рытовымъ участвовали въ вылазкѣ, лейтенанта Бирюлева съ 3-го бастіона, на „Рѣзню“. Цѣлью вылаки было срыть непріятельскій ложементъ. Послѣ упорнаго боя нашимъ удалось исполнить свое намѣреніе, несмотря на быстрое прибытіе непріятельскихъ резервовъ и на свѣтлую ночь, дозволившую Французамъ заблаговременно открыть наше наступленіе.

Встрѣченные огнемъ французскихъ стрѣлковъ, занявшихъ ложементы, нѣсколько дней тому назадъ покинутые нами, охотники сбили таки непріятеля и ворвались за нимъ въ траншею. Тутъ дрались прикладами, камнями; Французы стрѣляли, кладя по двѣ пули въ ружье; офицеры ихъ показывали чудеса храбрость и гибли одинъ за другимъ. Наши взяли трехъ офицеровъ въ плѣнъ; изъ нихъ одного, умершаго отъ ранъ, бросили дорогою, да убили инженернаго капитана Фуркада, инженернаго маіора Скарлата и смертельно ранили трехъ офицеровъ. У насъ убитъ прапорщикъ Семенскій, трое рядовыхъ и ранено 34 человѣка. На этотъ разъ въ непріятельскихъ траншеяхъ не оставили ни одного человѣка — всѣхъ подобрали убитыхъ и раненыхъ *).

23 января.

Въ сраженіи 24 октября 1854 г., пластуны украли у Англичанъ, когда ворвались въ ихъ лагерь, котелъ съ супомъ! Нечего сказать, молодцы! Народъ смѣтливый, удалой, отважный.

26 января. Севастополь.

Сегодня въ квартирѣ Тотлебена я былъ обрадованъ встрѣчею съ художникомъ Тиммомъ, пріѣхавшимъ на мѣсто великихъ событій увѣковѣчить все, что есть здѣсь достойнаго вниманія. При мнѣ онъ рисовалъ портретъ Истомина, безпрестанно его торопившаго, спѣша уѣхать на свой Малаховъ, который онъ не покидалъ нынѣ на лишнюю минуту, какъ бы не покинулъ своего корабля въ бурю.

Въ портфелѣ Тимма я увидѣлъ набросанный весьма сходно портретъ Нахимова.

„Какъ вамъ удалось сдѣлать портретъ нашего героя? вѣдь, говорятъ, онъ рѣшительно не позволяетъ снять съ себя портрета!“

— Дѣйствительно не позволяетъ. Меня представили ему; онъ былъ очень со мною любезенъ и, когда ему передали, что хочу, но совѣщусь про-

*) Вообще по 18 января потеря французскаго осаднаго корпуса простиралась, если вѣрить французскимъ писателямъ, убитыми до 505 человѣкъ, ранеными до 4.285 человѣкъ (Дю-Кассъ. Idem, стр. 224).

сить у него позволенія снять его портретъ, онъ нахмурясь отвѣчалъ: рано-съ, рано-съ! пусть прежде выгонимъ Французовъ!—

„Какимъ, однако, способомъ вы уловили его черты?“

— Въ церкви, украдкою. Такъ право совѣстно было рисовать, а нечего дѣлать. Согласитесь: какъ не имѣть портрета такого замѣчательнаго человѣка? Въ это время, какъ я рисовалъ Нахимова, какъ нарочно, онъ молился съ большимъ усердіемъ и клалъ частые земные поклоны. Я торопился набросать очеркъ его лица, боясь, чтобъ онъ меня не замѣтилъ; рука у меня дрожала; я чувствовалъ, какъ кровь вступила мнѣ въ лице, какъ будто я что дурное дѣлалъ!... Да, мнѣ не хотѣлось, чтобъ онъ замѣтилъ мою работу—онъ могъ оскорбиться.

Вообще манеры Нахимова весьма оригинальны. Какъ этою оригинальностію, такъ мужествомъ и простотою обращенія, онъ заслужилъ популярность особенно среди моряковъ, которые никогда иначе и не называютъ его какъ „Павелъ Степановичъ“, никогда его и не величаютъ „вашимъ превосходительствомъ“; во многихъ нуждахъ прямо къ нему обращаются лично, никогда передъ нимъ здѣсь не снимаютъ шапки, потому что онъ самъ сказалъ матросамъ: „гвоздемъ къ головѣ шапку велю прибить тому, кто ее сниметъ передо мною!“ *) Нахимова матросы любятъ, какъ отца или добраго брата, и надѣются на него, какъ на каменную гору, говоря, что пока живъ „Нахименко“, не имѣть непріятелю въ своихъ рукахъ Севастополя!

Между прочимъ, въ доказательство нелюбви Нахимова къ формалистикѣ, про которую онъ отзывается, какъ про анахронизмъ, напрасно допускаемый въ настоящее трудное время, разсказываютъ слѣдующій случай: пришелъ къ Нахимову зачѣмъ-то матросъ, молодецъ такой съ Георгіемъ и, видя у него какого-то важнаго гостя, вытянулся у дверей въ струнку, руки по швамъ. „Ну вотъ, и дуракъ!“ — закричалъ Нахимовъ, „ну и осрамилъ кругомъ! вотъ и оселъ! ну, чего ты вытянулся!“

Про Нахимова здѣсь множество разсказовъ. Какой-то офицеръ присланъ былъ изъ Петербурга по дѣламъ службы на нѣсколько дней. Какъ уѣхать изъ Севастополя, не видавъ Нахимова?—все равно, что изъ Рима, не видавъ Папы. Вотъ этотъ офицеръ и проситъ какого-то близкаго къ Нахимову человѣка представить его адмиралу. Тотъ согласился, но Нахимовъ при первомъ свиданіи сказалъ пріѣзжему офицеру, безъ церемоній: „Стоило ли хлопотать, чтобъ видѣть меня? Я не такъ интересенъ. А вотъ, если угодно, я вамъ корабль „12 Апостолъ“, покажу-съ, вотъ эта штука любопытная-съ!“

Оскорбляетъ, терзаетъ душу Павла Степановича видимая невозможность распахнуть паруса своего флота и помѣряться силами съ горделивымъ врагомъ. Въ Нахимовѣ страдаетъ гордость моряка, и это страданіе превратилось въ какую-то ненависть къ морю. Не такъ ли часто неудовлетворенная страсть человѣка къ любимой женщинѣ превращаетъ пламенную любовь въ

*) Не думаемъ, чтобы этотъ запретъ былъ сдѣланъ въ подражаніе Суворову, отдавшему приказъ арміи, въ Италіи, офицерамъ не снимать шляпъ при его появленіи, а „взамѣнъ того побольше заботиться о порядкѣ въ войскахъ“ (Фуксъ: Кампанія 1799).

ненависть ко всѣмъ женщинамъ вообще? Нахимовъ неоднократно говаривалъ: „кончится война—сейчасъ за границу: громогласно во всѣхъ городахъ прокричу, что Канроберъ и Рагланъ—ослы! Отъ того и не взяли Севастополя однимъ ударомъ, а затянули исторію въ длинный ящикъ, проливъ напрасно столько человѣческой крови; а потомъ, къ себѣ — въ деревню; тамъ есть небольшой прудъ; тотчасъ велю его засыпать, чтобъ больше никогда въ жизни не видать воды! развѣ въ графинѣ, да въ стаканѣ!“

Въ 6 часовъ вечера я собирался уже домой, какъ вдругъ къ полковнику Тотлебену прибѣжалъ саперный унтеръ-офицеръ съ 4-го бастіона.

„Ваше в—ie, Французы мину взорвали“.

— Ой ли?—

„Точно такъ-съ—взорвали!“....

— Разсказывай: какъ было дѣло?—

— „Видимъ, съ бастіона намъ шляпами чтой-то машетъ, кланяется, говоритъ съ нами посвоему, не стрѣляетъ вовсе, смѣется. Хорошо-молъ, мусье, здравствуй, здравствуй! и мы кланяться ему давай, а вы, ребята, говоримъ своимъ, все-таки не зѣвай! Вдругъ колыхнуло — взрывъ. Это они противъ насъ изволили минку подпустить, да не попали; она вишь въ сторону пошла саженъ на 8 отъ той воронки, что мы, ваше в—ie, камуфлетомъ сдѣлали. Да зарядъ-то ихъ, видишь, назадъ пошелъ, дымомъ и пламенемъ ихъ въ траншеѣ такъ и обдало, а мы имъ и давай „фора“ кричать, да въ ладоши хлопать. Послѣ того и наши, и непріятель начали жарить другъ друга изъ пушекъ, а я побѣжалъ къ вашему в—ію доложить“.

— Хорошо, спасибо; ступай назадъ и скажи своимъ отъ меня, что господа Французы не мастера дѣлать мины!

„Слушаю-съ“. И саперъ почти бѣгомъ пустился на 4-й бастіонъ, гдѣ смерть не переставала собирать обильную жатву.

27 января.

Сейчасъ Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ посѣтили В. Ѳ. Тимма и застали его рисующимъ съ натуры портретъ сапернаго штабъ-капитана Мельникова, ведущаго мины и контръ-мины отъ 4 бастіона и извѣстнаго въ гарнизонѣ подъ кличкою: „*Оберъ-Кротъ*“.

Великіе Князья обласкали Мельникова. Его Высочество Николай Николаевичъ заявилъ ему о своемъ намѣреніи непремѣнно побывать въ минахъ, „только разойдемся ли мы тамъ съ тобою?“—добавилъ Его Высочество.

— Помилуйте, Ваше высочество, — отвѣчалъ Мельниковъ, какъ не разойтись! Вы — такой худенькій, а я—маленькій! (Мельниковъ дѣйствительно очень маленькаго росту).—Вотъ еслибы его превосходительство пожаловали, такъ и одни не прошли бы,—продолжалъ Мельниковъ, указывая на находившагося тутъ же генерала-адъютанта Философова.

„Ты что это на меня указываешь?—возразилъ полушутя, полусеріозно генералъ Философовъ. Что я тебѣ за цѣль такая досталась, а?“

Мельниковъ сконфузился, и, видимо, даже струсилъ, но почтенный старикъ поспѣшилъ обнять его и поцѣловать. Разговоръ о минахъ возобновился, Мельниковъ разсказывалъ о подземномъ житьѣ-бытьѣ. Великій Князь Николай Николаевичъ интересовался мельчайшими подробностями его обычнаго пребыванія въ такой тѣснотѣ и темнотѣ.

— „Изволите видѣть, Ваше Высочество, какой я миніатюрный, какъ бы самою природою созданный для этой жизни въ минахъ,—вотъ и живу въ нихъ припѣваючи“.

— Однако, какъ бы мнѣ вправду къ тебѣ забраться? Вѣдь можно?— настаивалъ Великій Князь:

„Можно, Ваше Высочество, у меня неопасно“.

— Ты думаешь я боюсь опасности?—удивился Великій Князь.

„Вы то не боитесь, я знаю, поправился Мельниковъ, да за Васъ-то боятся!“

28 января. Бельбекъ.

По гарнизону ходитъ слѣдующій разсказъ: одно изъ писемъ, переданныхъ изъ непріятельскаго лагеря къ плѣнному англійскому офицеру было отъ его невѣсты. Юная леди проситъ своего жениха непремѣнно ей доставить пуговицу съ солдатскаго плаща князя Меньшикова,когда его возьмутъ въ плѣнъ.—Князь очень смѣялся этой просьбѣ и, потребовавъ къ себѣ плѣнника, сказалъ ему: „обстоятельства не поблагопріятствовали вамъ: вы сами въ плѣну, а я на свободѣ; но чтобъ не отказать вашей невѣстѣ въ ея скромномъ желаніи, вотъ вамъ пуговица моего плаща—отошлите ей“. Князь оторвалъ пуговицу отъ плаща и отдалъ ее Англичанину, который тотчасъ отправилъ ее по принадлежностя, чрезъ лагерь союзниковъ.

1 февраля.

Хотя нами принято множество мѣръ предосторожности для охраненія здѣшнихъ садовъ отъ истребленія, но они страдаютъ, несмотря на часто поставленные караулы и безпрестанно посылаемые патрули: въ темныя ночи солдаты дѣлаютъ значительныя порубки фруктовыхъ деревьевъ, составляющихъ главную часть достоянія здѣшнихъ владѣльцевъ.

Про дикорастущія въ садахъ деревья, или менѣе цѣнныя, какъ, напримѣръ, великолѣпныя здѣшнія рябины, дающія крупный плодъ (величиною въ крупный тернъ или вишню каждая ягода кисти), кизиль и тому подобныя, говорить нечего: они давно исчезли, также какъ и окрестные дубовые перелѣски, или огромныя столѣтнія липы, росшія въ Бельбекской долинѣ на лугу, между этою деревнею и дачею Бибикова. Вырубивъ эти деревья, принялись вырубать и вырывать изъ земли ихъ огромные корни.

Что дѣлать? надо же чѣмъ-нибудь варить пищу, топить печи своихъ землянокъ, или, гдѣ нѣтъ таковыхъ, раскладывать костры, чтобъ обогрѣться. Возить лѣсъ изъ Севастополя невозможно; также невозможно брать и упо-

треблять каменный уголь на открытомъ воздухѣ,—для него нужны печи особаго устройства; да и возить-то его не на чемъ: подъемныя лошади едва передвигаютъ ноги; притомъ у нихъ пропасть работы,—насилу успѣваютъ подвозить въ достаточномъ количествѣ продовольствіе для полковъ и фуражъ для себя, да увозить въ госпитали больныхъ и раненыхъ.

Вчера ночью была сильная вылазка лейтенанта Бирюлева съ 3-го бастіона, взято въ плѣнъ три офицера и нѣсколько солдатъ *).

2 февраля.

Союзники ничего не предпринимаютъ и не могутъ ничего предпринять рѣшительнаго въ настоящее время года, ожидая весны, а съ нею — резервовъ, подкрѣпленій, улучшенія путей сообщенія, возможности возстановить силы своихъ лошадей и муловъ, безъ помощи которыхъ мудрено предпринять какое-либо наступательное движеніе. Но до того времени, авось Богъ дастъ, мы сами соберемся съ силами и будемъ имѣть возможность предупредить намѣренія непріятеля рѣшительнымъ ударомъ.

Прибытіе къ союзной арміи извѣстнаго своими способностями, ученостію и военными заслугами генерала Ніеля измѣнило планъ атаки союзниковъ. Онъ убѣдилъ французскаго главнокомандующаго, что усилія овладѣть 4-мъ бастіономъ оборонительной линіи Севастополя не имѣютъ смысла, а что необходимо повесть главную атаку на Малаховъ курганъ, овладѣніе которымъ тотчасъ же предастъ въ руки союзниковъ весь Севастополь, сдѣлавъ защиту онаго невозможною. Планъ атаки Ніеля принятъ въ военномъ совѣтѣ союзниковъ. Англичане, какъ не имѣющіе силъ вести атаку противъ кургана, передали оную Французамъ, армія которыхъ раздѣлилась на два корпуса: лѣвый флангъ занялъ 1-й корпусъ генерала Пелисье, правый—2-й корпусъ генерала Боске, которому поручена атака „корабельной“; гвардія и 9-я дивизія генерала Брюне стала въ резервѣ, чтобы всегда имѣть возможность подать помощь тому или другому корпусу.

Работы противъ „корабельной“ немедленно начались Французами съ настойчивостію и упорствомъ **). Наше начальство не оставило этого обстоятельства безъ вниманія и противъ новыхъ наступательныхъ работъ союзни-

---

*) По словамъ Guerin (Idem, т. II стр. 86), Французы понесли большую потерю какъ отъ нашихъ удальцовъ, такъ отъ несчастнаго недоразумѣнія, вслѣдствіе котораго одинъ отрядъ Французовъ принятъ былъ другимъ отрядомъ за непріятеля и встрѣченъ страшнымъ залпомъ. Въ эту ночь у Французовъ убито 6 офицеровъ, въ томъ числѣ 2 инженерныхъ, и солдатъ столько, что реляція не рѣшилась упомянуть числа. Въ числѣ убитыхъ былъ маіоръ (Comendant) Сарлатъ, въ особенности оплаканный Французами, уважавшими его за необыкновенное мужество, за которое онъ прозванъ *маленькимъ львомъ* (будучи очень малъ ростомъ).

**) По причинѣ сильныхъ оборонительныхъ средствъ нашихъ, Французы были вынуждены начать свои подступы къ лѣвой половинѣ нашей оборонительной линіи весьма издалека. Такъ первая параллель заложена ими передъ Малаховымъ курганомъ въ 1.800 метрахъ, передъ 2 бастіономъ—въ 1.700 метрахъ и передъ 1 бастіономъ въ 2.000 метрахъ. Historique du service de l' Artillerie (Idem, т. I, стр. 196—197).

ковъ, съ своей стороны, перешло въ наступленіе, рѣшась идти контръ-апрошами на встрѣчу дерзкому противнику.

3 февраля.

Турки продолжаютъ высадку въ Евпаторію. Говорятъ, наши стягиваютъ къ этому пункту и къ Перекопу всѣ войска, какія могутъ только теперь тронуть съ мѣста. «Быть тутъ чуду! быть тутъ чуду»! можно сказать съ Мицкевичемъ. Собираются атаковать Евпаторію. Сказываютъ, тамъ Омеръ-паша, а съ нимъ надо умѣючи драться; охъ, какъ бы тамъ вправду не было чуда! Впрочемъ туда поѣхалъ Хрулевъ.

Какая странная стоитъ погода: утро дивное; самая прекрасная весна, да и только; вѣтерокъ сушитъ разгрязнившуюся землю; солнышко въ полномъ блескѣ; такъ тепло, такъ отрадно... Вдругъ съ полудня подымается вѣтеръ, и весна превращается въ осень. Теперь, напримѣръ, 6-й часъ вечера и буря реветъ, дождь—какъ изъ ведра. Вотъ и высушило утреннее солнышко—пропалъ весь трудъ! Не поздоровится отъ такихъ перемѣнъ погоды въ траншеяхъ привыкшимъ къ *благорастворенію воздуховъ* Французамъ. Одного мы здѣсь въ Крыму боимся, чтобы не развилась чума, холера, или какая другая эпидемія. Турки, Египтяне, того и гляди, завезутъ чуму; холера или иная какая заразительная болѣзнь можетъ развиться отъ вредныхъ міазмовъ, наполняющихъ воздухъ, отъ множества гніющихъ органическихъ веществъ, отъ трудовъ и лишеній бивачной и траншейной жизни, отъ плохой, или иногда скудной пищи и тому подобныхъ невзгодъ.

4 февраля.

Разсказываютъ, что сегодня ночью на аванпостахъ по Черной рѣчкѣ произошелъ куріозный случай. Пластунъ подкрался къ одной изъ непріятельскихъ батарей, устроенной на Инкерманскихъ высотахъ, и стащилъ съ ней часоваго, по ней ходившаго, поймавъ его особо приспособленнымъ крюкомъ за полусапожку! Когда часовой упалъ съ гребня батареи внизъ, пластунъ прыгнулъ на него, какъ кошка, придушилъ его и полумертваго притащилъ къ своимъ. Тутъ Французъ приведенъ былъ въ чувство, оказался цѣлъ и невредимъ, но чрезвычайно былъ озлобленъ на пластуна, употребившаго, по словамъ Француза, такой безчестный способъ для его поимки.

5 февраля.

Сегодня два баталіона нашей дивизіи Якутскаго полка пошли на Сѣверную сторону строить новое земляное укрѣпленіе. Говорятъ, это укрѣпленіе строится по чертежу, составленному Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, который самъ и руководитъ работами по этому сооруженію, весь почти день безотлучно находясь на нихъ и распоряжаясь ими. Что же касается до Великаго Князя Михаила Николаевича, то онъ занимается вооруженіемъ батарей на Сѣверной.

6 февраля.

Генералъ Моллеръ уѣхалъ на 15 дней въ отпускъ, въ Одессу. Нечего сказать, самое такое теперь время, чтобы генераламъ изъ-подъ Севастополя уѣзжать въ отпускъ! Или это только доказываетъ, какую въ немъ видятъ здѣсь надобность!

Нашъ генералъ Павловъ за отъѣздомъ Моллера опять остался начальникомъ бельбекскаго главнаго резерва, состоящаго изъ 6-ти баталіоновъ нашей же дивизіи, при 18-ти орудіяхъ.

Право, комедію играютъ здѣсь со старыми генералами. Бѣднаго Павлова видимо всѣми силами стараются совершенно затушевать; нечего и говорить, что онъ это ясно видитъ, не мало отъ этого страдаетъ, ожесточается противъ всѣхъ, въ результатѣ непрестанныя столкновенія то съ тѣмъ изъ властей, то съ другимъ, что ведетъ къ непріятностямъ не только для него, но и для насъ, его ближайшихъ подчиненныхъ. Одно уже нахожденіе здѣсь на Бельбекѣ, будто въ изгнаніи, когда другіе переживаютъ столь славные дни въ Севастополѣ, ставитъ насъ въ положеніе крайне непріятное.

Говорятъ будто подъ Евпаторіей было уже дѣло чрезвычайно для насъ успѣшное,—будто наши взяли передовыя укрѣпленія, сожгли городъ и вынудили Турокъ сѣсть на суда. Впрочемъ слухъ этотъ никакимъ достовѣрнымъ свидѣтелемъ еще не подтвержденъ *).

Мы всѣ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждемъ вѣстей изъ Евпаторіи; ждемъ развязки хоть одного этого узелка, а то ихъ запуталось множество, но не распутывается ни одного. Войска давно ушли подъ Евпаторію; полуфурки нашей дивизіи взяты туда же изъ вагенбурга подъ раненыхъ—несомнѣнное доказательство какой-нибудь боевой затѣи подъ Евпаторіей.

На морѣ необыкновенное движеніе. Снуютъ суда и пароходы: то идутъ они по направленію къ Евпаторіи, то возвращаются оттуда. Такой суматохи въ непріятельскомъ флотѣ мы еще здѣсь ни разу не видали. Противъ бухты столпилось множество судовъ.

Нахимовъ поднялъ свой флагъ на одномъ изъ кораблей, поставивъ вооруженные корабли бортами ко входу въ бухту, противупоставляя такимъ образомъ всякому непріятельскому покушенію съ этой стороны страшную 250-ти пушечную батарею. Думаютъ, что непріятель хочетъ во что бы то ни стало ворваться въ бухту и съ этою цѣлью намѣренъ послать впередъ

---

*) И, по несчастію, онъ оказался ложнымъ: успѣхъ, какъ *ниже* увидимъ, не сопровождалъ нашихъ дѣйствій подъ Евпаторіей. Императоръ Николай нѣкоторымъ образомъ предвидѣлъ возможность такой неудачи. Вотъ что Онъ писалъ въ послѣднемъ письмѣ Своемъ къ князю Меньшикову, отъ 10 февраля: „Кажется, въ Евпаторіи собрались точно довольно значительныя силы. Опасаюсь, чтобы Хрулевъ, при своей горячности, не предпринялъ того, что намъ дорого стоить будетъ безъ ощутительной пользы, ибо продолжаю думать, что мы въ городѣ, ежели и удастся взять, не удержимся отъ огня съ моря. Потеря наша будетъ навѣрно большая, а пользы не много".

Атака Евпаторіи была нами предпринята съ намѣреніемъ прогнать собравшихся тамъ Турокъ въ числѣ трехъ дивизій турецкихъ и одной египетской, всѣ подъ начальствомъ Омеръ-Паши и лишить ихъ возможности дѣйствовать на наши сообщенія.

какіе-то нарочито приспособленные пароходы съ новоизобрѣтенною машиною, посредствомъ которой надѣются разбить потопленныя суда и пройти по фарватеру, образовавъ, такъ сказать, ворота для остальныхъ судовъ флота. Но всѣ говорятъ: это дѣло невозможное. Хорошо управлять сложнымъ механизмомъ машины въ спокойномъ положеніи, а не подъ градомъ ядеръ, когда одно изъ нихъ можетъ залетѣть въ хитрую машину причемъ, всѣ ухищренія ея изобрѣтателей мгновенно обратятся въ ничто. При томъ, еслибъ непріятелю удалось проложить путь между затопленными судами и по нему пошли бы корабли, можно предположить, что усиленное дѣйствіе нашихъ фортовъ съ двухъ сторонъ, Павловскаго форта и кораблей съ фронта, разобьетъ хоть одинъ изъ этихъ кораблей во время его слѣдованія; на него при этомъ могутъ наткнуться корабли, идущіе за нимъ *сквозь строй* нашей артиллеріи, и тогда, пожалуй, борьба кончится страшною катастрофой для новой армады. Пусть бы, впрочемъ, попытались! наши моряки ждутъ этой попытки и готовы къ ней.

8 февраля.

Селенгинскій полкъ пошелъ сегодня въ Севастополь и сталъ на „Корабельной“.

9 февраля. Севастополь.

Сегодня мы съ Якутскимъ полкомъ опять вступили въ Севастополь и стали на „Корабельной“. Я занялъ прежнюю квартиру. Когда-то мы опять перейдемъ эту бухту? Со славою ли суждено совершиться этому переходу, или ему не бывать вовсе? Будущее во власти Господней; но чѣмъ больше иногда въ него всматриваешься, тѣмъ больше рябитъ въ глазахъ, какъ у гадающей въ зеркало дѣвушки: мрачнѣе и мрачнѣе дѣлается стоящее передъ нами зеркало, и въ этомъ мракѣ начинаютъ обозначаться неясныя фигуры. Напряженнымъ очамъ души моей давно казалось печальною и теперь таковою же кажется судьба Севастополя. Вдумываясь въ дѣло безъ самообольщенія, видишь, что Европа не отстанетъ отъ насъ, пока не одолѣетъ; а намъ совладать ли со *всѣми?* Хотя мы и утѣшаемъ себя рѣшимостію идти однимъ на кровавый подвигъ, добыть славу и ни съ кѣмъ не раздѣлить этой завидной добычи, но осуществимы ли эти мечты?!! А если дѣйствительно суждено не устоять Севастополю, что ждетъ насъ? Какая судьба тяготѣетъ надъ нами? Такими печальными мыслями мы были встрѣчены при входѣ въ свое старое жилище, совершенно уже покинутое хозяевами на произволъ судьбы. Но подобныя мысли здѣсь не долговѣчны: мгновенно появляясь, они мгновенно и улетаютъ, на душѣ оставляя такой же отпечатокъ, какъ бродячія облака на синемъ небѣ; мысли эти уступаютъ мѣсто вседневнымъ житейскимъ заботамъ, а въ особенности весьма обширнымъ служебнымъ трудамъ.

Союзники видимо намѣрены предпринять что-нибудь рѣшительное. На горизонтѣ, въ морѣ, дымятся безпрестанно снующіе пароходы; одинъ стоитъ на сторожѣ внѣ выстрѣла, противъ самаго входа въ бухту, рисуясь, какъ

темное облачко, на ясной лазури; лѣвѣе все пространство покрыто эскадрою, нѣсколько пароходовъ которой постоянно разводятъ пары; лѣсъ мачтъ виднѣется вдали за мысомъ.

Конечно, исторія морскихъ войнъ не представляетъ примѣра подобнаго сосредоточенія морскихъ силъ на одномъ пунктѣ.

Съ нашей стороны, на всякій случай, еще два корабля приготовлены къ потопленію въ бухтѣ для окончательнаго прегражденія входа въ оную: „Трехъ Іерарховъ“ и „Святославъ“ *). Жаль, истинно жаль черноморскаго флота. Но нечего дѣлать. Осязательно видна необходимость такой мѣры. На сушѣ также велика дѣятельность. Кипятъ работы союзниковъ противъ Малахова кургана.

Баронъ Остенъ-Сакенъ продолжаетъ быть недовольнымъ генераломъ Павловымъ и высказалъ это ему въ глаза сегодня, самымъ рѣшительнымъ образомъ, начавъ съ того, что будто у насъ въ полкахъ дурно кормятъ людей. Совершенно несправедливый упрекъ. Павлову здѣсь не поручено ни какой отдѣльной части и такимъ образомъ въ оборонѣ Севастополя мы принимаемъ только косвенное участіе—Павловъ управляетъ своей дивизіей и только; между тѣмъ дивизія ежедневно по частямъ расходится къ другимъ командирамъ различныхъ отдѣльныхъ частей подъ начальство, а самъ Начальникъ дивизіи остается безъ всякой команды, кромѣ своего штаба. Отъ этого, напримѣръ, въ случаѣ штурма, нѣтъ въ виду части нашей дивизіи, къ которой было бы основаніе генералу Павлову примкнуть со своимъ штабомъ!

Нечего сказать—завидное положеніе!

Наконецъ-то кое-что, кажется, достовѣрное узналъ объ Евпаторійскомъ дѣлѣ, впрочемъ поручиться не могу, хотя передавалъ мнѣ эти подробности капитанъ Поповъ, состоящій при генералѣ Хрулевѣ въ качествѣ адъютанта.

Вопервыхъ, передаютъ нѣчто совершенно невѣроятное, какъ бы со словъ самаго генерала Хрулева, а именно, что будто бы ему не была извѣстна цѣль атаки на Евпаторію, т.-е. будто онъ не зналъ зачѣмъ ее нужно взять? и слѣдовательно, надлежало ли взять ее во что бы то ни стало, какихъ бы жертвъ это ни стоило или надо было стремиться къ овладѣнію ею въ томъ только случаѣ, когда тому будутъ благопріятствовать обстоятельства и когда это не будетъ сопряжено со слишкомъ значительными потерями въ людяхъ. Хрулевъ также будтобы не зналъ съ точностью: какими именно и въ какомъ числѣ войсками онъ будетъ командовать въ предстоявшемъ дѣлѣ и какихъ силъ найдетъ противника?

Возможно ли, чтобы такой опытный, боевой генералъ, какъ Хрулевъ, приступая къ столь важному предпріятію, не имѣлъ такихъ необходимыхъ данныхъ и такимъ образомъ приступилъ къ его исполненію очертя голову?

---

*) Одно время часть затопленныхъ кораблей разнесло волненіемъ и рейдъ сдѣлался свободенъ, что содержалось въ величайшей тайнѣ, пока не потопили еще нѣсколько судовъ.

Но повторимъ то, что намъ разсказывали какъ бы очевидцы и участники событія.

Прибывъ подъ Евпаторію 2 февраля, Хрулевъ не засталъ еще войскъ собравшимися, за грязью и распутицей не имѣвшихъ возможности прибыть въ указанное имъ время къ сборному пункту. Войска собрались только 3 февраля.

Еще до этого Хрулевъ сдѣлалъ рекогносцировку евпаторійскихъ укрѣпленій, причемъ оказалось, что они еще не вооружены, вообще находятся въ неисправномъ состояніи, крутизны ихъ не отдѣланы и во многихъ мѣстахъ осунулись. Словомъ, по всему было видно, что никто не ожидалъ нашей атаки. Надлежало торопиться. На завтра назначенъ былъ штурмъ. Сдѣлана диспозиція и роздана войскамъ; но вдругъ, въ тотъ же день, одинъ уланъ (полякъ), верхомъ, въ полномъ вооруженіи, въ виду всего отряда, ускакалъ къ непріятелю. Очевидно было, что онъ передастъ Туркамъ наши намѣренія и дастъ имъ точное понятіе о нашихъ боевыхъ силахъ.

Что оставалось дѣлать? Отложить атаку, хотя и утратившую характеръ внезапности, но на которую разсчитывали, находили невозможнымъ, ну и ограничились нѣкоторыми измѣненіями въ частностяхъ диспозиціи. Между тѣмъ Турки употребляли всевозможныя усилія, чтобы дать намъ надлежащій отпоръ. Работа у Турокъ кипѣла всю ночь. Трудились надъ исправленіемъ и усиленіемъ укрѣпленій Евпаторіи не только весь гарнизонъ ея, но всѣ жители города и множество сбѣжавшихся туда, намъ измѣнившихъ Татаръ. Послѣдствіемъ этого было, что, когда Хрулевъ атаковалъ Евпаторію, то нашелъ, что со времени его рекогносцировки ея укрѣпленія успѣли значительно измѣниться.

Хрулевъ поставилъ артиллерію саженяхъ въ 300-хъ отъ Евпаторійскихъ укрѣпленій и вытянувъ до 80 орудій въ одну линію, открылъ по нимъ убійственный огонь, который немедленно произвелъ пять взрывовъ у непріятеля и смятеніе въ его войскахъ, занимавшихъ передовыя укрѣпленія. Усмотрѣвъ таковое дѣйствіе своего артиллерійскаго огня, Хрулевъ двинулъ артиллерію еще нѣсколько впередъ и поставилъ ее на высотѣ непріятельскихъ редутовъ. Видя успѣхъ нашего огня, греческіе волонтеры первые бросились къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ и, подбѣжавъ къ нимъ на самое близкое разстояніе, залегли во рвы и за камни, откуда стали поражать каждаго, рѣшавшагося только показаться изъ укрѣпленія. Хрулевъ велѣлъ Азовскому полку атаковать непріятеля; съ азовцами двинулись волонтеры; но Турки открыли изъ укрѣпленій такой картечный и ружейный огонь, что движеніе азовцовъ, волонтеровъ и спѣшившихся казаковъ—не имѣло успѣха. Видя это, драгунскій полкъ Государя Наслѣдника Цесаревича, тоже спѣшившійся и шедшій на штурмъ, повернулъ налѣво кругомъ, добѣжалъ до своихъ лошадей, и поторопился выйти изъ-подъ огня Евпаторійскихъ укрѣпленій.

Видя неудачу, Хрулевъ приказалъ отодвинуться войскамъ. Азовцы просили при этомъ позволенія возобновить штурмъ, увѣряя, что ихъ остановило неожиданно ими встрѣченное препятствіе, а именно—столь глубокій

ровъ, съ водою, что штурмовыя лѣстницы, которыя они несли съ собой, оказались коротки и потому только они не имѣли возможности перейти черезъ ровъ. Но Хрулевъ не позволилъ возобновлять атаки и отвелъ войска,ославъ доложить князю Меньшикову, что онъ не рѣшится на усиленный приступъ къ Евпаторіи, на которомъ пришлось бы потерять, можетъ быть, до 7.000 человѣкъ, а между тѣмъ, хотя городъ и взятъ былъ бы несомнѣнно, но удержаться въ немъ невозможно, такъ какъ онъ обстрѣливается флотомъ, что доказывается дѣйствіемъ съ судовъ во флангъ нашимъ войскамъ, во время приступа къ Евпаторіи. Генералъ Хрулевъ прибавилъ, что впрочемъ онъ ждетъ приказаній и если только необходимо взять Евпаторію, во что бы то ни стало, то онъ возьметъ ее.

Князь Меньшиковъ благоразумно приказалъ разойтись войскамъ.

Однимъ словомъ, съ нѣкоторыми варіаціями, Евпаторійское дѣло было повтореніемъ Ольтеницкаго!! *).

10 февраля.

Вчера, лѣвѣе Малахова кургана наши взяли двухъ, порядкомъ подгулявшихъ французскихъ артиллерійскихъ капраловъ. Щегольски одѣтые въ

*) Князъ Меньшиковъ подъ вліяніемъ настоянія Государя объ открытіи рѣшительныхъ дѣйствій пришелъ къ заключенію атаковать Евпаторію и хотѣлъ возложить исполненіе этого предпріятія на начальника блокадного Евпаторійскаго отряда генерала барона К. Е. Врангеля, но этотъ боевой генералъ, произведя рекогносцировку Евпаторіи, рѣшительно возсталъ противъ таковой атаки, не видя возможности ея успѣха. „Меньшиковъ,—говоритъ Дубровинъ (Idem., стр. 368),—убѣжденный доказательствами людей компетентныхъ, согласился было оставить свое намѣреніе и не предпринимать штурма, но вслѣдъ за тѣмъ, введенный въ заблужденіе генераломъ Хрулевымъ, поручилъ ему начальство надъ войсками и разрѣшилъ атаковать городъ".

На представленіе Врангеля посланное 29 января о невозможности атаки, Меньшиковъ 30 января писалъ Врангелю; „какъ Ваше Превосходительство не находите возможнымъ произвести предположенную атаку на Евпаторію и изъ отзыва моего вамъ извѣстно, что силы непріятеля тамъ увеличиваются и быть можетъ, что прибудутъ еще, то прошу принять хотя мѣры, дабы непріятель не могъ выйти изъ Евпаторіи и напасть на наше сообщеніе". Но не прошло и двухъ часовъ послѣ полученія Врангелемъ этого распоряженія, какъ часу въ одиннадцатомъ утра прискакалъ новый посланный изъ Севастополя, съ увѣдомленіемъ, что штурмъ Евпаторіи долженъ состояться и что исполненіе этого предпріятія главнокомандующій возлагаетъ на генералъ-лейтенанта Хрулева (Дубровинъ. Idem, стр. 373). Дубровинъ во всемъ этомъ дѣлѣ видитъ интригу Хрулева. По его словамъ, Хрулевъ давно искалъ случая командовать отдѣльнымъ самостоятельнымъ отрядомъ. Получивъ распоряженіе Меньшикова отправиться въ распоряженіе генерала Врангеля, для занятія должности начальника штаба всѣхъ войскъ, для атаки Евпаторіи предназначавшихся, онъ встрѣтился съ Врангелемъ у Евпаторіи и согласился съ нимъ (по словамъ поручика Голенковскаго „Записки о дѣйствіяхъ Евпаторійскаго отряда въ Крыму въ 1854, 55, 56 гг." 1858) относительно невозможности штурмовать ее; но, въ тотъ же самый день, когда баронъ Врангель донесъ главнокомандующему о результатахъ таковой рекогносцировки, Хрулевъ, ничего не сказавъ Врангелю, написалъ князю Меньшикову: „До моего пріѣзда, генералъ Врангель осмотрѣлъ позицію и призналъ брать Евпаторію невозможнымъ. Я сего числа, при рекогносцировкѣ, убѣдился, что Евпаторію взять возможно и *ручаюсь за совершенный успѣхъ*"... Меньшиковъ поручилъ Хрулеву взять и *разрушить* Евпаторію. Послѣдствія извѣстны, но князь Меньшиковъ 9 февраля все-таки писалъ князю Горчакову слѣдующее: „Я поручилъ Хрулеву атаковать Евпаторію, но одинъ изъ нашихъ польскихъ дезертировъ предупредилъ непріятеля, которымъ и вызваны во время подкрѣпленія изъ осаждающей арміи, да свезены на берегъ корабельныя пушки. При такихъ обстоятельствахъ Хрулевъ не рисковалъ приступомъ и хорошо сдѣлалъ". (Рус. Старина 1875 г., февраль). Утверждаютъ, что неблагопріятный для насъ исходъ Евпаторійской атаки гибельно подѣйствовалъ на ходъ болѣзни Императора Николая Павловича.

одни мундиры, они пойманы въ цѣпи. На допросѣ показали, что хотѣли поближе взглянуть на Севастополь и для того рѣшились прокрасться черезъ нашу цѣпь, если удастся, и потомъ тѣмъ же путемъ возвратиться домой; если же не удастся намѣреніе, то все равно, зная великодушіе Русскихъ, они надѣялись, что ихъ жизнь будетъ пощажена и имъ представится случай коротко познакомиться съ Севастополемъ, находясь въ плѣну. Вотъ оригинальное удальство, служащее новымъ подтвержденіемъ старой пословицы: пьяному море по колѣно.

11 февраля.

Вчера вечеромъ, когда совершенно стемнѣло, мы проводили Селенгинскій полкъ на работу новаго укрѣпленія, которое предоставлено ему возвести далеко впереди всей линіи нашихъ укрѣпленій, на отлогости Сапунъ-горы, на правомъ берегу Киленъ-балки, въ намѣреніи дѣйствовать съ этого редута во флангъ новымъ непріятельскимъ работамъ, начатымъ противъ Малахова кургана. Предпріятіе чрезвычайно опасное. Полкъ шелъ какъ на смерть; но шелъ весело, смѣло, бодро, хотя совершенно молча. Полковникъ Сабашинскій впереди полка—неизмѣненъ; онъ протянулъ мнѣ руку: „прощай, едва ли увидимся!“—Полно,—Богъ милостивъ!—Дѣйствительно Богъ былъ милостивъ: прикрытые Волынскимъ полкомъ Селенгинцы работали на пролетъ всю ночь, а Французы, вѣроятно, не замѣтившіе этой работы *), или не имѣвшіе на этомъ пунктѣ достаточно силъ, чтобы серьезно повредить работающимъ, даже не заводили перестрѣлки. Наши, не потерявъ ни одного человѣка, успѣли поставить туры, насыпать ихъ землею и нѣсколько углубить ровъ такъ, что образовалось нѣкоторое прикрытіе, несмотря на твердость грунта и тонкость слоя земли, покрывавшей каменную почву.

Сегодня, около полудня, Французы открыли слабый штуцерный огонь, поддерживая его до вечера, весьма неудачно: въ Селенгинскомъ и Волынскомъ полкахъ не было убыли и только одинъ саперный унтеръ-офицеръ прострѣленъ штуцерною пулею на-вылетъ.

Редутъ названъ *„Селенгинскимъ“* и полкъ того же наименованія остался у него въ гарнизонѣ, обязанный вооружить это укрѣпленіе и привесть его въ надлежащій видъ.

Разсказы о сраженіи всегда бываютъ весьма сбивчивы, особенно тотчасъ послѣ дѣла. Каждый разсказываетъ событіе по-своему; каждый изъ участниковъ силится прямо или стороной выказать свои подвиги, свое участіе въ

*) 22 февраля утромъ Французы замѣтили въ 900 метрахъ отъ батареи № 2 тронутую землю; начертаніе произведенныхъ работъ доказывало, что строится батарея съ одной стороны для противудѣйствія новымъ работамъ Французовъ, съ другой—для обезпеченія Камчатскаго люнета, дѣйствіемъ во флангъ работамъ Французовъ, которыя могутъ быть направлены какъ противъ люнета, такъ и противъ Малахова кургана. Работа новой батареи такъ была опасна Французамъ, что генералъ Боске рѣшился овладѣть новою батареею открытой силой, ночью съ 11 на 12 февраля (Historique du service de l'Artillerie стр. 198)

общемъ дѣлѣ, свое, хотя бы косвенное, вліяніе на ходъ его или на судьбу какого-либо изъ его моментовъ. Отъ этого, обыкновенно, при сборѣ частныхъ разсказовъ воедино, выходитъ большая неладица. Многіе начальники сейчасъ послѣ дѣла составляютъ, такъ сказать, рамку картинѣ онаго и втискиваютъ въ нее частные разсказы, приводя ихъ въ систему, заранѣе ими созданную на извѣстныхъ основаніяхъ. При этомъ, обыкновенно, что *не нужно*—выпускается, что *нужно*—вымышляется, и разсказъ о событіи получаетъ желаемый покрой, сообразный со вкусомъ, взглядомъ и потребностями того, съ чьимъ именемъ связано разсказываемое событіе. Адъютанты, ординарцы главныхъ начальниковъ, прискакивающіе посмотрѣть на дѣло и доложить о происходившемъ, если они *не въ дурныхъ* отношеніяхъ съ начальникомъ дѣйствовавшей части, привозятъ главному начальнику разсказы о сраженіи выполированными, отдѣланными. Такимъ образомъ главный начальникъ, самъ по большей части не бывшій въ дѣлѣ (говорю про небольшія дѣла, здѣсь разыгрывающіяся), получаетъ почти оконченную картину дѣла, писанную живыми красками; ему только стоитъ пройти ее кистью опытности и краснорѣчія и картина совершенно готова для представленія куда слѣдуетъ. Но потому-то именно, что много трудятся *надъ отдѣлкою* подобныхъ картинъ, онѣ очень часто бываютъ далеки отъ дѣйствительности и непохожи на самое событіе.

12 февраля.—Севастополь.

Въ послѣднее время Севастополь привлекъ къ себѣ такое вниманіе, что какъ его мѣстность, такъ и ближайшія его окрестности рисуются въ памяти всякаго, кто только слѣдитъ за ходомъ дѣлъ на югѣ Россіи. Топографическія карты и планы Севастополя, болѣе или менѣе вѣрныя, съ обозначеніемъ нашихъ и непріятельскихъ укрѣпленій, расходятся по Россіи во множествѣ. Каждый читатель нашъ составилъ себѣ хотя нѣкоторое понятіе о характерѣ севастопольской мѣстности, каждый, слѣдовательно, знаетъ, что южный берегъ знаменитой бухты, столь соблазнительной для нашихъ недруговъ, изрѣзанъ такъ-называемыми *балками*. Эти балки (громадные овраги), начиная отъ южной бухты, которая не что иное, какъ заливъ большой бухты, идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Аполонова, Ушакова, Киленъ-балка, Троицкая, Георгіевская балка и такъ далѣе.

Доселѣ лѣвый флангъ линіи нашихъ оборонительныхъ укрѣпленій примыкалъ къ лѣвому гребню Киленъ-балки; укрѣпленія наши не переступали этого Рубикона, и пространство за оною сторожилось неусыпными пластунами, нашими пѣхотными секретами, батареями „Маяка“ (построеннаго на возвышенности противуположнаго берега бухты, возвышенности, господствующей надъ мѣстностью), нѣсколькими пароходами, кораблемъ и фрегатомъ, занимавшими верхнюю часть бухты.

Но, по причинамъ вышеизложеннымъ, т.-е. по случаю движенія непріятельскихъ работъ впередъ противъ Малахова кургана, послѣ избранія

генераломъ Ніелемъ этого пункта главною цѣлію атаки, намъ было необходимо идти контръ-апрошами противъ непріятельскихъ работъ, утвердиться на пространствѣ за Киленъ-балкою, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ непріятелемъ, и, если будетъ возможно, соорудить тамъ укрѣпленія, которыя бы анфилировали новыя непріятельскія работы. Первую изъ этихъ работъ суждено было произвесть, какъ мы выше видѣли, Селенгинскому пѣхотному полку. Но возвратимся къ самому началу построенія редута.

Распоряженіе сдѣлано въ девять часовъ луннаго, прекраснаго вечера, 10 февраля. Пластуны подвинуты впередъ, ближе къ непріятелю; ихъ мѣсто занялъ Волынскій пѣхотный полкъ, подъ командою генералъ-майора Хрущева, назначеннаго начальникомъ всего отряда, а на одномъ изъ холмовъ, на пунктѣ лично указанномъ полковникомъ Тотлебеномъ, между Троицкою и Киленъ-балками заложенъ редутъ на шестнадцать орудій, не далѣе, какъ на обыкновенный ружейный выстрѣлъ отъ непріятельскихъ траншей. Разумѣется, туры были принесены съ собою, и въ два-три часа выросло нѣкоторое прикрытіе для рабочихъ, состоявшее изъ туровъ, искусно поставленныхъ и насыпанныхъ землею. Но или непріятель не замѣтилъ нашей работы, не съ должною бдительностію охраняя этотъ пунктъ, на которомъ мы со времени большой вылазки, 24 октября 1854 г., ни разу его не тревожили, или же союзники высматривали нашу работу, желая проникнуть наше намѣреніе, чтобы знать какъ дѣйствовать,—какъ бы то ни было, только въ теченіе цѣлой ночи съ ихъ стороны не мѣшалъ нашимъ рабочимъ ни одинъ выстрѣлъ. Работа кипѣла, и къ разсвѣту солдаты настолько успѣли углубиться въ землю, что уже въ нѣкоторой степени были защищены отъ непріятельскаго огня, а для прикрытія передовыхъ постовъ было вырыто нѣсколько ложементовъ.

При сооруженіи этого редута нашимъ предстояла египетская работа: редутъ воздвигался на каменистомъ грунтѣ, едва покрытомъ тонкимъ слоемъ земли. Почти вся работа производилась кирками; искры летѣли отъ усиленныхъ ударовъ о каменистый грунтъ, но, несмотря на то, надобно было сдѣлать нѣсколько ударовъ киркою, чтобъ отбить небольшой кусокъ камня. Солдаты вѣрили въ необходимость укрѣпленія и работали усердно. Ночь проходила благополучно. Всѣ думали, что въ первыя минуты разсвѣта непріятель замѣтитъ нашу дерзкую работу и пошлетъ противъ нее цѣлую тучу свинца и чугуна. Ничуть не бывало. Утромъ завязалась небольшая перестрѣлка между нашими штуцерниками, залегшими за камни и бугорки, и между непріятелемъ, скрытымъ въ траншеѣ. Весь день 11 февраля, на этомъ пунктѣ сохранялось совершенное спокойствіе, только изрѣдка взвизгивала непріятельская пуля, долетая даже до бухты. Въ теченіе сутокъ мы почти не имѣли потери. Работа не переставала ни на мгновенье. Отдохнувшіе люди смѣняли уставшихъ и редутъ видимо крѣпчалъ. Днемъ наши не работали, ежеминутно ожидая открытія сильнаго огня, опасаясь понесть отъ него большую потерю въ людяхъ. Въ начатомъ редутѣ остав-

ленъ былъ небольшой гарнизонъ и незначительная часть людей для работъ въ закрытыхъ мѣстахъ; остальная часть отряда была отведена въ резервъ къ бухтѣ.

На ночь съ 11 на 12 февраля тридцать шесть пластуновъ Черноморскаго пѣшаго казачьяго баталіона № 8 залегли въ секретахъ. Для прикрытія нашихъ работъ сталъ Волынскій пѣхотный полкъ. Командиръ этого полка генералъ-майоръ Хрущовъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и начальникъ отряда, занялъ четвертымъ баталіономъ, построеннымъ въ ротныя колонны, пространство отъ спуска къ Троицкимъ погребамъ (да проститъ мнѣ читатель: я все-таки предполагаю, что предъ нимъ развернута карта Севастополя съ окрестностями), чрезъ саперную дорогу, до отрога Киленъ-балки, идущаго къ лѣвому флангу непріятельской траншеи, на Сапунъ-горѣ, загнувъ свой правый флангъ по гребню лощины. Одинъ взводъ отъ каждой ротной колонны былъ разсыпанъ въ цѣпь по линіямъ вышеупомянутыхъ ложементовъ, расположенныхъ въ двухстахъ пятидесяти саженяхъ отъ англійской траншеи. Два баталіона (первый и второй) стояли въ колоннахъ къ атакѣ, впереди редута, поддерживая фланги цѣпи. Остальной (третій) баталіонъ былъ выдвинутъ влѣво по скату лощины, ведущей къ Троицкимъ погребамъ, потому что натискъ непріятеля предполагался скорѣе всего на томъ мѣстѣ, и потому еще, что лѣвый флангъ нашей цѣпи былъ болѣе отдаленъ, тогда какъ правый ея флангъ охранялся огнемъ Корнилова и № 2 бастіоновъ. Подъ этимъ надежнымъ прикрытіемъ, два баталіона Селенгинцевъ дружно работали въ редутѣ, оставивъ свои ружья внѣ редута, подъ охрану баталіона, работавшаго во рву.

Такимъ образомъ приняты были всѣ воинскія предосторожности, особенно необходимыя въ подобныхъ случаяхъ. Селенгинцы работали, что называется не складывая рукъ, думая къ утру привесть редутъ въ состояніе, близкое къ окончанію. Съ вечера прекрасная лунная ночь не мѣшала работѣ, весело трудились солдатики; офицеры балагурили, сидя въ кружкахъ и досадуя, что не велѣно разводить костровъ... Съ полуночи мѣсяцъ спрятался, стемнѣло совершенно; работать стало труднѣе. Вскорѣ темнота увеличилась насунувшеюся тучею, застлавшею горизонтъ. Въ двухъ шагахъ нельзя было различить предметовъ. Только гладкая поверхность спокойной бухты свѣтлѣла, будто вороненый дискъ рыцарскаго щита, и, словно узорчатые на немъ гербы, рисовались на ней черные силуэты кораблей и пароходовъ. Казалось, успокоилась не только вся окрестная природа, но и самые люди, враждою сюда созванные изъ разныхъ странъ. Ночная тишина прерывалась далекимъ выстрѣломъ одного изъ послѣднихъ нумеровъ нашихъ батарей, еще отдаленнѣйшимъ взрывомъ бомбы, говоромъ работавшихъ въ редутѣ, смѣшаннымъ съ шумомъ ихъ инструмента, гуломъ паденія подброшенной земли, да звонкимъ хохотомъ веселаго солдатика, вызваннымъ какою-нибудь незамысловатою шуткою его товарища...

Но, чу!... выстрѣлъ въ цѣпи, другой... третій, все покрываетъ крикъ:

„en avant!“... „Въ ружье!“—крикнулъ командиръ полка полковникъ Сабашинскій. Въ одно мгновеніе ружья разобраны; два баталіона попрежнему заняли редутъ; одинъ поставленъ на правомъ его флангѣ, пока не разъяснится причина тревоги и обстоятельства укажутъ, что дѣлать. Но и намъ надобно же знать эту причину.

Французы, какъ видно, рѣшились, во что бы то ни стало, отнять у насъ начатый редутъ, уничтожить всю нашу работу, а если посчастливится, то и утвердиться на избранномъ нами мѣстѣ. Съ этою цѣлью посланъ былъ, подъ главнымъ начальствомъ начальника 3 дивизіи, генералъ Майрана и, подъ личною командою генерала Монэ, сильный отрядъ отборнаго войска *). Въ составъ этого отряда, по словамъ плѣнныхъ, вошли два баталіона Зуавовъ подъ командою полковника Клера, баталіонъ 6 линейнаго полка, баталіонъ 10 линейнаго полка, баталіонъ моряковъ и девяносто человѣкъ охотниковъ, вызванныхъ изъ всей французской арміи.

Въ резервѣ за этимъ отрядомъ находилась дивизія Англичанъ съ полевою артиллеріею.

Читая эти строки, даже не посвященный въ таинства военнаго искусства, даже самый мирный гражданинъ пойметъ, что такое предпріятіе Французовъ нельзя было назвать шуткою, что баталіоны такого войска, цвѣтъ французской молодежи, избранные и добровольно вызвавшіеся на подвигъ, удальцы воинственнаго народа, непремѣнно останутся побѣдителями... Но дѣломъ Богъ располагаетъ!... Французы, пользуясь темнотой **), усиленной надвинувшеюся тучею, въ глубокомъ безмолвіи подошли къ самой цѣпи пластуновъ, опрокинули ее, пробѣжали мимо нашего секрета и ударили на цѣпь Волынцевъ. Но по счастію одинъ изъ пластуновъ успѣлъ выстрѣлить и тѣмъ остеречь нашихъ ***).

Цѣпь 10 и 11 мушкатерскихъ ротъ Волынцевъ встрѣтила сильнымъ огнемъ стремительно наступавшихъ Французовъ, и, сбѣжавшись въ кучи, мужественно приняла бой.

Генералъ Хрущовъ приказалъ зажечь фальшфейеръ, бывшій условнымъ знакомъ, что Французы нападаютъ и что нашимъ батареямъ можно стрѣлять по нимъ, и въ тотъ же моментъ, поспѣшивъ на помощь съ 1-мъ и

---

*) По словамъ „Historique du service de l'Artillerie“, у Французовъ было 5 баталіоновъ пѣхоты и 12 артиллеристовъ для заклепыванія нашихъ орудій (Ibidem, c. 198).

**) Въ половинѣ перваго часа утра Французы начали движеніе, а въ 2 часа они уже ударили на нашу передовую цѣпь. Чтобы не обнаружить себя Французамъ было приказано оставить на бивакѣ даже (металлическія) ножны своихъ сабель, замѣнявшихъ у нихъ штыки, а также манерки, воспрещено было стрѣлять и приказано приблизившись къ рабочимъ ударить на нихъ въ штыки.

***) Наши солдаты разсказываютъ, что пластуны прозѣвали Французовъ или за темнотою, или, быть можетъ, на грѣхъ, вздремнувъ порядкомъ. Французы очутились внезапно, что называется, на носу у нашихъ; впереди бѣжалъ французскій офицеръ и попалъ на нашего пластунскаго офицера, который его схватилъ, безъ церемоніи, за горло и закричалъ своему пластуну: *„бѣги, кажи, то врагъ иде!“* Пластунъ бросился въ цѣпь, кричитъ: *„палыть, палыть—се чужіе йдутъ!“* какъ будто у самого и не бывало ружья въ рукахъ, чтобъ выстрѣлить и поднять тревогу. Волынцы не вѣрятъ. Пластунъ подскочилъ къ одному солдату, да по шеѣ его:—*„палыть, кожу, се врагъ иде!“* Солдатъ выстрѣлилъ и пошла работа.

2-мъ баталіонами, безъ выстрѣла бросился въ штыки *). Закипѣлъ бой, освѣщенный огнемъ ружейныхъ выстрѣловъ, на мгновенье озарявшихъ небольшое пространство и тотчасъ погружавшихъ его еще въ большій мракъ. Но вотъ, будто огненныя змѣи, несутся свѣтящіяся ядра нашихъ батарей; вотъ зажглись они маяками смерти, кровавымъ свѣтомъ озаривъ картину ночнаго рукопашнаго боя, и вслѣдъ за ними посыпался цѣлый градъ снарядовъ. Корнилова бастіонъ (Малаховъ курганъ), батареи №№ 1 и 2, пароходы „Владиміръ“, „Громоносецъ“, „Херсонесъ“ казались огнедышущими, потрясая громомъ своихъ ужасныхъ орудій всю окрестность. Орудія этихъ батарей и пароходовъ еще съ вечера были наведены на пространство, по которому *могъ* наступать непріятель. Не успѣлъ догорѣть фальшфейеръ, какъ уже первая граната, брошенная съ № 2-го капитанъ-лейтенантомъ Ершовымъ, разорвалась въ колоннѣ Французовъ.

Французы презирали смерть, отовсюду на нихъ летѣвшую, и баталіонъ за баталіономъ стремились на Волынцевъ, свернувшихся въ колонны; но ярый натискъ французскихъ удальцовъ встрѣтилъ въ этихъ колоннахъ несокрушимое препятствіе къ дальнѣйшему ихъ стремленію. Нападавшіе, нѣсколько разъ отбитые, снова строились, снова ударяли и снова отступали!...

Между тѣмъ какъ генералъ Хрущовъ былъ вынужденъ возобновленными ударами Французовъ ввести въ дѣло весь свой полкъ, между тѣмъ какъ бой былъ во всемъ разгарѣ, новая сильная непріятельская колонна, съ охотниками во главѣ, обогнула линію сражавшихся, не замѣченная нашими въ непроницаемой темнотѣ, и съ крикомъ восторга бросилась на самый редутъ. Но тутъ поразила Французовъ горькая неожиданность. Редутъ казался имъ издали совершенно доступнымъ, не болѣе какъ прикрытіемъ, сдѣланнымъ изъ туровъ, которые стоило только разбросать, чтобъ овладѣть имъ; между тѣмъ они нашли ровъ, глубиною аршина въ два, шириною болѣе сажени, и, въ минуту ихъ появленія у редута, изъ него посыпались на нихъ дождемъ пули. Рѣшившись преодолѣть всѣ препятствія, Французы перелѣзли

---

*) Хрущевъ впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи и военный генералъ-губернаторъ Западной Сибири. Извѣстная отвага этого достойнаго генерала едва въ этомъ случаѣ не стоила ему жизни: наскочившій на него Французъ, штыкомъ или саблею, навѣрно не знаю, замахнулся уже, чтобъ убить его, но находившійся при генералѣ горнистъ тесакомъ повалилъ Француза и спасъ генерала Хрущова. Этотъ случай неправильно и, можно сказать, обидно разсказанъ въ статьѣ *„Десять дней въ Севастополѣ“—Москвитянинъ*, № 9, 1855 года. (Этотъ разсказъ перепечатанъ въ 165 номерѣ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, за 1855 годъ).

Авторъ, говоря, будто редутъ три раза переходилъ изъ рукъ въ руки, чего въ самомъ дѣлѣ никогда не было, продолжаетъ: „одинъ зуавъ *ухватилъ за воротъ* командира полка, генералъ-маіора Хрущова, и потащилъ къ своимъ рядамъ (какъ будто генералъ Хрущовъ маленькій ребенокъ, котораго такъ вотъ и можно схватить и потащить!!); но бывшій подлѣ горнистъ ударилъ зуава на отмашъ *пикою трубы* (ужъ хоть бы трубою, а то только *пикою*, которая величиною съ мизинецъ) въ голову и убилъ на повалъ“...

Не правда ли, какъ это все вѣроятно и возможно?—Самъ генералъ Хрущовъ въ своихъ Запискахъ (Ibidem стр. 70) говоритъ: „Во время рукопашнаго боя, зуавскій офицеръ занесъ на меня саблю (чего я не видалъ, смотря въ другую сторону), но стоявшій возлѣ меня рядовой Бѣлоусовъ закололъ его, а полковой горнистъ Павловъ, въ то же время выхватилъ у него саблю“.

ровъ, подъ смертоноснымъ огнемъ взлѣзли на брустверъ и бросились въ редутъ. Первый ворвался штабъ-офицеръ, командиръ охотниковъ, съ длинною рапирою въ рукѣ; но въ минуту своего появленія въ редутѣ былъ поднятъ на штыки!... За нимъ вскочилъ молоденькій офицеръ; но не успѣлъ оглянуться, какъ сосѣдній солдатикъ привѣтствовалъ его киркой по головѣ. Растянулся бѣдняжка!... За нимъ еще офицеръ... Но кто-то дюжею рукою даже помогъ ему взлѣзть на валъ, схватилъ его за воротъ, вышибъ саблю изъ рукъ, и молодца мгновенно потащили въ глубину редута... Еще и еще за ними послѣдовали многіе, но всѣ эти удальцы, имѣвшіе несчастіе достичь редута, нашли на немъ свою могилу, или взяты въ плѣнъ.

Во время этой стремительной атаки непріятеля, послѣ самаго жаркаго боя Волынскаго полка съ центромъ атаковавшаго непріятеля, опрокинувъ его, генералъ Хрущовъ ударилъ сборъ и повелъ устроенные имъ баталіоны Волынцевъ съ барабаннымъ боемъ на встрѣчу свѣжимъ силамъ Французовъ, спѣшившихъ на помощь къ своимъ. Потрясенные напряженнымъ ударомъ въ штыки Волынцевъ, одушевленныхъ грохотомъ своего барабана, бившаго наступленіе, Французы стали такъ же быстро отступать, какъ дерзко наступали прежде. Движеніемъ своимъ баталіоны Волынцевъ очутились во флангѣ охотничьей колонны Французовъ, ударившей на редутъ, которая, встрѣченная грознымъ отпоромъ на редутѣ, угрожаемая съ фланга, бѣжала и, притомъ, не въ безопасное мѣсто, а подъ градъ нашихъ снарядовъ, уже остановившихъ дальнѣйшее наступленіе остальныхъ непріятельскихъ колоннъ, уже поразившихъ смертью и ужасомъ Англичанъ, двигавшихся на помощь съ артиллеріей.

Между тѣмъ полковникъ Сабашинскій, видя безпрестанно усиливавшіяся массы непріятеля, пошелъ, при барабанномъ боѣ, съ 1-мъ баталіономъ своего полка и пристроившимися къ нему: 4-й гренадерской, 10-й и взводомъ 11-й мушкетерскихъ ротъ Волынскаго полка, по саперной дорогѣ, чтобы взять во флангъ секурсировавшаго непріятеля. Въ недальнемъ разстояніи отъ редута, Селенгинцы встрѣтили бѣжавшую на помощь колонну Французовъ и однимъ ударомъ опрокинули ее въ лощину, подъ выстрѣлы нашей артиллеріи *).

На всѣхъ мѣстахъ боя успѣхъ нашъ былъ очевиденъ. Непріятель бѣжалъ; наши преслѣдовали Французовъ до линіи нашего огня, а затѣмъ дальнѣйшее ихъ преслѣдованіе, чтобы не подвергаться дѣйствію своихъ же выстрѣловъ, предоставили искусству моряковъ-артиллеристовъ.

Отраженіе нападенія непріятеля было столь рѣшительно, что онъ не дерзнулъ попытать новаго счастья, не дерзнулъ даже ввести въ дѣло резервной дивизіи Англичанъ. Наши батареи долго еще не переставали громить траншеи союзниковъ. Селенгинскій полкъ возвратился къ своей работѣ, ко-

*) Генералъ Хрущовъ находитъ, что это показаніе „*Несправедливо, ибо, по его словамъ, атаки на томъ пунктѣ позиціи вовсе не было*“ (Ibidem, стр. 69). Вообще въ своемъ разсказѣ объ дѣлѣ на 12 февр., генералъ Хрущовъ всю честь его приписываетъ исключительно себѣ и Волынскому полку, которымъ онъ въ то время еще командовалъ.

торая закипѣла веселѣе прежняго, а Волынскій полкъ пробылъ всю ночь наготовѣ вновь встрѣтить непріятеля.

Разсвѣло. Увидѣли кровавое поле ночнаго побоища. Болѣе ста непріятельскихъ труповъ (въ томъ числѣ восемь офицеровъ) и шестьдесятъ пять нашихъ лежало на немъ. Раненыхъ своихъ, а также и непріятельскихъ, которыхъ враги еще не успѣли подобрать, отнесли еще ночью на наши перевязочные пункты.

У насъ убито нижнихъ чиновъ: Волынскаго полка — 63 чел., Селенгинскаго — 2 чел.; ранено офицеровъ: Селенгинскаго полка 1 и Волынскаго — 3; нижнихъ чиновъ: Селенгинскаго полка — 12, Волынскаго — 324 чел. *), изъ нихъ легко раненыхъ 104 челов. остались во фронтѣ. Въ плѣнъ нами взято 24 чел., въ томъ числѣ 5 офицеровъ, большею частью тяжело раненыхъ.

Убитые и раненые Французы достались намъ преимущественно тѣ, которые легли на валу укрѣпленія или неподалеку отъ редута; тѣ же, которые убиты и ранены далѣе, — подобраны своими, благодаря темной ночи и суматохѣ боя **).

---

*) Потеря наша дошла до такой значительной цыфры благодаря торопливости генерала Заливкина, который, командуя частію пѣхоты на лѣвой половинѣ оборонительной линіи, усмотрѣвъ съ охраняемыхъ имъ бастіоновъ происшедшую битву, поставилъ своихъ штуцерниковъ и открылъ огонь по мелькавшимъ въ непроглядной темнотѣ огонькамъ ружейныхъ выстрѣловъ, дѣйствуя такимъ образомъ во флангъ своимъ. Насилу его успѣли убѣдить въ этомъ и уговорили прекратить огонь! Вотъ усердіе-то не по разуму!

**) Вотъ какъ французскіе писатели разсказываютъ исторію этой атаки, этого перваго нашего успѣха надъ союзниками, подъ самыми стѣнами Севастополя.

Получивъ утромъ 11 февраля извѣстіе о возведеніи нашего редута и обозрѣвъ его лично, французскій главнокомандующій рѣшился взять его, въ доказательство намъ, что мы безнаказанно не можемъ предпринимать подобныхъ смѣлыхъ работъ. Эта операція поручена начальнику войскъ праваго фланга Французовъ, генералу Боске; командовать атакою приказано генералу Моннэ. Въ половинѣ 1-го Французы выступили изъ траншей. Цѣль, которой хотѣли достигнуть, была, по увѣренію Французовъ, преимущественно нравственная, по этому было приказано: оставаться въ нашемъ укрѣпленіи самое короткое время, разрушить его и отступить по первому сигналу. Французы ударили одновременно на нѣсколько пунктовъ и овладѣли ложементами впереди новаго укрѣпленія. Генералъ Моннэ при этомъ получилъ три раны пулями: обѣ руки его были прострѣлены, но онъ не оставилъ поля, а, указывая на редутъ, закричалъ: „вотъ чѣмъ должно овладѣть“ и бросился впереди всѣхъ. Слѣва и справа устремились на редутъ зуавы, съ фронта — моряки. Семь офицеровъ убито въ рукопашномъ бою, однако редутъ былъ взятъ, послѣ упорнаго сопротивленія его защитниковъ. Но сигналы Русскихъ привлекли резервы; свѣтящіяся ядра вмѣстѣ съ бенгальскими огнями освѣтили мѣстность; артиллерія кораблей и оборонительной линіи осыпала смертоноснымъ градомъ все пространство; генералъ Моннэ подалъ сигналъ отступленія. Французы были окружены и вынуждены проложить себѣ дорогу штыками; вокругъ полковника Клера зуавы дрались какъ львы; тутъ погибли капитанъ Сафъ и подпоручикъ Северстъ, но Французы пробились и отступили въ порядкѣ потерявъ 5 офицеровъ убитыми, одного плѣннымъ, 15 ранеными, 200 нижнихъ чиновъ выбывшими изъ строя. (Изъ нихъ 94 убито, въ томъ числѣ 62 зуава. По Базанкуру, Дю-Кассу и по Гереню).

Г. Пикъ приводитъ въ своемъ сочиненіи (Ibidem) описаніе этого дѣла однимъ изъ его участниковъ, нѣсколько противорѣчащее вышеприведенному. По его словамъ вотъ какъ было дѣло: зуавы овладѣли редутомъ, разрушили его, заклепали орудія (N. B. которыхъ еще не имѣлось на редутѣ!) и все было бы кончено (что же еще все?), еслибъ моряки поспѣли въ эту минуту. По несчастію, они заблудились въ ночной темнотѣ. Далѣе — отступая, зуавы встрѣтили черную массу и, принимая ее за неподоспѣвшихъ къ дѣлу моряковъ, готовы были подтрунить надъ ними, но каково было ихъ изумленіе, когда эта черная масса оказалась 1-мъ баталіономъ Селенгинскаго полка, подъ командою полковника Сабашинскаго, который и отрѣзалъ имъ отступленіе. Не видя другаго средства спасенія, говоритъ Пикъ, — Французы бросились въ штыки, пробились сквозь ряды Русскихъ, но изъ ихъ двухъ баталіо-

Видимый успѣхъ нашъ, Богомъ дарованное удачное отраженіе ночнаго нападенія превосходнѣйшихъ силъ непріятельскихъ обрадовало насъ всѣхъ несказанно и пробудило въ совершившихъ этотъ подвигъ солдатахъ нѣкоторую гордость и весьма понятный восторгъ. Свѣтлѣйшій, довольный дѣломъ, для немедленнаго награжденія достойнѣйшихъ нижнихъ чиновъ, съ адъютантомъ своимъ послалъ въ Волынскій полкъ пятнадцать, въ Селенгинскій десять знаковъ отличія военнаго ордена и, независимо отъ того, приказалъ немедленно войти съ представленіемъ о награжденіи болѣе достойныхъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Великіе Князья тѣмъ раненымъ, которые не оставили фронта, прислали въ награду: фельдфебелямъ по 10 р., унтеръ-офицерамъ по 5 р. и рядовымъ по 3 р. на человѣка.

Надобно было видѣть, съ какимъ восторгомъ тащили солдаты на сборныя мѣста: кто французскій штуцеръ, кто нарѣзное ружье, кто амуницію, кто офицерскую саблю безъ ноженъ (офицеры не подвязали ноженъ, чтобъ ихъ звономъ не обнаружить себя). Надобно было слушать неподражаемые разсказы объ этой замѣчательной ночи; но красота этихъ разсказовъ врядъ ли уловима. Да проститъ намъ читатель безъискусственность нашего образа изложенія ихъ: намъ здѣсь нѣкогда трудиться надъ ихъ отдѣлкой, а спѣшимъ ихъ сообщить потому, что знаемъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждетъ Россія матушка самыхъ мелочныхъ подробностей о нашемъ здѣсь пребываніи, о нашей здѣсь борьбѣ съ недругомъ.

„Бисова ночь“,—говорилъ извѣстный у насъ въ Севастополѣ сотникъ пѣшаго черноморскаго казачьяго баталіона № 8, Даниленко, „бисова ночь!“ Темно было какъ въ могилѣ. Подлѣзли Французы къ самому секрету, да вдругъ какъ бросятся! Ехремъ успѣлъ выпалить одному въ грудь; свалился окаянный, а двое на меня насѣли! Я и шашки *вытягнуть* не успѣлъ, сорвали ее съ меня, отбросили, за горло хватили и тянутъ; я упираюсь, борюсь, кликнуть некого, гляжу—пробѣжали цѣлыя тучи; кричатъ, голосятъ, наши ихъ огнемъ батальнымъ встрѣтили, а я все съ этими вожусь... Приколоть-то, бачите, имъ нечѣмъ меня, одинъ меня за горло держитъ, а я его одной рукой схватилъ за ружье, другою рукой держу другаго за грудь,

---

новъ остался одинъ. Раненыхъ было мало—кто не явился на перекличку—былъ убитъ (стр. 200—201). Тотъ же разсказъ повторенъ у Ла-Бедоліера—„Inkermann. Глава XXIV, стр. 45. Histoire de la guerre d'orient.

Perret (Ibidem, стр. 247—248) такъ разсказываетъ это дѣло. Отрядъ Monet, посланный для взятія Селенгинскаго редута (Ouvrag Blanc de 22 fevrier) состоялъ изъ двухъ баталіоновъ зуавовъ, полковникъ Клеръ и 2-го баталіона Морской пѣхоты. (Припомнимъ, что другіе французскіе писатели говорятъ, что атаковало 5 баталіоновъ, а не три). За нѣсколько времени до атаки, разсказываетъ Perret, лейтенантъ артиллеріи Дефоссъ, съ четырьмя зуавами пошелъ впередъ, чтобы указать путь атакующимъ колонамъ. Шаговъ за сто не доходя редута, эти колоноводатые увидѣли, что зуавы ошиблись дорогой и подвергались огню Малахова кургана и молодецки рѣшились спасти товарищей, закричавъ: „Зуавы берегись! Бастіонъ здѣсь!“

Русскіе тотчасъ открыли огонь по мѣсту, гдѣ раздался сказанный крикъ и Дефоссъ съ тремя зуавами были убиты, четвертый же спасся раненый.

За тѣмъ Французы бросились, взяли было редутъ, но русскіе отняли его. Генералъ Моннэ смертельно раненъ, изъ 25 бывшихъ въ дѣлѣ зуавскихъ офицеровъ 19 человѣкъ убито и ранено; зуавовъ выбыло изъ строя 200 человѣкъ.

а прежде еще вышибъ у него изъ рукъ ружье.... Онъ рвется у меня къ ружью своему, а я ихъ обоихъ подтягиваю къ шашкѣ, зная, гдѣ они ее бросили; вотъ и возимся.... Тутъ-то я вспомнилъ, что при мнѣ кинжалъ. Я какъ брошу отъ себя того, котораго за грудки держалъ, тотъ полетѣлъ, а я выдернулъ кинжалъ, да въ брюхо тому, что меня за горло душилъ.... онъ такъ и *затрепетався*!... А тотъ другой бѣжалъ отъ меня и ружье забылъ! Цуръ тебѣ, а я отъ него, и шашки не подхватилъ, скорѣе къ своимъ. Видите, *утикъ*. Чуть стало свѣтать, говорю своимъ: глядите, нѣтъ шашки! Ступайте, чтобъ була, а то и служить не хочу, если не будетъ моей шашки! Ребята нашли и принесли!“

„Вотъ какъ бросился *онъ* на насъ,—разсказывалъ старый солдатъ, съ новенькою медалью на аннинской ленточкѣ,—вотъ какъ бросился *онъ* на насъ, словно вихрь какой; такъ все и ломитъ на пути! Знай кричитъ: *Алены*! *Алены*! и лѣзетъ впередъ, несмотря ни на пулю, ни на штыкъ. Что за здоровенный народъ! Бородищи такія! ну, ему только съ нами, съ Русскими и драться, правду надо сказать!...“

— Что же это, дядюшка,—замѣтилъ молодой солдатикъ, не бывшій въ этомъ дѣлѣ и съ любопытствомъ слушавшій разсказъ,—съ чего это кричитъ-то *онъ* Олены? аль зоветъ родню какую!

— Видно Олена у нихъ то же, что у насъ Микола,—замѣтилъ другой слушатель глубокомысленно.

„Видишь, какое дѣло,—нѣсколько смутившись, продолжалъ разсказчикъ: у нехристей у всякаго своя поведенція. Вотъ, бывало, Турокъ кричитъ намъ: Иванъ, Иванъ, и машетъ рукой, дескать иди сюда!... а мы ему тоже машемъ, т.-е. самъ пожалуй, если хочешь, да еще выругаешь бывало.... А эти все кричатъ *Алены* *), какъ на штыки бѣгутъ, или на батарею лѣзутъ, такъ что и обругать не успѣешь, знай только лупи штыкомъ или прикладомъ. Видно, это у нихъ то же, что наше „ура“!

„Знаешь, Васильевъ,—разсказывалъ на другой день послѣ дѣла усатый Михѣичъ артельщику, только что воротившемуся *съ получки*, изъ Симферополя:—вѣдь нашъ-то Мошка пожелалъ креститься!“

— Какъ такъ?!...

„Да вчерашняя, вишь, стычка вразумила. Видишь, братецъ ты мой, стояли мы съ нимъ *въ цѣпу* (т.-е. въ цѣпи). Онъ и ничего себѣ, стоитъ, поглядываетъ; человѣкъ-то онъ и не то чтобъ робкій, даромъ что *изъ насихъ*, да бѣда, въ рукопашъ-то, видишь, никогда не ходилъ; но, я себѣ думаю, братецъ ты мой, ничего, сойдетъ. Вотъ эта каша-то, какъ, знаешь, заварилась, темень такая, бусурмане навалились, еле кто и выстрѣлить успѣлъ, какъ пошла штыковая работа. Слава Богу, насъ сбѣжалось человѣкъ съ де-

*) Allons! Allons!

сятокъ, въ кучу построились, да и отбиваемся штыками, а ихъ-то кругомъ видимо-невидимо! Гланулъ я, стоитъ около меня Мошка, ружье на руку держитъ, а кольнуть Француза не смѣетъ, рука, вишь-ты, на человѣка не поднимается; только что-то бормочетъ,—молитву что ли свою. Кричу ему: „не робѣй, Мошка, бей его!... валяй его въ брюхо!...“ Нѣтъ, стоитъ, какъ истуканъ, братецъ ты мой; а тѣ оглашенные такъ и рвутся, одинъ было его тесакомъ что ли съѣздилъ по головѣ, да я его тутъ же штыкомъ урезонилъ. Опять кричу: „опомнись, Мошка, пропадешь и насъ погубишь, не робѣй, перекрестись, да и дуй ихъ!“ Я совсѣмъ, братецъ ты мой, и забылъ, что онъ Еврей! Что же ты думаешь, будто свѣтъ его какой озарилъ; успѣлъ я глянуть, вижу: Мошка перекрестился!.... Господи Іисусе Христе, велика сила Твоя Сватая! Будто другая кровь заиграла въ жилахъ у Мошки! Какъ гаркнетъ онъ „ура!“ какъ треснетъ онъ какого-то здоровеннаго дѣтину прикладомъ въ башку, какъ пырнетъ подъ бокъ штыкомъ другаго, какъ пойдетъ косить, такъ все кругомъ него и посыпалось! Мы не выдали, крикнули, гаркнули; за нами подхватили другіе, ударили дружно и опрокинули Француза. Порывался, правда, онъ еще два раза, да нѣтъ уже, шутишь, не взялъ прежде, теперь не возьмешь голыми руками! Прибѣжалъ генералъ со свѣжими баталіонами,—хорошаго задали трезвону Французамъ. Сегодня по утру Мошка къ генералу: „Ваше превосходительство, явите божескую милость; такъ и такъ, видимо спасъ меня Господь Іисусъ Христосъ, хочу быть христіаниномъ!“ Доволенъ былъ генералъ, обѣщалъ ему Егорья и отослалъ къ священнику полковому, чтобъ его онъ въ вѣрѣ наставилъ, а потомъ онъ крестится и Егорья получитъ. Вишь ты, притча какая случилась, братецъ ты мой!“ *).

*) Послѣ дѣла я люблю потолковать съ солдатами. Сколько оригинальныхъ взглядовъ, сколько замѣчаній и разсказовъ, по большей части дополненныхъ вымысломъ, всегда у нихъ можно услышать и все это преисполнено занимательности, потому что передается самыми героями разсказовъ, подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія едва замолкшаго боя. На этотъ разъ посреди обычной бесѣды мнѣ былъ сдѣланъ подарокъ.

„Ваше благородіе, вотъ я какія-то бумаги поднялъ передъ редутомъ, когда убитыхъ подбирали, не нужныя ли?“—Покажи.

Солдатъ вытащилъ изъ обшлага шинели два небольшія французскія письма. „Спасибо, братъ, спасибо“, и я отправился домой со своей добычей. Оказалось, что это письмо къ одному изъ зуавовъ отъ его матери и черновой его отвѣтъ. То и другое такъ интересно, что привожу здѣсь нѣсколько отрывковъ.

Люневиль, 10-го января 1855 года. Милое дитя мое! какъ я была счастлива, получивъ твое письмо. Въ восторгѣ не знала, къ кому бы броситься, чтобъ высказать свою радость. Да, и давно же я не имѣла отъ тебя вѣсточки! Я обращалась ко всѣмъ Люневильцамъ, у которыхъ дѣти или родня въ одномъ съ тобою полку. Просила г. Бомеза поговорить о тебѣ своему сыну; ты знаешь, что его произвели въ сержанты за то, что онъ отбился отъ осьми (!) Русскихъ, изъ которыхъ одного убилъ, другаго ранилъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство [1]).

Еслибъ ты могъ только вообразить мученія, какія мы испытываемъ, не получая отъ васъ извѣстій по цѣлымъ мѣсяцамъ! Едва узнаютъ, что кто-нибудь въ городѣ получилъ письмо изъ арміи, всѣ бѣгутъ къ счастливцу и письмо переходитъ изъ рукъ въ руки, убѣждая

[1]) Бѣдная старушка въ простотѣ сердечной воображаетъ себѣ насъ какими-то куропатками, бѣгущими стаями отъ ловкаго охотника-зуава, или десятками падающими въ его силки.

13 февраля.—Севастополь.

Пишу подъ вліяніемъ тягостнаго чувства. Сейчасъ мы воротились съ похоронъ павшихъ при ночномъ нападеніи на редутъ. Въ одномъ углу обширной могилы лежали наши солдаты; остальное мѣсто занимали Фран-

---

насъ, что газеты иногда говорятъ правду о происходящемъ у васъ Только онѣ постоянно увѣряютъ, будто вы не нуждаетесь въ продовольствіи и получили теплую одежду. Газеты безпрестанно твердятъ о фуфайкахъ, тепломъ нижнемъ платьѣ, шерстяныхъ носкахъ, даже о сабо [1]). Мы также съ удовольствіемъ видимъ изъ газетъ, что принцъ Наполеонъ не забываетъ своей дивизіи и, что вы, по его старанію, получаете все необходимое для спасенія отъ холода. (Что-то заговорили доброе Люневильцы, когда узнали объ отъѣздѣ принца изъ Крыма, по случаю разстроеннаго здоровья и о пріѣздѣ его въ Парижъ, для поправленія силъ;—объ отъѣздѣ его не только изъ дивизіи, бывшей предметомъ столь *тяжкихъ* его заботъ, но даже изъ арміи, которую онъ покинулъ въ самый критическій моментъ ея существованія!).

„Добрая сестра твоя Софи душевно радуется, что ты хотя иногда присоединяешь свои молитвы къ нашимъ. Она шлетъ тебѣ серебряный медальонъ, къ которому очень привязана, потому что ея мужъ Адольфъ носилъ его во время своего путешествія и не снималъ его до самой смерти. Далъ бы Господь, чтобы этотъ образокъ сохранилъ тебя... повторяй только чаще надпись медальона: „Марія, Дѣва безгрѣшная, молись за насъ, къ Тебѣ прибѣгающихъ!..“

„Милый Шарль, продолжай переносить терпѣливо и мужественно всѣ лишенія, которымъ только можешь подвергнуться. Прошу тебя быть честнымъ малымъ, милосердымъ къ врагамъ, какъ бы къ друзьямъ, а въ особенности никогда не уклоняйся отъ обязанности вѣрнаго, честнаго солдата. Рано или поздно такое поведеніе вознаграждается, а къ тому же въ послѣдствіи совѣсть ни въ чемъ упрекнуть не можетъ“.

Жалки матери Французовъ, ратующихъ съ нами. Что могутъ они сказать дѣтямъ своимъ, отпуская на брань? Идите осуществить властолюбивые замыслы *Племянника!* Идите, куда несутъ знамена ваши, повинуйтесь военнымъ законамъ, голосу вашей чести, забудьте, что деретесь подъ бунчукомъ Магомета, противъ знаменъ Христовыхъ!..

Другое твердятъ намъ наши матери, благословляя насъ на войну! Господь, да устроитъ путь вашъ!—говорятъ онѣ. Угнетенное христіанство молитъ защиты вашей; оскорбленное отечество, павшіе братья требуютъ мести: предѣлы наши осквернены стопою чужеземца, идите: кровью смойте самый слѣдъ врага, спасите Вѣру, отечество, славу, вамъ завѣщанную предками!!!..

Но вотъ нѣсколько отрывковъ изъ чернового письма Шарля къ матери, написаннаго частію чернилами, частію карандашомъ; нѣсколько строкъ стерлись совершенно.

„Солгу, если скажу, что письмо твое обрадовало меня: твое безпокойство не знаетъ границъ! Еслибъ мы, наконецъ, достигли возможности имѣть чернила, бумагу, перья и достаточно времени, лучшимъ бы моимъ наслажденіемъ было взяться за перо и бесѣдовать съ тобою, матушка. Но если, есть одно, то, по несчастію, не находишь другаго. Величайшій же недостатокъ ощущаемъ во времени, котораго вовсе не имѣемъ. Впрочемъ, будь увѣрена, если судьбѣ будетъ угодно избрать меня жертвою, то или самъ напишу тебѣ, или попрошу кого-нибудь написать къ тебѣ съ поля. Если же буду убитъ, всегда успѣешь получить роковую вѣсть.

„Что касается до свиданія съ Люневильской молодежью, то это почти невозможно въ настоящее время. Стоимъ въ англійскомъ лагерѣ, чтобъ защищать Англичанъ („pour les protéger). Спустя пять дней послѣ Инкерманскаго дѣла, мы перешли къ нимъ. Повѣрь, они за это не сердятся. Зуавы—это ихъ спасители. Безъ помощи зуавовъ и Турокъ Англичане уже погибли бы (ils perdaient tout leur monde). Ты мнѣ пишешь, что, судя по газетамъ, намъ должно быть довольно хорошо. Газетамъ вольно писать, что имъ угодно. Теперь половина войска въ большихъ палаткахъ, остальная въ своихъ маленькихъ. Что же касается до чулокъ, фуфаекъ, теплаго нижняго платья и сабо, то мы изъ всего этого получили только по парѣ чулокъ!..“

---

[1]) Кстати о *сабо* (деревянные башмаки). 2-го марта, въ дѣлѣ при отраженіи нападенія Французовъ на цѣпь передъ Камчатскимъ укрѣпленіемъ, Камчатцы же взяли нѣсколько плѣнныхъ. Спрашиваю одного накормленнаго и напоеннаго нами Француза: правда ли что вамъ привезли сабо?—„Правда“, говоритъ.—Что же вы не носите ихъ?—по крайней мѣрѣ, я еще ни на комъ не видалъ ихъ. Гдѣ твои, напримѣръ?—„Мои поизносились, такъ мы съ товарищами пожертвовали свои сабо и сдѣлали ихъ нихъ порядочный костеръ!“

пузы. Шесть французскихъ офицеровъ въ дубовыхъ гробахъ лежали у приготовленной по сосѣдству особой могилы. Наши покойники были уже отпѣты. Католическій священникъ совершалъ обрядъ погребенія. Унылые звуки заупокойныхъ молитвъ вызывали сердечныя слезы....

Обрядъ религіозный совершился. За нимъ слѣдовала воинская церемонія: нарочно назначенный взводъ, при офицерѣ, съ музыкою, отдалъ послѣднюю честь усопшимъ. Залпы замерли въ воздухѣ.... Имъ вторилъ ревъ непріятельскихъ орудій и переносившихся снарядовъ. Всей этой печальной церемоніи былъ свидѣтелемъ взятый въ этомъ же дѣлѣ въ плѣнъ французскій зуавскій капитанъ Пьеръ (Pierre-François), съ участіемъ слѣдившій за ея подробностями съ бастіона № 2-го, находясь при свитѣ начальника гарнизона, генералъ-адъютанта барона (нынѣ графа) Остенъ-Сакена, почтившаго своимъ присутствіемъ отданіе послѣдняго долга братьямъ и храбрымъ врагамъ *).

14 февраля.

Сегодня еще до свѣту такая загремѣла канонада, что даже меня разбудила. Выбѣжавъ на крыльцо, мы увидѣли, что лѣвый флангъ Малахова кургана, 2 и 1 бастіоны энергически дѣйствуютъ. Мы всѣ ждали новаго нападенія на Селенгинскій редутъ и эта канонада убѣдила насъ, что таковое нападеніе совершилось въ настоящую минуту, а потомъ бросились къ Селенгинскому полку, все еще занимавшему свой редутъ. Но и двухъ улицъ не успѣли мы пробѣжать, какъ канонада стала замирать и скоро затихла совершенно. На первомъ бастіонѣ намъ объяснили, что произошла ошибка— фальшивая тревога**). Нечего дѣлать, въ защитѣ крѣпости фальшивыя тревоги не рѣдкость. Эта вотъ отъ чего произошла. Работа на новомъ редутѣ въ высшей степени затруднительна; каменистый грунтъ мѣстности, на которой воздвигается редутъ, измучилъ людей: вся работа производилась киркою да ломомъ. Въ облегченіе работъ вздумали рвать землю порохомъ. Саперный офицеръ нашелъ удобнымъ зажигать эти минки скоропалительною свѣчею, никому на бастіонахъ не давъ знать о своемъ намѣреніи, вѣроятно забывъ, что пламя скоропалительной свѣчи издали можно иногда принять за пламя фальшфейера, а зажженный фальшфейеръ принятъ сигналомъ нападенія не-

*) Генералъ Остенъ-Сакенъ написалъ французскому главнокомандующему, что солдаты, взятые нами въ плѣнъ въ ночь на 12 февраля, почтены нами воинскими почестями, на которыя они получили право своимъ неукротимымъ мужествомъ. На эту фразу генерала Остенъ-Сакена указалъ французскій главнокомандующій генералъ Канроберъ, въ своемъ приказѣ по войскамъ, говоря:

„Главнокомандующій отъ имени императора и Франціи благодаритъ храбрыхъ, которые на такую вновь поставили высоту честь нашихъ знаменъ, что самъ непріятель отдаетъ имъ должное!“

Bazancourt! Cinq mois etc.

**) Между тѣмъ могла бы произойти въ эту ночь и не фальшивая тревога: Французы, видя наше движеніе впередъ земляными работами, рѣшились было въ ночь съ 15 на 16 февраля возобновить нападеніе, такъ несчастливо для нихъ кончившееся на 12 февраля, но силами несравненно значительнѣйшими. Все было готово, но атака не состоялась по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ причинамъ.

пріятеля на редутъ, причемъ всѣ батареи, могущія дѣйствовать по пространству предъ Селенгинскимъ редутомъ, обязаны открыть огонь по этому пространству. Сигналистъ съ Малахова кургана, принявъ огонь скоропалительной свѣчи за фальшфейеръ, крикнулъ: „Сигналъ поданъ на редутѣ!“ — Ну и пошла потѣха... То-то, я думаю, французы смѣялись надъ нами!..

Вечеръ.

Хотя нападеніе Французовъ на Селегинскій редутъ и стоило намъ крови; но союзники теперь по крайней мѣрѣ видятъ, легко ли имъ будутъ доставаться наши редуты, даже не оконченые, даже не вооруженые—слѣдовательно, легко ли имъ достанется самый Севастополь. Когда они не могли одолѣть этого редута, еще не вооруженнаго артиллеріей, застигнутаго ими врасплохъ, во время работъ, удаленнаго отъ своихъ резервовъ, предоставленнаго самому себѣ,—редута, къ которому они подошли не замѣченными на самое близкое разстояніе, то чего имъ будетъ стоить взятіе Совастополя, гдѣ ихъ ждутъ всѣ роды смертей; до котораго они должны будутъ дойти подъ градомъ картечи, штуцерныхъ пулъ—черезъ фугасы, волчьи ямы, бороны съ гвоздями; въ которомъ они встрѣтятъ перекрестный огонь, полки штыковъ на батареяхъ, баррикады, укрѣпленные дома, картечь кораблей и пароходовъ, сильные резервы, могущіе въ полномъ, блистательномъ составѣ ударить на ту или другую изъ ихъ, разстроенныхъ атакою, частей. Словомъ, не осуществившееся намѣреніе овладѣть Селенгинскимъ редутомъ угасило, полагаемъ, надежду многихъ на легкое и скорое овладѣніе Севастополемъ, а въ насъ влило новую бодрость, новыя нравственныя силы, поддержанныя присутствіемъ и поощреніемъ Ихъ Высочествъ, которыхъ очень порадовало отраженіе Французовъ отъ редута. Великіе Князья изволили лично навѣстить храбрые полки, отличившіеся при оборонѣ редутовъ, за которыми они были расположены биваками и именемъ Государя благодарить за мужество, оказанное ими въ минувшую ночь.

Въ свитѣ Ихъ Высочествъ, въ нѣсколькихъ отъ нихъ шагахъ, контузило двухъ штуцерными пулями, въ томъ числѣ Камчатскаго полка поручика Арсеньева. Великій Князь Николай Николаевичъ изволилъ взять себѣ эту пулю на память.

Вообще Ихъ Высочества чрезвычайно къ намъ милостивы. Ихъ недаромъ здѣсь считаютъ ангелами-утѣшителями. Не говоря уже о постоянныхъ заботахъ Ихъ объ раненыхъ и больныхъ, нѣтъ случая, которымъ бы Они не воспользовались, чтобы оказать какое-либо благодѣяніе, помощь, даже услугу. Какъ внимательны Они, какъ вѣжливы со всѣми, какъ деликатны съ каждымъ! Къ другому генералу придешь по дѣлу, простоишь часъ-другой въ передней, пока удостоитъ принять, а къ Великимъ Князьямъ прямехонько иди въ покой, минуты не заставятъ ждать.

Подпоручикъ Селенгинскаго полка Бѣлозерскій сегодня явился къ Великимъ Князьямъ за деньгами, Ими пожалованными раненымъ, оставшимся

во фронтѣ, такъ Они его обласкали, просто какъ ровню! Подробно обо всемъ его распросили: о службѣ, о немъ самомъ, о его житьѣ-бытьѣ, о его семействѣ... отпуская приказали послѣ всякаго дѣла являться къ нимъ и докладывать о каждомъ оставшемся во фронтѣ, несмотря на рану имъ полученную, чтобы передать такимъ молодцамъ награжденіе отъ Ихъ Высочествъ.

15 февраля.—Вечеръ.

Вотъ уже третій день, какъ стали бросать въ городъ и преимущественно на рейдъ, какія-то необыкновенныя, должно быть, вновь изобрѣтенныя ракеты. Одна за другою онѣ несутся черезъ домикъ, занимаемый нами, то минуя его справа, то слѣва, то проносясь надъ крышею, оставляя по себѣ огненные слѣды на едва померкшемъ небѣ, производя во время полета потрясающій душу шумъ, а при разрывѣ оглушительный трескъ. До сихъ поръ меня и мое жилище хранитъ Господь,—что будетъ со мною черезъ секунду,—кто знаетъ? Вотъ опять летитъ ракета: страшный звукъ ея приближается, раздирая воздухъ какъ крѣпкую ткань: кто знаетъ, не написано ли на этомъ чудовищѣ моего имени?...

Но возвратимся къ разсказу о Французахъ; сегодня было съ ними непродолжительное перемиріе. Наши предложили имъ подобрать тѣла своихъ покойниковъ, покинутыя ими въ раіонѣ нашихъ выстрѣловъ. Они съ удовольствіемъ приняли предложеніе. Назначено было сегодня въ 12 часовъ дня выкинуть бѣлые флаги и приступить къ уборкѣ тѣлъ. Князь Васильчиковъ былъ распорядителемъ перемирія съ нашей стороны. Настало 12 часовъ, у Французовъ нѣтъ флага; прождали еще съ полчаса,—все еще не видать условнаго знака. „Знаете,—говоритъ князь Васильчиковъ полковнику Голеву, командовавшему нашею пѣхотою на пунктѣ перемирія,—вѣрно они ждутъ, чтобъ мы первые выкинули флагъ?—прикажите поднять.“ Только что нашъ флагъ...

Сію секунду ракета простонала, проносясь надъ самымъ моимъ домомъ, все зданіе задрожало, будто отъ землетрясенія, и пыль пошла изъ всѣхъ его щелей и угловъ; раздался ужасный трескъ; я выскочилъ на крыльцо: все было тихо; мой человѣкъ, тотчасъ побѣжавшій на рекогносцировку, воротился черезъ нѣсколько минутъ, сказавъ, что въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нашего дома разорвало ракету, черезъ насъ перелетѣвшую.

. . . . . развился, какъ поднялся и французскій; тотчасъ процессія изъ ихъ траншей двинулась къ намъ: она состояла изъ зуавовъ съ пустыми еще носилками.

Зуавы съ бородами; люди на подборъ, красавецъ — къ красавцу, въ живописныхъ костюмахъ, безъ ружей, въ амуниціи. Какъ они ловки,

обходительны; какая грація въ ихъ движеніяхъ, какая выправка, быстрота, развязность!

Нашимъ солдатамъ въ зуавахъ понравилось одно: *большія крышки на манеркахъ!*

16 февраля.

Противъ Селенгинскаго редута Французы тоже готовятъ укрѣпленіе, поддерживая постоянный ружейный и артиллерійскій огонь, тѣмъ мѣшая работамъ и стараясь вредить гарнизону, который днемъ стоитъ лагеремъ у бухты, гдѣ между прочимъ раскинули двѣ огромныя госпитальныя палатки, въ которыхъ помѣщается, думаю, больше полутора баталіона.

Сегодня и вчера я ходилъ къ полковнику Голеву; онъ съ Камчатскимъ полкомъ составляетъ прикрытіе редута и живетъ на лощинкѣ между редутомъ и госпитальными палатками, пробитыми во многихъ мѣстахъ штуцерными пулями, значительное количество которыхъ встрѣтило насъ, пока мы дошли до палатки полковника Голева.

Вообще сегодня весь день, а теперь вечеромъ—особенно, что-то тихо: не готовятъ ли они намъ какого сюрприза?

Сегодня ночью будутъ строить еще одинъ редутъ, четыреста шаговъ впереди Селенгинскаго. Волынскому полку предназначено его закладывать.

Эти редуты принесутъ намъ большую пользу; принесутъ большой вредъ дѣлу противника; но, несомнѣнно, они намъ будутъ стоить много крови.

Мнѣ кажется, что въ одну прекрасную ночь, хорошенько обстрѣлявъ эти редуты, непріятель въ значительныхъ силахъ поведетъ на нихъ атаку. Резервы не успѣютъ прибѣжать на помощь къ этимъ редутамъ, а сами по себѣ они не устоятъ передъ дружнымъ напоромъ союзниковъ, потому что до момента самой атаки ихъ размечутъ артиллерійскимъ огнемъ. Послѣднее исполнить не такъ трудно, какъ кажется: земли, какъ я уже говорилъ выше, почти вовсе нѣтъ на мѣстѣ сооруженія редута; почти весь его брустверъ сложенъ изъ кусковъ камня, съ усиліемъ отбитаго отъ скалы, на которой построенъ редутъ; камни скрѣплены *пылью*, образовавшеюся отъ разбивки камня и небольшою частію принесенной въ мѣшкахъ земли. Какой же крѣпости и прочности можно ждать отъ такого бруствера? Подымется сильный вѣтеръ и несетъ съ редута тучи пыли, разнося легкій цементъ каменнаго бруствера; сегодня пуля прошла сквозь брустверъ, а какъ хватитъ въ него ядро, такъ камнями его же защитниковъ перебьетъ. Намѣрены значительно утолстить брустверъ; но если непріятель только откроетъ по немъ бомбардировку, то ему не устоять,—его сроютъ снарядами; каково же будетъ его гарнизону?

17 февраля.

Туманный и дождливый день. Молчитъ канонада. Сегодня ночью заложили редутъ впереди Селенгинскаго. Неужели Французы позволятъ намъ, не имѣя какой задней мысли, такъ рѣшительно идти впередъ земляными

работами? О, быть еще борьбѣ за Киленъ-балкою, страшной борьбѣ! Все тихо, но эта роковая тишина—предвѣстница бури. Общій голосъ, поддерживаемый разсказами переметчиковъ, говоритъ, что союзники готовятся къ открытію неслыханной дотолѣ бомбардировки и въ слѣдъ за симъ къ штурму.

Правда, бомбардировка ужасное дѣло, трудно будетъ ее выдержать; но, съ Божіею помощію, кто-нибудь да выдержитъ! Тогда что? Все-таки они должны будутъ взять штурмомъ то, что останется отъ разрушенія, потому что и самыя развалины эти не будутъ имъ отданы добровольно! Тогда-то настанетъ нашей улицы праздникъ: союзники прекратятъ огонь, чтобы не бить своихъ, а мы его усилимъ и встрѣтимъ ихъ огнемъ и желѣзомъ за каждымъ домомъ, на каждой улицѣ. Отсюда намъ не будетъ другого пути, какъ или въ могилу, или въ храмъ славы! Слѣдовательно, борьба должна быть ужасна, и неужели насъ одолѣютъ, неужели ляжетъ здѣсь костьми вся могучая армія защитниковъ Севастополя, какъ нѣкогда легла въ борьбѣ на Калкѣ армія нашихъ предковъ!?

18 февраля.

Наконецъ-то вчера *) назначили генерала Павлова начальникомъ сухопутныхъ войскъ лѣвой половины оборонительной линіи Севастополя.

Желаніе Павлова быть у дѣла и таковое же желаніе наше выйти изъ пассивной роли, какую мы играли доселѣ при защитѣ Севастополя, исполнилось. Слава Богу! По крайней мѣрѣ самолюбіе Павлова и наше не будетъ страдать; но я все-таки сомнѣваюсь, чтобы это назначеніе Павлова принесло существенную пользу защитѣ Севастополя. Павловъ безспорно храбрый человѣкъ и очень не глупый, но онъ отяжелѣлъ, разнѣжился, сталъ сибаритомъ; для него теплая квартира съ разными удобствами, хорошій столъ и тому подобное сдѣлалось необходимостью, между тѣмъ въ должности, которую на него возложили, чтобы быть полезнымъ не на словахъ только, а на дѣлѣ, нужно нѣчто иное. При исполненіи этой должности необходима кипучая дѣятельность въ начальникѣ, полная, неукротимая энергія,— необходимо посвященіе дѣлу всего себя, чтобы успѣть сжиться, сдружиться съ солдатами, заставить ихъ смотрѣть на начальника какъ на оракула и вмѣстѣ какъ на своего ангела-хранителя. Для достиженія такого авторитета мало однихъ словъ и приказаній; нужно лично быть вездѣ и безпрестанно являться по всей подвѣдомственной линіи, во всѣхъ опасныхъ ея уголкахъ, день и ночь находиться между солдатами, одушевлять ихъ, поддерживать въ нихъ твердость и лично удостовѣряться, исполняются ли распоряженія по сохраненію бдительнаго и тщательнаго наблюденія за непріятелемъ. Ну, для такой дѣятельности генералъ Павловъ сталъ уже неспособенъ.

Сегодня стали говорить, что въ Ѳеодосіи высадились Сардинцы и что

*) А между тѣмъ, въ копіи у насъ сохранившейся приказа по севастопольскому гарнизону барона Остенъ-Сакена, рукою его скрѣпившаго князя Васильчикова изъ цифры (февраля) 17 сдѣлано 18-го?

князь Меньшиковъ немедленно ѣдетъ въ Симферополь, чтобы быть ближе къ новому театру военныхъ дѣйствій и принять надлежащія мѣры противъ новаго врага.

Другіе утверждаютъ, что болѣзнь князя Меньшикова до того усилилась, что дольше онъ оставаться здѣсь не можетъ и ѣдетъ лѣчиться въ Симферополь *).

Поздно вечеромъ только узнали мы, что отъѣздъ князя Меньшикова имѣетъ другой смыслъ: онъ по болѣзни уволенъ отъ командованія арміею, на мѣсто его назначенъ князь А. Д. Горчаковъ, а до его прибытія ею будетъ командовать въ Крыму генералъ-адъютантъ баронъ Д. Е. Сакенъ, въ командованіе же гарнизономъ сегодня вступилъ адмиралъ Нахимовъ.

Матроскамъ, какъ и вообще всѣмъ женщинамъ, велятъ выѣзжать изъ Севастополя. Семействамъ офицеровъ и чиновниковъ даютъ по 75 руб. сер. на подъемъ; матросскимъ семействамъ по 25 коп. сер. въ сутки на душу, только убирайся. Мѣра весьма основательная при настоящемъ положеніи вещей; производителей въ Севастополѣ вовсе нѣтъ, а потребителей множество, и это множество ежедневно увеличивается приходящими войсками.

Вчера распредѣлены по оборонительнымъ линіямъ греческіе волонтеры;— пользы отъ нихъ большой здѣсь нѣтъ; они неспособны къ тяжкой службѣ въ осадѣ и, не зная законовъ аванпостной службы, не могутъ употребляться съ пользою въ ночной цѣпи, въ секретахъ тѣмъ болѣе, что обличаютъ себя бѣлыми фустонеллами, куреніемъ трубки и неумѣньемъ помолчать нѣсколько часовъ сряду.

19 февраля. — Ночь.

Какая ужасная открылась канонада противъ 4-го бастіона! Не одна, не двѣ какія-нибудь полетѣли бомбы — нѣтъ, цѣлыя десятки, сотни ихъ понеслись съ обѣихъ враждующихъ сторонъ; цѣлые букеты бомбъ вдругъ стали подыматься къ мрачнымъ небесамъ, понеслись мигая, то на мгновенье исчезая въ ночной темнотѣ, то вновь появляясь съ ослѣпительнымъ блескомъ. Вотъ наши бомбы какъ будто встрѣчаются съ вражьими бомбами, миновавъ ихъ, продолжаютъ путь и падаютъ на врага; взамѣнъ непріятельскія медленно, грозно спускаются къ намъ, разрываются съ ужаснымъ громомъ . . . осколки визжатъ и ноютъ на всевозможные тоны, а между тѣмъ пароходъ или корабль изъ Южной бухты шлетъ врагамъ гостинцы; Малаховъ курганъ, заглушая всѣ другія орудія ревомъ своихъ огромнѣйшихъ, заговорилъ

---

*) Князь Меньшиковъ писалъ князю М. Д. Горчакову 16 февраля: „Здоровье мое до того ослабѣло, что я не въ силахъ удержать за собою начальство: я просилъ сдать его. Я ужасно страдаю отъ боли въ мочевомъ пузырѣ, мочусь кровью и голова какъ не своя. Не могу ни на лошадь сѣсть, ни серьезно заняться дѣломъ. Это заставитъ меня, наконецъ, сдать начальство Сакену покуда до отвѣта изъ Петербурга“.

„Русская Старина“, февраль 1875.

будто рѣшитель всѣхъ споровъ голосомъ твердаго убѣжденія въ своей силѣ и могуществѣ. Но это все еще не бомбардированіе,—нѣтъ.

20 февраля.

Моряки составили какъ бы монополію славы въ дѣлѣ защиты Севастополя! Оно понятно. Моряковъ много, большею частію люди образованные, развитые, умѣютъ поговорить, разсказать, каждому дѣлу придать желаемое, разумѣется — благопріятное, освѣщеніе, да притомъ же они дѣйствительно предпріимчивы, храбры, знаютъ хорошо мѣстность театра битвъ, вотъ и средства имѣть успѣхъ и возможность каждое свое дѣйствіе показать, какъ показываетъ ловкій купецъ товаръ лицомъ. Поэтому очень часто совершенное не моряками стушевывается совершенно. Вотъ, напримѣръ, была вылазка, на которую ходилъ Охотскаго полка подпоручикъ Кондратьевъ. На вылазкѣ этой ни одного морскаго офицера не участвовало и вотъ объ вылазкѣ этой не только не было никакого разговора, но объ ней даже въ реляціяхъ не помѣстили, несмотря на то, что она была удачна, на ней взяли плѣнныхъ, принесли много непріятельскаго оружія, на ней геройскою смертью палъ начальствовавшій поручикъ Кондратьевъ.

21 февраля.

Канонаду, о которой я говорилъ въ замѣткѣ 19 февраля, можно назвать только прелюдіею той ораторіи, которая была исполнена сегодня ночью, начавшись во второмъ часу.

Наши минеры, выслушавъ работу непріятельскаго минера, дали ему два камуфлета. Оба взрыва произведены весьма удачно. Французы выскочили изъ траншеи, отчасти испуганные неожиданностію, отчасти желая посмотрѣть, что произошло отъ сказаннаго потрясенія, забывъ опасность; но наши не дремали: замѣтивъ ихъ порывъ, батареи брызнули картечью — и Французы посыпались въ ровъ, какъ спѣлыя груши, когда встряхнешь дерево. Тутъ пошла ужасная канонада. Французы сильно отвѣчали и стали бросать ракеты, изъ которыхъ многія попали въ дома, но не произвели имъ существеннаго вреда. Одна ракета попала въ домъ, гдѣ живетъ генералъ-губернаторъ Остенъ-Сакенъ: ворвавшись въ ординарческую комнату, въ которой, по счастію, никого не было, она зажгла полъ, но вскорѣ пожаръ былъ утушенъ. Другая ракета въ кухнѣ полковника Норденстренга попала въ мѣшокъ съ угольемъ, оглушила деньщика, отъ сотрясенія въ домѣ разбилось 78 стеколъ—и только. Непріятелю очень хочется зажечь хоть одинъ корабль и вообще произвесть серіозный вредъ, да не удается. Плѣнный французскій капитанъ, глядя на ничтожность результатовъ, производимыхъ этими ракетами, тутъ же сознался, что отъ этихъ снарядовъ можно было больше ожидать вреда. Говорятъ, союзники пустили уже этихъ ракетъ на полмилліона франковъ, а успѣха отъ нихъ еще не было видно никакого. Одна ракета скользнула по палубѣ корабля „Великій Князь Константинъ“,

двѣ попали въ „Ягудіила“; изъ нихъ одна разрушила его капитанскую каюту; кромѣ того одна попала въ цейгаузъ какого-то морскаго экипажа. Вообще, ракетами убили нѣсколько человѣкъ, нѣсколько ранили—и только, благодаря Бога. Правда, полетъ ракетъ ужасающъ; онѣ переносятся чрезъ огромное пространство; сила ихъ удара чрезвычайно велика, но полетъ ихъ невѣренъ, разсчитать удара нѣтъ возможности, направить ихъ въ извѣстную цѣль тоже невозможно. Притомъ, говорятъ, онѣ отсырѣли при транспортировкѣ и многія нейдутъ, а разрываются на станкѣ, или въ ближайшемъ разстояніи отъ своей батареи, такъ что, говорятъ, вчера видѣли, какъ двѣ такія ракеты упали въ свои траншеи, не имѣя силъ перенестись черезъ нихъ.

22 февраля.

Большая часть гребныхъ судовъ на нашемъ Черноморскомъ флотѣ съ косыми парусами, легкихъ какъ чайки, построены по чертежамъ Лазарева. По словамъ моряковъ, когда бывало на морѣ, несмотря ни на вѣтеръ, ни на волненіе, Лазаревъ ляжетъ въ дрейфъ и потребуетъ къ себѣ офицеровъ съ кораблей своей эскадры, Боже сохрани ѣхать къ нему на веслахъ! Самъ, бывало, стоитъ на палубѣ и наблюдаетъ: непремѣнно несись подъ парусомъ; не то ступай прямо, ставь саблю въ его каюту, а самъ подъ арестъ.

Такимъ способомъ онъ *воспитывалъ* моряковъ. Да и то сказать, что за морякъ, который боится моря и не знакомъ съ вѣтромъ.

23 февраля.

Сегодня съ непріятельской батареи, что по ту сторону Георгіевской балки, Французы открыли огонь по бухтѣ, съ цѣлію повредить нашимъ военнымъ судамъ, стоящимъ близъ ея вершины. Огонь Французовъ, открытый съ разсвѣтомъ, былъ такъ метокъ и такъ вѣрно направленъ, преимущественно въ пароходъ „Херсонесъ“, что почти всякій непріятельскій выстрѣлъ билъ или въ корпусъ, или ложился подъ носъ ему, либо достигалъ его рикошетомъ. По несчастію, или точнѣе—по русской безпечности, у парохода не были разведены пары; а станетъ пароходъ сниматься съ якоря, еще болѣе подвинется подъ непріятельскія ядра; нечего дѣлать, пароходъ долженъ былъ раскленать свою якорную цѣпь и, съ нечеловѣческими усиліями, двумя шлюбками отбуксироваться въ болѣе безопасное мѣсто, покровительствуемый учащеннымъ огнемъ нашихъ батарей. Говорятъ, на пароходѣ убито два человѣка и двое ранено; что же касается до пробоинъ, то въ немъ таковыхъ оказалось достаточное количество.

Сегодня уѣхали въ Петербургъ Великіе Князья,—носится слухъ будто Государь очень боленъ....

25 февраля.

О, надо быть въ осадѣ столько времени, сколько мы; надо имѣть страстно любимыхъ жену, мать, дѣтей, чтобы понимать всю тягость этого поло-

женія! Ложась спать вечеромъ, не надѣяться проснуться утромъ; просыпаясь утромъ, не надѣяться уснуть вечеромъ! Ежечасно жди, что бомба размечетъ твои члены, такъ что и похоронить будетъ нечего; или черепокъ разомъ выхватитъ у тебя жизнь, либо ракета разрушитъ надъ твоею головою твое жилище и задушитъ тебя въ его развалинахъ! Вотъ они гдѣ—сильныя-то ощущенія! Но сколько лѣтъ жизни они унесутъ!—Не даромъ мѣсяцъ нашей жизни, здѣсь проведенной, считается за годъ.

26 февраля.

Всю ночь не переставали бросать въ городъ разрывные снаряды—и это еще не называется бомбардировкою. Сію минуту слышу ужасный трескъ: видно, по близости лопнула бомба. Выскакиваю и вижу столбъ дыма надъ турецкимъ пароходомъ „*Первазъ-бахри*“, введеннымъ въ доки для починки. На палубѣ парохода суета, и лежитъ человѣкъ съ разтерзаннымъ животомъ.... Что-жь не несутъ его на перевязочный пунктъ? Но вотъ приподнялся, двое побѣжали за чѣмъ-то, вѣрно за носилками, какъ бы не такъ—водицы подать испить—вотъ оригиналы!...

Мы пошли съ адъютантомъ Григорьемъ Павловымъ на третій бастіонъ по дѣлу. Едва мы повернули за уголъ доковой стѣны и стали переходить плотину и мостикъ доковаго оврага, какъ надъ нами пронеслось нѣсколько штуцерныхъ пуль. Странно, прежде онѣ сюда не залетали. Подходя къ третьему бастіону и оглянувшись, я ужаснулся при видѣ госпиталя: нѣтъ живаго мѣста въ этихъ огромныхъ зданіяхъ, въ церкви, въ окрестныхъ домахъ, въ стѣнѣ, окружающей госпитальный дворъ; все избито, все испятнано всевозможными снарядами *).

---

*) Благодоря Бога состояніе здоровья нашихъ войскъ весьма удовлетворительное, не существуетъ никакихъ повальныхъ болѣзней; въ продовольствіи мы не нуждаемся. Про союзную армію нельзя сказать того же: англійская армія сильно пострадала; что же касается до французской арміи, то она обязана сохраненіемъ своихъ солдатъ предусмотрительности своихъ военачальниковъ. Вотъ что мы читаемъ относительно состоянія здоровья французской арміи въ „Historique du service de l' Artillerie“: въ февралѣ появился скорбутъ; болѣе страдали тѣ солдаты, которые прежде другихъ прибыли въ армію, а между этими тѣ, кто постарше. Главнокомандующій, дѣятельно заботившійся о здоровьи солдатъ, приказалъ принять различныя мѣры предосторожности противъ этой болѣзни,—мѣры эти тотчасъ были приняты, лишь стаялъ снѣгъ и температура умягчилась нѣсколько. Вотъ въ чемъ заключались эти мѣры, которыя мы считаемъ не лишнимъ привесть здѣсь, на случай, еслибы онѣ понадобились.

1) Перенести палатки на новое, не перекопанное мѣсто.

2) Запретить жить въ шалашахъ, землянкахъ, пещерахъ, а помѣщаться солдатамъ собственно въ палаткахъ, ежедневно провѣтриваемыхъ и содержимыхъ въ величайшей чистотѣ.

3) Собирать и сжигать каждый вечеръ въ извѣстномъ разстояніи отъ лагеря и съ подвѣтренной стороны всѣ нечистоты.

4) *Необходимыя мѣста*, для которыхъ ямы, по каменистости грунта, нельзя было вырывать достаточной глубины, тщательно очищать, какъ можно чаще рыть новыя ямы, зарывая старыя.

5) Зарывать падаль какъ можно глубже; засыпать негашеною известью и обсѣмѣнять ячменемъ, овсомъ или рожью всѣ мѣста, на которыхъ были погребены животныя остатки. (Надо сказать правду, у насъ нѣ было принято и сотой доли таковыхъ предосторожностей не только въ лагерѣ внѣ осажденнаго города, но даже и въ самомъ Севастополѣ).

6) Раздавать войскамъ свѣжую говядину какъ можно чаще, также какъ и хлѣбъ;

„Экъ они его угостили!“ замѣтилъ я проходящему матросу.

—Ваше благородіе! здѣсь было свѣтопреставленіе,—отвѣчалъ онъ, пріостановясь.—Наканунѣ бомбардировки непріятель прислалъ, чтобъ означить дома, гдѣ наши госпитали помѣщаются; наши и означили желтымъ флагомъ, а онъ, разбойникъ, на нихъ-то и налегъ. Вотъ въ этотъ флигель упала бомба, побила много народу, насилу успѣли перетаскать больныхъ на Сѣверную!

Мы шли дальше. Такъ называемая Татарская слободка, что за госпиталемъ, въ конечномъ разрушеніи. Жаль посмотрѣть на дома,—въ такомъ они печальномъ состояніи, а бывшей здѣсь мечети видны только слѣды.

28 февраля.

Вчера ночью, на холмѣ, саженяхъ въ двухстахъ впереди Малахова кургана, три Якутскихъ баталіона заложили люнетъ. Французы не сдѣлали ни одного выстрѣла по работамъ, вѣроятно, благодаря темной ночи, не замѣтивъ ихъ. Это обстоятельство не рекомендуетъ бдительности и осторожности французскихъ наблюдательныхъ передовыхъ постовъ. Судя по этому, мнѣ кажется, еслибъ мы давно рѣшились угостить Французовъ внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ, употребивъ для онаго тысячъ двадцать войска, такой ударъ неминуемо повелъ бы къ серіознымъ результатамъ. Но обратимся къ новому люнету. Вчера днемъ непріятель, конечно, его замѣтилъ и сегодня ночью открылъ ужасную канонаду, дѣйствуя по немъ перекрестнымъ огнемъ. Люнетъ не былъ еще вооруженъ. Строилъ его сегодня ночью полковникъ Голевъ съ тремя баталіонами Камчатцевъ.

Итакъ, этотъ пунктъ, который, судя по его положенію, сдѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ обороны, впервые орошенъ кровью Камчатцевъ; а потому и названъ *„Камчатскимъ люнетомъ“*, хотя заложенъ Якутцами, благодаря Бога, въ ночь его заложенія не потерявшими ни одного человѣка. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ изъ Камчатскаго полка на этотъ разъ много выбыло: убито 2, ранено 15 человѣкъ.

Замѣчательно, что заложеніемъ Камчатскаго люнета на холмѣ, послужившемъ ему основаніемъ, Тотлебенъ предупредилъ исполненіе намѣренія Французовъ, которые, по словамъ переметчиковъ, собирались, не сегодня такъ завтра, занять этотъ пунктъ и выстроить на немъ нѣчто въ родѣ брешь-батареи противъ Малахова кургана *). А теперь мы созданіемъ этого люнета

употреблять зелень—консервы и свѣжую зелень, выдавать солдатамъ масло и уксусъ для приготовленія салата изъ цикорія (одуванчикъ), въ огромномъ количествѣ растущаго въ Крыму.

(Дѣйствительно, лишь только стаялъ снѣгъ, видны были Французы, бродившіе въ значительномъ числѣ, собирая едва вылѣзавшіе изъ земли молодые ростки цикорія.)

7) Беречь и съ осмотрительностію расходовать воду, исправить колодцы, устроить водопои и строго смотрѣть, чтобы солдаты мыли свое бѣлье и были опрятны, что имѣетъ весьма большее вліяніе на здоровье войскъ.

*) Когда были построены Селенгинскій и Волынскій редуты, Французы увеличили число своихъ батарей противъ этого пункта, съ тѣмъ чтобъ ихъ огнемъ сбить новыя бата-

стали въ такое положеніе, что можемъ его выстрѣлами анфилировать часть непріятельскихъ траншей.

Разсказываютъ, что подъ Евпаторіей 21 февраля была хотя не большая, но все-таки насъ, не избалованныхъ удачами, порадовавшая успѣшная стычка нашей кавалеріи съ турецкою.

Передаютъ, что Турки въ числѣ 8 эскадроновъ ударили на цѣпь нашихъ аванпостовъ и было потѣснили ихъ; но, по счастію, нападеніе это было произведено тотчасъ послѣ смѣны однѣхъ частей нашихъ аванпостовъ—другими, такъ что смѣнившіяся части далеко уйти отъ аванпостовъ еще не успѣли, — услышавъ завязавшуюся перестрѣлку воротились, подкрѣпили нашихъ передовыхъ, уже находившихся въ отступленіи, и, одушевляемые при-

---

реи наши и безъ труда овладѣть ими. Замѣчательно, что союзники торопились окончить свои земляныя работы, чтобы открыть бомбардировку по всей линіи атаки и при этомъ ужасномъ огнѣ двинуть свои параллели къ 4-му бастіону и къ Малахову кургану, устроивъ на холмѣ, послужившемъ впослѣдствіи основаніемъ Камчатскому люнету, батареи. 9 марта нов. с. Французы замѣтили, что они предупреждены нами на этомъ пунктѣ и поняли, что усмотрѣнныя ими работы на такъ-названномъ ими „Mamelon vert“ имѣютъ связь съ сооружаемыми нами Селенгинскимъ и Волынскимъ редутами, съ которыми вновь возводимый люнетъ, будучи соединенъ траншеями, составитъ новую оборонительную линію, которая отдалитъ возможность атаки Малахова кургана. Батарея № 1, еще не вполнѣ вооруженная, получила приказаніе тотчасъ начать дѣйствіе противъ работъ на холмѣ, и къ вечеру того же дня по этому пункту 6 орудій открыли огонь. Англичане также открыли сильный огонь по новому люнету.

Вслѣдствіе построенія Камчатскаго люнета союзники отложили бомбардировку города и начали правильную атаку посредствомъ подступовъ къ люнету и Селенгинскому и Волынскому редутамъ (Ouvrages blancs). (Historique du service de l' Artillerie. Idem, стр. 200—201.)

Возведеніе трехъ редутовъ, говоритъ Дубровинъ (Idem, стр. 398), подъ весьма близкимъ огнемъ атакующаго, было, конечно, дѣло весьма важное и можно сказать единственное въ исторіи обороны крѣпостей, но нельзя не замѣтить, что занятіе пунктовъ, на которыхъ построены были эти укрѣпленія, было произведено *слишкомъ поздно*. Въ то время, когда явились передовые редуты и въ томъ видѣ въ какомъ они представились непріятелю—это было не болѣе какъ полумѣра. Въ Севастополѣ тогда же сознавали, что мы опоздали движеніемъ впередъ, что редуты стояли одиноко и безъ той связи и силы, которую могли имѣть, еслибы были построены ранѣе.

„Жаль,—говорилъ князь Горчаковъ,—что постройка ихъ предпринята столь поздно. Теперь постановка каждаго тура для ихъ поправки или усиленія стоитъ крови и большихъ потерь“.

„Еслибы князь Меньшиковъ,—говоритъ Дубровинъ въ другомъ мѣстѣ (Idem, стр. 399),—послѣдовалъ своевременно указаніямъ Императора Николая, онъ могъ бы сдѣлать эту позицію столь сильною, что, для овладѣнія ею, Англо-Французамъ пришлось бы употребить труда не менѣе, чѣмъ противъ важнѣйшихъ пунктовъ оборонительной линіи. Появленіе редутовъ впереди оборонительной линіи показало, что предпріимчивый главнокомандующій могъ съ русскими войсками отважиться на многое, что опасенія князя Меньшикова о невозможности наступательныхъ дѣйствій были неосновательны и что, наконецъ, если мы могли утвердиться на передовой позиціи въ виду непріятеля, въ то время, когда Французы пришли на помощь Англичанамъ и приняли на себя атаку Малахова кургана,— то мы могли это сдѣлать съ бо́льшимъ успѣхомъ нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, когда противъ насъ стояли одни Англичане, обезсиленные болѣзнями и упавшіе духомъ“.

Во всякомъ случаѣ, сооруженіе названныхъ передовыхъ укрѣпленій принесло намъ ту пользу, что мы возведеніемъ ихъ остановили осадныя работы союзниковъ противъ Малахова кургана, сдѣлали для нихъ невозможнымъ, безъ новыхъ и весьма продолжительныхъ работъ, возводить батареи для обстрѣливанія бухты,—словомъ отсрочили паденіе Севастополя почти на полгода. Вообще же къ возведенію Севастопольскихъ укрѣпленій со строгой критикой относиться нельзя потому, что къ укрѣпленію этого города не была примѣнена ни одна изъ извѣстныхъ системъ укрѣпленія городовъ,—Севастополь укрѣплялся на основаніи указаній здраваго смысла, въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ и сообразно съ условіями мѣстности.

мѣромъ своихъ командировъ: полковника Никорицы и поручика Козіолкина, ударили на непріятеля, опрокинули его и вогнали въ городъ, не давъ ему возможности даже подобрать своихъ труповъ. При этой стычкѣ четыре Турка взято въ плѣнъ.

Вечеръ.

Весь день сегодня сильнѣйшая идетъ перепалка на нашей половинѣ оборонительной линіи. Непріятелю, повидимому, очень не нравится постройка нами редутовъ внѣ общей линіи укрѣпленій и они особенно много и часто бросаютъ снарядовъ на Камчатскій люнетъ, мѣшая производству работъ на немъ. Однакожъ наши молодцы продолжаютъ безостановочную работу. Правда, говорятъ, будто назначенные туда на работу сегодня части Брестскаго полка дали было стрѣчка оттуда, не выдержавъ убійственнаго огня непріятельскаго, но ихъ остановили, воротили и они проработали весь день, до смѣны.

Волынцы держатъ цѣпь передъ строющимся редутомъ, такъ они, подъ неминовавшимъ еще впечатлѣніемъ внезапнаго нападенія Французовъ на Селенгинскій редутъ, до того стали чувствительны къ непріятелю, что отвѣчаютъ ему залпами всей цѣпи, на каждый раздающійся съ его стороны выстрѣлъ!

Ночь съ 28 февраля на 1-е марта.

Какая ужасная новость! Какая мрачная страница моихъ „Записокъ!“ Часъ тому, какъ меня разбудилъ посланный отъ генерала, второпяхъ вбѣжавшій въ мою комнату:

„Пожалуйте къ генералу!“

—Что такое? Французъ наступаетъ, что ли?

„Курьеръ пріѣхалъ: ГОСУДАРЬ скончался!!“

Клейнгаузъ выскочилъ изъ другой комнаты: мы стояли, глядя другъ на друга, и не могли вымолвить слова.... Еслибъ мы были приготовлены къ этой страшной вѣсти слухами о болѣзни Царя, а то вдругъ словно громомъ насъ поразило.... Генералъ подтвердилъ мнѣ ту же вѣсть и показалъ формальное о томъ извѣщеніе, приказавъ немедленно сдѣлать должныя распоряженія.... Только просидѣвъ часъ другой надъ бумагами, я сталъ приходить въ себя, собрался съ мыслями, одумался. Тутъ только я понялъ, что съ нами совершилось!

Господи, какое великое Ты намъ послалъ испытаніе въ столь тяжкую минуту нашей общественной жизни!

Событіе, котораго мы трепетали, о возможности котораго мы боялись думать, совершилось. Да, эта мысль являлась намъ иногда мимолетно, бывало мы говорили между собою: что, если Онъ умретъ?!...

И вотъ существо, котораго Россія боготворила и трепетала, на кого надѣялась, какъ на незыблемый оплотъ, сокрушено волею Провидѣнія! И почему же именно теперь насталъ Его часъ? Тайна судьбы! Столь мощный, неужели Онъ не вынесъ душевныхъ потрясеній, видя въ настоящей борьбѣ

рядъ неудачъ, встрѣчая измѣну въ друзьяхъ внѣшнихъ, видя напряженіе силъ преданнаго Ему душою и сердцемъ Государства и прозирая за всѣмъ тѣмъ невозможность выйти побѣдителемъ изъ неравной борьбы однажды избраннымъ путемъ и не признавая совмѣстнымъ съ величіемъ Своего положенія измѣнить этотъ путь!

Или конецъ Его вызванъ обыкновенными законами человѣческой природы?

Кто бы изъ насъ не отдалъ своей жизни, чтобъ отсрочить хоть на годъ эту роковую минуту! Но такова воля Господня—Его не стало! И недостанетъ слезъ оплакать великой потери, и нѣтъ силъ опредѣлить мѣру золъ, которыя можетъ повлечь за собою это ужасное событіе.

Что скажетъ армія, когда узнаетъ о совершившемся? Не падетъ ли ея нравственная сила, не воспользуются ли этимъ противники? Такъ вотъ что значитъ внезапный отъѣздъ Великихъ Князей, остававшійся для насъ загадкою, хотя и ходила смутная молва, что кто-то изъ особъ царственнаго дома очень боленъ! Но могли ли мы думать, могло ли прійти намъ въ голову, чтобъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ былъ при смерти?! Намъ онъ казался физически безсмертнымъ, а между тѣмъ это великое свѣтило закатывалось за горизонтъ, омраченный тучами, грозными тучами!

Какъ теперь оказывается, дня два уже, какъ французскій парламентеръ сказалъ нашему: „Мы оплакиваемъ вашу потерю!“—Какую потерю?—„Какъ будто вы не знаете? ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, вашъ ИМПЕРАТОРЪ скончался!...“ *)

Сонъ на умъ нейдетъ. Мы съ Клейнгаузомъ то ходимъ по нашей маленькой комнатѣ, то стоимъ въ раздумьи, не зная за что взяться, что предпринять. Мрачныя думы, кажется, готовы разорвать голову.

Завтра не велѣно производить работъ.

Какъ нарочно ночь мрачная, какъ вѣсть, ею принесенная. Только и освѣщаетъ ее, что мерцаніе летящаго разрывнаго снаряда, мгновенная вспышка выстрѣла или разрыва. Какъ-то жутко, какъ-то страшно взглянуть на небо, въ темень окрестности; кажется, мало одной ужасной вѣсти, какъ будто ждешь ихъ одну за другою, цѣлый рядъ!.... А канонада ревetъ неумолкаемо; ей вторитъ, ея звуки рветъ на лоскутья и разноситъ бурный вѣтеръ.... Ужасная ночь!

Итакъ, царствованіе НИКОЛАЯ I уже принадлежитъ исторіи; уже это царствованіе—прошедшее! Все еще какъ-то не вѣрится въ эту вѣсть намъ, взросшимъ подъ Его эгидою, Имъ вскормленнымъ, Имъ облагодѣтельствованнымъ; казалось, мы не могли Его пережить; казалось, это царствованіе не должно было имѣть конца! Что будетъ? о, что будетъ!? Знаемъ благость, знаемъ кротость, знаемъ величіе души Его Наслѣдника; но горе и какой-то особый сердечный трепетъ изгоняетъ изъ моей груди всѣ другія чувства!....

*) Вѣсть о кончинѣ Императора Николая дошла до союзниковъ въ 7 часовъ вечера 6 марта н. с. (Historique du service de l' Artillerie. Idem, стр. 206).

1 марта.

Роковая вѣсть еще не была объявлена войскамъ; но она, подъ покровомъ тайны, смутною молвою уже летала по гарнизону отъ одного человѣка къ другому.

Въ 10 часовъ утра велѣно было вывести войска, поставить, по возможности, въ скрытыхъ отъ непріятеля мѣстахъ и пригласить къ полкамъ и экипажамъ священниковъ. Зачѣмъ?—Все еще не объявляли во всеуслышаніе.

Пробилъ назначенный часъ. На Корабельной у церкви Св. Владиміра собрались: Селенгинскій полкъ, баталіонъ Бресткаго полка и батарея; Якутскій былъ въ прикрытіи редутовъ; Камчатскій и стрѣлковая рота въ Сѣрыхъ казармахъ; Охотскій полкъ на дворѣ Александровскихъ казармъ. Знамена были открыты; всѣ готовились къ чему-то торжественному; но по лицамъ присутствующихъ, омраченнымъ горькою вѣстью или томительнымъ предчувствіемъ, можно было заключить, что это необыкновенное вѣяніе открытыхъ знаменъ предвѣщаетъ что-то печальное.

Казакъ привезъ манифестъ. Генералъ Павловъ—старый, ревностный слуга НИКОЛАЯ, человѣкъ закаленный въ бояхъ нѣсколькихъ войнъ, не разъ испытавшій и доказавшій свою твердость личнымъ участіемъ въ страшныхъ битвахъ, не могъ вынести этой сцены и, объявляя солдатамъ причину настоящаго сбора ихъ, рыдалъ какъ дитя. Солдаты крестились; многіе шептали молитву; иные стали на колѣни и клали земные поклоны, молясь за упокой души опочившаго на вѣки! Когда же я началъ читать манифестъ, солдаты, офицеры, генералы—всѣ плакали....

Вотъ наша дань покойному великому ГОСУДАРЮ и великому человѣку! Вотъ новому ГОСУДАРЮ—залогъ нашей вѣрности—дѣтской любви и ничѣмъ неизмѣнимой преданности!

Что къ этому прибавить? Знаетъ свѣтъ, готовы ли мы были умереть за НЕГО; свѣтъ увидитъ, исторія покажетъ, будемъ ли мы умѣть сохранить и развить эти высокія чувства къ нашему новому ГОСУДАРЮ....

Вечеръ.

На Графской сторонѣ города присяга приносилась торжественно, съ парадомъ, но также была облита слезами.

Роковую вѣсть привезъ сынъ Паскевича, но, говорятъ, Сакенъ уже третій день какъ знаетъ ее изъ письма къ нему маршала Канробера. На Графской, послѣ присяги, читали послѣднія слова покойнаго Государя, которыя онъ приказалъ передать войскамъ. Сегодня были паннихиды во всѣхъ войскахъ по Почившемъ въ Бозѣ.

2 марта.—Вечеръ.

Сію минуту воротился съ тревоги: оказалась фальшивою. Передъ Камчатскимъ люнетомъ Французы было выскочили изъ траншей и ложементовъ и

открыли пальбу; но имъ сильно отвѣчали изъ нашихъ ложементовъ, цѣпью которыхъ опоясанъ Камчатскій люнетъ со стороны непріятеля. Затѣмъ по непріятелю стали стрѣлять Камчатскій люнетъ и Малаховъ курганъ; къ ихъ огню присоединили свой огонь всѣ батареи,—наши ударили тревогу. На улицахъ Севастополя первый еще разъ бьютъ тревогу съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ осадѣ. Какъ ужасенъ этотъ сигналъ ночью! Какая суматоха повсюду происходитъ! Подцѣпивъ саблю, я успѣлъ прибѣжать къ генералу, когда онъ былъ еще одинъ. Мы съ нимъ побѣжали на Малаховъ; дорогою насъ догнали наши штабные; генералъ тотчасъ по прибытіи на курганъ разослалъ ихъ всѣхъ съ различными распоряженіями относительно успокоенія внезапно заволновавшейся Корабельной,—тревога, говорю, оказалась фальшивою, и мы воротились домой.

Бьютъ тревогу, гремятъ барабаны въ однихъ мѣстахъ, въ другихъ раздаются дребезжащіе, рѣзкіе звуки сигнальной трубы. Звуки какъ тѣхъ инструментовъ, такъ и другихъ выполняютъ одно и то же назначеніе: зовутъ всѣхъ на свои мѣста, предупреждая о грозящей опасности. По нашему, если грозитъ дѣйствительная опасность, то нечего заботиться о томъ, чтобы не потревожить гарнизона. Между тѣмъ контръ-адмиралъ Истоминъ, начальникъ 4 отдѣленія оборонительной линіи (т.-е. Малахова кургана и сосѣднихъ укрѣпленій), думаетъ иначе. Не далѣе какъ третьяго дня онъ подалъ генералу Павлову слѣдующій рапортъ (за № 266); „Дабы не встревожить (?) весь гарнизонъ города, сдѣлано мною распоряженіе по войскамъ, расположеннымъ на ввѣренномъ мнѣ отдѣленіи, чтобы вмѣсто битья (sic) на барабанахъ тревоги въ случаѣ ночнаго наступленія непріятеля, трубить сборъ на горнахъ, выставивъ въ дежурство горнистовъ, которые бы въ ту же минуту принимали тотъ сигналъ, по которому и дѣйствовать какъ бы по тревогѣ на барабанахъ.

„Для выигрыша времени мною дано знать по всѣмъ частямъ войскъ ввѣреннаго мнѣ отдѣленія объ этомъ распоряженіи.

„О чемъ Вашему Пр-ству почтительнѣше имѣю честь донести“.

Генералъ Павловъ нашелъ, что это распоряженіе не имѣетъ основанія, потому что на барабанахъ ли пробита тревога, или просвистана на горнѣ, все равно она тревога и все равно встревожитъ гарнизонъ, и не приказалъ передавать этого распоряженія въ прочія части отдѣла. Вотъ отчего сегодня тревогу играютъ трубы и бьютъ барабаны.

Позднѣе.

Вновь тревога: барабаны гремятъ потрясающую пѣсню; вновь суматоха. Жители: женщины, дѣти—всѣ бѣгутъ куда-то, шумятъ, кричатъ, плачутъ! Все небо изборождено огненными слѣдами бомбъ и гранатъ; визгъ и ревъ ихъ полета присоединяется къ крикамъ и воплямъ жителей. Жалобный звукъ трубы, созывающей войска сигналомъ тревоги, не дѣлая эффекта, производимаго сигналомъ на барабанѣ, какъ-то необычайно грустно дѣйствуетъ

на душу. Глухой гулъ отъ бѣгущихъ къ своимъ мѣстамъ войскъ; звонъ проѣхавшаго артиллерійскаго орудія; скокъ лошади ординарца по звонкой мостовой; трескъ лопающихся снарядовъ: — вотъ грозный ночной концертъ, аранжированный богомъ брани на Севастопольской сценѣ, въ диво міру; концертъ, во всей его поразительной подробности тысячу разъ повторяемый перекатнымъ эхо бухты, моря, скалъ, долинъ и ущелій. И какая грандіозная обстановка мѣстности, на которой разыгрываются эти ораторіи! Какое чудное зрѣлище представляетъ собою настоящею ночью *дирижеръ* этого оркестра—Малаховъ курганъ! Эти группы артиллеристовъ при всякомъ орудіи, молча быстро его накатывающихъ или посылающихъ снарядъ, озаренныхъ на мгновенье огнемъ скорострѣльной трубки и пламенемъ выстрѣла; громадныя орудія и группы снарядовъ; траверзы и, будто красавица, закутанная въ чадру, бѣлая башня кургана; вездѣ толпы солдатъ, то стоящихъ, опершись на ружья, то лежа, съ шанцовымъ инструментомъ ожидающихъ что дѣлать? Тамъ у бруствера толпа генераловъ и начальниковъ; здѣсь уходящая въ ворота команда, идущая на подкрѣпленіе карауламъ, охраняющимъ передовые ложементы; все на Малаховомъ курганѣ необыкновенно

. . . . . .

На горизонтѣ звѣздочки непріятельскихъ огней, и, какъ послѣдніе аккорды едва разыграннаго концерта, несутся издали звуки полковой французской музыки, наигрывающей какой-то маршъ, мѣшаясь со звуками умирающей перестрѣлки. Впереди Камчатскаго люнета въ ложементахъ произошла сильная стычка съ напавшими на нихъ Французами. Ложементы остались за нами, Французы отбиты. Завтра узнаемъ подробности.

. . . . . .

3 марта.

Наконецъ Камчатцы вполнѣ окрещены кровью: вчера вечеромъ былъ въ бою ихъ первый баталіонъ. Французы напали на ложементы, что̀ близъ каменной ломки, и заняли ихъ безъ большихъ усилій, какъ разобщенные пункты, не имѣвшіе возможности въ извѣстный моментъ подкрѣпить другъ друга штыкомъ. По счастію, успѣлъ прибѣжать съ 1-мъ баталіономъ Камчатскаго полка маіоръ Китаевъ *) и выбилъ Французовъ такъ же скоро, какъ они выбили нашихъ. Ложементы, разрушенные было Французами, тотчасъ исправлены, и наши караулы засѣли въ нихъ снова, начавъ обычную перестрѣлку, дѣйствуя преимущественно по работающимъ **).

*) Петръ Григорьевичъ Китаевъ, командиръ 1 баталіона Камчатскаго полка, старый служивый, произведенный въ офицеры еще въ 1830 году, въ мирное время не привлекалъ къ себѣ симпатій ни начальства, ни товарищей, ни подчиненныхъ, и очень мало имѣлъ успѣха по службѣ въ 24 года офицерской службы, едва достигнувъ до маіорскаго чина. Но въ Севастополѣ онъ оказался въ своей сферѣ: въ немъ открылся начальникъ вполнѣ заботливый о своихъ подчиненныхъ, опытный, находчивый командиръ, презрѣніемъ опасности увлекавшій за собою въ бой свою часть. Китаевъ, будучи легко раненъ, не покинулъ полка, но тяжелая рана сегодня имъ полученная вырвала его изъ среды защитниковъ Севастополя, изъ котораго его увезли полковникомъ и съ золотою саблею съ надписью „за храбрость“.

**) Геренъ такъ разсказываетъ это событіе: наши ложементы сильно безпокоили

Подробности этого боя, не участвовавъ въ немъ, обрисовать весьма трудно, да и участники едва ли могутъ представить его общую картину, недоступную взору наблюдателя за ночною темнотою. Всякій разсказываетъ бой по-своему. Ясно только видны кровавые результаты боя; между прочимъ, добрый, храбрый товарищъ нашъ И. И. Жукъ убитъ наповалъ пулею въ сердце... Славная смерть!

Большая часть разскащиковъ говорятъ, что когда 1-й баталіонъ Камчатцевъ пришелъ смѣнять Селенгинцевъ съ занимаемаго ими пространства передъ Камчатскимъ люнетомъ, то нашелъ, что наши ложементы уже заняты Французами, и, будучи встрѣченъ изъ оныхъ ружейнымъ огнемъ, бросился и выгналъ оттоль непріятеля.

Въ справедливости этого разсказа можно сомнѣваться судя по тому, что Селенгинцы находились въ цѣпи для охраненія ложементовъ: какъ же эти ложементы могли быть заняты Французами безъ вѣдома Селенгинцевъ?

Но далѣе. Утвердясь въ своихъ ложементахъ, Камчатцы снова были выбиты Французами. Это было причиною второй общей тревоги вчерашняго вечера.

Маіоръ Китаевъ, отошедшій было съ резервомъ для сохраненія его отъ сильнѣйшаго батальнаго огня, открытаго Французами по его колоннѣ, повернулъ ее, вновь ударилъ на ложементы и вторично выбилъ непріятеля. Маіоръ Китаевъ отошелъ опять, а упорные Французы опять, т. е. въ третій разъ, выбили нашихъ, но Китаевъ еще разъ ихъ выгналъ, и послѣ этого они не осмѣлились занимать нашихъ ложементовъ, хотя онъ вновь отвелъ своихъ солдатъ до черты нашей ночной цѣпи, оставивъ ложементы не занятыми до утра. Ночью юнкеръ Олендзскій, съ нѣсколькими охотниками, обошелъ дозоромъ всѣ наши ложементы и принесъ изъ нихъ трехъ нашихъ раненыхъ солдатъ и четверыхъ Французовъ.

При второй изъ нашихъ атакъ, для возвращенія своихъ ложементовъ, нашими солдатами былъ внезапно окруженъ французскій офицеръ; но онъ упалъ на землю и притворился убитымъ; въ суматохѣ боя, наши не замѣтили его уловки, не тронули его и побѣжали дальше. Когда, выбивъ Французовъ, Камчатцы стали отходить, шедшій сзади цирульникъ Трухницкій, лихая, отважная голова, съ ружьемъ въ рукѣ, не отставшій въ бою отъ молодецкаго командира 1-й роты, поручика Ковалевскаго, видя лежащаго человѣка, наклонился посмотрѣть, не живъ ли онъ, чтобъ, если еще возможно, подать ему нужную помощь; но этотъ, мнимый убитый, вскочилъ и занесъ уже саблю съ намѣреніемъ разбить черепъ Трухницкому, однако онъ какъ то успѣлъ подставить ружье его удару и схватясь за саблю француза сцѣпился съ нимъ, призывая своихъ на помощь. Все это было дѣломъ

Французовъ, терпѣвшихъ большую потерю по ихъ милости, и они рѣшились овладѣть ложементами. Начальникъ траншей, генералъ Биссонъ, назначилъ для атаки двѣ роты линейныхъ войскъ, подъ командою капитана Шампанета. Этотъ отрядъ взялъ ложементы въ 4 часа утра, но въ 10 часовъ вечера Русскіе отняли два изъ нихъ обратно (Idem, стр. 125—126).

минуты. Трухницкаго услышали нѣсколько человѣкъ изъ отступающихъ, прибѣжали къ нему на помощь и притащили французскаго офицера въ Камчатскій люнетъ. Какъ онъ бѣдный былъ огорченъ и пораженъ своимъ плѣненіемъ! Сначала онъ плакалъ, какъ ребенокъ, потомъ, немного успокоясь подъ вліяніемъ нашихъ убѣжденій, мало-помалу пришелъ въ себя, разговорился съ нами и утверждалъ, что Севастополь будетъ взятъ непремѣнно и что война иначе не можетъ кончиться.

Послѣ дѣла снесли груду оружія и французской амуниціи. Какой отличный у нихъ порохъ, зерно въ зерно, чистый, полированный, ровный, безъ малѣйшей пыли. Ружья, взятыя у Французовъ, на этотъ разъ хуже нашихъ, передѣланныя изъ кремневыхъ; стволъ безъ нарѣза; штыкъ и шомполъ чрезвычайно тонкіе, а ложа толстая, хотя и хорошаго орѣховаго дерева; вообще ружье тяжелѣе и неуклюжѣе нашего обыкновеннаго ударнаго, не говорю уже—нарѣзнаго.

Сегодня на разсвѣтѣ опять было закипѣло сильное дѣло на томъ же пунктѣ, что и вчера. Французы, какъ видно, рѣшились отнять наши ложементы, сильно ихъ безпокоющіе своею близостью къ ихъ работамъ. Едва забрезжился день, они повели атаку на эти сооруженія въ каменоломнѣ, занятыя нашими штуцерниками передъ разсвѣтомъ, и овладѣли ложементами. Но тутъ опять подоспѣлъ маіоръ Китаевъ съ 3-ю егерскою ротою и, ударивъ въ штыки, выбилъ восторжествовавшаго было непріятеля, при чемъ взято въ плѣнъ два французскихъ офицера и два солдата. Но Французы не унялись и вновь атаковали ложементы; однако Камчатцы опять ихъ отбили, съ помощію небольшаго подкрѣпленія, прибѣжавшаго отъ 2-й егерской роты съ юнкеромъ Филиповымъ. Въ этомъ дѣлѣ раненъ штуцерною пулею въ лѣвую лопатку маіоръ Китаевъ, убито 7 нижнихъ чиновъ и ранено 59.

Вечеромъ сегодня опять произошла драка на славу: Французы бросились на ложементы, занятые Якутцами передъ Камчатскимъ люнетомъ, но, съ помощью трехъ ротъ Волынскаго полка и подоспѣвшихъ изъ резерва Якутцевъ, траншеи остались за нами, а Французы съ большимъ уронмъ опрокинуты и прогнаны. У насъ выбыло убитыми и раненными болѣе 100 человѣкъ, ранено: 1 штабъ-офицеръ и 2 оберъ-офицера *).

4 марта.

Господь еще милуетъ насъ: несмотря на огромные труды, опасности, чрезвычайныя лишенія, которыя мы столько времени здѣсь переносимъ,

---

*) Французкіе писатели утверждаютъ, что ложементы остались за ними, вслѣдствіе наступленія полковника Бранціона, отъ котораго бѣжали наши солдаты,—ложементы срыты Французами. „Historique du service de l' Artillerie“ говоритъ, что въ ночь съ 2 на 3 марта войска генерала Биссона отняли у насъ нѣсколько ложементовъ, а въ слѣдующую ночь (съ 3 на 4) генералъ Фальи отнялъ остальные ложементы (Idem, стр. 14).

Въ эту же ночь маіоръ Рудаковскій съ 700 охотниками сдѣлалъ вылазку съ 6 бастіона, ворвался во французскую траншею, нанесъ непріятелю большую потерю, въ свою очередь потерявъ 13 убитыми и 57 ранеными, и достигъ бы значительныхъ результатовъ, еслибы не подоспѣли на помощь Французамъ значительные отряды дивизіи Пате.

больныхъ у насъ немного. Въ доказательство привожу, въ выноскѣ *), нарочито мною составленную таблицу заболѣвшимъ со времени нашего прихода въ Крымъ до 1 марта, конечно не считая раненыхъ.

5 марта.

Много Поляковъ стало передаваться непріятелю. Въ короткое время бѣжало два офицера, про нижнихъ чиновъ я уже и не говорю — ихъ много бѣгаетъ. 2-го марта бѣжалъ юнкеръ Охотскаго полка Протеткевичъ, одинъ изъ храбрыхъ молодыхъ людей полка, обращавшій на себя вниманіе отличной службой,—онъ уроженецъ Волынской губерніи. При побѣгѣ Протеткевичъ, вѣроятно съ цѣлью придать себѣ большее значеніе у французовъ, придѣлалъ къ своей шинели штабъ-офицерскіе погоны и прикрѣпилъ къ фуражкѣ офицерскую кокарду.

Причины побѣга Протеткевича другой не было кромѣ надежды на возможность скорѣе составить себѣ карьеру въ арміи союзниковъ, чѣмъ у насъ, хотя бы и купленной цѣною измѣны, а можетъ, быть фанатическая преданность польскому дѣлу и желаніе послужить ему.

6 марта.

Ночью было сильное дѣло: Французамъ ужасно не нравятся наши новые редуты; безпрестанно они ихъ пытаются отнять; но для успѣха въ этомъ предпріятіи имъ прежде необходимо завладѣть нашими ложементами, что передъ этими укрѣпленіями; однако и этого бѣднымъ не удается. Вчера они почти весь день и сегодня всю ночь стрѣляли по ложементамъ, да

*)

	Селенгинскаго.		Якутскаго.		Охотскаго.		Камчатскаго.	
	Число заболѣвш.	Отношеніе къ наличному числу.	Число заболѣвш.	Отношеніе къ наличному числу.	Число заболѣвш.	Отношеніе къ наличному числу.	Число заболѣвш.	Отношеніе къ наличному числу.
1854.								
Октября	284	1 изъ 12	254	1 изъ 15	247	1 изъ 13	143	1 изъ 14
Ноября	168	1 — 15	293	1 — 12	183	1 — 12	212	1 — 16
Декабря	112	1 — 22	91	1 — 24	124	1 — 14	124	1 — 16
1855.								
Января	187	1 — 16	179	1 — 16	289	1 — 12	196	1 — 24
Февраля	201	1 — 11	160	1 — 12	268	1 — 12	207	1 — 18

вдругъ и бросились на нихъ, пробѣжали между ложементами и ударили на нихъ съ тыла такъ, что наши штуцерники, ихъ защищавшіе, должны были, отстрѣливаясь, обратиться лицомъ къ своей оборонительной линіи. Но двѣ роты Якутскаго полка и рота Волынцевъ, занимавшая цѣпь, остановили напоръ непріятеля, а командиръ Якутскаго полка, полковникъ Бялый, взявъ одинъ изъ своихъ работавшихъ на люнетѣ баталіоновъ, наступая съ барабаннымъ боемъ, произвелъ смятеніе въ рядахъ Французовъ и, бросившись на нихъ въ штыки опрокинулъ ихъ, несмотря на упорство ихъ офицеровъ, которые не переставали кричать: „Allons à Sebastopol!“—Allez aux diables!—кричалъ имъ въ отвѣтъ полковникъ Бялый, производя храбрыми своими солдатами опустошенія въ рядахъ Французовъ.

Однако Французы еще разъ возобновили атаку, но, съ помощію присланныхъ генераломъ Хрулевымъ четырехъ ротъ Томскаго полка, они были совершенно разбиты.

По разсказамъ перебѣжчиковъ и плѣнныхъ оказалось, что съ нами дрался 3-й полкъ зуавовъ, 86-й линейный полкъ и 4-й стрѣлковый баталіонъ; что въ этотъ день онъ потерялъ убитыми двухъ офицеровъ, въ томъ числѣ подполковника Вессіеръ, 7 офицеровъ ранеными и до 60 человѣкъ выбывшими изъ строя.

У насъ въ Якутскомъ полку убито 6 нижнихъ чиновъ, ранено 2 офицера и 38 нижнихъ чиновъ; въ томъ же полку вчера на работѣ контужено 22 человѣка солдатъ, вообще же, съ Томцами и Волынцами, у насъ изъ строя выбыло, говорятъ, до 200 человѣкъ.

Плѣнные разсказываютъ (хотя, правду сказать, я не очень-то довѣряю ихъ разсказамъ, такъ какъ одни врутъ изъ бахвальства, другіе просто по незнанію дѣла), что Канроберъ объявилъ войскамъ, что до тѣхъ поръ не дастъ столь желаемаго ими штурма Севастополя, пока они не возьмутъ Камчатскаго люнета, и вотъ этою ночью они хотѣли взять его во что бы то ни стало. Другіе утверждаютъ, что на этотъ пунктъ сосредоточено 12000 пѣхоты, спеціально предназначаемой для взятія этого укрѣпленія, и что это войско, раздѣленное на нѣсколько частей, будетъ послѣдовательно, то одною то другою частію, производить атаку люнета, пока не возьметъ его.

Что до меня, полагаю, что союзники могутъ достигнуть своей цѣли и даже при благопріятной случайности добиться еще болѣе значительныхъ результатовъ. Сужу, между прочимъ, по дѣлу этой ночи. Во время рукопашнаго нашего боя впереди Камчатскаго люнета, Малаховъ курганъ нашелся же вынужденнымъ, чтобы не перебить своихъ, прекратить огонь по непріятелю, находившемуся отъ него въ относительно ближайшемъ разстояніи. Отчего не предположить, что при возобновленіи столкновенія на мѣстности впереди Камчатскаго люнета непріятель не введетъ въ дѣло подавляющихъ своею численностью войскъ и не опрокинетъ не только наши передовыя войска, но и гарнизонъ Камчатскаго люнета. Не является ли опасеніе за возможность непріятелю на плечахъ нашихъ отступающихъ войскъ ворваться

даже на Малаховъ курганъ, огонь котораго долженъ будетъ прекратиться по наступающему непріятелю изъ опасенія произвести опустошеніе въ отступающихъ рядахъ своихъ войскъ?

Многіе того мнѣнія, что устройствомъ редута впереди Малахова кургана мы сами посадили себѣ опасную болячку...

Мы здѣсь пріобрѣтаемъ топливо съ большимъ трудомъ. Истощаются запасы антрацита и каменнаго угля; подвозъ его хотя и совершается изъ другихъ портовъ Крыма, не занятыхъ непріятелемъ, конечно сухимъ путемъ и изъ Новороссіи, также сухимъ путемъ, на чумацкихъ повозкахъ, но перевозка эта стóитъ большихъ денегъ, да и можетъ ли она удовлетворить потребностямъ такой огромной арміи, какая здѣсь собрана? Несмотря на строгій присмотръ, солдаты, гдѣ только можно было растащить какую-нибудь деревянную постройку, разобрать какой-нибудь домъ, подъ предлогомъ разрушенія его бомбою, навѣрно не упустили случая—и темными ночами повытаскали все дерево изъ многихъ домовъ. Такимъ образомъ всю татарскую слободку, весь кварталъ за Александровскими казармами, напримѣръ, обратили въ развалины гораздо скорѣе добыватели дровъ для топлива, чѣмъ непріятельскіе снаряды. Но и этотъ запасъ долженъ наконецъ истощиться, а потребность въ дровахъ не только не уничтожается, но увеличивается съ прибытіемъ бóльшаго числа войскъ. Скоро нечѣмъ будетъ варить кашу: разбираемъ корабли; но это трудная работа, притомъ же производящая на душу тягостное впечатлѣніе.

7 марта.

Не стало Истомина! Однимъ вождемъ-героемъ у Севастополя, однимъ доблестнымъ сыномъ у Россіи стало меньше, и какимъ сыномъ?—составлявшимъ ея честь, ея славу; не щадившимъ для нея силъ, здоровья, трудовъ; для ней презрѣвшимъ покой, опасность и смерть! Плачь родная отчизна! твоихъ слезъ достоинъ этотъ славный прахъ!

Не долго мы знали Истомина, не долго служили съ нимъ; но знаемъ, какой памяти онъ достоинъ, какъ человѣкъ, морякъ и воинъ.

Малаховъ курганъ былъ его кораблемъ, и какъ нѣкогда онъ лелѣялъ, украшалъ, берегъ свой „Парижъ“, какъ жилъ имъ и дышалъ на него, такъ онъ теперь лелѣялъ, украшалъ Малаховъ курганъ, берёгъ его какъ зеницу своего ока, трепеталъ за всякій моментъ его жизни, конечно больше чѣмъ за собственную жизнь; страдалъ отъ всякой раны, ему нанесенной, какъ будто была поражена его собственная грудь. Паденіе Малахова Истоминъ не пережилъ бы, и еслибы судьба поставила его въ такое безвыходное положеніе, что кургану надлежало бы погибнуть, доставшись въ руки врагу, Истоминъ взорвался бы, также какъ если пришлось бы упасть флагу съ горделивой мачты его драгоцѣннаго „Парижа“.

Малаховъ курганъ своимъ устройствомъ, своимъ быстрымъ, страшнымъ

вооруженіемъ обязанъ неусыпной дѣятельности Истомина; безъ его личнаго надзора лопаты земли не взброшено на этомъ укрѣпленіи, а между тѣмъ какія громадныя произведены работы!

Истоминъ не раздѣвался съ самаго начала осады, а если и ложился спать на нѣсколько часовъ, то единственно удовлетворяя крайней потребности человѣческой природы.

Изъ Малахова кургана Истоминъ создалъ отдѣльную крѣпость. Врагъ блиндажей, онъ утверждалъ (впрочемъ на этотъ разъ несправедливо), что солдатъ не долженъ подъ землею прятаться отъ смерти, а всегда долженъ безтрепетно смотрѣть ей въ глаза; тогда только онъ способенъ на великіе подвиги, тогда только отъ него можно ждать и требовать ежеминутной готовности встрѣтить и отразить самый напряженный ударъ. Изъ блиндажей, говаривалъ Истоминъ, въ случаѣ внезапнаго нападенія, пока еще вызовешь людей, а дѣло можетъ уже проиграться, или потеряется удобный для встрѣчи и отраженія врага моментъ невозвратно. А между тѣмъ Истоминъ изрѣзалъ поверхность кургана множествомъ траверзовъ, доставивъ такимъ образомъ гарнизону онаго возможность отстаивать курганъ шагъ за шагомъ. Истоминъ съ сердечною теплотою заботился о подчиненныхъ. Такъ, за нѣсколько часовъ до смерти, онъ самымъ настойчивымъ образомъ просилъ о прибавленіи носилокъ для успокоенія переносимыхъ раненыхъ, которыхъ, по недостатку носилокъ, таскаютъ на ружьяхъ, или просто за руки, за ноги *). Такъ, сегодня еще утромъ тяжело раненъ горнистъ, всегда его сопровождавшій; Истоминъ покрылъ его своею шинелью и, со слезами поцѣловавъ въ лобъ, отослалъ его въ госпиталь.

Чувство долга, жажда славы отечеству доходили въ Истоминѣ до экстаза. Это чувство выработало въ немъ совершенное, полное равнодушіе къ смерти. Въ послѣднее время, на удивленіе многихъ его необыкновенной отвагѣ и презрѣнію смерти онъ часто повторялъ: „удивляюсь, право, вашему удивленію; я и такъ незаконно живу на свѣтѣ,—мнѣ бы слѣдовало погибнуть въ первую бомбардировку; слѣдовательно смѣло могу играть тѣмъ, чѣмъ пользуюсь и безъ того долѣе срока“. И дѣйствительно, всѣ утверждаютъ, что онъ въ первую бомбардировку показалъ чудеса храбрости и явную насмѣшку надъ угрозами смерти, такъ что удивительно, какъ онъ могъ уцѣлѣть въ этотъ день. Еще вчера вечеромъ у него въ башнѣ сидѣлъ генералъ Хрулевъ и нѣсколько офицеровъ, какъ пришелъ какой-то Ластовый офицеръ съ претензіею на неполученіе въ награду чина поручика, кажется, тогда какъ младшій, сравнительно съ нимъ, получилъ въ награду этотъ чинъ за дѣло,

---

*) 6 марта, за № 312, Истоминъ писалъ рапортомъ генералу Павлову слѣдующее: „Видя недостатокъ носилокъ при сухопутныхъ войскахъ, состоящихъ въ командованіи вашемъ, я имѣю честь покорнѣйше просить ваше п-ство приказать увеличить число носилокъ при баталіонахъ, дабы не замедлить относку раненыхъ къ перевязочнымъ пунктамъ“. На рапортѣ томъ отмѣчено, что сдѣлано распоряженіе, чтобы носилки были изготовлены, а поручикъ фонъ-Витте, исправлявшій должность дивизіоннаго гевальдигера, осмотрѣлъ бы ихъ и 10 марта донесъ бы объ исполненіи.

въ которомъ меньше его принималъ участія. Когда онъ ушелъ, Истоминъ, обращаясь къ присутствующимъ, замѣтилъ: „вотъ удивляюсь-то людямъ: какое время теперь, а онъ поручичьяго чина хочетъ? Ну не все ли равно умереть поручикомъ или подпоручикомъ? Я, напримѣръ, убѣжденъ, что не выйду живъ отсюда и мнѣ рѣшительно все равно генераломъ ли меня убили бы, или поручикомъ“!

Думалъ ли Истоминъ, высказывая такія убѣжденія, что сочтены минуты его жизни и что завтра въ это время онъ уже будетъ лежать покрытый флагомъ своего „Парижа“? Неужели въ его сердцѣ не осталось жажды жизни? Онъ не высказывалъ вѣдь презрѣнія къ ней, онъ любилъ ее, любилъ, быть-можетъ, больше другихъ; но дѣло, за которое ратовалъ, любилъ еще больше, и хотя въ его душѣ и была еще надежда на возможность продолженія жизни, но онъ выражалъ ежеминутно готовность разстаться съ нею, исполняя такимъ образомъ съ увлеченіемъ, такъ сказать, другую нравственную службу отечеству. Истоминъ погибъ, возвращаясь съ Камчатскаго люнета. По одну сторону его шелъ капитанъ-лейтенантъ Сенявинъ, назначенный командовать укрѣпленіемъ, по другую—инженеръ Черкавскій. Истоминъ не пошелъ по траншеѣ, а по ея гребню. „Ваше превосходительство,—сказалъ ему Сенявинъ,—сойдите въ траншею: тутъ очень опасно идти!“ —Э, батюшка,— отвѣчалъ Истоминъ, — все равно отъ ядра вѣдь не спрячешься! — Въ это мгновеніе ядро оторвало ему голову, контузивъ Сенявина въ руку и Черкавскаго въ голову; послѣдняго костями черепа адмирала. Ленточка георгіевскаго креста осталась на шеѣ Истомина, крестъ разлетѣлся...

Истоминъ будто предчувствовалъ кончину въ этотъ день; доказательствомъ, кромѣ вчерашнихъ словъ по уходѣ офицера — просителя о чинѣ, можетъ служить то, что планъ укрѣпленія кургана, который онъ всегда хранилъ у себя, вчера вечеромъ, безъ всякой особой причины, онъ передалъ офицеру, завѣдующему работами на курганѣ... Но какъ бы то ни было: имѣлъ ли Истоминъ предчувствіе, или не имѣлъ, а къ его тѣлу уже толпятся матросы и офицеры, желая дать ему послѣднее цѣлованіе.

Вчера вечеромъ со стороны непріятеля какъ бы цѣлый адъ открылся. Такой онъ началъ ожесточенный огонь по укрѣпленіямъ. Однихъ разрывныхъ снарядовъ непріятель бросилъ къ намъ болѣе полутора тысячъ. У насъ собственно, на лѣвой половинѣ, болѣе 50 человѣкъ убито и болѣе ста ранено и контужено. Что же наши? Чѣмъ отплатили?

Наши преимущественно молчали! Весь вечеръ на огонь непріятельскій наши не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ. Даже досадно становится. Сегодня тоже весь день мы не отвѣчаемъ на непріятельскій огонь. Такимъ способомъ дѣйствій у насъ всѣ недовольны, даже ропщутъ. Что это, говорятъ солдаты, позволяютъ этимъ подлецамъ бить насъ безнаказанно!!“ Молчаніе наше уменьшаетъ нравственную силу въ нашихъ солдатахъ, пробуж-

даетъ въ нихъ неудовольствіе, переходящее въ ропотъ, и сейчасъ же въ подозрѣніе начальствующихъ лицъ, тѣмъ болѣе носящихъ не русскую фамилію, въ стачкѣ съ непріятелемъ, въ измѣнѣ нашему дѣлу.

По несчастію молчаніе наше происходитъ отъ крайняго недостатка въ порохѣ и снарядахъ, которые на всякій случай надо сберегать всѣми способами, до прибытія транспортовъ съ артиллерійскимъ матеріаломъ.

Сегодня на курганѣ разговорились о постройкѣ новыхъ редутовъ, Хрулевъ и говоритъ: „какъ тамъ хочешь стройся, а *впередъ* все-таки надо будетъ идти, безъ этого никакихъ благопріятныхъ результатовъ не достигнешь!“

Можетъ-быть и дѣйствительно надо *идти впередъ*, но пока не прибудетъ главнокомандующій, на такой рѣшительный шагъ никто не согласится. Надо ждать!

Говорятъ, вчера арестовали здѣшняго католическаго ксендза, оказавшагося дѣятельнымъ помощникомъ и рьянымъ сторонникомъ союзниковъ, сильно пропагандировавшимъ въ пользу ихъ между своими духовными дѣтьми. Утверждаютъ, что злонамѣренность ксендза открыта однимъ изъ офицеровъ, которому солдаты, ходившіе къ этому ксендзу на исповѣдь, объявили, что ксендзъ при совершеніи этого таинства убѣждалъ ихъ бросить оружіе и переходитъ къ союзникамъ, какъ къ братьямъ по духу и по вѣрѣ.

8 марта.

Хоронили и похоронили Истомина! Сижу надъ дневникомъ и не могу освободиться отъ тягостнаго чувства. Да, грустное на меня впечатлѣніе произвели похороны этого замѣчательнаго человѣка. Никто ни одной слезы не выронилъ надъ его гробомъ. Много было въ похоронахъ великолѣпія, много воинскихъ почестей отдано его праху; но сердечной печали, но терзающаго душу вопля, исторгавшагося изъ души собрата, не было, и пусто какъ-то было на этихъ похоронахъ, несмотря на ихъ многолюдство... Хотя бы денщикъ пришелъ повыть надъ его гробомъ, и того не было!... Хохотъ, смѣхъ, разсказы, болтовня—только и слышалось въ толпѣ, шедшей за его гробомъ, тѣмъ временемъ, какъ реи кораблей медленно опускались и падали флаги до половины мачтъ... Одно, что въ похоронахъ Истомина сказалось сердцу, это выносъ его гроба: баронъ Остенъ-Сакенъ, Нахимовъ несли его въ головахъ; другіе генералы и штабъ-офицеры несли съ ними, но на пути до могилы, ему уступленной Нахимовымъ, всѣ отстали, всѣ перемѣнились у его гроба; одинъ не отсталъ, одинъ не перемѣнился, не уступилъ своего почетнаго мѣста другому, ни на минуту,—Нахимовъ. Съ безстрастнымъ, но нѣсколько мрачнымъ выраженіемъ лица онъ двигался мѣр-

нымъ шагомъ съ завѣтной ношею, отдавая послѣдній долгъ собрату, товарищу и другу, съ которымъ сроднился въ огнѣ и бурѣ! *)...

Сегодня прибылъ въ Севастополь новый главнокомандующій нашъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, со всѣмъ своимъ штабомъ, имѣющимъ во главѣ генералъ-адъютанта Коцебу, не пользующагося особыми симпатіями войскъ **).

10 марта.

Вчера окончено вооруженіе Камчатскаго люнета.

11 марта.

Какую страшную я пережилъ сегодня ночь! Не забыть мнѣ ее. Вчера уже смеркло, какъ было получено распоряженіе главнокомандующаго: начальнику нашей дивизіи, генералъ-лейтенанту Павлову немедленно вступить въ командованіе Сѣверною стороною. Онъ уѣхалъ. Гдѣ же мнѣ ночью перебираться съ дежурствомъ? Я попросилъ и получилъ позволеніе остаться до завтра. Товарищи мои Клейнгаузъ и фонъ-Витте также выпросились остаться до утра. Вдругъ приходитъ ко мнѣ одинъ изъ товарищей и спрашиваетъ:

„Знаешь новость?“

— Нѣтъ.

„Прикидываешься, дѣло секретное, правда, но вѣрно знаешь“.

— Нѣтъ, право не знаю.

„Сегодня большая вылазка“.

— Будто?

---

*) Говорятъ, когда Истомина поставили въ общій склепъ адмираловъ, гдѣ уже стояли Лазаревъ и Корниловъ,—Нахимовъ заглянулъ въ склепъ и сказалъ *„еще есть мѣсто для одного, хотъ поперекъ склепа“*... Но когда Нахимовъ былъ убитъ, его поставили рядомъ, въ особомъ склепѣ.

**) „Войска,—говоритъ генералъ Богдановичъ (Восточная война, стр. 25),—приняли князя Горчакова и его увѣренія скораго изгнанія непріятелей изъ Крыма съ ледянымъ равнодушіемъ; тѣ, которые служили подъ его начальствомъ на Дунаѣ, знали его личную храбрость и безпредѣльную преданность Царю и отечеству, уважали въ немъ справедливаго начальника и благороднаго, великодушнаго человѣка; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, знали, что отъ него нельзя было ожидать ничего рѣшительнаго“.

Тотлебенъ писалъ къ своимъ: „Прибытіе князя Горчакова вселило въ Севастополь новую жизнь и новыя надежды“.

Шильдеръ съ этимъ не соглашается, въ своей „Біографіи Тотлебена (стр 407 и дал.) онъ говоритъ: „Едва ли этотъ взглядъ раздѣлялся всѣми защитниками Севастополя. Трудно было ожидать побѣдъ и спасенія Крыма отъ полководца, не имѣвшаго никакой вѣры въ собственныя мысли и смотрѣвшаго на себя, какъ на козла отпущенія чужихъ прегрѣшеній, о чемъ онъ не переставалъ твердить Военному Министру, въ нескончаемыхъ воздыханіяхъ, съ первой же минуты своего новаго назначенія. Въ перепискѣ своей онъ является какимъ-то плачущимъ Іереміей, сокрушеннымъ старцемъ, взывающимъ даже къ смерти, какъ къ избавительницѣ отъ гнетущей его дѣйствительности. Иной разъ полководецъ ожидаетъ спасенія только отъ мора, холеры или чумы; затѣмъ онъ, какъ и на Дунаѣ, продолжаетъ тщетно ломать себѣ голову для изобрѣтенія средствъ побить врага, но не находитъ ничего. Одно появленіе князя Горчакова въ Севастополѣ равносильно обреченію знаменитаго города на гибель“...

Въ другомъ мѣстѣ Шильдеръ говоритъ о томъ же: „Это начало конца, теперь будемъ отступать, говорили лица, знакомыя съ стратегіей князя Горчакова“. Стр. 408 Idem.

„Вѣрь,—съ Камчатки Хрулевъ пойдетъ“.

— Господи, помоги! Господи, помоги!

Дѣйствительно, наше начальство рѣшилось положить сегодня предѣлъ движенію непріятеля впередъ сапными работами къ Камчатскому люнету, подведенными уже на близкое къ нему разстояніе. Разрушеніе непріятельскихъ апрошей поручено было генералъ-лейтенанту Хрулеву, а какъ оное не могло совершиться иначе, какъ только послѣ упорнаго боя, то въ его отрядъ данъ весь Камчатскій полкъ, три баталіона Днѣпровскаго, подъ командой полковника Радомскаго, два баталіона Углицкаго полка *), два баталіона Волынскаго полка и два флотскіе экипажа. Начальникомъ штаба этого отряда, на время дѣйствія онаго, назначенъ командиръ Камчатскаго полка полковникъ Голевъ, который и долженъ былъ принять командованіе отрядомъ, еслибы, отъ чего Боже сохрани, генералъ Хрулевъ былъ убитъ или раненъ. Для поддержанія этой атаки съ Камчатскаго люнета, одновременно съ нею, должно было произвести двѣ вылазки съ 3-го бастіона: первую, подъ командою капитанъ-лейтенанта Будищева съ греческими волонтерами, запаснымъ баталіономъ Минскаго полка и 250 моряками; вторую подъ командою лейтенанта Бирюлева съ охотниками Охотскаго полка, резервнаго баталіона Волынскаго и отъ двухъ морскихъ экипажей, всего въ числѣ до 500 человѣкъ. Эти вылазки направлялись на англійскія траншеи.

Едва я успѣлъ собрать эти свѣдѣнія и съ ихъ запасомъ направиться домой, какъ въ десятомъ часу вечера изъ загорѣвшейся кононады и по усиленному ружейному огню долженъ былъ заключить, что дѣло началось.

Невыносимо находиться въ положеніи, подобномъ моему: видѣть, какъ дерутся друзья и братья и имѣть на своей шеѣ ярмо обязанностей, приковывающихъ въ этотъ моментъ къ извѣстному дѣлу и не позволяющихъ раздѣлить съ друзьями ихъ судьбу!... Но огонь разгорался,—съ нимъ вмѣстѣ разгорался огонь душевный; не было болѣе силъ равнодушно смотрѣть на дѣло издали! „Ребята, сказалъ я въ дежурствѣ толпѣ своихъ писарей: наши дерутся, намъ въ драку идти не досталось; пойдемте однако, не поможемъ ли кому?“ Всѣ съ восторгомъ бросились за мною.—„Нѣтъ, не всѣ. Перебьютъ насъ, генералъ потомъ будетъ сердиться, скажетъ: дѣло остановилось!“ Я отобралъ нѣкоторыхъ, и мы не пошли, а побѣжали по направленію къ Малахову кургану. Со мною было человѣкъ 10 удалыхъ головъ; кромѣ тесаковъ у нихъ и сабли у меня, не было у насъ другаго оружія. Куда намъ пристроиться, что дѣлать?—думалъ я, продолжая путь. Вдругъ, доходя до конца доковой стѣны и повернувъ налѣво, мы услышали вокругъ себя стоны и вопли: еще нѣсколько шаговъ — и я различилъ въ темнотѣ валяющихся на улицѣ солдатъ и офицеровъ, облитыхъ кровью. Сначала я

*) 1 и 2 баталіоны Углицкаго полка находились подъ командой маіора Могилевскаго полка Котляревскаго, раненаго въ этомъ дѣлѣ въ челюсть и шею двумя пулями. Тутъ же убитъ Углицкаго полка шт.-кап. Соколовъ и ранены: батальонный адъютантъ прапорщикъ Павловскій 2-й, пулей въ голову, съ пробитіемъ черепа.

не могъ понять причины нахожденія здѣсь на улицѣ такого множества раненыхъ; но одинъ изъ бывшихъ со мною растолковалъ мнѣ, что здѣсь въ нѣсколькихъ шагахъ перевязочный пунктъ, и что, видно, солдаты несли туда раненыхъ да не донесли, думая дескать: подберутъ служители, а сами побѣжали назадъ, къ своему мѣсту; за носильщиками притащились другіе раненые, которые могли еще идти, да не зная куда слѣдовать дальше, тоже легли около сложенныхъ носильщиками. По указанію моего толкователя, я побѣжалъ съ своими на перевязочный пунктъ и нашелъ страшное зрѣлище: онъ помѣщался въ одной большой комнатѣ, имѣвшей одни небольшія двери и нары посрединѣ... Всѣ эти нары были завалены ранеными; многіе лежали на полу въ узкомъ проходѣ между нарами и стѣною. По неизвѣстной мнѣ причинѣ, здѣсь не было ни медика, ни фельдшера! Вопль, ревъ, стонъ несчастныхъ страдальцевъ терзалъ душу. Я благословлялъ провидѣніе, меня сюда пославшее. Нечего и говорить, что я тотчасъ разослалъ пришедшихъ со мною писарей за своимъ дивизіоннымъ фельдшеромъ, мастеромъ перевязочнаго дѣла, и за нѣсколькими докторами полковъ своей дивизіи, которыхъ зналъ, что они не на службѣ, именемъ начальника дивизіи приглашая ихъ немедленно сюда пожаловать. Между тѣмъ тотчасъ же вытребовалъ арестантовъ изъ смежной арестантской казармы и началъ приводить раненыхъ въ порядокъ, толкомъ положилъ ихъ на нарахъ и валявшихся на дворѣ тотчасъ частію внесъ въ комнату перевязочнаго пункта, частію отправилъ на носилкахъ въ госпиталь Александровскихъ казармъ. Не больше какъ черезъ полчаса прибѣжалъ нашъ дивизіонный фельдшеръ Венедиктовъ, затѣмъ Селенгинскаго полка баталіонный медикъ Костицынъ, и началась работа: ампутированныхъ и перевязанныхъ я немедленно отправлялъ въ Александровскій госпиталь. Но раненые прибывали не по одиночкѣ, а десятками. Французы, Русскіе, Англичане равно принимались нами. Особенное мое вниманіе обратилъ на себя, неколебимымъ мужествомъ, французскій капитанъ Кресси, съ перебитою рукою, ногою и разрубленною головою; послѣ возможныхъ перевязокъ я отдалъ его на руки своему товарищу фонъ-Витте, который по должности дивизіоннаго гевальдигера тоже былъ мною сюда приглашенъ и который отнесъ Кресси въ свою квартиру, уступилъ ему свою постель и успокоилъ его до утра, какъ брата.

Тутъ-то я провелъ всю эту ужасную ночь. Бомбы падали окрестъ нашего зданія, одну разорвало невдалекѣ отъ южной стѣны дома и стекла единственнаго, съ этой стороны, окна, выскочивъ отъ сотрясенія, посыпались на раненыхъ, къ общему ужасу всѣхъ находившихся въ комнатѣ, которымъ очень было не по сердцу погребстись подъ развалинами домика, не имѣя силъ пошевелиться, не только принять какія-либо мѣры къ спасенію. Не стану разсказывать подробности своихъ занятій въ эту ночь. Неловко какъ-то говорить про себя. Я и то довольно безцеремонно часто повторяю мѣстоименіе *я!* Что же дѣлать? право, это не хвастовство: пишу не исторію, а представляю благосклонному читателю свой походный дневникъ; какже мнѣ

вычеркнуть изъ него рѣчь о себѣ? Если вычеркну, онъ не будетъ дневникомъ; а въ другую форму облечь свои разсказы не имѣю ни права, ни возможности... Скажу только, что часамъ къ 2-мъ ночи на этомъ перевязочномъ пунктѣ работало уже три медика и нѣсколько фельдшеровъ; на улицѣ раненые не валялись болѣе, нашлось чѣмъ утолить ихъ жажду, часто предсмертную, и чѣмъ унять ихъ кровь, съ которою у многихъ истекала жизнь!... Часовъ въ 8 я возвратился домой, облитый кровью, измученный, истомленный и повалился на кровать. Мой товарищъ Клейнгаусъ, не знавшій, что думать о моемъ ночномъ отсутствіи, видя въ какомъ я положеніи, бросился было осмотрѣть меня; не раненъ ли я? но я уже спалъ, что убѣдило его въ моемъ ненарушимомъ здравіи, и онъ отложилъ разъясненіе загадки до моего пробужденія, сидя около меня съ самоваромъ. Конечно, вдоволь выспавшись, я отправился узнавать подробности вчерашнихъ событій.

Въ дѣлѣ учавствовали 1, 3 и 4 баталіоны Камчатскаго полка, которые и были главными дѣйствователями драмы, вчера разыгравшейся. Правымъ флангомъ пѣхоты командовалъ полковникъ Голевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ исправляя должность начальника штаба отряда; лѣвымъ флангомъ отряда командовалъ полковникъ Радомскій. Вѣтеръ, бушевавшій въ это время, и темная ночь, казалось, способствовали скрытности нашего движенія; но наше выступленіе изъ Камчатскаго люнета было заблаговременно открыто непріятелемъ, и онъ приготовился къ встрѣчѣ.

Въ 8 часовъ 1 баталіонъ Камчатскаго полка, въ ротныхъ колоннахъ, имѣя въ резервѣ 3-й баталіонъ того же полка, двинулся къ нашимъ ложементамъ, оставленнымъ нами и съ вечера еще занятымъ непріятелемъ. Лѣвѣе двигалась такимъ же порядкомъ коллона Днѣпровскаго полка. Изъ ложементовъ Французы тотчасъ же отступили. По слѣдамъ ихъ пошли наши, а впереди всѣхъ поручикъ Ковалевскій съ 1 егерскою ротою. Онъ подбѣжалъ къ траншеѣ—она еще молчала; но вдругъ рѣзкій голосъ крикнулъ: „Allez donc!“ и траншея загорѣлась батальнымъ огнемъ *)... Многіе

---

*) По словамъ Герена 3-й баталіонъ зуавовъ первый замѣтилъ наше наступленіе, легъ подъ командою подполковника Банона и встрѣтилъ нашу колонну ружейнымъ залпомъ почти въ упоръ; произошла страшная свалка: двѣ роты 86-го линейнаго полка, работавшія въ траншеяхъ, тотчасъ отступили, будучи безоружны; подоспѣли подкрѣпленія къ обѣимъ сторонамъ, и мало помалу бой принялъ на всей атакованной линіи большіе размѣры; въ это же время, независимо отъ атаки съ Камчатскаго люнета на Французовъ, произведены таковыя же съ третьяго бастіона на Англійскія траншеи, Бирюлевымъ—на траншею Шапмана и Будищевымъ—на траншею Гордона.

Геренъ какъ-то мелькомъ разсказываетъ подробности участія Французовъ въ этой борьбѣ, можетъ быть потому, что они въ эту ночь потерпѣли полное и совершенное пораженіе, за то онъ распространяется въ описаніи битвы, происшедшей между колоннами Бирюлева и Будищева съ Англичанами. Онъ утверждаетъ, что колонна Будищева такъ неожиданно подошла къ отрядамъ 9 и 97 англійскихъ полковъ, составлявшихъ траншейный караулъ, что была принята за Французовъ и тогда только была узнана, когда перебила часовыхъ и бросилась на Англичанъ въ штыки. Англичане бѣжали подъ покровительство своихъ пушекъ, англійскія траншеи на этомъ пунктѣ были во власти Русскихъ. Между тѣмъ Бирюлевъ гналъ до батареи Шапмана отряды 20, 21 и 57 англійскихъ полковъ, но здѣсь они были подкрѣплены резервами и въ свою очередь опрокинули Русскихъ, которые однако разрушили англійскія траншейныя работы, заклепали три мортиры и взяли въ

изъ солдатъ Ковалевскаго повалились, но онъ, будучи самъ контуженъ въ ногу, не остановился; первый вскочилъ на гребень траншеи и первый, съ саблею въ рукѣ, соскочилъ въ нее! Пошла ужасная рѣзня *). Выстрѣлы почти замолкли; наши били Французовъ штыками, прикладами; заваливали ихъ въ траншеѣ камнями и турами, разваливая ея гребень и все опрокидывая въ ровъ на яростно защищавшагося врага. Ужасна была эта кровавая борьба; очевидцы говорятъ, что набѣгавшіе резервы наши и непріятельскіе, присланные генераломъ д' Отмаромъ, увеличили суматоху боя и довели до крайняго предѣла ожесточеніе сражавшихся. Французы были выбиты изъ ближайшей къ намъ траншеи; бой перешелъ въ слѣдующую, а въ это время рабочая команда Камчатцевъ и моряковъ разрушила до основанія отнятую траншею, зарывая въ ней убитыхъ Французовъ. Возраставшіе размѣры боя и упорство непріятеля, а особенно при защитѣ второй параллели подкрѣпленнаго свѣжими войсками, заставили полковника Голева ввести въ дѣло четвертый баталіонъ Камчатскаго полка, находившійся на работѣ въ Камчатскомъ люнетѣ. Баталіонъ устремился въ бой по полубаталіонно справа и слѣва апроши на третью линію траншей и очутился въ тылу у Французовъ, защищавшихъ вторую параллель. Этотъ ударъ рѣшилъ бой въ центрѣ сраженія въ ту минуту, когда Днѣпровцы, несмотря на тяжелую рану своего командира, полковника Радомскаго (пулею въ грудь на вылетъ), силились одолѣть оказавшагося передъ ними непріятеля, на лѣвомъ флангѣ дѣла.

Выбитые изъ второй линіи траншей, Французы не могли удержаться въ первой, и она окончательно осталась за нами.

11-я и 12-я егерскія роты Камчатцевъ на правомъ флангѣ боя прогнали непріятеля (причемъ смертельно раненъ командиръ 11-й егерской роты, штабсъ-капитанъ Махно), и очутились на шести-орудійной англійской батареѣ, овладѣли ею, перебили прислугу и опрокинули орудія, начавъ оттуда поражать Французовъ штуцернымъ огнемъ во флангъ и тылъ **).

Видя, что бой зашелъ уже слишкомъ далеко, генералъ Хрулевъ приказалъ отступить, но это не такъ-то легко было исполнить. Упоенные успѣхомъ солдаты не слушали сигналовъ и не отходили, продолжая перестрѣлку съ ежеминутно возраставшими въ числѣ Французами. Генералъ Хрулевъ разослалъ всѣхъ своихъ ординарцевъ и адъютантовъ съ повтореніемъ приказанія объ отступленіи и послалъ даже іермонаха Іоанникія Саввинова, показавшаго уже въ эту ночь чудеса храбрости, вызвать людей изъ траншей. Прошло еще болѣе часа, солдаты, убѣжденные посланными генерала Хруле-

---

плѣнъ полковника Келли и капитана Монтага. Бой продолжался между Русскими и Французами. Русскіе устояли, несмотря на ударъ, произведенный имъ во флангъ отрядомъ, направленнымъ генераломъ д'Отмаромъ. Русскіе отступили въ порядкѣ, подобравъ своихъ убитыхъ и раненыхъ. Въ ихъ власти остались три отнятые ими ложемента (Ibidem, стр. 133—136).

*) „On eut dit une bande de bêtes fauves sortie tout-à-coup du sein des montagnes“,— говоритъ Базанкуръ, описывая этотъ моментъ, въ „Cinq mois и проч.“ (стр. 138).

**) О томъ, что наши, занявъ англійскую траншейную батарею, стали дѣйствовать ружейнымъ огнемъ во флангъ Французамъ, говоритъ и Геренъ (Ibidem, стр. 134).

ва и личными приказаніями полковника Голева, начали очищать траншею за траншеею и отступили, уводя плѣнныхъ, унося множество непріятельскаго оружія и своихъ раненыхъ товарищей.

Въ это время Будищевъ и Бирюлевъ пошли на вылазку (не знаемъ, почему они не сдѣлали ее одновременно съ вылазкою съ Камчатскаго люнета) и произвели опустошеніе въ траншеяхъ Англичанъ. Говорятъ, Греки дрались какъ львы, распространяя ужасъ въ толпахъ непріятеля. Заклепавъ орудія и забравъ значительное количество шанцоваго инструмента, охотники вскорѣ отступили, однако, внезапностію своей атаки на томъ пунктѣ, заставивъ непріятеля двинуть на угрожаемыя точки значительныя силы, чѣмъ поставили ихъ подъ огонь нашихъ батарей, неумолчно отвѣчавшихъ настойчиво бомбардировавшему непріятелю. Наша потеря въ двухчасовомъ бою значительна: у насъ убито 8 штабъ- и оберъ-офицеровъ и 372 нижнихъ чина; ранено 21 штабъ-и оберъ-офицеровъ и 982 нижнихъ чина. Но эти цифры, составленныя наскоро, едва ли вѣрны. Сужу по тому, что въ этомъ дѣлѣ въ одномъ Камчатскомъ полку убито: подпоручикъ Скалозубъ, нижнихъ чиновъ 125; ранено: маіоръ Панцербиттеръ (смертельно), оберъ-офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 334; контужено оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 35, безъ вѣсти пропало нижнихъ чиновъ 5 *).

У Французовъ оказалось въ этомъ дѣлѣ офицеровъ: убитыми 13, ранеными 12, взятыми въ плѣнъ 4; нижнихъ чиновъ: выбывшими изъ строя 501 человѣкъ и пропавшими безъ вѣсти 83 человѣка. У Англичанъ взято нами 2 офицера и 12 рядовыхъ **).

Это была наша первая рѣшительная атака на осадныя работы союзниковъ; она стоила намъ много крови, но ея потоки прикрыты побѣднымъ лавромъ и гарнизонъ Севастополя торжествовалъ. Столь блистательнаго успѣха мы давно не имѣли. Французы сегодня почти не стрѣляютъ; множество офи-

---

*) По донесенію генерала Хрулева, у насъ выбыло изъ строя 46 офицеровъ и 1596 нижнихъ чиновъ, но въ этомъ числѣ онъ едва ли считалъ потерю, понесенную Будищевымъ и Бирюлевымъ, съ потерею которыхъ общая будетъ простираться вѣроятно до 2.000 человѣкъ.

**) Геренъ говоритъ, что показанія объ убыли въ людяхъ, понесенной въ эту ночь, различны. Первая депеша показала выбывшими изъ строя 600 человѣкъ, главнокомандующій въ первомъ оффиціальномъ донесеніи объ этомъ событіи показалъ до 320 челов. убитыми и ранеными; наконецъ журналъ военныхъ дѣйствій показалъ означенную въ текстѣ этихъ записокъ потерю. Но Геренъ полагаетъ, что и эта цифра не вѣрна, такъ какъ въ одномъ только 82 полку выбыло изъ строя 320 человѣкъ, въ числѣ коихъ 3 офицера убито и 3 ранено. У Англичанъ убито, ранено и взято въ плѣнъ до 100 человѣкъ. Общая цифра потери союзниковъ простирается слѣдовательно до 700 человѣкъ (Ibidem, стр. 127). По словамъ „Historique du service de l' Artillerie“ у Французовъ убито и ранено 600 человѣкъ, а у насъ болѣе 2.000 человѣкъ. Это сочиненіе нѣсколько иначе разсказываетъ про нашу атаку, чѣмъ Геренъ. „Historique“ говоритъ, что наши, ударивъ на передовыя работы Французовъ, разрушили ихъ, но скоро были опрокинуты и тогда ударили на лѣвый фасъ траншей, но были встрѣчены мужественно и не могли въ нихъ проникнуть, тогда бросились вправо на англійскія траншеи, овладѣли ими и очутились въ тылу лѣвой части французскихъ траншей, но генералъ д'Отмаръ послалъ противу нашихъ 4 стрѣлковый баталіонъ, который взялъ нашихъ во флангъ и принудилъ ихъ отступить. Двѣ другія вылазки, нами въ то же почти время произведенныя противу англійскихъ апрошей, имѣли нѣкоторый успѣхъ въ началѣ, но вскорѣ были отбиты блистательно (Ibidem, стр. 214, 215, 216).

церовъ нашихъ одинъ за другимъ приходятъ на Малаховъ курганъ смотрѣть въ амбразуры, на слѣды бывшихъ апрошей, обозначенные разбросанными мѣшками, турами и большимъ числомъ труповъ нашихъ и непріятельскихъ.

Эта вылазка неминуемо остановитъ на значительное время движеніе впередъ непріятельскихъ осадныхъ работъ и вообще въ дѣлѣ осады заставитъ его сдѣлать шагъ назадъ.

12 марта.

Сегодня мы перенесли мужественнаго капитана Кресси, съ койкою, на которой онъ лежалъ, чтобы не безпокоить его перекладкою на носилки, къ бухтѣ и перевезли его на баркасѣ къ Сестрамъ милосердія, которымъ и сдали страдальца съ рукъ на руки. Сколько сердечныхъ словъ самой искренней благодарности онъ высказалъ намъ, прибавивъ, что и тамъ, за могилою, онъ не забудетъ нашихъ именъ *).

---

*) Луи Шарль ле-Торъ де-Креси (Crécy), капитанъ, адъютантъ-мажоръ въ 3-мъ полку зуавовъ—онъ умеръ отъ ранъ, на Сѣверной.

Perret, въ своемъ „Recits de Crimée“ 1854—56 г., говоритъ слѣдующее (стр. 402—403):

Въ битвѣ 10—22 марта, французскій капитанъ Letors de Crécy былъ тяжело раненъ русскимъ офицеромъ, съ которымъ онъ дрался. Думали, что онъ убитъ и какъ, при перемиріи, послѣдовавшемъ за битвою, не нашли его тѣла, то освѣдомились о немъ у русскихъ офицеровъ.

„Офицеръ, о которомъ вы говорите,—пояснилъ русскій офицеръ,—былъ вполнѣ успокоенъ нашими Сестрами милосердія и ему дана была возможность написать и къ матери, и къ женѣ. Ему вынуждены были сдѣлать ампутацію. Это храбрый офицеръ. Мы долго дрались съ нимъ и могли взять его только когда онъ упалъ, потерявъ силы отъ нѣсколькихъ ранъ, ему нанесенныхъ. Во мнѣ онъ нашелъ друга и я долгомъ себѣ поставилъ вполнѣ о немъ позаботиться“.

Смерть капитана Кресси,—продолжаетъ Perret,—была поводомъ одной изъ тѣхъ горестныхъ семейныхъ драмъ, которыя, увы! очень нерѣдки во время настоящей осады. Подробности этого эпизода очень трогательны и въ то же время доказываютъ благородство характера русскихъ; въ особенности на этомъ основаніи мы не позволили себѣ промолчать про этотъ случай.

Семейство капитана Кресси жаждало узнать печальныя подробности его послѣднихъ минутъ: даже было мгновенье, что думали найти его въ живыхъ.

Русскій Военный Министръ князь Долгоруковъ сообщилъ:

„Вотъ все, что я успѣлъ до сихъ поръ разузнать о храбромъ Кресси. Этотъ мужественный офицеръ заслуживалъ лучшей участи, но Господь рѣшилъ иначе: родныя и друзья Кресси—молитесь о его душѣ.

Прошу васъ передать г-жѣ Кресси, что я вполнѣ раздѣляю ея горе и что постараюсь собрать самыя достовѣрныя подробности о послѣднихъ минутахъ ея супруга“.

Нельзя безъ особеннаго чувства читать выдержки изъ письма къ Самой русской Императрицѣ—Начальницы сестеръ милосердія въ Севастополѣ.

„У насъ былъ въ плѣну французскій капитанъ Кресси, раненый въ ночь на 10 марта; у него были ужасныя раны: переломлена нога, отрублена рука, нѣсколько штыковыхъ ранъ въ груди и голова разрублена саблею. Онъ прожилъ 6 дней и его борьба со смертью была по истинѣ удивительная, онъ былъ очень силенъ и весьма крѣпкаго сложенія. Его помѣстили въ особой комнатѣ на попеченіи матери Серафимы. При уходѣ за нимъ съ точностію выполняли всѣ указанія докторовъ, но несмотря на это, съ горестью узнали, что дни его сочтены. За часъ до его смерти я посѣтила его; онъ подалъ мнѣ руку, спросилъ меня о здоровьѣ и замѣтилъ, что я очень поблѣднѣла. У меня едва доставало силъ отвѣчать ему, я ушла немедленно. Мать Серафима не оставляла его до послѣдней минуты. Сегодня его похоронили. Нашъ русскій священникъ прочелъ надъ его тѣломъ молитвы: его положили въ черный гробъ и мы, съ Сестрами, проводили его до могилы.

Бывшіе на немъ: орденъ почетнаго легіона и нѣсколько брелокъ передали, для отсылки его роднымъ, во французскій лагерь, полковнику Раулю, Траншей-маіору противъ лѣвой половины нашей оборонительной линіи.

Сегодня назначено было перемиріе. Конечно, мы не упустили случая, пользуясь этимъ, поближе взглянуть на своихъ враговъ; погода благопріятствовала. Въ 12 часовъ развернутые бѣлые флаги и толпы народа съ обѣихъ сторонъ, давно уже нетерпѣливо ожидавшія этого момента, бросились другъ къ другу, а наши батареи и гребни непріятельскихъ траншей покрылись зрителями. Мы были противъ Камчатскаго люнета; перемиріемъ съ нашей стороны распоряжался генералъ Заливкинъ, со стороны Французовъ генералъ-лейтенантъ Брюне, строгой наружности, сѣдой, съ рѣзкими и энергическими манерами. Эта сходка была такъ разнообразна и интересна, что глаза разбѣгались, не зналъ на что смотрѣть: на живыхъ, или на мертвыхъ.

Мы разболтались съ Французами; наши толпы сошлись съ ихъ толпами; на демаркаціонную линію перемирія, обозначенную поставленною цѣпью нашею и непріятельскою, никто не обращалъ вниманія: мѣнялись сигарами, закуривали другъ у друга папиросы,—словомъ, мгновенно подружились съ врагами.

Отъ пункта, гдѣ мы находились, генералъ Заливкинъ отъѣхалъ на другой флангъ переговоровъ. Въ это время подошелъ къ нашей толпѣ генералъ Брюне и самымъ суровымъ образомъ заставилъ своихъ офицеровъ отодвинуться за демаркаціонную линію. Тѣ неохотно повиновались, мы тоже подались назадъ, чтобы не подать повода къ замѣчаніямъ. Но генералъ Брюне самъ не ушелъ, а напротивъ черезъ нѣсколько минутъ, приблизясь къ намъ, попросилъ у одного изъ насъ огня и разговорился съ нами. Съ Брюне былъ генералъ-адъютантъ императора Наполеона; онъ поддерживалъ самую одушевленную бесѣду; между прочимъ онъ восхищался монастыремъ Св. Георгія, особенно картинностію его мѣстоположенія и видовъ, открывающихся съ его террасы. Онъ говорилъ: „Богъ дастъ, кончится настоящая исторія, и монахи этого монастыря разскажутъ вамъ, хорошо ли съ ними обходились Французы, и вы сами увидите, что этотъ монастырь остался неприкосновеннымъ“. Разговоръ перешелъ на городъ.—Что это за огромное у васъ зданіе?—спрашивалъ генералъ, указывая на Александровскія казармы.

— Госпиталь.

„Ахъ, Боже мой! почему же вы держите госпиталь подъ такимъ огнемъ?

— Мы отдѣлены бухтою отъ Сѣверной, не всегда имѣемъ возможность перевозить туда раненыхъ.

„Да, здѣсь кажется раненымъ не безопасно?

— И очень не безопасно.

„Такъ вы, по крайней мѣрѣ, флагомъ бы желтымъ, что ли, отмѣтили госпиталь, чтобы наши артиллеристы не бросали въ него снарядовъ.

— Говорятъ, пробовали въ первую бомбардировку,—насъ еще не было здѣсь,—выкидывали желтый флагъ надъ зданіемъ госпиталя; очевидцы утверждаютъ, что послѣ этой мѣры огонь артиллеріи союзниковъ, направленный противъ этого зданія, еще усилился.

„О, это невозможно, это какое-нибудь надоразумѣніе!... Однакожъ,—

закричалъ въ эту минуту генералъ Брюне,—посмотрите: славно господа Русскіе исполняютъ условія перемирія!“ посмотрите: они преспокойно продолжаютъ работы!—и онъ указалъ рукою на Камчатскій люнетъ.

Мы всѣ стали смотрѣть туда же и дѣйствительно увидѣли паденіе земли, выбрасываемой изъ наружнаго рва укрѣпленія однимъ или двумя работниками. Положеніе наше было очень непріятное, и одинъ изъ насъ тотчасъ побѣжалъ, чтобы прекратить работу. Отъ досады кровь хлынула мнѣ въ голову; наши всѣ молчали, я обратился, чтобъ отвѣчать хоть что-нибудь французскому генералу, какъ, по счастію, увидѣлъ, шагахъ въ пятидесяти отъ насъ, какого-то весьма приличной наружности господина въ полувоенномъ костюмѣ, рисовавшаго что-то, обратясь лицомъ къ Малахову кургану.

— Эта работа не что иное какъ слѣдствіе маленькаго недоразумѣнія, генералъ; сію минуту остановятъ работу, если можно назвать работою двѣ, три лопаты подброшенной земли; но во всякомъ случаѣ надѣюсь, вы согласитесь, что лопаты двухъ-трехъ работниковъ, конечно, не принесутъ такой пользы *намъ*, какую можетъ принесть *вамъ*, или вашимъ союзникамъ карандашъ этого господина...—и я указалъ на рисующаго. Генералъ и всѣ его окружающіе, а въ особенности генералъ-адъютантъ Наполеона, въ свою очередь чрезвычайно сконфузились. Одинъ изъ свиты Брюне бросился къ рисовальщику и тотъ, послѣ минутнаго разговора съ офицеромъ, буквально прибѣжалъ къ намъ и, развернувъ свой походный альбомъ, показалъ намъ начало рисунка, изображавшаго голову въ черкесской шапкѣ, говоря, что онъ, очень хорошо зная законы перемирія, не рѣшился бы нарушать ихъ такимъ образомъ, а хотѣлъ только набросать очеркъ нашихъ костюмовъ и типы солдатъ, изъ которыхъ особенное его вниманіе обращаетъ своею живописностью этотъ, что сидитъ на лошади, неподалеку отъ насъ. Это былъ Черноморскаго казачьяго войска подполковникъ Головинскій, герой генварской вылазки, дѣйствительно мужественной наружности, красивый, стройный, ловкій.

— Все это прекрасно,—отвѣчалъ я:—стоя между нами, рисуйте кого вамъ угодно изъ насъ, мы и не думаемъ сомнѣваться въ вашихъ словахъ; но согласитесь, видя издали, какъ непріятельскій офицеръ, обратясь къ нашимъ работамъ, рисуетъ, и не зная, что онъ рисуетъ, невольно наши солдаты подумаютъ, что онъ дѣлаетъ очеркъ нашихъ укрѣпленій, или что-либо подобное. И у насъ есть иллюстрированное изданіе, какъ и ваша „Иллюстрація“: оно старается представлять публикѣ рисунки мѣстъ, лицъ и событій театра войны; но издатель этого журнала свои рисунки дѣлалъ подъ вашимъ смертоноснымъ огнемъ, сидя на бастіонахъ и нерѣдко поглядывая на амбразуры!

— Конечно, конечно,—замѣтилъ генералъ Брюне;—нѣтъ, пожалуйста, баронъ, будемъ все интересное рисовать на этотъ разъ—въ своей памяти...

Разговоръ замялся, обратился въ шутку; болтовня, еще болѣе оживившаяся, продолжалась до конца перемирія, которое длилось нѣсколько часовъ

и послѣ котораго мы разстались съ милыми Французами настоящими друзьями, чтобы черезъ нѣсколько послѣ того минутъ сдѣлаться вновь истинными врагами *).

13 марта.

Въ этихъ запискахъ, чуть не кровью написанныхъ, которыхъ едва ли не всякая строка говоритъ о смерти и гибели, испещренныхъ разсказами о событіяхъ, потрясающихъ душу,— не странною ли, не уродливою ли покажется читателю повѣсть нѣжныхъ ощущеній? Но я погрѣшилъ бы противъ истины, не выполнилъ бы программы своего труда, еслибы не включилъ въ свои записки слѣдующаго событія въ моей домашней жизни.

Канонада не умирала; весь день сегодня не переставали звенѣть окна нашей квартиры, потрясаемой громомъ разрывающихся снарядовъ. Толпа офицеровъ, дѣйствователей славной для насъ ночи 10 марта, тѣснилась въ моей комнатѣ; табачный дымъ стлался до полу; я сидѣлъ за письменнымъ столомъ, выслушивая разсказы боевыхъ товарищей и составляя по нимъ реляцію Камчатскому полку о его кровавой борьбѣ съ Французами, какъ вдругъ дверь моей квартиры отворилась и на ея порогѣ мнѣ предстала... жена моя!... Конечно, еслибы бомба упала въ этотъ моментъ между нами, она не произвела бы такого ужаснаго на меня впечатлѣнія, какъ настоящее появленіе этого милаго мнѣ существа! Да, первое чувство, испытанное мною при ея появленіи, былъ *ужасъ!* Я чувствовалъ, какъ кровь во мнѣ засты-

---

*) Какое-то непонятно-пріятное чувство овладѣло мною, когда я узналъ изъ сочиненія барона Базанкура (Cinq mois au camp и проч.), что героемъ разсказаннаго мною случая на перемиріи былъ самъ баронъ Базанкуръ. Мнѣ кажется, что чувство, мною испытанное, весьма похоже на то, какое овладѣло бы мною, еслибы судьба забросила меня когда во Францію и я встрѣтился бы съ кѣмъ-нибудь изъ Французовъ, сдѣлавшихся по заключеніи мира нашими добрыми пріятелями.

Разсказъ Базанкура, конечно, не во всемъ согласенъ съ моимъ; но, сличивъ эти разсказы, читатель увидитъ, что въ обоихъ разсказахъ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же случаѣ.

Вотъ почти слово въ слово разсказъ Базанкура.

„Передо мною была толпа офицеровъ, надъ которою возвышался верховой казакъ, въ живописномъ костюмѣ, на красивой лошади. Вынувъ записную книжку, я сталъ рисовать эту группу, прекрасно освѣщенную въ эту минуту яркимъ солнцемъ. Едва я успѣлъ начать рисунокъ, какъ вижу, казакъ сдѣлалъ движеніе рукою и оставилъ свое мѣсто; моя группа разсыпалась; въ первую минуту я не понялъ причины этого страннаго волненія, но одинъ изъ нашихъ офицеровъ подбѣжалъ ко мнѣ и закричалъ: „что это вы дѣлаете?“— Ничего, особенно интереснаго.—„Это, вѣдь, очень важно!“—Что такое?—спросилъ я, съ величайшею наивностію, закрывая альбомъ.

„Запрещено рисовать какіе бы то ни было планы!“—Сохрани меня Богъ: я только хотѣлъ нарисовать бывшую передо мною группу!—„Что до меня касается,—отвѣчалъ мнѣ учтиво офицеръ,—я въ этомъ убѣжденъ, но эти господа, прибавилъ онъ, указывая на Русскихъ, кажется, очень щекотливы на этотъ счетъ“.—Иду успокоить ихъ щекотливость. И приблизясь къ группѣ Русскихъ, я показалъ имъ мою книжку, въ которой было начало рисунка двухъ фигуръ въ солдатскихъ шинеляхъ. Офицеръ, къ которому я адресовался, отвѣчалъ мнѣ очень привѣтливо, что вѣритъ мнѣ на слово и просилъ меня продолжать рисунокъ, если это мнѣ пріятно, и говорилъ мнѣ про нашу Иллюстрацію. Поблагодаривъ его, я положилъ книжку въ карманъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ, чтобы прекратить эту сцену“.

Удивляюсь: почему бы г. Базанкуру, если уже онъ хотѣлъ разсказывать этотъ случай, не разсказать его такъ, какъ онъ произошелъ въ дѣйствительности?

ла!... Въ первую минуту я думалъ, что это моментъ, въ который она, находясь отъ меня въ огромномъ разстояніи, перестала существовать, и ея душа, отлетая отъ земли, явилась въ миломъ образѣ сказать мнѣ послѣднее прости!—Съ протянутыми впередъ руками, я бросился къ ней... „Что съ тобою?... Что ты? Зачѣмъ ты здѣсь?“... вырвалось изъ моей груди.

— Чего ты испугался, другъ?—послышалось мнѣ. Я пріѣхала умереть съ тобою—если нужно. Ежеминутно думать, что тебя ужь нѣтъ, не знать, *здѣсь* ли ты еще, или въ другомъ мірѣ, у меня не достало силъ болѣе...— Но, читатель, досказывать ли мнѣ эту сцену?... если бьется въ вашей груди сердце, оно дорисуетъ вамъ ее!...

14 марта. Севастополь.

Одинъ французскій офицеръ, взятый въ плѣнъ при атакѣ непріятельскихъ траншей противъ Камчатскаго люнета, въ ночь на 11-е марта, предложилъ намъ нѣсколько листковъ газеты.

На этихъ листкахъ мы нашли слѣдующіе отзывы, свѣдѣнія и донесенія о разсказанномъ нами дѣлѣ отраженія ночной атаки Французовъ на Селенгинскій редутъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, тогда едва лишь начатый наканунѣ и, разумѣется, еще не вооруженный.

8 марта н. с. № 67. Донесеніе вице-адмирала Брюа, по телеграфу, министру морскому и колоній.

„Камышевая. Корабль „*Монтебелло*“.

$^{24}/_{12}$ февраля 1855 года.

„Ночью съ 22 на 23 февраля, севастопольскій гарнизонъ началъ важныя работы контръ-апрошей *) противъ нашихъ земляныхъ работъ, на противуположномъ намъ скатѣ высоты, прилегающей къ малой бухтѣ „Верфи“. Главнокомандующій приказалъ захватить эти работы войскамъ 2-го корпуса, ночью съ 23 на 24. Атака эта дѣлаетъ величайшую честь нашей арміи и увеличиваетъ, если только это возможно, перевѣсъ, который она не переставала имѣть надъ непріятелемъ. Потеря наша, говорятъ, простирается до ста раненыхъ“.

Въ той же газетѣ.

Post-scriptum.

„Депеша князя Меньшикова, вчера нами опубликованная, извѣщаетъ, что ночью, съ 24 на 25 февраля, два русскіе полка отбили атаку Французовъ, потерявшихъ при этомъ 600 человѣкъ“.

„Депеши, полученныя изъ Крыма, доходящія до 26-го, представляютъ это дѣло совершенно въ другомъ свѣтѣ“.

---

*) Несправедливо: въ ночи съ 9 на 10, а не съ 11 на 12-е. Эта ошибка въ цифрахъ доказываетъ или оплошность союзниковъ, не замѣтившихъ нашей работы своевременно, или изворотъ начальниковъ, которымъ не хочется сознаться, что они позволяли намъ безнаказанно въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ ихъ траншей производить работы въ теченіе двухъ сутокъ.

„Русскіе сдѣлали земляныя укрѣпленія и воздвигли редутъ для защиты Малаховой башни, сильно угрожаемой новыми работами, совершенными нами со времени занятія англійской линіи. Французы не только овладѣли редутомъ и русскими ретраншаментами, но самая Малахова башня досталась въ ихъ руки. Потеря наша далеко не доходитъ до 600 человѣкъ и не превышаетъ 100 убитыхъ. Взятіе Малаховой башни отдало во власть осаждающихъ ближайшіе къ Севастополю пункты. Съ этой высоты союзники могутъ серіезно безпокоить военный портъ, куда скрылся русскій флотъ, и бухту верфи".

№ 68-й. Марта 9.

„Русскіе, чтобы помѣшать ходу работъ, предпринятыхъ Французами противъ Малаховой башни, со стороны Инкермана, въ ночи на 24 февраля дерзко начали огромныя работы контръ-апрошей, лицомъ къ лицу съ нашими работами.

„Вслѣдствіе приказа главнокомандующаго, полки 2-го корпуса, ночью 23 февраля, бросились на непріятельскія укрѣпленія, внезапно ими овладѣли и перебили ихъ защитниковъ.

„Потеря Французовъ еще не опредѣлена положительно. Полагаютъ, что она можетъ простираться до ста раненыхъ".

Въ газетѣ „La Patrie" находимъ слѣдующій разсказъ объ этой атакѣ:

„Въ письмахъ изъ Крыма сообщаютъ намъ слѣдующія подробности взятія русскаго редута бригадою генерала Монне, ночью съ 23 на 24 (съ 11 на 12) февраля.

„Французы приблизились безъ выстрѣла къ русскимъ баталіонамъ, построеннымъ впереди редута, и выдержали огонь непріятельской артиллеріи, уже поставленной на редутѣ, и русской пѣхоты, его защищавшей. Только послѣ перваго залпа Французы бросились въ штыки, чтобы сбить Русскихъ и отнять редутъ, что и было выполнено съ необыкновенною быстротою.

„Лишь только Французы овладѣли непріятельскими работами, тотчасъ же ихъ разрушили. Во время этой работы они должны были выдерживать огонь крѣпости, причемъ выбыло у нихъ изъ строя около ста человѣкъ.

„Увлеченіе и неустрашимость солдатъ генерала Монне превосходятъ всякую похвалу".

10 марта, № 69.

Письмо лорда Раглана лорду Панмюру,
новому военному министру.

Передъ Севастополемъ, *24 февраля 1855.*

„Милордъ! Погода улучшилась со времени отправленія моей послѣдней депеши отъ 20 сего мѣсяца. Снѣгъ все еще покрываетъ землю и стоятъ холодныя ночи. Но вѣтеръ утихъ, и сегодня у насъ ясный солнечный день.

Замѣтная дѣятельность обнаруживаетъ движеніе непріятельскихъ войскъ; на Сѣверной обозы приходятъ безпрестанно.

„Русскіе, кажется, намѣрены укрѣпить высоты, простирающіяся отъ ихъ лѣваго фланга и господствующія надъ долиной Черной рѣки. Войска гарнизона заняли высоту Инкерманской горы надъ бухтою верфи, почти въ трехъ стахъ ярдахъ отъ новой французской параллели, противъ оконечности праваго нашего фланга, и генералъ Канроберъ рѣшился ихъ отразить.

„Сегодня, въ два часа утра, это было исполнено съ величайшею храбростью тысячью пятью стами человѣкъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Монне и подъ руководствомъ генерала Мейрана, конечно, съ нѣкоторою потерею (я долженъ, къ сожалѣнію, сказать это), вслѣдствіе губительнаго огня, направленнаго противъ Французовъ непріятельскими батареями и кораблями, въ то время, когда Французы уничтожали непріятельскія работы. Окончивъ разрушеніе, Французы, согласно предположенію, отступили въ свои траншеи. Съ прискорбіемъ прибавлю, что храбрый генералъ Монне въ числѣ раненыхъ. Генералъ-лейтенантъ Сиръ Джонъ Броунъ (имѣю счастіе объявить) вступилъ въ командованіе легкой дивизіей въ совершенномъ здоровьи“.

Подписано: Рогланъ.

Предоставляемъ самимъ читателямъ достойно оцѣнить эти оффиціальныя донесенія и частныя разсказы о событіи нами описанномъ. Такъ отступать отъ истины, какъ отступаютъ приведенныя нами статьи, европейскимъ газетамъ не впервые. У нихъ это дѣло обыкновенное. Но какого отзыва достойны составители подобныхъ оффиціальныхъ донесеній? Обличителями ихъ донесеній служатъ самыя подробности событія и ихъ послѣдствія. Съ нѣкотораго же времени эти донесенія стали ниже всякой критики. Такимъ точно образомъ и Китайцы выигрывали войну съ Англичанами: въ донесеніяхъ Богдыхана увѣряли, что Англичанъ бьютъ, гонятъ, что они просятъ мира какъ милости, до самаго того мгновенія, когда они чуть было уже не постучались въ ворота пекинскаго дворца! Когда-то Англичане смѣялись надъ подобными дѣйствіями Китайцевъ, а нынѣ сами послѣдовали ихъ примѣру, наполняя реляціи свои убійственною ложью. Не станемъ оспаривать донесеній союзниковъ, но только замѣтимъ, что въ этихъ самыхъ донесеніяхъ есть промахи, обличающіе истину: напримѣръ, союзники говорятъ, что артиллерія редута громила атакующихъ, а между тѣмъ ни слова не говорятъ о томъ, какъ они поступили съ этой артиллеріей, когда взяли редутъ и разрушили его до основанія. Зарыли, что ли, въ землю наши пушки, или заклепали и оставили на мѣстѣ? Или цапфы отбили, или увезли съ собой?

Составители реляцій союзниковъ забываютъ, что есть военная исторія, и что ея обличительная призма отдѣлитъ со временемъ въ ихъ твореніяхъ истину отъ лжи!

Севастополь, 15 марта.

Способы веденія войны при защитѣ Севастополя до чрезвычайности разнообразны. Мы боремся съ врагами на водѣ, въ полѣ, посредствомъ земляныхъ работъ на поверхности земли и подъ землей и, наконецъ, боремся— въ воздухѣ.

При борьбѣ на водѣ мы не выходимъ, съ нѣкотораго времени, въ море, правда; но и врагамъ нашимъ окончательно загражденъ доступъ, посредствомъ флота, въ Севастопольскую бухту. Не говорю о каменныхъ твердыняхъ, сторожащихъ Севастополь со стороны моря; положимъ, несмотря на ихъ губительный огонь, союзники, рискуя потерять три четверти своихъ судовъ, могли бы еще, быть можетъ, ввести въ бухту остальную часть флота: но сверхъ этихъ фортовъ ихъ ждутъ преграды, преодолѣть которыя не во власти человѣческой: бухта, кромѣ свайной перемычки, перерѣзана двумя рядами затопленныхъ судовъ!—Съ честью отслуживъ отечеству опредѣленный для нихъ срокъ, суда эти заживо погребли себя во влажную могилу, съ тѣмъ, чтобы окончательно обезопасить свой родимый городъ и своихъ младшихъ братій отъ покушеній недруга. За этою же подводною твердыней незванныхъ гостей ждетъ нѣсколько сотенъ жерлъ военныхъ судовъ, стоящихъ въ боевой линіи, бортами къ морю, съ открытыми люками, въ которые, до времени молча, *„чугунныя пушки глядятъ“*. Въ первой линіи (насупротивъ Павловскаго форта) стоятъ корабли „Парижъ“ (у мыса), „Великій князь Константинъ“ (въ серединѣ) и „Храбрый“ (у Сѣверной), готовые къ бою по первому сигналу.

Адмиральскій флагъ поднятъ на кораблѣ „Великій князь Константинъ“. Пароходы безпрестанно шмыгаютъ по бухтѣ, будучи всегда готовы на помощь угрожаемому пункту; да и не разъ уже имъ удавалось громить врага, особенную оказавъ услугу, какъ мы сказали выше, въ ночи съ 12 на 13 февраля.

Что сказать о нашей борьбѣ съ непріятелемъ въ полѣ? Наши неоднократныя большія и малыя вылазки, взятіе балаклавскихъ передовыхъ укрѣпленій отрядомъ генерала Липранди, сбитіе непріятельскихъ линій и овладѣніе рядомъ укрѣпленій на Инкерманскихъ высотахъ, наше ночное нападеніе на французскія апроши въ ночи на 10 марта, развѣ не служатъ живымъ доказательствомъ, какъ сильно мы дѣйствуемъ въ полѣ, когда обстоятельства вызываютъ насъ изъ-за импровизированныхъ нашихъ твердынь? Частности всѣхъ этихъ событій преисполнены величайшей занимательности; когда-нибудь, если останусь въ живыхъ, разскажу нѣкоторыя изъ нихъ подробнѣе, теперь же *некогда*...

Ратуемъ противъ недруга посредствомъ земляныхъ работъ, и эта борьба чуть ли не труднѣйшая. Еще такъ недавно, еще только за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, южная сторона Севастополя едва была защищена съ сухаго пути башней Малахова кургана на нѣсколько орудій, небольшими оборонительными казармами, да стѣной, на нѣкоторомъ пространствѣ.

Еще такъ недавно, по словамъ знаменитаго Иннокентія, была *„единственная твердыня наша, главная цѣль ихъ нашествія, едва не на половину пространства своего еще почти беззащитна и открыта къ нападенію“*. Взгляните же теперь на Севастополь: вы усомнитесь, человѣческія ли руки произвели такія громадныя работы! Посмотрите на 3-й и 4-й нумеръ, на Корнилова бастіонъ (Малаховъ курганъ)! Каждое изъ этихъ укрѣпленій, взятое само по себѣ, представляетъ сильный фортъ, на приведеніе коего въ состояніе, дающее возможность восторжествовать надъ всѣми усиліями врага, наука истощила всѣ свои уроки. Все, что только изобрѣла современная фортификація для защиты крѣпостей, все нашло себѣ приложеніе при созданіи этихъ укрѣпленій, и онѣ, какъ вожди, возносятся надъ стройными рядами батарей и бастіоновъ, раскинувъ ихъ вправо и влѣво отъ себя, обвивъ ихъ грозною цѣпью свой родимый городъ и выславъ отъ себя впередъ, такъ сказать, въ самую пасть врага, три младшія батареи: Селенгинскую, Волынскую и Камчатскую, какъ грозные резервы сотнямъ ложементовъ *), заваловъ, небольшихъ окоповъ, которыми, какъ застрѣльщиками, усѣяно все пространство предъ оборонительною линіей. Сѣть траншей, которыми покрыта мѣстность и крѣпко связаны между собою почти всѣ большія и малыя укрѣпленія, составляя такимъ образомъ изъ оборонительныхъ работъ одно неприступное цѣлое, еще болѣе сплачивается глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ, соединяющимъ бастіоны. За этою линіей фортовъ ждетъ непріятеля другая линія батарей, построенныхъ на приличныхъ мѣстахъ. Нѣсколько домовъ приведено въ оборонительное положеніе; изъ многихъ оконъ громадныхъ казармъ глядятъ орудія; баррикады перерѣзываютъ многія улицы подъ защитою полевыхъ орудій. Такъ называемыя „литерныя

*) Ложементы съ чрезвычайнымъ успѣхомъ были примѣнены къ оборонѣ Севастополя. Ложементы состояли изъ небольшой ямы, при образованіи которой земля выбрасывалась на сторону непріятеля, въ иныхъ мѣстахъ этотъ парапетъ укрѣплялся или дополнялся камнями, если таковые были подъ рукою, или мѣшками съ землею, либо нѣсколькими турами и фашинами. Первоначально, обыкновенно такіе ложементы устраивались на одного—двухъ человѣкъ, на слѣдующую ночь они увеличивались и иногда получали такіе размѣры, что могли вмѣщать человѣкъ по 15 и 20. Ложементы обыкновенно занимались лучшими стрѣлками. Цѣпь таковыхъ ложементовъ, выдвинутая передъ передовые верки, иногда составляла новую оборонительную линію, внезапно создававшуся въ глазахъ непріятеля посредствомъ соединенія этихъ ложементовъ траншеей. Ложементы эти сильно не нравились союзникамъ, приближаясь къ ихъ работамъ иногда на 80—100 метровъ, по ихъ собственнымъ словамъ. „Historique du service de l' Artillerie“ сознается, что эти ложементы много наносили вреда осаждающимъ. Обыкновенно, говоритъ это сочиненіе, старались взять ложементы открытою силою, не рѣдко успѣвали, но если не занимали ихъ сильнымъ отрядомъ, осажденные овладѣвали ими вновь, хотя бы они были уже срыты. Осаждающіе должны были противъ этихъ ложементовъ ставить особыя орудія. Поддерживаемые огнемъ батарей города, ложементы были не легкою добычею и удержаніе ихъ часто дорого стоило союзникамъ, особенно, если они не успѣвали произвести въ нихъ необходимыя работы, чтобы прикрыться отъ огня осажденныхъ. Такимъ образомъ, говоритъ „Historique“, эти ложементы были весьма полезны Русскимъ; но ихъ устройство было возможно только для Русскихъ, потому что они имѣли достаточно войска, не рѣдко *превышавшаго* числительностію войска осаждающихъ и на этомъ то основаніи надо имѣть въ виду, что примѣненіе системы обороны посредствомъ ложементовъ не возможно вообще при защитѣ крѣпостей, которыя бываютъ обыкновенно окружены, и гдѣ гарнизонъ бываетъ въ 5 и 6 разъ *малочисленнѣе* осаждающихъ. (Idem, стр. 230—231).

батареи“ (отъ А. до К.), примкнутыя къ батареѣ Маяка, на правомъ берегу Черной рѣчки, сотнями жерлъ готовы встрѣтить незванныхъ гостей, и отъ времени до времени угощаютъ ихъ чугунными гостинцами, препятствуя ихъ работамъ за Киленъ-балкой! А какія укрѣпленія взгромождены на Сѣверной! Словомъ, чтобъ изумить всякое воображеніе, стоило бы только описать подробно всѣ земляныя укрѣпленія, созданныя въ Севастополѣ со дня его осады. Ясно и безъ того, какъ грозны должны быть твердыни, нами созданныя, если въ теченіе полугода остаются тщетными всѣ усилія цѣлой непріятельской арміи овладѣть хотя однимъ шагомъ земли, на которой мы утвердились; если въ теченіе полугода дерзостный врагъ не только не рѣшился броситься на общій штурмъ, но со всякимъ днемъ болѣе и болѣе убѣждается, что штурмъ дѣлается для него невозможнѣе со всякимъ часомъ!

Великъ трудъ, понесенный офицерами и солдатами при созданіи этихъ твердынь *), правда; но наградой потрудившимся служитъ самая картина созданныхъ ими твердынь, являющихся надежнымъ оплотомъ отечества; наградой имъ благодарность цѣлой Россіи, не перестающей возносить за нихъ молитвы къ престолу Милосердаго своего Защитника; неисчислимыя милости, обильно изливаемыя на нихъ двумя Государями, и наконецъ справедливое удивленіе не только всей Европы, не только всего міра, но даже самихъ враговъ нашихъ, изумляющихся людямъ, въ одно мгновеніе создавшимъ, будто чудомъ, громадную крѣпость. Какую же благодарность Отечества, какую громкую славу стяжаютъ работавшіе на севастопольскихъ бастіонахъ, если о возведенныя ими стѣны окончательно разобьются напряженныя усилія взволнованнаго Запада?... Мы вѣруемъ: Пречистая Дѣва святымъ покровомъ своимъ пріосѣнитъ эти стѣны, и сокрушатся о нихъ перуны вражьи. Тогда то, воротясь въ родимую деревню, съ хвалою къ Богу, скажетъ братьямъ всякій изъ насъ: этими руками я не только билъ врага, но и носилъ землю на севастопольскихъ бастіонахъ... Лопата севастопольскаго работника будетъ имѣть полное право на почетное мѣсто рядомъ съ мечомъ его, и не стыдно будетъ внести ее въ родовой свой гербъ!...

Рука объ руку съ нашими оборонительными сооруженіями на поверхности земли — идутъ работы подъ землею. Дивны подробности этой подземной войны; но представить ея картину должны ея участники, дѣйствующія въ ней лица; наши же о ней разсказы были бы безцвѣтны, потому что мы не посвящены въ глубочайшія тайны этой войны гигантовъ, въ царствѣ гномовъ. Притомъ же большая часть подробностей этой войны должна быть секретомъ до времени. Видимъ только, что полгода союзники трудятся подъ землей, что тысячи препятствій, имъ противупоставленныхъ почвою и другими мѣстными условіями, преодолѣны ими, и однако же ни одного зна-

*) Надо отдать полную справедливость не только нашимъ, но и французскимъ войскамъ: дѣятельность тѣхъ и другихъ были чрезвычайны, работы, ими произведенныя, изумляютъ своимъ разнообразіемъ и громадностью, особенно, если принять въ соображеніе, что огромная часть этихъ работъ произведена въ самое неблагопріятное для земляныхъ работъ время года—глубокою осенью и зимою!

чительнаго успѣха имъ не удалось стяжать надъ нами. — Тотлебенъ, не будемъ давать ему эпитетовъ, — Россія и безъ нихъ его знаетъ, Тотлебенъ превращаетъ въ ничто всѣ усилія и труды союзниковъ: подкопы, намъ уготованные, обращаетъ въ гибель имъ самимъ, и ихъ, стремящихся насъ взбросить на воздухъ, самихъ съ ихъ работами, какъ прахъ, взметаетъ къ облакамъ!

Разнообразнѣе другихъ наша война воздушная.

Разнообразнѣе она, быть можетъ, потому, что, такъ сказать, безпрерывнѣе проявляется, непрестанно требуетъ новыхъ жертвъ, ежедневно увлекаетъ нѣкоторыхъ и ежеминутно грозитъ всѣмъ и каждому. Мы, собственно, стоимъ теперь на Корабельной сторонѣ и слушаемъ неумолкаемый концертъ. Перестрѣлка въ цѣпи не затихаетъ ни на мгновенье; наши стрѣляютъ изъза ложементовъ, тѣ изъ траншей. Разстояніе, раздѣляющее стрѣлковъ обѣихъ сторонъ, не превышаетъ двухъ сотъ шаговъ. Коническія пули непріятеля, съ чашечками и безъ чашечекъ, летаютъ на большое разстояніе и наносятъ сильнѣйшія раны. Мы не вооружены такъ хорошо какъ союзники: у нашей пѣхоты гладкоствольныя ружья; а потому доселѣ ружейный огонь непріятеля, вообще, былъ несравненно дѣйствительнѣе нашего, и если мы и могли съ успѣхомъ на него отвѣчать, то только огнемъ штуцеровъ, которые несравненно лучше и дальше бьютъ, чѣмъ всѣ ружья непріятельскія; надо также замѣтить, что наши штуцерники въ своемъ дѣлѣ поискуснѣе непріятельскихъ. Особенно союзники боятся стрѣлковыхъ баталіоновъ. Доказательствъ множество: бывало, зимою, нашъ штуцерникъ промерзнетъ, сидя въ ложементѣ, выскочитъ изъ него, да и давай бѣгать, чтобы, хлопая руками, согрѣться, какъ грѣется московскій извощикъ при 25-ти градусахъ мороза, ожидая у своей биржи желаннаго сѣдока. Что же? По удаломъ солдатикѣ непріятель тотчасъ откроетъ частый огонь; выстрѣлы посыплются градомъ, а онъ все-таки дѣло свое сдѣлаетъ, согрѣется и заберется въ ложементъ. Союзникъ же не смѣй носа показать: наши штуцера лежатъ уже со взведенными курками, въ крошечныхъ амбразуркахъ; очередные между товарищами штуцерники не дремлютъ: появился *нехристь* — глядишь сейчасъ и проглотитъ свинцовую пилюлю *).

*) Недостатокъ въ штуцерахъ придумали вознаградить употребленіемъ такой пули, которая бы изъ обыкновеннаго гладкоствольнаго ружья летѣла почти такъ далеко, какъ летитъ штуцерная пуля. У насъ придумали перелить обыкновенныя круглыя пули въ полусферическія, съ нѣкоторою пустотою въ тыльной части. Такія пули стали летать отъ 600 до 900 шаговъ, тогда какъ обыкновенная летитъ шаговъ на 350, на 400. Французы замѣтили эти пули по вреду, ими наносимому. Въ „Historique du service de l' Artillerie“ упоминается о нихъ, при чемъ сочиненіе это говоритъ, что наши стрѣлки, помѣщенные въ ложементахъ и въ контръ-апрошахъ, дѣйствовали на весьма большое разстояніе, такъ сказать, пронизывая траншеи въ направленіи, гдѣ предполагали работы осаждающихъ и вообще сборы войскъ.

Будучи пускаемы подъ весьма большимъ угломъ возвышенія, полусферическія пули поражали людей даже за траверзами французскихъ апрошей, навѣсно. Обстоятельство это иногда вынуждало Французовъ давать совершенно необыкновенное возвышеніе своимъ эполементамъ. Такой способъ пальбы, хорошо направленной, весьма дѣйствителенъ, и при осадахъ изъ него можно извлечь большую пользу. (Idem, стр. 238—239).

Неумолкаемые звуки ружейной перестрѣлки дополняются разнообразными звуками канонады; то всѣмъ слышится отдаленный гулъ непріятельскаго выстрѣла, то раздается залпъ нашихъ орудій и перекатное эхо сто разъ его повторяетъ—и надъ бухтой, и въ огромныхъ зданіяхъ казармъ, и въ амфитеатрѣ города, и въ безпредѣльномъ морѣ.

Едва лишь замерло прихотливое эхо, какъ разрываетъ воздухъ ракета, съ страшнымъ шумомъ проносясь огромное пространство, чтобы лопнуть съ ужаснымъ грохотомъ гдѣ-нибудь на Сѣверной, или въ докахъ. Но вотъ свищетъ ядро, клохчетъ бомба; вотъ лопнула она на воздухѣ; застонали и забурчали ея осколки, съ такимъ же звукомъ пролетая мимо васъ, съ какимъ осенью порывается жирный перепелъ изъ золотистаго проса, поднятый вашею лягавой.

Но вотъ въ отвѣтъ врагу заревѣло бомбовое орудіе парохода, и пятипудовую *чиненку* изъ *мартыны*, какъ говорятъ солдаты, послалъ Малаховъ курганъ.

Вслушайтесь, какіе разнообразные звуки составляетъ этотъ концертъ смерти, разыгрываемый шестой мѣсяцъ въ Севастополѣ! Жители—старики, женщины, дѣти, не говорю уже мы всѣ—такъ привыкли къ этому концерту, что намъ кажется необыкновеннымъ не только получасъ, но пять минутъ, въ которыя, по какому-либо случаю, не слышны бываютъ выстрѣлы. Дня почти не проходитъ, чтобъ не было несчастнаго случая съ кѣмъ-нибудь изъ жителей, а между тѣмъ остальные не обращаютъ на это никакого вниманія,—совершенно привыкли къ близости смерти, сдружились съ нею. Правительство даетъ всѣ средства жителямъ Севастополя, самымъ бѣднымъ, выѣхать изъ Крыма даже, не только изъ Севастополя,—да не хотятъ: „здѣсь, говорятъ, родились мы, здѣсъ и умремъ; здѣсь погибаютъ наши мужья и братья,—съ ними, если будетъ угодно Богу, погибнемъ и мы!“ Вся сѣверная и западная стороны Малахова кургана покрыты домиками (мазанками) матросовъ, наполненными ихъ семействами. Женщины моютъ бѣлье офицерамъ, оказывая тѣмъ услугу особой важности; торгуютъ не только на двухъ базарахъ корабельной стороны, но даже на самомъ Малаховомъ курганѣ, сидя около блиндированныхъ воротъ онаго, за траверсомъ, предлагая толпамъ солдатъ, приходящихъ въ свободную минуту полакомиться: блины, пироги, куски нарѣзанной селедки, яблоки, булки разныхъ видовъ и свойствъ, славный хлѣбъ, квасъ, орѣхи, холодецъ и всякую съѣстную всячину, которую солдаты тутъ же, если есть лишняя копѣйка, запиваютъ горячимъ сбитнемъ. Вмѣсто его выпилъ бы солдатъ рюмку водки,—что грѣха таить!—да изволите видѣть, кабаки-то здѣсь закрыты начальствомъ; рюмки водки во всемъ Севастополѣ достать нельзя! Иногда украдкою купитъ у матроски или у своего же товарища *экономическую*, отъ ежедневной порціи, но все это очень дорого. Матроска носитъ мужу пищу на бастіонъ, сидитъ съ нимъ у орудія, пока онъ поѣстъ, чтобы взять назадъ посудину, проводитъ съ мужемъ по два, по три часа, несмотря на безпрерывный полетъ непріятель-

скихъ снарядовъ. Во время общаго бомбардированія, женщины таскали безпрестанно воду на бастіоны освѣжать измученныхъ трудомъ и зноемъ бойцевъ. Убьютъ кого изъ нашихъ офицеровъ, — положатъ его товарищи на вѣчный одръ, — непремѣнно явится или хозяйка убитаго, или сосѣдка оросить слезою участія славный прахъ, обложить голову, уже стяжавшую вѣнецъ небесный, свѣжими листками ерани и мирта. Бываетъ иногда: ударятъ тревогу. Что-жь женщины: кричатъ, бѣгаютъ?—Ни чуть не бывало: нынѣ привыкли — стоятъ у своихъ калитокъ, подгорюнясь и провожая полными слезъ глазами бѣгущіе по своимъ мѣстамъ отряды солдатъ, молятся и тихо плачутъ, предавая судьбу свою въ руки Господни.

Своимъ присутствіемъ въ Севастополѣ женщины не уменьшаютъ мужества его защитниковъ, нѣтъ! Видя твердость женщинъ въ самыя опасныя мгновенья, укрѣпляется даже слабѣйшій духомъ. Мысль, что шагъ назадъ предъ непріятелемъ есть шагъ къ погибели любимой семьи, одушевляетъ солдата и приковываетъ его къ мѣсту, ему указанному начальствомъ,—къ мѣсту, котораго онъ не покинетъ до смерти.

Закипитъ дѣло посильнѣе, какая-нибудь вылазка, нападеніе,—женщины знаютъ, гдѣ будетъ работа: бѣгутъ на перевязочный пунктъ и, кто чѣмъ можетъ, помогаютъ раненымъ.

Ночью съ 10 на 11 марта у насъ не мало было раненыхъ. На перевязочный пунктъ, про который я разсказывалъ выше, пришла старушка и съ нею двѣ женщины.

„Пожалуйте, батюшка, мнѣ человѣкъ десять или двѣнадцать на домъ, я за ними сама присмотрю и перевяжу, и раны обмою, и покормлю немножко“.

— Спасибо, голубушка, спасибо тебѣ, возьми ради Бога!

„А ужъ о нихъ-то будьте спокойны, батюшка, завтра сама въ шпиталь приставлю. Своихъ схоронила, родимый, двухъ уже! и *человѣка*-то своего, и сынишку, парня такого молодаго!“ дрожащимъ голосомъ кончала старушка.—„Спокойны будьте, присмотрю за ними!“ И дѣйствительно: доставленные ею на другой день въ госпиталь раненые оказались отчетливо перевязанными заботливою рукою старушки, успокоенными, отдохнувшими, нѣсколько подкрѣпленными сномъ и теплымъ чаемъ, которымъ она ихъ напоила.

И такъ поступаютъ многія, послѣ всякаго, сколько-нибудь важнаго дѣла, когда знаютъ, что не въ предѣлахъ возможнаго, при значительной прибыли раненыхъ, дать всѣмъ скорую помощь и необходимый покой.

Послѣ дѣла 24 октября на Инкерманскихъ высотахъ какая-то матроска явилась на дорогу, по которой войска отходили на свои позиціи. Тянулось въ полки много легко-раненыхъ, не захотѣвшихъ идти въ госпиталь. Измученные ранами, голодомъ, жаждой и усталостью, они садились кучами близъ дороги. Въ средѣ ихъ-то появилась старушка. У нея было готовое тѣсто въ горшкѣ, сковородка, немножко дровецъ, постное масло въ пузыркѣ. Мигомъ она раздула и развела огонь, масло заворчало на чугунной

сковородкѣ, старушка давай жарить аладьи и угощать ими отдыхающихъ солдатъ, къ которымъ присоединились новые раненые. Старуха кормила всѣхъ, пока было тѣсто. Солдаты давай было расплачиваться за угощеніе, куда тебѣ! просто разбранила ихъ: „не хотите,— говорить,—принять отъ меня трудовъ!“ Ну, солдатики предовольные, что заморили червяка, поплелись къ мѣстамъ, благословляя добрую старушку. Словомъ, повторяю, женщины, право, не помѣха при осадѣ Севастополя.

Но прошу не подумать, чтобъ эти человѣколюбивые подвиги совершались безъ видимой опасности для великодушныхъ совершительницъ ихъ. Пока, напримѣръ, возьмутъ раненыхъ, пока ихъ доведутъ до своего жилья, сколько непріятельскихъ снарядовъ пронесется надъ этимъ шествіемъ, ляжетъ вблизи его! А развѣ въ самомъ жильѣ своемъ эти страдалицы безопасны? Развѣ ежеминутно не должны онѣ ждать гибели своего домика и своей собственности?

Разсказывая о севастопольскихъ женщинахъ, нельзя умолчать о ихъ дѣтяхъ. Севастополь сдѣлался разсадникомъ героевъ. Все, что живетъ въ его окопахъ, воспиталось войною, повито опасностью, вскормлено нуждой, взлелѣяно лишеніями. Всмотритесь въ жизнь здѣшнихъ ребятъ. Тотъ къ батькѣ на батарею, подъ градомъ вражьихъ снарядовъ, по нѣсколько разъ въ день сбѣгаетъ, снесетъ то поѣсть, то выпить, то чистую рубашку, то тулупъ, или починенные сапоги. Иной мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, день деньской работаетъ весломъ на вольномъ яликѣ, шмыгая отъ одного берега бухты къ другому, на пространствѣ, гдѣ весьма часто вспѣниваетъ воду осколокъ лопнувшей надъ бухтой бомбы, или самая бомба, захлебнувшаяся морскою водой, или грянетъ ракета страшнымъ громомъ, и желѣзная ея гильза поплыветъ, какъ морской баснословный змѣй, скользя по водной зыби, грозя смертью, отъ которой юноша силится избѣжать учащенными ударами своего, еще не твердаго весла. Послѣ перваго бомбардированія Севастополя морское начальство велѣло собрать непріятельскіе снаряды и снести ихъ въ назначенныя мѣста, обѣщая за каждый по копѣйкѣ серебромъ. Снарядовъ вездѣ валялось множество; въ иныхъ мѣстахъ совершенно былъ чугунный помостъ. Сначала было стали солдаты таскать снаряды, но когда увидѣли, что этимъ дѣломъ съ любовью занимаются ребятишки, то солдаты предоставили имъ этотъ заработокъ. Надо было видѣть, что за сцены тутъ происходили! Изъ-подъ самыхъ батарей, несмотря на огонь непріятельскій, цѣлыя артели мальчишекъ таскали ядра; кто не осилитъ тащить, катитъ ядро; другіе вдвоемъ тащатъ его въ мѣшечкѣ; иные везутъ одно, два, три ядра на маленькой телѣжкѣ; глядишь, запряглась въ эту телѣжку, между прочимъ, и дѣвчонка, сама немножко больше ядра. Эта доставка снарядовъ совершенно уподоблялась доставкѣ въ муравейникъ, его населеніемъ, различныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для сооруженія и существованія онаго.

На дняхъ привели къ генералу Хрулеву (онъ исправляетъ должность коменданта Корабельной стороны и командуетъ лѣвою половиной оборонительной линіи г. Севастополя) мальчика. Онъ изволилъ подрядиться таскать

ядра отъ рогатки (между Малаховымъ курганомъ и вторымъ нумеромъ) до Камчатскаго люнета, съ платою по копѣйкѣ за ядро!... Не забудьте, что ему надобно было проходить около полуверсты подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятельскимъ; не забудьте, что на этомъ пространствѣ не только носятся ежеминутно артиллерійскіе снаряды, но, какъ пчелы, жужжатъ штуцерныя пули; не забудьте, что это пространство надо пройти мѣрнымъ шагомъ, потому что съ 36 фунтовымъ ядромъ мальчикъ не очень-то побѣжитъ.

— Много ли же ты стащилъ сегодня ядеръ?—спросилъ его генералъ.

„Тридцать, ваше превосходительство“,

—Ну, отчего же ты босой?

„Да чтобъ легче было, ваше превосходительство, назадъ бѣжать, какъ отнесешь ядро“.

Разумѣется, лихому мальчику сейчасъ офицеры набросали нѣсколько денегъ. Обласканный генераломъ, онъ просилъ позволенія возвратиться къ своему ремеслу, увѣряя, что ему сподручна эта работа, доставляющая возможность ежедневно лакомиться горячимъ сбитнемъ съ молокомъ.

Впрочемъ, герои нашихъ разсказовъ все-таки еще нѣкоторымъ образомъ дѣйствователи, хотя миніатюрные, но все-таки защитники Севастополя, а занимательны дѣти, на которыхъ тоже отразилась осада. Здѣшнія дѣти знаютъ одну только игру—въ войну. На всякой площадкѣ построены маленькія батареи, обведенныя траншеями; красная тряпка играетъ роль флага;

---

*) Въ дневникѣ товарища нашего Маевскаго, изъ котораго онъ передалъ мнѣ выдержки, читаю: „Въ декабрѣ 1854 и январѣ настоящаго, жизнь наша въ Севастополѣ была превеселая. Союзники находились отъ насъ еще саженяхъ въ четырехстахъ, и хотя ночью приходилось сходиться съ ними поближе, а днемъ, бывало, то пролетитъ ядро, то бомба лопнетъ въ Бѣлостокскихъ казармахъ, въ которыхъ мы жили на Корабельной, но слѣпо вѣря, что безъ Божьей воли и волосъ съ головы не спадетъ и зная, что двухъ смертей не бывать, а одной не миновать, мы люди въ то время молодые, холостые, находя себѣ постоянно товарищей по характеру и по понятіямъ, жили припѣваючи. Въ нашей квартирѣ часто собиралось много товарищей, побалогурить, потолковать о происходящемъ вокругъ, объ ожидающемъ насъ въ будущемъ, иногда покозырять въ преферансъ. Собраніе наше очень оживлялъ веселый и остроумный товарищъ нашъ Мясоѣдовъ (убитъ впослѣдствіи). Какія онъ бывало выкидывалъ уморительныя штуки надъ другимъ нашимъ товарищемъ, Прозоровымъ, оглохшимъ совершенно, простудившись въ секретѣ, и ни за что не сознававшимся въ этомъ. Такъ мы прожили до начала февраля, когда же Французы стали приближаться къ Малахову кургану, мы съ Мясоѣдовымъ перемѣнили помѣщеніе, нанявъ комнатку, близъ Петербургской гостиницы на Корабельной, у вдовы убитаго матроса—Осиповны.

Хотя нашъ Прозоровъ ушелъ отъ насъ будучи назначенъ какъ неспособный къ фронту, по глухотѣ, на Сѣверную, завѣдывать переправой черезъ Бухту, но на новой квартирѣ намъ было еще веселѣе чѣмъ въ казармахъ. Передъ нашими окошками безпрестанно производились матросскими дѣтьми примѣрныя сраженія Русскихъ съ Французами и Англичанами. Въ этихъ сраженіяхъ часто принималъ участіе сынъ нашей хозяйки Прокофій и племянникъ ея Петръ, младшій же сынъ ея, Борисъ, мальчикъ лѣтъ 6-ти, по малому росту не былъ принимаемъ въ солдаты, а только обыкновенно наблюдалъ за ходомъ дѣла, стоя подъ нашимъ окномъ. Мясоѣдовъ, тоже всегда слѣдившій изъ окна за сраженіемъ, бывало какъ замѣтитъ жестокое обращеніе побѣдителя съ плѣнными, подучитъ Бориса и тотъ подкрадется къ побѣдителю сзади и наноситъ ему ударъ по затылку! Тогда на бѣднаго Бориса сыпется градъ ударовъ и онъ съ крикомъ и плачемъ спасается къ окну подъ защиту Мясоѣдова, обыкновенно вознаграждающаго его геройство двумя или тремя копѣйками.

Кончились эти сраженія однако тѣмъ, что въ одно непрекрасное утро между сражающимися упала заправская бомба и осколками изранила пятерыхъ ребятъ, въ томъ числѣ племянника хозяйки Петра, умершаго на третій день“

бревешки—роль пушекъ; круглые комки грязи исправляютъ должность ядеръ; горсть мелкихъ камешковъ, облѣпленныхъ глиною, съ успѣхомъ замѣняетъ бомбу, или правильнѣе картечную гранату, особенно какъ хватитъ по головамъ осаждающихъ батарею удальцовъ. Штурмы назначаются ежедневно, то въ одномъ, то въ другомъ углу слободы, и къ назначенному пункту стекаются ребятишки со всего околодка. Начинаютъ правильную осаду, ведутъ траншеи, строятъ батареи, бомбардируютъ крѣпость; осажденные дѣлаютъ вылазки, даютъ полевыя сраженія—на кулачки, наконецъ бомбардированіе въ одинъ прекрасный день усиливается, и съ крикомъ „ура“ осаждающіе бросаются на приступъ и всегда берутъ крѣпость. Но кромѣ приступовъ у нихъ разыгрываются еще цѣлыя сраженія. Въ особенномъ ходу Синопское, а бываетъ иногда и Инкерманское. Храбрѣйшему изъ своего кружка мальчишки даютъ славное имя Нахимова: онъ руководитель боя. Часто подобный примѣрный бой оканчивается дѣйствительнымъ: тому носъ разобьютъ, нѣсколько фонарей подставятъ, а другому, если иная картечная граната слишкомъ усердно приготовлена, и лобъ раскроятъ.

Однажды, какъ-то, одно изъ подобныхъ сраженій, а именно Синопское, до того трагически кончилось, что въ знаменитомъ дѣлѣ счелъ нужнымъ принять участіе проходившій мимо полицейскій. Разумѣется, Нахимовъ и все, что было помолодцоватѣе, удрало, достались въ руки десятскаго три или четыре несчастные *Турка*, да четыре дѣвчонки. Всѣхъ ихъ привели къ частному. Рѣшено было, для примѣра, отпустить по нѣсколько розогъ всѣмъ—не затѣвай сраженій! Приговоръ немедленно былъ исполненъ надъ *Турками*. Дошла очередь до старшей дѣвчонки лѣтъ осьми,

„Помилуйте, баринъ, ваше благородіе, со слезами просила дѣвочка, я вѣдь не дралась“....

—Врешь, всѣ вы тамъ были!

„Нѣтъ, помилуйте, не были! всѣхъ спросите, такъ скажутъ, что не были.... Я была Корниловъ, мы съ пароходами оставались!“.... *)

Осада произвела такое впечатлѣніе на дѣтей, что ихъ ребяческая болтовня постоянно имѣетъ предметомъ различные случаи боевой жизни Севастополя. Слово *трусъ* у нихъ самая оскорбительная брань; всѣ уважаютъ храбрѣйшаго и знаютъ кого выбрать изъ среды своей вождемъ, когда затѣвается у нихъ сраженіе.

Дѣтей не мало убито и ранено, особенно во время бомбардированія. Часто встрѣчаю въ городѣ мальчика, лѣтъ двѣнадцати, на костылѣ. „Что у тебя нога, мальчикъ, спросилъ я его, увидѣвъ впервые?“—Ядромъ-съ оторвало, ваше благородіе!....

Кровь невинныхъ жертвъ этой чудовищной борьбы падетъ на голову руководителей этой осады, полгода уже терзающей несчастный городъ!

---

*) Извѣстно, что генералъ-адъютантъ Корниловъ съ флотиліей пароходовъ крейсировалъ для отысканія непріятельской эскадры и подоспѣлъ къ Синопскому дѣлу тогда уже, какъ съ турецкимъ флотомъ все было кончено.

Но мы хотя нѣсколько отдохнули сердцемъ въ бесѣдѣ о дѣтяхъ. Возвратимся къ разсказу о нашей воздушной войнѣ. Севастополь опоясанъ непріятельскими батареями; онѣ нагромождены отъ моря до Черной рѣки, въ двѣ и болѣе линій, и вооружены всѣмъ, что только нашъ изобрѣтательный вѣкъ выдумалъ огнестрѣльнаго для уничтоженія человѣческаго рода. И эти *изобрѣтенія* летятъ на наши батареи, въ нашъ открытый предъ непріятелемъ, какъ на ладони, городъ, въ его лучшія зданія, въ госпиталь, въ доки, въ бухту, на Сѣверную, силятся попадать въ корабли; шесть мѣсяцевъ разрушаютъ домы, бьютъ жителей, вырываютъ мертвыхъ изъ могилъ! *)

Разумѣется, что и мы не дремлемъ, въ свою очередь; и за угощеніе платимъ угощеніемъ, отъ котораго недруги, вѣроятно, съ радостію бы отказались **). Отъ ихъ же докучныхъ гостинцевъ мы отдѣлываемся всѣми средствами, какія намъ только указываютъ наука и опытъ.

На батареяхъ у насъ траверзы—спасители отъ ядеръ; блиндажи—защитники отъ бомбъ.

Но всѣ ли мои читатели знаютъ, что такое блиндажъ? Это, по-просту сказать, землянка, у которой потолокъ сдѣланъ изъ брусьевъ въ обхватъ толщины, положенныхъ въ два ряда, одинъ вдоль, другой поперекъ. Такимъ же порядкомъ положено на эти бревна ряда два фашинника, насыпанъ толстый слой земли, еще ряда два фашинъ и наконецъ на сажень или на полторы насыпана земля. Само собою разумѣется, что посреди блиндированной землянки, чтобъ потолокъ не обрушился отъ тяжести, идетъ рядъ колоннъ изъ самыхъ толстыхъ брусьевъ. Предъ дверьми траверзъ, чтобъ осколки не летѣли въ блиндажъ. Въ такой землянкѣ безопасно. Семи-пудовая бомба не пробиваетъ хорошо устроеннаго блиндажа: размечетъ землю, иногда фашины; накатника же не пробьетъ. Но подъ блинджами только свободные отъ службы люди; для тѣхъ же, кто на службѣ, у орудій, на работѣ, для носки снарядовъ, другая живая и единственная защита—сигнальщикъ ***). Обыкновенно эту должность исполняетъ молодецъ изъ молодцевъ: матросъ или солдатъ, храбрый, твердый, не ротозѣй, зоркій и опытный глазъ котораго не пропуститъ ни одного непріятельскаго выстрѣла, и въ моментъ его тотчасъ опредѣлитъ: какой снарядъ пущенъ и даже, приблизительно, упадетъ ли снарядъ на батарею, или пойдетъ искать себѣ жертвъ въ другихъ мѣстахъ. Сигнальщикъ стоитъ на банкетѣ и смотритъ, по преимуществу, за тѣми только непріятельскими орудіями, которыя, онъ знаетъ, сегодня дѣйствуютъ по его батареѣ.

---

*) Безъ преувеличенья: на дняхъ бомба врѣзалась въ могилу небольшаго кладбища, что въ Аполлоновой балкѣ, и взбросила покойника на воздухъ.

**) Союзникамъ очень не нравился особый, придуманный у насъ способъ, *угощенія:* въ бомбическое орудіе или мортиру вмѣсто снаряда клали осколки, пули и даже камни и бросали въ непріятеля вертикально. Такого рода гостинцы были весьма губительны, осыпая смертоноснымъ градомъ траншеи и поражая людей за траверзами и эполементами.

***) У Французовъ также на каждой батареѣ былъ сигнальщикъ, (Observateur) спасавшій отъ гибели многихъ солдатъ своею осторожностію и наблюдательностію. Historique du service de l' Artillerie. Idem, стр. 236.

„Пушка—а-а!“ протяжно кричитъ сигнальщикъ, и кто не очень занятъ своимъ дѣломъ, прыгнетъ за сосѣдній траверзъ—летитъ ядро.

„*Мартела!*“.... *) Знайте, пущена бомба; но она летитъ тихо, онъ успѣетъ еще разъ оповѣстить о ней; люди знаютъ это и не трогаются съ мѣста. Днемъ, по звуку, ночью по полету сигнальщикъ опредѣляетъ ея направленіе, и если, по его разсчету, она упадетъ на батарею, онъ кричитъ „*бонба!*“ и тогда люди ложатся, спасаясь отъ осколковъ, а кто успѣетъ, вскочитъ подъ блиндажъ.

Часто, очень часто сигнальщикъ не доканчиваетъ начатаго возгласа, особенно не всякому удается кончить слово „*пушка*“,—ядро вѣдь несется стремительно!....

Тысячи любопытныхъ случаевъ можно подмѣтить, наблюдая за сигнальщиками. Сколько самоотверженія, самаго необыкновеннаго мужества, рѣшительнаго презрѣнія смерти встрѣчаешь въ этихъ людяхъ!

На Камчатскомъ люнетѣ, нѣсколько дней спустя послѣ начала его постройки, работалъ Камчатскій егерскій полкъ. Перекрестнымъ огнемъ каталъ непріятель по нашимъ работамъ,—не нравилось ему новое сосѣдство! Ночью выстрѣлъ за выстрѣломъ, то съ фронта, то съ фланга изъ-за Киленъ-балки. Сигнальщикъ цѣлую ночь стоялъ безсмѣнно. Взгрустнулось русской душѣ: онъ, опершись на брустверъ, затянулъ вполголоса и тянулъ до самаго разсвѣта одну изъ тѣхъ родныхъ ему пѣсенъ, что̀, по словамъ Гоголя, „*зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце!*“

„*Не бѣлы снѣги...*,—пѣлъ сигнальщикъ, протягивая всякій слогъ до безконечности,—*не бѣлы снѣги-то во полѣ... пушки а-а!... забѣлѣлися... Мартына!... бонба!... забѣлѣлися; эхъ, не бѣлы... Мартына!... мимо!...* И такъ далѣе цѣлую ночь, но пѣсню эту съ ея вставками, однимъ съ нею тономъ пропѣтыми, подъ разнообразные звуки выстрѣла, ревъ и разрывъ снарядовъ, во всей ея красотѣ, можетъ передать только талантливый музыкантъ. Съ такимъ акомпаниментомъ, при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ она пѣлась, не всякому удастся услышать русскую пѣсню. Къ разсвѣту непріятель участилъ огонь; пѣсня пресѣклась сама собою: сигнальщикъ безпрестанно долженъ былъ кричать:—*бонба! пушка, берегись, граната!* и такъ далѣе.

„Не части, Михѣичъ!“—кричали ему товарищи.

— Съ ноги собьешься!—смѣясь подхватывалъ другой.

На бастіонѣ № 5-й сигнальщикомъ былъ матросъ 33-го флотскаго экипажа, Иванъ Левко. Безмятежно исполнялъ онъ свою обязанность: проносилась бомба дальше, по направленію къ пѣхотному прикрытію, „*не наша!*“—кричалъ Левко, „*армейская!*“ и прилегшіе было къ землѣ матросы принимались за свою работу. Какъ-то однажды бомба упала въ амбразуру, у которой стоялъ Левко на банкетѣ... трубка горѣла... „*Бережись,*

*) Другіе кричатъ „*Мартына*“. Такъ солдаты величаютъ мортиру; вообще всѣ они, вмѣсто бомба, говорятъ *бонба;* вмѣсто граната—*гарната*: пропасть такихъ измѣненій.

соне!“ — закричалъ сигнальщикъ... еще мгновенье... случайно трубка погасла, бомбу не разорвало: *„Неховайсь, померла!“* — протянулъ молодецъ Левко.

Ежеминутно грозящая опасность такъ пріучила къ себѣ солдатъ, что ихъ мужество дошло до совершеннаго равнодушія къ опасности. Въ послѣднее время, на возгласы сигнальщика большинство перестало обращать вниманіе, и теперь только новички ложатся, да прячутся. „Отъ руки Божіей не уйдешь!“ — говорятъ солдаты и смѣло смотрятъ въ лице смерти. Отвага ихъ, такъ-сказать, дошла до страсти вступать въ борьбу съ разрывнымъ снарядомъ. Стóитъ только прочесть приказы главнокомандующаго Крымскою арміею, чтобы съ восторгомъ увидѣть, сколько пожаловано знаковъ отличія военнаго ордена за потушеніе непріятельской бомбы, или за то, что выброшена граната, или даже бомба съ батарей! Увлеченіе доходитъ до того что, когда упавшая граната катится нѣкоторое пространство, прыгая и догорая, готова будучи разорваться не въ это, такъ въ слѣдующее мгновеніе, — человѣкъ пять, шесть солдатъ взапуски бѣгутъ, чтобъ догнать ее и вырвать трубку, или другимъ какимъ способомъ потушить снарядъ!...

На Камчатскомъ люнетѣ бомба ударила въ траверзъ и зарылась въ немъ. Селенгинскаго пѣхотнаго полка рядовой Петръ Петровъ *), проносившій мимо мѣшокъ земли, вскочилъ на траверзъ, высыпалъ землю на мѣсто, въ которое зарылась бомба, и притопталъ ногою землю, думая погасить трубку... По необыкновенной милости Господней, его отвага увѣнчалась успѣхомъ — бомба задохлась!...

Въ темныя ночи Французы бросали противъ Селенгинскаго редута брандскугели, и въ то мгновеніе, когда одинъ изъ нихъ, падая на землю, разбрасываетъ пламя, осыпали освѣщенное имъ пространство градомъ пуль. Въ одну прекрасную ночь видятъ, летитъ зловѣщій фонарь, упалъ, покатился вдоль нашихъ работъ, производившихся вблизи редута; Французы пошли *строчить!*... Охъ, перебьютъ многихъ!... Не долго думавъ, на перерѣзъ снаряду бросился удалой Макаръ Сидоренко **), рядовой Селенгинскаго пѣхотнаго полка, догналъ брандскугель и, лишь только онъ успѣлъ остановиться, затушилъ его мѣшкомъ земли!...

Во время перваго бомбардированія Севастополя, 5 октября 1854 года, одна изъ множества бомбъ упала близъ толпы солдатъ 24-го флотскаго экипажа, прикрывавшаго батарею, устроенную между 4-мъ и 5-мъ бастіонами. Разумѣется, солдаты шарахнулись: кто успѣлъ, упалъ на землю, другіе неподвижно ждали смерти... мгновеніе было ужасно — бомбовая трубка догорала... Матросъ Трофимъ Александровъ бросился къ бомбѣ...

„Бережись, бережись!“ — закричали ему товарищи: *„курица, курица!“*... ***). Но Александровъ зналъ, что дѣлать: схватилъ грязи и залѣ-

*) Въ службу вступилъ изъ крестьянъ 9 іюля 1849 г.; за этотъ подвигъ былъ представленъ къ знаку отличія военнаго ордена Св. Георгія.

**) Въ службу вступилъ изъ малороссійскихъ казаковъ 3 декабря 1842 года; за этотъ подвигъ представленъ къ той же наградѣ, что и Петровъ.

***) т.-е. курится, дымится!

пилъ горѣвшую трубку. Она погасла... Матросъ перекрестился, и, толкнувъ ногою бомбу, крикнулъ товарищамъ:

„Эхъ вы,—салдатами зоветесь, а курицы боитесь!...“

Въ тотъ же день бомба ворвалась въ казематъ 5-го бастіона; народу тамъ было не мало. Матросъ 43-го флотскаго экипажа, Григорій Палюкъ, не задумался: шапкой почерпнулъ воды и подскочилъ къ бомбѣ, чтобъ залить ее, но она не дождалась — лопнула!... „Пропалъ Палюкъ!“ думали всѣ. Ничего не бывало. Поднялся дымъ, лихаго матроса увидѣли невредимаго, но только оглушеннаго разрывомъ, стоящаго надъ мѣстомъ взрыва, съ шапкой воды въ рукахъ, съ вытянутымъ лицомъ и разинутымъ ртомъ: *„Ишь, подумаешь, не успѣлъ!“*

20 марта.

Если, время отъ времени, не будутъ смѣнять войска въ Севастополѣ, то нашу дивизію, напримѣръ, скоро и смѣнять будетъ не для чего. Много очень гибнетъ людей на трехъ новыхъ редутахъ. Впрочемъ, если вѣрить разсказамъ плѣнныхъ, то еслибы мы не построили Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ, то союзники непремѣнно заняли бы эти пункты и оттуда повели бы усиленную атаку на Корабельную. Что же касается до холма, на которомъ мы построили Камчатскій люнетъ, то въ занятіи этого холма мы только двумя днями предупредили союзниковъ, которымъ холмъ этотъ необходимъ при направленіи атаки на Малаховъ курганъ. Дѣйствительно, французы себѣ простить не могутъ, что повели правильную осаду противъ 4-го бастіона, тогда какъ съ первыхъ же моментовъ осады надлежало употребить всѣ усилія для овладѣнія Малаховымъ курганомъ, составляющимъ ключь Севастополя! „Не сдѣлай мы такой грубой и глупой ошибки, — говорятъ французы, Севастополь давно бы уже былъ въ нашихъ рукахъ“. Оно и дѣйствительно такъ могло быть, да вотъ не совершилось же! Впрочемъ французовъ можно утѣшить, объяснивъ имъ, что не одни они дѣлаютъ въ эту войну грубыя ошибки. Чего же грубѣе ошибки какъ зимнее наше бездѣйствіе! Мы полную имѣли возможность ударить на союзниковъ зимою когда они были въ ужасномъ состояніи и когда ударъ нанесенный имъ умѣло, сильною рукою, несомнѣнно былъ бы для нихъ гибеленъ. Они боялись этого удара, они ждали его, они нарочно подъ ружьемъ держали по ночамъ резервы, разсчитывая на наше внезапное наступленіе, — и ожиданія ихъ не сбылись: мы бездѣйствовали!... *).

---

*) Часть ноября, декабрь и большая часть января были самыми тяжелыми для союзниковъ подъ Севастополемъ. Вся Россія разсчитывала, а съ нею и покойный Императоръ Николай, что мы воспользуемся этимъ бѣдственнымъ положеніемъ нашихъ враговъ и одолѣемъ ихъ. Въ своихъ письмахъ князю Меньшикову, Государь не разъ высказывалъ мысль о необходимости воспользоваться критическимъ положеніемъ союзниковъ. „Думаю, писалъ Онъ (5 янв. 1855 г.), что настала для нихъ эпоха *гибели*“... „Положеніе не только Англичанъ, (повторяетъ Государь въ письмѣ 13 янв.) но даже и Французовъ въ Крыму дѣлается все хуже и газеты полны объ этомъ подробностей. Крайне жаль, если неудастся намъ симъ воспользоваться и покончить съ врагами, покуда они еще оправятся“. „Важнѣе

Теперь они ожили, какъ мухи весной! Морское сообщеніе у нихъ возстановилось во всей силѣ; теперь всего у нихъ вдоволь: и снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ, и фуража, и подкрѣпленія къ нимъ прибываютъ безпрестанно. Теперь на ихъ улицѣ настаетъ праздникъ... Мы, что называется, прозѣвали дѣло!...

24 марта.

Сегодня Селенгинскій полкъ вышелъ для отдыха на Бельбекскія высоты; завтра перейдетъ на Сѣверную Якутскій полкъ. Отдыхъ солдатамъ оказался необходимымъ, такъ какъ служба, лежащая на нашей дивизіи, невыносима: мы все время стоимъ на лѣвой половинѣ оборонительной линіи, а непріятельскій огонь, дней уже десять, какъ обращенъ преимущественно противъ этой части. Обѣщаютъ послать на отдыхъ и вторую бригаду, но объ этомъ нѣтъ еще приказанія.

25 марта. Страстная пятница.

Союзники не отнеслись съ чувствомъ каждому христіанину понятнымъ ко дню страданія Господня и въ настоящемъ году, хотя и не могутъ они нынѣ повторить въ свое оправданіе сказаннаго въ прошломъ году, по случаю бомбардированія Одессы, въ тѣ же дни, что у нихъ страстная недѣля уже миновала: въ этомъ году воспоминаніе священнѣйшихъ для христіанъ событій у католиковъ совпало съ воспоминаніемъ таковыхъ же дней въ нашей церкви.

то для меня, замѣчаетъ Государь въ письмѣ 23 янв., что проходитъ время удобное и гибельное врагамъ", а въ письмѣ 31 января Государь замѣчаетъ: „бездѣйствіе наше изумляетъ!"—Затѣмъ 1 февраля Государь жаловался въ письмѣ князю М. Д. Горчакову: „Время течетъ и выгодное для насъ скоро пройдетъ. Если теперь ничего не учинимъ, то потомъ или мудрено, или вовсе невозможно будетъ надѣяться на успѣхъ. Жаль очень, что Меньшиковъ не найдетъ ничего придумать".

Даже союзники удивлялись нашему бездѣйствію, такъ какъ по собственнымъ словамъ, напримѣръ Англичанъ, они почти не въ состояніи были защищать своихъ траншей и на случай сильной атаки нашей, у нихъ было сдѣлано распоряженіе объ отступленіи въ Балаклаву для амбаркаціи, при чемъ рѣшено было бросить и осадную, и полевую артиллерію, по неимѣнію лошадей, а балаклавскія укрѣпленія защищать штуцернымъ огнемъ.

Но князь Меньшиковъ пребывалъ неподвиженъ. Причиной этого всего болѣе были предыдущія неудачи его въ его рѣшительныхъ боевыхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ въ эту кампанію и совершенная потеря энергіи. „Доложите князю Горчакову, говорилъ Меньшиковъ, (по словамъ Дубровина. Idem, стр. 352), отправляя Столыпина, присланнаго къ нему изъ Южной арміи, что я не рѣшаюсь атаковать непріятеля съ нашею пѣхотою, которая получала въ годъ только по два боевыхъ патрона, и съ кавалеріею, которая послѣ сраженія при Полтавѣ не сдѣлала ни одной порядочной атаки".

„Оставаясь вѣренъ,—продолжаетъ Дубровинъ,—(Idem, стр. 358) разъ высказанному мнѣнію, князь Меньшиковъ считалъ невозможнымъ перейти въ наступленіе.—Оно составляло больное мѣсто князя и мнѣніе о возможности наступательныхъ дѣйствій, онъ принималъ за личное оскорбленіе и приписывалъ его недоброжелательству лицъ, весьма близко стоявшихъ у трона".

„По мнѣнію свѣтлѣйшаго Англо-Французы вовсе не были такъ слабы, а въ его распоряженіи было недостаточно средствъ и силъ для того, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ. Оставаясь въ бездѣйствіи въ теченіе болѣе двухъ мѣсяцевъ, князь Меньшиковъ утратилъ всѣ преимущества своего положенія, упустилъ время удобное для атаки непріятеля и не съумѣлъ воспользоваться его разстройствомъ. Наступленіе въ ноябрѣ и декабрѣ могло бы увѣнчаться полнымъ успѣхомъ..."

Вчера съ утра канонада была сильнѣе обыкновенной; съ 2-хъ до 5-ти она было замолчала, но съ 5-ти часовъ вновь усилилась. Ночь была темная и теплая. Мы съ женою слушали двѣнадцать евангелій во Владимірской церкви; народъ огненною рѣкою окружалъ ее со свѣчами въ рукахъ, внимая повѣсти Христовыхъ страданій и, примѣненіемъ ихъ къ своему положенію, укрѣплялся въ рѣшимости до конца пострадать за Христа. Вдругъ передъ 3-мъ бастіономъ открылся батальный огонь и заревѣла канонада; фейерверкъ смерти загорѣлся съ величайшею картинностію. Это Англичане напали на наши ложементы передъ 3-мъ бастіономъ, но, несмотря на повторенную атаку, не могли ихъ взять. Затѣмъ канонада усилилась, перейдя на городъ. Вѣроятно, по зареву отъ огней молящагося народа у освѣщенныхъ церквей, союзники догадались о скопленіи севастопольскаго населенія на нѣсколькихъ пунктахъ и начали метать на нихъ снаряды. Отъ переносившихся черезъ Владимірскую церковь бомбъ и ракетъ она какъ будто колыхалась, и, наполненная народомъ, ежеминутно, казалось, готова была разрушиться и подавить собою всѣхъ. Жена моя и еще нѣсколько лицъ не имѣли силъ долѣе оставаться въ церкви и вышли подъ открытое небо, съ стѣсненнымъ сердцемъ, любоваться этою необыкновенною ночью.

Надъ сонною бухтою, множествомъ ярко освѣщенныхъ оконъ, горѣли Александровскія казармы, отражаясь въ ея спокойной глади, тогда какъ съ другой ея стороны были обрисованы стройныя детали Пантеона *)— греческой церкви во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла, также полной народомъ, какъ и Михайловскій соборъ, иллюминованный свѣчами молящихся, не помѣстившихся въ его стѣнахъ. Колокольный звонъ въ трехъ церквахъ, возвѣщая православнымъ начало чтенія каждаго евангелія, сливаясь съ ревомъ пушекъ, свистомъ и трескомъ снарядовъ, производилъ неизъяснимое впечатлѣніе на душу: хотѣлось плакать и молиться и вмѣстѣ хотѣлось мстить и драться на смерть.

Хоть изрѣдка, но непріятель продолжаетъ стрѣлять и теперь, какъ бы святотатственно нарушая покой Христа, во гробѣ почивающаго. Не лучше ли было имъ хоть этотъ день дать намъ провести безмятежно, въ молитвѣ у того гроба, у котораго и имъ надлежало бы простоять эти минуты въ слезахъ и стенаньяхъ, теперь особенно, когда и мы и они ежеминутно сами готовимся лечь во гробъ!

27 марта. —Первый день свѣтлаго праздника.

Мы особенно торжественно встрѣтили этотъ радостный всему христіанскому міру день. Всѣ вмѣстѣ молились у заутрени; разговѣлись у генерала Павлова, гдѣ былъ и генералъ Хрулевъ. Единственная дама оживлявшая наше вполнѣ боевое общество — была жена моя. Сегодня какъ-то особенно тепло и радостно на сердцѣ. Мы всѣ въ парадныхъ, давно не надѣванныхъ,

*) Построенный по образцу Тезеева храма, въ Аѳинахъ.

мундирахъ, ходили съ поздравленіемъ къ начальникамъ, по нашему общему обычаю, почти забывая, что мы въ осадѣ, каковому забвенію много способствуетъ молчаніе артиллеріи обѣихъ враждующихъ сторонъ, будто условившихся почтить сегодня общее празднество временнымъ прекращеніемъ кровопролитія. Но по общему отзыву переметчиковъ и плѣнныхъ, не сохранившемуся въ тайнѣ, союзники устраиваютъ для насъ страшный праздникъ; у нихъ все готово къ открытію общаго бомбардированія, послѣдствіемъ котораго конечно будетъ штурмъ. Если они до сихъ поръ не прибѣгли къ этой рѣшительной мѣрѣ, то особенно по милости Англичанъ, работы которыхъ не шли такъ успѣшно, какъ французскія, и доселѣ не могли быть кончены. Начинать частное бомбардированіе французскій главнокомандующій не рѣшался изъ опасенія, что мы, огнемъ своей страшной артиллеріи, не будучи развлечены по всей линіи, сосредоточивъ оный на извѣстныхъ пунктахъ непріятельскихъ работъ, можемъ ихъ уничтожить. Но, говорятъ, нынѣ все готово и надо на четвертый, на пятый день праздника ждать открытія общаго огня *).

28 марта.—Севастополь. Поздній вечеръ.

Едва забрезжился день, въ 5 часовъ утра союзники открыли *второе* бомбардированіе Севастополя. На морѣ ревела буря. Вѣтеръ съ сильнымъ дождемъ вылъ ужасно; ядра прыгали по нашей улицѣ; громъ лопающихся бомбъ колыхалъ нашъ маленькій домикъ; окна трещали; стекло за стекломъ разлетались въ дребезги; штукатурка стѣнъ падала; осколки разрывныхъ снарядовъ, бурча, разрывали воздухъ во всѣхъ направленіяхъ; изрѣдка слышался стонъ штуцерныхъ пуль... Ужасно было пробужденіе жителей Сева-

*) Дѣйствительно, если вѣрить французскимъ писателямъ, Французы уже давно были готовы къ открытію общаго бомбардированія, какъ прелюдіи штурма. Французскій главнокомандующій оффиціально увѣдомилъ англійскаго, что онъ готовъ открыть огонь 2 марта; но Англичане не были готовы и Лордъ Рагланъ также оффиціально отвѣчалъ Канроберу, что его инженеры предприняли сооруженіе нѣсколькихъ новыхъ необходимыхъ для дѣйствія противъ крѣпости батарей, а потому не могутъ быть готовыми ко дню, назначенному французскимъ военачальникомъ, а когда именно они будутъ совершенно готовы,—англійскій главнокомандующій не можетъ опредѣлить. Это обстоятельство мучило Канробера, видѣвшаго, что наши укрѣпленія ежедневно растутъ и что со всякимъ новымъ днемъ труднѣе становится бороться съ нами и потому Канроберъ ежедневно настаивалъ предъ Лордомъ Раглаиомъ на необходимости скорѣйшаго открытія огня. Въ нетерпѣніи онъ писалъ 5 марта къ французскому военному министру, что съ 2 марта у него 500 орудій готовы дѣйствовать по Севастополю, но что онъ задержанъ неготовностью къ бою Англичанъ, безъ помощи которыхъ онъ не можетъ начинать дѣла. 7 марта онъ опять жаловался въ томъ же на Англичанъ военному министру, прибавляя, что Русскіе пользуются этимъ бездѣйствіемъ и громоздятъ огромныя укрѣпленія.

11 марта Канроберъ еще разъ повторялъ свою жалобу, говоря, что Англичане до сего времени не могутъ опредѣлить дня, въ который ихъ батареи будутъ готовы къ дѣйствію. Наконецъ, послѣ долгихъ настояній со стороны Канробера, рѣшили открыть бомбардировку 9 апрѣля (н. с.), съ тѣмъ чтобы поддерживать безпрестанный огонь въ теченіе десяти или двѣнадцати дней. Этотъ огонь долженъ былъ облегчить минныя работы союзниковъ и уничтожить затрудненія, какія бы встрѣтились при овладѣніи открытою силою нѣкоторыми нашими укрѣпленіями. Успѣшное дѣйствіе этого огня должно было доставить двумъ или тремъ штурмовымъ колоннамъ союзниковъ возможность поставить свои знамена на нѣсколькихъ пунктахъ Севастополя одновременно. Однако и этого рѣшенія они не могли привести въ исполненіе, какъ оказалось впослѣдствіи.

стополя: всякій имѣлъ право думать, что насталъ его послѣдній часъ. Добрые товарищи: Клейнгаусъ, Олендзскій, Ковалевскій прибѣжали помочь мнѣ спасти жену; почти на рукахъ я дотащилъ ее, подъ градомъ всевозможныхъ снарядовъ, до бухты; перевоза не было; я умолилъ двухъ матросовъ, летѣвшихъ мимо на гичкѣ, за нѣсколько рублей серебромъ перевезть насъ на ту сторону бушевавшей бухты,—кое какъ помѣстилъ изнеможенную жену въ валкую лодку и, самъ правя рулемъ, пустился въ опасный путь. Нѣсколько непріятельскихъ снарядовъ упало близъ насъ въ бухту; волны ходили горами, но десница Господня не покинула насъ въ эту тяжкую годину нашей жизни. Почти отнеся мою жену въ балаганъ купца А. И. Серебрянникова, гдѣ она нѣсколько отогрѣлась, я оттоль, съ помощію Якутскихъ офицевовъ, доставилъ ее къ Сестрамъ милосердія, которыя приняли ее какъ сестру, переодѣли, высушили, отогрѣли и тѣмъ быть-можетъ спасли ея жизнь *).

Что прибавлять къ этому? Конечно, я оторвался отъ роднаго сердца и воротился къ своему мѣсту въ Севастополь. Во время этого пути я видѣлъ, какъ по взволнованной бухтѣ неслась въ Севастополь начальница Сестеръ съ матерью Серафимою, стоя геройски на кормѣ катера, завернувшись въ непромокаемый плащъ, тогда какъ снаряды падали кругомъ, — неслась, какъ нѣкій геній-хранитель, на помощь страждущему человѣчеству, для подкрѣпленія нравственныхъ силъ своихъ Сестеръ, не покидавшихъ своихъ мѣстъ въ госпиталяхъ и перевязочныхъ пунктахъ, несмотря на разгаръ адской бомбардировки, съ такимъ ожесточеніемъ поддерживаемой союзниками **). Наши отвѣчаютъ слабо; или хотятъ дать утомиться врагу и тогда начать дѣйствовать противъ него всѣми силами, или берегутъ порохъ, котораго очень мало. Вражій флотъ не принимаетъ участія въ борьбѣ, вѣроятно за сильнымъ вѣтромъ, но держится подъ парами.

---

*) Въ одномъ изъ своихъ писемъ, а именно — о началѣ бомбардировки, начальница „Сестеръ“ говоритъ про мою жену „Сѣвер. Пчел. 7 мая 1855 г. № 98.“ „Тутъ привезли молодую даму перепуганную и промоченную дождемъ до костей, я ее приняла, одѣла въ сухое платье и отогрѣла“.

**) Собственно для защитниковъ Севастополя, дѣйствовавшихъ на батареяхъ его оборонительной линіи въ эту достопамятную бомбардировку, если они удостоятъ вниманіемъ мой трудъ, привожу таблицу, подробно означающую, сколько именно противъ какого пункта нашихъ укрѣпленій дѣйствовало у Французовъ орудій. Я убѣжденъ, что имъ интересно знать, съ кѣмъ именно они боролись въ эти достопамятные дни, а потому они съ удовольствіемъ посмотрятъ эту таблицу. У другихъ же своихъ читателей прошу великодушнаго прощенія за помѣщеніе этой таблицы, не могущей для нихъ, вѣроятно, имѣть особаго интереса.

ТАБЛИЦА,

показывающая число дѣйствовавшихъ по Севастополю французскихъ орудій во время осады. Составлена по „Historique du service de l' Artillerie, стр. 544 и далѣе, т. I.

Названіе тѣхъ частей нашихъ укрѣпленій, противъ которыхъ дѣйствовала французская артиллерія.	Бомбическихъ орудій.	Пушекъ.	Мортиръ.	Итого орудій.	Примѣчанія.
1-е отдѣленіе оборонительной линіи (Quarantaine)	29	38	18	85	
Тоже и портъ, артиллерійская бухта, городъ	4	4	4	12	
1-е отдѣленіе и батарея въ бреши	—	6	—	6	
Противъ вылазокъ съ 1-го отдѣленія	14	—	—	14	
Карантинъ и приморскія батареи	2	6	4	12	
Арсеналъ и оборонительная казарма	6	15	9	30	
Люнетъ Бѣлкина и приморскія батареи	—	—	3	3	
5-й бастіонъ (Bastion Central)	21	71	37	129	Въ числѣ пушекъ дѣйствовало 2 *нашихъ* орудія.
4-й и 5-й бастіоны	—	—	12	12	
Углубленная батарея на 5 бастіонѣ и батарея на террасѣ	2	6	—	8	
5-й бастіонъ и люнетъ	3	4	3	10	
Противъ батареи за 4-мъ бастіономъ и пространство передъ 5-мъ бастіономъ	2	2	4	8	
Балка южной бухты (Ravin du Sud) и 5 бастіонъ	5	—	—	5	
Противъ вылазокъ по той же балкѣ	2	—	—	2	
5-й бастіонъ и люнетъ	3	4	3	10	
Противъ ложементовъ и вылазокъ съ 5-го бастіона	4	—	—	4	
5-й бастіонъ и противъ вылазокъ съ него	4	—	—	4	
4-й бастіонъ (Bastion du Mât)	32	45	39	116	
Внутреннія сооруженія на 4-мъ бастіонѣ	2	2	—	4	
Городъ, бухта и Сѣверное укрѣпленіе	—	—	—	—	Въ Стрѣлецкой бухтѣ, на батареѣ № 21 и у храма Св. Владиміра были наставлены ракетныя батареи.
Мостикъ изъ „Корабельной“ на „Графскую“ (Passarelle), арсеналъ и казармы	2	—	1	3	
3-й бастіонъ (Redan)	6	4	—	10	Въ числѣ дѣйствовавшихъ по этому редуту орудій были 4 русскія пушки.
Малаховъ курганъ (Malakoff)	6	—	57	63	
Малаховъ и 2-й бастіонъ (Petit redan)	—	—	10	10	
Малаховъ съ двумя его куртинами	6	—	4	10	
Куртина Малахова	—	6	—	6	
Малаховъ и куртина	—	—	4	4	
Куртина Малахова и противъ вылазокъ	2	10	—	12	
Бухта и Малаховъ	2	3	1	6	
Малаховъ, 2-й и 1-й бастіоны	—	19	12	31	Въ числѣ мортиръ было двѣ русскихъ.
Тѣ же пункты и бухта	—	—	8	8	
Камчатскій люнетъ	8	8	6	22	

Названіе тѣхъ частей нашихъ укрѣпленій, противъ которыхъ дѣйствовала французская артиллерія.	Бомбическихъ орудій.	Пушекъ.	Мортиръ.	Итого орудій.	Примѣчанія.
Онъ же съ примыкавшею къ нему батареею.	6	—	—	6	
2-й бастіонъ.	11	—	12	23	
2-й бастіонъ и лабораторія (Laboratoire)	2	2	—	4	
1-й и 2-й бастіоны, и бухта	5	—	10	15	
1-й бастіонъ и бухта	3	—	3	6	
Селенгинскій и Волынскій редуты (Ouvrages blancs).	2	—	—	2	
Тѣ же пункты и 1-й бастіонъ	—	4	—	4	
Селенгинскій, Волынскій редуты, 2-й и 1-й бастіоны	4	—	9	13	
Селенгинскій, Волынскій редуты и бухта	3	2	2	7	
Киленъ-балка (Ravin du Carénage).	2	—	—	2	
Кладбищенская батарея (Batteries du Cimetiere).	—	—	9	9	Большаго калибра.
Маячная батарея	—	8	—	8	
Она же съ окрестными укрѣпленіями.	4	2	—	6	
Бухта и корабли	—	2	2	4	Пушки дѣйствовали русскіе.
Городъ, бухта и лагерь	—	—	—	—	Вкопанныя въ землю подбитыя орудія.
Городъ бухта и Сѣверная сторона	—	—	—	—	Ракетная батарея поставленная на Инкерманскихъ высотахъ.
Долина Черной	4	2	—	6	
А всего.	213	275	286	774	

Вообще же къ этому времени поставлено было союзниками противъ Камчатскаго люнета, Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и пространства Малахова кургана до 2 бастіона—54 орудія, словомъ, у Севастополя до 520 орудій, а именно: противъ Малахова кургана у Французовъ 92 орудія, противъ Камчатскаго у Французовъ дѣйствовало 151 пушка, 53 бомбическія орудія и 92 мортиры, всего 296 орудій, а у Англичанъ отъ 130 до 140 орудій, всего, слѣдовательно, до 520 орудій. За нѣсколько дней до начала бомбардировки начальники артиллеріи осмотрѣли всѣ батареи, каждому орудію былъ указанъ пунктъ, по которому оно было обязано дѣйствовать, и каждому командиру батареи была объявлена цѣль, къ осуществленію коей онъ долженъ стремиться посредствомъ огня своей батареи. Главная, общая цѣль бомбардировки была—дать возможность инженерамъ подвинуть впередъ осадныя работы, нѣкоторымъ же батареямъ была указана особая спеціальная цѣль; такъ батарея № 28 должна была пробить брешь въ стѣнѣ, батарея № 35 обязана была уничтожить мостъ, соединявшій Корабельную съ городомъ.

Снарядовъ на батареяхъ было на день, въ центральныхъ магазинахъ на 3 дня, а въ главномъ депо на 15 дней.

На каждое орудіе было приготовлено по 800 ядеръ, 600 гранатъ и 500 бомбъ.

8 апрѣля нов. с. отдано было приказаніе открыть огонь. Распоряженіе приказано было держать въ величайшемъ секретѣ до послѣдняго момента. Амбразуры, закрытыя доселѣ, приказано было открыть ночью, съ тѣмъ чтобы съ разсвѣтомъ онѣ были готовы къ дѣйствію. Момента начатія бомбардировки не назначено; открыть огонь надлежало, сообразуясь съ погодою, смотря по тому, будетъ ли она ясная или туманная, во всякомъ случаѣ батарейный командиръ тогда только открываетъ огонь, когда онъ ясно различаетъ цѣль, по которой долженъ дѣйствовать.

Канонаду предполагалось продолжать 15 дней, въ началѣ, въ особенности въ первые дни, производя самую учащенную пальбу, чтобы взять верхъ надъ огнемъ осажденныхъ, а потомъ ослабить свой огонь. Въ первые 24 часа пушка могла сдѣлать до 100 выстрѣловъ, а бомбичоское орудіе и мортира до 80 (Historique du service de l' Artillerie. Idem, стр. 225—227).

29 марта.

Ночью канонада была слабѣе, особенно съ нашей стороны,—мы *чинились*, какъ говорятъ солдаты. Французы также ослабили огонь ночью, продолжая однако усиленную канонаду противъ Малахова кургана и особенно противъ Камчатскаго люнета, который имъ хотѣлось срыть выстрѣлами непремѣнно. Съ утра бомбардировка возобновилась съ прежнею яростію съ обѣихъ сторонъ и, почти не ослабѣвая, продолжалась до ночи *).

30 марта.

Какъ будто огонь ослабѣлъ. Бываютъ по крайней мѣрѣ паузы въ этой страшной, какъ будто потрясающей всю природу, канонадѣ **).

31 марта.

Четвертый день продолжается бомбардированіе почти безъ умолку. Потери наши въ людяхъ значительны; у насъ подбиваютъ много орудій, но должно полагать, что мы наносимъ не малый вредъ непріятелю, потому что многія его батареи или вовсе прекратили, или уменьшили свой огонь. Но конца этой бомбардировки еще не видно. Какое ужасное время мы теперь переживаемъ и переживемъ ли еще его? Но докуда Богъ милуетъ нашъ уголокъ, онъ остается невредимъ, несмотря на то, что снаряды валятся кругомъ. Нѣсколько дней (впрочемъ это еще до начала бомбардированія, это еще было при женѣ), бомба упала въ домикъ, стоящій напротивъ моего, черезъ узкую улицу, и взорвала на воздухъ ту часть зданія, въ которую спустилась, а въ нашемъ домикѣ только стекла повыскакали...

Жители большею частію бѣжали отсюда: никого не видать ни здѣсь, ни въ городѣ. На Сѣверной образовался большой бивакъ: множество матросскихъ и солдатскихъ семействъ выбралось изъ Севастополя; идти имъ бѣднымъ некуда, и всѣ они толпятся у берега, сидятъ на узлахъ своихъ пожитковъ и плачутъ. Кто изъ нихъ подостаточнѣе, ищетъ и отыскиваетъ средства убраться дальше. Цѣлыми шаландами привозятъ мертвыхъ; у пристаней Сѣверной стороны величайшая суматоха; непріятельскія суда во множествѣ вымпеловъ стоятъ противъ выхода изъ бухты; кажется, они съ своей стороны также собираются принять участіе въ кипящей борьбѣ, впрочемъ какъ бы выжидаютъ удобнаго момента и доселѣ еще не открывали огня. Но развѣ его мало на сухомъ пути? — двѣ линіи огня и дыма стоятъ другъ противъ друга и нѣтъ мгновенья, чтобы не было слышно выстрѣловъ: сна-

*) Въ этотъ день Французы сдѣлали 30.000 выстрѣловъ изъ орудій (Historique du service de l' Artillerie. Idem, стр. 228). Въ прочіе дни они бросали въ Севастополь отъ 20.000 до 26.000 снарядовъ ежедневно.

**) Historique du service de l' Artillerie сознается, что главнокомандующіе убѣдились изъ опора, даннаго осажденными, что союзники не могутъ еще одолѣть города посредствомъ артиллерійскаго огня, и рѣшились возвратиться къ траншейнымъ работамъ, а слѣдовательно штурмъ отложенъ былъ на неопредѣленное время. Надобно думать, что главнокомандующіе отказывались даже отъ мысли взять Севастополь приступомъ и подумывали какъ бы прежде разбить наши войска, охранявшіе Севастополь—въ полѣ.

ряды ложатся даже на Сѣверную. Я самъ видѣлъ, какъ розорвало нѣсколько бомбъ между домиками госпиталя, что на Сѣверной сторонѣ, гдѣ живутъ Сестры милосердія. Вчера ядро ударило въ подводную часть корабля „Парижъ“; водолазъ ходилъ чинить. Вообще у насъ много подбиваютъ орудій; но ночью ихъ перемѣняютъ, и утромъ на мѣстѣ подбитаго уже обыкновенно дѣйствуетъ другое. Ночью исправляются всѣ поврежденія на батареяхъ. Бьетъ много народа камнями, разбрасываемыми падающими снарядами; непріятель дерзокъ: онъ думаетъ послѣ этой бомбардировки непремѣнно взять Севастополь. Иногда онъ показывается изъ траншей противъ Малахова кургана и 3-го бастіона, кричитъ „ура“, но впередъ не идетъ; иные, разумѣется, въ этотъ моментъ валятся отъ нашей корабельной картечи, другіе тотчасъ прячутся. По бухтѣ сообщеніе южной стороны съ сѣверною не прекращается, несмотря на множество снарядовъ, падающихъ въ бухту. Мостъ, что былъ устроенъ на судахъ, черезъ южную бухту союзники разорвали и часть судовъ, его составлявшихъ, потопили.

По гарнизону ходитъ молва, что будтобы союзные главнокомандующіе присылали къ начальству гарнизона съ предложеніемъ сдаться безъ напраснаго кровопролитія. Конечно, возможности такого дѣйствія союзниковъ трудно вѣрить, но если этотъ слухъ справедливъ, то мы всѣ знаемъ барона Остенъ Сакена и знаемъ, умѣетъ ли онъ отвѣчать врагу на дерзкія предложенія.

Непріятель бомбардируетъ усиленно то одинъ бастіонъ или укрѣпленіе, то другое, въ то же время значительно ослабляя или вовсе прекращая огонь на другихъ пунктахъ.

1 апрѣля.

Жестокій огонь съ обѣихъ сторонъ не только не прекращается, но какъ будто ожесточается. Что-то будетъ? По всему городу распространился сильный запахъ пороховаго дыма.

Особенно значительна потеря въ людяхъ на Селенгинскомъ и Волынскомъ редутахъ и Камчатскомъ люнетѣ. Первыя изъ этихъ укрѣпленій неимовѣрно страдаютъ и ежедневно къ вечеру представляютъ безобразную груду земли, а всѣ ихъ орудія бываютъ опрокинуты, засыпаны или подбиты.

Наша артиллерія начала дѣйствовать систематически: стрѣляютъ только черезъ два орудія — третье, а остальныя стоятъ до времени за мерлонами.

У меня на дворѣ кричатъ и играютъ дѣти сосѣда, несмотря на смерть, повсюду летающую въ тысячѣ различныхъ образовъ.

Безпрестанно носятъ покойниковъ. Сегодня поутру ревъ ожесточенной канонады какъ-то необыкновенно сливался со звономъ колокола, призывавшаго въ церковь страждущихъ жителей.

Непріятельскіе корабли все еще молчатъ, стоя за полтора или за два пушечныхъ выстрѣла отъ нашихъ фортовъ, въ грозномъ, зловѣщемъ спокойствіи.

Вчерашній слухъ о присылкѣ парламентера союзными главнокомандующими съ требованіемъ сдачи продолжаетъ бродить по городу. Человѣкъ пол-

ковника Бибикова, разсказывая ему этотъ слухъ, спрашивалъ его: „Дмитрій Сергѣевичъ, смѣю спросить, нельзя ли этого парламентера повѣсить?“

— Нельзя, братъ; на то онъ парламентеромъ прозывается, что его тронуть нельзя.

„Хотя бы посѣкли его, Дмитрій Сергѣевичъ!“ какъ будто умоляя, продолжалъ Сергѣй.

Мы всѣ убѣждены, что это бомбардированіе кончится ничѣмъ! Напрасно только съ обѣихъ сторонъ прольется много лишней крови! Что могутъ сдѣлать союзники этою бомбардировкою? Всѣхъ орудій нашихъ имъ не сбить, да и едва ли они проложатъ ядрами дорогу штурмовымъ колоннамъ. Севастополь не крѣпость, чтобъ можно было сдѣлать брешь да идти въ нее; Севастополь — укрѣпленный городъ, укрѣпленный лагерь; въ немъ и природныхъ брешей много, которыми можно назвать пространства, ничѣмъ не перехваченныя, кромѣ небольшаго рва, но въ эти пространства не проникнешь не заставивъ молчать бастіоны, а ихъ-то и трудно заставить молчать.

Доказательствомъ безсилія непріятеля потушить огонь нашей многочисленной артиллеріи (орудія которой, будучи подбиты, тотчасъ замѣняются новыми, чему благопріятствуетъ незначительная высота валовъ, на которые не такъ трудно втаскивать орудія) служитъ, между прочимъ, случай, происшедшій вчера вечеромъ. — За Киленъ-балкою, говорятъ, показались непріятельскія колонны: когда по нимъ открыли огонь всѣ орудія, дѣйствующія по этому пространству, то новичекъ не повѣрилъ бы, что мы столько дней отвѣчаемъ бомбардирующему непріятелю; напротивъ, открытіе нашего огня показало, что у насъ еще прибавилось силъ!

Вчера на правомъ флангѣ Севастополя было жаркое дѣло. Союзники подъ начальствомъ генерала Риве (Rivet) атаковали ложементы передъ 5-мъ бастіономъ; защищавшіе ихъ Колыванцы были выбиты и потеряли славнаго полковаго командира, подполковника Тимирязьева; въ свою очередь союзники были выбиты изъ ложемента, но, подкрѣпленные резервомъ (двѣ роты охотниковъ и баталіонъ иностраннаго легіона), снова отняли у насъ спорный ложементъ и утвердились въ немъ, теряя множество народа отъ нашей картечи.

Сегодня ночью Французы попытались взять ложементы впереди редута Шварца и въ лощинѣ между 4-мъ и 5-мъ бастіонами, но были отбиты занимавшими ихъ Екатеринбургцами и Колыванцами.

2 апрѣля.

Сегодня—шестой день бомбардированія, а оно какъ будто еще усиливается.

Гдѣ, въ какой войнѣ можно найти примѣръ такой ожесточенной, постоянной и упорной борьбы?

Малаховъ курганъ страдаетъ сильнѣе прежняго; камни его башни разлетаются во всѣ стороны.

Говорятъ, будто часть непріятельскаго лагеря снялась и союзники со-

бираются, не прекращая бомбардированія, ударить на насъ сильнымъ отрядомъ со стороны Чоргуна...

Мой домикъ, сію минуту, какъ-то необыкновенно затрясся, какъ будто его колыхнуло землетрясеніемъ...

Говорятъ, на одной изъ англійскихъ батарей взлетѣлъ погребъ.

Оставшіеся здѣсь несчастные жители такъ же обстрѣлялись, какъ и мы, и также равнодушно ждутъ своей участи, не прекращая обычныхъ своихъ занятій и работъ. Да и какъ прекратить эти занятія и работы, когда они составляютъ единственное средство существованія этихъ людей?

Маленькій базаръ, что былъ близъ моей квартиры, не разошелся, а только переселился подъ стѣны ближайшихъ домовъ. Положеніе лицъ, составляющихъ гарнизонъ, весьма тяжело: шесть дней быть въ ежеминутномъ ожиданіи смерти! Но вѣдь должно же это когда-нибудь кончиться!..

Сегодня ночью Французы опять было пытались взять ложементы, на которые нападали вчера ночью, но опять безуспѣшно.

3 апрѣля. 11 часовъ вечера.

Седьмой день бомбардированія. Чѣмъ же наконецъ все это разыграется? Неужели эта адская музыка не имѣетъ финала?

Сейчасъ только прекратилась страшная свалка, кипѣвшая болѣе получаса противъ 4-го и 5-го бастіоновъ.

Французы часовъ въ 7 вечера взорвали передъ 4-мъ бастіономъ *три* горна и бросились, желая овладѣть образовавшеюся отъ этихъ взрывовъ воронкою; но наши открыли противъ этого пункта сильнѣйшій ружейный и артиллерійскій огонь: залпы картечью слѣдовали одинъ за другимъ; боченки съ ручными гранатами — *капральства* летѣли дружно другъ за другомъ; бомбамъ, казалось, не будетъ конца.

Вѣроятно, Французы понесли при этомъ большую потерю, а воронки все-таки остались нейтральными *).

Духъ гарнизона нисколько не ослабѣваетъ, несмотря на огромныя потери въ офицерахъ и солдатахъ. Въ князя Горчакова вѣруютъ, его любятъ, на него надѣются: онъ умѣлъ привязать къ себѣ солдатъ. Едва пріѣхавъ

---

*) Дѣйствительно, какъ оказалось впослѣдствіи, у нихъ въ этотъ вечеръ убито 3 офицера, ранено 11 и кромѣ того въ англійскихъ траншеяхъ смертельно раненъ извѣстный инженеръ—генералъ Бизо. Его похоронили съ большою военною помпой о чемъ съ чрезвычайнымъ пафосомъ разсказываетъ въ своей книгѣ J. Aymard (Le Siege de Sevastopol 1854—1855, Paris 1876), прибавляя, что тутъ произошло событіе, имѣющее нѣчто пророческое, а именно: когда священникъ, хоронившій Бизо, кончивъ обрядъ, окропилъ гробъ святою водою, передалъ кропило Лорду Раглану, какъ старшему изъ присутствовавшихъ генераловъ, то онъ тоже покропилъ могилу и передалъ кропило Канроберу, тотъ, въ свою очередь исполнилъ обрядъ, передалъ кропило Омеръ-Пашѣ, отъ котораго оно перешло къ египетскимъ пашамъ Мусульманамъ, изъ коихъ каждый сдѣлалъ святою водою крестъ на гробѣ Бизо. „Еслибы я не видѣлъ своими глазами,—говорилъ очевидецъ событія передавшій о немъ Aymard'у, что Протестантъ, Ренегатъ и Мусульмане, по католическому обряду, окропляютъ святою водою могилу христіанина, я бы этому никогда не повѣрилъ!“ (стр. 74).

къ намъ, князь отправился по всѣмъ до одного бастіонамъ и батареямъ оборонительныхъ линій, обошелъ эти укрѣпленія днемъ, съ однимъ Тотлебеномъ; онъ посѣтилъ даже Селенгинскій и Волынскій редуты и Камчатскій люнетъ, гдѣ ежеминутно носилась смерть, и не обратилъ вниманія на убѣжденія своихъ приближенныхъ, умолявшихъ его не ходить на эти гибельные пункты, указывая на печальный примѣръ Корнилова и Истомина. Но князь никого не слушалъ, даже не послушалъ убѣжденій генерала Остенъ-Сакена, доложившаго главнокомандующему, что его путешествіе на бастіоны остается на совѣсти всѣхъ насъ *). Князь Горчаковъ обошелъ всѣ укрѣпленія, дѣйствовавшія по непріятелю, всѣхъ благодарилъ, ободрилъ солдатъ и на всякомъ бастіонѣ далъ по два знака отличія военнаго ордена, предоставя — одинъ матросамъ, а другой пѣхотнымъ возложить на достойнѣйшихъ изъ ихъ среды.

Такимъ-то образомъ дѣйствій укрѣпляется нравственная сила арміи, столько времени не выходящей изъ пламени и крови!

Гарнизонъ твердъ, но въ городѣ становится мрачно, жутко...

Газеты пишутъ, что у насъ музыка, катанья и прочее, тому подобное: все это вздоръ. Притомъ увеселенія въ такіе дни были бы кощунствомъ; товарищей ежедневно бьютъ десятками; ежеминутно льется кровь, а мы бы стали танцовать, да наслаждаться музыкою и гуляньями! Правда, мы спокойны, тверды, но вовсе не веселы, потому что въ нашемъ положеніи нѣтъ ничего веселаго... Если и можетъ быть въ такіе дни веселье, то оно страшнѣе горя—это веселье отчаянья!..

Сдѣлано распоряженіе, чтобы къ наградамъ представлять только раненыхъ и непремѣнно въ тотъ день, въ который ранютъ.

4 апрѣля.

Восьмой день бомбардировки. У насъ особенно велика потеря въ артиллерійской прислугѣ; опять послали ей въ подкрѣпленіе пѣхотныхъ солдатъ, пріученныхъ къ артиллерійскому дѣлу,

Малахову башню, наконецъ, пробили насквозь, при чемъ въ ней убило и ранило 18 человѣкъ. Писарь, занимавшійся въ башнѣ, только кончалъ *весьма нужный* рапортъ начальству, какъ вдругъ бомба ввалилась въ башню, все перевернула, истрепала, изорвала. Со слезами на глазахъ писарь прибѣжалъ къ адъютанту. „Ваше б—іе, несчастіе! рапортъ не будетъ готовъ: чернильницу бомбой разбило и рапортъ, какъ есть, чернилами окатило!...“

Несчастіе это случилось при Черняевѣ; онъ описываетъ это событіе поразительными чертами: бомба пробила стѣну, башню, импедомъ разрушило перегородку, устроенную въ башнѣ еще при Истоминѣ; кровь убитыхъ и раненыхъ, смѣшавшись съ водою разбитыхъ цистернъ, хлынула изъ башни кровавою рѣкою въ комнату, гдѣ сидѣли офицеры; въ моментъ разрыва бомбы,

*) Самъ же генералъ Сакенъ во всякое время посѣщаетъ бастіоны, а что касается до его помощника, князя Васильчикова, то онъ ежедневно посѣщаетъ бастіоны одного или другаго отдѣленія, а иногда успѣваетъ посѣтить укрѣпленія двухъ отдѣленій.

черезъ опрокинувшуюся дверь, въ которую ворвались клубы пламени и дыма, посыпался песокъ и камни. Офицеры въ это мгновеніе думали, что для нихъ все кончено!... Но за страшнымъ трескомъ разрыва и разрушенія вдругъ настала могильная тишина, вскорѣ нарушенная воплемъ истерзанныхъ бомбою матросовъ, солдатъ и писарей.... Черезъ нѣсколько минутъ всѣ пришли въ себя, и въ башнѣ закипѣла работа для ея очищенія и исправленія.

Вотъ уже не первую ночь, пользуясь темнотою, подходятъ къ берегу непріятельскіе пароходы, дѣлаютъ залпъ и исчезаютъ; наши тотчасъ отвѣчаютъ имъ каленымъ ядрами, но едва ли успѣшно, потому что всѣ удобства въ этой борьбѣ на сторонѣ непріятельскаго судна: въ глубочайшей темнотѣ непріятель все-таки видитъ легкій очеркъ берега или его огоньки; не замѣченный придвинется, ударитъ и, пока наши откроютъ канонаду, успѣетъ убѣжать на нѣсколько десятковъ сажень.

5 апрѣля.

9-й часъ утра; канонада очень слабая — рѣдко услышишь выстрѣлъ. Лежитъ такой туманъ, что въ 10-ти шагахъ ничего не видно. Это ли обстоятельство причиною прекращенія бомбардированія, или союзники наконецъ поняли, что они еще не въ силахъ заставить молчать нашу артиллерію; какъ бы то ни было, но въ городѣ неестественная тишина, изрѣдка только нарушаемая звукомъ выстрѣла или разрывомъ снаряда, необыкновенно гремящимъ въ сгущенномъ, туманномъ воздухѣ.

Огромныя потери чрезвычайно насъ ослабили: въ 10-й дивизіи во фронтѣ не болѣе 5-ти тысячъ человѣкъ, въ нашей—не много болѣе 6-ти. Мы начинали побаиваться: какъ бы союзники не затѣяли штурма и не одолѣли насъ, но теперь, что называется, отъ сердца отлегло!... Пришла 8-я дивизія и бригада 14-й дивизіи. Въ этихъ полкахъ рядовъ много, народъ свѣжій; къ намъ въ дивизію прислали на укомплектованіе изъ маршеваго баталіона 200 человѣкъ, слѣдовательно послали укомплектованіе и въ другія дивизіи. Вообще эти подкрѣпленія составляютъ значительную цифру, хотя они весьма не надолго *укрѣпляютъ* насъ.

Часъ дня.

Канонада разгорѣлась по прежнему; особенно она сильна съ 4-го и 5-го бастіоновъ: они мѣшаютъ Французамъ работать въ образованныхъ непріятелемъ третьяго дня воронкахъ. Непріятель опять открылъ огонь по всей линіи: это девятый кровавый день бомбардировки. Мы въ утѣшеніе себя говоримъ, что подобное событіе безпримѣрно въ военной исторіи: городъ бомбардируютъ столько дней сряду самымъ настойчивымъ и жестокимъ образомъ, а онъ какъ бы смѣется надъ усиліями врага! Видимо Господь помогаетъ намъ! Потери у насъ есть и большія, разумѣется, но союзники доселѣ не имѣютъ никакого надъ нами перевѣса.

6 апрѣля.

Итакъ, по милости Господней, бомбардировка начала ослабѣвать *), хотя канонада менѣе сильная, чѣмъ въ прошлые дни, все еще продолжается. Ярость союзниковъ утихла передъ мужественною стойкостію геройскаго гарнизона Севастополя. Видя, что въ девятый день бомбардированія то же количество орудій дѣйствуетъ у насъ, что въ первый, союзники поняли, что нечего и думать о штурмѣ и что дальнѣйшее бомбардированіе будетъ безполезно. Вслѣдствіе сего непріятель сталъ замолкать до времени, вѣроятно, имѣя въ виду развитіе другаго какого плана.

Надо ли говорить, какую славу составилъ себѣ севастопольскій гарнизонъ въ одни эти девять дней? Послѣдній солдатъ на своемъ мѣстѣ былъ героемъ!

Мой долгъ подробно разсказать, что именно дѣлали полки нашей дивизіи въ эти незабвенные дни. Эти факты необходимы для будущаго исто-

---

*) Геренъ съ желчью отзывается объ этомъ бомбардированіи. Вотъ сущность его разсказа: 511 орудій, въ томъ числѣ множество бомбическихъ орудій и мортиръ были готовы открыть огонь по Севастополю и по его рейду. Хотя, конечно, въ это время союзники располагали бо́льшими средствами противъ тѣхъ, съ какими они начали бомбардировку 5 октября, но все-таки они и теперь не имѣли достаточныхъ средствъ достигнуть этимъ способомъ предположенной цѣли, а потому трудно понять, что ихъ заставило послѣ урока, полученнаго 5 октября, затѣять эту бомбардировку.

Но какъ бы то ни было, а 9 апрѣля (21 марта) въ пятомъ часу утра открыли огонь Французы, а въ седьмомъ послѣдовали ихъ примѣру Англичане. Севастополь началъ отвѣчать не прежде, какъ черезъ 20 минутъ. Русскіе на все были готовы; они не боялись возобновленія бомбардированія съ моря, зная, что союзники не рѣшатся вновь отдать свои корабли въ жертву случайности, возобновивъ состязаніе этихъ деревянныхъ крѣпостей съ гранитными твердынями береговыхъ укрѣпленій. Теперь флотъ былъ необходимъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, союзникамъ, откинутымъ на громадное пространство отъ отечества, и бывавшимъ въ необходимости нѣсколько разъ перемѣнять роль осаждающаго на роль осажденнаго. Крымъ не могъ быть завоеваніемъ столь прочнымъ, чтобы, совершивъ оное, можно было *сжечь свои корабли*. Довольно и то—изъ-за него пролито крови и потрачено золота. Наполеонъ I завоевалъ бы три или четыре государства съ половинною потерею, понесенною въ людяхъ и деньгахъ передъ Южною стороною Севастополя. Вобанъ, Тюренъ и Конде, при Людовикѣ XIV, не сдѣлали такихъ потерь, присоединивъ къ Франціи нѣсколько провинцій и множество крѣпостей.

Долго полагали, что апрѣльское бомбардированіе имѣло цѣлью сбить русскую артиллерію, разрушить внѣшнія укрѣпленія, облегчить инженерамъ веденіе новыхъ подступовъ и сдѣлать бреши, чрезъ которыя можно было бы штурмовать городъ или которое-либо изъ его укрѣпленій. Но письмо Канробера (10 апрѣля н. с. 1855) измѣнило это понятіе. По словамъ этого письма, апрѣльское бомбардированіе было произведено съ цѣлью вызвать осажденныхъ въ поле, заставить ихъ ударить на союзниковъ! „Со времени прибытія Омеръ-паши съ его отрядомъ,—пишетъ Канроберъ,—мы видѣли, что для насъ было бы весьма выгодно, чтобы Русскіе насъ атаковали въ нашихъ отличныхъ позиціяхъ. Мы давно уже предполагали, что Русскіе намѣрены перейти въ наступленіе, лишь только мы начнемъ бомбардированіе". Въ исторіи невозможно найти такого примѣра, чтобъ осаждающій жаждалъ нападенія со стороны осажденнаго! Подобное желаніе трудно понять и едвали можетъ быть оправдано военнымъ искусствомъ.

Но какъ бы то ни было, союзники не замедлили разочароваться въ надеждахъ, полагавшихся ими на эту бомбардировку. Съ одной стороны, батареи были устроены слишкомъ далеко отъ Севастопольскихъ укрѣпленій, чтобы ихъ орудія могли произвесть желаемое разрушеніе; съ другой стороны, оказалось необходимымъ ослабить огонь, чтобы поберечь снаряды. Къ вечеру перваго же дня огонь былъ ослабленъ; ночью дѣйствовали мортирами, но Русскіе въ теченіе ночи исправили всѣ поврежденія, понесенныя днемъ, и перемѣнили подбитыя орудія, такъ что поутру другаго дня могли открыть огонь сильнѣе перваго дня, тогда какъ союзники вынуждены были ослабить огонь своихъ батарей (Idem, стр.144—147).

рика подвиговъ нашей дивизіи,—все еще думаю, что она кровью купила право имѣть историка своихъ подвиговъ!

Селенгинскій полкъ, какъ мы видѣли выше, перешелъ на южную сторону Севастополя въ ночь на 30 марта, стоялъ у Николаевскихъ казармъ въ резервѣ до 2 апрѣля, а того числа, по распоряженію начальника гарнизона, перешелъ на Корабельную, гдѣ во все время бомбардировки находился въ прикрытіи у Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ, въ очередь съ другими полками составляя гарнизонъ оныхъ редутовъ, а по ночамъ производя исправленія причиненныхъ непріятелемъ поврежденій.

Во время бомбардировки этотъ полкъ потерялъ убитыми 19, ранеными 118 нижнихъ чиновъ.

Якутскій полкъ воротился съ отдыха на южную сторону Севастополя 30 марта, несъ ту же службу что и Селенгинскій полкъ; при чемъ во время бомбардировки потерялъ убитыми одного оберъ-офицера и 42 нижнихъ чиновъ, ранеными одного штабъ-офицера, двухъ оберъ-офицеровъ, въ томъ числѣ одного смертельно, и 321 нижнихъ чиновъ.

Охотскій полкъ все это время располагался: днемъ въ зданіи бывшаго морскаго госпиталя, ночью участвовалъ въ возведеніи полуразрушаемыхъ дневною бомбардировкою батарей, содержалъ передовую цѣпь и охранялъ ложементы передъ 3-мъ отдѣленіемъ оборонительной линіи. По счастію, потеря Охотскаго полка въ дни бомбардировки состояла въ нѣсколькихъ только человѣкахъ убитыми и ранеными.

Камчатскій полкъ во время бомбардировки составлялъ гарнизонъ Корнилова бастіона, по ночамъ исправляя сдѣланныя въ немъ днемъ поврежденія непріятельскими выстрѣлами и въ то же время занимая цѣпь впереди Камчатскаго люнета.

Въ этой тяжкой службѣ Камчатскій полкъ потерялъ убитыми одного оберъ-офицера, 16 нижнихъ чиновъ, ранеными и контуженными 68 человѣкъ *).

Сегодня ночью ходили на вылазку три роты Тобольскаго полка съ четвертаго бастіона противъ непріятельскихъ воронокъ. Говорятъ, вылазка была безуспѣшна.

7 апрѣля.

Интересно знать, какая у союзниковъ была цѣль затѣять нынѣ замолкающую бомбардировку **). Неужели они только и бомбардировали городъ,

---

*) Вообще гарнизонъ въ это бомбардированіе потерялъ 4.229 человѣкъ выбывшими изъ строя и выпустилъ 60.799 снарядовъ. Непріятель потерялъ 1.196 чел. выбывшими изъ строя и выпустилъ 131.240 снарядовъ.

Отвѣчая однимъ выстрѣломъ на два непріятельскихъ, по недостатку пороха, мы не могли нанести непріятелю такой же потери, какую онъ нанесъ намъ.

**) Взять Севастополь, конечно, союзникамъ было необходимо, но союзные главнокомандующіе не рѣшались штурмовать его и открыли бомбардировку 28 марта съ тѣмъ, чтобы согласно составленному ими плану, послѣ непрерывной суточной канонады собрать военный совѣтъ для опредѣленія: можно ли штурмовать городъ? „Совѣтъ этотъ,—говоритъ Дубровинъ (Idem, стр. 414),—не собирался до 31 марта, такъ какъ, по сознанію самихъ

чтобы отвлечь вниманіе гарнизона отъ ихъ минныхъ работъ, которыя и имѣли результатомъ взрывы у 4-го бастіона, но результатъ этого собственно взрыва былъ далеко не блестящій, заключавшійся въ томъ, что до сотни Екатеринбургцевъ поранено камнями взорванныхъ частей укрѣпленія. Правда, нѣкоторыя укрѣпленія наши очень пострадали, напр. Селенгинскій и Волынскій редуты представляютъ собою въ настоящее время груду развалинъ, но наши поправляютъ ихъ съ чрезвычайною дѣятельностью.

Никонову батарею во время бомбардировки разбивали нѣсколько разъ; на ней въ разное время подбили болѣе 18 орудій, но она послѣ каждаго такого погрома на другой день вступала въ бой съ такой энергіей, какъ будто она вовсе не пострадала. Вотъ и весь успѣхъ непріятеля, результатъ такихъ ожесточенныхъ съ его стороны усилій, которыми онъ ни на волосъ впередъ не подвинулъ рѣшенія севастопольскаго вопроса.

Князь Горчаковъ съ барономъ Сакеномъ въ первый день праздника обѣдали на террасѣ Морской публичной библіотеки. Сакенъ и его ординарцы большую часть свободнаго времени проводятъ на этомъ облюбленномъ ими мѣстѣ.

Всякій почти день кого-нибудь у насъ хоронятъ. Заунывные, торжественные звуки погребальнаго марша, столь часто здѣсь раздающіеся, смущаютъ духъ. Тяжело становится слушать эту музыку, тѣмъ болѣе что она все чаще начинаетъ раздаваться, такъ какъ смертность въ послѣднее время въ Севастопольскомъ гарнизонѣ развивается очень быстро благодаря тому, что самыя незначительныя раны стали получать смертельный исходъ.

Къ намъ идутъ подкрѣпленія. Мы можемъ, такимъ образомъ, въ самое непродолжительное время получить способность къ наступленію. Всѣ убѣждены, что союзники не возьмутъ Севастополя,— что мы отстоимъ его, если они пойдутъ на штурмъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ никто не надѣется заставить союзниковъ уйти изъ Крыма. Многіе думаютъ, что вся настоящая борьба кончится заключеніемъ мира и ждутъ его нетерпѣливо; каждое сколько-нибудь усиленное движеніе судовъ у союзниковъ вызываетъ предположеніе, что они собираются уходить. Солдаты говорятъ: „Онъ бы давно ушелъ, да

непріятелей, русскіе батареи не только не были сбиты, но дѣйствовали сильнѣе, чѣмъ наканунѣ. Эта неожиданность заставила союзниковъ отложить рѣшеніе вопроса о штурмѣ на три дня, потомъ еще на три дня и во все это время продолжать самое усиленное бомбардированіе. Такъ прошло десять дней, послѣ которыхъ канонада была ослаблена и союзники должны были сознать, что не достигли своей цѣли,—не ослабили артиллерійскаго огня обороняющагося“.

Руссе (Rousset) (Histoire de la guerre de Crimée. Paris. 1877) говоритъ, что послѣ этого бомбардированія *всѣ* ждали штурма, но онъ опять не состоялся. Русскіе были поражены неожиданностью и обрадованы,— Англичане не довольны,— Французы крайне удивлены (ч. II, стр. 145).

и помириться готовъ, но Царь-то нашъ говоритъ: не пущу отсель, пока не сроешь всего, что понастроилъ здѣсь, да не заровняешь мнѣ землю, которую изрылъ!"

Сирень распускается, на деревьяхъ уже большіе листья.—Со всякимъ днемъ Севастополь, несмотря на свои развалины, принимаетъ все болѣе картинный видъ: каждое деревцо, уцѣлѣвшее на улицѣ, какъ будто заставляетъ улыбаться ближайшую окрестность, убирая ее зеленью.

Киленъ-балку перекопали траншеей и заложили тамъ батарейку на случай, еслибъ непріятель вздумалъ во время штурма пробираться этимъ путемъ.

8 апрѣля.

Говорятъ, вчера Турки съ небольшею частью Англичанъ и Французовъ сдѣлали рекогносцировку на лѣвомъ флангѣ нашей арміи къ Чоргуну. Серіознаго ничего не произошло; но какая цѣль этого движенія: демонстрація или просто прогулка застоявшихся въ бездѣйствіи турецкихъ войскъ? *).

Третьяго дня бомба упала на пороховой погребъ Малахова кургана, разрывомъ разметала его насыпь, но, по счастью, не разбила накатника. Будь ударъ нанесенный этою бомбою немножко сильнѣе, она проникла бы глубже и нѣсколько тысячъ пудовъ пороха, хранившагося въ погребѣ, могли произвести взрывъ, который не только снесъ бы значительную часть кургана, но и окрестныхъ сооруженій, похоронивъ подъ своими развалинами множество защитниковъ Севастополя съ генераломъ Хрулевымъ во главѣ, ихъ доблестнымъ вождемъ, живущимъ на курганѣ,—съ тѣмъ вмѣстѣ открывъ союзникамъ широкій путь въ Севастополь!...

Да, ужасно жить на вулканѣ, въ ежеминутномъ ожиданіи изверженія и гибели!...

9 апрѣля.

Вчера ночью произошли ничтожныя стычки передъ 3-мъ, 5-мъ и 6-мъ бастіонами: не дождавшись смѣны, караулы изъ ложементовъ въ сумерки отодвинулись назадъ; Англичане тотчасъ этимъ воспользовались и захватили ложементы, но лишь только объ этомъ случаѣ было доложено генералу Хрулеву, онъ тотчасъ послалъ охотниковъ и отбилъ ложементы.

Сегодня было серіозное дѣло передъ 3-мъ бастіономъ опять-таки по случаю занятія Англичанами нашихъ ложементовъ. Особенно отличилась 2-я карабинерная рота Охотскаго полка, которая подъ командою храбраго поручика Крылова штыками выбила непріятеля изъ ложементовъ, надъ обращеніемъ которыхъ противъ насъ онъ уже усиленно трудился **).

---

*) Рекогносцировка происходила подъ начальствомъ Омеръ паши и состояла изъ 14 баталіоновъ отборнѣйшихъ турецкихъ войскъ, бригады французской и бригады англійской кавалеріи, части французской артиллеріи и ракетныхъ станковъ. Рекогносцировка кончилась тѣмъ, что бросили нѣсколько ракетъ (Historique du service de l' Artillerie, стр. 260—261).

**) Со стороны непріятеля дѣйствовала часть 77 полка Англичанъ подъ командою

Частыя нападенія непріятеля на наши ложементы и нерѣдко завладѣніе ими, вызывающее насъ на усиленныя, всегда сопряженныя съ немалою потерею людей, атаки для возвращенія этихъ сооруженій, доказываетъ ихъ безполезность, не смотря на особое къ нимъ пристрастіе инженеровъ. Толи дѣло, еслибы вмѣсто линіи ложементовъ устраивали траншею. Правда, что на ея сооруженіе потребовалось бы больше труда, за то она представляла бы собою во всякое время оплотъ болѣе надежный. Въ траншеѣ всегда удобнѣе и возможнѣе подкрѣпить атакованную часть; солдату въ ней безопаснѣе, свободнѣе, удобнѣе, веселѣе; въ траншеѣ онъ смѣлѣе,—онъ тамъ какъ дома.

10 апрѣля.

Здѣшніе солдаты видимо со всякимъ днемъ дѣлаются тверже духомъ. Нынѣ ни одинъ старый солдатъ не поклонится пулѣ или снаряду, многіе даже перестали обращать вниманіе, какъ бывало прежде, на предостерегательные возгласы сигнальщиковъ. Всѣ твердятъ одно: „Э, вѣдь все равно, никуда не спрячешься!“ Удивительное равнодушіе къ смерти! Чувство это доходитъ до насмѣшки, до дерзости.

На дняхъ одному солдату Селенгинскато полка, царство ему небесное!— забылъ фамилію, оторвало ногу гораздо выше колѣна и растерзало животъ; несчастному оставалось нѣсколько мгновеній жизни, а между тѣмъ онъ проситъ товарищей: „Ребятушки, трубочку мою съ ногою унесло—дай-те затянуться передъ смертію!“

Архиповъ подалъ ему трубку. Потянулъ страдалецъ и говоритъ: „Э, Архиповъ, гдѣ ты разжился такимъ табачкомъ?“

— Въ губерни куповалъ.—

„Славный табачокъ. Давно не курилъ такого. Ну теперь прощайте, братцы, продолжалъ онъ, не поминайте лихомъ!“—Перекрестился и началъ отходить...

У солдата отъ дневной порціи осталась водка; онъ принесъ ее въ пузырькѣ, разсчитывая выпить за ужиномъ; шли, видите, на Камчатскій— все-таки веселѣе будетъ въ цѣпи, да и на животѣ какъ-то лучше станетъ, когда на ночь за ужиномъ чарку пропустишь. Наконецъ разсчетливый солдатъ, изъ Хохловъ (про Малороссіянъ, надо замѣтить, наиболѣе по гарнизону ходитъ анекдотовъ), расположился осуществить свою мечту: досталъ сухари, головку луку, соль въ бумажкѣ, вытащилъ изъ кармана пузырекъ, поднесъ его ко рту, оставалось выпить... Но судьбѣ не угодно было допустить совершиться этому *акту*... Откуда ни возьмись, штуцерная пуля!— только зазвенѣли черепки завѣтнаго пузырька!... Покачалъ головою опечаленный солдатъ и, швырнувъ въ сторону горлышко пузырька, крикнулъ съ ожесточеніемъ: *„Трясца твоему батькови, ото по усамъ текло—въ ротъ не попало!“*

подполковника Егертона, убитаго въ этомъ дѣлѣ пулею въ ротъ, въ моментъ, когда онъ выносилъ изъ боя трупъ своего товарища, капитана Лампріера. Геренъ (Idem, стр. 160).

Раны, смерть, увѣчье товарища перестали производить впечатлѣніе на оставшихся невредимыми.

Какъ-то на дняхъ я шелъ на бастіонъ; вижу, идетъ мнѣ навстрѣчу поддержанный другимъ солдатомъ Камчатецъ: все лицо у него изорвано и истерзано камнями, — глаза уцѣлѣли и какъ-то страшно блещутъ. Впереди меня несъ снаряды однополчанинъ встрѣченныхъ солдатъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не замѣтить, когда поровнялся съ несчастнымъ: „Экъ тебя, Максимовъ, исписало-то!“ И только! вотъ и все участіе, все сожалѣніе, родившееся въ душѣ при видѣ израненнаго товарища! Здѣшняя жизнь со всѣми ея ужасными подробностями сдѣлалась для насъ *обыкновенною* жизнію.

11 апрѣля.

Сегодня какъ бы замерли послѣднія усилія бомбардировки, значительно ослабѣвшей, почти прекратившейся съ 6 апрѣля, но все еще иногда поднимавшей голосъ, какъ бы съ просонья *).

Во всемъ гарнизонѣ разсказываютъ случай, бывшій здѣсь съ нашимъ извѣстнымъ хирургомъ, Пироговымъ. На батареяхъ правой половины Севастополя есть много мужичковъ, служащихъ въ качествѣ волонтеровъ и работающихъ при орудіяхъ; они несутъ съ солдатами равно тяжкую службу. На дняхъ одному такому мужичку оторвало ядромъ ногу; повезли его на перевязочный пунктъ, а онъ кричитъ благимъ матомъ, да такъ, что и не слыхивали такого крика отъ раненыхъ солдатъ; принесли мужичка въ госпиталь, положили на ампутаціонный столъ, а онъ продолжаетъ кричать во все горло. Фельдшера было пытались уговорить его поуспокоиться, куда тебѣ, оретъ да и только. Хладнокровно подошелъ къ раненому Пироговъ, шутя, поднялъ ножъ и крикнулъ:... „Молчи—не то зарѣжу!“ Крестьянинъ мгновенно замолчалъ. Начали дѣлать операцію, мужичекъ стиснулъ зубы и, что называется, — ни пикнулъ. Въ нѣсколько минутъ ампутація была сдѣлана геніальнымъ хирургомъ; раненаго перевязали и осторожно положили

---

*) До (11)—23 апрѣля огонь сохранялъ еще нѣкоторую часть той силы, съ которою начата была бомбардировка, но тутъ начальники артиллеріи и инженеровъ союзныхъ войскъ собрались на совѣтъ и рѣшили, что хотя штурмъ возможенъ, если будетъ предшествуемъ двухдневнымъ усиленнымъ бомбардированіемъ, причемъ можно образовать брешь и, судя по послѣдней бомбардировкѣ, можно заставить молчать огнемъ надлежащей силы, въ теченіе 48 часовъ, значительную часть русской артиллеріи, но, принимая въ соображеніе потерю, понесенную въ боевыхъ снарядахъ, бомбардировка не раньше должна быть открыта, какъ если штурмъ будетъ рѣшенъ и назначенъ окончательно. Въ противномъ случаѣ, рѣшили означенные генералы. союзники могутъ дойти до того, что въ одно прекрасное утро они увидятъ свои батареи безмолвствующими, по неимѣнію снарядовъ. Главнокомандующіе, разсмотрѣвъ это заключеніе и взвѣсивъ его основанія, рѣшили, что часъ штурма еще не насталъ, и потому (11)—23 апрѣля дали приказъ совершенно ослабить канонаду. (Historique du service de l' Artillerie, стр. 242—243).

Въ продолженіе этой четырнадцати-дневной бомбардировки брошено въ Севастополь 200.000 различныхъ артиллерійскихъ снарядовъ. Каменная одежда нѣкоторыхъ передовыхъ верковъ сильно пострадала, но земляныя укрѣпленія, совершенно неожиданно для союзныхъ главнокомандующихъ уцѣлѣли (Guerin. Idem, стр. 163).

на постель—онъ все молчалъ. Пироговъ погладилъ страдальца по головѣ и сказалъ ему... „Ну, братъ, молодецъ ты! Немного такихъ людей на свѣтѣ!“

— Ваше превосходительство, отвѣчалъ крестьянинъ, позвольте милости просить!

„Говори“.

— Позвольте крикнуть!—

„Изволь, изволь голубчикъ, теперь кричи сколько хочешь, на здоровье“.

Мужичокъ нѣсколько мгновеній будто сбирался съ силами, да наконецъ какъ рявкнетъ, такъ что невольно всѣ вздрогнули. „Ваше превосходительство!“... и произнесъ тутъ такое крѣпкое русское словцо, которое не употребляется въ печати. Разумѣется, всѣ присутствующіе захохотали отъ чистаго сердца, а больше всѣхъ, конечно, смѣялся Пироговъ, удивляясь, какія бываютъ фантазіи у русскаго человѣка!...

12 апрѣля.

Хрулевъ всякій день обѣдаетъ вмѣстѣ съ нами у Павлова. Сегодня былъ еще гость — Батьяновъ, флотскій переводчикъ, человѣкъ уже не молодой. Много говорили о князѣ Меньшиковѣ, о первыхъ моментахъ осады Севастополя. Между прочимъ Батьяновъ разсказывалъ, что послѣ своего извѣстнаго отступленія изъ Севастополя князь Меньшиковъ говорилъ начальнику Севастопольскаго гарнизона генералу Моллеру, многимъ другимъ и ему Батьянову: „Я вѣдь деньги взялъ за сдачу Севастополя, да не всѣ еще получилъ съ Англичанъ!“

Разумѣется, этими словами онъ смѣялся надъ тѣми, которые болтали, что онъ *измѣнилъ*, а потому не укрѣпилъ Севастополя во́ время и отступилъ отъ него со всѣмъ почти войскомъ, оставивъ его на произволъ судьбы, въ жертву непріятелю.

Когда слова Меньшикова были переданы Корнилову, онъ сказалъ: „Что же, пусть его всѣ деньги получаетъ, а я все-таки не сдамъ Севастополя!“

На это Хрулевъ замѣтилъ: — Меньшиковъ ничего не выигрываетъ въ этомъ разсказѣ: тотъ, кого молва народная называетъ измѣнникомъ, или дѣйствительно измѣнилъ, или такъ глупъ, что его дѣйствія похожи на измѣну!

Я напомнилъ о Барклаѣ, которому историки не отказывали въ обширномъ умѣ, но котораго народъ и войско считали измѣнникомъ.

Хрулевъ отвѣчалъ, что Барклай по своей винѣ заслужилъ такой эпитетъ,—онъ не умѣлъ дѣйствовать въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находился въ 12 году. Народу, который силою обстоятельствъ по необходимости оставлялся въ жертву врагу, надо было сказать и умѣть сказать: жгите все,—бейте, кого можете, и уходите, за всѣ потери вы будете вознаграждены въ свое время, не сегодня - завтра мы побьемъ врага и копѣйки вашей не пропадетъ! Войскамъ надо было повторять слова Суворова: „Заманивайте, завлечемъ ихъ вдаль и всѣхъ погубимъ!“ А Барклай молчалъ! Притомъ же онъ вовсе не умѣлъ заслужить расположенія, довѣрен-

ности, любви войскъ. Онъ жалѣлъ наградъ, жалѣлъ слова благодарности. Паскевичъ тоже не любилъ Барклая,—продолжалъ Хрулевъ.—Однажды при мнѣ за обѣдомъ Паскевичъ разсказывалъ: „Я былъ тогда молодъ. Послѣ битвы подъ Смоленскомъ, гдѣ я командовалъ дивизіею, Багратіонъ цѣлуетъ, обнимаетъ, благодаритъ меня за это дѣло. На эту сцену пріѣзжаетъ Барклай.

„Какъ ваша фамилія?“—спрашиваетъ.

— Генералъ Паскевичъ.

„Вы защищали Смоленскъ?“

— Я, ваше высокопревосходительство.

Онъ повернулъ лошадь и уѣхалъ, а я заплакалъ какъ ребенокъ....

13 апрѣля.

Сегодня за обѣдомъ зашла рѣчь о стяжаніи. У Павлова это любимая тема разговора. Самая атмосфера его комнатъ какъ бы располагаетъ говорить о деньгахъ: очень онъ ихъ любитъ.

О Политковскомъ стали толковать. Говорятъ, онъ жилъ какъ сатрапъ,—не зналъ счету деньгамъ,—проживалъ ихъ сколько проживалось и былъ до того смѣлъ и рѣшителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что, имѣя огромныя связи, дѣлалъ что хотѣлъ и даже назначалъ въ члены Комитета о раненыхъ—кого хотѣлъ. Такимъ образомъ онъ понасажалъ въ Комитетъ стариковъ да людей недалекихъ, ничего не понимавшихъ въ дѣлѣ и оставлявшихъ ему полную свободу дѣйствій. Чтобы обезпечить свое положеніе и устранить всякую подозрительность, онъ однажды написалъ на себя доносъ Военному министру, указывая на роскошную свою жизнь, которая объясняется не чѣмъ другимъ, какъ расходованіемъ казенныхъ денегъ, изъ которыхъ уже будто бы растрачена имъ значительная сумма, заключавшаяся въ такихъ-то билетахъ. Чернышевъ, получивъ этотъ доносъ, самъ бросился свидѣтельствовать суммы комитета, причемъ указанные билеты, разумѣется, оказались на-лицо, и Чернышевъ, чтобы изгладить непріятное впечатлѣніе, какое произвела внезапная ревизія комитетскихъ суммъ, чѣмъ выразилось недовѣріе къ правителю дѣлъ—Политковскому, поспѣшилъ исходатайствовать ему какую-то крупную награду.

Послѣ смерти Политковскаго въ его бумагахъ нашлась черновая этого доноса на самого себя.

Извѣстно, что къ періодически производившейся членами Комитета ревизіи его суммъ, предъявлялись билеты, составлявшіе эти суммы, — билеты пересчитывались, всѣ оказывались на-лицо, но никто никогда не догадался посмотрѣть на бывшія на оборотѣ билетовъ помѣтки о суммахъ уже полученныхъ по этимъ билетамъ. Однажды только старый чудакъ, генералъ Арбузовъ, пересчитывая билеты, бывшіе вдѣланными въ папки, замѣтилъ:

„Эхъ, ваше пр—ство, зачѣмъ это вы ихъ переплели?“

— Чтобы не изорвались и не истрепались, ваше высокопревосходительство.

„Такъ-то оно такъ, но не къ вамъ будь отнесено, ваше пре—ство,

у насъ въ полку казначей былъ, тотъ тоже вдѣлалъ билеты полковыхъ суммъ въ особыя обложки, а какъ сняли обложки однова, да стали считать хорошенько и оказалось, что на оборотѣ этихъ билетовъ были помѣты въ выдачѣ капиталовъ по нимъ. Я такъ только это говорю, не на вашъ счетъ разумѣется".

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство,—подхватилъ не потерявшійся Политковскій,—это сейчасъ можно уничтожить, чтобы не могло быть сомнѣній, — и началъ срывать обертки и привелъ билеты въ первобытный видъ, а оборотъ то все-таки никто не догадался или не рѣшился прикинуть на счетахъ!—Но, на всякій случай, Арбузова тотчасъ спустили изъ Комитета,—его назначили командиромъ Гренадерскаго корпуса. Предсѣдателемъ Комитета былъ генералъ Ушаковъ, онъ еще недальновиднѣе былъ другихъ. Когда во всемъ уже городѣ заговорили о несомнѣнно допускаемыхъ Политковскимъ злоупотребленіяхъ казенными деньгами и слухи эти дошли даже до Государя, кто-то рѣшился громко объ этомъ заявить Ушакову за обѣдомъ въ Англійскомъ клубѣ.

„Да что вы, господа, — возразилъ Ушаковъ, — дураками вы насъ считаете, что ли? Вѣдь мы каждый мѣсяцъ повѣряемъ суммы; вѣдь тутъ мошенничества даже и быть не можетъ!"

Ну, всѣ и стали толковать: какъ же это, вправду, самъ Ушаковъ говоритъ, что это вздоръ и сплетни,—какъ же ему не знать? Быть этого не можетъ!

Однажды Государь спрашиваетъ Ушакова: „Слышалъ ты? вотъ что говорятъ про Политковскаго".

— Помилуйте, Ваше Величество, да я за этого человѣка честью моей какъ за самого себя ручаюсь.

„Ну, когда такъ, дѣло другое!"—говоритъ Государь.

Ровнехонько черезъ три дня послѣ этого разговора Политковскій умираетъ скоропостижно отъ принятаго имъ яда и вся исторія растраты открывается.

Никто не рѣшается доложить Государю! „*Ты идзи, ты идзи,—одзинъ на другаго*!" какъ говоритъ одна Бѣлорусская поэма. Бросились къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ подъ крылышко, но и Она не согласилась: „Идите сами", говорятъ Ушакову. Нечего было дѣлать: является Ушаковъ къ Государю.

„Ну что?"

— Несчастіе, Государь.

„Знаю, старина, знаю: Политковскій умеръ. Что же дѣлать? — всѣ умремъ!"

— Это что, Ваше Величество, не въ этомъ дѣло: суммы растрачены!...

„Ахъ ты.... (такъ-то!...)"—воскликнулъ Государь.

Однако же наши дѣла на 4-мъ бастіонѣ вовсе не въ блестящемъ положеніи. Вчера ночью Французы взорвали передъ бастіономъ двѣ воронки

и положили у насъ около 40 человѣкъ. Передался къ намъ сегодня ночью одинъ Французъ, говоритъ, что на-дняхъ совсѣмъ будетъ готова у нихъ большая мина подъ 4 бастіонъ, которою они идутъ гораздо ниже нашихъ минныхъ колодцевъ, что она еще не заряжена, но порохъ уже припасенъ въ значительномъ количествѣ, они взорвутъ ее и пойдутъ на штурмъ.

О Господи! Еслибы нашему минеру посчастливилось открыть работы противника!

Третьяго дня Тобольцы ходили на вылазку для разрушенія работъ Французовъ, но вылазка была неудача: наши при первомъ залпѣ непріятеля бѣжали, ничего не сдѣлавъ, а между тѣмъ на словахъ уже успѣли прокричать о своихъ подвигахъ!...

Помянутый перемѣтчикъ разсказываетъ еще, что во время бомбардировки Французы днемъ выпускали изъ каждаго дѣйствовавшаго орудія по 120 снарядовъ, а теперь выбрасываютъ въ сутки по 10 снарядовъ изъ орудія.

Во время бомбардированія у Французовъ самую сильную потерю понесла артиллерійская прислуга.

15 апрѣля.

Какое горе, право, что у насъ въ Севастополѣ, несмотря на наше страшное положеніе, между начальствующими лицами разныя интриги и неудовольствія.

Хрулевъ, безъ всякаго сомнѣнія, чрезвычайно полезный службѣ генералъ, особенно при настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Отважный, дѣятельный, толковый, рѣшительный, умѣющій заставить любить себя подчиненныхъ и солдатъ. Словомъ, въ немъ всѣ необходимыя качества для боеваго, севастопольскаго генерала. Положимъ, и у него есть свои слабости, но у кого ихъ нѣтъ... Положимъ, что онъ не можетъ имѣть претензію на званіе полководца отчасти по недостаточности военнаго образованія, но въ большихъ военныхъ способностяхъ ему отказать нельзя и стоитъ только придать ему въ начальники штаба способнаго и свѣдущаго офицера генеральнаго штаба, который, разумѣется, сумѣлъ бы заслужить его довѣріе, и тогда лучшаго генерала для Севастополя въ настоящемъ его положеніи и желать не надо бы.

Сакенъ не любитъ Хрулева и своею нелюбовью парализируетъ его полезную дѣятельность. Встрѣчая на каждомъ шагу щелчки и придирки, Хрулевъ начинаетъ ожесточаться и съ меньшимъ одушевленіемъ и не съ прежнею пылкостью относится къ дѣлу защиты. И въ самомъ дѣлѣ: какъ же не ожесточаться? Теперь, когда, по-настоящему, надо радоваться, если кто лѣзетъ изъ кожи вонъ, беретъ на себя больше труда и заботъ, чѣмъ ему даютъ оффиціальнымъ путемъ,—если онъ не ждетъ приказаній и указаній: что и какъ дѣлать, а измышляетъ самъ способъ дѣйствій и блистательно осуществляетъ свои идеи, наше начальство недовольно на подобныхъ дѣя-

телей за нарушеніе разныхъ формальностей и самыхъ пустыхъ обрядовъ, исполненіемъ которыхъ не спасешь Севастополя.

Хрулеву запретили писать оффиціальныя письма къ Нахимову, съ которымъ онъ обыкновенно сносился и совѣтовался относительно способа осуществленія того или другаго предпріятія; не позволяютъ ѣздить съ своими докладами прямо къ князю Горчакову, чтобы онъ не имѣлъ возможности испросить утвержденія какого-либо предположенія помимо Сакена; приказано: куда бы онъ ни вздумалъ поѣхать отъ своего поста, непремѣнно являться къ Сакену, и тому подобное, и тому подобное. — Помни, дескать, что я твой начальникъ!—Ну, разумѣется, Хрулевъ бѣсится. Его желудокъ не можетъ переварить подобнаго образа дѣйствій.

Главная причина этихъ неудовольствій, между Сакенымъ и Хрулевымъ, какъ убѣжденъ этотъ послѣдній и какъ говорятъ другіе, не кто иной какъ Баумгартенъ: онъ уменъ, хитеръ и вкрадчивъ; онъ вертитъ у насъ и Сакенымъ, и Васильчиковымъ, и самимъ Тотлебеномъ. Хрулевъ это знаетъ и ругаетъ Баумгартена на всѣхъ перекресткахъ, во всеуслышаніе. Вотъ его собственныя слова: „Нѣмецъ, расширеніемъ жилъ вдругъ началъ страдать; отчего онъ прежде не зналъ этой болѣзни? Теперь и въ дѣло-то никуда не идетъ, похаживаетъ себѣ съ палочкой изъ кабинета въ кабинетъ, да сказочки разсказываетъ. Такъ служить недурно!“ Разумѣется, всѣ эти порицанія доходятъ до Баумгартена, да еще, пожалуй, съ прикрасами, вражда и разгарается все больше и больше: нѣмецкая партія принимаетъ сторону Баумгартена, а въ этой партіи не мало людей ловкихъ, ученыхъ, гораздо смышленѣе Русскихъ, да притомъ не на столько страстно любящихъ Россію, чтобы для ней забыть о своихъ личныхъ оскорбленіяхъ, пожертвовать ей личными интересами и стремиться только къ одному: общими силами выиграть дѣло — одолѣть врага. Въ результатѣ — Хрулеву не даютъ ходу, стараются оттѣснить на второй планъ и дѣло защиты тормазится, а не идетъ надлежащимъ ходомъ. Вчера еще, у насъ, по этому предмету была оживленная бесѣда. Правду говорилъ при этомъ Павловъ, въ душѣ самъ не любящій Хрулева, но оскорбляемый гоненіями на него, можетъ и потому, что видитъ и противъ себя гоненіе со стороны тѣхъ же лицъ: „Повѣрьте, еслибы здѣсь, на Корабельной, завязались прежнія серіозныя дѣла, такъ они бы васъ тотчасъ принялись ласкать и всѣми силами старались бы удержать васъ на этомъ посту, а теперь, когда здѣсь попріутихло, они хотя сейчасъ готовы пристроить кого изъ своихъ на ваше мѣсто, — вѣдь оно, все-таки, мѣсто видное!“

Въ гостяхъ у Павлова, этотъ вечеръ, былъ вышеупомянутый старикъ Батьяновъ, давнишній его знакомый. Батьяновъ вращается во всѣхъ высшихъ сферахъ графской стороны — онъ подтверждаетъ, что Баумгартена вездѣ стали поругивать. Говорятъ, что онъ не больше какъ мастеръ прикрываться лисьимъ хвостомъ. Разсказываютъ, что ему велѣно было принять въ командованіе 2-е отдѣленіе — пунктъ очень опасный, такъ онъ нашелъ

какіе-то благовидные предлоги отказаться. Липранди—тоже хитрая лисица, а тоже крѣпко золъ на Баумгартена. Хрулевъ, въ подтвержденіе словъ Батьянова, привелъ цѣлый разсказъ. Онъ говорилъ: рѣшительно всѣ наши неудачи послѣдняго времени, на правой половинѣ оборонительной линіи,— по милости Баумгартена. Зимою не кто иной, какъ онъ, убѣдилъ всѣхъ, что кто первый атакуетъ, т. - е. союзники или мы, тотъ и погибнетъ. Въ этомъ онъ увѣрилъ Сакена; увѣривъ его, они, вдвоемъ, увѣрили князя Меньшикова; всѣ вмѣстѣ увѣрили въ непреложности этой истины ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ, которые такъ и доложили ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и убѣдили Его, что намъ атаковать не слѣдуетъ. Настаивалъ же Баумгартенъ на этой мысли, боясь, что, въ случаѣ рѣшительной атаки на союзниковъ, пошлютъ его какъ человѣка такъ блистательнаго прославившагося геройскими подвигами на Дунаѣ. Между тѣмъ, каждому изъ насъ извѣстно, что зимою мы имѣли всѣ шансы атаковать союзниковъ, и еслибы только рѣшились ударить на нихъ всѣми силами, побѣда наша была бы несомнѣнна. Въ этомъ даже сами союзники сознаются. Но, чтобы отстранить отъ себя неотразимую необходимость идти въ бой, Баумгартенъ составилъ планъ наступленія съ Чоргуна, куда, за отдаленностью, не могла быть переведена его часть, желаніе не отрываться отъ которой всегда ему могло служить благовиднымъ предлогомъ отклонить отъ себя личное участіе въ Чоргунскомъ наступленіи.

Баумгартенъ умѣлъ мастерски расписать свой планъ Меньшикову, но тотъ, все-таки, послалъ его посовѣтоваться съ Липранди, предварительно передавъ ему свой планъ во всей подробности.

Липранди внимательно выслушалъ Баумгартена, но мнѣнія своего не высказалъ, а объявилъ, что увидится съ Княземъ.

Возвращается Баумгартенъ. „Ну, что?“ — спрашиваетъ Князь.— Липранди, повидимому, доволенъ,— отвѣчаетъ Баумгартенъ. Явился Липранди. Пригласили и Баумгартена. Липранди началъ разбивать планъ Баумгартена и свои доказательства заключилъ заявленіемъ, что этого плана рѣшительно невозможно привесть въ исполненіе, но что если генералъ Баумгартенъ берется самъ осуществить его, то надлежитъ выполненіе этого плана поручить не кому другому, какъ самому генералу Баумгартену.— „Я же, съ своей стороны,— прибавилъ Липранди,— съ удовольствіемъ пойду къ нему подъ команду, совершенно забывая и свои права и свое старшинство“.

— Помилуйте, ваше превосходительство, — возразилъ Баумгартенъ, смѣю ли я взять на себя такую честь!

„Да что тутъ за церемоніи,—продолжалъ Липранди:—тутъ такое дѣло, что нечего на мелочи обращать вниманіе. Я свое предложеніе дѣлаю положа руку на сердце, съ величайшею готовностью, безъ малѣйшаго неудовольствія“.

Но Баумгертенъ началъ рѣшительно доказывать невозможность такого замѣна и проч. Тогда Липранди погрозилъ ему пальцемъ, сказавъ:—Такъ вы не обманывайте начальство!“

Меньшиковъ самъ былъ не радъ, что стравилъ этихъ господъ, такой характеръ началъ принимать этотъ споръ, который онъ поспѣшилъ прекратить, объявивъ, что онъ оставляетъ мысль объ наступленіи отъ Чоргуна.

16 апрѣля.

Передъ редутомъ Шварца, ночью на 12-е апрѣля, наши построили четыре большіе ложемента, съ тѣмъ чтобы соединить ихъ траншеей и, дѣйствуя изъ нихъ во флангъ и тылъ французскимъ работамъ у кладбища, остановить движеніе впередъ траншейныхъ работъ непріятеля.

Предположенныя работы окончены нашими молодцами къ сему числу, несмотря на всѣ усилія Французовъ остановить ихъ, несмотря на постоянный, усиленный огонь, направленный противъ этихъ работъ, и неоднократныя атаки холоднымъ оружіемъ. Особенно сильный бой выдержали наши въ ночь на 12-е апрѣля,—бой, продолжавшійся до 3-хъ часовъ утра *).

17 апрѣля.

Первый разъ сегодня празднуется день рожденія Александра Николаевича, какъ Императора Всероссійскаго, и при какихъ обстоятельствахъ празднуется здѣсь!!

Для парада назначено привезти къ соборному храму, что на Графской, взводъ Подольскаго полка, стоящаго на Сѣверной. Люди будутъ въ мундирахъ—это большая здѣсь рѣдкость. Въ парадъ назначена полковая музыка; приказано вмѣсто салюта, когда будетъ провозглашено многолѣтіе Государю, сдѣлать съ каждаго изъ укрѣпленій Севастополя по сто одному боевому выстрѣлу.

Былъ въ церкви у обѣдни и молебна. Множество было военныхъ; вся военная аристократія — всѣ штабы присутствовали. Горчакова впервые видѣлъ въ Севастополѣ,—онъ постарѣлъ очень, посѣдѣлъ, обросъ бакенбардами, которыхъ прежде не носилъ. Коцебу такой же маленькій, какъ и былъ—

---

*) Въ этомъ дѣлѣ, по словамъ Guerin, ранено у Французовъ 10 офицеровъ, одинъ убитъ и выбыло изъ строя до 200 солдатъ (Idem, стр. 161).

Дѣло это вызвано необходимостью воспрепятствовать Французамъ приблизить свои траншеи къ редуту Шварца. Причемъ, еслибы союзникамъ удалось исполнить свое намѣреніе, по убѣжденію Тотлебена, мы не могли бы устоять на 4-мъ бастіонѣ. Порученіе занять ложементами пространство между названнымъ редутомъ и французскими линіями, по словамъ генерала Хрущева (Исторія. Idem, стр. 84), главнокомандующій хотѣлъ возложить на генерала Баумгартена, но онъ отозвался, что, признавая всю необходимость занятія мѣстности между редутомъ Шварца и непріятельскими траншеями, онъ тѣмъ не менѣе не можетъ принять на себя этого порученія по незнанію мѣстности".

„Всѣ присутствующіе,—продолжаетъ генералъ Хрущевъ,—были удивлены отказомъ генерала принять на себя порученіе, и главнокомандующій не нашелся что отвѣчать"....

Порученіе это было возложено на генерала Хрущева и онъ блистательно его выполнилъ—построилъ въ теченіе ночи на указанной мѣстности четыре ложемента, и, занимая ихъ въ ночь на 12 апрѣля отрядомъ состоявшимъ изъ 2-хъ баталіоновъ Суздальскаго полка, трехъ Екатеринбургскаго и двухъ Алексопольскаго полковъ, причемъ послѣ упорнаго, неоднократно возобновлявшагося боя отразилъ всѣ атаки Французовъ, потерялъ выбывшими изъ строя болѣе 350 человѣкъ, въ томъ числѣ смертельно раненыхъ командовавшаго Екатеринбургскимъ полкомъ подполковника Богинскаго и сапернаго капитана Ахбауера.

не выросъ нисколько! Тотлебенъ уже въ генеральскихъ погонахъ. Князь Васильчиковъ, вмѣстѣ съ нимъ произведенный въ генералы—еще въ полковничьихъ. Меньковъ кажется еще больше потолстѣлъ, если только можно еще больше потолстѣть. Сакенъ, новый графъ, повидимому очень доволенъ своимъ новымъ титуломъ...

Стоя за молебномъ, мы думали, что какъ только съ нашей стороны, при провозглашеніи многолѣтія, начнется салютаціонная пальба не холостыми, а боевыми снарядами, то союзники откроютъ по насъ самый сильный огонь, однако со стороны непріятеля артиллерійскій огонь нисколько не участился, хотя, наша внезапная боевая салютаціонная пальба произвела у нихъ чрезвычайное разрушеніе.

Удивительно. Военное общество всегда и вездѣ одно и то же—беззаботное и веселое, въ какой бы опасной обстановкѣ оно ни находилось. Необширный храмъ биткомъ набитъ явившимися на парадъ; мы стояли на паперти и во время богослуженія наслушались разсказовъ нѣсколькихъ офицеровъ о князѣ Меньшиковѣ, особенно же о времени пребыванія его въ Крыму. Темою разсказовъ были преимущественно его каламбуры и различныя выходки. Вотъ нѣкоторые.

Съ званіемъ начальника главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества сопряжено гораздо больше власти и значенія, чѣмъ съ званіемъ морскаго министра. Предмѣстникомъ Меньшикова въ званіи Морскаго министра былъ адмиралъ Моллеръ, обвиненный въ большихъ злоупотребленіяхъ по финансовой части своего вѣдомства. Когда по смѣнѣ Моллера на его мѣсто назначили Меньшикова, то онъ, будто не желая наслѣдовать этого титула, съ которымъ было связано понятіе о неблаговидныхъ дѣйствіяхъ его носившаго, просилъ какъ одолженія, чтобы ему позволили именоваться хотя бы начальникомъ Главнаго Морскаго штаба Его Императорскаго Величества. Подумали, подумали: не въ титлѣ дѣло было—и разрѣшили, а дѣло-то было именно въ титлѣ, такъ какъ съ нимъ была сопряжена несравненно бо́льшая свобода дѣйствій и распоряженій — именемъ Государя.

Про вражду Меньшикова къ Клейнмихелю и про остроты и каламбуры на его счетъ множество разсказовъ, но слѣдующій я услышалъ сегодня впервые.

Меньшикову изъ Рима прислали высокохудожественной работы распятіе, рѣзное кажется. Слухъ объ этомъ пріобрѣтеніи распространился по городу и любители стали съѣзжаться къ Князю любоваться на это изящное произведеніе; пріѣхалъ посмотрѣть на него и Государь: „Покажи, — говорилъ онъ,—у тебя тамъ чудо какое-то привезено, сказываютъ!“

Меньшиковъ ведетъ Государя въ особую комнату, гдѣ въ нишѣ поставлено было распятіе, отдергиваетъ занавѣску и взору Государя представилось распятіе, по обѣимъ сторонамъ котораго были помѣщены большіе портреты: по правую сторону —Киселева, по лѣвую—Клейнмихеля.

— Это что значитъ?—съ недовольнымъ видомъ спросилъ Государь.

„Ваше Величество,—отвѣчалъ Меньшиковъ,—Спасатель былъ распятъ между двумя разбойниками, одинъ изъ нихъ, что на правой рукѣ, какъ извѣстно изъ Писанія, покаялся, а другой, что на лѣвой,—не покаялся".

Еще насмѣшки надъ Клейнмихелемъ. Когда онъ принялъ православіе, Меньшиковъ пустилъ по рукамъ каррикатуру, изображавшую Клейнмихеля выходящимъ изъ купели, а надъ нимъ витаетъ злой духъ въ образѣ чорта, распростершаго руки съ когтями; изъ устъ этого духа выходитъ лента съ надписью: „Сей есть сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ!"

Говоря о своей болѣзни, вынудившей его просить объ увольненіи отъ должности главнокомандующаго, Меньшиковъ подробно разсказывалъ, какія мѣры въ высокой заботливости о его здоровьѣ угодно было высшей власти принимать для его излѣченія, во время его нахожденія въ Крыму. Сначала ко мнѣ приложили *горчишникъ* (князь П. Д. Горчаковъ)—не помогаетъ,—всего меня облѣпили нѣмецкимъ пластыремъ (Даненбергъ) вышло еще хуже! Тогда Государь подкрѣпилъ меня Ероѳеичемъ (Димитрій Ероѳеевичъ Остенъ-Сакенъ) и то не помогло! Увидѣли, что неизлѣчимъ—и оставили въ покоѣ—отпустили"...

Уѣзжая изъ Крыма, въ Симферополѣ Меньшиковъ выглянулъ изъ окна кареты, подъѣхавъ къ отведенному ему дому, увидѣлъ жандармовъ у крыльца: „Ахъ, ради Бога, зачѣмъ этихъ ко мнѣ приставили, обратился онъ къ коменданту, я вѣдь, право, не бѣгу!"

Въ Симферополѣ представлялись Меньшикову всѣ городскія власти. Онъ со всѣми былъ очень любезенъ, между прочимъ сталъ просить у почтмейстера записочку къ станціоннымъ смотрителямъ по тракту, чтобы его не задержали и вездѣ давали лошадей. Почтмейстеръ, парень-то видно безхитростный, простой, сталъ ужъ было соглашаться сдѣлать просимое одолженіе: „Отчего же, извольте, Ваша Свѣтлость, съ моимъ удовольствіемъ",— бормоталъ онъ, да видитъ толкаютъ его другіе, за фалды дергаютъ: что ты, молъ, съ ума что ли спятилъ? что ему твоя записка значитъ! спохватился, какъ-то обошлось и безъ записки...

Генералъ Пестель ему являлся, спрашиваетъ: „Знаютъ ли въ Севастополѣ, что Ваша Свѣтлость уже не изволитъ воротиться въ Крымъ?"

— Нѣтъ, никто не знаетъ.

„Ахъ, эта вѣсть должна ихъ очень огорчить!"...

— Напротивъ, повѣрьте, отъ всей души будутъ рады, что отдѣлались отъ меня!

Разсказываютъ, будто какой-то полковникъ написалъ къ Меньшикову письмо, въ которомъ указалъ ему на всѣ тѣ его дѣйствія, которыя считалъ ошибочными и повредившими дѣлу отраженія союзниковъ, начиная съ Алминскаго сраженія до тѣхъ дней Севастопольской обороны, въ которые это письмо было написано.

Говорятъ, Меньшиковъ возвратилъ письмо его автору, при запискѣ, въ которой выразилъ, что быть-можетъ у него нѣтъ копіи съ этого письма, такъ пусть спишетъ, оставитъ копію у себя, а подлинникъ возвратитъ,

и пусть подождетъ, пока ихъ разсудятъ Отечество и Исторія: кто изъ нихъ правъ и кто ошибался. При этомъ Меньшиковъ нашелъ необходимымъ предложить автору письма имѣть въ виду, что по власти, предоставленной ему, Меньшикову, какъ главнокомандующему во время военныхъ дѣйствій, онъ могъ бы приказать осудить автора письма въ 24 часа и разстрѣлять, а потому рекомендуетъ ему впредь быть осторожнѣе и воздерживаться отъ несвоевременной критики дѣйствій главнокомандующаго.

Съ увѣдомленіемъ о Царскихъ милостяхъ, объявленныхъ сегодня оффиціально, пріѣхалъ вчера курьеромъ отъ Государя флигель-адъютантъ Воейковъ.

Прямо отъ обѣдни князь Горчаковъ пошелъ навѣстить раненаго инженернаго капитана Ахбауера,—говорятъ, онъ безнадеженъ.

На городскомъ бульварѣ у памятника Козарскаго, сегодня все послѣобѣда играли двѣ музыки, но гуляющихъ было мало, потому что было пасмурно и все время накрапывалъ дождь.

18 апрѣля.—Севастополь.

Къ общему сожалѣнію всѣхъ, знавшихъ штабсъ-капитана генеральнаго штаба Лаврова, бывшаго, въ послѣднее время, траншей-майоромъ передъ 5-мъ бастіономъ, сегодня его убили штуцерною пулею въ голову.

Посмѣялись мы сегодня отъ души слѣдующему разсказу одного изъ нашихъ офицеровъ Камчатскаго полка Маевскаго, обрисовывающему существующіе въ нашемъ интендантствѣ Главной Квартиры порядки и до крайности развившееся тамъ взяточничество.

Маевскій католикъ. Въ концѣ марта онъ просилъ у полковаго командира позволенія съѣздить въ Симферополь исповѣдываться и причаститься у тамошняго ксендза. „Воспользовавшись этой поѣздкой моей, говорилъ Маевскій, нашъ полковой квартермистръ Сергѣевъ попросилъ меня получить причитающіяся полку фуражныя и другія деньги, всего 44.440 рублей, причемъ снабдилъ меня формальною отъ полка довѣренностію и требованіемъ установленнымъ порядкомъ означенной суммы. Кромѣ того штабсъ-капитанъ Сергѣевъ далъ мнѣ слѣдующее словесное наставленіе: „Тебѣ, братецъ мой, будутъ дѣлать затрудненія въ выдачѣ денегъ, захотятъ, пожалуй, и по копѣйкѣ съ рубля причитающейся къ выдачѣ суммы содрать, но ты не соглашайся, не давай ничего. Что тебѣ сдѣлаютъ? съ нами, съ квартермистрами они что хотятъ, то и творятъ, мы у нихъ въ рукахъ, а ты строевой офицеръ, тебѣ не дѣтей съ ними крестить! Это точно, раньше 1 числа тебѣ трудно будетъ получить деньги, вотъ кавалерія, то та за полмѣсяца до срока иногда получаетъ, да вѣдь за то и дуютъ же съ нихъ копѣйки по двѣ съ рубля, а ты ужь, братецъ, въ крайности, полкопѣечки имъ отвали, ничего не подѣлаешь“...

Ладно, ѣду. 29-го, 30-го и 31-го марта я являлся въ интендант-

ство, представивъ уже свои бумаги, и всякій разъ получалъ краткій, но ясный отвѣтъ: „денегъ еще нѣтъ—обождите“.

Но ждать дольше я не могъ. Собственно квартира, нанятая мною въ скверной какой-то лачужкѣ, стоила мнѣ 5 р. въ сутки, а денегъ у меня не было. 1 апрѣля я, рѣшившись дѣйствовать настоятельно, явился къ распоряжавшемуся выдачею денегъ въ полки, коллежскому совѣтнику Э.... такому почтенному чиновнику, съ Анною на шеѣ, засѣдавшему въ присутствіи, и говорю ему:

„Господинъ полковникъ, я строевой офицеръ, ротный командиръ, присланъ за полученіемъ денегъ, жду вотъ уже нѣсколько дней и долѣе ждать не могу, а потому если мнѣ сегодня не выдадутъ денегъ, явлюсь къ Дежурному генералу, вчера сюда пріѣхавшему, объясню ему дѣло и буду просить разрѣшить мнѣ воротиться въ полкъ, *безъ* денегъ.

Выслушавъ эту тираду, господинъ Э.... отвѣчалъ мнѣ, что деньги получены и во второмъ часу я ихъ могу получить.

Въ назначенный часъ я явился въ Интендантство, росписался въ принятіи денегъ, получилъ отъ бухгалтера записочку, съ нею явился къ господину Э.... который сказалъ мнѣ: „деньги вамъ приготовлены, вамъ слѣдуетъ столько-то?“

— Точно такъ.

„Получайте, вотъ они“ и подвинулъ ко мнѣ груду пачекъ ассигнацій, аккуратно связанныхъ по сортамъ и снабженныхъ ярлычками, съ указаніемъ на какую сумму находится ассигнацій въ каждой пачкѣ. Итогъ этихъ суммъ отвѣчалъ общей суммѣ мнѣ причитавшейся къ полученію. Очень довольный быстрымъ окончаніемъ дѣла, я съ бывшимъ со мною ротнымъ артельщикомъ уложилъ деньги въ мѣшокъ и отправился съ ними на квартиру жившаго рядомъ съ интендантствомъ раненаго товарища нашего Духовецкаго. Тотъ, увидавъ меня, удивился моему скорому возвращенію и спросилъ: „Какъ же ты такъ скоро успѣлъ принять такую большую сумму?“

Я отвѣчалъ, что деньги были уже приготовлены для меня пачками.

„И ты не пересчиталъ каждую?“ продолжалъ Духовецкій.

— Нѣтъ. Да вѣдь отпускалъ ихъ такой почтенный чиновникъ.

„Ну, глупъ же ты, братъ, извини меня! Твой почтенный чиновникъ навѣрно обсчиталъ тебя! ты прямо отъ него, никуда не заходилъ?“

— Нѣтъ.

„Считай скорѣй“.

Мы съ артельщикомъ мигомъ пересчитали деньги,—не оказалось 444 рублей! Меня какъ варомъ обдало! Что тутъ дѣлать? „Нечего тутъ ахать да тратить время напрасно, крикнулъ на меня Духовецкій, бѣги скорѣй съ артельщикомъ къ этому господину и скажи ему, что онъ вѣрно ошибся, что денегъ недостаетъ столько-то. Твое счастіе, если ты застанешь еще этого господина въ присутствіи и онъ не знаетъ, что ты уходилъ изъ Интендантства, а то—плакали твои денежки“.

Исполняю все указанное Духовецкимъ, заставъ господина Э. . . . еще въ присутствіи. „Да развѣ вамъ квартермистръ ничего не говорилъ, посылая васъ за деньгами? спросилъ господинъ Э. . . ., когда я заявилъ ему о недостаткѣ денегъ.

— Квартермистръ велѣлъ передать вамъ, что онъ самъ разочтется съ вами при полученіи денегъ за слѣдующій мѣсяцъ.

„Ахъ, ужь это мнѣ: послѣ, послѣ! — хуже быть ничего не можетъ! Получайте ваши деньги, и подвинулъ мнѣ 444 руб. которыя я схватилъ моментально и выскочивъ на улицу.

За эту удачную операцію квартермистеръ Сергѣевъ возвратилъ мнѣ всѣ расходы на проѣздъ и на прожитіе въ Симферополѣ и сознался, что никогда такая операція ему не обходилась дешевле полукопѣйки съ причитавшагося къ полученію рубля.

Впослѣдствіи, уже на обратномъ походѣ полка, когда Сергѣевъ заѣхалъ въ Симферополь за полученіемъ денегъ, господинъ Э. . . . . потребовалъ съ него недоданныя мною деньги. „Помилуйте, возразилъ Сергѣевъ, поручикъ Маевскій мнѣ передалъ, что вы удержали у него слѣдовавшія вамъ деньги“.

— Какъ? онъ вамъ это сказалъ?

„Да.

— Вотъ подлецъ-то! а по рожѣ совсѣмъ нельзя замѣтить, чтобы былъ такой мошенникъ!...

19 апрѣля.

Ангелъ смерти летаетъ по севастопольскимъ стогнамъ, не опуская своего меча. Сейчасъ пришли сказать, что убитъ юный князь Голицынъ, одинъ изъ ординарцевъ генерала Хрулева, въ послѣднее время находившійся траншей-адъютантомъ передъ Камчатскимъ люнетомъ. Ночью въ одномъ изъ ложементовъ Голицынъ подошелъ къ толпѣ офицеровъ, коротавшихъ время бесѣдою; онъ было хотѣлъ подсѣсть къ нимъ, какъ вдругъ, видятъ, ручная гранатка, брошенная непріятелемъ, прыгая, несется прямо къ нимъ... Всѣ вскочили и бросились въ разсыпную, а князь Голицынъ видно хотѣлъ затушить ее и устремился къ ней, но въ эту минуту ее разорвало, и онъ упалъ на нее. Когда подняли насчастнаго юношу, прекрасное его лицо было истерзано разрывомъ, одинъ осколокъ поразилъ его въ високъ.

Сегодня я порадованъ Царскою милостью: меня произвели въ капитаны „за отличное мужество и храбрость при защитѣ Севастополя“. Этимъ я обязанъ ходатайству обо мнѣ Хрулева.

20 апрѣля.

Сегодня ночью происходилъ упорный бой у Французовъ съ нашими войсками противъ 5-го бастіона. Выше мы говорили уже о заложеніи четы-

рехъ ложементовъ и о соединеніи ихъ траншеею передъ редутомъ Шварца; нынѣ достовѣрно сдѣлалось намъ извѣстно, что эти работы были предприняты съ цѣлію удержать наступленіе непріятеля на этомъ пунктѣ и не допустить его овладѣть высотою, лежащею не въ дальнемъ разстояніи отъ 5-го бастіона, на которой они могли устроить опасную для насъ батарею, наши, ночью съ 12 на 13 апрѣля, заложили двѣ траншеи, съ особеннымъ между ними сообщеніемъ. Успѣшное производство этой отважной работы обратило на себя полное вниманіе непріятеля: онъ сперва пытался помѣшать производству работъ артиллерійскимъ огнемъ, но, видя его безуспѣшность, почти каждую ночь атаковалъ эти работы болѣе или менѣе рѣшительно; эти атаки были также неуспѣшны, благодаря мужеству и стойкости нашихъ войскъ. Тогда французскій главнокомандующій, какъ разсказываютъ переметчики, приказалъ было прекратить дѣйствіе противъ этихъ передовыхъ ничтожныхъ укрѣпленій, во избѣжаніе напрасной потери въ людяхъ, но генералъ Пелисье, начальникъ французскихъ войскъ, дѣйствующихъ противъ правой половины нашей оборонительной линіи, человѣкъ въ высшей степени энергичный, рѣшительно настоялъ на необходимости овладѣть этими работами и получилъ позволеніе главнокомандующаго привесть въ исполненіе задуманный имъ планъ атаки.

Эта атака произведена генераломъ де-Салемъ сегодня ночью, или правильнѣе вчера вечеромъ. Непріятель пошелъ тремя колоннами: лѣвая генерала Базена *) (24 роты пѣхоты) должна была обойти нашъ правый флангъ и ударить ему въ тылъ; такъ же должна была поступить правая колонна Французовъ капитана Виллермана (баталіонъ стрѣлковъ съ двумя ротами пѣхоты, въ резервѣ); съ фронта предоставлено было ударить генералу де-ла-Мотружу (съ двумя баталіонами № 46 полка).

Колонны капитана Виллермана и генерала ла-Мотружа должны были соединиться, сбивъ наши войска. Наши траншеи были заняты Углицкимъ полкомъ. Французы, пользуясь ночнымъ мракомъ, скрытно приблизились, незамѣченные, обогнули правый флангъ нашей траншеи и безъ выстрѣла пошли въ тылъ нашимъ войскамъ.

Углицкіе сначала приняли Французовъ за *своихъ*, но скоро опомнились, увидѣли ошибку, однако было поздно: стремительный ударъ Французовъ, одновременно на три пункта, рѣшилъ дѣло — наши ложементы и траншеи достались непріятелю. На работѣ въ этомъ укрѣпленіи были два баталіона Волынскаго полка: они схватили свои ружья, составленныя было въ козла, и бросились въ штыки; но ихъ смяли отступавшіе Углицкіе баталіоны. Такимъ образомъ досталось въ руки Французовъ двѣ линіи ложементовъ, соединенныхъ траншеями, и даже резервные ложементы, девять кекгорновыхъ мортирокъ и наши раненые **). Непріятель немедленно принялся за устройство

*) Впослѣдствіи маршалъ Франціи, столь печальной славы—герой Меца.

**) Въ потерѣ этихъ контръ-апрошей, чрезвычайной важности, впереди редута Шварца, обвиняютъ начальство, распорядившееся посылкою слишкомъ незначительнаго прикры-

прикрытія, несмотря на ужасный огонь, открытый нашими крѣпостными верками, въ отвѣтъ на который и въ защиту своимъ непріятельскія батареи также открыли сильнѣйшій огонь.

Потеря Французовъ довольно велика: у нихъ убито 8 штабъ и оберъ-офицеровъ и двадцать пять ранен⁰. На разсвѣтѣ главныя силы непріятельскія отошли въ свои траншеи, но для охраненія своей новой добычи оставили караулъ, по которому наши батареи не переставали дѣйствовать.

Чтобы поправить дѣло, сегодня часа въ 3 послѣ обѣда сдѣлали противъ отнятыхъ у насъ работъ вылазку: ходили 180 охотниковъ и въ подкрѣпленіе имъ баталіонъ Волынцевъ и баталіонъ Владимірцевъ. Эта вылазка, произведенная въ присутствіи Начальника главнаго штаба генерала Коцебу, какъ говорятъ очевидцы, была совершенно безуспѣшна. Наши смѣло двинулись на непріятельскія траншеи, многіе уже бросились въ нихъ, но тотчасъ погибли. Произошелъ рукопашный, ожесточенный бой; успѣхъ его сначала былъ на нашей сторонѣ, но подъ конецъ Французы одолѣли съ помощію подбѣжавшихъ резервовъ, въ составѣ коихъ были гвардейскія войска *).

22 апрѣля.

Сегодня хоронили офицеровъ, убитыхъ въ разсказанныхъ мною дѣлахъ. Я встрѣтилъ на Графской *девять* гробовъ, одинъ за другимъ несомыхъ офицерами и юнкерами. Какой печальный кортежъ! Какъ раздираетъ душу этотъ погребальный маршъ, которому вторитъ ревъ канонады. Дня нѣтъ, чтобы не раздавались эти музыкальные вопли въ томъ или другомъ углу Севастополя; нѣтъ дня, чтобы при этихъ мрачныхъ звукахъ не отправлялось нѣсколько поѣздовъ въ лодкахъ на Сѣверную, черезъ бухту.

тія для ихъ удержанія, а главнымъ образомъ обвиняютъ Углицкій полкъ, который, говорятъ, бѣжалъ при появленіи Французовъ.

Овладѣніе этими контръ-апрошами нашими имѣло то значеніе для непріятеля, немедленно обратившаго ихъ противъ насъ и соединившаго ихъ со своими подступами, что разомъ подвинуло ихъ на 75 саженъ къ крѣпости, причемъ Французы оказались въ 56 саженяхъ отъ исходящаго угла редута Шварца.

*) Мы потеряли на этомъ пунктѣ убитыми 10 офицеровъ и 280 ниж. чиновъ и ранеными 15 офицеровъ и 540 ниж. чиновъ, но и Французы также не мало пострадали: у нихъ въ 24 часа выбыло изъ строя убитыми 11 офицеровъ и 158 нижнихъ чиновъ, ранеными 22 офицера и 600 нижнихъ чиновъ. (Пикъ. Idem, стр. 217).

Отнятіемъ у насъ этихъ траншей Французы разомъ подвинулись впередъ на 500 метровъ и ихъ работы вдругъ очутились въ 200 метрахъ отъ 4-го бастіона (Guerin. Idem, стр. 181).

Геренъ придаетъ весьма большое значеніе этому дѣлу, доказывая, что съ того дня измѣнился весь характеръ войны: союзники перешли въ полное наступленіе, а осажденные не осмѣливались болѣе дѣйствовать наступательно, а ограничились чисто оборонительными работами и дѣйствіями (Idem, стр. 186), какъ будто заложеніе контръ-апрошной линіи въ ночь съ 9 на 10 мая противъ 5 бастіона, вслѣдствіе чего произошла кровавая борьба на этомъ пунктѣ, имѣло характеръ оборонительный!

Ръ неуспѣхѣ нашего предпріятія отбить контръ-апроши обвиняютъ главнокомандующаго, пославшаго въ дѣло слишкомъ незначительный отрядъ, вмѣсто первоначально назначенныхъ 6 баталіоновъ, подъ начальствомъ генерала Семякина.

Полки нашей Дивизіи, вслѣдствіе огромныхъ потерь ими понесенныхъ, состоящіе нынѣ, съ небольшимъ, изъ 1.500 штыковъ каждый, переформированы въ двухбатальонный составъ.

М. Г. Черняевъ переведенъ отъ насъ въ Драгунскую дивизію и на дняхъ уѣзжаетъ. Будучи со всѣми товарищами въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ и пользуясь общею любовью и уваженіемъ, онъ разстается со своими боевыми сослуживцами, какъ по Дивизіи, такъ и по бастіонамъ, на которыхъ находился все это время, съ большимъ горемъ. На прощанье Черняевъ устраиваетъ пиръ товарищамъ и пріятелямъ и съ этою цѣлью выпросилъ нашу квартиру, какъ самую для этого удобную и просторную.

23 апрѣля.

Вчера пятипудовая бомба ворвалась черезъ крышу въ казармы Бѣлостокскаго полка, занятые Селенгинцами. Солдаты тутъ находившіеся, пораженные нечаянностію, въ ужасѣ бросились изъ того угла, куда она катилась съ горящею трубкою: кто на нары, кто подъ нары, кто на столъ, а кто подъ столъ; но развѣ этимъ спасешься? Еще мгновеніе, и бомбу разорвало бы въ ихъ углу, но между ними нашелся молодецъ, подскочилъ къ бомбѣ и, пихая ее ранцемъ (изъ боязни, видите, *обжечь* себѣ руку, онъ ее пихалъ ранцемъ!!), откатилъ ее въ противоположный уголъ, гдѣ тоже были люди, но *не его капральства!*— бомбу разорвало, семерыхъ ранило, а онъ и ближайшіе его товарищи остались невредимы!

24 апрѣля.

Всякое утро въ садикѣ квартиры генерала Хрулева срываю порядочное количество желтофіоли, которой тамъ множество; въ своемъ саду рву сирень и составляю такимъ образомъ роскошный букетъ; онъ стоитъ постоянно на моемъ письменномъ столикѣ, какъ-то живительно дѣйствуя на сердце. На немъ отдыхаетъ глазъ, утомленный страшными картинами, ежеминутно представляющимися. Этотъ душистый букетъ рисуется предо мною, какъ представитель прекраснаго, какъ образъ красоты.

Здѣсь необходимо *умащать* свое сердце какими-либо бальзамами, не то оно совершенно зачерствѣетъ.

Вечеръ.

Сегодня послѣдовалъ приказъ гарнизону, запрещающій употребленіе на похоронахъ музыки и барабановъ. Такая мѣра необходима, чтобы не производить печальнаго впечатлѣнія на остающихся пока въ живыхъ этою ужасною, гнетущею душу музыкою, которая въ послѣднее время стала раздаваться безпрестанно, одновременно въ разныхъ частяхъ города, провожая въ могилу по нѣскольку человѣкъ ежедневно.

Вчера около 9-ти часовъ вечера, когда непріятель разводилъ обы-

кновенно свою передовую цѣпь, двадцать пять охотниковъ Охотскаго полка, подъ командою Одесскаго полка прапорщика Говинскаго, заблаговременно засѣвъ въ скрытыхъ мѣстахъ, вдругъ ударили на Англичанъ, убили ихъ капитана, поколотили и опрокинули ихъ.

Въ это самое время, тоже противъ 3-го бастіона, сдѣлали вылазку охотники сводnаго резервнаго баталіона Минскаго и Волынскаго полковъ и тоже побили Англичанъ, которые ихъ встрѣтили было батальнымъ огнемъ, но не устояли и бѣжали. Намъ достались въ плѣнъ: *мертвый* офицеръ и трое живыхъ рядовыхъ.

Командующій Охотскимъ полкомъ подполковникъ Малевскій донося о подвигѣ прапорщика Говинскаго, по командѣ, присовокупилъ: „что по приказанію присутствовавшаго при этомъ столкновеніи г. генералъ-лейтенанта Хрулева, прапорщикъ Говинскій былъ посланъ съ донесеніемъ о семъ дѣлѣ къ графу Остенъ-Сакену, а Его Сіятельствомъ былъ посланъ съ тѣмъ же къ Главнокомандующему, который за отличную храбрость прапорщика Говинскаго возложилъ на него орденъ Св. Анны 3-й степ. съ бантомъ, а для возложенія на болѣе отличившихся изъ команды его пожаловалъ три знака Военнаго Ордена Св. Георгія *)".

25 апрѣля.

Явленіе, весьма обыкновенное вездѣ, но весьма необыкновенное въ Севастополѣ: сегодня во Владимірской церкви вѣнчали какого-то офицера!... Не все же здѣсь совершаются похороны, есть и здѣсь люди, которые могутъ быть счастливы, несмотря на ураганъ смерти, повсюду свирѣпствующій.

Хрулевъ не имѣетъ никакой почти надежды на спасеніе Севастополя. Онъ бранитъ Сакена за сооруженіе тыльной обороны у нашихъ укрѣпленій, доказывая, что на этой работѣ онъ только мучитъ и губитъ напрасно людей отъ непріятельскаго огня, а между тѣмъ работа эта никакой существенной пользы намъ принести не можетъ, и не принесетъ. Хрулевъ утверждаетъ, что если имъ только удастся овладѣть 4 и 5-мъ бастіонами, то мы въ Севастополѣ не удержимся, какія тамъ тыльныя укрѣпленія ни строй. Тогда, если союзникамъ послѣ усиленнаго бомбардированія, которое они могутъ открыть, приготовивъ для этой цѣли до 200 мортиръ съ большимъ числомъ снарядовъ на каждую, удастся штурмъ хотя бы на нѣкоторыхъ пунктахъ, что намъ будетъ предстоять дѣлать? Отбить взятыя у насъ укрѣпленія? А если этого не удастся, что очень вѣроятно, потому что они никакихъ не пощадятъ жертвъ, чтобы удержать въ своей власти однажды у

---

*) Guerin разсказываетъ объ этой ничтожной стычкѣ какъ о чемъ-то важномъ (Idem, стр. 191). По его словамъ, пользуясь свирѣпствовавшею бурею, русская колонна доползла до англійскихъ траншей и, ударивъ на 78-й пѣхотный англійскій полкъ, ворвалась на батарею. Не безъ труда и не безъ жертвъ Англичанамъ удалось прогнать Русскихъ.

насъ взятое,— тогда намъ придется пробиваться подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятельскихъ укрѣпленій къ Инкерманскому мосту, возстановить его и отступать этимъ путемъ. Но объ этомъ способѣ отступленія легко говорить, а привесть его въ исполненіе *ужасно* трудно! Другаго же пути отступленія у насъ нѣтъ, такъ какъ черезъ бухту спастись и думать нечего! Перспектива у насъ передъ очами крайне печальная.

Хрулевъ доказываетъ, что единственный исходъ, могущій еще быть благопріятнымъ изъ нашего положенія, это рѣшиться на слѣдующую крайную мѣру. Сосредоточить возможно значительнѣйшія силы въ Севастополѣ, выступить изъ него прямо черезъ ихъ траншеи на одно изъ ихъ главнѣйшихъ укрѣпленій, взять его во что бы то нистало, разрѣзать такимъ образомъ ихъ позицію, укрѣпиться и удержаться на ней. Разумѣется, для отобранія пункта, который мы займемъ, союзники должны будутъ употребить всѣ усилія, при этомъ они могутъ освободить одинъ изъ своихъ фланговъ, чѣмъ, впрочемъ, мы должны воспользоваться, ударить на него и опрокинуть. Если еще и возможенъ для насъ успѣхъ, то только при подобномъ образѣ дѣйствій. Понятно, что мы должны быть готовы при исполненіи такого плана потерять отъ 10 до 15 тысячъ человѣкъ, но что же дѣлать?—лучше въ виду возможности успѣха рѣшиться на принесеніе единовременной жертвы, чѣмъ поневолѣ принести ту же жертву, оставаясь въ настоящемъ положеніи, если только они откроютъ новую, усиленную бомбардировку,—безъ всякой надежды не только на успѣхъ, но даже на спасеніе!

26 апрѣля.

Селенгинскаго полка штуцерникъ Василій Дмухарь, находясь 9 апрѣля въ ложементѣ, лѣвѣе Волынскаго редута, на склонѣ горы въ бухтѣ, увидѣлъ нашего солдата, пробиравшагося тайкомъ между камнями, по пространству, на которомъ не станетъ шляться солдатъ безъ злаго умысла. Смѣкнувъ, что это дизертиръ, Дмухарь ползкомъ пробрался между камнями, на перерѣзъ ему, и залегъ на дорогѣ. Когда дизертиръ приблизился, Дмухарь бросился къ нему, но тотъ пустился бѣжать. Французы открыли сильный огонь по нимъ, по обоимъ; но Дмухарь не покидалъ своего намѣренія, преслѣдовалъ бѣглеца и уже догонялъ его, какъ ему навстрѣчу пустился изъ французской траншеи зуавъ, на помощь дезертиру. Дмухарь не потерялся, приложился, и французъ покатился отъ его пули, а онъ все-таки догналъ бѣглеца, схватилъ его за воротъ и потащилъ назадъ. Дотащивъ свою жертву до канавы и видя, что едва ли ему удастся укрыться отъ французскихъ пуль, Дмухарь свалилъ своего плѣнника въ канаву и притащилъ его на бастіонъ, съ помощію уже нашихъ солдатъ, прибѣжавшихъ ему на выручку. На допросѣ оказалось, что схваченный солдатъ, нѣсколько уже дней какъ дезертировавшій, матросъ 19 флотскаго экипажа, Игнатъ Фондомный.

27 апрѣля.

Сирень уже отцвѣла. Днемъ становится жарко,—что же будетъ здѣсь лѣтомъ!

Вчера въ траншеяхъ передъ Камчатскимъ люнетомъ завязалась было ружейная перестрѣлка, продолжавшаяся нѣсколько часовъ съ бо́льшею противъ обыкновеннаго живостію.

Въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ моментовъ перестрѣлки, въ одномъ ложементѣ кто-то изъ нашихъ солдатъ затянулъ русскую пѣсню прекраснымъ звучнымъ голосомъ. Мгновенно, будто сговорясь, ее подхватили нѣсколько человѣкъ въ ложементѣ, и эта пѣсня загремѣла, залилась въ пространствѣ, полная мелодіи и силы. Чудное, право, дѣло: или ея звуки заинтересовали французовъ и захотѣлось имъ послушать хорошенько доселѣ ими неслыханной пѣсни, или удивило ихъ мужество поющихъ; какъ бы то ни было, но они прекратили пальбу. Этому примѣру послѣдовали наши стрѣлки, и такимъ образомъ, до самой ночи, смерть не начинала своихъ обычныхъ завываній, будто убаюканная пѣснью русскаго солдата.

28 апрѣля.

Когда-то сила нашего оружія, въ матеріальномъ смыслѣ этого слова, уравновѣсится съ силою непріятеля? На дняхъ привезли къ намъ изъ Ижевскаго завода по 96-ти нарѣзныхъ ружей въ полкъ. Что эта за цифра и какую особую пользу принесетъ это оружіе въ настоящее время? Во-первыхъ, число вооруженныхъ хорошимъ оружіемъ въ полкахъ съ прибытіемъ нарѣзныхъ ружей не увеличивается, потому что въ то же время отбираютъ въ полкахъ штуцера (штатное число которыхъ тоже 96); во-вторыхъ, наши полковые штуцерники превосходно владѣютъ своимъ оружіемъ и отнюдь не хуже солдатъ стрѣлковыхъ баталіоновъ; съ нарѣзными же ружьями они не умѣютъ обращаться, а чтобы научить ихъ этому искусству, нужно время.

Право, грустно становится, когда подумаешь, какъ вообще мы дурно вооружены—и солдаты и офицеры сравнительно съ иностранными солдатами и офицерами. У каждаго почти ихъ офицера хорошая сабля и револьверъ. У насъ нѣтъ ни той, ни другаго порядочныхъ. Саблю нашу совѣстно обнажить: она гнется, какъ проволока; пистолеты у насъ только у верховыхъ, и то своею тяжестію отвращаютъ отъ изученія искусства цѣльной пистолетной стрѣльбы, тогда какъ пистолетъ въ рукахъ неумѣющаго хорошо владѣть имъ—оружіе, преимущественно безопасное для противника. Если и есть у нѣкоторыхъ изъ насъ хорошія сабли, то преимущественно взятыя съ боя у нашихъ враговъ, или черкесскія шашки, которыми также хорошо надо умѣть рубиться. Вообще наши офицеры не умѣютъ и не любятъ щеголять своимъ оружіемъ,—не любятъ, быть можетъ, потому, что не могутъ; ибо негдѣ достать хорошаго оружія, тогда какъ щегольство оружіемъ весьма простительная слабость военнаго человѣка. Нѣтъ, у враговъ нашихъ дѣло другое: они съ особенною ловкостью владѣютъ своимъ оружіемъ, тогда какъ у насъ, въ цѣлой дивизіи, едва ли найдется одинъ офицеръ, который умѣлъ бы рубиться, и едва ли пять человѣкъ, которые бы хорошо стрѣляли изъ пистолета.

У Англичанъ-офицеровъ сабля часто передается отъ предковъ, и офицеръ гордится ею, какъ лучшимъ наслѣдствомъ своего рода и въ случаѣ утраты такого оружія, не имѣющаго въ себѣ ничего особеннаго на видъ, при погибели его владѣтеля, родственники принимаютъ мѣры къ розысканію этого благороднаго наслѣдства, не разъ орошеннаго кровію враговъ старой Англіи *).

Наши офицеры, не надѣясь на свою саблю, ни на свое искусство владѣть ею, идя въ рукопашный бой, вооружаются обыкновенно солдатскимъ ружьемъ, со штыкомъ.

Мы давали прощальный обѣдъ М. Г. Черняеву, уѣзжающему къ новому своему назначенію, въ Симферополѣ. Хотя и жаль его, но Богъ съ нимъ, можетъ-быть тамъ онъ найдетъ свое счастіе; если будетъ участвовать въ битвахъ, то въ полевыхъ, поэтическихъ дѣлахъ, гдѣ полный просторъ и разгулъ русской натурѣ. Это не то что здѣсь, въ этомъ несчастномъ городѣ, душномъ, вонючемъ отъ безчисленнаго множества гніющихъ нечистотъ, покрывающихъ всѣ углы его и закоулки, всѣ дворы, даже площади и улицы,—подъ косою смерти безпрестанно разсѣкающей воздухъ надъ твоей головой. Погибнуть въ какомъ-нибудь блистательномъ дѣлѣ, на виду всѣхъ, посреди живописной природы, въ упоеніи боя — можетъ быть даже весело! во всякомъ случаѣ это не то что умереть отъ тифа подобно умершему на дняхъ генералу Беваду и сотнямъ ежедневно погибающихъ жертвъ этой болѣзни, или быть разорваннымъ бомбой на своей кровати, какъ на дняхъ у насъ разорвало одного офицера!

У насъ гремѣла музыка, много народу собралось ее слушать, между другими пришелъ прославленный Кошка, или какъ онъ сталъ величать себя: „Кошкинъ“. Фигурка невидная, невзрачная (уроженецъ Подольской губерніи), но коренастая, глаза небольшіе, но вострые, полные смѣтливости. На груди солдатскій Георгій, на шеѣ на Андреевской лентѣ, поверхъ воротника шинели, серебрянный крестъ съ изображеніемъ Распятаго на немъ и надписью: *Богъ наше прибѣжище, спасеніе и сила*“. Кошка говоритъ, что этотъ крестъ ему прислала Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, при запискѣ у него хранящейся, въ которой значится: „*Матросу Кошкѣ отъ почитателей русской удали*“.

Разсказалъ намъ Кошка, какъ утащилъ отъ англійской траншеи нашего покойника, котораго они на разстрѣлъ, будто живаго, у траншеи поставили. Обложили они его и подперли камнями, онъ и стоялъ—не падалъ. „Подползъ я къ нему, легонько разворотилъ камни, онъ и упалъ. Англи-

---

*) Былъ одинъ такой случай и въ эту кампанію. На штурмѣ 6 іюня убитъ передъ 3-мъ бастіономъ, въ числѣ прочихъ, одинъ англійскій офицеръ; военное англійское начальство переслало къ нашему просьбу родственника этого офицера съ описаніемъ ея примѣтъ, прося приказать отыскать шпагу убитаго, съ обѣщаніемъ значительнаго денежнаго вознагражденія за оную. Кажется, сабля была въ рукахъ одного изъ нашихъ офицеровъ, и онъ, какъ разсказываютъ, возвратилъ ее, безъ всякого выкупа.

чане замѣтили да и давай стрѣлять въ насъ. Неспособно мнѣ очень управиться съ нимъ: подняться—убьютъ безпремѣнно. Что дѣлать? я поскорѣй его обѣ ноги привязалъ къ своей да и поползъ домой волоча его за собой; притащилъ кое-какъ подъ горку, а тутъ мочи совсѣмъ не стало тащить дальше. Побробовалъ было на плечи его взвалить къ себѣ, да и пяти шаговъ не сдѣлалъ, упалъ съ нимъ. Вижу—не сдюжаю, сталъ кричать: „Помоги дайте!“ Услышали наши, спасибо, прибѣжали двое—помогли дотащить“. Говоритъ Кошка что Великимъ Князьямъ въ лицахъ представлялъ, какъ ползъ и тащилъ убитаго.

Кошка сохраняетъ твердое убѣжденіе въ своей неприкосновенности, говоритъ: „ни ядра, ни гранаты, ни бомбы или пули не боюсь,—не тронутъ меня, а вотъ штыкъ—не знаю какъ!“

Дали ему у насъ стакана два водки, въ ударѣ сталъ и пошелъ разсказывать всякія небылицы про свои подвиги. Мы ему замѣтили что онъ молодецъ дѣйствительно, но только ему не слѣдуетъ пить, а то непремѣнно распьянствуется и погубитъ себя. Капитанъ-лейтенантъ Шестаковъ, бывшій при этомъ, замѣтилъ, что Кошка прежде въ ротъ не бралъ хмѣльнаго, а теперь вотъ куда его ни позовутъ, вездѣ подчуютъ, пріучили его пить, непремѣнно избалуется малый и конечно пропадетъ.

29-го апрѣля.

У насъ на Корабельной, по распоряженію генерала Хрулева, ежедневно на Владимірской площади играетъ полковая музыка. Мы не унываемъ, несмотря на тягость осады и на огромныя наши потери. Генералъ Хрулевъ не перестаетъ ободрять свой отрядъ; онъ говоритъ: „если истощатся всѣ усилія и насъ одолѣютъ въ штурмѣ, если намъ нельзя уже будетъ держаться, а мы еще будемъ живы,—пробьемся къ бывшему Инкерманскому мосту и тамъ соединимся со своими. Что же касается до взятія насъ въ плѣнъ, до капитуляціи и тому подобныхъ исторій, враги пусть объ этомъ и думать забудутъ!“

Вчера, позднимъ вечеромъ, мы съ Клейнгаузомъ стояли на своемъ крыльцѣ, любуясь полетомъ огнедышащихъ снарядовъ по совершенно темному небу, какъ вдругъ что-то завизжало у нашихъ ногъ и ударилось о каменную ступеньку крыльца съ большой силой. Сегодня чуть свѣтъ мы пошли посмотрѣть: что за гостья къ намъ прилетѣла? Каково же было наше удивленіе когда оказалось что это была пуля большаго калибра съ чугунной чашечкой въ тыльной части. Она ударила въ каменную ступень, сдѣлала въ ней углубленіе въ полпальца, сплющилась и отскочила шага на три! Какова сила полета непріятельскихъ ружейныхъ пуль! Не забудемъ, что ближайшая траншея союзниковъ отъ нашей квартиры, по крайней мѣрѣ, въ верстѣ по прямой линіи. Доселѣ пули не ложились въ этой мѣстности. Но оказалось, что пули союзниковъ стали летать еще дальше: сегодня пуля черк-

нула часоваго стоявшаго на часахъ при орудіяхъ на площади у Владимірской церкви, это почти на полверсты еще дальше нашей квартиры, близъ самой бухты.

Просто баснословные выстрѣлы, разумѣется не прицѣльные, но пущенные изъ ружья взятаго на элевацію, во всякомъ случаѣ однако несущія смерть или страданія.

10 часовъ вечера.

Сегодня предполагается вылазка. Графу Сакену захотѣлось англійскихъ языковъ. Какой *гастрономъ!* Наши солдаты—народъ услужливый—непремѣнно добудутъ. Пойдутъ на вылазку одни Охотцы. Дай имъ Богъ успѣха, который будетъ очень кстати, такъ какъ 1 мая полкъ хочетъ праздновать свое полугодовое пребываніе въ Севастополѣ молебномъ и пиромъ-горой, если таковой разрѣшитъ графъ—врагъ всѣхъ увеселеній подобнаго рода.

Дождь хлещетъ какъ изъ ведра; ночь зги не видать. Какъ бы не отмѣнили вылазки! Дѣйствительно: какъ, съ одной стороны, подобное состояніе погоды можетъ быть благопріятно для атакующихъ, сдѣлавъ возможнымъ нанести непріятелю неожидаемый имъ ударъ, такъ, съ другой, неблагопріятно атакующимъ, затрудняя ихъ движеніе по раскисшей почвѣ.

Генералъ-маіоръ князь Урусовъ, начальникъ 8 дивизіи *), часто заходитъ къ Павлову, гдѣ я его и видаю. Общій о немъ отзывъ—какъ о *не хватающемъ* съ неба звѣздъ! Урусовъ какъ-то суетливъ, необыкновенно упрямъ,—большой руки крикунъ,—очень безтолковъ, а между тѣмъ крайне высокаго понятія о себѣ вообще и въ особенности о своихъ военныхъ дарованіяхъ, причемъ всѣми силами старается, чтобъ эти понятія о немъ усвоили начальствующія здѣсь лица и вообще военное общество. Говорятъ, въ дѣйствительности единственное достоинство князя Урусова—это храбрость, но это достоинство блѣднѣетъ передъ его недостатками, оттого въ бою, несмотря на свою личную храбрость, онъ дѣлается начальникомъ не только безполезнымъ, но даже вреднымъ, не умѣя ничѣмъ распорядиться съ толкомъ. Такъ и здѣсь въ Севастополѣ онъ своимъ присутствіемъ производитъ только суматоху: когда здѣсь необходимо единодушіе между начальствующими, солидарность во всѣхъ дѣйствіяхъ,—самая дѣятельная помощь и поддержка другъ друга, князь Урусовъ со всѣми начальствующими затѣялъ ссоры изъ сущихъ пустяковъ, доходящія иногда,

---

*) Князь Павелъ Александровичъ подъ Силистріей былъ траншей - маіоромъ и однимъ изъ участниковъ въ затѣ извѣстнаго внезапнаго штурма Арабъ-Табіи, такъ печально кончившагося неудачей и смертью генерала Сельвани и многихъ храбрыхъ. Въ Севастополѣ онъ командовалъ сперва 10-й дивизіей, потомъ 8-й, съ нею былъ въ неудачномъ дѣлѣ Хрулева подъ Евпаторіей и при отбитіи штурма 6 іюня, за что пожалованъ званіемъ генералъ адъютанта. Князь Урусовъ скончался 18 января 1886 года.

право, чуть не до драки! Когда необходимо, чтобы солдаты вполнѣ сблизились съ своими командирами, знали ихъ, любили ихъ, слушались ихъ каждаго слова, ихъ голоса,—князь Урусовъ вводитъ какую-то дикую систему въ организацію своей дивизіи и даже всего своего отряда. Такъ онъ перетасовалъ безъ всякой нужды начальниковъ частей, подѣливъ каждый полкъ своего отряда на 6 баталіоновъ, увѣряя всѣхъ что этимъ дѣленіемъ онъ облегчаетъ солдату служебные труды, что такимъ способомъ ему, какъ главному начальнику, удобнѣе и легче заботиться о положеніи солдата, и тому подобныя благоглупости. Въ дѣйствительности же своими нововведеніями князь Урусовъ ни солдату, ни дѣлу защиты Севастополя никакой пользы не приноситъ, а напротивъ—крайне вредитъ. Вотъ доказательство. Англичане два сряду вечера тревожили насъ: выскочатъ изъ траншей, бросятся на нашихъ съ крикомъ „ура!“ и тотчасъ отбѣгаютъ назадъ, въ свои траншеи. Ясно, что эти фокусы Англичане дѣлаютъ чтобы заставить насъ истомляться бодрствованіемъ и подставлять подъ ихъ выстрѣлы наши резервы. Что-же князь Урусовъ? Одинъ только онъ попадался на эту удочку: при всякой такой фальшивой тревогѣ онъ ставитъ въ ружье и выводитъ на площадь всѣ свои *двѣнадцать* баталіоновъ, остававшихся у него въ резервѣ отъ занятія ночныхъ постовъ и карауловъ его дивизіей. Разумѣется, усиливаемый при подобныхъ случаяхъ огонь Англичанъ всегда находилъ въ резервѣ Урусова много лишнихъ жертвъ и призывалъ на голову князя проклятія солдата за эту безполезную трату людей.

30 апрѣля.

Слава Богу! Дождь немного обмоетъ Севастополь, нечистоты стекутъ въ бухту; а то во многихъ мѣстахъ пройти нельзя. На этотъ предметъ здѣсь вовсе не обращено вниманія: не до чистоты теперь, не до исполненія правилъ и указаній медицинской полиціи.

Нашъ солдатъ такой же каламбуристъ и шутникъ, какъ и Французъ, съ тою только разницею, что Французъ, когда ему прійдется, что называется, круто, не очень-то станетъ шутить, да острить, а сейчасъ повѣситъ носъ; но и то правда, едва успѣетъ пройти бѣда, онъ опять принимается за шутки, за каламбуры, за остроты и насмѣшки. Нашъ солдатъ—другое дѣло: посреди лишеній, труда, лицомъ къ лицу со смертію, онъ неизмѣненъ! У насъ много доказательствъ. Мы видѣли, какъ бывало, въ глубокую осень и зиму, плетутся въ траншейный караулъ промокшіе и полузамерзлые Французы; не очень-то они тогда шутили и острили; сами пишутъ, что тогда отлетѣла ихъ веселость. Бывало каждую ночь ихъ брали по нѣсколько въ плѣнъ на вылазкахъ, какъ мокрыхъ куриць. Притащатъ—не похожъ на Француза; а какъ отогрѣется въ теплой комнатѣ, да выпьетъ стакана два чаю съ ромомъ, глядишь—тотчасъ слетитъ къ нему его врожденная веселость, и языкъ

начнетъ молоть попрежнему. Наши же солдаты, въ какое бы ихъ положеніе ни поставила судьба, въ осадѣ они будутъ или въ осадныхъ траншеяхъ, на реяхъ бросаемаго бурнымъ моремъ корабля или на штурмѣ кавказскихъ заваловъ—они вездѣ одинаковы. Еслибъ трудились наши офицеры да записывали всѣ острыя слова, замѣчанія, насмѣшки, каламбуры, подслушанные у солдатъ, какіе бы изъ этихъ замѣтокъ знаменательные и интересные составились томы! Бѣда только, что у насъ идетъ мимо ушей все интересное, а какая-нибудь дичь, разсказывая которую и приплетая половину небывальщины, выставляютъ дѣло *въ извѣстномъ свѣтѣ* и стараются только объ одномъ, чтобъ какъ-нибудь имя ихъ самихъ, хотя косвенно къ этому дѣлу приклеенное, или имя ихъ роты, ихъ полка, той части, словомъ, которою они командуютъ, дошло до свѣдѣнія высшаго начальства, какая-нибудь дичь получаетъ значеніе и удостоивается вниманія и печати. Такимъ образомъ оффиціально передаваемыя (но не всегда впрочемъ печатаемыя) донесенія о подвигахъ солдатъ или ихъ острыя слова, сказанныя въ трудную минуту, вмѣсто того, чтобъ рисовать мужество и геройскій духъ войскъ, часто возмущаютъ душу читателя своею пошлостію. Притомъ многіе изъ составителей донесеній берутъ на себя смѣлость *сочинять за солдатъ* острыя слова, каламбуры и тому подобное, сказанное ими, будто бы, при полученіи раны или подъ огнемъ непріятельскимъ, поступая такимъ образомъ на томъ, между прочимъ, основаніи, что острыя слова нашего солдата *грубы, безыскусственны.*

Положимъ, солдатъ нашъ не такъ цивилизованъ, какъ Французъ, и потому его острыя слова не такъ изящны, какъ у того; но въ остротѣ русскаго солдата слышится сила, здравый смыслъ, умъ, молодечество, нерѣдко чистая поэзія; его остроты, правда, *полевые* цвѣтки по сравненію съ *оранжерейными* цвѣтками французскаго остроумія, но все-таки цвѣтки *благоуханные.*

Здѣсь въ Севастополѣ даютъ солдатамъ печеный хлѣбъ, потому что вдоволь печей и приготовляютъ его свои хлѣбопеки, а сухарные запасы остаются неприкосновенными на случай израсходованія муки. Внѣ же Севастополя вездѣ даютъ солдатамъ сухари, по невозможности печь хлѣбъ на бивакахъ и временныхъ квартирахъ, по недостатку посуды, дровъ и тому подобное. Вслѣдствіе сего хлѣбъ у солдатъ, внѣ города стоящихъ, считается лакомствомъ, особенно въ настоящее трудное время, гдѣ другому солдату нѣсколько мѣсяцевъ сряду не приходилось съѣсть куска мягкаго хлѣба, а надо было, какъ говорятъ солдаты, *стирать* зубы сухарями. Восьмая дивизія переправлялась въ Севастополь черезъ бухту; разумѣется, нашихъ зѣвакъ множество было на берегу. Подъѣзжаетъ первый баркасъ съ народомъ; на берегу, избочась, стоитъ какой-то молодецъ, Камчатецъ: „Что, братцы, пожаловали?—крикнулъ онъ гостямъ,—аль печенаго хлѣба захотѣлось?“

Грѣхъ радоваться чужому несчастію, правда, но съ сокрушеніемъ сердца признаюсь, я не могъ не порадоваться, когда дошелъ до насъ слухъ о крушеніи въ Средиземномъ морѣ французскаго шестидесяти пушечнаго фрегата „La Sémillante“ (около 3 февраля), шедшаго съ шестью стами человѣкъ десанта въ Крымъ. Всего на кораблѣ, какъ пишутъ Французы, было 684 человѣка, въ томъ числѣ 393 солдата и батарея полевой артиллеріи. Никто не спасся *). Положа руку на сердце, скажите, мои читатели: кто изъ васъ въ свое время, вмѣстѣ со мною, не порадовался этому несчастному событію? Вотъ какъ ожесточаетъ человѣка война!

Хрулевъ говоритъ: „Я слышалъ, моряки обидѣлись, что вчерашнюю вылазку дѣлали безъ нихъ! Будто бы адмиралъ Панфиловъ сказалъ, что онъ ее для Бирюлева готовилъ“.

Богъ знаетъ, имѣетъ ли основаніе этотъ разсказъ, или это одна изъ тѣхъ сплетень, которыхъ здѣсь не оберешься, но что успѣхъ подобнаго рода предпріятій обыкновенно приписывается участію въ нихъ моряковъ—это вѣрно. Какъ въ дѣйствительности дѣйствовалъ Бирюлевъ на вылазкахъ, во множествѣ которыхъ онъ участвовалъ, остается покрыто мракомъ неизвѣстности. Бросался ли онъ на смерть съ передовыми людьми, и необходимо ли ему было бросаться на вылазкахъ впереди всѣхъ, или, какъ говорятъ, можетъ-быть, злые языки, онъ въ этихъ случаяхъ всегда оставался при резервѣ, все равно, не наше дѣло, но результатъ его вылазокъ всегда имѣлъ болѣе реальныя послѣдствія, преимущественно благопріятныя нашему дѣлу, чѣмъ имѣла, какъ разсказываютъ, вчерашняя вылазка. Въ самомъ дѣлѣ: нашихъ на вылазку ходило не мало,—доказательство, что мы потеряли пятерыхъ нижнихъ чиновъ убитыми, раненными офицера и 33 нижнихъ чина, безъ вѣсти пропавшими 4-хъ нижнихъ чиновъ, не говорю про 13 контуженныхъ, а трофеями нашими на этой вылазкѣ были: одинъ Англичанинъ, ружье, банникъ, правило, да пустой пороховой боченокъ!.. Не большіе трофеи!.. Впрочемъ, можетъ-быть, это и вранье? Подождемъ болѣе точныхъ разсказовъ и оффиціальныхъ донесеній объ этой вылазкѣ и тогда будемъ вѣрить тому, что найдемъ болѣе вѣроятнымъ!!..

1 мая.

Со дня окончанія второй бомбардировки по сіе число убито: офицеровъ 25, нижнихъ чиновъ 921, ранено и контужено офицеровъ

---

*) По словамъ Perret (Idem) корабль этотъ шелъ изъ Тулона и погибъ у Бонифачіо безслѣдно въ ночи съ 15 на 16 февраля, съ экипажемъ въ 400 человѣкъ, имѣя 300 солдатъ различныхъ пѣхотныхъ полковъ, 40 артиллеристовъ, 60 офицеровъ возвращавшихся къ своимъ мѣстамъ, въ числѣ которыхъ было 17 только-что выпущенныхъ изъ Сенъ Сирской школы. Корабль транспортировалъ 16 большаго калибра мортиръ и 4 двадцати четырехъ фунтовыя пушки, съ огромнымъ количествомъ снарядовъ и артиллерійскихъ припасовъ.

По Маршалю (Idem, стр. 277) на этомъ кораблѣ погибло всего 750 человѣкъ.

63, нижнихъ чиновъ 3860, всего офицеровъ 88, нижнихъ чиновъ 4.781.*)

27 апрѣля прибылъ къ союзникамъ 15-ти-тысячный вспомогательный корпусъ Сардинцевъ подъ начальствомъ генерала Альфонса де-ла-Мармора, бывшаго военнаго министра Сардиніи, въ составѣ 25 баталіоновъ, 4 эскадроновъ и 36 орудій.

Севастополь, 2 мая.

Слава Богу! Со вчерашняго дня началась истинно майская погода: совершенно прояснѣло; а то съ 18 апрѣля безпрестанно шли дожди. Правда, союзникамъ плохо приходилось въ глубокихъ траншеяхъ, полузалитыхъ водой; ну, да и нашему солдату невесело было шлепаться по грязнымъ переулкамъ и закаулкамъ бастіоновъ, скорчась сидѣть въ траншеяхъ, ползать въ секретахъ или стоять въ цѣпи.

Союзники въ эти ненастные дни меньше обыкновеннаго держали войска въ траншеяхъ, или для сбереженія людей, или предполагая, что мы, подъ покровительствомъ непогоды, сдѣлаемъ на нихъ усиленное нападеніе, а вообще было замѣчено, что они крѣпко насъ побаиваются. По ночамъ на 28 и 29 апрѣля, вѣроятно, чтобъ выразить свою всегдашнюю готовность къ бою, показать намъ невозможность внезапнаго на нихъ нападенія и предупредить всякое покушеніе наше, они противъ Будищева батареи, на театрѣ большаго числа вылазокъ, сдѣланныхъ изъ Севастополя, нѣсколько разъ вдругъ открывали батальный огонь изъ своихъ траншей, и, не вылѣзая изъ нихъ, били наступленіе, кричали „ура“, съ такою энергіей, что такъ и казалось: вотъ, вотъ цѣлыя тысячи ихъ бросятся на штурмъ одного какого-нибудь пункта нашей оборонительной линіи.

Разумѣется, наши секреты, при этомъ воплѣ и пальбѣ, отступятъ, а цѣпь за темнотою, ничего противъ себя не видя, кромѣ огня непріятельскихъ выстрѣловъ, слыша наступленіе и военный кличъ непріятеля, тоже начнетъ стрѣлять; наши батареи, не зная еще причины дѣйствительной тревоги, станутъ поддерживать своихъ и такимъ образомъ двѣ ночи сряду поднималась ужасная пальба, продолжавшаяся оба раза по нѣсколько десятковъ минутъ, пока успѣютъ освѣтить пространство свѣтящимися ядрами и навѣрное опредѣлятъ, что это только фальшивая тревога.

---

*) Большія потери и то еще горе, что раны понесенныя нашими солдатами имѣютъ исходъ скорѣе дурной, чѣмъ хорошій, причиною этому неудобство ли помѣщеній, неумѣлый и невнимательный уходъ за ранеными—незнаемъ. Самъ Пироговъ въ изданіи своемъ „Начало общей военно-полевой хирургіи“ (Дрезденъ. 1866 г.) съ прискорбіемъ указываетъ на этотъ фактъ. Въ апрѣлѣ, онъ говоритъ, 1855 нашихъ раненыхъ перевезли изъ Николаевской батареи пароходами на Сѣверную сторону и положили ихъ въ солдатскія палатки. Отъ этого много больныхъ погибло. Изъ 500 ампутированныхъ въ три недѣли осталась едва треть въ живыхъ, а изъ 200 ампутированныхъ на бедрѣ, осталось въ живыхъ едва 24 человѣка (стр. 181). Въ маѣ обнаружилась холера, хотя, по счастію, рѣдко поражавшая раненыхъ, а въ концѣ мая Пироговъ совсѣмъ пересталъ ампутировать, такъ какъ онъ былъ увѣренъ въ дурномъ исходѣ операцій.

Наше начальство рѣшило проучить незванныхъ гостей за такіе фокусы. Велѣли сдѣлать вылазку нѣсколько сильнѣе той, на которой отличился прапорщикъ Говинскій съ Охотцами въ ночь на 23 апрѣля. Честь эту предоставили опять таки Охотскому полку въ томъ вниманіи, что на-дняхъ полку приходилось праздновать юбилей полугодичнаго пребыванія въ передовыхъ линіяхъ осажденнаго Севастополя, такъ и надо было ему дать возможность отличиться.

Полугодичнаго!...

Нетрудно произнести эту фразу вамъ, господа, изъ разсказовъ только знающимъ о севастопольской траншейной службѣ, не испытавшимъ на себѣ ни одного дня этой жизни въ грязи и смрадѣ траншей и блиндажей, безпрестанно вынося атаку милліоновъ самыхъ несносныхъ насѣкомыхъ; этой жизни, такъ сказать, подъ косою смерти, надъ вами парящей въ образѣ сотенъ тысячъ разнообразныхъ снарядовъ, ежеминутно видя предъ собою ея осклабленный ликъ и вокругъ себя разрушеніе и гибель...

Да, кто не бывалъ на бастіонахъ и въ траншеяхъ Севастополя, тотъ не поймета, съ какимъ восторженнымъ чувствомъ Охотскій полкъ готовъ былъ праздновать шестимѣсячное пребываніе свое въ Севастополѣ! Легко сказать—шестимѣсячное, а какъ трудно было пережить это время, эти *шесть тяжкихъ лѣтъ!* Въ теченіе ихъ сколькихъ изъ насъ не стало! Сколько сѣдины прибавилось у одного, сколько недуговъ досталось на долю другому, какъ похудѣлъ третій, сколько пролилъ крови иной, сколько трудовъ и лишеній перенесли всѣ!

Вылазка была назначена на ночь съ 29 на 30 апрѣля.

Въ охотники пошли исключительно одни Охотцы. Это была единственная вылазка изъ Севастополя, въ которой не принимали участія моряки.

Пять офицеровъ повели на „Зеленую гору“ удалую команду, состоявшую изъ десяти унтеръ-офицеровъ и ста шестидесяти пяти рядовыхъ.

Ночь—зги не видать: вѣтеръ и дождь прямо въ лицо нашимъ; слѣдовательно многое благопріятствуетъ нашему предпріятію: не слышно будетъ шуму движенія, а видѣть все равно ничего нельзя.

Подпоручикъ Рытовъ полѣзъ съ сорока человѣками впередъ, правѣе лабораторной балки; прапорщикъ Говинскій долженъ былъ ползти по лабораторной балкѣ и, держась на одной высотѣ съ Рытовымъ, движеніемъ своимъ охватить непріятельскій секретъ и броситься на него съ тылу... Бой, долженствовавшій произойти при этомъ, служилъ бы сигналомъ общему нападенію. Но темнота помѣшала съ точностію осуществить задуманный планъ. Говинскій немного заблудился и вмѣсто того, чтобъ отрѣзать секретъ и схватить его, попалъ на всю непріятельскую цѣпь. Думать было нечего; выбирать не изъ чего: залпъ, „ура“ и бросились на Англичанъ въ штыки!... Тѣ, какъ говорятъ солдаты: *„видя, что не полоса,“*—бѣжать, наши за ними!.... Вопль битвы и пальба послужили Рытову сигналомъ. При первыхъ звукахъ долетѣвшаго до него „ура“ онъ вскочилъ на англійскую ба-

тарею, къ которой подлѣзъ подъ самыя амбразуры, благодаря дождю, сильному вѣтру и дремотѣ англійскихъ часовыхъ, насунувшихъ капишоны на головы и стоявшихъ по сю сторону батареи. Со стороны Англичанъ не могло быть большаго сопротивленія: часовые въ нахлобученныхъ капишонахъ, артиллерійская прислуга, спавшая подъ орудіями, офицеры, вылѣзавшіе изъ блиндажей съ револьверами въ рукахъ, при шумѣ тревоги мгновенно всѣ были переколоты!

Наши, несмотря на усталость, проползя болѣе версты противъ вѣтра, по глубокой грязи, бросились за Англичанами въ траншеи и кололи ихъ безпощадно. *„По грязи онъ уйти не можетъ,*—разсказывали мнѣ солдаты;—*да и этотъ не то, что Французъ прыткій; у этого башмаки станутъ сваливаться, онъ запутается, присядетъ, ружье тебѣ свое въ руки суетъ, бормочетъ что-то да дрожитъ какъ листъ!“*

Не болѣе какъ въ четверть часа вся „Зеленая гора“ была въ нашихъ рукахъ! На восьми орудіяхъ сидятъ верхомъ наши солдатики, заклепывая ихъ кто заклепкой, а кто просто штыкомъ или гвоздемъ; другіе, отыскавъ пороховой погребъ, ломаютъ снаряды, сыплютъ порохъ въ грязь; третьи рубятъ колеса орудій, принадлежность; иные ударами большихъ непріятельскихъ ядеръ стараются отбить цапфы, разбиваютъ курки орудій, дружнымъ напоромъ валятъ орудія на бокъ, заколачиваютъ ядра и картечь въ двѣ большія мортиры,—словомъ, работа кипитъ; тащатъ нѣсколько плѣнныхъ; тревога распространилась въ англійскомъ лагерѣ; со всѣхъ сторонъ сбѣгаются непріятельскіе резервы; открылась самая ужасная канонада. Могутъ сильно потерпѣть наши подкрѣпленія.—Командиръ полка, полковникъ Малевскій, видя увлеченіе своихъ охотниковъ и зная невозможность удержать за собою взятую батарею, приказалъ играть отступленіе, предварительно обезпечивъ фланги охотниковъ посылкою на каждый по двѣ роты своего полка, съ тѣмъ, чтобы не допустить Англичанъ отрѣзать молодцовъ, и на всякій случай оставивъ въ главномъ резервѣ еще двѣ роты.

Упоенные успѣхомъ солдаты, овладѣвшіе батареей, и вѣрить не хотятъ, что наши играютъ отступленіе. „Ишь, говорятъ, Лазаря поетъ. Надуешь, надуешь, держи карманъ.... Слышь, отступленіе играетъ! не могъ отбиться, такъ на штуку поднялся!“

Дѣйствительно, не разъ случалось, что въ самомъ разгарѣ боя на вылазкѣ, въ моментъ нашего успѣха, непріятель вдругъ заиграетъ нашъ сигналъ отступленія и тѣмъ производитъ у насъ суматоху. На вылазкѣ съ 10 на 11 марта, для разрушенія французскихъ апрошей къ Камчатскому люнету, когда первая егерская рота Камчатскаго полка, подъ командою поручика Ковалевскаго, ворвалась во французскую траншею и, заваливъ ее трупами отчаянно защищавшихся зуавовъ, вступила въ рукопашный бой съ подоспѣвшимъ къ нимъ резервомъ, смѣшалась съ нимъ въ ночной темнотѣ и начинала уже одолѣвать, вдругъ поручикъ Ковалевскій, работавшій штыкомъ въ траншеѣ, надъ самымъ ухомъ своимъ услышалъ рѣзкій, сильный звукъ нашего сигнала отступленія! Съ ужасомъ онъ бросился къ играющему

и съ изумленіемъ въ немъ узналъ Француза, сидѣвшаго на гребнѣ траншеи за большимъ камнемъ. Разумѣется, Ковалевскій крикнулъ своимъ, и солдаты штыками заставили пѣть виртуоза *другую пѣсню*, а французскій сигнальный рожокъ принесли съ собой.

Впослѣдствіи принято было правиломъ при началѣ дѣла объявлять секретно, кому знать надлежало, что ни въ какомъ случаѣ отступленія играть не будутъ, а еслибъ надо было приказать отступать, будутъ играть другой сигналъ по условію, напримѣръ *переправу*.

Но мы оставили своихъ на батареѣ. Вотъ сигналъ повторяется; подкрѣпленія къ нашимъ не подходятъ, того и гляди Англичане перейдутъ въ наступленіе. Подпоручикъ Рытовъ, которому также жалко было разстаться со взятою батареею, шлетъ спросить приказанія у командира полка. Но уже полковникъ Малевскій, видя, что сигналъ, имъ подаваемый, остается безъ исполненія, пошелъ самъ на батарею. „Отступить!“ Нечего дѣлать! Наши стали отступать потихоньку, таща трехъ плѣнныхъ, много оружія, снарядовъ, зарядовъ, артиллерійской принадлежности, маленькіе боченки рому, теплыя одѣяла, славные плащи, много всякаго добра, найденнаго на батареѣ, забравъ своего убитаго унтеръ-офицера, четырехъ рядовыхъ и раненыхъ, одного офицера, трехъ унтеръ-офицеровъ и тридцать рядовыхъ. Охотцы не только отступили благополучно, но и послѣ того, какъ они уже добрались до своихъ траншей, Англичане еще часа два носу не смѣли показать на свою батарею *), опасаясь или наткнуться на засаду, или быть взорванными своимъ же погребкомъ, котораго однако мы не могли взорвать по милости дождя, вѣтра и грязи, по недосугу, и изъ опасенія при этой мѣрѣ повредить своимъ отступавшимъ солдатамъ.

„Ай да Охотцы!—твердили всѣ на утро.—Седьмую вылазку обработали. Да посмотри-ка, Зеленая-то цѣлый день молчитъ. Ни одно орудіе *не дѣйствуетъ*“, говорили солдаты.—„Диво, что ни одной пушки не притащили! А какъ ее притащить, тяжесть эвтакая, да рвы, да овраги! Спасибо, что молчать заставили: сколько тѣмъ народу живымъ осталось. А наши-то, гляди, такъ и садятъ со всѣхъ сторонъ въ ихъ батарею, случаемъ пользуются. Не отвѣчаетъ, проклятая!“

На другой день, а именно 1 мая, съ разрѣшенія начальника гарнизона, условились отпраздновать юбилей шестимѣсячнаго пребыванія Охотскаго полка въ Севастополѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ торжествовать удачную вылазку и любезный всѣмъ славянскимъ племенамъ первый весенній день!

---

*) Странно: про эту вылазку, имѣвшую, какъ разсказываютъ ея дѣятели, несомнѣнный успѣхъ, Guerin говоритъ какъ про дѣло для насъ неудачное. Вотъ его слова: въ ночь на 13 мая (тогда какъ вовсе не въ эту ночь просходила таковая вылазка, а въ ночь съ 29 на 30 апрѣля ст. стиля), генералъ Хрулевъ послалъ 165 охотниковъ Охотскаго полка, поддержанныхъ четырьмя ротами того же полка въ резервѣ, атаковать ближайшія къ Камчатскому люнету англійскія траншеи Охотники, раздѣлясь на двѣ маленькія колонны подъ командою подпоручика Рытова и прапорщика Говинскаго (Gaverski?), не имѣли того успѣха, какой имѣли ихъ товарищи прошлою ночью. Теперь въ траншеяхъ ждали непріятеля и дождавшись тотчасъ его опрокинули (Idem, стр. 191).

По обычаю православныхъ освящать молитвою всякое начинаніе, мы приступили 1 мая съ молитвою и къ этому торжеству.

Прежде всего мы помолились за тѣхъ, которые своею кровію заплатили за жизнь нашу, сохраненную намъ во время пребыванія въ Севастополѣ. Въ полуразрушенныхъ, избитыхъ непріятельскими снарядами Александровскихъ казармахъ мы отслужили паннихиду за упокой убитыхъ Охотцевъ, со времени нахожденія полка въ осадѣ. Въ числѣ убитыхъ поминалъ священнослужитель одного только *болярина Николая*, потому что, по милости Божіей, во все время осады, изъ охотскихъ офицеровъ (мы не говоримъ о 24 октября) только *одинъ* подпоручикъ Николай Александровичъ Кондратьевъ палъ священною жертвою великаго дѣла.

Горько, что этотъ тяжкій жребій достался именно на долю Кондратьева.

Юноша, полный отваги, въ цвѣтѣ молодости и силы, онъ былъ отрадою престарѣлой матери, существованіе которой поддерживалось тѣмъ, что Кондратьевъ могъ, со времени производства его въ офицеры, удѣлять ей отъ своего содержанія. По его кончинѣ нашли у него письма матери, которыхъ нѣтъ возможности читать безъ слезъ. Сколько любви, сколько предчувственныхъ страданій, сколько трепета за любимое существо, сколько нѣжности въ этихъ скромныхъ сердечныхъ бесѣдахъ старухи-матери съ кормильцемъ-сыномъ! Какія нѣжныя убѣжденія не отказывать себѣ ни въ чемъ во имя ея, потому что молодъ онъ еще, жить ему надо, да жить, а она свое уже отжила! Но тутъ же, въ послѣднемъ письмѣ, посреди изліяній благодарности за присылку нѣсколькихъ десятковъ рублей, собранныхъ отъ двойнаго жалованія и отъ фуражныхъ, она съ восторгомъ разсказываетъ, какъ во время поспѣли присланныя имъ деньги, потому что осьмой уже день ей не на что было купить ея любимаго цвѣточнаго чая. Въ глушь городка Славянска Харьковской губерніи, гдѣ поселилась почтенная старушка, Татьяна Егоровна Кондратьева, не доберутся эти строки, а потому-то я и дерзнулъ набросать ихъ, разоблачивъ семейную тайну. Но еслибъ онѣ и добрались туда, то да не оскорбятъ онѣ почтенной матери нашего храбраго товарища! Разсказываю эти подробности съ тѣмъ, чтобы представить высокую душу его, и тѣмъ, кто чтитъ доблесть русскую, кому дорога всякая капля славной крови, за Русь и Русскихъ пролитой, тѣмъ, кому судьба не отказала въ средствахъ матеріальныхъ,—дать возможность принять на себя честь замѣнить, хоть въ нѣкоторомъ отношеніи, для почтенной матери Кондратьева ея героя-сына.

Послѣдніе дни и минуты Кондратьева такъ замѣчательны, что я не могу не разсказать о нихъ того, что успѣлъ развѣдать.

Со времени прихода нашего въ Севастополь, съ первыхъ чиселъ ноября 1854 года, Кондратьевъ квартировалъ въ домѣ подъ Малаховымъ курганомъ, съ двумя друзьями своими, штабсъ-капитаномъ Л. и капитаномъ Кравченко. Тяжелая контузія въ грудь, полученная капитаномъ Кравченко

въ дѣлѣ 24 октября, на Инкерманскихъ высотахъ, изъ котораго онъ вывелъ Охотскій полкъ, потерявшій тогда всѣхъ своихъ старшихъ начальниковъ, контузія, презрѣнная этимъ благороднымъ офицеромъ, по словамъ врачей, была виною его скоропостижной смерти, 17 декабря 1854 года. Эта внезапная кончина произвела чрезвычайное впечатлѣніе на Кондратьева. Безтрепетный въ дѣлѣ, не разъ встрѣчавшійся со смертію лицомъ къ лицу, на этотъ разъ онъ смутился столь неожиданною встрѣчею: потрясся весь его организмъ, но, преодолѣвъ себя, Кондратьевъ вызвался отдать послѣдній долгъ покойному и быть распорядителемъ его похоронъ. Воротясь съ Сѣверной, по окончаніи печальнаго обряда, юноша былъ въ необыкновенномрачномъ настроеніи духа, какъ будто, чрезъ отверстыя двери свѣжей могилы, душа его заглянула въ другой таинственный міръ и прочла тамъ роковое предсказаніе близкаго совершенія своей судьбы. Товарищи благодарили его за печальныя хлопоты. „Не стоитъ благодарности, господа, отвѣчалъ Кондратьевъ; сегодня я похоронилъ Кравченка, кто-то изъ васъ завтра похоронитъ меня?“...

Въ ночь съ 19 на 20 декабря назначена была вылазка, подъ начальствомъ лейтенанта Бирюлева. Кондратьевъ вызвался вести на вылазку охотниковъ Охотскаго полка.

До самаго вечера Кондратьевъ молча просидѣлъ предъ каминомъ; ничто не могло развлечь его: ни болтовня товарищей, ни участіе хозяйки дома, старавшейся разсѣять его грусть. Погрузившись въ кресла, онъ вперилъ глаза въ голубое пламя каменнаго угля... Не читалъ ли онъ въ этихъ пламенныхъ узорахъ всей повѣсти прошлыхъ, краткихъ дней своихъ? Не являлся ли ему тогда трепетный образъ его матери и благословляющая рука, въ послѣдній разъ, не казалась ли ему поднятою надъ его челомъ? Не прочелъ ли онъ въ этихъ огненныхъ іероглифахъ своего приговора, и не слишкомъ ли тяжко становилось ему прощаніе съ молодою, едва начатою жизнью? Но вотъ пришли сказать, что охотники собираются. Пора—роковое пора! Товарищи стали убѣждать его не идти сегодня на вылазку. Еще было время отказаться, еще была возможность назначить другаго: въ желающихъ идти на вылазку никогда не было недостатка. „Нѣтъ,—отвѣчалъ Кондратьевъ,—я этого не сдѣлаю. Если убьютъ меня, по крайней мѣрѣ, мои бѣдные мать и братъ будутъ имѣть кусокъ хлѣба. Пожалуйста только, господа, похороните меня какъ можно скромнѣе, чтобы больше денегъ послѣ меня можно было послать матушкѣ“.

И доблестный юноша пошелъ навстрѣчу смерти, какъ на брачный пиръ!

Вылазка была на урочище „Рѣзню“, противъ 3-го отдѣленія. Надо было отнять у Французовъ захваченные ими наши ложементы, передѣланные уже ими для собственной защиты; ибо они стали наносить нашимъ передовымъ цѣпямъ значительный вредъ и своимъ сосѣдствомъ ставили въ весьма опасное положеніе наши секреты.

Вылазка была весьма обыкновенная. Наши, превосходно зная мѣст-

ность, скрытно прошли до извѣстныхъ пунктовъ; оттуда поползли къ непріятельскимъ траншеямъ и, при условномъ знакѣ, съ крикомъ „ура“ бросились на ложементы съ нѣсколькихъ сторонъ. Въ темнотѣ декабрской ночи, освѣщаемой полетомъ и разрывомъ снарядовъ, бой длился не долго: наши восторжествовали, Французы были выбиты изъ двухъ рядовъ траншей, одинъ рядъ былъ разрушенъ и зарытъ; необходимые для насъ ложементы отняты, вновь передѣланы по-своему и заняты нашими стрѣлками; схвачено девять человѣкъ въ плѣнъ; принесено двадцать семь труповъ. Успѣхъ полнѣйшій. Изъ семидесяти Охотскихъ охотниковъ ранены двое, убитыхъ солдатъ нѣтъ, но... убитъ подпоручикъ Кондратьевъ, и какъ убитъ!

Подбѣгая къ траншеѣ, Кондратьевъ наткнулся съ охотниками на французскій секретъ: завязался рукопашный бой. Въ пылу его Кондратьевъ видитъ, какъ на одного солдата наскочили два зуава. Одного-то нашъ молодецъ повалилъ штыкомъ въ ту минуту, когда другой размахнулся, чтобъ поразить его въ бокъ штыкомъ же. Тигромъ бросился Кондратьевъ на зуава и шашкой разрубилъ ему голову; тотъ повалился, но, падая, чѣмъ-то зацѣпилъ взведенный курокъ своего ружья, выстрѣлъ пришелся въ грудь Кондратьеву. Онъ не успѣлъ и простонать. Разъяренные Охотцы залили кровью французскія траншеи въ отмщеніе за смерть любимаго офицера и въ ту же ночь, рыдая, положили трупъ его на столъ противъ того самаго камина его квартиры, предъ которымъ, за нѣсколько предъ тѣмъ часовъ, сидѣлъ юноша-герой, Богъ вѣсть съ какими мечтами...

На утро простой гробъ Кондратьева былъ обвитъ цвѣтами и, орошенный горючими слезами участія, на Сѣверной опущенъ въ могилу, вырытую рядомъ со свѣжею могилою Кравченка... Для перевозки тѣла на Сѣверную, адмиралъ Панфиловъ далъ свой адмиральскій катеръ, и самъ вмѣстѣ съ генераломъ Заливкинымъ несъ, съ другими офицерами, гробъ юноши-героя отъ его квартиры до бухты...

Но вотъ панихида кончилась. Мы собрались на площадкѣ насупротивъ Владимірской церкви. Насъ ожидалъ взводъ георгіевскихъ кавалеровъ: живая лѣтопись славныхъ подвиговъ севастопольскихъ защитниковъ! Въ числѣ этихъ молодцевъ стояли трое безъ крестовъ; но пріѣхалъ Начальникъ штаба Севастопольскаго гарнизона, князь Васильчиковъ (нынѣ генералъ-адъютантъ), и привезъ имъ кресты, назначенные отъ Главнокомандующаго за послѣднюю вылазку. Можно вообразить, какое громкое, сердечное, „рады стараться!“ грянули новопожалованные кавалеры и ихъ новые товарищи, въ отвѣтъ на привѣтствіе князя и желаніе продолжать служить молодцами!

Именно къ этому дню, по распоряженію начальника лѣвой половины оборонительной линіи, генералъ-лейтенанта Хрулева, устроена была духовенствомъ 11-й дивизіи просторная полковая церковь въ большомъ полуоконченномъ домѣ, на углу Владимірской площади. Иконостасъ церкви былъ составленъ изъ уцѣлѣвшихъ частей разбитой непріятельскими выстрѣлами

церкви Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка. Служили обѣдню, потомъ благодарственный молебенъ, въ заключеніе котораго провозгласили обычное многолѣтіе. *).

Напутствуемые благословеніями пастырей, мы возвратились къ фронту; загремѣла музыка, и молодецкій взводъ кавалеровъ лихо прошелъ мимо генераловъ церемоніальнымъ маршемъ, не обращая вниманія на ядра, проносившіяся неподалеку и совершавшія свой дальній путь изъ-за Киленъ-балки къ пристани на Сѣверной сторонѣ или на „Графскую!“

Солдаты пошли въ казармы, гдѣ ихъ ждала чара *зелена вина* и сытный обѣдъ, мы—за готовый уже столъ.

Вотъ вамъ и ужасы осады! Вотъ вамъ и близость грознаго непріятеля на морѣ и сушѣ, послѣ шестимѣсячной постоянной съ нимъ борьбы! Хорошенькій домикъ окруженъ нѣсколькими хорами полковой музыки, толпами разудалыхъ пѣсельниковъ; комнаты заставлены столами, сервированными особъ на сто двадцать, повсюду букеты душистой бѣлой акаціи, нѣжной желтофіоли и самыхъ пестрыхъ тюльпановъ; прекрасный обѣдъ, громадная кулебяка о четырехъ углахъ, которую похвалилъ бы самъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ, множество добраго вина, заграничнаго и туземнаго, и наконецъ вдоволь шампанскаго! Бокалы налиты: загремѣлъ тостъ за здравіе Государя Императора при восторженныхъ крикахъ „ура“ присутствующихъ, при громѣ двухъ оркестровъ и двухъ хоровъ пѣсельниковъ, игравшихъ и пѣвшихъ народный гимнъ, которому салютовали разрывы непріятельскихъ бомбъ и бурчанье пролетавшихъ осколковъ. Все время послѣдовавшихъ за тѣмъ тостовъ за здравіе Государя Наслѣдника, Государыни Императрицъ гремѣлъ священный для насъ гимнъ. Когда грянули: „за здоровье главнокомандующаго!“—пѣсельники и музыканты подхватили такъ-называемую *„горчаковскую“* пѣсню, равно прекрасную по музыкѣ и по словамъ. Тутъ послѣдовалъ рядъ тостовъ, и когда раздался завѣтный тостъ: „во здравіе защитниковъ Севастополя и на погибель врагамъ его!“—зазвенѣли отъ единодушнаго возгласа стекла оконъ нашего домика. Затѣмъ еще тосты и еще; но вотъ возвысилъ голосъ всѣми чтимый и любимый начальникъ нашъ генералъ Хрулевъ. Всѣ замолчали.

„За нашихъ помощниковъ и спасителей, господа! Вообще за нашихъ медиковъ, а за Пирогова и Гюббенета въ особенности“! „ура“ опять загремѣло, и вновь все замолкло; хотѣлъ говорить Гюббенетъ. „Господа, благодарю за незаслуженную, мнѣ сдѣланную честь. Слава вашихъ подвиговъ составляетъ одну изъ блистательнѣйшихъ страницъ исторіи; она-то, слава эта, отражается и на насъ — на медикахъ: пью за славу русскаго оружія,

---

*) Въ этой церкви до самаго отступленія изъ Севастополя совершалось почти ежедневно богослуженіе и молящихся всегда было много. Церковный сборъ былъ столь значителенъ, что за исключеніемъ всѣхъ расходовъ, осталось 688 руб. сер. Деньги эти, по ходатайству генералъ-лейтенанта Хрулева, назначены и розданы раненымъ нижнимъ чинамъ лѣвой половины оборонительной линіи Севастополя.

за вашу славу, господа"! Раздался новый восторженный возгласъ „ура"!, и молодежь, по древнему воинскому обычаю Русскихъ, подхватила и подняла надъ собою знаменитаго доктора...

До вечера матросы и солдаты пѣли родныя пѣсни; одушевленная музыка не умолкала, — хоръ смѣнялся хоромъ; собрались толпы слушателей, слушательницъ; вся Корабельная ожила, какъ будто и не было врага у ея черты; въ окрестности пира затѣялась пляска, игры; никто не обращалъ вниманія на снаряды, по временамъ проносившіеся, на бомбы, неподалеку лопавшіяся въ воздухѣ, мгновенно образуя густое бѣлое облачко, живописно рисовавшееся на синемъ небѣ! „Намъ на праздникъ Французы бросаютъ букеты", шутя говорили офицеры. Все было весело, неподдѣльно, и всякій свою радость хотѣлъ дѣлить съ товарищами лишеній, опасности, труда. Звали на пиръ извѣстныхъ удальцовъ севастопольскихъ, поили шампанскимъ, цѣловали ихъ, приказывая сказать товарищамъ, что генералы и офицеры пьютъ за ихъ здоровье.

Но вотъ пора и по мѣстамъ. Другому съ пира да на службу—въ цѣпь, въ траншею, въ резервъ, на батарею! Спускается тихій теплый вечеръ надъ засыпающею бухтой. Стали яснѣе и яснѣе обозначаться звѣзды, да пушечные огоньки. На корабляхъ забили барабаны, флагъ упалъ; кончился охотскій пиръ, и закатился въ вѣчность день 1 мая, прекрасный, въ обширномъ смыслѣ слова, истинно майскій день для Корабельной стороны, для осажденнаго Севастополя.

Ночью было двѣ вылазки на правомъ флангѣ обороны: одна противъ 5 и 6 бастіоновъ, другая противъ редута Шварца—обѣ довольно удачны.

4 мая.

Лимоны здѣсь очень дороги и трудно ихъ достать. Клейнгаузъ изъ Херсона выписалъ на собственный счетъ 200 штукъ и отправилъ ихъ на Сѣверную къ Сестрамъ милосердія для употребленія раненымъ офицерамъ. Но дороговизна и рѣдкость лимоновъ нисколько не уменьшаетъ комизма слѣдующаго случая. Якутскій казначей Ефимовъ подарилъ генералу Павлову десятокъ прекрасныхъ лимоновъ. Павловъ большой лакомка и притомъ очень скупенекъ; лимонъ обыкновенно сталъ подаваться собственно ему одному къ ухѣ или супу; Павловъ обыкновенно отрѣзалъ отъ него тончайшій ломтикъ и остальная часть тотчасъ послѣ этого уносилась и пряталась. Вчера за обѣдомъ былъ и Хрулевъ. По обычаю подаютъ Павлову лимонъ и затѣмъ денщикъ собирался исчезнуть съ нимъ, какъ Хрулевъ, что-то разсказывавшій про драгунскихъ генераловъ, протянулъ къ деньщику руку, со словами: „дай-ка братъ сюда". Заполучивъ лимонъ, Хрулевъ, не прерывая своего разсказа, началъ *выжимать* лимонъ въ уху, не прибѣгая къ ножу. Ужасъ изобразился на лицѣ Павлова при видѣ этого пассажа,—онъ протянулъ къ Хрулеву руку и задыхающимся отъ волненія голосомъ проговорилъ: „Ваше прство!...

Ваше прство!... позвольте я вамъ отрѣжу. Но тотъ, не обращая на Павлова ни малѣйшаго вниманія, продолжалъ выжимать лимонъ. — „Не будетъ ли очень кисло, Степанъ Александровичъ?—еще пытался Павловъ остановить страшную операцію, но Хрулевъ оставался глухъ къ этимъ предупрежденіямъ и тогда только оставилъ лимонъ въ покоѣ, когда весь его выжалъ! Павловъ совсѣмъ растерялся... Мы съ Клейнгаузомъ чуть не лопнули отъ душившаго насъ смѣха, а хохотать не смѣли!...

Сегодня у Голева былъ обѣдъ съ музыкой; Павловъ былъ, Хрулевъ, Панфиловъ, Васильчиковъ. Очень было весело. Вообще веселимся, никто не унываетъ, какъ будто мы и не въ осадѣ!

---

5 мая.

Вчера и сегодня по вечерамъ на правой половинѣ оборонительной линіи, кажется, съ 4-го бастіона, удалые наши солдатики для потѣхи пускаютъ большой летучій змѣй, который носится надъ французскими траншеями, привлекая на себя ихъ выстрѣлы; на бастіонахъ нашей стороны солдаты забавляются въ такомъ же родѣ: ставятъ на гребень бруствера или мельницу, или солдатика, ворочающагося по вѣтру, или пильщика такъ установленнаго, что постоянно находится въ движеніи. Всѣ эти игрушки, повидимому, занимаютъ и непріятеля, нарушая однообразіе траншейной жизни, и привлекаютъ на себя обыкновенно множество прицѣльныхъ выстрѣловъ *).

6 мая.

Вчера, когда мы садились обѣдать, явился одинъ изъ ординарцевъ генерала графа Остенъ-Сакена и доложилъ генералу Хрулеву, что его требуетъ главнокомандующій, ожидая его у начальника гарнизона. Захвативъ съ собою планъ обороны лѣвой половины Севастополя, думая, что его требуютъ для обсужденіи какого-нибудь вопроса по этому предмету, генералъ Хрулевъ отправился немедленно. Какое же было наше удивленіе, и, можемъ сказать посовѣсти, огорченіе, когда, черезъ часа два является Григорій Павловъ состоящій за адъютанта при Хрулевѣ, и говоритъ:

„Прощайте!“

— Что такое? Куда?

„Хрулевъ назначенъ начальникомъ *правой* половины оборонительной линіи.“

---

*) Съ удивленіемъ мы встрѣтили въ такомъ серьезномъ трудѣ, какъ Historique du service de l' artillerie, замѣтку о летутемъ змѣѣ (Idem, стр. 271) и различныя предположенія по случаю его двукратнаго появленія. Это шутка нашихъ солдатъ, затѣянная для потѣхи—не больше, по словамъ сказанной замѣтки, сдѣлалась предметомъ множества толковъ и предположеній въ траншеяхъ и въ лагерѣ. „Была ли это бравада со стороны Русскихъ,—говоритъ замѣтка,—или маленькое средство отвлечь наше вниманіе, чтобы между тѣмъ произвести такое движеніе, которое надо было скрыть отъ насъ? Никто этого не знаетъ, и какъ смыслъ, такъ и цѣль этого маневра никогда не разъяснится“. А не мудрено было разъяснить: *забава* молодцовъ способныхъ забавляться въ виду смертной опасности.

— А сюда кто?

„Урусовъ.“

Вотъ два щелчка однимъ ударомъ: и Баумгартену и Павлову! Какъ то они перенесутъ ихъ? Баумгартену-то еще не такой рѣзкій: во-первыхъ, онъ еще молодой генералъ, а во-вторыхъ, давно уже на него здѣсь перестали возлагать такія надежды, какія возлагали въ началѣ, да и онъ вообще какъ-то утратилъ въ общественномъ мнѣніи тотъ авторитетъ, съ какимъ сюда прибылъ. Положимъ, на Павлова-то съ начала Крымской кампаніи никакихъ особыхъ надеждъ и не возлагали, но дѣло-то въ томъ, что князь Урусовъ далеко моложе его по службѣ и конечно недальновиднѣе. Можно ли такъ помыкать старикомъ, сорокъ лѣтъ прослужившимъ Россіи, притомъ командующимъ такой значительною частью, какъ Дивизія! Вѣдь такое съ нимъ обращеніе лишаетъ его всякаго вѣса въ глазахъ его подчиненныхъ. Онъ смѣется надъ всею этою перестановкой, но я, хорошо его зная, по всему вижу, какъ это назначеніе Урусова ему въ начальники его огорчаетъ и грызетъ!

Павлова назначаютъ обревизовать госпитали; онъ говоритъ: „Ни за что не поѣду и скажусь больнымъ“. Разумѣется, для него, всегда доселѣ пользовавшагося репутаціей одного изъ храбрѣйшихъ офицеровъ нашей арміи, устраненіе отъ военныхъ дѣйствій и назначеніе какъ бы въ нестроевые есть обида ни съ чѣмъ не сравнимая. Павловъ послалъ меня къ Хрулеву просить, чтобы онъ, изъ дружбы къ нему (въ дѣйствительности никакой дружбы между этими лицами не было, даже Павловъ терпѣть не могъ Хрулева, у котораго тоже душа, кажется, особенно не лежала къ Павлову), похлопоталъ у Коцебу, чтобы его оставили въ Севастополѣ, а не посылали осматривать госпиталей. „Мы съ Урусовымъ, говорилъ Павловъ, попросите передать Коцебу, ссориться не будемъ. Пусть меня назначатъ комендантомъ Корабельной стороны, что ли, и начальникомъ расположенной на ней пѣхоты, а его пусть сдѣлаютъ начальникомъ отдѣленій лѣвой половины оборонительной линіи. Передайте, что если снизойдутъ на мою просьбу и оставятъ меня здѣсь, я соглашусь, чтобы бригаду моей дивизіи, о выводѣ которой на отдыхъ изъ Севастополя я хлопоталъ,—не выводили отсюда“. Признаться, мнѣ очень показалось странною эта новаго рода торговля, но нечего дѣлать, я долженъ былъ передать Хрулеву, что мнѣ было приказано.

Когда я пришелъ къ Хрулеву съ означеннымъ порученіемъ, онъ между прочимъ разсказалъ мнѣ, какъ князь Горчаковъ назначилъ его на настоящій его постъ: „Являюсь къ нему, согласно приказанія, онъ встрѣчаетъ меня словами:—„Здѣсь плохо, останьтесь здѣсь. Сейчасъ же пріймите команду.“ „Я пошелъ,—говоритъ Хрулевъ,—осмотрѣлъ линію, вижу дѣйствительно плохо. Французы сидятъ у насъ, что называется, на носу. Думаю: всмотрюсь въ дѣло, составлю планъ, скажу главнокомандующему: „по моему вотъ что надо дѣлать“. Согласится, дастъ разрѣшеніе и средства—сдѣлаю что надо,—

не согласится съ моимъ представленіемъ, откажусь отъ дальнѣйшаго участія во всей операціи, скажусь больнымъ и уѣду. Здѣсь очень и очень плохо, со всякимъ днемъ становится хуже".

Хрулевъ не взялся выхлопотать Павлову разрѣшеніе оставаться на Корабельной; мнѣ кажется даже, что онъ доволенъ, что Павловъ поѣдетъ осматривать госпитали.... Хрулевъ предложилъ мнѣ перейти къ нему, оставивъ занимаемую мною должность; но хотя Хрулевъ теперь и въ большей силѣ и состоять при немъ каждый сочтетъ за честь, однако мнѣ такъ стало жаль своей дивизіи, своихъ товарищей и друзей, съ которыми я совершенно сроднился, что я отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что занимаю штатную должность и бросить ее теперь, въ такое трудное время, было бы съ моей стороны не вполнѣ добросовѣстно.

У насъ очень сильную и очень безтолковую, безпрестанно почти, поддерживаютъ ружейную и артиллерійскую пальбу, несмотря на неоднократно повторенныя приказанія главнокомандующаго—стрѣлять только при необходимости. Результатомъ этой пальбы, что мы чувствуемъ сильный недостатокъ въ снарядахъ, вслѣдствіе чего предложено солдатамъ собирать непріятельскія пули и сдавать ихъ въ штабъ гарнизона, откуда будетъ выдаваться по 4 р. за пудъ. Тотчасъ явилось множество охотниковъ и сразу доставили въ штабъ значительное количество непріятельскихъ пуль; но разсчетъ за нихъ былъ сдѣланъ не вполнѣ добросовѣстно; штабъ выплатилъ только по 3 р. 20 к. за пудъ, а остальныя изъ обѣщанныхъ денегъ скинулъ *на угаръ* при предстоящей переливкѣ этихъ пуль по калибру нашихъ ружей и по вѣсу оказавшихся въ этихъ пуляхъ чугунныхъ чашечекъ. Солдаты и матросы крайне недовольны этой скидкой; они говорятъ: въ приказѣ ни слова не было сказано о скидкахъ, а просто объявлено—за пудъ принесенныхъ непріятельскихъ пуль дается столько-то.

---

7 мая.

Утверждаютъ въ главной квартирѣ, что распространившіеся у насъ слухи, будто Французамъ приказываютъ снять осаду Севастополя, имѣли основаніе. Говорятъ, что теперь оффиціально извѣстно о послѣдовавшемъ приказаніи Канроберу снять осаду Севастополя, оставивъ гарнизоны въ Евпаторіи, Балаклавѣ и въ Камышевой бухтѣ, и перенести театръ войны въ Бессарабію; но будто Канроберъ отказался и донесъ, что Севастополь въ настоящее время ближе къ паденію, чѣмъ когда-либо, и что онъ ручается за овладѣніе имъ въ самое непродолжительное время. На этомъ основаніи сдѣланное было распоряженіе отмѣнено и Канроберу предоставлено дѣйствовать по усмотрѣнію.

Разсказываютъ при этомъ, будто Наполеонъ, получивъ донесеніе Канро-

бера о началѣ втораго бомбардированія Севастополя, былъ очень доволенъ этою мѣрою и оставилъ у себя таковое донесеніе; но когда получилъ послѣдующее донесеніе, въ которымъ Канроберъ заявляетъ, что, какъ оказалось, желаемаго результата отъ начатой бомбардировки достигнуть невозможно, что надо еще приблизиться осадными работами къ городу и что у Французовъ недостаточно артиллерійскихъ снарядовъ, то Наполеонъ очень разсердился и оба эти донесенія бросилъ въ огонь.

Какой иногда странный, дѣтски-наивный разговоръ подслушаешь у солдатъ. Вотъ, для примѣра, подслушанный сегодня.

— Эхъ, кабы мнѣ Француза поймать,—говорилъ молодой солдатъ, въ числѣ прочихъ лежа навзничь за стѣною морской казармы, на мостовой, у составленныхъ въ козла ружей, положивъ руки подъ голову, вмѣсто подушки.—

„На что тебѣ?“—спросилъ его черствый, пожилой солдатъ, копаясь въ своемъ ранцѣ, сидя въ одной рубахѣ на разостланной шинели.

— Ружье заставилъ бы его чистить!

„Молодо, зелено, высоко берешь! Рано имѣть племяшей:—самъ, небось, вычистишь“.

Молчаніе.

„Къ чему ты это сказалъ?“—спросилъ пожилой солдатъ.

— Такъ.

„То-то и есть такъ; ты бы прежде раскусилъ, что хочешь сказать, а потомъ бы и сказалъ!“

8 мая.

Хрулевъ иногда пикируется съ моряками, которые съумѣли убѣдить всѣхъ, что они только одни и ратуютъ въ Севастополѣ, что безъ нихъ и помимо ихъ никакого путнаго дѣла нельзя сдѣлать. Затѣяли 29 апрѣля вылазку. Хрулевъ задумалъ произвесть ее исключительно одною пѣхотою съ тѣмъ, чтобы показать морякамъ, что и безъ нихъ можно обойтись, въ случаѣ нужды, одною пѣхотой, а пѣхотѣ—что она сама способна дѣйствовать самостоятельно, безъ руководителей. Дѣйствительно вылазка такъ и была сдѣлана, безъ моряковъ, а сдѣлана удачно. Мнѣ разсказывалъ самъ Хрулевъ, что Панфиловъ сердился, и не только сердился, но даже жаловался графу Сакену. Хрулевъ оправдывался передъ Панфиловымъ тѣмъ, что эта вылазка была произведена совершенно случайно и неожиданно для него самого, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности она заранѣе была обдумана. Вопервыхъ Хрулевъ далъ знать командующему Охотскимъ полкомъ полковнику Малевскому, чтобы онъ приготовилъ охотниковъ на вылазку и придвинулъ ихъ къ извѣстному пункту, а въ извѣстный часъ пустилъ бы ихъ въ дѣло, что тотъ исполнилъ. Во-вторыхъ, чтобы пріудержать Панфилова, Хрулевъ сообщилъ ему, что тотчасъ получилъ экстренное приказаніе главнокомандую-

щаго добыть языка, а для выиграніе времени приказалъ полковнику Малевскому немедленно произвесть вылазку, самъ же сейчасъ пріѣдетъ, чтобы вмѣстѣ съ Панфиловымъ принять участіе въ дѣлѣ. Между тѣмъ Хрулевъ нарочно замедлилъ пріѣздомъ и прискакалъ на 3 бастіонъ, когда уже вылазка кончалась, онъ тотчасъ пошелъ съ Панфиловымъ на мѣсто боя, но уже опоздалъ,—наши возвращались въ городъ.

---

9 мая.

Вотъ который уже день—невозмутимая тишина. Рѣдко, рѣдко раздастся ружейный выстрѣлъ, или пронесется снарядъ. Послѣ шумныхъ бомбардировокъ даже странною кажется настоящая тишина,—какъ будто чего-то недостаетъ въ Севастополѣ. Николинъ день. Вездѣ гремитъ музыка. Вчера я пошелъ въ городъ; дѣло было къ генералу Хрулеву. Какое у него роскошное помѣщеніе въ домѣ вице-адмирала Панфилова! Кругомъ дома превосходный садъ, весь въ цвѣту. Вообще та сторона города имѣетъ совершенно другой видъ сравнительно съ Корабельною стороною. Тамъ множество расцвѣтшихъ деревьевъ и кустарниковъ напоютъ воздухъ благоуханіемъ. Деревья бѣлой душистой акаціи, будто облитыя молокомъ, въ полномъ цвѣту, украшаютъ Екатерининскую улицу и большую часть ея домовъ. избитыхъ непріятелемъ. Счетомъ у третьей баррикады по Екатерининской, домъ командира Порта; въ немъ живутъ ординарцы генерала Хрулева. Великолѣпный домъ окруженъ садомъ, террасами (нѣсколькими уступами) подымающимся по горѣ. На одной изъ высшихъ террасъ изящный бельведеръ. Мы взошли на него полюбоваться картинностію Севастополя и, дѣйствительно, было чѣмъ полюбоваться. Едва виноградными аллеями мы воротились въ домъ, слышимъ чавканье бомбы, ближе..... прямо къ намъ;—еще мгновенье—она упала; огонь блеснулъ передъ глазами, земля и чугунъ полетѣли въ сторону, и чернымъ столбомъ съ мѣста ея паденія поднялся дымъ и прахъ.—Она легла у того бельведера, въ которомъ пять минутъ тому назадъ мы любовались картиною Севастополя. Такимъ-то образомъ мы здѣсь всегда на волоскѣ отъ смерти.

Вчера видѣлъ, Азовскій полкъ въ сумерки переправлялся съ Графской на Сѣверную. Какой бабой велъ этотъ полкъ новый его командиръ—Норденстренгъ! Говорятъ, мы собираемся дѣйствовать наступательно со стороны Чоргуна.

Мы уже стали носить бѣлые чехлы на фуражкахъ. Такая жара!

Переѣзжать бухту дѣлается со всякимъ днемъ опаснѣе: ядра такъ и ложатся у пристани. Всякій день какое-нибудь новое несчастіе: вчера,

напримѣръ, нѣсколько человѣкъ убило на самой пристани; вслѣдствіе этого пароходамъ днемъ воспрещено ходить по бухтѣ и перевозить черезъ оную, развѣ что-нибудь экстренное заставитъ сдѣлать исключеніе изъ этого правила. Даже перевозъ на лодкахъ приказано днемъ совершать со всевозможной осторожностью, во избѣжаніе напрасныхъ и излишнихъ жертвъ.

10 мая.

Третьяго дня схватили какого-то зуава на 5-мъ отдѣленіи. Французы въ подобныхъ случаяхъ не теряются и очень скоро изъ роли отвѣтчиковъ переходятъ въ роль вопрошающихъ.

„Скажите: это лагерь Сардинцевъ?“ — говорилъ зуавъ, показывая на наши войска, расположенныя на Сѣверной.

— Нѣтъ, это наши войска.

„Какъ ваши? — быть не можетъ. Вѣдь намъ сказали, что Сардинцы васъ отрѣзали!“

— Солгали, больше ничего.

Насилу повѣрилъ.

11 мая.

Говорятъ, у Французовъ назначенъ главнокомандующимъ генералъ Пелисье вмѣсто генерала Канробера, который однако остался въ арміи, отказавшись отъ командованія корпусомъ и возвратясь, изъ рыцарскаго великодушія, къ командованію своей дивизіей. *).

---

*) Хотя Канроберъ и добровольно отказался отъ власти, но надо полагать, что ему дали понять необходимость этого отказа. Причиною этому были, надо думать, нерѣшительность дѣйствій его и недоразумѣнія, возникшія между нимъ и англійскимъ главнокомандующимъ, окончательно, вслѣдствіе несогласія лорда Раглана на принятіе плана военныхъ дѣйствій, присланнаго Наполеономъ и предложеннаго Канробером на военномъ совѣтѣ. (Guerin, idem. с. 193 и далѣе). Пелисье назначенъ главнокомандующимъ 7 мая. О событіи этомъ мною подробно разсказано въ Сѣверной Пчелѣ 1857, № 61 и 62, тамъ же вкратцѣ разсказана біографія генерала Канробера.

Къ приведеннымъ въ этомъ разсказѣ (сдѣланномъ по Базанкуру: L'expedition de Crimée) фактамъ мы можемъ прибавить, что, по словамъ одного изъ историковъ Севастопольской осады, La-Bedolière, причиною отреченія Канробера отъ власти было отнюдь не разладъ его съ лордомъ Рагланомъ, а слѣдующее обстоятельство: 1 мая у Французовъ собрался военный совѣтъ для обсужденія плана дальнѣйшихъ дѣйствій. Канроберъ предложилъ высадить корпусъ войскъ на Бельбекъ и начать наступительныя дѣйствія съ этого пункта; но Пелисье полагалъ дѣйствовать на Черной и оттоль ударить на сѣверную сторону Севастополя. Эти предположенія были представлены Наполеону, и онъ утвердилъ планъ дѣйствій Пелисье. Канроберъ, не надѣясь успѣть въ осуществленіи чужаго плана, съ основною мыслію коего онъ былъ несогласенъ, отказался отъ начальствованія надъ войскомъ. Мы не раздѣляемъ убѣжденія Ла-Бедольера и согласны съ Базанкуромъ и Гереномъ, которые говорятъ, что предлогомъ *видимымъ* отказа отъ власти была болѣзнь Канробера, а *тайнымъ* несогласіе съ Рагланомъ и непринятіе плана, предложеннаго Наполеономъ.

Пилисье былъ 61 годъ, когда онъ принялъ главное начальство надъ арміею; это человѣкъ въ высшей степени энергичный Начавъ службу въ 1815 году, онъ участвовалъ въ Испанской войнѣ въ 1823, въ Мореѣ въ 1828, въ Алжирѣ въ 1830 въ чинѣ капитана; въ 1842 году онъ былъ уже полковникомъ.

Планъ дѣйствій, за осуществленіе коего принялся Пелисье, тотчасъ по вступленіи въ управленіе арміею, былъ слѣдующій, по словамъ Historique du service de l'Artillerie (Idem. с. 275, 276):

12 мая.

Въ ночь съ 9 на 10-е заложили противъ 5-го бастіона контръапрошную линію на скатѣ хребта, обращенномъ къ непріятелю. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы терпѣть осаду на этомъ пунктѣ, мы сами стали осаждать непріятеля. Предполагалось, выдвинувшись впередъ на извѣстное разстояніе, соорудить батарею, которая бы поражала непріятельскія работы во флангъ и частію въ тылъ. Удастся это предположеніе—союзники неминуемо должны будутъ бросить свою атаку на этотъ пунктъ.

Ночью закипѣла работа безъ всякой помѣхи со стороны непріятеля: но мы не могли въ одну ночь окончить столь счастливо начатой работы, по причинѣ весьма каменистаго грунта земли, на которой производились работы. Съ разсвѣтомъ 10 мая непріятель открылъ ужасную канонаду противъ начатыхъ работъ, въ которыхъ былъ оставленъ только траншейный караулъ. На ночь, 10 мая, войска пошли кончать работу, а одиннадцать баталіоновъ двинуто для ихъ прикрытія. Вся операція поручена генералу Хрулеву.

Непріятель не замедлилъ атаковать нашихъ подъ предводительствомъ генерала Пате (Paté), въ девять часовъ вечера, ударивъ одновременно на два пункта *) и введя въ дѣло около 12-ти тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ два гвардейскіе баталіона, еще не нюхавшихъ пороха. Мгновенно борьба приняла страшные размѣры и продолжалась семь часовъ съ перемѣннымъ счастіемъ; наконецъ наши одолѣли и погнали Французовъ. Два баталіона полка князя Варшавскаго и Подольскій егерскій полкъ отняли у Французовъ траншею; два баталіона Житомірскаго полка взяли ложементы, а баталіонъ Углицкаго полка показалъ чудеса храбрости: сокрушивъ всѣ препятствія, онъ вслѣдъ за Французами ворвался въ ихъ траншею, перебилъ много народа, конечно самъ при этомъ сильно пострадавъ. Говорятъ, въ этомъ ба-

---

1) Продолжать осаду Севастополя съ величайшею настойчивостію.

2) Возобновивъ атаку Малахова кургана, употребить наибольшія усилія противъ этой половины оборонительной линіи, какъ представляющей особую важность; овладѣть Селенгинскимъ, Волынскимъ редутами и Камчатскимъ люнетомъ, не ослабляя впрочемъ атаки правой половины Севастополя, чтобы безпокоить правый флангъ нашей арміи.

3) Возобновить и кончить Азовскую экспедицію немедленно, чтобы предупредить на этомъ пунктѣ Русскихъ, начинающихъ обращать на него вниманіе и приготовляться къ отпору.

4) Растянуть позицію на Черной, чтобы избѣжать скопленія войскъ вдали отъ пункта высадки войскъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ высадившихся, и занятіемъ такой позиціи угрожать лѣвому нашему флангу.

5) Продолжать работы по укрѣпленію Камышевой и Казачьей бухтъ, чтобы обезпечить продовольственную часть арміи, и тѣмъ дать арміи бо́льшую подвижность, чтобъ она могла, если нужно, двинуться впередъ, или отступить, или, наконецъ, чтобы она могла, въ случаѣ надобности, измѣнить базу своихъ дѣйствій.

*) Лѣвымъ отрядомъ Французовъ командовалъ генералъ Бёре (Beuret); у него было три роты 10-го стрѣлковаго баталіона, три баталіона 2-го полка иностраннаго легіона и баталіонъ 98-го линейнаго полка. Правымъ отрядомъ командовалъ генералъ де Ла-Мотружъ; у него была рота охотниковъ 1-го полка иностраннаго легіона, два баталіона 28 линейнаго полка, баталіонъ 18-го линейнаго полка и два баталіона гвардейскихъ волтижеровъ. Кромѣ того у генерала Пате подъ рукою были сильные резервы.

таліонѣ не воротилось невредимымъ *ни одного* офицера, а изъ всего баталіона пришло только около 80 человѣкъ. Углицкіе кровью омыли свою недавнюю неудачу передъ 4-мъ бастіономъ. Бой не прекращался всю ночь съ перемѣннымъ счастіемъ; кромѣ сказанныхъ войскъ, введенъ былъ въ дѣло баталіонъ Минцевъ. Неоднократно ложементы переходили изъ рукъ въ руки. Траншея осталась за нами, кромѣ трехъ ложементовъ праваго нашего фланга, выдавшихся впередъ и оставшихся нейтральными *); и хотя этотъ ночной бой въ траншеяхъ дорого намъ стоилъ, однако главнокомандующій приказалъ не удерживать за собою этой траншеи настойчиво, а если союзники покажутъ намѣреніе взять ее силою—уступить ее безъ боя. Такъ и сдѣлалось. Сегодня ночью, послѣ ничтожной перестрѣлки, наши отступили, оставивъ контръ-апрошныя работы въ рукахъ Французовъ.

Сегодня былъ размѣнъ тѣлъ. Наша потеря, правда, велика (она весьма добросовѣстно показана въ реляціи князя Горчакова); но и у Французовъ огромная потеря: они сами великодушно сознаются, что у нихъ выбыло изъ строя, въ эти двѣ ночи, убитыми 23 офицера, 593 нижнихъ чиновъ, ранеными генералъ Пате, 78 офицеровъ и 1505 нижнихъ чиновъ **). Что же касается до гарнизона, то на него непріятно подѣйствовала отдача траншей, такъ счастливо начатыхъ на мѣстности, на которой, подъ перекрестнымъ огнемъ нашихъ верковъ, каждый шагъ впередъ слишкомъ дорого бы стоилъ Французамъ,—траншей, защищенныхъ съ такимъ геройствомъ и блистательнымъ успѣхомъ.

Во всѣхъ кружкахъ только и слышалось: зачѣмъ было начинать эти траншеи? Зачѣмъ было повалить въ нихъ столько своего народа, когда ихъ пришлось на другой день отдать безъ драки? Какъ будто мы для союзниковъ собственно трудились, работали; вырыли огромную траншею въ каменистомъ грунтѣ; поставили 1600 туровъ и вдругъ все пропало: и работа, и туры, да въ придачу выбыло изъ строя 77 офицеровъ и 2.273 солдатъ! ***)

---

*) Утверждаютъ, что эти ложементы не остались нейтральными, а на разсвѣтѣ были заняты Французами по милости Владимірскаго полка, *опоздавшаго*, вопреки приказанію, занять ихъ своими людьми еще *до* разсвѣта.

**) Генералъ Хрущовъ въ своей „Исторіи обороны Севастополя“ дѣло это называетъ „*безразсуднымъ предпріятіемъ*“ и сильно обвиняетъ въ немъ генерала Хрулева.

***) У насъ убиты: командиръ Новоингерманландскаго полка генералъ-маіоръ Адлербергъ (и при немъ убитъ сынъ его, офицеръ того же полка), 3 штабъ-офицера, въ томъ числѣ командиръ 3 сапернаго баталіона полковникъ Зацѣпинъ, 15 оберъ-офицеровъ и 746 нижнихъ чиновъ; ранено: 7 штабъ-офицеровъ, 42 оберъ-офицера, 1.377 нижнихъ чиновъ; контужено: 1 штабъ-офицеръ, 8 оберъ-офицеровъ, 315 нижнихъ чиновъ. По показанію генерала Хрущова, почерпнувшаго свой разсказъ, какъ онъ утверждаетъ (Idem, стр. 98) изъ рапорта начальника I отдѣленія оборонительной линіи генерала Семякина начальнику гарнизона за № 2223, у насъ въ этомъ дѣлѣ выбыло изъ строя: 1 генералъ, 74 офицера и 2.739 нижнихъ чиновъ.

У Французовъ, по словамъ (Relation médico-chirurgicale) доктора Scrive, главнаго доктора Крымской арміи, убито до 600 человѣкъ, въ числѣ ихъ болѣе 30 офицеровъ и до 1.300 ранено, въ томъ числѣ болѣе 60 офицеровъ.

Historique du service de l' Artillerie увѣряетъ, что при перемиріи, заключенномъ для размѣна и уборки тѣлъ, Французы намъ выдали 1.200 нашихъ тѣлъ. Это не имѣетъ вѣроятія, также какъ и увѣреніе, что у Французовъ выбыло изъ строя всего до 1.500 человѣкъ (idem, стр. 281).

Во время войны ни одного дѣйствія начальниковъ не пройдетъ безъ строгаго и часто невѣрнаго критическаго разбора, которому подвергается всякое такое дѣйствіе его участниками и свидѣтелями.

Одни говорятъ, что спорной траншеи мы никакъ не могли бы удержать за собой, а потому рѣшили отступить тотчасъ, если непріятель попытается отобрать ее. Такъ и сдѣлалось: траншеи эти отдали Французамъ почти безъ выстрѣла.

Другіе утверждаютъ, что дѣло было совершенно иначе. Будто бы отдача этихъ траншей непріятелю была не что иное, какъ употребленная военная хитрость, для нанесенія непріятелю возможно большей потери въ людяхъ, а именно: предполагалось, что когда союзники рѣшатся овладѣть нашими траншеями, моментально очистить ихъ, съ тѣмъ, чтобы дать возможность артиллеріи засыпать картечью и гранатами увлекшихся ложнымъ успѣхомъ людей, обратить ихъ въ бѣгство и на ихъ плечахъ, быть можетъ, ворваться въ ихъ укрѣпленія. Для того чтобы очищеніе траншеи нашими было сдѣлано моментально, приказано было, въ тотъ моментъ, когда окажется необходимымъ произвесть этотъ маневръ, дежурному трубачу заиграть *переправу*. По несчастію, трубачъ въ пылахъ боя перепуталъ сигналы и вмѣсто *переправы* заигралъ *отступленіе*, или, по словамъ другихъ—*наступленіе*. Наши не отступили съ желаемой быстротой, не открыли поля дѣйствія для артиллеріи, а эта послѣдняя не рѣшилась стрѣлять, видя недоразумѣніе и боясь перебить своихъ. Артиллеристы послали спросить Хрулева: что имъ дѣлать? Онъ разругалъ ихъ площадными словами и приказалъ какъ можно скорѣе открыть огонь! Открыли, но уже было поздно: того опустошенія въ рядахъ непріятеля, какое предполагалось сдѣлать своевременнымъ открытіемъ огня, уже сдѣлать было невозможно,—Французы успѣли водвориться въ нашихъ траншеяхъ, ими прикрыться отъ нашего огня и часть захваченныхъ ложементовъ обратить противъ насъ.

Сегодня состоялось перемиріе для уборки тѣлъ. Сошлись по-пріятельски, болтали безъ умолку нѣсколько часовъ.

„Что вы не принимаете насъ къ себѣ? — спрашиваютъ. — Пора бы къ вамъ въ гости, въ Севастополь!“

— Пора бы, пора, милости просимъ! У насъ для вашего прихода всегда кипитъ самоваръ, каша наварена!

„А вина у васъ много?“

— Много, особенно *краснаго*, приходите.

„О, это мы видимъ: и здѣсь много разлито—*краснаго вина*.

И дѣйствительно: все пространство облито кровью! Сколько нашихъ труповъ тутъ валяется, о, Господи! Носили, носили, и кажется конца не будетъ этой носкѣ! Труповъ союзниковъ очень мало видно; должно полагать—убрали ихъ ночью. Съ нашихъ убитыхъ съ весьма многихъ сняты

сапоги и только; даже офицеры не раздѣты; но ихъ убитые, большею частью, до чиста ограблены.

„Отчего это, спрашиваютъ, вы не запретите своимъ обдирать убитыхъ? Какъ это нехорошо!“

Мы постарались замять разговоръ.

Врали эти Французы большіе, хвастуны страшные, пустозвоны, а все-таки съ ними пріятно столкнуться, минуту, другую пробыть — душу отвести.

— Къ намъ въ театръ сегодня милости просимъ,—говорятъ.—Вотъ и билетъ... (но билета, за всѣми поисками, въ карманѣ не оказалось), — на мельницѣ, на Инкерманѣ!

„Что же у васъ даютъ сегодня?“

— Наши любимыя здѣсь пьесы,—говорятъ,—вертятся на томъ, что французскій капралъ дурачитъ Англичанъ.

13 мая.

Въ ложементахъ, раскинутыхъ для ближайшаго наблюденія за непріятельскими осадными работами, предъ исходящими углами укрѣпленій, днемъ сидятъ штуцерники, ночью охотники. Днемъ очередные не отводятъ глазъ отъ штуцера, вставленнаго въ нарочно продѣланную амбразурку между камнями ложемента или крошечную бойницу, и хоть на мгновеніе появись вражья голова, щелкнетъ курокъ, и нерѣдко—глядишь—кувыркнется недругъ! Вчера въ ложементахъ нашихъ, возведенныхъ предъ бастіономъ № 3-го, противъ англійской траншеи, сидѣла команда штуцерныхъ отъ Камчатскаго полка.

„Смотри, смотри,—закричалъ штуцерникъ Евсѣевъ:—чтось катится мимо!“

— Что тебѣ катится? Аль не видишь, заяцъ бѣжитъ?...

„Катай его, Кузнецовъ, на тебя бѣжитъ!...“

— Не замай его,—замѣтилъ четвертый солдатикъ,—можетъ, оборотень какой!...

Раздался выстрѣлъ — заяцъ убитъ. Въ англійскихъ ложементахъ послышался смѣхъ. Убитый заяцъ лежалъ на срединѣ между нашими и непріятельскими ложементами. Перекрестился Ефимъ Кузнецовъ *) и вслѣдъ за выстрѣломъ, схвативъ у товарища заряженный штуцеръ, выскочилъ изъ ложемента и побѣжалъ къ убитому зайцу. Командующій отдѣленіемъ унтеръ-офицеръ и опомниться не успѣлъ какъ Кузнецовъ былъ уже за валомъ. Наши и Англичане, забывъ на время перестрѣлку, высунулись изъ-за окоповъ и смотрѣли на удальца. — Кузнецовъ, выбѣжавъ изъ ложементовъ, схватилъ зайца за заднія лапы и, поднявъ ружье на изготовку, отходилъ къ своимъ ложементамъ. Англичане, пораженные удальствомъ стрѣлка, встрѣтили эту смѣлую выходку единодушнымъ „ура“—и хлопали въ ладоши.—Кузнецовъ пріостановился, снялъ шапку, поклонился и, показавъ врагамъ зайца, скрылся

*) Ефимъ Кузнецовъ, штуцерникъ 11-й егерской роты Камчатскаго егерскаго полка, изъ крестьянъ Калужской губерніи, Перемышльскаго уѣзда, деревни Филатова.

въ ложементъ. Головы спрятались, перестрѣлка закипѣла. Кузнецовъ, получившій строгій нагоняй за несвоевременную охоту, представилъ зайца командиру полка, — и посыпались рубли удалому стрѣлку... А Кузнецовъ?... Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ и понять не могъ, гдѣ-жь тутъ молодечество? Убилъ зайца,—извѣстное дѣло, не бросить же убитаго!

Повидимому князь Горчаковъ и здѣсь, въ Севастополѣ, проникнутъ тою же нерѣшительностью, какою отличались всѣ его дѣйствія на Дунаѣ. Большаго труда стоитъ здѣсь рѣшиться на какое-либо предпріятіе, но вотъ кажется все кончено—рѣшился. И что же? Едва успѣютъ приступить къ развитію одобреннаго плана дѣйствій, какъ слѣдуетъ приказаніе, отмѣняющее сдѣланныя распоряженія, и приступаютъ къ разработкѣ и развитію уже другой мысли!

Не даромъ Хрулевъ говоритъ про Горчакова: „Онъ при смерти старъ!“

Да, Горчаковъ, надо сознаться, не способенъ къ энергической борьбѣ съ энергическимъ противникомъ!

Кто не былъ на 5-мъ или 6-мъ бастіонѣ, тотъ не можетъ составить себѣ понятія о картинѣ разрушенія, какая ему представится во всемъ ея ужасѣ. Нечего и говорить, что зданія тамъ или совершенно разрушены, или пробиты какъ рѣшето и сквозятъ какъ ажурныя, — но самая почва мѣстности, на которой построена стѣнка, вся изрыта, истерзана. Живаго мѣста нѣтъ—яма на ямѣ. Входя въ одинъ переулокъ, я увидѣлъ на пространствѣ аршинъ въ 10 квадратныхъ четыре или пять воронокъ, образованныхъ бомбами. Вытаскиваешь ногу изъ одной ямы и ставишь въ другую—вотъ путь ведущій къ стѣнкѣ; повсюду земля будто большимъ плугомъ изборождена полосами оставленными рикошетировавшими снарядами; все пространство усыпано осколками, лопнувшими ракетами, кусками выбитыхъ изъ оборонительной стѣны камней и комьями все пересыпавшей земли, какъ доказательствомъ происшедшихъ тутъ разрывовъ.

Ночью посылали рабочихъ зарывать траншеи, выведенныя противъ 5-го бастіона, которыя еще не заняты непріятелемъ, чтобы, по пословицѣ, *Французамъ не доставались*.

Доживетъ Павловъ съ своею любовью къ комфорту и къ хорошей квартирѣ, надо полагать, до большихъ непріятностей. Чего же еще! Сегодня князь Горчаковъ сказалъ ему: „Вамъ надо быть при своемъ мѣстѣ!“ Еще третьяго дня Павловъ получилъ предписаніе перейти на Сѣверную, а между тѣмъ доселѣ живетъ здѣсь, потому что въ Новой Голландіи еще не готовъ кіоскъ, который онъ послалъ полковыхъ рабочихъ отдѣлать для сво-

его помѣщенія. Между тѣмъ бригадѣ нашей дивизіи велѣно быть ежеминутно готовой къ выступленію, разумѣется и ему надо идти съ нею, а онъ останется ночевать здѣсь, потому что удобнѣе и въ случаѣ внезапнаго выступленія бригады не поспѣетъ къ ней присоединиться, рискуя получить большія непріятности.

16 мая. Бивакъ между Сѣверною стороною и Мекензіевою горою.

Вчера Селенгинскій полкъ, а 7-го еще мая Якутскій полкъ перешли на Сѣверную сторону, и мы вмѣстѣ съ Селенгинцами стали на промежуточной позиціи—между Инкерманскими высотами и Мекензіевою горою.

Главнокомандующій перенесъ свою главную квартиру съ Сѣверной стороны; войска стягиваются къ Чоргуну; видно непріятель замышляетъ наступленіе на нашъ обсерваціонный корпусъ: сбираются новыя тучи на нашемъ горизонтѣ—быть грозѣ! *)

Итакъ, мы покинули Севастополь. Господь пощадилъ меня. Молитвы близкихъ моему сердцу видно услышаны: я остался невредимымъ въ ураганѣ смерти. Что-то будетъ дальше? Говорятъ, союзники взяли Еникале и Керчь, высадили тамъ сильный отрядъ, вошли въ Азовское море; жгутъ, грабятъ прибрежные города и заводы нашихъ рыбаковъ-промышленниковъ.

Война принимаетъ все бо́льшіе и большіе размѣры!

19 мая.

Союзники не занимаютъ никакой позиціи по сю сторону р. Черной. Говоря оффиціальнымъ языкомъ, ни въ Севастополѣ, ни въ его окрестностяхъ въ эти дни не произошло ничего новаго.

У насъ здѣсь превосходная стоянка. Послѣ севастопольской жизни намъ кажется, что мы здѣсь живемъ на дачахъ: у насъ отличные шалаши изъ вѣтвей и палатки; прямо предъ нами сливающееся съ горизонтомъ море; съ вышки, у насъ устроенной, Севастополь и его ближайшія окрестности видны какъ на ладони; лѣсъ мачтъ въ Камышевой бухтѣ все разрастается; на морѣ не замѣтно особенной дѣятельности; канонада въ Севастополѣ временами бываетъ сильнѣе; но иногда совершенно ослабѣваетъ, и долго не видишь ни одного дымочка на всей линіи, занятой соперниками; потомъ, глядишь, вырвется дымный клубъ, другой,—глухо отдастся выстрѣлъ въ отдаленіи, и опять все тихо, все покойно.

Все тихо; но эта тишина, какъ и прежнія, ей подобныя, передъ бурею.

Союзники что-нибудь да предпринимаютъ; они неуклонно идутъ къ своей цѣли твердымъ шагомъ и непремѣнно достигнутъ желаемаго.

---

*) Дѣйствительно союзники рѣшились занять лѣвый берегъ р. Черной и Байдарскую долину, чтобы свободно пользоваться лѣсомъ, травой и водопоемъ въ р. Черной, а потому они двинули на эту мѣстность 13 мая до 50.000 человѣкъ различныхъ частей всѣхъ союзныхъ войскъ.

21 мая.

Слухи о гибели Керчи смѣняются одинъ другимъ *). Ровно ничего утѣшительнаго; каждый новый слухъ даетъ намъ новое огорченіе. Одна было отрадная пронеслась вѣсть, что будто все казачество стало на ноги и пошло на Керчь, съ цѣлію, во что бы то ни стало, овладѣть пунктами, занятыми союзниками, и уничтожить враговъ! Да говорятъ, будто объявили 50 нагаекъ тому, кто представитъ плѣннаго! Это очень ново, невѣроятно, если хотите, но это насъ восхищаетъ, простите нашей кровожадности!

Пора, пора нашей войнѣ измѣнить свой характеръ и перестать быть систематическимъ, истомляющимъ насъ кровопусканіемъ; пора ей сдѣлаться настоящею рѣзней, народною борьбою, *фигнеровскою борьбою*, которою должна руководить одна идея: никто изъ ступившихъ на русскую землю враговъ не долженъ съ нея сойти! За безчестіе, намъ нанесенное вступленіемъ въ наши предѣлы, за осквернение нашей земли, враги должны намъ заплатить своею гибелью; ихъ только кровью могутъ быть омыты наши стогны! Неумолимая жестокость съ ними навѣрно вызоветъ еще большую жестокость съ ихъ стороны, это окончательно ожесточитъ нашъ народъ: все возьмется за дубину и ножъ, закипитъ народная война,—устоятъ ли *они?*

25 мая.

Сегодня, часу въ четвертомъ утра, слышу—кто-то прискакалъ и спрашиваетъ палатку генерала Павлова, приказывая ординарцу разбудить генерала. Догадавшись, что такая поспѣшность не даромъ, я, будучи уже одѣтъ, вышелъ изъ палатки и черезъ нѣсколько минутъ получилъ приказаніе генерала: одному изъ полковъ—выходить. Я бросился въ Селенгинскій полкъ—все спитъ мертвецкимъ сномъ! „Въ ружье!“ едва я успѣлъ добѣжать до полковаго командира, передать ему приказаніе, какъ, возвращаясь, удивился, видя, что большая часть полка уже стояла въ ружьѣ.

Привычка къ войнѣ и ея тревогамъ дѣло великое въ солдатѣ; это такая драгоцѣнная наука, которая достается полкамъ слишкомъ трудными уроками, правда; но разъ ими усвоенная, она съ легкостію сообщается всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ счастіе стать въ ряды этихъ полковъ.

Даромъ что у насъ, при ничтожной числительности полковъ вообще,

---

*) Союзники овладѣли Керчью, чтобъ имѣть доступъ въ Азовское море въ надеждѣ прекратить сухопутное сообщеніе Крыма съ Имперіею, черезъ Арабатскую стрѣлку, и морское съ портами этого моря имѣвшими значительные продовольственные запасы.

Единственный входъ въ Азовское море—Керченскій проливъ—имѣлъ весьма слабую защиту и потому отпора союзникамъ никакого дать наши войска, на томъ пунктѣ крайне малочисленныя, не могли и непріятель достигъ своей цѣли, безъ всякихъ усилій.—Керчь была взята и разграблена, а затѣмъ сдѣлались доступными союзникамъ всѣ побережные города Азовскаго моря.

„Perret“ въ своемъ сочиненіи (idem, стр. 288) представляетъ поразительную картину ужаснаго разгрома Керченскаго музея, произведеннаго при взятіи Керчи, по его словамъ, Турками вмѣстѣ съ мѣстными жителями—Татарами.

въ каждомъ имѣется рекрутъ человѣкъ по триста; но эти рекруты совершенно сравнялись съ старыми солдатами.

Мы выступили на позицію, когда уже совершенно разсвѣло. Князя П. Д. Горчакова мы застали на батареѣ *„литера А“* со свитою.

Въ чемъ дѣло?

Незначительный отрядъ непріятельской кавалеріи, въ 2 часа утра, перешелъ Черную рѣчку и напалъ на наши ложементы, что въ долинѣ у этой рѣчки.

Гарнизонъ одного изъ этихъ ложементовъ, состоявшій изъ 2-хъ унтеръ-офицеровъ, горниста и 25-ти рядовыхъ Московскаго полка, Французы разбили и разогнали; другой ложементъ, состоявшій изъ такого же числа нижнихъ чиновъ того же полка, подъ командою Бутырскаго полка прапорщика Романенко, отбился, причемъ этотъ офицеръ получилъ 9 ранъ палашами, а рядовой Ѳедоръ Перфильевъ 12 ранъ и оба, благодаря Бога, остались живы. Конечно, еслибы не отчаянное мужество Романенко и его солдатъ, штыками отразившихъ много разъ рьяныя атаки французскихъ драгунъ, то и этотъ ложементъ былъ бы уничтоженъ съ его гарнизономъ, какъ и первый. Виною успѣха Французовъ, какъ по всему можно заключить, оплошность или неправильность принятыхъ мѣръ нашимъ авангарднымъ начальствомъ.

Наши секреты, лежавшіе у Черной, дали знать, что непріятельская кавалерія наступаетъ. Вслѣдствіе этого донесенія не было принято никакихъ мѣръ къ отраженію и наказанію непріятеля! Казаки, бывшіе на аванпостахъ, ускакали не сдѣлавъ, не одного выстрѣла; секретъ ушелъ къ ложементу. Еслибъ между тѣмъ, какъ непріятель дрался съ первымъ ложементомъ, казаки имѣли смѣлость ударить на непріятеля въ пики, конечно драгуны, вооруженные одними палашами, разстроенные происходившею борьбою съ гарнизономъ ложемента, были бы разбиты. Надо знать, что Французовъ было не болѣе эскадрона! Но казаки ударить на Французовъ не осмѣлились, даже послѣ отраженія ихъ отъ втораго ложемента, и дали имъ безнаказанно воротиться восвояси, не оставивъ въ нашихъ рукахъ ни одного трупа, ни одного плѣннаго *). А вотъ теперь, спустя часовъ пять или шесть послѣ этого событія, когда все давнымъ-давно спокойно у непріятеля, у насъ собрался сильный отрядъ на горѣ съ артиллеріею и казаками! Мѣстныя батареи также открыли огонь,—то съ одной раздается выстрѣлъ, то съ

---

*) Генералъ Пелисье объявилъ объ этомъ событіи приказомъ арміи отъ 6 іюня н. с. Вотъ слова приказа: „Сегодня ночью эскадронъ 6-го драгунскаго полка, подъ командою капитана де-Симона, едва показалась луна, ударилъ на непріятельскіе аванпосты, въ долинѣ Черной, изрубилъ и разсѣялъ ихъ подъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, нанеся имъ значительный вредъ.

„Этотъ смѣлый, внезапный ударъ исполненъ мужественно и съ увлеченіемъ. Онъ дѣлаетъ честь дебюту драгунскаго полка въ глазахъ непріятеля“.

За это дѣло капитанъ де-Симонъ и одинъ унтеръ-офицеръ получили ордена Почетнаго Легіона, а три особенно отличившихся драгуна—военныя медали.

другой. „По комъ они стрѣляютъ?“ спрашивали мы въ простотѣ сердечной, осматривая мѣстность и нигдѣ не видя непріятеля.—„А вотъ, видишь, частію по укрѣпленіямъ, что на Сапунъ-горѣ, частію стараются бросать снаряды въ лагерь союзниковъ“.—А, вотъ оно что! . . . . . .

4 часа послѣ обѣда.

Часъ тому назадъ въ Севастополѣ вдругъ заревѣла канонада. Передъ этимъ все хлопали наши прибрежныя батареи, а два непріятельскіе корабля имъ отвѣчали. Наши бомбы большею частію перелетали за корабли. Но теперь почти все протяженіе оборонительной линіи покрылось дымомъ, открылось въ три часа послѣ обѣда *третье* бомбардированіе Севастополя!.. Не безъ цѣли оно!...

10 часовъ вечера.

Сейчасъ получилъ записку изъ Севастополя отъ товарища своего Олендзскаго: говоритъ, что союзники открыли огонь съ 2-хъ часовъ пополудни, причемъ онъ, все болѣе и болѣе разгораясь, начиная съ лѣваго фланга нашей оборонительной линіи, охватилъ все пространство до 4-го бастіона включительно. Думаютъ и въ Севастополѣ, что открытіе такого сильнаго огня союзниками есть начало новой бомбардировки города, которая у нихъ обыкновенно служитъ прелюдіей какому-нибудь вновь задуманному рѣшительному предпріятію.

---

26 мая.

На нашей позиціи ночь прошла спокойно, но что дѣлается въ Севастополѣ—Господи помилуй! Ужасная канонада: даже здѣсь земля дрожитъ; что же тамъ?.... Говорятъ, перемётчикъ показалъ, будто союзники намѣрены два дня бомбардировать городъ, а потомъ идти на штурмъ. Правый флангъ города почти не трогаютъ, весь ихъ огонь обращенъ на лѣвый флангъ; это не безъ мысли.

Вѣроятно наши знали о намѣреніи союзниковъ открыть бомбардировку не сегодня, такъ завтра: еще вчера вечеромъ велѣно было приготовить и доставить къ бухтѣ на Сѣверную огромное количество фашинъ, туровъ и кольевъ. Батареи наши будто только ждали сигнала: лишь рявкнулъ залпомъ „Канроберъ“, какъ наши батареи, по немъ дѣйствующія, такимъ отвѣчали огнемъ, подобнаго которому право не было въ прошедшую бомбардировку и огонь этотъ дѣятельно поддерживался болѣе часу! Потомъ уже орудія накалились и огонь нѣсколько разрѣдѣлъ. Повидимому всѣ главнѣйшія усилія непріятеля направляются на Камчатскій люнетъ — но онъ ужасно отбивается, бросая страшные перуны во всѣ стороны!...

У насъ дѣйствуютъ по непріятельскимъ подступамъ 380 орудій. Всего же у насъ на оборонительной линія 829 орудій; на приморскихъ батареяхъ

493 орудія, на Сѣверной и литерныхъ батареяхъ 292 орудія. Въ гарнизонѣ у насъ 42.000 штыковъ,—еще постоимъ за себя *).

Возвращаюсь къ вчерашнему нападенію Французовъ на наши ложементы по Черной рѣчкѣ. Большой у насъ тамъ безпорядокъ, надо правду сказать. Князь П. Д. Горчаковъ старъ сталъ, его энергія ослабѣла очень; никто его въ грошъ не ставитъ, никто не слушаетъ; вслѣдствіе этого вся служба тамъ исполняется кое-какъ. Одинъ еще генералъ Веселитскій бодрствуетъ, въ полномъ смыслѣ слова, но что онъ одинъ можетъ сдѣлать? Удачное нападеніе Французовъ на наши ложементы, дѣло для насъ постыдное въ высшей степени, доказывающее нашу нераспорядительность и слабость нашей аванпостной службы.

Оказывается, что наши секреты своевременно замѣтили приближеніе непріятеля и также своевременно дали объ этомъ знать казакамъ, стоявшимъ на аванпостахъ, но тѣ, вмѣсто того чтобы сколько нибудь внимательно отнестись къ своимъ обязанностямъ, просто-на-просто, бѣжали вмѣстѣ со своимъ офицеромъ, да и бѣжали-то такъ неудержимо, что остановились только у палатки Веселитскаго.

Князь П. Д. Горчаковъ, которому во-время дали знать о нападеніи, вмѣсто того чтобы тотчасъ броситься на непріятеля съ ближайшими частями, приказалъ присоединяться къ себѣ прочимъ частямъ, по мѣрѣ прибытія на заранѣе указанные пункты, послалъ казака за болѣе точными свѣдѣніями—узнать досконально, въ чемъ дѣло? Казакъ поскакалъ и, не добившись никакого толку, воротился ни съ чѣмъ; тогда Горчаковъ, все еще не трогаясь съ мѣста, опять послалъ за какими-то приказаніями... Однимъ словомъ, въ этой скачкѣ и въ ожиданіи ея результатовъ, прошло болѣе двухъ часовъ, въ которые Французы успѣли окончить предпринятое дѣло и уйти безнаказанно. Ясно, что у насъ служба дурно организована и въ содержаніи передовой линіи нѣтъ никакого порядка. Какія тутъ посылки за приказаніями, когда все должно быть устроено и разсчитано, чтобы при нападеніи на какой-нибудь пунктъ никто не былъ застигнутъ въ расплохъ и чтобы атакованому пункту тотчасъ, отовсюду—была подана надлежащая помощь.

Веселитскій началъ было распекать за недосмотръ одного изъ своихъ бригадныхъ командировъ Корвинъ-Красинскаго, войска котораго занимали

---

*) Со стороны непріятеля въ этой бомбардировкѣ приняли участіе болѣе 300 орудій французскихъ и 150 англійскихъ. Guerin. Idem, стр. 250., а по словамъ Historique du service de l'Artillerie, заслуживающимъ большаго вѣроятія, у союзниковъ назначено было дѣйствовать по Севастополю 600 орудіямъ, изъ коихъ 452 французскимъ. Бомбардировать должны были отъ 24 до 36 часовъ безпрерывно. Въ назначенный часъ бомбардировка была открыта, въ продолженіе коей надлежало выпустить по 150 снарядовъ каждому орудію. Кромѣ того брошено въ городъ 150 ракетъ ночью.

передовую линію, но онъ такъ окрысился, какъ будто былъ совершенно правъ, доказывая, что онъ и такъ цѣлыя ночи не спитъ и тому подобныя пошлости...

27 мая.

Въ исторіи севастопольской осады вчерашній день займетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ страницъ. Вчера, передъ вечеромъ, съ толпою офицеровъ мы сидѣли на устроенной нами вышкѣ и наблюдали за бомбардированіемъ лѣвой половины Севастополя, какъ вдругъ бомбардированіе открылось по *всей* линіи. Нѣтъ словъ вѣрно обрисовать эту раскрывающуюся предъ нами дикую картину безпредѣльнаго моря, своею лазурью сливающагося съ лазурью безоблачнаго неба, и своимъ величавымъ спокойствіемъ являющаго поразительный контрастъ съ этимъ маленькимъ уголкомъ земли, прорѣзаннымъ голубыми полосками бухты, съ ея заливами и черными пятнами земляныхъ укрѣпленій,—съ этимъ уголкомъ, покрытымъ пламенемъ и дымомъ боя. Если вамъ случалось въ морозное угро съ высоты взглянуть на Москву и восхищаться ея картиною, когда изъ всѣхъ трубъ ея зданій подымаются столбы дыма, вы бы еще болѣе были восхищены картиною Севастополя, еслибъ на него посмотрѣли теперь отсюда: тамъ однообразные рисунки поднимающихся дымныхъ столбовъ всѣ тянутся въ одну сторону, всѣ въ одномъ родѣ, хотя цѣлому и придаютъ живописный видъ; здѣсь, кромѣ той же грандіозности цѣлаго, фигуры дымныхъ клубовъ и столбовъ непохожи другъ на друга: то громаднымъ кольцомъ подымается дымъ изъ мортиры, то онъ вырывается огромнымъ клубомъ изъ осаднаго орудія, то медленно вьется кверху красивою спиралью, выходя изъ огненно-дымнаго столба, образующагося при спускѣ ракеты, а небо, словно бѣлыми розами, усѣяно слѣдами лопнувшихъ бомбъ и драпировано легкими облаками пороховаго дыма, быстро уносящимися въ пространствѣ; словомъ, есть чѣмъ полюбоваться, глядя на Севастополь. Живя въ самомъ Севастополѣ, я не видѣлъ и не замѣчалъ этой картины, а нынѣ, когда нѣтъ въ душѣ и малѣйшаго опасенія за свою голову, смотрю на эту картину взоромъ наблюдателя и невольно восхищаюсь.

Но вдругъ съ ужасомъ и сердечнымъ трепетомъ мы увидѣли, что огонь союзниковъ противъ лѣвой половины оборонительной линіи прекратился почти совершенно, и вмѣсто того закипѣлъ ружейный огонь (часу въ шестомъ вечера). Вѣроятно штурмъ. Тутъ впервые я видѣлъ рукопашный бой, глядя на него со стороны, не участвуя въ немъ. Борьба кипѣла; издали войска казались сплошными колоннами (какъ ихъ рисуютъ на суздальскихъ лубочныхъ картинахъ), они стрѣляютъ другъ въ друга, но вотъ наши редуты, что за Киленъ-балкою, стали умолкать..... вотъ умолкли..... вообще артиллерійскій огонь сталъ рѣже, за то живѣе закипѣлъ ружейный: огоньки его, будто волны горнаго ручья, играющаго на солнцѣ, мелькали и блистали... темнѣло... огоньки стали ясно видны и ихъ огненнымъ

поясомъ не разъ обхватывался Малаховъ курганъ... Но въ чемъ же дѣло?...*).

Посланные нарочными офицеры разсказали, и наши полки, оставшіеся еще въ Севастополѣ, донесли, что Французы, во время самаго страшнаго разгара бомбардировки, вдругъ пошли на штурмъ Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета. Конечно гостей не ждали. Одна изъ французскихъ колоннъ пробралась по берегу бухты и ударила въ тылъ Селенгинскаго редута. Вообще эти редуты ни на мгновенье не задержали Французовъ: они прямо на нихъ бѣжали, не останавливаясь подъ ихъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, и безъ особаго труда взбѣжали на нихъ, при чемъ кто изъ гарнизона успѣлъ спастись, тотъ спасся, а большинство, думавшихъ еще защищаться, или убито, или взято въ плѣнъ.

Ни одного парохода не было подъ парами, иначе они подскочили бы и закатали бы картечью тѣхъ отважныхъ, которые рѣшились атаковать наши редуты съ тылу, обойдя ихъ предварительно. Несчастное стеченіе обстоятельствъ!

На Забалканской батареѣ **) столпились Французы, покрывъ собою мысокъ, на которомъ она была устроена, и вдругъ разсыпнымъ строемъ бросились въ Киленъ-балку на нашу цѣпь, въ ней разсыпанную. Съ изумительною отвагою, подъ картечнымъ огнемъ, они бѣжали къ нашимъ, отбросили ихъ, преслѣдовали на лѣвый берегъ Киленъ-балки и стали взбираться на оный; но въ эту минуту подскакала нашей бригады легкая № 5-го батарея графа Тышкевича и только-что Французы показались на гребнѣ— обдала ихъ картечью, словно воромъ. Они бѣжали (эту батарею послалъ генералъ Хрулевъ). Тутъ только одинъ пароходъ подошелъ ***) и началъ громить Киленъ-балку. Французы отступили, и когда наша колонна, предводимая подполковникомъ княземъ Урусовымъ, пошла впередъ, они покинули Забалканскую батарею. Говорятъ, мостикъ, что на киленбалочной бухтѣ, семь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки.

Не знаю подробностей взятія Камчатскаго люнета****), знаю однако,

---

*) Рѣшившись одолѣть Севастополь взятіемъ Малахова кургана союзники на совѣтѣ главнокомандующихъ рѣшили предварительно взять передовые редуты, чтобы безпрепятственно можно было вести подступы къ кургану. Взять Селенгинскій и Волынскій редуты и Камчатскій люнетъ было поручено генералу Боске. Для этого назначено: 4-е дивизіи Французовъ и въ резервъ Турецкая дивизія Османъ-паши; Англичане должны были въ то же время взять каменоломни передъ 3-мъ бастіономъ. Всего послано было на штурмъ 40.000 человѣкъ.

**) Такъ называемая Французами: *„L' ouvrage du 2 Mai“*.

***) Тотъ, который былъ на очереди для перевоза съ „Сѣверной“ на „Графскую“, вооруженный двумя орудіями.

****) Вотъ какъ Французы разсказываютъ это событіе: на Камчатскій люнетъ бросились одновременно три французскія колонны и моментально имъ овладѣли. Послѣ упорнаго, но кратковременнаго боя, кто изъ защитниковъ люнета остался живъ — отступилъ къ Малахову кургану; упоенные успѣхомъ, Французы погнались за отступающими, думая овладѣть и Малаховымъ курганомъ, но сюда подоспѣлъ Хрулевъ, двинувшій на встрѣчу Французамъ резервы и немедленно опрокинувшій Французовъ, въ свою очередь давшихъ тылъ. Войска Хрулева ворвались на Камчатскій люнетъ по пятамъ Французовъ и немедленно его очистили отъ непріятеля. По словамъ Historique du service de l' Artillerie, въ тотъ

что какъ только союзники его взяли, то бросились на Малаховъ курганъ; но явился генералъ Хрулевъ съ шестью ротами Забалканцевъ, опрокинулъ побѣдителей и, послѣ упорнаго боя, гналъ ихъ до Камчатскаго люнета и штыками отнялъ его, причемъ взято много плѣнныхъ и два горныхъ орудія. Оставивъ на люнетѣ гарнизономъ пришедшихъ съ нимъ шесть ротъ Забалканцевъ и баталіонъ Суздальцевъ, генералъ Хрулевъ поскакалъ отнять Селенгинскій и Волынскій редуты. Хотя онъ уже и получилъ донесеніе подполковника князя Урусова, что эти редуты отняты нашими, но таковое донесеніе оказалось ошибочнымъ: наши возвратили не всѣ три укрѣпленія, что за Киленъ-балкою, а собственно оставленную Французами, при движеніи нашихъ войскъ впередъ, Забалканскую батарею. Подполковникъ князь Урусовъ, вѣроятно, предполагая, что и остальныя два укрѣпленія покинуты бѣжавшими Французами, предоставилъ дальнѣйшее ихъ охраненіе полковнику Свищевскому,ославъ доложить генералу Хрулеву, что редуты остались въ нашихъ рукахъ; командиръ Кременчугскаго полка, полковникъ Свищевскій, двинувшись впередъ, чтобы разставить гарнизонъ по будто бы возвращеннымъ нами редутамъ, лишь вышелъ за Забалканскую батарею, былъ встрѣченъ батальнымъ огнемъ Французовъ, причемъ пораженъ штуцерною пулею въ голову. Тѣмъ наша попытка на этомъ пунктѣ и кончилась: никто не рѣшился атаковать союзниковъ и дѣйствительно возвратить отнятые редуты. Герой,— начальникъ этого отдѣленія, генералъ-маіоръ Тимоѳеевъ,—уже былъ смертельно раненъ; некому было распорядиться атакою. Тутъ-то послали доложить генералу Хрулеву, что редутами владѣютъ Французы *). Хрулевъ, какъ сказано выше, бросился, чтобъ отнять ихъ и оставилъ Камчатскій люнетъ, гарнизонъ котораго по отъѣздѣ его не соблюлъ должной осторожности: солдаты разбрелись; одни повели раненыхъ, иные пошли пошарить около французскихъ тѣлъ, валявшихся во множествѣ, такъ что въ гарнизонѣ осталась едва половина солдатъ, а между тѣмъ Французы возобновили штурмъ на Камчатскій люнетъ и взяли его послѣ кровопролитнаго боя.

моментъ, когда, овладѣвъ Камчатскимъ люнетомъ и погнавшись за его отступившимъ гарнизономъ, Французы были встрѣчены батальнымъ огнемъ Малахова кургана, на Камчатскомъ люнетѣ взорвало фугасъ, что произвело паническій страхъ между Французами, вообразившими, что они всѣ взлетятъ на воздухъ, вслѣдствіе чего Французы тотчасъ его покинули и воротились въ свои траншеи. Когда Русскіе вступили въ Камчатскій люнетъ съ полевою артиллеріею, союзники открыли по люнету сильнѣйшій артиллерійскій огонь и, обстрѣлявъ его, пустили, по распоряженію Боске, на вторичный штурмъ люнета сильные резервы, противъ которыхъ не устоялъ отчаянно защищавшійся новый гарнизонъ люнета, вновь доставшагося Французамъ. Французскіе инженеры тотчасъ принялись за передѣлку люнета и за вооруженіе его для дѣйствія противъ насъ, несмотря на сильнѣйшій огонь нашихъ батарей и пароходовъ, имѣвшихъ возможность дѣйствовать по Камчаткѣ. Изъ бригады Вимпфена, первый разъ взявшей люнетъ и потомъ нами опрокинутой, взято въ плѣнъ 7 офицеровъ и 275 солдатъ. Historique.... Idem, стр. 304—306. Guerin. Idem, стр. 256—258.

*) Генералъ Мейранъ съ 3-ей дивизіей взялъ редуты, по словамъ Французовъ, однимъ рѣшительнымъ ударомъ, захвативъ и Забалканскую батарею, съ которой Французы, заклепавъ орудія, отступили. Въ моментъ взятія этой батареи и отступленія Русскихъ, подполковникъ Ларрери д'Оріонъ съ баталіономъ 61 полка и 97 линейный полкъ, ударивъ по балкѣ, отрѣзали отступающихъ и принудили сдаться нашихъ 12 офицеровъ и 400 солдатъ. Guerin Idem, стр. 254, и Historique du service de l' Artillerie. Idem, стр. 304.

Главнокомандующій не позволилъ отнимать редуты, во избѣжаніе напрасной потери въ людяхъ. Удержать за собою эти редуты физически невозможно было даже тогда, когда они были вооружены и крѣпки, по невозможности во-время секурсировать внезапно атакованный пунктъ, а теперь и подавно невозможно было ихъ удержать за собою, когда они совершенно почти разрушены, особенно Камчатскій люнетъ, на которомъ заклепаны наши орудія и произведенъ нами взрывъ пороховаго погреба.

На разсвѣтѣ сегодня наши покинули Забалканскую батарею, сбросивъ съ нея орудія къ бухтѣ; но всю ночь одно орудіе изъ всѣхъ на ней бывшихъ, оказавшееся не заклепаннымъ Французами, дѣйствовало по Селенгинскому редуту, управляемое лихими моряками, которые хотѣли непремѣнно разстрѣлять по недругу всѣ снаряды, приходившіеся по калибру орудія, какіе только были ими найдены въ погребкѣ батареи.

28 мая.

Говорятъ, будто Французы шли пьяные на штурмъ. Экзальтація, съ какою бросаются Французы въ опасность, могла казаться нашимъ солдатамъ послѣдствіемъ употребленія лишней чарки.

Впрочемъ, наши солдаты основываютъ свои заключенія частію на истинѣ: у всякаго почти французскаго солдата бываетъ съ собою фляжка рома или коньяка. Они идутъ на штурмъ и прикладываются къ своей *подругѣ* и подчуютъ другъ друга дорогой; случалось, видали, какъ подъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, Французы останавливались, одинъ тянулъ изъ флаги, передавалъ ее на нѣсколько мгновеній товарищу; тотъ тянулъ, въ свою очередь, возвращалъ ее хозяину, и оба весело бѣжали впередъ, — на побѣду, или смерть.

Говорятъ, на перевязочномъ пунктѣ отъ принесенныхъ 26 мая раненыхъ Французовъ былъ сильный спиртный запахъ.

Въ этомъ отношеніи наши солдаты также отличаются отъ Французовъ. Мы идемъ на штурмъ и вообще въ рѣшительный бой обыкновенно натощакъ, помолясь Богу, окропленные св. водою, многіе исповѣдавшись и пріобщившись. Да, мы идемъ въ бой натощакъ, какъ къ св. причастію или подъ брачный вѣнецъ, потому что равно страшнымъ и великимъ дѣломъ считаемъ причастіе великой тайнѣ смерти. Одѣваемъ свою душу въ возможно чистыя одежды и въ то же время облекаемъ свое тѣло въ чистое бѣлье, готовя его землѣ. Не отъ этой ли готовности—предстать Царю царствующихъ—ликъ нашихъ убитыхъ товарищей по большей части спокоенъ, какъ ликъ младенца. Ничего подобнаго не представляютъ лица убитыхъ Французовъ: на нихъ напечатлѣно отчаяніе, звѣрство, какое-то опьяненіе кровью или виномъ *)!

---

*) Впрочемъ, причины звѣрскаго выраженія лицъ у большинства убитыхъ Французовъ надо искать въ безвѣріи ихъ, въ ихъ презрительныхъ насмѣшкахъ надъ христіанскими надеждами на лучшую жизнь загробную. Мысли моей не будетъ ли служить доказательствомъ слѣдующій разсказъ одного изъ священниковъ французской арміи—Дама (Sôuve-

29 мая.

Молва севастопольскаго народонаселенія обвиняетъ многихъ въ отдачѣ Французамъ укрѣпленій за Киленъ-балкою, взятыхъ ими 26 мая. Эта молва, конечно, разнесется по нашему пространному отечеству, она омрачитъ подхваченное ею имя, но вполнѣ ли она справедлива?

Говорятъ, еслибы генералъ Хрулевъ продолжалъ командованіе лѣвою половиною оборонительной линіи, и еслибы продолжали занимать свои посты безсмѣнно полки нашей дивизіи, такъ привыкшіе къ боевой службѣ съ ихъ опытными и закаленными въ бояхъ командирами, особенно привыкшіе къ службѣ именно на пунктахъ, взятыхъ 26 мая непріятелемъ, который какъ будто ждалъ ухода этихъ полковъ, чтобъ атаковать ихъ редуты, то этихъ укрѣпленій съ семидесятью тремя орудіями *) не имѣть бы союзникамъ въ своихъ рукахъ или, по крайней мѣрѣ, еслибъ и взяли ихъ, то не иначе, какъ подавивъ ихъ гарнизоны огромными массами войска, послѣ упорнаго долгаго боя, въ которомъ они неминуемо понесли бы чрезвычайныя потери. Тогда союзники не гордились бы своимъ блистательнымъ успѣхомъ, какъ нынѣ, купленнымъ такою ничтожною цѣною, а, напротивъ, оплакивали бы этотъ успѣхъ **).

---

nirs religieux et militaires de la Crimée): „Однажды, во время кровопролитнаго дѣла,—говоритъ этотъ священникъ,—я нашелъ офицера, лежавшаго безъ движенія. Я сталъ близъ него на колѣни. „Вы страдаете?“ —Ахъ, аббатъ, отвѣчалъ онъ съ сардонической улыбкой: что такое слава людская? Подите, добивайтесь этой славы! Вотъ къ чему она ведетъ — опытъ меня научилъ!—„Но, капитанъ, не все потеряно. Вы выздоровѣете, и тогда ваши заслуги будутъ вознаграждены крестомъ, высшимъ чиномъ“.—Вмѣсто отвѣта, капитанъ попросилъ меня приподнять какое-то грубое покрывало, на него наброшенное..... Осколокъ бомбы вырвалъ у него бокъ и внутренности лежали на землѣ.

—„Да,—воскликнулъ я,—вы покончили съ земною славою, но есть другая слава, уготованная храбрымъ, исполнившимъ свой долгъ, въ другомъ мірѣ“!—Я было сталъ далѣе развивать мою мысль, но раненый прервалъ меня: „Аббатъ, объ этомъ ни слова. Не хочу объ этомъ и слышать.—

—„Но, капитанъ“....

—Повторяю вамъ, не говорите. Я трудился для славы: она бѣжала отъ меня—умру въ отчаяніи!.... Напрасно я старался навесть умирающаго на болѣе отрадныя мысли. Взглядъ его сдѣлался ужасенъ; на его губахъ какъ будто была улыбка, отвратительная смѣсь ярости и отчаянія. Вскорѣ онъ попросилъ у меня опіумнаго питья, чтобъ облегчить предсмертныя муки. Докторъ позволилъ, я побѣжалъ за лѣкарствомъ, но когда возвратился, онъ былъ уже мертвъ. Выраженіе его лица не измѣнилось, меня встрѣтила та же улыбка, тотъ же взоръ, уже помутившійся; къ этому присоединилась смертная блѣдность!

*) У насъ Французами взято семьдесятъ три орудія, а именно: на Камчатскомъ люнетѣ 31, на Селенгинскомъ редутѣ 22 и на Волынскомъ редутѣ 12 орудій и 8 мортиръ; по показанію же „Historique du service de l' Artillerie“ и пр. у насъ взято на редутахъ 75 орудій, а именно: 37 на Камчаткѣ и 38 въ Селенгинскомъ и Волынскомъ редутахъ.

**) Французы при взятіи этихъ укрѣпленій понесли слѣдующую потерю:

Убито:	офицеровъ 69,	нижнихъ чиновъ 628.
Ранено:	» 203,	» 4.160.

Большая часть потери ихъ произошла при штурмѣ Камчатскаго люнета, при отбитіи его генераломъ Хрулевымъ и вторичномъ взятіи его Французами.

По словамъ Historique du service de l'Artillerie у Французовъ убито и ранено 3.000 человѣкъ.

При штурмѣ Камчатскаго люнета у Французовъ убитъ первый взошедшій на бастіонъ и водрузившій французское знамя на его гребнѣ зуавскій полковникъ Бранкіонъ (Brancion) и молодой генералъ Лаваранъ (de Lavaradn), оставшійся невредимымъ при штурмѣ Селен-

Говорятъ, потому именно взяты эти укрѣпленія, особенно Селенгинскій и Волынскій редуты, что охраненіе ихъ было неудовлетворительно. Когда генералъ Хрулевъ былъ начальникомъ лѣвой половины оборонительной линіи, у него велся строжайшій порядокъ въ охраненіи передовыхъ укрѣпленій. За Киленъ-балку полки ходили по очереди на службу, въ Камчатскій люнетъ тоже. Полковой командиръ отвѣчалъ за цѣлость не только оберегаемаго имъ пространства, но и своего полка, а потому смотрѣлъ, что называется, *въ оба*. Ротный командиръ, чтобы не осрамиться и не погубить своихъ въ цѣпи, тоже не дремалъ, зналъ одного начальника—баталіоннаго командира, свято исполнялъ его приказанія, а рота знала его одного, всѣ роты знали своего баталіоннаго, онъ—полковаго, и во всемъ былъ толкъ и ладъ, и всякое приказаніе исполнялось свято, солдаты знали, кого слушать, и при случаѣ готовы были постоять за себя, исполняя данныя имъ приказанія. 12 февраля—живое тому доказательство. Этотъ порядокъ съ принятіемъ начальства надъ лѣвою половиною оборонительной линіи генералъ-адъютантомъ княземъ Урусовымъ отъ генералъ-лейтенанта Хрулева былъ совершенно измѣненъ. Въ видахъ сбереженія людей и возможности давать имъ большій отдыхъ, князь Урусовъ сталъ посылать въ редуты за Киленъ-балку и Камчатку сводные караулы изъ разныхъ полковъ и ротъ; изъ этого вышли результаты совершенно противорѣчившіе сказанному порядку: караулы не стали исполнять службы, какъ бы слѣдовало; по множеству начальниковъ, солдаты не знали, кого слушать: въ цѣпи за Киленъ-балкою однажды явились на службу три баталіонныхъ командира и трехъ полковъ люди, а старшаго между баталіонными командирами никого не было назначено; полковые командиры вовсе перестали ходить на эту службу, отзываясь, что у нихъ тамъ команда несравненно меньше той, что остается въ городѣ, при которой они имѣютъ больше обязанностей. Такой порядокъ вещей, говорятъ, былъ виною нѣкотораго паденія нравственной силы войскъ, составлявшихъ гарнизонъ Корабельной. Назначенный на мѣсто князя Урусова генералъ Жабокрицкій продолжалъ тотъ же способъ обороны ввѣренной ему части. Начальство наше увидѣло наконецъ такое положеніе Корабельной и, уволивъ Жабокрицкаго согласно просьбы его, по болѣзни, отъ командованія, разрѣшило ему уѣхать изъ Севастополя (что онъ и сдѣлалъ въ самый день штурма) и поручило ее опять генералу Хрулеву, который пріѣхалъ къ своему посту 26 мая, во второмъ часу, послѣ обѣда, и не успѣлъ осмотрѣться, гдѣ и какъ стоятъ какія войска, какъ въ 7-мъ часу того же вечера начался штурмъ.

Итакъ, молва едва ли права, исключительно обвиняя предшественника генерала Хрулева—генерала Жабокрицкаго въ паденіи редутовъ. Мы должны замѣтить: какъ бы ни охранялись редуты, они не могли выдержать удара

гинскаго и Волынскаго редутовъ, убитъ на другой день послѣ взятія ихъ ядромъ въ голову.

Пелисье, желая почтить память храбрыхъ, приказалъ назвать Камчатскій люнетъ—редутомъ Бранкіона, а Селенгинскій и Волынскій редуты, называвшіеся Французами Les ouvrages blanc,—именовать редутами Лаварана.

Французовъ, потому что атакованные большими силами были предоставлены собственнымъ средствамъ защиты и, по отдаленности ихъ отъ резервовъ, не могли ждать таковыхъ своевременно на выручку *). Молва идетъ дальше: злые языки даже позволяютъ себѣ называть Жабокрицкаго *измѣнникомъ*! Понятно, что со стороны этого генерала и помышленія не было объ измѣнѣ, но что онъ полякъ, слѣдовательно особыми симпатіями войска пользоваться не можетъ, что онъ по старости и неспособности командовать большею частію въ бою уже не въ силахъ, что онъ не любитъ пороха и вообще не изъ храбраго десятка, такъ это вѣрно. Также вѣрно, что онъ войсками на лѣвой половинѣ оборонительной линіи командовалъ спустя рукава, отчего слишкомъ не строго относились къ своимъ обязанностямъ и власти ему подначальныя. Въ послѣднее время командованія Жабокрицкаго въ гарнизонѣ лѣвой половины образовался хаосъ.

Въ ночь съ 27 на 28 мая предназначено было употребить всевозможныя усилія, чтобы отнять Камчатскій люнетъ. Честь этого дѣла предоставлялась Камчатскому полку,—между тѣмъ вотъ уже вторая ночь, а предположеніе въ исполненіе не приводится и уже говорятъ, что оно отмѣнено, такъ какъ признано невозможнымъ удержать за собою люнетъ въ случаѣ отбитія его у Французовъ, вслѣдствіе того полуразрушеннаго состоянія, въ какомъ онъ нынѣ находится.

Вообще непонятно какъ непріятель можетъ доселѣ держаться въ Камчатскомъ люнетѣ совершенно открытымъ съ тылу, т.-е. со стороны обращенной къ Малахову кургану?

И устроенъ то былъ этотъ люнетъ въ томъ разсчетѣ, что имъ всегда вполнѣ будетъ командовать Малаховъ курганъ, съ котораго во всякое время, буквально, можетъ быть засыпанъ картечью.

Вотъ въ томъ-то и несчастіе наше, что у насъ многое дѣлается только на словахъ, да на бумагѣ, тогда какъ на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое, причемъ, если предпріятіе постигнетъ неудача, такъ и начнутъ придумывать да сочинять причины, вмѣсто того, чтобы обдумать дѣло хорошенько *до* его начала и приступить къ осуществленію предпріятія тогда только, если разсчетъ, на которомъ оно основано, окажется безусловно вѣренъ. Теперь оказывается, что лучше бы вовсе не строить Камчатскаго люнета, чѣмъ этой постройкой приготовить союзникамъ надежное передовое укрѣпленіе, изъ ко-

---

*) Наши реляціи показали, что атаку нашихъ передовыхъ укрѣпленій Французы вели тремя дивизіями, при двухъ баталіонахъ стрѣлковъ, кромѣ резервовъ и охотниковъ отъ всѣхъ полковъ французской арміи; нынѣ достовѣрно сдѣлалось извѣстнымъ, что для этой атаки были употреблены: 2-я дивизія генерала Каму (Camou), 3-я дивизія генерала Майрана (Mayran), 4-я дивизія генерала Дюлака (Dulac), 5-я дивизія генерала Брюне (Brunet) и турецкая дивизія Османа-паши—обѣ послѣднія были въ резервѣ. Кромѣ того, къ дивизіи Каму были прикомандированы два баталіона императорской гвардіи. При штурмовавшихъ были четыре горныя гаубицы, везенныя людьми, и два дивизіона единороговъ.

тораго, послѣ ничтожной его передѣлки, они будутъ имѣть возможность наносить намъ страшный вредъ.

Говорятъ, генералъ Тимоѳеевъ тяжело раненъ въ моментъ, когда онъ повелъ баталіонъ, чтобы отнять Волынскій редутъ. Очень будетъ прискорбно если онъ не вынесетъ раны. Лихой генералъ и очень дѣльный, притомъ очень хорошій человѣкъ. Большой у него недостатокъ, правда: съ нѣмцами никакъ ужиться не можетъ, — да гдѣ же люди безъ недостатковъ? Я съ нимъ нерѣдко обѣдывалъ вмѣстѣ у Павлова. Тутъ обыкновенно происходила весьма оживленная и далеко не безсодержательная бесѣда, изъ которой всегда можно было вынести полное уваженіе къ преисполненному достоинства образу мыслей генерала Тимоѳеева.

Въ послѣднее время особенно, генералъ Тимоѳеевъ что-то очень не ладилъ съ графомъ Дмитріемъ Ероѳеевичемъ и горько на него жаловался.

---

29 мая.

Что ни день, то или дополненіе къ прежнему, или новый разсказъ и новыя подробности о злобѣ настоящихъ дней—о потерѣ нами *редутовъ* Селенгинскаго и Волынскаго.

Говорятъ: *редуты почти не защищались*; ихъ обошли съ двухъ сторонъ, невидимо для ихъ гарнизона, и взяли мгновенно. Большинство ихъ защитниковъ попалось въ плѣнъ. Всѣ видѣвшіе ходъ дѣла отдаютъ полную справедливость легкой батареѣ графа Тышкевича, своею картечью, подскакавъ къ наступающимъ союзникамъ на ближайшую дистанцію, остановившаго ихъ стремленіе впередъ,—безъ этого лихаго маневра они непремѣнно овладѣли бы Корабельной стороной. Надлежитъ обратить вниманіе на указываемое многими небрежное отношеніе къ дѣлу моряковъ, бывшее главною причиною печальной участи постигшей редуты: еслибы нѣкоторые изъ пароходовъ, стоявшихъ въ бухтѣ, постоянно имѣли готовые пары, то того, что произошло на самомъ берегу бухты, произойти не могло! Французы не могли бы пробѣжать безнаказанно по берегу бухты, мѣстами по водѣ выше колѣнъ, и броситься въ тылъ Волынскому редуту, еслибы были въ бухтѣ ежеминутно готовые къ бою пароходы; они бы засыпали наступающихъ картечью. А тутъ, видятъ наступленіе, видятъ необходимость въ пароходѣ, кричатъ: „пароходъ послать, пароходъ!“ Оказывается на очереди былъ какой-то ничтожный пароходикъ, съ ничтожнымъ вооруженіемъ! Что онъ могъ сдѣлать? А кто виноватъ! Оказывается, что Французы высмотрѣли—гдѣ стоятъ пароходы и въ какой готовности, убѣдились, что съ этой стороны имъ опасаться нечего, и ухнули путемъ, которымъ ихъ никто не ожидалъ. Разсчетъ союзниковъ оказался вѣренъ.

За то теперь стоятъ подъ парами пароходы наши и день и ночь! Вотъ новое доказательство какъ крѣпокъ русскій человѣкъ—*заднимъ умомъ*.

Съ болью сердечною смотрю на непрестанно дымящійся Севастополь. Малаховъ курганъ борется отчаянно. Его громитъ мортирная батарея Французовъ, поставленная *за* Камчатскимъ люнетомъ. Всѣ наши траншеи въ рукахъ непріятеля. Французы осыпаютъ штуцерными пулями всю Корабельную, курганъ и 3-й бастіонъ, во флангъ. На 3-мъ бастіонѣ безнаказанно нельзя показаться, по немъ наши солдатики пробираются мѣстами чуть ли не ползкомъ.

Малаховъ курганъ въ послѣдніе дни очень пострадалъ; брустверъ его во многихъ мѣстахъ обрушился; туры съ землей повалились и въ одномъ мѣстѣ совершенно засыпали ровъ. На 2-мъ бастіонѣ брустверъ тоже обрушился въ моментъ, когда на него полѣзли, добѣжавшіе было до бастіона, Французы и придавилъ собою этихъ молодцовъ. Вчера наши откопали изъ подъ обвала человѣкъ 30 Французовъ и передали ихъ тѣла соотечественникамъ

30 мая. Севастополь.

28 мая Якутскій полкъ перешелъ на Сѣверную, а вчера мы съ Селенгинскимъ полкомъ воротились въ Севастополь, гдѣ опять, ставъ на Корабельной, поступили въ распоряженіе генерала Хрулева.

Охотскій полкъ все время *третьей* бомбардировки находился въ прикрытіи на батареяхъ 3-го отдѣленія; что же касается до Камчатскаго полка, то я и забылъ сказать, что 26 мая онъ дрался съ Англичанами, которымъ Французы предоставили честь овладѣть ложементами и траншеями на лѣвомъ флангѣ 3-го отдѣленія (ouvrages des carriers), занятыми 1-ю карабинерною ротою Камчатскаго полка, подъ командою поручика Маевскаго. Въ моментъ атаки, удержанной карабинерами, полковникъ Голевъ послалъ остальныя три роты 1-го баталіона, подъ командою (командира онаго) маіора Хоменко, на помощь Маевскому. Эти три роты, несмотря на смерть своего баталіоннаго командира, выбили Англичанъ изъ занятыхъ было ими траншей и удержали ихъ за собою всю ночь. На разсвѣтѣ Камчатцы были смѣнены другими войсками, Англичане возобновили атаку и овладѣли этими траншеями, Наши не возобновляли попытки къ возвращенію этихъ работъ потому, что въ нихъ не было возможности держаться со времени отдачи Камчатскаго люнета, который анфилировалъ бы ихъ не только артиллерійскимъ, но и ружейнымъ огнемъ *).

---

*) Guerin такъ разсказываетъ это дѣло. Небольшія англійскія колонны полковника Ширляя (Shirley), согласно съ планомъ атаки, ударили на русскую траншею, передъ 3-мъ бастіономъ (l'ouvrage des carrières) тотчасъ послѣ перваго взятія Камчатскаго люнета и нашли эти укрѣпленія покинутыми Русскими. Англичане, чтобы прикрыть своихъ рабочихъ и чтобъ не отстать отъ союзниковъ своихъ, дѣйствовавшихъ передъ Малаховымъ курганомъ, пошли на 3-й бастіонъ. Въ увлеченіи нѣкоторые достигли бастіона и увидѣли, что онъ покинутъ войсками, бросившимися на помощь Малахову. Но не было сдѣлано распоряженія поддержать эту атаку; русскіе резервы подоспѣли и опрокинули молодцовъ. Guerin говоритъ, что съ такимъ разсказомъ этого событія согласны всѣ англійскіе писатели, которымъ однако противорѣчатъ французскіе писатели, доказывающіе, что Англичане овладѣли траншеями передъ 3-мъ бастіономъ послѣ упорнаго боя. Изъ нашего разсказа объ этомъ собы-

Сегодня канонада не такъ сильна какъ въ послѣдніе дни, но много стрѣляютъ по бухтѣ и по нашимъ кораблямъ. Переправа черезъ бухту очень опасна сегодня.

Селенгинскій и Волынскій редуты еще не вооружены непріятелемъ и слѣдовательно безмолвствуютъ. Говорятъ, союзники дѣлаютъ траншею отъ „Канробера“ до Камчатскаго люнета и до Волынскаго редута, мимо Селенгинскаго.

Генералу Павлову назначено находиться на Корабельной. Тутъ наконецъ собралась вся наша дивизія. Первую бригаду приказано держать въ резервѣ, не пуская въ огонь до послѣдней крайности.

Проходили „Сѣверную“. Безпорядокъ здѣсь невыразимый. Нѣсколько мѣсяцевъ тому какъ посѣтилъ эту мѣстность Генералъ-гевальдигеръ арміи, а съ тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія на происходящее здѣсь, только изрѣдка заглянетъ сюда жандармъ, явится въ квартермистрское управленіе какого-либо полка и заявитъ, что онъ присланъ для наблюденія за немедленнымъ зарытіемъ палыхъ животныхъ и разныхъ органическихъ остатковъ,— словомъ, что онъ командированъ для наблюденія за приведеніемъ въ порядокъ мѣстности въ гигіеническомъ отношеніи,—получитъ стакана два водки, иногда рубликъ-другой и исчезнетъ какъ бы и не появлялся вовсе, а мѣстность никакому оздоровленію не подвергается.

Между тѣмъ на „Сѣверной“ совершенный Содомъ и Гоморра.

Тутъ необходимѣйшія хозяйственныя части всѣхъ армейскихъ войскъ, какъ пѣхоты, такъ и артиллеріи, находящихся въ Севастополѣ. Здѣсь казначеи, со своими канцеляріями и многими необходимыми артиллерійскими и коммисаріатскими запасами; тутъ квартирмистры съ различными предметами довольствія, тутъ музыкантскія команды многихъ полковъ и такъ далѣе, и т. д. Можно вообразить сколько здѣсь людей, лошадей, повозокъ и всякаго скота. Безпрестанно приходящіе многоподводные транспорты со всевозможными предметами довольствія и снаряженія войскъ, отсюда нагружающіе и увозящіе больныхъ и раненыхъ, значительно усиливаютъ движеніе на Сѣверной, о которомъ полное понятіе можно составить только побывавъ на базарчикѣ, тутъ же расположенномъ, куда ежедневно являются за пріобрѣтеніемъ различныхъ предметовъ первой необходимости и за удовлетвореніемъ потребности въ предметахъ роскоши боеваго быта, за табакомъ, виномъ, чаемъ, сахаромъ, свѣчами, всевозможными закусками, за всевозможными частями одежды и обуви и тому подобнымъ, не только довольно многочисленное населеніе Сѣверной, но и посланцы съ южной стороны, отъ еще болѣе многочисленныхъ защитниковъ Севастополя! Тутъ же, въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ этого постояннаго скопища многочисленнаго люда, продающаго и

тіи наши читатели знаютъ, какъ было дѣло, смѣемъ увѣрить, что мы не погрѣшаемъ противъ истины. Къ этому разсказу мы можемъ прибавить, что при овладѣніи сказанными траншеями Англичане потеряли убитыми и ранеными до 500 человѣкъ (Idem стр. 261).

покупающаго, и тутъ же въ безчисленныхъ притонахъ прокучивающаго свой послѣдній грошъ, которымъ здѣсь никто не дорожитъ, — раскинуты временные госпитали въ балаганахъ и шатрахъ, всегда наполненные страдальцами. А въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ въ другую сторону, къ укрѣпленію, раскинулось другое поселеніе, въ которое поселенцы сошлись со всей Россіи—на вѣчный покой... Говорятъ, со времени начала осады по сей день въ это селеніе вселили до 50.000 человѣкъ! Какая ужасная цифра!

Большія команды нарочито приставлены къ этому кладбищу для рытья могилъ и зарытія ихъ.

Могилу дѣлаютъ въ видѣ большаго квадратнаго ящика глубиною сажени въ полторы. На дно кладутъ покойниковъ рядомъ другъ къ другу, зарываютъ ихъ и потомъ кладутъ второй рядъ труповъ, а иногда, когда слишкомъ великъ привозъ съ южной стороны, кладутъ и третій рядъ. Такимъ способомъ въ могилу кладутъ отъ 50 до 80 чел. Начальство приказало каждый слой покойниковъ засыпать известью, потомъ уже землей. Кому слѣдить за приказаніемъ начальства? Засыпаютъ известью, но въ томъ ли количествѣ употребляя известь какъ приказано? Еслибы въ томъ, то изъ многихъ потрескавшихся уже могилъ не выходило бы того сильнаго зловонія, о которомъ говорятъ мѣстные жители и посѣтители кладбища.

1 іюня.

Французы сильнѣйшимъ образомъ укрѣпляютъ отнятыя у насъ сооруженія. День и ночь у нихъ кипитъ работа съ необыкновенною дѣятельностію. На Малаховъ курганъ съ Камчатки идетъ безпрестанно *градъ* штуцерныхъ пуль. Солдаты и матросы очень тужатъ, что такъ близко подпустили къ себѣ врага и дали ему завладѣть нашими работами, облитыми нашимъ потомъ и кровью: мы будто приготовили ему траншеи, изъ которыхъ онъ у насъ перебьетъ всю артиллерійскую прислугу!... Некому будетъ изъ орудій дѣйствовать... Моряки говорятъ: „хоть по три матроса на пушку останется, еще можно будетъ драться, была бы *армія*: она поможетъ всю работу *справить*, а какъ и по три не останется, тогда *шабашъ*!“

Съ 1 мая по 1 іюня у насъ ранено: штабъ-офицеровъ 18, оберъ-офицеровъ 200, нижнихъ чиновъ до 7.000 человѣкъ; безъ вѣсти пропало: оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 240 человѣкъ; убито: генералъ 1, штабъ-офицеровъ 7, оберъ-офицеровъ 51, нижнихъ чиновъ болѣе 1.700 человѣкъ.

Вчера вечеромъ какъ начали бросать множество ракетъ съ „Зеленой горы“, такъ весь городъ взбудоражили,—думали что-нибудь да значитъ такой новый пріемъ. Того и смотри сейчасъ на штурмъ пойдутъ. Даже графъ Сакенъ встревожился и самъ прискакалъ на „Корабельную“ узнать: въ чемъ дѣло?

На перемиріи, во время размѣна тѣлъ послѣ взятія редутовъ, два раза чуть было исторіи не произошло.

Камчатскіе нашли тѣло офицера своего Максимовича (безъ креста, погоны съ шинели были сорваны) и закричали что нашли офицера. Человѣкъ двадцать солдатъ со всѣхъ сторонъ бросились на этотъ крикъ, а другіе, бывшіе подальше и незнавшіе въ чемъ дѣло, а только увидѣвшіе что бѣгутъ наши солдаты, въ свою очередь бросились бѣжать, да не къ этому пункту, а по направленію къ траншеямъ, — въ виду этой суматохи, наша цѣпь, содержавшая демаркаціонную линію, также бросилась бѣжать... Англичане, видя что происходитъ нѣчто необыкновенное, бросились къ своимъ ружьямъ, стоявшимъ въ козлахъ, и начали ихъ разбирать... Насилу коекакъ растолковали Англичанамъ, что нѣтъ никакой разумной причины всей этой сумятицы, а простое недоразумѣніе. Но едва все пришло въ порядокъ, какъ произошелъ другой случай, надѣлавшій еще больше переполоху: раздался взрывъ! Оказалось что двое Англичанъ наткнулись на нашъ самострѣльный фугасъ и взлетѣли на воздухъ... Скоро опять успокоились.

Но этимъ не кончилось. Произошелъ еще случай, но на этотъ разъ вполнѣ курьезный: Англичане вклепались въ одного нашего солдата, принявъ его за Англичанина. Насилу ихъ могли увѣрить, что заподозрѣнный ими соотечественникъ — чистый русакъ, и что ихъ предположеніе, будто мы употребляемъ для самыхъ тяжкихъ и черныхъ работъ взятыхъ нами у нихъ плѣнныхъ, лишенъ всякаго основанія и смысла.

Въ постоянныхъ госпиталяхъ, что на Сѣверномъ укрѣпленіи, больные и раненые терпятъ большія лишенія Вопервыхъ, міріады всевозможныхъ паразитовъ: блохъ, клоповъ, вшей. Вовторыхъ — пища далеко неудовлетворительная. Смотрителя во всемъ блюдутъ свои интересы, даже подстилкой не брезгаютъ, вслѣдствіе этого, въ неперемѣняемой соломѣ или мочалѣ тюфяковъ заводятся выползающіе изъ нихъ черви! Въ госпиталѣ воздухъ ужасный; перевязочныхъ средствъ недостаточно; прислуга грубая и неумѣлая большею частію; вообще тамъ: смрадъ, кровь, стонъ и плачь.

2 іюня.

Съ Корабельной и изъ города всѣ частные жители выѣзжаютъ; имъ объявленъ приказъ главнокомандующаго уѣхать немедленно. Пули стали летать несравненно дальше прежняго, про артиллерійскіе снаряды и говорить нечего; значитъ опасность пребыванія въ Севастополѣ значительно увеличилась. Не привыкшіе къ переѣздамъ севастопольскіе жители-бѣдняги тащатъ съ собою всякій хламъ. И смѣшно и жалко смотрѣть: даже обрубки дерева, на которомъ стоялъ сундукъ съ имуществомъ, и то, говорятъ, пригодится! Вѣроятно они думаютъ поселиться на Сѣверной. Ну, а если и тутъ круто придется этимъ бѣднымъ людямъ, тогда побрасаютъ не только обрубки, но и получше что! Въ докахъ кипитъ работа: со всѣхъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ, снимаютъ мачты и буксируютъ ихъ къ Николаевскимъ казармамъ,

приготовляя ихъ, какъ матеріалы для построенія такого же моста, какой былъ устроенъ нами на Дунаѣ подъ Силистріею; главнѣйшій же транспортъ бревенъ ожидаютъ изъ-подъ Бериславля. Предполагаемый мостъ будетъ для севастопольскаго гарнизона благодѣяніемъ во всѣхъ отношеніяхъ *).

1 іюня.

Генералъ Хрулевъ стоитъ на одной квартирѣ съ генераломъ Павловымъ на Корабельной, у доковой стѣны, во второмъ домѣ отъ угла Владимірской площади.

Переметчики сказали, что сегодня будетъ штурмъ; вслѣдствіе этого весь городъ, не только вся Корабельная въ ужасныхъ хлопотахъ: повѣряемъ людей, сводимъ счеты, *придираемся* ко всякому расходу въ людяхъ, который намъ кажется сколько нибудь излишнимъ.

„Повѣрьте, говорю генералу, сегодня не будетъ штурма!“

— А почему бы ему и не быть?

„Потому что мы готовимся ихъ встрѣтить. Вѣдь былъ переметчикъ. Если онъ могъ знать о намѣреніи сдѣлать сегодня штурмъ, который они, вѣроятно, хотятъ сдѣлать нечаянно, то можно поручиться, что они, узнавъ о его побѣгѣ, отложили штурмъ до другаго дня. Притомъ неужели они будутъ штурмовать Севастополь, не поподчивавъ его предварительно бомбардировкою на славу?“.

Съ Сѣверной переправилась въ городъ 9-я дивизія.

„Ну-ка, новички, говорятъ солдаты, посмотримъ, какъ-то вы себя покажете!“

Отъ Камчатскаго люнета въ каменоломню союзники сдѣлали траншею, тоже изъ Забалкайской батареи въ Волынскій редутъ и оттоль въ Селенгинскій. Вообще у нихъ производятся огромныя работы, а въ главной квартирѣ почему-то стараются этому не вѣрить. Вчера былъ у меня Иванъ Ивановичъ Красовскій, увѣряетъ, что союзники разрушили и покинули Селенгинскій и Волынскій редуты! А я вчера же съ Сѣверной смотрѣлъ въ трубу и ясно видѣлъ, какъ они въ Селенгинскомъ редутѣ работаютъ не покладывая рукъ, въ однихъ холщевыхъ рубахахъ и въ красныхъ шапочкахъ. Да и не могутъ они оставить безъ укрѣпленія такихъ важныхъ пунктовъ, какіе они у насъ отняли **). Въ Камчатскомъ люнетѣ они, очень понятно, видятъ ключъ къ Малахову кургану. Вообще отдача редутовъ очень обезкуражила защитниковъ Севастополя. Говорятъ: даромъ отдали

*) А. Е. Поповъ въ своихъ «Запискахъ» („Рус. Стар.“ мартъ 878, ст. 525) говоритъ, что Нахимовъ спросилъ его однажды: «Правда ли, что хотятъ устроить мостъ черезъ рейдъ? если это такъ, то я своею рукою сожгу его! Оставить Севастополь это покрыть себя позоромъ!»

**) Французы дѣйствительно употребили чрезвычайныя усилія, чтобы укрѣпить и вооружить надлежащимъ образомъ отнятую у насъ мѣстность, и достигли своей цѣли, хотя это стоило имъ большихъ жертвъ и усилій. Для обстрѣливанія бухты, на мѣстѣ нашей Забалканской батареи, стали возводить укрѣпленіе и второе нѣсколько ниже съ ночи 12 іюня и работа это была ими окончена только за нѣсколько дней до послѣдняго штурма; на этихъ работахъ убито и ранено болѣе 500 человѣкъ.

облитое нашею кровью. Посмѣяться дали надъ собой. Наточили ножъ и отдали его умышляющему на насъ. Легко сказать: 75 орудій имъ досталось! Утверждаютъ, что большая часть была заклепана, но правда ли это? Что касается до орудій на Камчатскомъ люнетѣ, то тѣ дѣйствительно, надо полагать, были заклепаны, и притомъ, крайне несвоевременно, по словамъ очевидцевъ: говорятъ, ихъ заклепали какъ только Французы бросились на люнетъ; вслѣдствіе этого, когда мы вновь заняли люнетъ, то не могли на немъ удержаться, между прочимъ, и потому что не имѣли возможности сдѣлать ни одного пушечнаго выстрѣла противъ возобновившихъ штурмъ Французовъ.

Изъ доковъ госпиталь стали перевозить со вчерашняго дня на Сѣверную, а также всякіе сколько-нибудь цѣнные казенные пожитки.

Вечеръ 4 іюня.

Темно. Бомбы и ракеты—звѣзды и кометы севастопольскаго неба—однѣ мерцаютъ на его мрачномъ куполѣ, основаніемъ которому съ одной стороны море, съ другой—горы. Тихъ и покоенъ Севастополь, какъ почившій левъ. Спитъ, кто можетъ, кому дозволяютъ долгъ и служба. На улицахъ совершенная тишина, изрѣдка нарушаемая трескомъ лопнувшаго снаряда или отрывистымъ звукомъ, произведеннымъ ударомъ ядра. Рѣдко, очень рѣдко слышится выстрѣлъ—то ихъ, то нашъ. Сегодня въ Севастополѣ все по обыкновенію. Постоянная борьба съ врагомъ сдѣлалась здѣсь вседневною, и оттого потеряла свой грозный характеръ. Мы такъ же спокойно живемъ въ Севастополѣ, какъ живутъ добрые люди въ какомъ-нибудь городкѣ завѣтной Украйны, и только сигнальная труба тревоги, лопнувшая бомба на дворѣ сосѣдняго дома, зажженный на Малаховомъ курганѣ фальшфейеръ или грохотъ барабановъ по улицамъ заставляютъ сердца наши биться нѣсколько учащеннѣе и сводятъ насъ съ той колеи, по которой девятый мѣсяцъ течетъ наша жизнь.

Около полуночи.

Начинаетъ совершаться что-то необыкновенное. Съ „Викторіи“ (батарея союзниковъ) и парохода, стоящаго по сю сторону херсонесскаго маяка, стали бросать въ городъ ракеты. И сколько ракетъ! по нѣскольку вдругъ; онѣ поднимаются огненными фонтанами, пламенною нитью тянутся къ облакамъ, несутся кровавою полосою, отражаясь въ морѣ, несутся,—производя какой-то ужасный, раздирающій звукъ, оставляя по себѣ слѣдъ на темномъ небѣ, описывая страшную дугу, и съ постоянно усиливающеюся быстротою падаютъ, ужаснымъ грохотомъ означая свой разрывъ..... Нѣтъ мгновенія, въ которое не видѣли бы мы этихъ огненныхъ змѣй, бороздящихъ небо по всѣмъ направленіямъ и повсюду грозящихъ смертью и разрушеніемъ, но, по милости Божіей, по преимуществу только грозящихъ. Вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ стали бросать ракеты, а видимаго вреда онѣ еще ни-

какого не причинили: пожаровъ нигдѣ не видно, разрушеній нигдѣ не слышно, а ракетъ выпущено до тысячи. Однѣ падаютъ въ воду, другія на улицы и площади; большая часть скоро потухаетъ, а нѣкоторыя поднимаются со станка перпендикулярно кверху, къ общему восторгу солдатъ-зрителей, называющихъ ихъ *ракитами*, тѣмъ же путемъ возвращаются внизъ, падая у самаго того парохода, съ котораго были отправлены въ путь.

Наши отвѣчаютъ рѣдко, платя недругамъ десятками гранатъ, бросая ихъ изъ мортиры въ бочонкѣ или мѣшкѣ, въ ближайшія траншеи. Гранаты, падая, лопаются одна за другою и по нѣскольку разомъ, производя какъ бы батальный огонь, Услышавъ знакомую трескотню, солдаты говорятъ: „*капральство послали!*“ Сегодня наши что-то особенно много бросаютъ этихъ снарядовъ. Пора однако отдохнуть, благо есть возможность; поздняя ночь, кто знаетъ, что ждетъ насъ завтра!....

5 іюня.

Едва забрезжился свѣтъ, какъ уже заревѣли батареи союзниковъ; въ *четыре* часа утра началось *четвертое* бомбардированіе Севастополя. Огонь непріятельскій исключительно сосредоточенъ на лѣвой половинѣ оборонительной линіи.

Подъ градомъ снарядовъ самаго огромнаго калибра, баталіоны пошли занимать указанныя имъ заранѣе мѣста, чтобы поспѣть въ дѣло во-время, еслибъ непріятель внезапно бросился на штурмъ.

Наступаетъ кровавый день. На алтарь отечества будетъ принесено много новыхъ жертвъ; много горючихъ слезъ прольется во имя ихъ въ обширномъ отечествѣ нашемъ. Еще темно. Но вотъ восходитъ солнце, такое же ясное сегодня, какъ было вчера, какъ будетъ завтра!.... Ни малѣйшаго вѣтерка. Облака легкаго дыма лежатъ надъ Севастополемъ, какъ бы силясь прикрыть родимые стогны легкою фатою своею отъ вражьихъ перуновъ. Вырвавшись изъ жерла, дымъ долго клубится надъ орудіемъ,—поднимается изъ мортиры правильнымъ кольцомъ,—съ ракетнаго станка непріятельскаго—длинною гигантскою спиралью. Въ высотѣ, на безоблачномъ голубомъ небѣ, ярко рисуются бѣлыя облачки лопнувшихъ бомбъ; темнѣйшею краскою въ клубахъ дыма обрисовывается разрывъ бомбы въ какомъ-нибудь домѣ, или на землѣ, густымъ сѣрымъ столбомъ поднимается пыль, взметенная ядромъ, и кое-гдѣ, порою, въ густѣйшей массѣ пороховаго дыма, блеснетъ огненный языкъ выстрѣла..... маленькіе домики Корабельной стороны, ярко позолоченные восходящимъ солнцемъ, и стройныя, избитыя выстрѣлами зданія Александровскихъ казармъ обнажились отъ дымной пелены....

Какую величественную картину являетъ собою Малаховъ курганъ, возносясь надъ окрестнымъ пространствомъ! Какъ нѣкій великанъ, одѣтый страшною бронею батарей, онъ гордо встряхиваетъ могучею главою, убранною густыми кудрями дымныхъ облаковъ. Будто шлемомъ, прикрытый бѣлыми остатками знаменитой круглой башни, онъ съ грознымъ спокойствіемъ посылаетъ перуны во всѣ стороны....

Все сливается въ одну дымную тучу. Она начинаетъ заволокать картину роковой борьбы, быть можетъ, безпримѣрной въ лѣтописяхъ, подъ громъ страшнаго оркестра, котораго разнообразные звуки слились въ оглушительный ревъ, терзающій душу!....

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ показалась сквозь дымныя облака блѣдно-голубая бухта, безпрестанно вспѣниваемая падающими въ нее снарядами или ихъ осколками; но, несмотря на то, множество лодокъ скользятъ по ней во всѣхъ направленіяхъ, безстрашно исполняя различныя обязанности. Наши пароходы разводятъ пары. Одинъ изъ нихъ двигается куда-то медленно, и черный дымъ клубится надъ нимъ, какъ траурная фата.....

На колокольнѣ Владимірской церкви благовѣстятъ къ заутренѣ. Въ этомъ ревѣ смерти какъ сладокъ ты, завѣтный благовѣстъ—отходная для сотни храбрыхъ, которыхъ души уносятся въ это мгновеніе съ твоими благодатными звуками къ Престолу Божію!.... Солдаты крестятся. Многіе, услышавъ завѣтные звуки, становятся на колѣни и молятся, кладя земные поклоны. Не одинъ изъ нихъ молится въ послѣдній разъ!.... Но счастливъ тотъ, кого смерть застанетъ въ самую минуту сей молитвы, подобно тому, какъ застигла солдата Охотскаго полка, молившагося въ маленькой землянкѣ третьяго бастіона! Онъ не успѣлъ отнять и чела отъ матери-земли, какъ упавшая въ землянку бомба растерзала его, ранивъ и нѣсколькихъ изъ его товарищей!....

На Корабельной нѣтъ мѣста, куда бы не падали снаряды. *). Бывало рѣдко случалось, чтобы снарядъ упадалъ на Владимірскую площадь, или съ „Канробера“ (французская батарея) проносился до самой бухты, а нынѣ снаряды валятся въ морскія казармы, у Павловскаго мыска. На всемъ обстрѣливаемомъ пространствѣ единственное безопасное мѣсто хорошій блиндажъ на бастіонѣ. Но зачѣмъ и упоминать объ опасности, когда о ней никто и не думаетъ, несмотря на страшную бомбардировку! Здѣсь всякій дѣлаетъ свое дѣло, не обращая на пальбу никакого вниманія. Попрежнему войска стоятъ въ мѣстахъ нѣсколько укрытыхъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Солдаты по большей части спятъ; другіе перебираютъ свою одежду, чинятъ бѣлье, обувь; нѣкоторые заряжаютъ или разряжаютъ ружье, курятъ, ѣдятъ свою неизмѣнную кашу. Съ мѣрными условными возгласами тянутъ матросы и солдаты пушку, въ обмѣнъ подбитой на батареѣ. Съ тою же безпечностью ходятъ офицеры и солдаты, съ какою ходили вчера и третьяго дня, или ѣздятъ верхомъ съ приказаніями; два солдатика несутъ на палкѣ, въ мѣшкѣ, только что принятое мясо; въ ротныхъ котелкахъ тащатъ еще ки-

*) Въ этотъ день у Французовъ дѣйствовало противъ нашей лѣвой половины 448 орудій, въ томъ числѣ собственно по Малахову кургану 113 орудій, у Англичанъ дѣйствовало до 160 орудій, что составитъ до 600 орудій, бомбардировавшихъ городъ. Historique du service l'Artillerie. Idem. с. 324.

Каждому французскому орудію назначено было сдѣлать отъ 100 до 150 выстрѣловъ, а если можно, и болѣе; этимъ правомъ воспользовались нѣкоторыя батареи: такъ батарея № 16 на Камчаткѣ изъ 10 мортиръ бросила въ этотъ день 2000 бомбъ. Idem.

нящую кашу; артиллерійскія лошади везутъ на дрогахъ бочку воды; тянется нѣсколько полуфурковъ съ пирамидою туровъ; матросы и солдаты расчищаютъ, подъ штуцернымъ огнемъ, засыпанную амбразуру бастіона, только работая нѣсколько живѣе обыкновеннаго; множество солдатъ купаются у „Пересыпки," несмотря на снаряды, ложащіеся вокругъ нихъ; тянется похоронная церемонія... Словомъ, на Корабельной идетъ все обычнымъ чередомъ; только нигдѣ не видишь жителей: все скрылось куда могло; еще необыкновенно часто появляются въ различныхъ мѣстахъ кровавыя носилки съ печальною ношею, да потрясаютъ душу эти ужасные, гремящіе вокругъ звуки, этотъ грозный ревъ безпрестанно падающихъ и безпрестанно разрывающихся снарядовъ. Словно стонетъ земля, поглощая изливающуюся потоками кровь человѣческую!..

Господи! исполнится ли мѣра гнѣва Твоего? Премилосердый! замолкнутъ ли эти громы? Перуны, брошенные на насъ, ратующихъ за имя Твое святое, обратятся ли на бросающихъ? Изнемогла бы слабая природа человѣческая въ этой борьбѣ, еслибъ вѣра въ благость Твою, Господи и убѣжденіе въ правотѣ нашего дѣла не укрѣпляли насъ, не давали намъ силы на эту томительную, долгую брань!

Убѣжденіе, что намъ, любимымъ дѣтямъ Царя Бѣлаго, намъ, избраннымъ сынамъ могучей Россіи, выпала славная доля на свои рамена принять все бремя грозной войны, на грудь свою самые ярые удары ожесточеннаго врага, дѣлаетъ насъ ежеминутно готовыми на всякій подвигъ, на всякую смерть... И намъ ли не устоять въ этой войнѣ, когда за насъ молится вся Россія! Намъ ли не одолѣть, когда мы деремся за правду, намъ ли не поразить пришельцевъ, когда мы защищаемъ отчизну!..

Часъ ночи.

Весь день канонада то свирѣпѣла съ обѣихъ сторонъ, то нѣсколько уменьшалась, чтобы, спустя мгновенье, закипѣть съ новою яростью. Весь день непріятель стрѣлялъ преимущественно залпами. Въ настоящую минуту стрѣляетъ не съ однихъ земляныхъ батарей, но и съ флота, принявшаго участіе въ бомбардированіи съ полуночи *).

Въ теченіе дня замолчало нѣсколько нашихъ орудій, замолчало гораздо больше непріятельскихъ. Это уже четвертое бомбардированіе Севастополя, но такого ужаснаго еще не бывало. Съ минуты на минуту ждемъ штурма и, по необходимости, держимъ войска неподалеку отъ бастіоновъ. Перевязочный пунктъ наполняется ранеными. Убитыхъ кладутъ на баркасы и увозятъ на Сѣверную... Но не заглядывайте на перевязочный пунктъ, если у васъ не каменное сердце! Какъ блѣдны всѣ описанія предъ поразительною дѣйствительностію тамъ совершающагося!..

---

*) Въ ночь съ 5 на 6 іюня между прочимъ, бомбардировали городъ и Сѣверную шесть англійскихъ и три французскихъ парохода и нѣсколько приспособленныхъ къ дѣйствію шлюпокъ.

Капитанъ 1-го ранга Юрковскій, начальникъ 4-го отдѣленія оборонительной линіи, смертельно раненъ на Малаховомъ курганѣ. Съ какимъ дивнымъ самоотверженіемъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, девять почти мѣсяцевъ не сходилъ онъ съ Малахова кургана, достойно замѣнивъ на немъ героя Истомина! Кто зналъ Юрковскаго, тотъ не могъ не удивляться его простой, но возвышенной природѣ; кто видѣлъ его въ сраженіи, тотъ уважалъ его непоколебимую твердость, его рѣдкую отвагу и распорядительность. Онъ живъ еще, но медики твердятъ: жить не можетъ! За то еще можетъ страдать, и какъ страдать!.. Онъ раненъ осколками лопнувшей близъ него бомбы въ руку, въ ногу и въ бокъ. Ему отняли сперва руку, потомъ ногу!..

Юрковскій скончался. Горюетъ не только многочисленная семья его, горюетъ каждый, кто зналъ его или служилъ съ нимъ.

Сколько примѣровъ самой дивной твердости можно было видѣть въ стѣнахъ дома, бывшаго перевязочнымъ пунктомъ, но такъ же не въ предѣлахъ возможнаго описать ихъ, какъ и подвиговъ того необыкновеннаго мужества, того высокаго самоотверженія во имя отчизны, которые совершены въ этотъ день севастопольскими защитниками! Какое перо, напримѣръ, въ силахъ обрисовать подвигъ батарейнаго командира и его прислуги на одномъ изъ бомбардируемыхъ пунктовъ!..

Надобно видѣть этого *громовержца*, стоящаго безтрепетно въ ураганѣ смерти и обдуманно поражающаго враговъ, тогда какъ десятки его товарищей и подчиненныхъ падаютъ вокругъ него подъ губительною косою, обливая его своею кровью, немедленно замѣняемые другими, готовыми испытать ту же участь! Да, надо видѣть этихъ героевъ, чтобы научиться благоговѣть предъ ними...

Севастопольскихъ защитниковъ ждутъ вѣщія струны Баяна: онѣ, будетъ время, еще прогремятъ міру чудную повѣсть ихъ подвиговъ. Но чтобъ не погибло ни одной сколько-нибудь замѣчательной частности этой необыкновенной эпопеи для современника и потомка, каждый изъ защитниковъ Севастополя обязанъ разсказывать то, чему былъ свидѣтелемъ, въ чемъ принималъ участіе, о чемъ слышалъ отъ вѣрнаго человѣка.

Командующій 8-ю пѣхотною дивизіею, генералъ-адъютантъ князь Урусовъ, начальникъ одной изъ важнѣйшихъ частей лѣвой половины оборонительной линіи Севастополя, идетъ съ ординарцемъ своимъ, Камчатскаго полка поручикомъ Арсеньевымъ, и безотлучно при немъ находившимися на вѣстяхъ рядовыми Полтавскаго пѣхотнаго полка 4-й мушкетерской роты Григоріемъ Ткаченко и 1-й гренадерской Семеномъ Копальскимъ, по первому бастіону. Спускается бомба... ближе, ближе... и падаетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ князя... „ложись!“ успѣлъ онъ крикнуть. Разумѣется, эта извѣстная, хотя не всегда спасительная сноровка исполнена всѣми мгновенно. Что же дѣлаютъ Копальскій и Ткаченко? Они бросаются на князя *и*

прикрываютъ его собою отъ осколковъ. Ясно, что это было дѣломъ мгновенія, что князь не успѣлъ воспрепятствовать благородному порыву, какъ бомбу уже разорвало, и одного изъ молодцовъ, его прикрывавшихъ собою, сильно ушибло осколкомъ камня.

Въ третьемъ бастіонѣ на порогъ пороховаго погреба, устроеннаго въ горѣ, упала трехъ-пудовая бомба, и чрезъ нѣсколько мгновеній должна была лопнуть.... Наружную дверь погреба захлопнули, и нѣсколько человѣкъ прижались къ ней, въ ожиданіи вѣрной смерти; въ это время подскочилъ къ бомбѣ рядовой Охотскаго егерскаго полка, Трофимъ Бѣлоусовъ, и ружейнымъ прикладомъ столкнулъ ее по скату горы, гдѣ она и лопнула, откатясь не болѣе какъ на пятнадцать шаговъ, благодаря Бога, ни кому не причинивъ вреда *).

Третій часъ пополуночи, 6 іюня.

Канонада не умолкаетъ. Порою приближается непріятельская пловучая батарея, едва возвышающаяся надъ поверхностію моря, и потому незамѣтная въ темнотѣ, даетъ залпъ гранатами и спѣшитъ удалиться при ревѣ Константиновской батареи, всегда готовой за смерть платить сторицею смертей...

Но, чу!... Что такое? Загремѣлъ ружейный огонь и замолчали непріятельскія батареи; только наши сыплютъ картечь; только съ трехъ сторонъ несутся въ городъ вражьи ракеты, и на Малаховомъ курганѣ затеплился бѣлый огонь фальшфейера, будто лампада схимника, молящагося о спасеніи души... Это сигналъ!.. Штурмъ!..

6 іюня. Севастополь.

Два часа и 50 минутъ утра. Непріятель бросился на 1-й и 2-й нумера. Весь лѣвый флангъ нашъ въ огнѣ. Тысяча пламенныхъ шаровъ бороздятъ небо, бѣгаетъ батальный огонь... передъ нами, словно какой-то, доселѣ невиданный, необыкновенный фейерверкъ!

Вотъ умолкъ артиллерійскій огонь нашъ и непріятельскій по всей лѣвой половинѣ нашей оборонительной линіи; батальный огонь разлился по всему пространству до 3-го бастіона. Малаховъ курганъ стоитъ будто опоясанный двумя пламенными лентами; огненная рѣка льется по всему протяженію оборонительной стѣнки; нашъ ружейный огонь усиливается ежеминутно, не прерываясь ни на мгновеніе. Значитъ наши резервы подходятъ во-время... Почти темно еще... не различить предметовъ... Кто-то одолѣетъ?!.. О, Матерь Божія! Ты ли въ годину трудную покинешь сыновъ своихъ! Ты-ль презришь слезами цѣлой Россіи! О, молитвенники земли Русской! вы ли потерпите, чтобъ дерзостный врагъ восторжествовалъ надъ нашею вѣрностью, чтобъ онъ попралъ пятою наше мужество, нашу твердость!!.

---

*) Бѣлоусовъ представленъ къ награжденію знакомъ отличія Военнаго Ордена за этотъ подвигъ.

На дальней батареѣ непріятельской, должно быть на „Викторіи“ *), медленно поднялся къ облакамъ цѣлый столбъ сигнальныхъ ракетъ, бѣлизны ослѣпительной. Достигнувъ извѣстной высоты, онъ разсыпался снопомъ. Это непріятельскій сигналъ.

Брезжетъ свѣтъ.

Нашъ огонь ожесточился, распространившись до 4-го бастіона и охвативъ даже „Грибокъ“; видно бросились на штурмъ и Англичане. Взлетѣлъ другой такой же величественный, такой же ослѣпительно-бѣлый огненный снопъ. За нимъ поднялся третій снопъ. Моментъ самаго рѣшительнаго приступа!.. Несутся, какъ разъяренные львы, наши пароходы, оставивъ за собою полосу чернаго дыма, страшнымъ ревомъ своихъ огромныхъ орудій знаменуя свое приближеніе. „Владиміръ“, „Громоносецъ“, „Херсонесъ“, „Крымъ“, „Бессарабія“, и „Одесса“,—налетѣли и начали осыпать корабельною картечью тылъ и флангъ непріятеля, атакующаго 1-й и 2-й нумера, между тѣмъ какъ сѣверная батарея № 18-й поражаетъ залпами гранатъ резервы атакующихъ въ окрестностяхъ Киленъ-балки и тылъ ихъ, по всему ея протяженію. Разсвѣло совершенно. Уже не виденъ сталъ полетъ разрывныхъ снарядовъ. Поднимается солнце, будто спѣша взглянуть на событіе, имъ давно, давно невиданное...

Огромныя массы непріятеля разсыпнымъ строемъ близятся къ нашимъ батареямъ... **). Вотъ онѣ уже у волчьихъ ямъ, что предъ 2-мъ нумеромъ, вотъ лѣзутъ во рвы перваго бастіона Малахова кургана, вотъ близятся къ 3-му бастіону... Страшенъ нашъ батальный огонь; ужасно дѣйствіе картечи; губительно поражаетъ столпившагося, обезумѣвшаго врага градъ пуль, посланныхъ изъ пушки, для которой онѣ замѣнили картечь. Несется къ небу четвертый букетъ бѣлыхъ ракетъ, колеблется на всѣхъ пунктахъ ожесточенный врагъ и волны его то тамъ, то сямъ начинаютъ отбѣгать, а нашъ огонь свирѣпѣетъ со всякимъ мгновеніемъ!

Вотъ новый напряженный ударъ Французовъ на 2-й нумеръ и въ особенности на оборонительную стѣнку, соединяющую его съ Малаховымъ курганомъ; но ихъ ждалъ тутъ 2-й баталіонъ Суздальцевъ и во-время подоспѣвшіе къ этому опасному пункту два сводные застрѣльщичьи баталіона Селенгинскаго и Якутскаго пѣхотныхъ полковъ ***). Вопли попавшихъ въ

---

*) Сигналъ былъ поданъ съ „Викторіи“, вмѣсто того, чтобъ по условію подать оный съ Ланкастерской батареи, которая была устроена ближе къ намъ, между батареею „Викторія“ и Камчатскимъ люнетомъ. Ланкастерская батарея была избрана мѣстомъ нахожденія во время боя самого французскаго главнокомандующаго. Но преждевременная атака генерала Майрана побудила генерала Пелисье подать условный сигналъ общей атаки, прежде чѣмъ насталъ назначенный для ней моментъ, т.-е. прежде его прибытія на Ланкастерскую батарею, на которую онъ только еще ѣхалъ со свитою, когда увидѣлъ начало дѣла.

**) Пятая параллель Французовъ. т.-е. ихъ ближайшія къ намъ траншеи, изъ которыхъ они бросились на штурмъ, были подведены на 460 метровъ къ Малахову кургану и на 500 метровъ къ куртинѣ. Historique du service de l' Artillerie. Idem. с. 326.

***) Въ каждомъ полку сформировался такъ названный застрѣльщичій баталіонъ. Его составляютъ; 1) отъ 80-ти до 90-та человѣкъ, вооруженнымъ литтихскими штуцерами и столь-

волчьи ямы, стоны умирающихъ, проклятія раненыхъ, крикъ и ругательства сражающихся, оглушительный трескъ, громъ и вой выстрѣловъ, лопающихся снарядовъ, батальнаго огня, свистъ пуль, стукъ оружія—все смѣшалось въ одинъ ужасный, невыразимый ревъ, называемый шумомъ битвы, въ которомъ слышался, однако, и исполнялся командный крикъ начальника, сигнальная труба, дробь барабана!... Французы во рву; нѣсколько ихъ удальцовъ, офицеровъ и солдатъ на оборонительной стѣнкѣ! Кипитъ одно мгновеніе сумятица рукопашнаго боя. Впереди всѣхъ вскочившій на крону бруствера, красавецъ собой, французскій офицеръ, саблей призывавшій слѣдовать за собою другихъ, пробитый двумя пулями и штыкомъ, опрокинулся въ ровъ; другой за нимъ вскочившій офицеръ, окруженный нашими, бросилъ саблю, Французы, опрокинутые штыками, отхлынули вновь и залегли въ яминахъ, что покрываютъ пространство около волчьихъ ямъ, и изъ этого мѣстнаго прикрытія осыпали штуцерными пулями вскочившихъ на гребень бруствера отважныхъ бойцовъ севастопольскихъ. „Камнями ихъ, ребята!“ крикнулъ Якутскаго полка маіоръ Степановъ, командовавшій застрѣльщичьими баталіонами Селенгинскаго и Якутскаго полковъ: и градъ большихъ камней, изъ которыхъ сложена оборонительная стѣнка, понесся въ ямины... Не усидѣли Французы, бѣгутъ опять, и вновь валятся ихъ сотни, подъ тучей пуль, летящихъ изъ пушекъ и ружей...

Англичане были не такъ упорны и во время этой повторенной атаки Французовъ уже отхлынули совершенно отъ третьяго бастіона и Пересыпки, защищенной батареями Брылкина, Перекомскаго, Сталя и Охотскимъ егерскимъ полкомъ подъ начальствомъ полковника Малевскаго, ища спасенія— одни въ бѣгствѣ къ Камчатскому редуту и въ свои ближайшія траншеи, другіе—по садамъ и домикамъ, покрывающимъ пространство предъ Пересыпкою. Англичане повели свою атаку нѣсколько позже сравнительно съ Французами, такъ рѣшительно и такъ преждевременно, *до* подачи сигнала общаго штурма, ударившими на 1-й и 2-й бастіоны, и нѣсколько ранѣе другихъ были отброшены совершенно. Вотъ какъ это было. Выйдя изъ траншей, непріятель густою цѣпью двинулся на 3-й бастіонъ и Пересыпку, презирая тысячи снарядовъ, отвсюду на него падавшихъ послѣ ничтожной перестрѣлки съ нашими штуцерниками, по заведенному порядку, на разсвѣтѣ, смѣнившими секреты и занявшими первые ложементы. Англичане подавили ихъ многочисленностью: тремя колонами, предводимыми офицерами королевской гвардіи, предшествуемые охотниками и особыми рабочими командами съ лѣстницами и саперным инструментомъ, бросились на исходящій уголъ третьяго бастіона и батареи Пересыпки, имѣя въ резервѣ двѣ колонны, не принимавшія участія въ бою. Ударъ Англичанъ, надо имъ отдать справедливость, былъ смѣлъ и рѣшителенъ, хотя его и нельзя сравнить съ тѣмъ ударомъ,

---

ко же хорошихъ стрѣлковъ съ простыми ружьями, берущихъ штуцеръ въ случаѣ убыли штуцерника; 2) 96 человѣкъ вооруженныхъ нарѣзными ружьями, и столько же человѣкъ втораго комплекта, исполняющихъ тоже назначеніе, что и второй комплектъ штуцерниковъ.

какой производятъ французскіе зуавы,—ударъ, отразимый только русскою грудью!... Картечь и батальный огонь остановили порывъ нападающихъ противу исходящаго угла; даже ни одинъ джентльменъ не ворвался въ засѣку, образующую выпуклую дугу предъ исходящимъ угломъ; самые прыткіе или самые храбрые уткнулись головою въ колючія вѣтви засѣки и остались въ этомъ положеніи до переселенія въ могилу *). На Пересыпкѣ Англичане были несчастнѣе: одни ворвались въ ровъ, другіе на брустверъ Брылкина батареи, гдѣ ихъ ждала смерть неминучая... Нѣсколько мгновеній продолжался бой, и Англичане еще стремительнѣе побѣжали во свояси, чѣмъ ли въ Севастополь, съ полнымъ убѣжденіемъ, что будутъ въ немъ обѣдать, для чего и запаслись разной мѣдной посудой и даже припасами, вѣроятно, предполагая, что въ нихъ Севастополь терпитъ нужду. Ружейный и картечный огонь провожалъ гостей до самыхъ ихъ траншей, усѣявъ поле ихъ тѣлами **). Замолкъ батальный огонь на этомъ пунктѣ, сталъ замирать и

*) Вотъ какъ французскіе писатели (Базанкуръ. Idem. Пикъ. Idem) разсказываютъ исторію неудачнаго штурма Англичанъ на 3-й бастіонъ и огромной потери, ими понесенной, безъ малѣйшаго успѣха. На „редант“ (3 бастіонъ) Англичане устремились тремя колоннами: двѣ пошли изъ траншей прямо на третій бастіонъ, а третья колонна спустилась къ балкѣ и пошла по Воронцовской дорогѣ. Означенныя двѣ колонны, при которыхъ находились рабочіе съ шанцовымъ инструментомъ, добѣжали до засѣки, устроенной предъ исходящимъ угломъ 3-го бастіона, но тутъ были остановлены засѣкою. Картечный и ружейный огонь повалилъ ихъ первые ряды, остальные смѣшались. Тщетны были усилія ихъ офицеровъ возстановить порядокъ. Однако они вторично бросились на штурмъ, увлекаемые офицерами, бѣжавшими впереди, но и второй разъ они были отбиты и разбиты совершенно. Колонна, которая пошла по Воронцовской дорогѣ, была гораздо счастливѣе; она почти безъ потери достигла парапета „редана“ и начала ломать палисадъ, когда ея начальникъ, генералъ Бернеръ, увидѣвъ, что остальныя двѣ колонны Англичанъ совершенно прогнаны и что ему одному не совладать съ сильнымъ непріятелемъ, ударилъ отбой и двинулся назадъ. Между тѣмъ генералъ Эйръ со своею бригадою ударилъ на „Пересыпку“, но онъ также былъ совершенно отбитъ и его солдаты, чтобы спастись отъ страшнаго огня защитниковъ „Пересыпки“, засѣли въ домикахъ, садахъ и виноградникахъ, покрывающихъ этотъ уголокъ Севастополя, гдѣ и оставались до ночи подъ нарочито направленнымъ на этомъ пунктѣ нашимъ усиленнымъ огнемъ. Ночью они бѣжали оттуда въ свои траншеи. Штурмъ длился всего три часа. Въ 8 часовъ утра всѣ (кромѣ колонны Эйра), кто остался живъ и здоровъ, воротились въ свои траншеи. Неуспѣшность своей атаки Англичане приписываютъ засѣкамъ, встрѣченнымъ ими предъ третьимъ бастіономъ, загородившимъ имъ дорогу и удержавшимъ ихъ подъ нашимъ батальнымъ и картечнымъ огнемъ. Засѣка эта была такъ ничтожна, что мы бывало сами смѣялись надъ нею! Притомъ, во время бомбардированія, ее во многихъ мѣстахъ разметало ядрами и разрывами бомбъ, до такой степени, что растащить ее не предстояло большихъ затрудненій. Наконецъ, такія ли затрудненія и препятствія приходится иногда преодолѣвать штурмующему крѣпость?!

Вандевельдъ (Vandevelde. Consideration sur la campagne en Crimée. 1855. Брюссель) дѣлаетъ весьма основательный вопросъ по случаю ссылки Англичанъ на засѣку, какъ на единственную причину ихъ неудачи: „Что-жь,—говоритъ онъ,—Англичане видно думали, что Русскіе еще будутъ расчищать имъ дорогу къ своему укрѣпленію, они думали видно, что Русскіе сдѣлали засѣки передъ 3-мъ бастіономъ *для облегченія* Англичанамъ доступа въ Севастополь. Засѣка вѣдь не упала съ неба, не создалась мгновенно; всѣ видѣли и знали, а въ томъ числѣ и Англичане, что Русскіе употребили передъ третьимъ бастіономъ это оборонительное средство, слѣдовательно и надо было подумать, прежде чѣмъ идти на штурмъ, какъ преодолѣть это препятствіе. Ссылки эти ни къ чему не ведутъ, дѣло говоритъ за себя: Англичане не взяли Большаго редана потому, что не могли его взять, потому что не умѣли его взять, вотъ и вся причина неуспѣха“.

**) Одинъ англійскій офицеръ удерживалъ своихъ отбѣгавшихъ солдатъ почти у самой нашей батареи, силясь водворить порядокъ въ разстроенныхъ рядахъ и еще разъ попытать счастія на брустверѣ русскаго укрѣпленія. Но усилія его были напрасны. Все бѣжало, и онъ остался сзади всѣхъ. „Ребята!—крикнулъ командиръ Охотскаго полка, полковникъ Ма-

на другихъ, только работаютъ артиллеристы, *съ почетомъ* провожая гостей незванныхъ... Но батарея Жерве была взята! Не остановилъ напора отважныхъ зуавовъ картечный огонь ея съ фронта,—огонь Малахова кургана, въ одинъ флангъ ихъ, Будищева батареи № 3-го въ другой флангъ, огонь,—производившій опустошеніе въ ихъ рядахъ вмѣстѣ съ ужаснымъ огнемъ застрѣльщичьяго баталіона Камчатскаго полка! Не остановила Французовъ крутизна, на которой построена батарея, штыки Полтавскаго баталіона, ее защищавшаго, банники и ножи ея морской прислуги!... Французы пошли ниже ея, мгновенно обхватили ее со всѣхъ сторонъ и овладѣли ею, преслѣдуя нашихъ съ быстротою чрезвычайною по направленію къ докамъ.— Безпрестанно увеличиваясь въ силахъ, занявъ матросскіе домики и развалины, покрывающія все охваченное ими пространство, Французы грозили уже окончательно разрѣзать нашу оборонительную линію и пототъ взять въ тылъ Малаховъ курганъ и 3-й бастіонъ... мгновеніе было роковое!... Врагъ успѣлъ уже ввести въ дѣло на этомъ пунктѣ значительныя силы... Рѣшался вопросъ: *„кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?...“* Но вотъ надъ

левскій, стоя на банкетѣ Брылкина батареи,—смотри, отсталъ вѣдь офицеръ!“—„Отсталъ, ваше в—іе!“ крикнуло нѣсколько радостныхъ голосовъ. „Какъ бы его *подхватить?*“ Нечего было повторять предложенія. Рядовой 7-й егерской роты Гладиковъ бросился въ амбразуру, мгновенно добѣжалъ до Англичанина, въ догонку ударилъ его прикладомъ по шеѣ, такъ что тотъ повалился, обезоружилъ и потащилъ на бастіонъ. Бывшіе неподалеку Англичане открыли по нимъ сильный огонь. „Что дѣлать? либо отъ пули пропадешь, либо этотъ дѣтина опомнится да драку затѣетъ! Хоть бы помочи гдѣ дождаться“ думаетъ Гладиковъ. По счастію, неподалеку былъ покинутый нами небольшой ложементъ съ незначительнымъ рвомъ, сложенный изъ камней. Гладиковъ дотащилъ до него Англичанина, столкнулъ его, и самъ прыгнулъ въ ровикъ, но въ этотъ моментъ былъ раненъ двумя пулями въ ногу, а англійскій офицеръ пулею же въ голову. Не теряя времени, Гладиковъ показалъ Англичанину, что надо сдѣлать ему перевязку, снялъ у него съ шеи платокъ и перевязалъ ему голову; своихъ же ранъ не чѣмъ и некогда было перевязывать. Не поднимаясь изъ рва, держа одною рукою Англичанина, Гладиковъ другою давай разбирать ложементъ, чтобы перелѣзть на свою сторону; но едва они перелѣзли чрезъ полуразобранный брустверъ, какъ ядро полеваго непріятельскаго орудія, нарочно, повидимому, направленное на ихъ убѣжище, ударило въ стѣну ложемента и навалило на нихъ груду камней, сильно контузивъ Гладикова въ плечо и руку. Наши поспѣшили отвѣчать врагу нѣсколькими ядрами; а Гладиковъ между тѣмъ притащилъ полуживаго, измученнаго Англичанина прямо къ командиру полка: „Вотъ онъ, ваше в—іе, *подхватилъ!*“ Раны Гладикова оказались неопасными, и онъ со слезами умолялъ не отсылать его въ госпиталь, а позволить лѣчиться при полку. Просьба его исполнена, и на дняхъ онъ опять явится во фронтъ тѣмъ же лихимъ бойцомъ, какимъ я его знаю. Въ Инкерманскомъ дѣлѣ Гладиковъ былъ раненъ и молодецкою отвагой обратилъ на себя вниманіе начальниковъ и товарищей. Потомъ, съ 13-го ноября 1854 года, не было ни одной вылазки противъ 3-го бастіона, въ которой не принималъ бы онъ участія. Въ одной изъ этихъ вылазокъ, 19-го января 1855 года, герой нашего разсказа наскочилъ въ траншеѣ на французскаго офицера, схватилъ его за плащъ и потащилъ за собою; вдругъ къ офицеру прибѣжалъ на помощь другой Французъ. Гладиковъ сцѣпился съ нимъ, и послѣ мгновенной драки убилъ его, а между тѣмъ на него бросился тотъ офицеръ, котораго онъ вытащилъ изъ траншеи за шинель. Гладиковъ хотѣлъ его штыкомъ, но тотъ такъ хватилъ по его ружью саблей, что перерубилъ стволъ и разрубилъ ему пальцы, чего впрочемъ Гладиковъ сгоряча не почувствовалъ въ началѣ. „Вижу,—разсказывалъ мнѣ удалецъ,—пропадешь, если оробѣешь, на какого дьявола наскочилъ!... Я какъ брошусь на него, да здоровой рукой его за бороду и ухватилъ. А тутъ наши подбѣгаютъ; рванулся Французъ, борода жиденькая изъ рукъ выскользнула; Французъ было бѣжать, но не тутъ-то было,—я обхватилъ его, поднялъ, да какъ тресну объ земь,—легъ какъ пластъ, я его за ногу такъ и приволокъ къ своимъ, не знаю, живъ ли остался али нѣтъ“. Гладиковъ имѣетъ уже знакъ отличія Военнаго Ордена.

батареею Жерве, надъ окрестными домиками разразилась смертоносная туча: по этому пространству стали дѣйствовать перекрестнымъ огнемъ полевая артиллерія съ фронта,—Корнилова бастіонъ въ одинъ флангъ, батарея Будищева и Камчатскіе стрѣлки въ другой. Казалось, обрушился цѣлый адъ на окрестность батареи Жерве... Вотъ онъ и самъ Будищевъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, стоитъ на брустверѣ своей батареи съ подзорною трубою, съ тою же отвагою, съ тою же рѣшимостью управляя своею грозною батареей, какъ бывало съ рупоромъ въ рукѣ вводилъ въ бой свое дерзостное судно!

„Прорѣжь, молодецъ!“ гаркнулъ онъ, и бомба его батареи, ворвавшись въ домикъ, въ который ломилась толпа Французовъ, чтобъ укрыться отъ пуль и безопаснѣе дѣйствовать штуцерами, разметала кучу народа, камнями и осколками побивъ множество въ толпѣ; но дымъ заволокаетъ театръ кровавой драмы. Будищевъ бросился выше, на 3-й бастіонъ, чтобъ оттуда дать направленіе своимъ мортирамъ... Съ банкета онъ пожираетъ очами страшную сцену, соображаетъ, отдаетъ приказанія комендору, не покидая опаснаго мѣста... Но мгновеніе... и замеръ его неконченный приказъ,—штуцерная пуля на вѣкъ замкнула его уста...

Порхнулъ вѣтерокъ; поднялась длинная пелена, обвившая землю. Будищева батарея, Малаховъ курганъ прекратили огонь по батареѣ Жерве; наши уже гнали Французовъ! Какъ же это случилось? Упоенные успѣхомъ, Французы оттѣснили нашихъ почти до самой плотины, что у Роковой стѣны. Но тутъ подоспѣлъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ. Мгновенно увидя въ чемъ дѣло, онъ остановилъ шедшую съ работы роту Сѣвскаго полка, человѣкъ въ 150, и приказалъ имъ съ Полтавскимъ баталіономъ остановить Французовъ, обѣщая тотчасъ привесть имъ сильную подмогу. Не успѣли зарядить ружей отважные Сѣвцы и, увлеченные примѣромъ ротнаго командира своего, штабсъ-капитана Островскаго, кинулись на стремительно атакующаго непріятеля, отбросили его штыками и завязали перестрѣлку съ засѣвшими въ домикахъ Французами. Въ это самое мгновеніе явился генералъ-лейтенантъ Павловъ съ двумя ротами Якутскаго полка, подъ командою подполковника Новашина *) и устремилъ ихъ на непріятеля. Завязался ужасный бой. Фран-

*) Подполковникъ Новашинъ уже не существуетъ. Онъ одна изъ прекраснѣйшихъ жертвъ, принесенныхъ нами въ настоящую борьбу на алтарь отечества, за дѣло святое, дѣло общее. Новашинъ убитъ штуцерною пулею въ грудь на вылетъ, въ ночи съ 20-го на 21-е августа, ведя полкъ на работу, на 3-й бастіонъ оборонительной линіи.

Смерть настигла его мгновенно. Ординарцы его и вѣстовые не услышали даже стона его. Онъ только перегнулся и отдалъ Богу прекрасную душу. Его любили товарищи и подчиненные, вездѣ гдѣ только онъ служилъ, какъ честнаго, прямаго человѣка, славнаго собесѣдника, умнаго начальника, лихаго товарища. Солдаты видѣли въ немъ отца и героя руководителя, за которымъ были готовы устремляться на всякую опасность. Василій Михайловичъ Новашинъ, дворянинъ Боровскаго уѣзда, Калужской губерніи, родился въ 1812 года; учился дома; поступилъ на службу въ Рижскій пѣхотный полкъ 1830 года февраля 1-го; произведенъ въ офицеры 1834 г. апрѣля 24-го съ переводомъ въ Днѣпровскій полкъ, гдѣ получилъ, за отличную службу, орденъ св. Анны 3-й степени. Съ производствомъ въ маіоры (1849), Новашинъ переведенъ въ Азовскій полкъ, и оттуда на пополненіе большой убыли штабъ-офицеровъ послѣ дѣла 23-го октября 1853 года пере-

цузы засѣли въ домикахъ. Каждый изъ нихъ должно было брать приступомъ, какъ отдѣльный фортъ, фланкируемый со всѣхъ сторонъ ружейнымъ огнемъ изъ окрестныхъ домиковъ... Трудное предстояло дѣло нашимъ удальцамъ: каждое мгновеніе Французы могли прислать большую помощь, да и невозможно было предположить, чтобъ они не истощили всѣхъ усилій удержаться на единственномъ пунктѣ, которымъ овладѣли. Французы защищались съ мужествомъ необыкновеннымъ. Но приказано отнять у нихъ батарею, и не было препятствій, которыхъ не одолѣлъ бы русскій солдатъ...

Наши солдаты перестрѣливались съ Французомъ не долго: только пока оглядѣлись и, перебѣгая изъ-за домика, еще незанятаго, къ слѣдующему, наконецъ добѣжали до домиковъ бывшихъ въ рукахъ врага...

„Что зѣвать, ребята!—грянулъ удалой штабсъ-капитанъ Островскій,—впередъ!...“ И бросился къ одному изъ первыхъ домиковъ... Солдаты не выдали. Какъ ни *строчили* Французы со всѣхъ сторонъ, какъ ни валились наши, въ числѣ которыхъ повалился и герой Островскій, но солдаты по щепкѣ разнесли занятый Французами домикъ и побили въ его гарнизонѣ всѣхъ до одного!...

Бой сдѣлался общимъ и раздѣлился на сотню отдѣльныхъ картинъ, на сотню разнородныхъ эпизодовъ. Въ одномъ мѣстѣ, будто, пожарная команда, отстаивающая сосѣдній домъ, бросилось нѣсколько десятковъ человѣкъ на крышу домика, терзаютъ, рвутъ, разрушаютъ крышу, обломками трубы, бревнами, черепицей побивая всѣхъ, кто дерзнулъ забраться подъ сѣнь ея, не отдаваясь великодушію ея хозяевъ...

Въ другомъ мѣстѣ съ пуками пылающей соломы бѣгутъ солдаты къ одному домику, занятому врагомъ, съ пламенемъ лѣзутъ на крышу... бросаютъ огонь въ трубу, въ окна, суютъ въ крышу... кричатъ: „сожжемъ, сдавайся!“ Французы не понимаютъ словъ, но видятъ роковую судьбу, имъ грозящую, отворяютъ двери, заваленныя изнутри, бросаютъ оружіе,—отдаются во власть побѣдителя...

Яростнѣе другихъ защищается какой-то домикъ съ глиняной крышей. Огонь изъ дверей и оконъ его не умолкаетъ ни на мгновенье; нѣтъ возможности растерзать его крышу, чтобъ чрезъ нее ворваться въ домикъ, какъ это было сдѣлано въ нѣсколькихъ десяткахъ другихъ домовъ: такъ крѣпка стала отъ времени эта глиняная крыша... Но рѣшительность рус-

---

веденъ въ Якутскій полкъ, гдѣ, не задолго передъ смертію, назначенъ командующимъ полкомъ, по болѣзни командира. Новашинъ дрался съ польскими мятежниками въ 1831 году и получилъ польскій знакъ отличія за военныя достоинства 5-й степени; съ Венгерцами въ 1849 году, при чемъ за Дебречинское дѣло получилъ Владиміра съ бантомъ; дрался съ Турками подъ Силистріей; съ Турками, Англичанами и Французами подъ Севастополемъ, при чемъ за дѣло 24-го октября 1854 г. получилъ чинъ подполковника, за отличное мужество при защитѣ Севастополя 17-го апрѣля 1855 года получилъ орденъ св. Анны 2-й степени и за отраженіе штурма 6-го іюня золотую саблю съ надписью „за храбрость“. 22-го августа похоронили Василія Михайловича на общемъ военномъ кладбищѣ, что на сѣверной сторонѣ Севастополя. Товарищи хотятъ поставить ему скромное каменное надгробіе...

скаго человѣка извѣстна. Мгновенно Якутскаго пѣхотнаго полка унтеръ-офицеры Никонъ Косенко и Василій Перемешка сговорились съ нѣсколькими солдатами и бросились въ двери домика, положивъ овладѣть имъ открытой силой. Двери, чѣмъ-то приваленныя изнутри, держались, а Французы поражали нашихъ ружейнымъ огнемъ изъ оконъ и изъ нѣсколькихъ отверстій, сдѣланныхъ въ стѣнахъ. Но противъ напора дюжихъ плечъ Косенко не устояла дверь:—наши очутились въ хатѣ.—„Проси пардонъ!—закричали наши:—крѣпость взята“. Въ отвѣтъ загремѣли выстрѣлы, посыпались удары штыкомъ, прикладомъ, камнемъ! „Э, такъ вы драться, да въ чужой еще хатѣ?... Души ихъ!“... и дѣйствительно всѣхъ передушили.

Трудно было выбить Французовъ изъ первыхъ домиковъ; далѣе пошло дѣло живѣе. Врагу не давали опомниться: если онъ, вытѣсненный изъ домика, перебѣгалъ въ другой, съ нимъ вмѣстѣ врывались туда наши солдаты и побивали всѣхъ... За однимъ французскимъ штабъ-офицеромъ гнались Сѣвскіе солдаты: *„постой, золотая шапка! Экій прыткій, не догонишь!“*—Французъ вдругъ повернулъ и вскочилъ въ избушку, солдатъ за нимъ и мгновенно прокололъ его штыкомъ въ грудь. Въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, судорожными руками несчастный схватился за штыкъ, его поразившій, съ такою силою, что солдатъ не могъ его вырвать разомъ изъ груди умирающаго, а между тѣмъ въ это мгновеніе вбѣжалъ въ хату другой Французъ и, увидя сцену, тамъ происходившую, разрубилъ голову Сѣвцу.—Враги испустили дыханіе, залитые своею смѣшавшеюся кровью, и были найдены соединенные смертоноснымъ желѣзомъ.—Преслѣдуя Французовъ выбитыхъ изъ домиковъ, заливая кровью каждый шагъ свой впередъ, наши солдаты добѣжали наконецъ до батареи Жерве, одно орудіе которой было уже повернуто противъ насъ Французами: они были такъ увѣрены въ своемъ успѣхѣ, что думали изъ орудій взятой батареи нанести намъ существенный вредъ, а потому и не заклепывали ихъ.—Впереди всѣхъ вбѣжалъ на батарею рядовой Сѣвскаго пѣхотнаго полка Ищукъ и бросился къ орудіямъ, гдѣ уже суетилась французская прислуга. Штыкомъ онъ повалилъ одного, штыкъ сломался, прикладомъ уходилъ другаго—прикладъ попаламъ! *„Вотъ причина, совсѣмъ поломалъ!“* и, швырнувъ обломокъ ружья, Ищукъ подхватилъ огромный пыжовникъ и проводилъ по затылкамъ еще двухъ, трехъ Французовъ, убѣгавшихъ уже въ амбразуры батарей, потому что наши хлынули съ трехъ сторонъ. Ищукъ за Французами въ амбразуру съ пыжовникомъ.—*Погодите, куда же вы... гости, гости?!...*—кричитъ Ищукъ.—*Что-жъ, аль въ двери не попали, что въ окна уходите?!*“.... Солдаты хохотали въ восторгѣ отъ побѣды, сыпали каламбуры, колотили защищавшихся, гнали бѣгущихъ! Увлеченные примѣромъ Ищука, человѣкъ сто бросились въ амбразуры за Французами и преслѣдовали ихъ до самыхъ траншей. Игра эта была весьма опасна. Съ минуты на минуту можно было ждать, что непріятель обопрется на свои резервы и съ помощью ихъ немедленно перейдетъ въ наступленіе. Подполковникъ Новашинъ велѣлъ трубить сиг-

налъ... Куда тебѣ! слышать не хотятъ. „*Отберемъ Камчатку!*—кричатъ.—*Бить саранчу проклятую на смерть, нечего отступать!*“ повторяютъ упоенные успѣхомъ солдаты. Подполковникъ Новашинъ и другіе начальники побѣжали и сами насилу заставили отступить. Едва наши дошли до рва, какъ съ банкета закричали: „*идутъ, идутъ, опять идутъ!*“ Вновь заревѣла артиллерія, загремѣлъ батальный огонь. Французы на этотъ разъ и половины той дороги не прошли, что въ первый разъ, и воротились въ свои траншеи... Ищука хватила штуцерная въ лѣвую лопатку. Онъ дошелъ до батареи, а на перевязочный не пошелъ:— „Поправлюсь, говоритъ, и во фронтѣ, а по госпиталямъ сроду не хаживалъ, и теперь не пойду!“

Но мы нѣсколько опередили ходъ происшествія. Воротимся къ первому моменту отбитія батареи Жерве изъ враждебныхъ рукъ. Когда Французы увидѣли неустойку, то бросились съ батареи кто куда могъ. Два вольтижера хотѣли уйти въ амбразуру, но имъ загородилъ дорогу матросъ съ пальникомъ въ рукѣ. Началась упорная драка; почти безоружнаго молодца, конечно, закололи отлично вооруженные Французы, вырвали у него пальникъ съ дымившимся еще фитилемъ и видя, что наши охватили батарею и имъ нѣтъ спасенія, бросились къ замѣченному ими пороховому погребу, чтобы взорваться. Въ это мгновеніе подскочилъ рядовой первой гренадерской роты Якутскаго пѣхотнаго полка Дороѳей Музиченко. „*Э, братцы, шалишь!*—крикнулъ удалецъ:—*сюда не суйся, пошолъ-ко догоняй своихъ!*“ и съ этимъ словомъ отправилъ обоихъ къ праотцамъ *).

Едва Якутцы добѣжали до батареи Жерве, какъ офицеры, замѣтивъ, что артиллерійской прислуги, большею частію погибшей при штурмѣ, не существовало уже, закричали: „сюда, ребята, кто бывалъ въ артиллеріи!“ **).

Откуда ни возьмись, унтеръ-офицеры Осипъ Семеновъ Здраевскій, Павелъ Артемьевъ, рядовые Петръ Милевъ, Петръ Усиковъ и Ѳедоръ Самофаловъ—бросились къ орудіямъ, работа закипѣла, заревѣли выстрѣлы въ погоню за убѣгающими Французами, довершая ихъ пораженіе!... „*Куда ты суешь другой картузъ-отъ!*—закричалъ унтеръ-офицеръ Артемьевъ, работавшій прибойникомъ, гренадеру Усикову:—*не видишь положено—прибиваю!...*“

— Ничего, сударь, положимъ и другой, пущай гости знаютъ, что мы про нихъ не жалѣемъ хлѣба-соли, не замай, скушаютъ на здоровье!...

Батарея Жерве окончательно осталась за нами. Подкрѣпленія подходили: генералъ-лейтенантъ Павловъ направилъ полковника Аленникова съ своднымъ баталіономъ Якутскаго и баталіономъ Елецкаго полковъ на этотъ важный пунктъ, сдѣлавъ его способнымъ противустать новымъ попыткамъ непріятеля, которыя должны были возобновиться. И дѣйствительно, Французы построились въ лощинѣ и, вѣроятно, побужденные своими начальниками, въ третій разъ пошли на батарею Жерве. Но ихъ опять остановили артил-

*) За этотъ подвигъ онъ награжденъ знакомъ отличія Военнаго Ордена.

**) Нужно замѣтить, что въ мирное время мы ежегодно посылаемъ команды изъ каждаго полка въ соотвѣтствующія опымъ артиллерійскія батареи, для изученія артиллерійской службы.

лерійскій и батальный огонь съ фронта и фланговъ и смѣлое наступленіе нашихъ. Французы отступили, тѣснимые нашими до самыхъ траншей, которыми мы могли бы овладѣть безъ всякихъ усилій; но чтобы напрасно не терять людей, мы отвели ихъ до батареи Жерве, которую непріятель не дерзнулъ уже болѣе атаковать...

Во время перваго стремительнаго отступленія Французовъ отъ батареи Жерве, рядовой Камчатскаго егерскаго полка (2-й карабинерной роты) Леонъ Сивко, замѣтивъ съ 3-го бастіона (отдѣляющагося отъ батареи Жерве оврагомъ) французскаго офицера, повидимому, подстрѣленнаго, нѣсколько поотставшаго отъ своихъ, бросился ему на-перерѣзъ чрезъ балку; Французъ, видя угрожающую ему опасность, сталъ звать своихъ на помощь. Нѣкоторые остановились и начали стрѣлять въ Сивко, но онъ, не обращая на то вниманія, догналъ офицера, вышибъ у него прикладомъ саблю, которою онъ думалъ отбиться, и привелъ его на бастіонъ къ командиру полка *). Успокоенный, обласканный полковникомъ Голевымъ, французскій офицеръ, какъ оказалось, контуженный въ ногу, удивлялся смѣлости рядоваго Сивко, рѣшившагося броситься на вооруженнаго офицера въ виду его подчиненныхъ. Выходя, по окончаніи штурма, изъ блиндажа полковника Голева, чтобъ отправиться въ штабъ гарнизона, французскій офицеръ, на учтивое предложеніе адъютанта объявить свою фамилію, что было необходимо для сдѣланія установленнаго донесенія, подалъ изящную визитную карточку, на которой превосходно были награвированы его чинъ, фамилія и названіе полка, въ которомъ онъ служилъ.

Штурмъ былъ уже отбитъ совершенно на всей атакованной линіи; продолжалось только бомбардированіе, какъ вдругъ снова загремѣлъ батальный огонь. Французы еще разъ думали выиграть дѣло. Ударъ былъ направленъ на № 2-й; но ужасный батальный и картечный огонь остановилъ это покушеніе, а между тѣмъ, вслѣдствіе просьбы начальника 5-го отдѣленія, генералъ-адъютанта князя Урусова, изъ главнаго резерва присланы были два сводные баталіона Селенгинскаго полка, занявшіе указанныя имъ мѣста, подъ личнымъ начальствомъ командира онаго, генералъ-маіора Сабашинскаго: баталіонныхъ командировъ уже не было; они выбыли за ранами и контузіями.

Французы, видя, что никакія усилія не могутъ преодолѣть нашего мужества, видя, что всякое единство въ дѣйствіяхъ ихъ арміи на этотъ день разрушено, отошли на всѣхъ пунктахъ, преслѣдуемые тучею всевозможныхъ снарядовъ и пуль, пущенныхъ нашими ожесточенными солдатами. Итакъ, послѣ двухчасоваго упорнаго боя штурмъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ! Въ 6 часовъ утра штурмъ 6 іюня уже принадлежалъ исторіи и составлялъ новый свѣжій листокъ въ лавровомъ вѣнцѣ Россіи!

Множество Французовъ и Англичанъ, живыхъ и здоровыхъ, повалилось между мертвыми и ранеными, чтобы спастись отъ нашего огня; многіе залегли въ разныхъ яминахъ и травѣ, чтобы дождаться прекращенія кар-

*) За этотъ подвигъ рядовой Сивко удостоился получить именной знакъ отличія Военнаго Ордена. Фамилія взятого офицера—капитанъ Дарригадъ.

течныхъ выстрѣловъ и батальнаго огня и потомъ продолжать свое бѣгство. Преинтересно было смотрѣть, какъ изъ какой-нибудь ямы вдругъ вскочитъ человѣкъ десять Французовъ съ ружьями на-перевѣсъ, а иные, бросивъ всякое оружіе, почти прилягутъ къ землѣ и пустятся, что ни есть духу, бѣжать къ своимъ траншеямъ, а наши такъ и грянутъ по нимъ со всѣхъ сторонъ въ догонку.

Пространство, прилежащее къ оборонительной линіи, и нѣкоторые пункты самой линіи этой были буквально покрыты непріятельскими тѣлами! Коегдѣ ихъ скрывала густая трава или неровность мѣстности.

„Зацвѣло поле!“—говорили солдаты, самодовольно улыбаясь и поглядывая изъ-за гребня бруствера на цвѣтные мундиры разноплеменныхъ враговъ, валявшихся повсюду. Но такова натура русскаго человѣка: въ самодовольномъ взорѣ утѣшеннаго успѣхомъ солдата, вы видите, блещетъ уже не гордость побѣдителя, а благородное состраданіе къ побѣжденному!...

Съ какимъ гордымъ восторгомъ за имя русскаго солдата, которое носимъ, смотрѣли мы, какъ наши солдатики, видя, что между мертвыми есть много раненыхъ, не только позволяли уползать тѣмъ, которые могли, не только не стрѣляли по нимъ, не только махали имъ руками, чтобъ они лѣзли себѣ куда хотятъ, но даже сами, съ опасностью собственной жизни, ползли къ нимъ съ манеркою ключевой воды, услаждая благотворнымъ глоткомъ послѣднія страдальческія минуты нѣкоторыхъ и воскрешая силы многихъ! Что-жь? Англичане, сидѣвшіе въ траншеяхъ и иногда замѣчавшіе эту продѣлку, конечно съ сердечной благодарностью, съ уваженіемъ къ благородному врагу принимали эту услугу ихъ героямъ-товарищамъ, за нихъ умирающимъ? Какъ бы не такъ: они направляли на благотворителя цѣлый рой пуль и презирали вопли своихъ братій, дѣлавшихъ имъ знаки прекратить огонь, махавшихъ имъ шапками, въ отчаяніи посылавшихъ имъ проклятія за ихъ безчеловѣчіе и въ то же время цѣловавшихъ руки нашихъ солдатъ, утолявшихъ ихъ предсмертную жажду... Скажемъ правду: Французы показывали въ этомъ случаѣ болѣе теплоты сердечной, болѣе великодушія, и не препятствовали подавать помощь ихъ раненымъ. Многіе изъ нихъ просили знаками и движеніями не покидать ихъ и взять съ собою. Истекавшіе кровію собирали остатокъ силъ и влеклись за нашими солдатами, отползавшими къ своимъ. Нѣкоторые изъ нашихъ, ползя сами, протащили за собою страдальцевъ по самому опасному пространству, не безъ страданій для нихъ, и потомъ, подхвативъ ихъ на руки, бѣгомъ проносили ихъ въ безопасное мѣсто. Нѣкоторыхъ раненыхъ не могли взять до ночи, а нѣкоторыхъ, придя за ними ночью, нашли уже умершими.

Къ девяти часамъ утра огонь еще болѣе ослабѣлъ на пространствѣ отъ бухты до Малахова кургана, третій бастіонъ и весь правый флангъ оборонительной линіи не перестаютъ отвѣчать бомбардирующему непріятелю ужаснымъ огнемъ. Постоянно носятъ раненыхъ. Баркасъ за баркасомъ съ кровавымъ грузомъ отваливаетъ отъ Павловскаго мыска. Въ теченіе этихъ сутокъ (т.-е. 6 іюня) черезъ руки завѣдывавшаго перевязочнымъ пунктомъ

Корабельной стороны, устроеннымъ въ доковыхъ магазинахъ, доктора медицины Невадовскаго, прошло раненыхъ, сухопутнаго войска: офицеровъ двадцать три, нижнихъ воинскихъ чиновъ 1.219; морскаго вѣдомства: офицеровъ три, нижнихъ чиновъ сто семьдесятъ три; англо-французскихъ офицеровъ восемь, нижнихъ чиновъ сто девятнадцать. Сколько же вообще въ этотъ день погибло нашихъ враговъ! *).

*) Въ теченіе 5 іюня—дня бомбардировки—черезъ тотъ же перевязочный пунктъ прошло: сухопутныхъ офицеровъ 16, нижнихъ чиновъ 1.504; морскихъ: одинъ офицеръ и 487 нижнихъ чиновъ; женщина и одинъ мальчикъ, всего 2.010 человѣкъ.

Общая потеря наша 5 и 6 іюня представляетъ слѣдующія цифры:

	Генерал.	Штабъ-офиц.	Оберъ-офиц.	Нижн. чин.
Убитыми	—	2	14	781
Ранеными	—	4	43	3.122
Контужено	1	5	29	815
Кромѣ того осталось во фронтѣ легко раненыхъ и контуженыхъ	2	12	57	879

Надо замѣтить при этомъ, что 6 іюня перевязочный пунктъ былъ на Сѣверной, что по словамъ рѣчи профессора Гюббинета, имъ сказанной въ Обществѣ кіевскихъ врачей, было крайне неудобно, такъ какъ своевременная помощь раненымъ не могла быть подаваема.

Не могу сказать навѣрно, какую потерю понесъ въ эти два замѣчательные дня Севастопольскій гарнизонъ, но, что касается до нашей дивизіи, то навѣрно знаю, что мы понесли потерю, означенную въ слѣдующій вѣдомости.

Названіе полковъ.	Когда именно.	Убито. Шт. и об.-оф.	Убито. Ниж. чиновъ.	Убито. Итого.	Ранено. Шт. и об.-оф.	Ранено. Ниж. чиновъ.	Ранено. Итого.	Контужено. Шт. и об.-оф.	Контужено. Ниж. чиновъ.	Контужено. Итого.	Безъ вѣсти пропало. Шт. и об.-оф.	Безъ вѣсти пропало. Ниж. чиновъ.	Безъ вѣсти пропало. Итого.	Итого выбыло изъ строя. Шт. и об.-оф.	Итого выбыло изъ строя. Ниж. чиновъ.	Итого выбыло изъ строя. Итого.
Селенгинскій	5 іюня.	—	3	3	—	22	22	—	14	14	—	—	—	—	39	39
	6 „	1	10	11	3	44	47	3	17	20	—	—	—	7	72	79
Итого.		1	13	14	3	66	69	3	31	34	—	—	—	7	111	118
Якутскій	5 іюня.	1	9	10	2	45	47	1	11	12	—	4	4	4	69	73
	6 „	2	14	16	2	45	47	1	11	12	—	—	—	5	70	75
Итого.		3	23	26	4	90	94	2	22	24	—	4	4	9	139	148
Охотскій	5 іюня.	—	7	7	1	51	52	1	20	21	—	—	—	2	78	80
	6 „	—	32	32	—	81	81	4	45	49	—	—	—	4	158	162
Итого.		—	39	39	1	132	133	5	65	70	—	—	—	6	236	242
Камчатскій	5 іюня.	—	6	6	1	39	40	—	27	27	—	—	—	1	72	73
	6 „	—	6	6	1	39	40	2	35	37	—	—	—	3	80	83
Итого.		—	12	12	2	78	80	2	62	64	—	—	—	4	152	156
А всего въ 11-й дивиз. въ оба дня.		4	87	91	10	365	376	12	180	192	—	4	4	26	638	664

Въ теченіе іюня во французской арміи подъ Севастополемъ было болѣе 120 тысячъ

Судя по тому, что на высотахъ стоятъ значительныя непріятельскія войска, можно полагать, что Французы сейчасъ опять возобновятъ штурмъ. Но пристальнѣе вглядываясь въ ихъ настоящее положеніе, убѣждаемся, что возобновленіе штурма не скоро будетъ имъ возможно. Разбитый непріятель нестройными толпами стекается къ войскамъ, стоящимъ на высотѣ. По направленію къ нимъ ползутъ раненые, бредутъ со всѣхъ сторонъ одиночные люди. Во всемъ виденъ безпорядокъ. Приходящіе къ войску, поставившему ружья въ козлы, падаютъ на землю отъ утомленія, бросая возлѣ себя оружіе, или складываютъ раненыхъ и убитыхъ, все еще во множествѣ приносимыхъ. Толпы на высотахъ сгущаются отъ ежеминутно прибывающихъ солдатъ. Вотъ начальники, видно, начали ихъ строить въ двѣ шеренги. Многихъ, должно-быть, эти воители не досчитываются въ своихъ рядахъ!.... Построили, свели въ колонны.... что-то будетъ?.... О, еслибъ они опять пошли на штурмъ! Но нѣтъ, этого невозможно и ждать.... Пріѣхало какое-то *начальство*, надо полагать,—семеро, верхомъ. Объѣхали ряды, и построенное войско потянулось за гору. Былъ первый часъ дня. Тѣмъ нынѣшнее *представленіе* и кончилось; только канонада не умолкала, хотя вообще ослабѣла значительно. Жалко было смотрѣть на эти удаляющіеся полки, за нѣсколько часовъ передъ симъ преисполненные силы и мужества, бѣжавшіе на приступъ, въ полномъ блестящемъ уборѣ, съ совершеннымъ убѣжденіемъ чрезъ нѣсколько часовъ быть хозяевами Севастополя, столько времени являющагося имъ какою-то очарованною твердынею, подъ волшебными стѣнами которой увялъ цвѣтъ воиновъ двухъ образованнѣйшихъ націй міра,—Севастополя, что давно уже стоитъ предъ ихъ очами, какъ завѣтное видѣніе, прекрасное, но неуловимое! Какъ странно, говорю, смотрѣть на эти толпы воиновъ, за нѣсколько передъ тѣмъ часовъ съ цѣлымъ сонмомъ мечтаній такъ восторженно бѣжавшихъ на севастопольскія батареи, воображая, что ихъ разрушило ужасное бомбардированіе, предшествовавшее штурму, а теперь, повѣся уши, убиравшихся восвояси съ тысячами проклятій и самыхъ горькихъ каламбуровъ на всѣхъ, начиная съ Пелисье до Людовика-Наполеона. Что же не слышно хвастливыхъ рѣчей? Куда дѣвалась эта увѣренность, это парижское самохвальство, это убѣжденіе, что подъ грозными ударами союзныхъ величайшихъ націй міра не устоять горсти *казаковъ*, предварительно потрясенныхъ всѣми разрушительными средствами, какія только изобрѣлъ умъ человѣческій, достигшій высшаго развитія? А велика была самонадѣянность союзниковъ! Много доказательствъ. Было распредѣлено, кому уничтожать какое зданіе, гдѣ строить батарею, гдѣ просто укрѣпиться; взяты были припасы для обѣда въ Севастополѣ; не говорю о другихъ доказательствахъ ихъ убѣжденія въ невозможности неудачи;—но во всякой даже мелочи проявлялась эта увѣренность. Одинъ капралъ, съ

человѣкъ, изъ нихъ поступило въ госпитали тяжело ранеными 6.062 человѣка, легко раненыхъ, лихорадочныхъ и тому подобныхъ 10.000 чел., 4.750 холерныхъ, 530 цынготныхъ. Въ числѣ этихъ больныхъ не считается поступившихъ въ полковые лазареты.

новою на груди Наполеоновскою медалью*), въ числѣ первыхъ вскочилъ на оборонительную стѣнку между рогаткой и 2-мъ нумеромъ. Товарищи его пали подъ штыками, но ему посчастливилось: онъ какъ-то проскользнулъ, бросилъ ружье и пошелъ дальше на Корабельную. Тамъ его никто не тронулъ, думая, что идетъ плѣнный. Дойдя до церкви Бѣлостокскаго полка, Французъ не зналъ, куда идти далѣе, и преспокойно сѣлъ на паперть. Чрезъ нѣсколько минутъ его увидѣлъ кто-то изъ нашихъ офицеровъ и спросилъ: что онъ здѣсь дѣлаетъ? „Жду своихъ. Черезъ четверть часа наши возьмутъ Севастополь!“ Когда дѣло объяснилось, его, думавшаго было защищаться своимъ штыкомъ-полусаблей, обезоружили и оттащили, куда слѣдуетъ, гдѣ онъ откровенно сознался, что прошелъ за брустверъ, бросивъ ружье, въ полномъ убѣжденіи, что Французы чрезъ полчаса, самое большее, покончатъ дѣло побѣдой, и что онъ употребилъ это средство какъ военную хитрость, чтобы не быть раненымъ и не погибнуть на брустверѣ, когда еще можетъ быть полезенъ общему дѣлу, сохранивъ себѣ жизнь и здоровье и съ тѣмъ вмѣстѣ доказать свое мужество тѣмъ, что одинъ изъ первыхъ взошелъ на батарею**).

Одинъ раненый французскій офицеръ, взятый въ плѣнъ на батареѣ Жерве, рѣшительно объявилъ на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ онъ впервые встрѣтилъ въ Севастополѣ лицъ, говорившихъ по-французски, что напрасно трудятся дѣлать ему перевязку, и вообще напрасно его принесли сюда, когда весь Севастополь, не болѣе какъ въ теченіе получаса, будетъ въ рукахъ его товарищей!...

Не живыя ли это доказательства общаго убѣжденія въ несомнѣнности успѣха?... Но что значитъ самонадѣянность человѣческая предъ силою упованія на помощь Божію!?

Одолѣвъ кичившагося врага, съ какимъ восторженнымъ чувствомъ мы жали другъ другу руки, поздравляя съ успѣхомъ! Съ какимъ сердечнымъ жаромъ молился всякій изъ насъ! Надежда, никогда не угасавшая въ сердцахъ нашихъ, зажглась новымъ огнемъ. Какая-то новая небывалая сила пробѣжала по всему нашему организму. Несмотря, однако, на сердечное ликованіе, выраженіе нашей общей радости было тихо и спокойно.

Не далѣе какъ вчера еще одинъ изъ полковыхъ командировъ формально запросилъ Хрулева: что ему дѣлать въ случаѣ натиска превосходныхъ силъ непріятеля и видимой невозможности удержаться на занимаемомъ пунктѣ? Куда ему отступать?

Хрулевъ отвѣтилъ лаконически:

„Отступленія нѣтъ!“

---

*) Эта очень красивая медаль состоитъ изъ большого серебрянаго щита, на которомъ рельефно сдѣлано поясное изображеніе Наполеона III, подъ щитомъ чеканный императорскій орелъ: весь щитъ обвитъ лавровымъ вѣнкомъ; на оборотѣ медали надпись „Valeur et discipline“.

**) Оказалось, что этотъ капралъ дважды былъ раненъ въ Инкерманскомъ дѣлѣ 24 октября 1854 года, надо полагать человѣкъ не изъ трусливаго десятка!

Тотъ не удовольствовался отвѣтомъ и вновь спросилъ:—если нѣтъ отступленія, то гдѣ его резервы и кто обязанъ подкрѣпить его, въ случаѣ крайности?

Хрулевъ отвѣчалъ: „*У насъ въ резервѣ—Россія!*“

И у насъ несчастіе: ракетой взорвало нашу лабораторію на инженерномъ дѣловомъ дворѣ. Ракета попала въ ящикъ съ патронами, которые и взорвало, что въ свою очередь произвело взрывъ значительнаго запаса бомбъ, осколками переранившихъ не мало людей на базарѣ. Произошелъ пожаръ отъ взрыва, тушить его не было никакой возможности, потому что непріятель бросалъ на огонь цѣлый градъ разрывныхъ снарядовъ,—подступиться было невозможно къ огню. Но все-таки Господь помиловалъ насъ: рядомъ со взорваннымъ зданіемъ было другое, такое же, со снарядами и патронами, зданіе это осталось цѣло, также какъ и пороховой погребъ съ весьма значительнымъ запасомъ пороха, находящійся въ самомъ близкомъ разстояніи отъ взорваннаго зданія. Взорви союзники тотъ погребъ, не только была бы потрясена вся мѣстность на значительное пространство, но сильно досталось бы и Николаевскимъ оборонительнымъ казармамъ, а можетъ-быть сгорѣлъ бы и весь городъ, да и кромѣ того такой взрывъ имѣлъ бы крайне неблагопріятное вліяніе на дальнѣйшій ходъ севастопольской защиты, такъ какъ мы не чувствуемъ особаго избытка огнестрѣльныхъ запасовъ, а подвозъ ихъ изъ Россіи сопряженъ съ величайшими затрудненіями. Сегодня вечеромъ всѣ собрались къ Павлову, былъ и Хрулевъ. Очень было оживленно и весело.. Хрулевъ, между прочимъ, разсказалъ, что онъ какъ-то на-дняхъ приходитъ къ графу Сакену, въ Николаевскія казармы, и застаетъ его, въ быстрыхъ какихъ-то движеніяхъ по комнатѣ, что-то дѣлающаго.

„Что это ваше сіятельство,—спрашиваетъ Хрулевъ—дѣлать изволите?“

— А вотъ машину мнѣ такую принесли, мухъ ловить, я и ловлю, а то до смерти надоѣли, отбою нѣтъ!...

„Не напрасный ли это трудъ, ваше сіятельство, ловить мухъ, чтобы оставлять ихъ живыми! Ихъ надо убивать!...“

— О нѣтъ,—прервалъ графъ Сакенъ,—они мнѣ не вредятъ больше: я ихъ выпускаю къ сосѣду!

Графъ Сакенъ въ своемъ донесеніи главнокомандующему такъ разсказываетъ событіе 6-го іюня, въ рапортѣ отъ сего числа за № 176:

„Податель благъ, сегодня, въ день Ватерлоо, благословилъ добросовѣстную службу неустрашимыхъ и благочестивыхъ войскъ обожаемаго Государя.

Послѣ вчерашняго и ночнаго усиленнаго бомбардированія, сегодня съ разсвѣтомъ, непріятель пошелъ на приступъ, одновременно на бастіонъ первый, оборонительную казарму, бастіоны: 2-й, Корниловъ, 3-й и связывающія ихъ земляныя стѣны, надѣясь ворваться гдѣ-либо на огромномъ протяженіи оборонительной линіи.

Пользуясь темнотою, при возвращеніи ночной цѣпи и секрета, непріятель съ лѣстницами, фашинами и саперным инструментомъ, безъ выстрѣла и крику, подошелъ ко рву. Нѣкоторыя части его отважно бросились въ ровъ и на брустверъ.

Вся линія неустрашимыхъ нашихъ войскъ устояла, но батарея Жерве на правомъ флангѣ 4-го отдѣленія, подъ прикрытіемъ 2-го баталіона Полтавскаго полка, должна была уступить многочисленному непріятелю, который преслѣдовалъ отступающую часть до плотины доковаго оврага

Бдительный начальникъ 3, 4 и 5-го отдѣленій генер. лейт. Хрулевъ, своевременно замѣтя угрожавшую опасность, схватилъ возвращавшуюся съ работъ роту Сѣвскаго полка въ 150 человѣкъ и направилъ ее въ штыки на преслѣдующаго непріятеля, вмѣстѣ съ разстроеннымъ баталіономъ Полтавскаго полка, приказавъ подкрѣпить ихъ генер. лейтенанту Павлову, подоспѣвшему, по приказанію перваго, съ баталіономъ Якутскаго полка*).

Ободренныя войска опрокинули, въ свою очередь, отважнаго непріятеля и блистательное наступленіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: непріятель, преслѣдуемый по пятамъ, вброшенъ въ свою траншею, откуда войска наши, подкрѣпленныя еще одною ротою Якутскаго и баталіономъ Елецкаго полковъ, несмотря на троекратное наступленіе непріятеля, отступили въ порядкѣ и заняли свои мѣста. При этомъ случаѣ выказала преимущественно самоотверженіе рота Сѣвскаго полка, въ которой осталось въ строю только 33 человѣка.

На всѣхъ прочихъ точкахъ оборонительной линіи войска, одушевленныя своими начальниками, дрались съ примѣрнымъ самоотверженіемъ и блистательно отразили приступъ, въ особенности на 1 и 2 бастіоны и оборонительную казарму, подъ начальствомъ генер. маіора князя Урусова.

Почти одновременно непріятель (вѣроятно для развлеченія?!) произвелъ наступленіе на лѣвый флангъ 2-го отдѣленія оборонительной линіи, но былъ успѣшно и мгновенно отбитъ.

Въ разныхъ мѣстахъ взяты лѣстницы, фашины и много шанцеваго инструмента.

Въ плѣнъ взято французскихъ войскъ:

шт. офицеровъ 1, оберъ-оф. 6, ниж. чин. 118; англійскихъ войскъ: штабъ-офиц. 1 и нижнихъ чиновъ 1.

Потерю нашу еще невозможно опредѣлить, но я съ радостью могу сказать, что она весьма незначительна.

Потеря непріятеля по видимымъ тѣламъ должна быть чрезвычайная.

---

*) Генералъ Павловъ ужасно обидѣлся, когда прочелъ это мѣсто донесенія графа Сакена, основанное, какъ онъ остался увѣренъ, на таковомъ же донесеніи генерала Хрулева, такъ какъ въ дѣйствительности онъ никакого *приказанія* отъ Хрулева не получалъ, да и получить не могъ, а направилъ Якутскіе баталіоны на подкрѣпленіе Сѣвцамъ къ батареѣ Жерве по собственной своей иниціативѣ. Павловъ находитъ, что такимъ искаженіемъ событія, умышлено его врагами произведеннымъ, умаляется его заслуга въ достопамятный день 6 іюня.

Въ блистательномъ отбитіи приступа, произведеннаго храбрыми, отважными войсками, начальникъ 3, 4 и 5 отдѣленій ген. лейт. Хрулевъ имѣетъ неисчислимыя заслуги.

Особенно отличились довѣріемъ войскъ, распорядительностью и спокойною неустрашимостью морскихъ войскъ: начальники отдѣленій—3-го контръ-адмиралъ Панфиловъ, 4-го—капитанъ 1-го ранга Кернъ, 5-го—капитанъ 1-го ранга Перелѣшинъ и всѣ начальники мѣстныхъ батарей и ихъ помощники. Сухопутныхъ войскъ: генер.-лейтен. Павловъ, генер.-маіоры: князь Урусовъ, Лысенко, Южеровъ, полковникъ Голевъ и помощникъ начальника 5-го отдѣленія подпоручикъ Вроченскій *).

Пароходы наши много содѣйствовали успѣху событія, поражая подходящія непріятельскія колонны вездѣ, гдѣ это было доступно.

Доблестная служба помощника моего, командира порта адмирала Нахимова, одушевляющаго примѣромъ самоотверженія и распорядительности чиновъ морскаго вѣдомства и столь успѣшно распоряжающагося снабженіями обороны Севастополя, извѣстна всей Россіи. Не могу не упомянуть, что подкрѣпленія, посылавшіяся мною на атакованную часть Севастополя, разобщенную Южною бухтою, переходили по устроенному адмираломъ Нахимовымъ пѣшеходному мосту, на бочкахъ, безъ чего Корабельная сторона, вмѣщающая въ себѣ Малаховъ курганъ, какъ позиція, могла пасть, ибо прежній мостъ на судахъ легко былъ повреждаемъ непріятельскими выстрѣлами и въ 11 дневное бомбардированіе помянутое сообщеніе было прервано.

Вашему сіятельству извѣстна неусыпная, ревностная служба и распорядительность свиты Е. И. В. генералъ-маіоровъ—начальника штаба моего по гарнизону князя Васильчикова, начальника работъ Тотлебена и начальника артиллеріи полковника Шейдемана, имѣвшихъ непосредственное вліяніе на отраженіе бомбардированія (?) и приступа.

Представляя благосклонному вниманію вашего сіятельства подвиги войскъ Севастопольскаго гарнизона, 266 дней его обороняющихъ, честь имѣю донести, что подробное донесеніе будетъ представлено по собраніи всѣхъ свѣдѣній. Подлинный подписалъ генералъ-адъютантъ графъ Остенъ Сакенъ".

7 іюня.

Съ особенною торжественностью отслуженъ былъ благодарственный молебенъ, по приглашенію начальника 3-го отдѣленія оборонительной линіи, контръ-адмирала Панфилова, на 3-мъ бастіонѣ, занимавшемъ лѣвый флангъ онаго Камчатскимъ егерскимъ полкомъ.

Въ одномъ изъ менѣе опасныхъ мѣстъ лѣваго фланга этого бастіона,

*) Очень рѣдко удается какому-нибудь подпоручику попасть въ реляцію о дѣлѣ такой важности, какъ настоящее. Разсказывая объ Ольтеницкомъ дѣлѣ, мы уже упоминали о Вроченскомъ (ч. II., стр. 115), теперь опять вспоминаемъ о немъ. Получивъ въ Севастополѣ Георгія 4 степ., онъ получилъ въ 1860 году золотую саблю за взятіе Пишпека; въ 1878 командовалъ 8 артилл. бригадой, произведенъ въ генералъ-маіоры и въ 1879 по болѣзни вышелъ въ отставку.

хотя ничѣмъ не закрытомъ ни отъ снарядовъ, ни отъ навѣсныхъ штуцерныхъ пуль, искусники-матросы какъ-то приладили нѣсколько туровъ, покрыли ихъ парчой и устроили такимъ образомъ нѣчто вродѣ аналоя. Собралось грозное, закоптѣлое въ пороховомъ дыму населеніе бастіона. Отецъ Евгеній Федюшинъ, старшій священникъ Камчатскаго полка, служилъ молебенъ, подъ ревомъ снарядовъ, посреди мрачныхъ орудій, позлащенныхъ кровавыми лучами солнца, тонувшаго въ восхитительномъ безпредѣльномъ сліяніи неба и моря. Необыкновенны были при этой чудной обстановкѣ торжественныя слова молебна, пѣніе клира, наскоро сформированнаго изъ разнородныхъ родовъ войскъ, составляющихъ гарнизонъ бастіона... Какимъ невыразимымъ чувствомъ полно было сердце, когда смотрѣли мы на этихъ вождей, съ открытыми головами толпившихся къ св. Евангелію въ царствѣ смерти и разрушенія услышать гласъ жизни и упованія; на эту живописную группу моряковъ, въ бѣлыхъ курткахъ, съ завѣтными *Егорьями* на груди,—на этихъ усатыхъ егерей, закаленныхъ въ непрестанныхъ бояхъ восьмимѣсячной ужасной борьбы.

Окропивъ бастіонъ святою водой, отецъ Евгеній произнесъ къ предстоящимъ героямъ богомольцамъ слѣдующее слово, сообразное съ обстоятельствами и особенно многозначительное по той обстановкѣ, при которой оно было произнесено.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

„Близъ года уже нашъ полкъ мужественно защищаетъ вмѣстѣ съ другими войсками русскими богоспасаемый доселѣ сей градъ, столь драгоцѣнный нашему отечеству.

„Много утратъ понесли вы, воины христолюбивые, при этой защитѣ! Одни изъ вашихъ храбрыхъ товарищей запечатлѣли уже исполненіе своего святаго долга кровію, другіе самою жизнью! А вы, здѣсь предстоящіе, сколько трудовъ, болѣзней, ранъ, лишеній перенесли въ это время!..

„Но вы не ропщете за то на премудрое Провидѣніе. О, нѣтъ, вы еще съ большею покорностью произносите: „да будетъ воля Твоя!“

„Милосердый Богъ кого любитъ, того и наказуетъ, все направляя къ благой цѣли.

„Еще такъ недавно ему было угодно испытать ваше терпѣніе необходимою уступкою нашихъ передовыхъ укрѣпленій, изъ которыхъ особенно горько было вамъ уступить укрѣпленіе, носящее имя вашего полка, укрѣпленіе особенно вамъ дорогое, какъ по своей съ вами соименности *), такъ и по крови многихъ вашихъ товарищей, на немъ пролитой, во время его сооруженія.

„Что-жь произошло? Мы смирились предъ благимъ Промысломъ, повторяя непрестанно: „да будетъ воля Твоя!“ Врагъ же нашъ, вѣроятно, возгордился!

„Но праведный Судія сотворилъ по истинѣ: Господь, гордымъ противящійся, смиреннымъ же дающій благодать, даровалъ намъ вчера побѣду

*) Т.-е. Камчатскій люнетъ.

надъ возгордившимся врагомъ нашимъ, который, въ опьяненіи мгновеннаго успѣха, устремился на взятіе самаго града нашего, думая побѣдить и сокрушить храбрыхъ его защитниковъ... Слава Всемогущему! Честь храброму воинству и доблестнымъ вождямъ его! Отбитый врагъ бѣжалъ, тысячьми труповъ устлавъ свои слѣды!..

„Доблестные воины! Вашъ подвигъ еще не конченъ. Вамъ предстоитъ еще много трудовъ, много жертвъ: Православіе ждетъ отъ васъ торжества своему дѣлу, Отечество прежняго для себя покоя; Великій ГОСУДАРЬ надѣется, что древняя слава знаменъ вашихъ, Его довѣріемъ вамъ врученныхъ, вновь озарена будетъ блескомъ вашего оружія; совѣсть требуетъ исполненія вашего долга—уничтожить врага, дерзнувшаго нарушить неприкосновенность нашихъ предѣловъ, осквернить своею пятою стогны нашихъ градовъ, лишить спокойствія мирныхъ гражданъ, пролить потоки невинной крови, оскорбить святость алтарей Христовыхъ!..

„Укрѣпляйтесь же на новые труды и подвиги вѣрою въ милосердаго Бога, безъ воли котораго, помните, не спадетъ и власъ съ главы вашей; надѣйтесь на Него, Всемогущаго, и пребудете тверды въ борьбѣ съ врагами нашего отечества.

„Въ самые трудные моменты вашей боевой жизни памятуйте постоянно ту великую клятву, которую произнесъ каждый изъ васъ, посвящая себя званію воина.

„Клянусь Всемогущимъ Богомъ, говорили вы, предъ Святымъ Его Евангеліемъ, не щадить живота своего до послѣдней капли крови, для службы государству и отечеству!..

„Памятованіе этой клятвы поможетъ каждому изъ васъ свято и точно исполнить свой долгъ, а исполнившаго оный и оставшагося въ живыхъ ждутъ благодарность отечества, милости Царскія, любовь и уваженіе общества! Тѣмъ же, кто изъ среды вашей исторгнутъ будетъ рукою смерти, уготованы на небесахъ лучезарные вѣнцы Христовыхъ мучениковъ и нескончаемое блаженство райское! Аминь.“

За полночь съ 7-го на 8 іюня.

Вдругъ заревѣла ужасная канонада съ нашей стороны; разлился по оборонительной линіи страшный батальный огонь. Ударили тревогу. Неужели непріятель возобновилъ штурмъ ночью? что за притча? Все бѣжитъ, становится на указанныя мѣста, старается не ошибиться. Ужасны ночныя тревоги! Но вотъ отбой... отбой. Фальшивая тревога! Ничего, пусть видитъ врагъ, какое всякую минуту дня и ночи ждетъ его угощеніе на Севастопольскихъ бастіонахъ; пусть знаетъ, можно ли застать насъ врасплохъ...

8 іюня.

Рѣдко, очень рѣдко раздается выстрѣлъ.

„*Небось, присмирѣлъ Французъ*,—говорили солдаты:—*сбили видно спѣсь-отъ! почаще бы его такъ угощать.*“

Съ утра уже носилась молва, что будетъ перемиріе. Всѣ ждали его нетерпѣливо; необходимо было очистить пространство: запахъ тлѣнія уже былъ слышенъ на бастіонахъ. Кромѣ того интересно было поближе взглянуть на врага, въ памяти котораго еще долженъ быть живъ и свѣжъ такъ недавно заданный ему урокъ.

Часа въ три послѣ обѣда ждали поднятія бѣлаго флага на Корниловомъ бастіонѣ.

Вотъ онъ, давно жданный, взвился наконецъ! По приказанію контръ-адмирала Панфилова, мы, въ числѣ трехъ офицеровъ и одного конвойнаго матроса, должны были броситься, чтобъ остановить Англичанъ, бѣжавшихъ безпорядочными толпами къ исходящему углу третьяго бастіона. Добѣжавъ, мы объяснили ихъ генералу, что до начатія разборки тѣлъ надо поставить цѣпь, которая идетъ уже съ нашей стороны, что имъ необходимо выставить свою, для строгаго соблюденія всѣхъ условій, обыкновенныхъ въ подобныхъ случаяхъ: тогда мы принесемъ ихъ убитыхъ на нейтральную средину между тою и другою цѣпью. Такъ и сдѣлали.

Англичане поставили цѣпь Шотландцевъ, желая, вѣроятно, пощеголять наружностью этихъ горцевъ, ихъ стройностью, необыкновеннымъ костюмомъ и атлетическими формами ихъ голыхъ ногъ.

Но, несмотря на всѣ усилія генераловъ, у Англичанъ никакъ не могъ водвориться порядокъ. Пришли толпы солдатъ съ ружьями. На вопросъ нашъ: что это значитъ, когда, по условію, вооруженныхъ солдатъ здѣсь и быть не должно?—англійскій генералъ сперва замялся, потомъ сказалъ, что ружья сейчасъ оставятъ, а какой-то изъ его офицеровъ подсказалъ ему, что это ружья, поднятыя на полѣ съ убитыхъ, подобранныхъ въ ихъ цѣпи. Послѣ того Англичане хлопотали долго и наконецъ устроили цѣпь, но все-таки вооруженную, такъ что и мы вынуждены были поставить свою, тоже съ ружьями, тогда какъ на дистанціи Французовъ обѣ цѣпи были безъ оружія.

Англійской цѣпи отъ своихъ было весьма мало почету, и ее безпрестанно спутывали и сбивали съ мѣста толпы любопытныхъ, между которыми навѣрно были десятки корреспондентовъ различныхъ многоглаголивыхъ газетъ Соединеннаго королевства!

Поле было усѣяно трупами, оружіемъ, саперным инструментомъ, штурмовыми лѣстницами *), множествомъ фуражекъ и шотландскихъ головныхъ уборовъ.

---

*) Лѣстницы отлично были сдѣланы, выкрашены въ сѣрую краску, длинныя; мы ихъ притащили штукъ тридцать на 3-й бастіонъ. Это служитъ опроверженіемъ клеветѣ французскихъ газетъ, обвиняющихъ Англичанъ за то, будто бы они забыли въ лагерѣ штурмовыя лѣстницы, а потому и не взяли 3 бастіона. Обвиняютъ Англичанъ и въ томъ, что они забыли взять съ собою фашины, когда шли на штурмъ. Правда, на всемъ полѣ, усѣянномъ трупами Англичанъ, ихъ оружіемъ и амуниціей, не видалъ я ни одной фашины, но какую пользу онѣ могли бы принести Англичанамъ, когда никто изъ нихъ даже не добѣжалъ до рва 3 бастіона, и отважные легли костьми не далѣе какъ у засѣки, что предъ его исходящимъ угломъ.

Мы нашли двухъ Англичанъ еще живыхъ. Чтобы не перекладывать ихъ съ носилокъ, мы взяли англійскаго моряка съ носилками, повели его съ собою и принесли страдальца. Къ нему бросились толпы джентльменовъ, какъ мнѣ казалось, болѣе изъ любопытства видѣть человѣка, пролежавшаго двое сутокъ подъ непріятельскою батареей, на полѣ битвы, съ раздробленной ногой, чѣмъ изъ сердечнаго участія. Стали давать ему вина, разспрашивать... мы уговорили ихъ оставить этого несчастнаго въ покоѣ и отдать его скорѣе на руки врачу.

У самой засѣки предъ исходящимъ угломъ 3-го бастіона лежалъ ницъ англійскій генералъ Сиръ Джонъ Кемпбль *) полный мужчина, немолодыхъ уже лѣтъ, волосы съ просѣдью, почернѣлый отъ антонова огня. То былъ, говорятъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ англійской арміи. Когда мы принесли его къ линіи, Англичане переложили его на свои носилки, и уже офицеры понесли его далѣе **).

Мы смѣшались съ пестрою толпою англійскихъ офицеровъ, матросовъ и солдатъ. Какъ рѣзко отдѣлялась наша грубая, боевая шинель отъ ихъ блестящихъ, шитыхъ золотомъ красныхъ костюмовъ, разнородныхъ пальто, фраковъ, блузъ, сюртуковъ! Даже по военному наряду этихъ господъ замѣчаемъ, что Англичане—далеко не военная нація. Какая во всемъ неуклюжесть, отсталость, несообразность съ потребностями походной жизни! Эти цвѣтные мундиры, кованые огромные эполеты, у всѣхъ съ наляпанными звѣздочками, шитьемъ и вензелями. Какая разница костюмъ Французовъ! Въ немъ все просто, изящно, здѣсь—все изысканно.

Костюмъ Шотландцевъ, офицеровъ въ особенности, поражаетъ взоръ своею необыкновенностью и, воскрешая въ памяти цѣлый сонмъ героевъ Вальтеръ-Скотта, заставляетъ съ любовью переноситься къ тѣмъ былымъ временамъ, когда мы увлекались разсказами великаго романиста, создавая въ своемъ воображеніи картины этихъ грозныхъ клановъ, совершавшихъ, въ оные дни, такіе чудные подвиги, отъ которыхъ трепетало восторгомъ наше впечатлительное сердце. Нынѣ настало другое время; представители этихъ клановъ предъ нами. Они въ той же живописной одеждѣ, знакомой намъ изъ подробныхъ разсказовъ шотландскаго барда, но они предстоятъ не убраные цвѣтами поэтическаго воображенія: они толпятся мрачные и недовольные неудачею борьбы съ нами, печальные, озадаченные, будто театральные герои, только что освистанные зрителями за дурно разыгранныя трагическія роли.

Англичане разспрашивали, кто дрался съ ними, кто командуетъ бастіономъ; спрашивали, чаще ли мы встрѣчаемся въ полѣ съ ними или съ Фран-

---

*) Въ нашихъ реляціяхъ ошибочно показанъ убитымъ братъ этого генерала, генералъ Сиръ Коллинъ Кемпбль, здравствующій до сего времени и дѣйствующій въ Индіи противъ тамошнихъ инсургентовъ. (Примѣчаніе 1858 года.)

**) Мнѣ очень странно было послѣ этого прочесть въ „Independence Belge“ извѣстіе (перепечатанное „Сѣверной Пчелы“ въ № 153, на стр. 804), что этого генерала *хоронили въ Севастополѣ*, съ военными почестями. Въ дѣйствительности онъ похороненъ не въ Севастополѣ, а, кажется, на англійскомъ кладбищѣ подъ Севастополемъ.

цузами; интересовались чрезвычайно, какъ различать наши чины въ походныхъ шинеляхъ. Ко мнѣ подошелъ господинъ почтенной наружности въ гражданскомъ костюмѣ, въ фуражкѣ,—съ большою окладистою бородою. Онъ отрекомендовался мнѣ aumonieur de la flotte anglaise (флотскій священникъ). Бесѣдуя со мною, онъ началъ удивленіемъ мужеству севастопольскихъ защитниковъ, отразившихъ, послѣ ужаснаго бомбардированія, самый ожесточенный штурмъ.—На этомъ мѣстѣ, говорилъ онъ, указывая нѣсколько правѣе всходящаго угла 3-го бастіона, гдѣ виднѣлись убитые преимущественно въ темной одеждѣ, погибъ цвѣтъ нашихъ моряковъ и множество самыхъ отличныхъ матросовъ. Они пошли на штурмъ охотниками.—„Какая жалость!—отвѣчалъ я,—и вѣрно не мало погибло Англичанъ въ этомъ кровавомъ дѣлѣ“? продолжалъ я съ участіемъ.—Да, не мало, незнаемъ еще сколько нижнихъ чиновъ, но мы потеряли тридцать шесть офицеровъ, четырехъ полковыхъ командировъ и генерала.

Наскучивъ толкаться въ толпѣ полусонныхъ Джонъ-Булей, я направился къ Французамъ. Насъ раздѣлялъ Доковъ оврагъ. Въ эту жару непріятно лазить по крутизнамъ, и я поѣхалъ верхомъ чрезъ Докову плотину. Господи Боже! какую картину представляютъ собою окрестности 3-го бастіона, особенно если взглянуть на нихъ съ самаго бастіона! Чудесныя Александровскія казармы, морской госпиталь, цѣлый кварталъ со множествомъ хорошенькихъ домиковъ между бастіономъ и казармами—все въ развалинахъ, избито снарядами, разрушено, или сожжено. Пространство, по которому я проѣзжалъ, изрыто разрывами бомбъ, изборождено ядрами; во многихъ мѣстахъ ѣдешь будто по чугунному шоссе: столько валяется снарядовъ и осколковъ!

Я заѣхалъ на батарею Жерве, еще покрытую трупами, но уже приведенную въ состояніе, дѣлающее ее способною выдержать новый непріятельскій натискъ. Оттуда поѣхалъ на Малаховъ курганъ. Всѣ батареи его успѣли уже принять прежній непреклонный видъ; онъ какъ будто обновился, будто и не выдерживалъ страшнаго бомбардированія. Траверзы присыпаны; подбитыя орудія подмѣнены; амбразуры, ровъ расчищены и, гдѣ нужно, получили новую одежду; прислуга пополнена; погреба полны снарядовъ, у всякаго орудія лежитъ ихъ пирамида, словомъ, все готово къ новому пиру!...

Мы выѣхали въ рогатку, у которой толпились солдаты разныхъ полковъ, навалены груды непріятельскаго оружія и амуниціи. За рогаткою насъ ждала печальная картина: тысячи убитыхъ валялись повсюду.

Множество изъ нихъ погибло въ волчьихъ ямахъ. Въ лощинахъ и яминахъ лежали кучи убитыхъ; видно было, что они прятались туда отъ картечнаго или батальнаго огня, и тамъ ихъ застигла бомба, обратившая ненадежное ихъ убѣжище въ общую для нихъ могилу.

Ближе къ нашей цѣпи... къ цѣпи французской. Э, да что такое сдѣлалось съ нашими любезными собесѣдниками прошлыхъ переговоровъ? Гдѣ

эта живость, любезная болтовня? Гдѣ эта предупредительность, съ какою они предлагали намъ, бывало, сигары и табакъ? Что же не слышно этихъ сожалѣній, что не знали о такой продолжительности перемирія, а то бы приказали приготовить завтракъ или по крайности принесть сластей и фруктовъ! Что же никто, какъ было на послѣднемъ перемиріи (послѣ 11 мая), не приглашаетъ насъ къ себѣ въ театръ и не предлагаетъ своего билета? Вообще, куда дѣвалась эта любезность, которою мы такъ любовались въ этомъ войскѣ. Что же повѣсили носы, господа Французы? Аль головы болятъ съ кроваваго похмѣлья? Аль недовольны русскимъ хлѣбомъ-солью? Что дѣлать, господа, покушайте каши, которую сами заварили!...

Я заговорилъ съ однимъ кавалерійскимъ офицеромъ, съ которымъ не разъ уже встрѣчался при перемиріяхъ; мы узнали другъ друга, „Le jour n'est pas pour nous!“ (не нашъ день сегодня), замѣтилъ мой знакомецъ. „Многихъ изъ лучшихъ нашихъ офицеровъ не находимъ въ своихъ рядахъ, а сколько легло солдатъ—храбрѣйшихъ изъ храбрыхъ! Когда-то прекратится эта ужасная война?“ А между тѣмъ носилки за носилками сносятъ мертвыхъ со всѣхъ сторонъ; вотъ стали возить ихъ на полуфуркахъ и возили до поздняго вечера. Условились, по окончаніи этой операціи, открыть огонь, кому будетъ угодно, не ранѣе какъ чрезъ полчаса. Но огня не открывали до поздней ночи, потому что совершенно стемнѣло, а еще не всѣхъ подобрали убитыхъ, и французскіе генералы просили, чтобы тѣхъ, кого не успѣли имъ выдать, потрудились мы похоронить сами. Изъ этого одного можно заключить, сколько Французовъ легло жертвою рѣшимости Пелиссье *).

---

*) Французскія реляціи и нѣкоторые писатели слѣдующимъ образомъ разсказываютъ достопамятный штурмъ $^{6}/_{18}$ іюня.

Успѣшное взятіе Камчатскаго люнета, Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ вскружило, что называется, головы союзныхъ военачальниковъ. Всѣми овладѣло одушевленіе, энтузіазмъ, почти изступленіе! У Англичанъ и Французовъ былъ одинъ кличъ: *Штурмъ!* Всѣ были убѣждены въ возможности немедленной благопріятной развязки Севастопольской исторіи. Необходимость этой развязки проповѣдывалъ и Лордъ Рагланъ и генералъ Генри Джонсъ; генералъ Ніель, увлеченный общимъ настроеніемъ, присоединился къ взглядамъ и требованіямъ этихъ генераловъ: „Мы достигнемъ развязки даже при неблагопріятныхъ условіяхъ!“—твердили они. Вообще, союзники думали однимъ ударомъ покончить дѣло съ Севастополемъ, а потому Пелиссье рѣшился штурмовать его и въ то же время атаковать нашъ обсерваціонный отрядъ на Мекензіевой горѣ съ тѣмъ, чтобы отбросить его отъ Севастополя во внутрь Крыма и тамъ его уничтожить. Частію войскъ, предназначенныхъ дѣйствовать на Черной рѣчкѣ, всего въ числѣ 25.000 человѣкъ, предписано было командовать генералу Боске, который или долженъ былъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ атаковать нашу позицію и овладѣть ею, или поддержать демонстрацію отряда Сардинцевъ и Турокъ, долженствовавшихъ дѣйствовать наступательно на Шулю; съ тѣмъ вмѣстѣ осада лѣвой половины оборонительной линіи нашей, къ глубокому огорченію самого Боске и войскъ, подъ его начальствомъ состоявшихъ, передана генералу Реньо де Сенъ-Жанъ д'Анжели (Regnaut de Saint Jean d'Angély), командовавшему гвардейскими войсками. Генералу д'Анжели главнокомандующій давалъ знать, что 5 іюня будетъ открыта противъ города бомбардировка, генералъ Ла-Мармора съ своими войсками и Турки сдѣлаютъ движеніе къ Ай-Тодору, а 6-го утромъ произведена будетъ атака Малахова кургана, причемъ Англичане атакуютъ 3-й бастіонъ и послѣ успѣха будутъ штурмовать 4 и 5 бастіоны.

Корпусъ въ 25 тысячъ человѣкъ, сформированный на Черной, поступающій подъ начальство генерала Боске, обязанъ частію обезпечивать движеніе Сардинцевъ и Турокъ, частію, когда будетъ приказано, атаковать позицію Русскихъ и взять ихъ батареи, что на лѣвомъ берегу Черной, захвативъ пространство, занятое укрѣпленнымъ лагеремъ на сѣ-

верной сторонѣ. Предполагается съ помощію Англичанъ и соединясь съ Сардинцами и Турками идти на Бахчисарай. 5 іюня (ст. ст.) составленъ былъ въ главной французской квартирѣ военный совѣтъ, на которомъ находились генералы: Ніель, Тири, Бёре, Далемъ (Dalesm), Фроссаръ; начальники дивизій генералы: Майранъ, Брюне, д'Анжели и д'Отмаръ; со стороны Англичанъ былъ приглашенъ, по болѣзни главнокомандующаго, Сиръ Гарри Джонсъ. На совѣтѣ рѣшили штурмовать городъ съ разсвѣтомъ, а потому предположеніе предварительно бомбардировать Севастополь въ продолженіе двухъ часовъ было отмѣнено. Планъ атаки былъ слѣдующій. По сигналу, который подастъ главнокомандующій съ ланкастерской батареи фейерверочными ракетами бѣлаго цвѣта, на всѣхъ назначенныхъ пунктахъ должно было произвесть атаку одновременно. Предполагалось атаковать тремя колоннами, состоявшими изъ дивизій Майрана, Брюне и д'Отмара. Дивизіи Майрана должно было выйти изъ Киленъ-балки и первою бригадою взять съ тылу 1-й бастіонъ, тогда какъ вторая бригада, подъ начальствомъ генерала Фельи, должна была взять 2-й бастіонъ, ударивъ въ лѣвый его флангъ.

По просьбѣ генерала Майрана, ему въ резервъ приданъ полкъ гвардейскихъ вольтижоровъ.

Дивизія Брюне, составлявшая центръ атаковавшихъ, должна была ворваться въ Севастополь черезъ куртину, что между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ, т.-е. охватить курганъ справа, атакуя одновременно лѣвый флангъ Малахова и правый флангъ 2-го бастіона. Дивизія д'Отмара должна была вступить въ Севастополь *боковымъ* оврагомъ, черезъ батарею Жерве, т.-е. охватить курганъ слѣва.

Эти три колонны должны были находиться въ связи между собою.

Двѣ полевыя батареи съ лошадьми должны были помѣститься на Камчатскомъ люнетѣ, чтобы тотчасъ начать дѣйствовать въ насъ съ пункта, который будетъ захваченъ [1]).

Въ моментъ общей атаки Англичане должны взять третій бастіонъ; для этого предназначались 2-я и 4-я дивизіи подъ командою генерала Броуна, составлявшія три колонны: правая должна была ударить на лѣвый флангъ 3-го бастіона, лѣвая на „Пересыпку"; центру было предписано начать наступленіе, когда фланги значительно уже подадутся впередъ.

Вечеромъ 5 іюня огонь осажденныхъ значительно ослабѣлъ; это заставило думать союзниковъ, что Русская артиллерія слишкомъ сильно пострадала; между тѣмъ оказалось, что Русскіе, вѣроятно, предувѣдомленные о намѣреніи союзниковъ атаковать Севастополь, берегли укрѣпленія и снаряды къ критическому моменту.

Войска собрались въ полночь на назначенныя имъ мѣста. Дивизія Майрана лежала и сидѣла, скрываясь въ траншеяхъ, пользуясь неровностями мѣстности, укрывавшей ихъ отъ Русскихъ, несмотря на свѣтлую ночь.

Зуавамъ дивизіи Майрана предоставлялось, обогнувъ слѣва 1-й бастіонъ, взять его съ тылу; моряки должны были ударить въ его правый флангъ и въ то же время захватить куртину между имъ и 2-мъ бастіономъ. Полковникъ Малеръ съ 97-мъ линейнымъ полкомъ обязанъ былъ атаковать остальную часть этой куртины и лѣвый флангъ 2-го бастіона, вмѣстѣ съ 95-мъ линейнымъ, который шелъ подъ командою подполковника Польсъ-д'Ивой (Polce d'Ivoy).

Генералъ Майранъ съ своими войсками былъ въ величайшемъ нетерпѣніи, ожидая момента атаки. Въ три часа безъ 10 минутъ нѣсколько бомбъ, поднявшихся съ Камчатскаго люнета, оставляя по себѣ огненный слѣдъ, показались генералу Майрану условнымъ сигналомъ. Онъ было приказалъ начать атаку, но его начальникъ штаба Лебренъ (Lebrun) убѣдилъ его не начинать атаки, такъ какъ это не сигналъ, который долженъ быть поданъ не бомбами, а ракетами [2]); но черезъ нѣсколько минутъ полетъ новыхъ бомбъ изъ-за Викторіи обманулъ Майрана и на новыя убѣжденія своихъ приближенныхъ онъ отвѣчалъ:

— «Нѣтъ, это сигналъ, впрочемъ, когда идутъ на врага, лучше поторопиться, чѣмъ опоздать!» и приказалъ атаковать.

Едва Французы бросились впередъ, какъ ихъ встрѣтила картечь и батальный огонь.

Генералъ д'Анжели въ это время былъ уже на ланкастерской батареѣ; удивленный закипѣвшимъ батальнымъ огнемъ и не воображая, чтобы Майранъ атаковалъ преждевременно, послалъ узнать о происходящемъ и убѣдясь въ дѣйствительности начала атаки, съ ужасомъ и горестью видѣлъ себя не въ правѣ помочь товарищу, начавъ атаку вопреки

---

1) По словамъ „Historique du service de l'Artillerie", Французы штурмовали Севастополь четырьмя девизіями: 1-я генерала д'Отмара, 3-я Майрана, 5-я Брюне, гвардейская дивизія Мелline; на Викторіи атакующія войска имѣли артиллерійскій резервъ изъ двухъ батарей бомбическихъ, которыя, въ случаѣ нужды, могли бы идти на людяхъ, и пять батарей на лошадяхъ.

2) Souvenirs des guerres de Crimée et d'Italie par le général Lebrun. Paris. 1890 г., стр. 63.

волѣ главнокомандующаго до поданія сигнала штурму. Минутъ 20 или 25 спустя послѣ начала атаки Майраномъ, столь нетерпѣливо ожиданный сигналъ поднялся съ батареи «Викторія», до которой главнокомандующій едва успѣлъ доѣхать въ эту минуту [1]). Войска пошли на приступъ, но, по несчастію для Французовъ, дивизія Брюне, которой нужно было при движеніи преодолѣть множество препятствій и пройти бо́льшее сравнительно съ другими пространство (до 900 метровъ), подъ сильнѣйшимъ нашимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, нѣсколько замедлила наступленіемъ, но однако она вышла изъ траншей и устремилась впередъ, хотя въ этотъ самый моментъ генералъ Брюне былъ убитъ наповалъ, пулею въ грудь. Отважные французы преодолѣли всѣ препятствія, смѣло шли впередъ, но Русскіе уже повсюду приготовились встрѣтить непріятеля. Подоспѣвшіе пароходы ихъ, ставъ противъ Киленъ-балки, покрыли трупами все пространство, пробѣгаемое Французами. Генералъ Майранъ, чтобъ увлечь солдатъ впередъ, бросился къ ихъ первымъ рядамъ и, будучи нѣсколько разъ раненъ, все шелъ впередъ, пока не былъ еще разъ пораженъ въ грудь корабельною картечью. Положеніе его полковъ сдѣлалось критическимъ: они не могли наступать и держались на мѣстѣ съ безполезною стойкостью. Главнокомандующій, узнавъ объ этомъ несчастномъ для Французовъ событіи, тотчасъ приказалъ генералу д'Анжели послать на помощь Майрану изъ резерва четыре гвардейскіе баталіона [2]). Ихъ повели въ бой генералы Меллине и Уйлихъ, но усилія этихъ войскъ были безполезны. Въ челѣ дивизіи д'Отмара на батарею Жерве пошелъ маіоръ Гарніе, первый ворвавшійся съ своимъ баталіономъ на брустверъ батареи, несмотря на ея картечный огонь; подбѣжавъ къ батареѣ, онъ крикнулъ своимъ: „Ни первыхъ, ни послѣднихъ здѣсь не должно быть— всѣ вмѣстѣ!“... и дѣйствительно баталіонъ бѣжалъ и взбѣжалъ на батарею сомкнутою колонною, хотя въ немъ отъ двухъ залповъ батареи повалилось болѣе ста человѣкъ. Русскіе отброшены; артиллерійская прислуга большею частію перебита. Тутъ въ домикахъ предмѣстья произошла ужасная рѣзня. Полковникъ Манекъ (Manеque) занятіемъ этого пространства обезопасилъ было себя совершенно, но тутъ подоспѣлъ генералъ Хрулевъ, который съ величайшею энергіей ввелъ въ дѣло собранныя имъ войска. Положеніе Французовъ дѣлалось съ минуты на минуту затруднительнѣе: они видѣли, что дѣло ихъ здѣсь проиграно, если къ нимъ не подоспѣютъ резервы. Маіоръ Гарніе послалъ къ генералу д'Отмару трехъ унтеръ-офицеровъ просить помощи, но всѣ они были убиты дорогою; не видя помощи, онъ послалъ четвертаго раненаго подпоручика Потіе съ тѣмъ же порученіемъ: офицеръ этотъ передалъ д'Отмару просьбу Гарніе; но помощь все не являлась; Французы не подавались уже впередъ, но еще держались подъ страшнымъ огнемъ, однако держаться болѣе было невозможно. Маіоръ Гарніе, четыре раза раненый, приказалъ отступить. Французы отошли за батарею, ихъ преслѣдовало не болѣе сотни Русскихъ. Облитый собственною кровью, Гарніе, встрѣтясь съ Манекомъ, остановился:—«Полковникъ, не сдѣлаемъ ли послѣдняго усилія?» Манекъ не отвѣчалъ, но, поднявъ шпагу, крикнулъ своимъ солдатамъ:—«*Пойдемъ, девятнадцатый!*» и бросился на Русскихъ. Произошла кровавая схватка, но Гарніе въ ней не участвовалъ: онъ былъ раненъ въ *пятый* разъ пулею въ бокъ и не могъ уже идти; «Полковникъ,—сказалъ онъ слабымъ голосомъ,—*больше не могу!*» Русскіе воротились на батарею. Французы было бросились за ними, но ихъ остановили штыками подоспѣвшіе резервы. Французы отошли за высоту, гдѣ ихъ встрѣтилъ генералъ Ніель, которому Манекъ объяснилъ, что невозможно возобновить атаки безъ помощи сильныхъ резервовъ. Въ это время прибѣжалъ 26 линейный полкъ съ полковникомъ Собріе (Sobriers). Генералъ Ніель, узнавъ отъ офицера, что въ горжѣ Малахова кургана существуетъ проходъ, еще разъ рѣшился испытать счастія. На челѣ 26 полка генералъ Ніель бросается еще разъ въ битву, поддержанный полковникомъ Манекомъ съ 19 линейнымъ, и устремляется прямо на курганъ, но огонь Русскихъ заставилъ ихъ отступить: полковникъ Манекъ еще два раза раненъ...

Между тѣмъ, выслушавъ подпоручика Потіе, генералъ д'Отмаръ послалъ офицера генеральнаго штаба просить помощи у главнокомандующаго и доложить ему, что атака Англичанъ, кажется, не удалась, причемъ просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобъ они возобновили атаку на 3 бастіонъ и чтобъ ему прислали свѣжихъ войскъ, потому что вся его дивизія пострадала сильнѣйшимъ образомъ и даже 74 линейный полкъ, не бывшій еще въ дѣлѣ, но только стоя подъ огнемъ, понесъ огромныя потери. „Войска полны отваги,—велѣлъ д' Отмаръ сказать главнокомандующему,—готовы возобновить штурмъ, день едва начался!“ Но въ минуту полученія этого доклада со всѣхъ сторонъ дошли до Пелисье пе-

---

[1]) Ниже мы передадимъ повѣствованіе объ этомъ несчастномъ для Французовъ случаѣ другихъ ихъ писателей.

[2]) Въ этотъ день д'Анжели показалъ свою бездарность, какъ главный начальникъ атаки лѣвой половины Севастополя: онъ, видя преждевременную атаку Майрана, не долженъ былъ оставлять его на гибель, соблюдая одну формальность, а дать сигналъ общаго наступленія. Будь на его мѣстѣ Пелисье или Боске, они не такъ бы поступили.

чальныя вѣсти. Самъ генералъ д' Отмаръ узналъ, что голова его колонны послѣ тщетной борьбы отступила съ занятаго ею пункта, и подоспѣвшіе резервы Русскихъ сдѣлали возобновленіе атаки на этомъ пунктѣ невозможнымъ.

Но посмотримъ, какъ дѣйствовали Англичане.

Едва былъ поданъ сигналъ, какъ они кинулись изъ траншеи тремя колоннами, каждая въ 400 человѣкъ [1]) и будучи встрѣчены такимъ страшнымъ огнемъ нашимъ, что ихъ ряды тотчасъ смѣшались, все-таки шли впередъ, но ихъ геройство не могло преодолѣть препонъ, поставленныхъ имъ нашимъ мужествомъ. Далѣе засѣкъ, что были передъ 3 бастіономъ, Англичане не пошли и легли на землю, начавъ стрѣлять въ амбразуры бастіона, несмотря на всѣ усилія ихъ офицеровъ увлечь ихъ на приступъ. Подоспѣли резервы Англичанъ, штурмъ возобновился, но совершенно безуспѣшно,—Англичане были отбиты окончательно. Сиръ Джонъ Кемпбль убитъ; полковники Шодфортъ и Я (Іеа)—тоже,—Англичане вынуждены были отступить, хотя часть ихъ засѣла въ домикахъ передъ „Пересыпкою", гдѣ въ теченіе дня они потеряли до 600 человѣкъ и ночью принуждены были уйти.

Дивизія Майрана едва могла собраться. Видно было, что усилія дивизіи Брюне останутся тщетными. Плохо было положеніе союзниковъ.

„Хорошо,—отвѣчалъ главнокомандующій посланному отъ д'Отмара,—но прежде, чѣмъ возобновить атаку, надо осмотрѣться". Впрочемъ, Пелисье мгновенно рѣшился; ему блеснула надежда, онъ послалъ просить лорда Раглана возобновить атаку на 3 бастіонъ, съ тѣмъ, что въ то же время Французы перейдутъ въ наступленіе, и приказалъ гвардейскимъ зуавамъ идти на помощь д' Отмару. Они проходили уже мимо своего вождя, идя на вѣрную смерть, когда англійскій генералъ Росъ пріѣхалъ сказать Пелисье именемъ лорда Раглана, что нѣтъ надежды на успѣхъ при возобновленіи англійскими войсками атаки 3 бастіона.

Предполагавшійся ударъ, по словамъ самого Пелисье, сдѣлался невозможнымъ, подъ перекрестнымъ огнемъ Малахова кургана и 3 бастіона, безъ возможности поддержать этотъ ударъ одновременными атаками на другихъ пунктахъ.

Войскамъ приказано отступить на свои позиціи въ половинѣ девятаго часа утра.

Тѣмъ же вечеромъ сдѣлано донесеніе въ главную квартиру о выбывшихъ изъ строя Французахъ:

	Убито.	Ранено.	Взято въ плѣнъ.	Итого.
Офицеровъ [2]) . .	37	249	—	296.
Нижнихъ чиновъ:	1.337	1.644	600 [3])	3.581.
Всего				3.877 [4]).

Англичанъ выбыло изъ строя болѣе 2.000, въ томъ числѣ считается потеря генерала Эйра въ домикахъ передъ Пересыпкою.

Говорили, что 26 мая Французы оскорбили судьбу, не воспользовавшись случаемъ по взятіи Камчатскаго люнета взять и Малаховъ курганъ: теперь судьба отмстила за себя. Неудача эта остановила наступательныя дѣйствія союзниковъ на Черной. Боске былъ отозванъ и опять назначенъ на свое мѣсто — начальника осаднаго корпуса противъ нашей лѣвой половины. Генералъ д' Анжели воротился къ своему посту — начальника гвардейскихъ войскъ.

---

[1]) Командовалъ атакою генералъ Броунъ. Эти колонны были поддержаны сильными резервами.

[2]) Между убитыми были генералы Брюне и Мейранъ, между ранеными—генералы Лафонъ де Виліе (Lafont de Vilier) и Лорансей (de Laurencey). Выше сказано, что генералъ Майранъ былъ нѣсколько разъ раненъ, но все шелъ впередъ, пока не былъ пораженъ въ грудь корабельною картечью. Разсказъ этотъ едва ли вѣренъ: по словамъ нашего знаменитаго Пирогова (Начала общей военной Полевой Хирургіи. Ч. I. Дрезденъ 1865), у убитаго генерала Майрана вся кожа на груди оказалась цѣла, между тѣмъ какъ ребра, мускулы, легкое были размозжены (стр. 261).

[3]) Журналъ военныхъ дѣйствій князя Горчакова съ 4 по 17 іюня. Смотри: „Сборникъ извѣстій" и пр. изд. Путилова стр. 274 книжк. 28. По показанію Аничкова, Французовъ взято въ плѣнъ—17 офицеровъ и 270 нижнихъ чиновъ. Военно-историч. очерки Крымской экспедиціи ген. Ш. Кап. Аничкова, ч. II, стр. 154. По словамъ того же писателя, мы потеряли 5 и 6 іюня 4.924 человѣка, въ томъ числѣ штабъ-и оберъ-офицеровъ 132, изъ нихъ контужено 69. Idem. стр. 153.

[4]) По дю Кассу. До 5.000 человѣкъ, по словамъ Historique du service de l' Artillerie. Idem. стр. 329. Генералъ Ніель въ письмѣ къ военному министру настаивалъ, что на штурмѣ 6 іюня погибло Французовъ 5.387 челов., въ томъ числѣ 298 офицеровъ, а не то умышленно уменьшенное число, какое показано главнокомандующимъ Пелисье въ донесеніи его императору. Rousset. Idem. стр. 306.

Неудача 6 іюня такъ подѣйствовала на лорда Раглана, главнаго виновника штурма, давно уже настаивавшаго на его необходимости, что онъ умеръ.

Французы сдѣлали 5 и 6 іюня 50.000 артиллерійскихъ выстрѣловъ по городу.

Въ день штурма у насъ на Корабельной, т.-е. на атакованной непріятелемъ линіи, было подъ ружьемъ 47 баталіоновъ, всего 28.000 человѣкъ, а у союзниковъ 8 дивизій назначены были на штурмъ: 4 англійскихъ—14.000 челов. и 4 французскихъ 30.000 человѣкъ, всего 44.000 человѣкъ.

Другіе французскіе писатели неудачу штурма 6 іюня объясняютъ слѣдующимъ образомъ, относя все несчастіе къ преждевременности начатаго штурма. Атака начата Французами несвоевременно, на одномъ только пунктѣ (а потому не была дружною, одновременною по всей намѣченной для атаки линіи), оттого что генералъ Пелисье, назначивъ часъ атаки, въ который онъ долженъ былъ подать сигналъ бѣлыми фейерверочными ракетами, не успѣлъ пріѣхать на Ланкастерскую батарею, съ которой было условлено подать сигналъ, опоздавъ сигналомъ на 20 минутъ противъ назначеннаго времени, и то подавъ его съ ближележавшей къ нему батареи „Викторія“, и генералъ Мейранъ, видя наступившій часъ атаки, былъ обманутъ полетомъ бомбы, оставившей по себѣ огненный слѣдъ, принявъ ее за сигнальную ракету.

Вотъ что говоритъ по этому поводу самъ Пелисье въ своемъ донесеніи объ этомъ штурмѣ военному министру.

„Несмотря на большія затрудненія, представлявшіяся мѣстностью; несмотря на противудѣйствіе непріятеля, хотя Русскіе, навѣрно будучи предупреждены о нашемъ намѣреніи штурмовать городъ, были наготовѣ отразить штурмъ, позволительно вѣрить, что еслибы наша атака была одновременною по всей линіи, еслибы было единодушіе и общность въ усиліяхъ нашихъ храбрыхъ войскъ, наша цѣль была бы достигнута. По несчастію, этого не было и фатальная случайность лишила насъ успѣха.

Я былъ еще больше какъ въ 1000 метрахъ отъ пункта, съ котораго я долженъ былъ дать сигналъ къ атакѣ, когда частый ружейный огонь, прорѣзанный картечными выстрѣлами, предупредилъ меня, что на правомъ флангѣ завязалось дѣло.

Дѣйствительно, не много раньше 3-хъ часовъ генералъ Мейранъ принялъ за мой сигналъ полетъ бомбы, оставившей по себѣ огненный слѣдъ, пущенной съ редута Бранкіона (Камчатскаго люнета) и пошелъ на штурмъ“.

Долго вѣрили и говорили, утверждаетъ Perret (Idem, ст. 336), что уничтоженіе дивизіи Мейрана было слѣдствіемъ поспѣшности этого генерала, начавшаго атаку 20-ю минутами раньше, чѣмъ бы слѣдовало; но такой взглядъ вполнѣ ошибоченъ. „Мейранъ повелъ атаку въ назначенную главнокомандующимъ минуту, но Пелисье подалъ условленный сигналъ 20-ю минутами позже, чѣмъ бы слѣдовало. Главнокомандующій не захотѣлъ сознаться въ своей ошибкѣ и былъ такъ невеликодушенъ, чтобы несказать неправосуденъ, что при всемъ своемъ главномъ штабѣ, глубоко опечаленномъ несчастнымъ событіемъ, сказалъ“:

— Еслибы Мейранъ и Брюнэ остались живы, я бы отдалъ ихъ подъ военный судъ!

„Впрочемъ,—продолжаетъ Perret,—исторія должна извинить Пелисье эти слова, достойныя глубокаго сожалѣнія. Дѣйствительно Пелисье не смыкалъ глазъ всю ночь съ 5 на 6 іюня. Послѣ 2-хъ часовъ утра его адъютанты нѣсколько разъ напоминали ему о приближеніи условленнаго часа. Чтобы *шагомъ* доѣхать до Ланкастерской батареи требовалось болѣе получаса. Мы говоримъ *„шагомъ“*, потому что Пелисье никогда не былъ хорошимъ кавалеристомъ: у него были коротенькія и жирныя ноги и онъ поэтому никогда не ѣздилъ рысью. Невозможно, слѣдовательно, было наверстать потеряннаго времени“.

Вотъ, прибавимъ отъ себя, отъ какихъ иногда ничтожныхъ причинъ зависитъ исходъ великихъ предпріятій! Подай Пелисье во-время сигналъ штурма, быть можетъ, онъ бы удался!—Кто можетъ сказать, какими бы сопровождалось послѣдствіями взятіе Севастополя съ бою, за три мѣсяца до нашего славнаго отступленія изъ его окровавленныхъ, пылавшихъ развалинъ?!!

Считаю умѣстнымъ привесть здѣсь отзывъ интересной книги Joly *„Mensonges et realites de la guerre d'orient“*, Bruxelle (1855) о штурмѣ 6 іюня. „Генералъ Пелисье, на котораго возлагались такія большія надежды, что наконецъ должны были сбить его съ толку, вздумалъ нынѣ изгладить печальное для Французовъ воспоминаніе о 6-мъ іюня, какъ о битвѣ подъ Ватерлоо. Армія фанатизированная совершившимся, нѣсколько дней тому, успѣшнымъ взятіемъ передовыхъ Севастопольскихъ укрѣпленій, послѣ двухдневнаго бомбардированія города, поведена на штурмъ его, и эта безмысленная атака сдѣлалась—чѣмъ ей и слѣдовало сдѣлаться—*ужасной и напрасной бойней людей*.

Согласно депешъ, нынѣ появившихся въ газетахъ, этотъ штурмъ стоилъ союзникамъ 10.000 человѣкъ и 600 взятыхъ въ плѣнъ Русскими.

Недорожащій солдатскою кровью генералъ Пелисье понялъ, что вся Европа смо-

За то сколько проклятій произнесли ему Французы, огорченные смертію такого множества товарищей, видъ которыхъ, уже тронутыхъ тлѣніемъ возбуждалъ въ нихъ самихъ болѣе ужаса и отвращенія, чѣмъ состраданія.

Сегодня раннимъ утромъ, когда непріятельскія колонны, всего тысячъ 15 человѣкъ, стали приближаться къ нашимъ верхомъ, у насъ многіе изъ числа знавшихъ, что на сегодня предположено перемиріе для уборки тѣлъ, стали побаиваться какъ бы союзники не надули насъ! Не хотятъ ли союзники, начавъ уборку тѣлъ, а между тѣмъ подготовивъ въ недалекомъ разстояніи свои штурмовыя колонны, вдругъ броситься на насъ и овладѣть Севастополемъ.

Мы говоримъ: несбыточное дѣло! Хрулевъ же замѣчаетъ: „А вдругъ... выкинутъ такую штуку, возьмутъ Севастополь—и баста! а ты поди судись съ ними“!...

На всякій случай, однако, распорядились придвинуть наши войска къ различнымъ, болѣе важнымъ пунктамъ и артиллеріи приказано—смотрѣть въ-оба.

На батареѣ Жерве и въ ея окрестностяхъ валяется множество труповъ Французовъ и большая часть ихъ раздѣты до гола. Какъ это гадко съ нашей стороны! Какъ совѣстно передъ иностранцами! Когда трупы эти горою были навалены на полуфурки и какъ дрова привезены къ Францу-

---

тритъ на него, и рѣшился восполнить недостатокъ своего военнаго генія отчаянными атаками, при которыхъ всякій разъ оставляетъ подъ стѣнами Севастополя по нѣсколько тысячъ человѣкъ.

На этотъ разъ онъ оставилъ тамъ до 15.000 человѣкъ, а грозная твердыня какъ бы выростаетъ и крѣпнетъ отъ той крови, что обливаетъ ея подножіе!..

Честные граждане, успокоивъ ноги на мягкомъ коврѣ, читая отчеты объ этихъ убійствахъ, не даютъ себѣ должнаго отчета: что такое—*отбитый штурмъ?*

Пусть они представятъ себѣ эти глубокія колонны, одна за другою устремленныя противъ бастіоновъ и отброшенныя артиллерійскимъ огнемъ, какъ эскадроны не имѣвшіе силъ разбить пѣхотное каре; пусть они представятъ себѣ людскія массы, въ которыхъ ядра прокладываютъ кровавые пути, убивая однимъ ударомъ сорокъ — пятьдесятъ человѣкъ; пусть представятъ себѣ эти смущенныя толпы, въ средѣ которыхъ разрываются бомбы и гранаты, которыхъ разметываютъ конгревовыя ракеты, пронизываетъ градъ пуль, какъ кровавое рѣшето; пусть представитъ себѣ эти колеблющіяся колонны, наступающія по усѣянному трупами пространству и на разстояніи пистолетнаго выстрѣла встрѣчаемыя огнемъ 500 артиллерійскихъ орудій — и тогда только эти читатели возмогутъ вообразить эту позорную людскую бойню и неизмѣримую подлость тѣхъ, кто, кутаясь въ горностай, руки на клавишахъ электрическаго телеграфа, хладнокровно повелѣваютъ совершать подобныя гекатомбы!...

О, неужели эти кровавыя испаренія, подымающіяся съ пространствъ Тавриды, какъ ужасный ѳиміамъ, не достигнутъ вскорѣ Господа Бога и не вызовутъ Его правосудія?!“

Извѣстно, что императоръ Наполеонъ былъ до такой степени недоволенъ Пелисье за неудачу штурма 6 іюня, что чуть было не отозвалъ его, и если оставилъ его на мѣстѣ, то только благодаря убѣжденіямъ маршала Вальяно и генерала Флери; но письмо Пелисье къ императору, отъ 17 іюня, успокоило его и, такъ сказать, помирило съ Пелисье. Мы приводимъ въ *Приложеніи № II* это любопытное письмо, заимствовавъ его изъ сочиненія Rousset'a „Histoire de la guerre de Krimée“ (стр. 285).

замъ, трупы эти представляли такой ужасный видъ, что французскій генералъ не хотѣлъ принимать ихъ: „А можетъ быть это не наши?“—говорилъ онъ. Сцена была скандальная. Наши безъ церемоніи стали сваливать трупы у французской линіи, тогда только Французы принялись таскать ихъ дальше.

Признаться сказать, у насъ чрезвычайная безтактность; если уже допустили нашихъ обдирать убитаго непріятеля, такъ незачѣмъ было отвозить эти ободранные трупы къ союзникамъ; гораздо естественнѣе и приличнѣе было похоронить ихъ самимъ. Но дѣло въ томъ, что у нашихъ господъ распорядителей иногда не бываетъ и капли сообразительности. Поручатъ такую важную операцію, какъ напримѣръ разборъ тѣлъ, какому-нибудь бурбону, подпоручику, тотъ и накуралеситъ какое-нибудь безобразіе, на срамъ всѣмъ намъ.

Наши наивные солдаты никакъ не могутъ понять, что молдаванскій языкъ отнюдь не есть языкъ универсальный, и во время долговременной стоянки въ Княжествахъ усвоивъ нѣсколько фразъ на этомъ языкѣ и выучивъ нѣсколько его словъ, смѣло пускаются въ объясненія преимущественно съ Французами, ввертывая въ свой разговоръ молдаванскія слова и фразы и коверкая свой языкъ какъ-то на молдаванскій ладъ, и что же?—при такого рода объясненіяхъ нашихъ солдатъ съ Французами, они какъ-то понимаютъ другъ друга! Умора, да и только, слушать подобныя объясненія!

9 іюня.

Вчера раненъ въ ногу, на вылетъ, пулею, генералъ Тотлебенъ. Эта печальная вѣсть быстро разнеслась по гарнизону и многихъ заставила призадуматься. Впрочемъ утѣшаютъ, что рана Тотлебена не опасна и онъ, несмотря на нее, сохраняетъ за собою завѣдываніе оборонительными работами.

11 іюня.

Д. Шулю заняли Французы, оттѣснивъ князя П. Д. Горчакова. Онъ говоритъ, что самъ уступилъ ту позицію, такъ какъ его легко могли обойти и отрѣзать. „Это не бѣда,—замѣтилъ князь Михайло Дмитріевичъ, когда ему объ томъ доложили:—князя Петра съ подпоручичьяго чина все обходятъ!“

12 іюня. Утро.

Присмирѣли недруги послѣ знаменитаго погрома *); всѣ устраиваются, чинятся, приводятъ видно въ порядокъ свои разстроенныя войска. Тишина и спокойствіе господствуютъ на оборонительной линіи съ самаго штурма.

---

*) Мало того что присмирѣли, а Англичане—такъ тѣ совсѣмъ было отказались отъ продолженія атаки 3 бастіона, находя таковую для себя не посиламъ, и если согласились продолжать ее, то только благодаря энергическимъ настояніямъ генерала Ніеля и главнокомандующаго Пелисье.

кое-гдѣ лишь раздадутся выстрѣлы, или фальшивая тревога нарушитъ общее спокойствіе. Такая тревога произошла вчера ночью. Противъ 2-го бастіона солдатъ, стоя въ цѣпи и задремавъ, увидѣлъ во снѣ, будто его рѣжутъ Французы, и закричалъ во все горло: „спасайте, спасайте:—Французы!“ Сосѣдъ его въ цѣпи, видно тоже вздремнулъ и, разбуженный роковымъ возгласомъ, не разбирая дѣла, выстрѣлилъ... Цѣпь приняла выстрѣлъ; артиллерія бастіона, полагая, что непріятель напалъ на нашу цѣпь, начала жарить картечью и пошла потѣха!... Французы конечно отвѣчали, и канонада, заревѣвъ по всему флангу оборонительной линіи, едва могла быть прекращена начальниками.

Намъ на помощь пришли двѣ дивизіи: 7-я пѣхотная и 15-я резервная пѣхотная и вступили на дняхъ въ Севастополь.

На оборонительную стѣнку, во время штурма, вскочилъ французскій офицеръ, опередившій всѣхъ своихъ, и машетъ саблей своимъ, призывая слѣдовать за собою. Въ это мгновеніе одинъ нашъ офицеръ, увидѣвъ его и не умѣя съ нимъ объясниться, показываетъ ему рукою по горлу — дескать зарѣжу! И зоветъ рукой: иди сюда! Французъ качаетъ головой отрицательно, машетъ саблей, продолжаетъ звать своихъ. Тогда нашъ офицеръ крикнулъ ближайшему стрѣлку: приложись! — французу указалъ на направленное въ него почти въ упоръ ружье и опять показалъ знакомъ: или слѣзай — или смерть! Мимика, говорившая о жизни или неминучей смерти, стала понятна французу,—тотъ увидѣлъ, что выбора нѣтъ, что свои не помогутъ — бросилъ саблю и соскочилъ съ бруствера—онъ былъ въ плѣну.

Приказано представить къ наградамъ за отбитіе штурма 6 іюня, между тѣмъ множество сдѣланныхъ уже представленій за отличіе при различныхъ случаяхъ не получили разрѣшенія,—обстоятельство, крайне затрудняющее составленіе настоящаго представленія, потому что трудно подобрать офицерамъ подходящія награды. Очень можетъ быть, что всѣ сдѣланныя представленія будутъ удовлетворены и поэтому теперь находимся въ необходимости какого-нибудь подпоручика представлять къ награжденію Анной 2-й ст., такъ какъ онъ, положимъ, Анну 4-й и 3-й степеней уже имѣетъ, а на представленія къ слѣдующимъ чинамъ смотрятъ съ неудовольствіемъ.

14 іюня.

Говорятъ: у союзниковъ свирѣпствуетъ холера, заставившая ихъ отступить отъ Чергуна, изъ долины р. Черной и изъ ущелья Шули, вообще изъ низменныхъ мѣстностей, гдѣ развитіе холеры гораздо сильнѣе, чѣмъ на высотахъ.

Сегодня видѣлъ нѣсколько плѣнныхъ Сардинцевъ, или правильнѣе — перебѣжчиковъ. Народъ молодой, красивый, но вовсе не имѣющій воинственнаго вида, похожій на какихъ-то замаскированныхъ гимназистовъ 8 класса или вообще взрослыхъ школьниковъ. На вопросъ нашъ: что ихъ заставляетъ передаваться намъ, когда они сами по доброй волѣ сюда притащились, на буксирѣ у Французовъ, они увѣряютъ, что ихъ обманули, что имъ объявили походъ въ *г. Римъ*, а отнюдь не въ г. Крымъ!—Удивляюсь: можно ли разсказывать такую ахинею.

Нашъ генералъ захворалъ и подалъ рапортъ, прося разрѣшенія полѣчиться на Бельбекѣ. Графъ Сакенъ, руководствуясь распоряженіемъ главнокомандующаго, чтобы нераненые генералы лѣчились въ Севастополѣ, не разрѣшилъ генералу Павлову просимый имъ переѣздъ. Павловъ просилъ Хрулева попросить князя Васильчикова похлопотать у Сакена, который и согласился написать князю Горчакову, прося разрѣшить Павлову переѣздъ на Бельбекъ, до выздоровленія. Между тѣмъ Павловъ приготовилъ докторское свидѣтельство о своей болѣзни и рапортъ о необходимости лѣченія внѣ Севастополя.

Павловъ нездоровъ дѣйствительно, но независимо отъ необходимости въ лѣченіи онъ, кажется, хочетъ воспользоваться хотя относительной удачей своей по участію имъ принятому въ отраженіи штурма 6 іюня и хоть на время, но съ честью, удалиться отсюда, гдѣ на всякомъ шагу страдаетъ его самолюбіе, до крайности у него развитое.

Сегодня во время моего доклада генералу Павлову, неподалеку отъ квартиры генерала лопнула бомба, съ такою силою, что всѣ стекла въ окнахъ задребезжали, а нѣкоторыя даже разбились. „Вотъ,— говоритъ Павловъ,—не пускаютъ за городъ больнаго человѣка, говорятъ лѣчись здѣсь? А вотъ этотъ трескъ безпрестанный, напримѣръ, спать не даетъ—гдѣ же тутъ успокоиться нервамъ?“— Пошелъ отъ генерала домой, встрѣчаю поручика Пернеца: „Что, батюшка, куда это вы?“

— Съ докладомъ къ Хрулеву. Исторія—

„Что такое?“

— Нашъ солдатъ на Малаховомъ курганѣ поймалъ нѣсколько матросовъ, передѣлывающихъ патроны?

„Какъ? Какимъ образомъ?“

— Вотъ поди: изъ боевыхъ въ холостые, но одной величины и формы съ боевыми, это видите на случай штурма, чтобы врагу доставить блестящій фейерверкъ, а не дать горячей бани.

Какое, однако, ужасное злоумышленіе! (Впослѣдствіи оказалось, что въ этомъ случаѣ въ дѣйствительности не было ничего ужаснаго, тѣмъ менѣе какого-нибудь злоумышленія или измѣны. Просто было глупое мошенничество: крали изъ патроновъ пули и продавали ихъ въ казну вмѣстѣ съ подобранными на полѣ битвъ, а чтобы не попасться, передѣлывали патроны,

придавая имъ установленную форму, чтобы они казались боевыми. Разумѣется, когда дѣло разъяснилось, фальсификаторовъ строго наказали).

15 іюня.

Стрямъ одинъ это вооруженіе нашихъ офицеровъ: полусабля, пригодная только для вытаскиванія углей для самовара изъ бивачнаго костра,— и больше никакого оружія; тогда какъ англійскій и французскій офицеръ каждый вооруженъ отличнымъ револьверомъ и превосходною саблею.

Власти, наконецъ устыдившись, повидимому, этой разницы въ вооруженіи союзныхъ и русскихъ офицеровъ и чтобы сравнять вооруженіе послѣднихъ съ вооруженіемъ европейскихъ офицеровъ, выписали нѣсколько десятковъ револьверовъ изъ Тулы и роздали ихъ *по одному* въ полкъ, да еще нѣкоторымъ штабнымъ! Но этого мало еще: при снабженіи офицеровъ всего полка (по штату болѣе 100) однимъ револьверомъ, было поставлено къ непремѣнному выполненію множество условій пользованія этимъ подаркомъ: приказано револьверъ выдать тому офицеру, который ходитъ въ ночные секреты, постоянно стоитъ на аванпостахъ и тому подоб. (а если такихъ офицеровъ нѣсколько, то кому же выдать?),—да чтобы тотъ, кому револьверъ будетъ выданъ, не воображалъ, что таковой дѣлается его собственностью,—нѣтъ, еслибы этотъ офицеръ по какому случаю выбылъ изъ фронта, то полученный имъ револьверъ онъ долженъ передать тому, кто его замѣнитъ въ полку по исполненію трудныхъ и опасныхъ служебныхъ операцій *).

---

*) Извѣстно, что почти до послѣднихъ лѣтъ царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича наши пѣхотные армейскіе офицеры (кромѣ офицеровъ кавказскихъ войскъ) въ сущности *ничѣмъ* не были вооружены и бывало хаживали на войну и въ битвы, какъ говорится, съ голыми руками, такъ какъ нельзя же было безъ шутокъ признавать *саблей* такъ называвшуюся тогда *полусаблю*, которою былъ вооруженъ офицеръ, и *огнестрѣльнымъ оружіемъ* — пистолеты, предназначавшіеся для сѣдельныхъ кобуръ тѣхъ пѣхотныхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ, которымъ въ строю полагалось быть верхомъ. Девять десятыхъ этихъ *полусабель* гнулось при малѣйшемъ усиліи, какъ проволока, а пистолеты въ сѣдельныхъ кобурахъ большею частью замѣнялись *деревяшками* [1]), имѣвшими форму пистолета; у кого же имѣлись форменные пистолеты, то они были до того тяжелы и неуклюжи, что для боя рѣшительно не годились. Случалось, что у двухъ, много у трехъ офицеровъ въ полку были форменныя полусабли съ солингенскими клинками или передѣланныя изъ черкесскихъ шашекъ, но пистолетовъ почти ни у кого небыло. Таковой недостатокъ офицерскаго вооруженія сказался преимущественно при защитѣ Севастополя, когда служба пѣхотныхъ офицеровъ весьма часто ставила ихъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ,— въ траншеяхъ и на вылазкахъ.

Въ этихъ случаяхъ офицеры чаще всего вооружались солдатскимъ ружьемъ — оружіемъ для офицера, очевидно, совсѣмъ не подходящимъ. Помнимъ, съ какою завистью мы говорили о вооруженіи англійскихъ офицеровъ, обыкновенно состоящемъ изъ превосходной сабли и только-что начинавшаго тогда входить въ употребленіе *револьвера*. Нѣсколько этихъ револьверовъ досталось нашимъ съ Англичанъ, убитыхъ на вылазкахъ или взятыхъ въ плѣнъ, и у солдатъ, случалось, покупали отбитые ими револьверы рублей за 25—за 30

---

[1]) Что и подавало поводъ корреспондентамъ англійскихъ газетъ, послѣ Алминскаго дѣла, безъ шутокъ утверждать, будто наши офицеры вооружены деревянными пистолетами, а солдаты таковыми же штыками, за которые эти господа приняли ружейныя пробки, состоявшія изъ обшитой сукномъ палочки, съ форменною пуговицею на одномъ концѣ. Пробка эта вставлялась въ штыковыя ножны, чтобы онѣ не мялись, когда въ нихъ не былъ вложенъ привинченный къ ружью штыкъ.

20 іюня.

Понимая, что насъ не скоро одолѣешь открытою силою, союзники, какъ видно, еще рѣшились потрудиться *лопатою* и на разныхъ пунктахъ возобновили траншейныя работы *). Мы тоже не дремлемъ: всѣ поврежденія, нанесенныя намъ послѣднимъ бомбардированіемъ, уже совершенно исправлены; сдѣлано много новыхъ сооруженій, и мы опять готовы принять рѣшительный бой. Вчера много бомбъ упало на Владимірской площади, возлѣ дома, занимаемаго генераломъ Хрулевымъ; говорятъ, изъ нашей половины Севастополя бѣжалъ третьяго дня къ непріятелю солдатъ; думаютъ, онъ указалъ, гдѣ живутъ начальники, такъ непріятель и сталъ бросать снаряды по направленію на этотъ пунктъ. Общей канонады нѣтъ, но за то въ Севастополѣ уже нѣтъ почти мѣста, гдѣ не ложились бы снаряды.

Въ послѣднее время вошло въ обыкновеніе у здѣшняго гарнизона часа въ 4 или въ 5 послѣ обѣда собирать пули. Большая часть бастіоннаго неселенія занимается этимъ дѣломъ; союзники въ свою очередь тоже дѣлаютъ, и такимъ образомъ устанавливается на нѣкоторое время какъ будто перемиріе у противниковъ: они не стрѣляютъ другъ въ друга, позволяя всякому на своей мѣстности подбирать пули.

Воцаряется на нѣкоторое время совершенная тишина; ею многіе у насъ пользуются, чтобъ водицы принесть, сбѣгать за кашею, поправить что на скорую руку. Съ сего дня прекращается сборъ пуль, доставлявшій собирателямъ хорошія деньги, (есть матросы, которые представили въ штабъ гарнизона пудовъ по 18 и даже по 20). Подвезли значительное количество свинцу, и не встрѣчается болѣе надобности въ добываніи онаго посредствомъ сбора непріятельскихъ пуль—способъ, стоившій жизни или крови многимъ отважнымъ.

У насъ начальствующіе, кажется, щеголяютъ другъ передъ другомъ: кто успѣетъ больше надѣлать ошибокъ!...

Напримѣръ. Подъ Евпаторіей 120-й пушечный корабль „Непгі IV-й“ стоитъ на мели у берега со дня достопамятной бури 2 ноября прошлаго года, горнизонъ корабля удралъ и слѣдъ его простылъ. И что же?—карабль, съ полнымъ вооруженіемъ, но безъ всякихъ защитниковъ, безнаказанно про-

---

серебромъ штуку. Потребность въ вооруженіи офицеровъ револьверами, очевидно, сознавалась и нашимъ Правительствомъ, а потому на казенныхъ оружейныхъ заводахъ приступили къ ихъ изготовленію, и въ іюнѣ 1855 г. было прислано въ Севастопольскій гарнизонъ нѣкоторое количество револьверовъ, изготовленныхъ тульскими оружейниками по системѣ Кольта, весьма простой отдѣлки. Револьверы эти было приказано раздать офицерамъ, чаще другихъ сближавшимся съ непріятелемъ на вылазкахъ и въ другихъ случаяхъ. Въ нашу дивизію было прислано 4 таковыхъ револьвера, по одному въ полкъ, генералу Хрулеву было прислано тоже 4 револьвера.

*) Военный министръ, маршалъ Вальяно, послѣ штурма 6 іюня писалъ генералу Ніелю: „Вмѣстѣ съ генераломъ Пелисье думаю, что невозможно ни на минуту прерывать ходъ осадныхъ работъ, потому что лишь только прекратимъ атаку, сейчасъ же будемъ сами атакованы..... Вино налито. Ни вы, ни я—мы его не наливали, а выпить чашу до дна необходимо.....

Еслибы понадобилось, то будемъ вести осаду хотя бы еще два года....“

Bousett. Idem.

стоялъ на мѣстѣ болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и мы не потрудились принять мѣры чтобы сжечь его, что могли исполнить безъ всякихъ затрудненій. Сжигали же бывало чуть не цѣлые флоты брандерами! Мы дождались, что Турки заняли Евпаторію, причемъ они тотчасъ изъ этого корабля образовали превосходную, громадную батарею; перешеекъ Сакъ перерыли, ровъ наполнили водой, поставили необходимое число орудій. Теперь иди—атакуй!!

Выпрошенное генераломъ Павловымъ у Хрулева ходатайство, черезъ князя Васильчикова у Сакена, о разрѣшеніи уѣхать полѣчиться въ окрестностяхъ Севастополя, увѣнчалось успѣхомъ: Сакенъ выпросилъ у князя Горчакова позволеніе Павлову и онъ въ тотъ же день переѣхалъ въ какой-то садъ на Бельбекѣ, гдѣ живутъ бѣжавшія изъ Севастополя семейства, и благодушествуетъ въ ихъ обществѣ.

21 іюня.

Наконецъ отсюда совершенно вытѣснили жителей, а женщинъ рѣшительно запретили перевозить чрезъ бухту на южную сторону. У каждой пристани поставленъ офицеръ смотрителемъ; можно надѣяться, что заведется какой-нибудь порядокъ на этихъ переправахъ.

Усмотрѣвъ, что подъ благовидными предлогами множество офицеровъ убираются изъ Севастополя, князь Горчаковъ рѣшительно воспретилъ выѣзжать офицерамъ изъ Севастополя для лѣченія, безъ особаго въ дѣйствительной необходимости этого выѣзда засвидѣтельствованія доктора.

Въ такомъ же родѣ послѣдовалъ приказъ по гарнизону и относительно нижнихъ чиновъ, которыхъ, въ случаѣ необходимости оставить Севастополь по болѣзни, предписано присылать для освидѣтельствованія на центральный перевязочный пунктъ, гдѣ имъ будетъ выдаваться особый билетъ, съ которымъ они, черезъ посредство жандармскаго офицера, будутъ препровождены изъ Севастополя.

Строгія мѣры и порядокъ теперъ здѣсь необходимѣе, чѣмъ когда-нибудь.

22 іюня.

Въ послѣднее время принято много серіозныхъ административныхъ мѣръ: велѣно всѣ склады вещей различныхъ воинскихъ командъ и полковъ, лежавшіе въ Николаевскихъ казармахъ, немедленно перевезть на Сѣверную; въ случаѣ неисполненія погрозили *вышвырнуть* эти склады на площадь. И дѣйствительно, Николаевскія казармы гораздо лучше очистить для помѣщенія лазаретовъ, перевязочнаго пункта, наконецъ для казармъ, какъ пунктъ болѣе удаленный и безопасный отъ непріятельскаго огня, чѣмъ имѣть въ нихъ склады всякаго хлама и стараго тряпья.

Велѣно прекратить хлѣбопеченіе—и очень основательно. Вопервыхъ, хлѣбопеченіе требуетъ много рукъ, вовторыхъ требуетъ множество топлива,

особенно будучи производимо въ разницу каждою командою особо, а въ топливѣ здѣсь въ настоящее время величайшій недостатокъ. Къ тому же приготовлять сухари гораздо удобнѣе тамъ, откуда везутъ сюда муку, хотя надо замѣтить, что возка муки гораздо безопаснѣе для поставляющихъ оную, и сбереженіе ея несравненно возможнѣе. Всѣмъ, кромѣ больныхъ, велѣно ѣсть сухари, которыхъ имѣются громадные запасы въ доковыхъ магазинахъ. Вслѣдствіе этого и намъ негдѣ становится покупать хлѣбъ. Бывало, солдаты и нестроевые продаютъ свои избытки, а теперь если и появится хлѣбецъ, другой, то за него надо заплатить до 50 коп. серебромъ, что я вчера испыталъ на себѣ. Цѣна порядочная, а въ хлѣбѣ фунтовъ 5—6 небольше; на Сѣверную же гонять людей за этими пустяками не хочется.

Съ верхняго яруса Николаевской батареи сняли пушки: понадобились на новыя батареи и на случай новой бамбардировки для подмѣна подбитыхъ орудій.

Какой ужасный, говорятъ, былъ случай третьяго дня на 3-мъ бастіонѣ. Намъ нужны пятипудовыя бомбы: своихъ у насъ нѣтъ почти вовсе. При взрывѣ нашей лабораторіи ихъ взорвало до 1000 штукъ. Наши артиллеристы ухитрились и стали употреблять вмѣсто своихъ бомбъ — непріятельскія, которыя приходятся въ нашу мортиру безъ малѣйшаго зазора. Вотъ наши и стали собирать пятипудовыя непріятельскія бомбы, не разрѣшившіяся при паденіи, и приспособлять къ дѣйствію изъ нашихъ мортиръ; но для этого было необходимо разряжать ихъ и потомъ зарядить по-своему и пригнать трубку, у насъ употребляющуюся. Третьяго дня, въ одномъ маленькомъ блиндажѣ, лейтенантъ Мокшеевъ, кажется, разряжалъ уже шестую бомбу съ помощію товарищей и матросовъ, какъ вдругъ отъ неизвѣстной причины, вѣроятно отъ тренія при вытаскиваніи трубки, произошелъ взрывъ. Естественно, что блиндажъ разнесло; тутъ же лежавшія не разряженныя бомбы тоже разорвало; убило двухъ офицеровъ, одному выжгло глаза, нѣсколько матросовъ тоже погибло. Впрочемъ это уже не первое несчастіе съ непріятельскими бомбами. Неподалеку отъ моей квартиры на базарчикѣ, о которомъ я, кажется, говорилъ выше, упала и не разрѣшилась непріятельская бомба. Греки волонтеры и наши солдаты подхватили ее и потащили въ харчевню — разряжать. Разумѣется, при этомъ было множество любопытныхъ, и къ несчастію эту бомбу, по несоблюденію при разряженіи указанныхъ наукою предосторожностей, разорвало! Греку, ее разряжавшему, оторвало обѣ руки, и кромѣ того пострадало нѣсколько зрителей.

Еще одинъ случай помню.

Селенгинскій полкъ по ночамъ работалъ при сооруженіи оборонительной стѣнки, идущей отъ Александровскихъ казармъ къ Малахову кургану. Грунтъ тамъ каменистый; стѣнку складываютъ преимущественно изъ камней; для отбитія ихъ употребляютъ большія усилія; кирка часто ломается, такъ солдаты берутъ разряженную гранату и въ ея отверстіе вставляя палку, употребляютъ ее какъ молотокъ или просто разбиваютъ камни ударами снарядовъ большаго калибра, во множествѣ всюду валяющихся.

Въ Селенгинскомъ полку былъ фланговый человѣкъ въ 1-й гренадерской ротѣ—Ивкинъ, атлетической силы, необыкновеннаго роста, сложенія. Въ эту кампанію въ Севастополѣ его произвели въ унтеръ-офицеры—за храбрость. Вотъ нѣсколько тому дней похаживалъ онъ на работѣ, покрикивая на свой десятокъ, какъ глядитъ, весь этотъ десятокъ возится съ какою-то штукою; подойдя, видитъ, нѣсколько его солдатъ хотятъ поднять пятипудовую бомбу, чтобъ ею разбивать камни, да силъ не хватаетъ! „Пустите, ребята". Ивкинъ изловчился, обхватилъ бомбу, поднялъ ее, да какъ треснетъ ею о камень, который хотѣли разбить... а бомба-то оказалась *ударною*, не разрѣшившеюся,—раздался выстрѣлъ: Ивкину оторвало обѣ ноги и съ нимъ положило 18-ть его товарищей—убитыми и ранеными.

23 іюня. 11 часовъ ночи.

Внезапно закипѣлъ сильный батальный огонь противъ 5 номера; начали бросать бомбы; въ настоящую минуту распространилась по всей линіи канонада нѣсколько сильнѣе обыкновенной.

Съ какимъ торжествомъ европейскія газеты говорятъ о взятіи Керчи! Они до небесъ подымаютъ это пустое событіе, ничтожное по своему существу и слѣдствіямъ, пригодное только для занятія умовъ европейскихъ вѣстовщиковъ. Гораздо интереснѣе и важнѣе особенно для насъ, что вчера передъ вечеромъ и сегодня поутру видѣли непріятельскія войска, собиравшіяся за Камчатскимъ люнетомъ и расходившіяся въ большемъ числѣ по траншеямъ; сегодня ночью или завтра съ разсвѣтомъ ждутъ внезапнаго нападенія; въ Корабельной всѣ подъ ружьемъ.

24 іюня.

За штурмъ 6 іюня вышли награды. Многіе генералы и офицеры обижены. Хрулевъ больше другихъ,—онъ ждалъ Георгія 2 степени или покрайней мѣрѣ генералъ-адъютантскихъ эксельбантовъ. О пожалованіи его въ званіе генералъ-адъютанта, какъ о совершившемся уже фактѣ, здѣсь говорили на всѣхъ перекресткахъ, а вмѣсто того Хрулеву дали Владиміра 2 ст.—очередную награду!

Павлову ничего не дали.

Въ этой послѣдней несправедливости, кромѣ ненависти, которую питаетъ къ Павлову и главная квартира и графъ Остенъ-Сакенъ,—виноватъ самъ Хрулевъ. Въ реляціи отбитія штурма, которую представилъ Хрулевъ главнокомандующему, было, между прочимъ, сказано, что *по распоряженію его, Хрулева,* генералъ Павловъ своевременно ударилъ на Французовъ Якутскими баталіонами. Такимъ образомъ вся честь этого удара, рѣшившаго бой въ нашу пользу, остается за Хрулевымъ, тогда какъ Павловъ всевозможныя представляетъ доказательства и клянется и честью и всѣми свя-

тыми, что онъ такого распоряженія отъ Хрулева не получалъ, а Якутскіе баталіоны направилъ по собственному своему побужденію и усмотрѣнію. Тѣмъ обиднѣе такое невниманіе къ нему начальства, что за штурмъ награждены нѣкоторые генералы, хотя и достойные, но не принимавшіе въ его отраженіи дѣйствительнаго участія, какъ напримѣръ Семякинъ, Шейдеманъ, Шульцъ и Бутурлинъ, который все время штурма не былъ даже въ Севастополѣ, а оставался на Сѣверной.

Сегодня встрѣчаю адъютанта Хрулева, нашего офицера, Григорія Павлова: идетъ къ нашему генералу передать по приказанію Хрулева разговоръ его съ графомъ Сакеномъ. Сакенъ увѣрялъ Хрулева, что онъ очень огорченъ тѣмъ, что Павлову не дали никакой награды. Это, говоритъ, случилось отъ того, что онъ еще не успѣлъ сдѣлать представленія, какъ уже вышли главнѣйшія награды, а именно нѣкоторымъ только лицамъ.

— Почему же,—спрашиваетъ Хрулевъ,—Павловъ не попалъ въ число этихъ *нѣкоторыхъ?* И почему за всю кампанію его наградили наравнѣ съ прапорщиками?

Хрулевъ довольно неловко приказалъ Павлову передать нашему генералу весь этотъ разговоръ буквально, но я посовѣтовалъ Павлову смягчить выраженія порученнаго ему пересказа, зная что въ неизмѣненномъ видѣ онъ очень бы разстроилъ и безъ того больнаго генерала Павлова.

Хрулевъ приказалъ также передать генералу, что графъ Сакенъ послѣ штурма 6 іюня *мирится* съ генераломъ Павловымъ отъ души и питаетъ къ нему полное уваженіе, а потому Хрулевъ совѣтуетъ нашему генералу съѣздить на мировую къ Сакену.

Хрулевъ говоритъ одно, а факты другое. Они ясно показываютъ, что власти неизмѣнно сохранили прежнія отношенія къ генералу Павлову. Вчера, напримѣръ, графъ Сакенъ отдалъ приказъ по гарнизону, которымъ благодаритъ генерала Мартинау, (также не получившаго награды въ послѣднее время) за его *чудесную* службу во время послѣдняго бомбардированія Севастополя и какъ ребенка утѣшаетъ его, что онъ за это дѣло представитъ его въ чинъ генералъ-лейтенанта. Если объясненія и увѣренія Сакена относительно Павлова—не выдумка Хрулева, то отчего же Сакенъ, такъ сказать извиняясь въ приказѣ передъ обиженнымъ Мартинау, въ то же время не нашелъ возможнымъ такими же любезностями польстить самолюбію и генерала Павлова?

25 іюня.

Пріѣхалъ вдохновенный Иннокентій, дѣйствительно вдохновенный и способный вдохновить и другихъ на подвиги нечеловѣческіе. Сегодня онъ служилъ на Сѣверной, и кто только могъ считать себя свободнымъ отъ службы изъ генераловъ и офицеровъ всѣ собрались помолиться съ великимъ витіей, получить его благословеніе и послушать его. Вотъ что онъ сказалъ намъ сегодня:

„По всему лицу земли Русской нѣтъ ни одного сына отечества, кото-

рый бы въ настоящее время не привиталъ постоянно мыслію своею съ вами, мужественные защитники Севастополя, который не скорбѣлъ бы вашими скорбями, не болѣзновалъ вашими ранами, равно какъ не радовался бы о вашихъ успѣхахъ, не хвалился вашею твердостью и мужествомъ. Тѣмъ паче мнѣ, какъ духовному пастырю страны сей, хотя и недостойному, невозможно не присутствовать всегда съ вами духомъ, вѣрою, молитвою, и не раздѣлять отъ души всего, что происходитъ съ вами — и радостнаго, и печальнаго.

Посему-то въ прошедшемъ году, несмотря на то, что городъ вашъ былъ посѣщенъ мною непосредственно предъ тѣмъ, я, при первой вѣсти о вторженіи къ вамъ враговъ, немедленно поспѣшилъ сюда, дабы раздѣлить съ вами самые первые дни опасности; и если, при всѣхъ усиліяхъ, не успѣлъ достигнуть тогда до васъ, то потому, что всѣ пути къ вамъ были уже пресѣчены врагами. Видя сіе, я, подобно птицѣ, кружащейся вокругъ занятаго кѣмъ-либо гнѣзда ея, долго странствовалъ по разнымъ мѣстамъ вокругъ вашего города, и не прежде оставилъ здѣшній полуостровъ, какъ совершенно увѣрившись, что самая главная опасность для васъ уже прошла, что всѣ, беззащитныя въ вашемъ городѣ мѣста укрѣплены достаточно, и вы можете съ доброю надеждою стать противъ враговъ.

Какъ потомъ дорога была намъ каждая вѣсть о васъ! Съ какимъ усердіемъ принимали мы, съ какимъ нетерпѣніемъ слушали всякаго, кто появлялся изъ вашего города! Сколько разъ съ своей стороны мы покушались оставить свое мѣстопребываніе и всѣ дѣла, и, такъ сказать, бѣжать къ вамъ, чтобы собственными глазами видѣть ваше многотрудное положеніе, и раздѣлить съ вами наши чувства и ваши опасности!

Наконецъ, давнее желаніе наше исполнилось! Благодареніе Богу, мы теперь среди васъ: видимъ ваше лице, слышимъ вашъ голосъ, можемъ осязать васъ руками нашими! Въ семъ случаѣ, прежде всякаго слова, мы желали бы братски обнять всѣхъ васъ и облобызать каждаго тѣмъ святымъ лобзаніемъ, которое Ап. Павелъ препосылалъ сущимъ въ отдаленіи, возлюбленнымъ ученикамъ и братіямъ своимъ о Христѣ.

Да, возлюбленные, безпримѣрнымъ мужествомъ противъ враговъ и долготерпѣніемъ вашимъ, вы давно вышли и вознеслись изъ ряда людей и воиновъ обыкновенныхъ, видимо приблизились къ знаменитому сонму древнихъ поборниковъ земли Русской; содѣлались не только любезными, но и священными для всѣхъ сыновъ отечества: вы—слава Россіи, утѣшеніе ея Монарха, радость Св. Церкви, предметъ удивленія для самыхъ враговъ и всего свѣта!

Какъ же намъ послѣ сего не радоваться о васъ духомъ? Какъ не благодарить за васъ Бога? Какъ не желать вмѣстить всѣхъ васъ въ сердцѣ своемъ?

Посѣщая въ прошедшемъ году, предъ наступавшею бурею, городъ вашъ, и полагая—предъ лицемъ и въ виду враговъ—основаніе вашего храма Св. Владиміра, я позволилъ сказать себѣ тогда, что скорѣе не останется камня на камнѣ въ горахъ здѣшнихъ, нежели уступится врагамъ на-

шимъ эта колыбель Русскаго православія. Благодаря вашему безпримѣрному самоотверженію, слабыя слова мои исполнились, какъ нѣкое пророчество. Уже лице многихъ горъ и холмовъ окрестныхъ измѣнилось совершенно, а вы одни и тѣ же—тверды и неизмѣнны! Уже цѣлая Галлія, и Британнія, и весь мусульманскій Востокъ облеклись чернымъ покровомъ печали о падшихъ здѣсь сынахъ своихъ, а вы одни и тѣ же—тверды и неизмѣнны! Уже врагу ожесточенному не разъ оскудѣвали и люди, и оружіе, а вы одни и тѣ же—тверды и неизмѣнны!

Можно ли во всемъ этомъ, при всемъ вашемъ мужествѣ, не примѣтить съ благоговѣніемъ и знаменія надъ вами силы Божіей, и благословенія свыше? Кто, какъ не Онъ, поразилъ неожиданною слѣпотою надменную гордыню враговъ нашихъ, да не познаютъ, въ самомъ началѣ вторженія, и вашей неготовности къ брани и слабости вашихъ силъ и стѣнъ? Кто, какъ не Онъ, умудрилъ юныхъ защитниковъ вашихъ въ немногіе дни воздвигнуть и совершить въ защиту града вашего то, на что въ другое время потребовались бы цѣлые годы? Кто, какъ не Онъ, послалъ въ союзники вамъ эту ужасную бурю, которая разразилась надъ врагами губительнѣе всякой битвы? Кто, наконецъ, какъ не Онъ, отнялъ силу у большей части разженныхъ стрѣлъ вражіихъ и заставилъ ихъ праздно и безвредно для васъ падать на землю? Не Онъ же ли подалъ и вамъ тотъ духъ мужества и долготерпѣнія, коему удивляются теперь всѣ и вездѣ? Падемъ же, братія мои, предъ симъ престоломъ благодати, и скажемъ словами царя-пророка: „не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу“ (Пс. CXIII, 9), ибо безъ Твоей всесильной помощи какъ возмогли бы мы совершить то, что совершено доселѣ во славу пресвятаго имени Твоего и ко благу Россіи?

Стойте-жь, возлюбленные, стойте непоколебимо на той святой высотѣ, на которую возвелъ и поставилъ васъ самъ Господь! Продолжайте неослабно великое и священное служеніе ваше церкви и отечеству! Довершайте то, что начато вами такъ достославно и продолжено доселѣ такъ безпримѣрно! Помните, что за вами—Россія, предъ вами—потомство, надъ вами—Богъ и Его всесвятый промыслъ! Не забывайте, что вами сдѣлано уже гораздо болѣе того, что остается сдѣлать. Еще одно, другое поприще времени и терпѣнія; еще одна, другая побѣда;—и врагъ со стыдомъ долженъ будетъ возвратиться вспять. О, какъ тогда воскликнетъ и восплещетъ отъ радости вся Россія! Какъ отрадно будетъ тогда во всю жизнь на сердцѣ у каждаго изъ васъ! Тогда во всей силѣ сбудется и надъ вами слово Спасителя: „Жена, егда раждаетъ, скорбь имать, яко пріиде годъ ея: егдаже родитъ отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родися человѣкъ въ міръ? (Іоан. XVI, 21.).

О, великъ будетъ этотъ, имѣющій родиться, среди настоящихъ трудовъ и скорбей вашихъ, человѣкъ въ міръ! И на челѣ его будетъ написано: святая и православная Россія не боится на землѣ никого, кромѣ Бога, Единаго Бога!—Аминь“.

По окончаніи литургіи преосвященный освящалъ иконы, присланныя различнымъ полкамъ и командамъ въ благословеніе со всѣхъ концовъ Россіи. Посвящая иконы, преосвященный съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ указалъ войскамъ на то знаменательное обстоятельство, что и къ врагамъ нашимъ отовсюду стекаются подкрѣпленія, но это только матеріальныя подкрѣпленія,—подобныя получаютъ и защитники Севастополя, но они кромѣ того получаютъ другое подкрѣпленіе—духовное, посылаемое со всѣхъ мѣстъ отечества, болѣе сильное и дѣйствительное: къ борцамъ севастопольскимъ будто стекаются на помощь сами молитвенники и поборники земли Русской!

27 іюля.

Вчера въ Николаевскомъ соборѣ на Графской, конечно въ присутствіи многочисленнаго сонма молящихся, въ числѣ которыхъ былъ и главнокомандующій и другіе наши вожди, преосвященный Иннокентій совершалъ литургію, во время, какъ нарочно, на этотъ разъ болѣе сильнаго чѣмъ въ другіе дни огня непріятельскаго. Несмотря на постоянный громъ выстрѣловъ и на грохотъ разрыва снарядовъ непріятельскихъ въ недалекомъ разстояніи, преосвященный былъ невозмутимо спокоенъ и совершая богослуженіе и произнося, опершись на свой посохъ, слѣдующее боговдохновенное слово, какъ обыкновенно безъ помощи рукописи:

„Несмотря на эти неумолкающіе удары громовые, говорилъ знаменитый Иннокентій, мы паки съ радостію исходимъ предъ васъ, братія, для втораго и послѣдняго собесѣдованія съ вами... Ибо долго ли намъ быть у васъ? По самому образу настоящей жизни и роду занятій вашихъ здѣсь, мы должны оставить васъ, дабы дать вамъ болѣе досуга и удобности къ великому дѣлу вашему. А между тѣмъ можно ли было вчера—за одинъ разъ высказать все, что было у насъ на душѣ?... Послѣ столькихъ опасностей, вами перенесенныхъ, и посреди столькихъ новыхъ опасностей, вамъ непрестанно угрожающихъ, вы—по необходимости—кажетесь намъ такими людьми, кои уже какъ бы не принадлежатъ нашему міру, и съ коими, по тому самому, нельзя довольно наговориться.

Но о чемъ будемъ бесѣдовать? Найдите, если угодно, для сего предметъ вы сами; только не требуйте, братія мои, чтобы мы начали учить васъ и наставлять чему-либо. Ахъ, теперь, какъ сами видите, время уже не учить и учиться, а творить изученное и дѣйствовать, время — молиться и, если нужно, умирать, какъ подобаетъ христіанину и истинному сыну отечества!

Еслибы, впрочемъ, для кого-либо потребно было вразумленіе, то мы вѣруемъ, что вашъ наставникъ теперь и учитель—самъ Духъ Святый, который никогда не оставляетъ истинно-вѣрующихъ безъ необходимыхъ для нихъ, тайныхъ озареній въ ихъ сердцѣ, тѣмъ паче не можетъ оставить безъ сего васъ, кои за Вѣру и Отечество полагаете свои души. Внимайте сему Божественному наставнику, выну глаголющему въ нашей совѣсти; исполняйте вѣрно внушаемое Имъ,—и вы, какъ увѣряетъ возлюбленный ученикъ Христовъ, не потребуете, *да кто учитъ вы.* I Іоанн. XI, 27.

Что касается до насъ, коимъ выпалъ рѣдкій жребій—быть свидѣтелями вашего безпримѣрнаго положенія и коимъ, по всей вѣроятности, не представится подобнаго, крайне-поучительнаго случая въ другой разъ, то мы погрѣшили бы не только противъ самихъ себя, но и противъ всѣхъ будущихъ слушателей нашихъ, еслибы не постарались понять и изучить твердо всю вашу, такъ великую и такъ громогласную, проповѣдь севастопольскую.

Да братія мои, все, происходящее у васъ здѣсь, я называю не иначе, какъ *проповѣдію всемірною*, которая произносится только на землѣ, а слагается не на землѣ, а на небѣ! Ибо, кто изъ самыхъ первыхъ и дѣятельныхъ виновниковъ и распорядителей настоящей брани можетъ сказать, что происходящее здѣсь совершается не по другимъ причинамъ, а по Его волѣ, и окончится, когда и какъ Ему угодно? Нѣтъ, къ вамъ сюда простираетъ теперь взоры вся вселенная; отсюда ожидаютъ рѣшенія своея судьбы цѣлыя царства и народы; но никто не вѣдаетъ и не можетъ сказать, что выйдетъ наконецъ изъ этихъ молній и громовъ, коими, какъ нѣкогда Синай *), окруженъ столько времени вашъ городъ. Въ качествѣ земныхъ посредниковъ при семъ великомъ дѣлѣ явятся, безъ сомнѣнія, и, можетъ быть, не одинъ Моисей и Ааронъ, но самыя скрижали новаго политическаго завѣта сойдутъ съ неба, написанныя *перстомъ Божіимъ*. Исх. XXXI, 18.

И смотрите, какъ для выслушанія этихъ новыхъ откровеній небесныхъ—сведены сюда—къ вамъ какъ на юдоль Іосафатову **), едва не всѣ народы! Что всего неожиданнѣе,—соединяемые общею враждою къ намъ, здѣсь явились, яко братія, тѣ народы, кои доселѣ не могли равнодушно слышать имени одинъ другаго. Никто изъ нихъ не расположенъ слышать о путяхъ Промысла Божія, тѣмъ паче подчиниться имъ; каждый водится собственными выгодами и дѣйствуетъ по своимъ страстямъ; всѣ, подобно строителямъ столпа Вавилонскаго, говорятъ громко: *сотворимъ себѣ имя* ***)! И однако же, посредствомъ всѣхъ сихъ, столь разнообразныхъ и такъ повидимому, самостоятельныхъ дѣйствователей видимо совершается—и совершится!—чуждое для нихъ, единое великое дѣло Божіе.

Подробности сего дѣла покажетъ всему свѣту время; но сущность его видна уже теперь: это окончательное паденіе магометанства! это рѣшительное возстаніе отъ униженія и рабства—православнаго Востока! это грозное обличеніе и кровавый урокъ невѣрію и закоренѣлой гордынѣ Запада!

Да, братія мои, *есть*, какъ замѣчаетъ Премудрый, *есть время всякой вещи подъ небесемъ* ****)! Было время за четыре вѣка предъ симъ,—когда, въ наказаніе неправдъ человѣческихъ, солнцу восточнаго Православія предлежало—на извѣстное время—сокрыться съ горизонта политическаго и уступить свое мѣсто лунѣ Магометовой; и ничто не могло остановить захожденія солнца и восхожденія луны. Теперь, когда эти грѣхи и неправды омыты цѣлыми вѣками слезъ и крови, настало другое время исчезнове-

*) Исх. XIX, 18. **) Іоил. III, 12. ***) Быт. XI, 4. ****) Екклес. III, 1.

нія луны Магометовой и восхожденія снова солнца восточнаго Православія; и ничто не остановитъ сего исчезновенія и сего восхода.

Тщетно Британія, Галлія, Сардинія—явно, и едва не весь прочій Западъ—тайно, по нерасположенію къ намъ, возстаютъ противъ дѣла Божія вопреки своихъ выгодъ истинныхъ, вопреки долга и чести, объявляютъ себя защитниками мнимо-гонимыхъ нами мусульманъ. Въ семъ-то и познается и обнаружится предъ цѣлымъ свѣтомъ сила Премудрости Божіей и немощь, и недальновидность мудрости человѣческой, что, соединенныя противу насъ въ пользу мусульманства, державы будутъ дѣлать одно, а выходить будетъ другое, противное; потому что ихъ усилія и возбужденныя ими потрясенія къ поддержанію издыхающаго магометанства лишатъ его и послѣдняго остатка силъ и ускорятъ совершенное паденіе и смерть. Какъ это можетъ быть, подумаетъ кто-либо?—Такъ же, какъ человѣкъ, совершенно истощенный въ силахъ отъ болѣзни или долгихъ лѣтъ, еще продолжаетъ жить и дышать, если его оставляютъ въ покоѣ и не принуждаютъ дѣлать усиленныхъ движеній или принимать сильныхъ лѣкарствъ; а въ противномъ случаѣ онъ отъ самаго напряженія силъ впадаетъ въ безчувствіе и подвергается смерти. Такъ же точно, какъ изветшалое и долунаклонное зданіе, не трогаемое, продолжаетъ, на удивленіе всѣхъ, стоять на своемъ мѣстѣ, а сильно тронутое, хотя бы то было для подпоры или поновленія нѣкоторыхъ частей, тотчасъ теряетъ равновѣсіе и обращается въ развалины. Таковое, по суду всѣхъ, самыхъ друзей и защитниковъ ея, нынѣшнее положеніе державы мусульманской: для нея вредоносны всѣ усиленныя движенія, кои заставляютъ ее дѣлать,—пагубны всѣ сильныя и изысканныя врачевства, коими думаютъ спасти ее отъ смерти. Подобно разстающимся съ жизнію и кончающимъ свое бытіе, для сей державы необходимъ былъ только совершенный покой и безмолвіе; но, по неразумѣнію или неискренности своихъ друзей, она, какъ бы въ наказаніе своего всегдашняго буйства, не будетъ имѣть при концѣ своемъ и сего утѣшенія.

Видите теперь, что совершается у васъ и къ чему вы призваны, возлюбленные! Не малое что либо и даже не просто человѣческое происходитъ здѣсь, а выходитъ изъ-подъ *печати* Апок. VI, 1, вѣковая тайна Промысла Божія; приходитъ въ исполненіе надъ царствами и народами единъ изъ великихъ судовъ Божіихъ; рѣшается, надолго рѣшается, судьба Востока и Запада, а можетъ быть, и всего свѣта. Цѣлыя вѣка прошли въ ожиданіи настоящихъ событій, и цѣлые вѣка будутъ выражать собою ихъ послѣдствія. О, есть за что пролить вамъ кровь свою, какъ она ни драгоцѣнна для насъ! Есть ради чего принести въ жертву свою жизнь, какъ она ни важна и невознаградима!

И примѣтьте, съ какимъ благоприличіемъ и съ какою, можно сказать, трогательностію избрано свыше самое мѣсто этой новой борьбы добра со зломъ, этого спора страстей и злобы человѣческой съ судьбами правды Божіей. Огнь настоящей брани возгарался и могъ разгорѣться въ разныхъ мѣстахъ; но разгорѣлся и сосредоточился во всепожирающее пламя именно

у васъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ колыбель нашего Православія, на томъ мѣстѣ, гдѣ Отечество наше срѣтилось нѣкогда и вступило навсегда въ духовный союзъ съ православнымъ Востокомъ. Симъ самымъ Промыслъ Божій явно показалъ, что у него заранѣе всего разсчитано и опредѣлено. Симъ самымъ Россія поставлена, можно сказать, въ необходимость—стоять за сіе мѣсто, какъ за святыню и драгоцѣнность. Симъ самымъ врагу, при всей его надменности, какъ бы заранѣе сказано: до сего, только до сего— дойдеши и не прейдеши!

Послѣ таковыхъ чрезвычайныхъ распоряженій Промысла Божія о судьбѣ настоящей брани, какъ иначе назвать васъ, братія мои, какъ не ратниками Божіими, какъ не воинствомъ Іеговы, какъ не исполнителями судебъ вышнихъ? Такъ смотритъ на васъ вся Россія; такъ смотрятъ на васъ повсюду всѣ, вѣрующіе въ управленіе нашего міра не случаемъ слѣпымъ, а премудрымъ Промысломъ Божіимъ: такъ взирайте, возлюбленные, и вы сами на свое дѣло, взирайте со смиреніемъ и преданностію, но и съ вѣрою живою и упованіемъ твердымъ. — Если, посему, къ кому, то къ вамъ можно отнести во всей силѣ слово Евангелія: *имѣйте вѣру Божію *); и ничтоже невозможно будетъ вамъ **)*. Если кому, то вамъ принадлежитъ оное всеуспокоительное обѣтованіе: *вамъ же и власи главніи изочтени суть ***)*, такъ что ни единъ изъ нихъ не упадетъ безъ воли Отца небеснаго. Наконецъ, если кто, то каждый изъ васъ всякой день можетъ и долженъ повторять самъ себѣ: *буди вѣренъ до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота!* (Апок. II, 10.)

Кто не видитъ и не понимаетъ, что вы непрестанно находитесь предъ лицемъ смерти? Не легко должно быть это для человѣка чувственнаго, облеченнаго въ плоть и кровь. Но для человѣка внутренняго, для дѣла спасенія, такое положеніе, какъ ваше, соединено съ величайшими преимуществами. Сколько бы обыкновеннымъ путемъ надобно было идти, чтобы достигнуть до той высоты самоотверженія христіанскаго, гдѣ какъ заповѣдуетъ Евангеліе, приносится въ жертву Богу и ближнему все, самая жизнь! Вы за одинъ, такъ сказать, полетъ души вознеслись на эту святую высоту любви и самоотверженія: ибо мы увѣрены, что каждаго изъ васъ поставила въ среду столькихъ опасностей не одна необходимость службы, но и любовь къ Отечеству. И поелику предъ вами всегда опасности и смерть, то предъ вами же постоянно отверсты врата рая; надъ вами, подобно какъ надъ древними исповѣдниками Вѣры, вьяу носятся вѣнцы небесные. О, если Царь земной умѣетъ награждать заслуги и труды достойныхъ слугъ Отечества, то у Царя ли Небеснаго не станетъ средствъ воздать сторицею за пожертвованіе для Него вашею жизнію?

Но, братія мои, да будетъ позволено мнѣ привести вамъ на память одно слово Апостола, которое всегда смущало меня и заставляло бояться за васъ.

---

*) Марк. XI, 23. **) Мат. XVII, 20. ***) — — X, 30.

Аще кто и подвизается, говоритъ онъ, *не вѣнчается, аще незаконно подвизатися будетъ*. Тим. II, 5. Кто можетъ подвизаться и терпѣть болѣе васъ? Это признаетъ весь свѣтъ. Но изъ словъ апостола явствуетъ, что можно оказать самые большіе подвиги и не быть увѣнчаннымъ вѣнцомъ небеснымъ. Когда? если подвизаются не законно, не какъ должно и не какъ угодно Господу. Надобно посему, непремѣнно надобно вамъ узнать: кто въ вашемъ подвижническомъ положеніи подвизается, какъ должно, и потому достоинъ вѣнца небеснаго.

Такимъ образомъ подвизается тотъ, кто не подвергаетъ себя опасности и смерти, безъ видимой нужды, по единой неразумной отвагѣ, или столь же непростительной безпечности, забывая, что жизнь воина принадлежитъ не ему, а Отечеству. Тотъ, кто сражается и умираетъ не по-язычески, а по-христіански, то-есть одушевляясь въ принесеніи на жертву своей жизни не однимъ отвращеніемъ ко врагу и желаніемъ себѣ успѣха и отличія, а болѣе чувствомъ долга къ Царю и Отечеству, тѣмъ паче къ Вѣрѣ и Св. Церкви. Тотъ, кто преходитъ въ другой міръ съ чувствомъ смиренія и покаянія, а не съ надменіемъ и безчувствіемъ душевнымъ, не призвавъ на себя, даже въ минуту опасности смертной, милосердія Божія. Тотъ наконецъ, кто, находясь предъ лицемъ смерти, заранѣе изгоняетъ изъ своей души всѣ помыслы нечистые и всѣ пожеланія плотскія.—О всѣхъ, кои мыслятъ и дѣйствуютъ противнымъ образомъ,—горько, но должно сказать,—что они, при всемъ ихъ мужествѣ и самоотверженіи, подвизаются не какъ должно, и потому не могутъ пріять на главу свою того вѣнца, который былъ уготованъ имъ за ихъ подвигъ.

Хотите ли знать прямую и ближайшую причину сего? Она въ томъ, что въ царствіе Божіе не можетъ внити *ничтоже скверно*. Апок. XXI, 27. Таково существо сего царства: и ужели вы первые захотите внести туда за собою что либо нечистое? Такимъ образомъ оно престало бъ быть царствомъ Божіимъ, царствомъ свѣта и правды. Напротивъ, имѣя въ виду чистоту его и святость, вы по тому самому потщитесь быть чистыми и оправданными—чрезъ вѣру и покаяніе.

Когда мы напоминаемъ вамъ о нуждѣ въ покаяніи, то само собою разумѣется, что мы не требуемъ отъ васъ тѣхъ дѣйствій и принадлежностей покаянія, коими сопровождается сіе таинство въ обыкновенномъ его видѣ. И ваше покаяніе, какъ и всякое истинное, должно быть соединено съ неизмѣннымъ отвращеніемъ отъ грѣха и рѣшимостію вести жизнь богоугодную: но отъ васъ, въ минуту смертныхъ опасностей, не требуется продолжительныхъ молитвъ, ни обыкновенныхъ въ семъ случаѣ пощеній, ни даже церковной исповѣди. *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* вотъ ваша молитва!—*Безъ числа согрѣшихъ, Господи, помилуй мя!* вотъ ваша исповѣдь! *Пресвятая Богородице, спаси мя! Ангеле хранителю, сохрани мя!* вотъ ваши молебны!—*Святителю Христовъ, Николае, буде мнѣ помощникъ! Святителю Митрофане, не остави мене!* вотъ ваши акаѳисты! Трудно ли, когда угодно, дѣлать все сіе—для кого либо? а этого въ ва-

шемъ положеніи, — когда-то дѣлается отъ души, — достаточно для всякаго.

Но, говоря такимъ образомъ, и, вопреки сказанному мною въ началѣ, непримѣтно обращаюсь предъ вами въ наставника. Простите, возлюбленные, сему избытку ревности по вашему спасенію!—и какъ бы не явилась она у насъ теперь? Вы ежечасно подвергаетесь ради насъ опасностямъ и, можно сказать, умираете за насъ, а мы не приемъ труда подумать и позаботиться о томъ, чтобы эта—великая жертва, какова жизнь ваша, была вполнѣ благопріятна Господу, и чтобы вы не подверглись опасности лишиться вѣнца небеснаго, предназначеннаго вамъ за ваше самоотверженіе?—О, еслибы нужно было, то мы,—Богъ свидѣтель,—готовы уступить каждому изъ васъ часть собственнаго спасенія!

За симъ, братія мои, предаемъ васъ и судьбу вашу въ руцѣ Господа и всемогущей благодати Его. О, да будетъ и преизбудетъ Она на каждомъ изъ васъ! Съ радостію поспѣшимъ на свиданіе съ вами паки, коль скоро откроется къ тому хотя малая удобность. Если же суждено свыше—не срѣтаться намъ болѣе въ этой земной юдоли, то молимъ Господа о единомъ—да будемъ сподоблены взаимнаго свиданія тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе ни печали, ни воздыханій, и гдѣ срѣтившіеся никогда уже не разлучаются. Въ заключеніе, вмѣсто взаимнаго прощальнаго слова, повторимъ слова св. Павла: *аще живемъ, Господеви живемъ; аще же умираемъ, Господеви умираемъ: аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы*; (Рим. XIV, 8). Аминь".

Вчера же мы отправились на праздникъ Брянскаго пѣхотнаго полка на Сѣверную, куда нарочно на этотъ день былъ перевезенъ названный полкъ изъ Севастополя. Праздникъ этотъ устроенъ княземъ Горчаковымъ по случаю назначенія его шефомъ этого полка. Въ нѣсколько закрытой отъ непріятельскихъ выстрѣловъ балкѣ былъ устроенъ большой наметъ изъ палатокъ и подъ нимъ былъ устроенъ столъ для офицеровъ, а нѣсколько въ сторонѣ были сдѣланы столы и приготовлено угощеніе солдатамъ. Князь подъѣхалъ. Загремѣла музыка. Произошла обычная церемонія: князь благодарилъ солдатъ за службу, за то, что Царь доволенъ ихъ службой, доказательствомъ что Онъ наградилъ его, князя, приказавъ этому полку именоваться его именемъ!

Послѣ этого начальническаго привѣтствія, къ солдатамъ, съ привѣтствіемъ пастырскимъ обратился преосвященный Иннокентій и затѣмъ пошелъ и благословилъ уготованную солдатскую трапезу. Тутъ князь вызвалъ изъ фронта всѣхъ съ подвязанными головами, съ перевязанными руками и другими членами, хвалилъ молодечество этихъ людей, оставшихся во фронтѣ, несмотря на раны ими понесенныя, и приказалъ записать фамилію каждаго изъ нихъ; мало того: онъ каждому изъ нихъ приказывалъ приходить въ гости къ нему; вызывалъ изъ строя для болѣе подробной бесѣды своихъ старыхъ боевыхъ сослуживцевъ. Между прочими, вышелъ нѣкто Дунайскій, по фамиліи. „А это ты? Что же давно не приходишь?"

— Боленъ былъ, ваше сіятельство.

„Ну смотри, я знать этого не хочу, чтобы ты былъ здоровъ, завтра жду тебя въ гости!“

Князь крикнулъ:—„Позвать фельдфебелей и по одному человѣку съ роты“.

Прибѣжали.

„Подать водки“. — Подали. „Ну, ребятушки, за здоровье Великаго Нашего Государя. Надо умѣть молодцами умирать за Него и надо умѣть отстоять здѣсь Его славное имя?“

Заревѣло „ура“; шапки полетѣли вверхъ. Преосвященному Иннокентію поднесли чарку водки. Онъ принялъ ее, поднялъ вверхъ и произнесъ: „За здоровье славнаго вождя вашего,—за здоровье васъ самихъ,—а паче всего за здоровье Великаго Государя нашего!“ Искренно, громко, задушевно отозвались на этотъ тостъ всѣ присутствующіе и всѣ солдаты! Поднялъ заздравную чару командиръ полка, генералъ Ганъ. Онъ говорилъ и долго, и много. Въ рѣчь свою онъ подбавилъ неумѣренную дозу лести. Такъ онъ увѣрялъ, что былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, что одно имя того, чьимъ именемъ отнынѣ будетъ величаться его полкъ,—имя князя Горчакова устроило разметанный непріятельскимъ огнемъ 3-й баталіонъ и устремило его неотразимо, на гибель врагу. Кто бывалъ въ дѣлахъ, тотъ дастъ надлежащую оцѣнку этимъ фразамъ.

Надъ преосвященнымъ Иннокентіемъ держали зонтикъ, князь Горчаковъ все время стоялъ съ открытой головой. Миньковъ, безотлучно при немъ находившійся, нагнулся къ его уху и сталъ уговаривать его надѣть шапку—въ виду большой опасности, при возможности получить солнечный ударъ, князь пробормоталъ отрицательный отвѣтъ и остался безъ шапки, попрежнему. Преосвященный Иннокентій и это замѣтилъ и приказалъ держать свой зонтъ надъ нимъ. Тотъ, что называется, и руками и ногами: „Нѣтъ, не надо“.

— Позвольте, ваше сіятельство,—отвѣчалъ преосвященный, это нашъ долгъ, мы обязаны хранить вашу голову: она нужна Отечеству!“

Начальникъ нашей артиллерійской дивизіи, генералъ-лейтенантъ Сикстель, очень желчный человѣкъ, разговорился сегодня со мною о послѣднемъ штурмѣ и спрашиваетъ: что получилъ Павловъ, за этотъ штурмъ?

— Ничего,—отвѣчаю,—и очень огорченъ.

„Напрасно, возражаетъ Сикстель: тутъ нужно, въ подобномъ положеніи, душевная твердость. Вотъ и Орловъ обиженъ что въ генералъ-лейтенанты не произведенъ, вмѣстѣ съ Бутурлинымъ. А между тѣмъ Бутурлинъ труситъ даже въ городѣ быть, а Орловъ-то и на Сѣверную даже боится показаться, а все-таки наградъ желаютъ и тотъ и другой и будутъ крайне обижены если таковыхъ не получатъ“.

28 іюня.

Господи Боже, какая горькая вѣсть сейчасъ пронеслась между нами: Нахимова убили, или смертельно ранили на Малаховомъ курганѣ! Вотъ

жертвенникъ, на которомъ богу брани принесены уже три великія жертвы: Корниловъ, Истоминъ, Нахимовъ! Печаль и горе видимо распространилось по Севастополю; всѣхъ потрясла страшная вѣсть о новой незамѣнимой потерѣ.

Вечеръ.

Къ общему сокрушенію вѣсть о ранѣ Нахимова подтверждается: говорятъ, она смертельна.

Нахимовъ составилъ себѣ имя, славу, народность въ одну войну, какъ человѣкъ и герой. Если Черноморскому флоту суждено было бы подняться со дна морскаго, можно надѣяться, что Нахимовъ къ вѣнцу, свитому имъ на Синопскомъ рейдѣ, прибавилъ бы лучезарные листки. Этотъ морской Суворовъ, боготворимый моряками, конечно надѣлалъ бы чудесъ съ этимъ, едва ли не самымъ геройскимъ флотомъ въ мірѣ и страшную бы совершилъ месть своимъ врагамъ, по злобѣ которыхъ величавый флотъ этотъ долженъ былъ погибнуть не въ честномъ бою, а какъ невинная жертва, гибнущая въ темницѣ, потрясая своими цѣпями...

Сейчасъ пришелъ ко мнѣ отъ женина брата Вас. Вас. Безобразова, съ батареи, комендоръ Сосинъ, спрашиваю: „Правда ли что Нахимова убили?“

— Помилуйте, ваше б—іе, развѣ возможно? Ранили пулею въ грудь и руку, такъ это что-съ? Будетъ, слава тебѣ Господи, живъ!

30 іюня *).

Нахимовъ умеръ!... **) Уныло звонитъ колоколъ единственной Севастопольской церкви: ему жалобно вторитъ колоколъ Корабельной стороны;

---

*) У французовъ, по словамъ ихъ же историковъ, въ іюнѣ подъ Севастополемъ ранено 20.600 человѣкъ (Базанкуръ, Дюкассъ и др.).

**) Пфлюгъ (Souvenirs. Idem), одинъ изъ нѣмецкихъ врачей, принятый во время Восточной войны на службу въ нашъ флотъ и пробывшій въ Севастополѣ всю осаду, лично извѣстный Нахимову и имъ отличенный, разсказываетъ слѣдующее о послѣднихъ минутахъ адмирала, при которыхъ онъ находился:

„Первая помощь Нахимову была подана профессоромъ Гюббинетомъ, не покидавшимъ раненаго ни на минуту. Между тѣмъ какъ слишкомъ продолжительное отсутствіе этого превосходнаго хирурга отъ его служебнаго поста было невозможно и онъ долженъ былъ къ нему отправиться, то его при Нахимовѣ замѣнилъ д-ръ Шнейдеръ; но, прежде чѣмъ принять какія-либо рѣшительныя мѣры, доктора условились сдѣлать большой консиліумъ, на который созвать къ 12 часамъ всѣхъ лучшихъ медиковъ арміи, въ томъ числѣ былъ приглашенъ и я....

30 іюня.

Нахимовъ еще живъ. Вчера вечеромъ казалось, что къ нему воротилось сознаніе. Но его положеніе все-таки кажется безнадежнымъ и съ минуты на минуту надо ждать его смерти. Раненый и сегодня не говоритъ, только утромъ онъ какъ бы выкрикнулъ три раза, со вздохомъ, довольно ясно: „умереть, умереть, умереть!“

Того же числа послѣ 7 часовъ вечера.

Адмиралъ Нахимовъ умеръ!... Около половины седьмаго сердце храбрѣйшаго изъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя перестало биться!

Уже съ полудня пульсъ едва былъ слышенъ; больной лежалъ безъ движенія; около вечера въ немъ проявилась нѣкоторая ажитація, онъ даже задрожалъ; за тѣмъ — три небольшія судороги—и агонія героя Синопа прекратилась.....

эти печальные звуки, сливаясь въ одинъ общій потрясающій звукъ, съ рѣдкими выстрѣлами орудій, несутся по бухтѣ, будто стоны Севастополя надъ свѣжимъ прахомъ своего славнаго вождя, стремятся на ту сторону бухты, чтобы пронестись по обширному пространству нашего отечества, вездѣ вызывая сердечныя слезы, вездѣ потрясая души горемъ и печалью...

1 іюля.

Итакъ, больше нѣтъ сомнѣнія: Нахимова не существуетъ! Приказъ, приглашающій на похороны героя, ясное тому доказательство.

Да, Россія понесла тяжелую потерю...

28 іюня полковникъ Малевскій послалъ о чемъ-то спросить приказанія Нахимова по дѣлу обороны.

„А вотъ сейчасъ я самъ къ нему пріѣду“,—отвѣчалъ адмиралъ и, дѣйствительно, не болѣе какъ черезъ полчаса онъ явился на третій бастіонъ и сѣлъ на скамьѣ у блиндажа батарейнаго командира, капитана 2 ранга Никонова. Тутъ стояло еще нѣсколько человѣкъ морскихъ и пѣхотныхъ офицеровъ, толковали о служебныхъ дѣлахъ, какъ вдругъ слышатъ, спускается бомба, въ нѣсколькихъ отъ нихъ шагахъ; всѣ бросились въ блиндажъ и едва успѣли вскочить въ него, какъ она лопнула въ самомъ близкомъ разстояніи, осыпавъ мѣсто, гдѣ они стояли, землею, осколками и камнями, но Нахимовъ, какъ сидѣлъ, такъ и не шевельнулся, казалось и не думая о своемъ спасеніи, хотя не прошло еще нѣсколькихъ дней, какъ онъ предписывалъ своимъ подчиненнымъ правила благоразумной осторожности и самосохраненія. Опасность миновалась, офицеры вышли изъ блиндажа, на мгновенье прерванный разговоръ сталъ продолжаться; о бомбѣ и помину не было. Кончивъ дѣло на 3-мъ бастіонѣ, Нахимовъ поѣхалъ дальше на своей маленькой сѣренькой лошадкѣ. На Малаховомъ курганѣ онъ долго наблюдалъ въ трубу непріятельскія работы, рѣзко отличаясь отъ другихъ чернымъ цвѣтомъ своего сюртука и золотыми эполетами,—костюмъ, который мы всѣ, кромѣ Нахимова, давно промѣняли на солдатскія шинели. Кто-то изъ людей рѣшился напомнить ему о грозящей ему опасности, онъ отвѣчалъ: „это дѣло случая!“ Но въ слѣдъ за произнесенными словами онъ былъ уже смертельно раненъ.

Да, смерть Нахимова, какъ будто вѣсть о проигранномъ сраженіи, уронила нашу нравственную силу и конечно возвысила нравственную силу непріятеля.

Вечеръ.

Сію минуту воротился съ церемоніи истинно печальной—съ похоронъ Нахимова. Да, нѣсколько минутъ какъ мы похоронили—*славу* Черноморскаго флота!

Боцманъ, старикъ почтеннаго вида, везъ меня съ Графской. Мы разговорились съ нимъ о случившемся. „Эхъ, ваше благородіе, отвѣчалъ онъ

мнѣ, еслибъ у покойника въ началѣ руки не были связаны, не то бы было!“ —А что-жь напримѣръ?— „Да вотъ что: онъ съ флотомъ безпримѣнно вышелъ бы въ море тогда, какъ *они* шли выгружать войска въ Евпаторію! Тогда они были загружены, они не могли бы дѣйствовать какъ слѣдуетъ, а мы-то на-легкѣ, мы бы ихъ и прихлопнули. Имъ тогда не то войско высаживать, не то въ бой вступать!“—Послушай, старинушка, подумай только, что у нихъ конвой вѣрно былъ, всегда готовый къ бою, да и то сообрази, въ драку вступить легко сказать, а вѣдь ихъ по десяти корабликовъ, я чай, на нашъ одинъ пришлось бы, да еще наши-то парусные, неповоротливые, нашимъ-то все приходится плясать по дудкѣ вѣтра, а тѣ паровые, такъ они бы намъ такого чесу задали, что и Севастополя некому было бы защищать и бухту не чѣмъ было бы запрудить.— „Можетъ быть, ваше благородіе, слова нѣтъ; можетъ мы и погибли бы, и флотъ погибъ бы, да развѣ онъ теперь не погибъ, а тогда по крайности знали бы, каковъ онъ есть Черноморскій-то флотъ! Да и мы знали бы какъ погибнуть! Не то что тутъ въ хатѣ лежишь, аль сидишь, а тебя, гляди, ежеминутно наровитъ или бомба разорвать, или ядро пришибить; тамъ бы сцѣпился съ любымъ корабликомъ, который погрузнѣе, да и поднялся бы съ нимъ на воздухъ!“

Быть-можетъ эта идея такъ дерзка и безразсудна, что она никогда не приходила въ голову Нахимову, но она, высказанная простымъ человѣкомъ, показываетъ то значеніе, какое придаютъ моряки своему Нахимову.

Пріѣхавъ утромъ на Графскую, я еще засталъ прахъ Нахимова въ его скромномъ домикѣ; онъ лежалъ въ углу небольшой комнаты; моряки составляли почетный караулъ; три флага пріосѣняли славный прахъ, четвертый тотъ, который развѣвался на кораблѣ „Императрица Марія“, въ славный Синопскій день, прикрывалъ знаменитаго покойника. Этотъ флагъ, изорванный въ битвахъ, изъѣденный временемъ, былъ почетнѣйшимъ покровомъ Нахимову. На столахъ лежали ордена; со стѣны смотрѣлъ на боевой катафалкъ единственный въ комнатѣ портретъ—Лазарева. Медленно, внятно у гроба читалъ попъ, въ углу Бергъ рисовалъ простую, но полную глубокаго значенья картину гроба, къ которому тѣснилась для послѣдняго прощанья любезная покойному его семья—моряки; тутъ же тѣснились офицеры и солдаты всѣхъ родовъ оружія и вѣдомствъ; каждый, кто былъ только свободенъ отъ службы, спѣшилъ въ послѣдній разъ поклониться Нахимову.

Модлинскій баталіонъ и моряки были уже построены съ артиллеріею. Не волновались обвитые траурнымъ крепомъ знамена. Суровы казались лица присутствующихъ. Но вотъ выносятъ покойника. Загремѣлъ полный походъ. Корабли приспустили флаги до половины мачтъ; корабль „Великій Князь Константинъ“ сталъ салютовать. Гробъ героя синопскаго несли главнокомандующій—онъ плакалъ,—графъ Сакенъ, генералъ-адъютантъ Коцебу и толпа генераловъ и адмираловъ. Величественно было это безмолвное шествіе въ церковь посреди двухъ рядовъ солдатъ, съ ружьями на караулъ, и при множествѣ военныхъ зрителей... Церемонія тянулась долго. Всѣ матросы прости-

лись съ своимъ любимымъ командиромъ. Конечно, мы проводили Нахимова до могилы, устроенной рядомъ съ могилою, имъ себѣ приготовленною, но добровольно имъ уступленною, опередившему его на кровавой стезѣ— Истомину.

6 іюля.

Сегодня ночью Охотцы сдѣлали шестую вылазку со времени своего нахожденія на третьемъ отдѣленіи. Ходилъ поручикъ Рытовъ съ 120-ю человѣками, а въ резервѣ у него былъ маіоръ Саловъ съ тремя остальными ротами своего баталіона. Изъ этого отряда охотниковъ 60 человѣкъ съ офицеромъ отправились правѣе, на „Сахарную Головку", подкрѣпленные ротою, подъ личною командою маіора Салова, и привлекли на себя вниманіе Англичанъ, между тѣмъ какъ Рытовъ съ остальными охотниками взобрался на „Зеленую Гору" безъ потери, поразивъ Англичанъ нечаянностію. Разоривъ два ложемента, наши отступили, угрожаемые прибывшими на тревогу многочисленными резервами. У насъ на этой вылазкѣ выбыло изъ строя 13 человѣкъ. Особеннаго успѣха эта вылазка не имѣла, только добыли нѣсколько англійскихъ ружей, плѣнныхъ взято не было.

8 іюля.

Сейчасъ товарищъ мой, штабсъ-капитанъ Ковалевскій, разсказалъ мнѣ оригинальный случай, котораго онъ самъ былъ свидѣтелемъ на 3-мъ бастіонѣ.

Свѣтало, но полетъ бомбъ еще былъ виденъ; одна спускалась надъ бастіономъ. „Бомба-а-а!—крикнулъ сигнальщикъ,—берегись!"—Дывись, замѣтилъ одинъ изъ числа сидѣвшихъ толпою солдатъ, слѣдившихъ за полетомъ смертоноснаго снаряда:—съ зыгаркою въ зубахъ!—„Экъ диво нашелъ, возразилъ морякъ съ банкета,—знамо англичанская, такъ и съ зыгаркою; у насъ вишь по улицамъ курить не дозволено, такъ и бомба наша, гляди какъ пошла, темнехонька!" заключилъ онъ, спуская курокъ бомбическаго орудія. Солдаты засмѣялись.

Вчера открылась сильная канонада противъ 5 бастіона, но къ 6 часамъ вечера непріятельскую батарею № 7 заставили замолчать, причемъ сильнѣе и дѣйствительнѣе другихъ работала батарея Безобразова. Ночью же пришелъ на эту батарею начальникъ 2 отдѣленія оборонительной линіи генералъ Шульцъ, чтобы лично поблагодарить прислугу названной батареи за ея молодечество, и по неимѣнію знаковъ Военнаго Ордена, чтобы взамѣнъ оныхъ, приколоть къ груди болѣе отличившихся хотя кусочекъ Георгіевской ленты, съ тѣмъ разумѣется, чтобы впослѣдствіи замѣнить этотъ знакъ Георгіевскимъ крестомъ. Надо сказать, что генералъ Шульцъ умѣлъ цѣнить въ солдатѣ мужество и храбрость, самъ будучи образцомъ и мужества и храбрости. Онъ дѣйствительно былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ кавказскихъ героевъ. Покрытый ранами въ многократныхъ бояхъ съ горцами, генералъ Шульцъ занималъ должность Александропольскаго коменданта,

но когда разыгралась севастопольская борьба, онъ не выдержалъ бездѣйствія, на которое былъ обреченъ, взялъ 4-хъ-мѣсячный отпускъ будто бы для поправленія здоровья и прибылъ въ Севастополь, гдѣ былъ принятъ властями съ распростертыми объятіями, получилъ въ командованіе „Отдѣленіе оборонительной линіи“ и, дѣйствуя съ обычнымъ ему геройствомъ, былъ неоднократно ушибленъ, контуженъ и раненъ.

10 іюля.

Правду надо сказать: большой оригиналъ нашъ генералъ Павловъ. Въ кои-то вѣки задумалъ отпраздновать день своихъ именинъ, да и тутъ не рѣшился торжество это сдѣлать на широкую руку. Устроенъ былъ обѣдъ, къ которому приглашены: Атаманъ графъ Орловъ, Затлеръ, полковникъ Бибиковъ, Меньковъ, да мы — штабные. Обѣдъ былъ очень парадный: былъ заколотъ, значительное уже время обреченный на смерть по этому случаю, теленокъ, изъ котораго и были приготовлены всѣ мясныя блюда этого обѣда, а что касается до выпивки, составлявшей одно изъ излюбленнѣйшихъ занятій большинства выше поименованныхъ гостей, то матеріалъ для таковой былъ приготовленъ крайне скудный, а именно: двѣ полубутылки портеру и двѣ бутылки шампанскаго на всѣхъ!

Самое интересное на этомъ обѣдѣ была бесѣда.

Долго говорили о недавно прибывшемъ въ главную квартиру баронѣ Вревскомъ. Утверждали, что онъ въ большой силѣ у главнокомандующаго и должно-быть большими достоинствами и способностями обладаетъ, когда успѣлъ достигнуть поста имъ занимаемаго въ Военномъ Министерствѣ, а главное — удержаться на немъ *).

Графъ Орловъ возразилъ, что своимъ возвышеніемъ и укрѣпленіемъ на настоящей высотѣ онъ обязанъ отнюдь не достоинствамъ своимъ, по которымъ онъ никакого права на подобное мѣсто не имѣетъ, а собственно вліянію князя Чернышева.

Потомъ разговорились про разные курьезы, случавшіеся въ военномъ быту при самыхъ серіозныхъ обстоятельствахъ, между прочимъ о „зайцѣ“, обыкновенномъ, простомъ лѣсномъ зайцѣ, который своимъ появленіемъ производитъ особенное какое-то впечатлѣніе на нашихъ солдатъ, увлекая ихъ собою. Полковникъ Меньковъ разсказалъ, что подъ Луцкомъ въ 1852 г., на Царскомъ смотру, послѣ того уже, какъ фельдмаршалъ Паскевичъ разбилъ себѣ ногу и на смотру не былъ, покойнаго Государя разсердило, что во время наступленія войскъ всей линіей порядокъ былъ нарушенъ зайцемъ, внезапно выскочившимъ изъ-подъ одного наступающаго баталіона, чѣмъ увлекъ за собою въ погоню весь этотъ баталіонъ, но мало того, устремясь къ линіи другихъ баталіоновъ, онъ вызвалъ противъ себя *гуканье* всѣхъ этихъ войскъ...

Кончился смотръ и Государь послалъ Менькова къ фельдмаршалу, сказавъ:

---

*) Генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій былъ директоромъ канцеляріи Военнаго Министра.

„Поѣзжай, скажи отцу-командиру, что все хорошо, и даже очень хорошо, но только у него не солдаты, а школяры: во фронтѣ до того забываются, что заяцъ могъ надѣлать величайшую суматоху!“

Когда Меньковъ передалъ Паскевичу слова Государя, онъ отвѣчалъ: „Жаль, меня тамъ не было. Я разсказалъ бы Ему, какъ въ Лейпцигскомъ сраженіи двѣ непріятельскія линіи, наша и Французовъ, прекратили самый живой огонь перестрѣлки, увидѣвъ пробѣгавшаго между ними зайца, бросились за нимъ крича и гукая и стараясь его поймать!“

12 іюля.

На вчерашнее число ночь была чрезвычайно ненастная, такъ называемая *„воробьиная“*. Безпрестанно сверкали молніи, озаряя своимъ необыкновеннымъ свѣтомъ пространство, изрытое артиллерійскими снарядами и кирками работниковъ, покрытое могилами и батареями, пушками и блиндажами, часовыми и мертвецами! Шелъ сильный и продолжительный дождь, будто силясь смыть съ этого прекраснаго клочка земли кровавыя пятна, которыми покрыла его свирѣпая вражда людская. Вода шумными потоками неслась съ горъ въ лощину передъ батареями „Пересыпки“ и вскорѣ, не имѣя истока, поднялась въ лощинѣ аршина на полтора, конечно, затопивъ нѣсколько нашихъ ложементовъ, раскинутыхъ передъ батареями „Пересыпки“.

Солдаты Охотскаго полка, составлявшіе прикрытіе Брылкиной батареи, были изумлены и озадачены такимъ явленіемъ, тѣмъ болѣе, что наводненіе повело первую атаку на эту батарею. Вдругъ къ полковнику Малевскому прибѣгаетъ унтеръ-офицеръ 8-й роты съ батареи Брылкина и докладываетъ: „Хранцузъ пущаетъ на нихъ воду съ горы: канаву видно такую провелъ; батарею, почитай, затопило; какъ прикажете?“—А прикажу стоять и глупостей не врать; пройдетъ дождь, такъ и вода спадетъ. Пошелъ въ свое мѣсто!—Приказаніе коротко и ясно. Унтеръ-офицеръ сдѣлалъ налѣво кругомъ и исчезъ: въ оффиціальномъ отношеніи дѣло тѣмъ и кончилось конечно, но между собою солдаты и до сихъ поръ толкуютъ и долго еще будутъ толковать, и по всему гарнизону, по всей крымской арміи, разойдется вѣсть, что союзники, не взявъ „Пересыпки“ штурмомъ, провели такимъ образомъ канавы, чтобы при первомъ сильномъ дождѣ вода со всѣхъ окрестностей хлынула въ балку, которую перехватываетъ „Пересыпка“ съ ея батареями, и снесла бы ихъ съ ихъ артиллеріею и солдатами.

13 іюля.

Ночью сегодня штабсъ-капитанъ Братковскій, кажется Владимірскаго полка, ходилъ со 2-го бастіона на вылазку и, какъ говорятъ, разметалъ непріятельскіе ложементы.

14 іюля.

Нашъ дивизіонный докторъ Неводовскій, основательно знаетъ свое дѣло, очень хорошій хирургъ, ученикъ Пирогова, лично и близко ему извѣстный,—

человѣкъ очень рѣшительный, но только крайне неуживчивый и самолюбивый до крайности. Въ его вѣдѣніи былъ главный и перевязочный пунктъ на Корабельной и Неводовскій приносилъ тамъ существенную пользу, но противъ него пошли интриги и, чтобы лишить его самостоятельнаго и виднаго положенія, нарочно закрыли перевязочный пунктъ, которымъ онъ управлялъ.

Дѣло было такъ.

Сперва въ Севастополѣ былъ одинъ главный перевязочный пунктъ, на Графской, въ домѣ Благороднаго собранія, состоявшій подъ личнымъ управленіемъ Н. И. Пирогова, и кромѣ того было нѣсколько небольшихъ, второстепенныхъ перевязочныхъ пунктовъ, а именно, у насъ на лѣвой половинѣ: въ Александровскихъ казармахъ, у Доковой стѣны въ арестантской, на Малаховомъ курганѣ и за Киленъ-балкой. Но въ Александровскихъ казармахъ стало невозможно жить отъ непріятельскаго огня во время одиннадцатидневной бомбардировки и потому вынуждены были перенесть пунктъ въ Доки; пространство за Киленъ-балкой было у насъ отнято; штуцерный огонь сталъ дѣйствовать самымъ гибельнымъ образомъ на Малаховомъ курганѣ и его окрестностяхъ,—все это вынудило упразднить перевязочные пункты на названныхъ мѣстахъ, и образовать одинъ, главный, для лѣвой половины, въ Докахъ. Пунктъ этотъ поручили Неводовскому, подчинивъ ему всѣхъ медиковъ войскъ, занимавшихъ лѣвую половину оборонительной линіи. Между тѣмъ Пироговъ, видя опасность какой, подвергался походный лазаретъ въ домѣ Дворянскаго собранія, направилъ дѣло такъ что главный перевязочный пунктъ былъ открытъ въ Николаевскихъ казармахъ подъ управленіемъ профессора Гюббинета, а самъ перешелъ на Сѣверную, на Михайловскую батарею, гдѣ и открылъ новый пунктъ. Но когда Пироговъ уѣхалъ изъ Севастополя, то на Михайловскую батарею перешелъ Гюббинетъ, а Николаевскій пунктъ былъ порученъ доктору Ничпаевскому. Во время бомбардировки и штурма 6 іюня, въ теченіе двухъ сутокъ, черезъ руки Неводовскаго, на пунктѣ въ Докахъ, прошло болѣе 3.000 человѣкъ, онъ со своими докторами и фельдшерами всѣхъ ихъ успѣлъ перевязать во-время и сдѣлалъ 50 серіозныхъ операцій. Въ то же время у доктора Ничпаевскаго, завѣдывавшаго перевязочнымъ пунктомъ на Графской, въ этотъ же періодъ времени было несравненно меньше раненыхъ и то 300 человѣкъ остались всю ночь неперевязанными. Безпорядокъ этотъ сдѣлался извѣстенъ начальству, и потому профессора Гюббинета опять перевели на перевязочный пунктъ въ Николаевскія казармы. Но удачѣ Неводовскаго уже позавидовали,—онъ нажилъ себѣ враговъ, къ тому же онъ знать никого не хотѣлъ. Пишетъ ему, напримѣръ, Гюббинетъ, чтобы онъ прислалъ къ нему для ампутаціи тяжело раненыхъ, Неводовскій не шлетъ ни одного, говоря: „Что за глупости, буду я умышленно мучить людей перевозя ихъ въ другія помѣщенія для операцій, которыя я и здѣсь, на мѣстѣ, могу имъ сдѣлать самъ, немедленно!“ Пишетъ ему Гюббинетъ: „оставить ему нѣсколько замѣчатель-

ныхъ случаевъ раненія, онъ самъ пріѣдетъ на Корабельную, чтобы познакомиться съ методомъ дѣйствующихъ тамъ медиковъ". Неводовскій оставилъ ему неоперированныхъ 8 раненыхъ, а самъ даже и смотрѣть не пошелъ какъ тотъ будетъ дѣлать операціи. Въ довершеніе всего Неводовскій изъ какого-то ножа разсорился съ однимъ изъ старшихъ медиковъ и оба пошли жаловаться другъ на друга высшему начальству. Кончилось тѣмъ, что перевязочный пунктъ въ Докахъ закрыли, а учредили тамъ отъ каждаго полка, стоявшаго на лѣвой половинѣ, свой перевязочный пунктъ, которые всѣ вмѣстѣ не могли принесть той пользы, какую приносилъ одинъ пунктъ Неводовскаго. Ясно, что на этихъ пунктахъ не могло быть ни такого ухода за ранеными, ни такихъ блестящихъ операцій, какія дѣлалъ Неводовскій, ни такого правильнаго и хорошаго содержанія, какое они имѣли на главномъ пунктѣ у Неводовскаго. Но какое до всего этого дѣло сильнымъ медицинскаго міра? ихъ цѣль достигнута—Неводовскій стушевался!!...

15 іюля.

Кажется, мы опять здѣсь дотянемъ до зимы и простоимъ ее въ Севастополѣ. Вотъ двѣ дивизіи еще къ намъ подходятъ и ополченіе прибываетъ, а мы все еще ни на что не рѣшаемся. А между тѣмъ, какія лишенія насъ ждутъ зимою. Сѣно будетъ дороже чая, можно полагать! Теперь уже за возъ сѣна пудовъ въ 15 плачу 14—15 р. Кислой пищи, можно полагать, совсѣмъ не будетъ, потому что и не думаютъ дѣлать запасовъ капусты, да и трудно будетъ ихъ сдѣлать, потому что по случаю войны множество огородовъ въ томъ году осталось необработанными. Теперь уже за фунтъ свѣжей капусты или бураковъ платимъ до 15 к. Рогатаго скота не будетъ, передохнетъ отъ безкормицы или отъ эпизотіи, которая неминуемо должна развиться здѣсь.

18 іюля.

Союзники стали бросать бомбы съ кольцами, которыя къ нимъ придѣланы, для удобнѣшій переноски. Во время полета бомбы, эти кольца производятъ особый звукъ, похожій на визгъ. Такого рода бомбу сигнальщики слышатъ гораздо дальше обыкновенной и при ея приближеніи, подражая звуку обличающему ея полетъ, кричатъ: „вижу, вижу, вижу!" Солдаты при этомъ обыкновенно принимаютъ обычныя мѣры предосторожности.

Въ послѣдніе дни имѣлась значительная потеря въ людяхъ при постройкѣ *„Камчатской стѣнки"*, такъ названной потому, что ее работалъ Камчатскій полкъ, между Малаховымъ курганомъ и 3-мъ бастіономъ.

Стѣнка эта предназначена составлять часть *второй* оборонительной линіи. Работы стѣнки были замѣчены непріятелемъ и онъ старался мѣшать имъ постояннымъ и учащеннымъ артиллерійскимъ огнемъ. Третьяго дня на этихъ работахъ, между прочими, чуть не убили прапорщика Камчатскаго

полка Олендзскаго. Шло нѣсколько офицеровъ; на нихъ падаетъ бомба, двое бросились бѣжать, а Олендзскій и впереди его шедшій солдатъ машинально повалились на земь, въ трехъ шагахъ отъ упавшей уже горѣвшей бомбы и инстиктивно *покатились* отъ нея прочь. Черезъ нѣсколько мгновеній бомба лопнула и обсыпала катящихся камнями и своими осколками. Раздался раздирающій душу крикъ... Олендзскій бросился къ солдату катившемуся о бокъ съ нимъ, а тотъ кричитъ: „Нема руки! Нема руки!“ и безсознательно, не думая о томъ что говоритъ, Олендзскій спрашиваетъ:—„Гдѣ же? Гдѣ рука?“—Также вѣроятно безсознательно, подъ вліяніемъ боли, ужаса и нервнаго потрясенія, солдатъ отвѣчаетъ Олендзскому: „Шукайте въ рукавѣ, ваше б-діе!“ Наконецъ Олендзскій опомнился и потащилъ несчастнаго на перевязочный пунктъ.

Разсказываютъ: на той же работѣ Камчатскаго полка унтеръ-офицеръ Шугалей видитъ валится бомба прямо на ту толпу солдатъ, въ которой стоялъ и онъ. „Братцы, на насъ, на насъ,—закричалъ онъ,—спасайся кто можетъ!“ Но было уже поздно спасаться: бомба лопнула и осколками Шугалею оторвало ногу и вырвало кусокъ бока. Шугалей уже отходилъ, когда прибѣжали класть его на носилки, но онъ силился перекреститься и сказалъ: „умираю, прощайте братцы, отпустите если въ чемъ, волею-неволею, согрѣшилъ противъ кого“!...

19 іюля.

Графа Остенъ-Сакена моряки не любятъ за его натянутость и неестественность; они называютъ его: *„крахмальный генералъ“*. Офицеры другихъ родовъ оружія также его не жалуютъ за его чрезмѣрный педантизмъ; но приближенные его, коротко его знающіе, избранники его, не нахвалятся имъ, воспѣвая его на разные лады, кто ихъ знаетъ: изъ лести ли, или въ благодарность за тѣ выгоды и преимущества, какими они при немъ пользуются, а можетъ-быть и совершенно безпристрастно,—не разберешь. Преданность его приближенныхъ къ нему иногда доходитъ до смѣшнаго. Напримѣръ. При немъ два адъютанта, Гротгусы ихъ фамилія, они вовсе не братья между собою, а между тѣмъ оба по отчеству зовутся *Дмитріевичами*. Увѣряютъ, что они, въ дѣйствительности, одинъ—Ивановичъ, другой Петровичъ что ли, положимъ, перемѣнили свои отчества и стали именоваться Дмитріевичами, въ честь своего патрона Дмитрія Ерофеевича.

Утверждаютъ, что приближеннымъ Сакена живется очень хорошо. Графъ ни ихъ, ни множество при немъ состоящихъ безсмѣнныхъ ординарцевъ никакой тяжелой службы не заставляетъ нести, а вся тяжесть боевой при немъ службы лежитъ на очередныхъ ординарцахъ, присылаемыхъ къ нему изъ полковъ гарнизона ежедневно. Этихъ-то ординарцевъ графъ и разсылаетъ съ приказаніями по войскамъ гарнизона. Когда же дѣло доходитъ до наградъ, то ими обвѣшиваются приближенные графа Сакена и его безсмѣнные ординарцы.

20 іюля.

Вотъ уже нѣсколько дней сряду такіе идутъ дожди и по ночамъ и по утрамъ, что приводятъ насъ въ отчаяніе. Въ траншеяхъ прохода нѣтъ отъ грязи, въ иныхъ воды выше колѣна, а по неволѣ пойдешь по траншеѣ, если хочешь еще существовать. Канонада со стороны непріятеля во все это время очень сильна. Наши дѣйствуютъ вообще скромно, но за то на иномъ пунктѣ открываютъ такую канонаду, что небу становится жарко. Третьяго дня начальникъ главнаго штаба, объѣзжая оборонительную линію, приказалъ сбить непріятельскую апрошу предъ 5-мъ бастіономъ. Борьба загорѣлась: 5-й бастіонъ и правый фтангъ 4-го принялись за работу, и не болѣе какъ въ два часа исполнили приказаніе: непріятель сперва сильно отвѣчалъ, но вскорѣ видно сообразилъ, что не можетъ бороться и, надо думать, во избѣжаніе напрасной потери въ прислугѣ, замолчалъ, отдавъ намъ въ жертву обстрѣливаемую часть.

21 іюля.

Черноморскіе моряки въ откровенной бесѣдѣ жалуются на свое служебное положеніе въ мирное время. Они увѣряютъ, что высшія власти съ ними всегда обходились какъ мачиха съ пасынками обходится. Дѣлаютъ въ доказательство нѣсколько указаній на то, что ихъ старались унижать при всякомъ случаѣ. Напримѣръ: пріѣхалъ въ Севастополь Великій Князь Константинъ Николаевичъ со своимъ попечителемъ адмираломъ Литке. На произведенномъ смотру Великій Князь въ восторгъ пришелъ отъ быстроты, съ какою на одномъ изъ кораблей перемѣнили пушку, что-то минутъ въ пять. „Посмотрите,—обратился Вел. Князь къ Литке,—какая изумительная быстрота! Вѣдь у насъ на учебномъ фрегатѣ мѣняютъ орудіе что-то въ 18 минутъ, а здѣсь въ 5, да притомъ здѣсь пушки большаго калибра“!

— Изволили запамятовать Ваше Высочество,—отвѣчалъ Литке,—у насъ эта эволюція производится съ тою же, что и здѣсь, быстротою.

Производство въ Черноморскомъ флотѣ всегда было позже Балтійскаго. Отъ этого офицеры въ одинъ день выпущенные изъ корпуса, служа въ Черноморскомъ флотѣ, дѣлались днями двадцатью моложе въ чинахъ своихъ балтійскихъ товарищей. На это обстоятельство очень жаловался бывало адмиралъ Лазаревъ, у князя же Меньшикова всегда былъ одинъ готовъ отвѣтъ на эти жалобы; „кто же виноватъ, Михаилъ Петровичъ, что ваши представленія опаздываютъ!“ Но Лазаревъ успѣлъ-таки добиться, чтобы для Черноморскаго флота была сдѣлана линія производства самостоятельная, совершенно отдѣльная отъ Балтійской линіи, причемъ установили, что если есть штабъ-офицерская вакансія въ одномъ флотѣ, а таковой же нѣтъ въ другомъ флотѣ, то производить въ штабъ-офицеры по одному старшему въ обоихъ флотахъ. Между тѣмъ на бумагѣ только установили такой порядокъ, а къ дѣлу его не примѣняютъ. Еще примѣръ: въ видѣ вспомоществованія флотскимъ офицерамъ Государь отдаетъ все содержаніе, какое онъ получаетъ

по сану Великаго Князя Финляндскаго. И что же?—вся эта сумма остается въ Балтійскомъ флотѣ, а черноморскіе офицеры никогда изъ нея не получали ни копѣйки.

Что же дѣлать, говорятъ черноморцы, у насъ одно утѣшеніе: посмотримъ, какъ покажутъ еще себя балтійскіе моряки, а черноморскіе уже показали себя героями передъ цѣлымъ міромъ!

22 іюля.

На бастіонахъ солдаты просто какъ бы смѣются, издѣваются надъ смертью! Доходитъ у нихъ до цинизма, порой даже наводящаго ужасъ. Право иногда мурашки пробѣгутъ по кожѣ отъ какой-нибудь солдатской фразы. Солдата убило на-повалъ. Что же его ближайшій сосѣдъ по мѣсту, которое они занимали на бастіонѣ, товарищъ, можетъ-быть землякъ, пріятель? „Что, братъ, аль не выдержалъ?“—крикнулъ онъ...

Да и какъ не закалиться, какъ не дойти до какого-то одервененія нервамъ солдата при этой ужасной обстановкѣ, при этихъ страшныхъ катастрофахъ, ежеминутно кругомъ него совершающихся, при этомъ постоянномъ опасеніи за свою собственную жизнь, въ этомъ неестественномъ существованіи, когда онъ чуть не поминутно долженъ стирать со своего лица то мозгъ, то кровь своихъ друзей и братій!...

Нѣсколько дней назадъ одного солдата такъ разорвало бомбой, что на мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ. отъ него ничего не осталось!... Товарищи собрали въ разныхъ мѣстахъ куски его мяса, сложили ихъ въ его же мѣшечекъ, и отнесли похоронить на Сѣверную. На другой день смотрятъ—бѣжитъ собака и несетъ кусокъ человѣческой руки. Товарищи убитаго догадались, что не всѣ видно были подобраны части тѣла ихъ товарища, отняли руку у собаки, завернули ее въ чистую тряпочку и закопали этотъ остатокъ на своемъ бастіонѣ.

23 іюля.

Къ намъ приближается ополченіе.

У насъ крайне сомнѣваются, чтобы оно оправдало возлагающіяся на него надежды и принесло нашему дѣлу существенную пользу. Говорятъ, князь Горчаковъ посылалъ двухъ своихъ адъютантовъ осмотрѣть Ополченіе на походѣ. Увѣряютъ, что результаты этого осмотра были крайне неблагопріятны для Ополченцевъ. Главное то, что у нихъ господствуетъ безначаліе, или скорѣе безвластіе въ большей силѣ. Двигается къ намъ недисциплированная толпа. Это дѣлу можетъ больше повредить, чѣмъ принесть пользы. Больное самое мѣсто въ Ополченіи, какъ говорятъ, это корпусъ офицеровъ. Большинство никакого представленія о боевой военной службѣ не имѣютъ; другіе изъ самолюбія не подчиняются какъ бы слѣдовало офицерамъ, получившимъ больше власти, и подъ разными предлогами покидаютъ свои ряды, производя тѣмъ самымъ соблазнъ и расколъ между остающимися; нижніе чины вооружены скверно, ничему не выучены, владѣть оружіемъ не умѣ-

ютъ. Словомъ, если и можно изъ этого Ополченія извлечь какую-либо пользу, то только употребивъ этотъ сырой матеріалъ въ дѣло не иначе какъ весьма опытною рукой.

25 іюля.

Ночью на 22 іюля произведена Охотцами *седьмая* вылазка изъ Севастополя подъ начальствомъ командира Охотскаго полка, полковника Малевскаго, въ то самое время, какъ сто человѣкъ Камчатскаго полка, подъ командою маіора Милевскаго (легко-раненаго въ этомъ дѣлѣ пистолетною пулею въ мягкія части руки), со штабсъ-капитаномъ Ковалевскимъ и еще двумя офицерами, пошли на Англичанъ лѣвѣе „Лабораторной балки". Охотцы двинулись по самой балкѣ съ цѣлію отвлечь на себя вниманіе Англичанъ и тѣмъ способствовать успѣху вылазки маіора Милевскаго съ 3-го бастіона, и между прочимъ отнять у Англичанъ чугунныя рѣшетки, въ формѣ рогатокъ, прикрывавшіе съ этой стороны Англійскую позицію, заграждая проходъ на пространствѣ, не прорѣзанномъ непріятельскими траншеями, находясь на флангахъ бывшаго нашего артиллерійскаго прицѣльнаго вала, нынѣ служащаго прикрытіемъ непріятельскому наблюдательному посту.

Въ 10 часовъ вечера 160 Охотскихъ охотниковъ съ двумя офицерами, имѣя двѣ роты въ резервѣ, скрытно пробрались къ непріятельскимъ траншеямъ и, подойдя на весьма близкое разстояніе, бойко атаковали Англичанъ въ эту минуту, какъ у нихъ закипѣла перестрѣлка съ отрядомъ Милевскаго; мгновенно ихъ опрокинули и овладѣли рогатками, изъ которыхъ 28 штукъ притащили въ свои траншеи, несмотря на то, что рогатки были скованы между собою цѣпью. Отрядъ Камчатцевъ былъ открытъ преждевременно, а потому и долженъ былъ воротиться на бастіонъ, не вступивъ въ рукопашный бой и провожаемый сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, при чемъ у Камчатцевъ ранено пять человѣкъ.

Охотцы потеряли въ этомъ дѣлѣ 4 человѣка убитыми и 17 ранеными, при чемъ, по отзыву командира полка, особенно отличились: поручикъ Крыловъ, много разъ уже бывавшій на вылазкахъ, прапорщики Гордеенко и Шафрановъ.

26 іюля.

Впервые видѣлъ саранчу во всемъ ея ужасномъ могуществѣ. Мы ѣхали на Бельбекъ. Видимъ надвигается на насъ темная, густая, громадная туча, клубящаяся въ пространствѣ, то нѣсколько подымающаяся къ облакамъ, то спускающаяся къ землѣ. Оказалось—саранча. Она буквально *все* собою покрыла. Ѣхавъ въ легкой коляскѣ четверкой неподалеку отъ дачи Бибикова, мнѣ надо было своротить съ дороги, и едва мы это сдѣлали, какъ лошади наши чуть было не разбили насъ, стали на-дыбы, начали бить,— ихъ испугали массы этихъ крупныхъ насѣкомыхъ, внезапно поднявшихся у нихъ изъ-подъ ногъ. По счастію, довольно сильный вѣтеръ гналъ

эту страшную тучу по прямому направленію въ море. Авось она тамъ погибнетъ *).

27 іюля.

Сегодня мы любовались необыкновенною картиною непріятельскаго флота, занимавшагося, выстроясь въ одну линію, практическою пальбою прицѣльно, по мишенямъ, ядрами и бомбами. Что за цѣль была этой канонады: показать ли намъ, что флотъ готовъ принять рѣшительное участіе въ нашемъ процессѣ? показать ли, какое громадное количество ядеръ въ запасѣ у союзниковъ, когда они могутъ ихъ разстрѣливать на ученьяхъ? или дѣйствительно вздумали поучить своихъ новобранцевъ искусству пальбы? Не знаемъ; но, какъ бы то ни было, а мы съ удовольствіемъ полюбовались восхитительнымъ зрѣлищемъ. Дѣйствительно, было на что посмотрѣть и забыть на мгновеніе тяжесть тѣхъ желѣзныхъ объятій, въ которыхъ нашъ рѣшительный врагъ часъ отъ часу крѣпче сжимаетъ нашъ любезный городъ, подвигая свои работы съ изумительною дѣятельностію и искусствомъ, особенно противъ 4-го отдѣленія, гдѣ онъ подошелъ на столь близкое разстояніе, что, какъ говорятъ французскіе перебѣжчики, ихъ войска могутъ уже *перепрыгнуть* изъ своихъ траншей къ намъ въ городъ.

Представьте грозную картину избитаго Севастополя, изрѣдка оттѣняемую въ различныхъ пунктахъ дымнымъ клубомъ выстрѣла или разрыва упавшаго снаряда; Константиновскій и Александровскій форты, на которыхъ изрѣдка заклубится бѣлое дымное облачко, безпредѣльное море и близъ рейда огромный флотъ, дѣйствующій то залпами, то батальнымъ огнемъ, при чемъ ряды его кораблей то вдругъ заволокутся дымною пеленою такъ, что едва виднѣются однѣ верхушки мачтъ, то при порывѣ вѣтерка внезапно явятся въ могущественной красотѣ, медленно, величаво колышась на волнахъ, извергая дымъ и пламя, изъ черныхъ облаковъ котораго вырывается смертоносное желѣзо и несется вдаль, нѣсколько разъ касаясь дорогою водной глади, будто и желая и боясь погрузиться въ мрачную пучину.

28 іюля.

Сегодня непріятелемъ открытъ сильный огонь по третьему бастіону, особенно по его лѣвому флангу. Какую непріятель и мѣтъ въ этомъ цѣль, Богъ вѣсть, но наши батареи яростно отвѣчаютъ. Гарнизонъ 3-го бастіона составляетъ Селенгинскій полкъ. Сегодня онъ потерялъ убитыми двухъ офицеровъ (изъ которыхъ штабсъ-капитанъ Ѳедотовъ пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность въ эту войну, имѣвъ случай нѣсколько разъ явить примѣръ

*) Саранчу дѣйствительно погнало въ море и значительная часть ея въ немъ погибла. Доказательствомъ, что черезъ нѣсколько послѣ того дней, какъ саранча пронеслась надъ Севастополемъ, волнами наметало на берега бухты цѣлыя горы саранчи, которая еще долго заражала воздухъ новыносимою вонью отъ происходившаго гніенія этихъ насѣкомыхъ. По несчастію, не вся саранча погибла въ морѣ—повернулъ ее назадъ, на землю, поднявшійся противный вѣтеръ.

отличнаго мужества и блистательной отваги, особенно въ большихъ сраженіяхъ Ольтеницкомъ и Инкерманскомъ, равно какъ и во все время *защиты*), нижнихъ чиновъ 10; ранеными—оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 56 человѣкъ.

Разсказываютъ, что около первыхъ чиселъ августа мы непремѣнно перейдемъ въ наступленіе, причемъ, будто бы, намѣрены сосредоточить значительныя силы на Чоргунѣ и въ продолженіе двухъ сутокъ атаковать непріятеля на этомъ пунктѣ, и когда онъ такою упорною атакою будетъ введенъ въ заблужденіе и стянетъ къ этому пункту свои войска, чтобы остановить наше дальнѣйшее наступленіе, мы главными силами ударимъ на осаждающихъ изъ Севастополя.

Говорятъ, ждутъ только приближенія Ополченія, чтобы привесть въ исполненіе этотъ планъ.

Хорошо, но для чего только благовѣстятъ объ этомъ предположеніи на всѣхъ перекресткахъ? Хотятъ, чтобы слухъ о нашихъ сборахъ дошелъ до непріятеля! Можетъ непоздоровиться намъ, если союзники приготовятъ намъ встрѣчу!

Хрулева безпрестанно требуютъ въ главную квартиру для совѣщаній: по всей вѣроятности, ему въ предстоящемъ дѣлѣ будетъ дано серіозное командованіе. Да и кому же предоставить таковое какъ не Хрулеву!

Приготовленія къ наступленію дѣлаются большія во всѣхъ отношеніяхъ. Сегодня, напримѣръ, получили приказаніе, чтобы на каждаго музыканта пригнать по двѣ манерки для воды и каждый имѣлъ бы на себѣ двухдневное продовольствіе; музыкантовъ всѣхъ полковъ дивизіи свести въ одну команду, назначить офицера завѣдывать ею и опредѣлить сборный пунктъ, на который полковыя музыкантскія команды должны прибыть въ общую команду, по первому приказанію,—безъ инструментовъ.

Очевидно музыканты предназначаются для переноса раненыхъ изъ сраженія на перевязочные пункты.

29 іюля.

Сегодня опять происходитъ совѣщаніе у князя Горчакова; у Хрулева два раза былъ сегодня по дѣлу и не засталъ,—все на совѣщаніи*). Далъ

---

*) Собственно военный совѣтъ у главнокомандующаго о томъ: что предпринять, былъ вчера въ Севастополѣ, въ квартирѣ графа Остенъ-Сакена на Николаевской батареѣ.

На этомъ совѣтѣ, по словамъ генерала Хрущева („Исторія“. Idem, стр. 119 и послѣд.), несмотря на убѣжденія большинства и въ томъ числѣ Хрулева, настаивавшаго на необходимости немедленнаго очищенія Южной стороны Севастополя и перехода на Сѣверную, было рѣшено, по мысли главнокомандующаго, особенно по настоянію барона Вревскаго, (хотя и присутствовавшаго на совѣтѣ *безъ* права голоса) — произвести наступленіе на непріятеля одновременно съ р. Черной и изъ Севастополя.

Показанію генерала Хрущева, какъ увидимъ дальше, вполнѣ противорѣчитъ въ своей „*Исторіи*“ генералъ Богдановичъ.

29 іюля, когда я не заставалъ Хрулева дома, какъ значится въ текстѣ, Хрулевъ ѣздилъ убѣждать главнокомандующаго по крайней мѣрѣ не дѣлать вылазки изъ города. Убѣжденія Хрулева не имѣли успѣха.

бы Богъ, чтобы рѣшились на что-нибудь серіозное, не на полумѣру только какую-нибудь! А рѣшиться все необходимѣе дѣлается съ каждымъ днемъ. Отбросить союзниковъ необходимо во что бы то ни стало, если хотимъ спасти Севастополь. Ихъ апроши приблизились къ нашимъ веркамъ настолько, что они ихъ кажется и продолжатъ не намѣрены, а соединятъ ихъ траншеей, углубятъ и въ извѣстный моментъ будутъ имѣть возможность сосредоточить въ нихъ достаточное число войскъ для нанесенія намъ рѣшительнаго удара. Союзники, по словамъ переметчиковъ, убѣждены, что новый штурмъ, на который они пойдутъ, увѣнчается несомнѣннымъ успѣхомъ и что полное уничтоженіе нашей арміи неминуемо. Правду надо сказать: надежды эти очень сбыточны,—мы въ значительной степени ослаблены; ежедневно несемъ все большія и большія потери и теперь уже дошли до того, что во многихъ полкахъ считается на-лицо человѣкъ по 700, не больше.

30 іюля.

На-дняхъ убитъ Камчатскаго полка прапорщикъ Климовъ, командовавшій ротою. Недавно произведенный въ офицеры изъ юнкеровъ, отличавшійся кроткою, прекрасною душою и вообще прекрасными нравственными качествами и храбростію стараго солдата, онъ пораженъ штуцерною пулею въ голову. Падая, Климовъ успѣлъ крикнуть: *„ротныя деньги въ карманѣ!“* Даже въ моментъ смерти онъ только помнилъ о своемъ долгѣ.

Честь тебѣ и вѣчный покой, благородный юноша!

Нѣсколько дней назадъ непріятельская ракета прошла надъ артиллерійскими зарядными ящиками стоящими на Николаевской площади Графской стороны, ударилась въ мостовую, сдѣлала рикошетъ и, *подхвативъ*, спавшаго тутъ, артиллерійскаго солдата, закинула его на крышу Николаевскаго форта, гдѣ и разорвалась. Прибѣжали—видятъ ракета съ человѣкомъ! Оказалось—у несчастнаго солдата одна нога оторвана, а другая проколота ракетой. Солдатъ былъ еще въ памяти, когда прибѣжали его товарищи, но черезъ нѣсколько минутъ умеръ.

2 августа.

Непріятель *разстрѣливаетъ* Корабельную и доки, особенно пункты, гдѣ имѣются склады. Бомба за бомбою такъ туда и валятся. Третьяго дня одною бомбой повалило офицера и двадцать солдатъ. Что-то будетъ дальше? Ежедневная убыль солдатъ у насъ огромная.—Распространился слухъ, что на-дняхъ мы предпримемъ атаку непріятельской позиціи на Черной рѣчкѣ. Если этотъ слухъ дойдетъ до непріятеля, онъ приготовится принять насъ.

Напротивъ, сегодня говорятъ, что мы и не думаемъ начинать наступленія, а стягивая войска, употребляемъ тѣмъ военную хитрость: грозимъ союзникамъ наступленіемъ съ фланга, чтобы не допустить ихъ къ исполненію принятаго ими рѣшительнаго намѣренія штурмовать Севастополь. Наше

начальство желаетъ оттянуть эту катастрофу, грозящую городу, до прибытія Ополченія и двухъ гренадерскихъ дивизій, которыя значительно увеличатъ наши силы, больше, возстановятъ ихъ, ослабленныя до высочайшей степени.

На послѣднемъ военномъ совѣтѣ у главнокомандующаго было, говорятъ, нѣсколько мнѣній выражено о томъ, что намъ дѣлать дальше? Одни настаиваютъ на томъ, чтобы держаться до зимы въ настоящемъ положеніи, въ Севастополѣ, и тогда какъ они опять начнутъ страдать отъ стужи, перейти противъ нихъ въ рѣшительное наступленіе, причемъ можно разсчитывать на несомнѣнный успѣхъ.

Другое мнѣніе, выражаемое значительнымъ большинствомъ лицъ участвовавшихъ въ совѣтѣ, заключается къ томъ, чтобы немедленно оставить непріятелю южную сторону Севастополя, перейти на Сѣверную, и оттуда громить непріятеля артиллеріей, а между тѣмъ, улучивъ удобную минуту, ударить въ тылъ всей ихъ арміи, со стороны Черной рѣчки.

---

27 іюля, вечеромъ, на Малаховомъ курганѣ розорвало на мелкія части, разрывомъ бомбы, сестру милосердія, извѣстную у насъ подъ именемъ Прасковьи Ивановны, женщины уже довольно пожилой. Миръ праху ея!

Прасковья Ивановна Графова, дѣйствительно, была большая чудодѣйка, говорятъ, даже немножко помѣшанная; странностей у нея было множество, это правда, но все-таки она дѣлила съ Севастопольцами смертную опасность, и это уже великая съ ея стороны заслуга! Она ходила съ партіями на вылазки, въ бой, перевязывала, какъ умѣла, раненыхъ подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ; жила на бастіонѣ почти безвыходно; находилась на немъ даже во время бомбардировокъ и самого штурма. На нее смотрѣли какъ на чудачку: она ѣздила верхомъ (по мужски) даже на Инкерманскія высоты изъ Севастополя къ главнокомандующему обѣдать, не ожидая особаго приглашенія, всегда являясь прямо къ столу;—бранила въ глаза каждаго, кого считала того заслуживающимъ, несмотря ни на чинъ, ни на значеніе;—обливалась водою *при солдатахъ* на бастіонѣ;—спала въ одномъ блиндажѣ съ офицерами, нерѣдко безъ разрѣшенія хозяина, завладѣвая его койкой, и тѣмъ вынуждая его искать другаго мѣста отдыха;—хвастала всѣмъ своими Петербургскими связями и знакомствами;—надоѣдала офицерамъ своимъ юродствомъ и крупною безцеремонностью,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, отличалась безшабашной отвагой, запечатлѣвъ своею кровью свое служеніе отечеству, хотя въ дѣйствительности можетъ быть и безполезное, но во всякомъ случаѣ искренное и добросовѣстное.

Пришло Ополченіе. На Сѣверной стало 7 дружинъ Курскаго ополченія. Мы съ полковникомъ Голевымъ пошли ихъ посмотрѣть, и дѣйствительно, было что посмотрѣть—молодцы!

Правда, ополчане — мужики-мужиками, но народъ все свѣжій, бодрый, крѣпкій; какая разница съ прибывающими въ войска рекрутами! Это настоящія овцы, а въ ополченцахъ видишь людей самостоятельныхъ, окрѣпшихъ, способныхъ къ дѣлу, къ перенесенію всевозможныхъ трудовъ и лишеній, очевидно могущихъ принесть существенную помощь, если ихъ употребить съ умѣньемъ и толкомъ. Правда, что этого необходимаго умѣнья и толку и теперь уже незамѣтно у начальствующихъ надъ ними лицъ; правда, что со стороны Правительства можетъ-быть было ошибочно отдать ихъ подъ команду, по преимуществу, ихъ же помѣщиковъ, которыхъ они хорошо знаютъ, можетъ-быть и съ невыгодной для этихъ господъ стороны, къ которымъ они, слѣдовательно, не имѣютъ не только должнаго уваженія, но къ которымъ нерѣдко питаютъ затаенную ненависть; правда, что правительство, отдавая ополченцевъ подъ начальство офицеровъ выбранныхъ дворянствомъ, выказало совершенное незнаніе нашего благороднаго сословія, которое конечно въ жертву Отечеству, съ торжествомъ и помного, порою бываетъ готово принесть предметы не соотвѣтствующіе значенію жертвы. Такъ случилось и теперь. Въ ополченіе выбрали изъ дворянъ и чиновниковъ девять десятыхъ такихъ, которые ни къ чему непригодны и даже вредны были для своего общества: пусть, дескать, ихъ тамъ перебьютъ,—худая трава изъ поля вонъ!“

Слышно, что множество дворянъ всевозможными, иные даже темными способами отдѣлались отъ выбора въ Ополченіе и только самое ничтожное число порядочныхъ людей пошли добровольно въ ополченіе, дѣйствительно будучи движимы чувствомъ долга. Вслѣдствіе этого обстоятельства, ничтожный процентъ порядочныхъ людей теперь тонетъ въ массѣ другаго сорта, составляющей главные элементы общества ополченскихъ офицеровъ, и поэтому въ ополченіи, какъ говорятъ, допускаются и дѣлаются всевозможныя злоупотребленія. Доказательство мы видѣли сегодня въ пищѣ ополчанъ, состоящей изъ какой-то дрянной болтушки, которую трудно взять въ ротъ, а между тѣмъ про которую ополчане говорятъ, что пища эта еще лучше обыкновенно имъ приготовляемой, такъ какъ сегоднешняя приготовлена по случаю прибытія въ Севастополь, „а то намъ давали,—говорятъ Куряне,—„таке што исты не можно! Животы у насъ подваживало!“ Водку за весь походъ имъ отпустили только три раза, да и мясо тоже раза три—не больше!

Вообще про свой походъ ополченцы намъ поразсказали много печальнаго. Гдѣ-то около Перекопа, напримѣръ, стояла смертельная жара во время перехода ихъ; народъ у нихъ все-таки еще не втянувшійся, непривычный къ правильнымъ, но быстрымъ, солдатскимъ передвиженіямъ, безъ права отдохнуть гдѣ и сколько вздумается, вообще безъ свободы дѣйствій,—къ походу въ ранцѣ, въ амуниціи, съ топоромъ, ружьемъ, патронами, сухарями, а между тѣмъ начальство, ничего не принимая въ соображеніе, вело ихъ какъ обыкновенныхъ старыхъ солдатъ и даже не потрудилось распорядиться, чтобы съ ними было достаточное количество годной для питья воды. Народъ такъ и повалился на этомъ переходѣ. Говорятъ, половину дружины растеряли

дорогой. Пришли на станцію — уже солнце садилось, да цѣлую за тѣмъ ночь проѣздили на волахъ, все подбирали отставшихъ, заболѣвшихъ товарищей, а съ разсвѣтомъ — опять въ походъ, подъ палящимъ зноемъ!

Никакихъ силъ не хватало, говорятъ ополченцы.

Повторяю: съумѣютъ толково употребить въ дѣло этихъ прибывшихъ молодцовъ, еще можетъ-быть какую-нибудь пользу извлекутъ изъ нихъ; но, по всей вѣроятности, не съумѣютъ, и это огромное извлеченіе лучшихъ живыхъ силъ народа будетъ новой, горькой, большей, но напрасной жертвой Отечеству *).

3 августа.

Сегодня имянины Наполеона. Съ утра непріятель ликуетъ. Ночью ревѣла ужасная канонада, но она ослабѣла къ утру. Дивную картину представляетъ непріятельскій флотъ, весь иллюминованный разноцвѣтными флагами; особенно онъ былъ хорошъ въ тѣ моменты, когда онъ залпами салютовалъ со всѣхъ бортовъ. На нѣкоторыхъ корабляхъ флаги такъ расположены, что составляютъ букву N, на другихъ два N (NN). Два, видно главные, корабля соединены цѣпью гребныхъ судовъ, также иллюминованныхъ, — зрѣлище для насъ новое и дотолѣ нами невиданное. Корабли Англичанъ не иллюминованы, ликуютъ только Французы. О, еслибъ этотъ день былъ послѣднимъ днемъ ихъ ликованья въ нашихъ предѣлахъ! На утро готовится врагу рѣшительный страшный ударъ, который мы собираемся нанести ему всѣми силами. Да, кажется, это дѣло конченное. *„Завтра бой!“* Съ Черной пойдутъ на союзниковъ два сильные отряда; въ случаѣ успѣха этихъ отрядовъ, изъ Севастополя сдѣлаютъ сильныя вылазки; одну изъ этихъ вылазокъ назначено сдѣлать нашей дивизіи въ полномъ составѣ. Изъ города сегодня ночью перевезутъ на Сѣверную еще три полка, которые пойдутъ съ Черной. Что-то будетъ?

---

*) Затлеръ (въ „Описаніи распоряженій по снабженію Крымской арміи въ войну съ 1856–1858 г.“ и пр. Лейпцигъ) говоритъ про ополченіе:

„Ополченіе 1855 года стоило Россіи дорого, оторвало отъ плуга 300.000 человѣкъ, которые не только не принесли на войнѣ рѣшительно никакой пользы, но были бременемъ для арміи и государства.

Въ августѣ и ноябрѣ 1855 года прибыли въ Крымъ дружины ополченія Курской, Орловской, Калужской и Тульской губерній, а къ началу марта слѣдующаго года половина ихъ уже лежала въ госпиталяхъ, одержимая лихорадкою и тифозною горячкою, и между ними открылась страшная смертность.

Въ числѣ офицеровъ. ... много было людей сомнительнаго поведенія, которые въ мирное время не могли бы найти себѣ нигдѣ мѣста.

Дружины получили ружья изъ арсеналовъ, но какія? — сданныя по разнымъ случаямъ полками.

Надобно было видѣть, что ѣли ратники.

Однимъ словомъ, дружины представляли безпорядочную толпу мужиковъ, которыхъ нельзя было употреблять въ дѣло противъ образованныхъ европейскихъ войскъ.....

Дружины прибывшія въ Крымъ въ числѣ 40.000 человѣкъ, были совершеннымъ бременемъ, увеличившимъ только расходъ на ихъ содержаніе, обременившимъ госпитали, лишивъ удобствъ больныхъ и раненыхъ регулярныхъ войскъ“ (стр. 70 и дал.).

Скажемъ отъ себя: по правдѣ надо сказать, что отзывъ объ ополченіи, сдѣланный княземъ В. И. Васильчиковымъ въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору, представляющій ополченіе въ блестящемъ видѣ, совершенно невѣренъ.

Совершаются огромныя приготовленія къ наступленію на непріятельскую позицію. Частые военные совѣты у главнокомандующаго, принятіе различныхъ мѣръ, всевозможные боевые сборы—показываютъ, что готовится что-то рѣшительное. Пустые полуфурки, въ указанномъ числѣ со всѣхъ полковъ, всѣ музыкантскіе хоры Севастопольскаго гарнизона, безъ инструментовъ (съ двумя манерками на каждомъ музыкантѣ)—потребованы уже на Инкерманскія высоты и Мекензіеву гору. Приняты и другія мѣры, частію необходимыя въ административномъ отношеніи для устраненія всякихъ недоразумѣній и безпорядковъ во время боя, въ тылу сражающихся войскъ. Затѣмъ, говорятъ, отлично организована администрація перевязочныхъ пунктовъ! Даже напечатано указаніе, гдѣ кому быть во время боя, что кому дѣлать, гдѣ найти перевязочный пунктъ? Воспрещено фронтовымъ солдатамъ покидать свои ряды для перенесенія убитыхъ и раненыхъ въ лазареты или на подводы, и обязанность эта всецѣло возложена на музыкантовъ, которые, съ носилками, будутъ слѣдовать за штурмующими колоннами. Одно только опасно, чтобы непріятель не обратилъ вниманія на наши сборы, такъ какъ трудно предположить, чтобы онъ, обыкновенно строго-внимательный, на этотъ разъ не видалъ или не придавалъ никакого значенія этимъ сборамъ цѣлыхъ командъ и ихъ движенію куда-то, все по одному направленію, — этой безпрестанной и учащенной скачкѣ офицеровъ и казаковъ изъ угла въ уголъ. Трудно предположить, чтобы непріятель не слыхалъ отъ перебѣжчиковъ если не о рѣшительномъ намѣреніи нашемъ атаковать, то, по крайности, о выступленіи нѣсколькихъ нашихъ полковъ изъ Севастополя. Одна надежда, что они увлечены празднествами по случаю именинъ своего императора и уже ничего не видятъ и не слышатъ; но такое предположеніе мало вѣроятно и гораздо правдоподобнѣе, что они зорко слѣдятъ за нами; стараются сдѣлать выводы и заключенія изъ всякой ими подмѣчаемой мелочи и разгадаютъ нашу затѣю. Въ подобномъ случаѣ намъ невозможно разсчитывать на успѣхъ,—они намъ приготовятъ встрѣчу достойную нашей рѣшимости атаковать ихъ сильныя и хорошо укрѣпленныя позиціи *).

4 августа.

Мы понесли погромъ. Да будетъ воля Твоя святая, Господи!

Пусть другіе разсказываютъ сраженіе на Черной рѣчкѣ,—благодаря

---

*) Какъ на одну изъ главныхъ причинъ нашего погрома на Черной, указываютъ на то, что непріятель заранѣе зналъ о готовившемся наступленіи нашемъ и приготовился отразить его. Я самъ слышалъ отъ перебѣщика, что союзники за четыре дня до 4 августа знали о предстоявшемъ наступленіи нашемъ и потому каждую ночь, часовъ въ 12, значительные отряды ихъ становились въ ружье. „Тайна,—говоритъ графъ Д. Е. Сакенъ въ одной изъ замѣтокъ своихъ (Рус. Старина 1874, окт., стр. 331—332),—относительно распоряженій въ гарнизонѣ крѣпости и въ полевыхъ войскахъ должна быть строго соблюдаема".

Тайна предпринимавшагося сраженія на р. Черной соблюдена не была.

„Непріятель былъ совершенно готовъ къ встрѣчѣ приступа".

Перретъ говоритъ, что союзники узнали о предстоящей атакѣ на Черной и приготовились встрѣтить насъ. Idem.

Бога, наша дивизія осталась цѣла *); вылазка изъ города, для которой и мы предназначались, не соостоялась, и отъ нашихъ полковъ въ дѣлѣ находились только музыкантскія команды подъ общимъ начальствомъ штабсъ-капитана Камчатскаго полка Олендзскаго.

Погромъ! Судили, рядили, мудрили—вотъ и присудили!

Вопервыхъ, не во-время и не одновременно вступили въ дѣло назначенныя для того части войскъ, а послѣдовательно—одна часть войскъ за другою, тогда какъ мы могли напасть на непріятеля врасплохъ.

На самомъ дѣлѣ 12 дивизія весьма благополучно перешла мостъ и заняла Ѳедюхину гору, стоявшая на которой полевая артиллерія увидѣла себя въ необходимости бѣжать, какъ только можно скорѣе. 12 дивизія въ этомъ наступленіи потеряла болѣе 1.000 человѣкъ, успѣхъ былъ для насъ едва-ли возможенъ. Генералъ Мартинау, командовавшій этою дивизіею, послалъ своего адъютанта Клейнгауза доложить генералу Реаду о необходимости получить подкрѣпленія, безъ которыхъ долѣе держаться было невозможно. Реадъославъ 5 дивизію подкрѣпить генерала Мартинау, но она опоздала. Квейнгаузъ бросился къ генералу Ушакову съ тою же просьбою. Тотъ не пошелъ: „Моя дивизія,—сказалъ онъ, помочь не можетъ, пусть генералъ продержится до прихода 5 дивизіи“.

Между тѣмъ 12 дивизія продержаться до указаннаго момента не могла, а была опрокинута прибѣжавшими съ Сапунъ-горы Французами, ударившими въ превосходныхъ силахъ. Они подавили своими массами разстроенную наступленіемъ дивизію.

Ту же участь потерпѣли и тѣ части, что вслѣдъ за 12 дивизіею вступили въ бой поодиночкѣ.

У насъ разсказывали, что намѣрены дать большое кавалерійское дѣло, но въ дѣйствительности одинъ Уланскій полкъ упорно поманеврировалъ, чѣмъ и кончилось дѣло. Нашихъ опрокинули на эту сторону рѣчки Черной и мы не успѣли подобрать своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Говорятъ, у насъ до 14,000 выбыло изъ строя **). Ужасная цифра особенно при безрезультатности задуманнаго дѣла.

---

*) Генералъ Карцевъ въ своей книгѣ „изъ Прошлаго“ ч. I, ст. 81, говоритъ, что полковникъ Скюдери смертельно раненъ на Черной рѣчкѣ, командуя Якутскимъ полкомъ. Это невѣрно—наша дивизія въ этомъ сраженіи не участвовала и Скюдери Якут. полкомъ никогда не командовалъ. Также должно быть невѣрно, что умирая на перевязочномъ пунктѣ Скюдери велѣлъ покрыть себя знаменемъ. Какъ могло очутиться знамя на перевязочномъ пунктѣ?

**) По словамъ Богдановича, мы потеряли:

убитыми	Генерал.	3	Штабъ-и об.-офиц.	69	Ниж. чин.	2.273
ранеными	»	4	» »	160	» »	3.995
безъ вѣсти пропавшими	»	—	» »	31	» »	1.742
Итого	»	7	» »	260.	» »	8.010

По донесенію генерала Пелисье военному министру, отъ 6 августа, Французы похоронили оставленныхъ нами на полѣ сраженія 2.199 тѣлъ.

Генералъ Лебрень разсказываетъ (Souvenirs. Idem, стр. 120), что 6 августа онъ былъ командированъ распоряжаться со стороны союзниковъ произведенной въ этотъ день, по

5 августа. Севастополь.

Востокъ бѣлѣетъ. Снимаются ночные секреты. Веселѣе становится на сердцѣ у того, кто стоялъ ночь въ передовой цѣпи. Однихъ сейчасъ окончательно снимутъ, и пойдутъ они на цѣлыя сутки въ резервъ, гдѣ все-таки можно посвободнѣе вздохнуть; другихъ смѣняютъ въ ложементахъ, и они соснутъ часокъ, другой въ блиндажѣ своего бастіона... Скоро день. Но это что?... Земля колыхнулась; застоналъ Севастополь подъ градомъ вражьихъ ядеръ; затрепетала Корабельная подъ сосредоточенными ударами ожесточеннаго врага. На пространствѣ отъ Малахова кургана до четвертаго бастіона какъ будто разверзся адъ...

Такъ началось, *пятаго* августа, *пятое* усиленное бомбардированіе Севастополя *); такъ началось новое бичеваніе этого страдальца, и кровь его защитниковъ новыми ключами полилась по стогнамъ, столько разъ уже изрытымъ страшнымъ раломъ смерти! Такъ вотъ она ужасная месть за кровавый вчерашній день!!

Артиллерія союзниковъ, съ этого дня, стала вырывать у насъ жертвъ болѣе обыкновеннаго **).

Да и можетъ ли быть иначе, когда городъ наполненъ войскомъ!

Вывести большую часть его? Но съ минуты на минуту ждемъ штурма. Мы отдѣлены бухтою отъ своихъ резервовъ, между тѣмъ какъ стоимъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, который, имѣя сосредоточенныя силы, будучи отдѣленъ отъ насъ одною линіей земляныхъ укрѣпленій, ежеминутно можемъ пойти на приступъ, и, имѣя подъ рукою большіе резервы, которые можетъ внезапно сосредоточить на любомъ пунктѣ, располагаетъ всѣми средствами нанести намъ, въ одно прекрасное утро, на томъ или другомъ пунктѣ оборонительной линіи, особенно при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, рѣшительный ударъ. Все это заставляетъ насъ по неволѣ держать значительныя силы подъ дѣйствительнымъ огнемъ непріятельскимъ.

Скажутъ: если это необходимо, то держать войска въ блиндажахъ. Но

предложенію нашего главнокомандующаго, уборкой тѣлъ съ поля сраженія. Со стороны Русскихъ былъ командированъ полковникъ, пріѣхавшій въ долину съ большою свитою и заявившій, что сейчасъ прибудетъ 20 повозокъ для уборки тѣлъ.

„Какъ 20, любезный полковникъ!—воскликнулъ Лебрень:—вамъ надо по крайней мѣрѣ 200! Не хотите ли убѣдиться? Поѣдемте со мною, посмотрите сами".

И онъ поскакалъ съ полковникомъ на нѣсколько пунктовъ и показалъ ему пространства, буквально устланныя мертвыми тѣлами.

По словамъ Лебреня, кромѣ 2.199 тѣлъ похороненныхъ Французами, нѣкоторое количество нашихъ убитыхъ похоронено Сардинцами и мы увезли 1.200 тѣлъ, при уборкѣ ихъ 6 августа.

*) Батареи союзниковъ всѣ, какія только проектировались для окончательной борьбы съ Севастополемъ, къ этому времени были совершенно окончены; Французамъ необходимъ былъ сильный артиллерійскій огонь, чтобы имѣть возможность вывести послѣднія траншеи, чтобы приблизиться къ нашимъ передовымъ войскамъ на возможно близкое разстояніе; нравственная сила ихъ арміи возвысилась вслѣдствіе удачнаго отбитія нашей атаки на Черной 4 августа,— вотъ что побудило генерала Пелисье, вечеромъ же 4 августа, сдѣлать распоряженіе объ открытіи бомбардировки съ разсвѣтомъ 5 августа. (Historique du service de l' Artillerie. Idem).

**) Севастополь бомбардировало этотъ разъ 800 непріятельскихъ орудій.

развѣ возможно настроить блиндажей для этой цѣлой, можно сказать, арміи? Да хоть бы и настроили столько блиндажей, чтобъ весь севастопольскій гарнизонъ могъ въ нихъ помѣщаться, то служба въ осажденномъ городѣ не допуститъ держать большинство людей, составляющихъ гарнизонъ, въ блиндажахъ.

Слѣдовательно, пока мы здѣсь, какъ бы велика ни была заботливость о насъ начальства, мы обречены на значительныя потери въ людяхъ. Съ сокрушеннымъ сердцемъ мы сознаемся, что потери наши дѣйствительно огромны. Не успѣваютъ рыть могилъ на Сѣверной. Растетъ *населеніе новаго* Севастополя не по днямъ, а по часамъ. На общей усыпальницѣ ежедневно прибываютъ десятки новыхъ холмовъ.

Поминутно мертвыхъ носятъ...
. . . . . .
. . . . . .
Поминутно мѣста надо,
И могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсной чередой.

Но духъ севастопольскихъ защитниковъ крѣпчаетъ съ каждымъ днемъ, и теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, замѣтно стало въ нихъ совершенное равнодушіе къ смерти, или, правильнѣе, совершенное презрѣніе къ ней, дошедшее до степени почти невѣроятной. Не видавшій собственными глазами не повѣритъ, чтобы могли такъ безпрестанно, такъ повсемѣстно, такъ постоянно проявляться твердость и мужество, какъ они проявляются въ герояхъ Севастополя. Не говорю про того, про другаго храбреца,—нѣтъ, говорю про цѣлыя роты, про десятки, сотни людей.

Повѣрятъ ли, чтобы вереницы солдатъ могли, съ безмятежнымъ спокойствіемъ, медленно идти, напримѣръ, за кашею, съ пустыми котелками, по мѣсту, гдѣ, какъ пчелы близъ улья, жужжатъ ежеминутно штуцерныя пули и гдѣ безпрестанно то ядро упадетъ, то бомба лопнетъ? Не покажется ли многимъ сомнительною стоическая твердость, съ какою, напримѣръ, наши фурштаты безпрестанно возятъ на бастіоны воду, снаряды, порохъ, туры, заряды подъ огнемъ непріятельскимъ!

Тащится полуфурокъ, на тройкѣ едва плетущихся лошадокъ, какъ мы однажды видѣли, на Малаховъ курганъ. Снаряды и пули несутся повсюду. Невдалекѣ лошула бомба, и осколокъ убилъ коренную,—пристяжныя шарахнулись и изорвали сбрую. Что дѣлать бѣдному фурштату? Съ бранью и проклятіями, онъ кое-какъ выпрягаетъ несчастную лошадь; благодаря помощи проходящаго земляка, оттаскиваетъ ее въ сторону съ большими усиліями, перекладываетъ хомутъ съ убитой лошади на пристяжную, ладитъ какъ можетъ, изорванную упряжь, запрягаетъ въ корень напуганную пристяжную, а между тѣмъ снаряды несутся по всѣмъ направленіямъ, и штуцерная пуля успѣла уже влѣпиться въ грядку его полуфурка, и бомба, опять лопнув-

шая по близости, чуть было не разметала и колесницу и вожатаго, а онъ, глядите, продолжаетъ уже на парѣ опасный путь свой до бастіона, гдѣ, подъ смертоноснымъ огнемъ, снимутъ съ полуфурка предметы имъ привезенные, и или нагрузятъ его повозку убитыми, или посадятъ трехъ, четырехъ раненыхъ, и велятъ свезти въ Доковый госпиталь. Оттуда онъ опять потащитъ что-нибудь на бастіонъ, по тому же пути, и опять въ доки, и опять на бастіонъ, и такъ цѣлый день, и иногда и цѣлую ночь. Едва успѣетъ накормить, напоить измученныхъ коней.

Право, многіе, въ чьи руки попадутъ листки моихъ „Записокъ“, не повѣрятъ, напримѣръ, тому равнодушію, съ какимъ въ теченіе ночи производится исправленіе поврежденій, совершенныхъ дневною канонадою. Еслибы не было слышно рева и грома выстрѣловъ и разрывовъ, то, смотря на трудящихся, можно было бы подумать, что они работаютъ гдѣ нибудь внутри Россіи, надъ новымъ шоссе. Здѣсь господствуетъ общая беззаботность, общая веселость, а между тѣмъ, глядь, того разметало на части, другому оторвало руку, третьему ногу,—и, вслѣдъ за этимъ кровавымъ событіемъ слышите какую нибудь плоскую шутку ротнаго балагура, а громкій, нѣсколько дико звучащій хохотъ многихъ вторитъ едва раздавшемуся и уже навсегда замолкшему воплю собрата.

Вотъ медленно, шагъ за шагомъ, тянутся гуськомъ солдаты съ тяжелыми мѣшками земли на плечахъ. Надаетъ бомба. Въ роковое мгновенье, предшествующее разрыву по сосѣдству лежащей бомбы съ горящею трубкою, не всякій будетъ въ силахъ остаться спокойнымъ. Солдатъ съ мѣшкомъ прижался къ траверзу и ждетъ, что будетъ. Бомба шипитъ, будто чудовищная голова баснословнаго огнедышащаго змія, но еще не разрѣшается... Мѣшокъ отдавилъ спину бѣдному солдату... „*Да ну же, лопайся, проклятая*!...“ И вдругъ, будто по командѣ, бомба лопнула, оставшійся невредимымъ безмятежный сосѣдъ ея, съ прежнимъ равнодушіемъ ко всему окружающему, потащилъ свой мѣшокъ на указанное мѣсто, отряхиваясь отъ пыли и земли, его осыпавшей.

Этотъ случай—одинъ изъ сотни, въ которыхъ проявлялось ежедневно мужество Севастопольцевъ, одинъ изъ множества случаевъ, въ настоящее время не возбуждающихъ ничьего вниманія, кажущихся самыми обыкновенными событіями ежедневной жизни, но которые современемъ явятся предъ отечествомъ во всемъ ихъ истинномъ величіи и получатъ достойную себѣ награду въ любви и удивленіи народномъ къ ихъ героямъ, имена которыхъ, если будутъ извѣстны, станутъ на ряду съ любимѣйшими именами народа русскаго.

Съ каждымъ мгновеніемъ канонада усиливается и, обнимая все бо́льшее пространство, достигаетъ ужасныхъ размѣровъ. Дымъ тянется на насъ: черною тучею налегъ онъ на Севастополь и мѣшаетъ стрѣлять. Самый ужасный огонь направленъ Англичанами на третій бастіонъ (Grand redant—въ послѣдствіи его называли просто „Redant“). Крѣпко они его не жалуютъ,

помня свой погромъ 6-го іюня. Какъ бы и теперь онъ не отплатилъ имъ за себя!

Доселѣ первый, второй, четвертый бастіоны, а равно и Сѣверная, изрѣдка, будто только огрызаясь, посылаютъ врагамъ ядро или бомбу... Досадна эта медленность нашихъ... Чего они выжидаютъ? Но вотъ потянулись красныя полосы по небу съ востока; вотъ позолотились окраины дымныхъ облаковъ; тысячами огней загорѣлись гребни клубящихся волнъ бухты и моря; засіяли, будто отлитые изъ серебра, домики Севастополя; разсвѣло совершенно: видно проснулись наши молодцы, тряхнули грозными кудрями громадныя наши батареи, и канонада съ обѣихъ сторонъ достигла величайшей силы.

Заревѣлъ Малаховъ курганъ всѣмъ фронтомъ. На его бранный призывъ отозвались батареи Сѣвервой, будто привѣтствуя появленіе на горизонтѣ окраины солнечнаго диска.

Вѣтерокъ перемѣнился и погналъ дымъ параллельно бухтѣ, по направленію къ морю. Ясно сдѣлался видѣнъ непріятельскій станъ и его огнедышащія батареи. Нигдѣ незамѣтно живой души. Должно быть союзники отвели своихъ салдатъ и поставили ихъ внѣ выстрѣла. Да и зачѣмъ имъ близко держать людей? Съ нашей стороны никакой попытки днемъ изъ Севастополя они не ожидаютъ; сами, можетъ быть, наступать не намѣрены. Стоятъ одни артиллеристы на батареяхъ, подъ прикрытіемъ небольшаго траншейнаго караула, да и жарятъ... Все бьютъ преимущественно ядрами да гранатами; все стараются бить прицѣльно; рѣдко, будто для разнообразія, бросятъ бомбу...

Итакъ проходитъ часъ за часомъ! Ручьями льется кровь... Жертва приносится за жертвою... и момента, кажется нѣтъ, который не былъ бы запечатлѣнъ новою... Въ такомъ страдальческомъ состояніи проходитъ цѣлый день Севастополя.

Вообще бомбардировки эти имѣютъ каждая свой особый характеръ.

Со времени нашего прихода сюда это четвертая общая *). (Была частная бомбардировка третьяго бастіона — бомбардировка англійская; самый разгаръ ея былъ 28-го іюля, но та не въ счетъ абонимента). Пора ихъ изучить!

Обыкновенно бомбардировка открывается залпами, потомъ закипитъ батальный артиллерійскій огонь, ежеминутно усиливаясь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Затѣмъ канонада ослабѣетъ, и почти замолкнетъ послѣ полудня. Или орудія у непріятеля накалятся до того, что нѣтъ возможности изъ нихъ дѣйствовать, или обѣдаетъ прислуга, только обыкновенно эта пауза длится часа два, три, и въ это то время торопится нашъ гарнизонъ, по возможности, исполнить нѣкоторыя свои дневныя нужды: навозить снарядовъ въ достаточномъ количествѣ, убрать убитыхъ и раненыхъ, поужинать. По-

*) По общему счету пятая общая. Первой мы не застали и потому ее обыкновенно въ общій счетъ бомбардировокъ Севастополя не включаемъ.

томъ вновь грянутъ залпы, и вновь артиллерійскій батальный огонь до вечера, а тамъ уже начнутъ бросать бомбы въ невѣроятномъ количествѣ. И дѣйствительно: едва стемнѣло, разрывные снаряды понеслись по всѣмъ направленіямъ, какъ звѣзды въ *воробьиную ночь*. Нѣтъ мѣста, куда бы они не падали, начиная съ передовыхъ траншей до сѣверной стороны включительно. Но что дѣлается на третьемъ бастіонѣ, на Малаховомъ курганѣ!... По шести бомбъ вдругъ спускается на эти укрѣпленія. Можно представить себѣ, какое разрушеніе производятъ ихъ послѣдовательные разрывы на такомъ незначительномъ пространствѣ, какое занимаетъ каждое изъ этихъ укрѣпленій.

Ночью бросаютъ бомбы по большей части не съ тѣхъ батарей, съ которыхъ бомбардируютъ днемъ. Не обращая на себя вниманія нашихъ батарей, на бомбардирующихъ днемъ батареяхъ спѣшатъ сдѣлать исправленіе ночью, потому что мы ихъ въ теченіе дня обыкновенно почти уничтожаемъ, также какъ и непріятели почти срываютъ наши батареи, особенно исходящій уголъ третьяго бастіона, который, будучи оставленъ ярости Англичанъ, привлекаетъ на себя всѣ ихъ удары.

Правду сказать, только *мы* можемъ держаться на исходящемъ углу третьяго бастіона. Каждый вечеръ, во время этой бомбардировки, онъ уже не представляетъ защиты своему гарнизону. Но ночью онъ воскресаетъ, какъ фениксъ изъ праха; возстаютъ его разрушенныя днемъ батареи, несмотря на то, что и ночью врагъ не даетъ намъ безнаказанно бросить лопаты земли, за что мы ему платимъ такою же монетою, осыпая его, какъ и онъ насъ, градомъ пуль, картечью и небольшими гранатами, бросая ихъ, въ веревочныхъ мѣшкахъ, изъ мортиры. Несмотря на все это, къ утру обыкновенно рвы очистятся, по возможности; множество новыхъ туровъ замѣнятъ разбитые; присыплютъ траверзы; прибавятъ насыпки на блиндажи; траншеи углубятъ; пополнятъ погребокъ; и кто ихъ знаетъ, что еще наши молодцы сдѣлаютъ на батареяхъ, только солнце поутру застаетъ ихъ несравненно въ прекраснѣйшемъ видѣ, чѣмъ оставило вечеромъ. Смоютъ съ себя кровь наши батареи, стряхнутъ пыль и камни, и вновь готовы на страшный пиръ.

Много гибнетъ прислуги. Не успѣваемъ пополнять ее своими солдатами. Матросовъ уже мало осталось на батареяхъ: только комендоры, да и то немногіе, сохранились изъ тѣхъ, которые первые заговорили на Севастопольскихъ высотахъ съ незваными гостями языкомъ смерти и гибели. Любо за то смотрѣть на остальныхъ. Какое гордое сознаніе собственнаго достоинства; какое проворство, ловкость движеній; какая отвага, удаль, молодечество; какая, даже можно сказать, грація въ ихъ пріемахъ!

Въ одной рубахѣ, съ Георгіемъ на груди, въ широкихъ парусинныхъ шароварахъ, съ чернымъ галстукомъ, концы котораго падаютъ на грудь, въ солдатской фуражкѣ; закоптѣлые въ боевомъ дыму, замаранные порохомъ отъ выстрѣловъ и безпрестаннаго заряжанія орудій, облитые кровью и потомъ, освѣщенные молніями выстрѣловъ, въ облакахъ пороховаго дыма, боряся

со смертью, являющеюся во множествѣ образовъ, эти жители бастіона, въ моментъ боя, кажутся вамъ тѣми неземными существами скандинавскаго неба, для которыхъ кровавыя сѣчи составляли райское блаженство!...

Стемнѣло. Канонада не замираетъ.

Итакъ, завтра мы не будемъ имѣть возможности пировать на полковомъ праздникѣ Охотскаго полка, несмотря на всѣ сдѣланныя къ тому приготовленія. Останется не иллюминованнымъ гигантскій щитъ, который, съ вензелевымъ изображеніемъ имени Государя Императора, мы, разсчитывая на рыцарскую любезность союзниковъ, предполагали поставить на самомъ видномъ мѣстѣ, думая, что враги не захотятъ направить на него ни ядра. Напрасно Охотцы потратили свой трудъ и время на приведеніе блиндажей и другихъ помѣщеній въ праздничное состояніе къ этому дню. Напрасно Охотскіе офицеры сдѣлали все, чтобы въ этотъ торжественный день своего полка достойно принять въ своей средѣ начальниковъ, почетныхъ гостей и боевыхъ товарищей, которые захотятъ раздѣлить съ ними праздничный пирогъ, подъ штуцернымъ огнемъ.

Бомбардировка измѣнила обстоятельства, и пиръ, посреди общаго разрушенія и смерти, былъ бы чудовищенъ, какъ *пиръ во время чумы*. Что дѣлать! подождемъ лучшихъ временъ; тогда на славу отпразднуемъ этотъ день. Теперь другое пированье: не клики веселья раздаются здѣсь, а потрясающіе душу крики страданья и смерти; не хоры музыки гремятъ, а ревутъ выстрѣлы и снаряды! Не время пировать,—время молиться и съ твердостью солдата и христіанина ждать своего часа. Многіе сегодня перенеслись въ вѣчность, многіе изранены. Чрезъ руки нашего дивизіоннаго доктора, завѣдывающаго главнымъ перевязочнымъ пунктомъ на лѣвой половинѣ оборонительной линіи, доктора медицины Невадовскаго, прошло въ эти сутки раненыхъ болѣе, чѣмъ въ одинъ изъ предшествовавшихъ дней *защиты*, и сдѣлано имъ съ его помощниками ампутацій также больше, чѣмъ когда-нибудь *).

Но вотъ и ночь. Прицѣльный огонь совершенно прекратился; однѣ бомбы шипятъ и клохчутъ, носясь повсюду. Въ передовыхъ линіяхъ слышна ружейная трескотня.

Отзываются съ большою благодарностью о А. И. Серебряковѣ, маркитантѣ нашемъ на Сѣверной, за то, что онъ въ день сраженія на Черной привезъ на перевязочный пунктъ нѣсколько самоваровъ, большой запасъ чаю, сахару, булокъ и всякой съѣстной всячины, которую раздавалъ раненымъ даромъ и самъ наливалъ имъ чай. Перевязочный пунктъ былъ устроенъ у Мекензіевой горы, на немъ было сосредоточено 35 врачей, 35 фельдшеровъ и 6 сестеръ милосердія Крестовоздвиженской общины. Раненыхъ

*) Въ эти сутки изъ числа раненыхъ на Корабельной сторонѣ прошло черезъ руки Невадовскаго 16 офицеровъ и 1.048 нижнихъ чиновъ.

было столько, что всѣмъ было работы не подъ силу. Изъ числа тяжело раненыхъ на перевязочномъ пунктѣ этомъ умеръ одинъ изъ нашихъ бывшихъ сослуживцевъ по 11 дивизіи, также тяжело раненый въ прошломъ году въ Ольтеницкомъ сраженіи, командиръ полка полковникъ Скюдери.

6 августа.—Севастополь.

Едва стало разсвѣтать, какъ съ тою же яростію, какъ и вчера, заревѣли непріятельскія батареи, и съ тѣмъ же упорствомъ стали имъ отвѣчать наши *).

Вновь, во всей своей поразительной вѣрности, явилось необыкновенное сравненіе преосвященнаго Иннокентія, уподобившаго Севастополь *купинѣ огненной!* Вновь разнесся по городу запахъ дыма и крови, и если здѣсь не лились потоки слезъ, то потому только, что некому было плакать въ Севастополѣ! А если и были въ немъ нѣжныя сердца, то закалились и они въ огнѣ, которымъ онъ горитъ столько времени!...

Жителей на севастопольскихъ улицахъ вовсе не видно. Кое-гдѣ лишь идетъ за дѣломъ служивый; проносятъ раненаго; ставитъ ружья въ козлы пришедшій отрядъ солдатъ; скачетъ кто-нибудь изъ ординарцевъ; провозятъ фуру снарядовъ; рабочая команда выгружаетъ съ шаланды туры и фашины, исчезающіе мгновенно; везутъ на артиллерійскихъ дрогахъ боченокъ воды; тянутъ матросы изъ доковъ бомбическую пушку, на особомъ громадномъ лафетѣ, съ заунывнымъ мѣрнымъ крикомъ, изъ котораго вырывается, какъ голосъ лихаго запѣвалы, рѣзкій, отрывистый крикъ: *разъ—два!...* Вотъ всѣ признаки жизни въ осажденномъ городѣ. Все сумрачно, пусто!... Нынѣ Севастополь окончательно превратился въ одну громадную батарею, на которой всѣ живущіе—*прислуга.*

Даже всѣ базары исчезли. Только на Корабельной, у матросскихъ казармъ, подъ стѣнкою, двѣ какія-то старухи продаютъ квасъ, полупшеничный хлѣбъ и еще что-то такое; у Графской пристани какой-то удалой мѣщанинъ вертится около огромнаго самовара съ готовымъ чаемъ; да три, четыре старухи-торговки продолжаютъ, къ общему удовольствію толпящихся матросовъ и солдатъ, продавать яблоки, булки, куски какого-то мяса, плавающіе въ сальной водѣ, и съ прибаутками, ахами, вздохами, разливаютъ этотъ

*) Въ эти два дни, т.-е. 5 и 6-го августа, непріятель сдѣлалъ по Севастополю 17.000 выстрѣловъ и мы ему отвѣтили 15-ю тысячами таковыхъ же. У непріятеля дѣйствовало 300 мартиръ и 800 орудій Съ нашей стороны дѣйствовало 1.200 орудій.

Въ этой ужасной борьбѣ непріятель всегда имѣлъ на своей сторонѣ больше шансовъ успѣха: 1) У него было больше нашего мортиръ. 2) У него никогда не ощущалось недостатка въ снарядахъ и порохѣ чѣмъ мы похвалиться не могли. 3) Огонь непріятеля сосредоточивался на одномъ пунктѣ для нашего пораженія, а нашъ огонь разбрасывался въ разныя стороны. 4) Непріятель на своихъ осадныхъ батареяхъ держалъ одну только артиллерійскую прислугу, а мы, въ ожиданіи штурма вынуждены были держать до 50 тысячъ прикрытія. 5) Каменистый грунтъ лѣваго фланга нашей линіи былъ причиною значительной потери въ людяхъ, поражаемыхъ щебнемъ, насыпаннымъ въ туры и мерлоны, и вообще осколками камня отъ разрыва бомбъ въ грунтѣ. Константиновъ. (Штурмъ Малахова кургана. Рус. Стар., ноябрь 1875 г.)

соусъ въ маленькія глиняныя миски. Только въ этомъ уголкѣ нѣкогда кипучаго города и сохранились признаки общественной жизни, жизни вполнѣ публичной. Только здѣсь и отводитъ душу севастопольскій солдатъ, потому что не всякому изъ нихъ достанется завидная доля, съ лишнею гривною въ карманѣ, побывать на Сѣверной и кутнуть тамъ по-своему, на *базарчикѣ*, гдѣ можно вдоволь достать предрянной водки и въ какомъ-нибудь лубочномъ *„новомъ Римѣ“* напиться досыта чаю *съ пунштомъ*, или туземнаго вина.

На Екатерининской улицѣ, исключая солдатъ и офицеровъ, никого не видать. Изъ всѣхъ лавокъ открыта одна, вродѣ табачной, со всякой мелочью. Отважный торговецъ думаетъ видно воспользоваться обстоятельствами и, по милости бомбъ, избавясь отъ совмѣстничества сосѣдей, перебравшихся съ лавками въ Николаевскія казармы, нажиться. Что же? это своего рода рискованная спекуляція. Можетъ-быть она ему и удастся!

Первый изъ торговцевъ, населявшихъ лучшую часть Екатерининской улицы, оставившій свое жилище и удалившійся въ болѣе покойныя мѣста, былъ кондитеръ Швейцарецъ. Многіе пожалѣли о его кондитерской. Въ ней обыкновенно бывало много офицеровъ; въ ней постоянно узнавались самыя интересныя частности, вчера, сегодня совершившіяся, частехонько разсказывалось за истину множество новостей и происшествій, на самомъ дѣлѣ никогда не случавшихся.

Всѣхъ жителей выгнала изъ города бомбардировка; не знаю, выгонитъ ли она знакомыхъ мнѣ двухъ старикашекъ-мужичковъ изъ ихъ жилища подъ самымъ пятымъ бастіономъ. Впервые я встрѣтилъ одного изъ этихъ стариковъ на улицѣ, въ половинѣ іюля. Старикъ несъ въ кувшинѣ откуда-то славную ключевую воду. День былъ жаркій. Я попросилъ напиться. Заинтересованный почтенною наружностью старика, повидимому, равнодушнаго ко всеобщему разрушенію, вокругъ него происходящему, я спросилъ, что онъ здѣсь подѣлываетъ.

„Живемъ, батюшка: двое насъ“.

— Для какой же надобности?

„Домишко барскій караулимъ“.

— Отъ бомбъ, что ли?

„Нѣтъ, не отъ бомбъ. Смотримъ, чтобъ *армія* не растаскала. И то уже прошедшею зимой весь заборъ разобрали“.

— Эхъ, старина, старина! Ну, не все ли равно?—Гляди, вѣдь кругомъ мѣста нѣтъ живаго... И дѣйствительно, кругомъ не было живаго мѣста, повсюду были ужасъ и разрушеніе: тутъ стѣна разбита ядрами, тамъ крыша разметана взрывомъ; вся улица покрыта ямами, завалена камнями и осколками. Нигдѣ ни одного деревца, хотя свѣжіе пни свидѣтельствуютъ о былomъ существованіи садиковъ и палисадниковъ; все истерзано и исковеркано, только, какъ нарочно, домикъ, оберегаемый стариками, небольшой, но красивенькій, стоялъ нетронутый, и его зеленыя жалузи какъ-то весело

смотрѣли на насъ посреди общей печальной картины, будто напоминая, что нечего жалѣть разрушеннаго, что впереди будущее, которое послужитъ наградой за жертвы и страданія, за разрушеніе и гибель.—Ну, продолжалъ я, что же тутъ и караулить-то?

„Дѣло господское, батюшка, не наше. Приказано караулить, и караулимъ, да вотъ уже никакъ десятый мѣсяцъ здѣсь пробиваемся. Много бѣды видѣли, страху много набрались, да теперь ужь попривыкли и къ *чиненкамъ* и къ *холоднымъ*. Господь милуетъ поколѣ, а дальше—что Богъ дастъ".

— Велѣно вѣдь, старикъ, всѣмъ жителямъ выбираться изъ города; какъ же васъ не гонятъ?

„Да за что насъ гнать-то? Вѣдь мы свою службу справляемъ. А какъ *бандировка* бываетъ, мы съ старикомъ-то воду таскаемъ на бастіонъ, солдатамъ сердечнымъ".

Ежели-бъ возможно было ежедневно обѣгать всѣ закоулки и уголки Севастополя; еслибъ возможно было всякій день видѣть все, что въ немъ совершалось во время его осады, оффиціально и неоффиціально; еслибъ возможно было все видѣнное и слышанное разсказать и описать,—то сколько простыхъ, но высокихъ натуръ обрисовали бы и представили бы народной памяти эти разсказы; сколько не блестящихъ, но достойныхъ удивленія подвиговъ самоотверженія сохранилось бы для потомства, также какъ и событій, которыя послужили бы новымъ доказательствомъ замѣчательной отваги и величія духа русскаго человѣка!

А вотъ и еще замѣчательная личность.

На третьемъ бастіонѣ все время осады Севастополя, до послѣднихъ ея моментовъ, жила, въ собственномъ своемъ домишкѣ, матроска, по прозванію „Рыжая Дунька". Ея крошечная хата была вслѣдъ за батареею Будищева, но хатку эту не тронули ни наши инженеры, ни французскія бомбы. Дунька ремесломъ прачка. *Ею очень были довольны* всѣ жители третьяго бастіона. Мужество этой женщины было изумительное. Не говорю уже, что жилище ея не было блиндировано, что она ежеминутно была подвергнута опасности въ самой своей избушкѣ, но бывало развѣшиваетъ Дунька на дворѣ бѣлье, глядь валится бомба; вотъ, вотъ, кажется, сюда прямехонько; солдаты бросятся во всѣ стороны, кто за траверзъ, кто въ блиндажъ, кто приляжетъ къ землѣ; безтрепетный сигнальщикъ инстинктивно прижмется къ брустверу, а „Рыжая Дунька" помираетъ со смѣху, взявшись подъ бока и осыпая насмѣшками осторожныхъ солдатъ... Лопнетъ бомба... Дунька разбранитъ ее на чемъ свѣтъ стоитъ: зачѣмъ запачкала землею и камнями едва вымытое бѣлье, выполасканное подъ штуцернымъ огнемъ въ бухтѣ, на Пересыпкѣ.

Казалось, сама судьба щадила Дуньку, и, когда вокругъ нея гибли тысячи народа, она, около одиннадцати мѣсяцевъ проведя на бастіонѣ, не была ни разу ранена.

Но, разсказывая про одну, про другую замѣчательную случайность, мы не знаемъ и сотой доли совершающагося вокругъ насъ. Съ одной стороны *некогда* наблюдать за интересными частностями, съ другой—нѣтъ средствъ дѣлать наблюденія, потому что отлучаться отъ своего мѣста, особенно въ послѣднее, горячее время, почти невозможно; наконецъ громадность событій, предъ нами совершающихся, ослѣпляетъ насъ своимъ величіемъ, и мы не различаемъ, или вовсе не видимъ бо́льшей части событій меньшей важности, разсказъ о которыхъ, несомнѣнно, былъ бы доступенъ сердцу собратій и нашелъ бы привѣтъ и любовь въ дальнихъ уголкахъ отечества.

Николаевскія казармы сосредоточили въ настоящее время въ стѣнахъ своихъ всю администрацію Севастополя, военную и гражданскую. Съ нѣкотораго времени въ нихъ поселились: начальникъ гарнизона, начальники штабовъ, самые штабы и управленія, главный перевязочный пунктъ, подъ начальствомъ извѣстнаго профессора Гюббенета, начальникъ артиллерійскаго гарнизона съ своимъ многосложнымъ управленіемъ и магазинами, часть полицейскаго управленія и проч., и проч. Всѣ казармы наполнены народомъ; корридоры и галлереи занимаются солдатами, часть нижняго этажа—торговцами. Явились всевозможныя вывѣски, объявленія; можно достать всякіе товары.

Сюда стекается севастопольское населеніе за всевозможными покупками, несмотря на то, что все продается дороже обыкновеннаго, вопреки объявленной на дняхъ таксѣ. Но когда же у насъ торговцы продаютъ по таксѣ, особенно въ подобныхъ случаяхъ?—берутъ, что хотятъ, пользуясь тѣмъ, что никто изъ покупателей не желаетъ заводить исторіи и радъ-радехонекъ, что, безъ дальнихъ хлопотъ, можетъ достать необходимые предметы.

Напримѣръ, фунтъ хорошаго, бѣлаго, такъ называемаго нѣмецкаго хлѣба назначено таксою продавать по 7 к. сер., а мы платимъ по 10 к., и въ такой пропорціи возвышены произвольно торговцами цѣны на многіе другіе предметы потребленія. Но при всемъ томъ еще не дошло до страшной дороговизны. Напримѣръ, фунтъ сахару продается не дороже 40 к., стеариновыя свѣчи 45 к., паюсная икра 70 к., масло коровье 15 к. Цѣны эти надобно назвать даже умѣренными, принимая въ соображеніе невѣрность положенія торговцевъ, рискъ капиталомъ при торговлѣ на театрѣ войны, затрудненія въ подвозахъ и другія неудобства.

И, несмотря на то, промышленность въ Севастополѣ дѣлаетъ свое дѣло: всего здѣсь вдоволь, какъ для офицеровъ, такъ и для солдатъ. Доходитъ даже до прихотей, до роскоши, капризамъ которой мы не могли бы удовлетворять съ нашими ограниченными средствами на другихъ, болѣе покойныхъ, зимнихъ квартиръ въ Россіи. Сколько здѣсь выпито настоящаго эль-кока! Его столько привозилось въ Севастополь, что одесскіе купцы говорили гуртовымъ крымскимъ покупщикамъ: да что вы въ Севастополѣ прудъ что ли изъ портера дѣлаете? (Портеръ здѣсь платится 3 р. сер. бутылка). Сколько выпито настоящаго клико! (не забудте 6—7 р. бутылка); сколько

поглощено устрицъ, свѣженькихъ, только-что пойманныхъ подъ огнемъ непріятельскимъ! Матросы ихъ продавали ежедневно (по 30 к. сер. сотню) во множествѣ, несмотря на разсказы, всюду ходившіе, о ихъ ядовитости, происшедшей будто бы отъ окисленія мѣдной обшивки кораблей, затопленныхъ въ бухтѣ. Предоставляемъ медикамъ и зоологамъ-наблюдателямъ рѣшить: въ какой степени могло быть справедливо такое убѣжденіе, но мы знаемъ, что устрицы поглощались здѣсь тысячами, и даже солдаты полюбили ихъ, равно какъ и особую породу раковинъ, такъ называемыхъ здѣсь „мидій“, которыхъ они ѣли во множествѣ, варя въ котлѣ.

Словомъ, Севастополь во все время осады не только ни одного дня ни въ чемъ не нуждался, но даже имѣлъ во всемъ избытокъ, могъ наслаждаться нѣкоторыми предметами роскоши.

Бомбы стали падать у соборной церкви. Во время самаго богослуженія одну бомбу разорвало по сосѣдству Михайловскаго собора: пороховой дымъ ворвался клубами въ открытыя окна храма; камнями и землею осыпало священно-служителя у самаго престола Господня! Но такая видимая опасность не останавливаетъ вѣрующихъ: двери храма постоянно отверсты; въ немъ всегда горитъ множество свѣчъ и непрестанно толпятся молящіеся. Однако могъ произойти несчастный случай; бомба, ворвавшись въ храмъ, нашла бы много жертвъ. Рѣшили перенести соборный храмъ въ болѣе безопасное мѣсто, въ Николаевскія казармы, своды которыхъ могли бы, казалось, выдержать паденіе снаряда. И вотъ, сегодня, въ день Преображенія Господня, совершилось преображеніе севастопольскаго соборнаго храма. Я встрѣтилъ на Николаевской площади торжественно-печальную процессію.

Во время самаго разгара дополуденной бомбардировки шли священнослужители, въ полномъ облаченіи, съ непокрытыми головами, неся святые дары, церковную утварь, евангеліе, иконы, хоругви, св. антиминсъ. Съ тихимъ пѣніемъ молитвъ, эта необыкновенная духовная процессія медленно двигалась къ новой священной обители, при громѣ отдаленныхъ выстрѣловъ и при оглушительномъ трескѣ разрѣшающихся неподалеку снарядовъ. Проходящіе становились на колѣни, клали земные поклоны; другіе ловили края пастырскихъ облаченій, прикасаясь къ нимъ устами, съ молитвою и крестомъ. Дивная была картина! Но вдругъ слышимъ клохтаніе падающей бомбы... прямо надъ площадью... спускается... Но помиловалъ Богъ: она разрѣшилась въ воздухѣ, и только затрещала мостовая подъ ударами ея осколковъ... Процессія остановилась, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ всѣ молились благодарственно за видимое спасеніе свое отъ грозившей гибели. Мы продолжали путь и видѣли, какъ равнодушные къ величайшимъ ужасамъ смерти солдаты были поражены этимъ необыкновеннымъ появленіемъ на стогнахъ страждующаго города Страстотерпца Господа, будто изгнаннаго изъ святаго Своего жилища человѣческою злобою...

Умиленные желанною встрѣчею Царя царствующихъ, укрѣпленные Его

неземною силою, солдаты, съ упованіемъ и новою твердостью, послѣ этой встрѣчи, шли далѣе къ своему мѣсту, въ раіонъ самаго страшнаго огня, ежеминутно готовясь отрѣшиться отъ всего земнаго.

7 августа. Севастополь.

Прежде чѣмъ рѣшиться было на дѣло 4-го августа, главнокомандующимъ былъ собранъ военный совѣтъ, 28 іюля, на Николаевской батареѣ, въ квартирѣ начальника гарнизона графа Сакена *).

---

*) Вслѣдствіе письменныхъ сообщеній генералъ-адъютанта барона Вревскаго военному министру своихъ взглядовъ о необходимости немедленнаго наступленія нашего на союзниковъ, что, по мнѣнію Вревскаго, слѣдовало бы обсудить на военномъ совѣтѣ, по докладу военнаго министра послѣдовало Высочайшее повелѣніе Горчакову, въ собственноручномъ письмѣ Государя 20 іюля, „собрать изъ достойныхъ и опытныхъ сотрудниковъ его *военный совѣтъ*. Пускай,—писалъ Государь,—жизненный вопросъ этотъ будетъ въ немъ со всѣхъ сторонъ обсужденъ, и тогда, призвавъ на помощь Бога, *приступите къ исполненію того, что признается наивыгоднѣйшимъ*“ [1]).

Военный совѣтъ былъ собранъ, 28 іюля, изъ слѣдующихъ лицъ: генералъ-адъютантовъ—графа Остенъ-Сакена и Коцебу; генералъ-лейтенантовъ: Сержнутовскаго, Липранди, Бухмейера, Бутурлина, Хрулева, Ушакова, Семякина и вице-адмирала Новосильскаго. Кромѣ этихъ лицъ, въ совѣтѣ присутствовали: генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій, а также, для разныхъ объясненій, начальники штабовъ: генералъ-маіоръ Крыжановскій и князь Васильчиковъ; полковники Исаковъ и Козляниновъ, генералъ-интендантъ арміи Затлеръ.

Представленными на другой день письменными объясненіями большинство членовъ военнаго совѣта высказалось за атаку союзниковъ со стороны Чоргуна, съ чѣмъ и согласился главнокомандующій и о таковомъ рѣшеніи своемъ донесъ Государю; но послѣ уже этого донесенія князь Горчаковъ пожелалъ узнать мнѣніе генерала Тотлебена насчетъ предположенныхъ дѣйствій, и съ этою цѣлью, въ сопровожденіи генералъ-адъютантовъ Коцебу и барона Вревскаго, посѣтилъ, 2 августа, раненаго Тотлебена, лежавшаго на Бельбекѣ, и просилъ его высказать свой взглядъ на этотъ предметъ. Генералъ Тотлебенъ не одобрилъ наступленія съ Черной, изъявивъ сомнѣніе въ успѣхѣ атаки на Ѳедюхины высоты, и представилъ главнокомандующему рядъ доводовъ въ подкрѣпленіе своего взгляда. Князь Горчаковъ призналъ основательность таковыхъ и уже былъ готовъ отказаться отъ предпріятія, на которое рѣшился противъ собственнаго убѣжденія. Напротивъ того, баронъ Вревскій, въ порывѣ неудовольствія на генерала Тотлебена, сказалъ ему, что на него падетъ вся отвѣтственность за стараніе отклонить главнокомандующаго отъ принятаго имъ рѣшенія. Князь Горчаковъ колебался въ своемъ намѣреніи и, разставаясь съ Тотлебеномъ,

---

[1]) Государь Императоръ въ письмѣ къ князю Горчакову отъ 13 іюля, между прочимъ, писалъ: „Болѣе чѣмъ когда-либо я убѣжденъ въ необходимости предпринять съ нашей стороны наступленіе, ибо иначе всѣ подкрѣпленія, вновь къ вамъ прибывающія, по примѣру прежнихъ, будутъ частями поглощены Севастополемъ, какъ бездонною бочкою. По послѣднимъ заграничнымъ свѣдѣніямъ, общій штурмъ и атака флота съ моря должны быть возобновлены въ началѣ августа нов. ст.; поэтому желательно весьма, чтобы съ приходомъ 4 и 5 пѣхот. дивизій вы немедля предприняли бы рѣшительныя дѣйствія. Они безъ значительной потери не обойдутся, но съ Божіей помощью могутъ также имѣть важный результатъ и поставить самихъ союзниковъ въ весьма затруднительное положеніе“.

Въ письмѣ 20 іюля Государь писалъ: „Ежедневныя потери неодолимаго Севастопольскаго гарнизона, все болѣе ослабляющія численность войскъ вашихъ, которыя едва замѣняются вновь прибывающими подкрѣпленіями, приводятъ меня еще болѣе къ убѣжденію... въ необходимости предпринять что-либо рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ, могущей имѣть, наконецъ, пагубное вліяніе на духъ гарнизона“... и далѣе о военномъ совѣтѣ, какъ выше значится.

Военный министръ подтверждалъ кн. Горчакову о необходимости немедленнаго и окончательнаго рѣшенія вопроса, баронъ Вревскій лично настаивалъ на томъ же,—вполнѣ ли справедливо будетъ, въ виду этихъ давленій свыше, обвинять князя Горчакова въ рѣшимости дать сраженіе 4 августа?...

Разсказываютъ, что мнѣніе Хрулева на этомъ совѣтѣ было,—въ данную минуту воздержаться до прибытія ожидаемыхъ значительныхъ силъ, заключающихся преимущественно въ ополченіи, и по прибытіи ихъ произвесть рѣшительный ударъ, всѣми наличными силами, изъ города *). Говорятъ, Сакенъ соглашался на совѣтѣ и съ основною мыслью князя Горчакова о необходимости произвесть немедленно атаку непріятельской позиціи со стороны Чоргуна и съ мыслью высказанною генераломъ Хрулевымъ, а своего убѣжденія въ окончательной формѣ не высказалъ **). Между тѣмъ князь Горчаковъ убѣдился доводами генераловъ Бутурлина, барона Вревскаго и Крыжановскаго и рѣшилъ дать сраженіе по тому плану, какъ оно было выполнено 4 августа.

Погромъ, нами понесенный, сильно огорчилъ старика Горчакова и онъ, говорятъ, подъ конецъ сраженія просто искалъ смерти, но смерть его пощадила, тогда какъ въ свитѣ его нѣкоторые ранены или контужены, а подъ нѣкоторыми убиты лошади. Такъ подъ барономъ Вревскимъ убили лошадь. Красовскій видитъ, что онъ лежитъ на землѣ и только махаетъ фуражкой, вообразилъ, что онъ раненъ, и бросился за носилками, нашелъ, прибѣгаетъ съ ними и видитъ что Вревскій на ногахъ:

„А я для васъ за носилками бѣгалъ,—думалъ ранены“!

—Покорно васъ благодарю,—отвѣчалъ Вревскій—я здоровъ!... А черезъ какія-нибудь 15—20 минутъ послѣ этого ему уже оторвало голову!..

„Что такое?“ замѣтя внезапную суматоху, спросилъ Горчаковъ.

повидимому, предполагалъ отложить на время атаку непріятельской позиціи; но, по возвращеніи въ главную квартиру, находясь подъ вліяніемъ Вревскаго, Бутурлина и др. лицъ, снова склонился на сторону прежняго плана—атаковать непріятеля на р. Черной (Богдановичъ. Вост. война, т. IV).

*) Объ этомъ мнѣніи упоминаетъ графъ Сакенъ въ своей замѣткѣ: „Военный совѣтъ при оборонѣ Севастополя 29 іюля 1855 г.“ (Русская Старина, окт. 1874 г.), говоря:

„Послѣдовало чтеніе мнѣній.

Мнѣнія были, болѣе или менѣе, неопредѣленныя, кромѣ мнѣнія ген.-лейт. Хрулева, который, сколько я припомню, приблизительно, предлагалъ сосредоточить всѣ войска, рѣшительно атаковать непріятеля, припереть къ морю и тѣмъ окончить Крымскую войну“.

„Коротко и ясно!“—заключаетъ графъ Димитрій Ерофеевичъ, будто съ насмѣшкой, хотя это мнѣніе едвали таковой заслуживаетъ. Между тѣмъ генералъ Хрущевъ въ своей „Исторіи“ (Idem, стр. 120—121) утверждаетъ совершенно противуположное, говоря, что генералъ Хрулевъ, допуская возможность атаковать непріятеля съ Корабельной, не ждалъ отъ этого окончательно благопріятныхъ результатовъ и потому признавалъ полезнѣе оставить южную сторону Севастополя и перейти на сѣверную. Кому вѣрить?

Шильдеръ, въ „Біографіи Тотлебена“, утверждаетъ, что на этомъ военномъ совѣтѣ былъ противъ наступленія одинъ только графъ Сакенъ,—Коцебу, Сержнутовскій, Липранди, Бухмейеръ, Бутурлинъ, Ушаковъ, Семякинъ, Новосильскій—всѣ высказались за наступленіе съ поля, а Хрулевъ за наступленіе съ Корабельной.

**) Слухъ этотъ оказался невѣренъ. На этомъ военномъ совѣтѣ графъ Сакенъ прочелъ свое письменное мнѣніе, заканчивавшееся предложеніемъ оставить непріятелю южную часть Севастополя.

По окончаніи чтенія князь Горчаковъ, съ выраженіемъ неудовольствія, сказалъ: „*не оставлю*“.

„По окончаніи военнаго совѣта,—прибавляетъ графъ Сакенъ,—начальникъ главнаго штаба арміи (П. Е. Коцебу) отвелъ меня въ сторону и сказалъ: J'admire votre abnégation; je voulais dire la méme chose, mais le courage me manqait“ (Idem. „Военный совѣтъ“ и пр., стр. 338).

— Вревскій убитъ!

„Подобрать!“ крикнулъ Горчаковъ и поскакалъ дальше по полю сраженія...

Послѣ того, какъ нашихъ опрокинули, бѣгство пѣхоты сдѣлалось неудержимымъ. Горчаковъ это замѣтилъ и разсердился:

„Заставьте ихъ идти тихимъ шагомъ!“ кричалъ онъ.

Но какая была возможность исполнить это приказаніе? Обломки начальства хлопотали, суетились, кричали, бѣгали и ничего не могли сдѣлать!.. Впрочемъ, слава еще Богу, что день этотъ такъ для насъ кончился, какъ кончился, а то нашихъ могла постигнуть еще болѣе печальная катастрофа, еслибы непріятель рѣшительнѣе дѣйствовалъ, перешелъ бы въ наступленіе и постарался овладѣть однимъ изъ укрѣпленій на флангѣ Чоргунскаго отряда, какъ наприм. батареею литера А. Въ случаѣ подобнаго успѣха союзниковъ, у насъ могла бы усилиться паника и попытка могла удаться, а удайся она—нашъ отрядъ пострадалъ бы вдвое больше и, въ случаѣ дальнѣйшаго энергическаго наступленія непріятеля, пораженіе не только Чоргунскаго отряда, но и всей нашей арміи могло сдѣлаться неминуемымъ и тогда едва ли устоялъ бы и самый Севастополь *). Главною причиною потери сраженія 4 августа признаютъ то обстоятельство, что генералъ Реадъ понялъ превратно присланное ему главнокомандующимъ приказаніе и преждевременно, вслѣдствіе этого, перешелъ въ наступленіе **).

Свѣдѣнія и разсказы по этому поводу ходятъ у насъ крайне разнорѣчивые.

Вчера былъ у меня старый пріятель мой Иванъ Ивановичъ Красовскій, состоящій при главнокомандующемъ въ качествѣ дежурнаго штабъ-офицера, слѣдовательно важное дѣйствующее лицо въ главной квартирѣ. Разумѣется, первый разговоръ о дѣлѣ 4 августа, въ которомъ онъ принималъ такое серьезное участіе, онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее:

Едва разсвѣло 4 августа, въ 3 часа утра, князь Горчаковъ пріѣхалъ съ Мекензіевой горы на редутъ, гдѣ ему слѣдовало находиться при началѣ дѣла, по диспозиціи имъ данной войскамъ и, видя, что войска еще не нача-

---

*) Лебрюнь въ своихъ „Souvenirs“ (Idem, стр. 114 и далѣе) утверждаетъ, что еслибы Пелисье, послѣ того какъ мы были совсѣмъ разбиты, устремилъ на насъ всю свою кавалерію, вмѣстѣ съ предложеннымъ Ла Марморой полкомъ Сардинской кавалеріи и съ бывшей неподалеку Англійской кавалеріей Скарлета, то исходъ сраженія на Черной былъ бы несравненно рѣшительнѣе въ интересахъ союзниковъ.

**) Perret (Idem, стр. 369) говоритъ, что битва на Черной была ознаменована со стороны Французовъ замѣчательной системой оборонительной, а со стороны Русскихъ возмутительной нерѣшительностью и полнѣйшимъ безначаліемъ. Генералъ Хрущевъ въ своей „Исторіи“ (Idem, стр. 132) говоритъ, что „изъ двухъ большихъ дѣлъ, 24 октября на Инкерманскихъ высотахъ и 4 августа на р. Черной, первое по идеѣ было превосходно, а по исполненію дурно; второе же какъ по исполненію, такъ и по идеѣ было совершенно нелѣпо. Фельдмаршалъ Паскевичъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ князю Горчакову сказалъ, что дѣло на Черной будетъ вѣчнымъ позоромъ нашей военной исторіи“. (Руск. Стар. 1872 г., т. VI).

ли приводить въ исполненіе назначеннаго имъ по диспозиціи, а именно генералъ Липранди еще не атаковалъ Телеграфной горы, а генералъ Реадъ для его поддержанія не открылъ еще артиллерійскаго огня по Θедюхинымъ высотамъ, подозвалъ Красовскаго и сказалъ ему: „Поѣзжай, скажи Липранди и Реаду что же они стоятъ? Пора начинать". Красовскій поскакалъ, насилу отыскалъ Липранди и передалъ ему приказаніе, тотъ отвѣчалъ: „Хорошо!" и началъ дѣлать соотвѣтствующія распоряженія для атаки Телеграфной горы. Красовскій поскакалъ къ Реаду, нашелъ его въ передовой казачьей цѣпи, осматривавшимъ въ трубу непріятельскую позицію, и также передалъ ему приказаніе князя. Реадъ, также какъ и Липранди, отвѣчалъ: „хорошо!" и Красовскій тотчасъ же повернулся и поѣхалъ назадъ, но Реадъ крикнулъ ему въ догонку и остановилъ его: „Послушайте,—говорилъ онъ,—вѣдь я понимаю: начать дѣло, не то чтобы переходить рѣку и ударить на непріятеля, а просто открыть артиллерійскій огонь"!

— Мнѣ тоже такъ кажется, отвѣчалъ Красовскій;—впрочемъ я буквально повторю вашему высокопревосходительству слова князя: „Поѣзжай, скажи генералу Реаду, чтобъ онъ начиналъ дѣло" *).

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ объ этомъ дѣлѣ видно, что 12 дивизія пошла въ атаку вслѣдствіе слѣдующихъ обстоятельствъ. Пріѣзжаетъ кор-

---

*) Слова эти переданы Красовскимъ въ нѣсколько иной редакціи, въ брошюрѣ его „Изъ воспоминаній о войнѣ 1853—56 года" (Томскъ 1884), но смыслъ этихъ словъ тотъ же. Впрочемъ я стою за редакцію этихъ словъ мною приведенныхъ, такъ какъ они записаны были мною послѣ разговора съ Красовскимъ черезъ нѣсколько минутъ и были сказаны имъ на третій день послѣ сраженія, слѣдовательно, когда еще очень были свѣжи въ памяти разскащика.

Столыпинъ (впослѣдствіи командиръ Гренадерскаго корпуса), во время дѣла на Черной состоявшій ординарцемъ при начальникѣ штаба корпуса Реада, генералѣ Веймарнѣ, разсказываетъ этотъ случай иначе. Въ статьѣ своей „Изъ личныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ" (Русскій Архивъ 1874 г., стр. 1363 ид.) онъ говоритъ такъ:

„Когда занялась заря и у генерала Липранди послышались выстрѣлы, по приказанію Реада, стоявшаго позади 12 дивизіи, былъ открытъ артиллерійскій огонь, оказавшійся, по замѣчанію начальника артиллеріи, по дальности разстоянія отъ непріятеля, недѣйствительнымъ и потому прекращенный, причемъ Веймарнъ со Столыпинымъ поѣхали къ артиллеріи, и когда Веймарнъ воротился, то Реадъ сказалъ ему: „General, il faut attaquer". Веймарнъ возразилъ, что наши войска не стали еще въ линію, что не всѣ еще подошли, но Реадъ сказалъ: „Je ne peu pas attendre: jai l'ordre du Prince". Оказалось, что во время поѣздки Веймарна къ артиллеріи, къ Реаду пріѣзжалъ адъютантъ князя Горчакова (Красовскій) съ приказаніемъ начинать дѣло. „Въ диспозиціи было сказано,—пишетъ Столыпинъ: подошедъ къ непріятелю открыть огонь, а для атаки ждать особаго приказанія. Реадъ спросилъ: „Что значитъ начинать? Огонь мы открыли и прекратили потомъ; значитъ ли это атаковать?" Реадъ былъ человѣкъ новый въ Крымской арміи, храбрости несомнѣнной; онъ могъ опасаться, что чрезъ замедленіе пропуститъ удобный моментъ атаки. „Я понимаю,—сказалъ Реадъ,—что это значитъ атаковать: скажите князю, что я атакую и прошу прислать подкрѣпленія".

Изъ этого разсказа надо понять, что разсказъ Красовскаго невѣренъ:

1) Онъ пріѣхалъ съ приказаніемъ „начинать" къ Реаду не тогда, какъ онъ, по его словамъ, еще не двигался съ мѣста, а когда онъ уже исполнилъ указаніе диспозицій, открывъ артиллерійскій огонь въ подкрѣпленіе Липранди, и если не стрѣлялъ въ моментъ пріѣзда Красовскаго, то потому собственно, что огонь его былъ уже прекращенъ за недѣйствительностію онаго.

Мнѣ кажется, что обязанность Красовскаго была—доложить Реаду, что Горчаковъ послалъ его съ приказаніемъ „начинать", не зная, что онъ уже началъ исполнять первое указаніе диспозиціи и могъ только получить категорическое приказаніе: *продолжать* артил-

пусный оберъ-квартирмейстеръ генералъ-маіоръ Гротенфельдъ и говоритъ начальнику дивизіи генералъ-лейтенанту Мартинау, именемъ князя Горчаковъ, чтобы онъ атаковалъ предмостное укрѣпленіе и, овладѣвъ имъ, взялъ бы Ѳедюхину гору.

„А Реадъ знаетъ про это приказаніе?“ —спросилъ генералъ Мартинау.

— Не умѣю сказать.

„Ну, такъ я поѣду спрошу у генерала Реада“—и поѣхалъ съ дивизіоннымъ адъютантомъ Клейнгаузомъ (который мнѣ и разсказывалъ этотъ эпизодъ), адъютантомъ своимъ Шлейферомъ и еще однимъ офицеромъ ординарцемъ. Отыскавъ Реада, Мартинау спрашиваетъ:

„Изволите приказывать атаковать?“

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—отвѣчалъ Реадъ, и Мартинау тотчасъ пустилъ въ атаку 12 дивизію съ Одесскимъ полкомъ во главѣ.

Послѣдствія извѣстны.

Когда пришли нѣсколько въ себя послѣ дѣла 4 августа, потребовали къ отвѣту генераловъ Мартинау и Ушакова: по какому дескать, случаю начата была атака? Кто приказалъ атаковать?

Отвѣчаютъ: „Генералъ-адъютантъ Реадъ“. Ну, и подняли цѣлую исторію: „да по какому случаю Реадъ? Кто ему приказалъ? Что до насъ, говорятъ и князь Горчаковъ и начальникъ главнаго штаба Коцебу,—мы не приказывали! Мы руками всплеснули, когда увидѣли что вы атакуете!.. „Ну, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, всю вину и бѣду свалили на мертваго—на Реада *), какъ въ свое время валили вину проигрышей другихъ дѣлъ то на Сельвана, то на Соймонова!

Высшее начальство пожалуй довольно даже бываетъ въ душѣ, что въ

лерійскій огонь, еслибы признали, что онъ недостаточно обстрѣлялъ непріятельскую позицію, или атаковать („начинать“) въ смыслѣ наступленія.

2) Реадъ отвѣчалъ Красовскому совсѣмъ не то, что говоритъ Красовскій, а діаметрально противуположное: Красовскій говоритъ, будто Реадъ сказалъ, что откроетъ артиллерійскій огонь, а по словамъ Столыпина—что будете атаковать, такъ какъ огонь былъ уже открытъ и прекращенъ.

Очевидно: кто тутъ правъ, кто виноватъ, осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности, хоть самъ главнокомандующій, по приказанію Государя, производилъ разслѣдованіе этого дѣла, оказавшагося при этомъ разслѣдованіи согласнымъ съ разсказомъ Красовскаго!!

Богдановичъ въ своей исторіи Восточной войны объясненіе Реада съ Красовскимъ передаетъ согласно редакціи Столыпина (Idem, стр. 29).

*) Самая реляція сраженія, сообщенная военному министру княземъ Горчаковымъ и напечатанная въ прибавленіи къ 176 № „Русскаго Инвалида“ за 1855 годъ, говоритъ категорически: „Порывъ, оказанный въ оном (т.-е. въ дѣлѣ 4 августа) всѣми частями войскъ нашихъ, имѣлъ бы, безъ сомнѣнія, счастливый исходъ, еслибы генералъ Реадъ не сдѣлалъ преждевременной частной атаки, вмѣсто той, которую я предполагалъ сдѣлать совокупно войсками его и ген.-лейт. Липранди, непосредственно поддержанными главнымъ резервомъ“.

Между тѣмъ, по общему отзыву, главная причина неудачи на Черной та, что голова нашихъ наступающихъ колоннъ доходила уже до непріятеля и вступила въ дѣло, когда большая часть нашихъ остальныхъ войскъ, предназначенныхъ въ дѣло, еще находилась на Мекензи и изъ нашихъ нѣсколькихъ сотъ пушекъ только 30 приняли участіе въ дѣлѣ, —

проигранныхъ сраженіяхъ каждый разъ убиваютъ одно изъ такихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ дѣла, на которыхъ удобно валить всѣ причины неудачи...

Смерть носится по улицамъ *Корабелки*. Кажется, ни одного дома не осталось не поврежденнаго; повсюду разрушеніе, кровь и дымъ. Всякую ночь гдѣ-нибудь начинается пожаръ, и на него, какъ ночныя бабочки на огонь, со всѣхъ сторонъ слетаются снаряды непріятельскіе.

Господь хранитъ меня. Домъ, въ которомъ мы недавно жили съ добрымъ пріятелемъ моимъ Клейнгаузомъ, разбило теперь совершенно. Въ немъ отъ одной незваной гостьи погибло около четырнадцати человѣкъ Селенгинцевъ. Сегодня я проѣхалъ мимо. Какъ не зайти, не взглянуть на старое свое жилье. Печальный видъ! Ни оконъ, ни дверей; часть стѣны разрушена; въ комнатахъ груды камня, исковерканная мебель, кровавыя пятна на остаткахъ стѣнъ. Нигдѣ нѣтъ живой души... Слышенъ только стонъ проносящихся снарядовъ, да мяуканье исхудалой кошки на кровлѣ сосѣдняго дома... И нашъ бѣдный садикъ измѣнилъ свой видъ: фруктовыя деревья поломаны или срублены; даже трава пожелтѣла; заглохли кусты нѣкогда роскошныхъ розановъ, а огромный кустъ сирени, при мнѣ уже поврежденный у самаго корня днищемъ бомбы, но съ моею помощью сохранявшій еще жизнь, теперь засохъ совершенно. Грустное впечатлѣніе производятъ на душу такія картины.

Бомбардировка начинаетъ измѣнять свой характеръ: яростная съ утра, она постепенно стала ослабѣвать къ вечеру, не имѣя той паузы въ полдень, какую сдѣлала вчерашняя и третьягоднешняя бомбардировка, чтобы съ большею силой закипѣть послѣ отдыха. Наши артиллеристы отбиваются съ удивительнымъ искусствомъ и мужествомъ. Третьяго дня наши сбили у непріятеля около тридцати орудій; разрушили многія его батареи и заставили замолчать нѣкоторыя. Разумѣется, и у насъ ежедневно подбиваютъ по нѣскольку орудій и днемъ разрушаютъ большую часть работъ, созидаемыхъ ночью. О потерѣ въ людяхъ и говорить нечего: у насъ она весьма значительна.

Всѣ эти дни вообще канонада была ужасная. У насъ произошло нѣсколько небольшихъ частныхъ взрывовъ. Взорвало небольшой пороховой погребокъ на второмъ нумерѣ. На Малаховомъ курганѣ взлетѣлъ на воздухъ запасъ бомбъ. Только-что ихъ навозили, штукъ пятьдесятъ, кажется, не успѣли перетаскать въ погребъ; вдругъ падаетъ непріятельская бомба, и всѣ онѣ — на воздухѣ. Счастье, что немного побило людей. На батареѣ Жерве тоже взорвало около тридцати бомбъ. Жаль ихъ до крайности,—на

наконецъ потому, что изъ Севастополя не произвели условленной вылазки. Реадъ не могъ перевесть за Черную достаточнаго количества артиллеріи потому, что какъ черезъ эту рѣчку, такъ и чрезъ водопроводную канаву (имѣвшую глубины 8 футовъ) не было мостовъ.

нихъ большой расходъ; ихъ надобно везти издалека сухимъ путемъ, на повозкахъ, отъ чего онѣ обходятся правительству чрезвычайно дорого. Снарядъ этотъ достоинъ наибольшаго вниманія, какъ по своей цѣнности, такъ и по вреду, какой онъ приноситъ осаждающимъ, но у насъ нельзя сказать, чтобы имъ очень дорожили. Однако всегда имѣютъ неприкосновенный запасъ бомбъ и поступаютъ въ этомъ случаѣ весьма правильно; нельзя же израсходовать всѣ, а потомъ въ критическій моментъ остаться безъ нихъ, какъ безъ рукъ. Наша молодежь на батареяхъ горячится: надо, не надо, особенно ночью,—„дай-ка брошу бомбу, посмотримъ: куда-то ляжетъ?“—и бросаютъ... Сдѣлаетъ непріятель выстрѣлъ, наши угостятъ его десяткомъ; наши замѣтятъ гдѣ непріятельскую работу, будутъ стрѣлять на этотъ пунктъ всю ночь... Словомъ, артиллерійскимъ огнемъ у насъ сильно злоупотребляли, особенно въ началѣ защиты, когда еще думали *пугать* врага живостью канонады и громомъ выстрѣловъ заглушить въ немъ всякую мысль о возможности штурма. Въ настоящее время начальство строго стало смотрѣть, чтобы не стрѣляли на вѣтеръ, но возможно ли смотрѣть за каждымъ батарейнымъ командиромъ? По этимъ-то причинамъ въ настоящее время количество бомбъ извѣстнаго калибра, наиболѣе нужнаго, до того уменьшилось, что не стали вовсе почти выпускать ихъ изъ склада, составляя необходимый запасъ.

Солдаты, видя, что нѣкоторымъ орудіямъ уменьшилось работы, ухитрились по-своему: имъ тоже вѣдь плохо, когда свои мало стрѣляютъ: „Французъ сейчасъ зазнается, носъ подниметъ; ему ходу давать нельзя, его надо безпрестанно бить и душить, а то сейчасъ на шею сядетъ!“ Вотъ наши солдаты и стали замѣнять бомбу извѣстнаго калибра брандскугелемъ, на который у насъ небольшой расходъ. Снарядъ этотъ матросы и солдаты-прислуга передѣлываютъ по-своему. Всѣ отверстія задѣлаютъ какимъ-нибудь желѣзомъ, начинятъ порохомъ, а въ одно изъ отверстій вставятъ трубку,—и бросаютъ какъ обыкновеную бомбу.

Солдаты толкуютъ между собою, что Французъ съ Англичаниномъ положили бомбардировать Севостополь 20 дней, пока не сдастся, а если эта мѣра не удастся, то взять городъ силою. Что мудренаго! „Будетъ, говорятъ, бить изъ орудій по цѣлымъ суткамъ, пока не высмотритъ, что дѣло можно обработать, улучитъ минуту—бросится и накроетъ...“

Ночь.

Въ настоящую минуту союзники стрѣляютъ залпами. Признаться, ужасный способъ наносить вредъ противнику. Вообразить страшно: вдругъ изъ траншеи вылетаетъ двѣнадцать, тринадцать бомбъ разомъ; онѣ поднимаются, поднимаются, описываютъ страшную дугу, обгоняя одна другую, и валятся всѣ разомъ на одинъ изъ бастіоновъ. Можно себѣ представить чувства, съ которыми встрѣчаютъ эту вереницу почти беззащитные жители бастіона! Но можно ли вообразить, не видавши, какое онѣ произведутъ разрушеніе на нашемъ несчастномъ укрѣпленіи, уже столько разъ осыпан-

номъ осколками, камнями, кусками желѣза, даже пулями, нерѣдко вылетающими смертоноснымъ градомъ изъ разрѣщающихся снарядовъ.

Днемъ союзники дѣлаютъ подобные залпы ядрами. Этого рода залпы сметаютъ все на пути своемъ, будто метлою. Ревъ, который происходитъ при стремленіи этой кровожадной стаи снарядовъ, потрясаетъ самыхъ отважныхъ. Въ мірѣ, кажется, нѣтъ предмета, который не сокрушился бы подъ этими страшными ударами, нѣтъ предмета, кромѣ мужества человѣка. Но, сверхъ такихъ открытыхъ ударовъ, союзники употребляютъ множество другихъ, даже коварныхъ способовъ, губить какъ можно болѣе у насъ людей.

Напримѣръ вчера, часу въ одиннадцатомъ ночи, былъ поданъ Англичанами сигналъ въ траншеяхъ, посредствомъ ракетъ. Вслѣдъ за этимъ поднялся крикъ: „ура! впередъ!—впередъ!“ и открылась ужасная пальба противъ третяго бастіона. Наши, думая, что союзники дѣлаютъ внезапное ночное нападеніе, сейчасъ же отозвали цѣпь. Англичане, замѣтивъ это, стали кричать еще громче, стрѣлять, трубить, бить наступленіе, впрочемъ не вылѣзая изъ траншей, какъ оказалось. Но наши этого не могли разобрать въ ту же минуту, по милости глубокой темноты и, принимая мѣры, чтобы хорошенько отдѣлать незванныхъ гостей, вызвали людей на банкеты. Англичане, предвидя это, того только и ожидали, и открыли по бастіону самый учащенный артиллерійскій огонь. Въ этотъ моментъ въ числѣ прочихъ ранили осколкомъ въ голову командира Камчатскаго егерскаго полка, полковника И. П. Голева*), командовавшаго до того дня, въ очередь съ генералъ-маіоромъ Сабашинскимъ, сухопутными войсками на третьемъ бастіонѣ. Къ счастію, рана оказалась не опасною. Въ эту ночь вообще было много жертвъ фальшивой тревоги; но что дѣлать: лучше потерять нѣсколько человѣкъ отъ излишней осторожности, чѣмъ по безпечности погубить не только людей, но и самую воинскую честь свою.

Союзники въ такомъ близкомъ съ нами сосѣдствѣ, что мы ежеминутно ждемъ штурма, а потому должны смотрѣть въ-оба. Потому севастопольская служба становится до чрезвычайности тяжела. Солдаты и офицеры столько выносятъ трудовъ и лишеній, что удивляешься, откуда берутся у нихъ физическія силы. Не обрисуешь со всею точностью общими чертами этой мысли. Возьмемъ частности, взглянемъ поближе на настоящую службу нашей дивизіи. Говорю о нашей дивизіи въ этомъ случаѣ потому, что мнѣ близко и положительно извѣстна ея жизнь; о другихъ же войскахъ, дѣлавшихъ то же, что и наша дивизія, также въ кровавомъ потѣ служившихъ общему дѣлу отечества, не говорю потому, что не знаю частностей, подробностей; мое дѣло говоритъ о томъ, что совершалось въ томъ уголкѣ, который я обнималъ своимъ взоромъ, что дѣлалось въ той части войска, въ которой я служилъ самъ, съ которою и дѣлилъ и труды и опасности, и которой

*) Въ особомъ приложеніи къ этой части нашихъ записокъ помѣщаемъ подъ № 111 составленную нами біографію И. П. Голева и напечатанную въ „Русской Старинѣ“ (апрѣль 1881 г.).

всякій часъ, всякій моментъ жизни въ Севастополѣ мнѣ также хорошо извѣстенъ, какъ всякій часъ, какъ всякій моментъ моей собственной жизни. Пусть каждая часть войска, каждый отрядъ разскажетъ въ свою очередь про свое собственное житье-бытье въ Севастополѣ. Эти разсказы могутъ быть полезны будущему историку севастопольской защиты.

Въ это время людей, на которыхъ собственно лежала боевая севастопольская служба, немного было въ нашей дивизіи, а именно: изъ строевыхъ записокъ сего числа видимъ, что въ Селенгинскомъ полку 2.034 человѣка, въ Якутскомъ 2.176, въ Охотскомъ 2.190 и въ Камчатскомъ 2.010, итого въ дивизіи 8,409 человѣкъ. Самою легкою считается стоянка Охотскаго полка на Пересыпкѣ, но и этотъ пунктъ не даетъ покоя тѣмъ, кто его охраняетъ. Денная и ночная цѣпь, множество секретовъ, прикрытій на батареѣ, множество земляныхъ работъ, какъ собственно на Пересыпкѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ. — все это, вмѣстѣ взятое, требуетъ много людей. Ночью же постоянно весь полкъ выходитъ на бастіонъ или въ цѣпь, такъ что вошло въ обыкновеніе спать днемъ и бодрствовать ночью. Но все-таки Охотскому полку легче другихъ полковъ нашей дивизіи. Полкъ построилъ себѣ множество помѣщеній въ скалахъ, въ совершенной безопасности отъ непріятельскаго огня. Все время пребыванія въ Севастополѣ полкъ этотъ не подвергался переселеніямъ съ одного отдѣленія на другое, обжился на одномъ мѣстѣ и знаетъ поэтому всякій уголокъ какъ своей позиціи, такъ и непріятельской предъ собою, что весьма много способствовало успѣхамъ его во всѣхъ столкновеніяхъ съ врагами.

Что касается до остальныхъ трехъ полковъ дивизіи, то они не знаютъ покоя въ послѣднее время, особенно Камчатскій полкъ. Два полка на службѣ въ передовыхъ линіяхъ и на бастіонахъ, проводя поочередно недѣлю на отдыхѣ *въ доковыхъ магазинахъ*, куда безпрестанно ложатся непріятельскіе снаряды и откуда приходится ходить цѣлымъ полкомъ на различныя работы ночью по лѣвой половинѣ оборонительной линіи. Хотя и въ докахъ весьма небезопасно, но по крайней мѣрѣ отдыхающему полку днемъ можно уснуть; по крайней мѣрѣ онъ подъ крышею, не жарится на солнцѣ, не коптится въ пороховомъ дыму; по крайней мѣрѣ здѣсь ноги можно размять, есть мѣсто пройтись. Словомъ, солдатъ находитъ множество удобствъ, комфорта во время пребыванія въ докахъ, сравнительно съ нахожденіемъ на бастіонѣ.

Доки — севастопольская Капуа для нашей дивизіи. Тамъ солдатъ полощется половину дня въ бухтѣ: то моетъ бѣлье, то самъ моется, по нѣскольку часовъ проводитъ за обѣдомъ или ужиномъ; спитъ сколько вздумается; играетъ въ орлянку, сколько душѣ угодно; у промышленныхъ матросовъ или матросокъ всегда найдетъ лишнюю чарку водки за добытый кровью грошъ; пирогъ купитъ; квасомъ полакомится; *бычковъ* или *кефалъ* поудитъ, займется ловлею *мидій* или *раковъ*, тоже имѣющею свою поэзію. Словомъ, въ докахъ сравнительно съ бастіономъ — рай.

Всмотримся въ бастіонную жизнь. Возьмемъ Камчатскій полкъ, стоящій на третьемъ бастіонѣ съ апрѣля. Онъ вступилъ туда въ составѣ 2.147 нижнихъ чиновъ, трехъ штабъ-офицеровъ, тридцати семи оберъ-офицеровъ. Нынѣ у него, какъ мы видѣли выше, 2.010 человѣкъ нижнихъ чиновъ, но онъ былъ не разъ комплектованъ. Отдѣлимъ въ такъ называемый домашній расходъ до 300 человѣкъ. Изъ нихъ одни пойдутъ на вѣсти къ разнымъ начальникамъ и въ разныя управленія; часть отправится помогать кашеварамъ нарубить дровъ, принесть воды. *Мастеръ этотъ*, съ своею незатѣйливою кухнею, пристроился тутъ же неподалеку, на спускѣ къ бухтѣ, у Александровскихъ казармъ. Часть людей наряжена къ пристани за мясомъ, за водкою, которую привезутъ съ Сѣверной, таскать сухари, крупу, другіе принимать патроны; иные тащатъ испорченное оружіе, затѣмъ остается 1.710 человѣкъ. И вотъ на этихъ остальныхъ ложится вся тягость бастіонной службы. Блиндажей немного, едва достанетъ для офицеровъ и для артиллерійской прислуги. Да и что это за помѣщеніе?—темнота, духота, нечистота, миріады насѣкомыхъ, пыль или грязь не много представляютъ удобствъ; и вотъ большинство солдатъ устраиваетъ себѣ помѣщенія у бруствера бастіона, по крайней мѣрѣ подъ свѣтлымъ небомъ.

Устройство помѣщенія заключается въ томъ, что служивый уляжется у своего ружья, приставленнаго имъ къ брустверу, положивъ ранецъ подъ голову. Въ такомъ положеніи онъ проводитъ большую часть своего времени, отъ смѣны со службы до наряда на новую службу. Стоять и ходить опасно: пулей задѣнетъ; да и куда ходить? Нельзя отлучаться отъ мѣста; сидѣть какъ-то неловко въ амуниціи, а снять ее нельзя ни на минуту въ теченіе всего времени, проводимаго на бастіонѣ; вотъ солдатъ и поваливается съ боку на бокъ въ богатырскомъ снѣ. Свободное отъ сна и отъ службы время солдаты проводятъ на бастіонѣ въ карточной игрѣ, растянувшись на брюхѣ—любимое ихъ положеніе при этомъ случаѣ.

На бастіонѣ солдату нѣтъ возможности ни переобуться, ни бѣлья перемѣнить, ни обмыться хорошенько; валяется въ пыли и грязи нѣсколько дней сряду, иногда недѣлю, двѣ, проводя по преимуществу всѣ ночи напролетъ безъ сна и засыпая только днемъ. Но что за сонъ днемъ! Развѣ можетъ онъ вознаградить за безсонную ночь?... Чтобы дать хоть небольшой отдыхъ гарнизону третьяго бастіона, разрѣшили каждому полку посылать на ночь въ очередь по двѣ роты на Корабельную, когда онъ не имѣетъ никакого особаго наряда.

Днемъ почти всѣ люди, оставшіеся отъ домашняго расхода, избавлены отъ службы; только поставятъ часовыхъ, да сигнальщиковъ, а штуцерники пойдутъ въ свое мѣсто катать цѣлый день по краснымъ шапкамъ (за то они спятъ ночью отъ заката до восхода солнца).

Днемъ допекаетъ бомбардировка, да тасканіе раненыхъ, а то можно бы отдохнуть. Но за то ночью!... Едва настанетъ вечеръ, и потянутся по всѣмъ направленіямъ вереницы людей: столько-то въ секретъ, столько-то въ цѣпь,

въ прикрытіе; главный расходъ на работы, на эти страшныя работы подъ штуцернымъ огнемъ, гдѣ бомбы и гранаты считаются почти пустяками, но гдѣ пули носятся какъ комары на болотѣ. Пошелъ полкъ по наряду, глядишь и не осталось отъ него собственно на банкетѣ и ста пятидесяти человѣкъ, назначенныхъ принять первый вражій ударъ въ случаѣ внезапнаго нападенія. Глядишь, уже потащили раненыхъ, стали стаскивать въ одно мѣсто убитыхъ; на утро не досчитываются того, другаго. Посылаетъ фельдфебель за чистыми рубахами въ цейхгаузъ для тѣхъ, которые, вопреки принятому здѣсь обыкновенію, при отправленіи на бастіонъ, не взяли съ собой чистой сорочки, чтобы въ случаѣ смерти было во что тотчасъ нарядить отправляющагося на вѣчный покой. Ежедневно составляются порядочной величины рапортички о числѣ убитыхъ и раненыхъ. Итоги эти надо скидывать съ числа защитниковъ, а пополненіе опустѣлыхъ рядовъ трудно. Къ тому же стали одолѣвать лихорадки, горячка и тифъ—слѣдствія изнуренія и безсонныхъ ночей; впрочемъ, по милости Божіей, число заболѣвающихъ обыкновенными болѣзнями во все время осады было и есть незначительно, если принять въ соображеніе массу войска, сосредоточеннаго на небольшемъ пространствѣ, и чрезвычайные труды, переносимые этимъ войскомъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ.

Камчатскій полкъ стоитъ на бастіонѣ безсмѣнно, и хотя начальство старается уравнивать службу между полками, сколько позволяютъ обстоятельства, чтобы не доводить войска до изнуренія, но, несмотря на то, Камчатскій полкъ не смѣняютъ и теперь, а оставляютъ еще на очереди. Причина та, что не кѣмъ смѣнить его и къ тому же онъ освоился съ этимъ пунктомъ, привыкъ ко всѣмъ условіямъ службы на ономъ; а поди-ка пріучай новыя войска! Теперь все идетъ здѣсь какъ хорошіе часы, а замѣнишь эти войска новыми—и пойдетъ неладица и неудачи, значительныя *потери въ людяхъ*, не привыкшихъ беречь себя на этой мѣстности, напрасная стрѣльба, фальшивыя тревоги и тому подобное.

Сейчасъ прибѣжали сказать, что моего шурина, поручика конной артиллеріи Василія Васильевича Безобразова, понесли въ Николаевскія казармы *). Осколкомъ ранило его въ голову, надъ вискомъ. Я побѣжалъ на перевязочный пунктъ съ стѣсненнымъ сердцемъ... Знаю, что значитъ головная рана разрывнымъ снарядомъ!... По узенькой лѣстницѣ Николаевскаго форта взбираюсь на второй этажъ; бѣгу по казармѣ, заставленной койками. Запахъ уксуснаго куренія, смѣшиваясь съ запахомъ свѣжей крови, поражаетъ обоняніе. Въ казармѣ полумракъ. Налѣво отъ входа лежатъ вновь ампутированные. Какимъ фосфорическимъ свѣтомъ горятъ глаза этой молодой женщины съ отрѣзанною ногою! Какъ ужасно это судорожное вздраги-

*) Въ приложеніи IV-мъ передаю главныя черты жизни этого замѣчательнаго по судьбѣ своей человѣка, можно сказать, вся жизнь котораго состояла изъ болѣзненныхъ страданій отъ ранъ и контузій, за отечество понесенныхъ и приведшихъ его къ преждевременной могилѣ.

ваніе байковаго одѣяла, которымъ закрытъ съ головой умирающій страдалецъ, только-что принесенный съ пробитою на вылетъ грудью! Какъ при этомъ отраденъ теплящійся огонекъ лампады предъ ликомъ Пречистой Дѣвы!... Святой ликъ этотъ окруженъ маленькими солдатскими складнями, приношеніями тѣхъ, кому божественный ликъ сей или преподалъ послѣднее утѣшеніе при отходѣ въ другой міръ, или даровалъ новыя неземныя силы выдержать борьбу съ недугомъ...

Какое тягостное чувство рождается при видѣ этихъ *пустыхъ* коекъ, на одной изъ которыхъ сегодня даже, быть-можетъ, я самъ буду облитъ собственною своею кровью. Вотъ у окна толпа. Какъ ангелъ-утѣшитель стоитъ въ этой толпѣ сестра милосердія. Въ полосатомъ затрапезномъ халатѣ особаго покроя, залитомъ кровью, *работаетъ* медикъ. Привычный солдатъ хлороформируетъ страдальца. Онъ въ бреду еще; воинскіе крики не сходятъ съ его устъ; онъ порывается въ бой... Но вотъ хлороформъ одолѣлъ: ампутируемый уснулъ. Проворно захлопотали два медика: пила визжитъ; ему отрѣзали одну полуразбитую руку; отрѣзали часть другой... еще нѣсколько пріемовъ, про которые страшно говорить, и уже бинтуютъ руки раненаго, уже снимаютъ хлороформъ; раненый возвращается къ жизни. Его бредъ возобновляется; вотъ онъ очнулся совершенно: „трубку дайте, трубку!“ кричитъ дикимъ голосомъ страдалецъ. Подали ему трубку. Сестра милосердія стояла съ водкою и рюмкою. Онъ увидѣлъ это.

„Матушка, дай водочки“,—произноситъ онъ едва ворочающимся языкомъ, будто пьяный. Сестра подноситъ ему рюмку водки. Онъ съ жадностью ее поглощаетъ.

„Еще, еще, родимая! Что вы меня, матушка, наперстkомъ-то поите?“ спросилъ онъ, протягивая уста, томимый внутреннимъ жаромъ. Она наливаетъ ему еще рюмку, и еще...

Медикъ хладнокровно вытираетъ инструменты и отходитъ къ другому раненому. „Ты вѣрно за пьянство, братъ, въ солдаты-то отданъ?“—Грубо замѣчаетъ фельдшеръ, изъ зависти видно, что не ему водки поднесли.—За пьянство ли, нѣтъ ли, а за Царя умереть готовъ!—твердо отвѣчалъ раненый.

—Какой ты губерніи?—спросилъ я.

„Курской“. И больной уперся локтемъ одной руки, у которой были отрѣзаны два пальца, въ койку и попытался приподняться.

„Э, нечего тужить, Англичанъ колотить еще будетъ чѣмъ“!

Невѣроятнымъ покажется этотъ разсказъ тому, кто не бывалъ свидѣтелемъ подобныхъ проявленій силы духа простаго русскаго человѣка. Но я не стану выдумывать; не имѣю къ тому никакихъ побудительныхъ причинъ. Разсказываю мною видѣнное, собственными моими ушами слышанное. Бывшіе въ сраженіи и вообще наблюдавшіе дѣло знаютъ, что въ послѣднія минуты жизни солдата, оканчиваемой въ битвѣ, или по полученіи имъ тяжелой раны, въ немъ, такъ сказать, вскипаютъ со дна души его всѣ доселѣ за-

таенныя въ немъ силы его духа. Онъ видитъ свѣжею кровью его, за отчизну пролитою, начертанное право высказывать *все*, что есть у него на сердцѣ. Онъ постигаетъ, что священная кровь эта смыла съ него бремя условій общественныхъ и служебныхъ. Тутъ, въ подобные моменты, можно услышатъ отъ нашего солдата такія высокія истины, какихъ вы никогда не слыхали и не услышите отъ солдата въ его обыкновенной жизни. Въ эти-то минуты вы можете открыть между этимъ классомъ людей существа съ такою возвышенною душою, какую иной и не воображаетъ встрѣтить между простолюдинами. Да, мы не разъ имѣли случай убѣдиться, что подобная кончина солдата—единственная минута въ его жизни, въ которую онъ достигаетъ величайшаго поэтическаго одушевленія и нравственнаго увлеченія.

Съ разныхъ сторонъ казармы несутся различные крики. Чего не услышишь тутъ! И неистовый вопль, вырванный страданіемъ, и бредъ агоніи, и глубокій вздохъ, быть-можетъ, заключившій въ себѣ всю сердечную исповѣдь человѣка, чувствующаго свой послѣдній часъ... Съ душевною тревогою пробѣгаю дальше, оглядывая койки. Направо каюта съ надписью „Профессоръ Гюббенетъ".

Далѣе его помощники и сотрудники, медики перевязочнаго пункта. Они живутъ въ углу той же казармы, отгороженномъ парусиною.

Но вотъ и шуринъ мой. Я узналъ его по его конно-артиллерійской шинели. Онъ спитъ: хорошій знакъ. Свѣжая кровь пробивается свозь головную повязку. Медики успокоиваютъ. Слава Богу, рана его не опасна.

Къ Севастополю притянули дружины Курскаго ополченія, но въ огонь ихъ еще не пускаютъ. Они на Сѣверной переносятъ раненыхъ съ шаланд въ госпитали, содержатъ караулы, работаютъ при постройкѣ укрѣпленій и тѣмъ приносятъ большую пользу, освободивъ отъ этихъ работъ многихъ старыхъ боевыхъ солдатъ, которыхъ поневолѣ приходилось привлекать къ названнымъ занятіямъ. Осмотрятся, прислушаются къ канонадѣ, да къ стонамъ человѣческихъ страданій, тогда только поведутъ ихъ на ту бойню, что зовутъ Севастополемъ.

8 августа. Севастополь.

Лишь забрезжился день, а союзники уже проснулись, и началось дневное обычное представленіе. Вновь заревѣла канонада; только на этотъ разъ наша лѣвая половина была оставлена врагами въ покоѣ, и бомбардировка неимовѣрной силы обратила всю свою ярость на правую половину Севастополя. На лѣвой—наши тоже не дѣлаютъ ни одного выстрѣла.

Какой страшный огонь съ обѣихъ сторонъ! Сколько жертвъ вырвутъ эти перуны изъ строя храбрыхъ! Какъ горько погибнуть въ одну изъ этихъ бомбардировокъ! Погибнешь неотмщенный, даже не имѣя возможности въ утѣшеніе себѣ сказать, что, падая, увлекъ своимъ паденіемъ многихъ враговъ. Исче-

заютъ одна за другою сотни и тысячи жертвъ. Французы называютъ севастопольскую осаду *бойнею*. У насъ кто-то чрезвычайно удачно назвалъ Севастополь *ступкою*.

Истинно! Смерть неутомимо одиннадцатый мѣсяцъ толчетъ пестомъ севастопольскій гарнизонъ, и только русскій могучій духъ можетъ крѣпнуть подъ этими ужасными ударами.

Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ!

Что за причина этой перемѣны цѣли огня непріятельскаго? Какъ объяснить это ожесточенное дѣйствіе вражьей артиллеріи то противъ одной части Севастополя, то противъ другой? У каждаго изъ насъ свое предположеніе, а потому ихъ множество.

Не могли же вообразить союзники, перенеся свой огонь на правую половину Севастополя, что съ лѣвою разсчетъ ихъ конченъ! Не могли потому, что батареи нашей лѣвой стороны не замолкали ни на часъ. Думаютъ ли враги развлечь наше вниманіе и заставить насъ недоумѣвать: какой именно пунктъ будетъ ими избранъ для штурма? Не хотятъ ли сосредоточеннымъ огнемъ разрушить совершенно верки всей линіи нашей, чтобы сдѣлать ничтожнымъ ихъ огонь на всемъ протяженіи? Не думаютъ ли, что мы, во время столь продолжительной, ожесточенной бомбардировки лѣвой половины Севастополя, укрыли на его правой сторонѣ свои резервы, свои артиллерійскіе и провіантскіе запасы, и что они, столь неожиданно направивъ свои перуны на эту сторону, произведутъ чрезвычайное опустошеніе. Если такъ, то они ошибаются: мы не бѣжимъ отъ смерти, въ какихъ бы образахъ она ни являлась намъ, и ждемъ ее на мѣстахъ, намъ однажды указанныхъ, съ стоическимъ равнодушіемъ.

5 августа пріѣхалъ командированный Государынею Императрицею Графъ Віельгорскій для облегченія положенія пострадавшихъ въ дѣлѣ на Черной. Онъ обходилъ всѣ госпитали и лазареты и съ величайшимъ вниманіемъ относился къ нуждающимся въ помощи: отъ всѣхъ принимаетъ прошенія, всѣмъ помогаетъ деньгами, другимъ устраиваетъ эвакуацію, нѣкоторымъ обѣщаетъ помѣстить дѣтей на казенный счетъ въ учебныя заведенія и тому подобное, словомъ—самъ отыскиваетъ нуждающихся въ помощи и ни чьей просьбы не оставляетъ безъ вниманія, по истинѣ, оправдывая высокое довѣріе ему оказанное Августѣйшею Благодѣтельницею страждущихъ воиновъ.

Главнокомандующій пріѣзжалъ сегодня въ Севастополь съ своею огромною свитою.

Появленіе любимаго вождя въ средѣ нашей,—вождя совершенно равнодушнаго къ ужасамъ смерти, на всякомъ шагу ему угрожавшей, укрѣпляетъ ослабѣвающихъ, утѣшаетъ отважныхъ, воскрешаетъ духъ у слабыхъ духомъ,

приводитъ въ восторгъ бойцовъ-героевъ, служитъ наградою тѣмъ, которые не понимаютъ другой награды за свои чудные подвиги, кромѣ сознанія въ исполненіи своего святаго долга. Съ любовью, съ сердечною нѣжностью князь благодарилъ всѣхъ, кого только встрѣчалъ,—генерала и матроса, офицера и загорѣлаго въ боевомъ огнѣ, оборваннаго выстрѣлами солдата..... благодарилъ великимъ именемъ Царя Бѣлаго, за стойкость безпримѣрную!....

Въ прекрасныхъ выраженіяхъ, особыми письмами, подписанными на Павловскомъ мыскѣ, въ комнатѣ генерала Хрулева, главнокомандующій благодарилъ начальниковъ отдѣленій войскъ, приказывая благодарить отъ себя всѣхъ, выдержавшихъ новую ярость вражью, и послалъ начальникамъ войскъ, для возложенія на достойнѣйшихъ, по осьми знаковъ отличія военнаго ордена на каждое отдѣленіе. Генералъ-маіоръ Сабашинскій пріѣхалъ просить у главнокомандующаго дозволенія навѣстить сына, раненнаго 4-го августа въ дѣлѣ на рѣчкѣ Черной. Князь обнялъ храбраго старика, горячо благодарилъ за сына, и велѣлъ его поздравить съ „золотою саблей“. Хрулевъ очень былъ доволенъ этой наградой и тутъ же прямо сказалъ князю: „Такъ пожалуйте, Ваше Сіятельство, эту саблю, что Вы изволили привезть съ собой,— мы ее передадимъ“.—Да со мной только одна сабля и есть, что я привезъ Дену. Я вамъ пришлю. — „Что Вашему Сіятельству безпокоиться,— продолжалъ Хрулевъ,—Дену Вы передать обѣщанную саблю не забудете, а это вѣрнѣе, когда будетъ передана обѣщанная Сабашинскому“.

И князь отдалъ привезенную саблю.

Во всѣхъ кружкахъ не перестаютъ толковать о дѣлѣ на Черной.

Какъ-то разговорились о *предчувствіяхъ*.

Генералъ Огаревъ разсказалъ при этомъ, что наканунѣ дѣла 4 августа, у Бельгарда, командира полка, собралось по обыкновенію обѣдать большое общество, въ которомъ былъ и Огаревъ. Бельгардъ, какъ и всегда, былъ веселъ, шутилъ; всѣ пили, смѣялись, спорили, было очень весело всѣмъ, но лишь встали изъ-за стола, смотрятъ—необыкновенное явленіе: Бельгардъ, всегда беззаботный весельчакъ, душа общества, теперь сидитъ въ сторонѣ, сложивъ по-Наполеоновски руки на груди, мрачный задумчивый. Всѣ притихли и понемножку разбрелись. Въ тотъ же вечеръ Бельгардъ написалъ свое духовное завѣщаніе, которымъ тщательно распредѣлилъ все свое имущество. Въ дѣлѣ на Черной Бельгардъ былъ убитъ.

Полковникъ Скюдери, котораго въ религіозности никто изъ знавшихъ его не подумалъ бы заподозрить, одна изъ самыхъ безшабашныхъ натуръ, какую только можно встрѣтить, наканунѣ дѣла на Черной сдѣлалъ духовное завѣщаніе и всю ночь молился стоя на колѣняхъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ смертельно раненъ и умеръ на перевязочномъ пунктѣ.

9 августа. Севастополь.

Противъ всѣхъ ожиданій, вопреки всѣмъ нашимъ соображеніямъ, сегодня бомбардировка не только не ожесточилась прогрессивно съ предшествовавшими сему числу днями, но умолкла совершенно....

И..... странное вліяніе! Тишина эта не только не утѣшила насъ, не только не порадовала насъ, но, напротивъ, нѣкоторымъ образомъ оскорбила, огорчила. Не станемъ говорить объ офицерахъ. Вслушаемся въ мысли солдатъ на бастіонахъ, свободно высказываемыя:

„Что-жъ, онъ дурачитъ насъ, что ли? Билъ, билъ безъ умолку, сколько крови христіанской пролилъ и вдругъ притихъ, будто и не его дѣло. Пусть бы валялъ до конца, авось бы на штурму полѣзъ опять, авось бы опять рыло въ крови осталось—такъ нѣтъ, видишь: въ-рукопашъ не хочетъ; огнемъ донять думаетъ! Да, есть у него что-нибудь на умѣ, у проклятаго!“

И дѣйствительно, мы не могли понять, что была за цѣль этого кровопролитія. Если это бомбардированіе — месть за 4-е августа, то это насъ утѣшаетъ, доказывая, что достопамятный день не дешево, видно, пришелся союзникамъ, когда они, не имѣя силъ отомстить за него въ открытомъ бою, не могли намъ однако же простить его.

Но если это и не месть даже?

Но если это только дурно разсчитанный ударъ, которымъ думали положить предѣлъ существованію нашего Севастополя, и ошиблись въ разсчетѣ, по безсилію и неловкости? Горько вѣрить въ возможность этого послѣдняго предположенія. Что тогда скажетъ въ свое оправданіе предъ судомъ исторіи руководитель такихъ дѣйствій? Развѣ можно такъ безцѣльно играть жизнью тысячей людей? Развѣ эти потоки человѣческой крови, въ послѣдніе дни пролитой, подвинули хоть на шагъ впередъ вопросъ, изъ-за котораго ратуютъ; развѣ приблизило это кровавое событіе хотя на часъ время паденія Севастополя? *)

Нѣтъ и нѣтъ!

Настоящая бомбардировка была безсмысленнѣе всѣхъ предшествовавшихъ. Положимъ,—тѣ бомбардировки были только попытками; но пора же прекратить ихъ, пора перестать дѣйствовать ощупью, пора приступить къ дѣйствію обдуманному, рѣшительному.

10 августа.

Витте выписался изъ госпиталя и воротился къ намъ. Какія онъ разсказываетъ чудеса про похожденія погонцевъ и водовьихъ и конныхъ. Какія огромныя суммы они прокучиваютъ! Тысячами бросаютъ тамъ, гдѣ мы рубля не можемъ лишняго истратить. Полковникъ Миллеръ,—есть такой командиръ

*) Какое странное сближеніе: *Пятая* бомбардировка началась *пятаго* числа въ *пятомъ* часу утра и продолжалась *пять* дней, за *пять* мѣсяцевъ до окончанія *тысяча восемьсотъ пятьдесятъ пятаго* года.

бригады погонцевъ,—такъ тотъ вначалѣ своей погонческой службы не бралъ взятокъ, но потомъ увидѣлъ, что жить нечѣмъ, а тѣмъ болѣе не на что содержать вывезенную имъ валашку,—ну и пошелъ брать, гдѣ и отъ чего только можно, наживая по нѣскольку тысячъ въ мѣсяцъ. Этимъ разумѣется сталъ пользоваться ближайшій его сотрудникъ, нашъ же офицеръ Шабскій, который и началъ грабить, направо-налѣво, безъ всякого зазрѣнія совѣсти. Шабскій не церемонится: онъ обыкновенно пишетъ ротному командиру: „деньги нужны, пришли столько-то“, и попробуй тотъ заупрямиться и не прислать—сейчасъ полетитъ съ мѣста, со скандаломъ большаго или меньшаго размѣра, какъ будетъ угодно Шабскому.

Всѣ толкуютъ, что необходимо уступить непріятелю южную сторону Севастополя и укрѣпиться на сѣверной сторонѣ, послѣ чего начнется новый періодъ войны, которая должна принять совершенно иной характеръ отъ настоящей.

Что до меня, то я этого взгляда не раздѣляю, полагая крайне опаснымъ уступить имъ южную сторону, занявъ которую, они непремѣнно взорвутъ загражденія бухты, нами устроенныя, овладѣютъ бухтой, введутъ въ нее свои суда и прогонятъ насъ не только изъ сѣверной, но и изъ Крыма, а разъ мы его потеряемъ, едвали Европа позволитъ намъ возстановить въ немъ свое владычество! Очень опасно.

Говорятъ, главнокомандующій писалъ уже Государю, прося позволенія привесть въ исполненіе вышесказанную мѣру, но Государь будто бы отвѣчалъ: „Пока буду живъ, южной стороны Севастополя добровольно не отдамъ!“....

На донесеніе о потерѣ сраженія на Черной, говорятъ, Государь отвѣтилъ: „Не унывай. Очень жаль, что большая потеря; очень жаль, что погибло 8.000, но за вами 62 милліона готовыхъ на смерть!“....

11 августа. Севастополь.

Сегодня предъ пятымъ бастіономъ наши взорвали посредствомъ мины брустверъ непріятельской мортирной батареи. Разумѣется, при этомъ событіи вся почтенная публика, не совершившая сальто-мортале съ брустверомъ, бросилась бѣжать, и пока опомнилась и пришла въ себя, наши молодцы успѣли утащить съ этой батареи двѣ кекгорновыя мортирки или, какъ ихъ называютъ здѣсь—въ Севастополѣ, *собачки*.

Дѣйствительно, эти орудія очень похожи своею фигурою на лающую собачку, сидящую на заднихъ лапкахъ.

Сегодня послѣдовало секретное приказаніе главнокомандующаго начать приготовленія къ выступленію изъ Севастополя перевозкою на Сѣверную казеннаго имущества.

12 августа. Севастополь.

Скоро ли наконецъ будетъ готовъ мостъ черезъ бухту? Начали стягивать плоты. Слава Богу! значитъ скоро кончатъ его; а то частая ѣзда на неуклюжей лодкѣ, управляемой чаще всего двумя мальчиками, въ погоду, подъ непріятельскими снарядами, не совсѣмъ пріятна, особенно для человѣка, вовсе не умѣющаго плавать, какъ я, напримѣръ.

Смерть на сушѣ для нашего брата, человѣка сухопутнаго, кажется далеко не такъ ужасною, какъ смерть на водѣ. Сегодня я въ томъ убѣдился. Было у меня дѣло на Сѣверной, не терпящее отлагательства. Не заставъ у Павловскаго мыса ни одной шлюпки и полѣнясь итти по мостику на Графскую, къ перевозу, я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе дюжаго матроса перемахнуть меня на ту сторону на *тузѣ*. Крошечная лодка безъ руля, шаткая, валкая, какъ скорлупка, показалась мнѣ весьма опасною, тѣмъ болѣе, что было очень вѣтрено; но дѣлать нечего, мы покатили. Вотъ обогнули мы подводные камни, продолженіе Павловскаго мыска; съ трудомъ, по причинѣ сильнаго волненія, миновали Павловскій мысокъ, корабль „Ягудіилъ“, и стали выбиваться на средину бухты, гдѣ, какъ говорилъ мой матросъ, несравненно безопаснѣе, потому что волненіе не такъ безпорядочно, какъ у берега, и волна спокойнѣе и ровнѣе. И точно. Едва мы миновали пароходъ „Бессарабію“, какъ *туза* нашего не такъ уже стало метать, и онъ не такъ глубоко сталъ зарываться въ страшныя волны. Вдругъ, слышу, чавкаетъ бомба..... ближе..... ближе..... Признаться, сердце во мнѣ замерло: я мысленно сотворилъ молитву и простился съ милыми сердцу. Бомба упала отъ насъ въ трехъ, четырехъ аршинахъ и своимъ паденіемъ, своимъ взрывомъ, въ моментъ погруженія въ воду, образовала водяной фугасъ!.... я не видалъ и не слыхалъ осколковъ: море не выпустило ихъ изъ своихъ объятій, но только чувствовалъ, какъ водяной столбъ, мгновенно поднявшись высоко надъ бухтою, падая разметаннымъ порывомъ вѣтра, окатилъ насъ водою..... Все это было дѣломъ мгновенья, и мнѣ казалось, что оно для меня послѣднее въ жизни. Но твердость душевная меня не оставила; я даже не шевельнулся на своемъ *тузѣ*, и потому онъ не опрокинулся, несмотря на сильный всплескъ морской волны, происшедшій отъ паденія бомбы. Однако, должно быть, угроза смерти отразилась на моемъ лицѣ, потому что мой кормчій, съ котораго ручьями лилъ потъ отъ труда и ужаса, обратился комнѣ съ успокоительною рѣчью, увѣряя, что упавшая бомба для насъ уже не опасна, что я и самъ очень хорошо видѣлъ.

„А вотъ меня такъ, ваше благородіе, смерть не беретъ. Сколько разъ была вотъ какъ близко, ближе сегодняшней, а все живъ остаюсь. Товарищи пропадаютъ, а я все живъ. Ужь какъ, кажется, молюсь, чтобы меня ядро разорвало, такъ нѣтъ, не трогаетъ!—заключилъ разскащикъ ломанымъ польско-русскимъ языкомъ.

— Полякъ естесь?

„Такъ вельможный пане, изъ крулества“.

— Что же это у тебя за отчаяніе!—продолжалъ я по-польски, желая вызвать на бо́льшую откровенность интереснаго матроса;—почему это ты смерти желаешь? Служба горька показалась? начальство лихое? А?

„Э, брунь Боже! Двадцать два года служу вэ флоцѣ! Пржизвычаился, и начальство меня любитъ, жить мнѣ бардзо хорошо“.

— Ну такъ что же за причина твоего желанія, скажи, пожалуй?

„Ваше благородіе ужасно боюсь пекла, а смерть на войнѣ, отъ ядра, искупаетъ всѣ грѣхи! Если въ сраженіи ядро разорветъ человѣка на части, ангелы Божіи подхватываютъ куски его и несутъ ихъ къ Престолу Божію“.

Опять насъ сталъ метать прибой. Мы вошли въ „Сухую балку“, проскользнули между транспортами, стоявшими здѣсь на якорѣ, и прибились къ пристани, покрытой толпами народа. Дѣло къ вечеру. Солдаты возвращаются съ Сѣверной, со всякою *получкою*: везутъ дрова; несутъ каменный уголь, соль, воду въ боченкахъ, опутанныхъ веревками и надѣтыхъ на палку; такимъ же порядкомъ надѣтое мясо, въ сальномъ мѣшкѣ, или только прикрытое черною тряпицею; груды зелени для борща; сѣно для фурштатскихъ и артиллерійскихъ лошадей. Въ это время отъ Графской пароходъ притащилъ двѣ шаланды раненыхъ; баркасъ привезъ покойника и погребальную процессію; на пристани перемѣшались офицеры, солдаты, матросы, раненые и здоровые. Пискливые мальчишки предлагаютъ къ вашимъ услугамъ свою лодку, съ полуразорваннымъ парусомъ, который они поднимутъ, выходя изъ „Сухой балки“ въ бухту. Тамъ женщина плачетъ и проситъ смотрителя переправы позволить ей переѣхать на южную сторону: „сказывали ребята, что мужа сегодня ранили и съ бастіона въ Николаевскія отнесли“. Тамъ кричитъ страшнымъ голосомъ раненый, неловко поднятый съ шаланды для переноса на берегъ; мечутся дежурные унтеръ-офицеры и жандармы; офицеръ, смотритель переправы, голосъ потерялъ отъ постояннаго крика. Ярмарка съ своею суетою, разнообразностью и безпорядкомъ—ничто сравнительно съ этимъ хаосомъ на берегу кипящаго моря, при стонѣ и скрипѣ раскачавшихся судовъ, при ревѣ прибоя, при страшномъ громѣ бомбардировки.

Нѣтъ силъ человѣческихъ наблюсти строй и порядокъ на этомъ уголкѣ Севастополя, и вотъ, въ довершеніе суматохи, несется ядро... низко, низко пролетѣло надъ толпою, надъ домами, сгруппированными въ балкѣ, и врѣзалось въ отвѣсный берегъ!.. Вотъ другое: ниже, ниже, и прямо въ толпу. Все разсыпалось... Кто упалъ въ воду, кто проворно отвалилъ отъ пристани, и плыветъ по бухтѣ, кто безсознательно побѣжалъ назадъ.

Какая случайность! Ядро, опустясь въ самой срединѣ народной толпы, ударило въ мѣшокъ съ мясомъ, разбило его, пробило пристань и юркнуло въ бухту. Одинъ солдатъ контуженъ въ голову, и то, повидимому, легко.

Къ концу дня обыкновенно суматоха у пристани увеличивается: къ ней подъѣзжаютъ полуфурки, приготовляемые къ тому времени. На нихъ укладываютъ раненыхъ, привезенныхъ съ южной стороны. Стоны и вопли

увеличиваются. Насажаютъ и накладутъ тяжело раненыхъ во всѣ повозки, а затѣмъ, кто можетъ, самъ потащится по направленію къ сѣверному укрѣпленію, думая какъ бы скорѣе выбраться изъ раіона выстрѣловъ.

Какія лица! какія группы! какую картину представляютъ полуфурки съ завѣтною своею кладью! вездѣ кровь, на всемъ печать страданія или смерти! О, силы неба, когда же кончится эта драма! Со всякимъ днемъ пребываніе арміи въ Севастополѣ становится ужаснѣе и ужаснѣе, и требуетъ болѣе и болѣе кровавыхъ жертвъ. Стала носиться смутная молва, будто думаютъ уступить южную сторону, потому что нѣтъ разсчета держаться тамъ долѣе и тратить напрасно людей и потому еще, что инженерныя работы союзниковъ подведены такъ близко, что имъ не будетъ стоить большаго труда взять городъ приступомъ. Говорятъ, что хотя бы мы сдѣлали изъ всякаго домика цитадель, изъ каждой развалины баррикаду, то всетаки насъ разобьютъ артиллерійскимъ огнемъ и возьмутъ пѣхотою все нами защищаемое, двигаясь впередъ шагъ за шагомъ. Отступить уже они не могутъ отъ Севастополя, не взявъ его. Дѣло зашло слишкомъ далеко. Ихъ главнокомандующій не пожалѣетъ жертвъ, половину своего войска положитъ, а другою половиною возьметъ городъ. Добрые люди видятъ во многихъ дѣйствіяхъ князя Горчакова проявленіе его намѣренія оставить городъ. Указываютъ между прочимъ: 1) на сильное вооруженіе сѣверной стороны, на громадныя батареи, воздвигаемыя не только у Константиновскаго форта, на морскомъ берегу, но и на берегу бухты, какъ необходимыя приготовленія для прикрытія нашей переправы при отступленіи; 2) на распоряженіе разстрѣлять всѣ пятипудовыя бомбы, которыхъ осталось очень немного, по трудности ихъ подвоза, и перевезти пятипудовыя мортиры на Сѣверную и 3) на сооруженіе моста чрезъ бухту, какъ на приготовленіе пути отступленія. Мы, не посвященные въ кабинетныя тайны нашего вождя, думаемъ, что эти толкованія нѣкоторыхъ случаевъ и обстоятельствъ защиты проистекаютъ не изъ добраго источника.

Съ своей стороны мы думаемъ, что сѣверную сторону вооружаютъ потому, что на приблизившагося врага хорошо можно дѣйствовать съ Сѣверной; доказательство батарея № 18-й: она ежедневно наноситъ врагу сильный уронъ, сама почти не теряя людей, и вообще почти не страдая отъ непріятельскаго огня, а чтобъ имѣть возможность успѣшно дѣйствовать на столь значительную дистанцію, перевозятъ большія мортиры изъ города, откуда гораздо удобнѣе стало дѣйствовать по приблизившимся непріятельскимъ траншеямъ орудіями меньшаго калибра. Что касается до постройки моста, то въ этомъ блестящемъ предпріятіи мы видимъ заботливое желаніе главнокомандующаго облегчить доставку всего нужнаго въ Севастополь, и провести широкую дорогу резервамъ, которыхъ не надобно будетъ держать въ страшномъ огнѣ города, а можно будетъ размѣстить въ мѣстахъ, болѣе безопасныхъ на сѣверной сторонѣ. Не хочется какъ-то допустить мысль о возможности сдачи Севастополя по какимъ бы то ни было разсчетамъ. При

одномъ намекѣ на сдачу, многіе выходятъ изъ себя, другіе подозрительно посматриваютъ на господина, дѣлающаго такое предположеніе. Пусть враги возьмутъ Севастополь, святыню, врученную намъ отечествомъ, но мы не будемъ видѣть его сдачи. Если умерло здѣсь *столько* нашихъ братій, то какже *намъ* здѣсь не умереть?

Отдать Севастополь!—а что скажетъ Россія?

„Вы дали увянуть славнымъ лаврамъ севастопольскимъ, вами самими и вашими погибшими уже братьями взрощеннымъ и возлелѣяннымъ!“

„Вы пожалѣли своей крови для ихъ орошенія. Вы попустили надменнаго врага потоптать ихъ, составляющихъ славу отчизны, и преградою ему не могли поставить груды вашихъ тѣлъ!“

Ужели мы доживемъ до этихъ укоризнъ? Ужели намъ не съ полнымъ тріумфомъ суждено воротиться въ отечественные предѣлы? Ужели послѣ трудовъ и бѣдствій трехлѣтней кампаніи и страшной настоящей борьбы, вмѣсто торжества и ликованій, мы должны будемъ видѣть холодный пріемъ собратій, слышать ихъ горькіе упреки?..

Нѣтъ, этого не можетъ быть, не должно быть! или, вѣрнѣе, до того мы не должны дожить!

На работы укрѣпленій Сѣверной стороны Севастополя пришли съ Инкерманскихъ высотъ Днѣпровскій и Украинскій полки. Имъ помогаютъ ополчане. Подъ Севастополь пришло уже много дружинъ. Отъ нихъ посланы люди въ помощь артиллерійской прислугѣ на бастіоны. Нѣсколько дружинъ стали въ дрянныхъ землянкахъ сѣвернаго укрѣпленія, другія въ палаткахъ подъ самымъ укрѣпленіемъ, занимая въ немъ всѣ караулы; иныя стали частію лагеремъ, частію бивакомъ, на Сѣверной, ближе къ Бельбеку.

На службу ходитъ одно Курское ополченіе, какъ пришедшее прежде всѣхъ.

Любо посмотрѣть на курскихъ ратниковъ. Что за молодцы, особенно тѣ, что съ бородами! Да и какую мужественную красоту придаетъ человѣку окладистая, большая борода. Какая сановитость, гордая осанка въ этомъ воинѣ. Всмотритесь, какъ безъискусственно, но твердо держитъ онъ ружье. Во всякой его позѣ, во всякомъ движеніи самоувѣренность, чувство собственнаго достоинства. Въ немъ тѣни нѣтъ той робости, того жалкаго вида, который насъ поражаетъ въ рекрутѣ. Ратникъ чувствуетъ, что онъ воинъ, а не ученикъ. По всему видно, что ополчане будутъ стоять крѣпко въ Севастополѣ, если ихъ введутъ туда, и въ какомъ угодно случаѣ отсидятся отъ врага. Разумѣется, въ открытомъ мѣстѣ, въ полевомъ сраженіи, ихъ мудрено ставить лицомъ къ лицу съ отлично выученными, живыми, пылкими Французами. Не надо забывать, какъ вооружены Французы, какъ они владѣютъ своимъ оружіемъ, и какъ вооружены наши дружины. Куда годится кремневое ружье въ сравненіи съ нарѣзнымъ? Пока добѣгутъ самыя отважныя дружины до пункта, на которомъ стоитъ непріятель, чтобы разбить его ударомъ въ штыки, онъ разстроитъ ряды наступающихъ, начавъ

поражать ихъ батальнымъ огнемъ съ дальней дистанціи, и, видя упорство атакующихъ, продолжающихъ наступленіе, отбѣжитъ назадъ и будетъ продолжать огонь. Такимъ образомъ, не принявъ удара, растянетъ своего врага и разстроитъ его до чрезвычайности, и затѣмъ или дастъ возможность другимъ частямъ своимъ ударить во флангъ наступающаго, или самъ перейдетъ въ наступленіе. Къ тому же, французскій солдатъ, безъ всякаго сравненія, развитъ болѣе ратника. Слѣдовательно, начальнику съ полками Французовъ несравненно лучше маневрировать, чѣмъ съ дружинами ополченія; особенно, если принять въ соображеніе, что французскіе офицеры отлично знаютъ свое дѣло, проникнуты энергіею, жаждой славы и преисполнены чувствомъ долга.

Такимъ образомъ состязаніе въ полѣ дружинъ съ полками союзниковъ, по милости оружія и фронтоваго образованія, немного можетъ обѣщать намъ успѣха, несмотря на всю энергію нашихъ ратниковъ, на всю готовность и стремленіе ихъ умереть за крестъ святой, ихъ осѣняющій. Въ крѣпости, на батареѣ, на редутѣ — другое дѣло. Тамъ и въ наступательномъ и въ оборонительномъ сраженіи ополчане могутъ совершить дивныя дѣла.

Теперь ихъ сберегаютъ. Въ Севастополь вводятъ ихъ небольшими частями; слегка употребляютъ на работы, пріучая къ тяжкой нашей службѣ. Привычка эта, конечно, не дешево достается ратникамъ: незнакомые съ жизнью солдата, они не умѣютъ беречь себя, не умѣютъ ходить за собою, избѣгать разныхъ мелкихъ нуждъ и лишеній, которыхъ почти всегда избѣгаетъ старый солдатъ; а потому ихъ очень много заболѣваетъ. Въ наружномъ отношеніи въ ратникахъ видно много солдатскаго: есть у нихъ нѣкотораго рода выправка, проявляется солдатская замашка; только рука все еще по привычкѣ тянется къ шапкѣ при встрѣчѣ съ начальствомъ, и ратникъ не можетъ еще запомнить, что шапка съ крестомъ—его киверъ, его шлемъ, ни передъ кѣмъ, кромѣ Господа Бога, не снимаемый. Съ солдатами ратники дружатъ чрезвычайно. Гдѣ бы ни собралась кучка ополчанъ, глядишь, въ ихъ средѣ рисуется солдатъ, землякъ одного изъ нихъ, часто одной деревни, нерѣдко близкій родной, братъ, дядя...

Съ почтеніемъ смотрятъ мужички на бывалаго человѣка, а онъ-то имъ разводитъ турусы на колесахъ, разсказываетъ разные случаи изъ настоящей войны, учитъ севастопольскимъ порядкамъ, указываетъ, во всей подробности, гдѣ и для чего стоятъ наши; гдѣ *Французъ*, гдѣ *Англичанъ* лагеремъ раскинулся; куда уже онъ подобрался; когда и куда мы хаживали душить его въ *траншеяхъ;* какъ, бывало, мы его и онъ насъ колачивалъ на порядкахъ!.. Дивятся православные разсказамъ солдата, и живѣе обыкновеннаго закипаетъ въ нихъ удаль молодецкая, и большинство ихъ готово сейчасъ же перевѣдаться съ недругомъ. На всякомъ пригоркѣ, на всякомъ валу, на возвышеніи, всюду видны толпы ополчанъ, по цѣлымъ часамъ глазѣющихъ на Севастополь, въ которомъ они не могутъ однако ничего различить, кромѣ домовъ, разныхъ зданій, отдаленныхъ бастіоновъ, да клубовъ носящагося

надъ ними дыма. Ратники слѣдятъ глазами за всякимъ бѣлымъ облачкомъ образуемымъ разрывомъ бомбы въ воздухѣ, за всякимъ чернымъ столбомъ, что поднимаетъ разрѣшившійся въ домѣ или на землѣ снарядъ. Ядро ляжетъ въ бухту, вспѣня волны: ратники шарахнутся во всѣ стороны; имъ кажется, что оно летитъ прямо на нихъ. Солдатъ — разскащикъ хохочетъ, величаясь предъ необстрѣленными новичками, и увѣряетъ ихъ, что не всякое то ядро колотитъ человѣка, которое близь него проходитъ. Ополчане смѣются другъ надъ другомъ, одинъ другаго укоряя, что такой-то первый бросился бѣжать или растянулся на земь. Потѣхою имъ кажется война. Они не видѣли еще вблизи всѣхъ ужасовъ смерти, а потому презираютъ ее, какъ дѣти, играющія огнемъ, до перваго обжога. Послѣ сдѣлаются осторожнѣе.

Мой начальникъ дивизіи генералъ Павловъ назначенъ начальникомъ пѣхоты 3-го отдѣленія оборонительной линіи, т.-е. находящейся на 3-мъ бастіонѣ и нѣсколькихъ сосѣднихъ батареяхъ и сегодня переходитъ жить на 3-й бастіонъ, въ блиндажъ.

Нашему дежурству на бастіонѣ помѣститься невозможно, слѣдовательно я долженъ буду съ докладомъ къ генералу ежедневно путешествовать на бастіонъ. Это гораздо хуже чѣмъ жить на бастіонѣ, потому что путь туда и обратно необходимо будетъ совершать не только подъ постояннымъ артиллерійскимъ, но и подъ штуцернымъ огнемъ непріятеля.

---

13 августа. Севастополь.

Сегодня возвратился изъ плѣна Камчатскаго егерскаго полка поручикъ Маевскій. Имъ овладѣли товарищи; замучили его вопросами, интересуясь знать подробности всякаго дня, всякаго часа, проведеннаго имъ у непріятеля. Онъ пріѣхалъ чрезъ Одессу и находился въ плѣну у Англичанъ. Наше правительство размѣняло его на англійскаго капитана королевскихъ инженеровъ, лорда Монтегю. Маевскій съ нимъ встрѣтился въ Одессѣ, и съ сердечнымъ чувствомъ отвѣчалъ на его пожатіе руки, какъ будто ему былъ обязанъ своимъ возвращеніемъ въ отечество. Маевскій попался въ плѣнъ 26-го мая во время взятія Селенгинскаго, Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета.

Одновременно съ атакою Французами послѣдняго, Англичане атаковали наши ложементы, соединенные траншеей впереди третьяго бастіона *). Въ нихъ былъ и Маевскій, командуя первою карабинерною ротою Камчатскаго полка. Отважный юноша мужественно встрѣтилъ Англичанъ и предупредилъ ихъ атаку ударомъ въ штыки предъ траншеей. Подавленный многочисленностью наступавшаго непріятеля, слабый отрядъ Маевскаго, состоявшій не

---

*) Такъ названныя Французами „Ouvrages des carrières“.

болѣе какъ изъ 120-ти человѣкъ, растянутыхъ болѣе чѣмъ на версту, былъ мгновенно разбитъ, и самъ онъ дважды раненый, будучи безъ чувствъ, взятъ въ плѣнъ. Подоспѣвшая помощь, во-время присланная полковникомъ Голевымъ, не могла одолѣть упорства англійскихъ полковъ: отвага должна была уступить многочисленности. Потому вынуждены были приказать Минскому резервному баталіону, смѣнившему измученныхъ Камчатцевъ, удержавшихъ траншею, кромѣ ложемента въ „Каменной ломкѣ“, во избѣжаніе дальнѣйшаго безполезнаго кровопролитія, отодвинуться къ бастіону и покинуть оспариваемую траншею, которая была осыпаема пулями изъ анфилировавшаго ее Камчатскаго люнета.

Въ этотъ день всѣхъ сильнѣе пострадалъ Камчатскій полкъ, потерявъ, къ общему прискорбію офицеровъ и солдатъ, одного изъ своихъ баталіонныхъ командировъ, Гавріила Тимофеевича Хоменко, убитаго на повалъ. Маіоръ Хоменко, воспитанникъ Нѣжинскаго лицея князя Безбородко, былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ офицеровъ нашей дивизіи, человѣкъ характера твердаго, прямой, добросовѣстный. Въ этотъ же день погибли подпоручикъ Веревкинъ, прапорщики Заевскій и Максимовичъ; послѣдній получилъ семь ранъ штыкомъ въ упорномъ рукопашномъ бою и нѣсколько ударовъ прикладомъ въ голову. Юноша этотъ успѣлъ пріобрѣсти между нами нѣкоторую извѣстность необыкновенною отвагою въ ночной вылазкѣ 10-го марта, съ Камчатскаго люнета, за что, при всѣхъ насъ, герой того дня, генералъ Хрулевъ, послѣ отцовскаго поцѣлуя, навѣсилъ ему солдатскаго Георгія и исходатайствовалъ производство въ офицеры *).

Этою ночью, или, правильнѣе, вчера поздно вечеромъ открылась ужасная канонада на лѣвомъ флангѣ оборонительной линіи. Огонь начался съ втораго бастіона и разлился по всей линіи; даже лѣвый фасъ Малахова кургана принялъ живое участіе въ этой канонадѣ. Оказалось, что этотъ огонь былъ открытъ ошибкою, вслѣдствіе нашей же вылазки. Ночи теперь совершенно свѣтлыя, лунныя, казалось бы ошибки подобнаго рода не должны бы случаться, а вотъ, на бѣду, случаются. Говорятъ дѣло было такъ. Французы заняли наши ямы, что передъ 2-мъ бастіономъ, и начали тревожить нашихъ изъ этого закрытія. Съ бастіона послали роту обойти французовъ и отхватить ихъ, а между тѣмъ объ этомъ движеніи артиллеристовъ на бастіонѣ не предупредили. Французы лишь только замѣтили наше обходное движеніе, тотчасъ стали вылѣзать изъ ямъ, чтобы не быть въ нихъ захваченными и убираться во свояси. Увидѣвъ Французовъ, появляющихся на мѣстѣ волчьихъ ямъ, наши артиллеристы моментально начали осыпать

*) Пользуясь обязательнымъ позволеніемъ подполковника Маевскаго, нынѣ находящагося воинскимъ начальникомъ въ г. Крестцахъ, помѣщаемъ въ видѣ приложенія къ настоящимъ „Запискамъ“ выписку изъ его дневника, заключающую разсказъ о времени проведенномъ имъ въ плѣну. Разсказъ этотъ отличается безъискуственностью, простотою и добросовѣстностью.

ихъ картечью и не подозрѣвая, что ею, вмѣстѣ съ французами, они поражаютъ и своихъ, находящихся въ тылу у французовъ. Канонаду эту подхватили другіе сосѣдніе бастіоны, полагая, что непріятель произвелъ штурмъ, и открылась такая канонада, какая бывала только при бомбардировкѣ, а наша пѣхота понесла отъ своего огня чуть ли не большую потерю, чѣмъ Французы.

Сегодня одиннадцать мѣсяцевъ со дня славнаго для насъ Балаклавскаго дѣла. Французы и Англичане называютъ побѣдою каждое свое столкновеніе съ нашими войсками, хотя бы отъ него и доселѣ еще болѣли у нихъ бока. Не празднуютъ ли они и сегодня годовщину побѣды? И что удивительнаго? Достало же у нихъ совѣсти росписать фаянсовыя банки съ консервами, тарелки, носовыя платки и тому подобныя вещи картинами этой битвы, гдѣ представлены грозные англійскіе латники, врубившіеся въ наши баталіоны, частію обращенные въ полное бѣгство, частію окруженные ими, или погибающіе.

Доказательствомъ какого-то торжества у союзниковъ—салютація, произведенная всѣмъ флотомъ, стоящимъ предъ Севастополемъ. Чудную картину представляла собою эта салютація! Погода тихая, прекрасная; море какъ зеркало; и вдругъ чудовища, едва колеблющіяся на водѣ, изрыгаютъ пламя и дымъ... Видѣнъ всякій завитокъ дымныхъ облаковъ, внезапно во множествѣ появляющихся и сбирающихся въ одну огромную тучу, нависшую надъ живописнымъ флотомъ, будто драпировка, созданная какою-то волшебною рукою... Словомъ, трудно дать хотя слабое понятіе о прекрасной картинѣ салютаціи непріятельскаго флота, на которую наши береговые форты отвѣчали по временамъ, изрѣдка посылая мѣтко направленныя бомбы, которыя знаменовали свой разрывъ дымнымъ облачкомъ, ярко рисовавшимся на темной лазури неба.

Сегодня новость за новостью. Начальникъ гарнизона отдалъ приказаніе всѣмъ штабамъ и управленіямъ немедлено перейти и поселиться на Сѣверной.

Пошли опять толки; вновь сильнѣе прежняго заговорили, что рѣшено отдать южную часть Севастополя.

Страшно, горько вѣрить этому слуху. Что скажутъ тѣни Лазарева, Нахимова, Корнилова, Истомина, когда мы покинемъ ихъ могилы? Что скажутъ всѣ тѣ, которые покоятся на Сѣверной, когда мы послѣ этой катастрофы прійдемъ подъ сѣнь ихъ гробовыхъ крестовъ? Не затрепещутъ ли кости ихъ въ свѣжихъ могилахъ? Не скажутъ ли: вы также покинете и наши могилы, какъ покинули тѣ, славнѣйшія?

Нѣтъ силъ привыкнуть къ этой мысли. Многіе изъ моихъ товарищей думаютъ, что молву о необходимости оставить южную часть Севастополя распространяютъ тѣ, кому не дорога честь русскаго имени. Если нѣтъ намѣренія сдать городъ, то зачѣмъ выводятъ насъ? Столько времени мы дѣлили борьбу нашихъ товарищей, а теперь, когда со всякимъ часомъ дѣло приближается къ разсчету, насъ устраняютъ отъ нашей части въ предстоя-

щемъ кровавомъ дѣлежѣ. Гибнуть, такъ гибнуть всѣмъ вмѣстѣ! Уязвлено наше воинское самолюбіе, но, взглянувъ хладнокровнѣе на эту мѣру, нельзя не отдать справедливости ея благоразумію, хотя мы собственно съ этимъ переходомъ ровно ничего не выигрываемъ относительно своей личной безопасности, потому что, повторяю, ходить ежедневно съ докладомъ на бастіонъ, къ своему начальству, особенно въ дни бомбардировокъ, гораздо безпокойнѣе и опаснѣе, чѣмъ сидѣть въ хорошемъ блиндажѣ, или на пунктѣ, наименѣе безопасномъ, на которомъ уже обжился и гдѣ совершенно привыкъ не понимать опасности, носмотря на снаряды, кругомъ безпрестанно носящіеся. За то подчиненные наши выиграли. Могла ворваться бомба въ дежурство или управленіе, и сколько бы человѣкъ пострадало напрасно!

Случаи, какъ будто только грозившіе намъ, стали дѣлаться со всякимъ днемъ чаще и чаще. Дежурство нашей дивизіи было на углу Владимірской площади. Ракета задѣла занимаемый дежурствомъ домъ по гребню крыши: ядромъ оторвало ногу солдату у крыльца; другаго осколкомъ убило на дворѣ дежурства; какого-то татарина пришибло въ подвалѣ нашего дома. Въ дверяхъ канцеляріи Камчатскаго полка, бывшей насупротивъ нашего дежурства, ядромъ разорвало солдата. Ядро ворвалось въ Селенгинскую канцелярію и переранило нѣсколькихъ; другое угодило въ крышу штаба Севастопольскаго гарнизона, прошло сквозь потолокъ и ударило въ полъ у самаго стула, на которомъ обыкновенно занимался дежурный штабъ-офицеръ гарнизона, подполковникъ Мешетичъ. По счастію, его не было въ дежурствѣ, и снарядъ этотъ ранилъ или контузилъ одного только писаря. Бомба завернула, кажется, и въ канцелярію Суздальскаго полка, гдѣ оставила невредимыми — лишь двухъ, трехъ человѣкъ.

Не ждать же было повтореній подобныхъ случаевъ, а съ ними напраснаго пролитія крови! Мы перешли. И многіе изъ насъ, съ молитвою благодарности, въ послѣдній разъ сегодня переѣзжали знаменитую бухту.

14 августа.

Разнеслась вѣсть, будто Государь надняхъ пріѣзжаетъ въ Николаевъ, и оттуда къ намъ, въ Севастополь. Сначала этому слуху не вѣрили, но потомъ, мало-по-малу, въ него увѣровали? Откуда же взялся этотъ слухъ, какъ теперь оказывается — ложный. Слухъ этотъ имѣетъ вотъ какое происхожденіе. До вступленія Александра Николаевича на престолъ, онъ командовалъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, и у него при томъ и при другомъ были свои верховыя и упряжныя лошади. Когда Государь вступилъ на престолъ, Его лошадей какъ-то забыли при гренадерскомъ корпусѣ и таковыя пошли съ нимъ въ походъ по Юго-Россіи. Вотъ приводъ этихъ-то лошадей въ Николаевъ и далъ понять досужимъ людямъ, что если царскія лошади приведены въ ихъ городъ, это значитъ, что вслѣдъ за ними прибудетъ и Самъ Царь. Разумѣется вѣсть о предстоящемъ пріѣздѣ Государя на театръ военныхъ дѣйствій быстро проникла во всѣ его уголки.

15 августа.

Сегодня открытъ мостъ черезъ бухту. Мѣра вполнѣ разумная: она обезпечиваетъ Севастополь отъ гибели подъ внезапными ударами непріятеля, такъ какъ всегда къ угрожаемому или, правильнѣе, погибающему пункту могутъ подоспѣть наши резервы, быстро переправляясь по мосту; мѣра эта увеличиваетъ нравственную силу гарнизона, избавляетъ его отъ множества лишеній, часто неотвратимыхъ при неудобствѣ сообщенія, и проч. и проч. и проч.

Мостъ строилъ инженерный генералъ Бухмейеръ, обошелся онъ, относительно говоря, недорого, что то около 70.000 р. с. Мостъ состоитъ изъ шести участковъ, въ 14 плотовъ каждый; всѣхъ плотовъ, съ пристанями— восемьдесятъ шесть.

Французы идутъ летучей сапой къ 2-му бастіону и доселѣ наши не могутъ помѣшать ихъ работѣ. Такимъ образомъ они безнаказанно могутъ спуститься въ самый ровъ 2-го бастіона и броситься на штурмъ его съ полнѣйшею надеждою на быстрый и полный успѣхъ своего предпріятія. Хорошо, если при этомъ устоитъ Малаховъ курганъ, мы ихъ тогда выбьемъ съ занятаго бастіона тѣмъ болѣе, что у насъ превосходно устроена вторая оборонительная линія, которая постоитъ за себя, ну а если Малаховъ курганъ не устоитъ, то нечего и думать о спасеніи Севастополя! Его возьмутъ союзники, если не спасетъ его какое чудо!..

16 августа.

Если бъ я имѣлъ возможность внести въ свои записки повѣсть не только всѣхъ дѣлъ отваги и подвиговъ самоотверженія, которыми такъ ярко блещутъ страницы Севастопольской лѣтописи, но и отчетъ о всѣхъ трудахъ и услугахъ, оказанныхъ дѣлу защиты гарнизономъ Севастополя, то какъ бы драгоцѣнны были записки мои для отдаленнѣйшаго потомства; но не рядовому офицеру взяться за это дѣло, и чтобы въ архивной пыли не таилось забвеннымъ имя полезнаго дѣятеля, вписываю въ свой дневникъ приказъ начальника гарнизона, сегодня послѣдовавшій.

14 августа 1855 г. № 285.

„Отъ собственныхъ выстрѣловъ у нѣкоторыхъ полупудовыхъ мортиръ отлетѣли цапфы, и эти орудія остались совершенно негодными, но командиръ арсенала, капитанъ Пивоваровъ, приспособилъ ихъ къ дѣйствію посредствомъ желѣзныхъ обручей, коими мортиры прикрѣплены къ станку, при чемъ стрѣльба изъ сихъ орудій столь же успѣшна, какъ и прежде.

„За это усердіе къ пользамъ службы, считаю пріятнымъ долгомъ изъявить капитану Пивоварову мою искреннюю благодарность. Подписалъ: генералъ-адъютантъ графъ Остенъ-Сакенъ.

17 августа. Севастополь.

Сегодня на нашей улицѣ былъ маленькій праздникъ. Часу во второмъ ночи земля колыхнулась; раздался страшный громъ и грохотъ; обычная канонада на мгновенье замолкла отъ множества лопавшихся бомбъ. Разумѣется, всѣ мы выскочили при первомъ ударѣ *грома*, и увидѣли, при блѣдномъ мерцаніи зари, гигантскій столбъ дыма, покрывшій собою Камчатскій люнетъ. Въ первый моментъ не знали что подумать; но когда затрещали кругомъ дымнаго столба лопавшіяся бомбы, мы поняли, что на *Камчаткѣ* взорвало пороховой погребъ.

„Слава Тебѣ Господи!“ было общимъ нашимъ возгласомъ...

Опомнились наши батареи и заговорили сердито, направляя свои удары на уязвленнаго врага.

Всматриваемся съ напряженнымъ любопытствомъ, съ удвоеннымъ вниманіемъ, и, къ общему восторгу своему, должны согласиться, что Камчатка молчитъ, какъ мертвая, не отвѣчая намъ ни выстрѣломъ, несмотря на снаряды Малахова кургана, которые, какъ нарочно, удачно ее поражаютъ сверлятъ и вздымаютъ ея гребень.

Разсвѣло совершенно. Сколько было зрительныхъ трубъ, всѣ устремились на Камчатку, и всѣ съ большею или меньшею отчетливостію передавали одно и то же: цѣлаго фаса укрѣпленія, построеннаго Французами на холмѣ, послужившемъ основаніемъ нашему Камчатскому люнету, какъ бы и не существовало! И то сказать, подобнаго взрыва еще не бывало при осадѣ Севастополя; а что касается до меня, то я еще такого и не видывалъ, хотя видѣлъ ихъ немалое число.

Я сказалъ уже, какъ силенъ былъ ударъ, когда даже на Сѣверной земля колыхнулась. Въ казармахъ Павловскаго мыска почти ни одного стекла не осталось цѣлымъ; въ Николаевскихъ казармахъ тоже. Одинъ мой товарищъ спалъ подъ окномъ въ Николаевскихъ. Когда произошелъ взрывъ и посыпались на него стекла, онъ, съ просонья, какъ угорѣлый, выскочилъ изъ казармы, вообразивъ, что въ его комнатѣ лопнула бомба. На Малаховомъ курганѣ и къ третьему бастіону принесло огромныя бревна и камни. Болѣе получаса облако дыма стояло надъ *Камчаткою*.

Судя по громадности дымнаго столба, по страшному звуку взрыва, по разстоянію, на какое разбросало части взорваннаго укрѣпленія, надобно полагать, что взлетѣлъ на воздухъ главный пороховой погребъ Камчатскаго укрѣпленія, и что этотъ взрывъ произвелъ немаловажную потерю артиллерійскихъ запасовъ и снарядовъ и не мало поглотилъ людей *). Не забу-

*) По показанію однихъ Французовъ, у нихъ при этомъ взрывѣ убито 80 человѣкъ, ранено 200; по показаніямъ другихъ—убито и ранено всего 140 человѣкъ. Въ двухъ пороховыхъ магазинахъ 7.000 килограмовъ пороху и 350 бомбъ взлетѣло на воздухъ. Взрывъ произведенъ нашею бомбою, упавшею на траверзъ (еще нами устроенный), подъ которымъ Французы сдѣлали пороховой погребъ; изъ двухъ батарей (№ 15 и № 15—второй) въ осо-

демъ, что на Камчаткѣ всегда видѣли значительное число солдатъ, а, по словамъ нашихъ пластуновъ, вчера вечеромъ пришло въ укрѣпленіе Французовъ болѣе обыкновеннаго.

Какъ бы то ни было, но врагу былъ нанесенъ довольно значительный ударъ, и мы всѣ были въ восторгѣ. Стали спорить, кто произвелъ взрывъ. Каждый претендентъ имѣлъ множество доказательствъ въ свою пользу. Разобрать дѣло было очень трудно. Голосъ Севастопольскаго народа присудилъ эту честь батареѣ Яновскаго, а главнокомандующій, чтобъ помирить всѣхъ, прислалъ за этотъ подвигъ по *два* знака отличія военнаго ордена на каждое отдѣленіе лѣвой половины оборонительной линіи, для возложенія на болѣе достойныхъ людей изъ артиллерійской прислуги.

Цѣлый день Камчатка молчитъ, и только двадцати-орудійная батарея, пристроенная къ флангу укрѣпленія, поддерживаетъ огонь. Эту батарею принялись угощать на славу Малаховъ курганъ и третій бастіонъ. Одной ей стало трудно отвѣчать дѣятельно, и потому выстрѣлы ея сдѣлались несравненно рѣже, а наши, пользуясь такою благопріятною паузою, съ величайшею энергіею принялись за починку Малахова кургана и втораго бастіона, сильно пострадавшаго въ послѣднее время отъ постояннаго непріятельскаго огня, не дававшаго работать. Работа кипитъ и у Французовъ, несмотря на нашъ огонь. Множество народа таскаетъ на Камчатку туры и фашины, колья и дреколья. Къ вечеру на Камчаткѣ очутились полевыя орудія. Но что значитъ для насъ ядро полеваго орудія послѣ снарядовъ, къ которымъ мы здѣсь привыкли!—

Мы устроились на Сѣверной. Балаганы изъ хвороста, привезеннаго съ Мекензіевой горы, подбитые полами палатокъ, служатъ намъ нѣкоторою защитою отъ зноя, дождя и пыли. Офицеры разбили себѣ палатки. Я придѣлалъ къ своей—балаганъ изъ кудрявыхъ зеленыхъ вѣтокъ, которыя также послужили матеріаломъ для устройства стола, скамей, кровати, табуретовъ.

Всѣ солдаты, составляющіе штабы, радехоньки, что сподобилъ Богъ уйти изъ Севастополя цѣлыми и невредимыми. И легче какъ-то на душѣ стало по сю сторону бухты; и воздухъ какъ-то свѣжее, и будто солнце свѣтитъ веселѣе; вольнѣе дышится. А тутъ море подъ рукою: плещемся въ

бенности пострадала батарея № 15 (bis); также потерпѣли батареи №№ 17 и 23, 15 и 16, имѣвшія однако еще возможность дѣйствовать.

По словамъ Historique du service de l'Artillerie, убито этимъ взрывомъ до 40 человѣкъ и ранено до 100 человѣкъ; по словамъ Guerin (Idem, стр. 366) убито до 50 челов. и ранено до 150, въ томъ числѣ 3 офицера. У Англичанъ тоже погибло нѣсколько человѣкъ (Idem, стр. 403). По счастію для Французовъ, какъ утверждаетъ только-что названное сочиненіе (Idem, 402), взрывъ произошелъ не къ сторонѣ Севастополя, а къ противуположной—къ сторонѣ англійскихъ работъ. Произойди взрывъ къ сторонѣ Севастополя, Французовъ погибло бы несравненно больше, потому что они наполняли собою траншеи, которыми было изрѣзано пространство по сю сторону Камчатки, и несравненно большее поврежденіе произведено было бы земляными работамъ и батареямъ Французовъ.

Четыре орудія на батареѣ № 15 (bis), поддерживавшія Англичанъ, уничтожены; внутренность люнета представляла воронку болѣе 2 саженъ глубиною и болѣе 15 саженъ въ діаметрѣ.

роскошныхъ волнахъ прибоя, забывая о войнѣ и смерти. Сидимъ и по цѣлымъ часамъ любуемся живописною картиною Севастополя, будто нарисованною, съ величайшею подробностью, на развернутомъ предъ нами огромномъ листѣ. Правда, и тутъ мы не безопасны, но это-то и составляетъ поэзію нашей здѣшней жизни. Подъ вечеръ Французы бросаютъ къ намъ ракеты, направляя ихъ не собствено на наши балаганы—они того не стоятъ,—а на стоящій въ верстѣ за нами артиллерійскій паркъ, а также на транспорты, останавливающіеся на нѣсколько часовъ обыкновенно сзади нашихъ палатокъ, на проходящей мимо насъ дорогѣ къ укрѣпленію. Французы пускаютъ ракеты изъ-за батареи Канробера съ трехъ станковъ. Мы почти всегда стоимъ и смотримъ на эту потѣху: обыкновенно одна ракета съ лѣваго станка несется правѣе насъ, съ средняго прямо чрезъ наши головы; съ праваго—лѣвѣе. Большая часть этихъ ужасныхъ снарядовъ проносится надъ ними довольно высоко и ложится около помянутаго парка, стоящаго въ лощинѣ. Нѣкоторыя не доносились саженъ полутораста до моря и распугали несчастныхъ поставщиковъ мяса, которые тамъ устроили было свои бойни и должны были бѣжать съ своимъ заводомъ по направленію къ Бельбеку. Наконецъ очень немногія ракеты легли въ близкомъ сосѣдствѣ отъ нашихъ балагановъ, но не причинили почти никакого вреда. Впрочемъ одному солдату Якутскаго полка ногу оторвало; другая ракета отправилась въ винный складъ, залетѣла прямо въ бочку съ водкою и потухла въ ней, не успѣвъ зажечь ее.

Любуясь ежедневно полетомъ ракетъ, мы до того *забылись*, что онѣ стали намъ казаться обыкновенными фейерверочными. И когда надъ нашими головами проносилась ракета съ зловѣщимъ шипѣньемъ, мы и въ умѣ не имѣли, что на крыльяхъ этого невидимаго чудовища, несется смерть и разрушеніе. Иногда бросаніе ракетъ продолжалось до полуночи. Въ день бросали отъ сорока до пятидесяти ракетъ. Сколько бросали ночью, право не знаю. Мы не слѣдили за ними, спали преспокойно, иногда только просыпаясь на мгновеніе отъ шума слишкомъ близкаго полета ракеты или грохота ея разрыва.

Но мнѣ подвели коня, давно не бывавшаго подъ сѣдломъ; въ Севастополѣ все ходили пѣшкомъ.—Въ Севастополь!—Благослови Господи!... Отвыкъ я въ эти дни отъ его жизни, пограничной со смертью. Сильнѣе стало биться сердце, когда я вышелъ изъ лодки у *крана*, чтобъ идти на третій бастіонъ, гдѣ жилъ нашъ начальникъ дивизіи, г.-л. Павловъ, командуя третьимъ отдѣленіемъ оборонительной линіи Севастополя. Пробывъ нѣсколько часовъ съ докладомъ у генерала, я отправился домой другою дорогою, чрезъ городъ, желая посмотрѣть мостъ, открытый и освященный 15 Августа.

У Николаевскаго форта прекрасно устроена пристань. Мостъ, старый знакомецъ, построенъ такимъ же способомъ, какимъ были устроены мосты черезъ Дунай, при осадѣ Силистріи. Такъ же точно сдѣланы плоты изъ мачтоваго лѣса, крѣпко связаны между собою и держатся на мѣстѣ канатами,

якорями и корзинами съ тяжестью, опущенными на дно. Мостъ этотъ верхъ искусства! Встрѣчаемъ ли въ нашей военной исторіи примѣръ подобнаго сооруженія?

Чрезъ морскую бухту перекинутъ мостъ подъ огнемъ непріятельскимъ, въ виду цѣлаго флота, своею огромностью превосходящаго флоты, доселѣ когда-либо появлявшіеся на одномъ пунктѣ. Вѣдь это дѣло необыкновенное! Волненіе на бухтѣ чрезвычайно сильно. По этому мосту идти не то что, бывало, по такому же чрезъ Дунай: на этомъ становится жутко, особенно, когда доходишь до средины: большія волны плещутъ на него безпрестанно, онъ черпаетъ воду, гнется и извивается. Можно вообразить что произойдетъ, когда поднимется самая обыкновенная буря. Я не говорю о тѣхъ черноморскихъ буряхъ, которыя срываютъ съ якорей корабли, стоящіе въ самой бухтѣ. Неужели мостъ удержится въ такую бурю? Говорятъ, что его въ подобныхъ случаяхъ будутъ разводить. Но возможно ли это? Не предупредитъ ли эту работу буря, и сѣдой Евксинъ не стряхнетъ ли съ себя путы, которые вздумалъ наложить на него человѣкъ? По мосту длинною вереницею тянутся повозки и можетъ идти даже артиллерія. Длина моста 430 саженъ, ширина между перилами $2^1/_2$ сажени. Союзники стрѣляютъ по мосту постоянно и преимущественно ядрами съ батареи, устроенной на мѣстѣ бывшаго Селенгинскаго редута и ракетами. Доселѣ Богъ миловалъ: на мосту не было несчастій. Разумѣется, народъ шарахнется, когда близко упадетъ снарядъ, мостъ покачнется, зачерпнетъ воды и только. Чрезъ минуту онъ попрежнему выравнивается.

Да хотя бы ядромъ и хватило по мосту: вышибетъ одну мачту, нѣсколько досокъ обратитъ въ щепы. Что за важность! Тотчасъ подведутъ другую мачту, положатъ новыя доски, и сообщеніе прекратится только на полчаса, много на часъ.

Съ устройствомъ моста увеличилось число защитниковъ Севастополя. Прежде надобно было посылать на Сѣверную за всякою всячиною толпы солдатъ, и бывало ихъ не дождешься цѣлый день: скоро ли переѣдутъ туда, сдѣлаютъ пріемку, дотащатъ ее на себѣ къ берегу, нагрузятъ, перевезутъ. А теперь артельщики съ каптенармусами очень просто привозятъ на повозкахъ продукты прямо на бастіонъ полкамъ, стоящимъ на правой половинѣ, а на лѣвой, къ мостику, что идетъ отъ Александровскихъ казармъ,—полкамъ третьяго собственно отдѣленія, или на графскую пристань—полкамъ четвертаго и пятаго отдѣленій. Такимъ образомъ, хотя все-таки доставка продуктовъ на два послѣднія отдѣленія производится окончательно на лодкахъ, однако время доставки ускорилось съ сокращеніемъ рейса. Пока чрезъ главную бухту лодка переѣдетъ однажды, отъ графской пристани къ Павловскому мыску, перевозчикъ перемахнетъ два раза. Къ тому же съ открытіемъ моста увеличилось число перевозочныхъ средствъ: бывало всякій, кому необходимо перейти бухту, совершалъ это посредствомъ лодки, а теперь три четверти такихъ господъ преспокойно пойдутъ на мостъ, и такимъ образомъ

въ настоящее время много лодокъ, прежде не остававшихся безъ дѣла на десять минутъ, стоятъ у пристани, закликая къ себѣ проходящихъ.

19 августа.

Шибкою рысью мы проѣхали между живописными развалинами Александровскихъ казармъ и пустились по набережной къ 3-му бастіону, перерѣзавъ улицу. Мой товарищъ Корниловичъ, ѣхавшій со мною, отпраздновалъ трусу и былъ за то наказанъ: чтобы скорѣе пробѣжать линію огня непріятельскаго и достигнуть бастіона, онъ, пустивъ свою лошадь вскачь, не обращая вниманія на обломки зданій и множество какъ снарядовъ не разрѣшившихся, такъ и осколковъ ихъ, валявшихся на дорогѣ, повалился на землю со своимъ споткнувшимся конемъ. Я ему тутъ же крикнулъ въ догонку извѣстную пословицу: тише ѣдешь—далѣ будешь!

Наконецъ послѣдніе обломки Александровскихъ казармъ за нами,—мы подъѣзжаемъ къ бастіону. Маленькая, узенькая тропинка, очевидно протоптанная пѣхотинцами, вьется между ямами, образовавшимся разрывомъ бомбъ. Стали попадаться раненые и безмятежно идущіе солдаты по разнымъ случаямъ; начали чаще проноситься пули съ непріятнымъ шипѣньемъ и стономъ,—то тамъ, то сямъ взмететъ гребень бруствера пролетающее ядро, или подыметъ пыль и дымъ столбомъ въ ближайшемъ траверзѣ зарывшаяся въ немъ и лопнувшая затѣмъ бомба.

Но вотъ наконецъ и блиндажъ генералъ-лейтенанта Павлова, моего начальника дивизіи, это бывшій блиндажъ адмирала Панфилова—надежной прочности, сухой и чистый. До нашего генерала въ этомъ блиндажѣ кромѣ адмирала Панфилова помѣщался еще кто-то изъ начальствующихъ лицъ, но Павловъ въ самый моментъ прибытія своего заявилъ, что онъ не можетъ жить въ одномъ помѣщеніи съ кѣмъ бы то ни было и помѣстился въ блиндажѣ одинъ, до крайности стѣснивъ всѣхъ другихъ.

Живя на бастіонѣ, совершенно свыкаешься съ опасностью, забываешь о ней, привыкаешь къ этому треску, вою разнообразному, визгу и свисту пуль, снарядовъ, осколковъ, какъ привыкаешь, живя въ деревенской избѣ, къ безконечно однообразному и столь надоѣдливому въ началѣ стрекотанью сверчка! Привычка эта замѣчается во всѣхъ жителяхъ бастіона, тогда какъ новичка на немъ, посѣтителя его, а не жителя постояннаго, сейчасъ можно узнать, какъ онъ ни старайся владѣть собою и показывать полное равнодушіе и даже пренебреженіе къ опасности, здѣсь постоянно грозящей.

Ѣдемъ домой. Канонада стала разыгрываться... донеси Богъ благополучно!..

20 августа.

Должно полагать, союзники потому прекратили бомбардированіе Севастополя, съ такою невѣроятною энергіею поддерживаемое ими послѣ 4-го

августа, что не видѣли отъ этой канонады желаннаго успѣха, а напротивъ только безпрестанное возрожденіе импровизированныхъ батарей Севастополя. Вѣроятно, это обстоятельство и заставило ихъ взяться за лопату, въ намѣреніи еще приблизиться къ осажденному городу, и тогда начать новую, рѣшительную бомбардировку. Судя по работамъ. которыя кипятъ у союзниковъ, надобно полагать, что таковъ ихъ планъ дѣйствій. Предъ третьимъ бастіономъ, занимаемымъ преимущественно нашею дивизіей, работы Англичанъ постоянны и огромны, но гарнизонъ третьяго бастіона не дремлетъ, и, по распоряженію генералъ-лейтенанта Павлова, съ этого пункта, преимущественно по балкѣ, насупротивъ батареи Прокофьева, еженочно дѣлаютъ вылазки для замедленія или разрушенія непріятельскихъ работъ. Въ свою очередь непріятель, тревожимый нашими ложементами, скрывающими наши приготовленія къ вылазкамъ и не позволяющими на разстояніи штуцернаго выстрѣла показываться врагамъ безнаказанно, — старается уничтожить эти ложементы, и нѣсколько уже разъ пытался отнять ихъ. Даже сею ночью онъ сдѣлалъ такого рода попытку, впрочемъ неудачную.

Вотъ какъ было дѣло.

Часу въ первомъ ночи Англичане бросились на нашъ ложементъ, безъ выстрѣла, въ штыки; но командовавшій передовою цѣпью отдѣленія Селенгинскаго пѣхотнаго полка капитанъ Варганикъ, по счастью, во-время замѣтилъ затѣи Англичанъ, по большему противъ обыкновеннаго скопленію людей въ ихъ траншеяхъ, и усилилъ караулъ въ ложементѣ, обыкновенно состоявшій изъ тридцати человѣкъ. Капитанъ Варганикъ прибавилъ еще сорокъ, что дало возможность, при нападеніи Англичанъ, открыть по нимъ такой батальный огонь, что они бросились назадъ, не добѣжавъ до ложемента. Тревога отъ этой перестрѣлки происшедшая, конечно привлекла на мѣсто свалки наши резервы, и когда отбитые Англичане, подкрѣпленные отрядомъ товарищей, прибѣжавшихъ изъ ближайшихъ траншей, вновь было попытались возобновить нападеніе, спустя четверть часа послѣ перваго, то наши угостили враговъ тремя залпами, вновь обратившими ихъ въ бѣгство, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ.

При этой стычкѣ, мы, благодаря Бога, не имѣли даже ни одного контуженнаго, а у Англичанъ были убитые и раненые. Доказательствомъ—безпорядочность и быстрота ихъ отступленія послѣ отбитой атаки и оставленныя ими на мѣстѣ четыре нарѣзныхъ ружья, доставленныя нашими солдатами на бастіонъ.

Въ ночь съ 18-го на 19-е августа нами была сдѣлана небольшая вылазка по балкѣ, насупротивъ батареи Прокофьева.

Пошли шестьдесятъ Селенгинцевъ, тридцать пластуновъ и два матроса, при поручикѣ Селенгинскаго полка Юдинѣ, подъ командою войсковаго старшины Даниленко. Нападеніе было сдѣлано на два пункта: прямо по балкѣ и лѣвѣе. Едва наши, сдѣлавъ залпъ, бросились въ траншеи, какъ Англичане бѣжали. Часть охотниковъ провожала бѣгущихъ батальнымъ ог-

немъ, а остальные разрушали траншею и сваливали въ ровъ туры, составляющія ея гребень. Кончивъ, какъ могли, свою работу, охотники отошли въ свои ложементы, уведя одного плѣннаго Англичанина и унеся двадцать штукъ шанцоваго инструмента и четыре штуцера, взятыхъ съ амуниціею у убитыхъ.

Лишь только наши успѣли занять свой ложементы, какъ Англичане, подкрѣпленные резервомъ, стремительно атаковали ихъ, но были разстроены ружейнымъ огнемъ и не рѣшились ударить въ штыки. Эта экспедиція стоила намъ одного убитаго и двухъ раненыхъ пластуновъ, одного безъ вѣсти пропавшаго Селенгинца и десяти контуженныхъ человѣкъ, оставшихся во фронтѣ.

Въ Камчатскомъ полку былъ штабсъ-капитанъ Уманецъ. Когда шли на войну, то какая-то цыганка предвѣщала ему смерть, онъ было повѣрилъ, но еще въ Молдавіи его назначили командиромъ воловой роты и онъ успокоился, всю кампанію пропутешествовалъ съ нею до самаго ея разформированія, послѣ чего на-дняхъ только воротился въ полкъ, на 3-й бастіонъ, гдѣ пробылъ очень недолго. Въ самый день возвращенія своего ему товарищи предложили сыграть пульку въ преферансъ. Выбрали самое безопасное мѣсто, въ блиндажѣ на батареѣ Никонова, и засѣли вчетверомъ, да нѣсколько офицеровъ присѣли смотрѣть на игру. Кончили пульки, стали разсчитываться... вдругъ бомба пробила крышу блиндажа и разорвалась между игравшими... Одинъ Уманецъ убитъ наповалъ, а изъ игравшихъ и бывшихъ въ блиндажѣ ранены: капитанъ Второвъ осколками разбитаго стола, въ бороду, губы и зубы; штабсъ-капитанъ Михайловскій осколкомъ бомбы въ ногу, отчего ему сперва отрѣзали ступню, а потомъ всю ногу; поручикъ Попель кусками дерева въ ногу и голову; прапорщику Дымовскому, 19 лѣтъ, оторвало руку и ногу, отчего онъ черезъ 5 дней и умеръ; прапорщикъ Дмыховскій контуженъ въ голову, отчего и умеръ черезъ мѣсяцъ.

Такъ сбылось предсказаніе цыганки!

21 августа.

Много времени отнимаетъ у меня поѣздка на бастіонъ съ докладомъ къ генералу. Ѣздить приходится почти всякій день. Обыкновенный мой путь—на лодкѣ въ доки. Вылѣзаю у мостика, что ведетъ отъ магазиновъ чрезъ каналъ близъ доковыхъ воротъ, взбираюсь въ проломъ доковой стѣны, сажусь на приготовленную мнѣ фурштатскую лошадь и пробираюсь опять чрезъ доки и Александровскія казармы кругомъ доковой стѣны. Ѣхать по доковому оврагу весьма опасно: штуцерныя пули летаютъ какъ пчелы. Здѣсь, въ Севастополѣ, начнешь играть со смертью, дразнить ее, такъ сейчасъ доиграешься. Зачѣмъ же безъ всякой пользы губить себя. Смертью своею никого здѣсь не удивишь. Къ ея торжеству всѣ привыкли. Умереть—здѣсь дѣло весьма обыкновенное.

Холодно становится на душѣ, когда проѣзжаешь ужасныя развалины Александровскихъ казармъ. Въ какомъ страшномъ состоянiи это прекрасное зданiе! Въ немъ нигдѣ не видать живаго мѣста: тамъ треснула пробитая ядромъ стѣна, тутъ бомбою развалило простѣнокъ между окошками, въ другомъ мѣстѣ отваленъ уголъ; словомъ—стѣны зданiя похожи на рѣшето. Крыша во многихъ мѣстахъ вовсе не существуетъ. Въ окнахъ, разумѣется, ни одного стекла. Теперь кое-гдѣ въ казармахъ слышится стукъ работы: увозятъ изъ дерева, что могутъ, на топливо.

Давно ли здѣсь кипѣла жизнь? Вотъ на этой улицѣ толпы солдатъ тѣснились у торговокъ; а теперь? Кровь стынетъ въ жилахъ: такъ тягостно впечатлѣнiе, производимое этою картиною. Какъ-то невесело плетется моя тощая лошадка, спотыкаясь о камни и осколки снарядовъ, покрывающихъ всю дорогу. Томительное чувство тоски гнететъ душу... Но вотъ мы свернули налѣво, ѣдемъ по набережной; вотъ проѣхали между развалинами стѣны и воротами, пробираясь по грудамъ камня и кирпича; выѣхали изъ госпитальной стѣны, слышимъ, поетъ надъ головою. А! пули летаютъ! Ну, прощай, тоска! И слѣда ея не найдетъ въ душѣ своей посѣтитель. Другое высокое чувство, въ бою только наполняющее душу,—мгновенно замѣнитъ тоску. Другая... третья... четвертая... Тутъ пули—дѣло обыкновенное.

Солдаты плетутся, кто на бастiонъ, кто съ бастiона, и съ любовью посматриваютъ на насъ, ѣдущихъ верхомъ. Солдаты любятъ, когда офицеръ видимо презираетъ опасность. По настоящему здѣсь, по открытому мѣсту, верхомъ не слѣдовало бы ѣздить, когда нарочито сдѣлана траншея (проложенная нѣсколько окольною дорогою), чтобы и ходящихъ пѣшкомъ не задѣвали пули по головѣ. Еще нѣсколько шаговъ и впереди меня показались всадники. Это Степанъ Александровичъ Хрулевъ съ своей свитой пробирается на бастiонъ. Я догналъ его. Поѣздъ его видѣнъ издали и всегда одинаковъ.

Впереди, на казенной лошади, боцманъ Цурикъ, тѣлохранитель и неразлучный спутникъ генерала Хрулева, отважная, умная голова. Онъ плетется шагомъ, въ солдатской шинели, украшенной Георгiемъ съ полубантомъ. За нимъ въ папахѣ, на знакомой всѣмъ Севастопольцамъ сѣрой лошади, въ тепломъ форменномъ пальто на-распашку, поверхъ артиллерiйскаго однобортнаго казакина, въ большихъ сапогахъ, сгорбясь, съ нагайкою въ рукѣ, на казачьемъ сѣдлѣ, съ деревянными стременами баснословной величины, генералъ Хрулевъ, сопровождаемый неизмѣнными своими ординарцами: подпоручикомъ Якутскаго полка Сикорскимъ и прапорщикомъ Камчатскаго полка Негребецкимъ.

Безмятежно двигался этотъ поѣздъ по опасной дорогѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманiя на проносящiяся пули и на близкiй полетъ снарядовъ.

Впервые ли двигаться Хрулеву по такой дорогѣ! Да и гдѣ онъ не двигался, въ какое время дня и ночи, онъ не появлялся! Не тутъ, такъ въ другомъ, въ третьемъ углу передовой линiи нашей увидите вы его еже-

дневно, ежечасно. И чего не случалось съ безтрепетнымъ генераломъ во время этихъ поѣздокъ! Какимъ приключеніямъ, какой опасности онъ не подвергался.

Однажды, напримѣръ, во время бомбардировки огонь непріятельскій разгорѣлся жарче обыкновеннаго. Можно было ожидать какой-нибудь рѣшительной попытки со стороны непріятеля. Генералъ Хрулевъ поспѣшилъ на всякій случай пріѣхать на Малаховъ курганъ. Шибче обыкновеннаго пробирался его добрый конь между матросскими домиками, покрывавшими курганъ. На одну изъ его узенькихъ улицъ спускается бомба. „Съ лошади, съ лошади, ваше превосходительство!“ кричатъ, бросаясь на землю, узнавшіе его солдаты, куда-то проходившіе толпою.

— Зачѣмъ, ребята?

„Бомба, ваше превосходительство, бомба!...“

Разговоръ этотъ и послѣдующій былъ дѣломъ мгновенія. Бомба легла въ нѣсколькихъ шагахъ впереди, шипѣла и вертѣлась, будто бѣшеная.

— Ну, что-жъ, что бомба, а можетъ не разорветъ?

„Разорветъ, ваше превосходительство, слышите, шипитъ!“ И солдаты плотнѣе прижались къ землѣ.

— Авось не разорветъ...— продолжалъ Степанъ Александровичъ, и проѣхалъ мимо самой бомбы, лежавшей на дорогѣ. Ее дѣйствительно не разорвало.— „Видите, ребята, крикнулъ онъ, полуоборотясь къ нимъ, я говорилъ: не разорветъ!“

Солдаты крестились, глядя ему вслѣдъ.

Другой случай.

Вскорѣ по вступленіи генерала Хрулева въ командованіе лѣвою половиною оборонительной линіи, проѣзжалъ онъ, кажется, по третьему бастіону, изучая его устройство. Въ одномъ узкомъ и открытомъ для непріятеля мѣстѣ часовой говоритъ ему: „извольте сойти съ лошади, ваше превосходительство, здѣсь нельзя проѣзжать“.

— Что же такое?

„Убьютъ“.

Ты почему знаешь?

„Да здѣсь и пѣшкомъ-то кто идетъ, такъ пригнуться надо, да бѣгомъ, а то сейчасъ двѣ-три штуцерныя влѣпятъ. Да ужъ мы знаемъ, что убьютъ“.

— А можетъ и не убьютъ?

„Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, убьютъ“.

— Такъ вотъ, смотри же, не убьютъ! И онъ, движеніемъ руки приказавъ своей свитѣ остаться, шагомъ проѣхалъ по роковому мѣсту... Простонало, пронило нѣсколько пролетныхъ штуцерныхъ, но ни одна не коснулась Богомъ хранимаго героя.

Солдаты съ удивленіемъ смотрѣли на геройскую отвагу своего начальника, и только одинъ изъ нихъ, пожавъ плечами, пробормоталъ сквозь

зубы: „Экъ его!“ И поплелись они по своимъ дѣламъ, повидимому, не обративъ особаго вниманія на происшедшее предъ ихъ глазами; а между тѣмъ въ тотъ же вечеръ, во всѣхъ кружкахъ боеваго населенія Севастополя, за чашкою каши, шла объ этомъ рѣчь, прикрашенная и преувеличенная, облекая Хрулева покровами таинственности и придавая ему что-то сверхъестественное.—Мы ѣхали далѣе. Встрѣчные солдаты и матросы не снимали шапокъ, но какъ-то весело, любовно смотрѣли на любимаго генерала. Встрѣчалась ли самая маленькая группа солдатъ — два - три человѣка, Степанъ Александровичъ не оставлялъ ихъ безъ привѣтствія, получая въ отвѣтъ радостное: „здравія желаемъ!“ Какъ-то легче ѣхать на бастіонъ въ свитѣ этого человѣка, чѣмъ одному; путь незамѣтнѣе, опасность не сказывается. Вотъ и блиндажъ генерала Павлова.

Обойдя бастіонъ по всѣмъ его закоулкамъ и переулкамъ, осмотрѣвъ на немъ всѣ поврежденія и предполагавшіяся вновь постройки, посмотря въ трубу каждаго изъ сигнальщиковъ, Степанъ Александровичъ возвратился съ нами къ тому же блиндажу. Свита его увеличилась начальниками всѣхъ частей отдѣленія и другими начальствующими лицами. Надобно замѣтить, что, по громадности отдѣленія и обширности занятій по управленію онымъ, защита его должна была раздѣлиться на участки, подъ общимъ начальствомъ начальника войскъ отдѣленія. Вслѣдствіе сего управленіе третьимъ отдѣленіемъ раздѣлено слѣдующимъ образомъ. Начальникомъ войскъ третьяго отдѣленія, какъ мы видѣли выше, генералъ-лейтенантъ Павловъ, исполняющій настоящую обязанность независимо отъ управленія ввѣренною ему 11-ю пѣхотною дивизіей. Нечего распространяться о его обязанности; достаточно сказать, что онъ начальникъ того отряда, который получилъ техническое названіе *третьяго бастіона*. Ему дана диспозиція, онъ долженъ приводить ее въ исполненіе. Ближайшіе его помощники: начальникъ штаба гарнизона третьяго отдѣленія и начальникъ третьяго отдѣленія. Первую изъ этихъ должностей исполняетъ въ настоящее время командиръ Селенгинскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Мезенцевъ. На обязанности сего штабъ - офицера лежитъ распредѣленіе и нарядъ всей службы на отдѣленіи; надзоръ за ея точнымъ исполненіемъ; усиленіе или ослабленіе войскомъ той или другой части отдѣленія, смотря по обстоятельствамъ; счетъ численности гарнизона; составленіе предположеній о вылазкахъ, о направленіи и устройствѣ ихъ; приведеніе въ исполненіе всѣхъ распоряженій начальника войскъ отдѣленія. Обязанность сложная, трудная, не говорю опасная: на бастіонѣ нѣтъ должностей безопасныхъ.

Вторую должность исполняетъ капитанъ-лейтенантъ Перелешинъ 2-й. Ему подчинено отдѣленіе, такъ сказать, въ хозяйственномъ отношеніи. Въ его непосредственномъ вѣдѣніи состоитъ артиллерійская, инженерная и саперная части бастіона. Въ его прямомъ распоряженіи состоитъ все, что на дневной службѣ бастіона. Солдаты, матросы, ополчане, всѣ, кто по наряду становится въ ружье насегодня, или берется за дѣло, имѣетъ его своимъ

начальникомъ. Онъ то же, что эскадронный командиръ, несущійся въ атаку впереди своей части, то же, что начальникъ линіи, наступающей или отражающей ударъ непріятеля. Онъ долженъ дѣйствовать безпрестанно, все видѣть, знать, что дѣлается вокругъ него и у него, всякаго наставить, всякому указать его обязанность, за всѣмъ присмотрѣть. Въ его вѣдѣніи состоитъ вся артиллерійская прислуга; онъ заботится о ея пополненіи, также и о своевременномъ пополненіи снарядовъ; о расходованіи или сбереженіи снарядовъ того или другаго калибра; о необходимомъ усиленіи артиллеріею нѣкоторыхъ пунктовъ бастіона и о снятіи орудій съ пунктовъ, дѣйствіе съ которыхъ представляетъ менѣе выгодъ; о своевременномъ замѣнѣ испорченныхъ или подбитыхъ орудій и частей ихъ. Обязанность начальника отдѣленія — руководить дѣйствіемъ артиллеріи во время боя, направляя огонь бастіона на тотъ или другой пунктъ непріятельской позиціи, наблюдая за мѣткостью и правильностью стрѣльбы, исполняя распоряженія начальника войскъ отдѣленія, относительно открытія или прекращенія огня.

Послѣ этого очерка обязанностей начальника отдѣленія нечего и объяснять степень ея важности.

Кромѣ этихъ начальниковъ, такъ сказать, общихъ, существуютъ еще частные начальники отдѣленія. Правымъ флангомъ отдѣленія на Пересыпкѣ, начиная отъ втораго отдѣленія до батареи Никонова, пространствомъ, охранявшимся Охотскимъ егерскимъ полкомъ, командуетъ командиръ онаго, полковникъ Малевскій.

Лѣвый флангъ отдѣленія, отъ батареи Яновскаго по доковому оврагу— все пространство до батареи Жерве—состоитъ въ командѣ командира Якутскаго пѣхотнаго полка, полковника Велька. Въ распоряженіи его находится Якутскій пѣхотный полкъ и дружина № 47-го Курскаго ополченія, Обоянскаго уѣзда.

Центръ отдѣленія раздѣленъ на два участка. Правая половина центра, отъ третьяго бастіона до батареи Никонова включительно, состоитъ въ командѣ Камчатскаго егерскаго полка, подполковника Артемьева, охраняется Камчатскимъ полкомъ и своднымъ резервнымъ Минско-Волынскимъ баталіономъ. Лѣвая половина центра, самый третій бастіонъ, батарея Яновскаго *и горжа* сихъ частей находятся подъ командою полковника Дарагана, командира Суздальскаго полка, и поручена защитѣ его и Владимірскаго пѣхотнаго полковъ.

Кромѣ вышепоименованныхъ частныхъ начальниковъ третьяго отдѣленія, въ дѣлѣ его защиты играетъ не послѣднюю роль начальникъ инженерныхъ работъ отдѣленія, капитанъ Варакомскій, подъ чьимъ руководствомъ идутъ всѣ работы на бастіонѣ. Къ нему обращается начальникъ отдѣленія, предлагаетъ исправить одну, или усилить другую часть; на его отвѣтственности лежитъ ходъ обороны отдѣленія, если можно такъ выразиться, въ отношеніи искусственномъ. Начальникъ работъ отдѣленія или производитъ работы самъ непосредственно, или указываетъ, какъ и что должно дѣлать, приставивъ къ работѣ своего сапера, унтеръ-офицера или солдата.

Въ вѣдѣніи начальника работъ весь шанцовый инструментъ, на отдѣленіи находящійся; но кромѣ того онъ имѣетъ право, въ случаѣ нужды, требовать таковой въ желаемомъ количествѣ, изъ инженернаго депо. Само собою разумѣется, что этотъ офицеръ, кромѣ своего бастіоннаго начальства, имѣетъ прямымъ начальникомъ—начальника инженерныхъ работъ при защитѣ Севастополя.

При всякомъ начальствующемъ лицѣ, имѣющемъ свое отдѣльное управленіе, состоятъ офицеры, въ качествѣ адъютантовъ или помощниковъ, для передачи распоряженій и для лучшаго наблюденія за исполненіемъ оныхъ. При начальникѣ же войскъ отдѣленія состоитъ нѣсколько офицеровъ ординарцевъ и нѣсколько юнкеровъ, а равно надежныхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, для приведенія въ исполненіе множества распоряженій, для передачи приказаній, сбора различныхъ свѣдѣній по отдѣленію, для надзора за исполненіемъ приказаній, повѣрки способа исполненія, ежедневнаго путешествія къ начальству съ докладами о происходившемъ на отдѣленіи и за полученіемъ приказаній. На отдѣленіи находится особый медикъ съ фельдшерами и цирюльниками, для первоначальной помощи раненымъ и заболѣваемымъ на самомъ отдѣленіи. Словомъ, штабъ отдѣленія весьма полный и управленіе онымъ, нѣкоторымъ образомъ, пришло въ систему.

Но возвратимся къ навѣсу, что у генеральскаго блиндажа. Подъ этимъ навѣсомъ собралась большая часть исчисленныхъ начальниковъ и ихъ штабовъ. Всѣ столпились къ генералу Хрулеву. Генералы пошли къ генералу Павлову закусывать. Изъ-подъ навѣса, гдѣ мы остались, крошечный коридорчикъ, блиндированный бревнами въ обхватъ, вмѣщавшій кухню и людей генерала, велъ въ его комнату; коридорчикъ, входъ въ который прикрытъ траверзомъ, дѣлаетъ изворотъ, съ тѣмъ чтобы не нашелъ дорогу въ комнату осколокъ, если бомба вздумаетъ лопнуть въ самыхъ дверяхъ выхода. Самое жилье генерала Павлова (бывшее жилищемъ вице-адмирала Панфилова съ начала осады, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, до смерти адмирала Нахимова) чистенькая комнатка, шаговъ пять, шесть длины и четыре ширины. Одно окно, въ видѣ глубокой амбразуры, прикрыто огромнымъ траверзомъ; кровать, столъ, нѣсколько походныхъ стульевъ и скамья—вотъ все убранство подземнаго жилища нашего генерала. Во время закуски разорвало бомбу въ нѣсколькихъ саженяхъ надъ блиндажемъ. Разумѣется, пыль пошла изъ всѣхъ его щелей, изъ всѣхъ угловъ; посыпался песокъ съ потолка, но и только. Бомба, по милости Божіей, не произвела никакого вреда; осколки застучали, запрыгали, взрыли землю, но жертвъ себѣ не нашли. Этотъ блиндажъ крѣпокъ. Не одну бомбу на немъ разорвало, а ему ничего: ни одного бревна не крякнуло въ накатникѣ; только размечетъ бывало, землю и камни, да работы прибавитъ на добрые полтора часа, чтобы уничтожить слѣды ея паденія.

Офицерскіе и солдатскіе блиндажи, правду сказать, далеко не такъ крѣпки: многіе изъ нихъ разрушены бомбами, и погребли подъ собою не

мало людей, думавшихъ найти въ нихъ надежную защиту. Въ послѣднее время не стало такого матеріала, чтобы возможно было строить надежные блиндажи, а потребность ихъ увеличивалась со всякимъ днемъ. Запасъ бревенъ, служившихъ накатникомъ, истощился; поневолѣ стали дѣлать накатникъ, или не столь толстый, какъ было нужно, или не надлежащей длины, и несчастные случаи становились не рѣдки. Кажется, на Малаховомъ курганѣ построили блиндажъ, замѣнивъ накатникъ тѣлами подбитыхъ чугунныхъ орудій. Доселѣ не испытали еще прочности этого новоизобрѣтеннаго блиндажа: бомбы щадятъ его.

Въ блиндажѣ генерала судятъ и рядятъ о дѣлѣ, отдаютъ приказанія, принимаютъ донесенія, обсуживаютъ предположенія: то одного изъ насъ позовутъ, то другаго: или получить приказаніе, или подать мнѣніе, или за нужнымъ свѣдѣніемъ. А мы между тѣмъ здѣсь, подъ навѣсомъ, ведемъ самую оживленную бесѣду. На сценѣ новости послѣднихъ дней, разсказы, смѣхъ, остроты, подробности разныхъ случаевъ. Бесѣда кипитъ. Никто не обращаетъ вниманія, что въ траверзъ, насъ прикрывающій съ восточной стороны, безпрестанно впиваются штуцерныя пули, или пролетаютъ мимо открытой части нашей галлереи, съ жалобнымъ стономъ, будто тоскуя, что не имѣютъ возможности залетѣть подъ самый навѣсъ, гдѣ могли бы найти большую поживу. На дняхъ, однако, пуля ухитрилась таки задѣть въ руку одного офицера, въ увлеченіи какого-то спора сѣвшаго на самомъ краю скамейки подъ навѣсомъ. Пуля перенеслась чрезъ траверзъ и съ навѣса поразила его въ руку. Послѣ сего траверзъ немедленно возвысили.

Какъ разнообразны сужденія сидящихъ здѣсь на минутномъ покоѣ. Иные повѣсили голову. Кто ихъ знаетъ, что у нихъ за дума. Гнететъ ли ихъ тяжкое настоящее, дразнитъ ли картина прекраснаго прошлаго, или давитъ ихъ предчувствіе грознаго будущаго? Другіе не наглядятся на картину развернутаго предъ нами Севастополя, Корабельной, Сѣверной бухты, моря, флотовъ, и будто хотятъ запечатлѣть ее въ своемъ сердцѣ, ежеминутно готовясь къ далекому путешествію. Вообще же кромѣ порою грустныхъ думъ, или зловѣщаго предчувствія, печать котораго васъ вдругъ поражаетъ на чьемъ-нибудь лицѣ, вамъ никто не напомнитъ своею особою, что вы въ осадѣ, что надъ вами, какъ и надъ нимъ, тяготѣетъ грозная судьба: всѣ или веселы, или беззаботны совершенно, или озабочены своимъ дѣломъ, какъ бываютъ озабочены за столомъ какого-нибудь департамента чиновныя лица. Ни на комъ не видно слѣда опасенія за свою жизнь, за судьбу Севастополя. Мы всѣ увѣрены, что осада еще протянется, пока не истощатся наши враги, пока имъ не надоѣстъ эта безуспѣшная борьба, и они или уйдутъ сами, или бросятся на насъ съ яростью отчаянья и сокрушатъ свои зубы о наши желѣзныя груди.

Мы и вѣрить не хотимъ возможности отступленія, отдачи Севастополя. Молву объ этомъ, которая вотъ уже нѣсколько дней носится между нами и принимаетъ все болѣе и болѣе опредѣленныя формы, мы считаемъ по-

рожденіемъ злонамѣренныхъ или слабыхъ людей, и вопіемъ противъ ея распространенія. — Но садятся на лошадей. „До свиданія! до свиданія!“ говорятъ всѣ, пожимая руки другъ другу. Почему бы не сказать: „прощайте!“ Потому что какъ-то труднѣе выговаривается это слово въ обстоятельствахъ, подобныхъ настоящимъ; а почемъ знать, можетъ быть, къ многимъ изъ присутствующихъ прилично было бы отнести этотъ послѣдній привѣтъ. Канонада разыгралась, будто на прощаніе намъ; огнестрѣльные снаряды провожали насъ и по развалинамъ Александровскихъ казармъ. Вотъ и доки... вотъ и мысокъ... тутъ безопаснѣе.

Французскія работы идутъ успѣшно, нашъ ужасный огонь не можетъ остановить ихъ движенія. Апроши непріятельскія подведены къ Малахову кургану аршинъ на тридцать (на 25 метровъ). *). Ясно, что непріятелю всякая пядь стоитъ потоковъ крови. Ежедневно у Французовъ въ траншеяхъ, на супротивъ лѣвой половины нашей оборонительной линіи, погибаетъ болѣе полутораста человѣкъ. Минныя галлереи наши поведены съ Малахова навстрѣчу наступающему врагу: онъ долженъ знать это. Страшная, не прерывающаяся канонада, дошедшая до величайшей ярости въ этотъ послѣдній мѣсяцъ, истощаетъ артиллерійскіе запасы осаждающаго. Все доказываетъ, что непріятель долженъ на что-нибудь рѣшиться, что близокъ часъ окончательнаго разсчета, что скоро, скоро послѣдуетъ штурмъ.

23 августа **).

Купилъ два крошечные воза сѣна, пудовъ по 10 или по 11 въ каждомъ, и заплатилъ 30 руб. сереб., за четверть овса до 11 руб. сереб.; до-

*) Метръ равняется 1,40610 аршина.

**) 22 августа былъ военный совѣтъ у союзниковъ, по вопросу о штурмѣ. Присутствовали генералы: Ніель, Боске, Тири, Мартенпрей, Фроссаръ, и начальникъ англійскихъ инженеровъ, сэръ Гарри Джонсъ. Надобно замѣтить, что генералъ Ніель (начальникъ инженеровъ арміи) 22 августа написалъ къ Пелисье: „Если мы не дадимъ свободы своему стремленію немедленно, непріятель создастъ намъ преграды“. Генералъ Пелисье прочелъ въ совѣтѣ это письмо, объяснивъ цѣль, съ которою онъ созванъ, и предложилъ генералу Ніелю изложить дѣло. Вотъ слова этого замѣчательнаго инженера: „Мы въ двадцати пяти метрахъ отъ крѣпости. Чтобы достигнуть сего, мы принесли неизмѣримыя жертвы. Начальникъ артиллеріи скажетъ вамъ, что наши артиллерійскіе запасы истощаются. Въ настоящее время Малаховъ курганъ исключительная цѣль осады; взятіе его предастъ въ наши руки предмѣстье; предмѣстье — отдастъ городъ. Обстоятельства благопріятствуютъ приступу болѣе, чѣмъ можно ожидать“.

Всѣ присутствующіе подали голосъ въ пользу немедленнаго приступа, и генералъ Пелисье рѣшился предпринять его.

Пелисье, чтобы не брать на себя всей отвѣтственности этого новаго штурма, въ случаѣ неудачи, прикидывался не соглашающимся на немедленный штурмъ и полагалъ отсрочить его до прибытія ожидавшихся изъ Франціи и Англіи 400 мортиръ для окончательнаго бомбардированія города; но генералы Боске, Мартенпрей, Ніель, Тири и присоединившійся къ ихъ мнѣнію Гарри Джонсъ настояли на назначеніи немедленнаго штурма. Пелисье *согласился* съ мнѣніемъ совѣта, въ сущности давно будучи одного съ нимъ мнѣнія по этому вопросу.

На этомъ совѣтѣ рѣшили противъ 4 бастіона дальнѣйшія наступательныя работы прекратить, также какъ и противъ 3 бастіона, отъ исходящаго угла коего Англичане были еще въ 200 метрахъ.

Штурмъ ускорился: вслѣдствіе недостатка въ снарядахъ, которыхъ у Французовъ оставалось только на 8 дней, а у Англичанъ и того меньше; вслѣдствіе чрезвычайной по-

роговизна ужасная! Со всякимъ днемъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, болѣе и болѣе становящихся тяжкими, все изумительно дорожаетъ. На базарѣ, устроенномъ на Сѣверной, населеніе растетъ безпрестанно, не смотря на ракеты, которыми, какъ гостинцами, Французы угощаютъ этотъ новый городокъ. Работа тамъ кипитъ страшная. Матросы строятъ и улучшаютъ помѣщенія для своихъ семействъ; торговцы воздвигаютъ большіе балаганы, всѣ Севастопольскіе купцы перенесли туда изъ Николаевскихъ казармъ свои резиденціи, и вывѣски, украшавшія прежде Екатерининскую улицу, теперь поставлены здѣсь надъ скороспѣлыми зданіями. Трактировъ второй руки и *растерацій*, съ затѣйливыми названіями, множество. Посѣтителей въ нихъ столько, что мѣсто могло бы найтись развѣ въ томъ случаѣ, *еслибъ городничій вошелъ!* Такая же тѣснота и толкотня на главной улицѣ поселенія; большинство народа навеселѣ, потому что нѣтъ матросской землянки, въ которой хозяйка не торговала бы водкою, закупая ее по преимуществу у солдатъ, *не пьющихъ своей порціи*. Разумѣется, эта водка смѣтливою матроскою достаточно насыщается водою и настаивается на стручковомъ перцѣ. Впрочемъ, матроски щеголяютъ другъ передъ другомъ крѣпостію продаваемой ими водки; нѣкоторыя берутъ водку въ конторѣ, и только немного подбавляютъ воды, чтобъ не была *такъ вредна* для здоровья.

Въ этихъ землянкахъ, лѣпящихся одна къ другой, какъ ячейки медоваго сота, матросы по преимуществу, а иногда и солдатики, вырвавшись изъ Севастополя, находятъ сверхъ водки и другія утѣхи...

тери въ людяхъ,—самъ Пелисье говорилъ, что онъ теряетъ *бригаду* каждые 10 дней; вслѣдствіе рѣшительнаго объявленія Боске, что его солдаты долѣе не въ силахъ выдерживать столь сильнаго огня, вырывающаго у него ежедневно болѣе 150 человѣкъ изъ несущихъ службу въ траншеяхъ, безъ особыхъ стычекъ или битвъ; а наконецъ, кто знаетъ, быть-можетъ ускореніе штурма и напряженный ударъ именно на Малаховъ курганъ было слѣдствіемъ нарочитаго изъ Парижа распоряженія, которое могло основываться на особыхъ данныхъ. Что таковыя *данныя* могли существовать, мы приведемъ слѣдующую выписку изъ статьи „Русскаго Вѣстника“ — „Разоблаченіе прусской государственной полиціи“ („Современная Лѣтопись“, мартъ 1861 г., № 11, стр. 7 и 8):

„Графъ Мюнстеръ-Мейнгевель (бывшій прусскій военный уполномоченный при нашемъ Дворѣ) препроводилъ въ Берлинъ подробный отчетъ о состояніи дѣлъ въ Крыму; въ этомъ отчетѣ именно сказано, что рѣшительное вліяніе на участь крѣпости можетъ имѣть атака только на ту часть севастопольскихъ укрѣпленій, которая впослѣдствіи пріобрѣла большую извѣстность подъ именемъ Малаховой башни. Этотъ отчетъ перешелъ отъ Техена (отставной поручикъ, прежній прусскій полицейскій агентъ, уволенный отъ службы и, на этотъ разъ, занимавшійся кражею важныхъ документовъ у генералъ-адъютанта Герлаха и доставленіемъ ихъ для прочтенія секретарю французскаго посольства) къ секретарю французскаго посольства Рогану и, кажется, доставилъ западнымъ державамъ еще болѣе пользы, нежели финляндская депеша“.

Прежде еще Техенъ передалъ французскому посольству „финляндскую депешу“, (т.-е. отчетъ графа Мюнстера, въ которомъ описаны слабые пункты финляндскихъ береговыхъ укрѣпленій), которая естественно могла быть очень полезна для начальниковъ англо-французскаго флота, дѣйствовавшаго тогда противъ Россіи въ Финскомъ заливѣ.

Всѣ помнятъ, что 26 августа 1855 г. въ „Монитёрѣ“ было напечатано письмо императора къ Пелисье отъ 20-го того же мѣсяца; въ этомъ письмѣ особенное вниманіе публики обратило тогда на себя слѣдующее мѣсто: „Скажите храбрымъ солдатамъ, которые уже болѣе года переносятъ всевозможныя лишенія и подвергаются всякимъ опасностямъ, что близокъ конецъ ихъ страданіямъ. Севастополь, я надѣюсь, *скоро* падетъ подъ ихъ ударами; еслибъ даже взятіе этого города замедлилось, то все-таки русская армія не будетъ въ состояніи еще разъ выдержать зимою борьбу въ Крыму: я увѣрился въ этомъ по свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ источниковъ, кажется, вѣрныхъ“.

Офицеры всѣхъ родовъ оружія, юнкера, чиновники, все, что жило не въ Севастополѣ или вырывалось за рубежъ, не миновало огромнаго балагана привѣтливаго Севастопольскаго купца Серебряникова. Онъ первый раскинулъ свой шатеръ на Сѣверной сторонѣ. Ядра и бомбы перегоняютъ его на третье мѣсто, и на настоящее онъ также переселился первый, а уже вокругъ его разросся новый торговый городокъ. Какъ на прежнемъ мѣстѣ, такъ и на этомъ, у балагана Серебряникова постоянно стоятъ верховыя лошади и разныя телѣги и найтачанки, а въ балаганѣ день деньской отбою нѣтъ отъ покупателей всего, что нужно для жизни, по части съѣстнаго и питейнаго. Утромъ чуть свѣтъ, жизнь балагана начинается кипѣніемъ огромныхъ самоваровъ. Чаю выпивается множество, за умѣренную плату — по 10 к. сер. со стакана. Потомъ, въ девять часовъ, начнутъ прохаживаться по водочкѣ и закусывать солёненькимъ. Часовъ съ одиннадцати пойдутъ портеръ и закуски на скорую руку. Потомъ—обѣдъ. Трудно бываетъ протиснуться между столиками, величиною съ ломберный: у каждаго человѣкъ по шести офицеровъ. Все приносимое—на расхватъ. Шумъ, крикъ, восторги неожиданныхъ свиданій мѣшаются съ самыми одушевленными разсказами, съ животрепещущими новостями, вспрыснутыми живою струею Клико. Тутъ общее веселье, возбуждаемое отраднымъ чувствомъ хотя временнаго успокоенія отъ смертельныхъ тревогъ, приправляемое потоками портера и оживляемое хлопаньемъ пробокъ. Никто не обращаетъ вниманія на достоинство подаваемыхъ блюдъ, на кислоту портера, на теплоту шампанскаго, купленнаго высокою цѣною. Все здѣсь весело; всѣ довольны. Александръ Ивановичъ оказалъ своимъ балаганомъ большую услугу офицерамъ Севастопольскаго гарнизона. Къ нему стремится молодежь изъ Севастополя, желая хоть изрѣдка вздохнуть другою жизнью, другимъ воздухомъ, отличнымъ отъ знойнаго воздуха траншей, отъ удушливой атмосферы блиндажей. Серебряниковъ имѣетъ большіе доходы—не спорно; но его трудъ стоитъ вознагражденія. Онъ, бывшій маркитантъ, кажется, корабля „Парижъ“ дѣлилъ съ нимъ труды морскаго похода и считалъ себя, когда разгорѣлась борьба въ Крыму, всетаки принадлежащимъ морякамъ; не хотѣлъ, до послѣдней крайности, оторваться отъ родимой бухты, не переставая доставлять морякамъ все для нихъ потребное. Теперь его торговля развилась и приняла большіе размѣры. Онъ, повторяю, имѣетъ большія выгоды, но при этомъ не забываетъ своего долга отечеству. Серебряниковъ служитъ отчизнѣ, чѣмъ можетъ, и служитъ съ увлеченіемъ. Я много слышалъ о его помощи раненымъ и больнымъ солдатамъ, мимо его балага провозимымъ, и навѣрное знаю, что, во время дѣла 4 Августа, онъ привезъ для раздачи солдатамъ, безвозмездно, на перевязочный пунктъ возы булокъ, варенаго мяса и вина.

Богъ да наградитъ добраго человѣка!

Вчера на второй бастіонъ Французы бросили боченокъ, окованный желѣзными обручами. При паденіи два обруча лопнули. Боченокъ имѣлъ заж-

женный фитиль. Еслибъ онъ успѣлъ догорѣть, произошелъ бы взрывъ пороха, которымъ боченокъ былъ наполненъ; но по счастію онъ упалъ на мягкій траверзъ при людяхъ. Какой-то молодецъ матросъ, не задумавшись ни на минуту, бросился съ топоромъ на грозившее разрушеніемъ и смертію чудовище и успѣлъ обрубить фитиль. Въ боченкѣ, чрезвычайно плотно сдѣланномъ, съ желѣзными болтами, соединявшими днища, оказалось около семи пудовъ пороху. Еслибы эту гостью разорвало въ толпѣ солдатъ!... Наши дѣлали много предположеній относительно способа метанья такихъ чудовищныхъ снарядовъ. Говорили, что ихъ бросаютъ какъ бомбу, только съ уменьшеннымъ зарядомъ, изъ мортиры. Другіе увѣряли, что для этого употребляютъ особую, нарочно изобрѣтенную машину. Большинство утверждало, что эти бочки бросаютъ изъ камнеметныхъ фугасовъ *), съ цѣлію, взрывомъ бочки въ амбразурѣ, разрушать мерлоны, откидывать орудія, уничтожать или заваливать амбразуру; взрывами же во рву укрѣпленія засыпать оный обвалами эскарповъ; наконецъ, производить ужасъ и опустошенія на работахъ нашихъ и при сборахъ въ траншеяхъ. Стоустая молва начала переносить вѣсть о паденіи бочки по всѣмъ уголкамъ Севастополя и его окрестностей, съ безчисленнымъ множествомъ прикрасъ, на всякомъ шагу дѣлавшихся разнообразнѣе и уродливѣе. Одинъ молодой человѣкъ, нѣкто У., бывшій ординарцемъ при одномъ изъ главнѣйшихъ дѣйствователей въ защитѣ Севастополя, до того проникнулся поэзіей летающихъ бочекъ, что разсказывалъ, какъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ паденія бочки, на которой оказался верхомъ прилетѣвшій французскій солдатъ съ зажженнымъ фитилемъ въ рукѣ, чтобы въ минуту паденія зажечь начинку бочки посредствомъ проведеннаго въ нее стопина. Французъ не успѣлъ исполнить своего отважнаго намѣренія по милости матроса, сбившаго его съ бочки ударомъ банника. Для бо́льшаго удостовѣренія слушателей въ истинѣ своихъ словъ, разскащикъ объявлялъ, что онъ былъ при допросѣ прилетѣвшаго Француза, разсказавшаго откровенно, что онъ дезертиръ, что ему предстояла смертная казнь, но что онъ, не дорожа уже своей жизнію, послѣ приговора смотрѣлъ на нее, какъ на чужую собственность, и рѣшился на это отчаянное предпріятіе съ тѣмъ, чтобы своею смертію принесть хоть нѣкоторую пользу „прекрасной Франціи“. По словамъ помянутаго офицера, *присутствовавшаго при допросѣ прилетѣвшаго Француза*, онъ, сидя на бочкѣ, крѣпко за нее держась и кромѣ того будучи къ ней привязанъ веревкою, былъ брошенъ изъ мортиры!..

Вотъ одинъ изъ образчиковъ новостей и разсказовъ, встрѣчающихъ и

*) Это послѣднее предположеніе оказалось достовѣрнѣйшимъ: деревянныя бочки съ желѣзными обручами и $6^1/_4$ пудами (100 килограммами) пороха, прежде называвшіяся савартинами, были бросаемы въ Севастополь инженерами посредствомъ небольшихъ минъ. Но эти мины или фугасы не бросали бочекъ (вѣсомъ отъ 500 до 600 килограммъ) на желаемое разстояніе, и такого рода стрѣльба была крайне невѣрна, вслѣдствіе этого нашли возможнымъ бросать эти бочки посредствомъ мортиръ, ставя бочку на мѣсто бомбы. Но и этотъ способъ не имѣлъ успѣха: направленіе снаряда было хорошо, но весьма часто боченокъ разбивался отъ выстрѣла, поэтому бочки опять начали бросать посредствомъ фугасовъ. Historique du service de l' Artillerie. Idem, стр. 282 и 283.

сопровождающихъ васъ здѣсь ежеминутно. И есть добрые люди, которые вѣрятъ еще подобнымъ росказнямъ, а есть и такіе, кои сами выдумываютъ цѣлыя исторіи, выдавая ихъ за событія, случившіяся съ ними, или съ ихъ короткими знакомыми и товарищами, въ ихъ присутствіи. Разсказывая эти событія всякому встрѣчному и нерѣдко завѣряя ихъ дѣйствительность честнымъ словомъ, разсказчикъ скоро такъ привыкаетъ къ своему разсказу, что ему самому начинаетъ казаться, будто событіе дѣйствительно произошло съ нимъ, или при немъ, и онъ наконецъ готовъ присягнуть въ истинѣ происшедшаго, всею душою вѣря своему разсказу, забывъ совершенно, что онъ ни что иное, какъ плодъ его собственной сочинительской способности.

Вчера вечеромъ, часовъ въ одиннадцать, пользуясь темнотою, Англичане подобрались къ одному изъ нашихъ секретовъ, передъ третьимъ бастіономъ, заранѣе вѣроятно замѣтивъ его обычное мѣстонахожденіе и толпою, человѣкъ въ пятьдесятъ, бросились на него. По счастію, секретъ не дремалъ: пальцы лежали на куркахъ, наши грянули залпъ, и Англичане не успѣли пробѣжать пространства, раздѣлявшаго ихъ отъ секрета, какъ наши зарядили ружья и угостили ихъ вторымъ залпомъ—въ упоръ. Англичане были опрокинуты и пустились назадъ; наши за ними, провожая ихъ батальнымъ огнемъ. Распространилась тревога по всей линіи, наши патрули бросились на помощь секрету, но Англичане не дерзнули возобновить нападенія. Утромъ удалой „секретъ“ принесъ пять непріятельскихъ труповъ. По счастію, въ этой стычкѣ мы никого не потеряли *).

24 Августа.

Едва сталъ загораться востокъ, какъ загремѣла *шестая* бомбардировка Севастополя, направившая всѣ свои перуны на правую половину оборонительной линіи **). Предъ этою частью Севастополя будто внезапно распахнулись адскія двери, и облака пламени и тучи жупела и дыма будто выступили изъ своихъ довѣчныхъ границъ и двинулись на него разрушительнымъ ураганомъ. Не слышно стало выстрѣловъ; слышенъ былъ только страшный ревъ, съ которымъ не можетъ выдержать сравненія ни леденящій душу ревъ бури на морѣ, ни яростныя вопли бури въ горахъ, ни рокотъ грома,

*) Впослѣдствіи англійскія газеты представили это ничтожное событіе совсѣмъ въ другомъ видѣ. Вотъ какъ передалъ „Le Nord“ разсказъ корреспондента англійской газеты „Daily-News“. „Въ ночи съ 3 на 4 сентября (съ 22 на 23 августа стар. ст.), Русскіе произвели вылазку и застали врасплохъ нашихъ часовыхъ предъ пятою параллелью. Офицеры мужественно устремились впередъ, чтобъ отразить непріятеля; но солдаты, послѣ нѣкотораго колебанія, вдругъ обратились въ бѣгство, и только восемь или десять изъ нихъ остались съ офицерами“. Вотъ какъ, изъ желанія сказать что-нибудь новенькое, взводятъ на себя небылицы англійскіе вѣстовщики. Повторяемъ: ночью, съ 22 на 23 августа, мы никакой вылазки не дѣлали съ третьяго отдѣленія противъ Англичанъ.

**) Артиллеріей у французовъ командовалъ генералъ Лебефъ, впослѣдствіи столь извѣстный военный министръ. Въ этотъ день открылась канонада, какъ говорятъ, съ 117 батарей союзниковъ изъ 792 орудій, причемъ союзники выпустили 70.000 ядеръ, до 16.000 бомбъ, кромѣ ракетъ; въ первый же день бомбардировки у насъ выбыло изъ строя 2.000 человѣкъ, а въ три дня бомбардировки мы потеряли 7.560 человѣкъ.

стенящаго въ небесахъ, не умолкая ни на мгновенье, при шумѣ ливня и блескѣ неперестающей молніи.

Дымъ все застлалъ, и только кое гдѣ изрѣдка прорѣзывался пламенный языкъ выстрѣла.

Лѣчившійся въ моемъ балаганѣ отъ головной раны поручикъ Безобразовъ не вытерпѣлъ. Юная кровь волновалась, руки дрожали, когда онъ торопливо дѣлалъ перевязку, надвинулъ на носъ фуражку, накинулъ шашку, и съ сигарою въ зубахъ пошелъ на четвертый бастіонъ. Тамъ была его батарея *).

Если шелъ въ самый зѣвъ ада, едва изъ него исторгнутый, полубольной юноша, то что же дѣлали тѣ, коихъ застало на мѣстѣ это истязаніе желѣзомъ и пламенемъ! Устрашатся ли они лица смерти? Имъ ли сдѣлать шагъ назадъ? Севастополь ихъ жертвенный алтарь; на немъ они скорѣе всѣ принесутъ себя въ жертву святому дѣлу, чѣмъ отдадутся своимъ мучителямъ. Чего же ярятся они? Чего безумствуютъ? Зачѣмъ затѣяли эту бомбардировку, которая замолкнетъ подобно прошедшимъ, безъ всякой пользы исторгнувъ только изъ среды живущихъ нѣсколько тысячъ новыхъ жертвъ.

На лѣвой половинѣ все тише обыкновеннаго, и только иногда видишь гдѣ нибудь разрывъ бомбы, да одинъ фасъ третьяго бастіона съ смежными батареями помогаетъ четвертому нумеру, дѣйствующему непрерывно.

Первый часъ по полудни.

Огонь сталъ затихать. Исторія эта не кончится ли частною, мѣстною бомбардировкою четвертаго или пятаго бастіона? Не надоѣло ли нашимъ врагамъ болѣе другихъ какое нибудь изъ укрѣпленій, тамъ устроенныхъ; быть можетъ, они рѣшились сбить собственно его. Собьютъ и замолчатъ.

Второй часъ по полудни.

Какъ бы не такъ! Замолчатъ! Съ ужасною силою вновь загорѣлась бомбардировка и обхватила всю лѣвую половину, нѣсколько укротивъ свою ярость относительно правой половины. Но разсвирѣпѣлые бастіоны этой половины Севастополя не умолкаютъ; на всякій выстрѣлъ врага отвѣчаютъ залпомъ. Нѣтъ никакой возможности, при самомъ напряженномъ вниманіи, счесть бомбы, взрывающія землю, хоть напримѣръ, на Малаховомъ курганѣ и въ первомъ бастіонѣ. Тамъ падаютъ онѣ цѣлыми десятками вдругъ: однѣ разрываются на землѣ, разметывая все, что попадется въ сферу разрыва, другія врѣзываются въ землю и столбами возносятъ ее къ верху, иныя разрушаютъ укрѣпленія, разбрасывая одежду батареи, мѣшки, людей и камни; иныя разрываются на воздухѣ, засыпая окрестность осколками..... И не успѣетъ улечься пыль и дымъ, произведенные этимъ порывомъ смертоносной бури,

*) Относительно поручика Безобразова (см. Приложеніе).

какъ падаетъ новый градъ бомбъ, и потомъ вновь и вновь *). Словомъ, говоря рѣчью Жуковскаго, здѣсь

Бомбы падали дождемъ,
И земля тряслась кругомъ!

По истинѣ, нигдѣ нельзя такъ вѣрно примѣнить этихъ страшныхъ словъ поэта. Бываютъ мгновенья, что канонада вдругъ замолкаетъ, затихаетъ совершенно, но это буквально не больше, какъ на нѣсколько минутъ иногда только на часъ, на полтора. Также иногда буря затихаетъ на мгновенье **).

Сѣверная дѣйствуетъ молодцомъ. Батарея № 18-го такъ и *рѣжетъ* продольно Французскія траншеи, не умолкая цѣлый день: то хватитъ залпомъ, то начнетъ батальный огонь. По словамъ перебѣжщиковъ, она все время досаждаетъ союзникамъ болѣе другихъ батарей; ея снаряды носятся

*) Такое громадное количество бомбъ, засыпавшихъ собою преимущественно Малаховъ курганъ и первый бастіонъ, было нарочито бросаемо Французами, съ цѣлію разрушить наши блиндажи, подъ которыми укрывался гарнизонъ. По словамъ Historique du service de l' Artillerie, было съ этою цѣлію приказано въ извѣстный моментъ сосредоточить огонь всѣхъ мортиръ, дѣйствовавшихъ противъ Корабельной, на два вышеозначенные пункта. А такъ какъ было замѣчено, что у насъ, въ случаѣ внезапнаго прекращенія огня союзниковъ, становятъ людей въ ружье и сосредоточиваютъ войска, предполагая, что союзники прекратили огонь, рѣшившись пойти на штурмъ, сдѣлали распоряженіе умышленно прекращать огонь, чтобы внезапнымъ его возобновленіемъ нанесть возможно большій вредъ осажденнымъ, ожидающимъ штурма. Такъ 24 августа, въ 11 часовъ, прекратили огонь и въ 2 часа возобновили его съ необыкновенною силою противъ Малахова кургана, 2-го и 1-го бастіоновъ; къ четыремъ часамъ ослабили канонаду и продолжали ее уже обыкновеннымъ порядкомъ (Idem, стр. 407).

**) По Базанкуру (L'expedition и пр.) и Дю-Кассу, (Idem) въ послѣднюю бомбардировку дѣйствовало у союзниковъ слѣдующее количество артиллеріи:

Противъ 4	бастіона	19	батарей	129 орудій.
„ 5	„	19	„	134 „
„ 1	отдѣлен.	13	„	83 „
Противъ лѣвой половины оборон. линіи		38	„	281 „
Итого				627 орудій.

Изъ нихъ 27 августа не дѣйствовало 14 орудій съ батареи *„Камроберъ“* и батареи *„5 ноября“* (Н. С.).

А у англичанъ дѣйствовало 32 батар. 179 орудій.

Всего. . . 121 батар. 806 орудій.

„Historique du service de l'Artillerie“ и пр. говоритъ, что въ эту бамбардировку противъ Малахова кургана имѣлось 239 орудій, противъ третьяго бастіона 194 орудій и противъ праваго фланга 370 орудій; итого 803.

Это свѣдѣніе самое достовѣрное. Составъ артиллеріи союзниковъ былъ слѣдующій:

Противъ лѣвой половины нашей оборонительной линіи дѣйствовало:

У Французовъ	пушекъ 101, бомбическ. 51, мортиръ 84	239	Итого у Французовъ 609 орудій.	Всего противъ Севастопол. дѣйств. на сух. пути 803 оруд. разн. калибров.
У Француз. же против. правой пол. об. линіи	пушекъ 194, бомбическ. 78, мортиръ 98	370		
Противъ 3 бастіона дѣйствовало у Англичанъ.	пушекъ и бомбич. оруд. 115, мортиръ 79	194		

По словамъ Guerin (Idem, с. 378), на нашей лѣвой половинѣ оборонительной линіи дѣйствовало противъ непріятеля 392 орудія. въ томъ числѣ 180 на 3 бастіонѣ 60 орудій на Малаховомъ курганѣ.

по всему пространству, которое должны проходить непріятельскія войска, отправляясь на службу въ траншеи, или возвращаясь въ свои лагери. Слѣдовательно, всякая тревога, привлекающая къ траншеямъ резервы непріятельскіе, даетъ этой батареѣ обильную жатву. Французы хотѣли сбить ее и, вѣроятно, съ этою цѣлію строили казематированную батарею у бухты, ниже Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ, между ними и Забалканскою батареею; но наши пароходы и № 18-й доселѣ не дали имъ окончить своей работы, стоившей однако уже много крови непріятелю.

Пятый часъ.

Бомбардировка приняла не столь ужасный характеръ. Что, если союзники опять прекратятъ огонь, или если бомбардировка эта превратится въ обыкновенную канонаду? Что, если это уменьшеніе огня не слѣдствіе только физическаго утомленія артиллеристовъ? Что, если это разсчетъ—пробная стрѣльба союзниковъ, желающихъ опредѣлить: достаточно ли ими построено батарей, правильно ли онѣ поставлены, хорошо ли онѣ вооружены, и достаточно ли онѣ близки къ намъ, чтобы ихъ огнемъ сместь наши батареи, заставить ихъ замолчать и потомъ *голыми* руками взять лакомую добычу?

Горькая мысль. Господи! Неужели это новое убійство нѣсколькихъ лишнихъ тысячъ человѣкъ не будетъ имѣть никакихъ рѣшительныхъ результатовъ? Неужели чрезъ нѣсколько времени возобновится это кровопролитіе, когда злобные враги наши достаточно отдохнутъ, упившись нашею кровью? Неужели они вновь выберутъ удобный моментъ и снова начнутъ класть наши головы на кровавомъ *токѣ* Севастопольскомъ и съ новою силою и яростью начнутъ *вынять души наши изъ тѣла?*... Будемъ ждать, молиться и терпѣть. Кровь нашихъ друзей и собратій, здѣсь полегшихъ—потокъ живой воды, которая не дастъ умереть нашимъ нравственнымъ силамъ. Сей священный потокъ, прибывая ежеминутно, не изсякаетъ. Мы ли увянемъ подъ палящимъ дыханіемъ смерти, когда насъ оживляютъ струи этого потока? Нѣтъ, переживемъ этотъ страшный періодъ, и настанетъ часъ, когда мы отплатимъ врагу за все, за все!... Нашъ рыцарь-вождь, примѣромъ богатырской отваги, одушевляетъ всѣхъ. При первыхъ звукахъ бомбардировки доблестный князь уже явился въ Севастополѣ, и не оставляетъ его. Съ нимъ онъ переживаетъ годину безпримѣрную; на себѣ онъ чувствуетъ его муки, страдаетъ его страданіями, плачетъ его слезами, ежеминутно будучи готовъ смѣшать кровь свою съ святою кровью его защитниковъ!...

И нѣтъ солдата, который, даже не видя его, не чувствовалъ бы его присутствія въ Севастополѣ. Всѣ знаютъ, что князь съ ними, и всѣ понимаютъ, что видно нужно *„стоять* и *умирать“*, и всѣ стоятъ крѣпче Остерманова аріергарда, и большинство умираетъ съ стоическою твердостью.

Кровью слѣдовало бы писать эти страницы—не чернилами!

Не могу выразить происходящаго въ душѣ моей; такъ мнѣ ли описать происходящее вокругъ меня? Ужаснѣе ли будетъ свѣтопреставленіе? Тамъ

все будетъ разрушаться, и здѣсь все разрушается! Тамъ все будетъ на рубежѣ земнаго поприща, у всѣхъ живущихъ будетъ занесена нога, чтобъ переступить роковой рубежъ... Мгновенье—и переступятъ его всѣ послушные громовому голосу архангельской трубы!... Кто изъ насъ, здѣсь пребывающихъ, скажетъ, что его нога не занесена за таковой рубежъ? Горитъ край земли и неба, кутается солнце въ тучи пороховаго дыма; колеблется земная твердь; кругомъ носится коса смерти; созрѣла жатва, страшный жатель дѣйствуетъ...

И никто не бѣжитъ смерти, каждый съ твердостью идетъ ей на встрѣчу, будучи убѣжденъ, что она, несмотря на страшный ликъ свой, не иное что, какъ суровый привратникъ дверей райскихъ... Онѣ отверзты для насъ. Ктожъ убоится этого пути?!!

Вечеръ.

Седьмая дивизія пошла въ Севастополь. Видно начинаютъ опасаться какого нибудь покушенія ночью со стороны непріятеля.

Опять что-то горитъ въ Александровскихъ казармахъ. Чему бы тамъ кажется и горѣть-то? Союзники бросаютъ на огонь множество бомбъ, чтобы его усилить и бить людей, которые его прекращаютъ. Въ этомъ они ошиблись: наши и не принимаются тушить пожара. Пусть догораютъ развалины, все равно!

Седьмой часъ.

Надъ бухтою огненнымъ пятномъ показалось зарево, стало расширяться больше и больше, и заволокло своими яркими тѣнями и оттѣнками огромную часть неба. Къ нему потянулся съ бухты пурпуровый столбъ дыма и пламени. Что такое? Что такое?

Скоро пронеслась вѣсть, что нашъ корабль горитъ въ бухтѣ. Я бросился туда. Необыкновенное зрѣлище! На черномъ фонѣ неба и моря судно, будто сотканное изъ пламеннаго кружева. Каждая веревочка, каждая рея, каждая снасть будто накалилась и стала огненно-прозрачною.

Пожаръ далъ необыкновенное освѣщеніе всей суматохѣ, вокругъ него происходившей. Какъ хорошъ мостъ съ толпящимся народомъ; лодки, какъ стая чаекъ, окружающія пожарище, послушныя рѣзкимъ командамъ начальниковъ, отдаваемымъ въ рупоръ. Какъ необыкновенна окрестность: сосѣдніе и дальніе корабли, фрегаты, суда, Михайловская батарея, слегка освѣщенный Константиновскій фортъ, Николаевскій и Павловскій форты съ ихъ словно горящими отъ пожара окнами; дождь непріятельскихъ бомбъ и ракетъ *идущій* надъ мѣстомъ пожара и образующій окрестъ безчисленное множество фонтановъ, поднимающихся отъ паденія снарядовъ и на мгновенье загорающихся милліонами огненныхъ искръ,—отражая въ каждой брызгѣ огонь пожара! Восхитительная картина эта была бы еще очаровательнѣе, если бы горѣло судно вражье, а не наше. Съ паденіемъ каждой отгоравшей снасти будто болѣзненно сжималось сердце! Каждый неестествен-

ный скрипъ или трескъ погибавшаго судна откликался въ душѣ. Горѣлъ военный транспортъ „Березань“. Бомба ударила его съ навѣсу, прошла до его трюма, и, тамъ лопнувъ, произвела пожаръ, который не имѣли возможности прекратить внутри судна. Когда же пламя пробилось наружу, то, не смотря на сверхъ-естественныя усилія наѣхавшихъ матросовъ, не могли его потушить. По счастію этотъ пожаръ не былъ опасенъ—на суднѣ не было пороха, а потому нечего было бояться взрыва. На транспортѣ „Березань“ былъ запасъ коровьяго масла и какой-то архивъ.

Однако же этотъ пожаръ, привлекавшій на себя, какъ на яркую цѣль, огонь всѣхъ тѣхъ непріятельскихъ батерей, которыя могли дѣйствовать по этому пункту, чуть было не кончился значительною бѣдою. Когда отгорѣли канаты, которые держали судно на якорѣ и когда, такъ сказать, растопилась цѣпь, на которой успѣли завести запасный якорь, съ цѣлью, чтобы судно сгорѣло на мѣстѣ, пылающій транспортъ „Березань“ изволилъ отправиться въ дорогу и, конечно, волною и теченіемъ понесло его къ выходу изъ бухты, т.-е., на мостъ. Судно могло бы сжечь часть моста, или по крайности повредить, или прорвать его, но моряки не допустили до этого: ухитрились какъ-то, поймали его, зацѣпили чѣмъ-то, отбуксировали на средину бухты, на чистое мѣсто, и тамъ, влѣпивъ ему нѣсколько десятковъ ядеръ, заставили зачерпнуть воды и сгорѣть до тла безъ дальнѣйшихъ путешествій.

Замѣчательно, что транспортъ вынесъ первые залпы съ нашего парохода, потому что пробивали его не въ подводной части, а въ надводной, у самой воды, чтобы сильнѣе было поврежденіе, а онъ между тѣмъ, быстро сгорая, все дѣлался легче, и, поднимаясь изъ воды, не черпалъ ее пробоинами и не шелъ къ дну. Наконецъ удалось сдѣлать большую пробоину въ подводной части транспорта, и онъ погрузился *).

Разсвѣтъ 25 августа.

Лишь забрезжилось утро, будто по сигналу, всѣ непріятельскія батареи, дѣйствующія по Севастополю, привѣтствовали насъ залпомъ. Наши, будто внезапно пробужденныя, въ тотъ же моментъ отвѣчали имъ такимъ же, если еще не ужаснѣйшимъ, залпомъ и начался кровавый поединокъ... Опять полилась кровь!... Опять клубы пороховаго дыма стали свиваться надъ мѣстомъ побоища—въ облака, торопливо уносясь въ безпредѣльность отъ страшнаго мѣста!... Вновь начался оглушительный, неумолкаемый громъ!... Вновь Севастопольское поле сѣется костями, поливается кровью!.. Повторяю, будемъ терпѣть, молиться и ждать...

---

*) Французы, въ своихъ сочиненіяхъ объ осадѣ Севастополя говорятъ, что этотъ пожаръ произошелъ на сто-пушечномъ кораблѣ *„Императрица Марія“*, и что онъ пошелъ, вслѣдствіе этого пожара, ко дну. Они ошиблись, по обыкновенію: корабль *„Императрица Марія“* дѣйствительно пошелъ ко дну, но нѣсколькими днями позже, и отправленъ въ числѣ прочихъ кораблей въ *„область раковинъ перловыхъ“*, нашими собственными руками, въ день послѣдняго штурма.

Часовъ въ семь утра я отправился на третій бастіонъ съ докладомъ къ своему генералу. Во время такихъ путешествій не разъ подумаешь о близости своего послѣдняго часа! и невольно прижимаешь къ груди материнское благословеніе, мысленно прощаясь со всѣмъ. Но эти чувства человѣческой природы мгновенны: они исчезаютъ, едва появятся, не отражаясь даже на лицѣ. Подобно всѣмъ встрѣчнымъ солдатамъ, офицерамъ и генераламъ, идешь самымъ мѣрнымъ шагомъ, посреди общаго разрушенія; болтаешь съ товарищемъ, безмятежно куря папиросу, несмотря на визгъ, ревъ и шипѣніе снарядовъ, летающихъ во всѣхъ направленіяхъ и падающихъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Да иначе здѣсь и быть не можетъ посреди людей, воспитанныхъ опасностью, не знающихъ страха смерти. Попытайтесь поклониться проносящемуся надъ вами ядру, или, согнувшись въ три погибели, бѣжать по мѣсту, гдѣ свищутъ пули: вы едва успѣете разогнуться, какъ навѣрно встрѣтите смѣющіеся глаза проходящаго солдата, устремленные на васъ. Конечно, онъ ничего не скажетъ, не *посмѣетъ* сказать вамъ, но, будьте увѣрены, отъ встрѣтившаго васъ вопросительнаго взгляда кровь хлынетъ вамъ въ лице, если только есть у васъ совѣсть!

Попытайтесь по опасному мѣсту пуститься бѣгомъ, или даже черезчуръ прибавить шагу. Добѣжавъ до мѣста, оглянитесь: на томъ опасномъ мѣстѣ, которое вы проскочили, остановился проходящій солдатъ съ какою-то ношею, вопросительно и съ презрѣніемъ глядя вамъ вслѣдъ. Вслушайтесь: „Глядико-сь! пули то прыти поддали, а еще—его благородіе!“ И больно вамъ станетъ (разумѣется, все таки, если вы не мѣдный лобъ), что вы пробѣжали опасное пространство, и вы будете готовы тихимъ шагомъ пройти по немъ взадъ и впередъ, лишь бы перемѣнилъ о васъ мнѣніе, видя вашу твердость, тотъ оборванный солдатикъ, который съ такимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на прыткость вашихъ ногъ!

Здѣсь общественное мнѣніе не издѣвается надъ тѣмъ только, кто ищетъ спасенія отъ *бомбы*: всѣ, даже прославленные храбрецы, бросаются на землю, если бомба падаетъ отъ нихъ въ нѣсколькихъ шагахъ или даже саженяхъ. Такъ скорѣе можно спастись отъ осколковъ. Конечно, при подобныхъ случаяхъ, бываютъ презабавныя исторіи.

Одинъ мой сослуживецъ, всегда увѣрявшій, что онъ обладаетъ *гражданскою отвагою*, прапорщикъ Новаковскій проходилъ, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, ночью на Малаховъ курганъ съ ординарцемъ унтеръ-офицеромъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ впереди ихъ падаетъ бомба. Разумѣется, они долгомъ поставили тотчасъ же прильнуть къ землѣ. Ждутъ разрыва пять минутъ, ждутъ десять, ни живы, ни мертвы... ждутъ четверть часа—молчитъ бомба. Офицеръ—человѣкъ цивилизованный, нѣжный, бокъ заболѣлъ лежать на камняхъ,—перевернулся на другой; еще прошло десять минутъ, скучно стало, да того и гляди—другая прилетитъ.

„Послушай, говоритъ онъ, обращаясь къ своему тѣлохранителю, вѣдь можетъ бомба и не лопнетъ!

— А кто ее знаетъ, ваше благородіе!—

„Какъ бы посмотрѣть, братъ, а?“

— Да какъ угодно, ваше благородіе, извольте.—

„Нѣтъ, то есть какъ бы ты полѣзъ посмотрѣть ее?“

— Какъ прикажете.—

„Слазь, братъ, пожалуйста.“

— Слушаю!—

Полѣзъ унтеръ-офицеръ, доползъ: лежитъ бомба какъ камень, трубка давно погасла; рѣшился, дотронулся до нея—холоднехонька.

„Ваше благородіе, извольте вставать: погасла!“

Одинъ изъ моихъ товарищей, Карновичъ, славный малый, примчался изъ Петербурга послужить въ Севастополѣ. Разумѣется, человѣкъ онъ не обстрѣленный: думалъ, каждая бомба производитъ опустошеніе, каждое ядро бьетъ нещадно. Шелъ онъ однажды съ Камчатскаго люнета на Малаховъ курганъ съ генераломъ Бялымъ и еще однимъ офицеромъ. Стемнѣло. К. слѣдовалъ въ нѣсколькихъ шагахъ за генераломъ и сопровождавшимъ его офицеромъ. Генералъ и его спутникъ хотѣли вглядѣться, поставлена ли цѣпь, и, чтобы лучше это разсмотрѣть, пригнулись къ землѣ. К., замѣтя это движеніе и вообразивъ, что его спутники, видя близкій полетъ бомбы, ложатся, предугадывая ея паденіе по сосѣдству, въ свою очередь растянулся на землѣ, во всю свою длину, ничкомъ, и ждетъ роковаго мгновенья. Генералъ Бялый, окончивъ желаемое наблюденіе, продолжалъ путь, но, вскорѣ оглянувшись и не видя Карновича сталъ кричать: „Карновичъ, гдѣ вы? Карновичъ, гдѣ вы? что съ вами?“

— Здѣсь, ваше превосходительство!

„Что это значитъ, отъ чего вы лежите? ранены?“

— А вы зачѣмъ лежите, ваше превосходительство?

„Кто вамъ сказалъ, что я лежу?“

Тутъ дѣло объяснилось, и самъ Карновичъ и свидѣтели его осторожности хохотали до упаду и заставили своимъ разсказомъ хохотать на курганѣ весь блиндажъ офицеровъ.

Да! въ страшной трагедіи, одиннадцатый мѣсяцъ здѣсь разыгрывающейся, бываютъ и комическія сцены!

Сегодня часовъ въ 9 утра огонь союзниковъ значительно ослабѣлъ, въ 10 часовъ замолкъ совершенно, но около 10 часовъ канонада заревѣла съ новою яростью, будто отдохнувъ. Союзники дѣйствовали залпами, кажется, изъ всѣхъ пушекъ, стрѣлявшихъ ядрами; канонада ослабѣла нѣсколько только около вечера, перейдя съ началомъ ночи въ бомбардировку. Огонь непріятельскій по преимуществу вообще направленъ противъ Корабельной, въ особенности же противъ Малахова кургана, 2 и 1 бастіоновъ, но съ 10 часовъ утра страшные залпы послѣдовали противъ правой половины об. линіи. Наши отбиваются неутомимо. Сегодня наша потеря превышаетъ вчерашнюю;

неужели число погибшихъ защитниковъ Севастополя будетъ ежедневно увеличиваться?

Приведу здѣсь печальное доказательство тяжкаго положенія защитниковъ Севастополя, въ настоящее время особенно.

Въ пѣхотѣ лѣвой половины оборонительной линіи, состоящей изъ 67 штабъ-офицеровъ, 749 оберъ-офицеровъ и 27.474 нижнихъ чиновъ (не считая моряковъ, артиллеристовъ и арестантовъ), съ 18 августа по настоящее число, выбыло изъ фронта:

	Убито.	Ранено.	Контужено.	Итого.
Штабъ-офицеровъ	1	2	1	4
Оберъ-офицеровъ	12	18	15	45
Нижнихъ чиновъ	470	1,816	729	2015
			Итого. . .	3064 челов.

На лицо въ составѣ гарнизона состоитъ нынѣ болѣе 42.200 штыковъ.

Сегодня вспыхнули пожары въ нѣсколькихъ мѣстахъ города.

Вчера какой случай вышелъ на 3-мъ бастіонѣ! Какъ началась бомбардировка, командовавшій ротою Камчатскаго полка поручикъ Маевскій получилъ приказаніе подняться съ ротой на батарею Никонова и расположивъ ее подъ брустверомъ, велѣть людямъ отдыхать. Онъ такъ и сдѣлалъ, а самъ пошелъ къ баталіонному командиру маіору Милевскому, подъ досчатый навѣсъ, гдѣ и усѣлись играть въ карты. Бомбардировка все разгоралась, какъ вдругъ вбѣгаетъ унтеръ-офицеръ и кричитъ: „Ваше благородіе! Рота убита!“

— Кому ты это говоришь? восклицаетъ маіоръ Милевскій.

„Поручику Маевскому, Ваше В-іе.“

— Да кто это у васъ такой?—спрашиваетъ Милевскій Маевскаго.— „Фельдфебель“.

— Такой дуракъ и фельдфебель! Да развѣ это возможно! Что ты болтаешь?

„Точно такъ, Ваше Высокоблагородіе—убита“.

Тогда всѣ выбѣгаютъ изъ-пода навѣса, бѣгутъ къ мѣсту нахожденія роты и видятъ ужасную картину: брустверъ развороченъ разрывомъ нѣсколькихъ одновременно упавшихъ бомбъ и люди спавшіе подъ брустверомъ, завалены землей, турами, мѣшками съ землей! Бросились откапывать и вытащили 16 труповъ и 20 еле живыхъ, которыхъ и отправили въ госпиталь.

26 Августа.

Бомбардировка съ каждымъ днемъ ожесточается. Бьютъ преимущественно ядрами по нашимъ амбразурамъ и мерлонамъ. Говорятъ, на Малаховъ курганъ и въ ровъ бросили нѣсколько бочекъ, подобныхъ тѣмъ, о коихъ

я говорилъ выше. Одну разорвало во рву передъ исходящимъ угломъ бастіона и сильно повредило эскарпъ. Толкуютъ, будто вообще взрывами этихъ бочекъ во рву бастіона произведены значительные обвалы эскарповъ, такъ что теперь союзникамъ не будетъ стоить большаго труда перебраться чрезъ ровъ. Вообще, на нашихъ батареяхъ въ эти дни произведено ужасное разрушеніе. Многія замолчали совершенно. Малаховъ курганъ и 2 бастіонъ едва отвѣчаютъ, и то преимущественно бомбами изъ мортиръ. Про городъ и говорить нечего. Всякій снарядъ, который не попадаетъ въ батарею, несется въ городъ, терзаетъ развалины его.

Намъ много стоитъ крови, чтобы имѣть возможность въ теченіе ночи привести разрушенныя батареи въ такое состояніе, чтобы онѣ могли дѣйствовать днемъ. Задачу эту еще труднѣе исполнять потому, что ночью союзники бросаютъ невѣроятное количество разрывныхъ снарядовъ, стрѣляя по нашимъ бастіонамъ дальнею картечью изъ ближайшихъ къ намъ батарей.

Днемъ подбиваютъ и разбиваютъ у насъ много орудій. Какихъ усилій и потерь стоитъ замѣна ихъ въ теченіе ночи новыми! Многія амбразуры приходится прочищать своимъ выстрѣломъ.

Артиллерійская прислуга гибнетъ; ее не успѣваютъ пополнять *). Много ратниковъ поставлено къ орудіямъ, и изъ нихъ уже многіе погибли. Что-то будетъ дальше? Долго ли будетъ существовать эта бойня? Долго ли еще литься крови человѣческой?.... Видана ли такая борьба между людьми? Не варварскій ли это образъ дѣйствій, и неужели это новое кровопролитіе вновь кончится ничѣмъ? Волосъ становится дыбомъ при этой мысли. Повидимому, союзники думаютъ продолжать это бичеваніе до тѣхъ поръ, пока мы не покинемъ сами своихъ укрѣпленій. Еслибъ они думали кончить дѣло однимъ ударомъ, они не ограничивались бы частнымъ дѣйствіемъ бомбардъ по Севастополю: они открыли бы канонаду съ флота, а то онъ теперь преспокойно покачивается на якорѣ и только два, три судна разводятъ пары.

Въ эту шестую бомбардировку Севастополя союзники употребляютъ совершенно особый способъ бомбардированія **). Видно онъ есть слѣдствіе опытности, пріобрѣтенной предшествовавшими бомбардировками. Съ разсвѣта заревутъ залпы всѣхъ батарей, и катаютъ батальнымъ огнемъ часовъ до десяти. Тогда огонь начнетъ значительно слабѣть и почти совершенно прекращается. Вдругъ, въ первомъ часу, хватятъ залпомъ, и снова батальнымъ

---

*) Заботясь о возможномъ предохраненіи прислуги отъ непріятельскихъ пуль, преимущественно поражавшихъ прислугу въ амбразуры, при заряженіи орудій, капитанъ 2-го ранга Зоринъ изобрѣлъ особеннаго рода завѣсы на амбразуры, названныя *торсовыми щитами*. Завѣсы эти плели изъ корабельныхъ веревокъ, смолили, и онѣ были такъ плотны и крѣпки, что ихъ не пробивали штуцерныя пули, тогда какъ пули эти на извѣстномъ разстояніи пробивали металлическія доски. Такой щитъ обыкновенно закрывалъ всю амбразуру: только въ моментъ прицѣла, и за тѣмъ выстрѣла, артиллеристъ подвергался дѣйствію прицѣльнаго непріятельскаго выстрѣла. Благодѣтельное примѣненіе Зорина спасло жизнь многимъ въ Севастополѣ.

**) Какъ нынѣ оказывается, такое *разнообразіе* въ бомбардировкѣ союзники допустили умышленно, чтобы скрыть отъ насъ дѣйствительныя намѣренія осаждающихъ, мысль, съ которою они начали бомбардировку, и моментъ, въ который они бросятся на штурмъ.

огнемъ часа три безъ умолку — земля только стонетъ. Часу въ третьемъ вновь канонада станетъ смолкать и замолкнетъ совершенно; часовъ въ пять залпъ — и жарятъ до самой уже ночи, не умолкая. Одинъ Богъ можетъ давать силы Севастопольскому гарнизону выдерживать эту роковую борьбу; *) но долго ли суждено еще ее выдерживать?

Тайная молва о намѣреніи оставить Севастополь перестаетъ быть тайною: говорятъ рѣшительно, что генералъ Хрулевъ получилъ уже отъ князя приказанія по этому предмету. Но я былъ сегодня у Степана Александровича, и онъ даже не намекнулъ мнѣ объ этомъ рѣшеніи. Видно держатъ въ большомъ секретѣ до условной минуты.

По обыкновенію, генералъ Хрулевъ преспокойно лежалъ на своей кушеткѣ, и былъ, казалось, озабоченъ только настоящимъ, нисколько не думая о будущемъ. Онъ предполагаетъ, что эта бомбардировка непремѣнно должна кончиться штурмомъ, что союзники только выжидаютъ мгновенія броситься на насъ. Доказательство этому онъ видитъ въ движеніи французскихъ войскъ вчера и сегодня къ ихъ передовымъ линіямъ, хотя эти выдвиженія также могутъ имѣть цѣлію заставить насъ, изъ опасенія штурма, стягивать свои войска подъ ихъ выстрѣлы и нести бо́льшій уронъ. Генералъ Хрулевъ много говорилъ про нашу дивизію и отдалъ мнѣ копію, за собственноручною подписью, лестнаго приказа своего о ея подвигахъ, для передачи генералу Павлову. Я отнесъ этотъ листокъ своему начальнику на бастіонъ, и, кажется, доставилъ этимъ приказомъ большое удовольствіе генералу, особенно тѣми лестными отзывами о его твердости и мужествѣ, которые генералъ Хрулевъ приказалъ мнѣ передать генералу Павлову, отъ имени достойнаго цѣнителя мужества, князя Горчакова.

И то сказать: жизнь въ настоящее время на бастіонѣ, въ ежеминутной готовности къ смерти или къ встрѣчѣ штыкомъ непріятельской атаки, стóитъ похвалы! **) Ни покойной ночи, ни покойныхъ нѣсколькихъ сряду часовъ въ теченіе дня: вѣчно бодрствовать, вѣчно ждать тревоги, не раздѣваться и нѣсколько уже дней ежечасно обходить дозоромъ сокровище, врученное отечествомъ на храненіе, и трепетать за всякій новый ущербъ, ему сдѣланный, за всякую новую рану, нанесенную его защитникамъ, ослабляющую силу защиты! Вотъ задача, предстоящая лицамъ, начальствующимъ на бастіонахъ,

*) „Нынѣ наши ежедневныя потери значительны: собственно на Малаховомъ курганѣ теряемъ въ одну ночь болѣе 700 человѣкъ!“

„Оборона противъ нападающихъ на оборону Севастополя“. Графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ. „Военный Оборникъ“, февраль 1861 года.

**) Служба на третьемъ бастіонѣ была, дѣйствительно, трудною службой, жизнь на немъ—трудною жизнью. 3-й бастіонъ до послѣдней минуты существованія Севастополя яростно боролся за Россію. Не даромъ его князь Васильчиковъ называлъ „*Честный человѣкъ*“. До послѣдней минуты бастіонъ № 3-й,—говоритъ одинъ изъ близко знакомыхъ съ дѣломъ обороны Севастополя инженерный офицеръ Э. Эвертцъ („Инженерный Журналъ“. Дѣло подъ Малаховымъ курганомъ. № 2, 1868)—былъ грозою противниковъ; *его боялись трогать* и только по его вызову открывали пальбу. Всегда, даже во время послѣдняго бомбардированія, бастіонъ № 3 заставлялъ своихъ противниковъ прекращать бой; съ рыцарскимъ самоотверженіемъ онъ вступался за обижаемыхъ сосѣдей, именно за „*Смѣлый*“ бастіонъ № 4-й, за „*Лѣнивый, тучный*“ Малаховъ курганъ.

лицамъ заслуженнымъ, слѣдовательно, пожилымъ, знакомымъ съ недугами — послѣдствіемъ долгой боевой службы!

Кто вглядывался въ подробности Севастопольской жизни и службы, кто знаетъ всѣ тайны ея и жизни бастіонной, тотъ только можетъ достойно оцѣнить энергію тѣхъ генераловъ, которые были геніями хранителями твердынь Севастополя, въ настоящіе тяжкіе дни его существованія. Но оцѣнка ихъ принадлежитъ исторіи.

Сегодня генералъ Павловъ былъ веселѣе обыкновеннаго, и не мудрено: дивизія его была вокругъ него, составляя главную часть гарнизона третьяго отдѣленія. Онъ былъ окруженъ людьми, ему хорошо извѣстными, на которыхъ онъ могъ положиться, которымъ онъ вѣрилъ, сблизясь съ ними въ боевомъ огнѣ многихъ страшныхъ событій, людьми, о которыхъ онъ зналъ, что они не ударятъ въ грязь лицемъ. Сегодня онъ въ своей семьѣ, а съ близкими отраднѣе встрѣчать и самую смерть.

Генералъ приказалъ мнѣ отдать по одной копіи приказа генерала Хрулева въ каждый баталіонъ дивизіи. Не могу не помѣстить здѣсь этого приказа — на память.

ПРИКАЗЪ:

по 3-му, 4-му и 5-му отдѣленіямъ лѣвой половины оборонительной линіи г. Севастополя.

20 Августа 1855 года. Г. Севастополь, № 136.

Храбрая 11-я пѣхотная дивизія прощается съ командирами двухъ своихъ пѣхотныхъ полковъ: Якутскаго, генералъ-маіоромъ Бялымъ и Селенгинскаго, генералъ-маіоромъ Сабашинскимъ, назначенными командирами бригадъ.

Желаю высказать этимъ достойнымъ генераламъ, а равно и командирамъ егерскихъ полковъ: Камчатскаго — генералъ-маіору Голеву и Охотскаго — полковнику Малевскому ту благодарность, право на которую они пріобрѣли при защитѣ Севастополя, какъ славнымъ участіемъ означенныхъ полковъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ, подъ непосредственнымъ ихъ распоряженіемъ, такъ и въ бытность генераловъ Голева и Сабашинскаго начальниками пѣхоты по отдѣленіямъ оборонительной линіи.

При вступленіи моемъ, 3-го Марта, въ командованіе войсками на лѣвой половинѣ Севастополя, я нашелъ, что честь защиты оной, почти исключительно, принадлежала 11-й дивизіи, и съ того времени полки эти участвовали почти во всѣхъ блистательныхъ событіяхъ, которыя совершались при оборонѣ этой части города.

Редуты Селенгинскій и Волынскій, подъ огнемъ непріятельскимъ, возведены преимущественно Селенгинскимъ и Якутскимъ полками.

Честь обороны ихъ и всего пространства за Киленъ-балкою долгое время принадлежала почти исключительно полкамъ Селенгинскому, Якутскому и Камчатскому, при чемъ первый изъ этихъ полковъ подъ командою гене-

ралъ-маіора Сабашинскаго имѣлъ счастіе быть однимъ изъ главныхъ дѣйствователей при отбитіи нападенія Французовъ на едва начатый Селенгинскій редутъ.

Камчатское укрѣпленіе, созданное преимущественно Камчатскимъ полкомъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ непріятелемъ, облито кровію офицеровъ и солдатъ этого полка, и было поприщемъ, на которомъ Камчатскій полкъ увѣнчался славою въ ночи съ 10-го на 11-е Марта, подъ командою генералъ-маіора Голева.

Въ ночи съ 5-го на 6-е Марта, Якутскій полкъ, подъ командою генералъ-маіора Бялаго, штыками отбилъ натискъ дерзкаго врага на Камчатское укрѣпленіе.

Рядъ самыхъ удачныхъ вылазокъ доказываетъ степень дѣятельности и отваги Охотскаго егерскаго полка, подъ командою полковника Малевскаго. Полкъ этотъ, съ Ноября прошлаго 1854 года, зорко сторожитъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ оборонительной линіи Севастополя; не дозволяетъ врагу взять надъ собою ни малѣйшаго перевѣса, а съ своей стороны не упускаетъ случая пріобрѣсти надъ нимъ поверхность.

Грозное апрѣльское бомбардированіе, въ которое наиболѣе пострадали полки Охотскій и Камчатскій, ослабивъ числительность 11-й дивизіи, не ослабило ея духа. Храбрые офицеры и солдаты 11 дивизіи уже въ теченіе девяти мѣсяцевъ переносятъ въ осадѣ неимовѣрные труды, лишенія и опасности.

Бомбардированіе, предшествовавшее событіямъ 26-го Мая и ночной бой Камчатскаго полка съ непріятелемъ предъ третьимъ бастіономъ, вырвали многихъ изъ рядовъ этой дивизіи; губительно было и бомбардированіе 5 Іюня, но штурмъ 6 Іюня показалъ, сколь достойны люди этихъ полковъ носить имя русскаго солдата, и какъ они, равно какъ и гг. офицеры, готовы всѣ до одного по первому призыву, умереть за ЦАРЯ, отстаивая землю родную.

Штурмъ 6-го Іюня былъ наградою 11-й дивизіи за тяжкую службу въ Севастополѣ, ибо всѣмъ полкамъ этой дивизіи досталась своя доля славы. Такъ Якутцы помогли вырвать батарею Жерве изъ рукъ врага, на мгновенье восторжествовавшаго; Селенгинцы помогли отбить его повторенную атаку отъ оборонительной стѣнки и бастіона № 2-го; Камчатцы были участниками въ отбитіи атаки Англичанъ отъ бастіона № 3-го и произвели опустошеніе въ толпахъ Французовъ, занявшихъ батарею Жерве; наконецъ, Охотцы выбросили врага штыками съ батареи Брылкина, и трупами врага устлали пространство передъ „Пересыпкою“.

Бомбардированіе 27-го Іюня бастіона № 3-го, какъ и нынѣ еще продолжающаяся бомбардировка съ 5-го Августа, снова доказали мужество и стойкость дивизіи, ежеминутно находящейся въ готовности встрѣтить врага штыкомъ и производящей непрестанно, подъ смертоноснымъ огнемъ, исправленія поврежденныхъ батарей и сооруженіе новыхъ укрѣпленій.

Заслуги дивизіи оцѣнены ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ, г. главнокомандующимъ и г. начальникомъ гарнизона: доказательствомъ тому щедрыя награды, которыхъ удостоены чины дивизіи.

Съ своей стороны, какъ ближайшій свидѣтель славныхъ подвиговъ 11-й дивизіи, ея тяжкихъ и долговременныхъ боевыхъ трудовъ, свидѣтельствую, что эта дивизія, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Павлова, извѣстнаго своими заслугами и постоянною его о ней попечительностью, съ самоотверженіемъ и храбростью, честно и свято исполняетъ долгъ свой при защитѣ Севастополя.

Долгомъ считаю объявить мою совершенную признательность: достойному начальнику 11-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Павлову, командирамъ полковъ: Селенгинскаго, генералъ-маіору Сабашинскому, Камчатскаго, генералъ-маіору Голеву, Якутскаго, генералъ-маіору Бялому и Охотскаго, полковнику Малевскому.

Въ заключеніе мнѣ пріятно сказать всѣмъ гг. штабъ и оберъ-офицерамъ, медикамъ, священникамъ и солдатамъ 11-й пѣхотной дивизіи, *что я за великую честь считаю водить въ бой ея прославившіеся полки.* Подписалъ: генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ*.

Возвращаясь на Сѣверную, я съ трудомъ могъ пробиться у пристани: тѣснота произошла отъ множества раненыхъ. Ихъ сажали на приготовленные полуфурки, но и половина не помѣстилась; положили только тѣхъ, которые не могли идти, а другіе побрели сами. Сколько было между ними изувѣченныхъ, изуродованныхъ!

Первоначальная помощь раненымъ была подана; первая повязка имъ наложена; они потихоньку могли дойти до госпиталей—и пошли. Въ числѣ ихъ было много офицеровъ. Эти *полки* отслужившихъ, пройдя нѣсколько шаговъ, встрѣчались съ другими полками, еще полными силъ, свѣжими, бодрыми, еще не измятыми смертоноснымъ дыханіемъ грозы Севастопольской, идущими въ Севастополь за своею долею славы,—идущими послужить подъ именемъ, такъ называемаго *свѣжаго войска*, безпрестанно вступающаго въ городъ, на пополненіе убыли гарнизона.

Господи! Долго ли, долго ли еще будетъ продолжаться, къ ужасу человѣчества, этотъ *приливъ* и *отливъ?*

Сегодня наши взорвали мину противъ 4 или 5 бастіоновъ; трудно было различить мѣсто взрыва въ общей страшной канонадѣ. У насъ на бастіонахъ произошли два незначительные взрыва.

Вечеръ.

Какая оригинальная случайность! Когда горѣлъ военный транспортъ „Березань“, никто не зналъ достовѣрно, что именно горитъ, и всѣ говорили: горитъ фрегатъ „Коварна“.

Молва о пожарѣ этого фрегата до того распространилась повсюду, что сегодня, часу въ первомъ, получаю записку отъ своего товарища Клейнгауза съ Инкерманскихъ высотъ, въ которой онъ проситъ сообщить ему подробности пожара фрегата „Коварна“. Едва я успѣлъ отослать записку, увѣдомляя, что фрегатъ „Коварна“ живъ и здоровъ, какъ поднялся надъ

бухтою черный столбъ дыма. Сейчасъ послалъ узнать и съ удивленіемъ услышалъ, что бомба попала на фрегатъ „Коварну“ и зажгла его. Несчастный фрегатъ сгорѣлъ, какъ свѣчка, чрезвычайно быстро *).

Эти безпрестанные пожары, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, производятъ горькое впечатлѣніе. Горькое уже и потому, что, видя пламя нашихъ пожаровъ, торжествуютъ народы, на насъ возставшіе. Все болѣе и болѣе сжимаетъ насъ въ пламенныхъ объятіяхъ разъяренный врагъ, думая удушить насъ огнемъ и дымомъ. Съ каждымъ днемъ сосредоточеннѣе становится его артиллерійскій огонь. Что же удивительнаго, что онъ съ каждымъ днемъ становится дѣйствительнѣе и губительнѣе для насъ.

Суждено ли намъ расторгнуть тяжкія узы, болѣе и болѣе насъ гнетущія? А если намъ не суждено видѣть своего торжества, то хотя бы смерть исторгла насъ скорѣе изъ этого очарованнаго круга.....

Сегодня носились надъ землею тучи пролетныхъ куликовъ. Удивительно, какъ не отогналъ ихъ страшный громъ канонады! Солдаты видятъ въ этомъ появленіи птицъ почему-то дурное предзнаменованіе.

Въ теченіе вчерашняго дня и до шести часовъ утра сего числа на лѣвой половинѣ оборонительной линіи ранено 8 офицеровъ, нижнихъ чиновъ: убито 88, ранено 406 **).

Ночь. Часовъ въ 10 вечера произошелъ страшный взрывъ, если не въ Николаевскихъ казармахъ, то по сосѣдству съ ними.

Оказалось, что непріятельскою ракетою взорвало нашъ баркасъ съ порохомъ у графской пристани ***).

Разумѣется, этимъ взрывомъ произведено по сосѣдству большое опустошеніе и разрушеніе.

27 августа. Разсвѣтъ.

Ужасная сегодня погода: сильный сѣверный вѣтеръ нагоняетъ съ моря мрачныя тучи, рветъ ихъ на клочья, носитъ по небу, то сплачивая ихъ въ грозныя массы, то опять стремительно гоня ихъ куда-то въ даль; вѣтеръ подымаетъ клубы песку и пыли на батареяхъ и гонитъ ихъ на осажденный городъ, подвергая еще новому неудобству его защитниковъ, но, повидимому, теперь достается и союзникамъ—вѣтеръ имъ въ лицо!

---

*) Французскій главнокомандующій посулилъ артиллеристамъ за каждую бомбу, которую они положатъ на наше судно 150 франковъ награды, а за сожженіе „Коварны“ и „Березани“ далъ три военныя медали. Historique du service de l'Artillerie. Idem. с. 416).

**) Изъ штаба дивизіи ежедневно посылался въ штабъ гарнизона писарь для выписки приказаній, которыя онъ и доставлялъ старшему адъютанту, который тотчасъ же передавалъ ожидавшимъ приказанія отъ всѣхъ частей отряда соотвѣтствующія распоряженія къ исполненію. Приказаніе по гарнизону, отданное 25 августа, т.-е. наканунѣ штурма было лебединою пѣснью гарнизона, а потому считаю умѣстнымъ привесть его здѣсь. *(См. приложеніе).*

***) У пристани стояло два барказа; на нихъ было на каждомъ по 140 пудовъ пороху. Одинъ барказъ взлетѣлъ на воздухъ, при этомъ погибло 2 офицера и 30 матросовъ, выгружавшихъ порохъ; взрывомъ этимъ затопило второй барказъ.

Изъ любопытства я сталъ считать, сколько ложится снарядовъ на второй бастіонъ, куда не обращено особенно жестокаго огня,—на пространство отъ бухты до оборонительной казармы. Началъ считать съ четверти седьмаго утра.

Въ первыя	5	минутъ	упало	29	бомбъ.
во вторыя	„	„	„	9	„
въ третьи	„	„	„	26	„
въ четвертыя	„	„	„	17	„
въ пятыя	„	„	„	22	„
въ шестыя	„	„	„	18	„
въ седьмыя	„	„	„	10	„
въ восьмыя	„	„	„	16	„

Итого въ сорокъ минутъ на одинъ пунктъ упало 147 бомбъ! Вотъ цифра, дающая нѣкоторое понятіе о томъ, что здѣсь происходитъ. Нѣтъ мѣста безопаснаго отъ бомбъ: какъ молнія, онѣ все проницаютъ и все сокрушаютъ. Нѣсколько дней назадъ, союзники стали бросать къ намъ ядра огромнаго калибра навѣсно изъ мортиръ, вѣроятно, съ цѣлію разбивать блиндажи. Было предположеніе и у насъ употребить этотъ способъ метанія ядеръ, но противъ него возстали многіе и сильнѣе другихъ помощникъ начальника четвертаго отдѣленія, капитанъ-лейтенантъ Карповъ, который рапортомъ отъ 25-го августа, за № 2120, донесъ генералъ-лейтенанту Хрулеву, что на четвертомъ отдѣленіи: „пальба изъ мортиръ ядрами производиться *не будетъ*, ибо тѣмъ можно дать поводъ непріятелю предполагать, что у насъ нѣтъ разрывныхъ снарядовъ“. Капитанъ-лейтенантъ Карповъ присовокуплялъ, что пальба ядрами изъ мортиръ, напрасная трата пороха и ядеръ, только вредъ намъ, а не непріятелю, и что, по наблюденію его, Карпова, надъ навѣсными выстрѣлами непріятеля, — вредъ, причиняемый ядрами намъ, совершенно незначителенъ, сравнительно съ количествомъ выпущенныхъ снарядовъ. Итакъ на лѣвой половинѣ оборонительной линіи этотъ способъ метанія ядеръ вовсе не былъ употребленъ.

Множество всякихъ снарядовъ валится въ Севастополь. Самые блиндажи не могутъ выдерживать этого чугуннаго града: блиндажъ способенъ отразить одну, другую бомбу, но если послѣ другой, третьей бомбы не успѣютъ возобновить его насыпки, и на него упадетъ и разорвется на немъ четвертую бомбу—блиндажъ погибнетъ. Многіе во время этой бомбардировки предпочитали блиндажу открытое небо. Во-первыхъ, какъ-то веселѣе смотрѣть въ глаза опасности, чѣмъ предполагать возможность ея неожиданнаго появленія; во-вторыхъ, отъ бомбы скорѣе можно спастись прыжкомъ за ближайшій траверзъ; въ блиндажъ же или не успѣешь вскочить до разрыва бомбы, или, еще хуже, онъ можетъ обрушиться и послужить могилою. Эти случаи бывали не рѣдки *).

*) Самые лучшіе, т.-е. самые прочные блиндажи были построены на четвертомъ бастіонѣ. Они строились въ самомъ началѣ осады, когда еще были въ Севастополѣ огром-

10 часовъ утра.

Сегодня бомбардировка ожесточеннѣе обыкновеннаго. Паузъ никакихъ. Даже огонь пересталъ прекращаться или ослабѣвать на время, какъ бывало въ прежніе дни, и все какъ будто болѣе и болѣе разгорается. Наши отвѣчаютъ съ бѣшенствомъ, несмотря на страшное опустошеніе, произведенное у насъ врагомъ. Запасы разрывныхъ снарядовъ стали истощаться, мы дѣйствуемъ по преимуществу ядрами, стараясь сбивать непріятельскія батареи и тѣмъ ослаблять огонь, противъ насъ направляемый.

За полчаса передъ симъ Французы взорвали три каменометные фугаса или мины предъ Малаховымъ курганомъ *) и значительно повредили исходящій уголъ Корнилова бастіона, на который сегодня же они бросили бочку съ порохомъ, но счастію, какъ слышно, не произведшую большаго вреда своимъ взрывомъ.

11 часовъ.

Еще никогда не было такой бомбардировки **). Ужасъ, что такое! Ужасъ! Ужасъ!

На многихъ судахъ союзнаго флота разводятъ пары.

На пятый бастіонъ бросили двѣ бочки съ порохомъ (савартины) ***). Говорятъ, обѣ разорвало въ бастіонѣ.

Цали знать, что сегодня въ траншеяхъ народу болѣе обыкновеннаго, что въ войскѣ союзниковъ не прекращается движеніе, замѣченное еще ночью ****).

ные запасы строительныхъ матеріаловъ, было изъ чего выбрать надежный накатникъ и другія части зданія; впослѣдствіи, когда запасы истощились, должны были строить блиндажи изъ матеріала, какой Богъ послалъ.

**) Французы полагали, что мѣстность передъ Корниловымъ бастіономъ минирована нами, поэтому они и произвели эти взрывы въ видахъ уничтоженія нашихъ минъ; въ это же время съ такою же цѣлью они взорвали передъ редутомъ Шварца два каменометные фугаса, по 5 пудовъ пороха каждый.

***) По словамъ Historique du service l'Artillerie, сочиненія, которому можно повѣрить въ настоящемъ случаѣ, Французами собственно брошено въ послѣдніе 24 часа существованія Севастополя 44769 снарядовъ, въ томъ числѣ 12277 бомбъ! А въ 23 послѣднихъ для Севастополя, т.-е. съ 5 августа по 27 включительно, брошено собственно Французами 289169 снарядовъ, въ томъ числѣ 93065 бомбъ. Idem., с. 433.

„О, неужели,—восклицаетъ Joli,—два народа, самые передовые въ Европѣ, будутъ долго еще предоставлять кровь своихъ дѣтей и свое трудовое золото въ питаніе этому Крымскому вампиру, поглотившему уже въ продолженіе 18 мѣсяцевъ 500.000 человѣкъ и 15 милліардовъ денегъ? Законы христіанскіе будутъ ли продолжать попирать ногами въ пользу Магомета и во имя Христа? Но если все это должно продолжаться, если вопреки столькихъ указаній и маяковъ зажженныхъ на ихъ пути, христіанскіе народы будутъ продолжать свои позорныя и гнусныя убійства,—одни—въ интересахъ своего властелина, другіе въ угоду мамонѣ, тогда совершится ихъ судьба! Быть можетъ изъ человѣческихъ тѣлъ, нагроможденныхъ горами, наконецъ изыдетъ голосъ, который разсѣетъ безумное ослѣпленіе націй и заставитъ разбить моментально творцевъ этихъ преступленій противъ человѣчества и Бога.

***) Mines de projection, по 5, 7 пудовъ пороху въ каждой.

****) Послѣ 9 часовъ утра съ цѣлью оставить насъ въ заблужденіи, что все идетъ обыкновеннымъ порядкомъ, непріятель нѣсколько ослабилъ свой огонь, а тѣмъ временемъ траншеи наполнялись людьми, чего изъ Севастополя замѣтить было невозможно, а замѣ-

Обычный ли это маневръ, ежедневно повторяемый ими въ послѣднее время, въ различныхъ видахъ, или слѣдствіе какой-либо идеи, только генералъ Хрулевъ двинулъ на всякій случай 9-ю дивизію ко второй оборонительной линіи, а генералъ Сабашинскій, начальникъ войскъ втораго отдѣленія, велѣлъ людямъ стать на банкеты, той же части войска, которая только что смѣнилась со службы и должна была отправиться на суточный отдыхъ,— не уходить.

Распоряженія эти были какъ будто слѣдствіемъ наитія свыше. Насталъ именно тотъ моментъ, когда поднялась кровавая завѣса, чтобы представить міру пятый актъ Севастопольской драмы.

Пришелъ *часъ* Севастополя!...

Воспоминаніе о штурмѣ 27 августа.

Въ 12-мъ часу дня я сидѣлъ на Сѣверной за обычною работою оффиціальныхъ бумагъ, напрягая мысли, развлекаемыя ревомъ и громомъ усиленной канонады. Вдругъ равнехонько въ $11^1/_2$ часовъ (по нашимъ часамъ) вбѣгаетъ ко мнѣ, блѣдный какъ полотно, писарь Есененко съ крикомъ:

— „Ваше б-іе, ваше б-іе, идутъ, идутъ!...“

Сердцемъ понявъ его слова, я выскочилъ изъ балагана... Моему ли перу передать увидѣнное мною въ этотъ моментъ?

Будто въ смертной агоніи трепеталъ Севастополь. Потоки пламени лились изъ него; казалось растопились камни его развалинъ и перунами устремились на врага. На мгновенье распахнулись сѣрые клубы пыли, вздымаемой сильнымъ вѣтромъ, смѣшавшіеся съ тучею чернаго дыма пароходовъ и батарей, съ дымомъ пожара на Екатерининской—и явилась картина страшнаго боя, совершенно было скрывшаяся отъ насъ.

Вотъ второй бастіонъ.

Господи! Онъ въ рукахъ Французовъ! Наши отступаютъ, бѣгутъ; преслѣдованіе врага быстро и жарко... Подбѣгаютъ ко второй оборонительной линіи... Реветъ наша осьмнадцати-пушечная, реветъ первый бастіонъ, Парижская батарея; врагъ валится рядами, но остальные, ежеминутно увеличиваясь въ числѣ, бѣгутъ дальше и дальше. Французы уже заняли вторую оборонительную линію съ ея батареей, уже Ушакова балка наполнена ими.

...Но вотъ, какъ *вихрь, гонящій прахъ равнины,* несется наша легкая батарея. На всемъ скаку: орудіе долой съ передковъ, картечный выстрѣлъ... и напоръ Французовъ остановленъ, толпы ихъ пошатнулись; несется другое—другой выстрѣлъ... орудіе за орудіемъ подскакиваетъ, летитъ картечный выстрѣлъ за выстрѣломъ и Французы опрокинуты, вторую стѣнку

чено въ началѣ 12 часовъ съ телеграфа на Инкерманѣ, о чемъ и дали знать въ Севастополь №№ 14 и 39, которые по несчастію, вмѣсто того, чтобы означать: „*Сильныя колонны идутъ на Корабельную*“,—означали: *непріятельскій флотъ на Корабельную*“, почему сигналъ и не былъ понятъ и потребовали объясненія его, а время между тѣмъ ушло“ (Штурмъ Малахова кургана. О. Константиновъ. „Рус. Стар.“, ноябрь 1875).

заняла наша легкая артиллерія-спасительница и провожаетъ картечью отступающихъ...

А между тѣмъ, какъ оказалось впослѣдствіи, генералъ-маіоръ Сабашинскій, помахивая костылемъ, могучимъ голосомъ крикнулъ на Бѣлозерскій баталіонъ и двѣ роты Кременчугцевъ свою обычную поговорку: „Або то правда, что мы отдадимъ бастіонъ?! За мною, ребята! вонъ проклятыхъ съ бастіона!“ И *проклятыхъ* вмигъ не стало: второй бастіонъ остался въ нашихъ рукахъ, хотя и нашли на немъ всѣ почти орудія заклепанными, лафеты полевыхъ орудій изрубленными, колеса изломанными... Остались нетронутыми только два полупудовые единорога, изъ которыхъ генералъ Сабашинскій тотчасъ заставилъ стрѣлять по врагу трехъ, оставшихся отъ всей бастіонной артиллерійской прислуги—матросовъ, придавъ имъ нужное число пѣхотинцевъ *).

И въ то самое время, когда генералъ Сабашинскій сбросилъ Французовъ дивизіи Дюлака со втораго бастіона, причемъ убитъ у нихъ генералъ Сенъ-Поль (Saint-Pol) и раненъ генералъ Биссонъ (Bisson), прибѣжали Кременчугскій и Забалканскій полки и бросились во флангъ непріятеля, занявшаго Ушакову балку. Французы бѣжать, наши за ними; легкая артиллерія на передки, прискакала на вторую линію и открыла картечный огонь со второй оборонительной стѣнки, не переставая дѣйствовать, пока всѣ Французы не перевалились въ ровъ первой линіи, гдѣ ихъ начала жарить Парижская батарея **) и пароходы „Владиміръ“, „Херсонесъ“ и „Одесса“, равно какъ и наша любезная—осьмнадцати-пушечная ***), съ Сѣверной.

*) Войска подъ командою генералъ-маіора Сабашинскаго были расположены слѣдующимъ образомъ на ввѣренныхъ ему отдѣленіяхъ: *правый флангъ отдѣленія*, на оборонительной стѣнкѣ; до втораго бастіона, занимали два баталіона Олонецкаго полка. Центръ—второй бастіонъ, до лабораторной батареи, занимали двѣ роты Бѣлозерскаго полка. Остальныя десять ротъ того же полка оберегали сомкнутый редантъ, состоявшій изъ двора лабораторіи и оборонительной казармы. *Лѣвый флангъ*: Парижская батарея и бастіонъ № 1, защищался первымъ баталіономъ Алексопольскаго полка, имѣя въ передней передъ бастіономъ траншеѣ, простиравшейся до бухты, 48-ю дружину Курскаго ополченія, съ двумя ротами Алексопольскаго полка. На этотъ пунктъ Французы не вели атаки, боясь огня пароходовъ и Сѣверной. Кромѣ частныхъ резервовъ, въ общемъ, для всего отдѣленія, резервѣ оставались двѣ роты Алексопольскаго полка, Забалканскій, Полтавскій и Кременчугскій полки, всѣ въ весьма слабомъ составѣ. Когда Французы были выбиты изъ Ушакова балки и втораго бастіона, генералъ Сабашинскій, во избѣжаніе напрасной потери людей, страдавшихъ отъ штудернаго огня Малахова кургана и полевой артиллеріи, поставленной Французами правѣе его, отвелъ войска за траншею, соединяющую второй бастіонъ съ оборонительною стѣнкою, и въ самый второй бастіонъ, присоединивъ къ его гарнизону Бѣлозерскій полкъ и баталіонъ Полтавскаго съ лѣваго фланга, который, будучи обезпеченъ мѣстностью, оставался подъ защитою одной Дружины. Такое сосредоточеніе войскъ дало средства совершенно разбить Французовъ, когда они возобновили свою атаку. Бросаясь на второй бастіонъ въ третій разъ, Французы успѣли водрузить на немъ свое знамя, но наши пошли снова, и на этотъ разъ окончательно смяли и опрокинули врага въ ровъ, откуда выбили его камнями, бросая снаряды руками, картечью Парижской батареи и батальнымъ огнемъ, при чемъ взяли болѣе 150-ти плѣнныхъ.

**) Батарея эта названа такъ потому, что сооружена экипажемъ корабля „Парижъ“

***) Это была бы дѣйствительно героическая и великолѣпная картина,—говоритъ Geurin (Idem., c. 418), еслибъ она не была столь гибельна для Французовъ, когда „Владиміръ“, быстро подошедшій подъ командою Бутакова подъ пушки Селенгинскаго и Волын-

Огорченные своею неудачею, Французы рѣшились, во что бы то ни стало, удержать за собою второй бастіонъ. Генералъ Мароль устремился на штурмъ бастіона съ бригадою гвардейцевъ. Полкъ гвардейскихъ гренадеръ пошелъ въ челѣ атакующихъ. Возобновленная атака была ужасна, но отбитіе было еще ужаснѣе!... Самъ генералъ Мароль нашелъ тутъ свою могилу. Разъяренные Французы еще разъ пошли на штурмъ, и еще разъ были отбиты. Эти неудачныя атаки сдѣлались главнѣйшею причиною той значительной потери, какую понесла французская гвардія въ послѣдній день Севастополя. Въ дѣлѣ участвовало гвардейскихъ офицеровъ 233, нижнихъ чиновъ 5,700. Изъ нихъ убито и ранено 140 офицеровъ и 2,471 солдатъ: ровно половина.

Тутъ я взглянулъ на часы: было двѣнадцать. Половина Малахова кургана была уже въ рукахъ Французовъ. Доказательствомъ тому служила линія батальнаго огня, пополамъ перерѣзывавшая бастіонъ, и французское знамя, проявлявшееся сквозь клубы дыма и праха, обвивавшаго Малахову башню.

Пустившись верхомъ въ городъ, я думалъ пробраться въ него кратчайшимъ путемъ, переправясь на лодкѣ къ Павловскому мыску; но на пристани не оказалось ни одного гребца, а ѣхать на мостъ было далеко. Новотъ несется лодка, ближе. Узнаю одного изъ друзей своихъ—штабсъ-капитана Григорія Павлова, ординарца генерала Хрулева. Раненъ штуцерною пулею въ голову. Бѣдный юноша! *) съ нимъ два полковыхъ командира. Какія тяжкія раны у обоихъ! По всему видно смертельныя. На той же лодкѣ нашъ бригадный адъютантъ Моравицкій переправлялся на Сѣверную. Отъ нихъ-то узналъ я окончательно, что половина Малахова кургана занята Французами, что они, безъ всякаго почти сопротивленія, захватили первую линію укрѣпленія и перебили артиллерійскую прислугу, но что теперь терпятъ на курганѣ огромный уронъ отъ огня пароходовъ, отъ какой-то батарейки съ Графской стороны и отъ третьяго бастіона; что генералу Хрулеву оторвало большой палецъ лѣвой руки; что послѣ него принялъ было команду его помощникъ, генералъ Лысенко, но что и онъ уже тяжело раненъ пулею въ ногу; что большая часть ординарцевъ Хрулева ранена, что на лѣвой половинѣ уже нѣтъ общаго начальника и что поскакали доложить князю: что прикажетъ онъ дѣлать?

Высадили раненыхъ; но лодка ни за что не хотѣла перемахнуть меня на ту сторону, отговариваясь необходимостью явиться на свой корабль. Да

скаго редутовъ, будто не обращая на нихъ вниманія, будто не страдая отъ ихъ огня, сдѣлавъ залпъ всѣмъ бортомъ, величественно повернулся другимъ бортомъ и послалъ новый, страшный залпъ, распространяя смерть и смятеніе между осаждавшими бастіонъ. Трудно сказать сколько погибло Французовъ передъ этимъ укрѣпленіемъ. Увѣряютъ, что никогда еще не видывали такого пространства, которое такъ было бы густо усѣяно мертвыми и ранеными.

*) Павловъ умеръ отъ этой раны, а не убитъ на штурмѣ Малахова кургана, какъ говоритъ „Севастополецъ“ въ статьѣ своей „безсмѣнные ординарцы Хрулева, въ Севастополѣ“. „Рус. Старина“ 1890, мартъ, стр. 757.

и что ей, правду сказать, была за неволя сдѣлать лишній рейсъ по бухтѣ, которую безпрестанно бороздили снаряды, бросаемые чрезъ головы штурмующихъ? Нечего дѣлать, насильно не заставишь. По неволѣ пустился къ мосту. Съ трудомъ пробрался отъ тѣсноты идущихъ и ѣдущихъ. Оставивъ лошадь у батареи, въ затишьѣ отъ выстрѣловъ, я прибѣжалъ къ мосту и догналъ почтеннаго полковника генеральнаго штаба П. К. Менькова. Онъ торопился къ князю. Намъ сказали, что нѣсколько половицъ вышибло изъ моста, и чрезъ середину его переходъ невозможенъ, и надобно это мѣсто проскользнуть на лодкѣ или обождать, пока дѣятельно работающій народъ его починитъ.

Буря коробила и вздымала мостъ.

Но мы все-таки почти бѣжали по мосту. Встрѣтили сестеръ милосердія, торопливо пробиравшихся изъ Севастополя. Одна изъ сестеръ была контужена. Начальникъ гарнизона велѣлъ имъ отправиться на Сѣверную; больную сестру несли другія.

Несмотря на различныя препятствія и ядра, безпрестанно падавшія около моста, мы достигли Графской стороны. Полковникъ Меньковъ побѣжалъ къ князю, который въ это время былъ на вышкѣ Николаевской батареи, а я на Павловскій мысокъ.

Нечего и говорить о томъ разрушеніи, какое совершено было на Графской пристани ночнымъ взрывомъ. Поломаны даже ступени лѣстницы, разбиты статуи, украшавшія портикъ, вѣнчавшій пристань; даже другія, лежавшія у пристани, и тѣ отбросило, исковеркало. А между тѣмъ ядра безпрестанно такъ и валятся.

У пристани ни одной лодки. Болѣе получаса я долженъ былъ ждать способа переѣхать на ту сторону, и вотъ наконецъ казенная гичка, ѣхавшая зачѣмъ-то на мысокъ, умолосердилась—захватила и меня.

Въ корабельную бухту вошли два наши парохода и бьютъ по Малахову кургану, привлекая на себя непріятельскіе выстрѣлы. Союзники хотятъ разбить ихъ, да не ладится дѣло.

Я не засталъ никого изъ обычныхъ жильцовъ Павловскаго мыска. Деньщики уносили барскія вещи на лодки и собирались увозить ихъ на Сѣверную. Въ комнаты стали носить раненыхъ. Я побѣжалъ далѣе. Вся набережная въ докахъ была устлана трупами и ранеными, своими и непріятельскими.

Я пустился на третій бастіонъ.

Но что дѣлалось на немъ до сихъ поръ?

Надобно замѣтить, что третье отдѣленіе имѣло своимъ гарнизономъ полки: Владимірскій, Суздальскій, Селенгинскій, Якутскій, Охотскій и Камчатскій, сводный резервный Минско-Волынскій баталіонъ и дружину № 47-го государственнаго ополченія, Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда, какъ мною выше подробно было разсказано.

Замѣтимъ, что этотъ пунктъ, имѣвшій особое стратегическое значеніе въ Севастопольской борьбѣ, былъ переданъ въ жертву собственно Англичанамъ.

Да, цѣлая нація *старой Англіи* трудилась болѣе полугода надъ сокрушеніемъ собственно одного его, и въ настоящій моментъ была готова пожать плоды своихъ тяжкихъ кровавыхъ трудовъ.

Противъ третьяго бастіона, во все время бомбардировокъ, направленъ былъ Англичанами огонь невообразимой силы. Подъ этими ударами ежедневно бастіонъ, особенно его исходящій уголъ, представлялъ къ вечеру груду земли, въ которой трудно было различить слѣды укрѣпленій. Но въ теченіе ночи засыпанныя землею орудія отрывались, ровъ очищался; валы вновь насыпались, смоченныя кровью работавшихъ; насыпямъ давалась возможная одежда. При этомъ надобно имѣть въ виду, что въ послѣднее время чувствовался большой недостатокъ въ турахъ и фашинахъ. Все, что успѣвали привозить съ Мекензіевой горы вереницы подводъ и казенныхъ полуфурковъ, все это огромное количество туровъ, большихъ и малыхъ, кольевъ, фашинъ и хвороста, все это мгновенно разбиралось по отдѣленіямъ. Тысячами хватали ихъ въ свое вѣдѣніе начальники работъ, и тысячами они шли на исправленія дневныхъ поврежденій, все еще не покрывая всѣ нужды подобнаго рода. Орудія подвозились новыя; подбитыя перемѣнялись въ тотъ же день. Словомъ, работа на третьемъ бастіонѣ бывала такая дѣятельная и, можно сказать, такая толковая, что съ этого бастіона до послѣдняго мгновенья дѣйствовали по врагу всѣ до одного орудія, обращенныя на тѣ пункты, на которыхъ появлялся непріятель.

Англичане, столько времени потрудившіеся надъ разрушеніемъ третьяго бастіона, должны были во что бы то ни стало взять его сегодня, вознаградивъ себя этимъ торжествомъ за тяжкое прошлое. Они *должны* были непремѣнно совершить предстоявшее имъ самостоятельное, самобытное дѣло! Во что бы то ни столо, они *должны* были одолѣть грозную твердыню, ни съ кѣмъ не раздѣляя своего торжества, *должны* были новыми потоками крови покрыть горделивые валы такъ называемаго *„большаго реданта“*, закрывъ этимъ торжественнымъ убранствомъ тѣ кровавыя пятна, которыя еще не высохли на этой землѣ, къ безславію Англіи, съ 6 іюня.

И вотъ настаетъ роковой моментъ страшнаго поединка?...

Еще раннимъ утромъ замѣтно стало необыкновенное движеніе непріятеля въ траншеяхъ. Соображая это обстоятельство съ чрезвычайною силою сегодняшней бомбардировки, сравнительно ужаснѣйшею изъ всѣхъ предшествовавшихъ, генералъ-лейтенантъ Павловъ начиналъ предполагать возможность штурма, а потому приказалъ гарнизону держать *ухо востро*, быть всѣмъ на своихъ мѣстахъ, всѣмъ до одного человѣка выйти изъ блиндажей, и ротамъ, находившимся въ частныхъ резервахъ, внѣ бастіона, присоединиться къ своимъ частямъ; людямъ стать на банкеты, и приказалъ съ тѣмъ вмѣстѣ дружинѣ № 47-го занять банкеты, влѣво отъ батареи Яновскаго, придавъ ей часть Якутскаго полка.

Вдругъ ровно въ полдень сигнальщики закричали: „идутъ, идутъ! бросились на Малаховъ!“

Роковая вѣсть о началѣ штурма на Малаховъ курганъ мгновенно разнеслась по бастіону. Хотя и не взвился надъ башней кургана синій флагъ, означавшій „*нападеніе*“ *), но уже на третьемъ отдѣленіи били тревогу и всѣ, откуда кто могъ, несмотря на страшный огонь непріятельскій, съ усиленнымъ трепетомъ сердца, стали наблюдать за первыми моментами этого штурма. Ясно было видно, какъ бѣжали тучи народа изъ Камчатскаго люнета, изъ траншей; какъ роями устремились они на курганъ; какъ лѣзли на него зуавы, становясь на спину согнувшагося товарища и подсаживая третьяго, видѣли, какъ взвилось на Малаховой башнѣ трехцвѣтное знамя, и всѣ готовились раздѣлить съ гостями кровавую трапезу... и души всѣхъ наполнило томительное чувство жажды крови и гибели...

Но проходятъ десятки минутъ, проходитъ часъ, а штурма нѣтъ на третій бастіонъ; только сильнѣе разъяряется бомбардировка, только замѣтнѣе движеніе въ траншеяхъ Англичанъ... Какъ вдругъ, въ исходѣ втораго часа, будто затихла канонада со стороны непріятельской, и мгновенно запестрѣлась вся окрестность третьяго бастіона. Оглушительные крики слились въ одинъ общій ревъ: Англичане бросились на приступъ! **) Впереди шла цѣпь стрѣлковъ, за ними слѣдовали люди съ штурмовыми лѣстницами, перекидными мостами и тому подобнымъ.

Ужасенъ былъ пріемъ, сдѣланный Англичанамъ! Лава свинца и чугуна полилась на нихъ. Повалились враги, какъ осенній листъ съ дерева отъ дыханія бури, и хлынули назадъ отъ штурмовыхъ батарей, гдѣ ихъ встрѣтили убійственнымъ огнемъ артиллеріи и градомъ пуль Минцо-Волынцы съ Камчатцами... Отхлынули Англичане и отъ лѣваго фланга отдѣленія, не добѣжавъ даже до рва батарей: такъ ужасенъ былъ огонь Якутскаго полка и дружины № 47-го, поставленной на банкетѣ. Но Англичане, уцѣлѣвшіе въ центрѣ атаки, одушевленные своими отважными офицерами, бѣжавшими на штурмъ впереди, ворвались въ полуразрушенный исходящій уголъ бастіона и подавили Владимірцевъ, защищавшихъ этотъ пунктъ!... Подбѣжала было небольшая часть Суздальцевъ, но ихъ тоже смяли восторжествовавшіе

---

*) Синій флагъ, дневной сигналъ штурма былъ бы поднятъ на флагштокѣ, стоявшемъ по правую сторону у входа на Малаховъ курганъ. 27 августа еще до штурма флагштокъ былъ перебитъ непріятельскимъ снарядомъ и наши или не позаботились, или не успѣли поставить вмѣсто перебитаго новый флагштокъ, поэтому-то въ моментъ штурма синій флагъ тревоги *не былъ поднятъ*. Результатомъ было, что Хрулевъ выскочивъ изъ Павловскаго форта по первому крику „тревога“, первое посмотрѣлъ на Малаховъ курганъ и не видя на немъ синяго флага, сказалъ: „Слава Богу, курганъ держится! и поскакалъ *на самый слабый пунктъ линіи*, на бастіонъ № 2-й, гдѣ и узналъ о взятіи кургана непріятелемъ. Можно сказать навѣрно, что курганъ былъ бы отбитъ Хрулевымъ, пріѣзжай онъ получасомъ раньше на курганъ, чѣмъ пріѣхалъ, что совершилось бы, еслибъ онъ увидѣлъ синій флагъ на курганѣ и поскакалъ бы прямо на его защиту, захвативъ съ собою тѣ резервныя войска, которыя бы ему дорогой встрѣчались.

**) Англичанамъ предстояло пройти 200 метровъ (около 300 шаговъ) отъ ближайшей къ намъ ихъ траншеи до рва исходящаго угла 3 бастіона. Пройти это пространство было не то, что проскочить разстояніе, отдѣлявшее Французовъ отъ Малахова кургана: 3-й бастіонъ приготовился встрѣтить штурмующихъ, орудія его были заряжены картечью, банкеты были покрыты солдатами съ оружіемъ на-готовѣ.

Англичане, и, переходя отъ успѣха къ успѣху, овладѣли блиндажами, артиллеріею, всѣмъ угломъ реданта до горжи *), которая была перехвачена, дурно содержаннымъ, *по счастію*, небольшимъ рвомъ и бруствером.

Настала роковая минута!

Все наше на исходящемъ углу третьяго бастіона было или убито, или разбито. У бруствера въ горжѣ происходилъ еще слабый бой съ толпою Владимірцевъ...

Англичане сидѣли на орудіяхъ, заклепывая ихъ; грабили блиндажи; пили ромъ изъ походныхъ фляжекъ; закуривали сигары нашими фитилями; рубили лафеты; зажигали туры и фашины въ амбразурахъ; ломали все, что могли, и вели сильную перестрѣлку съ нашими солдатами, прикрывавшимися траверзами. Вдругъ... гремятъ барабаны... слышенъ ревъ „ура“, и въ разрушенную (по счастію) непріятельскими выстрѣлами часть бруствера горжи бѣжитъ, съ опущенными штыками, первая сводная карабинерная рота Камчатскаго егерскаго полка, приведенная отъ штурмовыхъ батарей (уже отразившихъ врага) подполковникомъ того же полка Артемьевымъ.

Ударъ въ штыки былъ ужасенъ и, будучи подкрѣпленъ такимъ же страшнымъ ударомъ подоспѣвшей сводной гренадерской роты Якутскаго пѣхотнаго полка съ частію Суздальцевъ и присоединившимися къ нимъ остатками Владимірцевъ, послѣ упорнаго боя сбросилъ Англичанъ съ бастіона. Наши провожали гостей камнями, прикладами, проклятіями и батальнымъ огнемъ **).

Казалось, успѣхъ былъ несомнѣненъ: штурмъ отраженъ; торжество наше

---

*) *Горжи* вообще на бастіонахъ были сдѣланы генераломъ Тотлебеномъ, хотя противъ ихъ сооруженія сильно возражалъ инженеръ капитанъ Фолькмутъ. По счастію, на всѣхъ бастіонахъ бруствера въ горжахъ были разметаны непріятельскими снарядами, и, по несчастію, удѣлѣлъ одинъ только брустверъ въ горжѣ Малахова кургана, бывшій роковою причиною удержанія его за собой Французами и такимъ образомъ дѣйствительно достойно вниманія, что, будто въ насмѣшку надъ наукой, штурмъ 27 августа удался на одномъ только пунктѣ, а именно: на веркѣ, имѣвшемъ редюитъ по способу новѣйшихъ построекъ, какъ замѣчаетъ извѣстный авторъ статьи „Militairische Betrachtungun über die vertzeidung von Sebastopol“.

**) Въ одномъ мѣстѣ отрывка изъ своихъ записокъ князь В. И. Васильчиковъ („Русь“, 1880, № 2) говоритъ: „встрѣтилъ я на Николаевской площади генеральнаго штаба капитава Черняева, который не состоялъ въ составѣ гарнизона, и услыхалъ отъ него, что будто бы 3-й бастіонъ занятъ Англичанами“.

Не совсѣмъ ясны эти строки; въ нихъ какъ будто есть что-то не досказанное. Къ чему это замѣчено, что Черняевъ не состоялъ въ составѣ горнизона? Правда, Черняевъ послѣднее время не занималъ въ севастопольскомъ гарнизонѣ штатной должности, а именно съ тѣхъ поръ какъ въ апрѣлѣ онъ сдалъ должность квартермистера нашей, 11-й пѣхотной дивизіи и былъ переведенъ на ту же должность въ кавалерійскую дивизію, стоявшую, кажется около Симферополя, но онъ уже едвали не съ половины іюля состоялъ при генералѣ Хрулевѣ и постоянно былъ имъ употребляемъ для исполненія самыхъ опасныхъ порученій по лѣвой половинѣ оборонительной линіи Севастополя, слѣдовательно, въ дѣйствительности, М. Г. Черняевъ находился въ составѣ гарнизона. Затѣмъ, слова князя Васильчикова: „услыхалъ отъ Черняева будто бы 3-й бастіонъ занятъ Англичанами“, заставляютъ какъ бы сомнѣваться въ достовѣрности этого извѣстія, между тѣмъ бастіонъ этотъ былъ не только штурмованъ англичанами (какъ можно заключить изъ послѣдующихъ словъ разсказа князя Васильчикова), но былъ имп дѣйствительно занятъ, Англичане были выбиты изъ самаго бастіона штыками нашихъ войскъ, за что подполковникъ Камчатскаго полка Артемьевъ, въ это время командовавшій полкомъ, получилъ Георгіевскій крестъ.

полно!... Но не такъ думалъ генералъ Павловъ.Ославъ офицера поздравить главнокомандующаго съ отраженіемъ штурма отъ третьяго отдѣленія, онъ въ то же время послалъ на исходящій уголъ двѣ сводныя роты Селенгинскаго полка изъ резерва. Не успѣли эти роты добѣжать до назначеннаго пункта, какъ Англичане вновь бросились на бастіонъ и вновь имъ овладѣли, несмотря на жестокое сопротивленіе нашего гарнизона, ободреннаго своимъ первымъ успѣхомъ. Захвативъ весь гребень бруствера, Англичане обстрѣливали чуть ли не весь бастіонъ, и уже пошли впередъ и потѣснили было нашихъ штыками, какъ явились на этотъ пунктъ Селенгинцы и, подкрѣпивъ Камчатцевъ, Якутцевъ и Владимірцевъ, ударили съ ними на побѣдителей... Тутъ-то, говоря словами древняго пѣвца:

„Кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи; сваты напоиша и сами полягоша за землю Русскую!...“

Одновременно съ этою второю атакою на исходящій уголъ бастіона, Англичане стремительно ударили на батарею Яновскаго. Ее занимали Суздальцы. Отважно пройдя линію перекрестнаго огня, оставляя за собою ряды труповъ, разъяренные Британцы взлѣзли по штурмовымъ лѣстницамъ на батарею, но были встрѣчены штыками ея защитниковъ. Суздальцы не могли устоять предъ огромнымъ числительнымъ превосходствомъ Англичанъ, но и тутъ во-время поспѣли Якутцы, и, ударомъ во флангъ торжествовавшему врагу, смели его съ батареи, захвативъ двухъ офицеровъ и двадцать семь нижнихъ чиновъ. Бѣгство Англичанъ сопровождалось самымъ живымъ огнемъ дружины *) и остальныхъ частей Якутскаго полка.

*) Г. Скальковскій статью „Великіе дни Севастополя“ (въ № 252-мъ „Сѣверной Пчелы“ 15 ноября 1855 года) составилъ изъ письма *молодаго благороднаго офицера, начертавшаго* свой разсказъ въ первыя минуты по отступленіи изъ Севастополя. Чувство, водившее перомъ автора письма, быть-можетъ и прекрасное, но, къ сожалѣнію, письмо это погрѣшаетъ противъ истины, и, вслѣдствіе того, вся статья оставляетъ какое-то непріятное впечатлѣніе въ читателѣ, знающемъ во всей подробности дѣло, ею разсказанное. Повторимъ слова рецензента въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Современника“, нами на-дняхъ вычитанныя: „Ничего не можетъ быть пріятнѣе для Русскаго, какъ чтеніе такихъ произведеній, гдѣ торжествуетъ чувство патріотизма, но надобно, чтобы это великое чувство было выражено достойнымъ его образомъ!“ („Совр. замѣтки о журналахъ“, стр. 170-я, № X, 1855). Мы прибавимъ: надобно, чтобы, для торжества патріотизма, представлялись намъ, если уже зашла рѣчь о подвигахъ нашихъ, разсказы, основанные на истинѣ, подкрѣпленные данными неопровержимыми, а не то чтобъ мы вымышляли, искажали событія, дѣлая натяжки фактовъ, единственно стараясь показать, какія дивныя мы совершаемъ дѣла, дающія право торжествовать чувству нашего патріотизма. Ему и безъ этихъ натяжекъ есть отъ чего торжествовать: не нуждаются наши дѣла и подвиги въ глиняныхъ подпоркахъ и ходуляхъ! Подвиги наши велики—безъ подмостокъ, прекрасны—безъ прикрасъ. Нашу славу составляютъ дѣйствительныя, а не выдуманныя событія, которыя какъ мыльные пузыри, мгновенно только отражаютъ въ себѣ всѣ цвѣта радуги, прельщаютъ взоръ и исчезаютъ! Не нужно намъ восторженныхъ разсказовъ о небывалыхъ подвигахъ. Читатель, который съ восторгомъ и гордостью за своихъ братій, за свое имя Русскаго прочтетъ, ничего не подозрѣвая, созданіе вымысла, выдаваемое за истинну, или увидитъ событіе, умышленно искаженное, ловко разсказанное, или ловко представленнымъ, горько будетъ оскорбленъ, когда узнаетъ, что онъ гордился и восторгался событіемъ небывалымъ, и, однажды разочарованый, не повѣритъ въ другой разъ иному разсказу, основанному на истинѣ. Не предполагаемъ умысла въ разсказѣ офицера, послужившемъ основаніемъ статьи Г. Скальковскаго, но не можемъ умолчать, что въ ней много промаховъ, непростительныхъ для *очевидца*. Разсказъ очевидца долженъ быть сама истина. Очевидцу вѣрятъ на слово, а потому, чтобы не злоупотреблять довѣріемъ, онъ долженъ разсказывать только о томъ, что видѣлъ собственными

глазами, слышалъ собственными ушами и съ осторожностью касаться предметовъ, имъ не виданныхъ, не увѣряя, что самъ былъ свидѣтелемъ совершившагося. Вотъ какія ошибки мы замѣтили въ разсказѣ *молодаго благороднаго офицера*, какъ выражается Скальковскій. „Въ городѣ не было ни одного аршина земли, гдѣ бы не врѣзалась *рикошетомъ* штуцерная пуля". Пули въ Севастополѣ не летали дальше, на правой половинѣ—Театральной площади, на лѣвой далѣе площадки, гдѣ въ послѣдній разъ былъ базаръ, на одной линіи съ турецкимъ пароходомъ „Первасъ-Бахре", стоявшимъ въ сухихъ докахъ. Помнится, одна пуля упала на площади Владимірской церкви, ранивъ въ ухо часоваго у артиллерійскаго парка, да одна залетѣла въ окно квартиры генерала Павлова, въ домѣ отца Лазаря, второмъ отъ угла Владимірской площади.—Дружина Курскаго ополченія, бывшая на четвертомъ бастіонѣ, покрыла себя неувядаемою славою. Когда непріятель *взлѣзъ на амбразуры* (?), ополченіе потребовало, чтобы его вели туда, говоря, что теперь пора. Умный начальникъ [1]) воспользовался этимъ одушевленіемъ, и позволилъ. То, что произошло потомъ, говорятъ, трудно и изобразить. Ополчане съ ружьемъ на лѣвой рукѣ, какъ оружіемъ второстепеннымъ, и съ топоромъ въ правой, дрались такъ, что возбудили удивленіе полковъ испытанной храбрости, а именно 10-й дивизіи. И наплывшій на эти бастіоны непріятель легъ грудами предъ общими усиліями нашихъ ратниковъ и солдатъ въ рукопашномъ бою, и завалилъ все пространство кучами своихъ тѣлъ". Еслибъ что подобное совершила дружина Курскаго ополченія, при отраженіи Французовъ отъ четвертаго бастіона, то умолчала ли бы о подвигѣ этомъ правдивая и добросовѣстная реляція князя Горчакова о событіи 27 августа? А возьмите № 204 „Русскаго Инвалида" за 1854 годъ, прочтите описаніе хода обороны Севастополя съ 5 по 28 августа 1855 года: развѣ тамъ найдете что-либо подобное? Весьма естественно, что на всѣхъ атакованныхъ пунктахъ оборонительной линіи могли быть ополченцами явлены примѣры необыкновенной отваги и чрезвычайнаго мужества, потому что значительное число ополчанъ было отдано на батареи, въ артиллерійскую прислугу, но событія, описаннаго молодымъ офицеромъ, не было: битвы рукопашной между цѣлою дружиною ополченія на четвертомъ бастіонѣ и Французами не происходило вовсе. Сколько намъ извѣстно, особо замѣчательное участіе въ отраженіе штурма 27 августа приняли только двѣ Курскія дружины въ полномъ составѣ; одна (дружина № 48) введена была въ дѣло на Малаховъ курганъ, уже занятый Французами, и пошла въ бой твердо, молодецки смѣло, но могла достигнуть только рва, перехватывавшаго горжу Малахова кургана, и, при невозможности проникнуть далѣе, отведена назадъ, не имѣвъ рукопашнаго боя съ Французами. Другая Курская дружина (№ 47 Обоянскаго уѣзда) состояла въ прикомандированіи къ Якутскому пѣхотному полку и съ нимъ встрѣтила непріятеля батальнымъ огнемъ съ „Артюхова и Будищева" батарей, на пространствѣ отъ исходящаго угла третьяго бастіона, влѣво къ батареѣ Жерве. Дѣйствительно, ратники этой дружины, только за нѣсколько дней предъ тѣмъ ставшіе подъ непріятельскій огонь, являли мужество, свойственное только старымъ солдатамъ: несмотря на смерть, вырывавшую множество жертвъ изъ ихъ рядовъ, они не покидали банкета и поражали Англичанъ сильнѣйшимъ батальнымъ огнемъ. Когда же Англичане стали отступать, то ратники, дѣйствительно, пришли въ восторгъ и стали просить командира Якутскаго полка, полковника Велька:—„Батюшка, ваше высокоблагородіе,—стали кричать они,—позвольте намъ побить проклятыхъ!" Полковникъ Велькъ остановилъ ихъ стремленіе, похвалилъ ихъ за готовность, но тутъ же разсказалъ имъ, что въ сраженіи солдатъ не можетъ знать, пора ли ему ударить на непріятеля или не пора, что „про то вѣдаютъ старшіе; начальство на то есть, а намъ, видишь, братцы, изъ-за своихъ окоповъ перелѣзать не приказано, такъ мы знать теперь должны свое дѣло: кто изъ вражьяго племени только носъ высунетъ, ты его и катай, пулю ему и лѣпи!" Славу отраженія Англичанъ отъ третьяго отдѣленія оборонительной линіи ополчане имѣютъ полное право раздѣлить съ остальными полками, участвовавшими въ этомъ славномъ дѣлѣ. Даже сравнительно со старыми солдатами, они имѣютъ большое право на удивленіе согражданъ, потому что, будучи новичками въ дѣлѣ ратномъ, вели себя, какъ старые солдаты.

Выноска разсматриваемой статьи, выше нами приведенная, говоритъ, что начальникъ, воспользовавшійся одушевленіемъ дружины, видѣвшей, что пора ударить холоднымъ оружіемъ на непріятеля, и потребовавшей, чтобы ее вели для нанесенія сего удара,—былъ генералъ-маіоръ Сабашинскій. Для разсказчика „о великихъ дняхъ Севастополя" это промахъ непростительный. Какъ, разсказывая печатно о такомъ замѣчательномъ событіи, какъ дѣло 27 августа, не знать, что генералъ Сабашинскій *не могъ* быть въ этотъ день на четвертомъ бастіонѣ, ибо командовалъ пятымъ отдѣленіемъ оборонительной линіи (первымъ и вторымъ бастіонами), при чемъ составилъ себѣ лестную извѣстность разбитіемъ Французовъ на этомъ отдѣленіи, отнятіемъ у нихъ занятаго ими бастіона и удержаніемъ его за собою, несмотря на всѣ усилія Французовъ вырвать у насъ этотъ пунктъ, что вызвало у нихъ нѣсколько ожесточенныхъ атакъ, всякій разъ блистательно отбитыхъ. Наградою этого

---

[1]) Генералъ-маіоръ Сабашинскій (примѣч. автора статьи „Великіе дни Севастополя").

Вторичный тріумфъ возлагалъ еще большія обязанности на защитниковъ третьяго отдѣленія: упрочить за собою побѣду. Генералъ Павловъ ввелъ на бастіонъ большую часть резерва. Приняты были всѣ мѣры для отраженія всякаго новаго покушенія непріятеля, нѣкоторыя орудія, оставшіяся незаклепанными, не переставали дѣйствовать картечью при появленіи всякой толпы врага, бѣгущаго или перебѣгающаго съ одного мѣста на другое; снесены непріятельскіе снаряды и осколки цѣлыми грудами къ банкетамъ для отраженія врага, въ случаѣ новаго штурма; прислугу пополнили пѣхотинцами; орудія, какъ только было возможно, приспособили къ дѣйствію. Всѣ молили Господа даровать намъ полную побѣду, какъ вдругъ, побуждаемые крикомъ, ударами, убѣжденіями своихъ офицеровъ, національная честь которыхъ была унижена двукратнымъ погромомъ, въ виду, можно сказать, всей Европы,— Англичане вновь бросились на приступъ.

Но на этотъ разъ наши солдаты, приготовленные къ тому, встрѣтили ихъ такимъ убійственнымъ огнемъ и такимъ градомъ камней и осколковъ, что только отважнѣйшіе спустились въ ровъ, но никто уже не взлѣзъ на бастіонъ... Англичане окончательно бѣжали въ свои траншеи. Потеря ихъ велика. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ бастіономъ не было квадратной сажени земли, на которой не лежалъ бы убитый или раненый.

Одинъ изъ отважнѣйшихъ полковыхъ командировъ англійской арміи, ветеранъ—свидѣтель многихъ славныхъ для своего отечества военныхъ событій, потерявъ, подобно большинству офицеровъ, силы останавливать бѣгущихъ и убѣждать ихъ вновь возобновить приступъ, и потерявъ всякую надежду возстановить бой, въ отчаяніи переломилъ прадѣдовскую шпагу свою, сказавъ, что онъ не достоинъ носить ее!

Отважнѣйшіе Англичане остались во рву бастіона, и губительнымъ штуцернымъ огнемъ не допускали нашихъ вскочить на брустверъ, чтобы выгнать ихъ изъ этого убѣжища ружейнымъ огнемъ. Эти удальцы могли быть очень полезны своимъ, въ случаѣ, еслибъ Англичане вновь пошли на штурмъ. Нельзя было терять времени. Прапорщикъ Дубровинъ схватилъ сорокъ восемь охотниковъ Владимірскаго полка, спустился въ ровъ, и неожиданно бросился на Англичанъ. Никто изъ нихъ не спасся: кто не былъ убитъ, взятъ въ плѣнъ, — и ровъ третьяго бастіона совершенно очищенъ отъ врага.

Побѣда была за нами упрочена. Генералъ Павловъ послалъ вторично поздравить главнокомандующаго и начальника гарнизона. Англичане окон-

---

подвига генералъ-маіору Сабашинскому былъ, какъ извѣстно, орденъ *св. Георгія третьей степени*. Конечно, при взятіи Французами редута Шварца и при возвращеніи его полками 10-й и 8-й дивизій, принимали участіе въ рукопашномъ бою и ратники, находившіеся въ прислугѣ при орудіяхъ и ратники 45-й дружины, бывшіе для работы на четвертомъ бастіонѣ; конечно, не подставляли же они Французу шеи, а дрались съ ними по-русски, чѣмъ пришлось; но можно ли объ этихъ, такъ сказать, единичныхъ бояхъ, объ этихъ частныхъ случаяхъ говорить, какъ о правильной атакѣ, произведенной дружинами холоднымъ оружіемъ *на наплывшаго непріятеля*, при чемъ положены были цѣлыя груды его труповъ! Ясно—такой разсказъ преувеличенъ.

чательно возвратились въ свои траншеи. Невозможно было предположить, чтобъ они вновь рѣшились штурмовать бастіонъ и проходить до него линію батальнаго и картечнаго огня *).

Генералъ-лейтенантъ Павловъ, видя, что Французы упрочили свое владычество на Малаховомъ курганѣ и получивъ извѣщеніе, что попытки сбить ихъ съ кургана были неудачны, рѣшился оборотить нѣкоторыя орудія бастіона на четвертое отдѣленіе и дѣйствовать по непріятелю. Огонь этотъ производилъ ужасное опустошеніе въ толпахъ врага, ежеминутно возраставшаго въ числѣ отъ прибытія новыхъ резервовъ...

День склонялся къ вечеру. Новыхъ попытокъ со стороны Англичанъ не было замѣтно. Возможно ли вообразить ту общую радость, тотъ восторгъ, которымъ проникнулись всѣ на третьимъ бастіонѣ, начиная отъ генералъ-лейтенанта Павлова до послѣдняго солдата! Всѣ забывали, что лучшая часть Севастополя отторгнута отъ насъ, что господствующій надъ всѣмъ пространствомъ Малаховъ курганъ, чрезъ два, три часа, быть можетъ, начнетъ изрыгать на насъ же потоки чугуна! Никто не обращалъ серіознаго вниманія на вновь открывшуюся бомбардировку: офицеры и солдаты были въ упоеніи восторга. Всѣ думали, что возвращеніе кургана возможно, что настанетъ ночь, и полкъ за полкомъ, дружина за дружиною, пойдутъ на курганъ, завалятъ своими трупами ровъ горжи, пройдутъ по этому кровавому помосту въ укрѣпленіе, и вырвутъ его изъ вражьихъ рукъ непремѣнно.

Надъ вновь открытою бомбардировкою смѣялись.

„Отъ злости опять взялся за *блиндировку*“, говорили солдаты. „Ступай въ чистое, подлецъ!“ кричали увлеченные молодцы. „Что угощаешь насъ бомбами? Ступай, кашу дохлебай, допей бражку красную!“

„Катай, кричалъ одинъ, удалая голова, вскочивъ на брустверъ: у меня у самого шапка черепянка, наплевать мнѣ на тебя! Сюда ступай, сюда, кричалъ онъ, зовя руками недруговъ, а оттоль всѣхъ не перебьешь!“

Повторяю, восторгъ былъ общій. Всѣ забыли тяжкіе дни предшествовавшіе и свои нынѣшнія потери; никто не заглядывалъ въ таинственный сумракъ наступающаго дня!...

Всѣ ликовали: считали трупы враговъ, **) считали плѣнныхъ; восхи-

---

*) Генералъ Симпсонъ говоритъ, что траншеи до того наполнились народомъ, что не было никакой возможности привести войска въ порядокъ и возобновить бой, а потому онъ рѣшился возобновить штурмъ третьяго бастіона на другой день.

**) На штурмѣ третьяго отдѣленія Англичанъ выбыло изъ строя, если вѣрить англійскимъ официальнымъ донесеніямъ,

Убитыми: бригадные генералы Страубензее и Варренъ.

	Убитыми.	Ранеными.	Безъ вѣсти пропавшими.
Офицеровъ....	29	124	1
Нижн. чин . . .	357	1762	175
Итого.	385	1886	176. Всего 2440 чел.

Французы увѣряютъ, что въ этотъ день Англичане потеряли 2.500 человѣкъ.

Французы въ этотъ день потеряли убитыми 1.634 человѣка, въ томъ числѣ генераловъ: Сенъ-Поль, Мароль, Понтевѣ, Бретонъ и Риве; ранено 4.507 человѣкъ, въ томъ числѣ генералы: Боске, Меллине, Бурбаки и Трошю; безъ вѣсти пропало 1.400 человѣкъ,

щались множествомъ оружія, шанцеваго и сапернаго инструмента, оставшагося въ нашихъ рукахъ; подбирали раненыхъ своихъ и чужихъ и наполнили ими нѣсколько блиндажей. Въ блиндажъ генерала положили почетнѣйшихъ страдальцевъ *).

У блиндажа, подъ навѣсомъ, на мѣстѣ нашего любимаго сходбища,

---

итого у Французовъ выбыло изъ строя 7.661 человѣкъ. Сардинцы потеряли въ траншеяхъ противъ 4-го бастіона 40 человѣкъ, въ томъ числѣ 5 офицеровъ. Слѣдовательно, по показанію союзныхъ главнокомандующихъ потеря ихъ простиралась до 10.000 человѣкъ, т.-е. тысячи на двѣ меньше нашей, а въ дѣйствительности, по словамъ Богдановича (Idem, ст. 138), ссылающагося на Рюстова (Vor Krieg gegen Rnsland I, 608), уронъ ихъ былъ гораздо болѣе чувствителенъ. По словамъ Шильдера, союзники потеряли при штурмѣ: Французы 7.576 чел., Англичане 2.451, Сардинцы 40 чел., итого 10.067 человѣкъ, изъ числа 55.600 человѣкъ, бывшихъ сосредоточенными для штурма.

*) При этомъ событіи на третьемъ отдѣленіи введено было въ дѣло, сверхъ моряковъ и арестантовъ:

	Штабъ-офиц.	Оберъ-офиц.	Нижн. чин.
Селенгин. пѣх. пол.	4	40	1.364
Якутскаго „ „	3	37	1.550
Охотскаго „ „	3	51	1.755
Камчатскаго „ „	3	32	1.063
Суздальскаго „ „	3	28	875
Владимірск. „ „	4	20	930
Сводно-резерв. баталіона Минско-Волынскаго	1	9	463
Друж. № 47 Кур. полка	2	12	737
Итого . . .	23	238	8.739

Вообще въ отраженіи штурма 28 августа нашихъ войскъ принимало участіе 24.500 человѣкъ и мы потеряли въ этотъ день выбывшими изъ строя 12.913 чел.

27 августа выбыло изъ строя:

	Убито.			Ранено.			Контужено.			Безвѣсти проп. нижн. чин.	Итого убыло.		
	Шт.-оф.	Об.-оф.	Нижн. чин.	Шт.-оф.	Об.-оф.	Нижн. чин.	Шт.-оф.	Об.-оф.	Нижн. чин.		Шт.-оф.	Об.-оф.	Нижн. чин.
Селенгинскаго п. п. . . .	1	—	58	—	1	180	—	2	29	21	1	3	288
Якутскаго	—	2	48	—	6	195	1	4	57	15	1	12	315
Охотскаго	—	—	9	—	—	20	—	—	7	16	—	—	52
Камчатскаго	—	2	39	1	1	85	—	1	11	4	1	4	139
Суздальскаго	—	—	55	1	1	107	—	—	5	—	1	1	167
Владимірскаго.	—	2	48	1	13	182	—	—	—	—	1	15	230
Минско-Волынск.	—	—	29	1	1	53	—	1	5	—	1	2	87
Друж. № 47 Кур. оп. . .	—	2	25	—	1	191	1	1	23	1	1	4	240
А всего	1	8	311	4	24	1.013	2	9	137	57	7	41	1.518
													1.566

Вообще съ 5 по 27 августа включительно Севастопольскій гарнизовъ, говорятъ, потерялъ: убитыми, ранеными и контуженными офицерами 582, нижн. чиновъ болѣе 28.700 человѣкъ, въ томъ числѣ убитыми болѣе 70 офицеровъ и 4.000 нижнихъ чиновъ.

лежалъ, прикрытый офицерскою шинелью, командиръ Селенгинскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Мезенцовъ.

Его сейчасъ только отыскали. Онъ убитъ разрывомъ бомбы.

Когда замѣченъ былъ сигналъ тревоги на Малаховомъ курганѣ, генералъ-лейтенантъ Павловъ послалъ за Мезенцовымъ, какъ за начальникомъ штаба гарнизона третьяго отдѣленія, чтобы принять нужныя въ тотъ моментъ мѣры. Не дождавшись ни полковника Мезенцова, ни своего посланнаго,—генералъ Павловъ послалъ за нимъ другаго унтеръ-офицера. Но и тотъ не возвратился. Тутъ закипѣла *работа* на третьемъ бастіонѣ, и генералъ, въ пылу дѣла, забылъ про Мезенцова. Когда же отраженъ былъ третій штурмъ, бросились искать полковника по бастіону, и нашли его мертвымъ. Его узнали по лакированнымъ сапогамъ, торчавшимъ изъ земли: онъ былъ уже погребенъ бомбою, разорвавшеюся въ сосѣдствѣ того мѣста, гдѣ лежалъ онъ, убитый таковымъ же разрывомъ.

При немъ нашли перваго ординарца, посланнаго за нимъ генераломъ Павловымъ. Изъ этого можно заключить, что полковникъ Мезенцовъ былъ убитъ, поспѣшая къ генералу.

Второй ординарецъ не нашелъ его, и также былъ убитъ.

Странное стеченіе обстоятельствъ! Въ этотъ же день у полковника Мезенцева убили уже двухъ ординарцевъ, и онъ, приказывая адъютанту нарядить себѣ третьяго, говорилъ ему часа за два до своей смерти: „Посмотрите, мнѣ не сдобровать сегодня. Никогда со мною не случалось, чтобы убили у меня ординарца; а сегодня двухъ!“...

Никто не былъ свидѣтелемъ, какъ *выронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла* этотъ достойный офицеръ, замѣчательный по рыцарской отвагѣ, по возвышенному характеру и по прекраснѣйшей душѣ! Не было человѣка изъ знавшихъ его, который, свѣдавъ о его кончинѣ, не тосковалъ бы по немъ, какъ по родномъ братѣ. Только нѣсколько дней, какъ командовалъ онъ Селенгинскимъ полкомъ, а уже всѣ солдаты и офицеры любили, уважали его.

Несмотря на страшный огонь бомбардировки, смертные останки Мезенцова отвезены были на Сѣверную и положены въ балаганѣ полковаго штаба *). Всѣ остальные павшіе на третьемъ бастіонѣ, остались на немъ и были снесены въ одинъ блиндажъ **).

---

*) Его схоронили на большомъ кладбищѣ сѣверной стороны. Могила его извѣстна, ибо отмѣчена небольшимъ памятникомъ.

**) Дворянинъ Ярославской губерніи, Сергѣй Павловичъ Мезенцовъ происходилъ отъ одной изъ лучшихъ нашихъ фамилій. Изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ онъ былъ выпущенъ, 6-го декабря 1835 года, прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Увлеченный побужденіемъ сердца на боевое поприще, Мезенцовъ, получивъ въ 1838 году чинъ подпоручика, воспользовался первою возможностью окончить свое военное воспитаніе въ нашей практической боевой школѣ—на Кавказѣ. 14 февраля 1840 года Сергѣй Павловичъ уѣхалъ изъ Петербурга, и 1-го сентября впервые услышалъ свистъ черкесскихъ пуль въ сраженіи съ Абадзехами на правомъ берегу рѣки Бѣлой.

Участіе во множествѣ болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣлъ (вознагражденное именнымъ Высочайшимъ благоволеніемъ) привязало Сергѣя Павловича къ кавказской жизни и

Между тѣмъ на Малаховомъ курганѣ Французы стали твердою ногою, и знамена ихъ развѣвались на нѣсколькихъ пунктахъ бастіона.

службѣ, и хотя на этотъ разъ—обязанности призвали его въ Петербургъ. 2-го декабря 1852 года — однако лишь только его произвели въ поручики гвардіи, 7-го мая 1852 года,—онъ испросилъ себѣ переводъ въ Куринскій полкъ капитаномъ. Съ этимъ полкомъ Мезенцовъ участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ, составившихъ славу Куринцевъ, вѣнцомъ которыхъ сіяютъ двѣ славныя *защиты*. Первая: защита Унцукульскаго укрѣпленія, 27 и 30 августа 1843 года, противъ двѣнадцатитысячнаго скопища Шамиля; вторая—защита Гергебиля, съ 30 октября до 7 ноября, того же года, противъ десятитысячнаго скопища того же имама. Эти два событія прославили всѣхъ подвижниковъ, перенесшихъ на себя тяжесть строгой осады и отразившихъ много яростныхъ приступовъ дикихъ горцевъ.—Во время службы въ Куринскомъ полку, по 1844 годъ, и во время состоянія по особымъ порученіямъ при генералѣ лейтенантѣ Гурко, до мая 1845 года, Мезенцовъ велъ самую дѣятельную жизнь и несъ серіозную службу. Множество жестокихъ битвъ и незначительныхъ стычекъ съ неукротимымъ врагомъ, тяжкая, безпрерывная борьба, въ періодъ съ августа до половины декабря 1843 года, на лѣвомъ флангѣ въ Дагестанѣ и въ Аваріи доставили Мезенцову орденъ св. Анны третьей степени съ бантомъ. Перейдя во фронтъ, въ Тифлисскій полкъ, и находясь въ ономъ съ 1845 по 1847 годъ, Мезенцовъ произведенъ за отличіе въ дѣлахъ 1845 года въ маіоры, и, участвуя съ честію во всѣхъ экспедиціяхъ этого періода времени, былъ вознагражденъ орденомъ св. Владиміра четвертой степени съ бантомъ и золотою полусаблею, съ надписью: „за храбростью“, въ 1847 году. Но военная дѣятельность Мезенцова требовала большаго простора, и въ 1848 году онъ перешелъ войсковымъ старшиною въ линейное казачье войско, подъ ближайшее начальство героя Слѣпцова. Въ рядахъ Сунженскихъ линейцевъ, въ кровавой борьбѣ съ Галашеевцами и Чеченцами, Сергѣй Павловичъ, въ 1849 году, заслужилъ орденъ св. Анны второй степени и чинъ подполковника. Дѣятельное участіе въ блистательныхъ набѣгахъ генерала Слѣпцова, въ 1850 и 1851 годовъ, на непокорные аулы и племена, въ раззоренін и покоренін ихъ, доставили Мезенцову именное Высочайшее благоволеніе, 17 марта 1852 года, орденъ св. Анны второй степени, Императорскою короною украшенный, 4 февраля 1852 года утвержденіе командиромъ Кавказскаго линейнаго № 7-го баталіона, 26 апрѣля 1851 года; чинъ полковника 6 января 1851 года и назначеніе начальникомъ верхне-сунженской линіи, съ отчисленіемъ по арміи. 19 мая 1853 года полковникъ Мезенцовъ, при проѣздѣ съ верхне-сунжиской линіи въ Владикавказъ по службѣ, подвергся нападенію хищнической партіи, при чемъ раненъ ружейною пулею въ правую руку. Едва получивъ исцѣленіе на Пятигорскихъ водахъ, полковникъ Мезенцовъ вновь поспѣшилъ явиться въ рядахъ храбрыхъ кавказцевъ, въ 1854 году, въ дѣйствующемъ корпусѣ на Кавказско-Турецкой границѣ, командуя вновь сформированнымъ конно-мусульманскимъ полкомъ, съ 1 апрѣля, по день роспуска полка, 30 октября. Но тутъ ждало Мезенцова болѣе значительное назначеніе. Разгорѣвшаяся борьба съ лучшими европейскими войсками требовала назначенія для противуборства съ ними людей опытныхъ въ дѣлѣ ратномъ. Въ Севастополь послали многихъ офицеровъ, составившихъ себѣ извѣстность въ военномъ отношеніи, и въ числѣ прочихъ Мезенцова. Прибывъ въ Севастополь, онъ вскорѣ былъ назначенъ (31 іюля 1855) командиромъ Селенгинскаго пѣхотнаго полка, стяжавшаго уже себѣ громкую военную репутацію въ дѣлахъ послѣднихъ кампаній. Чуждый всякихъ корыстныхъ побужденій, полковникъ Мезенцовъ принялъ полкъ въ нѣсколько дней, и сталъ на челѣ его, лицомъ къ лицу съ грознымъ врагомъ, въ должности начальника штаба гарнизона третьяго отдѣленія. Но тутъ преждевременно пробилъ часъ его, на сороковомъ году его прекрасной жизни. Пощаженный горскими пулями во множествѣ сраженій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и уже болѣе мѣсяца служившій на Малаховомъ курганѣ, съ Прагскимъ полкомъ, Мезенцовъ нашелъ 27 августа, какъ мы видѣли выше, преждевременную смерть, по счастію мгновенную. Въ лицѣ Сергѣя Павловича Мезенцова русская армія утратила одного изъ лучшихъ своихъ офицеровъ; Севастополь одного изъ своихъ истинныхъ героевъ-защитниковъ; міръ въ немъ потерялъ человѣка съ прекрасною душою, кроткаго, добродушнаго, высокихъ понятій о чести и долгѣ; Селенгинскій полкъ лишился начальника, котораго успѣла полюбить въ короткое время, какъ отца, вся полковая семья, жалѣвшая о немъ искренно, и соболѣзновавшая горько. Не будемъ печалиться о павшихъ здѣсь. Тучные колосья, скошенные на жатвѣ Севастопольской, собрали ангелы небесные въ золотые снопы и снесли ихъ въ житницу райскую, гдѣ Всемогущій Богъ соблюдетъ ихъ во вѣки, тогда какъ здѣсь, на этой священной землѣ, по непреложной волѣ Его же, утученная нива не оскудѣетъ во-вѣки давать плоды великіе. Такъ священная память о крови, пролитой въ стѣнахъ Севастополя, память о всякомъ имени, здѣсь угасшемъ, останется примѣромъ грядущимъ вѣкамъ, будетъ свѣтить имъ лучезарнымъ свѣтомъ, и увлечетъ за собою современниковъ и потомство на чрезвычайные подвиги ко благу и къ славѣ Россіи!

Вотъ какъ совершилось это печальное событіе. Утромъ 27 Августа центръ Малахова кургана былъ занятъ 15-ю резервною пѣхотною дивизіею, полками Модлинскимъ, Пражскимъ и Замосцскимъ (всѣ въ двухъ-баталіонномъ составѣ, считая на лицо весьма незначительное число рядовъ). Люблинскій полкъ, тоже въ двухъ баталіонномъ составѣ, трудился надъ окончаніемъ минъ подъ бастіономъ, изъ которыхъ впрочемъ ни одна еще не была заряжена. Обязанностью Люблинскаго полка было, въ случаѣ штурма на курганъ, оставить надежный караулъ у входа въ минную галерею, а самому составить резервъ гарнизона Малахова кургана.

Правый флангъ четвертаго отдѣленія, начальникомъ котораго (т.-е. четвертаго отдѣленія) былъ капитанъ 1-го ранга Кернъ, а помощникомъ его капитанъ-лейтенантъ Карповъ, состоялъ изъ знаменитой батареи Жерве, охраняемой егерскимъ Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Николаевича полкомъ, подъ командою полковника Камчатскаго пѣхотнаго полка Китаева.

Лѣвый флангъ отдѣленія до *Рогатки* (что на куртинѣ) оберегалъ Муромскій пѣхотный полкъ. Начальникомъ войскъ отдѣленія былъ генералъ-маіоръ фонъ-Буссау; начальникомъ штаба его командиръ Полтавскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Фрейнъ *).

Съ разсвѣта стали замѣчать съ сторожевыхъ вышекъ Инкерманскихъ высотъ особенное движеніе у непріятеля, и князь Горчаковъ далъ знать о семъ начальнику гарнизона. Хотя сильный вѣтеръ, вздымавшій тучи пыли, скрывалъ происходившее въ непріятельскихъ траншеяхъ, однако же около десяти часовъ утра, когда разсмотрѣли, что Французы таскаютъ въ траншеи короткія бревна и доски, то предположили, что они носятъ матеріялы для минныхъ работъ, въ намѣреніи вести минную галерею подъ курганъ.

Неутомимый лейтенантъ Вульфертъ, такъ сказать, *аборигенъ* между жителями Малахова кургана, бывшій его вѣрнымъ стражемъ съ первыхъ выстрѣловъ, имъ посланныхъ врагу,—до сегодня, переживъ съ нимъ одинадцать кровавыхъ мѣсяцевъ неразлучно, поскакалъ къ генералу Хрулеву съ донесеніемъ о происходящемъ.

Генералъ, выслушавъ донесеніе Вульферта, едва успѣлъ двинуть къ кургану резервъ его, полки 9-й дивизіи **), какъ услышалъ тревогу, бро-

*) На четвертомъ отдѣленіи должны были по тревогѣ стать въ ружье:

	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.
Полка его Высочества	46	1.286
Модлинскаго полка	29	781
Прагскаго „	16	721
Люблинскаго „	22	765
Замосцскаго „	25	862
Муромскаго „	28	924
Итого	166	5.339

**) Какъ любопытный и важный документъ, опредѣляющій число защитниковъ лѣвой половины оборонительной линіи и дѣлающій достояніемъ исторіи имена полковъ, ее оборонявшихъ, прилагаю (въ концѣ примѣчаній) свѣдѣніе, составленное для генералъ-лейте-

сился ко 2-му бастіону, не видя синяго флага на Малаховомъ курганѣ—условнаго сигнала произведеннаго на него нападенія.

Ожесточая ежеминутно свой огонь, Французы, въ четверть двѣнадцатаго, (по нашимъ часамъ) перемѣнивъ его направленіе, вдругъ стали дѣйствовать по пространству за нашими батареями, вѣроятно, съ цѣлію поражать резервы, не вредя своимъ, а ровно въ $11^1/_2$ часовъ стремительно, въ огромномъ числѣ, разсыпнымъ строемъ въ нѣсколько линій, бросились изъ траншей.

Разстояніе отъ послѣдней траншеи до рва бастіона было только 25 метровъ! (около 36 шаговъ) — нѣсколько прыжковъ для зуава! Французы мгновенно перенеслись чрезъ это пространство, *не выдержавъ ни одного картечнаго выстрѣла*, потому что всѣ орудія, отвѣчая бомбардирующему врагу, были заряжены ядрами и бомбами *). Перезарядить картечью было некогда. Кто успѣлъ—выстрѣлилъ, но направленныя на батареи орудія послали свои снаряды черезъ головы атакующихъ. Мало того: Французы *не выдержали ни одного ружейнаго выстрѣла*, потому что кромѣ штуцерниковъ, стрѣлявшихъ по траншеямъ, никого не было на банкетѣ. Стоять на курганѣ цѣлому отряду людей, со взведенными курками и ждать момента штурма, не было возможности. А едва успѣлъ на курганѣ барабанъ ударить тревогу, какъ Французы уже овладѣли куртиною, а также валомъ лицевой стороны бастіона и опрокинули, подавивъ своею многочисленностью поспѣшно собравшіяся части Прагскаго полка **). Въ тотъ же моментъ торжествующій не-

---

нанта Хрулева по лѣвой половинѣ оборонительной линіи, за два дня допослѣдняго штурма. См. приложеніе къ этому тому.

*) „Наши секреты, въ продолженіи ночи, доносили о сборѣ въ непріятельскихъ траншеяхъ значительныхъ силъ и мы готовились къ отраженію штурма: орудія *были заряжены картечью*, банкеты заняты пѣхотою, резервы поставлены вблизи укрѣпленій. Но прошло нѣсколько часовъ, и непріятель, не производя штурма, продолжалъ истреблять наши войска адскимъ огнемъ, что заставило насъ отвести назадъ, резервы, оставя на банкетахъ только необходимое число людей. Богдановичъ. Idem, стр. 95, т. IV. Указаніе генерала Богдановича не вѣрно—орудія если раннимъ утромъ, когда готовились отразить штурмъ и были заряжены картечью, то когда перестали ждать штурма, имѣли орудія заряженными ядрами гранатами, чтобы успѣшно отвѣчали бомбардирующему.

**) „Многіе говорятъ, что Малаховъ курганъ взятъ по оплошности.

Защитниковъ было съ резервомъ около 6.000; отрядъ для приступа состоялъ изъ 30000.

Препятствія съ фронта бастіона исчезли, ибо ровъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ былъ засыпанъ. По невозможности вылазки съ нашей стороны, непріятель могъ усилить атакующій корпусъ, взявъ войска съ любой точки.

Еслибы у насъ и было достаточно войскъ въ общемъ резервѣ, большое пространство и пересѣченная мѣстность не существовали бы, то и тогда подкрѣпленіе не могло бы поспѣть во-время, ибо приступъ есть дѣло мгновенія—успѣхъ или отбой.

И что значила бы горсть подкрѣпленія противъ сильнаго корпуса нападающихъ, направленнаго на одну точку, гдѣ искусственныя препятствія исчезли? Пусть порицатели поставятъ себя на мѣсто гарнизона и начальствующихъ лицъ!“ (Графъ Остенъ-Сакенъ. Idem, с. 355, 356).

„Около полудня,—говоритъ Богдановичъ (Idem., т. IV, стр. 97) на—Малаховомъ курганѣ, люди обѣдали, укрывшись, по возможности, за траверсами и подъ разбитыми блиндажами, отъ пуль и осколковъ бомбъ, во множествѣ падавшихъ на бастіонъ. На банкетахъ оставалось лишь нѣсколько штуцерныхъ, а при орудіяхъ не было почти никого изъ прислуги. Генералъ Буссау (начальникъ пѣхоты 4 отдѣл. об. линіи) готовился раздавать нижнимъ чинамъ георгіевскіе кресты; а капитанъ-лейтенантъ Карповъ (командиръ бастіона) находился въ блиндажѣ... И вдругъ раздался крикъ: „Французы!“...

пріятель, подкрѣпленный набѣжавшими со всѣхъ сторонъ толпами товарищей, ободренный криками огромныхъ резервныхъ колоннъ, по накинутымъ лѣстницамъ переходившимъ ровъ и наводнявшимъ курганъ, опрокинулъ все, что дерзало бороться съ нимъ, и штыками выбивая нашихъ изъ-за каждаго траверза, которыми изрѣзана была внутренность укрѣпленія, занялъ всю верхнюю часть кургана до самой горжи его, которая, по несчастью, была сомкнута перехватывавшимъ ее широкимъ и глубокимъ рвомъ, и прекрасно содержаннымъ брустверомъ. Далѣе Французы не дерзнули преслѣдовать нашихъ, остановленные батальнымъ огнемъ *).

---

*) Вотъ подробности, сдѣлавшіяся намъ извѣстными въ послѣдствіи, о томъ, что и какъ дѣлалось въ это время у Французовъ. На военномъ совѣтѣ рѣшили: не объявлять заранѣе дня и часа штурма. Генералъ Боске только наканунѣ отдалъ диспозицію своему корпусу, и только ночью разослалъ начальникамъ свой нижеслѣдующій приказъ, велѣвъ его прочесть войскамъ, когда станутъ въ ружье.

„Солдаты втораго корпуса и резерва! 26 мая вы первые имѣли честь нанести рѣшительный ударъ въ сердце русской арміи. 4 августа, на Черной, вы унизили, обезславили его вспомогательную армію. Сегодня, твердою рукою, столь врагу знакомою, вамъ предстоитъ нанести окончательный, смертоносный ударъ, отнявъ у врага его оборонительную линію Малахова, между тѣмъ какъ наши боевые товарищи, Англичане и первый корпусъ, начнутъ приступъ къ Большому редану и Центральному бастіону. Это генеральный штурмъ—армія противъ арміи; эта огромная и незабвенная побѣда, которою должно увѣнчать юныхъ орловъ Франціи. Впередъ же, дѣти! Нашъ Малаховъ и Севастополь! и да здравствуетъ Императоръ!“—Боске назначилъ мѣстомъ своего пребыванія Камчатскій люнетъ. Тамъ, въ моментъ начала штурма, выставленъ былъ его гидонъ. Рѣшили никакимъ сигналомъ не означать момента начала штурма, и броситься изъ траншей ровно въ двѣнадцать часовъ. Часы всѣхъ генераловъ были свѣрены. Первая бригада дивизіи МакъМагона должна была пробѣжать не болѣе двадцатипяти метровъ. При первомъ возгласѣ своего начальника «*впередъ!*» бригада бросилась, частью прямо на бастіонъ, частью на пунктъ его соединенія съ куртиною. Зуавы, взлѣзшіе на бастіонъ прямо, помогая другъ другу, тотчасъ перекинули своимъ товарищамъ особеннаго устройства штурмовые мосты, по которымъ французскія войска безъ всякихъ уже затрудненій побѣжали черезъ ровъ. Дивизія Ла-Мотружа устремилась на куртину, а зуавы и егеря на батарею Жерве. Всѣми этими пунктами Французы овладѣли мгновенно, такъ же, какъ и всѣмъ бастіономъ. Алжирскіе стрѣлки заняли проходъ, которымъ можно проникнуть въ укрѣпленіе (по счастью для нихъ), замкнутое съ горжи, и съ помощью саперъ, заваливъ проходъ турами и фашинами, утвердились окончательно на занятой ими позиціи. Дивизія Дюлака, опрокинутая на второмъ бастіонѣ, дивизія Ла-Мотружа, отбитая отъ второй линіи, поражаемыя во флангъ со втораго бастіона, очищеннаго отъ Французовъ, преимущественно страдали отъ огня нашихъ пароходовъ. По просьбѣ Ла-Мотружа, для обезпеченія его дивизіи, двинуты были двѣ полевыя батареи подъ командою Сути, бывшія въ готовности на всякій случай на Ланкастерской батареѣ, на-легкѣ, безъ зарядныхъ ящиковъ. Артиллерія эта, желая поддержать атаку 2-й линіи нашихъ укрѣпленій, возобновленную послѣдній разъ Французами, сама понесла чрезвычайную потерю въ офицерахъ, солдатахъ и лошадяхъ—а именно, изъ числа 150 человѣкъ и 150 лошадей, вступившихъ въ бой 95 человѣкъ и 131 лошадь были убиты или ранены, нѣкоторыя орудія даже не могли сняться съ передковъ и обѣ батареи не сдѣлали болѣе пяти выстрѣловъ. При этомъ смертельно раненъ и командиръ батареи—Сути и капитанъ Рапатель, убито два офицера, легко раненъ одинъ, взорванъ передокъ со снарядами, батарея должна была отступать, оставивъ на мѣстѣ подбитыя орудія.

Французы говорятъ, что они огнемъ своимъ вновь построенныхъ батарей заставили молчать наши пароходы, и уйти изъ большой бухты. Сколько я помню, пароходы дѣйствительно вошли въ доковую бухту къ магазинамъ; но это было сдѣлано съ цѣлью быть *ближе къ врагу* и удобнѣе обстрѣливать курганъ, что они и продолжали до самой ночи.

Интересенъ разсказъ Guerin о несчастномъ участіи батарей Сути въ штурмѣ 27 августа. Вотъ сущность его разсказа. Въ критическій моментъ отбитія вторичной атаки Ла-Мотружа отъ второй оборонительной линіи Севастополя, неся чрезвычайную потерю въ людяхъ, этотъ генералъ послалъ просить содѣйствія подполковника Сути, командовавшаго двумя батареями (Рапателя и Дешамка), стоявшими на Ланкастерской батареѣ въ готов-

Главная часть кургана, господствовавшаго надъ Севастополемъ, была во власти Французовъ, только самая башня еще держалась. Въ нее засѣли нѣсколько офицеровъ, съ толпою удальцевъ, и, сквозь ружейныя амбразуры нижней неразрушенной части башни и полузаваленныя двери, очищали мѣткими выстрѣлами всю плащадку предъ историческою башнею. Никто не смѣлъ безнаказанно даже пробѣжать мимо нее *).

ности на всякій случай по приказанію Пелисье, но не имѣвшими распоряженія участвовать въ штурмѣ. Сути предложилъ посланному отнестись къ артиллерійскому генералу Бёрэ (Beuret), который въ свою очередь адресовалъ посланнаго къ начальнику артиллеріи Тири, находившемуся въ это время на *Камчаткѣ* при генералѣ Пелисье. Начальникъ главнаго штаба генералъ Мартенпрей, видя офицера, бѣгущаго отъ куртины, бросился къ нему и тотчасъ передалъ главнокомандующему просьбу Ла-Мотружа. Но такъ какъ эта просьба была передана такимъ образомъ: „должна ли артиллерія поддерживать генерала Ла-Мотружа?“ то Пелисье отвѣчалъ: „разумѣется“.

Артиллерійскій полковникъ Гюгене (Huguinet) лихой и храбрый воинъ, всегда искавшій случая отличиться въ дѣлѣ, безъ приказанія вмѣшавшійся въ свиту главнокомандующаго, услышавъ таковое приказаніе, подъ предлогомъ, что Сути только три дни какъ прибывшій, не можетъ знать дороги, по которой ему надлежитъ слѣдовать на позицію, вызвался указать ему дорогу, пустился къ батареѣ и сталъ во главѣ ея, когда она уже дебушировала по направленію къ куртинѣ, орудіе за орудіемъ, по чрезвычайному неудобству предстоявшаго пути. Въ это время русскіе покрывали куртину и обстрѣливали все пространство передъ нею, вмѣстѣ съ батареями, дѣйствовавшими картечью. Въ моментъ движенія батарей Сути огонь русскихъ усилился до чрезвычайности—батареи погибли. Лошадь подъ Гюгене убита, онъ, разсѣдлавъ ее и считая свою обязанность охотника-колонновожатаго конченною, схватилъ солдатское ружье и бросился на Малаховъ драться съ русскими, гдѣ и убитъ.

Между тѣмъ Сути, уже раненый, силился поставить свои батареи на позицію: батареѣ Дешампа этого не удалось—и она не сдѣлала ни одного выстрѣла, большая часть ея людей и лошадей погибла: изъ 96 лошадей, составлявшихъ батарею, едва *три* или *четыре* лошади воротились въ лагерь! Всего успѣли изъ двухъ батарей сняться съ передковъ три орудія, сдѣлавшія по куртинѣ не болѣе 20 выстрѣловъ. Сути раненъ вторично, отчего и умеръ черезъ нѣсколько дней. Капитанъ Рапатель, садясь на другую лошадь (первая убита подъ нимъ), смертельно раненъ; его помощникъ также раненъ, и потеря въ людяхъ и лошадяхъ этой батареи скоро сдѣлалась огромна. Обѣ эти батареи совершенно бы погибли, если бы не полковникъ Де-Ломіеръ, приказавшій осадной батареѣ, находившейся противъ куртины, дѣйствовать по ней и тѣмъ обезпечившій отступленіе остатковъ батарей. Три орудія остались на мѣстѣ (Idem, стр. 423).

Замѣчательно, что своимъ разсказомъ Guerin даетъ понять, что батареи Сути были употреблены не по назначенію, вслѣдствіе торопливости начальника главнаго штаба, отчего и погибли, между тѣмъ Historique du service de l'Artillerie, изданіе офиціальное, излагая планъ атаки, говорятъ, что батареи Сути стояли на батареѣ Викторія, будучи именно предназначены для поддержки Ла-Мотружа, и что эти батареи имѣли резервомъ двѣ гвардейскія пѣшія батареи (Idem. с. 420). Далѣе это сочиненіе говоритъ, что двѣ батареи Сути пошли, чтобы поддержать послѣднюю атаку Французовъ на 2 бастіонъ (а не атаку Ла-Мотружа противъ второй оборонительной линіи, какъ утверждаетъ Guerin), но не могли дѣйствовать на обстрѣливаемомъ пространствѣ, и погибли. (Idem. с. 427).

Что до насъ касается, мы полагаемъ, что разсказъ «Historique и пр.» заслуживаетъ большаго вѣроятія, такъ какъ едвали наши, однажды потерявъ куртину, вторично имѣли ее въ своей власти, какъ надо заключить изъ разсказа Guerin о страшномъ батальонномъ огнѣ, коимъ встрѣтили наши солдаты, будто бы *покрывавшіе* куртину,—батареи Сути и непустившіе ихъ сняться съ передковъ.

*) Тутъ были, какъ достовѣрно извѣстно сдѣлалось въ послѣдствіи, поручикъ Юній, подпоручики Данильченко и Богдзевичъ съ двумя кондукторами морской артиллеріи и 30-ю человѣками солдатъ Модлинскаго полка, оставленными для охраненія зарядовъ, сложенныхъ въ башнѣ. Въ послѣднее время помянутые трое офицеровъ удостоены награжденіи орденами св. великомученика и побѣдоносца Георгія 4 степени за сказанный подвигъ.

Мнѣ разсказывали французскіе офицеры главнаго штаба, въ послѣдствіи, что они потеряли на этомъ пунктѣ много людей и только огнемъ множества зажженыхъ фашинъ заставили сдаться горсть молодцовъ. Ихъ было человѣкъ до шестидесяти *).

*) Баронъ Базанкуръ (L'expedition и пр. Idem.) вотъ какъ разсказываетъ этотъ подвигъ защитниковъ кургана.

Въ Малаховой башнѣ засѣлъ русскій офицеръ съ шестьюдесятью человѣками, и изъ ружейныхъ амбразуръ открылъ, почти въ упоръ, смертоносный огонь, обстрѣливая пространство, чрезъ которое мимо башни стремились французскія войска на помощь противъ Русскихъ, атакующихъ курганъ съ горжи. Офицеры и солдаты падали поражаемые невидимымъ огнемъ. Когда прошла первая суматоха атаки и успѣли осмотрѣться, генералъ Макъ-Магонъ приказалъ своему начальнику инженеровъ окружить башню зажженными фашинами, чтобы ослѣпить ея защитниковъ дымомъ и отнять у нихъ возможность продолжать пальбу. [1]) Но едва сталъ разгораться огонь вокругъ башни, какъ генералъ, сообразивъ, что пожаръ можетъ сообщиться пороховому магазину, приказалъ какъ можно скорѣе затушить огонь, и объявить офицеру въ башнѣ, что курганъ во власти французовъ, и что съ его стороны упорство безполезно, а только поведетъ къ гибели какъ его, такъ и отряда его. Храбрый офицеръ согласился сдаться. Продолженіе этого разсказа принимаетъ сказочный характеръ. Нашъ повѣствователь продолжаетъ: начальникъ инженеровъ приказалъ затушить пожаръ землею. Первые удары кирки открыли электрическую нить, сообщавшуюся съ находившеюся подъ башнею миною [2]) Можно ли этому вѣрить? Еслибъ и дѣйствительно башня была минирована, то зачѣмъ бы такъ положили проволоку проводника, что ее можно было открыть первыми ударами кирки. Тогда, продолжаетъ разскащикъ, солдаты бросились на работу съ кирками, лопатами, топорами, штыками, понимая, что имъ грозитъ страшная опасность, и, въ нѣсколько секундъ, сдѣлавъ канавку, въ родѣ траншеи, вокругъ башни, открыли еще два электрическіе проводника въ пороховые магазины.

Надо замѣтить, для обличенія невѣрности этого разсказа, что Малаховъ курганъ отнюдь не былъ минированъ. Дѣйствительно, минные колодцы были окончены и предполагалось немедленно ихъ зарядить; но предположеніе, что Французы ведутъ мины подъ курганъ, заставило заняться веденіемъ противъ нихъ слуховыхъ рукавовъ, и такимъ образомъ окончаніе минныхъ колодцевъ было пріостановлено. За нѣсколько дней до штурма, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ вновь приказалъ работать въ минахъ кургана и уже приготовили на Павловскомъ мыску порохъ для ихъ заряда. Но, какъ мы видѣли, работы не были кончены, и работавшіе захвачены въ самыхъ минахъ. Почти тоже было и на второмъ бастіонѣ. Его тоже намѣрены были минировать, но не успѣли привести этого въ исполненіе. Предполагалось, зарядивъ мины, уступить бастіонъ Французамъ. На немъ едва уже было возможно держаться: такъ силенъ и жестокъ былъ направленный на этотъ пунктъ непріятельскій огонь. Думали уступить бастіонъ въ такой моментъ, чтобы эта уступка увлекла ихъ, и когда они займутъ бастіонъ—взорвать его на воздухъ. Все это не состоялось. Приготовленный на Павловскомъ мыскѣ, для заряда минъ втораго бастіона и Малахова кургана, порохъ за чѣмъ-то понадобился, и его перевезли на графскую сторону. Отсюда чрезъ нѣсколько дней его опять перетранспортировали на мысокъ, не измѣняя его первоначальнаго назначенія; но устроить мины втораго бастіона и зарядить мины кургана не успѣли. Этотъ порохъ послужилъ намъ для взрыва Павловскаго форта.

Вышеприведенный случай Guerin (Idem стр. 413 и далѣе) разсказываетъ совершенно иначе. Вотъ сущность его разсказа. Французы, овладѣвшіе курганомъ, крайне нуждались въ патронахъ, и было одно время, что, разстрѣлявъ всѣ свои заряды, они не имѣли бы чѣмъ отвѣчать нашимъ, еслибъ въ это время началась атака кургана съ нашей стороны. Хотя и подоспѣлъ отрядъ зуавовъ съ полными сумами но этого запаса достало бы не надолго, если бы не помогъ Французамъ случай. Засѣвшіе въ Малаховой башнѣ удальцы продолжали стрѣлять по Французамъ и перебили у нихъ многихъ начальниковъ и солдатъ, что довело Французовъ до ожесточенія, и они рѣшились, несмотря на опасную близость минъ и пороховыхъ погребовъ, зажечь фашины и туры, которыми былъ заваленъ входъ въ блиндажъ. Уже было приступили къ дѣлу, когда увидѣли, что туры шевелятся.—Русскіе,

[1]) А намъ кажется, просто, чтобъ передушить ихъ пламенемъ и дымомъ!

[2]) Однако тотъ же разсказъ повторяется на ст. 429 Historique du service de l'Artillerie. T. II.

Макъ-Магонъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ генераловъ Французской арміи *), при нѣкоторыхъ товарищахъ моихъ, однажды у себя за завтракомъ, говоря со мною о штурмѣ Малахова кургана, съ величайшимъ уваженіемъ разсказалъ о нашемъ генералѣ, удивившемъ при штурмѣ кургана всѣхъ Французовъ своимъ мужествомъ. Когда Французы ворвались на бастіонъ, онъ съ нѣсколькими человѣками былъ оторванъ отъ своихъ и прижатъ въ одномъ изъ уголковъ бастіона толпою зуавовъ. Высокаго роста, худощавый, впереди своего маленькаго отряда, онъ рубился съ Французами, отвѣчая проклятіями и ударами сабли на ихъ просьбы и предложенія сдаться.

Французы разстрѣливали эту кучку, уже не имѣвшую патроновъ и ежеминутно уменьшавшуюся, но кто только рѣшался броситься съ ружьемъ на горсть героевъ—платилъ жизнью за отвагу.

Разъяренные зуавы уложили пулями и генерала и его солдатъ.

услышавъ, на что рѣшились Французы, признали за лучшее выйти изъ своего убѣжища. Одинъ французскій офицеръ началъ кричать, чтобы умѣющій говорить по французски вышелъ безъ опасенія. Затѣмъ фашины упали и весьма молодой офицеръ, полуодѣтый и разстроенный, вышелъ къ Французамъ. Ему объявили, что всѣ солдаты могутъ выйти и имъ не сдѣлаютъ ничего дурнаго. Двѣсти человѣкъ вышло изъ башни и стали просить, чтобы ихъ какъ плѣнныхъ тотчасъ отослали съ кургана, вѣроятно, боясь его взрыва. Опасаясь того же, Французы потребовали, чтобы молодой офицеръ указалъ имъ, гдѣ пороховой погребъ бастіона; когда же офицеръ отказался исполнить ихъ желаніе, поручикъ Елофъ Бастіони объявилъ, что если этотъ офицеръ будетъ упорствовать, то его надо тотчасъ разстрѣлять. Когда же было сдѣлано распоряженіе, соотвѣтствующее этому рѣшенію, офицеръ исполнилъ требованіе Французовъ и указалъ, гдѣ находится погребъ съ 44.000 киллограммовъ пороха. Фашины и туры, покрывавшіе этотъ пороховой запасъ, уже горѣли—ихъ потушили землею. Этотъ магазинъ, какъ предполагаютъ Французы, имѣлъ сообщеніе съ довольно отдаленнымъ пунктомъ посредствомъ электрической нити, случайно перерванной бомбою. Съ момента открытія магазина, Французы не чувствовали недостатка въ порохѣ и зарядахъ—пистоны доставили съ Камчатки. Этотъ разсказъ представляетъ собою еще болѣе легендарный характеръ, чѣмъ предыдущій. Если вѣрить генералу Лебрену (Souvenirs Idem ст. 166), состоявшему начальникомъ штаба при Макъ-Магонѣ и бывшему главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой исторіи, то дѣйствительно по его приказанію, по Африканскому обычаю, чтобы выкурить дымомъ или передушить имъ защитниковъ башни, онъ приказалъ зажечь туры составлявшіе входъ въ башню, но когда они разгорѣлись онъ съ ужасомъ вспомнилъ о множествѣ валявшихся всюду патроновъ, посредствомъ которыхъ огонь пожара могъ сообщиться пороховымъ погребамъ и курганъ могъ бы взлетѣть на воздухъ, тогда онъ схватилъ нѣсколько попавшихся ему саперъ и приказалъ затушить пожаръ, забросавъ его землей. При этой то работѣ саперъ, по словамъ Лебрень, и были открыты и перерваны галваническіе проводники, посредствомъ которыхъ былъ бы взорванъ курганъ.

*) Макъ-Магонъ первый президентъ третей французской республики. Во французской арміи онъ себѣ составилъ блистательную извѣстность необыкновенною отвагою, удальствомъ и разумными дѣйствіями. На Малаховъ курганъ, 27 августа, онъ взошелъ одинъ изъ первыхъ, и шедшій за нимъ капралъ зуавовъ водрузилъ морской флагъ Франціи, нарочно въ этотъ день взятый Макъ-Магонъ, чтобъ Французамъ виднѣе былъ издали моментъ успѣха, въ которомъ онъ не сомнѣвался. Взявъ курганъ и отбивъ наши атаки, Макъ-Магонъ рѣшился оставить съ собою на курганѣ одну изъ своихъ бригадъ, и отослать другую въ траншеи, во избѣжаніе напрасной потери въ людяхъ, при чемъ онъ приказывалъ командиру отсылаемой бригады тотчасъ занять Малаховъ, если случится, что его съ остающеюся бригадою взорвутъ на воздухъ, и обращаясь къ генералу Винда, который оставался съ нимъ на бастіонѣ, сказалъ: «очень возможно, что ваша бригада будетъ поднята на воздухъ, въ такомъ случаѣ бригада Декена замѣнитъ васъ немедленно на Малаховѣ, и онъ все-таки останется за нами.»

„Какъ фамилія этого генерала, или офицера? Но наши солдаты утверждали, что это точно былъ генералъ“, спрашивалъ Макъ-Магонъ.

Ни я, ни товарищи мои, къ сожалѣнію, не могли опредѣлить, навѣрно, фамилію героя, но мы предполагали, что это былъ генералъ-маіоръ Юферовъ.

„Непремѣнно, продолжалъ французскій генералъ, надо знать имя этого героя“, и записалъ названную мною фамилію. „Подобная смерть, продолжалъ онъ, такія имена — достояніе всемірной исторіи: не говорю уже, что они должны сродниться съ памятью того народа, которому принадлежали ихъ носившіе“.

Но возвратимся къ самому моменту штурма *).

Французы такъ стремительно бросились на куртину и курганъ и такъ внезапно ими овладѣли, что не успѣли выбѣжать изъ минной галереи всѣ люди Люблинскаго полка, тамъ находившіеся. Нашъ караулъ, поставленный у входа въ галерею, былъ мгновенно опрокинутъ, уничтоженъ и замѣненъ французскимъ карауломъ, который не выпустилъ уже изъ минъ никого, объявивъ всѣхъ военноплѣнными.

Разумѣется, при первомъ сигналѣ тревоги, генералъ Хрулевъ, со штабомъ своимъ былъ на конѣ и бросился къ наислабѣйшему пункту, т.-е. ко 2-му бастіону, но тутъ узнавъ о взятіи кургана, онъ устремился къ нему

---

*) Планъ атаки четвертаго и пятаго отдѣленій нашей оборонительной линіи заключался въ слѣдующемъ. Войска, предназначенныя для атаки, были раздѣлены на три части. Первая состояла изъ дивизіи Дюлака, имѣя резервомъ гвардейскихъ егерей и бригаду дивизіи д'Ореля. Этому отряду предстояло атаковать второй бастіонъ. Центральный отрядъ состоялъ изъ дивизіи Ла-Мотружа. Ему было назначено овладѣть куртиною и нашею второю оборонительною линіею. Лѣвое крыло было составлено изъ дивизіи Макъ-Магона (т.-е. первой дивизіи втораго корпуса), которой даны въ резервъ гвардейскіе зуавы и бригада второй дивизіи, втораго корпуса, подъ командою Вимпфена. Этому отряду предназначалось овладѣть Малаховымъ курганомъ. Императорская гвардія должна была занять прежнія наши и французскія траншеи у Камчатскаго люнета. Ее предполагали употребить, какъ сильный резервъ, для нанесенія рѣшительнаго удара. Двѣ полевыя батареи стояли на Ланкастерской батареѣ въ готовности прискакать, по первому призыву, на поле битвы. Четыре полевыя батареи стояли въ резервѣ на редутѣ „*Викторія*“. Сверхъ исчисленныхъ войскъ, въ головѣ каждой атакующей колонны находился отрядъ саперъ, человѣкъ въ шестьдесятъ, подъ командою баталіоннаго командира и трехъ офицеровъ. Эти саперы назначались для облегченія движенія атакующимъ войскамъ и для немедленнаго начатія на взятомъ укрѣпленіи инженерныхъ работъ. Наконецъ, въ каждой колоннѣ было пятьдесятъ артиллеристовъ, подъ начальствомъ капитана и поручика, съ цѣлью заклепывать наши орудія, или обращать ихъ на насъ, смотря по обстоятельствамъ.

По словамъ „Historique de l' Artillerie“ и пр. Малаховъ курганъ былъ атакованъ тремя дивизіями, имѣвшими дивизію въ резервѣ; а второй бастіонъ былъ атакованъ съ помощію двухъ батарей маіора Сути, столь пострадавшихъ при этой атакѣ, какъ разсказано выше.

Объ атакѣ 3-го отдѣленія оборонительной линіи мы сказали, а что касается до 1 и 2 отдѣленій то по диспозиціи на городскую сторону начать атаку слѣдовало по особому сигналу главнокомандующаго. Генералъ Пелисье подалъ условный сигналъ ракетами въ часъ пополудни, но сигналъ этотъ не былъ замѣченъ и атака начата французами уже по словесному приказанію Пелисье въ 2 часа пополудни. Всего противъ городской стороны было направлено 18.500 Французовъ подъ общимъ начальствомъ генерала де-Саль. Атаки Французовъ, неоднократно повторенныя на всѣхъ пунктахъ 1 и 2 отдѣленій, были отбиты съ огромнымъ для нихъ урономъ.

Что же касается до дѣйствія по городу съ моря, то распоряженіе начать таковое съ утра не могло быть приведено въ исполненіе за сильнымъ вѣтромъ, угрожавшимъ перейти въ бурю и только непріятельскія канонерскія лодки открыли огонь по городу и мосту изъ Стрѣлецкой бухты, будучи обстрѣливаемы въ свою очередь съ береговыхъ батарей.

и догналъ шедшую въ резервъ къ гарнизону кургана девятую дивизію. Подбѣжавъ къ кургану, Степанъ Александровичъ схватилъ Ладожскій полкъ, и повелъ его на курганъ, думая проникнуть въ бастіонъ по мосту, перекинутому чрезъ ровъ, въ горжѣ. Но когда онъ подбѣжалъ ко рву, его встрѣтилъ, изъ-за гребня бруствера, замыкавшаго горжу, — дождь штуцерныхъ пуль.

Мостъ существовалъ еще, но проходъ былъ уже заваленъ — возможно ли было проникнуть въ него? Ладожцы бросились было на мостъ, но на немъ сосредоточился весь ружейный огонь Французовъ, овладѣвшихъ курганомъ. Генералъ Хрулевъ былъ тотчасъ раненъ и Ладожцы — отбиты. Устремившійся впередъ, на челѣ одного изъ ихъ баталіоновъ, флигель-адъютантъ гвардіи ротмистръ Воейковъ пробитъ пулею въ грудь *).

Въ бастіонъ можно было проникнуть только двумя проходами: одинъ былъ къ сторонѣ втораго бастіона, съ деревяннымъ мостомъ чрезъ ровъ, другой — къ батареѣ Жерве. Къ нимъ вела дорога между домиками, облѣпившими курганъ. Входы мгновенно были завалены турами, фашинами, опрокинутыми орудіями, мѣшками съ землею. Ворваться въ нихъ не было силъ: оставалось идти прямо на штурмъ бастіона съ горжи или обойти курганъ, и взять его съ лицевой его стороны, ударивъ на тотъ-же пунктъ, который былъ атакованъ Французами.

Въ первомъ случаѣ предстояло перейти замыкавшій горжу ровъ, имѣвшій значительную глубину, около двухъ саженъ ширины и почти отвѣсныя стѣны, будучи вырубленъ, съ величайшимъ трудомъ, въ каменистомъ грунтѣ кургана. За тѣмъ надлежало овладѣть валомъ, отлично содержаннымъ и почти недоступнымъ. Мы не имѣли подъ рукою, не говорю уже штурмовыхъ лѣстницъ, но даже простыхъ досокъ, фашинъ, туровъ. Штурмовать курганъ съ этой стороны было бы вчетверо труднѣе, чѣмъ съ той, съ которой взяли его Французы. Имъ не стоило большаго труда перебраться чрезъ ровъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительно завалившійся, вслѣдствіе бомбардировки.

Во второмъ случаѣ, надобно было имѣть дѣло не только съ отважнымъ непріятелемъ, засѣвшимъ въ бастіонѣ, который, видя наше движеніе, приготовился бы встрѣтить насъ, но и съ подходившими толпами Французовъ, которые ударили бы, въ моментъ нашего штурма, намъ въ тылъ и во флангъ. Наконецъ, чтобы отнять курганъ съ бою, нуженъ былъ одинъ начальникъ, который въ рѣшительный моментъ умѣлъ бы дать направленіе всѣмъ войскамъ мгновенно, на мѣстѣ, который составилъ бы планъ дѣйствія

---

*) Платонъ Александровичъ Воейковъ, отлично образованный, съ блестящимъ поэтическимъ дарованіемъ молодой человѣкъ отличался молодецкой отвагой. Генералъ Хрулевъ послалъ его съ капитанъ-лейтенантомъ Ильинскимъ втащить на Малаховъ курганъ два орудія полевой артиллеріи, чтобы картечью обстрѣлять внутренность бастіона. Приказаніе это было исполнено, но едва ввезенныя пушки успѣли сдѣлать по одному выстрѣлу, какъ ихъ прислуга была перебита пулями и орудія вынуждены были спустить съ кургана. Тогда Воейковъ, собравъ вокругъ себя толпу людей бросился съ ними на французовъ въ штыки, вправо отъ горжи кургана, но былъ простр̀ленъ и умеръ черезъ три дня.

и имѣлъ бы достаточно извѣстности у войскъ, силы и умѣнья, чтобы самому привести въ исполненіе этотъ планъ. Но, по несчастію, сегодня одного общаго начальника на этомъ пунктѣ у насъ долго не было. Генералъ Хрулевъ, какъ я уже сказалъ, тяжело раненый штуцерною пулею въ самомъ началѣ нашей атаки, въ большой палецъ лѣвой руки, и не имѣвъ силы вынести страданій этой раны, отправился на перевязочный пунктъ, приказавъ принять начальство помощнику своему, генералъ-маіору Лысенко. Ладожцы залегли за брустверомъ, образовавшимся изъ труповъ ихъ товарищей, засѣли въ развалинахъ домиковъ, покрывшихъ курганъ, за камни и кучи земли, и завязали жаркую перестрѣлку съ Французами, бывшими на курганѣ.

Тутъ подоспѣли послѣдніе полки резерва, прибѣжала № 48-го дружина Курскаго ополченія. Все стремилось въ бой, всѣ бросились, горя желаніемъ выбить врага штыкомъ, но никто не могъ дойти до недруга: батальный огонь съ бруствера, замыкавшаго горжу, останавливалъ всѣхъ. — Генералъ Лысенко былъ тяжело раненъ штуцерною пулею въ ногу, съ раздробленіемъ кости, и контуженъ въ животъ, что и было въ послѣдствіи причиною его смерти. Войска передъ курганомъ вновь лишились общаго начальника. А между тѣмъ видно было, что цѣлыя арміи вражьи двинулись къ кургану. Полевая артиллерія приблизилась къ нему и открыла огонь. Владѣніе курганомъ, со всякимъ моментомъ, упрочивалось за врагомъ *).

Но надо возвратиться къ происходившему за нѣсколько часовъ предъ симъ.

Сильный сѣверный вѣтеръ не допустилъ флотъ принять участіе въ штурмѣ посредствомъ энергическаго бомбардированія, какъ было предположено, и только нѣсколько Французскихъ и Англійскихъ бомбардъ вошло въ Стрѣлецкую бухту, и метало бомбы на Александровскій фортъ и на № 10.

Одновременно съ атакою кургана, Французы бросились на *куртину* и на *рогатку*. Сопротивленіе Муромскаго полка, ее оберегавшаго, было напрасно: на одного нашего солдата приходилось десять Французовъ. Они овладѣли куртиною, рогаткою, двѣнадцати-орудійною батареею **) и преслѣдовали нашихъ до второй линіи укрѣпленій, но тутъ ихъ встрѣтилъ сильный артиллерійскій огонь Генриховой батареи и Сѣвскій полкъ, который опрокинулъ ихъ штыками и погналъ до рогатки. Сѣвцы, впрочемъ, не могли здѣсь удержаться, ибо поражались съ фронта засѣвшимъ въ траншеи и волчьи ямы непріятелемъ, а во флангъ огнемъ Малахова кургана. Наши отошли ко второй линіи, и поддерживали оттуда сильный ружейный огонь противъ Французовъ, вновь занявшихъ двѣнадцати-орудійную батарею и рогатку. Вдругъ, къ общему восторгу нашихъ, удачно брошенная граната, вѣ-

*) Впрочемъ генералъ Лебрень говоритъ (Souvenirs. Idem. ст. 168), что наши начали наступленіе на овладѣвшаго Малаховымъ курганомъ непріятеля только въ 3 часа пополудни, т.-е. черезъ три часа послѣ овладѣнія курганомъ Французами, когда они уже успѣли сосредоточить на немъ силы, вполнѣ способныя противустать всѣмъ нашимъ усиліямъ.

**) Тутъ же, кажется, была взята и подвижная мортирная батарея, которою командовалъ поручикъ Кратцъ. Онъ убитъ.

роятно, съ Генриковой батареи; ворвалась сквозь дверь въ пороховой погребъ двѣнадцати-орудійной батареи (въ пять часовъ безъ десяти минутъ), и батарея гигантскимъ черным столбомъ взлетѣла на воздухъ, поднявъ съ собою много незваныхъ гостей, и покрывъ тучею дыма, песка и пыли значительное пространство. Французы, оставшіеся близъ этого пункта въ живыхъ, стремительно побѣжали къ своимъ траншеямъ, приведенные въ неописанный ужасъ и вообразивъ, что все занятое ими пространство минировано. Суматоха поднялась и на Малаховомъ курганѣ,—Французы, имъ овладѣвшіе, также вообразили, что мы взрываемъ мины, и что новыхъ владыкъ Малахова кургана ждетъ одна участь съ минутными властителями двѣнадцати-орудійной батареи. Эта суматоха едва не превратилась въ бѣгство, и наши, думая воспользоваться моментомъ паническаго страха, наведеннаго на враговъ взрывомъ, пошли было впередъ... Видя наше наступленіе, Французы образумились и опять встрѣтили нашихъ изъ-за бруствера, перехватывавшаго горжу, губительнымъ огнемъ, а усмотрѣвъ, что взрывы не повторяются, Французы опять побѣжали къ *ретрахт*, побуждаемые приказаніемъ и примѣромъ своихъ начальниковъ. Отъ взрыва этого погибло значительное число солдатъ, и раненъ генералъ Ла-Мотружъ.

Между тѣмъ въ третьемъ часу пополудни Французы, убѣдясь въ дѣйствительности своего торжества на Малаховомъ курганѣ, и воображая, что всѣ наши резервы стянуты на лѣвую половину оборонительной линіи съ тѣмъ, чтобы возвратить Малаховъ курганъ, ключъ Севастопольской позиціи, рѣшились воспользоваться повидимому удобнымъ моментомъ, и подъ командою командира 1-го корпуса, генерала Де-Саля, бросились на пятый и шестой бастіоны и на редутъ Шварца, взорвавъ еще раннимъ утромъ двѣ мины предъ пятымъ бастіономъ.

Извѣстно, какую имъ сдѣлали встрѣчу на этихъ пунктахъ, и какой страшный уронъ они понесли здѣсь, когда повторили свою атаку. Разбитые совершенно, они бѣжали въ свои траншеи, ровно въ три часа, потерявъ раненными генераловъ Трошю, Риве; убитымъ генерала Бретона.

Рукопашный бой утихъ по всей линіи, но кононада не прекращалась.

Ружейный огонь былъ ужасенъ въ горжѣ Малахова кургана и на батареѣ Жерве, одна половина которой была въ нашихъ, а другая въ непріятельскихъ рукахъ, и гдѣ ожесточенные солдаты бросали другъ въ друга ядра, осколки и камни. Штуцерныя пули съ Малахова кургана носились по Карабельной, и находили множество жертвъ, особенно на второй линіи, гдѣ столпились массы народа, безполезно перестрѣливавшагося съ Французами, не имѣя возможности атаковать ихъ холоднымъ оружіемъ. Пришла 12-я дивизія, и съ барабаннымъ боемъ, стройно, смѣло двинулась на штурмъ, но тотчасъ была остановлена видимою невозможностью взять курганъ съ этой стороны, и только увеличила собою толпы солдатъ, стоявшихъ на второй линіи, неся значительную потерю. Геройскій начальникъ этой дивизіи, генералъ-лейтенантъ Мартинау, принявшій начальство надъ войсками лѣвой

половины послѣ генерала Лысенко, былъ въ этотъ моментъ тяжело раненъ штуцерною пулей. Ему раздробило руку у плеча. Съ необыкновеннымъ мужествомъ онъ выдержалъ эту рану, и пошелъ назадъ, поддерживая разбитую руку здоровою иославъ доложить начальнику гарнизона о необходимости назначенія другаго начальника войскъ на лѣвой половинѣ.

Это былъ *третій* генералъ, павшій сегодня предъ курганомъ. Кромѣ того *два* генерала уже погибли на курганѣ!

Но на этотъ разъ мы съ врагомъ поквитались: на штурмѣ Малахова кургана у Французовъ было, какъ мнѣ разсказывали сами французскіе офицеры генеральнаго штаба, восемнадцать генераловъ. Изъ нихъ убито пятеро, ранено одиннадцать; остался невредимымъ только генералъ Макъ-Магонъ, атаковавшій курганъ и въ послѣдствіи принявшій главную команду надъ отрядомъ, атаковавшимъ лѣвую нашу половину, когда генералъ Боске былъ раненъ *).

Сверхъ того уцѣлѣлъ еще кто-то.

Главнокомандующій, получая безпрестанно печальныя донесенія съ четвертаго отдѣленія, поѣхалъ самъ убѣдиться въ положеніи дѣлъ.

Ничто не могло остановить рыцарской отваги князя. Онъ доѣхалъ до второй линіи, долго наблюдалъ за ходомъ дѣла, и, убѣдясь въ чрезвычайныхъ трудностяхъ, которыя слѣдовало преодолѣть при отнятіи кургана, въ невѣроятности успѣха, въ томъ, что тутъ вновь прольются рѣки крови и прольются безъ пользы, потому что оставленіе южной стороны Севастополя было уже дѣломъ рѣшеннымъ; убѣдясь, что занятіе Французами одного кургана не помѣшаетъ намъ отступить, тѣмъ болѣе, что третій бастіонъ, такъ сказать, ключъ отступленія, въ нашихъ рукахъ **), приказалъ не возобновлять атаки на курганъ, и отвести часть войскъ отъ второй линіи, во избѣжаніе напрасной потери въ людяхъ.

Тутъ палъ смертельно раненный, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ князя, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба, баронъ Мейендорфъ, въ моментъ, когда онъ бросился направить фурштата, везшаго снаряды, на ту дорогу, по которой ему слѣдовало ѣхать. Князь возвратился на Николаевскую батарею.

---

*) Вотъ какъ, по словамъ Французовъ раненъ былъ генералъ Боске. Въ самомъ началѣ атаки кургана было взято у насъ нѣсколько плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ. Ихъ всѣхъ притащили на Камчатскій люнетъ къ генералу Боске, который, стоя въ толпѣ плѣнныхъ и конвойныхъ, сталъ разспрашивать у нихъ разныя подробности, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ разорвало бомбу и перебило и переранило большую часть плѣнныхъ и конвойныхъ, которые какъ бы защитили собою генерала, принявъ на себя удары, на него стремившіеся. Но вскорѣ послѣ этого, когда Боске смотрѣлъ на ходъ битвы, окруженный своимъ штабомъ, вновь разорвало бомбу, въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ, и осколкомъ поразило его въ руку, около плеча. Огонь, должно быть, былъ жаркій, когда даже гидонъ генерала Боске былъ весь избитъ пулями и осколками.

**) Конечно, если бы третій бастіонъ былъ взятъ, то неизвѣстно, чѣмъ бы еще кончилось наше отступленіе! По крайней мѣрѣ Англичане, по своей кровожадности, не могли бы остаться зрителями онаго, но, открывъ огонь съ третьяго бастіона, произвели бы опустошеніе въ нашихъ полкахъ лѣвой половины, которымъ оставался бы одинъ путь отступленія: пароходы и суда.

Наши до сумерокъ занимали домики сѣверной покатости Малахова кургана, дѣятельно перестрѣливались съ Французами въ горжѣ.

Мгновенно пошла по гарнизону бродить смутная молва о приказаніи оставить южную сторону. Вскорѣ эта печальная вѣсть подтвердилась оффиціальнымъ распоряженіемъ. Велѣно было ждать диспозиціи.

Какъ мрачно стало на душѣ, какъ тяжко стало на сердцѣ защитниковъ Севастополя! На князя не роптали, нѣтъ! Его высокую душу знали всѣ; всѣ вѣровали въ него, всѣ знали, что онъ болѣе всѣхъ насъ любитъ Русь святую, и что онъ не сдѣлаетъ ничего, не согласнаго съ ея честію... Всѣ видѣли необходимость оставить южную сторону, на которой рано или поздно истолчетъ всѣхъ насъ роковой *пестъ* *). Всѣ ясно видѣли, что нѣтъ для насъ счастливаго исхода изъ очарованнаго полукруга, въ который мы заключены силою обстоятельствъ, какъ только черезъ бухту, что тамъ, на Сѣверной сторонѣ, горитъ еще для насъ звѣзда надежды... Но все-таки всѣ съ горестію приняли вѣсть объ отступленіи.

Народная гордость говорила въ насъ. Какъ уступить врагу святыя могилы нашихъ братій, какъ отдать укрѣпленія, построенныя нашими героями-товарищами изъ праха, смоченнаго ихъ кровью; орудія, груды снарядовъ!.. Вѣдь они увезутъ съ собою все на показъ міру, какъ трофеи, мечемъ у насъ вырванные, какъ доказательства торжества надъ Россіей— отъ вѣка непобѣжденной. А домы, а эти громадныя зданія... Враги вѣдь поселятся въ нихъ, будутъ смѣяться надъ нами, скажутъ: Русскіе приготовили намъ зимнія квартиры! Но нѣтъ, не бывать этому! Мы умѣемъ не давать трофеевъ врагу; мы воскресимъ пожаръ Московскій; мы поднимемъ на воздухъ все, что только заслуживаетъ особаго вниманія!.. Пламя, дымъ и пепелъ—вотъ что наслѣдуютъ послѣ насъ враги въ Севастополѣ!

Въ четыре часа начальники войскъ отдѣленій оборонительной линіи получили диспозицію выступленія изъ Севастополя **).

---

*) Въ послѣдніе пять мѣсяцевъ защиты выбыло изъ фронта въ Севастопольскомъ гарнизонѣ убитыми, ранеными и контуженными: офицеровъ 1,440, нижнихъ чиновъ 71,690 человѣкъ.

«Въ послѣдніе дни обороны Севастополя, говоритъ генералъ Богдановичъ (Idem стр. 127), мы теряли отъ дѣйствія осадной артиллеріи по 2,500 человѣкъ въ сутки. Стоило непріятелю продолжать бомбардированіе еще дней 15 или 20 (и для этого только подвезти по болѣе снарядовъ), и мы были бы принуждены, и безъ штурма, очистить Севастополь. По всей вѣроятности, союзники не понимали нашего положенія, либо увлеклись славолюбивымъ желаніемъ—взять городъ съ боя. Иначе—они не пожертвовали бы такимъ огромнымъ числомъ людей, имѣя возможность овладѣть Севастополемъ посредствомъ бомбардированія съ несравненно меньшею потерею».

«Огонь союзниковъ (говоритъ Константиновъ Idem, Рус. Ст. Нояб. 1875), съ 24 августа по самый моментъ штурма, былъ такъ силенъ, что большая часть мерлоновъ была срыта, засыпанныя землею орудія не въ состояніи были дѣйствовать, прислуга перебита и даже не было возможности убирать тѣла убитыхъ. Въ сутки выбывало изъ гарнизона и артиллерійской прислуги болѣе чѣмъ по 2,000 человѣкъ.

**) У меня доселѣ хранится диспозиція этого отступленія, подписанная княземъ В. И. Васильчиковымъ.

Вотъ что мнѣ разсказывалъ по поводу этой диспозиціи бывшій жандармскій штабъ-офицеръ на Самарско-Оренбургской желѣзной дорогѣ, полковникъ Сербинъ (умершій въ Самарѣ, въ 1877 году).

Движеніе черезъ мостъ должно было начаться въ половинѣ седьмаго. Первымъ перейдетъ Украинскій полкъ, за нимъ вся артиллерія, что была у Николаевскихъ казармъ. Въ семь часовъ пойдетъ на мостъ большая часть войскъ перваго отдѣленія и артиллерійская прислуга батарей, а остальныя войска перваго и втораго отдѣленій пойдутъ въ 10 часовъ, заклепавъ свои орудія и уничтоживъ ихъ принадлежности, съ такимъ однако разсчетомъ, чтобы изъ каждыхъ четырехъ орудій одно могло дѣйствовать до послѣдняго мгновенія. Баррикады правой стороны будутъ заняты войсками, подъ начальствомъ генералъ-маіора Хрущева. Тобольскій полкъ отъ южной бухты до библіотеки; Волынскій около библіотеки, на горѣ; Минскій отъ праваго фланга Волынскаго полка до артиллерійской бухты. Въ семь часовъ начнутъ отходить войска третьяго отдѣленія, полкъ за полкомъ, по Екатерининской улицѣ къ Николаевскимъ казармамъ: Охотскій, Камчатскій черезъ Пересыпку; 1-я бригада 11-й дивизіи и 2-я бригада 5-й дивизіи новою дорогою, по мосту черезъ южную бухту, а въ десять часовъ, по той же дорогѣ, 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи, Минско-

---

Надо замѣтить, что полковникъ Сербинъ Крымскую кампанію началъ мичманомъ, и состоялъ въ должности сигнальнаго офицера при извѣстномъ Корниловѣ. Когда, послѣ Алминскаго дѣла, князь Меншиковъ назначилъ Корнилова начальникомъ сѣверной стороны Севастополя, какъ пункта считавшагося тогда самымъ опаснымъ, на который ожидалась атака всей арміи союзниковъ, то Корниловъ, не желая подвергать своихъ штабныхъ офицеровъ, безцѣльно, напрасной опасности, имѣя ихъ всѣхъ при себѣ, особымъ, письменнымъ приказаніемъ, далъ каждому изъ нихъ отдѣльныя порученія, разославъ ихъ, такимъ способомъ, по разнымъ пунктамъ Севастополя. При этомъ назначеніи, мичмана Сербина Корниловъ оставилъ при себѣ, на Сѣверномъ укрѣпленіи. Послѣ смерти Корнилова, Сербинъ состоялъ до конца кампаніи, будучи уже лейтенантомъ, при князѣ В. И. Васильчиковѣ, по званію его начальника штаба Севастопольскаго гарнизона.

Обращаюсь къ разсказу Сербина.

Диспозиція войскамъ на случай отступленія изъ Севастополя была написана до штурма; ее писалъ Сербинъ, подъ диктовку князя Васильчикова; диспозиція эта была разсмотрѣна начальникомъ гарнизона, графомъ Д. Е. Остенъ-Сакеномъ, и апробована главнокомандующимъ, княземъ М. Д. Горчаковымъ.

Въ 5-мъ часу утра, 28-го августа 1855 г., генералъ-адъютантъ П. Е. Коцебу пришелъ въ Николаевскія казармы и приказалъ Сербину проводить его къ князю Васильчикову. Тутъ генералъ Коцебу сталъ дѣлать замѣчанія Васильчикову за то, что войска столпились у моста,—обстоятельство, по замѣчанію генерала Коцебу, могущее имѣть весьма дурныя послѣдствія, въ случаѣ, если непріятель перейдетъ въ наступленіе. Очевидно, что въ темнотѣ генералъ Коцебу принялъ остатки войскъ, смѣшавшихся съ отступавшими жителями и различными отсталыми обозами, за главную массу войскъ и полагалъ, что таковая еще не перешла моста. «А вы ручаетесь,—продолжалъ генералъ Коцебу упрекать князя Васильчикова,—что отступленіе будетъ произведено быстро! Слагаю съ себя всякую отвѣтственность! Посмотрите—даже раненые еще не увезены! Послѣ этого я ни за что не отвѣчаю!»... и генералъ Коцебу ушелъ изъ казармы.

Князь Васильчиковъ, выслушавъ такіе рѣзкіе упреки, подумалъ, что можетъ быть дѣйствительно распоряженіе объ отступленіи произведено не съ надлежащимъ успѣхомъ и тутъ же послалъ Сербина къ мосту удостовѣриться въ сущности дѣла. Воротясь, Сербинъ доложилъ князю, что только одинъ полкъ еще не перешелъ бухты, а также части обозовъ, смѣшанныя толпы солдатъ различныхъ парковъ и командъ и наконецъ раненые, дѣйствительно, еще не всѣ увезены,—такіе, которые не могутъ идти сами. Князь Васильчиковъ немедленно вышелъ къ полку, предложилъ полковому командиру разсчитать полкъ по отдѣленіямъ и затѣмъ приказалъ каждому взять по два раненыхъ, которыхъ солдаты и понесли въ своихъ рядахъ, на кроватяхъ; тѣ раненые, которые могли ходить, частію перешли на сѣверную сторону черезъ мостъ, частію были забраны пароходомъ, подошедшимъ къ Графской пристани.

Волынскій резервный баталіонъ и другія болѣе устроенныя части, 8-я пѣхотная дивизія, въ семь часовъ вечера садится на суда въ Ушаковой балкѣ, а 1-я бригада 5-й дивизіи, 9-я и 15-я дивизіи въ то же время садятся на суда у Павловскаго мыска; 4-я пѣхотная дивизія садится на суда въ десять часовъ вечера въ Аполлоновой балкѣ.

Баррикады на лѣвой половинѣ Севастополя занимаются съ половины седьмаго вечера полками 12-й дивизіи, баталіономъ патронщиковъ и полкомъ Его Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича; ихъ будутъ ждать суда на Павловскомъ мыскѣ и подъ *краномъ*.

На всѣхъ отдѣленіяхъ должно оставить охотниковъ, которые будутъ поддерживать ружейный огонь съ бастіоновъ, чтобы по возможности замаскировать наше отступленіе. На каждомъ отдѣленіи оставляются саперный и флотскій офицеры для производства взрывовъ, которые должны начаться по сигналу съ малаго бульвара, для чего будутъ пущены первоначально двѣ ракеты вмѣстѣ, а потомъ двѣ ракеты одна за другою *).

Приготовленія къ отступленію кипѣли уже въ шестомъ часу. Все, что только можно было, торопились отсылать за бухту. Пароходы ходили безпрестанно, несмотря на продолжавшуюся яростную бомбардировку, поддерживаемую

---

*) Еще одно слово по поводу этой диспозиціи. Изъ отрывка изъ записокъ князя В. И. Васильчикова (Русь. 1880 № 2) усматриваемъ, что въ разговорѣ съ графомъ Остенъ-Сакеномъ при переѣздѣ черезъ мостъ, князь Васильчиковъ, указывая на отвѣтственность какой онъ могъ подвергнуться при неудачѣ отступленія, сказалъ: «Вы изволите знать, что диспозиція объ отступленіи арміи, составленная въ штабѣ гарнизона, не была просмотрѣна никѣмъ изъ высшихъ начальниковъ въ томъ видѣ, какъ была окончательно редактирована, и что по приказанію главнокомандующаго она разослана войскамъ за моею подписью. Что же было бы со мною, если бы дѣло неудалось?»

Между тѣмъ, въ началѣ того-же «Отрывка», въ которомъ значится вышеприведенныя слова, князь Васильчиковъ, разсказывая какъ онъ засталъ князя Горчакова диктующимъ диспозицію отступленія, остановилъ его словами: «Я уже имѣлъ честь докладывать Вашему сіятельству, что такая диспозиція (объ отступленіи изъ Севастополя) уже составлена, утверждена начальникомъ гарнизона и вами одобрена.—Вамъ стоитъ только приказать, и черезъ часъ диспозиція будетъ готова въ нужномъ числѣ экземпляровъ и въ томъ видѣ, въ какомъ я уже имѣлъ честь представить ее на ваше благоусмотрѣніе.

Какъ согласовать это противорѣчіе въ словахъ князя Васильчикова объ одной и той же диспозиціи? Заявленіе относительно существующей уже диспозиціи сдѣлано княземъ Васильчиковымъ главнокомандующему въ присутствіи графа Остенъ-Сакена. Кто зналъ графа Дмитрія Ерофѣевича, его пунктуальность, его серіозное отношеніе къ каждому служебному дѣлу, тотъ невольно усомнится, чтобы онъ, при всей своей довѣренности къ князю Васильчикову, допустилъ бы совершеніе столь важнаго акта, какъ отступленіе изъ Севастополя, по диспозиціи, имъ не разсмотрѣнной и не утвержденной. А если только графъ Остенъ-Сакенъ разсмотрѣлъ эту диспозицію и утвердилъ дѣйствительно, какъ самъ князь Васильчиковъ доложилъ главнокомандующему, то князю Васильчикову нечего было бояться исполненія этой диспозиціи, за которое онъ не могъ-бы подвергнуться отвѣтственности ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ отвѣтственность за эту диспозицію всецѣло уже лежала на графѣ Сакенѣ, несомнѣнно высшемъ начальникѣ отступавшей арміи, составлявшей гарнизонъ Севастополя, имѣвшій графа Остенъ-Сакена своимъ начальникомъ. Тѣ варіанты, которые дѣлалъ для каждаго отдѣленія оборонительной линіи князь Васильчиковъ, диктуя диспозицію съ черновой, конечно, обусловливались различными мелочными обстоятельствами, въ родѣ перемѣщенія нѣкоторыхъ частей войска, послѣ составленія диспозиціи, съ одного пункта на другой, или введенія нѣкоторыхъ частей войскъ въ Севастополь въ самый день штурма, а потому не могли имѣть существеннаго значенія въ общей системѣ отступленія, изложенной въ диспозиціи, апробованной высшею военною властью, по словамъ самого князя Васильчикова.

нами и производившую опустошеніе въ рядахъ Французовъ, преимущественно толпившихся на Малаховомъ курганѣ.

Если бы большая часть орудій 3-го бастіона, изъ числа могущихъ дѣйствовать по кургану, не была заклепана Англичанами, то потеря французской арміи на этомъ пунктѣ была бы еще значительнѣе. За то уцѣлѣвшія орудія не умолкали, будучи направлены на курганъ, такъ же какъ и орудія пароходовъ, вошедшихъ въ доки и бросавшихъ снаряды съ изумительною дѣятельностью.

Но вотъ уже совершенно смерклось. Огонь непріятельскій сталъ замирать; наши отошли изъ домиковъ кургана ко второй оборонительной линіи. Нѣсколько удальцовъ зуавовъ дерзнули перейти ровъ горжи, и побѣжали на грабежъ въ ближайшіе домики. Сбросили орудія съ платформы Павловскаго форта. Всѣхъ раненыхъ на Корабельной сторонѣ на Павловскую батарею.

Началось знаменитое отступленіе, которому не найдешь подобнаго въ исторіи борьбы народовъ.

Главнокомандующіе арміями спѣшили послать депеши своимъ правительствамъ, извѣщая ихъ о происшедшемъ въ этотъ достопамятный день.

Первая депеша Пелисье получена въ Варнѣ, въ тридцать пять минутъ четвертаго часа утра; вотъ ея содержаніе: „въ полдень произведенъ штурмъ Малахова. Этотъ редутъ и второй бастіонъ (Redan du Carenage) были взяты нашими храбрыми солдатами, съ восхитительнымъ увлеченіемъ, при крикахъ: „Vive l'Empereur!“ Мы тотчасъ постарались утвердиться на этихъ пунктахъ и успѣли утвердиться на Малаховѣ. Мы не могли удержать втораго бастіона, по многочисленности непріятельской артиллеріи, уничтожавшей въ самомъ началѣ всѣ наши работы на этомъ пунктѣ. Но эта артиллерія будетъ разбита немедленно, лишь только устроится наше помѣщеніе на Малаховомъ; та же участь постигнетъ и „Большой редантъ“, исходящій уголъ котораго наши храбрые союзники взяли съ обычнымъ ихъ мужествомъ. Но, какъ и на второмъ бастіонѣ, они должны были уступить непріятельской артиллеріи *) и сильнымъ резервамъ. При видѣ нашихъ орловъ, парящихъ надъ Малаховымъ, генералъ де-Саль произвелъ двѣ атаки на центральный бастіонъ. Онѣ не удались; наши полки возратились въ свои траншеи. Потеря наша значительна, я еще не могу ее опредѣлить, но она вполнѣ вознаграждена нашимъ успѣхомъ, послѣдствія котораго огромны!“

На штурмѣ 27-го августа, по показаніямъ французскихъ писателей, у нихъ собственно въ этотъ незабвенный день убито пять генераловъ, а именно: де Сенъ-Поль **) (de Saint Pol), де Мароль (de Marolles), Риве

---

*) Какъ на второмъ бастіонѣ, такъ и тутъ *артиллерія ни въ чемъ не виновата:* Французы со втораго бастіона, а Англичане съ третьяго выбиты, какъ мы видѣли выше, *штыками, а не артиллеріею.*

**) Во время переѣзда изъ Мальты въ Крымъ, генералъ Сенъ-Поль говорилъ ѣхавшему съ нимъ священнику (de Damas. Idem, c. 303): «Я не женатъ. Я еще молодъ и боюсь старости. Какъ часто старики дѣлаются въ тягость окружающимъ! Я не просился

(Rivet), де Понтевэ (de Ponteves), Бретонъ (Breton); штабъ-офицеровъ 24; оберъ-офицеровъ 116; нижнихъ чиновъ 1,489; ранено генераловъ 4; штабъ-офицеровъ 20; оберъ-офицеровъ 224; нижнихъ чиновъ 4,259; пропало безъ вѣсти: штабъ-офицеровъ 2; оберъ-офицеровъ 8; нижнихъ чиновъ 1.400. Итого выбыло изъ строя 7,551 человѣкъ.

Главнокомандующій англійскою арміею, генералъ Симпсонъ, извѣщалъ правительство королевы слѣдующею депешею о торжествѣ Французовъ и о своей неудачѣ.

„*Суббота 7 сентября (27 августа), 11 часовъ 35 минутъ вечера.*

Союзники атаковали Севастопольскія оборонительныя работы сегодня въ полдень.

Штурмъ Малахова увѣнчался успѣхомъ и укрѣпленіе это во власти Французовъ.

Наша атака на редантъ не удалась.“

У Англичанъ на этомъ штурмѣ погибло 2,500 человѣкъ, въ томъ числѣ ранено три генерала: Фанъ Страунбензее, Варренъ и Шиллей.

У Піемонтцевъ въ тотъ день выбыло изъ строя до ста человѣкъ.

Генералъ ла-Мармора давалъ своему королю слѣдующій отчетъ:

„*Кадыкіой, 9 сентября.*

„Штурмъ Малахова, произведенный вчерашняго числа, увѣнчался блистательнымъ успѣхомъ. Малахова башня взята корпусомъ генерала Боске. Наши солдаты хотя не участвовали въ штурмѣ, однако имѣли сорокъ человѣкъ выбывшими изъ строя, во время нахожденія въ траншеяхъ.

Французы и Англичане шли на штурмъ геройски. Ночью Русскіе отступили, предавъ городъ пламени, взорвавъ укрѣпленія, зданія и потопивъ свои послѣдніе корабли“.

Главнокомандующій генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ доносилъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, по телеграфу.

„Всеподданнѣйшее донесеніе.

27 Августа. Въ 10 часовъ по полудни. Войска ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА защищали Севастополь до крайности, но болѣе держаться въ немъ за адскимъ огнемъ, коему городъ подверженъ, было не возможно. Войска переходятъ на Сѣверную сторону, отбивъ окончательно 27 августа шесть приступовъ изъ числа семи, поведенныхъ непріятелемъ на Западную и Корабельную стороны, только изъ одного Корнилова бастіона не было возможности его выбить.

въ Крымъ, но прошу Бога дать мнѣ возможность служить тамъ, пока моя шпага будетъ полезна Франціи; затѣмъ я буду счастливъ, если мнѣ придется умереть на полѣ битвы прежде, чѣмъ моя жизнь сдѣлается безполезною.»

Враги найдутъ въ Севастополѣ однѣ окрававленныя развалины *)".

Увидимъ, сдержалъ ли твердое слово свое русскій вождь.

Происшедшее за симъ выше всякаго описанія.

Ежечасно, ежеминутно картина измѣняла свой видъ, являясь изумленнымъ взорамъ въ поразительномъ величіи, грозная, неожиданная. Представьте нарочито мрачную ночь, на морскомъ берегу, посреди нагроможденныхъ камней, полуразрушенныхъ зданій и развалинъ. Со всѣхъ сторонъ стекаются къ одному пункту, будто тѣни, толпы людей въ изорванныхъ одеждахъ, въ крови, въ грязи, закоптѣлые въ боевомъ дыму. Одни едва бредутъ, чуть не падая подъ тяжестью оружія—до того измучены они; другіе несутъ десятки мертвыхъ, третьи тащатъ изможденныхъ страдальцевъ, облитыхъ кровью, съ оторванными членами; иные везутъ на рукахъ тяжелыя пушки; тамъ на узкомъ мосту рѣжутъ постромки у запряженныхъ подъ орудія лошадей, и молча, пасмурно, перекрестясь, сталкиваютъ орудія въ море, будто хоронятъ любимаго товарища. Всѣ удручены, всѣхъ гнететъ свинцовое горе, и если изъ чьихъ устъ вырвется слово-другое, это слово проклятія, командный крикъ начальника, или страдальческій вопль умирающаго!..

Гдѣ вы?.. Что съ вами?.. Какой страшный вы видите сонъ!.. Что это?... Огненныя дуги бороздятъ небо... Звѣзды падаютъ на васъ... Громы небесные раздаются... Край доселѣ мрачнаго горизонта покрывается пламенною кровавою пеленою... Или загорается вселенная?!.. Или настала кончина вѣка сего!!? Потекли огненныя рѣки, расплавилась земля и пламеннымъ потокомъ поднялась къ небесамъ, медленно, величественно, ужасно, ежеминутно охватывая все большую и большую часть неба, наконецъ будто воспламенивъ все окрестное воздушное пространство!

Не сонъ ли это? Нѣтъ, дѣйствительность—это взрывъ втораго бастіона!

Страшные громы все потрясли, все заглушили: и трескъ лопающихся бомбъ и ропотъ, и стонъ тысячей народа, толпящагося на трепещущемъ мосту и ревъ морской волны, будто кипящей яростью, и скрипъ кораблей, медленно, тихо, терзая жалостью душу зрителя, погружавшихся на дно морское.

Едва блеснулъ ослѣпительный огонь взрыва, кровавымъ отблескомъ мгновенно озаривъ страшную картину нашего отступленія, съ ея ужасными

---

*) Изъ оффиціальнаго донесенія главнокомандующаго князя Горчакова о штурмѣ 27 августа усматриваемъ, что мы при этомъ событіи понесли слѣдующую потерю:

	Штабъ-оф.	оберъ-оф.	ниж. чин.
Убитыми	4	55	2625.
Ранеными	26	206	5826.
Контуженными	9	38	1138.
Безъ вѣсти пропавшими	—	24	1739.
Итого выб. изъ стр.	39	323	11328.

Кромѣ того у насъ убиты генералъ-маіоры: фонъ-Буссау и Юферовъ, смертельно раненъ генералъ-маіоръ Лысенко, тяжело ранены генералъ-лейтенанты Хрулевъ и Мортинау; раненъ генералъ-маіоръ Зуровъ и контуженъ генералъ-маіоръ Носовъ. «Сборникъ извѣстій» и пр. Н. Путилова. Книжка 29. 1857. Спб. Описаніе хода обороны Севастополя съ 5 по 28 августа, доставленное г.-ад. княземъ Горчаковымъ, ст. 357 и 358.

подробностями, и горестныя слезы многихъ отступающихъ, разстающихся съ роднымъ Севастополемъ, и кровь ихъ ранъ, и яростную блѣдность героевъ, готовыхъ сейчасъ возвратиться, чтобы лучше умереть въ толпѣ враговъ, чѣмъ видѣть ихъ торжество; едва, говорю, погасъ этотъ чудный отблескъ на реяхъ утопающихъ судовъ, на толпахъ народа, покрывающаго палубы безпрестанно снующихъ пароходовъ и тѣснящагося у двухъ мостовъ и на мостахъ и въ величайшемъ безпорядкѣ черезъ нихъ перебирающагося; на серебряномъ гребнѣ волны бушующей бухты, ежеминутно готовой разорвать перехватывающій ее мостъ; на выходящей изъ мрака полуразрушенной башнѣ Малахова кургана, будто саваномъ, одѣтой флагомъ Франціи; на потрясающихъ душу группахъ раненыхъ, покрывающихъ площадку; на дворѣ Павловскаго форта и на всей его ближайшей окрестности,—какъ потекла другая огненная рѣка *привода*, и совершился взрывъ Перваго бастіона.

Явленіе, подобное настоящему, я видѣлъ только въ знаменитомъ твореніи Брюлова.

Если можно съ чѣмъ сравнить послѣдній день Севастополя, такъ только съ „Послѣднимъ днемъ Помпеи“. Какъ похожи группы, тѣснящіяся къ мосту, на тѣ, которыя бѣгутъ изъ погибающаго города! Но какая разница: тамъ несли драгоцѣнности, здѣсь—оружіе; тамъ—жемчугъ, здѣсь—свинецъ; тамъ роскошныхъ женъ и дѣвъ, здѣсь—трупы товарищей, умирающихъ братій; тамъ въ сердцахъ бѣгущихъ было отчаяніе, здѣсь—надежда отмстить врагу пламенемъ за пламя, кровью за кровь...

Какъ *тамъ* грозила смерть со всѣхъ сторонъ, такъ она грозитъ и *здѣсь*: вдругъ разорвется мостъ подъ тяжестью народа или отъ усилій бури! Вдругъ спустится здѣсь, а не въ сторонѣ, несущаяся надъ вами бомба!.. Вдругъ врагъ перейдетъ въ наступленіе и другаго не будетъ исхода, какъ плѣнъ или смерть!.. Конечно, въ настоящую минуту никто не затруднится въ выборѣ...

Но вотъ погруженное послѣ втораго взрыва еще въ большій мракъ пространство вновь озарилось роковымъ свѣтомъ: взлетѣлъ третій бастіонъ и такъ далѣе... далѣе, до разсвѣта, совершилось *тридцать пять* взрывовъ!!

Пожаръ охватилъ всю Екатерининскую; догорали Александровскія казармы; пылали дома на Пересыпкѣ; артиллерійская слободка; морскія казармы; часть Корабельной; долго будто погребальный факелъ, горѣлъ „*Кранъ*“, поставившій на своемъ вѣку столько мачтъ на черноморскіе корабли!..

Не таковъ ли былъ пожаръ Московскій... И тѣни мелькающихъ между раскаленными зданіями нашихъ зажигателей не воскрешаютъ ли въ памяти славныхъ тѣней Фигнеровъ и Давыдовыхъ, и не такъ же ли памятенъ будетъ въ исторіи этотъ страшный пожаръ какъ тотъ, вѣчно незабвенный, изъ огненнаго вихря котораго вознеслась слава и торжество Россіи! Пожаръ Московскій испепелилъ цѣпи, принесенныя для нашей отчизны двадцатью народами. Въ пожарѣ, предъ нами пылающемъ, закалится изъ Россіи булатъ, на грозную месть вѣковымъ ея врагамъ!

На разсвѣтѣ взлетѣлъ Александровскій фортъ. Дневной свѣтъ побѣдилъ: пламя взрыва не озарило пространства, а только ярко блеснуло въ клубахъ черной массы, которая поднялась къ облакамъ и разсыпалась каменнымъ каскадомъ...

Земля колыхнулась отъ громоваго удара.

Такъ кончилась на сегодня проповѣдь Севастопольская, проповѣдь всемірная, которая, по вѣщему слову Иннокентія, „произносилась только на землѣ, а была сложена не на землѣ, а на небесахъ!“ И этотъ новый предпослѣдній взрывъ тяжко отозвался въ душѣ моей, хотя съ каждымъ болѣзненно сжималось сердце. Громы и раскаты этихъ взрывовъ казались глубокими стонами матери Россіи по ея возлюбленномъ мученикѣ Севастополѣ!..

28 августа. Утро.

Какую небывалую картину увидѣло сегодня взошедшее солнце, лучи котораго едва пробивались сквозь дымныя тучи, нависшія надъ землей!

Давно ли ревѣла ужасная кононада, и вотъ не слышно нигдѣ ни одного выстрѣла. Огненная буря свирѣпѣетъ на свободѣ въ покинутомъ Севастополѣ. Порою громады камня и земли взлетаютъ къ облакамъ; другія будто таютъ отъ пламени. Повсюду разрушеніе, огонь, клубы дыма и пепла, кровь и смерть...

По бухтѣ еще носится множество лодокъ. Пароходы перевозятъ послѣднія партіи охотниковъ, прикрывавшихъ отступленіе и поддерживавшихъ пожары. На южной сторонѣ уже не видно движенія; кое-гдѣ перебѣжитъ улицу запоздавшій матросъ; другой торопливо пройдетъ по площади. Видна еще суматоха у Павловскаго мыска; тамъ оставлено болѣе пятисотъ раненыхъ. Ихъ перевозятъ теперь по согласію съ Французскимъ главнокомандующимъ.

9 часовъ.

Разводятъ мостъ; обрываются послѣднія нити, связывающія насъ съ Севастополемъ!.. *)

Переходя мостъ, полки перемѣшались между собою въ ночной темнотѣ. Измученные, истерзанные предшествовавшими событіями, они не могли идти далѣе, бивакировали неподалеку отъ моста, поднялись съ разсвѣтомъ и, собираясь по полкамъ, потянулись къ назначеннымъ пунктамъ. Было чѣмъ полюбоваться, глядя на этихъ героевъ, на ихъ необыкновенныя лица, за-

*) Разведенъ этотъ мостъ, какъ говоритъ со словъ генерала Бухмейера «Севастополецъ», въ статьѣ: «Кто послѣдній оставилъ Севастополь?» («Русск. Старина», май 1875), такимъ способомъ: были привязаны канаты къ каждому участку и на концахъ, на Сѣверной было поставлено по 100 солдатъ. Когда, по условію, Бухмейръ, находившійся на первомъ участкѣ, перейдя на второй, махнулъ платкомъ, его притянули къ берегу. Съ генераломъ Бухмейеромъ переправились черезъ бухту послѣдними капитанъ Воробьевъ бывшій старшимъ адъютантомъ штаба Севастопольскаго гарнизона и генералъ Хрущевъ, который былъ оставленъ командующимъ арьергардомъ на правой половинѣ оборонительной линіи и естественно отступалъ послѣднимъ; Бухмейеръ, увидя его, сказалъ: «Вы заключаете шествіе, вы точка; развожу мостъ». Хрущевъ. Idem, ст. 153.

каленныя *огнемъ* сраженій и южнымъ солнцемъ, обросшія бородами, на ихъ изорванныя одежды, обрызганныя кровью; на свѣжія еще раны многихъ; на пыль и грязь, ихъ покрывавшія; на пороховую копоть, ихъ испачкавшую, отъ безпрестаннаго ружейнаго огня и безпрерывнаго скусыванія патроновъ; на почернѣлыя ружья; на сломанные штыки у многихъ; на мрачное состояніе души каждаго, проявлявшееся въ движеніяхъ и рѣчахъ отступавшихъ, въ выраженіи ихъ лицъ и очей... Невыразимымъ чувствомъ тоски, жажды, крови и мести наполнялась душа при видѣ этихъ грозныхъ боевыхъ останковъ, шедшихъ изъ пылающихъ развалинъ Севастополя съ закинутыми ружьями; какъ нѣкогда возвращались съ битвы въ Доростолъ ратники Святослава, закинувъ за спину щиты, по выраженію лѣтописца, будто *псы съ ловитвы*.

Севастополь окруженъ со стороны непріятеля кавалерійскою цѣпью, стоящею въ нѣкоторомъ разстояніи отъ передовыхъ его укрѣпленій за тѣмъ, вѣроятно, чтобы не пускать въ пылающій городъ мародеровъ или любопытныхъ, могущихъ сдѣлаться жертвою засады, или взрыва.

Не та же ли осторожность, соединенная съ чрезвычайнымъ утомленіемъ, потерями и вообще разстройствомъ войскъ, была причиною вчерашняго бездѣйствія Французскаго главнокомандующаго? Не справедливо ли замѣчали солдаты, толкуя сегодня у бивачныхъ костровъ о минувшемъ днѣ: „ишь, подумаешь, какъ ловко наши надули Француза-то: заткнули ему глотку Малаховымъ курганомъ! на, подавись! А сами по добру по здоровому да и на Сѣверную!“

„А что ты думаешь, говорилъ другой, кабы онъ насъ *поперъ* вчера, когда половина нашихъ была уже *здѣсь*, а половина еще *тамъ*, вѣдь круто бы намъ пришлось?“

„Что и говорить, иной въ горячкѣ юркнулъ бы безпремѣнно съ моста въ бухту!“

Дѣйствительно, положимъ Пелисье не могъ наступать на насъ большими силами, ясно видя, по взрывамъ, пожарамъ и необыкновенному шуму, обличавшему движеніе, наше отступленіе; не могъ, опасаясь наткнуться на мину; но почему онъ не послалъ нѣсколько партій охотниковъ проникнуть сколь можно далѣе въ Севастополь развѣдать о происходящемъ и тревожить насъ при отступленіи? Этимъ командамъ стоило только завязать перестрѣлку съ нашею цѣпью и, по возможности, тѣснить ее, чтобъ достигнуть до значительныхъ результатовъ.

Подобное дѣйствіе союзниковъ до крайности затруднило бы наше отступленіе, увеличило бы его торопливость; доставило бы неминуемо въ руки врага множество трофеевъ, оружія, вещей, плѣнныхъ, даже артиллерію. Доказательствомъ этому то, что, отступая *безъ* преслѣдованія, мы должны были частію покинуть въ Севастополѣ, частію потопить 92 полевыхъ мѣдныхъ орудія, множество лошадей, полуфурковъ (бывшихъ на Южной сторонѣ для возки раненыхъ, больныхъ, снарядовъ, зарядовъ, воды, туровъ и тому подобнаго), разные запасы, значительное количество сухарей, крупы и тому

подобное, чего не успѣли, или не могли сжечь, какъ, напримѣръ, провіантскіе запасы, находившіеся въ каменныхъ зданіяхъ доковыхъ магазиновъ. Въ своемъ донесеніи Французскому правительству *), генералъ Пелисье говоритъ, что онъ не преслѣдовалъ насъ, опасаясь минъ, взлетавшихъ безпрестанно, и что поэтому же онъ не занялъ, тотчасъ по отступленіи нашемъ, нами покинутое пространное пожарище **).

Удовлетворяясь этимъ объясненіемъ союзнаго главнокомандующаго, можемъ ли не допустить мысли, что, сверхъ этихъ причинъ, были и другія, удержавшія союзниковъ на пунктахъ, ими занятыхъ днемъ? Не останавливало ли союзныхъ генераловъ опасеніе встрѣтить въ пылающихъ развалинахъ борьбу на жизнь и смерть? Они знали, что улицы Севастополя баррикадированы, что многіе дома укрѣплены, что гарнизонъ ожесточенъ, что начальники его преисполнены готовности умереть, и опасались своимъ наступленіемъ довести насъ до отчаянія и развить на окровавленныхъ стогнахъ разрушеннаго города борьбу безпримѣрную, исходъ которой могъ бы быть и не въ ихъ пользу.

Съ каждымъ часомъ все уменьшается число лодокъ, снующихъ по бухтѣ. Пароходы вовсе перестали ходить, притащивъ къ берегу части разобраннаго моста и перевезя раненыхъ съ Павловскаго мыска. Они стали на мѣста, заживо ими назначенныя для своихъ могилъ, и теперь кончаютъ свой разсчетъ съ міромъ: свозятъ, что только можно на берегъ, готовясь погрузиться.

Взрывъ въ Николаевскихъ казармахъ... Или неудаченъ онъ, или только частный—незначителенъ. Быть можетъ, онъ случайный: отсюда не видно никакого поврежденія форта.

Пожаръ продолжается на правой половинѣ Севастополя, преимущественно охваченной дымомъ и пламенемъ. Въ огнѣ вся Екатерининская улица,

---

*) Послано въ 8 часовъ вечера 28 августа, ст. ст.

**) 28 августа генералъ Пелисье отдалъ на Малаховомъ курганѣ слѣдующій приказъ арміи: «Солдаты! Севастополь палъ; взятіе Малахова заключило борьбу. Собственными своими руками врагъ взорвалъ свои оборонительныя укрѣпленія, сжегъ городъ, магазины, военныя заведенія, потопилъ въ бухтѣ остальные свои корабли. Оплотъ Русскаго могущества на Черномъ морѣ не существуетъ болѣе. Этими результатами вы обязаны нетолько вашей пламенной отвагѣ,—но и вашей неукротимой энергіи и постоянству во время продолжительной одиннадцати-мѣсячной осады. Никогда еще артиллеріи морской и сухопутной, инженерамъ, пѣхотѣ не предстояло сокрушить такія препятствія; никогда еще войска сихъ трехъ родовъ оружія не имѣли случая показать большаго мужества, знанія и рѣшимости. Взятіе Севастополя будетъ вашею вѣчною славою. Этотъ чрезвычайный успѣхъ возвышаетъ и облегчаетъ наше положеніе въ Крыму. Онъ дѣлаетъ возможнымъ возвращеніе въ свои дома и къ своимъ семьямъ людей, хотя выслужившихъ законный свой срокъ, но оставшихся въ нашихъ рядахъ. Благодарю ихъ именемъ Императора за преданность, которую они безпрестанно доказывали, и постараюсь устроить возможно скорѣйшее возвращеніе ихъ въ отечество. Солдаты! 8 сентября, когда развѣвались вмѣстѣ знамена арміи англійской, сардинской и французской, останется вѣчно памятнымъ днемъ. Въ этотъ день вы озарили орловъ своихъ новою и неувядаемою славою. Солдаты! Вы вполнѣ достойны Франціи и Императора. Главнокомандующій А. Пелисье».

дворянское собраніе, театръ, греческая церковь, библіотека; словомъ, весь амфитеатръ правой половины Севастополя является гигантскимъ пылающимъ костромъ, въ средѣ котораго, обвитыя облаками пожара, возвышаются невредимыми недоконченныя зданія морскаго собора, будто возстающая изъ мрака отчаянія, изъ бури несчастій и гибели, надежда на лучшую будущность.

По временамъ, изрѣдка проносится бомба на бухту или Сѣверную. Мы не отвѣчаемъ ни однимъ выстрѣломъ: замолчали до времени.

Вся Сѣверная покрыта массами народа: пѣхота, моряки, артиллеристы расположились, гдѣ кто успѣлъ, гдѣ кому показалось удобнѣе; развели огни, заварили кашу, кто въ большихъ артельныхъ котлахъ, а у которой команды таковой погибъ, въ котелкахъ и разной другой посудинѣ, но больше всего замѣтно было у костровъ манерокъ съ отломанными крышками, наполненныхъ толчеными сухарями, водою съ приличнымъ количествомъ соли: это лакомство нашего солдата—*тюря*. Въ трудныя минуты, когда по недостатку съѣстныхъ припасовъ или по другимъ *уважительнымъ* причинамъ, невозможно изготовить обѣдъ, *тюря* замѣняетъ солдату *щи* и *кашу*. Иные чинятъ одежду, чистятъ оружіе, моются, приводятъ себя въ порядокъ. Одни спятъ необыкновенно спокойно, первый разъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, заснувъ не подъ грозою смерти; другіе со слезами смотрятъ на пожаръ Севастополя, различая между пылающими зданіями и свои смиренные домишки, гдѣ бывало ждетъ ихъ столько радостей, столько сладкихъ часовъ, по возвращеніи изъ опаснаго морскаго плаванія...

Мало-по-малу части войска, разбросанныя по Сѣверной въ величайшемъ безпорядкѣ, стали собираться, а къ вечеру всѣ потянулись на мѣста, указанныя каждой.

Нашей дивизіи назначено стать на Инкерманскихъ высотахъ, у того историческаго домика, отъ котораго мы пошли въ сраженіе 24 октября 1854 года, гдѣ въ послѣдствіи жилъ нѣкоторое время главнокомандующій князь Горчаковъ, и гдѣ наконецъ мы удостоились счастія принимать, въ средѣ своей, 28 октября 1855 года, послѣ смотра нашей дивизіи съ ея дружинами, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича.

Прощай Севастополь, обширное кладбище героевъ, навѣки озаренное лучезарной славой безпримѣрной „защиты“! *)

29 августа. Сѣверная.

Мы стали собираться въ походъ какъ вновь поднявшееся отъ Севастополя черное, густое облако вознеслось на огромную высоту и съ страшнымъ трескомъ и громомъ опустилось каменнымъ дождемъ на вскипѣвшую бухту и

*) «Если прусской арміи случится защищать свои бруствера за короля и отечество, то однимъ только подражаніемъ защитѣ Севастополя можетъ она удостоиться украшеніемъ себя лавровымъ вѣнкомъ,» говоритъ прусскій военный писатель, цитированный графомъ Остенъ-Сакенъ въ «Оборонѣ и пр.» Idem. ст. 336.

на мѣсто, гдѣ, за нѣсколько передъ тѣмъ мгновеній, красовалось стройное зданіе Павловскаго форта: въ настоящую минуту на мѣстѣ его различаемъ въ зрительную трубку небольшую груду мусора и камня!..

Взрывъ этотъ былъ будто послѣднимъ вздохомъ умирающаго Севастополя. Конечно, вздохъ этотъ нашелъ себѣ живой отзывъ въ нашихъ сердцахъ; горько видѣть уничтоженіе всего, что стоило своимъ создателямъ столькихъ денегъ, трудовъ и усилій, столькихъ потоковъ крови своимъ защитникамъ, что стоитъ теперь такихъ слезъ матери Россіи! Но и то сказать: горьче было бы видѣть вражій флагъ на этихъ каменныхъ твердыняхъ; видѣть, какъ непріятель успокоился бы въ оставленномъ нами городѣ; какъ онъ пользовался бы всѣми удобствами городской жизни, подсмѣиваясь надъ нами, грѣющимися у бивачныхъ костровъ! Да будетъ, какъ сказалъ благородный вождь нашъ: „въ Севастополѣ врагъ найдетъ однѣ окровавленныя развалины!“

Пусть водрузили Англичане огромный королевскій флагъ на третьемъ бастіонѣ, ими *не взятомъ:* не тотъ это флагъ, что нѣкогда вѣялъ бѣдою враждебнымъ судамъ на волнахъ Трафальгара! Не тотъ это флагъ, что разносилъ ужасъ въ полкахъ старой гвардіи императорской на равнинахъ Ватерлоо! Бывало, онъ развѣвался на славу старой Англіи, теперь онъ вьется на позоръ ея, и смѣшно и жалко смотрѣть на него, гордо водруженнаго на *могилѣ* англійской арміи.

Пусть идутъ союзники искать теплыхъ квартиръ: торжествующіе полки ихъ не согрѣются на пожарищахъ севастопольскихъ, подъ ураганомъ нашихъ снарядовъ.

Трофеями восторжествовавшей надъ нами Европы *хоругвь* одной изъ Севастопольскихъ церквей, съ изображеніемъ Св. Георгія, признанная союзниками за какое-то *государственное знамя* *); обрывокъ стараго русскаго флага, забытаго въ какомъ-то морскомъ заведеніи, названный побѣдителями *флагомъ севастопольскаго порта*, будто бы снятымъ ими съ древка; заклепанныя или поврежденныя преимущественно чугунныя орудія, груды снарядовъ, гранитъ набережныхъ и доковъ; осколки, засѣявшіе городъ и окрестности; надгробные камни съ могилъ нашихъ героевъ-товарищей!..

Они увезутъ съ собою *все*, что только въ силахъ будутъ поднять, и тамъ, въ надменной Англіи, взгромоздятъ изъ этихъ матеріаловъ торжественный монументъ на диво свѣту...

Но не покажется ли безпристрасному мыслителю этотъ монументъ— могильнымъ памятникомъ воинской славы Англіи?! **)

---

*) См. приложеніе къ этому тому: «Какія знамена взяты у насъ въ Севастополѣ?»

**) Весьма интересны слѣдующія свѣдѣнія, встрѣчаемыя нами въ Historique du service de l'Artillerie относительно количества средствъ, употребленныхъ Французами при атакѣ Севастополя. Вотъ нѣкоторыя данныя.

У союзниковъ дѣйствовало болѣе 800 орудій и выпущено изъ нихъ не менѣе 1.600.000 выстрѣловъ, въ томъ числѣ Французами 1.104.447.

29 августа. Инкерманскія высоты.

Не долго же пришлось отдохнуть нашей истомленной дивизіи! Сегодня получена, на разсвѣтѣ, слѣдующая записка за подписью генералъ-адъютанта Коцебу, начальника главнаго штаба арміи: „Господинъ главнокомандующій приказать изволилъ, чтобы на завтрешнее 30 число сего августа мѣсяца нарядить для инженерныхъ работъ 1.000 человѣкъ отъ ввѣренной вамъ дивизіи. Людямъ этимъ въ боевой амуниціи—безъ ранцевъ, явиться къ 7 часамъ утра на Сѣверную сторону къ выходу у кремальерной линіи, гдѣ большая дорога входитъ въ линію, гдѣ они будутъ встрѣчены и направлены для работъ по усмотрѣнію г. начальника инженеровъ, въ вѣдѣніе котораго имъ поступить. Подобный нарядъ по тысячи человѣкъ рабочихъ, на цѣлый день, производить ежедневно отъ ввѣренной вамъ дивизіи начиная съ завтрашняго числа, впредь до приказанія. На ночь рабочимъ возвратиться въ лагерь".

Слѣдовательно, мы будемъ укрѣплять на всякій случай Сѣверную, надѣясь удержаться здѣсь въ случаѣ наступленія непріятеля. Полагаемъ, надежда неосновательная: здѣсь намъ не удержаться при усиленной атакѣ союзниковъ, съ моря и суши,—не удержаться, нѣтъ,—если не удержались на южной сторонѣ, и укрѣпленія, какія будемъ возводить здѣсь, мы приготовимъ для союзниковъ...

31 августа.

Непріятель открылъ уже артиллерійскій огонь по Сѣверной сторонѣ изъ развалинъ Александровскихъ казармъ. Впрочемъ и кромѣ этихъ развалинъ для непріятельскихъ батарей сохранились отъ всеобщаго разрушенія Севастополя нѣсколько весьма надежныхъ прикрытій, какъ напримѣръ: наружная часть Николаевской батареи, Александровская башня и еще нѣкоторыя.

1 сентября.

Сегодня былъ у Хрулева на Сѣверной. Онъ живетъ съ графомъ Орловымъ, казачьимъ атаманомъ, въ полуразваленномъ домикѣ, у самой дороги.

Хрулевъ лежитъ на койкѣ желтый какъ воскъ. Показываетъ руку, говоритъ: „сюда колетъ; говорить не даетъ; каждое мое слово здѣсь отзывается,—онъ указалъ на плечо и грудь,—очень страдаю".

Хрулева эвакуируютъ отсюда. Главнокомандующій прислалъ ему съ Поповымъ, сегодня, 1.000 р. на коляску.

Хрулева войска любятъ, это правду надо сказать, въ немъ только одномъ признаютъ героя; люблю и я его, и цѣню вполнѣ, даже бо́льшую ему, можетъ быть, воздаю честь, чѣмъ кто-нибудь другой, но все-таки очень

У Французовъ разбито нами во время осады 144 орудія.

Французами доставлено въ Крымъ пороху 4.500.000 килограммъ, патроновъ роздано 28.355.916.

больно за Хрулева и досадно, что онъ не съумѣлъ похоронить себя подъ развалинами Севастополя.

По-моему Хрулевъ не долженъ былъ оставить поля сраженія тотчасъ послѣ полученной имъ раны, — она, вѣдь, была не смертельна: у него былъ раздробленъ только палецъ, а между тѣмъ Хрулевъ, составлявшій душу „защиты", наше знамя, говорятъ, тотчасъ по полученіи этой раны повернулъ коня и поскакалъ назадъ, на Павловскій мысокъ, даже потерявъ папаху и крича встрѣчавшимся солдатамъ: „Ребята, идите спасать!" и затѣмъ немедленно, послѣ наскоро сдѣланной перевязки, переѣхалъ на Сѣверную. Не такъ Хрулевъ долженъ былъ покончить съ Севастополемъ. Не на Сѣверную послѣ перевязки ему слѣдовало ѣхать, а опять къ Малахову кургану, — тамъ появиться передъ войсками, ему надлежало превозмочь свои страданія во что бы то ни стало и увлечь за собою массы его одного знавшія, его боготворившія, его считавшія всемогущимъ въ бою! Онъ долженъ былъ овладѣть курганомъ или лечь на немъ костьми. Онъ былъ „геніемъ" Корабелки, изъ ней ему одинъ только былъ путь въ небеса! *Туда* слѣдовало улетѣть Хрулеву, а не переѣзжать на Сѣверную, въ заботѣ о своей физической природѣ.

Правда, въ оправданіе Хрулева говорятъ, что онъ нервенъ до такой степени, что *не можетъ* вынести никакой раны и тотчасъ по ея полученіи теряетъ не только самообладаніе, но даже сознаніе; но, по-моему, истинная сила духа должна взять верхъ надъ физической природой человѣка во всякомъ, безъ исключенія, случаѣ, если только эта сила духа — сила дѣйствительная. Я убѣжденъ, что превозмоги себя Хрулевъ, войско пошло бы за нимъ на смерть и Малаховъ курганъ въ наступившую же ночь былъ бы отнятъ у Французовъ...

8 сентября.

Все еще стоимъ на Инкерманѣ. Наша 2-я бригада на аванпостахъ, а 1-я бригада уходитъ на Сѣверную строить батареи. Нашему генералу Павлову дали въ командованіе отрядъ, назвавъ его „Инкерманскимъ".

Главная квартира переходитъ въ Бахчисарай, а мы, какъ увѣряютъ, останемся на настоящей позиціи всю зиму.

12 сентября. Инкерманскія высоты.

Съ горя не достаетъ силъ продолжать дневникъ, не хочется взять въ руки пера! О чемъ станешь говорить? О прошломъ? — оно задернуто траурною пеленою! О настоящемъ? — оно такъ безвыходно, пошло, однообразно!

У насъ укрѣпляютъ Сѣверную, громоздятъ батарею на батарею. Навезли горы снарядовъ, и все бросаютъ бомбы на Южную сторону; вчера бросили больше шестисотъ. Союзники тоже не дремлютъ: строятъ батареи на различныхъ пунктахъ завоеванной части Севастополя и готовятся громить насъ; на Черной тоже возводятъ батареи и вооружаютъ ихъ осадною артиллеріей.

По городу разъѣзжаютъ верхомъ множество офицеровъ и дамъ, а также вѣроятно туристовъ—въ статскихъ платьяхъ; кавалькады скачутъ по улицамъ, залитымъ нашею кровью... Повторяю: силъ нѣтъ продолжать дневникъ,—такъ горько на душѣ, такъ больно и грустно вспоминать прошедшее, видѣть настоящее и такъ страшно за будущее!...

13 сентября.

У полковника Норденстренга отняли полкъ,—его не жалѣютъ, потому что не любятъ, напротивъ, всѣ говорятъ: по дѣломъ! Вотъ причина. Полк. Норденстренгъ командовалъ Азовскимъ полкомъ, полковникъ Сорочинскій—Одесскимъ. Этимъ двумъ полкамъ, вмѣстѣ съ полкомъ Е. И. В. Вел. Князя Михаила Николаевича и своднымъ баталіономъ, образованнымъ изъ патронщиковъ, по диспозиціи на 27 августа, приказано было, съ $6^1/_2$ часовъ вечера, занять баррикады, устроенныя на разныхъ пунктахъ Корабельной стороны, и такимъ образомъ прикрывать отступленіе войскъ лѣвой половины оборонительной линіи, и когда таковое отступленіе совершилось бы, означенныя части должны были переправиться на Сѣверную на судахъ, для чего приказано было приготовить суда на Павловскомъ мыску и подъ Краномъ, у магазиновъ. Въ частности, Азовскому полку предстояло отступать съ Корабельной послѣднимъ, т.-е. послѣ того, какъ отступятъ полки: Одесскій, В. К. Михаила Николаевича и патронщики. Между тѣмъ, лишь только стемнѣло, оказалось, что полковникъ Норденстренгъ со своимъ полкомъ стоитъ у бухты, ждетъ прибытія судовъ для переправы. Полковникъ Козляиновъ 2, помощникъ начальника штаба гарнизона, распоряжавшійся отводомъ войскъ съ Корабельной, узнавъ, что Азовскій полкъ собирается переправляться, сдѣлалъ немедленное распоряженіе, чтобы полковникъ Норденстренгъ тотчасъ занялъ указанныя ему баррикады и, безъ особаго приказанія, отнюдь бы ихъ не покидалъ. Когда это было исполнено, капитанъ Черняевъ, по приказанію полковника Козляинова, обошелъ баррикады и всюду подтвердилъ сказанное распоряженіе, т.-е. чтобы Азовцы не оставляли баррикадъ впредь до приказанія. Таковое настоятельное подтвержденіе черезъ нарочито посланнаго офицера генеральнаго штаба, вмѣстѣ съ сдѣлавшимся извѣстнымъ приказаніемъ уничтожить мостикъ черезъ малую бухту, этотъ единственный надежный путь отступленія съ лѣвой половины оборонительной линіи,—утвердило полковника Норденстренга въ мысли, что онъ съ полкомъ оставленъ на жертву. Въ дѣйствительности, не было почти никакой надежды на возможность переправы посредствомъ судовъ, будто бы приготовленныхъ у Павловскаго мыска и у Крана,—таковы были страшная суматоха и неурядица, тогда происходившія въ ночной темнотѣ. Обстоятельство это побудило полковника Норденстренга покинуть порученныя ему баррикады на произволъ судьбы и поспѣшить перейти малую бухту черезъ мостикъ, пока онъ еще не былъ разобранъ, на Графскую сторону.

Замѣчательно, что случай этотъ такъ бы и прошелъ незамѣченнымъ,

въ массѣ другихъ безобразій, въ этотъ день совершившихся, еслибы не осторожность самаго Норденстренга. Дѣйствительно, преслѣдованія со стороны непріятеля не было; никакого существеннаго, матеріальнаго, такъ сказать, вреда (не говоря о безнравственности поступка, ничѣмъ не оправдываемой) отъ преждевременнаго ухода полка съ назначеннаго ему мѣста, не произошло, а потому, при густой ночной темнотѣ и въ общей тогда суматохѣ, преждевременное удаленіе полка съ баррикадъ могло бы остаться незамѣченнымъ; между тѣмъ самъ Норденстренгъ почему-то счелъ необходимымъ жаловаться всѣмъ, кого только встрѣчалъ на своемъ пути, на самовольное отступленіе его полка съ баррикадъ и на совершенную невозможность удержать на нихъ не только солдатъ, но и офицеровъ. Самозабвеніе полковника Норденстренга дошло до того, что онъ съ такою же жалобою обратился къ князю Васильчикову, при встрѣчѣ съ нимъ; мало того, Норденстренгъ съ такою же жалобой подъѣхалъ и къ генералу Коцебу: „Какъ же вы живы? — спросилъ онъ, — вѣдь вы должны были умереть на мѣстѣ, на которомъ были поставлены, а не уйти съ него!“ *)

Норденстренга слѣдовало бы разстрѣлять для примѣра, а у насъ церемонятся и ограничиваются тѣмъ, что отняли у него полкъ **).

14 сентября.

Тамъ что-то подъ Керчью кавалеріи нашей удалось немножко пощипать Французовъ и Англичанъ, вѣроятно Французовъ. Извѣстіе объ этомъ успѣхѣ привезъ главнокомандующему казацкій урядникъ съ Георгіевскимъ крестомъ. Князь былъ очень доволенъ этимъ извѣстіемъ и спрашиваетъ казака: „Ну, братъ, какую ты хочешь награду? Говори: крестъ или чинъ?“

— Да што пожалуете: и крестъ добре, и чинъ — добре!

Князь далъ казаку и крестъ, и чинъ!

Удивительно какъ войска не любятъ генерала Шейдемана!... Его впрочемъ всегда не любили и товарищи, и подчиненные — даже въ мирное время. Вслѣдствіе такой нелюбви къ нему войскъ, Шейдемана во многихъ дѣйствіяхъ при послѣднемъ штурмѣ обвиняютъ, отчасти, можетъ-быть и неправильно.

Такъ его обвиняютъ въ томъ, что когда пришлось взрывать на воздухъ

---

*) Въ Запискахъ князя В. Н. Васильчикова, отрывокъ изъ которыхъ помѣщенъ въ газетѣ „Русь“ № 2-й 1880 года, этотъ случай съ Азовскимъ полкомъ разсказанъ нѣсколько иначе.

**) Не только ограничились отнятіемъ полка у Норденстренга, но даже за дѣло на Черной рѣчкѣ произвели его въ генералъ-маіоры! Просто невѣроятно!! Особенно невѣроятно, если въ разсказѣ генерала Огарева о поведеніи Норденстренга на Черной рѣчкѣ есть хоть тѣнь правды! Всѣмъ, кто хотѣлъ только его слушать, Огаревъ разсказывалъ, что онъ во время сраженія выгналъ Норденстренга изъ-подъ моста, куда онъ спрятался и послѣ того все-таки въ дѣло не пошелъ, а бросился бѣжать на перевязочный пунктъ, крича, что весь его полкъ уничтоженъ, что знамена его погибли и прочее... Такіе разсказы выдумывать, а тѣмъ болѣе передавать всѣмъ, опасно и едва ли Огаревъ рѣшился бы на такой поступокъ.

наши форты, Николаевскій нельзя было взорвать, какъ бы слѣдовало, потому что мины подъ него подведенныя оказались невполнѣ заряженными.

Шейдемана обвиняютъ въ томъ, что онъ, имѣя полную возможность сжечь „Корабельную“, этого не исполнилъ. Шейдеманъ знаетъ это обвиненіе и оправдывается тѣмъ, что пожаръ „Корабелки“ освѣтилъ бы непріятелю наше отступленіе и мостъ черезъ бухту и сдѣлалъ бы какъ мостъ, такъ и отступающія войска—вѣрною цѣлью для непріятельскаго огня.

Шейдемана обвиняютъ также за горячность, съ которою онъ, имѣя разрѣшеніе потопить только тѣ орудія нашей полевой артиллеріи, которыя прямо будутъ мѣшать нашему отступленію,—бросалъ въ бухту каждое ему попадавшееся полевое орудіе, не разсуждая: мѣшаетъ ли оно отступленію или нѣтъ, и такимъ образомъ потопилъ болѣе 100 артиллерійскихъ орудій *).

---

*) Въ отрывкахъ изъ Записокъ князя В. Н. Васильчикова („Русь“ 1880 г., № 2) подтверждается печальный фактъ потопленія полевой артиллеріи по распоряженію генерала Шейдемана.

Дѣйствительно, генералъ Шейдеманъ былъ человѣкъ очень опрометчивый, за что, какъ и за многое другое, его очень у насъ не долюбливали и, дѣйствительно, всѣ его винили въ потопленіи полевой артиллеріи при отступленіи изъ Севастополя, а генералъ Сикстель (начальникъ артиллеріи 4-го корпуса, въ которомъ, не далѣе какъ въ 1853 году, Шейдеманъ командовалъ батареей) открыто говорилъ, что за такое неосновательное дѣйствіе Шейдемана надо отдать подъ судъ... Но такъ ли виноватъ Шейдеманъ въ этомъ потопленіи, какъ говорятъ, и въ потопленіи той ли артиллеріи у насъ его упрекали, о которой говоритъ князь В. И. Васильчиковъ?

По словамъ князя, онъ, проѣзжая мимо Углицкаго полка (охранявшаго переправу черезъ мостъ на бухтѣ), приказалъ: „полевыя орудія, прибывающія къ мосту, не пропускать на переправу, а выстроить до времени на площади, чтобы не мѣшать проходу войскъ и не подвергать моста опасности, надѣясь переправить артиллерію, когда уляжется зыбь на бухтѣ“.

Приказаніе это, по словамъ того же „Отрывка“, было исполнено, хотя, замѣтимъ, оно совершенно противорѣчило вышеупомянутой диспозиціи отступленія (имѣющейся у меня въ двухъ подлинныхъ экземплярахъ). Диспозиція эта начинается такъ: „черезъ мостъ слѣдуетъ въ головѣ колонны Украинскій егерскій полкъ, за нимъ вся имѣемая на Николаевской площади артиллерія. Движеніе начать въ $6^1/_2$ часовъ вечера“ и т. д.

Возвратившись къ Николаевской батареѣ, князь Васильчиковъ, по его словамъ, не нашелъ артиллеріи на площади передъ нею и услышалъ отъ генерала Шейдемана, что онъ, по приказанію главнокомандующаго, бросилъ ее въ бухту. По словамъ князя Васильчикова, артиллерія эта была потоплена у Графской пристани, на незначительной глубинѣ, и была впослѣдствіи извлечена союзниками.

Но возвратимся къ вопросу объ отступленіи артиллеріи по диспозиціи. Очевидно, что еслибы отступленіе наше происходило въ бо́льшемъ порядкѣ, и диспозиція на 27-го августа исполнялась въ точности, то вся артиллерія, стоявшая на Николаевской площади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста, успѣла бы перейти на Сѣверную, а за нею и войска. Кажется нѣсколько страннымъ, что князь Васильчиковъ, какъ онъ самъ говоритъ въ „Запискахъ“, считалъ непормальнымъ распоряженіе главнокомандующаго, приказавшаго ему подписать диспозицію отступленія, хотя она и была утверждена главнокомандующимъ, что князь Васильчиковъ могъ не стѣсняясь оговорить при подписи оной, передавъ ее войскамъ въ видѣ копіи, а между тѣмъ счелъ возможнымъ, своею властію, сдѣлать столь существенное измѣненіе въ диспозиціи, уже войскамъ объявленной, какъ пріостановку переправы всей полевой артиллеріи съ ея обозомъ! Не удобнѣе ли было, диктуя диспозицію съ черновой, для разсылки ея копій къ исполненію по отдѣленіямъ, и дѣлая, по словамъ самого князя, при этомъ необходимые варіанты, по каждому отдѣленію, въ первоначальной редакціи диспозиціи, въ виду бывшаго тогда сильнаго шторма на морѣ, измѣнить въ самой диспозиціи время переправы полев. артиллеріи, а именно: приказать ей отступить не въ головѣ (какъ указывала диспозиція), а въ хвостѣ колонны (въ надеждѣ, что ко времени такового отступленія зыбь на бухтѣ уляжется)? Можно думать, что, имѣя въ виду такое указаніе диспозиціи и не видя преслѣдованія непріятеля, артиллеристы не торопились бы топить орудій и своевременно перешли бы мостъ.

Противъ этого обвиненія Шейдеманъ возражаетъ, что невозможно было опредѣлить при сумятицѣ отступленія, какое орудіе помѣшаетъ ему и въ какой степени и какое—нѣтъ, а потому онъ топилъ *всѣ* встрѣченныя имъ орудія.

Шейдеманъ утверждалъ, что мостъ былъ такъ узокъ и, слѣдовательно, такъ слабъ, что одновременно отступать по немъ артиллеріи и войскамъ было невозможно, не опасаясь потопленія, поэтому подлежало бы, пропуская по мосту артиллерію, задержать войска на берегу до ея перехода, а между

Въ оправданіе генерала Шейдемана, потопившаго, какъ говорятъ, болѣе 90 полевыхъ орудій и много зарядныхъ ящиковъ, стоявшихъ дотолѣ въ порядкѣ на Николаевской площади, можно сказать, что въ эту ужасную ночь нельзя было поручиться ни за одинъ часъ спокойнаго отступленія. Съ минуты на минуту надо было ждать, что непріятель возобновитъ свои атаки, особенно если замѣтитъ наше отступленіе, и что послѣдствія такого покушенія, хотя бы и не очень значительнаго, при той общей суматохѣ, произведенной отступленіемъ, какую себѣ и вообразить трудно, будутъ для насъ по истинѣ ужасны. Если-бы это случилось, когда войска наши въ главныхъ силахъ уже перешли бухту, а мостъ и его ближайшія окрестности были бы запружены и осаждаемы (какъ это и было потомъ) безпорядочными толпами народа, чтобы Шейдеманъ сталъ тогда дѣлать съ такою массою артиллеріи, потерявшей уже свое мѣсто въ рядахъ отступающихъ войскъ, безъ соотвѣтствующаго прикрытія? Ясно, что артиллерія эта съ запряжкой, съ обозомъ, а можетъ быть и съ людьми, рисковала увеличить собою непріятельскіе трофеи того дня.

Въ обвиненіе генерала Шейдемана у насъ говорили (и это записано въ моемъ дневникѣ), что онъ испросилъ разрѣшеніе главнокомандующаго сбросить въ воду тѣ орудія пол. артиллеріи, которыя почему-либо будутъ мѣшать отступленію войскъ, подразумѣвая, что если при отступленіи орудіе подобьютъ непріятельскимъ выстрѣломъ, сломается у орудія колесо, опрокинется оно, и это сдѣлается, разумѣется, на такомъ мѣстѣ, что обойти его нельзя, наприм. на мосту,—тогда сбросить его въ воду, чтобы очистить путь, а Шейдеманъ прямо цѣлыя батареи пошвырялъ въ воду.

Но, оставляя въ сторонѣ труднорѣшимый вопросъ относительно того, кто главнѣйше виновенъ въ потопленіи нашей полевой артиллеріи, не можемъ умолчать, что у насъ если и обвиняли Шейдемана въ потопленіи артиллеріи, то отнюдь не той, о которой говоритъ князь Васильчиковъ, которой онъ не дозволилъ съ Николаевской площади слѣдовать на Сѣверную, какъ бы надлежало по диспозиціи во главѣ отступающихъ войскъ, а обвиняли генерала Шейдемана въ потопленіи полевой артиллеріи лѣвой половины оборонительной линіи, т.-е. на Корабельной сторонѣ. Надо замѣтить, что въ диспозиціи на 27 августа не упоминалось вовсе объ этой артиллеріи, и путь, и способъ ея отступленія указанъ не былъ; въ диспозиціи говорилось только объ артиллеріи, имѣемой на Николаевской площади. Слѣдствіемъ этого было то, что часть артиллеріи Корабельной двинулась на мостикъ, черезъ малую бухту, гдѣ и безъ того происходила ужасная суматоха у отступавшихъ по этому мосту войскъ лѣвой половины оборонительной линіи. Таковую суматоху до чрезвычайности усилила артиллерія, затруднившая движеніе войскъ. Эти-то орудія Шейдеманъ и приказалъ сбросить въ бухту. Затѣмъ часть артиллеріи сосредоточилась у Павловскаго мыска, откуда, по приказанію главнокомандующаго, ее слѣдовало перевезть на судахъ; но когда увидѣли, что въ ночной, непроглядной темнотѣ, при страшной сумятицѣ, производимой садившимися на суда войсками, не разбиравшими уже, для нихъ эти суда предназначались или не для нихъ, а садясь на какія попало, то сообразили, что нечего было и думать о нагрузкѣ на эти суда артиллеріи съ ея обозомъ. Въ виду этого-то обстоятельства и не усматривая никакой возможности спасти эту артиллерію, ежеминутно ожидая наступленія непріятеля, генералъ Шейдеманъ и приказалъ сбросить эти орудія въ бухту.

Что же касается до потопленія генераломъ Шейдеманомъ всей остановленной княземъ Васильчиковымъ пол. артиллеріи на Николаевской площади, то едва ли это обвиненіе вѣрно и разсказанный княземъ Васильчиковымъ случай не принадлежитъ ли къ числу тѣхъ, подробности которыхъ, по его собственнымъ словамъ, „изгладились изъ его памяти“, когда онъ составлялъ свои записки? Не вѣрнѣе ли, что артиллерія, остановленная княземъ Васильчиковымъ на Николаевской площади, воспользовавшись его отъѣздомъ на Корабельную и правомъ, которое ей давала диспозиція, слѣдовать на Сѣверную, естественно заботясь о собственномъ спасеніи, преспокойно перешла черезъ бухту? Относительно упрека генералу Шейдеману, сдѣланнаго княземъ Васильчиковымъ за потопленіе артиллеріи,—то онъ могъ быть сдѣланъ дѣйствительно, но могъ относиться до потопленія артиллеріи *на Корабельной*.

тѣмъ каждая минута была дорога. Упускать эту минуту, задерживая войска, при отступленіи, было невозможно, такъ какъ ежеминутно надо было ожидать, что непріятель перейдетъ въ наступленіе, при чемъ могла бы послѣдовать ужасная катастрофа, потому что наши перемѣщавшіяся и разстроенныя войска не способны были ни на какой отпоръ.

15 сентября.

Удивительныя у насъ иногда творятся несообразности. Наши ходятъ работать укрѣпленія на Сѣверной и разсказываютъ, будто бы между другими работами они заняты закапываніемъ какихъ-то старинныхъ бронзовыхъ артиллерійскихъ орудій, составляющихъ будто бы археологическую рѣдкость. Въ виду возможнаго перехода непріятеля въ наступленіе, причемъ мы можемъ быть вынуждены покинуть Сѣверную сторону Севастополя и выступить въ поле, хотятъ спасти отъ враговъ эти драгоцѣнныя въ историческомъ отношеніи орудія, не успѣвъ ихъ заблаговременно вывезти изъ Крыма. Повторяю, удивительно—какъ будто можно сохранить въ тайнѣ мѣсто укрытія такихъ громоздкихъ предметовъ, въ случаѣ если по несчастію мы передадимъ всю эту мѣстность непріятелю, хотя, какъ говорятъ, зарываютъ ихъ на общемъ кладбищѣ между солдатскихъ могилъ, насыпая надъ нимъ такіе же бугры, какъ и надъ покойниками. Не отъ своихъ шпіоновъ, такъ отъ нашихъ же перебѣщиковъ непріятель узнаетъ эту тайну и наши настоящіе труды по укрытію помянутыхъ орудій окажутся совершенно безполезными.

19 сентября.

Говорятъ, третьяго дня нашихъ уланъ, подъ начальствомъ барона Корфа, наголову разбили подъ Евпаторіей. Французы застали нашихъ въ-расплохъ въ какомъ-то ущельѣ, окружили ихъ, отняли два орудія (изъ 4-хъ бывшихъ при отрядѣ), изрубили, изранили и взяли въ плѣнъ болѣе 150 человѣкъ *).

*) Въ дѣйствительности дѣло было гораздо печальнѣе. Съ цѣлью обойти нашу армію съ праваго фланга, маршалъ Пелисье, 6 сентября, послалъ моремъ въ Евпаторію генерала д'Алонвиля съ тремя кавалерійскими полками и артиллеріею, которымъ и приказано было соединиться тамъ съ тремя турецко-египетскими дивизіями. Д'Алонвиль, 17 сентября предпринявъ наступленіе противъ нашей кавалеріи, выдвинутой для наблюденія за непріятелемъ двумя отрядами: одинъ подъ командою ген.-лейт. Ѳедора Христофор. барона Корфа, начальника резерв. Уланской дивизіи, состоявшимъ изъ Уланскаго В. К. Екатерины Михаиловны полка (Елисаветградскаго), батареи конной артиллеріи и шести сотенъ козаковъ, и другой ген.-маіор. Терпелевскаго съ Украинскимъ уланскимъ полкомъ и четырьмя Уральскими казачьими сотнями,

Д'Алонвиль вмѣстѣ съ Турками наступалъ противъ нашихъ, имѣя 12.000 пѣхоты, 4.000 рег. кавалеріи и 1.000 иррегулярной кав., всѣ съ 30-ю орудіями.

Наши были оттѣснены наступающимъ въ превосходныхъ силахъ непріятелемъ, затѣмъ генералъ Корфъ, не полагая, чтобы непріятель въ этотъ день предпринялъ дальнѣйшее наступленіе и имѣя въ виду усталость своего отряда, нѣсколько уже часовъ не слѣзавшаго съ коней, расположилъ свой отрядъ за оврагомъ между селеніями Кенегезъ и Кангилъ, приказалъ размундштучить и кормить лошадей, а артиллеріи велѣлъ стать на позицію, снявъ орудія съ передковъ, казачьи же разъѣзды выслалъ на Перекопскую дорогу. Д'Алонвиль воспользовался нашею оплошностью и устремивъ три полка кавалеріи, одинъ за другимъ, на нашу позицію, опрокинулъ застигнутыхъ въ-расплохъ уланъ, бѣжавшихъ въ величай-

20 сентября.

Вчера заѣхалъ къ Безобразову на батарею, вновь устроенную на Сѣверной для дѣйствія по Севастополю. У Безобразова служитъ много тѣхъ же матросовъ и солдатъ, что служили съ нимъ въ Севастополѣ. Это его утѣшаетъ: съ такими молодцами дѣйствительно можно постоять за себя.

На батарею ѣдешь пространствомъ совершенно изрытымъ всякими снарядами—бомбами, ядрами и ракетами.

Батарея на прекрасномъ мѣстѣ, но жизнь на ней томительно скучная: непріятель теперь не стрѣляетъ, и ты, сидя по цѣлымъ днямъ, кое когда посылай выстрѣлъ, да любуйся развернутымъ передъ тобою пожарищемъ севастопольскимъ, стоящимъ передъ глазами какъ замогильный призракъ, Николаевскими казармами, да моремъ, лелѣющимъ чуждые корабли, ласкаясь къ нимъ какъ любовница, недавно тебѣ измѣнившая.

22 сентября.

Семейства моряковъ и солдатъ, поселившіяся было на Сѣверной и образовавшія особый городокъ, вскорѣ послѣ отдачи Севастополя перешли на Инкерманскія высоты, выбравъ для новаго поселенія тотъ пунктъ, на которомъ мы стояли бивакомъ наканунѣ Инкерманскаго дѣла. Многіе симферопольскіе и севастопольскіе купцы собираются въ этомъ новомъ городкѣ открыть торговлю, устроивъ биваки съ возможнымъ удобствомъ, а пока состряпали балаганы и шалаши на скорую руку и начали торговать различными припасами, къ большему нашему удовольствію, потому что маркитантовъ при полкахъ нѣтъ, а посылать за всякою бездѣлицею въ Бахчисарай—очень накладно.

30 сентября.

Страшно какъ-то смотрѣть на рейдъ, прежде постоянно покрытый непріятельскими судами, а теперь нѣсколько дней какъ опустѣвшій. Флотъ куда-то ушелъ. Говорятъ, онъ нѣсколько дней крейсеровалъ передъ Евпаторіей, потомъ прошелъ ее. Говорятъ, непріятель собирается высадиться верстахъ въ 30 отъ Перекопа и идти на этотъ пунктъ, чтобъ отрѣзать намъ отступленіе изъ Крыма и потомъ принять насъ въ два огня, если одинъ этотъ маневръ не заставитъ насъ покинуть Сѣверную сторону и самый Крымъ, отступивъ за перешеекъ. Между тѣмъ союзники, кажется, и на эту штуку не поднялись, а стоятъ теперь съ флотомъ противъ Одессы. Что у нихъ за идея? Догадокъ много, но кто поручится за основательность той или другой? Скоро событія должны все разъяснить. Мы здѣсь въ настоящее время видимъ, что союзники дѣлаютъ безпрестанныя демонстраціи,

---

шемъ безпорядкѣ, и захватилъ у насъ 6 орудій, не сдѣлавшихъ ни одного выстрѣла. При этомъ мы потеряли 220 человѣкъ, а Французы 14 убитыми и 27 ранеными.

Князь Горчаковъ донося, объ этомъ дѣлѣ Государю, писалъ: «Я высылаю Корфа изъ арміи за оплошность противъ непріятеля». Корфа исключили изъ службы.

вѣроятно, съ цѣлію удержать здѣсь наши войска: главнокомандующій, секретно извѣщая насъ объ этомъ, предполагаетъ, что непріятель, быть можетъ, даже рѣшится насъ атаковать. Въ такомъ случаѣ князь предписываетъ держаться до послѣдняго человѣка, а еслибы непріятелю удалось занять который-либо пунктъ нашей крѣпкой позиціи, то все-таки держаться на всѣхъ другихъ пунктахъ, а изъ занятаго пункта выбивать непріятеля резервами.

4 октября.

Все печальнѣе становятся листки моего дневника! Богъ вѣсть, что еще мнѣ сужденно описывать на его дальнѣйшихъ страницахъ, да и суждено ли мнѣ дописать исторію событій, въ настоящее время все еще развивающихся, все болѣе и болѣе запутывающихся? Печальныя вѣсти смѣняютъ одна другую. Горечь дѣлъ домашнихъ, разлука съ милыми сердцу, сталкиваясь въ душѣ съ тяжелымъ впечатлѣніемъ, производимымъ несчастнымъ исходомъ военныхъ событій, приводятъ меня въ плачевное состояніе. Съ минуты на минуту ждешь какой-либо катастрофы.

Союзный флотъ, стоя подъ Одессой, вдругъ сдѣлалъ высадку у Кинбурна. Конечно, эта крѣпостца будетъ взята. Ея гарнизонъ, если не успѣетъ уйти или не захочетъ сдаться, погибнетъ въ ея стѣнахъ смертію храбрыхъ, если только между этимъ гарнизономъ окажется могучая натура, человѣкъ, въ которомъ найдется достаточно силы и умѣнья заставить своихъ товарищей предпочесть, во славу русскаго имени, смерть посредствомъ взрыва въ моментъ неустойки въ борьбѣ съ врагомъ — путешествію за границу на счетъ союзниковъ, на показъ досужей европейской черни.

5 октября.

Утверждаютъ, что начальство наше не покидаетъ мысли о необходимости оставить Крымъ. На этомъ основаніи будто бы уже распорядились перевозкою присутственныхъ мѣстъ изъ Симферополя. А это несомнѣнно вѣрно, что такъ-называемый „городокъ“, т.-е. базаръ, образованный вышедшими изъ Севастополя семействами моряковъ и другихъ тамошнихъ жителей, на которомъ они было устроили себѣ временныя жилища и который уже однажды перегнали съ Сѣверной на Инкерманскія высоты, теперь прогоняютъ совсѣмъ изъ Крыма. Съ чѣмъ пойдутъ эти несчастные, многіе изъ которыхъ обременены дѣтьми и въ концѣ разорены въ Севастополѣ? Съ чѣмъ они доберутся до Николаева, куда ихъ гонятъ, выдавая тѣмъ, у кого дѣти, по 5 р. на семью, а бездѣтнымъ по 3 р. Но вѣдь это развѣ помощь для совершенія далекаго пути по странѣ разоренной войной, гдѣ все вздорожало до крайности? Но и не одни эти несчастные, а вообще осѣдлые жители Крыма, окрестностей Севастополя и Симферополя въ большомъ отчаяніи. Они при настоящемъ положеніи вещей теряютъ все, что имѣютъ, не видя

въ будущемъ даже возможности вознагражденія за эти потери. Правда, они испытываютъ неизбѣжныя въ каждой войнѣ бѣдствія, но это плохое утѣшеніе тѣмъ, кому суждено испытать эти бѣдствія.

8 октября.

Итакъ, шагъ за шагомъ, медленно, но неуклонно, союзники идутъ къ успѣху: Кинбурнъ сдался на капитуляцію; Очаковъ наши взорвали и отступили.

Вспомнимъ Мицкевича:

...хмарно вшендзѣ
Цо то бендзѣ, цо то бендзѣ!!

Сдача Кинбурна камнемъ легла на сердце. Не знаемъ побудительныхъ причинъ, не знаемъ подробностей защиты и осады, бывшихъ причиною событія, но видимъ горестный фактъ: гарнизонъ Кинбурна сдался на капитуляцію *). Почему же онъ не рѣшился погибнуть? Почему гарнизонъ крѣпости, состоящій изъ 41 офицера и 1,380 солдатъ, не дрался на смерть? Почему 70 орудій, находящихся въ крѣпости, не дѣйствовали до тѣхъ поръ, пока могли бросать врагу имѣвшіеся въ запасѣ 25.000 снарядовъ? Почему пороховые запасы не были подняты на воздухъ съ остатками гарнизона?...

9 октября.

Къ намъ прибыли вчера дружины Тульскаго ополченія и поступили въ прикомандированіе къ полкамъ нашей дивизіи. Находимъ, что эти дружины сформированы несравненно лучше Курскихъ дружинъ, состоявшихъ при насъ нѣкоторое время. Въ Тульскихъ дружинахъ высшее начальство какъ-то солиднѣе и почетнѣе, притомъ все отставные военные, какъ на-

---

*) Богдановичъ, историкъ Крымской войны, очень кратокъ въ своемъ заключеніи объ этомъ событіи, онъ говоритъ: „Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 47 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1.427 нижнихъ чиновъ подъ начальствомъ стараго кавалериста генер.-маіор. Кохановича. Крѣпостною артиллеріей командовалъ подполков. Полисановъ; инженерною командою—инж. шт.-капит. Седергольмъ, самый ревностный и способный изъ помощниковъ коменданта. Гарнизонъ Кинбурнской крѣпости состоялъ изъ необученныхъ и, сколько можно судить по частнымъ письмамъ генерала Кохановича, не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія о военной дисциплинѣ новобранцевъ“.

Наша артиллерія, хотя и отвѣчали бомбардировавшему Кинбурнъ непріятельскому флоту, но какъ наши орудія калибромъ были меньше непріятельскихъ, то и не могли нанести ему вреда. Кинбурнъ непріятель окружилъ своими судами [1]) и обстрѣливалъ со всѣхъ сторонъ изъ нѣсколькихъ сотъ орудій, большею частію огромныхъ калибровъ. Послѣ пяти часовъ бомбардированія, когда огонь изъ крѣпости почти совершенно прекратился, непріятель, черезъ парламентера, предложилъ гарнизону сдаться. «Генералъ-маіоръ Кохановичъ, считая положеніе крѣпости безвыходнымъ, принялъ условія, предложенныя союзниками, и, несмотря на энергическій протестъ шт.-кап. Седергольма, сдался со всѣми чинами гарнизона военно-плѣннымъ» (Вост. война. Idem, ст. 196).

Генералъ Кохановичъ отданъ былъ подъ военный судъ.

---

[1]) Кинбурнъ атаковала эскадра, состоявшая изъ 93-хъ вымпеловъ, въ томъ числѣ 11 бомбардъ; десантный отрядъ подъ начальствомъ извѣстнаго Базена (Мецкій герой) состоялъ изъ 8.000 человѣкъ.

примѣръ полковникъ Норовъ, старый гвардеецъ, братъ бывшаго Министра Просвѣщенія, старинный воякa Муравьевъ. Офицеры въ Тульскихъ дружинахъ какъ-то приличнѣе, да и люди лучшую имѣютъ выправку и гораздо лучше одѣты Курскихъ.

Тульское ополченіе привелъ старый генералъ князь Голицынъ, бывшій Тульскій губернаторъ; онъ и формировалъ эти дружины. Передавая ихъ генералу Павлову, онъ сказалъ:

„Передаю вамъ, генералъ, дѣтей моихъ!“ Потомъ кн. Голицынъ началъ прощаться съ ротными командирами, офицерами и ратниками. Прощаніе это было очень комично, очевидно было подтасовано, и притомъ передержка была замѣтна. Такъ офицеры провозглошали различныя привѣтствія князю, напримѣръ: „Грустно намъ разстаться съ вами, ваше сіятельство!“ и ратники, по знаку офицера, подхватывали это привѣтствіе, повторяя его хоромъ! и т. д.

10 октября.

Передаютъ, какъ курьезъ, переписку происходившую будто бы между почтмейстерами,—очаковскимъ и его начальникомъ херсонскимъ.

Въ первое приближеніе союзнаго флота къ Очакову, почтмейстеръ этой крѣпости формальнымъ рапортомъ спрашивалъ херсонскаго: что онъ ему прикажетъ дѣлать въ случаѣ высадки союзниковъ, которыхъ едва ли, онъ прибавлялъ, будетъ съ силахъ удержать слабый Очаковскій гарнизонъ.

Губернскій почтмейстеръ свой формальный же отвѣтъ очаковскому почтмейстеру заключилъ въ одномъ словѣ: „*втикать*!“ *)

12 октября.

Полночь. Я сейчасъ воротился съ аванпостовъ. Ночь лунная, ясная: ни одного облачка на небѣ. Наша дорога пролегала по Графской балкѣ; вотъ она спускается мимо полуразваленныхъ колодцевъ. Размытая дождями, давно не ѣзженная, дорога покрылась голыми камнями, по которымъ скользитъ дурно кованый конь. Вотъ мы выбрались изъ дефиле, изъ котораго съ особеннымъ трепетомъ сердца я выѣзжалъ первый разъ ночью 24 октября прошлаго года, вотъ и мѣсто нашего бывшаго перевязочнаго пункта; направо—картина бухты и части Севастополя, при лунномъ освѣщеніи являющагося подобіемъ какого-то обширнаго кладбища; прямо—высоты, атакованныя нами въ прошломъ году съ такою отвагою; вотъ и Черная рѣчка; въ камышахъ и садахъ ея лѣваго берега лежатъ непріятельскіе секреты; они, конечно, видятъ насъ, ѣдущихъ по цѣпи, но не трогаютъ, боясь и не желая затѣять напрасную тревогу.

Какъ необыкновенно точно наши аванпосты исполняютъ всѣ свои обя-

*) Это дѣйствительно курьезъ, но еще курьезнѣе, что приведенный разсказъ былъ вычеркнутъ цензоромъ изъ перваго изданія моихъ „Походныхъ записокъ“, потому что, какъ значится изъ его помѣтки въ рукописи: «по увѣдомленію почтоваго департамента не признано позволительнымъ!»

занности — удивительно, особенно, *когда, знаютъ, что ѣдетъ начальникъ!* Одинъ изъ каждой пары часовыхъ идетъ вамъ на встрѣчу съ ружьемъ на перевѣсъ, съ вопросомъ: „что отзывъ“? хотя бы онъ очень ясно видѣлъ, что вся цѣпь пропустила васъ, что вы ѣдете не со стороны непріятеля, а по линіи своей цѣпи, и что слѣдовательно двадцати его товарищамъ часовымъ вы уже отвѣчали — что отзывъ!

Предъ нами картина Инкерманской долины, освѣщенная луною. Какъ необыкновенно хороши эти мрачныя скалы, обрамливающія долину; эти полуразрушенныя зданія, осѣненныя огромными деревьями; каменныя стѣны — завалы для штуцерниковъ; налѣво — останки укрѣпленій и замковъ древняго Дороса, вѣнчавшаго скалы, въ сердцѣ которыхъ изсѣчены пещеры древними подвижниками благочестія съ устроенными въ нихъ церквами и монастырскими келліями *). Отвѣсныя скалы до самаго верха испещрены черными пятнами, означающими входъ въ кельи или церкви. Къ этимъ входамъ прежде вели изсѣченныя въ скалѣ ступени; нынѣ ихъ сгладило время.

У подошвы утеса казачій пикетъ. Мы взобрались на уступъ скалы, служащій подножіемъ древнимъ развалинамъ; съ этого уступа входъ въ возобновленный въ послѣднее время монастырь во имя Св. Климента, папы Римскаго. Мы посѣтили этотъ храмъ, но какимъ путемъ мы въ него проникли? — въ разбитое окно! Со свѣчами мы пошли по тѣснымъ переходамъ изсѣченнаго въ камнѣ монастыря. И что же увидѣли? — Окна и образа **) раз-

*) «Одна изъ тѣхъ горъ (обрамливающихъ долину Черной и, съуживаясь, образующихъ ущелье при устьѣ рѣки), имѣющая до 50 саженъ стоячей высоты, представляетъ на своемъ хребтѣ остатки укрѣпленій, а разрѣзъ ея, какъ будто нарочно обработанный въ утесъ, весь изрытъ снаружи разнаго вида и величины пещерами. Оныя, числомъ болѣе трехсотъ, простираются отъ подошвы до самой высоты многими неправильными ярусами, на полверсты въ длину, и видъ ихъ приводитъ въ крайнее изумленіе. Тамъ открываются выдававшіяся впередъ и ничѣмъ не подпертыя громады съ теремами; спущенные навѣсы угрожаютъ паденіемъ; въ иныхъ мѣстахъ сдѣланы впадины, въ другихъ — конуры съ яслями для содержанія, какъ думать надобно, скота и устроены переходы изъ одной пещеры въ другую. Вскорѣ удивленіе мое превзошло всѣ мѣры, когда восходя по выдолбленнымъ въ горѣ подлѣ утеса ступенямъ, я увидѣлъ, что тѣ пещеры были настоящія комнаты съ окнами, дверьми, сводами, широкими лавками, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ аршинъ по 5 въ квадратѣ, и все это цѣльно высѣченное изъ природнаго каменнаго слоя. Висящая и отдѣльная отъ горы лѣстница привела меня къ церкви таковаго же сооруженія, которая довольно пространна и получаетъ свѣтъ сквозь пробитыя на стѣнѣ отверстія“ (Павелъ Сумароковъ «Досуги крымскаго судьи» и пр. Спб. 1805).

**) Одна изъ находившихся здѣсь иконъ, а именно икона Печерской Богоматери, пробитая штуцерною непріятельскою пулею, была, съ разрѣшенія мѣстнаго духовенства, обмѣнена офицерами Селенгинскаго полка на нѣкоторый денежный вкладъ, сдѣланный, по окончаніи кампаніи, въ Инкерманскую церковь. Общество офицеровъ Селенгинскаго полка отослало эту икону въ подарокъ гражданамъ города Селенгинска. Вотъ что было этому поводомъ:

Въ августѣ 1855 года въ Селенгинскій полкъ было прислано гражданами города Селенгинска 134 руб. сер. при слѣдующемъ письмѣ:

«Храбрые Селенгинцы! Когда слава о вашихъ богатырскихъ подвигахъ, съ береговъ Дуная, достигла до нашего отдаленнаго городка Селенгинска, мы, сочувствуя общему увлеченію, принесли на алтарь Отечества посильную лепту въ пользу раненыхъ ратныхъ сотоварищей вашего полка. Теперь эта же стоустая слава донесла до насъ вѣсть о новыхъ геройскихъ дѣлахъ вашихъ, на новомъ боевомъ поприщѣ, гдѣ вы, ночью съ 12 на 13 марта [1]), содѣйствуя защитѣ Севастополя, безпримѣрной въ военныхъ лѣтописяхъ, съ без-

[1]) Ошибка: съ 12 на 13 февраля.

биты пулями, завѣса царскихъ вратъ разодрана. Вездѣ валяются пули. Я поднялъ одну, прошедшую сквозь мѣстную икону Богоматери и упавшую на алтарь; къ ней *припаялся* кусочекъ дерева. Повсюду валяются обломки стеколъ, лампадъ, иконостаса; на алтарѣ лежатъ евангеліе, крестъ и остальная утварь, покрытая пеленою.

Изъ монастыря ходъ на балконъ, прикрѣпленный къ отвѣсной скалѣ. Съ этого балкона открывается вся долина, говорятъ, одна изъ живописнѣйшихъ въ мірѣ.

Напротивъ церкви въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ лежитъ французскій секретъ: что думалъ онъ, видя блуждавшій огонекъ по давно покинутымъ кельямъ?! Нѣсколько правѣе подъ аквадукомъ за его сводами горитъ большой костеръ у французскихъ аванпостовъ; отсюда видны группы людей, толпящихся у огня.

Осмотрѣвъ постъ нашихъ штуцерниковъ, помѣщенный въ развалинахъ Инкерманской башни, и полюбовавшись долиною, живописно предъ нами разстилающеюся, мы воротились въ свои печальныя землянки.

Есть преданіе, что сосланный сюда за распространеніе Христова ученія Климентъ, папа Римскій, продолжалъ и здѣсь свою проповѣдь, за что, по повелѣнію императора Траяна, брошенъ въ Черное море. Тѣло мученика, обрѣтенное вѣрующими, опочивало нетлѣннымъ въ древнемъ Херсонесѣ, пока в. к. Владиміръ святой не перенесъ части этой святыни въ Кіевъ, гдѣ она покоится и доселѣ, тогда какъ другая часть мощей великаго святителя опочила въ Римѣ, на мѣстѣ самой проповѣди Св. Климента и первыхъ гоненій, имъ понесенныхъ.

18 октября.

Къ Безобразову на батарею упало двѣ бомбы и обѣ не разорвало. Онъ приказалъ разрядить ихъ, и что же оказалось?—обѣ начинены вмѣстѣ съ

страшіемъ и непоколебимою отвагою, свойственною только русскому солдату, въ глазахъ изумленнаго непріятеля воздвигли укрѣпленіе, оградили редутъ грудью своею, какъ гранитною стѣною. Царь, Отечество и исторія одни могутъ наградить васъ за такіе подвиги.

«Мы же, мирные жители Селенгинска, только можемъ удивляться и молить Всевышняго и Его Святаго Угодника Георгія, да сохранитъ онъ васъ подъ сѣнію своего святаго знамени и ниспошлетъ новыя побѣды. Какъ ничтожную дань нашего удивленія къ доблестямъ вашимъ, мы, *мирные Селенгинцы*, просимъ *храбрыхъ Селенгинцевъ* принять посильное наше приношеніе. Пусть оно будетъ каплею меда, услаждающею труды вашей боевой жизни".

Приношеніе Селенгинскаго полка, какъ видно, было принято съ истиннымъ восторгомъ гражданами отдаленнаго Селенгинска; вотъ что писали въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» по этому случаю изъ города Селенгинска (№ 132. 1856).

«10 числа іюля нынѣшняго года, совершенно неожиданно, мы получили по почтѣ святую икону Печерской Божіей Матери, прострѣленную насквозь вражескою картечною пулей, посланную намъ изъ Крыма съ Мекензіевыхъ высотъ Селенгинскимъ полкомъ. Радость жителей по этому случаю, который едва ли гдѣ-нибудь имѣетъ себѣ подобный, была всеобщая! Отъ большаго до малаго, всѣ принимали сердечное участіе въ этомъ торжественномъ празднествѣ. Съ крестнымъ ходомъ мы принесли святую икону въ храмъ Божій, гдѣ, по отслуженіи Божественной литургіи и благодарственнаго молебна, провозглашено троекратное многолѣтіе Великому Государю Александру Николаевичу, Его Августѣйшему Дому и храброму Селенгинскому пѣхотному полку.»

порохомъ маленькими морскими камешками и кусками человѣческихъ экскрементовъ. Потѣшаются—разбойники!...

19 октября.

У Тотлебена положительно манія какая-то къ горжамъ. Не можетъ быть, чтобы ему не было извѣстно, сколько было употреблено лицами, начальствовавшими на 3-мъ бастіонѣ, интригъ, чтобы, несмотря на приказанія высшихъ властей, не чинить разрушавшуюся бомбардировкой горжу 3 бастіона, что привело ее къ конечному почти разрушенію, или, правильнѣе, къ образованію въ ней весьма широкаго прохода, чрезъ который и ворвались на бастіонъ наши резервы, опрокинувшіе занявшихъ его Англичанъ. Не можетъ быть, чтобы не былъ извѣстненъ Тотлебену голосъ общественнаго мнѣнія послѣдняго времени, гласившій, что подъ горжей Малахова кургана, которую его убѣждали не дѣлать, онъ похоронилъ свою славу! А между тѣмъ въ немъ и послѣ этого не прошла страсть къ горжамъ: и въ настоящее время, укрѣпляя Сѣверную, онъ настроилъ по берегу бухты цѣпь редутовъ, замкнутыхъ горжами. Каждое изъ этихъ укрѣпленій защищается гарнизономъ самой ничтожной числительности, такъ что въ одну бурную, темную ночь, непріятель, на судахъ, которыхъ можетъ значительное количество собрать на Южной сторонѣ бухты, имѣетъ полную возможность сдѣлать высадку на Сѣверную и напасть на которое-либо отдѣленіе, овладѣть имъ и, разумѣется, уже непремѣнно удержать за собою, потому что въ укрѣпленіи этомъ найдетъ совершенно безопасную стоянку по милости устроенной въ укрѣпленіи горжи, а подступы къ нему будутъ обстрѣливаться съ того берега.

28 октября.—Позднiй вечеръ.

Сбылось! Мы представимся Государю Императору: сейчасъ получено слѣдующее распоряженіе.

„*29 октября* выѣздъ Государя Императора изъ Бахчисарая въ экипажахъ, на почтовыхъ лошадяхъ, къ лагерю 15-й резервной пѣхотной дивизіи, гдѣ осмотръ свободной части оной и пристроенныхъ къ ней двухъ саперныхъ баталіоновъ. Всѣмъ этимъ войскамъ быть во взводныхъ колоннахъ справа и поставленнымъ по удобству мѣста. Оттуда Его Величество изволитъ поѣхать на Волохову башню верхомъ, потомъ обратно къ лагерю 15 дивизіи, оттуда въ коляскѣ къ Инкерману, гдѣ изволитъ смотрѣть обыкновеннымъ смотровымъ порядкомъ всю 11 пѣхотную дивизію (выбрать мѣста для сего не подъ огнемъ непріятельскимъ); потомъ Государь Императоръ изволитъ ѣхать на Мекензи, и предъ землянками осмотритъ свободныя части 16-й и 17-й дивизій и 6-го стрѣлковаго баталіона, коимъ быть по удобности мѣста во взводныхъ колоннахъ справа; оттуда Его Величество возвратится, въ коляскѣ, въ Бахчисарай.

30 числа. Его Величество, отслушавъ обѣдню въ Бахчисараѣ изволитъ произвести осмотръ войскамъ, на Бельбекѣ стоящимъ, для чего они

должны быть построены обыкновеннымъ смотровымъ порядкомъ. Оттуда Государь Императоръ изволитъ проѣхать въ Юкаръ Королезъ, осмотритъ позицію и войска передъ землянками и потомъ возвратится, въ коляскѣ, въ Бахчисарай.

31 числа. Государь Императоръ изволитъ произвести смотръ 10-й пѣхотной дивизіи, 4-му стрѣлковому баталіону, 1-й бригадѣ 2-й драгунской дивизіи и летучему № 9 парку. Для сего войска должны быть построены обыкновеннымъ смотровымъ порядкомъ. Послѣ этого смотра Его Величество изволитъ поѣхать въ Ташъ-Басты, осмотритъ тамъ войска передъ землянками и возвратится въ Бахчисарай.

При всѣхъ смотрахъ, какъ смотровымъ порядкомъ, такъ передъ лагерями или бараками, войскамъ быть въ полной походной амуниціи, съ ранцами и ружьями, въ шинеляхъ и фуражкахъ. Гг. генераламъ и офицерамъ быть въ форменныхъ плащахъ или шинеляхъ и въ фуражкахъ, причемъ поясовъ не надѣвать. Само собою разумѣется, что дружины, причисленныя къ полкамъ, должны быть вмѣстѣ съ ними. Вѣрно. Дежурный штабъ-офицеръ 3 пѣхотнаго корпуса подполковникъ Бѣлявскій".

29 октября.—Вечеръ.

Сейчасъ получена слѣдующая записка: „Государь Императоръ соизволилъ на сегоднешнее число, 29 октября, отдать:

Пароль — г. Севастополь,
Лозунгъ — Св. Сергій,
Отзывъ — Стрѣлокъ.

О чемъ имѣю честь увѣдомить для замѣны пароля, лозунга и отзыва, отданныхъ господиномъ главнокомандующимъ. Подлинное подписалъ дежурный генералъ, генералъ-лейтенантъ Ушаковъ. Вѣрно: Исправляющій должность начальника штаба 6 пѣхотнаго корпуса полковникъ Исаковъ".

Уставъ ужасно, не могу писать. Испытанное сегодня такое произвело впечатлѣніе, что даже за дневникъ не хочется приниматься. Къ этому нравственному состоянію присоединилось крайнее физическое утомленіе. И то сказать, нисколько не преувеличивая, кромѣ громадной массы всякаго служебнаго дѣла, мною передѣланнаго въ эти послѣдніе дни, по случаю Царскаго смотра, вчера состоявшагося, вся забота объ устройствѣ помѣщенія, въ которомъ можно было бы принять Государя и Его многочисленную свиту, — также какъ и вся забота объ устройствѣ завтрака, который, по моей же иниціативѣ, мы рѣшились просить Государя принять отъ насъ,—лежала на мнѣ... Это все легко сказать, но трудно было исполнить... Но что происходило сегодня—разскажу завтра...

30 октября.

Пароль, лозунгъ и отзывъ, отданные на сіе число главнокомандующимъ, Государь замѣнилъ слѣдующими: Пароль—г. Бахчисарай, лозунгъ—Св. Борисъ, отзывъ—Бодрость.

Вчера на Царскомъ смотру 11 пѣхотная дивизія съ прикомандированными къ ней частями находилась въ слѣдующемъ составѣ:

Селенгинскій полкъ	2 батал.	1.431	чел.
Якутскій „	2 „	1.319	„
Охотскій „	2 „	1.980	„
Камчатскій „	1 „	858	„

Государственнаго ополченія Тульской губерніи:

Дружина № 80 маіоръ Исаевъ	596 чел.
„ № 47 подполков. Тороповъ	587 „
„ № 89 полковникъ Норовъ	635 „
„ № 90 подполков. Муравьевъ	559 „

11 артиллерійской бригады батарейная № 4 батарея 180 чел. — 8 орудій. Легкая № 5 батарея 130 чел. 8 орудій (зарядныхъ ящиковъ 40; запасныхъ лафетовъ 4). Сотня Донскаго казачьяго № 57 полка—73 чел.

Командовали: дивизіею генералъ-лейт. Павловъ (умеръ); 1 бригадой и Якутскимъ полкомъ—полковникъ Велькъ (умеръ); Селенгинскимъ полкомъ подполковникъ Саловъ (впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, умершій по назначеніи комендантомъ кіевской крѣпости); 2 бригадою генералъ-маіоръ Заливкинъ (умеръ); Охотскаго егерскаго полковникъ Малевскій (умеръ); Камчатскаго егерскаго подполковникъ Колесниковъ (въ отставкѣ); 11-й артиллерійскою бригадою генералъ-маіоръ Вдовиченко; батареей № 4 подполков. Филимоновъ; Легкой № 5—подполковникъ графъ Тышкевичъ; казачьей сотней есаулъ Савельевъ.

Вчера былъ день торжества нашей дивизіи, день стяжанія величайшей награды, какую можно было только вообразить себѣ за нашу службу въ настоящую кампанію; вчера озарило нашу дивизію счастіе, на какое она не смѣла и надѣяться. Государь Императоръ со Своими Августѣйшими братьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами и Великимъ Герцогомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ удостоили, послѣ смотра нашего отряда, принять приготовленный нами завтракъ. Событіе, съ давнихъ временъ не повторявшееся: покойный Императоръ Александръ I удостоивалъ посѣщеніемъ обѣды и балы, приготовлявшіеся офицерами войскъ, имѣвшихъ счастіе находиться на смотрахъ Его Величества, но съ тѣхъ поръ много прошло времени, многое приняло совсѣмъ иной характеръ и во все царствованіе покойнаго Николая Павловича едва ли былъ хотя одинъ примѣръ, чтобы армейскіе офицеры осмѣлились предложить своему Верховному Вождю раздѣлить съ ними трапезу ихъ, того или другаго наименованія.

Зная, что Государь Императоръ, выѣхавъ утромъ изъ Бахчисарая, изволитъ осмотрѣть Сѣверную сторону съ ея укрѣпленіями и войсками, а оттуда пожалуетъ осмотрѣть нашъ отрядъ, приготовившійся на Инкерманскихъ высотахъ, въ виду другихъ соименныхъ имъ высотъ, орошенныхъ кровью на-

шихъ товарищей, потомъ изволитъ смотрѣть Якутскій полкъ съ дружиною № 47, Курскаго ополченія, на „промежуточной“ позиціи и наконецъ, послѣ смотра войскамъ на Мекензіевой горѣ, изволитъ вечеромъ возвратиться въ Бахчисарай, мы рѣшились просить Державнаго гостя осчастливить насъ раздѣленіемъ съ нами нашей солдатской трапезы.

Это предположеніе конечно было встрѣчено офицерами и начальниками нашей дивизіи съ величайшимъ восторгомъ: кому не отрадно видѣть въ своей средѣ Великаго Отца своего?! У насъ долго не думаютъ: сейчасъ же посланцы поскакали во всѣ стороны. Подполковнику Салову и мнѣ выпала счастливая доля устроить все для желаннаго событія, все приготовить, чтобъ обстановка пріема соотвѣтствовала хотя сколько-нибудь величію Того, Кого надѣялись принять. Главная задача была въ устройствѣ помѣщенія для пріема высокихъ посѣтителей. На всей нашей позиціи былъ *одинъ только домикъ* — лѣснаго сторожа, тотъ самый, изъ котораго мы отправились въ Инкерманскій бой, гдѣ столько времени жилъ князь Горчаковъ, руководя защитою. Съ лихорадочною дѣятельностью мы принялись за работу и мгновенно бѣдный, печальный домикъ преобразился въ роскошный павильонъ, а рядомъ съ нимъ построился, изъ дубовыхъ вѣтвей, большой балаганъ для свиты. Съ Сѣверной, изъ принадлежавшаго командиру порта сада, привезли оранжерейныя растенія; они украсили входъ въ домикъ, драпированный полосатою матеріею; слѣдующая комната, отдѣланная въ видѣ палатки изъ розовой холстинки, съ живыми цвѣтами по угламъ, вела въ лучшую комнату домика, съ двумя окнами; потолокъ ея обтянутъ бѣлымъ коленкоромъ, стѣны и полы обиты прекрасными коврами, съ изображеніями цвѣтовъ, столь удачно подобранными, что удостоились впослѣдствіи особаго вниманія Государя Императора; тутъ накрыли столъ для Царя и ближайшихъ къ нему лицъ; другой столъ накрыли въ слѣдующей комнатѣ, также отдѣланной коврами; нечего и говорить, что окна и двери убрали шелковою драпировкою и вездѣ наставили живыхъ цвѣтовъ.

Все было готово къ разсвѣту вчерашняго числа; одного только мы еще не знали: осчастливитъ ли насъ Государь Императоръ принятіемъ нашего хлѣба-соли.

Восталъ часъ смотра. Нетерпѣливое войско жаждало скорѣе увидѣть своего вѣнценоснаго Властителя, того, по чьему слову, оно опять готово идти на смерть, забывъ всѣ недавніе ужасы, труды и лишенія. Вдругъ показались экипажи, пронеслось: „смирно“, все какъ бы замерло, Государь приблизился къ приготовленнымъ лошадямъ, и вотъ черезъ нѣсколько минутъ видимъ, несется къ намъ надежда — Государь — *„могущъ и радостенъ, какъ бой!“*

Передать ли словами тотъ неумолчный перекатный крикъ, тотъ вопль восторга и торжества, которымъ ему откликнулось войско! Государь пронесся по рядамъ и остановясь посреди войскъ — махнулъ рукою. Музыка и крики восторга замолкли...

„*Благодарю ребята*, воскликнулъ царственный полководецъ, *за службу*,

благодарю; именемъ покойнаго Государя, именемъ Отца Моего и вашего—благодарю васъ".

„Ура! ура!" долго гремѣвшее было отвѣтомъ Великому Царю, заглушивъ Его голосъ. Его Величество простилъ этотъ сердечный порывъ, и едва замолкъ восторженный крикъ изволилъ продолжать:

„Я счастливъ, что имѣю возможность лично благодарить васъ за вашу геройскую службу; давно это было Моимъ желаніемъ."

Не пересказать мнѣ происшедшаго послѣ этихъ словъ... Но каждый русскій пойметъ сердцемъ, что тогда происходило въ нашихъ сердцахъ! Потомъ Его Величество изволилъ сойти съ лошади и въ сопровожденіи Своихъ Августѣйшихъ братьевъ, герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, главнокомандующаго и свиты, пошелъ по баталіонамъ.

Сколько сердечныхъ словъ участія, вниманія, благодарности, сколько милостивыхъ привѣтствій произнесено было тутъ Его Величествомъ! Онъ изволилъ распрашивать у георгіевскихъ кавалеровъ, за что именно и когда кому данъ крестъ; раненыхъ солдатъ распрашивалъ о времени полученія раны, о ходѣ и послѣдствіяхъ ея; подойдя къ Камчатскому полку и замѣтивъ, что одинъ только баталіонъ въ строю, изволилъ спросить о причинѣ. Командующій полкомъ доложилъ, что другой баталіонъ на аванпостахъ; тогда Его Величество, возвыся голосъ, произнесъ: *„Одинъ баталіонъ Камчатцевъ, да четырехъ стоитъ!"* Разумѣется, осчастливленные Камчатцы отвѣчали радостными криками. Тутъ же Его Величество изволилъ замѣтить подъ знаменемъ двухъ унтеръ-офицеровъ — старика и молодаго, похожихъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды, богатырей весьма большаго роста, съ георгіевскими крестами, съ Французскими саблями у пояса, вмѣсто тесаковъ, и съ пистолетами за поясомъ. Государь изволилъ спросить о причинѣ такого вооруженія. То были волонтеры изъ новгородскихъ пахотныхъ солдатъ отецъ съ сыномъ — Михайловы, добровольно пришедшіе на службу во время защиты Севастополя, гдѣ за отличное мужество оба были произведены начальникомъ гарнизона, генералъ-адъютантомъ графомъ Остенъ-Сакеномъ, въ унтеръ-офицеры и оба по приговору товарищей получили знаки отличія Военнаго ордена. „Намъ пожалованы сабли княземъ Васильчиковымъ, Ваше Императорское Величество, за храбрость нашу."

Вы волонтеры?—изволилъ спросить Государь.

„Точно такъ, Ваше Императорское Величество, мы добровольно пришли въ Севастополь, желая умереть за Ваше Величество и за вѣру православную."

Спасибо вамъ, ребята, за хорошій примѣръ, спасибо вамъ; не забуду васъ: приходите ко мнѣ въ Петербургъ, изволилъ прибавить Государь Императоръ.

„Благодаримъ покорно Ваше Императорское Величество."

Великіе Князья удостоили особаго вниманія Михайловыхъ, разсматривали ихъ пистолеты и разспрашивали о подробностяхъ послѣдняго штурма и отраженія, въ которомъ Михайловы принимали дѣятельное участіе.

Начался церемоніальный маршъ. Государь Императоръ изволилъ благодарить каждый взводъ... Люди, что называется, изъ кожи лѣзли вонъ; каждый смотрѣлъ героемъ, шелъ молодцомъ; присутствіе Императора вливало новую жизнь въ солдатъ. Этотъ смотръ былъ по истинѣ прекрасенъ, и союзники, покрывшіе высоты своей позиціи, стараясь разсмотрѣть происходящее, и подивились бы ему, еслибъ *могли* разсмотрѣть.

Государь Императоръ изволилъ вызвать всѣхъ насъ, офицеровъ, на середину дивизіи и благодарилъ за прошлое въ такихъ выраженіяхъ, которыя останутся для насъ вѣчно незабвенными, какъ величайшая награда, какую мы только могли ожидать за наши подвиги въ настоящей кампаніи. Между прочимъ Его Величество изволилъ произнесть: *„Благодарю васъ за то, что вы всегда впереди.“*

Разспросивъ всѣхъ до одного раненыхъ офицеровъ, когда и гдѣ кто раненъ и какія послѣдствія имѣла рана на здоровье, Государь изволилъ благодарить начальствующихъ, начиная съ генералъ-лейтенанта Павлова; *„Благодарю тебя за третій бастіонъ*, изволилъ сказать Его Величество, протянувъ руку генералу Павлову, которую онъ спѣшилъ облобызать; *благодарю; ты славно отдѣлалъ Англичанъ“*.

Смотръ кончился. Государь Императоръ, довольный войскомъ, Имъ осмотрѣннымъ, окруженный его толпами и сгрупировавшимися вокругъ него офицерами, изволилъ приказать подать себѣ лошадь. Въ этотъ моментъ главнокомандующій, отъ имени офицеровъ нашей дивизіи, просилъ Государя осчастливить насъ принятіемъ приготовленнаго завтрака. Государь Императоръ соизволилъ.

Я вихремъ домчался до домика, приготовленнаго для принятія Великаго Гостя—все было готово, все на своихъ мѣстахъ. У крыльца стояли молодцы часовые, георгіевскіе кавалеры; поговоривъ съ ними, Государь изволилъ остаться очень довольнымъ ихъ молодецкимъ видомъ и отвѣтами и изволилъ приказать перевесть ихъ въ гвардію... Сказавъ нѣсколькихъ милостивыхъ словъ объ убранствѣ домика, Государь изволилъ сѣсть за приготовленный столъ и кушать, причемъ взявъ бокалъ шампанскаго и обращаясь къ генералу Павлову, изволилъ сказать: *„Пью за здоровье 11-й пѣхотной дивизіи.“* Конечно, этотъ тостъ долженъ остаться въ лѣтописяхъ 11-й дивизіи и перейти къ будущимъ поколѣніямъ, которыя смѣнятъ насъ въ ея рядахъ, какъ лучшее свидѣтельство ея заслугъ Царю и Отечеству, долженъ остаться въ ней вѣчно памятнымъ и незабвеннымъ, какъ самая исторія славныхъ дѣлъ ея полковъ, долженъ храниться въ ней какъ регаліи, Самимъ Царемъ ей пожалованныя за ея кровь—потоками пролитую, за подвиги, ею совершенные. Не могло быть продолжительно это достопамятное пребываніе Государя въ нашей средѣ. Онъ уѣхалъ при кликахъ войска, долго за нимъ бѣжавшаго; Великія Князья послѣдовали за Вѣнценоснымъ Братомъ на перекладной телѣжкѣ, на тройкѣ лихихъ татарскихъ лошадокъ.

Забылъ разсказать нѣсколько мелкихъ частностей достопамятнаго вчерашняго дня.

За завтракомъ были сервированы устрицы. Здѣсь въ бухтѣ устрицы особой породы, говорятъ, чрезвычайно вкусны, хотя мелкія. Государю очень понравились эти устрицы; скушавъ тарелку ихъ, Государь пожелалъ еще устрицъ. Мы бросились за ними и несли уже подать Ему цѣлое блюдо ихъ, но въ дверяхъ сталъ лейбъ-медикъ Енохинъ и воротилъ несшаго устрицы Государю, заявивъ что таковыя Ему могутъ повредить. Такъ Государь устрицъ и не допросился...

Въ то время, когда Государь изволилъ кушать, ловкій Владиміръ Николаевичъ Саловъ успѣлъ смѣнить переведенныхъ въ гвардію часовыхъ другими, такими же молодцами, съ георгіевскими крестами. Государь, выходя изъ домика, тотчасъ замѣтилъ, что у дверей стоятъ другіе часовые, проходя мимо нихъ изволилъ остановиться, разспросилъ: за что именно получили знаки Военнаго ордена, остался очень доволенъ полученными отвѣтами и пожаловалъ по 10 руб. каждому часовому.

Путь Государя отъ домика въ расположеніе Якутскаго полка лежалъ мимо кухонь Охотскаго егерьскаго полка. Проѣзжая мимо этихъ кухонь, Государь остановился и приказалъ подать себѣ пробу каши. По счастію кашеваръ оказался превосходный въ той кухнѣ, у которой остановился Государь, толковый и чрезвычайно опрятный. Каша, имъ поднесенная Государю, была „ей же ей—на славу сварена!“ Каша понравилась Государю, понравились и находчивые толковые отвѣты кашевара и Государь приказалъ перевесть этого кашевара въ гвардію. Случай надо полагать безпримѣрный, чтобы самъ Государь удостоилъ армейскаго *кашевара* перевода въ гвардію, тѣмъ болѣе, что съ понятіемъ о кашеварѣ у войскъ связано представленіе о чемъ то неказистомъ, нерѣдко плюгавомъ, къ фронту по большей части неспособномъ, качества діаметрально противуположныя тѣмъ, какія привыкли видѣть въ гвардейцахъ.

31 октября.

Государь Императоръ соизволилъ на сегодняшнее число, 31 октября отдать: Пароль—г. *Москва;* лозунгъ *Св. Михаилъ;* отзывъ *Мужество.*

13 ноября. Гора Мекензи.

Теперь изрѣдка принимаюсь за дневникъ; прошло время знаменательныхъ событій! что записывать нынѣ? Все однообразно, какъ-то пусто кругомъ, на душѣ какъ-то особенно грустно, ничто не шевелитъ воображенія, не говоритъ сердцу.

У насъ новый начальникъ дивизіи, генералъ Веселитскій.

Стоимъ въ землянкахъ на горѣ Мекензи, близъ того хутора, гдѣ Англичане отхватили хвостъ колонны князя Меньшикова, совершавшей фланговый маршъ къ Бахчисараю. Предъ нами вдали рисуется истерзанный Севастополь, большая часть бухты и море, въ которое врѣзалась, на продолговатомъ мысу, Константиновская батарея, словно дужка сломаннаго замка.

Еслибъ хоть такія событія, какъ совершившееся 3 ноября, потрясали нашу душу, потрясая всю окрестную природу, все-таки жизнь сказывалась бы.

Первыя числа ноября—роковые дни союзниковъ: въ прошломъ году 2 ноября ихъ потрепала буря, нынѣ 3 ноября, въ артиллерійскомъ паркѣ союзниковъ произошелъ ужасный взрывъ. Такого взрыва не было во все время осады: мы еще стояли на Инкерманѣ, вся мѣстность колыхнулась, наши землянки задрожали, пошла пыль изъ всѣхъ щелей, въ моей землянкѣ окно выскочило—я думалъ: опять не разорвало ли ракеты вблизи моего жилища? На Михайловской батареѣ всѣ окна и двери растворились настежь. Батальный огонь отъ лопавшихся гранатъ и бомбъ не умолкалъ нѣсколько минутъ. Такой поднялся столбъ дыма на мѣстѣ взрыва, что ничего подобнаго не бывало при Севастопольскихъ взрывахъ. Цѣлый табунъ французскихъ лошадей прибѣжалъ съ испуга въ балку противъ нашихъ аванпостовъ на Черной; наши батареи и штуцерники тотчасъ открыли по нимъ огонь, а вмѣстѣ и по людямъ, которые бросались ихъ ловить. Парламентеръ, пріѣзжавшій послѣ этого событія дня черезъ три, въ Константиновскій фортъ по какому то дѣлу, разсказывалъ, что у Французовъ отъ неосторожности взлетѣло 50 тысячъ пудовъ пороха и 5 тысячъ заряженныхъ снарядовъ, причемъ выбыло изъ строя болѣе 150 человѣкъ *).

Грѣхъ радоваться чужой бѣдѣ, а этой нельзя не порадоваться.

---

*) Взрывъ произошелъ въ 4-мъ часу вечера. Въ лагерѣ союзниковъ сдѣлалась большая суматоха—вообразили, что это мы затѣяли какую-нибудь штуку противъ нихъ. Взрывъ этотъ произошелъ во французскомъ артиллерійскомъ паркѣ и сообщился сосѣднему англійскому парку (Geurin. Idem. с. 518), но по счастію близъ него не было пороху, однако магазины въ немъ уничтожены и разорвало нѣсколько бомбъ. Генералъ Кодритонъ объявилъ, что у него убитъ офицеръ и 20 нижнихъ чиновъ, ранено 4 офицера и 112 нижнихъ чиновъ. У Французовъ убито 2 офицера и 28 ниж. чин., ранено 10 офицеровъ и нѣсколько медиковъ и до 100 ниж. чин. По словамъ Rousset (Idem, ст. 436) у Французовъ убито 4 офицера и 36 солд. и ранено 108 человѣкъ.

Отыскивая причины этого несчастнаго для себя событія, нѣкоторые французскіе писатели говорятъ, что оно произошло слѣдующимъ образомъ. Нѣсколько артиллеристовъ въ артиллерійскомъ паркѣ, что близъ мельницы, мѣняли пороховые мѣшки. Пересыпку эту дѣлали посредствомъ боченковъ или мѣдныхъ сосудовъ. Солдатъ, пересыпавшій порохъ, замѣтилъ осколокъ бомбы въ порохѣ и выбросилъ его. Осколокъ упалъ на камень, уже покрытый пороховою пылью, далъ искру и произошелъ взрывъ. Откуда Французамъ могутъ быть извѣстны такія подробности о причинѣ взрыва—Аллахъ знаетъ! Мы думаемъ, что при этомъ взрывѣ едва ли удѣлѣлъ кто-либо изъ пересыпавшихъ порохъ! Но гораздо достовѣрнѣе и правдоподобнѣе разсказъ объ этомъ событіи въ Historique du service de l'Artillerie 3 Ноября во французскомъ артиллерійскомъ паркѣ, что около мельницы, по разсказу этого сочиненія (Idem. ст. 462, 463, 464), взлетѣло на воздухъ 50.000 килограмъ русскаго и французскаго пороха, 600.000 боевыхъ патроновъ, 4.000 готовыхъ разрывныхъ снарядовъ, до 100 боевыхъ ракетъ.

При этомъ погибла коллекція русскаго оружія и другихъ предметовъ, составленная въ Севастополѣ для французскихъ музеумовъ. Разрушены бараки и жилища офицеровъ,

14-го ноября.

Итакъ, у насъ новый начальникъ дивизіи; вмѣсто генерала Павлова, которому дали въ команду 17 дивизію, къ намъ назначили начальника 17 дивизіи генералъ-лейтенанта Сергѣя Гавриловича Веселитскаго.

Перестановку эту произвели будто-бы потому, что 17 дивизія идетъ комплектоваться во внутреннія губерніи Россіи, а мы остаемся здѣсь и потому командовать нашею дивизіею, съ большею чѣмъ кто-либо, пользою, будто-бы, можетъ Веселитскій, потому что онъ хорошо знакомъ съ мѣстностью, на которой намъ предстоитъ стоять и дѣйствовать.

Веселитскій человѣкъ не глупый, учившійся на мѣдныя деньги, но много читавшій и видавшій на своемъ вѣку, потому натершійся, отшлифовавшійся,—человѣкъ отъ природы очень способный, добрый, безусловно честный, говорятъ храбрый, самъ я не видалъ его въ дѣлѣ, но педантъ и мелочникъ по службѣ и во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайный и, въ полномъ смыслѣ слова—самодуръ большой руки.

Веселитскій лишился правой руки и, по несчастію, не въ военное, а въ мирное время. Одни говорятъ, что ему отрѣзали руку, вслѣдствіе раны на ней образовавшейся отъ паденія изъ коляски, другіе же утверждаютъ, что когда онъ командовалъ ротою въ Образцовомъ пѣхотномъ полку, то отличался большою жестокостью, собственноручно сильно бивалъ солдатъ и тому подобное. Утверждаютъ, что однажды желая ударить стоявшаго во фронтѣ солдата, онъ размахнулся кулакомъ, а солдатъ, въ это мгновенье, подставилъ ему штыкъ и онъ напоролся рукою на штыкъ и поранилъ ее,—рана прикинулась, должны были отрѣзать руку ниже локтя,—но это не помогало и вынуждены были вторично ампутировать руку, у самаго почти плеча. Эта безрукость сильно смущала и конфузила Веселитскаго, когда ему приходилось отвѣчать спрашивавшимъ его иностраннымъ военачальникамъ: въ какомъ сраженіи онъ потерялъ руку? Самолюбивый Веселитскій готовъ былъ бы, кажется, отдать от-

---

расположенные по сосѣдству съ мѣстомъ взрыва. Пожаръ, быстро распространяясь, сообщился англійскому парку, отъ чего въ оном тоже произошли взрывы. Но несчастіе могло бы быть еще ужаснѣе, если бы не особое мужество и рѣшимость солдатъ: на мельницѣ находилось 100.000 килограммъ пороха, верхняя часть зданія снесена была взрывомъ—солдаты одѣялами, кожами и тому подобнымъ, покрыли порохъ отъ искръ и летавшихъ головней и не допустили до взрыва этого огромнаго пороховаго запаса.

Объясненіе, данное начальникомъ фейерверщиковъ, спасшимся отъ гибели какъ бы чудомъ, о причинѣ взрыва доказываетъ, что таковый произошелъ отъ неосторожности при разряженіи нашихъ снарядовъ. Этимъ дѣломъ занимались двое солдатъ: канониръ и фейерверщикъ въ землянкѣ, за нѣсколькими каменными стѣнками, метрахъ въ 60 отъ пороховаго магазина. Одинъ пошелъ приказать принять боченокъ, уже наполнявшійся порохомъ, и подать другой; онъ уже прошелъ шаговъ 50, когда услышалъ первый взрывъ и вслѣдъ за нимъ взрывъ пороховаго магазина. Слѣдовательно, надо думать, что причина взрыва—случай при разряженіи снарядовъ, но какъ этотъ случай произошелъ, невозможно объяснить—оба дѣйствующія лица, единственныя, которыя могли бы объяснить этотъ случай, погибли первые. Какимъ же образомъ нашелъ возможнымъ разсказать причину взрыва съ такою увѣренностію и подробностію г. Геренъ, какъ выше значится? Французскіе писатели вообще, даже самые достовѣрные,—охотники дополнить воображеніемъ разсказъ о какомъ-либо замѣчательномъ историческомъ событіи.

рѣзать другую руку свою, лишь бы имѣть возможность отвѣчать спрашивающимъ: —„въ такомъ-то!“

Мнѣ кажется, что наши солдаты едва-ли особенно полюбятъ Веселитскаго.

Солдатъ любитъ такого начальника, который бы однимъ появленіемъ своимъ, такъ сказать, наэлектризовалъ бы его, какъ, напримѣръ, Хрулевъ— а этого свойства въ Веселитскомъ нѣтъ. Солдату мало, что начальникъ добръ и честенъ, какъ, напримѣръ, Веселитскій,—нѣтъ, онъ не любитъ начальника фронтовика въ военное время, не любитъ начальника педанта, съ заученными манерами и пріемами, не любитъ серьезнаго человѣка, никогда до него не нисходящаго. Лучшую похвалу, какую солдатъ находитъ возможнымъ сдѣлать о своемъ начальникѣ, это сказать: „Такой-то, нашъ братъ солдатъ, даромъ что генералъ; онъ нужду солдатскую знаетъ и въ обиду тебя никогда не дастъ“. Если спросить нашихъ солдатъ сравнительнаго отзыва о Веселитскомъ и Павловѣ, то можно быть увѣрену, что о послѣднемъ они отзовутся съ бо́льшимъ сочувствіемъ. И, можетъ быть, солдаты будутъ правы, потому что въ дѣлѣ управленія ими Веселитскій выѣзжаетъ больше на теоріяхъ, а Павловъ относится къ вопросу преимущественно съ практической стороны. Возьмемъ для примѣра продовольствіе солдатъ—предметъ ближе всего стоящій къ солдатскому сердцу!...

Павловъ, бывало, всякій день или самъ пойдетъ смотрѣть кашу солдатъ, или велитъ принесть къ себѣ пробу, или я схожу осмотрю пищу во всѣхъ частяхъ и доложу ему о результатахъ, или онъ пошлетъ своихъ личныхъ адъютантовъ во всѣ полки для осмотра пищи, словомъ, не было дня, чтобы онъ не подвергнулъ фактическому контролю пищу своихъ солдатъ. Да и бѣда-же начальнику части, если Павловъ убѣдится, что у него не хороша солдатская пища, или не отвѣчаетъ требованіямъ,—онъ не ограничится тѣмъ, что распушитъ виноватаго на чемъ свѣтъ стоитъ — на словахъ, нѣтъ, онъ отдѣлаетъ его въ приказѣ и пообѣщаетъ оставить безъ команды, что нерѣдко и выполняетъ.

Веселитскій дѣйствуетъ совсѣмъ иначе: онъ возложилъ повѣрку пищи на Гевальдигера и ограничился изданіемъ циркулярныхъ и сепаратныхъ предписаній, чтобы пища непремѣнно была хороша и состояла изъ *слѣдующихъ* предметовъ и, сдѣлавъ такое распоряженіе, Веселитскій уже не допускалъ мысли, что-бы кто-нибудь рѣшился его ослушаться и позволилъ бы себѣ давать солдатамъ недоброкачественную пищу.

Словомъ, повторяю: кумиромъ солдатъ Веселитскому никогда не сдѣлаться.

23 ноября.

Къ нашей дивизіи прикомандированъ легіонъ греческихъ волонтеровъ, подъ именемъ легіона Императора Николая I. Это послѣдній легіонъ изъ тѣхъ, что были сформированы изъ волонтеровъ различныхъ христіанскихъ племенъ Балканскаго полуострова, во время послѣдней турецкой войны. Нынѣ

этотъ легіонъ находится подъ начальствомъ нѣкоего князя Мурузи, молдована, потомка фанаріотовъ, человѣка крайне несимпатичнаго. Подчиненные его очень не долюбливаютъ, но никакъ отъ него не могутъ отдѣлаться (хотя однажды уже сбунтовались противъ него), потому что генералъ Коцебу почему-то благоволитъ къ нему и поддерживаетъ его своимъ авторитетомъ и вліяніемъ.

Волонтеры народъ недисциплинированный, бурный, разъ было уже взбунтовались еще во время стоянки въ княжествахъ, насилу ихъ укротили такими, по необходимости, мѣрами, которыя надѣлали бы огласки на всю Европу. Другой разъ нѣчто подобное произошло уже въ Севастополѣ. Мурузи этого изгоняли было одинъ разъ отъ себя волонтеры, а онъ все-таки впился въ нихъ какъ клещь и остался до сихъ поръ.

Вотъ и теперь, стоя подъ Бахчисараемъ, волонтеры что-то опять накуралесили и ихъ прислали къ намъ при очень пріятномъ для Веселитскаго письмѣ, въ которомъ говорится, что онъ близко знакомъ съ нравами этого народа (откуда это близкое знакомство—покрыто мракомъ неизвѣстности!),—что онъ пользуется ихъ расположеніемъ (тоже — откуда это извѣстно?), и потому начальство твердо увѣрено, что онъ съумѣетъ привести ихъ въ порядокъ. Въ помощь Веселитскому назначили гусарскаго маіора князя Кантакузена.

Пришли наконецъ эти неукротимые молодцы, стали на *промежуточной* позиціи.

Стоянка у нихъ оказалась очень незавидною: потѣснились они въ наскоро устроенныхъ балаганахъ, въ грязи по щиколку, балаганы текутъ насквозь, печей въ нихъ нѣтъ, хлѣба имъ три дня какъ не отпускаютъ, ну они и ожесточились, не будучи въ силахъ долѣе выносить такого неблагопріятнаго положенія,—совершенно взбунтовались, въ особенности 143 человѣка, которые взяли легіонское знамя и ушли по направленію къ главной квартирѣ...

Мурузи тотчасъ донесъ объ этомъ происшествіи Веселитскому, который сейчасъ же послалъ донесеніе Коцебу, а самъ командировалъ Черняева на мѣсто происшествія, узнать всю суть дѣла. Что тутъ узнавать въ сущности-то? Факты говорятъ сами за себя: бунтъ какъ есть въ полной формѣ; но Черняевъ постарался всѣми силами, сколько возможно, смягчить свой докладъ и больше всего обвинилъ Мурузи. Веселитскій склонился въ ту же сторону и послалъ съ Кантакузеномъ смягченный до крайности докладъ князю Горчакову, а самъ, между тѣмъ, принялъ мѣры противъ бунтовщиковъ, приказавъ весь легіонъ раскасировать по полкамъ нашей дивизіи, что и исполнили тотчасъ. Что же касается до князя Горчакова, то онъ отнюдь не съ такою мягкостью отнесся къ дѣлу и приказалъ судить полевымъ военнымъ судомъ тѣхъ унтеръ-офицеровъ, которые самовольно осмѣлились взять знамя и уйти съ нимъ,—такой судъ грозитъ разстрѣляніемъ виновныхъ!

Разумѣется, въ этомъ самовольномъ поступкѣ греческихъ волонтеровъ рельефнѣе всего выдается нравственное безсиліе и даже ничтожество ихъ

командира, князя Мурузи, который, еслибы проникнутъ былъ чувствомъ собственнаго достоинства, наконецъ, чувствомъ долга, скорѣе позволилъ бы изрубить себя, чѣмъ допустилъ бы взять знамя своего легіона. А онъ, вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ какой-нибудь энергической, во всякомъ случаѣ, рѣшительной мѣрѣ, чтобы не допустить ихъ до такого самоуправства,— началъ ихъ уговаривать... Тѣ, разумѣется, съ воплями и криками не стали слушать сладкихъ рѣчей и продолжали неистовствовать: разбили гаубтвахту, освободили своихъ заключенныхъ товарищей и пошли въ походъ... Бунтовщиковъ остановили въ Бахчисараѣ, обезоружили, нѣкоторыхъ, запѣвалъ, арестовали, а прочихъ отдали подъ надзоръ 10 дивизіи, на время производства полеваго суда.

Вообще своею неумѣлостью и безвластіемъ въ легіонѣ, князь Мурузи былъ причиною большихъ въ немъ безпорядковъ. Такъ, въ послѣднее время случились въ легіонѣ, кромѣ сейчасъ разсказаннаго,—два происшествія. Охотскій полкъ пошелъ на аванпосты; при немъ состояло двѣ роты Грековъ. Командиръ одной изъ этихъ ротъ заявляетъ, что вслѣдствіе желанія своихъ людей, онъ со своей ротой также пойдетъ на аванпосты. Всѣ наши начальники согласились на это предложеніе, тѣмъ болѣе, что для грековъ это движеніе было очень сподручно. Полкъ пошелъ по назначенію. Что же оказалось? А оказалось, что на аванпосты пошли человѣкъ 20 всего на-всего изъ всего греческаго батальона—остальные остались дома!... Что! Какъ! Почему? Посыпались вопросы отъ начальствующихъ... Свалили все на простое недоразумѣніе.

Второй—намъ извѣстный случай. Надо было послать нѣсколько человѣкъ въ помощь повозкѣ, тащившей хлѣбъ. Мурузи приказалъ сдѣлать нарядъ рабочихъ отъ такой-то роты. Командиръ отвѣчалъ, что онъ людей для этой цѣли не пошлетъ. Мурузи послалъ за ротнымъ командиромъ. „Не могу, говоритъ, идти, а еслибы и могъ, такъ не хочу!“ Мурузи ему—формальное предписаніе, тотъ предписаніе изорвалъ въ клочки. Мурузи подалъ объ этомъ рапортъ и Веселитскій прикомандировалъ виновнаго офицера къ Селенгинскому полку, предписавъ подполковнику Салову произвесть объ этомъ происшествіи формальное слѣдствіе. „Хорошее, говоритъ Саловъ, надо полагать, я произведу слѣдствіе въ данномъ случаѣ, когда ни слова не понимаю по гречески, а тотъ, надъ кѣмъ буду производить слѣдствіе, ни слова не понимаетъ по русски!“

Вмѣсто уволеннаго ротнаго командира назначили другого — греки его принимать не хотятъ. Генералъ Веселитскій послалъ подп. Салова вразумить ихъ, что имъ никто не далъ права выбирать себѣ начальниковъ. Тѣ было сначала и слышать не хотятъ, кричатъ всѣ въ одинъ голосъ, каждый свои объясненія и возраженія, которыхъ, разумѣется, при этомъ нельзя ни понять, ни разобрать. Но Саловъ не Мурузи, позволявшій Грекамъ дѣлать, что хотятъ, Саловъ на нихъ такъ прикрикнулъ, что они языки прикусили, тогда онъ настоялъ, чтобы они, если хотятъ что объяснить, говорили бы по одн-

ночкѣ, не перебивая другъ друга. Затѣмъ выслушавъ ихъ, Саловъ объявилъ рѣшительно, что виновный капитанъ смѣненъ, а вмѣсто него назначенъ такой-то, которому они и должны повиноваться. Греки подчинились, заявивъ, что если этого офицера назначаетъ въ ротные командиры князь Мурузи, то они его не признаютъ начальникомъ и не допустятъ до исполненія его должности, если же его назначаетъ главнокомандующій князь Горчаковъ, они вполнѣ подчиняются его приказанію.

Мурузи, наконецъ, сдѣлалъ самое умное, что могъ сдѣлать—сказался больнымъ и, конечно, больше онъ не будетъ командовать легіономъ.

Чтобы не возвращаться болѣе къ разсказамъ о дальнѣйшихъ похожденіяхъ у насъ легіона Императора Николая I, помѣщу здѣсь все, что у меня въ запискахъ говорится въ послѣдующіе дни объ этомъ легіонѣ.

Надо замѣтить, что когда легіонъ прикомандировали къ нашему отряду, то это очень польстило Веселитскому. Во-первыхъ, онъ увидѣлъ въ этомъ особое къ себѣ довѣріе начальства, потомъ у него сейчасъ же разыгралась фантазія, что онъ устроитъ этотъ легіонъ, приведетъ его въ стройный порядокъ, привяжетъ къ себѣ людей его составляющихъ и при первомъ случаѣ совершитъ съ нимъ чудесныя подвиги; Веселитскій вообще, не смотря на весьма серіозные свои года, способенъ увлекаться разными мечтами и иллюзіями и строить Альнаскаровы замки.

Такъ, едва принявъ легіонъ подъ свое начальство Веселитскій выступилъ съ слѣдующимъ къ нему приказомъ, не забудемъ приказомъ обращеннымъ къ людямъ, изъ которыхъ развѣ только десятый вполнѣ понимаетъ по-русски!

„Господину главнокомандующему угодно было подчинить мнѣ легіонъ Императора Николая I-го.

Принимая въ команду свою легіонъ этотъ, объявляю какъ начальникамъ, такъ и всѣмъ воинскимъ чинамъ онаго, непремѣнное требованіе мое, чтобы соблюдалась строжайшая субординація и чтобы введена была въ легіонъ надлежащая дисциплина.

Предписываю употребить всѣ усилія, чтобы волонтеры составляли войско грозное врагу, не только своимъ мужествомъ, но и искусствомъ въ военномъ дѣлѣ, достигнуть котораго можно только соблюденіемъ воинскаго порядка, неуклоннымъ исполненіемъ приказаній начальства и безусловнымъ ему повиновеніемъ, какъ въ бою, такъ и внѣ онаго.

Волонтеры — вы пріобрѣли уже имя храбрыхъ, — пріобрѣтите также имя воиновъ, своимъ поведеніемъ уваженіе заслуживающихъ, чтобы впослѣдствіи каждый изъ васъ не со стыдомъ, а съ честію могъ сказать соотечественникамъ: я служилъ въ славномъ легіонѣ Императора Николая I“.

Изъ вышеприведенныхъ отрывочныхъ разсказовъ мы видѣли, достигъ ли какой-нибудь цѣли этотъ приказъ? Мы видѣли, ввелась ли въ легіонѣ согласно непремѣннаго требованія Веселитскаго надлежащая дисциплина и соблюдалась ли въ немъ строжайшая субординація?! Да развѣ подобнаго рода

требованіями достигаются благопріятные результаты! Для водворенія дисциплины и субординаціи въ извѣстной части войскъ не приказаніе нужно, хотя бы и самое *непремѣнное* а нѣчто иное, чего въ дѣйствіяхъ и начальническихъ отношеніяхъ Веселитскаго къ волонтерамъ не замѣчалось вовсе. Субординація и дисциплина не какой-нибудь ранечный ремень, который можно приказать пригнать на солдата такъ или иначе,—нѣтъ это нѣчто неуловимое для приказаній и распоряженій даже *строжайшихъ!...*

Не смотря однако же на безпорядки, происходившіе въ легіонѣ и доходившіе до анархіи, Веселитскій день и ночь сидѣлъ надъ составленіемъ, по порученію главнокомандующаго, проэкта положенія для легіона Императора Николая I, который для чего-то требовался и предназначался къ утвержденію законодательнымъ порядкомъ, обстоятельство, доказывавшее намѣреніе сохранить эту драгоцѣнность въ нашей арміи навсегда, для какихъ только цѣлей—трудно опредѣлить.

Канвой Веселитскому для составленія этого положенія послужило таковое же Высочайше утвержденное для Гурійской милиціи, хотя очевидно организація милиціи и организація легіона изъ волонтеровъ различныхъ національностей, точнѣе выражаясь изъ всякаго сброда, не имѣютъ между собою ничего общаго. Но Веселитскій особенно задумываться не любитъ ни надъ чѣмъ при исполненіи приказанія начальства: попалось положенія о грузинской милиціи, отчего же по немъ не выкроить положенія о греческомъ легіонѣ? И выкроилъ, и представилъ при слѣдующемъ можно сказать диковинномъ рапортѣ начальнику главнаго штаба арміи, генералъ-адъютанту Коцебу:

„По приказанію господина главнокомандующаго, сообщенному мнѣ вашимъ превосходительствомъ, имѣю честь при семъ представить составленный мною проэктъ положенія легіона Императора Николая I.

Проэктъ сей составленъ по совѣщанію съ князьями Кантакузинымъ и Мурузи, а также съ капитанами легіона и соображеніемъ нуждъ онаго и Положенія о Гурійской милиціи, Высочайше утвержденнымъ 29 декабря 1851 года.

Не взирая на тщательность составленія сего проэкта, при приведеніи онаго въ исполненіе, могутъ встрѣтиться какія-либо недоразумѣнія и недостатки, а потому я полагаю не представлять на окончательное утвержденіе господина главнокомандующаго, но разрѣшить руководствоваться онымъ въ видѣ опыта нѣкоторое время, съ тѣмъ, что если опытъ покажетъ необходимость какихъ-либо измѣненій или дополненій, тогда уже, исправленный удостоить поднесенія Его сіятельству г-ну главнокомандующему на утвержденіе.

Въ числѣ статей Положенія, между прочимъ, упомянуто вкратцѣ, что устройство участи легіонистовъ, подданныхъ Оттоманской имперіи, повергается милостивому воззрѣнію главнокомандующаго. Не зная видовъ по сему Его сіятельства, я не рѣшился въ Положеніи о легіонѣ опредѣлить мѣру благодѣянія, которое обезпечивало бы ихъ будущность.

Но принимая во вниманіе: отчужденіе ихъ отъ родины; лишеніе всѣхъ

сношеній съ семействами, потерю собственности; нравственное увлеченіе ихъ въ ряды войскъ нашихъ; ихъ самоотверженіе и мужество въ дѣлахъ противу непріятеля; безпріютное ихъ состояніе, по расформированію легіона, я мыслю справедливымъ дать имъ гражданство въ нашемъ отечествѣ съ изъятіемъ отъ всѣхъ податей и повинностей, съ дозволеніемъ поселиться, гдѣ они пожелаютъ, на земляхъ казенныхъ, съ надѣленіемъ участками земли и устройствомъ ихъ хозяйства, по распоряженію Министра государственныхъ имуществъ.

Таковое благодѣяніе, успокоивъ ихъ на счетъ будущности, не сокроется отъ ихъ единоземцевъ, и когда *снова*, по обстоятельствамъ, нужно будетъ привлечь подъ наши знамена ихъ, они съ полною увѣренностью станутъ въ ряды наши и будутъ храбрыми сподвижниками нашими, съ духомъ порядка и повиновенія.

Съ таковымъ воззрѣніемъ вообще составлено Положеніе объ улучшеніи содержанія легіона.

Все вышеизложенное и самый проэктъ Положенія всепокорнѣйше прошу ваше пр—ство представить благосклонному вниманію Его с—а князя Михаила Дмитріевича!“

Трудился, трудился Веселитскій надъ этимъ „Положеніемъ“, сколько бумаги исписалъ, казалось ему—вышло очень хорошо, „такое гладенькое, чистенькое Положеніе“, что съ введеніемъ его греки не на службѣ въ легіонѣ будутъ находиться, а просто—въ земномъ раю! Воротили наконецъ, изъ главной квартиры апробованный главнокомандующимъ уставъ для введенія онаго въ дѣйствіе, при чемъ присовокуплялось, что „Положеніе“ это представлено на утвержденіе Государю Императору.

Князь Кантакузенъ пріѣхалъ вводить новое „Положеніе“, при чемъ предварительно надлежало привесть грековъ къ присягѣ, объявивъ имъ новое „Положеніе“ съ тѣмъ, что только тѣ оставлены будутъ на русской службѣ, кто приметъ во всѣхъ частяхъ это „Положеніе“, что же касается до тѣхъ, которые не согласятся принять его, то тѣ имѣютъ неоспоримое право оставить легіонъ!...

Что же изъ всего этого произошло? Оказалось желающихъ остаться въ легіонѣ, что-то около 40 человѣкъ. Какая же этому причина? Вопервыхъ, новое „Положеніе“ имъ нѣсколько убавило содержанія, а главное, они боятся что *ихъ будутъ бить*.

Надо правду сказать: вообще эти греки тяжелое для насъ бремя. Никакой особой пользы они еще не принесли—хотя официально всѣ военачальники отзываются о нихъ съ большою похвалою; но эти оффиціальныя донесенія, по преимуществу, погрѣшаютъ противъ истины. Безпорядокъ у нихъ въ сраженіи всегда величайшій—а уже гдѣ безпорядокъ, тамъ не можетъ быть толку. Греки безпорядочны до того, что когда наши стояли въ Севастополѣ, то, не смотря на всегдашнюю готовность съ кѣмъ-нибудь раз-

дѣлить служебные труды, наши просили, чтобы къ нимъ для несенія аванпостной службы отнюдь не прикомандировывали грековъ. Въ цѣпи, ночью ихъ обличаютъ бѣлыя фустанеллы,—днемъ же онѣ служатъ лучшею цѣлью непріятельскимъ стрѣлкамъ. Кромѣ того греки не умѣютъ держать себя въ передовой цѣпи: кашляютъ, курятъ, въ кучки собираются, смѣются, словомъ *обнаруживаютъ* себя, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ надо быть какъ мертвому. Наконецъ, въ то еще время, когда занимали Селенгинскій редутъ, однажды греки держали аванпосты передъ нимъ и въ одну прекрасную ночь, когда союзники что-то слишкомъ много бомбъ швырнули къ намъ, таковыя оказались черезъ чуръ непріятными грекамъ и они вмѣстѣ со своими офицерами ушли изъ цѣпи въ лагерь!... Какіе же это охранители?!

Здѣсь же теперь они кромѣ безпорядка въ настоящее время ровно ничего не дѣлаютъ,—развѣ еще позволяютъ себѣ различные безчинства и даже разбои; на службу ни на какую не ходятъ; заняли множество землянокъ, стѣснили собою солдатъ; мало того—требуютъ, чтобы солдаты доставляли имъ и воду, и дрова—словомъ, хотятъ жить барами.

Однимъ словомъ греки раскритиковали всѣ до одного, кажется, пункты новаго „Положенія“ Веселитскаго и отказались подчиниться ему, а между тѣмъ услужливые люди успѣли уже отправить Проэктъ для поднесенія на утвержденіе Государю. Кто же виноватъ? Развѣ можно дѣйствовать такъ опрометчиво? Слѣдовало предоставить волонтерамъ ознакомиться на практикѣ съ составленнымъ для нихъ „Положеніемъ“ и тогда только представить его на утвержденіе высшей власти, когда волонтеры, вполнѣ съ нимъ ознакомившись, или признали бы его вполнѣ цѣлесообразнымъ или указали бы на такіе его сепаратные недостатки, какіе безъ труда могли бы быть устранены.

30 декабря ушла первая большая партія волонтеровъ, отказавшаяся подчиниться вновь составленному „Положенію“, причемъ Кантакузенъ много тутъ напуталъ, весьма грубо обойдясь съ волонтерами. Такъ, объявляя нѣкоторой части волонтеровъ вновь вводимое „Положеніе“, онъ, замѣчая неудовольствіе своихъ слушателей и встрѣчая возраженія нѣкоторыхъ изъ нихъ, назвалъ ихъ *Пезевенгами*, что является у Грековъ самымъ унизительнымъ для нихъ эпитетомъ, самымъ, можно сказать, браннымъ словомъ. „Кто не хочетъ оставаться, продолжалъ Кантакузенъ,—такъ убирайся! Вообще въ васъ никто не нуждается!“ Это еще болѣе оскорбило Грековъ. „Когда съ нами такъ поступаютъ,—говорили они,—теперь, когда насъ только что пригласили на службу, то что же съ нами будутъ дѣлать послѣ, когда мы присягнемъ на службу и обяжемся служить? Да насъ тогда просто будутъ бить!“ Кромѣ того Греки извѣстные заводчики всевозможныхъ интригъ; въ каждомъ обществѣ у нихъ, въ каждой самостоятельной корпораціи, господствуютъ интриги. Члены общества обыкновенно роютъ ямы — другъ другу. Интриги эти сказались и въ отношеніяхъ ихъ къ лицамъ, имъ поставленнымъ въ начальники: уважая Хрисовери перваго своего командира за его блистательную храбрость, они его не любили за его будто бы кор-

столюбіе, вслѣдствіе котораго онъ будто бы обсчитывалъ ихъ на каждомъ шагу. Мурузи, какъ выше было замѣчено, они терпѣть не могли. Кажется имъ не нравится теперь Папа-Афонасопуло, нашъ уланскій офицеръ, котораго имъ дали въ командиры, а еще больше боятся, что имъ дадутъ въ начальники князя Кантакузена. Словомъ, повидимому, имъ и остаться то въ легіонѣ хочется, потому что по выходѣ изъ него ѣсть нечего будетъ и интриги мѣшаютъ рѣшиться на этотъ шагъ. Нашлись между волонтерами мудрецы, которые вздумали критически отнестись къ „Положенію“ и приступили къ разбору его по пунктамъ. Начали съ названія. „Какой мы *легіонъ?*“ спрашиваютъ одни, „мы просто волонтеры—и только!“

Далѣе. По „Положенію“ Легіонъ состоитъ изъ трехъ ротъ волонтеровъ и роты стрѣлковъ. „Что это за различіе? спрашиваютъ мудрецы. Какое такое различіе можетъ быть между волонтерами и стрѣлками?“

„Раненыхъ правительство беретъ на свое попеченіе“.—Совершенно неопредѣленно: въ чемъ будетъ выражаться это попеченіе?—не сказано.

„Волонтеры пользуются правами по примѣру кавказскихъ милиціонеровъ“.

— Вопервыхъ, права эти намъ совсѣмъ неизвѣстны, говорятъ волонтеры, а вовторыхъ, что это за сравненіе насъ, ратующихъ за торжество креста Христова—съ мусульманами?

„Учить волонтеровъ резервному строю и прочее“.—Къ чему это? Мы и безъ этой науки умѣемъ драться по своему; у насъ существуетъ свой самостоятельный способъ веденія войны. „Легіонъ состоитъ, сказано въ „Положеніи“, въ распоряженіи главнокомандующаго Крымскою арміею“.—Къ чему это введено въ „Положеніе?“—спрашиваютъ волонтеры.—Развѣ мы должны быть привязаны къ Крыму? Веди насъ туда, гдѣ есть война, а не приковывай, къ Крыму!—„Легіону дается знамя“.—Какое, спрашиваютъ, Греческое?

Впрочемъ, это знамя отнюдь не Веселитскаго творенія. Онъ, несмотря на убѣжденія Контакузена, знамени этого въ „Положеніи“ не ввелъ, доказывая, что знамя обыкновенно присвоивается какой либо части войскъ, получающей прочную организацію или дается какой либо части за особые подвиги и то преимущественно по окончаніи кампаніи,—а давать знамя, по убѣжденію Веселитскаго, какой-то толпѣ, хотя бы она, какъ въ данномъ случаѣ названа была Легіономъ — нѣтъ основанія, тѣмъ болѣе, что толпу, сегодня—завтра, съ измѣнившимися обстоятельствами, могутъ распустить совершенно.

Сербы, волонтеры Греческаго легіона, 29 декабря пришли къ Веселитскому: „что намъ дѣлать?—спрашиваютъ!—Мы знаемъ только васъ, да Бога,—посовѣтуйте намъ“.

— Оставайтесь, — отвѣчаетъ. Я вамъ говорю какъ отецъ, — не слушайте глупостей, которыя вамъ толкуютъ. Плюньте на всѣхъ. Я вамъ ручаюсь, что вамъ здѣсь будетъ хорошо. Я объ васъ постоянно буду помнить. Повторяю: оставайтесь.

Но съ вопросами, за совѣтами къ Веселитскому пришли не выбор-

ные отъ заинтересованныхъ лицъ, а такъ, случайно собравшаяся толпа;— между тѣмъ, въ средѣ волонтеровъ есть многіе, что изъ интересовъ что ли своихъ, изъ соображеній ли какихъ фальшивыхъ, или будучи проникнуты возмутительнымъ духомъ, подговариваютъ вообще легіонеровъ не оставаться долѣе въ рядахъ нашихъ войскъ. А фальшъ этихъ подговоровъ въ высшей степени возмутительна, рисуя яркими красками неблагодарность къ намъ тѣхъ, кто обязанъ намъ всѣмъ, рѣшительно всѣмъ!

Нравственное чувство нашихъ волонтеровъ на всякомъ шагу блещетъ своимъ отсутствіемъ. Развѣ вотъ не примѣръ этому: нѣсколько дней тому, за самовольную отлучку изъ легіона, одного изъ волонтеровъ унтеръ-офицерскаго званія, начальство предположило исключить изъ списковъ. Вздумалось почему-то Веселитскому пустить въ ходъ свою любовь къ человѣчеству и снизойти на просьбу пришедшихъ къ нему Грековъ соотечественниковъ оказавшагося виновнымъ приказать пощадить его иоставить на своемъ посту. Послѣ долгихъ моленій, Веселитскій согласился, оставилъ и чѣмъ же это кончилось? Согласіе было дано вечеромъ этого дня, а утромъ слѣдующаго, онъ, этотъ прощенный, объявилъ, что онъ на службѣ въ легіонѣ желанія остаться не имѣетъ—и уходитъ...

25 ноября.

У насъ принялись было строить шоссе до Симферополя, огромныя деньги потратили на это сооруженіе и ни къ какимъ, сколько нибудь благопріятнымъ результатамъ по этому вопросу,—не пришли. Въ этомъ году, послѣ окончанія шоссе, дороги у насъ въ тылу арміи стали еще непроѣздимѣе, чѣмъ они были, съ тѣхъ поръ какъ перешли въ вѣдомство новаго управленія. По устроенному шоссе никто не ѣздитъ, а всѣ пробираются стороной, собственно потому, что по шоссе и ѣздить-то невозможно. Строилъ это шоссе, какъ увѣряютъ, постоянно пьяный офицеръ Путей сообщенія,—полотно дороги не трамбовали, а просто только насыпали битый камень на извѣстное пространство; отъ этого когда пошли дожди, то подъ слоемъ битаго камня земля размякла и обратилась въ подобіе киселя, затѣмъ битый камень перемѣшался съ своею глинистою, раскисшею подпочвою и ѣзда по этому полотну сдѣлалась невозможною... Это—одна изъ причинъ, почему на всемъ пути до Симферополя по обоимъ сторонамъ дороги, все пространство чуть не сплошь услано трупами палаго скота и лошадей... Вонь невообразимая.

26 ноября.

Продовольственная часть у насъ принимаетъ все худшее положеніе.

Въ началѣ кампаніи интенданство приняло на себя довольствіе фуражемъ всей арміи. Цѣны на всѣ предметы довольствія первоначально были назначены умѣренныя и по этимъ цѣнамъ было предложено полкамъ или взять на себя довольствіе лошадей или категорически и немедленно отказаться отъ этой операціи. Конечно, полки, расчитывая, что, съ одной сторо-

ны, цѣны непремѣнно должны быть возвышены, такъ какъ объ этомъ будетъ хлопотать неминуемо для собственной пользы само интенданство, а съ другой — что никакихъ нѣтъ средствъ удовлетворить потребность въ сѣнѣ всѣхъ войскъ,—почти всѣ отказались принять на себя доставку фуражнаго довольствія и потому не могли рѣшиться дѣлать заготовленія, тогда какъ коммиссіонеры принялись за эту операцію съ величайшей энергіей и дѣлали грандіозныя закупки и заготовленія, захвативъ въ свои руки огромное количество всякихъ продовольственныхъ припасовъ. Тогда цѣны на фуражное довольствіе были подняты. Поэтому многіе полки приняли на себя довольствіе, но уже тѣхъ выгодъ, на какія расчитывали, получить не могли, потому что выгодныхъ заготовленій сдѣлать было уже невозможо. Тутъ начались пожары колоссальныхъ размѣровъ, казеннаго заготовленія сѣна и около Бахчисарая и около Геническа гдѣ, какъ утверждаютъ, сгорѣло этого продукта что то ужасное количество пудовъ!

Правда это или неправда, утверждать не могу, но здѣсь всѣ убѣждены, что казенное сѣно сожжено самими коммиссіонерами. Вотъ какое у насъ довѣріе къ Интендантскому вѣдомству. Сѣно вновь стали заготовлять, потому что безъ сѣна невозможно, и вотъ причина, что въ настоящее время съ величайшими только затрудненіями можно достать сѣна: въ Бахчисараѣ за пудъ платятъ 1 р. 50 коп. *), а за четверть овса 15—16 рублей.

Много лошадей услали за Днѣпръ и все-таки остальныхъ кормить нечѣмъ.

2 декабря.

Черняевъ ѣздилъ въ Орто-Королесъ. Онъ говоритъ, что на нашемъ лѣвомъ флангѣ на дняхъ было дѣло. Наши атаковали, а именно Смоленскій резервный пѣхотный полкъ. Одни разсказываютъ, что о нашемъ наступленіи союзники были своевременно извѣщены наканунѣ бѣжавшимъ отъ насъ Татариномъ и потому намъ былъ данъ рѣшительный отпоръ. Другіе утверждаютъ, что въ началѣ предпріятія мы имѣли полный успѣхъ, но, благодаря непроглядной темнотѣ, наши разбѣжались для грабежа, а непріятель внезапно перешелъ въ наступленіе и нашихъ, говорятъ, поколотили порядкомъ, однихъ раненыхъ было болѣе 200 человѣкъ **)!

*) Въ Дуванкѣ пудъ бурьяну продавался 1 рубль. Въ Симферополѣ трехполѣнная сажень дровъ 100 рублей; лимонъ 1 руб. 50 коп.

Не удивительно, когда были такія и подобныя цѣны на предметы потребленія, что смѣта, представленная княземъ Горчаковымъ на 1855 г., для продовольствія южной арміи и войскъ въ Крыму находившихся, представляла собою сумму въ 62 милліона рублей, которые и были ассигнованы...

**) 25 ноября полковникъ Оклобжіо произвелъ рекогноспировку въ Байдарскую долину. Нашъ отрядъ изъ 10 ротъ Смоленскаго резерв. полка, роты Кременчугскаго егерскаго, двухъ эскадроновъ Кіевскихъ гусаръ и 4 сотенъ Донскихъ казаковъ подполковника Золотарева, ночью, въ проливной дождь, выбилъ Французовъ изъ с. Бага и направился на Уркусту, но прибытіе сильныхъ непріятельскихъ резервовъ заставило, какъ говоритъ Богдановичъ (Idem, стр. 207), полковника Оклобжіо отвести свой отрядъ въ с. Маркуръ. „Въ этомъ дѣлѣ,—продолжаетъ нашъ исторіографъ,— непріятель потерялъ одними плѣнными 18 человѣкъ; съ нашей стороны убито 52, ранено 60 и безъ вѣсти пропало 26 человѣкъ“.

Зачѣмъ, спрашивается, понадобилась эта рекогноспировка и сопряженная съ нею потеря въ людяхъ,—покрыто мракомъ неизвѣстности...

6 декабря.

У насъ сегодня большая радость въ отрядѣ, какъ будто мы одержали побѣду: ночью генералъ получилъ оффиціальное извѣщеніе изъ главной квартиры о взятіи Карса. Слава Муравьеву и кавказскимъ героямъ! Кавказцы вновь громомъ славнаго дѣла разогнали нашу апатическую дремоту! Событіе это не останется безъ благихъ для Россіи результатовъ и будетъ имѣть особенное вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ. О, еслибъ еще удалось кавказской арміи стереть съ лица земли этого знаменитаго *сына побѣдъ*—Омеръ-пашу, такое событіе вознаградило бы насъ за многія потери, заживило бы многія изъ нашихъ ранъ!

15 декабря.

Второй уже разъ въ этомъ мѣсяцѣ Французы срываютъ казачій пикетъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ и бьютъ резервъ. Думаемъ, какъ бы они не надѣлали намъ какихъ серьёзныхъ бѣдъ, такъ какъ вотъ второй день лежитъ такой туманъ, что, въ буквальномъ смыслѣ слова, въ двухъ шагахъ ничего не видно. Они могутъ очень близко и безнаказанно подобраться къ намъ подъ покровомъ этого тумана!

18 декабря.

Сегодня генералъ-адъютантъ Сухозанетъ пріѣхалъ къ Веселитскому осмотрѣть позицію, такъ какъ онъ теперь командуетъ арміею. Веселитскій отъ него въ восторгѣ, считаетъ его чрезвычайно полезнымъ и дѣльнымъ генераломъ. А почему? Потому что Сухозанетъ къ нему очень расположенъ и во всемъ его слушаетъ и соглашается съ нимъ. Что до меня касается, то Сухозанетъ мнѣ кажется совершенно отжившимъ и въ военачальники вполнѣ непригоднымъ,—одни уже глаза его старческіе, слезящіеся, доказываютъ его неспособность играть какую-нибудь роль въ судьбахъ нашего отечества, съ каждымъ днемъ все запутывающихся и усложняющихся.

Что Сухозанетъ ни въ чемъ не перечитъ Веселитскому, доказывается, напримѣръ, разрѣшеніемъ осуществить проэктъ Веселитскаго относительно устройства батареи на такъ-называемой „Сахарной головкѣ“. Поставили тамъ какой-то карнаухій единорогъ; для приданія большей дальности полету его снарядовъ, врыли его въ землю чуть не перпендикулярно къ ней и начали бросать снаряды, старясь чтобы они достигали непріятельскаго лагеря. Многіе изъ наблюдающихъ за этою пальбой увѣряютъ, что она ни къ чему не приведетъ, потому что выстрѣлы невѣрны и не могутъ быть подведены подъ законы науки; другіе же, чтобы угодить начальству, увѣряютъ, будто сами наблюдали, какія опустошенія производятъ въ лагерѣ союзниковъ наши разрывные снаряды. Для этого и Сухозанетъ пріѣхалъ сегодня на позицію, а именно, чтобы опредѣлить размѣръ вреда, наносимаго нашимъ огнемъ непріятелю. Для опыта бросили нѣсколько бомбъ, изъ которыхъ, надо правду сказать, цѣли своей не достигла ни одна, а между тѣмъ Сухозанетъ все-таки

приказалъ ставить на этомъ мѣстѣ батарею изъ трехъ единороговъ и мортиры. Веселитскій настаивалъ, чтобы было приказано бросать ежедневно съ этой батареи не менѣе 25 бомбъ, но Шейдеманъ возопіялъ противъ такого желанія, доказывая, что у него для такой пальбы не достанетъ бомбъ. Порѣшили на томъ, чтобы бросать ежедневно по 10 бомбъ. Вообще Веселитскій безпрестанно соперничаетъ съ Шейдеманомъ: послѣдній—доказывая чрезвычайную важность своей позиціи и необходимость поддержанія постояннаго съ оной огня по непріятелю, а Веселитскій, напротивъ, утверждая, что позиція, занимаемая его отрядомъ, несравненно важнѣе и что, поддерживая огонь съ этой позиціи противъ союзниковъ, можно какихъ-нибудь достигнуть результатовъ,—напримѣръ можно заставить союзниковъ снять свой лагерь, тогда какъ пальба съ позиціи Шейдемана по необитаемому городу ни къ какимъ результатамъ привесть не можетъ.

23 декабря.

Этою ночью у насъ здѣсь выпалъ снѣгъ глубиною по колѣна. Французы, вѣроятно, отъ роду не видывали такого снѣга. Пусть полюбуются, позябнутъ, попляшутъ, а то другому, пріѣхавшему домой послѣ защиты Севастополя и не попавшему въ траншеи, нечѣмъ будетъ и помянуть Россіи!

25 декабря.

Своевременны у насъ распоряженія начальства по войскамъ, нечего сказать! Для примѣра возьмемъ хотя бы вопросъ о полушубкахъ. Мы пришли сюда безъ этой необходимой одежды, но прозябли въ первую же зиму, ну, и заговорили о полушубкахъ, и стали отпускать войскамъ деньги на постройку ихъ, но не по разсчету полнаго комплекта солдатъ, составляющихъ полкъ, а по частямъ, такъ что и въ настоящее время полушубковъ въ каждомъ полку не достаетъ до полнаго комплекта штукъ по 1000—это по крайней мѣрѣ. Между тѣмъ, хотя полушубки имѣются не у всѣхъ людей, а больныхъ въ госпиталь велѣно отправлять непремѣнно въ полушубкѣ, отчего число наличныхъ полушубковъ въ полку уменьшается съ каждымъ днемъ и люди, простужаясь и вообще страдая отъ холода, особенно по ночамъ, на аванпостахъ, заболѣваютъ все въ большемъ и большемъ числѣ.

На дняхъ приказали въ каждомъ полку построить по 50 тулуповъ для перевозки больныхъ изъ полковъ въ госпитали; но людей все-таки приказано отправлять въ полушубкахъ, чтобы было въ чемъ возвращаться домой, по выпискѣ.

27 декабря.

Голоса, во многомъ обвиняющіе Тотлебена, начинаютъ раздаваться все громче.

Утверждаютъ, будто послѣ паденія Севастополя главнокомандующій князь Горчаковъ сказалъ: „ну, теперь Тотлебенъ поквитался! Сколько хорошаго онъ сдѣлалъ въ началѣ осады, столько онъ сдѣлалъ промаховъ въ концѣ ея.“

Теперь многіе уже позволяютъ себѣ утверждать, что состоящій при главной квартирѣ инженеръ Фолькмутъ несравненно выше стоитъ Тотлебена въ знаніи инженернаго дѣла. Для Тотлебена преждевременно настаетъ исторія: утверждаютъ, что онъ храбръ, дѣятеленъ, уменъ, знаетъ свое дѣло, правда,—но это еще ничѣмъ не доказывается, чтобы онъ былъ, какъ его провозгласили, дѣйствительно, геніальнымъ инженеромъ.

Говорятъ: вообще идея защиты не выдерживаетъ критики, самой снисходительной. Если Севастополь и держался столько времени, то не чѣмъ инымъ какъ грудью своихъ защитниковъ; гдѣ же выступало на арену дѣйствія собственно инженерное искусство, то надъ нимъ всегда торжествовало таковое же союзниковъ. Твердятъ въ одинъ голосъ: „подъ горжей Малахова кургана Тотлебенъ похоронилъ свою славу“.*).

Сторонники Тотлебена утверждаютъ, что устройство замкнутой горжи было вызвано силою необходимости. Допустимъ; но въ такомъ случаѣ какъ горжу, такъ и весь курганъ необходимо было минировать съ тѣмъ, что еслибы курганъ былъ взятъ, то его тотчасъ можно было бы взорвать на воздухъ. Власти наши сознавали такую необходимость, минировали курганъ и, говорятъ, проводники для производства взрыва были уже положены, только та бѣда вышла, что сажень на нѣсколько у насъ проводника *не хватило*! Это такъ у насъ на Руси обыкновенно: то того не хватитъ въ самую критическую минуту, то другого!

Въ самый день штурма послали офицера съ Малахова кургана за пріемомъ недоставшаго проводника и вотъ онъ уже по Николаевской площади шелъ, оставалось нѣсколько шаговъ до Николаевскаго форта, гдѣ онъ получилъ бы проводникъ, какъ забили тревогу,—начался штурмъ.

Не правда ли, какая своевременная посылка? А почти 3 мѣсяца, что начали строить горжу не могли получить достаточное количество необходимыхъ матеріаловъ для минированія бастіона, если въ этомъ видѣли необходимость!...

Потомъ Тотлебена обвиняютъ въ томъ, что онъ возводилъ больше построекъ, чѣмъ это было нужно,—больше, чѣмъ имѣлъ средствъ защиты ихъ. И. П. Голевъ нѣсколько разъ говорилъ Тотлебену: „послушайте, мы настроимъ столько батарей и всевозможныхъ укрѣпленій, что намъ нечѣмъ будетъ защищать ихъ“.

Указываютъ на постройку редутовъ Селенгинскаго, Волынскаго и Камчатскаго, какъ на важную ошибку Тотлебена.

Откинуть форты на такое пространство отъ общей оборонительной линіи, что непріятель раньше насъ всѣми своими силами могъ поспѣть къ нимъ, во всякое время, и тѣмъ отнять у этихъ фортовъ всякую самостоятельность,—отдать ихъ въ жертву случая,—это самый дурной разсчетъ.

*) По словамъ князя В. И. Васильчикова (Севастополь и пр. Русск. Архивъ 1891. № 6, ст. 188), Тотлебенъ думалъ, что можно было обороняться на курганѣ какъ въ отдѣльномъ сомкнутомъ укрѣпленіи, тогда какъ оно, почти разрушенное съ передняго фаса, оказалось совершенно доступнымъ для непріятеля и недосягаемымъ для нашихъ резервовъ, прибывшихъ на мѣсто боя уже тогда, когда масса французскихъ войскъ хлынула во внутрь укрѣпленія.

Если мѣстность, на которой были возведены названные форты, была для насъ безусловно необходима, то для удержанія ея за собою не слѣдовало употреблять полумѣръ, а рѣшась идти впередъ контръ-апрошами, чтобы стать на этой мѣстности твердою ногой,—надлежало весь флангъ оборонительной линіи подать впередъ и быть готовымъ на этомъ пунктѣ дать отпоръ всей непріятельской арміи, еслибы на оном ъ она перешла въ рѣшительное наступленіе. А между тѣмъ въ настоящемъ образѣ нашихъ дѣйствій усматривается отсутствіе грозной рѣшимости, прямо ведущей, обыкновенно, къ намѣченной цѣли! Три названные редута были кладбищемъ нашей арміи. Сколько мы положили въ нихъ людей, извѣстно защитникамъ Севастополя! А взятіе ихъ союзниками было исходною точкой дальнѣйшихъ успѣховъ нашихъ непріятелей и предвѣстникомъ паденія Севастополя.

Лучше бы намъ вовсе не строить этихъ укрѣпленій: непріятелю не была бы дана возможность почти безнаказанно, во всякомъ случаѣ съ чрезвычайною быстротой и почти безъ потерь, восторжествовать надъ нами. Предоставить бы намъ самимъ союзникамъ строить названныя укрѣпленія, во всякомъ случаѣ подъ огнемъ нашей артиллеріи, дѣйствовавшей на этой мѣстности почти перекрестно, что̀ произвело бы у союзниковъ чрезвычайную потерю въ людяхъ...

25 января 1856 года.

Вчера и третьяго дня въ Севастополѣ происходили взрывы, подобные тѣмъ взрывамъ, которые потрясали окрестность въ послѣднія минуты жизни южной части Севастополя. Николаевскаго форта, этого грознаго сторожа знаменитой бухты, не существуетъ болѣе *). Сейчасъ смотрѣлъ въ трубу. Восходящее солнце золотитъ развалины, оставшіяся на мѣстѣ Севастополя, остатки стѣнъ, избитыя выстрѣлами, и одну надъ всѣмъ пространствомъ возносящуюся соборную церковь. Начатое нами—ими докончено, довершено! Всѣ доки прежде уже понемногу уничтожены, морской госпиталь тоже **). Вчера они стали свозить артиллерію съ укрѣпленій на Гасфортовой горѣ. Сближая это дѣйствіе союзниковъ со взрывами, ими производимыми на Южной сторонѣ, мы теряемся въ предположеніяхъ, стараясь разгадать намѣренія непріятеля. Большинство насъ думаетъ, что союзники намѣрены покинуть занимаемое ими пространство, для охраненія котораго потребно значительное войско, и запереться подъ покровительство своего флота, въ сильныхъ укрѣпленіяхъ, возведенныхъ ими передъ Камышемъ, а свои войска съ наступленіемъ благопріятнаго времени года перевести въ Бессарабію и начать кампанію на новомъ театрѣ войны, либо идти изъ Евпаторіи на перерѣзъ намъ, къ Перекопу.

---

*) Для взрыва его Французы употребили 50.000 килограммъ пороха. (Historique du service de l'Artillerie. Idem, стр. 468.)

**) Уничтоженіе доковъ и госпиталя досталось на долю Англичанъ.

1 февраля.

Вчера Французы взорвали Александровскій фортъ.

10 февраля.

2 февраля Англичане взорвали аквадукъ и доки на Корабельной. 7-го февраля взорвали большой пороховой погребъ на Малаховомъ курганѣ. Это былъ послѣдній взрывъ, какъ бы послѣдній вздохъ преданнаго смерти, многострадальнаго Севастополя.

---

4 марта.

Обстоятельства заставили меня на время забыть свой дневникъ. Его листы долго оставались неприкосновенными, а между тѣмъ какъ все измѣнилось!... Поднятый мечъ—опущенъ. Измѣнила свой видъ самая долина Черной она ожила. На всемъ протяженіи этой долины, по теченію рѣчки, всюду мелькаютъ группы нашихъ и непріятельскихъ офицеровъ и солдатъ. Заключено перемиріе. Дипломаты работаютъ въ Парижѣ; Европа надѣется, что миръ непремѣнно будетъ заключенъ.

На дняхъ у „Каменнаго моста“, облитаго 4 августа нашею кровью, былъ съѣздъ генераловъ, особо назначенныхъ изъ союзныхъ и нашей армій, для заключенія условій перемирія. Пунктъ съѣзда былъ избранъ на той сторонѣ Черной рѣчки. Для совѣщанія была раскинута особая палатка, окруженная почетною стражею. Недавніе враги явились съ готовностью сдѣлаться друзьями; наши офицеры сошлись съ союзными, какъ съ давно знакомыми, закипѣла бесѣда, запѣнилось шампанское. Эта встрѣча пробудила отрадныя надежды въ сердцахъ людей, жаждущихъ конца войны и скорѣйшаго возвращенія къ родимому очагу

5 марта.

Какъ щепетиленъ Веселитскій и какъ онъ ревнивъ ко всему, что касается какой-либо части войскъ, въ его командѣ состоящихъ, доказываетъ прилагаемое письмо его къ начальнику штаба Крымской арміи.

Милостивый государь,

Егоръ Ивановичъ!

Въ газетѣ „Санктъ-Петербургскія Вѣдомости“, 31 января № 25 (при семъ прилагается экземпляръ), напечатано извлеченіе изъ срочныхъ журналовъ о дѣйствіяхъ нашихъ съ 20 декабря по 14 января, гдѣ между прочимъ сказано, что „8-го января союзники начали строить два редута противъ брода на р. Черной и ложементы близъ такъ называемой Сахарной головки; *огонь артиллеріи и стрѣлковъ съ Сѣверной стороны* замедлялъ эти работы“.

Еслибъ это касалось лично меня, или общихъ наградъ, я пропустилъ бы молчаніемъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ неоднократно дѣлалъ; но какъ это можетъ уменьшить заслугу ввѣренныхъ мнѣ войскъ, дѣйствительно постоянно бодрствующихъ противъ превосходныхъ силъ непріятельскихъ, и не было еще случая, гдѣ бы можно было упрекнуть ихъ въ противномъ, а свѣдѣнія, сообщаемыя публикѣ, составляя достояніе исторіи, могутъ описателямъ послужить фактомъ, которымъ искажена истина, то долгомъ почитаю представить благосклонному вниманію вашего высокопревосходительства, что не только стрѣлки, но и артиллерія Сѣверной стороны, какъ по закрытію крайнимъ отрогомъ Сапунъ-горы, такъ и по болѣе чѣмъ семиверстному разстоянію, рѣшительно не могутъ стрѣлять ни по упомянутымъ двумъ новымъ непріятельскимъ редутамъ, ни по ложементамъ близъ Сахарной головки, ни вообще по мѣстности, соотвѣтствующей ввѣренной мнѣ позиціи.

Построенію же сихъ редутовъ и ложементовъ по рѣчкѣ Черной дѣйствительно мѣшала артиллерія и стрѣлки ввѣреннаго мнѣ отряда, такъ что неоднократно непріятель прекращалъ работы и убѣгалъ, при чемъ неоднократно было замѣчаемо нѣсколько жертвъ непріятельскихъ стрѣлковъ и всадниковъ,—это подтверждали постоянно плѣнные и дезертиры, отправляемые въ Главную квартиру.

Не полагая однакожь этого важнымъ, я не излагалъ частныхъ подробностей этихъ дѣйствій въ дневныхъ свѣдѣніяхъ, представляемыхъ по командѣ, ибо почитаю главнымъ дѣломъ ввѣреннаго мнѣ отряда содержать непріятеля постоянно въ тревожномъ положеніи, нанося по возможности и вредъ,—успѣхъ этого подтверждался неоднократно въ иностранныхъ газетахъ.

Помня, что хвастовство военному человѣку неприлично, а преувеличеніе маловажныхъ успѣховъ дѣйствій малодушно, я только по долгу непосредственнаго начальника изложилъ вышесказанное оскорбленіе и всепокорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство довести это до свѣдѣнія господина главнокомандующаго, дабы въ будущемъ дѣйствія ввѣренныхъ мнѣ войскъ не были предъ его высокопревосходительствомъ затемняемы приписаніемъ успѣховъ инымъ войскамъ.

Съ глуб. высокопочитаніемъ и пр.

4 марта 1856 г, позиція на горѣ Мекензіи.

10 марта. Гора Мекензи.

Сегодня, въ годовщину кроваваго событія, совершившагося годъ назадъ въ Камчатскихъ траншеяхъ, авангардный телеграфъ извѣстилъ насъ, что нѣсколько англійскихъ колоннъ, въ парадныхъ мундирахъ, съ вьюками, спускаются въ долину р. Черной. Это насъ заинтересовало. Мы поскакали къ передовымъ постамъ. Дѣйствительно, зрѣлище было прекрасное: по всѣмъ дорогамъ, сбѣгающимъ съ окрестныхъ высотъ къ Черной рѣчкѣ, тянулись вереницы солдатъ. Вся долина, какъ поле, покрытое цвѣтущимъ макомъ,

краснѣла отъ англійскихъ мундировъ. Пѣхота собиралась поротно и строилась. Солдаты ставили ружья въ козла: одни стояли вольно, а другіе толпами бѣжали къ рѣкѣ, чтобы поближе взглянуть на насъ.

Въ этомъ мѣстѣ, раздѣляемые естественною преградою, они встрѣчались съ нашими солдатами и мгновенно заводили съ ними самое короткое знакомство, послѣдствіемъ котораго была мѣна деньгами, кольцами, различными мелкими вещами, преимущественно монетами и трубками. Союзниковъ занимали наши деньги; каждому желательно было имѣть нашу монету, на память пребыванія своего въ Россіи. Нашихъ же солдатиковъ болѣе занимали какая-нибудь уморительная глиняная трубка, въ видѣ головы въ исторической маленькой шляпѣ, или бѣленькая носогрѣйка, извѣстное издѣліе сентъ-омерскихъ фабрикъ, десятками милліоновъ въ годъ расходящееся по бѣлому свѣту.

Сборъ войска продолжался болѣе двухъ часовъ. На вопросъ: что у нихъ сегодня такое?—Англичане отвѣчали: военная прогулка бригады. Французы подтрунивали надъ этою прогулкою, говоря, что у Англичанъ мало топлива, а дни стоятъ холодные, такъ они согрѣваются прогулками. Въ самомъ дѣлѣ, во многихъ мѣстахъ запылали большіе костры, сложенные изъ нарубленныхъ прибрежныхъ деревьевъ. Англичане стали грѣться. Было скверно: холодный вѣтеръ пробиралъ до костей, Англичане же вышли на прогулку безъ плащей, въ парадныхъ мундирахъ. Безвкусица въ ихъ костюмѣ прежней формы поразительна. Напримѣръ, у однихъ красные мундиры съ желтыми воротниками и обшлагами и небольшими оловянными пуговицами; у другихъ красныя куртки съ огромными бѣлыми эполетами, черные штаны и уродливыя фуражки, необыкновенной формы. Этому неизящному костюму соотвѣтствовала угловатость движеній Англичанина, какая-то неповоротливость, его видимая непривычка къ военному строю. Сближеніе этого войска съ французскимъ имѣло видимое вліяніе на наружный видъ старой англійской арміи. Онъ измѣнился къ лучшему. Англійской гвардіи и арміи дана въ эту кампанію новая форма: красные кафтаны, расшитые золотыми галунами. Шапки американскаго медвѣдя, съ цвѣтными колпаками, какъ у казаковъ, даютъ фронту англійской гвардіи, одѣтому по новому, прекрасный и величественный видъ. Армейскіе музыканты у нихъ въ бѣломъ, что очень нарядно.

Быть можетъ, со временемъ, мы присмотримся къ англійскому солдату, во фронтѣ и внѣ онаго, и подробнѣе поговоримъ о немъ, а теперь еще не совсѣмъ ловко съ ними сближаться.

У рѣчки толпы Англичанъ до того увеличились, что дежурный французскій офицеръ усилилъ цѣпь стрѣлковъ по берегу и велѣлъ прогнать маркитантовъ, которые наѣхали во множествѣ къ рѣчкѣ съ вьючными мулами, привезя на продажу напитки, консервы, сахаръ и дрянныя африканскія сигары. Лимоны и апельсины отправлялись къ намъ безъ затрудненій, швыркомъ черезъ рѣчку; но вина надо было передавать другимъ способомъ. У насъ на аванпостахъ теперь стоятъ Греки. Одинъ изъ нихъ ухитрился

и перекинулъ черезъ рѣчку конецъ длинной веревки. На срединѣ ея Французъ привязывалъ передаваемую вещь, которая на вѣсу передавалась на нашу сторону, принималась, а петля отправлялась за новою добычей. Такимъ образомъ перетаскивалось все, что требовалось.

Англійскія войска зашевелились. Вѣрно скомандовали: смирно! Всѣ побѣжали по своимъ мѣстамъ; стали строиться; войска сводятъ въ дивизіоны, въ колонны. —Загремѣла музыка, и колонны потянулись вверхъ по Черной рѣчкѣ. Пройдя Ѳедюхины высоты, они повернули по дорогѣ къ Балаклавѣ, а за ними безпорядочною толпой слѣдовало множество вьюковъ.

Вообще, долина Черной рѣчки ожила по заключеніи перемирія. До сего времени только кое-гдѣ вдали виднѣлись темные плащи непріятельскихъ часовыхъ, да изрѣдка украдкою пробирался за водою отважный зуавъ, привлекая на себя штуцерный огонь нашихъ ложементовъ. Теперь совсѣмъ другое. По самому берегу рѣки открыто довольно густо стоятъ наши и непріятельскіе часовые. По всей долинѣ бродятъ охотники: ихъ выстрѣлы раздаются безпрестанно, ибо дичи множество. Вотъ упала убитая утка на нашу сторону: услужливый солдатикъ тотчасъ отыскалъ ее и перебросилъ убившему, сопровождая это дѣйствіе различными любезными жестами и фразами на французскомъ языкѣ собственнаго изобрѣтенія.

Толпы Французовъ гуляютъ по берегу рѣки, высматривая все русское и Русскихъ. Въ этихъ толпахъ, полагаемъ, бродятъ сотни корреспондентовъ разныхъ газетъ, подмѣчая всякій нашъ шагъ, изучая всякое наше движеніе, уловляя всякую фразу. Изъ нихъ кто пѣшкомъ съ хлыстикомъ, кто верхомъ, а кто въ одноколкѣ. Всякая встрѣча минутныхъ друзей сопровождается вѣжливостями, привѣтствіями. Попытайтесь остановить вашего коня, чтобы перекинуться нѣсколькими словами съ новымъ знакомцемъ: сейчасъ образуется группа офицеровъ и солдатъ разныхъ націй и оружія. Васъ забросаютъ распросами, привѣтствіями, предложеніями услугъ; успѣвайте только отдѣлываться: за любезность платить любезностями.

Между прочимъ, въ этихъ пріятельскихъ столкновеніяхъ съ союзниками, вы услышите и увидите доказательства затаенной нелюбви Француза къ Англичанину. Многое убѣдитъ васъ въ неестественности, въ непопулярности *сердечнаго союза* двухъ искони враждебныхъ націй. Напримѣръ, на всемъ протяженіи рѣки не видать пары, которая была бы составлена изъ Француза и Англичанина. Ѣдете вы по берегу, встрѣчные Французы и Англичане кланяются вамъ съ величайшею предупредительностью; когда же встрѣчаются они между собою, то не думаютъ кланяться другъ другу.

На вторыхъ переговорахъ, какъ говорятъ, наши столпились съ союзниками у Каменнаго моста. Наши были въ кафтанахъ; тѣ также въ полной парадной формѣ. Французы въ особенности осыпали нашихъ дружескими привѣтствіями, угощали сластями, виномъ, ликерами, апельсинами. Въ этой же толпѣ увидѣли Англичанина въ офицерской фуражкѣ и тепломъ партикулярномъ пальто. Французы чуть его не съѣли: „здѣсь всѣ въ мундирахъ,

здѣсь не ваше мѣсто!“ говорили они и протурили его безъ дальнихъ церемоній.

„Чѣмъ могу услужить вамъ? — спрашивалъ насъ одинъ французскій офицеръ.—Теперь все можно вамъ доставить. У насъ все дешево, все можно найти, а къ вамъ доставка сухимъ путемъ изъ Одессы трудна. Пожалуйста, дайте мнѣ возможность имѣть удовольствіе сдѣлать вамъ угодное. Что любите вы въ особенности?“

Одинъ изъ насъ, замѣтивъ, что англійскій офицеръ слушаетъ нашъ разговоръ обоими ушами и, желая бросить между своими собесѣдниками *косточку*, крикнулъ: „Портеръ!“ Англичанинъ просіялъ. Французъ, измѣнивъ тонъ разговора, повторилъ: — „Портеръ, портеръ; почему же вы предпочитаете портеръ другимъ напиткамъ?“

Подливая масло къ огню, нашъ офицеръ продолжалъ: „портеръ крѣпче; да онъ и не поддѣльный, по крайней мѣрѣ!“

„О, есть крѣпкія вина и французскія!“

Джонъ Буль не вытерпѣлъ: „Да, да, портеръ—прекрасный напитокъ, и я могу вамъ достать лучшаго: мы въ Балаклавѣ имѣемъ славный портеръ, совершившій большое морское путешествіе“.

Французъ граціозно приподнялъ свое крохотное кэпи особымъ, принятымъ у нихъ манеромъ, отвелъ его въ бокъ отъ головы, во всю длину руки, и распростился.

Въ самомъ началѣ перемирія, одинъ изъ нашихъ спросилъ, чрезъ рѣчку, у Француза: „что это за медаль у Англичанъ?“

— Имъ пожаловала королева въ послѣднее время.

„Вѣрно за взятіе Севастополя?“

— Да, за Крымскую экспедицію“.

„Что она изображаетъ, скажите, пожалуйста, отсюда трудно разсмотрѣть“.

— Позвольте, — вѣжливо обратился нашъ знакомецъ къ англійскому офицеру.—Хорошенькая серебряная медаль, величиною немного менѣе вашего рубля серебромъ, — продолжалъ онъ, дотронувшись двумя пальцами до медали Англичанина: — съ одной стороны портретъ королевы Викторіи, на другой Геркулесъ, въ боевой позѣ, съ палицею въ рукѣ; надъ нимъ паритъ слава, возлагая на него лавровый вѣнокъ. На широкой голубой лентѣ медали надпись золотыми буквами: Альма, Балаклава, Инкерманъ, Севастополь. Ахъ, Боже мой! — вскрикнулъ Французъ, — почему же нѣтъ пятой надписи?“

„Какой же?“ спросилъ изумленный Англичанинъ.

— Grrand redan? (Третій бастіонъ) *).

Однажды нашъ офицеръ раскланивался самымъ любезнымъ образомъ съ

*) Этимъ „Grand redan“ даже сами Англичане допекали своихъ военачальниковъ: такъ генералъ Симпсонъ, за взятіе Севастополя, получилъ у нихъ титулъ „*баронессы де Реданъ*“, ибо мужской титулъ, говорятъ Англичане, ему *не къ лицу!*

Blakwood. A story of Active service in Foreign Londs. Extraits from letters sen home from the Crimea 1854—56. London. 1886.

толпою союзниковъ. Французы и нѣкоторые изъ Англичанъ отвѣчали ему сторицею, но одинъ Англичанинъ, по гордости или разсѣянности, стоялъ, засунувъ руки въ карманы пальто и любовался сценой. Французскій офицеръ толкнулъ его, назвавъ по чину. „Что же это вы не отвѣчаете на поклонъ: васъ привѣтствуетъ какой-то русскій офицеръ; говоритъ: знакомъ съ вами *по третьему бастіону*“.

Два солдата, Французъ и Англичанинъ, охотились не вдалекѣ отъ берега. Поднялась утка и потянула на нашу сторону. Охотники дали по выстрѣлу: утка упала на нашемъ берегу, къ видимому сожалѣнію стрѣлковъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ подошелъ, поднялъ ее и перебросилъ охотникамъ; но кому она принадлежала, рѣшить было невозможно. Англичанинъ подхватилъ утку и вскочилъ на лошадь, чтобы удалиться. Въ это время перебросившій утку офицеръ крикнулъ огорченному зуаву, что онъ перебросилъ утку не Англичанину, а ему. „Какъ!—воскликнулъ приблизившійся къ этой сценѣ французскій офицеръ,—такъ эта утка была переброшена Французамъ? Слышишь, зуавъ, утку русскій офицеръ перебросилъ тебѣ. Отбери ее сейчасъ“. Зуавъ пустился во весь духъ въ погоню за Англичаниномъ, крича товарищамъ, чтобы перехватили его. Такъ и случилось. Шедшіе на встрѣчу Англичанину зуавы схватили его лошадь, товарищъ же ихъ подбѣжалъ и отнялъ утку. Затѣялась было потасовка, но подошедшіе офицеры, во избѣжаніе скандала, разогнали сформировавшуюся толпу партизановъ той и другой стороны.

За одною изъ французскихъ гризетокъ сильно пріударилъ какой-то лордъ. Почему-то онъ пришелся не по вкусу вѣтреницѣ: она не хотѣла его и слушать. Неотвязный лордъ приставалъ однако, бренча золотомъ. „Послушайте,—сказала выведенная изъ терпѣнія Француженка,—убирайтесь отъ меня; я для васъ—grand redan!“ Разумѣется, раздалось громогласное браво! Французскіе офицеры были въ неописанномъ восторгѣ.

Въ началѣ перемирія не такъ строго были запрещены переходы на нашу сторону. Англичане и Французы приходили осматривать церковь и скитъ, высѣченные древними подвижниками въ скалѣ, послужившей основаніемъ древнему Инкерману. Любопытные лазили въ церковь, разсматривали пробоины, сдѣланныя ихъ же снарядами въ ея стѣнахъ, смотрѣли съ любопытствомъ на прострѣленныя ими же иконы, разумѣется, сохраняя при насъ должное уваженіе къ святынѣ. Кончивъ осмотръ, они обыкновенно толпились на площадкѣ, образуемой уступомъ скалы при входѣ въ церковь. Это-то мѣсто было нѣсколько дней ареною ихъ состязанія. Всякій разъ, когда они тутъ собирались, происходило боксированіе, кулачный бой, между Французами и Англичанами, къ общему удовольствію нашихъ солдатъ, помиравшихъ со смѣху при всякомъ ловкомъ ударѣ бойцовъ.

Хвастливые Французы говорили: „намъ на своей сторонѣ р. Черной не позволяютъ *бить* Англичанъ, такъ мы ихъ будемъ колотить на вашей“. На повѣрку же выходило, что Французы всегда были побиваемы дюжими

Англичанами. Вскорѣ ихъ начальство провѣдало эти секретныя сходбища и прекратило ихъ, къ общему прискорбію любителей подобныхъ зрѣлищъ.

Словомъ, врожденная антипатія этихъ двухъ націй очень часто проявляется во многомъ, несмотря на усилія представителей той и другой націи воздержаться отъ всякихъ непріятныхъ столкновеній, а тѣмъ болѣе позволить намъ понять, что ихъ взаимныя отношенія скорѣе искусственныя, чѣмъ естественныя.

Какъ доказательство *искренней, сердечной* пріязни Француза къ Англичанину, приведу еще случай изъ севастопольской жизни.

На одномъ изъ перемирій нашъ солдатъ подружился съ Французомъ; оба всѣми силами старались выказать другъ другу свое расположеніе. На прощаніи дружба ихъ дошла до того, что нашъ солдатъ подарилъ Французу свою деревянную трубку съ коротенькимъ чубукомъ и мѣдными украшеніями. Французу нечѣмъ было отдарить, но онъ нашелся: выхватилъ пачку патроновъ и подалъ ее нашему солдату, предлагая ему разстрѣлять эти патроны по Англичанамъ! Хотя разговоръ происходилъ болѣе жестами, но желаніе Француза было понято ясно и принято нашими съ восторгомъ.

Піемонтцы, представители третьей воюющей съ нами державы, повидимому, ладятъ и съ Французами, и съ Англичанами, но по всему замѣтно, что они расположены несравненно болѣе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ. Впрочемъ, положеніе ихъ очень неловкое, какъ въ отношеніи къ своимъ союзникамъ, такъ и относительно насъ въ особенности. Кажется, они вполнѣ чувствуютъ это. Сверхъ того, сардинскимъ войскамъ удалось принять дѣятельное участіе въ событіяхъ только 4 августа 1855 года, но и тутъ они были опрокинуты, и пораженіе ихъ было бы полное, еслибы не огромныя силы ихъ союзниковъ, заранѣе предувѣдомленныхъ о нашемъ намѣреніи атаковать ихъ и во-время поспѣвшихъ на помощь. На штурмѣ 27 августа Піемонтцы опоздали атакою и остались зрителями страшнаго акта. Словомъ, Сардинцы понимаютъ свое настоящее ничтожество сравнительно съ тремя гигантами, съ которыми стоятъ нынѣ лицомъ къ лицу, и это тѣмъ болѣе увеличиваетъ неловкость ихъ положенія, что они догадываются, какъ смотрятъ на нихъ наши солдаты и большинство ихъ же союзниковъ. Тѣ и другіе, чуждые политическимъ тайнамъ, говорятъ про нихъ какъ про наемниковъ, а этотъ эпитетъ оскорбителенъ воину. „Ты продалъ свою кровь“, съ укоризною ему говоритъ солдатъ, пошедшій на войну за дѣло отчизны, правоту котораго онъ понимаетъ сердцемъ *). И вотъ Сардинцы съ какою-

*) Какая это, говоритъ Жоли (Mensognes etc. Idem, стр. 183), нравственная и интеллектуальная пертурбація господствуетъ въ Европѣ, что страны, которыхъ не побуждаютъ ни страсти, ни собственные интересы, ни тяжкія воспоминанія, вызывающія мщеніе, являются покорными и презрѣнными орудіями бонапартисскаго честолюбія и британской алчности?! И неужели въ Піемонтѣ не нашлось ни одного человѣка со здравымъ смысломъ, чтобы указать какъ на преступленіе противу своего народа, на эту безсмысленную политику, которая гонитъ къ Крымскимъ могиламъ солдатъ, идущихъ въ бой какъ древніе, продажные гладіаторы!

Піемонтъ, объявляющій войну Россіи и вооружающійся противъ нея на счетъ той

то осторожностью подходятъ къ группамъ нашихъ и иностранныхъ солдатъ, раздѣленныхъ рѣкою, и почти вовсе не принимаютъ участія въ ихъ мѣнѣ, въ ихъ сношеніяхъ. Піемонтскіе офицеры, при встрѣчѣ съ нами, кажутся намъ учтивѣе и предупредительнѣе офицеровъ другихъ націй. Но оттого ли, что Французы какъ-то одушевленнѣе и разнообразнѣе всѣхъ другихъ, оттого ли, что они словоохотливѣе прочихъ и рѣчь ихъ полна изящества и интереса, или наконецъ оттого, что въ кончающейся борьбѣ съ нами они явились самыми достойными нашими противниками, только мы сблизились болѣе съ ними, чѣмъ съ офицерами остальныхъ націй.

Послѣдуемъ однако за нашими солдатами, побѣжавшими къ одному пункту смотрѣть на что-то, особенно ихъ занявшее. То была *кантиньерка*, въ сопровожденіи гусарскаго капрала. Мы подъѣхали. Пожилая женщина, весьма дурная собою, впрочемъ стройная и ловкая, крѣпко сидѣла въ форменномъ мужскомъ сѣдлѣ, на маленькой турецкой лошадкѣ, бойко прыгавшей подъ острыми шпорами амазонки. Широкіе шаровары съ красными лампасами, коротенькое платье цвѣта, присвоеннаго полку, расшитое на груди шелками, какъ гусарская куртка, и низенькая круглая шляпа, съ небольшими полями и страусовымъ перомъ, составляли красивый нарядъ амазонки, обращавшей на себя общее вниманіе. Любезная, болтливая, она перекинулась съ нашей молодежью нѣсколькими словами, и, непремѣнно желая пожать руку русскимъ офицерамъ, пришпорила лошадку и смѣло прыгнула въ рѣку. Разумѣется, наши не заставили ждать себя и встрѣтили гостью на половинѣ рѣки. Эта живописная сцена имѣла множество зрителей на обоихъ берегахъ. Шутки, каламбуры, восторженные крики обильно сыпались съ той и съ другой стороны.

Кантиньерка — совершенно особенная принадлежность арміи, существующая только у Французовъ. Въ каждой ротѣ, эскадронѣ, батареѣ состоитъ кантиньерка, преимущественно жена одного изъ унтеръ-офицеровъ, или солдатъ. Она на службѣ правительства; получаетъ содержаніе; носитъ мундиръ полка; имѣетъ исключительное право торговли въ раіонѣ полка; особый экипажъ, съ установленною надписью, объясняющею, какому полку и ротѣ онъ принадлежитъ. Кантиньерка обязана переносить съ полкомъ всѣ лишенія, всѣ труды похода и войны; должна идти въ сраженіе, неся форменный боченокъ и фляжки, наполненныя ромомъ, коньякомъ, вермутомъ, абсентомъ или водою, и корзину съ двумя-тремя бѣлыми хлѣбами, бинтами и корпіею. Она наскоро подаетъ помощь раненому солдату своей роты, нѣсколькими каплями успѣваетъ промочить горло умирающаго страдальца. Она своимъ появленіемъ вливаетъ отвагу въ сердца бойцовъ. *Имъ* будетъ стыдно

Англіи, у которой нѣтъ уже ни одного своего солдата для защиты интересовъ аристократіи, которая должна бы была значительно померкнуть вмѣстѣ съ Британскимъ могуществомъ!

Піемонтъ существующій въ семи стахъ миляхъ отъ русскихъ границъ, нападающій на Царя! Это одинъ изъ тѣхъ актовъ, которые будутъ представлять собою уморительное явленіе въ настоящую Восточную войну, когда Англія одѣляетъ Турокъ Англичанами для защиты Турціи!!

при женщинѣ попятиться предъ опасностью, когда *она* встрѣчаетъ ее безтрепетно! Кончился бой, замолкаютъ выстрѣлы, и походный шатеръ кантиньерки уже разбитъ, съ помощію ея друзей; или какой-нибудь холщевый навѣсъ приставленъ къ ея небольшой телѣжкѣ, запряженной добрымъ муломъ. Къ этому импровизированному ресторану скорехонько соберется, съ каждымъ часомъ увеличиваясь, кружокъ молодцовъ, пришедшихъ выпить за здоровье уцѣлѣвшихъ, на память о павшихъ.

Раздѣляя съ полкомъ труды боевой жизни, кантиньерка раздѣляетъ съ нимъ его торжества и почести, имъ получаемыя. На смотрахъ, на церемоніальныхъ маршахъ кантиньерка имѣетъ свое мѣсто во фронтѣ. Она, съ своимъ боченкомъ, окрашеннымъ въ національные цвѣта, висящимъ у ней на лентѣ черезъ плечо, и съ плетеною корзиною на лѣвой рукѣ, покрытою бѣлою пеленою, стоитъ на флангѣ музыкантовъ, горнистовъ или барабанщиковъ своего баталіона, и съ ними проходитъ мимо начальства.

Этого рода женщины нерѣдко пользуются уваженіемъ не только своей роты, но даже баталіона и полка. Ихъ любятъ, потому что онѣ позволяютъ ѣсть и пить въ долгъ, и готовы въ концѣ мѣсяца разсчитываться за забранные у нихъ продукты раціонами, оставшимися у солдатъ въ экономіи. Онѣ не берутъ съ солдатъ *лишняго*, потому что не хотятъ терять довѣрія и лишиться прибыльнаго мѣста. Словомъ, кантиньерки живутъ со своей ротой въ большихъ ладахъ. Кромѣ этой, такъ сказать, присяжной кантиньерки, существуетъ въ каждой ротѣ по нѣсколько второстепенныхъ. Женщины эти имѣютъ *другое значеніе*. Онѣ не содержатся правительствомъ, а присланы имъ сюда еще въ началѣ кампаніи. Эти женщины во фронтъ не выходятъ.— Большихъ подробностей о нихъ мы не можемъ здѣсь передать, знаемъ только, что Англичане съ неудовольствіемъ отзываются объ этомъ учрежденіи во французской арміи. Что касается до Сардинцевъ, то командующій ихъ корпусомъ въ Крыму, генералъ Ла-Мармора, ничего подобнаго не допускаетъ во ввѣренныхъ ему войскахъ.

Пора домой. Наскучили пестрыя группы, толпящіяся на берегу. Мы простились съ нашими новыми знакомцами и пустились въ обратный путь. Тутъ впервые мнѣ представилась занимаемая нами позиція, во всемъ ея грозномъ величіи, во всей ея картинности.

Взгляните налѣво, внизъ по долинѣ р. Черной *). Казалось бы, взоръ вашъ пробѣжитъ до бухты, скользнетъ по кровавымъ развалинамъ Севастополя и утонетъ въ синей безпредѣльности моря!... Нѣтъ, картина задвинута громаднымъ отрогомъ Сапунъ-горы, вѣнчаннымъ англійскою батареей.

---

*) Самая большая рѣчка Крыма, впадаетъ въ Севастопольскій заливъ между болотистыми, поросшими камышомъ берегами. *Черная*—Карыклы Езень (Большая рѣчка) беретъ начало изъ горъ Яйла, въ видѣ родниковъ, бьющихъ изъ-подъ скалы въ деревнѣ Скела; затѣмъ проходитъ поперекъ Байдарской долины, Чоргунскимъ ущельемъ между высокихъ горъ и потомъ, вступивъ въ Инкерманскую долину, между Гасфортовой и Телеграфной горами и далѣе, по долинѣ, до бухты Чегень.

Невольно обращаете вашъ взоръ направо; видите гребень высотъ, вершины которыхъ, какъ узорчатыми кружевами, убраны нашими батареями, направо и налѣво отъ развалинъ древняго Инкермана, зубчатыя стѣны котораго, изуродованныя временемъ, обозначаются рѣзкимъ силуэтомъ на ярко голубомъ небѣ. Отъ живописной скалы, служащей основаніемъ этимъ развалинамъ, тянутся правѣе отвѣсныя высоты мекензіевской позиціи, покрытыя земляными укрѣпленіями. Предъ ними, какъ передовой стражъ, выдвинулась, такъ называемая, „Сахарная головка“, почти отдѣльная высота, получившая это названіе отъ нашихъ солдатъ, по сходству своему съ головою сахара. На площадкѣ, близъ вершины „Головки“, поставлена батарея, нѣсколько ниже — другая. Еще ниже — ложементы обвиваютъ ее словно ожерельемъ, запястьями ему служатъ орудія безъ лафетовъ огромнаго калибра, высунувшія свои жерла изъ земли, для дѣйствія навѣсно, на самыя дальныя дистанціи. Эти орудія составили батарею, названную „элевацiонною“.

Отъ „Сахарной головки,“ самою природою созданнаго бастіона для обороны нашей позиціи, и вмѣстѣ слабѣйшаго пункта линіи, оберегаемой нашимъ отрядомъ, почему Англичане и прозвали ее „Montagne perdu“, гора Мекензія нѣсколько отодвинулась, давая мѣсто Чернорѣченской долинѣ, на которой всю зиму, какъ и теперь, торчали казачьи пикеты, а ночью, въ нарочито устроеныхъ ложементахъ, стояли пѣхотные аванпосты и нѣсколько небольшихъ секретовъ. Гора, изборожденная ущельями и оврагами, большею частію недоступна по самой природѣ своей, заканчиваясь частію отвѣсными скалами, частію обрывами, по голой известковой почвѣ которыхъ почти невозможно взобраться. Есть подъемъ на гору только по врѣзавшимся въ нее ущельямъ, образовавшимъ какъ бы ребра ея. На пространствахъ между этими ущельями вы видите повсюду земляныя работы, а въ верховьяхъ каждаго ущелья батареи. Вотъ прямо предъ нами, правѣе „Головки,“ *батарея № 49-й*, до того сдѣлавшаяся извѣстною, подъ именемъ № 2-го, своимъ отличнымъ дѣйствіемъ въ сраженіи 4 августа (при чемъ она поражала непріятеля у рѣки, на пространствѣ за оною до Ѳедюхиныхъ высотъ, и на Каменномъ трактирномъ мосту), что, несмотря на измѣненіе ея названія, тотчасъ по сдачѣ Севастополя, она, въ оффиціальной перепискѣ и въ общежитіи, сохранила свое славное имя *2-го нумера*. Далѣе батареи: *казачья*, *литера А*, *неизвѣстная*, *телеграфская*, *№ 45* и *№ 47-й*. Шутники Французы большей части этихъ батарей дали свои имена, по преимуществу не могущія быть напечатанными, по неприличности ихъ, что однако же не мѣшало имъ нанести эти названія на нѣкоторые планы Мекензіевской позиціи, напечатанные въ Парижѣ. Вотъ нѣкоторыя названія: батарею № 2-й они назвали, въ насмѣшку, batterie bilboquet (Батарея *бильбоке*—намекъ на извѣстную игру съ шарикомъ, который подбросивъ, подхватываютъ привязанною къ нему палочкой съ чашечкою). Элевацiонную батарею на „Сахарной головкѣ“ Французы назвали „grand coucou“ (большая

кукушка). Всякій разъ, когда показывался дымокъ отъ выстрѣла съ нея, Французскіе часовые кричали: *куку!* предваряя тѣмъ всѣхъ о полетѣ бомбы. Одну изъ батарей Французы прозвали „gringalet“ за то, что ея снаряды никогда не долетали до ихъ позиціи. Всякій разъ, какъ эта батарея стрѣляла, и ея безвредный имъ снарядъ ложился предъ ними, Французы кричали: „что, видно не хватаетъ силъ gringalet, силъ видно не хватаетъ?“

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ „Сахарной головки“ примѣрно не болѣе полуверсты, долина рѣзко углубляется къ сѣверу, проходя между Телеграфическою горою, что направо, и горою Мекензія, съ прилегающею къ ней высотою, послужившею основаніемъ, такъ называемому, *Горчаковскому* редуту *).

Вы видите, что долина, точно стѣною, задвинута съ сѣвера продолженіемъ Мекензіевой горы, съ едва виднѣющимися отсюда батареями, покрывающими въ иныхъ мѣстахъ ея гребень, а въ другихъ—ея скаты, въ два и въ три ряда. Правѣе батареи вы едва можете различить отсюда бараки Селингинскаго полка. Лѣвѣе—телеграфъ, составляющій звено переговорной цѣпи, протянутой отъ сѣверной стороны Севастополя, чрезъ авангардный телеграфъ, будто нарисованный на первомъ планѣ стоящей предъ нашими глазами великолѣпной картины, къ телеграфу, въ *татарской чащѣ* передающему депеши въ с. Орто-Каралесъ и далѣе, въ Бахчисарай.

Телеграфъ, представляющійся намъ на дальней высотѣ Мекензія, построенъ на курганѣ, названномъ солдатами *Зѣвакина курганъ*. Съ него открывается необыкновенная панорама: вы видите, какъ на ладони, отдаленныя вершины Гасфортовой горы, закрывающей Балаклаву, весь лагерь Сардинцевъ, живописными кучами раскинутый по горамъ; Ѳедюхины высоты, усѣянныя палатками; долину Черной, со всѣми извивами быстрой рѣчки; Сапунъ-гору, съ ея лагеремъ; обѣ стороны Севастополя; Камышевую, Казачью и Севастопольскую бухты и безпредѣльное море.

Во все время Севастопольской защиты, на этомъ курганѣ стояли, съ ранняго утра до поздняго вечера, толпы любопытныхъ солдатиковъ. Покуривая трубочки, они вели свои задушевныя бесѣды, судили, рядили и спорили о томъ, что совершалось предъ ихъ глазами; кого хвалили, а кого жестоко козыряли своими грубыми, но мѣткими сарказмами; *зѣвали* на чудную, необыкновенную картину, выставленную событіями на диво цѣлаго міра! Такимъ образомъ курганъ, служа любимымъ мѣстомъ сборища *зѣвакъ*, получилъ названіе *Зѣвакина*.

Лѣвѣе кургана и вѣнчающаго его телеграфа врѣзывается въ гору ущелье, названное солдатами *Волчій яръ*. Въ этомъ затишьѣ стояла всю зиму Веневская дружина (№ 89) Тульскаго ополченія. Дорога наша, какъ видите, исчезаетъ за уклономъ горы, скрываясь въ ущельѣ, по которому

---

*) Редутъ построенъ по приказанію генерала-отъ-инфантеріи князя Петра Дмитріевича Горчакова, командовавшаго здѣсь войсками. Этотъ редутъ никогда не былъ вооруженъ.

проложена новая военная дорога, огибая Волчій яръ и Зѣвакина курганъ слѣва, и другая, такъ называемая *Воронцовская*, огибаетъ эти два урочища справа. Эта дорога слишкомъ для меня памятна, потому что 22 октября 1854 года мы шли по ней таинственно, ночью, передвигаясь на Инкерманскія высоты съ Чоргунской позиціи, сосредоточиваясь для предполагавшагося наступленія. Эти обѣ дороги обстрѣливаются во всю длину и во флангъ рядомъ мѣстныхъ батарей и могутъ быть очищены картечнымъ огнемъ полевой артиллеріи, которая стоитъ въ резервѣ и можетъ сейчасъ явиться на любой изъ угрожаемыхъ пунктовъ. Открытое наступленіе по этимъ дорогамъ для непріятеля невозможно. Ночью мы держимъ близъ этихъ дорогъ, сверхъ секретовъ и передовой стражи, довольно сильный резервъ, а равно занимаемъ стрѣлками нѣкоторые ложементы, устроенные особственно для защиты этихъ дорогъ.

Когда мы стали приближаться къ Горчаковскому редуту, то ясно обозначились зигзаги бывшихъ нашихъ траншей, изрѣзывающихъ Телеграфическую гору и сардинскій пикетъ на небольшой конусообразной возвышенности, къ ней прилегающей. Влѣво отъ насъ, въ лощинѣ, мирно пріютилась семья надгробныхъ крестовъ, и бѣлѣются могилы, красиво обложенныя инкерманскимъ камнемъ. Это мѣсто перевязочнаго пункта сраженія 4 августа 1855 года,— мѣсто, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ котораго умеръ, отъ полученныхъ въ тотъ день смертельныхъ ранъ, командиръ Одесскаго егерскаго полка, подполковникъ Скюдери *), одинъ изъ замѣчательныхъ офицеровъ настоящей войны, ознаменовавшій всякое свое появленіе на полѣ сраженія необыкновенною отвагою и геройскою неустрашимостью. Я его видѣлъ въ дѣлѣ однажды, въ сраженіи подъ Ольтеницею, но его благородный, вдохновенный образъ никогда не изгладится изъ моей памяти.

„Посмотри-ка,—крикнулъ мнѣ товарищъ, прерывая мои печальныя думы,—видишь папаху, мелькающую въ кустахъ?“

— Что же тутъ необыкновеннаго?

„А вотъ посмотришь. Это Чумаченко бѣжитъ на тревогу“.

— Ну, зачѣмъ онъ побѣжитъ въ такую даль?

Подъѣзжаемъ ближе, еще ближе... Вправду Чумаченко! Экой уморительный!

Широкими, торопливыми шагами сближался съ нами человѣкъ невысокаго роста, косая сажень въ плечахъ, мускулистый, плотный, будто скованный изъ желѣза, въ полуразстегнутомъ кафтанѣ Охотскаго полка, съ унтеръ-офицерскими галунами, *Егорьемъ*, Севастопольскою медалью, съ мѣдною цѣпочкою въ видѣ аксельбанта, съ протравкою на концѣ, въ нагрудникѣ, сшитомъ изъ красныхъ штановъ, снятыхъ съ убитаго французскаго солдата, съ англійскою патронною сумкою на французскомъ поясѣ, въ сапо-

*) Его портретъ помѣщенъ нами въ № 12-мъ „Русскаго Художественнаго Листка“ 1857 года. О его кончинѣ говоримъ выше, въ разсказахъ о днѣ 4 августа.

гахъ выше колѣнъ, безъ галстука, съ ружьемъ въ одной рукѣ и арканомъ въ другой. Закинутая на затылокъ большая папаха открывала широкій лобъ солдата, а густыя, черныя брови, нависшія надъ небольшими голубыми глазами, съ какимъ-то безмятежнымъ въ нихъ выраженіемъ, выдавшіяся скулы, длинные свѣтлорусые усы, вообще черты рѣзкія и суровыя, дѣлали это лицо грознымъ и необыкновенно спокойнымъ.

— Куда ты бѣжишь?

„Говорятъ, будетъ стычка".

— Какая? Съ кѣмъ?

„Французъ съ Англичаниномъ биться хотятъ. Нашего Француз *на подмогу* просить; *чи що!*"

— Экое вранье какое! А веревка-то зачѣмъ?

„*Се не веревка,—арканъ*. Можетъ кого схватить придется".

— Не безпокойся, никого не придется хватать и никакой стычки не будетъ; даромъ проходишь. Это, вишь, они муштру только дѣлаютъ. Воротимся.

„Э-во-но що!..." заключилъ со вздохомъ Чумаченко, искоса взглянувъ на удалявшіеся полки Англичанъ,—а я думалъ, что еще будетъ-таки съ ними стычка!" и онъ побрелъ домой, бормоча что-то сквозь зубы, изъ которыхъ спереди недоставало одного или двухъ, а почему недоставало, разскажемъ ниже.

Въ особомъ Приложеніи мы объясняемъ, кто такой этотъ Чумаченко и что онъ собою изображаетъ (см. Прил. къ этому тому).

11 марта.

Съ нами, на берегу Черной, познакомился и какъ бы сблизился командиръ французской ракетной батареи, артиллеріи капитанъ Жако, въ высшей степени милый, обязательный и притомъ тароватый человѣкъ. Каждый пріѣздъ свой на свиданіе съ нами онъ знаменуетъ привозомъ намъ въ подарокъ различныхъ вещей и съѣстныхъ припасовъ, доставленныхъ изъ-за границы. Такъ и сегодня, напримѣръ, онъ привезъ намъ и, несмотря на строгій присмотръ надзирающихъ за демаркаціонной линіей и не допускающихъ сближенія сторонъ, успѣлъ передать намъ цѣлый ящикъ всякой всячины. За привезенное, Жако не согласился взять денегъ, хотя все привезенное имъ было пріобрѣтено по нашему заказу, и только пожелалъ, взамѣнъ привезеннаго, получить отъ насъ на память какихъ-либо русскихъ издѣлій. Воисполненіе этого желанія, мы тотчасъ преподнесли ему: настоящій валдайскій колокольчикъ, съ *малиновымъ звономъ;* я—вяземскую коврижку, съ надписью: *„кого люблю, того дарю"*; Шабельскій свою походную нагайку, въ серебряной, кавказской оправѣ... Кромѣ того мы изготовили въ подарокъ Жако настоящій русскій дорожный погребецъ, обитый тюленьей шкурой, укрѣпленной полосками бѣлой жести, внутри оклеенный пестрой, цвѣтной бумагой и снабженный замѣчательнымъ по своей музыкальности замкомъ! Въ этотъ погребецъ, кромѣ

самовара, мы положили все, что по нашему обычаю признается необходимымъ въ дорогѣ, причемъ все положенное было чисто-русскимъ произведеніемъ. Въ погребцѣ оказалось стекло и фаянсовый чайный приборъ, съ русскими надписями и рисунками—русскихъ заводовъ, камчатная салфетка и полотенце съ русскимъ шитьемъ на концахъ. Карандаши, сургучъ, съ русскими клеймами, даже перья, и тѣ чисто-русскаго способа приготовленія—гусиныя, очиненныя, связанныя въ пучокъ, традиціонной бичевкой краснаго цвѣта и т. д. Нашъ милый капитанъ Жако, по-истинѣ, пришелъ въ восторгъ отъ нашего подарка и не зналъ, какъ и чѣмъ отблагодарить насъ.

До послѣдняго времени у насъ было совершенно свободное общеніе съ союзниками: они ходили къ намъ, а наши ходили пьянствовать къ нимъ, безпрепятственно. Греческаго легіона капитанъ Леонидасъ, какъ-то, пробрался даже въ Балаклаву. Но такія путешествія другъ къ другу противорѣчили заключенной между нами и союзниками конвенціи, и потому права гражданства здѣсь получить не могли и были не дозволяемы, а только терпимы. Особенное сближеніе у нашихъ было съ Французами; что же касается до Англичанъ, то съ ними не дружили ни мы, ни Французы. Мало того, къ Англичанамъ и мы, и Французы, пока не заключенъ былъ миръ, выражали больше чѣмъ равнодушіе, скорѣе презрѣніе. Сближеніе нашихъ съ Французами дошло до того, что при одномъ изъ съѣздовъ для какихъ-то переговоровъ, Французы привезли съ собою, на аванпосты, шампанскаго и стали угощать насъ. Затѣмъ, по мысли одного изъ нашихъ товарищей, На-Ярочинѣ-Яроцкаго, (любимаго адъютанта генерала Веселитскаго), рѣшили, что нашему дивизіонному штабу надлежитъ, въ свою очередь, угостить на славу Французовъ, тѣмъ отблагодаривъ ихъ за угощенія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, кольнуть Англичанъ. Веселитскій, которому Яроцкій не преминулъ доложить о своей затѣѣ, отнесся къ ней съ восторгомъ, не утерпѣвъ, чтобы не пофигурировать передъ высшимъ начальствомъ и накаталъ письмо къ корпусному командиру, въ которомъ изобразилъ, что вотъ, дескать, Французы угощаютъ нашихъ, такъ позвольте и намъ покормить ихъ, съ тѣмъ, что Англичане на этотъ пиръ приглашены не будутъ, такъ какъ съ ними видимо враждуютъ и Французы, и наши.

Ну, конечно, такая была безтактная просьба, что она не могла быть принята благосклонно. Да и въ самомъ дѣлѣ: что за дипломатъ С. Г. Веселитскій, что онъ своими обѣдами будетъ устраивать политическія демонстраціи?...

Въ отвѣтъ корпусный командиръ не только не дозволилъ проектированнаго обѣда, но формально и категорически запретилъ всякое сношеніе съ союзниками.

12 марта.

Вчера, съ разсвѣтомъ, загремѣла весьма сильная, очевидно салютаціонная, пальба на французскихъ батареяхъ.

Такъ какъ генералъ Веселитскій никогда не довольствовался ролью простаго исполнителя, а всегда претендовалъ на болѣе высокую роль государственнаго человѣка и самостоятельнаго дѣятеля, находчиваго, предпріимчиваго, съ свѣтлымъ взглядомъ на военное и политическое дѣло, то онъ и въ данномъ случаѣ не могъ оставить безъ вниманія происходившаго у Французовъ и тотчасъ послалъ одного изъ своихъ ординарцевъ на французскіе аванпосты узнать причину необыкновенной пальбы.

Воротившійся ординарецъ генерала Веселитскаго привезъ извѣстіе о рожденіи императорскаго принца, возвѣщенномъ салютаціонною пальбой всего французскаго флота и сухопутныхъ батарей *), причемъ въ каждомъ корпусѣ французской арміи отслуженъ молебенъ.

Услышавъ это извѣстіе, генералъ Веселитскій почему-то призналъ необходимымъ принять живое участіе въ радостномъ для Французовъ событіи и участіе это выразить видимымъ образомъ. На этомъ основаніи генералъ тотчасъ потребовалъ меня и приказалъ сдѣлать немедленное распоряженіе по отряду, чтобы съ наступленіемъ вечера, по всей линіи нашихъ аванпостовъ, въ его командѣ состоящихъ, преимущественно на скатахъ горъ, обращенныхъ къ непріятелю, на гребняхъ высотъ, а равно на всѣхъ батареяхъ, видимыхъ союзникамъ, были разведены возможно большіе и въ возможно большемъ числѣ, костры, а съ батарей чтобы пускали сигнальные ракеты.

Затѣмъ генералъ написалъ собственноручно и передалъ мнѣ, для немедленной отправки, письмо къ начальнику штаба арміи, генералу Тимашеву **), прося доложить главнокомандующему просьбу его: разрѣшить привесть дивизію ему ввѣренную въ долину р. Черной, въ мундирахъ съ музыкой и пѣснями, чтобы видѣть устраиваемую Англичанами, по ту сторону р. Черной, скачку и притомъ сказать Французамъ, что мы пришли поздравить ихъ съ радостью, по случаю рожденія Наслѣдника у ихъ Государя.

Признаться: меня поразило полученное приказаніе—насчетъ костровъ, ракетъ, поздравленій и проч. Я попытался было доложить генералу: не вызоветъ ли такое распоряженіе неудовольствіе главнокомандующаго генерала Лидерса, такъ какъ оно не останется для него безъизвѣстнымъ,—но получилъ такой *репримандъ* за свое, какъ мнѣ было сказано, неумѣстное разсужденіе, что поспѣшилъ откланяться, чтобы исполнить данное мнѣ приказаніе. Но, выйдя изъ домика генерала, я все еще не рѣшался приступить къ исполненію его приказанія, понимая его несообразность и не видя причины, которая побуждала бы насъ радоваться радости проходимца, столько бѣдъ накликавшаго на наше Отечество и, потому пошелъ къ Черняеву пе-

---

*) Въ полдень 80 англійскихъ орудій выѣхало на Сапунъ-гору и произвели 101 выстрѣлъ.

**) Впослѣдствіи—министръ внутреннихъ дѣлъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта

редать о случившемся. Черняевъ сначала вѣрить не хотѣлъ моему разсказу, но когда я убѣдилъ его, что говорю безъ шутокъ, онъ сейчасъ же рѣшился идти къ генералу и постараться убѣдить его отмѣнить свое приказаніе. Условясь съ Черняевымъ, что до его возвращенія не разошлю приказаній по войскамъ отряда, мы разошлись: я — въ свою землянку, строчить нелѣпое приказаніе, а онъ, на этотъ разъ, накинувъ шашку (чтобы придать своему появленію вполнѣ служебный, оффиціальный характеръ, тогда какъ обыкновенно мы, штабные, по нѣскольку разъ въ день ходили къ генералу—безъ оружія),—пошелъ къ генералу.

Около получаса Черняевъ пробылъ у генерала Веселитскаго, но успѣлъ убѣдить его отмѣнить только одну часть приказанія, а именно: пусканіе ракетъ съ батарей, и то только доказавъ ему, что эти ракеты могутъ сдѣлаться причиной какихъ-либо недоразумѣній въ сосѣднихъ отрядахъ, не предувѣдомленныхъ о настоящей причинѣ ихъ спуска.

Нечего было больше дѣлать и распоряженіе о кострахъ полетѣло во всѣ части нашего отряда и затѣмъ, едва смерклось, какъ повсюду запылали костры, по счастію, бывшіе не особенно блистательными вслѣдствіе сильнаго тумана.

Результаты этой затѣи генерала Веселитскаго были слѣдующіе:

На просьбу разрѣшить привесть дивизію къ Черной рѣчкѣ генералъ Тимашевъ отвѣчалъ: „Не знаю, можно ли, но спрошу; впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно, генералъ Лидерсъ, на приглашеніе Кодрингтона посмотрѣть на скачку, отвѣчалъ, что наши офицеры воспользуются этимъ зрѣлищемъ со своихъ позицій“. Разумѣется, послѣ такого извѣщенія намъ уже неловко было, по примѣру ежедневныхъ съѣздовъ нашихъ офицеровъ съ Французами на берегу р. Черной, происходившихъ со дня перемирія, поѣхать на берегъ смотрѣть на скачку, проектированную Англичанами въ долинѣ р. Черной, 12 марта. Поэтому мы, съ досадою, должны были удовольствоваться тѣмъ, что послѣдовали за генераломъ на нашу элеваціонную батарею, что на „Сахарной головкѣ“, прозванную Французами: „*grand-Coucou*“, Съ этой-то батареи мы и наблюдали скачку—въ бинокль. Арена, на которую ввели лошадей для скачки, была обозначена елками и зеленью; надъ мѣстомъ скачки господствовало возвышеніе, на которомъ была устроена эстрада, роскошно убранная множествомъ флаговъ, елками и гирляндами зелени. На этой эстрадѣ помѣщались союзные главнокомандующіе съ ихъ многочисленными свитами; тысячъ двадцать военнаго люда было зрителями любимаго увеселенія Англичанъ, ими и устроеннаго; много амазонокъ, исключительно Англичанокъ, съ ихъ кавалерами, составляли живописныя группы *); нѣсколько полныхъ хоровъ кавалерійской музыки, верхомъ, играли не переставая, очередуясь между собою; очевидно, что массы были очень веселы, потому что видно было множество по-

*) Замѣчательно, что изъ французскихъ дамъ только двѣ присутствовали на этой скачкѣ, составляя отдѣльную кавалькаду; изъ этихъ дамъ одна была жена столь печальную себѣ составившаго впослѣдствіи славу—генерала Базена.

всюду толкавшихся пьяныхъ (да и мудрено имъ было не быть, когда кантиньерки и маркитанты, повидимому со всей арміи, судя по ихъ мундирамъ, выѣхали сюда со своими запасами на маленькихъ двуколкахъ, запряженныхъ мулами или просто вьючнымъ муломъ со съѣстными и питейными припасами). Между тѣмъ, пока приготовлялась скачка, пришелъ на нашу батарею смотрѣть интересное зрѣлище чуть не весь Камчатскій полкъ, занимавшій ближайшую позицію, и наѣхало множество офицеровъ изъ главной квартиры. Стали приставать къ Веселитскому съ просьбою позволить приблизиться къ мѣсту скачки, генералъ не выдержалъ и позволилъ—неофиціально. Разумѣется, всѣ спустились внизъ, кромѣ генерала Веселитскаго и насъ, составлявшихъ его штабъ, и подошли къ рѣкѣ. Сейчасъ же на нашу сторону переѣхало въ бродъ много французскихъ офицеровъ (оправдывавшихъ свой поступокъ тѣмъ, что имъ было начальствомъ воспрещено переѣзжать мостъ на р. Черной, а переходить ее въ бродъ никто не воспрещалъ!), даже генералъ Еспинасъ, адъютантъ императора Наполеона, переѣхалъ къ намъ и именемъ Пелисье приглашалъ нашихъ отправиться на тотъ берегъ Черной смотрѣть скачку; но наши отказывались, ссылаясь на запрещеніе своего начальства. Еспинасъ говорилъ, что Пелисье нарочно такъ устроилъ, что съ началомъ скачки замедлили, въ убѣжденіи, что мы пріѣдемъ смотрѣть ее. Въ этотъ моментъ совершенный фуроръ произвелъ у союзниковъ, покрывавшихъ лѣвый берегъ Черной, пріѣздъ подполковника Салова *), въ телѣжкѣ, на тройкѣ лихихъ коней, съ иноходцемъ въ корнѣ, съ пристяжными—головы кольцомъ, въ блестящей наборной, ямской сбруѣ съ бубенцами и колокольчиками подъ расписной дугой, съ кучеромъ, заломившимъ на бекрень шапочку съ павлиными перьями... Союзники, особенно Французы, толпами бѣжали по тому берегу Черной въ ту сторону, въ которую направлялся Саловъ на своей тройкѣ, и на время какъ бы забыли о скачкѣ, готовой начаться. Въ тотъ же вечеръ, встрѣтясь съ Саловымъ, я пророчилъ ему, что онъ на своей чубарой тройкѣ вкатилъ прямехонько въ Парижскую иллюстрацію! Не знаю, сбылось ли это пророчество мое относительно иллюстраціи, но на *афишѣ* Саловъ попалъ дѣйствительно. У меня сохранилась такая литографированная афиша театра, устроеннаго французскими солдатами въ Камышѣ, на которой, изящною виньеткой изображены случаи скачки, и Саловъ на своей тройкѣ. Когда началась скачка, многіе изъ нашихъ офицеровъ уступили настойчивымъ просьбамъ Французовъ и перебрались на тотъ берегъ Черной къ самой аренѣ, превосходно устроенной со всевозможными препятствіями для скакавшихъ и, какъ мы сказали выше, разукрашенной. Тамъ наши были встрѣчены самымъ любезнымъ образомъ и осушили не одинъ стаканъ съ недавними врагами.

Тутъ-то, при этомъ свиданіи, и генералы, и офицеры французскіе разсыпались передъ нашими въ изъявленіяхъ самой живой благодарности за

*) Неоднократно нами помянутый выше, нынѣ умершій.

вниманіе, оказанное ихъ націи нашею вчерашнею иллюминаціею. Они говорили, что эта любезность наша отзовется въ сердцахъ всего Французскаго народа!... Таковое заявленіе Французовъ, разумѣется поспѣшили передать генералу Веселитскому, что привело его въ такой восторгъ, что онъ поспѣшилъ свѣдѣніе объ этомъ включить въ записку, которую онъ имѣлъ обыкновеніе ежедневно (по собственной иниціативѣ) посылать главнокомандующему, съ подробными свѣдѣніями о всѣхъ случаяхъ дня.

Признаться, многіе изъ насъ, въ томъ числѣ Черняевъ, не раздѣляли этого восторга нашего генерала и полагали что Веселитскому не пройдетъ даромъ его выходка, но нѣкоторое время случай этотъ остался какъ бы незамѣченнымъ нашимъ высшимъ начальствомъ до слѣдующаго новаго обстоятельства.

О любезности нашей, выразившейся иллюминаціей Мекензіевыхъ высотъ *), французскій главнокомандующій поспѣшилъ извѣстить свое правительство, по телеграфу. Вслѣдствіе этого нашему чрезвычайному послу князю Орлову императоръ Наполеонъ лично наговорилъ множество любезностей и выразилъ самую живую благодарность. Князь Орловъ, удивленный этимъ случаемъ, разумѣется, сообщилъ о немъ кому слѣдовало, въ Петербургъ, прося разъясненія. Конечно изъ Петербурга тотчасъ таковаго же объясненія потребовали отъ генерала Лидерса, который, хотя и могъ имѣть въ виду ежедневное донесеніе Веселитскаго, въ которомъ, какъ выше сказано, онъ хвастался своимъ подвигомъ и его результатами, но генералъ Лидерсъ предпочелъ потребовать отъ генерала Веселитскаго категорическаго объясненія. дѣйствительно ли нашими войсками передоваго отряда, въ день полученія извѣстія о рожденіи императорскаго принца, была произведена иллюминація занимаемыхъ ими высотъ и съ чьего разрѣшенія.

Запросъ этотъ генералъ Веселитскій въ дивизіонное дежурство не передалъ, а собственноручно отвѣтилъ на него генералу Лидерсу, что никакой иллюминаціи нашимъ отрядомъ производимо не было, а за иллюминацію, вѣроятно, приняты были Французами костры, разложенные войсками передоваго отряда по случаю холодной и сырой погоды въ ночь на 12 марта.

Интересно, какъ бы генералъ Веселитскій объяснилъ главнокомандующему пусканіе сигнальныхъ ракетъ, по всей линіи нашихъ передовыхъ батарей, еслибы онъ, благодаря убѣжденіямъ Черняева, не отмѣнилъ своего приказанія по этому предмету.

На вышеизложенномъ дѣло и остановилось; не знаемъ что и какъ донесъ генералъ Лидерсъ въ Петербургъ, но знаемъ, что послѣ, еще неоднократно, генералъ Веселитскій повторялъ, что его распоряженіе объ иллюминаціи нашихъ позицій на Мекензіевыхъ высотахъ, при извѣстіи о рожденіи императорскаго принца, способствовало ускоренію Парижскаго мира,

*) Но отнюдь не иллюминаціею всѣхъ нашихъ линій, какъ потомъ печатно увѣряли Французы, начиная отъ Телеграфной горы до Константиновскаго форта, самаго форта этого и всей Байдарской долины, такъ какъ подобной иллюминаціи вовсе не было.

такъ какъ съ момента этой дружественной съ нашей стороны манифестаціи— сердце императора Наполеона заговорило въ нашу пользу!!...

21 марта.

Съ телеграфа прибѣжалъ караульный унтеръ-офицеръ: „Ваше бл-діе, Французъ палитъ!“

— Ядрами?

„Кажись бы нѣтъ“.

— Ну, пущай его палитъ на здоровье.

Однако канонада усиливается,—что́ бы это значило? Не подрались ли уже между собою союзники?

Слышна сильная канонада въ Камышѣ, и таковая же видна на Ѳедюхиныхъ горахъ. Генералъ послалъ состоящаго при немъ поручика, князя Кантакузена, на французскіе аванпосты спросить у нихъ формально о причинѣ канонады.

„Не знаемъ, говорятъ, навѣрно, а слышно будто миръ заключенъ“.

— Мнѣ надо знать навѣрно,—отвѣчалъ князь Кантакузенъ.—Потрудитесь послать доложить вашему генералу, что нашъ начальникъ отряда проситъ дать положительное свѣдѣніе о причинѣ канонады, для доклада главнокомандующему по телеграфу.

„Извольте“.

Посланный ординарецъ скоро воротился и объявилъ, что генералъ самъ сейчасъ сюда пріѣдетъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько десятковъ минутъ къ аванпостамъ приблизилась кавалькада: сардинскій главнокомандующій Ла-Мармора, французскій генералъ Винуа и какой-то англійскій генералъ. Они нарочно пріѣхали всѣ отъ генерала Макъ-Магона, гдѣ засталъ ихъ посланный ординарецъ, и поздравили Кантакузена съ заключеніемъ мира, подписаннаго въ Парижѣ 18 марта, нашего стиля.

По этому случаю въ каждой артиллерійской дивизіи союзниковъ дали по сто одному пушечному выстрѣлу, въ Камышѣ салютовалъ флотъ и, по словамъ французскихъ офицеровъ, тамъ уже развѣваются флаги французскій, англійскій, турецкій, сардинскій и—русскій! Союзники въ восторгѣ отъ заключенія мира: поздравляютъ другъ друга, обнимаются, цѣлуются, пьянствуютъ, торжествуютъ! *)

Нѣсколько часовъ, какъ англійскій пароходъ привезъ извѣстіе о мирѣ— причину общаго восторга... Съ возвращеніемъ Кантакузена, вѣсть о заключеніи мира мгновенно разлилась по нашему лагерю, не произведя особеннаго восторга или радости. Странно: даже тѣ, которые, казалось, съ такимъ нетерпѣніемъ ждали мира, и тѣ не радуются, лишь только онъ пересталъ быть предметомъ ожиданія и сдѣлался совершившимся фактомъ...

*) Орлиное перо, которымъ былъ подписанъ Парижскій мирный трактатъ, отдѣланное въ золото, подъ стекломъ, было поднесено императрицѣ Евгеніи.

Итакъ, для насъ все кончено! Прости сабля, боевой конь, прощайте, товарищи! Судьба ударила отбой, и всѣ вы, сплоченные нынѣ одною идеей, движимые одною мыслью, предадитесь каждый своимъ стремленіямъ и по поприщу жизни пойдете разными путями—каждый къ своей особой цѣли!...

Прощайте! Замолкла боевая труба, большинство васъ разсыпется по лицу земли, и съ вами улетятъ очарованія нашей бранной жизни! Разлучаясь съ вами, будто прощаешься съ днями свѣтлой юности, будто передъ нами закрывается первый томъ жизни, томъ поэзіи, раскрывается второй—холодной прозы...

27 марта.

У насъ большая суматоха: союзники рѣшительно наводняютъ нашъ лагерь, и въ свою очередь наши солдаты большими партіями, чуть ли не цѣлыми полками, отправляются къ нимъ въ гости. Дорога къ каменному мосту съ Мекензіевой горы сдѣлалась шумною улицею большаго города,—столько по ней взадъ и впередъ ѣдетъ народу, солдатъ и офицеровъ, купцовъ и маркитантовъ.

Особенно оригинально было первое посѣщеніе нашего лагеря, сдѣланное Французами 22 марта. До того намъ было запрещено всякое съ ними сближеніе, и обѣимъ сторонамъ было запрещено переступать демаркаціонную линію.

22 марта такое славное было утро, такъ весело играло на горизонтѣ теплое солнце, купая свои золотые лучи въ волнахъ моря, въ струйкахъ Черной и въ безчисленныхъ лужахъ, покрытой ужасною грязью Мекензіи, какъ вдругъ дали знать съ телеграфа, что множество Французовъ идетъ на нашу позицію, конечно, безъ оружія. Какъ ихъ остановить, развѣ *брызнуть* картечью? Нельзя—*поздно*! Генералъ по телеграфу донесъ объ этомъ движеніи главнокомандующему и спрашиваетъ: что дѣлать? Нѣтъ отвѣта.— Французы приближаются, генералъ повторяетъ вопросъ — и все-таки нѣтъ отвѣта. Но Французы не ждали: въ праздничныхъ, щегольскихъ костюмахъ, съ пѣснями, съ шумомъ, крикомъ, потягивая ромъ или коньякъ изъ походныхъ фляжекъ, они шли на нашу позицію пестрыми толпами, стремясь поближе посмотрѣть своихъ недавнихъ враговъ. Офицеры группами ѣхали верхомъ. Эту интересную картину трудно себѣ представить. Все пространство, занятое нами, горы и ущелья покрылись хохочущими, поющими Французами; имъ навстрѣчу вышли наши гостепріимные солдаты и, такъ сказать, расхватали Французовъ по землянкамъ, офицеры тоже пригласили къ себѣ офицеровъ, и пошло угощеніе, вскорѣ превратившееся въ общій, необыкновенный кутежъ, продолжавшійся до сумерекъ. Тогда гости поплелись домой, кто только покачиваясь и поддерживая товарища, кто совсѣмъ на четверенькахъ. Я видѣлъ зуава, который перекинулъ товарища, какъ снопъ, черезъ плечо и понесъ его домой. Но многіе не могли возвратиться въ свой лагерь, остались у насъ ночевать и на другой день, чуть заря, шибкимъ

шагомъ пустились восвояси, съ озабоченными и измятыми лицами послѣ бурно проведенной ночи, видно торопясь попасть на перекличку, чтобы не подвергнуться отвѣтственности за ненахожденіе на своемъ мѣстѣ. У насъ въ этотъ день обѣдалъ штабъ Макъ-Магона, нечаянно заставъ насъ за столомъ. День былъ постный, и мы ихъ накормили непривычными для нихъ блюдами:— нечего дѣлать,—ѣли изъ учтивости. На утро мы были приглашены къ нимъ завтракать; мы представились генералу Макъ-Магону; онъ очень насъ обласкалъ и долго говорилъ съ нами и пригласилъ завтракать.

Макъ-Магонъ *) еще не старъ, на видъ ему лѣтъ около 40, красивый, бѣлокурый, съ свѣтло-голубыми прекрасными глазами, полными силы и проницательности: небольшая борода придаетъ его лицу много красоты, какъ и вообще лицу каждаго мужчины.

Съ своимъ начальникомъ штаба—Commandant Borel, Макъ-Магонъ обходится совершенно по-товарищески.

Генералъ живетъ въ балаганѣ, очень хорошо выстроенномъ на Федюхиныхъ горахъ, изъ прочнаго лѣса. Площадка, на которой посреди лагеря стоитъ его балаганъ, окружена балаганами его свиты, въ которой мы наиболѣе подружились съ капитаномъ генеральнаго штаба Давне, славнымъ, умнымъ и, несмотря на наружность добраго толстяка, весьма хитрымъ человѣкомъ. Балаганъ Макъ-Магона начинался прихожею; налѣво людская, направо была зала и маленькая спальня генерала, прямо изъ прихожей большая столовая; у него постоянно обѣдаетъ весь штабъ. Въ передней—ординарецъ, у крыльца—часовой.

Обыкновенно французскіе офицеры встаютъ очень рано, пьютъ, и то не всѣ, чашку кофе или шоколада, въ 9-ть или въ 10-часовъ очень плотно завтракаютъ, а въ 5-ть или въ 6-ть часовъ обѣдаютъ. Французы весьма справедливо замѣчаютъ, что, при такомъ порядкѣ жизни, весь день остается въ полномъ распоряженіи для исполненія служебныхъ и всякихъ другихъ обязанностей. Если не случается чего-либо особеннаго, то французскіе офицеры въ этотъ періодъ времени успѣваютъ сдѣлать все необходимое по службѣ и могутъ, безъ ущерба общему дѣлу, остальное время посвятить бражничанью, дружеской бесѣдѣ, чтенію и вообще собственному удовольствію.

Позавтракавъ, мы просили позволенія продолжать путь. Мы хотѣли посѣтить Севастополь; Борель и Давне, также адъютантъ артиллерійской дивизіи, генерала Солель, прекрасный молодой человѣкъ, поѣхали съ нами.

Лагерь союзниковъ отличается необыкновеннымъ благоустройствомъ. Всюду изумительная чистота; изъ елокъ, воткнутыхъ въ землю, вездѣ составлены

---

*) Впослѣдствіи Президентъ Французской республики. Французскіе писатели тотчасъ послѣ Крымской кампаніи, еще до того, какъ онъ прославился на поляхъ Мадженты, отзывались о немъ съ увлеченіемъ, какъ о генералѣ и человѣкѣ. Вотъ для примѣра слова Guerin: Le général de Mac-Mahon est un caractère dans une époque où il y en a si peu. Tout le monde le sait dans l'armée, officiers et soldats. L'homme incapable de faire plier sa consience devant l'ambition, et le général susceptible de conduire à bonne fin les plus grandes entreprises sont confondus dans la même estime. Idem, page 395.

аллеи и искусственные садики *). Во многихъ мѣстахъ разведены огороды, засаженные разными овощами, — огороды отлично обработаны; у многихъ ставокъ палисадники, ограда которыхъ весьма искусно состроена изъ жестянокъ отъ консервовъ, въ которыхъ привозили арміи мясные раціоны; въ каждомъ изъ такихъ палисадниковъ зеленѣлись уже куртинки, составлявшія или вензель императора, или любезное зуавамъ имя Боске, Канробера или еще болѣе завѣтный лозунгъ славы этой арміи: Malakof! Балаганы маркитантовъ, съ ихъ громадными вывѣсками, разнообразіемъ и многочисленностію товаровъ свидѣтельствуютъ о необыкновенной дѣятельности и предпріимчивости промышленнаго класса западной Европы. На одной изъ площадокъ — большой балаганъ, украшенный флагомъ и обнесенный искусственнымъ садикомъ изъ ели, съ такими же бесѣдками и надписью: Cercle — такого-то полка. Насъ пригласили войти. Это нѣчто въ родѣ клуба. Такой „Cercle“ устроенъ въ каждомъ полку. Мы нашли двѣ комнаты, наполненныя офицерами; множество газетъ и журналовъ лежало на столѣ; офицеры курили, читали, бесѣдовали, ходя группами; большинство пило „vin chaud“, т.-е. вскипяченное красное вино съ небольшимъ количествомъ пряностей и сахара, нѣчто въ родѣ глинтвейна. Насъ бросились угощать на-перерывъ. Двѣ или три пары офицеровъ играли въ карты; впрочемъ этотъ способъ препровожденія времени не въ большомъ употребленіи у французскихъ офицеровъ; къ чести ихъ надо сказать, что они больше читаютъ, или бесѣдуютъ.

Эти „Cercles“ въ высшей степени благодѣтельное учрежденіе для общества офицеровъ. Содержаніе такого заведенія стоитъ не дорого, а между тѣмъ оно сближаетъ общество, даетъ ему направленіе и служитъ отрадою офицерамъ, не допуская до нихъ скуку. Каждый офицеръ даетъ изъ своего жалованья 2 или 3 франка въ мѣсяцъ въ пользу содержателя серкля; эти деньги вмѣстѣ съ прибылью, какую содержатель получитъ отъ продажи питій, табаку, съѣстнаго и картъ, служатъ вознагражденіемъ за содержаніе заведенія, которое онъ обязанъ отапливать, прилично содержать, освѣщать и снабжать достаточнымъ количествомъ газетъ и журналовъ.

Мы не могли пробыть долго въ этомъ совершенно новомъ для насъ обществѣ, мы торопились въ Севастополь, и въ сопровожденіи тѣхъ же милыхъ спутниковъ отправились далѣе.

Въ англійскомъ лагерѣ, какъ и во французскомъ, солдаты толпами выбѣгали смотрѣть на насъ.

Во французскомъ лагерѣ палатки; у Англичанъ балаганы — даже у солдатъ **); но говорятъ, эти балаганы по причинѣ своей величины и тон-

*) Однако французскіе писатели не очень довольны чистоплотностью своихъ солдатъ. Докторъ Боденсъ (L. Baudens: La guerre dc Crimée. Les campements, les abris etc. Paris, 1858) замѣчаетъ, что на смотру Французы отличаются новымъ и отлично вычищеннымъ платьемъ, но и эти блестящіе баталіоны проходя оставляютъ по себѣ извѣстный казарменный запахъ. Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи еще многое остается сдѣлать во Французской арміи (Guerin. Idem, стр. 526, 527).

**) Вообще должно замѣтить, что къ этому времени Англичане устроились во всѣхъ отношеніяхъ уже гораздо лучше Французовъ, и затѣмъ гораздо въ лучшемъ положеніи было со-

кости досчатыхъ стѣнъ, обклеенныхъ просмоленою парусиною, холоднѣе французскихъ палатокъ—маленькихъ и уютныхъ, нагрѣвавшихся зимою небольшими печками, устроенными въ землѣ, въ которой для каждой палатки сдѣлано значительное углубленіе, или нагрѣвавшихся накладываніемъ горячихъ угольевъ изъ костра въ средину палатки *). Кромѣ того, какъ у Англичанъ, такъ и у Французовъ настроено для жилья офицеровъ и разныхъ лицъ, власть имущихъ, множество домиковъ самой разнообразной архитектуры изъ матеріала, добытаго въ Севастополѣ.

Мы скачемъ мимо великолѣпно устроенныхъ кладбищъ Англичанъ, погибшихъ на этой войнѣ **); мимо опустѣлой Ланкастерской батареи „Викторія“, съ которой не разъ взлеталъ сигналъ, зловѣщій для многихъ храб-

---

стояніе и арміи ихъ въ отношеніи медицинскомъ: у Англичанъ въ это время болѣзни далеко не такъ свирѣпствовали, какъ у Французовъ; Англичане осмотрѣлись, обжились, стали какъ дома. Сами Французы сознаются, что Англичане большее имѣютъ преимущество передъ Французами въ продолжительной борьбѣ. Французы по обыкновенію гораздо скорѣе и лучше Англичанъ устроились въ началѣ кампаніи, но уже не пошли дальше, довольствуясь тѣмъ, что сдѣлали; между тѣмъ Англичане, взявшись медленнѣе за дѣло, и претерпѣвъ, въ началѣ кампаніи, всевозможныя лишенія, повели дѣло съ большею методою и устроились превосходно подъ конецъ, соорудивъ большія постройки въ значительномъ числѣ, дававшія здоровымъ, а въ особенности больнымъ отличное убѣжище.

*) Этотъ способъ нагрѣванія палатокъ употребляется и у насъ, но онъ опасенъ,—отъ него многіе сильно угарали.

**) А было для кого устроивать кладбища союзникамъ, не мало ихъ легло въ нашей землѣ, не мало ихъ отправилось умирать въ Турцію и въ отечество, по милости русскаго угощенья! Вотъ какъ сами Французы исчисляютъ свои потери и потери союзниковъ, понесенныя въ эту достопамятную борьбу народовъ.

По самымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, Французовъ умерло въ госпиталяхъ отъ ранъ и болѣзней въ Крыму собственно 31.000 человѣкъ, а въ Константинополѣ 32.000 человѣкъ. Если же считать умершихъ въ Добруджѣ во время несчастной экспедиціи 1854 года,—убитыхъ и умершихъ въ траншеяхъ и палаткахъ, не вступая въ госпиталь, то означенную сумму погибшихъ надлежитъ удвоить; если же присоединить къ этой поразительной цифрѣ число умершихъ солдатъ во французскихъ госпиталяхъ, въ Балтійскомъ морѣ, въ Тихомъ океанѣ, на флотахъ и въ Мореѣ, то увидимъ, что число погибшимъ въ эту войну доходитъ до 150.000 человѣкъ! По другимъ показаніямъ, Французы потеряли изъ 309 тысячной арміи – около 95.000 человѣкъ собственно умершими отъ ранъ и убитыми, а по словамъ Perret кромѣ того у нихъ умерло отъ болѣзней 75.375 человѣкъ. Офицеровъ французскихъ погибло 1.265 человѣкъ.

Въ англійской арміи, какъ положительно извѣстно изъ отчетовъ, представленныхъ парламенту и не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію, погибло 20.457 человѣкъ, не считая умершихъ послѣ кампаніи отъ ранъ и болѣзней, полученныхъ въ ея продолженіе;„— цифра таковыхъ должна равняться нами названной (по другимъ источникамъ, тоже достовѣрнымъ, оказывается, что Англичане изъ всей арміи въ 93 тысячи человѣкъ потеряли 22.000 человѣкъ.

Сардинцы, пославшіе на войну до 20.000 человѣкъ, имѣли вступившими въ госпитали 22.063 человѣка и умершими 1.736 человѣкъ (слѣдовательно всѣ перебывали въ госпиталяхъ, да еще нѣкоторые по нѣскольку разъ).

Турки имѣли огромныя потери, цифры коихъ неизвѣстны, хотя извѣстно, что таковыя потери были несравненно бо́льшія противъ потери всѣхъ трехъ союзныхъ армій вмѣстѣ. Страшная потеря въ людяхъ, понесенная союзниками въ эту достопамятную кампанію, сопровождалась чрезвычайными убытками, понесенными державами, принявшими прямое или косвенное участіе въ войнѣ. Такъ, эта война стоила Франціи болѣе двухъ милліардовъ франковъ. Англіи болѣе трехъ милліардовъ, бѣдной Турціи 300 милліоновъ; Піемонту 80 милліоновъ; Австріи и Пруссіи, не сдѣлавшимъ и выстрѣла, собственно для поддержанія вліянія или вооруженнаго нейтралитета: первой 160 милліоновъ и послѣдней 50 милліоновъ (Guerin. Idem, стр. 536, 537).

Своихъ потерь не исчисляемъ здѣсь, по необнародованію еще доселѣ оффиціальныхъ достовѣрныхъ о семъ извѣстій, но знаемъ, что собственно при защитѣ Севастополя въ 349

рыхъ. Но вотъ и траншеи, вотъ и Камчатскій люнетъ... Съ сжатымъ сердцемъ въѣхалъ я въ эту славную развалину... Поразительны слѣды взрыва, происшедшаго на этомъ укрѣпленіи: мѣсто, гдѣ былъ пороховой погребъ, взлетѣвшій на воздухъ, представляетъ собою огромную воронку.

Дальше на дорогѣ къ Малахову Французы зарыли большую часть своихъ траншей, такъ что нынѣ трудно опредѣлить ихъ начертаніе; видно однако, что ближайшая траншея была подведена на 32 шага ко рву Малахова кургана. Чтобъ измѣрить это пространство шагами, я слѣзъ съ лошади. Горько стало на сердцѣ, когда я, сотворивъ крестное знаменіе, снова ступилъ на эту землю, облитую кровію моихъ друзей и собратій... Все пространство покрыто чугуннымъ помостомъ, состоявшимъ изъ осколковъ картечи, ядеръ и бомбъ; всюду валялись обломки оружія, обрывки амуниціи, одежды, туры и фашины. Привидѣніемъ возносился надо мною Малаховъ курганъ; ноги дрожали, духъ замиралъ; мнѣ казалось святотатствомъ *безопасно* проходить по этому мѣсту...

Здѣсь земля окрещена,
Кровь на ней лилась святая,
Здѣсь, престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло.....

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наружный ровъ кургана обвалился. На мѣстѣ, гдѣ взбѣжалъ на курганъ Макъ-Магонъ, перекинутъ черезъ ровъ мостикъ. По тому мѣсту, гдѣ соединяется съ курганомъ „куртина“, и по которому проникли въ курганъ первыя непріятельскія войска, проложена дорога. Мы поѣхали по этой дорогѣ и, опять-таки съ крестнымъ знаменіемъ, вступили въ лабиринтъ полуосунувшихся траверзовъ, покрывающихъ курганъ...

Малаховъ со стороны Севастополя трудно узнать,—въ такой степени онъ измѣнилъ свой наружный видъ: его прежнія укрѣпленія, нынѣ обращенныя къ нашей сторонѣ, совершенно передѣланы...

О, какое ужасное чувство наполняло грудь при этомъ посѣщеніи! Прошлое казалось тягостнымъ сномъ. Давно ли мы сюда прибѣгали на тревогу? Давно ли здѣсь распоряжался Истоминъ, Хрулевъ? Давно ли здѣсь повсю-

---

дней обороны мы потеряли 81.000 человѣкъ выбывшими изъ строя, кромѣ заболѣвшихъ и умершихъ отъ болѣзней (Графъ Остенъ-Сакенъ. Idem, стр. 360). Профессоръ Гюббинетъ въ своей рѣчи, сказанной имъ 27 октября 1868 г. при празднованіи годовщины Общества Кіевскихъ врачей, между прочимъ сказалъ, что у насъ, какъ точно повѣрилъ самъ Гюббинетъ: до отступленія отъ Севастополя, т.-е. до появленія тифа въ Южной и Крымской арміяхъ, умерло собственно въ госпиталяхъ до 1 ноября 1855 г. (т.-е. въ два года) до 85.730 человѣкъ, а убитыми до 25 тысячъ, слѣдовательно всего 110 тысячъ. Собственно изъ Севастопольскаго гарнизона, имѣвшаго во время всей осады съ подкрѣпленіями 169 тысячъ человѣкъ, выбыло ранеными 76.758 чел., убитыми 15.,580, умершими отъ внутреннихъ болѣзней 8.455 человѣкъ (изъ 46.195 заболѣвшихъ). Такимъ образомъ только до 70.000 челов. осталось невредимыми, хотя и изъ нихъ многихъ надлежитъ считать въ числѣ вышеуказанныхъ 46.195 человѣкъ, бывшихъ больными.

Докторъ Шеню, главный врачъ французской арміи, говоритъ, что Русскіе, Англичане, Французы, Сардинцы и Турки, вмѣстѣ взятые, потеряли 784.991 человѣка!!

ду были видны русскія шинели, звучала родная рѣчь, только и говору было, что о гибели Французовъ?,.. и кто изъ насъ смѣлъ бы тогда подумать, что онъ увидитъ здѣсь *другихъ* властителей и самъ явится сюда—гостемъ?!...

Все измѣнилось, самая мѣстность какъ бы сдѣлалась другою; всюду видимъ гордый взглядъ своихъ враговъ, какое-то сожалѣніе проглядываетъ во взорѣ даже тѣхъ, которые силятся выказать участіе.... Нѣтъ, здѣсь тяжело! Скорѣе домой, чтобъ не видать французскаго флага на истерзанной башнѣ Истомина, свидѣтельницѣ столькихъ подвиговъ нашей славы и столькихъ смертей нашихъ героевъ; чтобъ не слышать болѣе этихъ остротъ и каламбуровъ, лѣзущихъ вамъ въ уши на каждомъ шагу, звука этихъ взрывовъ, разрушающихъ наши блиндажи, съ тѣмъ, чтобъ облегчить работу зуавовъ, трудящихся надъ добываніемъ блиндажныхъ бревенъ на топку своихъ кухонь.

Чугуномъ и свинцомъ устланною дорогою — скорѣе на Корабельную. Вотъ роковой ровъ горжи; брустверъ разрушенъ; ровъ послужилъ обширною могилою всѣмъ павшимъ на курганѣ, при его штурмѣ, безъ различія націй: изъ ядеръ сложенный крестъ на громадной могилѣ обозначаетъ ея мѣсто, но тутъ же водруженъ и другой крестъ—деревянный съ гранатами на оконечностяхъ и французскою надписью:

8 Septembre 1855.
Unis pour la victoire,
Reunis par la mort,
Du soldat c'est la gloire!
Des braves c'est le sort!

(Соединиться для побѣды, соединиться смертію—слава солдата, участь храбрыхъ!)

Доки разрушены; доковые магазины пощажены; Севастополь во всемъ его объемѣ представляетъ груду развалинъ; нельзя узнать улицъ на Корабельной, всѣ дома обратились въ кучи мусора; на всей Корабельной уцѣлѣло только два дома: одинъ, въ которомъ жилъ полковникъ Голевъ, во время осады, а другой, гдѣ жилъ генералъ Хрулевъ; въ первомъ изъ нихъ нынѣ живетъ комендантъ Корабельной. Игривая фантазія французскихъ солдатъ украсила это зданіе, укрѣпивъ на столбахъ ограды его палисадника пятипудовыя бомбы.

По всему городу караулы: что стерегутъ они? Севастополь, вѣдь, не убѣжитъ.... Пора бы этимъ хранителямъ тщеславія трехъ націй перестать увеличивать своимъ присутствіемъ смертную муку этого новаго Прометея, столько времени прикованнаго къ Херсонесской скалѣ! Пора бы союзникамъ удалиться отсюда изъ уваженія къ той крови, которая своими потоками, какъ солнечными лучами, на-вѣки озарила этотъ край Россіи неувядаемою славою! Повсюду вьются знамена союзниковъ. Даже Піемонтцамъ дали одинъ *уголокъ* Севастополя на сбереженіе.

Скачемъ по стогнамъ города, и какой-то гробовой звукъ производятъ копыта нашихъ коней.... Хочется плакать, рыданія спираются въ груди.... И совѣстно какъ-то смотрѣть на встрѣчающіяся группы новаго населенія нашей твердыни: какъ будто совѣстно смотрѣть и на самые камни и развалины....

28 марта.

Многіе Англичане носятъ у часовъ съ брелоками маленькіе мѣдные благословенные кресты, вѣроятно, снятые съ нашихъ убитыхъ солдатъ.

Одинъ англійскій офицеръ подарилъ мнѣ кусокъ мѣди отъ колокола Севастопольской церкви, — Англичане его разбили на память *). Я взялъ этотъ подарокъ съ тою мыслью преимущественно, чтобъ хоть этотъ обломокъ не ходилъ по рукамъ у Англичанъ, чтобы хоть однимъ трофеемъ было менѣе у Англичанъ.

29 марта.

Сегодня пріѣзжалъ къ намъ Макъ-Магонъ съ своимъ начальникомъ штаба и начальникомъ артиллеріи резерва генераломъ Солель. Веселитскій, недавно только воротившійся съ корпуснаго церемоніальнаго марша былъ очень измученъ и въ моментъ пріѣзда французскихъ генераловъ спалъ сномъ праведника; пока его добудились, пока онъ одѣлся, прошло болѣе получаса, которые онъ заставилъ прождать своихъ посѣтителей у крыльца своего домика: очень это было неловко, но что же дѣлать, когда обстоятельства такъ сложились. Винить Веселитскаго въ негалантерейности невозможно, такъ какъ о пріѣздѣ къ намъ на позицію французскихъ генераловъ никто не предупредилъ насъ.

Генералъ Ла-Мармора прислалъ къ Веселитскому своего адъютанта просить его, со всѣмъ его штабомъ, къ себѣ на завтракъ—завтра. Очень интересная предстоитъ поѣзда.

Толпы нашихъ идутъ и ѣдутъ въ лагерь союзниковъ и возвращаются обыкновенно нагруженные всевозможными покупками,—мало того, стали привозить цѣлые вьюки покупокъ, сдѣланныхъ по порученію разныхъ лицъ, не только товарищей, но часто и постороннихъ. Противъ этого возстали граж-

*) На стр. 440, части II Historique du service de l'Artillerie читаемъ: по приказанію маршала Пелисье 1 ноября н. с. 1855 и согласно съ стариннымъ обычаемъ и повелѣніями императора Наполеона I въ 1807 году и 22 сентября 1810, севастопольскіе колокола отданы артиллеріи и инженерамъ. Въ настоящихъ военныхъ обстоятельствахъ, войска изъ этихъ вещей не могли надѣяться извлечь для себя пользы и нашли приличнымъ, принимая въ соображеніе особенное значеніе Севастопольской осады, дѣлавшей драгоцѣннымъ всякій предметъ, съ которымъ только связано воспоминаніе объ этомъ событіи, поднести эти колокола военному министру. Главнокомандующій разрѣшилъ исполнить это предположеніе, и такимъ образомъ 13 колоколовъ перевезены изъ Севастополя во Францію на кораблѣ «Юпитеръ» и на фрегатѣ «Психея» (Idem, стр. 440).

данскія власти, и графъ Строгановъ, новороссійскій генералъ-губернаторъ шлетъ депешу за депешей къ главнокомандующему генералу Лидерсу, доказывая, что такимъ способомъ водворяется въ Россіи контрабанда въ обширныхъ размѣрахъ, что будто бы цѣлыя партіи оной прошли уже Симферополь и что пора наконецъ положить предѣлъ такому безобразію.

Чтобы по возможности уменьшить число *путешественниковъ* нашихъ въ лагерь союзниковъ, мы поставили у моста и у бродовъ черезъ р. Черную караулы, вмѣнивъ имъ въ обязанность никого не пропускать, кто не предъявитъ билета на право проѣзда, выданнаго начальствомъ. На той сторонѣ моста поставленъ такой же караулъ — союзниками. Вчера по поводу этихъ постовъ произошло нѣсколько неловкое объясненіе маршала Пелисье съ нашимъ новымъ корпуснымъ командиромъ генераломъ Гельфрейхъ, очень хорошимъ, замѣтимъ кстати, человѣкомъ по общему отзыву, но крайне ненаходчивымъ и слишкомъ, кажется, старымъ и даже дряхлымъ, слѣдовательно не имѣющимъ той представительности, которая столь необходима для начальника такого важнаго поста, какой представляетъ собою постъ корпуснаго командира. Пелисье съ нескрываемою рѣзкостью спросилъ Гельфрейха: по какому случаю онъ ставитъ свои посты тамъ же, гдѣ поставленъ уже постъ изъ его людей? Гельфрейхъ не нашелся, что и отвѣчать. При первомъ свиданіи Пелисье принялъ Гельфрейха очень холодно, — послѣдній совсѣмъ растерялся, и сталъ представлять Пелисье своего сына сказавъ: „вотъ мой сынъ, морякъ — потопленнаго флота!“ Конечно, такого рода рекомендація могла быть только поднята на смѣхъ ее слышавшими,—но во всякомъ случаѣ русскимъ циническую шутку эту непріятно было слышать изъ устъ стараго генерала, которому подобало о погибшемъ флотѣ нашемъ не иначе помнить какъ со слезами...

30 марта.

Наконецъ мы осмотрѣли, кажется, все, что было интереснаго въ арміи союзниковъ. Осмотрѣли шумный Камышъ, за сильными земляными укрѣпленіями притаившійся у бухты, доселѣ считавшейся неудобною для стоянки большихъ кораблей; Камышъ, съ его театромъ, широкими улицами, многолюдствомъ, разнообразіемъ и изумительною для насъ дешевизною товаровъ; съ его сальными гостиницами, гдѣ не баловали нашего вкуса блюдами, приготовленными на иностранный ладъ, отличавшимися преимущественно изысканностію названій, но матеріалы для которыхъ по большей части состояли изъ консервовъ *).

*) Сами Французы называютъ Камышъ плутовскимъ городомъ—«*Filouville*». Базанкуръ въ своемъ «Cinq mois au camp devant Sebastopol» говоритъ, что Камышъ—это душа, это жизнь этихъ многихъ тысячъ высадившихся на чуждую землю. Камышъ это соединительная черта между Крымомъ и Франціей.

У Камыша самостоятельный торговый портъ. Импровизированный городъ образовалъ много улицъ, вотъ главнѣйшія: Улица Наполеона, улица Канробера, Де-Лурмеля, улица Франціи, улица Славы, Алминская улица, Coquinopol и много друг.

Въ Камышѣ кромѣ огромныхъ, правительственныхъ, магазиновъ и складовъ, великое

Осмотрѣли Малый Камышъ, поселеніе, заключившее въ своей чертѣ все торговое сословіе, не помѣщавшееся, или оказавшееся недостойнымъ помѣститься въ Большомъ Камышѣ. Тысяча франковъ вылетѣла незамѣтно изъ нашихъ кармановъ, благодаря чрезвычайной дешевизнѣ всѣхъ колоніальныхъ товаровъ, здѣсь продающихся, и дороговизнѣ всего, что получило здѣсь какую-либо выработку.

Порціи въ гостиницахъ до того *миніатюрны*, что въ гостиницѣ Малаго Камыша намъ, на десять человѣкъ, подали 8 котлетъ! У здѣшнихъ ресторановъ подобное сокращеніе порцій въ большомъ ходу.

Французскіе офицеры очень бережливы: получаютъ скудное содержаніе и потому не роскошничаютъ подобно намъ, получающимъ не больше ихъ. Въ трактирахъ французскій офицеръ позволяетъ себѣ выкурить сигару, читая газеты, да иногда выпить стаканъ воды съ ложечкою абсенту, который мы, къ ужасу Французовъ, пили у нихъ рюмками, какъ простую водку, или стаканъ „de vin chaud", тогда какъ мы не можемъ обойтись безъ завтрака съ портеромъ и ужина—съ шампанскимъ!

Поэтому на насъ, требовавшихъ цѣлыхъ обѣдовъ и ужиновъ, смотрѣли здѣсь съ большимъ удивленіемъ (кто знаетъ, можетъ-быть и *сожалѣніемъ*), чѣмъ на Англичанъ съ ихъ золотомъ. Что золота много у Англичанъ, это неудивительно, но что золото водится въ карманахъ этихъ грубыхъ сѣрыхъ шинелей, это по-истинѣ удивительно; и потому-то, вѣроятно, Французы брали съ насъ поразительно дорого за все съѣстное. Впрочемъ, благодаря неоднократному добровольному вмѣшательству французскихъ офицеровъ въ наши разсчеты, рѣшительно объявлявшихъ, что они не допустятъ такъ безсовѣстно надувать своихъ *гостей*, счеты, намъ предлагавшіеся трактирщиками, сокращались чуть ли не на половину.

Вообще въ арміи и лагерѣ союзниковъ вниманіе мое невольно было обращено на слѣдующія особенности.

множество всякихъ частныхъ промышленно-торговыхъ учрежденій, увеселительныхъ заведеній, кабаковъ, трактировъ, притоновъ разврата и т. под.

Первые авантюристы, по словамъ Французовъ, водворившіеся въ Филювилѣ, составили себѣ большое состояніе. Они брали за все ужасныя деньги: они продавали курицу за 20 франковъ; литръ картофеля 5 франк.; маленькій хлѣбецъ 2 фр. 50 сант.; литръ вина 7 фр. Предметы роскоши или прихоти у нихъ стоили баснословныхъ денегъ: такъ за кружку простаго пива они брали по 3 франка!! Этотъ организованный грабежъ прекратился лѣтомъ 1855 г., вслѣдствіе появившейся конкурренціи.

Обыкновенно Французы, Англичане и Сардинцы наполняли всѣ улицы и притоны Филювиля, одни бѣдные Турки не могли позволить себѣ этого удовольствія, болѣе года неполучая жалованья. Могутъ спросить однако, говоритъ Perret (Idem, стр. 205), откуда французскіе солдаты, при ихъ скудномъ жалованьѣ, могли дѣлать расходы въ грабительскомъ Филювилѣ? Отвѣтимъ, что французскіе солдаты имѣли, во время этой войны, порядочные доходы, кромѣ жалованья.

Вопервыхъ, имъ хорошо платили за инженерныя работы, на которыя ходили пѣхотинцы, а именно по 50 сантимовъ въ день, если же работали ночью, то по 70 сантимовъ. Затѣмъ французскіе солдаты получали деньги изъ дому, какъ это всегда бываетъ въ военное время. Къ тому же, лѣтомъ 1855 года, особый законъ о вознагражденіи за добровольное продолженіе службы получилъ широкое примѣненіе. Значительное число людей, говоритъ помянутый писатель, освобожденныхъ отъ службы, за честь себѣ поставили остаться на службѣ и получили за это въ премію по 1.000 франковъ.

Роты стрѣлковыхъ баталіоновъ дѣлятся въ полкахъ на товарищества, каждое товарищество состоитъ изъ евфрейтора и трехъ рядовыхъ. Эти маленькія общества состоятъ преимущественно изъ земляковъ, часто дружныхъ между собою, нерѣдко заключившихъ братскій союзъ—на жизнь и смерть.

Стрѣлковые баталіоны идутъ въ бой разсыпнымъ строемъ, разсыпавшись не такъ, какъ наши стрѣлки—попарно, а товариществами. Члены каждаго изъ этихъ товариществъ поддерживаютъ и защищаютъ другъ друга.

Знамя носитъ офицеръ; главнокомандующему салютуютъ, преклоняя знамя, и потому, когда генералъ Лидерсъ осматривалъ французскія войска, они салютовали ему знаменами.

Всѣ генералы и полковые командиры имѣютъ конвой изъ нѣсколькихъ рядовыхъ легкой кавалеріи; одинъ изъ этихъ конвойныхъ возитъ за начальникомъ его значокъ: guidon.

Во французской арміи стараются такъ пріучить солдатъ, чтобъ они могли дѣлать по 5 выстрѣловъ въ минуту, но въ этомъ случаѣ французскія начальства остаются *при одномъ желаніи:* лучшіе французскіе стрѣлки все-таки не могутъ дѣлать болѣе 3 выстрѣловъ въ минуту.

У Французовъ нѣтъ боевыхъ порядковъ, опредѣленныхъ уставомъ, какъ у насъ,—они строятъ свои войска, примѣняясь къ мѣстности, тѣмъ порядкомъ, какой ихъ начальникамъ кажется лучшимъ при занятой позиціи. Это правило, мнѣ кажется, должно развивать воинскія и мыслительныя способности офицеровъ, побуждая ихъ напрягать всѣ нравственныя силы *для изобрѣтенія* положенія, которое бы обезпечивало имъ перевѣсъ надъ врагомъ.

У каждаго офицера, которому по штату положена лошадь, таковая дается натурою отъ казны и на нее же отъ казны отпускается фуражъ—натурою.

Генералу дается вмѣсто прислуги трое вѣстовыхъ, штабъ-офицеру двое, оберъ-офицеру одинъ.

Въ Крымской арміи Французы имѣли нѣсколько восьми-эскадронныхъ полковъ африканскихъ конныхъ егерей; выѣздка лошадей легкая, не портящая ихъ ногъ; лошади управляются весьма строгимъ мундштукомъ; онѣ по большей части африканской породы, небольшія, но огненныя, крѣпкія и чрезвычайно терпѣливыя, привыкшія къ скудному корму, труду и лишеніямъ. Лошади Англичанъ и французскихъ драгунъ (преимущественно нормандскія) не вынесли этой кампаніи и или погибли совершенно, или опаршивѣли, а лошади африканскихъ егерей сыты и блестящи. Любоваться этими лошадьми надо на коновязи, гдѣ каждая изъ нихъ сама по себѣ такъ и просится въ картину, составляя вмѣстѣ съ живописнымъ кавалерійскимъ лагеремъ прекрасное цѣлое. На коновязи африканская лошадь еще тѣмъ живописнѣе, что она стоитъ даже безъ недоуздка,—она удерживается на мѣстѣ, по примѣру коней африканскихъ кочевыхъ племенъ, вбитымъ въ землю небольшимъ желѣзнымъ коломъ и прикрѣпленнымъ къ нему ременнымъ путомъ, которое охватываетъ одну изъ переднихъ ногъ ея.

Французская кавалерія атаку на каре производитъ не иначе, какъ бросаясь на одинъ изъ его угловъ. Впереди несется фланкерская цѣпь, чтобъ вызвать на себя залпъ каре, послѣ котораго ударъ непотрясеннаго эскадрона самоувѣреннѣе и сильнѣе. Что же касается до пѣхотнаго каре, то у нихъ въ обычаѣ, въ случаѣ кавалерійской атаки непріятеля, встрѣчать атакующихъ двойнымъ зарядомъ пуль.

Въ арміи введены превосходныя суконныя пальто съ капюшонами; ихъ носятъ въ рукава съ форменными пуговицами; офицерамъ даны такія же пальто, называемыя здѣсь „Crimée“, и велѣно носить на нихъ эполеты.

Солдатамъ даютъ готовую одежду, отпуская таковую изъ полковаго цейхгауза; на отпускаемой солдатамъ одеждѣ кладутъ клеймо, означающее срокъ службы каждой части костюма, а время отпуска оной солдату вносятъ въ имѣющуюся у каждаго особую памятную книжку, о которой буду говорить ниже.

Злоупотребленій по продовольствію войскъ со стороны полковыхъ командировъ незамѣтно; они не имѣютъ никакого дѣла съ интендантствомъ или подрядчиками; они только наблюдаютъ за правильнымъ продовольствіемъ своихъ солдатъ, а сами ничѣмъ ихъ не довольствуютъ; на это во всякомъ полку есть особый штабъ-офицеръ, который сносится съ интендантствомъ и доставляетъ полку всѣ нужные предметы.

Лѣтомъ солдаты носятъ лѣтніе панталоны, а зимніе сдаютъ въ полковой цейхгаузъ, гдѣ ихъ чинятъ и дѣлаютъ годными къ дальнѣйшему употребленію.

Каждому солдату при его поступленіи на службу выдается на руки особая памятная книжка, въ которой его ближайшій начальникъ—ротный или эскадронный командиръ—записываетъ все, относящееся до нравственности, службы, поведенія и продовольствія солдата. Эта небольшая книжка въ 48 страницъ, in 16°, напечатана по утвержденной правительствомъ формѣ, переплетена въ пергаменъ и хранится у солдата во всю его восьмилѣтнюю службу. Книжка эта—собственность солдата, за нее вычитается изъ его содержанія единовременно 25 сантимовъ. Эта книжка у солдата никогда не отбирается, даже въ случаѣ, если по какимъ-либо обстоятельствамъ солдатъ обязанъ бываетъ завесть новую книжку, или если онъ выходитъ въ отставку.

Все выдаваемое солдату казною: оружіе, амуниція, одежда, жалованье—все вписывается рукою ротнаго командира въ эту книжку при самомъ солдатѣ, а если онъ неграмотный, то вписываемое ему подробно объясняется.

Каждую треть у всѣхъ наличныхъ людей своей роты командиръ оной повѣряетъ книжки, сводитъ итоги прихода и расхода всего, солдату выданнаго и подлежащаго выдачѣ, и свидѣтельствуетъ ихъ своею подписью. Ротный командиръ поступаетъ такимъ же порядкомъ, въ случаѣ, если солдатъ убываетъ изъ его роты.

Цѣнность утраченной или испорченной солдатомъ казенной вещи, если будетъ доказано, что таковая утрата или порча произошла отъ его небреж-

ности, вычитается изъ его содержанія, что и записывается ротнымъ командиромъ въ расходъ по его книжкѣ, а солдату выдается новая вещь.

Эта книжка представляетъ самый подробный формулярный списокъ каждаго французскаго солдата и даже показываетъ, чѣмъ онъ занимался до вступленія въ службу. Далѣе изображаетъ степень его успѣховъ въ изученіи фронта, стрѣльбы въ цѣль, въ гимнастикѣ, фехтованіи; потомъ заключаетъ въ себѣ самый подробный арматурный списокъ, съ показаніемъ, сколько которая изъ выданныхъ ему вещей должна служить по положенію, и когда именно таковая вещь ему выдана; какія онъ непремѣнно долженъ имѣть собственныя вещи (если солдатъ таковыхъ не завелъ самъ, онѣ покупаются на его счетъ ротнымъ командиромъ); затѣмъ въ книжку записываются, какъ выше сказано, и ежетретно свидѣтельствуются ротнымъ командиромъ: всѣ подлежащія солдату денежныя выдачи, и удержанія изъ нихъ.

Въ концѣ книжки изложены законы воинской учтивости, обязанности во всѣхъ отношеніяхъ младшаго къ старшему, причемъ весьма подробно указано, какимъ образомъ и въ какихъ случаяхъ солдатъ долженъ отдавать честь всѣмъ вообще офицерамъ, гражданскимъ чиновникамъ, когда они въ мундирахъ, и военнымъ медикамъ.

Въ заключеніе напечатано краткое наименованіе всѣхъ уголовныхъ преступленій, какія можетъ сдѣлать солдатъ, съ означеніемъ, какой онъ за это подвергается казни или наказанію.

Польза, какую могло бы принесть введеніе подобной книжки въ нашей арміи, слишкомъ очевидна, чтобъ далѣе распространяться въ доказательствахъ дѣйствительности оной. Оглавленіе содержанія этой книжки лучшее доказательство ея пользы и для каждаго солдата порознь и для высшаго начальства, которое будетъ видѣть, что все, солдату отпущенное, дошло по назначенію и для сокращенія громадной въ нашей арміи переписки по управленію хозяйствомъ солдатъ, по части такъ называемой „формулярной“; наконецъ, вообще для порядка, какъ въ этомъ, такъ и въ административномъ управленіи частями войскъ.

Видѣлъ я и Кадыкіой съ его желѣзною дорогою *), шумомъ, кипучею дѣятельностію и многолюдствомъ, видѣлъ и Балаклаву **) съ ея англійскою наружностію, громадными магазинами всякихъ товаровъ, бочками эля, горами ящиковъ хереса, портера, сигаръ и консервъ и всевозможныхъ англійскихъ издѣлій. Балаклаву, со множествомъ заведеній, въ которыхъ машинное производство въ полномъ ходу. Многія изъ англійскихъ заведеній устро-

*) Линія желѣзной дороги шла на 12 верстъ, съ вѣтвями на 25 верстъ.

**) Это названіе происходитъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели отъ „Bella Clava“, т.-е. прекрасный портъ. Названіе дано Генуэзцами, которые владѣли этимъ портомъ. Въ настоящее время французскіе солдаты Балаклаву называютъ „*Fliboustopol*“, т.-е. городъ морскихъ разбойниковъ, Флибустьеровъ.

ены на корабляхъ и пароходахъ, которые покрываютъ всю балаклавскую бухту. Изъ этихъ заведеній обращаетъ на себя особое вниманіе:—слесарная мастерская, дѣйствующая преимущественно посредствомъ машинъ, исправляющая поврежденія огромнаго количества оружія; литейное заведеніе, гдѣ переливаютъ осколки и наши снаряды въ снаряды извѣстныхъ, необходимыхъ непріятелю калибровъ, пекарная машина, устроенная на пароходѣ и заготовляющая бѣлый хлѣбъ для всей англійской арміи *).

Видѣлъ мельницы, устроенныя на многихъ пароходовъ и такъ приспособленныя, что дѣйствуютъ тою же силою, которая двигаетъ самый пароходъ, такъ что во время перевозки закупленнаго зерна, въ Турціи, черезъ Черное море въ Крымъ, зерно превращается въ муку; наконецъ пильный заводъ съ паровою просушкою дерева.

Но я не успѣлъ осмотрѣть всѣ заведенія Англичанъ; этому собственно осмотру надлежало бы посвятить болѣе недѣли, а я не имѣлъ времени въ своемъ распоряженіи, будучи обязанъ обширными служебными занятіями, за то я успѣлъ побывать на трехъ смотрахъ, т.-е. у Французовъ, Англичанъ и Сардинцевъ, имѣвъ честь обѣдать у каждаго изъ главнокомандующихъ означенныхъ націй и видѣть скачку, произведенную любителями на обширной равнинѣ близъ Георгіевскаго монастыря.

Вотъ что я еще кромѣ вышесказаннаго замѣтилъ. У Англичанъ величайшій порядокъ, систематичность и обдуманность видны во всемъ: фронтъ ихъ будто нарисованный — стоитъ и не шевелится. Англичане мимо огромнаго королевскаго знамени, подъ которымъ стоитъ главный начальникъ, идутъ церемоніальнымъ маршемъ какъ живая стѣна, холодны, равнодушны, тверды.

Удивительное впечатлѣніе производятъ Шотландцы, съ страусовыми перьями на головахъ, въ національныхъ костюмахъ, всѣмъ извѣстныхъ картинностію, величественно идущіе, волнующимся фронтомъ подъ звуки потрясающихъ душу народныхъ горскихъ мотивовъ, разыгрываемыхъ цѣлымъ оркестромъ волынокъ и гудковъ.

Англійскіе гусары, составившіе при нашемъ пріѣздѣ въ квартиру генерала Кондригтона (на дачѣ Бракера) шпалеры передъ входомъ, весьма красивы и на хорошихъ сытыхъ лошадяхъ.

Столъ у главнокомандующаго истинно царскій: удивительное разнообразіе, многочисленность и изысканность блюдъ, вина самыхъ высокихъ сортовъ. Англійскіе генералы и офицеры гостепріимны, внимательны и любезны, будучи, въ тоже время полны чувства собственнаго достоинства и во всѣхъ случахъ являясь истинными джентльменами.

---

*) Тѣсто мѣсится машиною. Четыре печки особаго устройства имѣютъ въ сутки 18 топокъ. Въ каждую топку, каждая печь выпекаетъ 350 пшеничныхъ хлѣбовъ, въ 6 фунтовъ каждый, т.-е. во всѣхъ печахъ въ сутки выпекается на одномъ пароходѣ 945 пуд. бѣлаго хлѣба; для этого употребляется 24 рабочихъ, раздѣленныхъ на три смѣны, т.-е. въ каждой смѣнѣ 8 человѣкъ.

За каждымъ столомъ, которыхъ было очень много, хозяйничалъ одинъ генералъ, который каждаго изъ насъ, сидѣвшихъ за столомъ, считалъ своимъ гостемъ и угощалъ съ величайшею любезностію, самъ наливая намъ вина, накладывая кушанья, предлагая тосты, стараясь оживить бесѣду и сдѣлать время, проведенное за его столомъ, вполнѣ намъ пріятнымъ.

На смотру англійскихъ войскъ, который послѣдовалъ тотчасъ послѣ обѣда, мы были встрѣчены національнымъ гимномъ „God seve the Queen", законченнымъ родными звуками нашего гимна „Боже царя храни".

Въ англійской арміи, кромѣ фронта Шотландцевъ, насъ особенно заинтересовало слѣдующее: рифльмены, стрѣлковые баталіоны, на церемоніальномъ маршѣ держатъ свои превосходные штуцера на перевѣсъ, но не такъ, какъ мы исполняемъ этотъ пріемъ, а взявъ ружье всею рукою на половинѣ его и опустивъ его параллельно землѣ. Видъ фронта солдатъ, такимъ образомъ держащихъ ружья, очень красивъ, а ружье ловко и незатруднительно держать.

У Англичанъ въ застрѣльщичьемъ ученьи тѣже сигналы, что и у насъ.

Въ каждомъ полку два знамени: одно—королевское, другое полковое; то и другое знамя носятъ офицеры.

Фельдфебели идутъ во фронтѣ безъ ружей, но съ тростью.

Генералы не командуютъ войску громко, какъ у насъ, а разсылаютъ свои приказанія.

У Англичанъ нѣтъ боевыхъ порядковъ, утвержденныхъ уставомъ. Начальникъ, передъ предполагаемою встрѣчею непріятеля или предъ наступленіемъ на него, выѣзжаетъ впередъ, подъ прикрытіемъ стрѣлковъ, если возможно, производитъ рекогносцировку мѣстности и опредѣляетъ, что дѣлать и куда идти какой части его войска.

У главнокомандующаго и всѣхъ начальниковъ дивизій имѣются телеграфы, посредствомъ ихъ получаются и отдаются приказанія, дѣлаются донесенія днемъ и ночью о всемъ происходящемъ.

Видъ Французскихъ войскъ совершенно отличный отъ англійскихъ. Французы въ строю точно незастывшая лава, остановленная на мгновенье въ своемъ разливѣ мѣстною преградою и готовая ежеминутно, кипя и бушуя, ринуться дальше.

Отъ „трактирнаго" моста, у котораго нашъ главнокомандующій, сопровождаемый нами, былъ встрѣченъ пушечною пальбою, войска были разставлены до самаго Георгіевскаго монастыря — шпалерою по лѣвую сторону дороги *). Мы неслись по этому блестящему фронту, и золотые орлы французскіе, вѣнчающіе ихъ маленькія знамена, изъ которыхъ многія избиты и изорваны, судя по ихъ новизнѣ, въ борьбахъ послѣдней кампаніи, склонялись предъ нашимъ вождемъ, и музыка неумолчно гремѣла. Солдаты не при-

*) На этомъ смотру у Французовъ было во фронтѣ 100 баталіоновъ пѣхоты, 30 эскадроновъ кавалеріи и 198 орудій; у Англичанъ подъ ружьемъ стояло 30.000 человѣкъ.

вѣтствовали насъ возгласами—у нихъ нѣтъ такого обычая: фронтъ держалъ *на карауль*, знамена и офицеры салютовали.

Спокойствія нѣтъ во фронтѣ Французовъ; но такого военнаго изящества, такой боевой величавости, такой оригинальности, конечно, не въ состояніи будетъ себѣ представить не видавшій этого фронта.

За этимъ объѣздомъ французской арміи слѣдовало не менѣе интересное зрѣлище: скачка, тѣмъ болѣе занимательная, что она происходила посреди пестрыхъ волнъ болѣе шестидесяти тысячъ солдатъ четырехъ націй, пѣшихъ и конныхъ, смѣшавшихся въ густую толпу вокругъ мѣста состязанія.

Главнокомандующіе, судьи и множество офицеровъ занимали нарочито устроенный обширный павильонъ, украшенный гербами, флагами Франціи, Россіи, Англіи и Сардиніи и оружіемъ.

Скачка открылась блестящемъ каруселемъ, на которомъ эскадронъ африканскихъ егерей показалъ опытъ такой выѣздки лошадей и выучки людей, какую мы доселѣ видывали только въ циркѣ, на конныхъ представленіяхъ труппы Гверры.

За каруселью слѣдовала скачка тѣхъ же егерей, при чемъ они саблями срывали съ земли картонныя головы и копьями снимали съ особыхъ столбовъ по нѣсколько колецъ—одно за другимъ. Впрочемъ въ этомъ искусствѣ мы бы имъ показали лучшіе примѣры, еслибъ къ тому заранѣе приготовили нѣсколько Донцевъ, за неимѣніемъ на лицо линейцевъ, которые, конечно, совершенно затмили бы въ этомъ отношеніи славу французскихъ наѣздниковъ.

Побѣдителямъ въ этой военной потѣхѣ назначалось 100 франковъ награды.

Скачка съ препятствіями кончилась совершеннымъ торжествомъ Французовъ: всѣхъ обскакалъ на англійскомъ, впрочемъ, конѣ (чѣмъ себя и утѣшали Англичане) виконтъ Талонъ, а одинъ англійскій офицеръ ушибся жестоко, упавъ вмѣстѣ съ лошадью, которая, прыгая чрезъ плетень, зацѣпила за него задними ногами *).

За павильонами было разбито множество французскихъ и англійскихъ балагановъ, съ съѣстными припасами, апельсинами и виномъ дорогимъ и дешевымъ; также было разбито нѣсколько палатокъ французскаго главнокомандующаго, гдѣ насъ угощали виномъ и сластями. Въ одинъ изъ антрактовъ скачки Пелиссье пригласилъ главнокомандующихъ съ ихъ свитами и нашихъ офицеровъ взойти въ палатки; подали шампанское, тостъ слѣдовалъ за тостомъ, наконецъ Пелиссье поднялъ бокалъ и сказалъ: „Господа, мы пили за здоровье нашихъ Государей, за славу ихъ армій и ихъ вождей, позвольте мнѣ теперь, слѣдуя влеченію моего сердца, выпить за здоровье доблестнаго,

---

*) Виконтъ Талонъ скакалъ на англійской лошади „Paddy-Bog.“. На первой скачкѣ участвовало 9 лошадей, на второй 14; распорядителемъ скачки былъ генералъ Моррисъ судьями: маіоръ Вумбеенъ, маркизъ де Спинола, Вилькенъ, капитанъ Корнатъ и Артуръ Талонъ.

благороднаго князя Горчакова, бороться съ которымъ мы имѣли честь столько времени!“ Раздалось громкое, продолжительное „ура“, разлившееся за предѣлы палатки, гдѣ происходила эта прекрасная сцена.

Я и забылъ сказать, что, ѣхавъ на скачку, всѣ по дорогѣ заѣхали къ генералу Пелиссье, слѣдуя его приглашенію, и нашли у него готовымъ завтракъ, конечно имѣвшій видъ болѣе военнаго характера, чѣмъ лукулловскій обѣдъ лорда Кодрингтона!

Сардинскій главнокомандующій, генералъ Ла-Мармора, удостоилъ насъ особаго вниманія: онъ предложилъ нашему генералу осмотрѣть его корпусъ и послѣ осмотра пригласилъ насъ на обѣдъ. Позиція, занимаемая Сардинцами, представляетъ дивную картину. Мы пріѣхали на эту позицію, перебравшись за Черную по мосту, устроенному настилкою на аквадукъ. Лагерь Сардинцевъ раскинутъ по горамъ: по ребрамъ ущелій лѣпятся швейцарскія хижины и являются красивые Піемонтцы, съ перьями на шляпахъ. По дну ущелья излучисто вьется Черная, а тамъ далѣе взору открывается широкая Инкерманская долина, будто замкнутая одною изъ Федюхинскихъ высотъ, покрытою французскимъ лагеремъ. Проѣзжая по лагерю Сардинцевъ, думаешь, что они нарочно избирали для различныхъ частей своего лагеря самые живописные пункты. Размѣщеніе ихъ лагеря несравненно лучше французскаго и англійскаго: всюду удивительная чистота, садики и украшенія изъ елокъ; у солдатъ устроены землянки на манеръ нашихъ. Эти жилища чисты, уютны и красивы снаружи и внутри. Про офицерскіе балаганы и говорить нечего— совершенныя игрушки, чѣмъ только возможно убранныя снаружи и внутри. Главнѣйшими матеріалами для украшенія этихъ балагановъ послужила ель и можжевельникъ, а надъ дверьми многихъ офицерскихъ балагановъ красуется девизъ ихъ хозяина, украшенный зеленью. Одинъ недостатокъ въ сардинскихъ жилищахъ: нѣтъ печекъ—говорятъ, никто не умѣетъ сдѣлать, и потому въ балаганахъ камины, а отъ нихъ не можетъ быть большаго тепла. На многихъ землянкахъ *аспидныя* крыши; Сардинцы привезли ихъ съ собою, но онѣ оказались весьма неудобны, перебились дорогою, да и теперь при всякомъ сильномъ вѣтрѣ ихъ очень много ломаетъ и срываетъ. На кухняхъ чистота и порядокъ; солдатамъ въ день нашего посѣщенія варили *мамалыгу*—они ею лакомятся, вообще же употребляютъ весьма мало пищи.

Содержаніе офицеровъ весьма ограниченное, но они умѣютъ еще лучше Французовъ довольствоваться малымъ. Столовыя деньги, которыя имъ выдаются, получаетъ по большей части у Сардинцевъ полковой командиръ; къ этимъ деньгамъ онъ пріобщаетъ свои столовыя, и такимъ образомъ общество имѣетъ очень порядочный общій столъ.

Вообще продовольственная часть у Сардинцевъ въ строгомъ порядкѣ. Ла-Мармора большой администраторъ и въ такой маленькой арміи, какъ его, имѣетъ полную возможность самъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ своихъ распоряженій. Мы заглянули въ магазины интендантства: большое пространство завалено тюками прессованнаго сѣна; магазины наполнены жестянками

съ консервами, которыми питается піемонтская армія, по примѣру англо-французской. Желѣзная дорога направляется изъ Балаклавы къ этимъ магазинамъ, поставленнымъ совершенно отдѣльно и вдали отъ размѣщенія войскъ, а отъ нихъ идетъ къ центру расположенія сардинской арміи, что чрезвычайно облегчаетъ труды солдатъ и обозныхъ животныхъ.

У Сардинцевъ обозъ, какъ и у Англо-Французовъ, на мулахъ; эти же животныя исправляютъ у нихъ и весьма удачно должность артиллерійскихъ лошадей. Мулы у Піемонтцевъ, преимущественно калабрійскіе, очень хороши; они терпѣливы и, конечно, сильнѣе лошадей одного съ ними роста, въ пищѣ неразборчивы и весьма добронравны.

На смотру мы обратили вниманіе между прочимъ на плохое состояніе лошадей сардинской кавалеріи, которыя имѣли видъ французскихъ драгунскихъ, лошадей большинство ихъ сдѣлалось совершенно голыми и до того худыми, что всѣ кости можно пересчитать. Но особенное наше вниманіе привлекло на себя отличное военное образованіе берсагліери—егерей сардинской арміи, одѣтыхъ въ живописный, удобный костюмъ и исполняющихъ, какъ по нотамъ, всѣ употребительные въ бою стрѣлковые маневры *).

Надъ домомъ, занимаемымъ генераломъ Ла-Мармора, въ Кадыкіоѣ, развѣвается большой національный флагъ съ гербомъ Сардиніи. Въ пріемной генерала множество журналовъ и газетъ на различныхъ языкахъ. Онъ принялъ насъ очень привѣтливо, просилъ быть у него безъ церемоній; штабъ его, особенно начальникъ его штаба, графъ Петити, обворожилъ насъ. Завтракъ отличался тѣмъ, что послѣ каждаго блюда подавали чай, весьма крѣпкій и дурно приготовленный; мы стали отказываться послѣ третьяго блюда; Ла-Мармора очень удивился и приписывалъ нашъ отказъ отъ чая дурному его качеству, при чемъ объявилъ намъ, что онъ знаетъ, какъ мы любимъ чай и нарочно для насъ велѣлъ его приготовить. Во время тостовъ, съ другими сухими сластями, которыми былъ уставленъ столъ, намъ подавали нарѣзанные ломтиками апельсины, осыпанные толченымъ сахаромъ. — Большая часть кушаньевъ приготовлена изъ консервовъ; они, признаться сказать, надоѣли уже намъ: вкусъ ихъ какъ то притоненъ; союзники говорятъ, что и имъ надоѣли консервы, и что они нетерпѣливо ждутъ возможности питаться свѣжими продуктами.

Вообще Сардинцы любезнѣе съ нами Французовъ и Англичанъ; они какъ будто сознаютъ неправоту своего вмѣшательства въ эту войну, не имѣющую у нихъ, какъ видно, популярности. Піемонтцы говорятъ, что если они и приняли участіе въ этой войнѣ, то единственно съ надеждами, что Австрія потянетъ на нашу сторону и пойдетъ противъ союзниковъ; тогда они будутъ имѣть возможность вновь помѣряться съ нею силами и быть можетъ одолѣть ее и, расширивъ границы своего маленькаго государства, утвердить

*) Сардинская армія въ Крыму состояла изъ баталіоновъ, взятыхъ по одному съ каждаго полка. Викторъ-Эммануель не хотѣлъ лишить ни одного полка чести участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, и потому послалъ на войну представителей всѣхъ полковъ.

за собою, въ семьѣ европейскихъ державъ, мѣсто, котораго Сардинія по своему нравственному развитію вполнѣ достойна. „Не удалось теперь, откровенно говорятъ Сардинцы, еще подождемъ, до поры до времени“.

Говоря объ администраціи сардинской арміи, улучшенію коей много способствовалъ Ла-Мармора, во время его неоднократнаго управленія военнымъ министерствомъ, нельзя не замѣтить между прочимъ, что въ полкахъ очень сокращено письмоводство: полковою канцеляріею завѣдуетъ офицеръ и два писаря, по всѣмъ отраслямъ управленія полкомъ! Что, если таковое управленіе сравнить съ нашею полковою канцеляріею?..

Замѣчательно, что въ сардинской арміи весьма мало женатыхъ офицеровъ. Это обстоятельство имѣетъ свое значеніе въ дѣлѣ благоустройства арміи. Разрѣшаетъ женитьбу сардинскимъ офицерамъ только военный министръ, и то неиначе, если желающій вступить въ бракъ предъявитъ доказательства обладанія средствами къ существованію съ семействомъ, простирающимися до 1.200 франковъ годоваго дохода, да и то, когда Ла-Мармора былъ военнымъ министромъ, онъ подъ разными предлогами почти никому не разрѣшалъ женитьбы.

Госпитальная часть у Сардинцевъ въ блестящемъ состояніи: повозки ихъ для перевозки раненыхъ и больныхъ могутъ служить образцомъ для другихъ армій. Раненаго у Піемонтцевъ не втискиваютъ, или не бросаютъ на неудобную повозку, какъ у насъ, а если онъ очень тяжело раненъ, и перекладываніе заставитъ его страдать, то его оставляютъ на носилкахъ, на которыхъ онъ принесенъ, и которые такъ приспособлены, что они кладутся на выдвигаемую изъ фургона раму, образуя такимъ образомъ кровать, на которой и остается больной — *вдвигаемый въ фургонъ*. Въ этомъ экипажѣ могутъ помѣститься четыре тяжело и два легко раненыхъ. Въ каждомъ фургонѣ есть походная аптечка для первоначальнаго пособія раненому, самонужнѣйшіе инструменты, бинты, корпія, вода въ особыхъ ящикахъ съ кранами; оружіе и аммуниція раненыхъ отнюдь не суется ему подъ бокъ или подъ голову, какъ при транспортировкѣ раненыхъ на нашихъ полуфуркахъ, а кладется надъ ранеными, подъ потолокъ фургона, безъ всякаго затрудненія, въ особо устроенное для этого мѣсто.

31 марта.

Какое интересное и пріятное мнѣ досталось на долю порученіе: устроить палатку для пріема на завтра союзныхъ главнокомандующихъ нашимъ главнокомандующимъ! У насъ кипитъ работа. Двѣ громадныя госпитальныя палатки я соединилъ въ одну, пристроивъ третью поменьше къ нимъ въ видѣ ниши, убравъ ее коврами и цвѣтами. Образовавшійся такимъ образомъ огромный шатеръ я подбилъ краснымъ сукномъ, убралъ оружіемъ, зеленью, флагами, значками. У входа въ палатку, надъ аркою, составленною изъ оружія, развѣваются флаги: нашъ и державъ, представители которыхъ завтра будутъ приняты въ этой палаткѣ; у входа подъ арку поставлены артилле-

рійскія орудія, а кругомъ палатки стоятъ пирамиды оружія съ развѣвающимися значками.

Всѣ въ восторгѣ отъ этого боеваго убранства, по истинѣ великолѣпнаго, только бы погода поблагопріятствовала празднику.

1 апрѣля, на горѣ Мекензи.

Славное утро. Небо безоблачное. Не дымятся далекія вершины живописныхъ горъ, ревниво стерегущихъ роскошную природу южнаго берега Крыма, и Чатырдагъ, будто отлитый изъ матоваго серебра, рисуется во всемъ своемъ величіи на горизонтѣ. День, слѣдовательно, будетъ ясный. Тепло, и тѣмъ еще теплѣе кажется, что у каждаго изъ насъ стало тепло на сердцѣ, согрѣтомъ мыслію о прекращеніи войны, надеждою скораго возврата къ родному очагу.

Всюду пахнетъ весною, и благовоннѣе, чѣмъ когда-либо, кажется благоуханіе настоящей весны, не напоенной куревомъ жертвоприношеній, несущихся изъ Янусова храма; заперты теперь его двери, тогда какъ въ былыя войны, съ началомъ весны, напротивъ, настежъ растворялись эти завѣтныя врата, и вкругъ храма бога мира слышался тяжелый запахъ крови, раздавались бранные крики, вопли неистовства, проклятій и смерти.

Телеграфы всей Мекензіевой позиціи, иллюминованные флагами, возвѣстили, что главнокомандующій крымскою и южною арміями, генералъ-адъютантъ Лидерсъ, двинулся на встрѣчу союзнымъ главнокомандующимъ, которые приглашены сегодня посѣтить нашъ лагерь.

У домика нашего отряднаго начальника, генералъ-лейтенанта Веселитскаго, на вершинѣ Мекензіевой горы, ожидаемъ съ почетнымъ карауломъ, приготовленымъ отъ Селенгинскаго полка, прибытія знаменитыхъ посѣтителей.

Послышался гулъ отдаленной канонады: артиллерія союзниковъ привѣтствуетъ нашего главнокомандующаго. Въ отвѣтъ на эту почесть загремѣли наши батареи, салютуя союзнымъ военачальникамъ, когда они стали приближаться къ нашей позиціи. Подъемъ на высоты, нами занимаемыя, труденъ даже при обыкновенной прогулкѣ, даже *при салютаціонныхъ выстрѣлахъ*. „Хорошо, говорили многіе изъ союзниковъ, что намъ не пришлось взбираться на эти горы при другихъ обстоятельствахъ, при другаго рода канонадѣ!“

Но вотъ поѣздъ приближается. Загремѣла музыка; началась обычная церемонія. Вожди понеслись по фронту. Впереди, рядомъ съ нашимъ главнокомандующимъ, скакалъ маршалъ Пелисье на арабскомъ жеребцѣ. Бодрый, безмятежный, небольшаго роста, плотный, съ быстрымъ взглядомъ, съ небольшими сѣдыми усами и такою же эспаньолкой, посѣдѣлый, гладко обстриженный, маршалъ граціозно приподнялъ свою шляпу, обложенную бѣлымъ плюмажемъ, и такимъ образомъ привѣтствовалъ караулъ. Близъ него ѣхали англійскій главнокомандующій, лордъ Кодрингтонъ, высокій, съ маленькими сѣдыми бакенбардами, безъ усовъ, и сардинскій главнокомандую-

щій, Ла-Мармора, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, въ живописномъ костюмѣ, высокій, стройный, величавой наружности *). За ними генералы, адъютанты и ординарцы, конвой и свита *четырехъ* главнокомандующихъ. Можно вообразить себѣ, была ли многолюдна эта группа, была ли она живописна и разнообразна! Ее можно нарисовать, но описать ее возможно только сравненіемъ съ прихотливыми узорами, которые въ калейдоскопѣ безпрестанно создаются и безпрестанно измѣняются.

Едва генералы вошли въ домикъ генералъ-адъютанта Веселитскаго, какъ ударили сборъ; его подхватили на всѣхъ пунктахъ позиціи, и, сверкая свѣтлымъ оружіемъ, потекли баталіоны къ назначенному мѣсту со всѣхъ сторонъ. Линіи баталіонныхъ колоннъ вытянулись съ быстротою, изумившею иностранцевъ. Тысячи зрителей окружали нашъ фронтъ; главнокомандующіе приближались, и привѣтствуемые военными почестями, громомъ музыки и кликами войска, помчались по рядамъ, а обскакавъ ихъ, выѣхали предъ средину войскъ, чтобы смотрѣть церемоніальный маршъ.

Вслѣдъ за симъ наши баталіоны быстро перемѣнили дирекцію, исполнивъ этотъ маневръ, и перестроясь въ дивизіоны на такомъ незначительномъ пространствѣ, что наши гости, когда начался маневръ, сомнѣвались въ возможности его исполненія безъ замѣшательства. Однако же мы знали, что дѣлали. Все шло стройно, спокойно и въ совершенной тишинѣ. Раздалась команда, баталіоны двинулись вольнымъ шагомъ, и пошли мимо главнокомандующихъ ловко, гордо, молодецки. Маршалъ Пелиссье снималъ шляпу всякій разъ, когда приближался новый полкъ, всякій разъ, когда проходили знамена.

Всѣ иностранцы любовались воинственнымъ видомъ своихъ недавнихъ противниковъ, большимъ ровнымъ ихъ шагомъ, смѣлою поступью, праздничнымъ видомъ фронта. Маршалу Пелиссье нравилось, что люди на маршѣ машутъ правой рукой. Въ арміи французской это правило введено только у зуавовъ. Да и было чѣмъ любоваться: щегольски одѣтые въ новыхъ полукафтанахъ солдаты, что называется, *подтянулись*: всякій хотѣлъ молодцомъ показаться предъ иностранцами; и дѣйствительно были молодцами эти люди, закаленные огнемъ Севастопольскимъ, украшенные крестами, добытыми кровью, блестящими новизною медалями,—памятью благоволенія къ нимъ двухъ Императоровъ, а многіе едва зажившими ранами. Надо знать, что въ строю, изъ десяти тысячъ, бывшихъ на смотру, около трехъ тысячъ человѣкъ было раненыхъ, и нѣкоторые неоднократно.

Не въ обычаѣ Французовъ громко хвалить солдата во фронтѣ. Баталіоны проходили молча; не раздавалось радостнаго „рады стараться“, но на лицахъ проходившихъ можно было прочесть чувство, подсказывавшее имъ, что они заслуживаютъ похвалу.

---

*) Генералъ Ла-Мармора, въ кампаніи 1849 года противъ Австрійцевъ, служилъ капитаномъ въ сардинской арміи, а за нѣсколько дней предъ симъ онъ произведенъ былъ въ полные генералы.

Артиллерія удивила всѣхъ дивнымъ состояніемъ своихъ лошадей. „Гдѣ сберегли вы ихъ?“ спрашивали иноземцы.—Здѣсь, на Мекензи,—былъ нашъ отвѣтъ.

Когда пошли казаки, то союзники не хотѣли вѣрить, чтобы нарядные молодцы были тѣ самые казаки, которые неизмѣнно торчали на пикетахъ зимою съ какимъ-нибудь мѣшкомъ на головѣ, въ замаранной, изорванной шинелишкѣ, а иногда въ тулупѣ шерстью внизъ, а въ другомъ еще шерстью вверхъ, ради тепла.

Кончился церемоніальный маршъ. Слѣдуя приказанію, полки быстро пошли къ своимъ баракамъ, и площадь огласилась русскою пѣснью; раздались звуки тарелокъ, бубновъ, барабановъ; съ одной стороны доносился чудный теноръ запѣвалы, съ другой лились заунывные звуки ярославскаго рожка, нѣжные, томные...

Главнокомандующіе поѣхали завтракать, а за ними хлынули толпы зрителей. Завтракъ, по волѣ нашего главнокомандующаго, былъ приготовленъ въ выше упомянутомъ шатрѣ. Посреди особаго полукруглаго стола, въ нишѣ, обставленной тропическими растеніями, занимали мѣсто главнокомандующіе, генералъ-адъютантъ Лидерсъ и маршалъ Пелиссье. Влѣво отъ маршала сидѣлъ генералъ Кодрингтонъ, далѣе начальники главныхъ штабовъ французскаго и англійскаго; вправо отъ генералъ-адъютанта Лидерса генералъ Ла-Мармора и начальникъ линіи по Черной рѣчкѣ, генералъ-лейтенантъ Макъ-Магонъ, одинъ изъ любимѣйшихъ генераловъ французской арміи; насупротивъ его сидѣлъ командиръ четвертаго пѣхотнаго корпуса, генералъ отъ кавалеріи Гельфрейхъ. Столы направо и налѣво отъ стола главнокомандующихъ были заняты генералами и важнѣйшими офицерами нашими и иностранными.

Обѣду, сколько было возможно, дали русскій характеръ. На немъ особенно обращали на себя вниманіе огромныя кулебяки и чудовищные осетры, поданные весьма нарядно. Радушный хозяинъ празднества былъ истинно душою общества, душою оживленной бесѣды, не умолкавшей ни на минуту. Когда же налили шампанское, главнокомандующій, генералъ-адъютантъ Лидерсъ, въ прекрасной рѣчи выразивъ всѣхъ одушевлявшія въ настоящее время чувства, провозгласилъ первый тостъ за здравіе и благоденствіе союзныхъ монарховъ, на который, лишь только умолкла торжественная музыка и восторженныя восклицанія присутствующихъ, маршалъ Пелиссье отвѣчалъ сильною рѣчью, заключенною тостомъ во здравіе храброй русской арміи и славнаго Вождя ея, Императора Александра II. При этомъ завѣтномъ имени загремѣло „Боже Царя храни“, въ шатрѣ раздалось „ура“, откликнулось оно въ сердцахъ присутствующихъ и повторилось громкимъ, радостнымъ, долго, долго неумолкавшимъ „ура“ въ толпахъ офицеровъ и солдатъ нашихъ и союзныхъ, окружавшихъ мѣсто пира.

Въ этомъ сердечномъ возгласѣ слышалось и выразилось все: и благодарность Миротворцу, возвратившему міру желанный покой, и готовность

дѣтей его, всѣхъ до единаго, вновь повторить этотъ народный кличъ, по единому Его мановенію устремясь на тысячи смертей, и уваженіе иностранцевъ къ Его величію, и любовь всеобщая къ Нему за Его благость, за теплоту великой Его души.

За Русскимъ народнымъ гимномъ, къ общему удовольствію всѣхъ присутствовавшихъ иностранцевъ, раздался англійскій національный гимнъ, за нимъ любимые марши французскій и сардинскій.

Едва эти звуки успѣли замолкнуть, какъ по всей площади вновь послышались русскія пѣсни. Выпивъ по чаркѣ водки, наши солдаты и ихъ гости, конвойные союзныхъ генераловъ, развеселились: въ нѣсколькихъ мѣстахъ затѣялись пляски, игры, все закипѣло, даже главнокомандующіе вышли изъ шатра полюбоваться необыкновенною картиною. Площадь была покрыта пляшущими, шумящими группами: такою жизнію еще никогда не жила Мекензи. „На нашей улицѣ праздникъ“, говорили солдаты, и дѣйствительно, куда ни взгляни, все и повсюду казалось праздничнымъ, начиная съ нашихъ каменныхъ баракъ, обыкновенно представлявшихъ собою очень мрачную картину, а теперь принарядившихся, выбѣленныхъ, украшенныхъ вѣтвями зеленаго можжевельника и гирляндами повелики,—до радостныхъ лицъ всѣхъ встрѣчныхъ,—до мундировъ множества гвардейскихъ и кавалерійскихъ офицеровъ, прикомандированныхъ къ полкамъ нашей дивизіи, для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

„На нашей улицѣ праздникъ“, повторяли всѣ. „Недаромъ мы здѣсь простояли всю осень и зиму; мерзли на аванпостахъ по цѣлымъ ночамъ; лазили по горамъ и болотамъ; испытывали всѣ лишенія, сопряженныя, въ ненастное время года, съ удаленіемъ отъ воды на нѣсколько верстъ, отъ своихъ продовольственныхъ запасовъ и отъ города верстъ на двадцать пять; не даромъ мы трудились больше другихъ, безпрестанно перестрѣливаясь съ предпріимчивымъ врагомъ, имѣвшимъ противъ насъ вдесятеро сильнѣйшую армію, ничѣмъ отъ насъ не отдѣленную, и не успѣвшимъ, благодаря нашей бдительности и осторожности, пріобрѣсти ни одной надъ нами поверхности. Не даромъ насталъ на нашей улицѣ праздникъ, выпало на нашу долю торжество, какого никто не будетъ имѣть на этотъ разъ въ арміи нашей. 11 дивизія выступаетъ предъ глаза почти всей Европы, предъ лицо ея испытаннѣйшихъ вождей, и вызываетъ себѣ общую похвалу. Намъ предоставлена честь принять отъ недавнихъ враговъ нашихъ всю хвалу, право на которую добыли себѣ цѣлыя арміи наши въ эту войну.

Мы являемся представителями арміи русской.

И кто не скажетъ, что мы купили право на эту честь? Мы, одни изъ первыхъ поспѣвшіе на театръ военныхъ дѣйствій въ Валахію, первые приняли на свою грудь напряженные удары вражьи; семь мѣсяцевъ потомъ съ ружьемъ въ рукѣ оберегали берега Дуная, не разъ испытывая кровавыя встрѣчи съ недругомъ; мы поспѣли къ осадѣ силистрійской,—поспѣли, чтобы усѣять своими костями высоты Инкерманскія; чтобы восемь мѣсяцевъ сбирать на стог-

нахъ Севастопольскихъ обильную жатву лавровъ; чтобы вписать имена своихъ полковъ въ скрижаль народной памяти; чтобы сдѣлать незабвенными русскому сердцу не оконченные валы *Селенгинскаго редута*, французскія апроши къ *Камчатскому люнету*, траншеи *Зеленой* горы и вѣчно памятный *Третій бастіонъ!*"

Около пяти часовъ толпа праздновавшихъ заволновалась. Всѣ бросились къ лошадямъ. Главнокомандующіе двинулись, и вокругъ кипѣли и волновались группы офицеровъ и солдатъ четырехъ народовъ, въ самыхъ разнообразныхъ мундирахъ, являя собою картину совершенно необыкновенную, казавшуюся сновидѣніемъ. Всѣ двигались шагомъ, медленно, въ сопровожденіи нѣсколькихъ музыкъ, не умолкавшихъ до самаго спуска съ горы.

Радужныя волны военнаго люда сплелись въ пеструю ленту и картинно опоясали собою Мекензіеву гору, не прерываясь отъ начала спуска до конца его, и такимъ образомъ казалось, что чудная лента безконечна, и что еслибы еще далѣе ѣхалъ нашъ главнокомандующій, она продолжала бы развиваться; но онъ простился у подошвы горы съ своими почетными гостями, повидимому, весьма довольными пріемомъ, и возвратился, когда маршалъ Пелиссье сѣлъ въ экипажъ.

Главнокомандующіе Кодрингтонъ и Ла-Мармора, а также вся иностранная свита, продолжали ѣхать верхомъ. Мы проводили ихъ, съ почетнымъ конвоемъ, до самаго ихъ лагеря, и тутъ, послѣ многихъ съ ихъ стороны привѣтствій и комплиментовъ, откланялись имъ и возвратились на свою ликующую Мекензи.

10 апрѣля.

Вотъ интересный рапортъ, посланный сегодня генераломъ Веселитскимъ главнокомандующему:

„Ваше высокопревосходительство по вопросу его сіятельства военнаго министра о значительности заболѣванія нижнихъ чиновъ ввѣренной мнѣ дивизіи и дружинъ къ оной прикомандированныхъ, предписаніемъ отъ 9 апрѣля за № 117, изволили требовать моего по сему объясненія.

Имѣю честь донести:

1) Въ дивизію мнѣ ввѣренную (по случаю военныхъ обстоятельствъ, дѣйствительно отпускались иногда изъ магазиновъ сухари и крупа подмоченные и прогнившіе, отчасти во время пути, а отчасти и въ самыхъ складахъ, устроенныхъ на позиціяхъ Мекензіевской и Зеленкіойской, гдѣ сухари хранились, большею частію, на открытомъ воздухѣ, ибо наскоро устраивать магазины, съ крышами, не представлялось мѣстныхъ способовъ.

Приказомъ предмѣстника вашего В-ирства, отъ 31 марта 1855 года за № 120, предписано было принимать сухари изъ магазиновъ безъ брака, но по доставленіи въ полки выбраковывать тѣ изъ нихъ, которые окажутся негодными, составлять о томъ въ полкахъ акты и представлять таковые документами для исходатайствованія разрѣшенія уничтожать негодное и сложить сухари эти со счетовъ полковъ.

Означенныя условія во всей точности были выполняемы въ послѣднее, дождливое время; бракованные сухари, составляя иногда третью часть всей сдѣланной изъ магазина пріемки, хотя и были уничтожаемы, но изъ магазиновъ были вновь отпускаемы сухари безъ права брака на мѣстѣ, а требовалось чтобы, по привозѣ сухарей въ полки, тамъ составлялись вновь о качествѣ ихъ акты и бракованіе.

Такая безпрестанная перевозка сухарей изъ магазина по дурной, гористой и грязной дорогѣ крайне затрудняла войска и была причиною, что, быть можетъ нѣкоторая часть дурныхъ сухарей, полученныхъ изъ магазина, не будучи перемѣнена хорошими, случайно роздана была людямъ.

Объ этомъ обстоятельствѣ я имѣлъ честь лично докладывать вашему высокопревосходительству и вы изволили сдѣлать нужное къ устраненію сего распоряженіе.

2) Ввѣренная мнѣ дивизія пришла на Мекензіевскую позицію въ половинѣ ноября прошлаго года и семь дней помѣщалась дѣйствительно очень тѣсно, пока 16 и 17 дивизіи не выступили; послѣ чего она заняла ихъ бараки и размѣстилась просторно, въ лучшихъ баракахъ.

Бараки эти не отличались большою сыростью или холодомъ, ибо въ каждомъ была устроена печь и не подалеку имѣлось достаточное для отопленія количество дровъ; но они не могли представлять тѣхъ удобствъ, какъ бараки на Качѣ и Бельбекѣ, построенные изъ строеваго лѣса. Бараки на Мекензіевой горѣ построены безъ всякой издержки казны, на-скоро, изъ хвороста и остатковъ лѣса, послѣ употребленія лучшей части онаго на различныя постройки въ Севастополѣ, во время его осады, на инженерныя въ немъ работы и на различныя постройки въ его окрестностяхъ.

3) Обувь въ дружинахъ № 47 Курскаго ополченія, №№ 80, 89 и 90 Тульскаго ополченія, могла пострадать отъ продолжительнаго марша.

По распоряженію предмѣстника вашего высокоп—ства, въ каждую дружину было ассигновано въ отпускъ, заимообразно, по 100 паръ сапожнаго товара отъ коммисаріатскаго вѣдомства. Но начальники дружинъ донесли мнѣ: дружины № 47—ноября 14 за № 400, дружины № 80—ноября 16 за № 654, дружины № 89—декабря 1 за № 738 и дружины № 90—ноября 18 за № 480, что ратники не терпятъ нужды въ обуви и до полученія новой могутъ проносить съ починкою ту, которую имѣютъ. Когда же послѣ того замѣчено было мною, что ратники начинаютъ нуждаться въ обуви, а сапожные товары еще не были привезены для дружинъ, то приказомъ дивизіи, въ генварѣ, я предписалъ дружинамъ принять отъ полковъ заимообразно по 500 паръ сапожныхъ товаровъ, съ тѣмъ, чтобы таковые были возвращены по привозѣ годовыхъ вещей дружинамъ.

4) Дружиною № 80 Тульскаго ополченія командовалъ, изъ отставныхъ, маіоръ Исаевъ, человѣкъ, отъ ранъ въ предшествовавшія войны, болѣзненный, престарѣлый и мало способный къ дѣятельному исполненію своей обязанности, а потому иногда случалось, отъ нераспорядительности его въ

дружинѣ, мясо, вино или капуста доставлялись несвоевременно, вслѣдствіе сего маіоръ Исаевъ мною былъ смѣненъ и дружина была поручена въ командованіе другому офицеру.

5) Для поддержанія здоровья нижнихъ чиновъ, по распоряженію моему, въ каждомъ баталіонѣ дѣйствительно были устроены бани и ими пользовались не одни полки, но и дружины. Что же касается до лазаретовъ, то ратники лѣчились въ лазаретахъ тѣхъ полковъ, къ которымъ были прикомандированы, а потому не могли не пользоваться банями вмѣстѣ съ солдатами.

Но какъ на ввѣренной мнѣ позиціи, въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, воды было, какъ извѣстно вашему высокопр—ству, весьма мало, то и невозможно было всѣмъ людямъ часто доставлять возможность пользоваться банею.

Съ своей стороны я полагаю, что главнѣйшими причинами большой болѣзненности между полками и дружинами ввѣренной мнѣ дивизіи было:

А) Труды и лишенія, перенесенные ввѣренною мнѣ дивизіею въ настоящую кампанію, особенно при защитѣ Севастополя; безсонныя ночи, простуды, блиндажная и траншейная жизнь, постоянное нравственное напряженіе въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ;—все это взятое вмѣстѣ имѣло разрушительное вліяніе на здоровье людей дивизіи и разстроило оное такъ, что съ наступленіемъ ненастнаго времени и новыхъ трудовъ, сопряженныхъ со службою въ авангардѣ, заболѣваніе людей неизбѣжно должно было быть болѣе прочихъ частей.

Б. Ввѣренная мнѣ Дивизія, имѣя нынѣ на-лицо до 10 тысячъ человѣкъ, имѣетъ въ своихъ рядахъ болѣе 2000 раненыхъ,

Невполнѣ еще окрѣпши отъ тяжкихъ болѣзней и госпитальной жизни, люди эти, нерѣдко весь организмъ которыхъ потрясенъ полученными ими ранами, сдѣлались чувствительнѣе прочихъ къ лишеніямъ, сопряженнымъ съ передовою службою, и потому скорѣе обыкновеннаго подвергаются болѣзненнымъ припадкамъ, равно какъ и легко контуженные, не вошедшіе въ составъ означенной цифры раненыхъ, не объявлявшіе даже, во время севастопольской службы своихъ контузій, по ихъ видимой незначительности, но въ осеннее ненастное время отъ малѣйшей простуды подвергаясь страданіямъ, такъ какъ по высотѣ и открытости Мекензіевской позиціи на оной постоянно дуютъ сильные сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры.

и Г. Если болѣзненность особенно была замѣтна между Дружинами, то они имѣя одинаковое помѣщеніе съ полками, одинаковую съ ними пищу и меньше ихъ переносившіе трудовъ, подвергались болѣзнямъ единственно подъ вліяніемъ перемѣны климата ихъ родины на здѣшній, столь неблагопріятный для пришельцевъ; къ тому же, непривычка ратниковъ къ усвоеніямъ военнаго быта, неумѣнье сберегать себя, непривычка къ сухарямъ, къ однообразной пищѣ, къ здѣшней водѣ и самая тоска по семьѣ и родинѣ имѣли на нихъ вліяніе. Разность заболѣванія между Дружинами зависила и отъ самаго со-

става сорта людей, ибо изъ четырехъ Дружинъ, бывшихъ при Дивизіи, двѣ №№ 89 и 90 состояли изъ людей видныхъ и здоровыхъ, а №№ 47 и 84 изъ людей слабѣйшей комплекціи.“

16 апрѣля. Севастополь.

Молчитъ и *онъ*... какъ трупъ безглавый,
Еще въ крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнемъ и лавой:
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства передъ ней стояло,
Передъ одной... такихъ громовъ
Еще и небо неметало
Съ нерукотворныхъ облаковъ!
Въ ней воздухъ кровью напоили,
Изрѣшетили каждый домъ,
И вмѣсто камня намостили
Ее свинцомъ и чугуномъ.
Тамъ, по чугунному помосту
И море подъ стѣной течетъ,
Носили тамъ людей къ погосту,
Какъ мертвыхъ пчелъ, теряя счетъ...
Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругомъ пустыня.
Могилы... Люди въ той странѣ
Еще не вѣрятъ тишинѣ,
Но тихо... Въ каменныя раны
Заходятъ сизые туманы
И черноморская волна,
Еще густа, еще красна,
Бездушно въ берегъ славы плещетъ...
. . . . . .
. . . . . .

Н. Некрасовъ.

Въ первый разъ одинъ брожу по Севастополю. Съ сокрушеннымъ сердцемъ скитаюсь между этими кровавыми развалинами. Не чаялъ я пережить его, а пережилъ таки, защищенный и спасенный молитвами существъ, близкихъ моему сердцу. Вѣрую: ихъ молитвенныя слезы создали непроницаемую броню; одѣтый ею, я остался неуязвимъ, и теперь пришелъ сюда, на этотъ обширный могильный холмъ, на которомъ легли цѣлыя арміи, и надъ которымъ вѣчно будетъ горѣть лучезарное солнце славы,—пришелъ плакать о тѣхъ друзьяхъ своей юности, чьи имена кровавыми узами связаны на вѣки съ славнымъ именемъ этого города, истерзаннаго огнемъ и желѣзомъ.

Сижу на Владимірской площади Корабельной стороны, не подалеку отъ квартиры генерала Хрулева, на томъ самомъ холмикѣ, гдѣ мы сиживали, бывало, по вечерамъ толпами, съ сердечнымъ трепетомъ, съ сочувственною

слезою на очахъ, слѣдя за всѣми перипетіями страшной драмы, бывало, по цѣлымъ часамъ сряду предъ нами разыгрывавшейся, на различныхъ пунктахъ обширнаго горизонта, совершенно открытаго для наблюдателя съ пригорка, на которомъ сижу въ настоящую минуту. Какая картина! Всюду развалины, обрывки одежды, снаряды, осколки, англійскіе часовые, и опять камня нѣтъ на камнѣ и опять развалины!..

Казармы, гдѣ между прочимъ помѣщалась и церковь Св. Владиміра, совершенно уничтожены; на мѣстѣ Павловскаго форта двѣ груды камней и мусора; за ними, какъ за брустверомъ, англійская батарея на 10 орудій; четыре непріятельскихъ фрегата и пароходъ въ бухтѣ. Зачѣмъ имъ позволили войти сюда уже по заключеніи міра?—Богъ вѣсть. Пусть бы хоть бухта, защита которой стоила цѣлаго моря крови, осталась не попранною вражьею пятою. Всюду запахъ пожарища. Мачты кораблей торчатъ изъ бухты, однѣ прямо, другія совершенно криво, опредѣляя своимъ положеніемъ положеніе погрузившагося судна. Нельзя узнать мѣстности, гдѣ были Николаевскія казармы. Страшно взглянуть на доки: на мѣстѣ ихъ груда камней, мѣстами уже затопленныхъ. Посреди этихъ камней виднѣются обломки доковыхъ воротъ, остатки „Первасъ-бахри“ *), съ такимъ тріумфомъ и такъ еще, кажется, недавно введеннаго въ бухту побѣдоноснымъ „Владиміромъ“. На томъ берегу за доками безобразные остатки Александровскихъ казармъ. Взоръ отказывается разсматривать долѣе предметъ за предметомъ; съ ужасомъ и горестью онъ переносится съ одного на другой: вотъ *кранъ* подобный остатку обгорѣлаго погребальнаго факела, брошеннаго послѣ похоронъ на кладбищѣ; всюду валяются испорченныя непріятельскими снарядами, или заклепанныя при отступленіи наши орудія; всюду множество осколковъ, какъ остатки нѣкоей чудовищной трапезы; всюду бродятъ и скачутъ англійскіе туристы, мужчины и дамы; изъ доковыхъ магазиновъ несется пѣсня пьянаго англійскаго матроса, ему вторитъ молотъ работника (чтобъ не сказать разбойника), что-то очень усердно разбивающаго; англійскіе корабли грузятся осколками, собираемыми въ городѣ и его окрестностяхъ, пулями, снарядами, артиллерійскими орудіями, найденными на бастіонахъ и въ городѣ, даже гранитомъ доковъ и набережныхъ. Этой погрузкою занимаются собственно Англичане, Французы взяли свои трофеи и только **). Англичанамъ *мало трофеевъ*,—имъ нужна *прибыль;* чугунъ осколковъ, свинецъ пуль, гранитъ набережныхъ памятниковъ, захваченныхъ на Севастопольскомъ кладбищѣ, все пойдетъ въ дѣло, за чѣмъ же его бросать, думаютъ они — и не бросаютъ! А между тѣмъ англійское знамя равнодушно смотритъ на великіе подвиги гражданъ *старой Англіи* и горделиво вьется на третьемъ бастіонѣ. Подъѣхавъ къ бухтѣ, смотрю—Англичане изъ мачтовыхъ деревъ, гдѣ-то у насъ найденныхъ, сдѣлали плотъ и гонятъ его изъ верховьевъ бухты, отъ устья Черной къ своимъ кораблямъ...

*) Первасъ-бахри по-турецки „Морской вьюнъ“.
**) См. приложніе № X («Какія знамена и пр.»).

Рѣшительно недостаетъ силъ равнодушно смотрѣть на дѣйствія нашихъ недавнихъ враговъ, хуже смерти такое положеніе: смотрѣть, какъ грабятъ тебя бѣлымъ днемъ, и молчать по неволѣ!

Кажется, Англичане, еслибъ могли, увезли бы съ собою всѣ руины Севастополя и Малаховъ курганъ и бухту!...

Положимъ, Николаевскій фортъ былъ союзникамъ бѣльмо на глазу, они его взорвали; но зачѣмъ же Англичане взорвали наши великолѣпные доки, аквадуки, водопроводы, стоившіе такихъ милліоновъ, такихъ трудовъ!

Подъѣхавъ къ Киленъ-балкѣ, я съѣхался съ офицеромъ французскаго главнаго (генеральнаго) штаба; мы разговорились о томъ, о семъ. Пробираясь на правую сторону балки по грудамъ лежащаго камня на мѣстѣ бывшаго аквадука, я спросилъ спутника: „скажите, вѣдь на этомъ мѣстѣ былъ, кажется, нашъ авкадукъ, а не фортъ какой-нибудь, не другое какое укрѣпленіе?“ —

— Да,—отвѣчалъ онъ, замѣтно конфузясь, его—взорвали Англичане!

Доки взорваны Англичанами съ такимъ искусствомъ, что сила взрыва не разметала ихъ каменной одежды и не образовала еще большей воронки, чѣмъ была вырыта для доковъ, а *приподняла* только доки, такъ что они разрушились и завалили собою почти все вырытое для доковъ пространство.

Англичане говорятъ, что вообще произведенные ими взрывы были такъ разсчитаны, что потрясеніе, ими произведенное, такъ сказать, шло преимущественно не вверхъ, а горизонтально въ землѣ. Цѣль такихъ искуственныхъ подземныхъ ударовъ была потрясть въ основаніи Константиновскій и Михайловскій форты. Англичане увѣряютъ, что они достигли своей цѣли взрывами доковъ и Николаевскаго форта, поколебавъ въ основаніи названныя твердыни сѣверной стороны, которыя, по ихъ словамъ, приведены теперь въ такое состояніе, что едва ли могутъ перенесть сотрясеніе отъ собственныхъ боевыхъ выстрѣловъ. О, конечно, Англичане такъ внимательны къ намъ, что они всей Россіи хотѣли бы надавать такихъ подземныхъ ударовъ, чтобы всю ее потрясть въ основаніяхъ; но вѣра и надежда наша на Господа Силъ не оскудѣваетъ въ нашихъ сердцахъ, несмотря на тягость намъ ниспосланнаго испытанія; мы не утратимъ упованія на благость Его, будемъ молиться, надѣяться и ждать, что по вѣщимъ словамъ поэта:

Святая Русь . . . . . .
. . . . . .
. . . должникамъ долги свои заплатитъ *).

17 апрѣля.

Сегодня торжествуется рожденіе Государя. У насъ былъ парадъ. Читали манифестъ о заключеніи міра, кричали „ура“... Но, всматриваясь въ лица оффиціально ликующаго люда, не видишь на нихъ и слѣдовъ истиннаго

*) „Князь Скопинъ Шуйскій“.

восторга... Ясно видишь, что раздающіеся крики идутъ не отъ сердца! И хотя миръ сладокъ нашимъ сердцамъ, потому что мы возвращаемся къ домашнимъ очагамъ, къ лучшей, спокойной жизни, но... но... Какъ-то совѣстно послѣ заключенія того мира гордиться званіемъ русскаго офицера по-прежнему! Чувствуешь, понимаешь и ясно предъ собою видишь *мышь*, которую родила гора, нами было нагроможденная! Стоило ли затѣвать настоящую борьбу, чтобы кончить ее такъ печально, какъ она кончена нынѣ?...

18 апрѣля.

Сегодня у насъ въ отрядѣ опять праздникъ. Начальникъ главнаго штаба Англійской арміи обратился къ генералу Веселитскому съ предложеніемъ устроить на нашей позиціи аукціонъ или ярмарку для продажи строевыхъ и офицерскихъ лошадей и муловъ, такъ какъ при обратной своей поѣздкѣ Англичане не имѣли возможности взять съ собою на суда этихъ животныхъ. Веселитскій очень обрадовался этому предложенію, имѣя въ виду что проектируемая ярмарка можетъ быть очень интересною и немедленно, вошелъ къ начальству съ ходатайствомъ о разрѣшеніи этой ярмарки. Разрѣшеніе не заставило себя ждать и ярмарка была устроена на равнинѣ лежащей по ту сторону Горчаковскаго редута. Ярмарка эта была очень оживлена. Покупщиками были исключительно наши офицеры, чиновники коммисаріатскаго и провіантскаго вѣдомствъ и маркитанты. Цѣны на хорошихъ лошадей были очень высоки, потому что между выведенными на продажу было не мало чистокровныхъ англійскихъ и арабскихъ скакуновъ. Даже мулы продавались до 120 р. за штуку, но за то было не мало выведено Англичанами муловъ въ такомъ положеніи, что ихъ владѣльцы сами за нихъ запрашивали по 1 р. за штуку; можно изъ этого заключить, въ какомъ были видѣ эти животныя.

Самъ маршалъ Пелиссье пріѣзжалъ верхомъ, закутанный въ бѣлый арабскій бурнусъ, посмотрѣть на ярмарку,—зрѣлище дѣйствительно было интересное...

22 апрѣля. Гора Мекензи.

На площади, посреди бараковъ Селенгинскаго полка, раскинутыхъ на одной изъ высотъ, замыкающихъ долину р. Черной съ сѣвера, отслужили молебенъ. Отецъ Карпъ окропилъ св. водою склоненныя знамена, офицеровъ къ нему тѣснившихся и обошелъ ряды солдатъ, которые усердно торопились приложиться къ проносимому кресту.

„Накройсь!“ скомандовало начальство; загремѣла музыка; торжественно пошли знамена на свои мѣста, и снова все стихло.

„Отмыкай штыкъ!“—раздалось въ воздухѣ, и давно забытымъ словамъ этимъ вторилъ какой-то странный звонъ отмыканія штыковъ, который три года не раздавался и нынѣ чѣмъ-то чуднымъ и непонятно грустнымъ отозвался въ сердцѣ, можемъ сказать, каждаго изъ насъ!

Итакъ, это истина — миръ, идемъ домой... Прощай кровавая поэзія войны, прощай не всякому понятная прелесть тяжкой службы, нечеловѣческихъ усилій, труда, лишеній, неописанныхъ опасностей!... — Жизнь гражданскаго покоя ждетъ насъ, — бытъ, сдѣлавшійся намъ совершенно чуждымъ. — На первомъ шагу нашемъ по этому поприщу насъ встрѣтятъ новыя условія, законы, обычаи... И страшно, и больно какъ-то смотрѣть на будущность, намъ предстоящую, какъ больно смотрѣть на этотъ фронтъ, мгновенно измѣнившійся, едва успѣвъ положить въ ножны штыки въ продолженіе трехъ лѣтъ, казалось, приросшіе къ ружью. Едва замолкъ звукъ отомкнутаго штыка, болѣзненный, будто вопль разлуки, задребезжалъ перекатный голосъ запѣвалы, и полкъ, свернувшись въ походную колонну, потянулся въ путь далекій.

Широкимъ крестомъ осѣнялъ себя солдатъ; не слыхать веселыхъ рѣчей; у всякаго своя задушевная дума.

Многіе, многіе Селенгинцы, озираясь направо, налѣво думали: „Такъ же мы въ 53-мъ изъ Заславля выступали, когда подъ Турку шли; а поглядика-сь: гдѣ же прежнее начальство? гдѣ же тѣ, которыхъ *локтемъ чувствовалъ тогды*?.. Эхъ-ма!“ И еще разъ широкимъ крестомъ осѣнялъ старый солдатъ свою взволнованную грудь, оглядываясь на ряды холмовъ, бѣжавшіе къ морю, посреди которыхъ трудно было отличить одинъ завѣтный для Россіи, — покрытый множествомъ свѣжихъ кургановъ... Прощайте, братья! не воскреснуть вамъ для новыхъ кровавыхъ битвъ, правда, но за то настанетъ часъ, когда воскреснете вы для нескончаемой жизни въ блаженствѣ райскомъ!

Что думали офицеры? Что знаменовали эти пасмурныя лица большинства? Смѣшно увѣрять, что всѣ эти мрачные господа огорчены заключеніемъ мира, окончаніемъ войны, — правда, были и такіе *чудаки*, — но и другія причины омрачали лица многихъ. Вообще мы такъ свыклись съ боевою службою, что опять привыкать къ мирной службѣ, стоя гдѣ-нибудь въ гарнизонѣ, казалось невыносимо тяжело! Скучно казалось мѣнять безсонную ночь подъ теплымъ южнымъ небомъ, бороздимымъ по темной его синевѣ искристымъ полетомъ бомбы, на душную ночь въ кордегардіи какой-нибудь гауптвахты, — жизнь шумнаго бивака, гдѣ льется безпрестанно звучная рѣчь, громкій хохотъ и кипучее вино, на однообразную жизнь въ какомъ-нибудь захолустьѣ, въ отвратительной избѣ съ тараканами, безъ общества, безъ занятій, вдали отъ товарищей, наединѣ съ соннымъ денщикомъ, или фельдфебелемъ, съ неизмѣннымъ докладомъ, что *все обстоитъ благополуно*!..

— Чего я-то иду назадъ? думала другая благородная душа. — Не все ли равно, что здѣсь, что тамъ, ни роду у меня, ни племени... Не лучше ли бы мнѣ улечься на томъ курганѣ, на мѣсто такого-то, или такого-то?.. Вотъ судьба, поди же... Возвращайся онъ, или другой вмѣсто меня, сколько несчастій было бы отвращено, сколько слезъ осушено! Такъ нѣтъ, говоритъ, вы положите здѣсь свои кости на горе и гебель многихъ, а ты, бобыль

несчастный, ступай домой, чтобы никому не принесть своимъ возвращеніемъ ни счастья, ни радости!..

„Э, э, эхъ! думалъ иной:—возвращаемся, а я и не раненъ, гляди, подумаютъ: носу нигдѣ не показывалъ, *при волахъ* гдѣ-нибудь находился... Хоть бы царапнула хорошенько проклятая. На старость лѣтъ хоть бы пенсіонъ получалъ; на хуторъ куда-нибудь забрался бы, жилъ бы да поживалъ! *Гапочку* какую-нибудь подхватилъ бы, варила бы галушки, да варенчики, узналъ бы, что такое жизнь, по крайней мѣрѣ! А теперь, поди, до маіора—вѣкъ не дотянешь: на *мирное* приведутъ, нашимъ братомъ тогда хоть прудъ пруди. Протянуть придется, глядишь, еще лѣтъ десятокъ, да тогда только съ капитанскимъ пенсіономъ и уберешься въ отставку, а ужь голова *колѣномъ* станетъ, да ломъ во всѣхъ костяхъ, покоя не будетъ давать, тогда о *Гапочкѣ* и думать надо забыть!.."

— Вотъ, подумаешь, счастье-то собачье. Гляди, К....го землей только хватила, на Волынскомъ что ли, лопнувшая бомба, а и то контуженъ, говоритъ, память отшибло, мозгъ потрясло, а, правду сказать, нечего тамъ было и потрясать-то! Головокруженіе постоянное, шумъ въ ушахъ, однимъ вовсе не слышу!—а *видимыхъ* никакихъ, развѣ что только черной лентой лобъ перевязавши ходитъ, словно новымъ обручемъ разсохшійся боченокъ стянулъ, чтобъ клепки не разсыпались!—а что же вышло? Ко *второму* причислили — осчастливилъ себя человѣкъ на всю жизнь! Поди же, а у нашего брата совѣсти не хватитъ такъ себя *осчастливить*, лобъ лентою черною перевязавши...

— И отомстить нельзя, печалился другой, за все, за всѣхъ: миръ—все кончено! Порѣшены всѣ счеты. Всѣ недоимки похѣрены!.., А слѣдовало бы еще поквитаться!...

Многимъ былъ тяжекъ всякій новый шагъ. Того онъ уносилъ отъ могилы брата, того отъ могилы друга, тому было горько покидать товарищей его юности, съ кѣмъ прошелъ онъ объ руку половину жизненнаго поприща.

Но вотъ заунывная пѣсня дальше и дальше... Исчезаетъ за кустарникомъ хвостъ колонны и ея длинный обозъ; мы возвратились въ свои землянки—и не съ радостными лицами, не съ весельемъ въ сердцѣ.

Да и не всегда ли такъ бываетъ, какъ станешь лицомъ къ лицу съ моментомъ, въ который осуществляется твоя мечта? Надоѣло до смерти семь мѣсяцевъ пошлой, бездѣйственной жизни на Мекензи. Заключили миръ; мы ждали съ восторгомъ минуты выступленія; дождались—и горько, и больно, и тяжко...

Хочется замужъ дѣвушкѣ, спитъ и видитъ она краснаго жениха... Явится онъ наконецъ—давно желанный, милъ онъ красавицѣ; но настанетъ брачный день,—страшно и жутко ей становится, глядя въ даль, и горько ей разставаться съ жизнью дѣвичьей, съ волею ясною, именно тяжелъ ей этотъ рѣшительный моментъ—день свадебный. Доколѣ она не стала съ же-

нихомъ объ руку предъ лицемъ Божіимъ, ей все являлось это событіе въ какихъ-то фантастическихъ формахъ; но въ моментъ, когда любимая идея перестала быть мечтою и сдѣлалась фактомъ, взоръ дѣвушки прозрѣлъ, и ей стало страшно...

Такъ стало страшно и намъ разставаться съ боевою жизнью, съ жизнью, преисполненной совершенной свободы, роковой борьбы, поэзіи восторговъ, стало страшно и намъ вступать въ жизнь гражданскую—*выходить замужъ*!..

23 апрѣля.

Часъ тому назадъ, сардинскій главнокомандующій, генералъ Ла-Мармора, сдѣлалъ прощальный визитъ нашему генералу, пріѣхавъ верхомъ съ блестящею свитою. Офицеры, ее составлявшіе, отправились къ намъ въ землянки благодарить насъ за вниманіе и расположеніе, которое мы имъ оказывали со времени заключенія перемирія.

Сардинцы сошлись особенно съ нашею, съ 11 дивизіею, потому что мы больше другихъ имѣли съ ними столкновеній: лѣвый флангъ нашей позиціи лежалъ противу ихъ отряда,—они были нашими ближайшими соперниками, въ періодъ времени съ перехода нашего на Мекензи до перемирія, потому что одни они стояли противу насъ на *правомъ* берегу Черной, занимая Телеграфическую гору. Вотъ почему Сардинцы считали себя болѣе другихъ обязанными сблизиться съ нами.

Я говорилъ уже о любезныхъ пріемахъ, сдѣланныхъ генераломъ Ла-Мармора исключительно, штабу нашего отряда въ своей резиденціи — Кадыкіоѣ; теперь онъ, въ знакъ памяти, привезъ нашему генералу нѣсколько военныхъ музыкальныхъ піесъ, нарочито сочиненныхъ капельмейстеромъ его арміи; тутъ былъ маршъ „*Прощанье съ Крымомъ*“ и тому подобныя.

Начальникъ арміи Итальянцевъ—поэтовъ и музыкантовъ не могъ сдѣлать лучшаго подарка на память о себѣ и о своихъ, какъ музыкальное произведеніе одного изъ своихъ подчиненныхъ.

Ла-Мармора самымъ любезнымъ образомъ простился съ каждымъ изъ насъ; въ пріятельскомъ пожатіи руки этого генерала видно было что-то сердечное, искренное, какъ во всѣхъ его движеніяхъ было видно много рыцарскаго.

25 апрѣля.

Полки нашей дивизіи пошли въ Россію одинъ за другимъ; сегодня уходитъ четвертый полкъ; выпроводивъ его, нашъ штабъ останется вольнымъ казакомъ,—походомъ очень мало намъ предстоитъ служебныхъ занятій. Пользуясь этимъ, генералъ Веселитскій зоветъ меня совершить съ нимъ маленькое путешествіе черезъ Байдарскую долину, по южному берегу Крыма, съ тѣмъ чтобы догнать дивизію на переходѣ въ Симферополь. Конечно, я съ восторгомъ принялъ приглашеніе и мигомъ изготовился въ путь.

26 апрѣля. Привалъ по дорогѣ въ Байдарскую долину.

Перекрестясь, спустились мы съ Мекензіевой горы, на которой провели безвыходно столько тяжелыхъ, скучныхъ, однообразныхъ мѣсяцевъ. Перекрестясь, проѣхали мимо кладбища героевъ 4 августа, устроеннаго подъ горою, на мѣстѣ бывшаго въ тотъ день перевязочнаго пункта,—мимо столба, у котораго пробилъ послѣдній часъ Реада и Веймарна, и пустились по правому берегу Черной, вверхъ по ея теченію.

Миновавъ *новыя* развалины Чоргуна, дополнявшія грустную картину остатковъ его древняго замка, мы переѣхали черезъ устроенный Сардинцами мостикъ и ущельемъ стали выбираться на Воронцовское шоссе, которое гладкою лентою пролегало по этимъ обрывистымъ скаламъ и, спускаясь въ долины и ложбины, увѣковѣчило имя своего соорудителя, оказывая особенно важную услугу путнику, который не только не смѣлъ бы тащиться по этому пути въ экипажѣ, но не всегда рѣшился бы пуститься въ путь и на привычной къ горамъ татарской лошади.

Извиваясь между утесистыми обрывами, громоздящимися будто до небесъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, совершенно уже покрытыми свѣжею зеленью, встрѣчая на каждомъ шагу новую для насъ картину, одна другой живописнѣе, мы никакъ не могли потерять изъ виду Мекензіевой горы. Ея вершина, съ бѣлыми точками нашихъ оставленныхъ бараковъ и еще не снятыхъ маркитантскихъ палатокъ, стояла на горизонтѣ въ группахъ другихъ высотъ, будто существо милое сердцу уѣзжающаго путника, съ крыльца или балкона покидаемаго дома махающее бѣлымъ платкомъ долго, долго, пока туманный образъ этотъ не закутается синею пеленою дали или не скроется за изгибомъ ревнивой высоты.

Громадныя стѣны утесовъ, обрамливающихъ, дорогу изборождены множествомъ тропинокъ, протоптанныхъ или дикими звѣрями, или охотниками за ними. Проѣхавъ верстъ 10, не встрѣтивъ ни живой души, мы приблизились къ селу Варнуткѣ, предъ которымъ развернулась небольшая долина, мѣстами покрытая купами деревьевъ, особенно сгруппированныхъ у вьющагося по долинѣ ручья. Въ одномъ углу этой долины нѣсколько Англичанъ на лихихъ коняхъ гоняются за простой собакой. Вотъ странное занятіе искателей сильныхъ ощущеній! Несчастный песъ не знаетъ куда дѣваться,—удалые джентльмены рѣшились, кажется, загонять его до смерти! Они его не бьютъ, не топчатъ конемъ,—нѣтъ, только гоняютъ: онъ бросился въ ручей—они за нимъ; онъ перескочилъ черезъ каменный заборъ, думая найти спасеніе,—они за нимъ, какъ птицы, перенеслись черезъ заборъ; онъ—въ кусты, смотримъ—въ темной зелени мелькаютъ уже красные мундиры, будто дѣлающихъ дѣло Джонъ-Булей. Не знаю, чѣмъ кончилась эта гонка: осталась ли жива татарская собака, или издохла отъ утомленія,—сломилъ ли себѣ шею одинъ изъ наѣздниковъ, или дѣло не имѣло трагической развязки....

Мы проѣхали дальше, отдохнули на живописной мѣстности и опять стали подыматься въ гору и все—въ гору....

Байдарская долина.

Измучились наши маленкія лошадки... Мы тянулись медленнымъ шагомъ по аллеямъ разнообразныхъ деревьевъ, наконецъ, взобравшись на гребень предстоявшаго намъ горнаго перевала, влѣво отъ себя, на карнизѣ горной дороги, увидѣли картинно рисовавшагося французскаго часоваго.

Что грѣха таить!

Доселѣ одинъ видъ подобныхъ господъ на нашей землѣ, какъ-то особенно смѣло, чтобы не сказать нахально, смотрящихъ намъ въ глаза, производитъ у насъ какое-то болѣзненное сжатіе сердца...

Но нѣсколько шаговъ дальше и предъ нами сквозь древесную чащу открылась Байдарская долина, давно уже воспѣтая путешественниками, почему-то къ ней пристрастными.

Мимо землянокъ французскаго передоваго отряда и разнообразныхъ группъ отдыхающихъ и занимающихся своимъ походнымъ хозяйствомъ солдатъ, расположившихся какъ дома, вокругъ великолѣпной дачи графа Л. А. Перовскаго, мы стали спускаться.

Что ни шагъ, что ни поворотъ, то кругозоръ нашъ все больше расширялся и предъ нами развертывалась долина, будто скатерть вышитая роскошными узорами.

Не забудемъ: долина убрана теперь самою природою въ *полную парадную форму!* Весна. Въ воздухѣ разлито благовоніе тысячей распустившихся раннихъ цвѣтовъ, различныхъ породъ,—а взоръ ласкаетъ живая зелень едва одѣвшихся ею деревьевъ; кое-гдѣ громадныя ребра утесовъ, будто чудовищные остовы какихъ-то гигантовъ, почернѣлые отъ времени, высовываются изъ бархатной своей одежды. Одиннадцать деревень долины, перерѣзанной лѣсистыми холмами въ различныхъ направленіяхъ, выглядывая стройными минаретами и красными саклями изъ гущи садовъ и группъ стрѣльчатыхъ тополей, кажутся изящными корзинами цвѣтовъ, искусною рукою разставленными на изумрудной поверхности луговъ и полянъ долины, раскинутой на 12 верстъ въ длину и на 7 въ ширину, обрамленной горами, покрытыми дремучимъ лѣсомъ, и прорѣзанной голубыми жилками излучистой рѣчки, къ которой, будто для оживленія картины, Французы пригнали на водопой стадо муловъ, перекликавшихся раздирающими душу воплями съ товарищами, отставшими въ пути.

Мы въѣхали въ татарскую деревню „Байдары“, отъ которой, говорятъ, получила свое названіе долина, и первое что намъ представилось—былъ столбъ раскрашенный указнымъ порядкомъ, издавна у насъ принятыми цвѣтами, нѣкогда служившій для объявленія путнику названія селенія, числа его жителей и пр., а нынѣ лишенный своей доски, весь избитый пулями какого-то охотника до цѣльной стрѣльбы изъ пистолета. Жителей почти нѣтъ въ селеніи. Большинство ихъ бѣжало. Кто всѣмъ семействомъ перебрался уже въ Турцію, кто еще доселѣ скитается въ горахъ или прожи-

ваетъ въ отдаленной деревнѣ, въ глубинѣ Крыма, не рѣшаясь возвратиться къ своимъ пенатамъ, пока не уляжется военная тревога и пока все не прійдетъ въ прежній порядокъ, — не утихнетъ.

По деревнѣ бродятъ Французы; двѣ роты ихъ стоитъ здѣсь всю зиму, иногда только отправляясь для занятій караула въ какой-нибудь пунктъ, ближе къ Севастополю. Татаръ не видать нигдѣ, — у нихъ постъ. Мечеть заперта. Муэззинъ не зоветъ къ молитвѣ правовѣрныхъ, несмотря на урочный часъ.

Вѣрно мулла тоже совершилъ переселеніе поближе къ Меккѣ. Въ селеніи остались два - три татарскія семейства. И мы едва могли ихъ отыскать въ надеждѣ найти у нихъ что-нибудь съѣстное, потому что своихъ запасовъ мы тратить не хотѣли, покамѣстъ; а въ лавочкѣ французскаго продавца можно было найти только абцентъ съ водою, сардинки, булку, да галеты. Татаринъ, къ которому мы безъ всякой церемоніи заѣхали на дворъ, встрѣтилъ насъ всѣми знаками радости, — притворной ли, истинной ли, Богъ его вѣдаетъ!

Послѣ занятія долины Французами мы были первые изъ русскихъ появившихся здѣсь, посреди недавнихъ враговъ, теперь по-дружески насъ обступившихъ и живо съ нами болтавшихъ, подтрунивая надъ нашимъ маленькимъ экипажемъ.

Татаръ удивляла наша, по ихъ понятію, отвага, съ какою мы пустились въ лѣса и въ ущелья еще не занятые и не осмотрѣнные нашими, тогда какъ они доселѣ еще не рѣшаются пробраться даже въ сосѣдній Бахчисарай.

Татаринъ пригласилъ насъ въ саклю. Мы вошли черезъ сѣни съ мангаломъ, на которомъ пылалъ огонекъ, разведенный грязною хозяйкою, хлопотавшею съ жестянымъ кофейникомъ.

Большая комната, также съ мангаломъ у одной стѣны, тускло освѣщалась небольшимъ окномъ съ деревянною рѣшеткою и даже непромасленною бумагою, вмѣсто стеколъ. Конечно, полъ былъ устланъ коврами. Въ углу лежала груда парадныхъ ковровъ, тоже домашней работы, и подушки. Намъ подали подушки, на которыя мы усѣлись, и круглый столикъ на крошечныхъ ножкахъ. Старикъ Татаринъ безмятежно покуривалъ трубку, сидя въ одномъ углу и перекидываясь полусловами съ хлопотавшимъ около насъ хозяиномъ, котораго разшевелило обѣщаніе платы за все, что имъ будетъ для насъ издержано, а можетъ-быть и важнымъ чиномъ одного изъ насъ.

Когда подали намъ яйца въ смятку, медъ, кофе и овечій сыръ, хозяинъ принялся разсказывать, что и онъ былъ богатъ, пока не приходили Французы, а теперь война разорила его въ конецъ. Просто ѣсть нечего, Была корова — и ту Французы отняли; куръ всѣхъ переловили и ничего за нихъ не заплатили, — хоть умирай съ голода!... Распродалъ бы все что имѣю, да кто теперь купитъ, и куда пойдешь продавать?... Подумаютъ — шпіонъ! что будетъ дальше, одному Богу извѣстно...

„А какъ Французы обходились съ вами: ласково?“

— Да, они—то ничего бы, только забрали все,—заплатить обѣщались, да вотъ что-то и доселѣ еще не платятъ.

„Ну, а въ цѣнѣ условливались вы съ ними, когда что отбирали они у васъ?“

— Цѣну-то они назначали.

Словомъ, видно было, что хитрый Татаринъ прикидывается: ѣсть нечего, а подаетъ намъ яйца, кофе, медъ. Очевидно, что гдѣ-нибудь въ трущобѣ есть у него резервные тайнички, въ которыхъ у него кое-что да припрятано про черный день. Мы вспомнили бельбекскія ямы. Наши солдатики по особенному, солдату только свойственному, чутью открывали ихъ въ мѣстахъ наименѣе подозрительныхъ и находили въ нихъ не только десятки четвертей овса, ячменя, проса, но и цѣлые сундуки со всякимъ добромъ, зарытые Татарами, когда они бѣжали, покидая свои жилища.

Надо было покормить лошадей,а нечѣмъ. Зерна мы съ собою не взяли, въ полномъ убѣжденіи, что дорогою его всюду можно достать. А тутъ, какъ нарочно, первый блинъ да комомъ, по русской поговоркѣ: ни зерна овса, ни клока сѣна. Нечего дѣлать: „Пускай лошадей на подножный кормъ“, приказываю нашему кучеру. Но тутъ хозяинъ умилостивился: доволенъ ли онъ былъ нашимъ ласковымъ, довѣрчивымъ съ нимъ обхожденіемъ, на деньги ли позарился, только онъ побормоталъ со старикомъ и женою, пошелъ и принесъ мѣру ячменя и пудъ сѣна, увѣряя, что выпросилъ послѣднее у сосѣда. Однако, при разсчетѣ, онъ поставилъ 30 к. сереб. за око ячменя (т.-е. по 10 к. за фунтъ) и рубликъ серебра за пудъ сѣна...

Посидѣвъ у воротъ въ толпѣ французскихъ солдатъ, по болшей части весьма невѣжественныхъ, мы должны были отвѣчать на множество намъ предложенныхъ вопросовъ, замѣчательныхъ своею наивностью. Впрочемъ большинство Французовъ ограничивало свою любознательность желаніемъ знать: отличія нашихъ военныхъ костюмовъ, по которымъ распознаются войска, полки и чины. Одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, очень приличный молодой человѣкъ, сообщилъ намъ свою исторію, говоря, что онъ въ этомъ же полку былъ Sergent major и доселѣ былъ бы уже офицеромъ, еслибы не былъ разжалованъ въ рядовые за дерзость противу своего капитана, которому онъ осмѣлился замѣтить передъ фронтомъ, что онъ несправедливо хочетъ наказать одного изъ его товарищей.

Въ это время приблизилось нѣсколько прогуливавшихся французскихъ офицеровъ. Мы обмѣнялись привѣтствіями, но офицеры не подошли къ намъ, хотя и держались по близости образовавшейся вокругъ насъ большой группы, вѣроятно, на всякій случай, чтобы не произошло какого недоразумѣнія.

Но лошади отдохнули. Пора въ путь. Говорятъ, дорога до Мшанки очень дурна. Къ нашему поѣзду просилъ дозволеніе присоединиться солдатъ Греческаго Балаклавскаго баталіона, съ двумя товарищами пробиравшійся по какимъ-то своимъ, вѣроятнѣе всего—контробандным дѣламъ, на повозкѣ

въ одну лошадь, въ Ялту. Очень рады. Вмѣстѣ ѣхать лучше. Мы тѣмъ охотнѣе приняли его въ компанію, что, не зная дороги, пробирались впередъ съ помощью карты, и наконецъ потому, что боялись, вѣря разсказамъ, встрѣтить дорогою препятствія, которыхъ въ четверомъ не одолѣешь.

Итакъ, простясь съ Французами, мы съ генераломъ пошли пѣшкомъ въ гору, приказавъ лошадямъ догнать насъ.

Дача Бюрно надъ Мухалаткой. Разсвѣтъ. 27 апрѣля.

Извивами горнаго шоссе мы медленно поднимались на гребень высотъ, охраняющихъ Байдарскую долину съ юга. Картинная мѣстность закрылась отъ насъ громоздящимися другъ на друга утесами, по ребрамъ которыхъ пролегалъ нашъ путь. Нѣсколько разъ необходимо было давать отдохнуть нашимъ измученнымъ лошадкамъ. Нетерпѣніе подстрекало: гдѣ же конецъ перевала? Кажется, вотъ эта предстоящая высота, одѣтая деревьями, выше другихъ стоящими, конечная точка нашего подъема. Приближаемся—какъ бы не такъ! Дорога идетъ влѣво, а впереди опять видимъ стѣну, которую приходится огибать. На всякомъ шагу ручьи перебѣгаютъ черезъ шоссе, пробираясь въ долину, оживляя своимъ монотоннымъ журчаньемъ глубокую тишину будто задремавшей природы. Но вотъ, на высотѣ, въ лѣсной чаще мельнуло что-то не похожее ни на скалы, ни на деревья. Мы указали въ ту сторону нашимъ спутникамъ...

„Байдарскія ворота“.

— А, славу Богу, конецъ пути. Спускаться съ горы легче, чѣмъ подыматься,—значитъ, мы еще засвѣтло доберемся до Мухалатки, гдѣ мы предположили ночевать. Наши лошадки тоже будто оживились близостью желаннаго конца перевала и, навостривъ уши, казалось, ускорили свой мѣрный шагъ.

Подъѣзжаемъ. Посреди утесовъ, поросшихъ крупнымъ лѣсомъ, перехватываютъ дорогу огромныя ворота изъ дикаго камня, рисуясь на безоблачной синевѣ неба, будто тріумфальная арка, нарочно воздвигнутая на едва досягаемой высотѣ. Сквозь ворота не видишь ничего, кромѣ клочка небесной лазури: надъ вами—небо, налѣво и направо—горы и лѣсъ.

Влѣво отъ воротъ построено, кажется Французами, земляное укрѣпленіе съ амбразурами; нѣсколько бараковъ, сложенныхъ изъ земли и обломковъ камня, показываютъ, что здѣсь стоялъ надежный военный постъ; самыя ворота замкнуты каменною стѣной выше роста человѣческаго. Вотъ притча! Какъ же мы проберемся? Ни на укрѣпленіи, ни въ баракахъ, обнесенныхъ садиками, судя по ихъ запущенности, совершенно покинутыхъ, нигдѣ ни живой души.

Мы остановились. Я соскочилъ съ повозки и пошелъ посмотрѣть: какъ пробраться дальше. Приблизясь, я нашелъ, что толстая каменная стѣна, насухо сложенная въ воротахъ, арка которыхъ образуетъ корридоръ, дѣлающій внутри воротъ полъоборота, съ одной стороны разобрана, слѣдовательно проѣхать

можно. Я махнулъ рукой своимъ, чтобы продолжали путь, а самъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по корридору воротъ, и вдругъ изъ груди моей вырвался крикъ,—такой крикъ, что мой генералъ бросился ко мнѣ, вообразивъ, что со мною произошло что-нибудь необыкновенное. И дѣйствительно, въ жизнь свою я не испытывалъ ничего подобнаго тому, что испыталъ въ эту минуту. Въ жизни я не видывалъ картины сколько-нибудь подобной той, какая вдругъ развернулась передъ мною. Но кромѣ того, что картина была величественная и прекрасная сама по себѣ, она дѣйствовала поразительно тѣмъ, что открывалась во всей своей очаровательной цѣльности именно въ тотъ моментъ, когда всего менѣе ее ожидалъ.

Прямо предъ нами, будто необъятной величины отшлифованный опалъ, красовалось море, отразивъ переливами своихъ разнообраныхъ цвѣтовъ всю безпредѣльность небеснаго свода, надъ нимъ лежащаго, съ вереницами бродящихъ по немъ облаковъ. Гигантскою рѣзною оправой этого необъятнаго опала служилъ, съ одной стороны, южный берегъ Крыма, какъ образцовое произведеніе великаго художника.

При взглядѣ на внезапно раскинувшуюся картину совершенно теряешься... Всѣ чувства обращаются въ зрѣніе... Не вѣришь ему... Протираешь глаза: не спишь ли? Боишься проснуться, не смѣешь произнести слова: вдругъ все исчезнетъ какъ сновидѣніе! Безмолвствуешь, благоговѣешь и не можешь ступить шагу впередъ или всторону, боясь разстаться съ очаровавшей тебя картиною.

Отъ моря уступами до небесъ подымаются, отвѣсными карнизами, утесы берега самыхъ прихотливыхъ цвѣтовъ, то совершенно обнаженные, то поросшіе лѣсомъ, то съ лиловыми пятнами тумана, клубящагося надъ пропастями, то съ серебристыми пятнами снѣга, лежащаго на высотахъ... И чѣмъ дальше въ высоту несется взоръ по Ласпійскимъ утесамъ, чѣмъ больше вперяешь его въ даль, тѣмъ больше удивляешься величію природы, и чѣмъ ниже спускаешься взоромъ къ морю, по зеленому амфитеатру его берега, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ относишься къ труду человѣка, испестрившаго этотъ берегъ садами и виноградниками, селами и городами, замками и фермами, хижинами и дворцами.

Взглядъ направо. Не тутъ ли Титаны громоздились на небо въ безумной противу него брани?! Не тутъ ли погибли они подъ тяжестью ими нагроможденныхъ и на нихъ же обрушившихся скалъ? Если таковое событіе не что иное какъ миѳъ, то конечно идея этого миѳа зародилась у древняго человѣка не иначе, какъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, при созерцаніи картины этого обвала!

Всматриваясь въ отдаленнѣйшія точки дивной панорамы, предъ нами раскрытой, видишь какое-то чудовище, припавшее къ морю, какъ будто съ тѣмъ чтобы напиться. — Это утесы Аю-Дага, видимые со всѣхъ пунктовъ южнаго берега. Этими утесами завершается съ восточной стороны созерцаемая нами картина.

Лежащая у самыхъ нашихъ ногъ, на берегу моря, деревня Мшатка едва различима въ густой растительности.

Отъ нашихъ ногъ ползетъ змѣей узкое шоссе, спускаясь ближе къ морю зигзагами, порою появляясь изъ темной древесной зелени, мелькая своею желтизною...

Но пора оторваться отъ необыкновенной картины...

Мы машинально двинулись впередъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на насъ картиною южнаго берега Крыма, и были обращены къ прозѣ жизни встрѣчею англійскаго штабъ-офицера съ необыкновенно длинною рыжею бородой, въ полувоенномъ костюмѣ, съ нѣсколькими удочками на плечѣ; за нимъ слѣдовалъ его прислужникъ съ большимъ дождевымъ зонтомъ для защиты отъ солнца и сакъ-вояжемъ.

Мы раскланялись.

„Куда вы господа?“ началъ англичанинъ, какъ-то удивленно глядя на наши телѣги, порядочно таки нагруженныя, и на лошадокъ измученныхъ только-что совершеннымъ ими подъемомъ на гребень перевала.

— Въ Алупку.

Онъ засмѣялся: „Ше импосибль!“

— Невозможно! Отчего же, скажите?

„По самой простой причинѣ: нѣтъ дороги!“

— Какъ нѣтъ дороги?... А шоссе?

„Обрушилось“.

— Да вѣдь ѣздятъ же люди, какъ нибудь?

„Нѣтъ, не ѣздятъ, а ходятъ“.

— Ну, не возвращаться же намъ,—заключилъ генералъ:—во что бы то ни стало, а мы доберемся до Алупки съ повозкою... Прощайте полковникъ!

„Господа, вы шутите, а я вамъ безъ шутокъ совѣтую воротиться; вы рискуете...“

— Благодаримъ, благодаримъ за участіе. Извините: мы торопимся, солнце уже низко.

И мы стали быстро спускаться по зигзагамъ ползущаго съ горы шоссе. Англичанинъ все стоялъ со своими удочками на плечѣ у воротъ и смотрѣлъ, пока мы не скрылись отъ него подъ навѣсомъ крутаго берега.

Англичанинъ удивлялся нашей доброй волѣ, побуждавшей насъ пускаться на повозкѣ въ непроѣздимый путь и за чѣмъ? Чтобы полюбоваться нѣсколькими картинами природы, а мы дивились его охотѣ лазить съ огромной высоты на морской берегъ, чтобы поймать нѣсколько морскихъ рыбокъ и потомъ взбираться верстъ пять, если не шесть, по зигзагамъ подъема, чтобы только достигнуть Байдарскаго перевала.

Зигзаги пробѣгаемаго нами спуска похожи на улиткообразную, винтовую, лѣстницу. До сихъ поръ мы вѣрно сдѣлали болѣе версты, а все-таки находимся подъ тою же точкою высоты, отъ которой начали спускаться, не

подалеку отъ Байдарскихъ воротъ. Но вотъ и начало препятствій, предсказанныхъ намъ Англичаниномъ - рыболовомъ. Узкое шоссе, по которому въ обыкновенное время едва могутъ разъѣхаться двѣ повозки на всемъ протяженіи спуска, одною стороною прилегаетъ къ отвѣсной стѣнѣ береговыхъ утесовъ, а другою касается гигантскаго обрыва карниза. На этотъ то ленточбразный путь свалился съ горы огромный камень, рѣшительно загородивъ собою дорогу. Что дѣлать? Оставался еще узкій проходъ между упавшимъ камнемъ и стѣною горы. Сдѣлавъ рекогносцировку, мы убѣдились, что, хотя съ трудомъ, но лошадей провесть можно. Такимъ образомъ мы отпрягли телѣжку и съ помощью Грековъ, которыхъ товариществу мы тутъ порадовались впервые, перетащили не только ее, но и повозку Грековъ черезъ опасное мѣсто и перевели лошадей поодиночкѣ. Еще нѣсколько извивовъ спуска и мы увидѣли внизу, на предстоявшей намъ дорогѣ, красные мундиры Англичанъ, надъ чѣмъ-то усердно трудившихся,—надъ чѣмъ именно?—мѣшали разсмотрѣть разстояніе и деревья. Любопытство одолѣло и я пустился къ нимъ на прямикъ, спускаясь со скалъ – безъ дороги. Добираюсь. Человѣкъ шесть молодыхъ англійскихъ офицеровъ, щегольски одѣтыхъ въ красные мундиры съ синими воротниками и золотымъ шитьемъ, и нѣсколько англійскихъ же солдатъ, съ чрезвычайными усиліями перебирались по шоссе, не только въ одномъ мѣстѣ совершенно заваленное глыбами обвалившагося на шоссе утеса, но частію обрушенное въ пропасть, тяжестью большаго обвала. Англичане кончили переправу, ихъ верховыя лошади и вьючные мулы были уже по сю сторону обвала, также какъ и изящная двуколка, которую они разобрали по частямъ и перенесли на себѣ черезъ груды обвала.

Пока я разсуждалъ съ офицерами о предстоявшихъ намъ трудностяхъ дальнѣйшаго пути, подъѣхалъ генералъ, и Англичане съ убѣжденіемъ замѣтили намъ, что мы не будемъ имѣть возможности перебраться черезъ обвалъ съ повозками. На это мы повторили: не возвращаться же намъ, и принялись осматривать предстоящее намъ препятствіе, чтобы обдумать, какъ одолѣть его. Разбирать повозки и переносить ихъ по частямъ не было никакой возможности, по ихъ тяжести и громоздкости; объѣхать обвалъ было негдѣ: скалы отвѣсною стѣной подымались, казалось, до облаковъ; направо была пропасть, слѣдовательно оставалось или воротиться съ дороги, или расчистить себѣ дальнѣйшій путь. Но легко сказать: расчистить! А какъ привесть въ исполненіе это рѣшеніе, когда обвалъ состоялъ изъ большихъ камней? Однако мы рѣшились на это трудное, но единственное средство продолжать путешествіе, и дружно принялись за работу. Она была очень оригинальна. Нашъ генералъ держалъ отложенныхъ лошадей, мы же, въ шестеромъ, дружно принимались за каждый лежавшій на нашемъ пути камень и, послѣ большихъ усилій, безъ всякихъ инструментовъ, даже безъ бревна, которое можно было бы употребить вмѣсто рычага, просто руками, сталкивали его съ дороги. Столкнутый камень летѣлъ по скату почти отвѣснаго берега, по направленію къ морю, съ воемъ и трескомъ уда-

рясь о встрѣчныя скалы, какъ резинный мячикъ отпрыгивая къ верху, снова падая съ ревомъ и гуломъ, тысячу разъ повтореннымъ горнымъ эхо, и несясь дальше, увлекая своимъ стремленіемъ цѣлые потоки другихъ камней. Не успѣвалъ долетѣть до крайней точки паденія этотъ каменный потокъ, какъ мы сбрасывали съ высоты слѣдующій камень и такъ далѣе, одинъ за другимъ. Послѣ часовой работы, мы успѣли таки образовать небольшой проходъ и видя, что недовѣрчивые Англичане стоятъ и смотрятъ на нашу работу съ той высоты, съ которой мы впервые ихъ замѣтили, мы рѣшились показать имъ поскорѣе, что Русскій человѣкъ не лишенъ предпріимчивости, и перевезли повозку на другую сторону завала, хотя при этомъ чуть-чуть не уронили ее въ пропасть и только благодаря отчаянной отвагѣ и богатырской силѣ нашихъ людей, которые удержавъ ее руками, рискуя полетѣть вмѣстѣ съ нею въ пропасть, не допустили ее до паденія. Затѣмъ, сбросивъ еще камня два, больше другихъ мѣшавшихъ ѣздѣ, мы стали переводить лошадей... Перевели одну... Мой денщикъ былъ съ другою лошадью на серединѣ пути черезъ завалъ, какъ вдругъ, по счастію взглянувъ вверхъ, вижу, съ высоты громадной стѣны, надъ нами возносящейся, прямо на насъ несется большой камень, съ такою же неописанною быстротою и каменною свитою, съ какою неслись сію минуту дальше, въ пропасть, сброшенные нами камни... Въ виду грозящаго бѣдствія, я успѣлъ однако какъ-то неистово крикнуть денщику: „впередъ Ѳедоръ!“—и тотъ, мгновенно повинуясь, рванулся впередъ, а камень пронесся такъ близко отъ лошади, которую онъ велъ, что хвостъ ея отбросило въ сторону и она сѣла на заднія ноги... Мгновеніе было ужасное, потому что сбрось несшійся камень лошадь, которую переводилъ Ѳедоръ, былъ бы увлеченъ ея паденіемъ и самъ Ѳедоръ!

Упавшая въ нѣсколькихъ шагахъ бомба, мѣсяцевъ шесть тому назадъ, не произвела бы на насъ такого впечатлѣнія, какъ этотъ пролетѣвшій посреди насъ камень! Это чувство понятно. Другое дѣло было погибнуть *тамъ*, исполняя свой долгъ, за дѣло чести и отчизны, другое—улетѣть здѣсь съ камнемъ въ пропасть, исполняя свою прихоть...

Но надо было торопиться, кончать однажды начатое дѣло.

Отступить передъ предстоявшею опасностью было недостойно насъ да и невозможно, а опасность, какъ нарочно, словно поддразнивая насъ, увеличивалась: *обвалъ сталъ продолжаться*, между тѣмъ какъ солнце видимо склонялось къ горизонту. Паденіе маленькаго даже камня было такъ опасно, что мы не рисковали продолжать работу, пока онъ не пронесется. По счастію, камни неслись все по одному направленію, такъ что мы, попросивъ генерала смотрѣть вверхъ и, слѣдя за полетомъ каждаго камня, предупреждать насъ, когда стремленіе его только еще начиналось, сами съ лихорадочною дѣятельностью принялись за работу. Переведя остальныхъ лошадей, мы принялись помогать нашимъ товарищамъ по путешествію. Повозка ихъ была гораздо тяжеле нашей, притомъ въ ней оказался порядочный боченокъ рому. Снять этотъ боченокъ невозможно; какже и на чемъ его

перетащить? Руками—невозможно!... Кое-что сбросивъ съ повозки, потащили ее черезъ перевалъ и едва достигли половины его, какъ генералъ закричалъ: „камень! камень!“ Мы бросились, кто впередъ, кто назадъ и прижались къ скалѣ; Греки поблѣднѣли, мысленно прощаясь со своимъ добромъ, т.-е. съ повозкою и боченкомъ рома, покинутыми посреди безобразныхъ каменныхъ глыбъ, на краю пропасти, подъ сокрушительнымъ каменнымъ дождемъ обвала, будто умилостивительная жертва горному духу! Но горный духъ, повидимому, хотѣлъ только попугать бѣдныхъ Грековъ, чтобы впредь не возили контрабанды по горнымъ дорогамъ: огромный камень, прыгая со скалы на скалу, ударился съ большимъ шумомъ о ближайшій къ намъ утесъ, составлявшій стѣну дороги, отскочилъ отъ него, описалъ дугу надъ повозкою и понесся дальше, къ морю... Въ восторгѣ мы бросились къ спасенной повозкѣ и дружно перехватили ее на нашу сторону обвала. Теперь мы всѣ были въ тоннелѣ, лежавшемъ не подалеку отъ обвала, и торопились запрягать лошадей, находясь внѣ всякой опасности и душевно радуясь, что только трудомъ и невольнымъ, усиленнымъ біеніемъ сердца отдѣлались отъ страшной опасности. Отдѣлались!... А кто знаетъ, что еще ждетъ насъ на дальнѣйшемъ пути! Не даромъ Англичане, наблюдавшіе нашу переправу черезъ завалъ, говорили, что дальнѣйшая, намъ предстоявшая дорога—ужасна. Но что Богъ дастъ. Проѣхавъ тоннель сажень въ 20 длины, мы съ восхищеніемъ любовались, какъ лучи заката покрыли пурпурными лоскутьями и недосягаемыя кручи утесовъ, и гребни темнозеленыхъ волнъ, и нѣкоторыя деревья, огненнымъ кружевомъ рисующіяся въ эѳирѣ, и нѣкоторыя облака, кровавыми клочьями разбросанныя то тамъ, то сямъ на синевѣ неба... Самого солнца не видно было за скалою обвала, сосѣдняго Байдарскимъ воротамъ, рѣзко обрисованнаго огненною пеленою горизонта, окаймленнаго клубами сизыхъ облаковъ, съ золотою по краямъ оторочкою...

Вечеретъ, а быстрѣе ѣхать нельзя: мы то подымаемся, то спускаемся и на всякомъ шагу то камень на дорогѣ, то шоссе обрушилось, то дерево осунулось на дорогу, занявъ половину своими корнями, и безпрестанно приходится слѣзать и отпрягать лошадей, и переводить ихъ подъ уздцы, черезъ опасныя мѣста.

Между тѣмъ картина смѣняла картину: что ни шагъ—представляется новая. Слѣдовало бы остановиться — смотрѣть и смотрѣть... Надвинулась ночь и, какъ нарочно, необыкновенно темная, хотя и холодная, безмолвіе которой едва нарушалось далекимъ ропотомъ неслышнаго доселѣ, гульливаго моря, да ропотомъ ручейка, перебѣгавшаго дорогу, прыгая тонкою струйкой съ утеса на утесъ. Шагъ за шагомъ, почти ощупью, пробираемся дальше подъ навѣсомъ черныхъ гигантовъ, конечно идя впереди лошадей, во избѣжаніе несчастія. Наконецъ, при одномъ поворотѣ дороги, близехонько впереди, показался огонекъ,—слава Богу, слава Богу!... Отдохнемъ. И воображеніе стало рисовать и покойный войлокъ, и ароматный чай, и тому подобное. Впередъ!... Ба: дорога круто повернула налѣво, а утѣши-

тельный огонекъ очутился правѣе насъ; еще минутъ пять ѣзды и огонекъ скрылся вмѣстѣ съ отлетѣвшими мечтами о чаѣ и войлокѣ... Еще десять минутъ ѣзды—огонекъ опять привѣтливо засверкалъ предъ нами въ томъ же, повидимому, разстояніи, въ какомъ онъ былъ отъ насъ, когда мы его увидѣли впервые... Что за причина? Не шутка ли это горнаго духа?!... Словомъ, мы еще болѣе часа тянулись по дорогѣ, пока огонекъ не приблизился къ намъ на самое близкое разстояніе, но тутъ опять мы встрѣтили препятствіе въ видѣ болотнаго ручья, преграждавшаго намъ путь; однако рѣшились добраться до огонька хотя бы и пѣшкомъ,—мы здѣсь оставили повозки и двинулись въ дальнѣйшій путь. Оказалось, что огонекъ былъ не на дорогѣ, а въ сторонѣ отъ ней,—въ саду. Мы перелѣзли черезъ заборъ и направились прямо на огонь, безъ дороги, черезъ живыя изгороди, кусты, виноградникъ. Мы пришли къ небольшому домику, изъ выбитыхъ оконъ котораго, заставленныхъ изнутри, мелькалъ огонекъ и неслись шумные голоса и громкія пѣсни.

Не зная кѣмъ и какъ мы будемъ встрѣчены въ ту позднюю пору, при томъ въ такое еще смутное время, въ лѣсной глуши, посреди трущобъ и скалъ, я, на всякій случай, отстегнулъ крышку пояснаго чехла револьвера прежде чѣмъ сталъ отыскивать входъ къ загадочному обществу.

Разломаннымъ крыльцомъ мы вошли въ полуосвѣщенную огнемъ камина большую комнату, заваленную какими-то обломками и обрывками, сѣдлами, вьюками и дорожными принадлежностями, съ спящими на нихъ двумя-тремя людьми. Крики неслись изъ сосѣдней комнаты. Отворяемъ: человѣкъ десять англійскихъ офицеровъ въ мундирахъ и безъ оныхъ, въ плащахъ, курткахъ, пальто, сидѣли и полулежали вокругъ огромной двери, положенной на двухъ бревнахъ, такимъ образомъ замѣняя собою столъ, заставленный бутылками (однѣ съ различными напитками, другія съ воткнутыми въ нихъ зажженными свѣчами), консервами, кувшинами, стаканами, тарелками и ящиками сигаръ. Происходила шумная оргія путеваго отдыха.

Увидѣвъ насъ, многіе изъ пировавшихъ вскочили и бросились къ намъ, радостно, будто старыхъ знакомыхъ, привѣтствуя насъ по-братски.

Англійскіе офицеры очень сообщительны въ дорогѣ и походѣ. Въ особенности послѣ заключенія мира они старались быть любезны съ нами, можетъ-быть желая изгладить изъ нашей памяти нѣкоторыя дѣйствія своихъ собратій на многихъ театрахъ войны прошедшей кампаніи, или стараясь расположить насъ къ себѣ, видя на всякомъ шагу, что мы оказываемъ Французамъ явное предпочтеніе.

Мы объяснились, прося гостепріимства.

Англичане отвѣчали, что мы здѣсь больше ихъ хозяева, и предложили намъ занять наиболѣе сохранившуюся комнату дома, въ которой они заставили разбитыя окна дверьми, и для постели предложили намъ дверь, теперь служащую столомъ, а между тѣмъ просили расположиться на мягкомъ войлокѣ и раздѣлить съ ними трапезу. Что до меня касается, я, по

старой солдатской привычкѣ, не отказался отъ двухъ послѣднихъ приглашеній и пропустилъ добрую чарку джину, не видя на столѣ ничего *солененькаго,* кромѣ надоѣвшихъ уже сардинокъ, вытащилъ изъ своей дорожной сумки кусокъ славнаго балыка и занялся имъ, пока не прибыли наши люди, а съ ними и самоваръ.

За чаемъ бесѣда наша оживилась. Англичане съ удовольствіемъ разсказывали о красотахъ южнаго берега, о благотворности заключенія мира, о надеждѣ скораго возвращенія въ отчизну, о геройствѣ защитниковъ Севастополя, о неувядаемой славѣ безпримѣрной защиты и т. д.

Въ большомъ кувшинѣ стоялъ эль; мы запили имъ походный ужинъ и улеглись измученные дорогою и впечатлѣніями, благодаря Провидѣніе и за свое спасеніе отъ опасности, и за посланный намъ спокойный пріютъ.

У подножія Мердвени.

Съ восходомъ солнца я побѣжалъ осмотрѣть окрестность. Она восхитительна. Гигантскія скалы громоздятся до небесъ, образуя отвѣсныя стѣны берега, пестрыя, разноцвѣтныя, какъ мраморъ, мѣстами одѣтыя мрачнымъ лѣсомъ, мѣстами повитыя туманами. Верхушки скалъ и утесовъ, верхушки деревьевъ и лоскутья снѣга лежавшаго въ горныхъ трещинахъ, ярко позлащены лучами восходящаго солнца, играющаго въ струяхъ не подалеку падающаго небольшаго каскада.

Обваловъ сонныя громады
Висятъ, какъ будто водопады,
Морозомъ схваченные вдругъ!...

Море спитъ. На его безпредѣльной поверхности лежатъ свѣтлыя полосы, будто безчисленныя дороги по всѣмъ направленіямъ. Морскую гладь едва замѣтно рябитъ мощное крыло водяной птицы, упавшей съ высоты. По отвѣснымъ почти скаламъ спускаются къ морю сады, виноградники, дачи. Повсюду какая-то упоительная тишина. — Бреду по вчерашнему своему пути...

За изворотомъ дороги храпятъ кони... И опять англичане! Они поятъ лошадей у небольшаго источника, фонтаномъ бьющаго изъ скалы въ водоемъ, близъ подножія знаменитой Мердвени, (по-татарски *мѣстница*).

Какъ живописна группа этихъ воиновъ — туристовъ, при такой грандіозной обстановкѣ! Ихъ пестрый полувоенный, полустатскій костюмъ, красные мундиры и пестрыя шаровары нѣкоторыхъ, темносиніе сюртуки другихъ съ контрпогончикомъ вмѣсто эполета, большія шитыя золотомъ короны и вензеля на околышѣ фуражки, покрытой отъ жару бѣлымъ чехломъ съ большими полями, лежащими на плечахъ, сабли у пояса, револьверъ въ одномъ чехлѣ, въ другомъ зрительная трубка или бинокль, форменный шарфъ чрезъ плечо, дорожная сумка черезъ другое, плащъ и одѣяло у сѣдла сзади,— двѣ саквы и двухствольное ружье спереди, палатки на вьючныхъ мулахъ и множество кожанныхъ мѣшковъ, футляровъ и ящиковъ со всякою всячи-

ною,—все такъ хорошо придуманное и ловко прилаженное,—все это составляетъ такое пестрое, изящное цѣлое, что право, картинѣ природы, намъ во всемъ блескѣ величія и красоты предстоящей, трудно было бы придумать болѣе оригинальное и красивое оживленіе. И не одинъ этотъ уголокъ оживленъ въ настоящее время бродящими караванами Джонъ-булей. Загляните вы теперь въ любую часть Крыма, вездѣ вы найдете англичанъ; города,—и говорить нечего—набиты ими; они достигаютъ верхомъ до Перекопа; многіе моремъ поѣхали въ Ѳеодосію и Керчь. Къ намъ на Мекензи знакомые англійскіе офицеры привозили своихъ женъ и сестеръ—отдохнуть на перепутьѣ:—они всѣмъ соборомъ изволили на коняхъ путешествовать въ Симферополь. Одна молоденькая хорошенькая амазонка была неутомимѣе мужчинъ. Возвращаясь изъ поѣздки, посѣтивъ Симферополь, Бахчисарай, Эни-Кале, она очень сожалѣла, что служба не позволила ея мужу сопровождать ее до Перекопа, а что она непремѣнно бы его посѣтила: Вотъ проявленіе — *весьма мучительнаго свойства* англичанъ и англичанокъ — *охоты къ перемѣнѣ мѣстъ!*

Не знаю, остался ли въ англійскомъ лагерѣ хоть одинъ офицеръ, который не совершилъ бы хоть небольшаго путешествія во внутренній Крымъ! Даже многіе солдаты пробирались пѣшкомъ гораздо дальше Симферополя.

Посредствомъ Мердвени сообщаются съ Байдарскою долиною. Длина лѣстницы болѣе полуверсты; взобраться по ней на крайнюю точку перевала не было времени. Существуетъ „Мердвень“ съ незапамятныхъ временъ, идетъ частію разщелиною утеса, между скалами, частію по скаламъ, будучи въ нихъ вырублена. По ней можно взобраться и верхомъ, конечно на доброй татарской лошадкѣ, но чаще пускаютъ лошадь впередъ, а сами влѣзаютъ за нею, держась за ея хвостъ. Такого же рода переходъ чрезъ Мердвень совершилъ и Пушкинъ. Вообще спускаться съ этой лѣстницы труднѣе и опаснѣе, чѣмъ по ней подниматься.

Возвратясь въ свой полуразрушенный пріютъ, я нашелъ, что онъ былъ нѣкогда земнымъ раемъ.

Представьте прекрасной архитектуры сельскій домикъ въ саду миндальныхъ, абрикосовыхъ и тому подобныхъ, деревъ, весь съ верху до низу, со всѣхъ сторонъ обвитый плющемъ. Чудесно! Всѣ службы и постройки скрыты живою изгородью. Садъ, окружавшій домикъ со всѣхъ сторонъ, заканчивался виноградникомъ, который сбѣгая къ морю, скрывался за утесами. Въ домикѣ, отдѣланномъ внутри съ большимъ вкусомъ, просто и мило, всюду были видны слѣды опустошенія. Орѣховыя двери частію сожжены, частію полуизрублены; обломками ихъ заставлены окна. Паркетные полы, рѣзныя, оконныя рамы, все изломано, исковеркано, такъ что больно смотрѣть. Мѣдныя скобы, ручки выломаны: стекла ни одного.

Кто постарался привести въ такое состояніе это мирное жилище? Французы, англичане, наблюдательные и мародерскіе отряды которыхъ проникали сюда? Или наши казачки по своему обычаю и поговоркѣ: „не доставайся французамъ!“

Наши сотоварищи уѣзжали и, прощаясь, желали встрѣтиться съ нами въ Англіи. Мы провожали ихъ какъ старыхъ знакомыхъ.

„Что же, господа, вы не берете этого кокса и картофеля?“ Мѣшки съ тѣмъ и другимъ стояли у покинутаго камина.

— Это не наше.

„Чье же?“

— Какой-то благодѣтельный соотечественникъ нашъ, тоже вѣрно туристъ оставилъ здѣсь для проѣзжающихъ, какъ значится въ надписи углемъ надъ каминомъ. Посмотрите.

Мы дѣйствительно увидѣли надъ каминомъ лаконическую надпись, предлагающую путнику: коксъ и картофель. Но кому принадлежали эти продукты: предлагавшему ихъ туристу, или владѣльцу дачи — англійская надпись необъясняла.

Надо замѣтить, что по разсказу ѣхавшихъ съ нами грековъ, англичане нѣсколько разъ во время кампаніи спускались Мердвенью, и пускались въ близлежащія дачи на грабежъ. Ихъ нѣсколько разъ ловили тамъ по одиночкѣ наши аванпосты и партизанскіе отряды, бродившіе по близости этихъ мѣстъ.

Лѣность татаръ и разсчетъ здѣшнихъ поселенцевъ изобрѣли оригинальный способъ доставки лѣса на южный берегъ, съ высотъ, ограняющихъ Байдарскую долину. Возить по дорогѣ большія бревна строеваго лѣса стоило бы очень дорого, такъ вотъ какъ здѣсь доставляютъ лѣсъ: срубивъ дерево, притаскиваютъ его къ краю стремнины близъ Мердвеня, а иногда и на самую лѣстницу и сбрасываютъ съ высоты. Конечно дерево прыгая съ утеса на утесъ, какъ тѣ камни, что чрезъ наши головы летѣли вчера, дорогою очищается отъ сучьевъ хотя очень часто при *ловкихъ* ударахъ само разлетается въ куски, иногда же бревно достигаетъ подошвы утесовъ, почти цѣльное; его на мѣстѣ паденія обдѣлываютъ окончательно и перевозятъ куда нужно.

На дорогѣ.

Мы на высотѣ Бююкъ Исара.—Онъ надъ нами во всей своей необыкновенной картинности.

Сейчасъ проѣхали Кучукъ-Кой, гдѣ 17-го февраля 1786 года совершился обвалъ сосѣдней горы. Жители селенія, бывшаго на мѣстѣ, заваленномъ обваломъ—спаслись, потому что разрушеніе горы совершилось не внезапно. Гора разсыпалась до моря каменнымъ каскадомъ. Сѣрыя глыбы уже поросли травою и кустарникомъ. Мѣстами полупридавленныя камнями растутъ еще между ними изуродованныя деревья, упавшія вмѣстѣ съ камнями обвала. Человѣкъ забылъ уже о бѣдствіи его постигшемъ на этомъ самомъ мѣстѣ и на многихъ вновь образовавшихся каменныхъ островкахъ обвала прилѣпилъ свои сакли и хижины, свои муравейныя постройки и развелъ виноградники и сады. Но вообще картина обвала грозна, ужасна.

Вправо виднѣется *Симеисъ* съ *хрустальнымъ* дворцемъ С. И. Мальцева, первый представитель очаровательной природы южнаго берега, являющійся путнику, если онъ ѣдетъ отъ Байдарскихъ воротъ. Вилла эта говорятъ пострадала отъ англо-французскихъ мародеровъ. Тутъ приготовляется у Мальцева шампанское нарочито выписанными изъ Шампаньи винодѣлами, названное *Симеисъ*, по имени его имѣнія, и въ значительномъ количествѣ употребляемое у насъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Мысъ Симеисъ одна изъ самыхъ восхитительныхъ южно-бережныхъ мѣстностей. На всякомъ шагу открывается предъ нами новый видъ, новая картина. Но все еще кажется впереди будетъ лучше. Доселѣ все что-то очень дико, грубо. Отъ русской Италіи надо ожидать большаго. Доселѣ виды суровые, сѣверные: большія скалы, то голыя, то поросшія темнымъ лѣсомъ; картинныя дачи и прихотливой архитектуры дворцы едва различаешь; правда—грандіозно, но Италію воображаешь не такою.

Дорога убійственная: чуть не на каждомъ шагу завалы и обвалы. Конечно, когда путешествуешь на татарскомъ конѣ, препятствія эти—ни почемъ. До устройства шоссе княземъ Воронцовымъ, что совершилось очень недавно, здѣсь проѣзжали по такимъ тропинкамъ, что только мѣстный, татарскій конь могъ лѣпиться: часто одна половина путника висѣла надъ пропастью, тогда какъ другою онъ касался стѣнъ утесовъ. Карнизъ, по которому извивалась тропинка, иногда перехватывался трещиною или пропастью и конь свертывался и перескакивалъ черезъ преграду или осторожно переставлялъ черезъ нее по одной ногѣ. Случались такіе крутые спуски, что татарская лошадка складывала переднія ноги на крестъ, садилась на заднія и такимъ способомъ, сползала внизъ. Но тогда было дѣло другое; тогда зналъ что тебя ожидаетъ и путешествуя верхомъ могъ не бояться предстоявшихъ неудобствъ, а теперь мы, понадѣясь на шоссе, поѣхали въ повозкѣ, и такъ какъ двухлѣтняя кампанія привела шоссе, не ремонтированное во все время ея продолженія, въ ужасное положеніе, то намъ и предстояло встрѣтить на своемъ пути большія затрудненія.

Алупка.

Церковная колокольня и верхушка какого-то зданія, выглядывая изъ древесной чащи, показали намъ близость прославленной виллы князя М. С. Воронцова.

Налѣво высокія горы своимъ какъ бы отступленіемъ въ глубь материка и отлогостью холмистой подошвы доказываютъ, что первобытный видъ ихъ измѣненъ обвалами.

Туманъ покрываетъ гребень высотъ, сады и лѣса, разбросанные по отлогостямъ, взбираясь все выше и выше, окутываютъ крестъ, поставленный на ребрѣ разбитаго молніею утеса, на вершинѣ скалы Св. Петра (Ай-Петри), возвышающейся на 578 саженъ надъ уровнемъ моря.

Балаклавецъ здѣшняго караула указалъ намъ гостиницу „*Два кипа-*

риса". У подъѣзда этой гостиницы, дѣйствительно, ростутъ два небольшіе кипариса. Кто-то печатно увѣрялъ, что эти кипарисы посажены Потемкинымъ во время путешествія Екатерины Великой. Совершенно несправедливо: кипарисы посаженные княземъ Тавриды указываютъ на дворѣ, противу самаго дворца. И дѣйствительно эти два кипариса, рядомъ растущіе, огромнѣйшіе въ Алупкѣ, очень могутъ быть первыми въ Крыму по времени насажденія.

Одинъ изъ нихъ достигъ чуть ли не 60 футовъ, другой — немногимъ меньше.

Чистая, прекрасная гостиница въ зданіи изящной архитектуры, съ террасою въ Воронцовскій садъ. Только то неудобство въ этой гостиницѣ, что лошадей и повозокъ негдѣ поставить и мы поневолѣ ихъ, бѣдныхъ, пристроили подъ солнцемъ, на площадкѣ у параднаго крыльца гостиницы. Очень приличные №№ для пріѣзжающихъ, съ отличными гравюрами по стѣнамъ; общая зала съ мягкими диванами, цвѣтами въ жардиньеркахъ, шкафомъ разныхъ изящныхъ вещицъ и литографированныхъ крымскихъ видовъ, охотно раскупаемыхъ туристами, на память объ Алупкѣ и Крымѣ. Намъ подали очень порядочный обѣдъ, приготовленный, какъ сознался самъ хозяинъ-Французъ, по случаю большаго проѣзда Англичанъ,—и доброе Воронцовское вино, которое здѣсь, замѣтимъ кстати, дороже московскаго! И дѣйствительно, немного погодя, въ общій залъ набралось джентльменовъ человѣкъ 20, если не больше: одни ѣхали въ одну, другіе—въ другую сторону, но никто не миновалъ заманчивой гостиницы. Новыя лица появлялись безпрестанно. Хозяинъ уже примѣнился къ ихъ привычкамъ и по этому всѣ блюда были приготовлены въ англійскомъ вкусѣ.

Спутникъ мой пошелъ въ свою келью отдохнуть, а я побѣжалъ по-Алупкѣ.

Иду отъ гостиницы, по направленію къ воронцовскому дому, роскошнымъ паркомъ, гдѣ-то между деревьями шумитъ и реветъ каскадъ. Направляюсь на шумъ. На мою дорогу безпрестанно выбѣгаютъ мрачными толпами стрѣльчатые кипарисы, будто члены того страшнаго, тайнаго, судилища, которое собиралось, бывало, по ночамъ, въ маскахъ и длинныхъ черныхъ тогахъ, для произнесенія своихъ, неотразимыхъ приговоровъ надъ жертвами фанатизма былыхъ вѣковъ.

Направо, сквозь деревья, начинаетъ просвѣчиваться безпредѣльное море, какъ темный агатъ исписанное свѣтлыми полосами; налѣво природный водопадъ, украшенный искусствомъ. Что ни шагъ—какая-нибудь новая картина, мимо которой не можешь пройти не остановясь полюбоваться. Но вотъ—роща кипарисовъ и отъ ней, и къ ней—темная, готическая аллея тоже изъ кипарисовъ.

Прелестная картина, а громогласный концертъ соловьевъ напоминаетъ, что и на землѣ есть много прекраснаго, много такого, съ чѣмъ жаль разстаться! Къ кипарисной рощѣ примыкаетъ—лавровая. Съ умысломъ ли сдѣ-

лалъ такое поэтическое сочетаніе, кипариса съ лавромъ, владѣлецъ здѣшнихъ мѣстъ, не знаю, но на душу мою это сочетаніе символа славы и могильнаго мрака произвело смущающее впечатлѣніе. Эти лавры съ кипарисами воскресили въ моей памяти наше недавно минувшее и тутъ почему-то мнѣ вдругъ пришли на память всѣ друзья мои, скошенные на жатвѣ Севастопольской, съ которыми мы, такъ недавно, полные надеждъ и увлеченій, съ такимъ восторгомъ стремились въ этотъ край. А теперь, едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и много ли насъ осталось въ живыхъ?! Большинство ихъ спитъ, получивъ въ удѣлъ лавръ славы и могильный кипарисъ!... Въ память о нихъ, я сорвалъ здѣсь вѣтку лавра и вѣтку кипариса, давъ себѣ слово хранить ихъ всю жизнь мою въ видимое воспоминаніе о погибшихъ друзьяхъ и товарищахъ моей юности *).

Но вотъ дорожка увлекаетъ меня все впередъ и впередъ къ морскому берегу, и вдругъ передо мною замокъ какой-то необыкновенной архитектуры. Онъ стоитъ на террасѣ, саженъ на 50, если не больше, выше морскаго уровня, весь въ цвѣтахъ, лаврахъ, розахъ, со множествомъ башенокъ, бойницъ, со стрѣльчатыми окнами, будто соединенный съ моремъ бѣломраморною лѣстницею, съ мраморными статуями, группами и вазами на площадкахъ въ густыхъ купахъ померанцевъ, лавровъ, магнолій, рододендроновъ, мимозъ и всевозможныхъ деревьевъ и растеній южнаго края.

Зеленый діоритовый, величественный, необыкновенный Воронцовскій замокъ, кажется девятымъ валомъ бурнаго моря, взбѣжавшимъ на берегъ и вдругъ окаменѣвшимъ...

Поднимаюсь по ступенямъ и между клумбами роскошнѣйшихъ цвѣтовъ обхожу дворецъ со всѣхъ сторонъ.

Стѣны дворца, мѣстами, до самой крыши покрыты вьющимися розами и плющемъ. Сквозной проходъ между двумя частями зданія составляетъ аллея померанцовыхъ деревьевъ въ полномъ цвѣту, а самыя стѣны зданій, образующихъ этотъ проходъ, до кровли также покрыты вьющимися розами всѣхъ цвѣтовъ; обѣ же части зданія, будто пестрою лентою, связаны перекинутою черезъ проходъ висячею галлереею, обвитою тропическими растеніями въ полномъ цвѣту.

Проходъ этотъ красоты невообразимой!

Черезъ дворъ, на которомъ, противъ подъѣзда, красуются вышеупомянутые Потемкинскіе кипарисы, идетъ Ялтинское шоссе, раздѣляющее Алупкинскую дачу на двѣ части: на нижній и верхній садъ.

Не входя въ верхній садъ, мимо знаменитыхъ кипарисовъ, мимо множества цвѣтовъ, бесѣдокъ и разныхъ чудесъ садоваго искусства, воротами въ видѣ арки изъ зелени и цвѣтовъ, садами и переходами, опять возвращаемся къ фасаду дворца и отъ великолѣпной ниши, составляющей входъ

*) Прошло послѣ этого вотъ уже 35 лѣтъ, а я еще твердо держу это слово: сорванныя вѣтки и теперь передо мною, вмѣстѣ съ живою памятью о тѣхъ, во чье имя онѣ сорваны. *Примѣчаніе* 1891 года.

въ волшебные чертоги Воронцова, ниши обставленной колоннами туземнаго порфира, съ арабскою надписью надъ входомъ, идетъ къ морю обширною террасою, выложенною крымскимъ порфиромъ со статуями, цвѣточными вазами и фонтанами по бокамъ.

Кажется, всякое описаніе открывшихся предо мною красотъ мѣстной природы будетъ слабо, блѣдно. Развѣ только кисть Айвазовскаго передастъ красоту и прелесть всего представившагося!...

Особенно живописный открылся намъ видъ съ плоской крыши замка. Тутъ я увидѣлъ значительную часть южнаго берега съ дачами разбросанными по немъ направо и налѣво, съ горами вѣнчанными снѣгомъ,—обломками и утесами, то голыми, различныхъ цвѣтовъ, то поросшими лѣсомъ, съ мысами, бухточками, садами, виноградниками, деревнями или, правильнѣе—хуторами, безпредѣльнымъ зеркаломъ моря и синевою дали.

На крышѣ, сдѣлавшейся нашею обсерваторіей, я прочелъ, что „замокъ этотъ сооруженъ В. И. Гантомъ, изъ Лондона, для Его Сіятельства князя М. С. Воронцова, въ 1852 году“.

Эти чертоги возведены изъ неполированнаго зеленаго гранита, *грюнштейна* (крымскій порфиръ), найденнаго неподалеку.

Спустившись съ террасы, я пошелъ по морскому берегу отдохнуть въ созерцаніи безъискусственной природы отъ впечатлѣній, произведенныхъ громадностью и величіемъ человѣческаго творчества. Но здѣсь, на всякомъ шагу, природа въ такомъ тѣсномъ союзѣ съ искусствомъ, что затруднительно положить между ними границу. Сомнѣваешься и въ томъ, чтобы этотъ *зеленый* дворецъ былъ созданьемъ человѣка, сомнѣваешься и въ томъ, чтобы эти черныя скалы, такъ ярко обрисованныя на голубомъ фонѣ неба и темно-зеленомъ фонѣ моря, въ спокойной поверхности котораго они отразились, какъ-бы въ приставленномъ къ нимъ зеркалѣ, были поставлены здѣсь природою, а не человѣкомъ, и чтобы Татаринъ, безмятежно сидящій на одной изъ этихъ скалъ, будто съ приростею къ водѣ удочкою, занимался здѣсь своимъ обычнымъ дѣломъ, а не нарочно присланъ сидѣть здѣсь, чтобы оживить и дополнить собою необыкновенную картину, раскрытую предъ нами, какъ дополняютъ ее стада чаекъ надъ нами носящихся и безпрестанно падающихъ въ море,—французскій пароходъ, выходящій на всѣхъ парусахъ изъ синей дали, какъ дополняетъ ее мысъ Ай-Тодоръ, тамъ, налѣво, гордо врѣзавшійся далеко въ море...

А этотъ вѣчный рокотъ моря—ропотъ Нереиды, сливаясь съ разнообразнымъ щебетаньемъ птицъ, криками чаекъ, ревомъ неподалеку падающаго каскада,—этотъ постоянный шумъ въ окрестностяхъ дворца стоящій... Что это? Гармоническій ли то голосъ матери-природы, немолчный хвалебный ея гимнъ своему Творцу, или геніальное музыкальное произведеніе, постоянно здѣсь розыгрываемое, на диво человѣчеству, какимъ-то волшебнымъ оркестромъ, на какихъ-то нерукотворныхъ инструментахъ?...

Возвращаюсь. Повернулъ налѣво по едва замѣтной тропинкѣ. Скала

повисла горизонтально къ землѣ, образовавъ естественный гротъ, одною стороною обращенный къ морю и полузакрытый пятью гранитными колоннами, пространство между которыми забрано роскошнѣйшими южными деревьями, перевитыми плющемъ и дикимъ виноградомъ. Сквозь ихъ густую листву сквозитъ морская безпредѣльность, будто слившаяся съ безоблачнымъ небомъ, а тамъ, вдали, на неопредѣленномъ фонѣ этого сліянія несется пароходъ, здѣсь же у входа смотритъ на насъ во всѣ глаза, чудесной работы, мраморная голова Медузы—одинъ изъ образцовъ эллинскихъ древностей, во множествѣ разбросанныхъ по саду.

Однако, не довольствуясь этимъ бѣглымъ взглядомъ на красоты Алупки, я пошелъ съ генераломъ осматривать ее съ большею подробностію.

Въ Алупкѣ столько достойнаго вниманія, столько прекраснаго, что память не можетъ удержать всего видѣннаго. Алупку надо изучать: въ ней надо пожить, чтобы, говоря о ней, не упустить изъ виду чего-нибудь замѣчательнаго. Что до меня касается, то въ моей памяти вотъ что наиболѣе сохранилось.

Бахчисарайскій садъ, такъ названный въ честь Пушкина, потому что въ немъ устроенъ фонтанъ, совершенное подобіе воспѣтаго нашимъ поэтомъ, того фонтана, который во дворцѣ Гиреевъ доселѣ носитъ имя *Горестной Маріи* и осѣненъ луною надъ крестомъ:

Символъ конечно дерзновенный,
Незнанья жалкая вина!...»

Отлично отдѣланная рѣзнымъ деревомъ библіотека въ 14.000 томовъ съ бюстомъ барона Николаи. Въ столовой съ потолкомъ рѣзнаго дуба чудесная ваза крымскаго мрамора, пожалованная князю Государемъ Императоромъ 14 сентября 1837 года. Бюстъ князя, поднесенный ему его ростовскими крестьянами. Камины, фонтаны, полы крымскихъ мраморовъ. Замѣчательной красоты гостиная, хотя и не вполнѣ убранная, во всю ширину дома, съ бѣлымъ потолкомъ и голубыми стѣнами, вся покрытая лѣпными арабесками, съ дивными видами изъ оконъ одной стѣны на море, другой—на Яйльскіе утесы. Тутъ встрѣчается рѣдкое дерево, называемое *арбутусъ*—не знаю, какъ его величаютъ ботаники *),—растущее, какъ сказываютъ, собственно по величайшимъ скаламъ; кожа его вся темно-красная, гладкая, будто полированная, имѣетъ превосходный видъ; не говорю о множествѣ другихъ рѣдкихъ деревьевъ, на всякомъ шагу вамъ попадающихся; о цѣлыхъ рощахъ миндальныхъ, фиговыхъ, лавровыхъ деревьевъ, объ оливковой рощѣ, деревья которой уже даютъ фруктъ, изъ котораго добываютъ масло, о кипарисахъ, сребристыхъ кедрахъ, разныхъ породахъ сосны и ели, которыя составляютъ живописныя группы вмѣстѣ съ самыми рѣдкими кустовыми

*) Сумароковъ въ своихъ досугахъ Крымскаго судьи (Спб. 1805 года, стр. 201—202 ч. II) упоминаетъ объ этомъ деревѣ, называя его *негніючимъ*. Вотъ его слова: „негніючее дерево, здѣсь только растущее, имѣетъ на себѣ красную кору и сохраняетъ зелень чрезъ цѣлый годъ".

растеніями, деревьями: уксуснымъ, земляничнымъ, хлѣбнымъ, розовымъ, платанами, изъ которыхъ указываютъ одинъ посаженный собственноручно маршаломъ Мармономъ, герцогомъ Рагузскимъ. Всѣ эти чудеса растительнаго царства составляютъ восхитительную одежду верхняго и нижняго садовъ и вмѣстѣ со множествомъ кіосковъ, фонтановъ, статуй, прудиковъ, гротовъ, образуютъ достойную оболочку такой жемчужины, какова самая вилла князя Воронцова.

Съ различныхъ пунктовъ сада открывается прекрасный видъ на татарскую деревню, пріютившуюся въ оврагѣ, съ мечетью въ видѣ индійской пагоды, на зданія окружающія дворецъ Алупки, тонущія въ садахъ съ церковью въ видѣ греческаго Парѳенона; на плосковерхія татарскія сакли, лѣпящіяся по утесамъ и пропастямъ обвала.

Взбираясь все выше и выше, мы дошли до такъ называемаго здѣсь *кратера*. Камни нагромождены одинъ на другой. Картина мрачная, дикая, но я не согласенъ съ нашимъ провожатымъ, чтобы это дѣйствительно былъ *кратеръ* угасшаго вулкана: ни слѣдовъ изверженія, ни признаковъ лавы, ни другихъ какихъ-либо вулканическихъ остатковъ. Вѣроятно, это тоже обвалъ, случайно принявшій форму воронки.

Пора, однако, оставить волшебный замокъ. Сегодня намъ предстоитъ еще путь-дороженька,

У воротъ фонтанъ. На мраморной его одеждѣ изсѣчено изображеніе собаки, которая душитъ пойманную ею кошку. Фонтанъ названъ *Трильби*— по имени любимой собаки покойнаго Императора Александра I. Фонтанъ сооруженъ въ память подвига этой собаки. Покойный Императоръ изволилъ прогуливаться по садамъ Алупки съ княземъ Воронцовымъ. Дворца этого еще тогда конечно не было. Лихая Трильби, англичанка по происхожденію, увидала кошку, бросилась и на мѣстѣ, гдѣ теперь фонтанъ, мгновенно ее задушила.

Алупка удостоилась, какъ гласятъ надписи въ дворцѣ, посѣщенія покойныхъ Императоровъ: Александра I-го—17 мая 1818 года и 27 октября 1825 года и Николая I-го—10 сентября 1837 года.

Идя къ гостиницѣ, мы посѣтили и осмотрѣли старый дворецъ князя, подаренный имъ своему сыну. Чичероне нашъ показалъ портретъ королевы Викторіи, списанный съ нея когда она была еще молоденькою королевою-дѣвушкой, подаренный князю Воронцову въ бытность его въ Англіи. Этотъ портретъ былъ употребленъ княземъ въ настоящую кампанію такъ сказать въ качествѣ громоотвода. Князь приказалъ поставить его на почетномъ мѣстѣ, такъ чтобы онъ непремѣнно бросался въ глаза каждому при первомъ вступленіи въ чертоги алупкинскаго владѣльца. Мѣра эта оказалась весьма дѣйствительною. Англичане высадились въ Алупкѣ и пощадили ее, быть-можетъ удержанные въ границахъ столько же портретомъ своей королевы, сколько отличнымъ уваженіемъ, которымъ доселѣ князь пользуется въ Англіи. Какъ бы то ни было, но въ Алупкѣ набѣгъ Англичанъ не оставилъ обыч-

ныхъ въ подобныхъ случаяхъ слѣдовъ: взято изъ погребовъ нѣсколько вина, да казенный ялъ, на которомъ отправляла до кампаніи таможенную службу пограничная стража.

Не было у насъ времени спуститься къ берегу осмотрѣть небольшой изящный фортъ, нарочно построенный княземъ Воронцовымъ для помѣщенія десяти артиллерійскихъ орудій, пожалованныхъ ему покойнымъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, въ память паденія Варны, чему такъ много способствовалъ доблестный князь. Орудія эти увезены въ дальнія имѣнія князя, при приближеніи отяготѣвшей надъ Крымомъ бури. Орудія эти обыкновенно салютовали приходившимъ судамъ, отъ которыхъ Алупка получала отвѣтные салюты. Обыкновенное же назначеніе этихъ орудій было однимъ выстрѣломъ возвѣщать, ежедневно въ 5 часовъ пополудни, всѣмъ многочисленнымъ гостямъ гостепріимнаго князя, которые всегда, бывало, разбредутся по саду, по его окрестностямъ, по горамъ и лѣсамъ, что время сбираться къ столу, и другимъ выстрѣломъ, въ 6 часовъ, что садятся за столъ. Дворецъ князя наполненъ драгоцѣнностями и всевозможными рѣдкостями. Конечно, при началѣ Крымской кампаніи все почти вывезено изъ алупкинскаго дворца и оставлено только менѣе цѣнное и болѣе громоздкое; даже статуи, украшающія лѣстницу, ведущую къ дворцовой террасѣ отъ моря, доселѣ стоятъ задѣланныя въ ящики. Впрочемъ любопытные Англичане во время своего набѣга не утерпѣли, чтобы не раскупорить нѣкоторыхъ ящиковъ и не посмотрѣть заключенныхъ въ нихъ боговъ и богинь.

Мы зашли въ церковь; но не допросились отворить ее. То сказали, что священникъ спитъ, то—дома нѣтъ. И мы должны были удовольствоваться ея наружнымъ осмотромъ. Церковь, какъ я уже замѣтилъ выше, построена въ видѣ греческаго Парѳенона, окружена лавровымъ садомъ и цвѣтниками. Лавръ въ полномъ цвѣту.

Алтарь освѣщается однимъ окномъ, сдѣланнымъ въ видѣ большаго креста. Въ окнѣ желѣзная рѣшетка на подобіе виноградной вѣтки, съ листьями; на стеклахъ крестообразнаго окна нарисованы виноградные грозди. Это тѣмъ болѣе оригинально, что у церкви посаженъ дикій виноградъ, бѣгущій по стѣнѣ, чуть ли не до самой кровли, кругомъ алтарнаго окна.

Гаспра.

Наконецъ мы уѣхали изъ Алупки, необыкновенной длины виноградными аллеями, но долго еще рисовался передъ нами ея рыцарскій замокъ и зеленыя купы ея волшебныхъ садовъ. Миновавъ изящный столбъ съ гербомъ Воронцова на одной сторонѣ и гербомъ Нарышкина на другой, мы въѣхали въ Мисхоръ, прекрасное имѣніе Нарышкиной, урожденной Потемкиной, замѣчательное своими виноградниками и лавровыми рощами. Затѣмъ уже скоро достигли цѣли нашего сегодняшняго странствія—Гаспры, имѣнія наслѣдниковъ столь извѣстнаго князя Александра Николаевича Голицына, здѣсь скончавшагося, проведя на лонѣ матери-природы остатокъ дней своихъ.

Посреди большаго англійскаго сада, мы увидѣли готическій замокъ князя съ двумя башнями, обвитый цвѣтами буквально до самой крыши и обставленный дорогими деревьями.

Стемнѣло уже. Мы нашли здѣсь гостепріимство и прекрасный ужинъ у княжого управляющаго въ домѣ, имъ занимаемомъ.

Въ настоящее время домъ князя не занятъ. Его лучшія украшенія, изъ предосторожности, вывезены.

28 апрѣля. Урзуфъ.

Сегодня до восхода солнца я пошелъ на мысъ Ай-Тодоръ, казалось, въ двухъ шагахъ отсюда вдавшійся въ море. Иду, иду... Какъ бы не такъ! То спуститься надо въ трущобу, то опять взобраться между частыми кустарниками на высоту. Насилу добрался; но за то былъ вполнѣ вознагражденъ внезапно открывшеюся необыкновенною панорамой. Какъ хорошъ замокъ Алупки отсюда! Какъ живописны его сады, стоящіе надъ ними утесы, дивная перспектива убѣгающихъ отсюда горъ съ пестрою лентою южно-бережнаго карниза, омытаго гульливою волною и словно въ котлѣ кипящею у меня тутъ, подъ ногами! Какъ хороши слегка позлащенныя восходомъ солнца волны и выходящія изъ синевы далекія горы, образуя полукругъ около группы бѣлыхъ домиковъ Ялты и далѣе чернымъ медвѣдемъ лежащій Аю-Дагъ, и эти виллы и дачи, будто бѣгущія къ намъ на встрѣчу изъ темныхъ садовъ, чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ болѣе поражая взоръ своею нарядностію!

Роскошная дача Мещерскаго и Гаспра кажутся какъ на ладони.

Дорогою я набрелъ на остатки какихъ-то развалинъ: огромные камни, обломки.

Не было ли здѣсь храма во имя Св. Ѳеодора? Отъ чего бы мысу получить его имя? Должно же быть о причинѣ этого прозванья, нанесеннаго уже на карты 1318 года, какое-нибудь народное сказанье? Странно, какъ описатели Крыма доселѣ до него не доберутся! По словамъ Кеппена, видны слѣды сооруженій на Ай-Тодорскомъ мысу, остатки одного изъ ряда укрѣпленій, составлявшихъ оборонительную линію всей приморской страны, линіи по мнѣнію многихъ ученыхъ, сооруженной Греками въ 500-хъ годовъ по Р. Х., до начала владычества Генуэзцевъ надъ южнымъ берегомъ.

Дорога пошла очень порядочная. Мы быстро катились впередъ, а картины будто волшебствомъ смѣнялись одна другою. Едва мы проѣхали нѣкоторое разстояніе отъ Гаспры и едва она съ Алупкою совершенно задвинулись отъ насъ мысомъ Ай-Тодора, какъ дорога повернула круто къ сѣверу.

Ѣдемъ роскошною мѣстностью, на которой являются тысячи прекраснѣйшихъ видовъ. „Но,—какъ говорилъ Муравьевъ-Апостолъ,—чтобы описывать все, пришлось бы типографіи заказывать восклицательные знаки“...

Вотъ и осѣненная крестомъ, мрачно живописная скала Мегаби; вотъ и верхняя Оріанда, владѣніе Великой Княгини Елены Павловны. Дворецъ Ея Императорскаго Высочества какъ будто въ запустѣніи. Война вѣроятно причиною, что на его поддержаніе и украшеніе не обращено особаго вниманія. Все глухо и пусто. Аллеями вѣковыхъ деревьевъ, между скалъ и утесовъ, спускаемся къ Оріандѣ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Но не во снѣ ли видимъ эту необыкновенную картину! Что Алупка со всѣми ея дивами, что вся часть южнаго берега, по которой мы пробѣжали?! Это мѣсто южнаго берега—царица всѣхъ мѣстъ...

Предъ нами самой изящной архитектуры дворецъ изъ инкерманскаго камня на террасѣ, прилегающей къ морю склономъ, покрытымъ роскошнѣйшимъ англійскимъ паркомъ.

Надъ нами гигантскіе утесы, нѣкогда дикіе, мрачные, а теперь оживленные могучею рукою человѣка. Налѣво на одномъ утесѣ, какъ будто падающемъ, но выше всѣхъ поднимающемъ главу свою, увѣнчанную темнымъ боромъ, въ 1837 году изволила кушать чай Царственная Владѣтельница этого очаровательнаго края, при чемъ посадила лавръ въ память своего восхожденія на эту живописную высоту. Вотъ далѣе скала Мегаби съ золотымъ крестомъ; правѣе утесъ громадной высоты покрытъ бѣломраморнымъ сквознымъ павильономъ, къ которому со всѣхъ сторонъ бѣгутъ змѣйки желтыхъ дорожекъ. На самомъ мѣстѣ чертоговъ Оріанды были нѣкогда утесы; они уничтожены порохомъ. Дворецъ построенъ по плану архитектора Штакеншнейдера. Мы вошли въ царскіе чертоги.

Громадный стеклянный куполъ покрываетъ среднюю часть дворца. Въ 1854 году онъ сильно пострадалъ отъ бури: на половинѣ покойнаго Государя Императора сорвало часть крыши. Жители Оріанды трепетали, видя въ этомъ событіи грозный намекъ судьбы... Вскорѣ опасенія ихъ осуществились, когда отошелъ въ вѣчность Царственный Супругъ Высокой Владѣтельницы этого дивнаго уголка.

Мы пробѣгали дальше изъ палаты въ палату, изъ чертога сіявшаго поразительною роскошью въ другой, отличающійся сельскою простотой...

Боюсь все ли припомню? Записать на мѣстѣ, признаться, не успѣлъ.

Помпейская галлерея, вытканная, такъ сказать, изъ разноцвѣтныхъ крымскихъ мраморовъ; фонтанъ, окруженный живыми цвѣтами, всѣ подъ хрустальнымъ колпакомъ. Повсюду камины, вазы, украшенія, мелкія вещи, полы изъ крымскаго мрамора. Будуаръ, заставленный мебелью работы нашего Тура, купленною на Лондонской выставкѣ, розоваго дерева съ фарфоровыми украшеніями, замѣчательной живописи, русской работы. Изъ изящной мраморной ванны входъ въ павильонъ, одѣтый розами, плющомъ и виноградомъ, гдѣ два фонтана, во вкусѣ бахчисарайскихъ, бьютъ въ 14 раковинъ, обвитыхъ виноградомъ. Направо собственно виноградный садъ Ея Величества, съ бахчисарайскимъ же фонтаномъ. Далѣе висячая мраморная лѣстница. Изъ каждаго окна этого зала увидите новую картину, новый видъ, чарующій

взоры! Съ балкона, навѣсъ котораго поддерживаютъ восемь превосходныхъ цинковыхъ каріатидъ—подарокъ прусскаго короля, открывается видъ, которому едва ли есть подобный въ Имперіи: его образуетъ значительная часть южнаго берега, омытая моремъ. Что еще можно къ этому прибавить?...

Въ нижнемъ этажѣ искусственный гротъ. Всюду парки изъ молодаго туземнаго дуба и клена. Орѣховая лѣстница. Въ простомъ, скромномъ кабинетѣ Императрицы — большой, покрытый зеленымъ сукномъ столъ, на немъ большая простая чернильница, Ея любимая мебель, обитая зеленымъ сафьяномъ.

Но перечтешь ли все?

Мелкія украшенія увезены на всякій случай, но все-таки много еще прекраснаго осталось.

Враги не сдѣлали набѣга на Оріанду вѣроятно изъ рыцарской любезности, уважая долъ Царственной Владѣтельницы этого дивнаго уголка.

Выходя изъ дворца, въ которомъ мы осмотрѣли все, до его изразцовой кухни, отличающейся необыкновеннымъ щегольствомъ, до внутренняго двора, обставленнаго красными колоннами туземнаго мрамора, мы увидѣли направо домикъ Императора Александра I, принадлежавшій нѣкогда садовнику, впослѣдствіи удостоившійся принять въ свои стѣны Благословеннаго Государя, купившаго это имѣніе у графа Кушелева и задумавшаго построить здѣсь дворецъ, что однако же досталось привесть въ исполненіе Его Августѣйшему Наслѣднику, начавшему постройку Оріанды въ 1841 году, совершенно кончивъ ее не ранѣе 1852 года.

Толпы союзныхъ офицеровъ, преимущественно англійскихъ, ежедневно посѣщаютъ Оріанду. Въ записной книгѣ дворца, куда и мы, по заведенному порядку, должны были вписать свои имена и день посѣщенія дворца, внесено уже 240 фамилій иностранныхъ офицеровъ, посѣтившихъ Оріанду послѣ заключенія мира.

Уѣзжая изъ этихъ армидиныхъ садовъ, мы пробирались англійскимъ паркомъ, и дорогою полюбовались каскадомъ, который падая съ значительной высоты, въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ, образуетъ весьма красивый ландшафтъ.

Взобравшись на высоту, господствующую надъ Оріандою, мы проѣхали мимо домика Благословеннаго, сооруженнаго близъ звѣринца на мѣстѣ бывшей татарской сакли садовника; домикъ этотъ съ наружи и внутри отдѣланъ совершенно въ татарскомъ вкусѣ, но все-таки съ большою роскошью.

Къ Оріандѣ Государыни прилежитъ третья Оріанда — наслѣдниковъ графа Дибича Забалканскаго, пожалованная ему въ видѣ аренды покойнымъ Императоромъ Александромъ I.

Надо ли прибавлять, что эта часть южнаго берега не была оставлена безъ вниманія древними властителями сего края и что тутъ, какъ и на всѣхъ замѣчательныхъ пунктахъ южнаго берега, были укрѣпленія, составлявшія общую связь съ другими укрѣпленіями, направо и налѣво отъ него лежавшими.

Ужасная дорога, мѣстами совершенно обвалившаяся, измучила насъ до крайности. Первый переходъ мы совершили пѣшкомъ, пробираясь по узенькой дорожкѣ, и отправили повозки въ объѣздъ горою, по указанію казачьяго пикета. Тутъ мы встрѣтили новую толпу Англичанъ, также пѣшкомъ совершавшихъ путешествіе; они не знали что есть тропинка въ объѣздъ и потому оставили своихъ лошадей по ту сторону обвала, съ тѣмъ чтобы обойти весь южный берегъ пѣшкомъ и найти своихъ лошадей въ Симферополѣ. Англичане разсыпались въ благодарностяхъ, когда мы научили ихъ послать за лошадьми и велѣть провесть ихъ кругомъ обвала, верхомъ горы. Но не успѣли мы проѣхать еще версты двѣ, какъ новый обвалъ рѣшительно, казалось, полагалъ предѣлъ нашему странствію. Опять намъ на помощь явились караульные казаки и за добрую *„на водку“* втащили нашу повозку руками на отвѣсную скалу уцѣлѣвшей части карниза, а мы почти ползкомъ пробрались дальше едва замѣтною тропинкою, проложенною вѣроятно англійскими туристами. Что же касается до спутниковъ нашихъ— Грековъ съ ромомъ, они принуждены были остаться, не имѣя возможности подняться на такую высоту, и одинъ изъ нихъ отправился за помощью и средствами дальнѣйшаго пути къ товарищамъ, въ Ялту.

Дорога примѣтно понижается, сближаясь къ морю и пробираясь у подножія утесовъ Яйльскаго хребта, возвышающагося надъ уровнемъ моря на 1800 футовъ.

Отдохнувъ въ Левадіи, имѣніи графа Потоцкаго, мы торопились добраться до Ялты, живописно раскинувшейся предъ нами полукругомъ у пространной бухты, пріютясь къ громаднымъ вершинамъ, которыя будто нарочито отступили отъ моря, давъ мѣсто городу.

Въ Левадіи много прекраснаго, рѣдкаго и древняго. Самая вилла князя чрезвычайно живописной архитектуры, обвитая вьющимся розами до самой крыши и съ бахчисарайскимъ фонтаномъ на дворѣ при самомъ въѣздѣ въ тѣни кипарисовъ, лавровъ и разныхъ деревьевъ южнаго края.

Намъ показали прекрасную коллекцію различныхъ памятниковъ древняго ваянія и множество другихъ древностей, монетъ, камней, оружія, утвари и тому подобнаго, преимущественно собранныхъ здѣсь, въ Крыму.— Много изваяній древняго и новаго рѣзца разставлено въ приличныхъ мѣстахъ сада Левадіи.

Множество оригинальныхъ картинъ; драгоцѣнная мебель; роскошнѣйшее убранство и всюду цвѣты, плющи и розы; вазы, камины, полы, колонны, лѣстницы изумительной красоты и цвѣтовъ здѣшняго мрамора; всѣ возможныя затѣи; очаровательная мѣстность; густой сумракъ стариннаго сада, обдающаго васъ благовоніемъ множества рѣдкихъ цвѣтовъ; фонтаны; изящныя постройки; пруды; рокотъ близкаго моря,—все составляетъ цѣлое, съ которымъ трудно разстаться,

Мы не успѣли осмотрѣть библіотеки графа, хотя и заглянули въ ея обширныя залы. Дворецкій, насъ провожавшій, разсказалъ намъ, что они,

жители Левадіи, также очень побаивались Англичанъ во время кампаніи, особенно послѣ набѣга ихъ на Ялту, которую они таки порядочно напугали и пощипали.

Левадія, не забудемъ, отъ Ялты верстахъ въ 3-хъ въ 4-хъ, навѣрно сказать не могу,—поверстныхъ столбовъ не видать нигдѣ по южнобережскому шоссе,—словомъ, изъ Левадіи видна вся Ялта, со всѣмъ, что происходитъ на ея улицахъ.

По разсказамъ дворецкаго, одинъ почетный Англичанинъ, въ то время, какъ его товарищи распоряжались въ Ялтѣ, пріѣхалъ въ Левадію на двухъ арбахъ съ тремя Татарами, приказалъ подать себѣ вина и показать дворецъ.

„Мы не смѣли ослушаться, намъ было видно, что дѣлается въ Ялтѣ. Онъ проклятый напился, наѣлся и пошелъ осматривать дворецъ. При этомъ осмотрѣ онъ взялъ дорогую стеклянную посуду, бокалы, въ одной комнатѣ велѣлъ снять пунцовыя штофныя сторы; въ библіотекѣ выбралъ охапки двѣ лучшихъ книгъ; въ кабинетѣ—древности, какія понравились; нагрузилъ все на повозку, приказалъ кланяться графу и уѣхалъ“.

— Что же, ихъ только трое и было?

„Только трое“.

— Эхъ, братцы, какъ же вы ихъ не придушили? Право, спровадили бы ночью съ камнемъ на шеѣ въ море, и вся не долга.

„Помилуйте, отъ чего бы ихъ не прибрать, очень бы можно было прибрать, да господскаго же добра пожалѣлъ. Вѣдь товарищи этого проклятаго,—докторомъ онъ называлъ себя,—чай знали, куда онъ отправился и вдругъ слѣдъ бы его простылъ: вѣдь они бы догадались, вѣдь они камня у насъ не оставили бы на камнѣ, и насъ бы всѣхъ забрали. А такъ промолчали, вотъ и отвязались, благодаря Бога“.

Оставивъ за собою Левадію, одну изъ прекраснѣйшихъ виллъ южнаго берега, мы стали быстро спускаться къ Ялтѣ, которая вдругъ развернулась передъ нами во всей счастливой своей картинности.

Бухта совершенно открыта юговосточнымъ вѣтрамъ, а потому опасна, хотя рейдъ удобенъ для якорной стоянки, имѣя хорошій грунтъ; она обрамлена каменными домами незатѣйливой архитектуры, съ безпорядочною группою татарскихъ сакль. На высшей точкѣ города прекрасной готической архитектуры храмъ во имя Св. Іоанна Предтечи, построенный въ настоящемъ видѣ въ 1837 году на мѣстѣ развалинъ древняго храма во имя того же Святаго. Храмъ этотъ памятенъ военному человѣку тѣмъ, что въ стѣнахъ его погибъ небольшой отрядъ нашихъ войскъ, во время Румянцовской войны съ Турками. Ялту занималъ нашъ небольшой гарнизонъ. Турки тайно высадились въ Алупкѣ и въ ту же ночь внезапно напали на Ялту. Гарнизонъ однако успѣлъ запереться въ церковь и началъ геройски отбиваться. Тогда Турки предложили капитуляцію. Наши, не подозрѣвая вѣроломства и не видя другой возможности спастись, сдались на честное слово—и были перерѣзаны.

Церковь построена на холмѣ, вершина котораго покрыта чудесными южными деревьями и пирамидальными тополями, такъ гармонирующими съ готическимъ стилемъ храма. Съ холма дивные виды и можно отличить мѣсто видѣннаго нами съ дороги извѣстнаго водопада Учанъ-су *), отличающагося какъ необыкновенною картинностію, такъ и значительною высотой паденія— онъ исчезаетъ въ пропасти. Мы не могли, по недостатку времени, посѣтить его, а потому не могли на мѣстѣ повѣрить, кто изъ его описателей сказалъ о немъ правду: Сумароковъ ли въ своемъ описаніи путешествія Императрицы Екатерины II, дающій ему 150 саженъ паденія, или извѣстный путешественникъ Монтадонъ, увѣряющій въ своемъ „Guide du Voyageur en Crimée“ (p. 272), что Учанъ-су падаетъ съ высоты только 50 футовъ!...

Церковь очень не изящно росписана внутри.

22 сентября 1854 года, сдѣлавъ наѣздъ на Ялту, Англичане посѣтили церковь и, вслѣдствіе этого посѣщенія, у церковныхъ дверей доселѣ показываютъ путешественнику двѣ прибитыя для сбора подаянія кружки, одна въ пользу сирыхъ и убогихъ, другая въ пользу заключенныхъ: у обѣихъ оторваны замки, изъ обѣихъ были похищены деньги.

Кружки эти будутъ однимъ изъ достовѣрнѣйшихъ памятниковъ пребыванія Англичанъ въ Крыму, подобно взорваннымъ докамъ Севастополя, подобно граниту его набережныхъ, подобно памятникамъ его кладбищъ, увезеннымъ въ Англію, подобно разграбленной Керчи, сожженнымъ рыболовнымъ притонамъ и торговымъ пунктамъ. Одни говорятъ, что сломаны замки и похищены деньги изъ кружекъ церковныхъ собственно Англичанами; другіе положительно утверждаютъ, что подвигъ этотъ совершенъ нашими Татарами, союзниками Англичанъ,—Татарами, которые были главными дѣйствующими лицами во всѣхъ безпорядкахъ, если таковые произошли въ Ялтѣ.

Стоя на берегу зеркальной бухты и любуясь живописною мѣстностію, несмотря на сильный запахъ гніющей рыбы, выбрасываемой волнами, подобный запаху положенной въ воду конопли, мы разговорились съ какимъ-то весьма привѣтливымъ господиномъ, какъ оказалось впослѣдствіи, управляющимъ здѣшнею карантиною заставою. Мы воспользовались его обязательнымъ гостепріимствомъ, которое тѣмъ болѣе было намъ дорого, что въ единственной гостиницѣ города мы не могли бы остановиться, еслибъ и хотѣли: она была наполнена Англичанами.

Смѣшно даже, право, какъ ярко обрисовывается врожденная страсть Англичанъ къ путешествію: вѣдь ни одного доселѣ мы не встрѣтили Француза, а Англичане попадаются на всякомъ шагу.

Гостепріимный хозяинъ угостилъ насъ прекраснымъ обѣдомъ, матеріалами для котораго исключительно послужили мѣстныя произведенія; между

*) Въ названіи водопада мы послѣдуемъ Кеппену, какъ достовѣрнѣйшему изъ описателей Крыма (Крымскій Сборникъ. С.П.-б. 1837, стр. 187 и примѣч. 283). Монтадонъ, Сумароковъ и записки цѣлой толпы описателей и компилаторовъ называютъ этотъ водопадъ Акаръ-су.

ними особенное наше вниманіе обратила необыкновенно пріятнымъ вкусомъ небольшая здѣшняя рыбка — султанка, а также жирная кефаль и камбала (эти послѣднія рыбы подаются жареными). Старый сотернъ собственнаго сада очень крѣпокъ, а туземное шампанское прекрасно по букету и вкусу.

Поразговорились мы съ почтеннымъ хозяиномъ своимъ объ его маленькой Ялтѣ, упоминаемой уже въ 12 столѣтіи нубійскимъ географомъ Идрисси подъ именемъ Джелиты *). Тутъ мы узнали, что этотъ городокъ очень бѣденъ, торгуя единственно известью, да занимаясь ловлею кефали и камбалы; что онъ было оживился открытіемъ близъ него богатыхъ мраморныхъ ломокъ на городской землѣ, а равно тѣмъ, что пароходы, привозящіе пассажировъ на южный берегъ, приставали къ нему и здѣсь забирали всѣхъ уѣзжающихъ съ южнаго берега, но по случаю кампаніи ломка мрамора остановилась и пароходы прекратили свои рейсы.

Отъ Ялты мы стали подыматься въ гору и въ гору, мимо роскошной Массандры князя Воронцова, которую бывшая владѣтельница ея графиня Потоцкая хотѣла превратить въ городъ, заранѣе давъ ей имя *Софіополя*.

Въ Массандрѣ церковь замѣчательной красоты построена на развалинахъ древняго монастыря, въ подвалѣ котораго показываютъ источникъ свѣжей воды.

Мимо дачи Ермолова, мимо Ай-Василя, посреди садовъ и виноградниковъ, извилистою дорогою, будто дѣлая продолжительную прогулку по громадному англійскому парку, мы достигли обширнѣйшаго изъ здѣшнихъ садовъ—Императорскаго Никитскаго сада.

Подъѣхали къ нему посреди систематически расположенныхъ и прекрасно содержимымъ казенныхъ виноградниковъ, въ которыхъ для опыта разсажено болѣе 800 сортовъ винограда.

Тѣнистый садъ раскинутъ на шестидесяти десятинахъ земли, амфитеатромъ къ морю, по горному скату. Садъ опоясанъ вѣковыми аллеями. Видовъ особенно живописныхъ онъ не представляетъ. Послѣ Алупки, Левадіи, Оріанды онъ кажется скученъ и однообразенъ до чрезвычайности?...

Впрочемъ это удѣлъ всѣхъ ботаническихъ садовъ, а Никитскій садъ надо назвать ботаническимъ, потому что въ немъ, на открытомъ воздухѣ, съ цѣлью акклиматизаціи, культивируютъ всевозможныя деревья южной Европы и многія американскія, тогда какъ оранжереи этого сада наполнены рѣдкими растеніями. Къ Никитскому же саду принадлежитъ устроенное на землѣ Магарачскаго урочища училище садоводства и винодѣлія и большихъ размѣровъ питомникъ для разведенія разныхъ сортовъ винограда.

Учрежденіе Никитскаго сада въ 1811 году принесло уже благотворные плоды и введеніемъ новой системы обработки виноградниковъ, оказавшейся весьма полезною снабженіемъ различныхъ породъ лозами заводящихъ

*) По мнѣнію Тунмана, съ которымъ согласенъ Кеппенъ, въ Крымскомъ Сборникѣ, стр. 182.

виноградники, вначалѣ безденежно, а впослѣдствіи за умѣренную плату, а именно: плантаторамъ Южнаго берега по 5 р. ассигнаціями за 1000 штукъ, а всѣмъ прочимъ по 10 р. ассигнаціями за тысячу. Съ 1846 по 1853 годъ включительно, по распоряженію князя Воронцова, изъ Магарачской дачи отпущено лозъ въ Кавказскій и Закавказскій край, для станицъ Черноморскаго войска на Лабу, въ Бессарабію, Одессу, Аккерманъ и Кишиневъ— 650.500 штукъ *).

Управляющій Никитскимъ садомъ, Николай Ангорнъ фонъ-Гартвигъ, старый артиллеристъ, принялъ насъ очень привѣтливо и показалъ намъ все, что было въ саду замѣчательнаго, при чемъ, въ особенности, мы любовались разнообразнымъ, здѣсь разводимымъ виноградомъ. Дѣйствительно, подборъ сортовъ винограда Никитскаго сада одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ Европѣ. Пользуясь вниманіемъ просвѣщеннѣйшихъ винодѣловъ Европы, Никитскій садъ получилъ для опытовъ разведенія множество лозъ самымъ разнообразныхъ породъ—изъ Греціи, Италіи, Франціи, Испаніи, Венгріи, съ острова Мадеры и съ Рейна. Въ настоящее время въ его разсадникѣ имѣется виноградныхъ лозъ, сортовъ: бургонскихъ до 1800 кустовъ, бордосскихъ до 5000 кустовъ, опортскихъ до 1000, собственно краснаго винограда до 2000 кустовъ, рейнскихъ до 6000, французскихъ до 4000, испанскихъ до 4000, португальскихъ до 3000, венгерскихъ до 700, итальянскихъ и греческихъ до 1600, сортовъ изъ которыхъ добываются крѣпкія сладкія вина до 13000, наконецъ столовыхъ винъ до 6000 кустовъ винограда.

Никитскій садъ засѣянъ и заложенъ въ 1812 году, когда въ сердцѣ Россіи засѣвались другія сѣмена на кровавыхъ поляхъ бородинскихъ, на пепелищѣ московскомъ!

Подъ садъ заняты урочища Никиты и Могарача. Основаніе по Высочайшему повелѣнію положилъ тогдашній правитель Новороссійскаго края дюкъ де-Ришелье, назначивъ директоромъ этого заведенія извѣстнаго въ то время ботаника Стевена, подъ главнымъ надзоромъ ученаго Палласа.

Блуждая по извивамъ многочисленныхъ дорожекъ Никитскаго сада, мы на одной изъ его террасъ нашли ротонду и въ немъ подарокъ графа Румянцова—бюстъ Линнея, какъ изображеніе старѣйшаго изъ ботаниковъ.

Выпивъ превосходной мадеры у почтеннаго хозяина сада, добытой здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы отправились дальше, мимо вѣковаго лѣса, и такъ какъ замѣшкали въ Никитскомъ саду, то и не могли осмотрѣть извѣстнаго имѣнія князя Воронцова Ай-Даниль, прославленнаго шампанскимъ, которое въ огромномъ количествѣ употребляется во всѣхъ концахъ Россіи охотниками до шипучаго, у которыхъ не хватаетъ капиталовъ для частаго пріобрѣтенія настоящаго французскаго шампанскаго. Особенно огромный сбытъ этого вина былъ сдѣланъ нашими *добросовѣстными*

*) Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1856 г. „Винодѣліе въ Магарачѣ“.

торговцами подъ *шумокъ* въ Севастополѣ, на Сѣверной и въ Симферополѣ во время послѣдней кампаніи, гдѣ они продавали его въ невѣроятномъ количествѣ за настоящее шампанское по 6 руб. сер. за бутылку, или съ фальшивымъ этикетомъ или безъ всякаго, подсовывая его послѣ второй-третей бутылки настоящаго клико! Въ Ай-Данилѣ Воронцовъ развелъ всевозможные сорта виноградовъ и въ настоящее время на однихъ своихъ виноградникахъ считаетъ 200.000 кустовъ винограда.

Наконецъ мы спустились къ живописному Урзуфу, гдѣ въ обширномъ домѣ Фундуклея, построенномъ на морскомъ берегу, Стемпковскимъ, бывшимъ нѣкогда адъютантомъ дюка де-Ришелье, встрѣтили замѣчательное радушіе, гостепріимство и пріятное общество у управляющаго урзуфскимъ имѣніемъ.

29 апрѣля.

Маленькая бухточка, разбѣгающаяся у моихъ ногъ изумрудною волною, одѣта съ одной стороны узорчатыми извивами Фундуклеева сада, взбирающагося на нагорный берегъ по обѣимъ сторонамъ ползущей на гору дороги, по которой мы пріѣхали. Изъ зелени выглядываетъ большой домъ, съ кипарисами у входа, изъ числа величайшихъ во всемъ Крыму и, быть можетъ, одними изъ первыхъ по времени насажденія ихъ, ибо первый изъ извѣстныхъ владѣльцевъ Урзуфа, свѣтлѣйшій князь Таврическій, любилъ разводить это поэтическое дерево въ своихъ владѣніяхъ. Одинъ изъ этихъ-то кипарисовъ такъ понравился Пушкину, во время пребыванія его въ Урзуфѣ, что онъ ежедневно посѣщалъ его и, какъ самъ говоритъ, „*привязался къ нему чувствомъ похожимъ на дружество*“.

Слѣва бухту охраняетъ скала, облѣпленная татарскими домиками до самаго моря, въ которое окунулось ея основаніе. За этою скалою, закрывая собою небосводъ, стоитъ мысъ Аю-дагъ (древній Кріумпотонъ—Бараній Лобъ), далеко вдавшійся въ море, поразительно похожій на голову какого-то баснословной величины звѣря, пьющаго воду, тогда какъ туловище его—хребетъ Яйлы, которой онъ, видимо, служитъ продолженіемъ, подпираетъ собою небеса.

Древніе географы и путешественники говорили, что мореходецъ, плывя по Черному морю на высотѣ Аю-дага, видитъ въ одно время его, какъ крайную точку Европы и мысъ Караблисъ—въ Азіи *).

Любуясь рисовавшеюся передо мной картиною, вслушиваясь въ рокотъ морскаго прибоя, которому вторитъ шумъ мельницы, безъискусственно устроенной на горномъ ручьѣ, въ нѣсколькихъ отъ меня шагахъ впадающемъ въ море, какихъ думъ не набредетъ въ голову? Домечтаешься до того, что, такъ и кажется, вотъ-вотъ, сейчасъ, выйдетъ изъ набѣжавшей волны прозрачная Нереида и сядетъ на этотъ цвѣтистый камышъ, подъ сѣнію платановъ

*) Муравьевъ-Апостолъ. Путешествіе по Тавридѣ въ 1820-хъ годахъ. Спб. 1823.

и душистыхъ акацій, выжимая морскую пѣну изъ золотыхъ волосъ на свои дѣвственныя красоты.

Но поэтическое мечтаніе прерывается приглашеніемъ Татарина - прислужника пожаловать на закуску передъ отъѣздомъ. Послѣ душистаго кофе и душистаго масла бутебродовъ, мы сдѣлали честь предложенному намъ превосходному вину собственныхъ виноградниковъ нашего хозяина, сдѣлавшихъ погребъ Урзуфа однимъ изъ богатѣйшихъ на южномъ берегу какъ по количеству ими вырабатываемаго вина, такъ и по его отмѣнному качеству.

Алушта. 29 апрѣля.

Изъ Урзуфа дорога опять то взбирается на прибрежные утесы, то, спускаясь съ нихъ, проходитъ мимо множества дачъ и садовъ посреди разнообразнѣйшихъ картинъ, представляемыхъ моремъ, мысомъ Аю-дагъ и его окрестностями.

Дорога не идетъ по Аю-дагу, а отбѣгаетъ отъ него въ глубь полуострова и лѣпится по скатамъ второй горной гряды. До конечной точки Аю-дага, прекрасно видимой отъ Бююкъ-Лампада, кажется не болѣе десяти верстъ, а въ сущности до ней до 25 верстъ,—такъ мѣстность скрадываетъ разстояніе, обманывая взоръ.

Мысъ покрытъ крупнымъ лѣсомъ, и кустарникомъ и изрытъ пропастями; къ нему прилѣпилось нѣсколько деревушекъ; на немъ слѣды укрѣпленій, сложенныхъ изъ камня; нѣкогда здѣсь было три церкви, но теперь и слѣдовъ ихъ не осталось.

Живописная мѣстность, замѣчательная богатствомъ царствъ растительнаго и минеральнаго. Заборы сложены изъ цвѣтныхъ гранитовъ и мраморовъ,—кристаллы известковаго шпата горятъ брилліантами по шоссе, обмытые горными ручейками безпрестанно тонкой струей перебѣгающихъ дорогу; со скалы висятъ кусты какихъ-то пестрыхъ розъ — пурпуро-красныхъ съ бѣлымъ; вся дорога будто искусственна оторочена „угольком въ огнѣ“ въ полномъ цвѣту, пышнымъ царскимъ скипетромъ, дикими лиліями; миндаль— уже отцвѣлъ; страшной силы *плющъ*, обвивая вѣковыя деревья, душитъ ихъ въ своихъ докучныхъ объятіяхъ. Онъ то оплетаетъ вѣтвями, образуя изъ дерева какой-то громадный, уродливый клубокъ, то гнетъ его къ землѣ, ломаетъ его толстые сучья своею тяжестью, то тысячами густыхъ прядей спускается къ землѣ, развѣвается по вѣтру, хватается за сосѣднія деревья, перебрасывается на нихъ, оплетаетъ цѣлыя пространства, всему придавая какія то странныя формы, даже страшныя, ночью, при лунномъ освѣщеніи, когда ложатся длинныя тѣни подоблачныхъ утесовъ.

У одного изгиба дороги видимъ, стоитъ на обрывѣ молодой казакъ, въ боевой амуниціи, съ ружьемъ.

„Что ты здѣсь дѣлаешь, молодецъ?“

— На часахъ стою.

„Какой же тебѣ приказъ?“

— Смотрѣть, чтобы французъ къ берегу не подходилъ.

(Не забудьте: вѣрныхъ 8 или 10 верстъ отъ моря, по прямой линіи!)

„А если подойдетъ?“

— Подойдетъ—стрѣлять, товарищамъ давать знать.—

„Гдѣ же товарищи-то твои?“

— Пониже, въ караулкѣ.

„Такъ и всю кампанію вы здѣсь на часахъ простояли?“

— Никакъ нѣтъ: прежде еще одинъ казакъ повыше стоялъ, а одинъ здѣсь.

„Что же французъ подходилъ хоть разъ?“

— Не слыхать, чтобы подходилъ.

„Ну, а слышалъ, ты что замиренье уже сдѣлано?“

— Слышалъ-то слышалъ, а французу все подходить не позволяется здѣсь. Ступай прямо въ городъ, коли хочешь.

Сколько ни ѣдемъ, а огромный и мрачный Аю-дагъ все передъ нами. Представляются виды одинъ другаго картиннѣе. Вотъ и Бююкъ-Лампадъ, амфитеатромъ подымающійся по горному скату, дополняя собою картину невообразимой красоты.

Древняя Лампада (Лампасъ, Лампадосъ) извѣстенъ уже былъ лѣтъ за 200 до Р. Х. По догадкамъ нѣкоторыхъ онъ такъ названъ потому, что его огни ночью далеко виднѣлись морскому путнику. Въ настоящее время древняя Лампада принадлежитъ Татарамъ, живущимъ здѣсь очень бѣдно.

Пользуясь отдыхомъ моего утомленнаго спутника, мы пошли съ татариномъ, нашимъ хозяиномъ, бродить по селенію.

„Что это за гора, спрашиваемъ, показывая направо, врѣзалась въ море?“

— Аю-дагъ, баринъ.

„А та, лѣвая гора, будто сестра Аю-дагу, что такое?

— Кастель. На немъ есть Шорчикъ. Кругомъ горы идетъ крѣпость и стѣна въ двѣ сажени толщиною.

„Скажи пожалуйста, продолжаемъ допытывать, кто же у васъ нагромоздилъ здѣсь вездѣ такія прочныя постройки?“

— Въ народѣ говорятъ—Френчи. Воевали видишь тѣ, что жили на этой горѣ съ тѣми, что жили на той. Два года воевали, два года стрѣляли, одолѣть другъ друга не могли. Наконецъ Аюдагцы выдумали штуку. Въ одну ночь пришла беременная женщина къ Кастельскому Шорчику и начала плакать, кричать, просить чтобы ее впустили въ ворота неприступной крѣпости, увѣряя что ей пришла пора родить. Кастельцы сжалились и отворили ворота, въ которые тотчасъ ворвались скрытые Аюдагцы и овладѣли крѣпостью умертвивъ или плѣнивъ всѣхъ, кого тамъ застали, а Шорчикъ разорили.

„Скажите пожалуйста, спрашиваю своего путеводителя, зачѣмъ это вы строите плоскія крыши, а не вострыя?“ (А надо замѣтить что плоскія крыши домовъ, прилѣпленныхъ къ горѣ, даютъ деревнѣ видъ амфитеатра и съ взлетающими надъ ними минаретами представляютъ очень красивое цѣлое. Остроконечныя кровли нашихъ обыкновенныхъ жилищъ искажали бы видъ).

— Нельзя вострыя,—отвѣчалъ татаринъ.

„Почему?“

— Вѣтры большіе бываютъ здѣсь, сорветъ вострую крышу.

„Вотъ вздоръ какой! Мало ли горъ на свѣтѣ, а не только на нихъ, даже въ горныхъ ущельяхъ, гдѣ вѣтры бываютъ посильнѣе здѣшнихъ, дѣлаютъ же вострыя крыши на домахъ. Притомъ ваши плоскія крыши навѣрно текутъ?“

— Да, текутъ и, бываетъ, очень текутъ, особенно какъ съ горъ пойдетъ вода, повѣрьте, иногда черезъ саклю такъ и перекинетъ ручей: все унесетъ, что на крышѣ застанетъ! Ну, подумайте, какъ же тутъ крышѣ не течь! А убиваешь ее, убиваешь — проклятую, послѣ каждаго дождя, даже руки отмахаешь.

„Просто таки, лѣнивы вы, голубчики—на каждомъ шагу доказательство. Камню подъ руками тьма, а ни тротуаровъ, ни мостовыхъ, ни ступеней по бокамъ, горныхъ улицъ сдѣлать не можете!“

Если Богъ уродилъ татарину *орѣхи*—онъ цѣлый годъ, что называется, палецъ объ палецъ не ударитъ. Будетъ сидѣть въ саклѣ у огня, завернувшись въ тулупъ и трубочку покуривать, вотъ вся его работа. А тоже вѣдь недовольны, ничѣмъ не довольны... досадно имъ, что не они землями владѣютъ; а чтобы они сдѣлали съ этими землями, которыя пришли въ порядокъ съ тѣхъ поръ, какъ находятся въ рукахъ людей трудолюбивыхъ. Татары съ нетерпѣніемъ ждали побѣдъ союзниковъ и возстановленія крымскаго царства, имъ обѣщаннаго и заранѣе уже дѣлили землю нашихъ владѣльцевъ...

На дальнѣйшемъ пути, начавъ спускаться съ высотъ, по которымъ тянется дорога, вскорѣ мы увидѣли живописную долину древняго Алустона, замкнутую съ одной стороны грозною вершиною Чатырдага и противу него стоящею Демирджинскою Яйлою, а съ другой—безпредѣльнымъ моремъ.

Построенной Императоромъ Юстиніаномъ въ 500 годахъ по Р. Х. Алуштинскій замокъ, доселѣ сохранилъ свое очертаніе и три башни, обращенныя къ востоку, изъ которыхъ двѣ уже готовы превратиться въ груду развалинъ, а третья, подъ которую по приказанію князя Воронцова подведенъ каменный фундаментъ, держится прочно и твердо.

Алушта была крайнимъ пунктомъ нашего путешествія по южному берегу Крыма. Наша дорога шла у подошвы Чатырдага, въ спокойномъ величіи возносившаго къ небесамъ свою снѣговую вершину.

Видимая отовсюду при первыхъ шагахъ путника въ предѣлы Крыма,

вершина „Палатъ-Горы“ подымается надъ уровнемъ моря около 5.000 футовъ. Имѣя 12 верстъ въ окружности, Чатырдагъ долго считался громаднѣйшею изъ Таврическихъ горъ, но въ послѣднее время тригонометрическія измѣренія показали, что самой высокой точкой полуострова должно признать вершину Кашель-Айресъ—одной изъ горъ Яйлскаго Хребта.

Чаушанъ базаръ, станція на склонѣ Чатырдага.

Надвигались тучи. Мы боялись, что насъ застигнетъ непогода и мы, на своихъ измученныхъ лошадкахъ, не доберемся до Симферополя ко времени прибытія туда послѣдняго полка нашей дивизіи. Поэтому только мы и не остались ночевать въ Алуштѣ. Солнце было близко къ закату, когда мы стали взбираться на отроги Чатырдага, по подошвѣ котораго пролегало шоссе.

Алушта и море были чудесны! Абрисы бѣжавшаго вдаль южнаго берега сливались своею синевою съ позлащенною синевою моря и эта удивительная картина дополнялась дивными очертаніями Демирджинской Яйлы, вправо отъ насъ возносившей къ небесамъ свои причудливо прекрасныя формы. Но вотъ извивъ дороги и нависшія надъ землею тучи скрыли отъ насъ чудесную картину. Еще разъ—прощай южный берегъ, прощай море... Мы подымались выше и выше. Проѣхавъ сквозь тучу, промолки до костей и добрались до Кутузовскаго фонтана, такъ названнаго потому, что построенъ кѣмъ-то, близъ мѣста, гдѣ былъ раненъ Кутузовъ, пулею въ голову, въ стычкѣ съ турками, сдѣлавшими высадку въ Алуштѣ, въ 1777 году, вѣроятно въ намѣреніи ударить на Симферополь съ помощью Татаръ, всегда готовыхъ къ возстанію.

Фонтанъ, оставленный въ большомъ небреженіи, едва сочился, будучи забитъ камнями, а потому вода старалась найти себѣ другой выходъ и пробивалась въ скважины его одежды, конечно тѣмъ, мало-по-малу, разрушая ее. Въ водоемъ также были навалены камни. Мы съ генераломъ не могли остаться равнодушными къ такому состоянію памятника событія близкаго сердцу каждаго русскаго и потому, съ помощью нашихъ людей, собственными руками очистили и водометъ, и водоемъ. Сильнымъ ключемъ забила вода, будто радуясь своему освобожденію.

Далѣе мы потянулись еще медленнѣе, потому что дорога была грязна и дурна. Не доѣзжая двухъ верстъ до станціи, видимъ вправо, на пригоркѣ, обелискъ, поставленный на мѣстѣ, гдѣ изволилъ отдыхать Императоръ Александръ I, во время своей послѣдней поѣздки на южный берегъ. Тутъ въ 1824 году положено основаніе дороги отъ Симферополя до Алушты, оконченной только въ 1826 году. Дорогу ту, какъ гласитъ надпись на столбѣ, работалъ подполковникъ *Шипиловъ*, вторыми батальонами полковъ: Козловскаго и *Ношамбургскаго*. (?)

Пріѣхавъ на пустынную станцію Таушанъ-Базаръ (что значитъ, по татарски—*заячій рынокъ*), одиноко стоящую въ лѣсу, мы не нашли въ ней

ничего, кромѣ негостепріимной смотрительницы, очень грубо насъ принявшей, какъ ѣдущихъ *на своихъ* и безъ подорожной. Что дѣлать? Надо было кланяться и просить, а то хоть на дворѣ ночуй, между тѣмъ, какъ нарочно—ночь—зги не видать, дождь пошелъ какъ изъ ведра, — другого домика нигдѣ не видно.

Ни за деньги, ни изъ милости, мы не могли добыть сѣна нашимъ лошадкамъ. Пустить ихъ въ лѣсъ, на произволъ судьбы, какъ *радушно* предлагала хозяйка, мы не рѣшились и оставили ихъ голодать до свѣту, угостивъ каждую доброю порціей овса.

30 апрѣля.

Съ разсвѣтомъ я пошелъ полюбоваться живописнымъ ущельемъ и увидѣлъ у дороги искусно сдѣланную деревянную маленькую часовенку и въ ней, на полочкѣ, икону Божіей Матери „Взысканія погибающихъ“, а передъ ней—нѣсколько мѣдныхъ монетъ.

Какъ эти нѣсколько грошей, такъ самая икона и изящная часовенка, притаившаяся въ дикомъ ущельѣ—благочестивое и усердное солдатское приношеніе Святой Дѣвѣ, а именно всю почти кампанію стоявшаго здѣсь Конно-піонернаго дивизіона, наблюдавшаго за алуштинской дорогой.

4 мая. Аулъ Чокраклы-Шейхъ-Эли.

Многіе Татары изъ тѣхъ, что остались близъ Евпаторіи, обогатились на счетъ бѣжавшихъ своихъ сосѣдей, не успѣвшихъ захватить значительную часть своего имущества, особенно скота и хлѣба. Когда положено было конфисковать покинутое имущество бѣжавшихъ, оставшіеся Татары, люди, безъ сомнѣнія, продувные, присвоили себѣ бо́льшую часть этого скота и хлѣба. Усчитать ихъ не было возможности, а если и была возможность, то, вѣроятно, нашлись добрые люди, видѣвшіе свою выгоду въ томъ, чтобы не очень строго усчитывать Татаръ. Такимъ образомъ оставшіеся въ своихъ жилищахъ Татары по большей части обогатились. Поживились также и наши мужички, живущіе въ работникахъ на помѣщичьихъ хуторахъ, преимущественно Малороссіяне. Они стакнулись съ казаками и съ ними дѣлили добро. Казаки по свойственному имъ чутью, откапывали въ покинутыхъ Татарами аулахъ ямы съ хлѣбомъ, а нерѣдко и значительную часть движимаго имущества, которое хозяева, при отправленіи въ походъ, не могли захватить съ собою, да, вѣроятно, не очень объ этомъ и заботились; ибо были увѣрены, что отправляются изъ дому на короткое время, скоро воротятся на свое пепелище наслаждаться счастіемъ подъ благотворнымъ управленіемъ *единовѣрнаго правительства*. Казаки, отыскавъ ямы, что поцѣннѣе, брали себѣ, а зерно отправляли съ этими мужичками въ Симферополь, гдѣ зимою продавали его чуть не на вѣсъ золота! Такимъ образомъ и мужички эти, служа контрагентами казаковъ, обогатились.

„А пійшлы сюда голенькіе“, говорилъ мнѣ погонецъ, почтенный старикъ, запрягая свои четыре пары воловъ въ двѣ телѣги съ казеннымъ овсомъ. По разсказамъ этого почтеннаго старика, онъ всю зиму возилъ въ Севастополь на своихъ четырехъ парахъ то порохъ, то сухари; сынъ у него пошелъ на службу въ Севастополь, не воротился, и слуху о немъ нѣтъ,— неизвѣстно живъ ли, а самъ вотъ цѣлую войну въ дорогѣ, одни бабы дома.

„Что же, вы хорошія деньги за подводу получаете?“

— А якже...

„Сколько-же?“

— Кажутъ люди щои иде по пяти карбованьцевъ за четверть, на нашімъ продовольствіи, а мы получили одинъ разъ по два карбованьца, а другій разъ—по поутора...

„Ты же самъ откуда?“

— Съ Козеярскаго уѣзда.

„Гдѣ это Козеярскій уѣздъ?“

— А вы, паночку, къ намъ идете; по вашему нашъ Кози-яръ—Мелитополемъ прозывается.

5 мая. Мечетлы—Китай.

Здѣсь очень много ящериць, и онѣ пользуются большимъ уваженіемъ; говорятъ, будто бы онѣ спасаютъ человѣка отъ укушенія змѣи: когда, видите, соннаго человѣка хочетъ укусить змѣя, ящерица пробѣжитъ по лицу спящаго, разбудитъ его прикосновеніемъ своего холоднаго тѣла, и тѣмъ спасетъ отъ укушенія ядовитаго животнаго.

6 мая. Въ 4-хъ верстахъ отъ Чонгарскаго моста.

Наконецъ мы разстались съ Крымомъ. Много онъ стоилъ намъ слезъ и крови, не тѣмъ будь помянутъ. Миръ ему, миръ тѣмъ, которые прошли за его черту объ руку съ нами, а теперь опочили въ его нѣдрахъ. Прощай Крымъ, послѣ отгремѣвшей брани сдѣлавшійся похожимъ на храмину, въ которой совершалась оргія—хмѣльные гости разошлись, и остались на мѣстѣ только поразительные слѣды ихъ пиршества!

8 мая. Аулъ Алмызъ-Аіачъ.

Какое высокое наслажденіе идти походомъ въ такое чудное время года по южному краю! Свѣжій благовонный воздухъ, безбрежная степь, покрытая изумруднымъ ковромъ, испещреннымъ всевозможными цвѣтами. Ѣдешь верхомъ, помахивая нагайкой; шибкимъ ходомъ идетъ привычный конь; взоръ тонетъ въ лазурной дали; мысль теряется въ безпредѣльности. Три, четыре часа похода—и веселый привалъ, рюмка доброй водки, кусокъ холоднаго мяса, стаканъ портера, купленнаго у Англичанъ, иногда часъ живительнаго сна; потомъ опять на конѣ, и опять блаженствуешь на лонѣ матери природы, одинъ съ своими думами о прошломъ, съ своими мечтами и

надеждами на будущее. Предъ тобою путь-дорога, надъ тобою вьются съ жалобнымъ пискомъ докучныя чайки, порою проносится коршунъ, на встрѣчу тянется обозъ за обозомъ... Въ какихъ-то радужныхъ покровахъ мелькаютъ и мелькаютъ милые образы, и манятъ, и вьются, и поютъ привѣтную пѣсню; въ туманѣ мечта обрисовываетъ живыя существа, кажется, видишь ихъ трепетныя руки къ тебѣ простертыя, кажется, чуствуешь на себѣ ихъ пламенное дыханіе... О, какъ сладостно возвращаться съ продолжительной войны и знать, что есть на бѣломъ свѣтѣ существа, которымъ дорого твое существованіе, которыя ждутъ тебя.

Конецъ.

Приложеніе I.

(Къ воспоминанію объ Инкерманскомъ сраженіи. Статья «25 октября»).

Николай Ивановичъ Васичъ.

Въ числѣ показанныхъ безъ вѣсти пропавшими въ сраженіи 24 октября 1854 года, на Инкерманскихъ высотахъ, былъ подпоручикъ Охотскаго Егерьскаго полка Николай Ивановичъ Васичъ.

Въ Охотскій полкъ Васичъ поступилъ 12 іюля 1853 изъ отставки, до выхода въ которую 7 марта 1853 года онъ служилъ, съ 16 апрѣля 1849 года унтеръ-офицеромъ и юнкеромъ въ Финляндскомъ линейномъ баталіонѣ № 5 и съ 6 октября 1851 года офицеромъ въ пѣхотномъ генералъ-адъютанта свѣтлѣйшаго князя Меньшикова полку.

Командуя цѣпью застрѣльщиковъ Селенгинскаго полка, Васичъ, съ саблей наголо, бросился на отступавшихъ Англичанъ, въ увлеченіи опередивъ своихъ стрѣлковъ. Онъ смѣшался съ толпой непріятеля, рубя направо и налѣво, ввиду нашихъ упалъ, пораженный нѣсколькими ударами, и въ сумятохѣ боя не былъ тотчасъ отбитъ нашими, не отыскавшими его ни живымъ, ни мертвымъ, когда мѣсто драки съ Англичанами осталось въ нашихъ рукахъ.

Молодой человѣкъ этотъ, 24 лѣтъ отъ роду, дворянинъ Тамбовской губерніи, получилъ нѣкоторое образованіе въ какомъ то частномъ провинціальномъ пансіонѣ и отличаясь прекраснымъ сердцемъ, безпредѣльною добротою и готовностью раздѣлить съ нуждающимся послѣднюю рубашку, въ короткое время своего пребыванія въ Охотскомъ полку успѣлъ заслужить дружбу и любовь своихъ товарищей, видѣвшихъ въ немъ натуру не совсѣмъ обыкновенную и восхищавшихся, за круговою чашей зелена вина, которою по несчастію не мало увлекался и Васичъ, его стихотворными произведеніями, нерѣдко представлявшими проблески поэтическаго дарованія.

Мнѣ досталось нѣсколько тетрадокъ стиховъ Васича отъ товарища, купившаго вмѣстѣ съ его походнымъ чемоданчикомъ связку его бумагъ, съ аукціона, при продажѣ его вещей послѣ его гибели. Нѣкоторыя изъ стихотвореній Васича, мнѣ показавшіяся лучшими, я, въ ноябрѣ того же года, послалъ Н. И. Гречу, прося напечатать выборку изъ нихъ въ „Сѣверной

Пчелѣ", но просьба моя исполнена не была и посланные стихи мнѣ не возвращены, поэтому я счелъ нѣкоторымъ долгомъ своимъ, напечатать здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ поэтическихъ произведеній принесшаго въ жертву отечеству жизнь свою нашего товарища и тѣмъ какъ бы поставить скромное надгробіе на его никому невѣдомой могилѣ.

Въ письмахъ *„къ другу"*, Васичъ описываетъ свои похожденія по выходѣ изъ школы,—возвратъ въ родительскій домъ въ деревнѣ,—свою юнкерскую службу, при чемъ такъ говоритъ о своемъ командирѣ:

3.

Смеркаться стало... и отрадно
На нашъ бивакъ спустилась тѣнь,
И вечеръ, тихій и прохладный,
Смѣнилъ палящій, знойный день,
Сигналъ ударили;—горнисты
Играютъ зорю, по полкамъ
Ракета, змѣйкою огнистой,
Взвилась къ далекимъ небесамъ...
И сердце стало биться чаще...
Когда утихъ дневной весь шумъ,
Тогда въ безбрежномъ морѣ думъ,
Купаться мнѣ бываетъ слаще...
Тогда дѣла минувшихъ дней
Встаютъ вновь въ памяти моей...
Но какъ хорошъ нашъ лагерь сонный,
Луны сіяньемъ озаренный!
Все спитъ, не спитъ лишь часовой,
И только кой-гдѣ отдаленный
Сигналъ послышится ночной,
Да лишь, порой, патруль сердито
Ворчитъ на сонныхъ часовыхъ...
Но, все замолкло... и открытый
Нашъ грозный лагерь снова тихъ,
И лишь въ палаткѣ генерала
Лампада тусклая мерцала,
Вокругъ себя бросая тѣнь.
Онъ былъ задумчивъ цѣлый день,
И мраченъ, пасмуренъ, какъ вечеръ.
Люблю его я строгій видъ;
Люблю смотрѣть какъ рѣзвый вѣтеръ
Его усами шевелитъ;

Люблю его я голосъ смѣлый,
Его осанку, быстрый взглядъ!—
Онъ въ битвахъ жизни посѣдѣлый,
Родной отецъ для всѣхъ солдатъ!

. . . . . .

О своемъ производствѣ въ офицеры и о тогдашнемъ домашнемъ бытѣ пѣхотныхъ армейскихъ офицеровъ, вотъ какъ отзывается Васичъ въ другихъ своихъ письмахъ „къ другу“.

5.

Поздравь меня — я офицеръ
И кавалеръ, еще въ добавокъ!
Вотъ мой блистательный карьеръ!
Вотъ царской милости задатокъ!...
И не возьму я цѣлый свѣтъ
За блескъ мишурныхъ эполетъ!
Я ихъ купилъ, мой другъ, терпѣньемъ,
Кровавымъ потомъ ихъ купилъ,
И двухъ годичнымъ униженьемъ
За этотъ блескъ я заплатилъ...

6.

Ты не повѣришь, что за скука
Стоять въ деревнѣ одному!
Вотъ гдѣ терпѣнія наука,
Арестъ и сердцу, и уму!
Въ такой угрюмой праздной долѣ
Что долженъ дѣлать, напримѣръ,
Теперь армейскій офицеръ?
Ему осталось, по неволѣ,
Отъ скуки, только лишь одно—
Его любимое вино!
Да, грустно, другъ мой, такъ жестоко
Дни юности своей губить,
Вдали отъ свѣта, одиноко,
Такъ безотрадно вѣкъ прожить!...

. . . . . .

Въ поэму, разсказывающую печальную кончину, во время Батыя, одного молодого русскаго боярина, погибшаго вслѣдствіе увлеченія прелестями татарки Айши, дочери наперсника Ханскаго Нулая, обязаннаго боярину спасеніемъ своей жизни въ какой-то битвѣ, вставлена слѣдующая пѣсня этой заволжской красавицы.

Говорятъ, что будто въ Меккѣ,
Ярче солнышко горитъ;
Не водой текутъ тамъ рѣки,
А медовою сытой!...
Говорятъ—но я не вѣрю...
Дивный взоръ твой, милый другъ,
Ярче мѣсяца блистаетъ
Ярче солнышка горитъ!...
Говорятъ, что той водою
Можно тѣло врачевать
И живительной струею
Можно душу услаждать!...
Говорятъ—но я не вѣрю...
Рѣчь отрадная твоя
Слаще меда и кумыса—
Льется въ душу, какъ струя!...
Говорятъ—тамъ мягче шолку
На лугахъ ростетъ трава,
И красивѣе алмаза
Круглый годъ цвѣтутъ цвѣты!...
Говорятъ—но я не вѣрю...
Кудри русыя твои
Мягче бархату и шолку
И душистѣе цвѣтковъ...

Вотъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній Васича.

Отставной солдатъ.

Большой дорогой, одиноко,
Солдатъ на родину спѣшилъ;
И вотъ, подъ горкой, не далеко
Село, гдѣ онъ, когда то, жилъ,
Онъ двадцать лѣтъ Царю и Богу,
Съ примѣрной вѣрностью, служилъ,
Извѣдалъ онъ войны тревогу
И въ битвахъ жизни не щадилъ.
Бывало, въ схваткѣ залихватской
Вездѣ онъ первый поспѣвалъ,
За то и грудь его—солдатскій
Святый Георгій украшалъ!
И вотъ, теперь, съ отставкой вольной
Домой служивый отпущенъ.

И онъ задумался, невольно,
О томъ, что дома встрѣтитъ онъ?
Оставилъ онъ: жену, два брата,
Отца, свою старуху мать...
Какъ сладко было-бъ для солдата
Теперь ихъ къ сердцу всѣхъ прижать!...
Но вотъ ужь близко... дымъ струится
Изъ сельскихъ хатъ... Сильнѣе въ немъ
Его, вдругъ, стало сердце биться
Когда завидѣлъ отчій домъ!...
И вотъ, солдатъ спѣшитъ скорѣе
Достигнуть крова своего...
Стучитъ онъ въ дверь... сильнѣй... сильнѣе...
А все не видно никого!...
Глядитъ вокругъ смущеннымъ взоромъ—
Все тихо, пусто на дворѣ...
Но вотъ старуха подъ заборомъ
Бредетъ, на утренней зарѣ,
Онъ къ ней: „скажи, старушка, вѣрно,
Хозяевъ здѣшнихъ дома нѣтъ?...“
—„Они всѣ померли, примѣрно
Тому назадъ пять, слишкомъ, лѣтъ“.—
. . . . . .
. . . . . .
Солдатъ вздохнулъ, и, по неволѣ,
Слеза скатилась на песокъ...
Что станетъ дѣлать онъ на волѣ,
Когда онъ сиръ и одинокъ?!—

Плутовка.

Разъ красавица чесала
Косу русую свою,
Лентой алой завивала
Эту пышную струю.
Черепаховой гребенкой
Расчесала, убрала
И лилейною рученкой
Изъ цвѣтовъ вѣнокъ сплела,
И надѣла на головку
Свой красивенькій вѣнокъ.
Посмотрите на плутовку—
Оперлась на локотокъ
И любуется собою

Въ свѣтломъ зеркалѣ она,
Какъ роскошною косою
Плутъ—головка убрана!
И красавица смѣялась
Въ свѣтломъ зеркалѣ предъ ней:
Тамъ наивно рисовалась
Тѣнь плутовочки моей!...

Мечъ и Лира.

Замолчи болтунья лира,
Достояніе пѣвцовъ;
Покорись владыкѣ міра
Мнѣ—святынѣ всѣхъ вѣковъ.
Все мое. Мнѣ нѣтъ препоны;
Я—вселенной властелинъ,—
Я—даю Царямъ законы,—
Я—ихъ грозный господинъ!
Все мое: земля и воды;
Все мое—и тронъ Царей;
Я—вожу въ цѣпяхъ народы;
Все—подъ властію моей!

—

Горделивый, мечъ булатный
Ты—ничтоженъ безъ меня.
Слушай: кто твой подвигъ ратный
Прославляетъ, какъ не я?
Безъ меня твоихъ дѣлъ слава
Такъ ничтожна, какъ и ты!
. . . . . .
. . . . . .

Поэтъ и Геній.

Поэтъ.

Здорово другъ, мой бывшій Геній,
Зачѣмъ вернулся ты ко мнѣ?

Геній.

Какой вопросъ! Наединѣ
Въ часы твоихъ отдохновеній
Хочу бесѣдовать съ тобой.
Ну, строй же лиру и рѣкой
Польется пѣснь...

Поэтъ.

Нѣтъ, милый геній,
Мой гость незванный, легкокрылый,
Лети скорѣй, лети сейчасъ!...
Скажу тебѣ, теперь у насъ
Съ тобою дружбы быть не можетъ:
Я устарѣлъ уже душой,
Мнѣ червь заботы сердце гложетъ;
Въ борьбѣ съ людскою суетой,
Въ чаду житейскихъ треволненій
Я позабылъ тебя, мой Геній!
Я разувѣрился во всемъ,
Что прежде льстило такъ надеждѣ.
Увы! И сердцемъ, и умомъ
Ужь не таковъ, какъ былъ я прежде!

—

На жертву рока посмотрѣвъ,
Вздохнулъ, осиротѣлый Геній,—
Взмахнулъ крыломъ и улетѣлъ,
Отъ насъ—питомецъ вдохновеній.

Кронштадтъ. 1851.

Еще нѣсколько словъ объ Инкерманскомъ дѣлѣ.

Вотъ какіе бываютъ выносливые люди. Въ дѣлѣ 24 октября, унтеръ-офицеръ Охотскаго Егерьскаго полка, 2 Егерьской роты, Степанъ Осиповъ, (Могилевской губерніи, на службѣ съ 1844), раненъ пулею въ шею, перевязался въ перевязочномъ пунктѣ, воротился къ своему мѣсту, во фронтъ, и отправился въ лазаретъ только послѣ окончанія дѣла. Выписавшись изъ госпиталя, прибылъ въ полкъ 14 февраля и на вопросы о здоровьѣ сталъ постоянно жаловаться, что все зубъ у него болитъ ужасно, особенно въ непогоду, причемъ у него стало пухнуть во рту. Долго Осиповъ переносилъ свои страданія, но, наконецъ, не вытерпѣлъ и пошелъ къ доктору съ просьбою: выдернуть зубъ—дескать: ни ѣсть, ни пить не даетъ!

„Который же зубъ“? спрашиваетъ докторъ. Осиповъ старается указать и не можетъ, тогда докторъ началъ ощупывать у него во рту.—„А это что у тебя такое“? спрашиваетъ докторъ, ощупавъ какую-то железу у него, съ правой стороны, подъ языкомъ.

— Не могу знать.

Докторъ разрѣзалъ железу, оказалось—въ ней пуля, которую Осиповъ носилъ съ Инкерманскаго сраженія.

Хорошо, значитъ, было семимѣсячное лѣченіе Осипова въ лазаретахъ и госпиталяхъ!!!

---

27 октября генералъ Павловъ представилъ корпусному командиру докладную записку слѣдующаго содержанія:

„Вслѣдствіе словесно переданнаго мнѣ повелѣнія Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, имѣю честь представить Вашему Высокопревосходительству, списокъ чиновъ ввѣренной мнѣ дивизіи, оказавшихъ въ бою 24 октября подвиги мужества и самоотверженія“.

Этотъ „списокъ“ заключалъ въ себѣ слѣдующее:

Въ пунктѣ 1-мъ было разсказано то, что нами приведено уже выше, относительно того какъ подпоручикъ Мольскій доложилъ капитану Кравченко, что онъ остается старшимъ офицеромъ въ полку и какъ онъ послѣ

мужественнаго отпора непріятеля вывелъ полкъ изъ дѣла и въ пунктѣ 2-мъ разсказанъ подвигъ унтеръ-офицеровъ Барабаша и Игнатьева (Осиповъ) спасенія знамени Охотскаго полка и затѣмъ:

3-е, фельдфебель 3-й Мушкатерской роты Якутскаго пѣхотн. полка Ѳома Ѳедотовъ во все время боя несъ знамя, несмотря на полученную имъ рану, пока не упалъ безъ чувствъ отъ потери крови.

4-е, рядовые 2-й Мушкатерской роты Якутскаго полка Чубаревъ и Гайваненко отъ ранъ упали безъ чувствъ на полѣ битвы; холодный, ночной воздухъ возвратилъ имъ сознаніе; по счастію они лежали рядомъ; сообразивъ, что поле сраженія нами оставлено, они добрались ползкомъ до Черной рѣчки, перешли ее въ бродъ, явились утромъ къ своему полку и остались во фронтѣ, не согласившись отправиться въ лазаретъ.

5-е, командиръ 2-й Мушкатерской роты штабсъ-капитанъ Скородумовъ, получивъ сильную контузію, упалъ, не имѣя силъ вести роту далѣе, тогда сперва, тяжело раненый прапорщикъ Трояновъ, а потомъ и унтеръ-офицеръ изъ дворянъ Вильчинскій, тоже впослѣдствіи тяжело раненый, вели роту впередъ, причемъ ротою этою заклепано два непріятельскія орудія.

Командиръ 10-й артиллерійской бригады полковникъ Загоскинъ, впослѣдствіи убитый въ Севастополѣ, доставилъ слѣдующія свѣдѣнія о подвигахъ своихъ подчиненныхъ въ Инкерманскомъ сраженіи: 1, старшій канониръ батарейной № 1 батареи Мина Борисовъ, вначалѣ дѣла былъ сильно раненъ въ голову осколкомъ гранаты, но до окончанія дѣла, не смотря на указаніе батарейнаго командира, не оставилъ своего поста и не пошелъ на перевязку.

2, когда легкая № 1 батарея была поставлена на позицію и начала уже дѣйствовать противъ непріятельской батареи, прикрытой густою цѣпью штуцерниковъ, наносившихъ ощутительный вредъ нашей батареѣ,—зарядный ящикъ батарейной № 2 батареи, у котораго ѣздовой былъ убитъ, вынесенъ испугавшимися лошадьми впередъ и остановился саженяхъ въ 70-ти отъ нашей батареи; тогда Юзефъ Чернявскій, не смотря на сильный штуцерный огонь, пошелъ за этимъ ящикомъ и привезъ его на батарею.

Тарутинскій и Бородинскій Егерьскіе полки, какъ выше было сказано, въ дѣлѣ 24 октября находились въ отрядѣ генерала Павлова и потому представленіе о наградахъ отличившихся въ этомъ дѣлѣ воинскихъ чиновъ должно было идти черезъ этого генерала. На этомъ основаніи начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи генералъ Кирьяковъ передалъ генералу Павлову представленія, сдѣланныя по командѣ, командирами названныхъ полковъ.

У меня сохранилось представленіе къ наградамъ чиновъ полка, сдѣланное командиромъ Бородинскаго Егерьскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка полковника Веревкина-Шелюты, тяжело раненаго въ этомъ дѣлѣ,—слѣдующаго содержанія.

„По приказанію Его Свѣтлости Господина Главнокомандующаго войсками 24 октября я, со ввѣреннымъ мнѣ полкомъ, дѣлалъ наступленіе на непріятельскія батареи. При наступленіи всѣ чины ввѣреннаго мнѣ полка, начиная отъ штабъ-офицеровъ и до солдатъ, не смотря на сильные картечные выстрѣлы съ непріятельскихъ батарей, неустрашимо и быстро придвинулись къ непріятельской батареѣ, наступили на оную и храбро вступили въ бой съ непріятелемъ. Прапорщикъ Маховъ, вбѣжавъ на батарею, сѣлъ на пушку и геройски умеръ на оной. При наступленіи на другую непріятельскую батарею, я былъ раненъ двумя пулями, въ бокъ и въ плечо и осколкомъ гранаты въ спину. Всѣ баталіонные командиры были также тяжело ранены, а изъ нихъ маіоръ Дурново убитъ“.

Далѣе полковникъ Веревкинъ-Шелюта проситъ исходатайствовать награды чинамъ его полка, въ прилагаемыхъ спискахъ поименованнымъ:—одинъ офицерамъ,—другой нижнимъ чинамъ.

Изъ офицерскаго списка видно, что когда былъ раненъ полковникъ Веревкинъ-Шелюта и всѣ баталіонные командиры, то въ командованіе полкомъ вступилъ ротный командиръ капитанъ Алексѣй Александровичъ Намвринъ, который и вывелъ полкъ по окончаніи дѣла.

Участники Инкерманскаго дѣла вообще были награждены довольно щедро, а полковникъ Веревкинъ-Шелюта, кромѣ того былъ удостоенъ слѣдующимъ рескриптомъ Августѣйшаго Шефа полка Государя Наслѣдника Цесаревича, въ послѣдствіи Императора Александра II.

„Евстафій Игнатьевичъ.

Мужество и храбрость, оказанныя всѣми чинами ввѣреннаго Вамъ Бородинскаго Егерьскаго имени Моего полка въ сраженіяхъ съ Англо-Французами, при настоящей защитѣ Севастополя, въ особенности въ дѣлѣ 24-го прошлаго октября, обращаютъ на себя постоянное Мое вниманіе.

Принимая живѣйшее участіе въ достойныхъ воинахъ, кровію своею жертвовавшихъ за Царя и Отечество, мнѣ пріятно изъявить искреннее мое удовольствіе, какъ Вамъ, достойнѣйшему ихъ начальнику, такъ и всѣмъ чинамъ полка, которымъ поручаю Вамъ передать Мое убѣжденіе, что доблести военныя, коихъ они даютъ примѣръ, твердо въ нихъ укоренены.

Препровождая Вамъ двѣ тысячи рублей серебромъ въ пользу раненыхъ и убитыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ ввѣреннаго Вамъ полка, поручаю раздать ихъ по Вашему усмотрѣнію.

Я надѣюсь, что рана Вами полученная, не опасна и пребываю къ Вамъ искренно благосклонный „Александръ“.

5 ноября 1854, въ г. Гатчинѣ.

Приложеніе II.

Письмо Генерала Пелисье Наполеону III.

Отъ 17 іюня 1855 года.

„Государь. Я неоднократно перечитывалъ и много думалъ надъ письмомъ отъ 16/4 іюня, которое я имѣлъ счастіе получить отъ Вашего Величества! *) Я проникся духомъ развиваемыхъ въ немъ разсужденій, касательно непосредственнаго вліянія, производимаго военными событіями въ Крыму, на будущее Франціи и на положеніе Вашего Величества передъ лицемъ Европы. Я думалъ уже надъ этими соображеніями, и если слѣдуя начертаннымъ мною путемъ, я старался объ ускореніи развязки, то это потому, что въ результатѣ я предвидѣлъ вѣроятность успѣха, не особенно полагаясь на счастіе.

Безъ всякихъ сомнѣній, осада Севастополя не можетъ обойтись безъ многихъ кровавыхъ жертвъ. Болѣе чѣмъ кто либо сожалѣю о проливаемой крови, но таковъ неумолимый законъ подобнаго рода предпріятій! Ваше Императорское Величество изволили бы желать, чтобы участь наша была рѣшена *однимъ* сраженіемъ. Ваше Величество изволите находить, что при дѣйствіи въ открытомъ полѣ жертвъ было бы менѣе, а результаты гораздо серьезнѣе. Преклоняясь предъ мудростью Вашего Величества, постараюсь привесть въ исполненіе Вашу Волю. Но, Государь! благоволите не останавливаться только на славныхъ воспоминаніяхъ объ Аустерлицѣ и Маренго; невозможно упускать изъ виду также и обстоятельствъ, сопровождавшихъ первую Польскую войну! Мы можемъ, и даже должны, встрѣтить Эйлауссклй отпоръ.

Повѣрьте, Государь, даже въ открытомъ полѣ успѣхъ будетъ купленъ дорогою цѣною. Въ такой кампаніи, какую мы ведемъ въ настоящее время, съ гораздо большимъ вниманіемъ надлежитъ относиться къ послѣдствіямъ неудачи, нежели разсчитывать шансы успѣха. Передъ крѣпостью столкновеніе,

*) Это письмо не отыскано.

если не даетъ желаемыхъ нами результатовъ, не измѣнитъ положенія дѣла: послѣ сегодняшней, положимъ неудачи, мы останемся въ томъ же положеніи, въ какомъ были вчера. Что-же касается дѣла въ открытомъ полѣ, то въ случаѣ пораженія, несомнѣнно, и потери, и разстройство арміи увеличатся, принимая въ соображеніе разстояніе, на какомъ мы будемъ находиться отъ нашей операціонной линіи.

Проэктъ сдѣлать диверію на Симферополь и овладѣть имъ, несомнѣнно, очень соблазнителенъ; но, или потому, что по неосторожности мысль Вашего Величества сдѣлалась извѣстною русскимъ, или потому, что „Мониторъ“ изложилъ взгляды, приписываемые Вашему Величеству, на такое направленіе военныхъ событій, какой надлежало бы дать имъ, съ самаго начала кампаніи, но русскіе поняли наши намѣренія и когда Чатырдагъ былъ доступенъ, сообщеніе на немъ было весьма сильно занято непріятелемъ. Русскіе всюду на сторожѣ. Добраться до нихъ можно только тѣснинами, о которыхъ генеральныя наши карты даютъ весьма неточныя понятія. Это дефиле, глубокія ущелья, мѣстность чрезвычайно лѣсистая и дикая, на которой нѣсколько рѣшительныхъ и сообразительныхъ человѣкъ могутъ задержать сильныя колонны. Мы не можемъ надѣяться захватить непріятеля врасплохъ: повсюду надлежитъ ожидать серьознаго отпора, какъ прелюдію сраженія. Прійдется овладѣвать каждымъ кустомъ и ожесточенно драться въ условіяхъ, весьма неблагопріятныхъ, вслѣдствіе удаленія отъ своей операціонной линіи. Повидимому было бы цѣлесообразнѣе попытаться идти на Бахчисарай, укрѣпившись на линіи Алушты. Я приказалъ рекогносцировать и изучить эту мѣстность, но русскіе и тамъ на стражѣ и требующаяся рекогносцировка весьма затруднительна. Удалившись отъ своей операціонной линіи, намъ прійдется выбирать одно изъ двухъ: или не быть достаточно сосредоточенными для дѣйствій въ открытомъ полѣ, или лишиться достаточныхъ силъ продолжать правильную осаду, обезпечивая при этомъ свою базу. Удалившись отъ Севастополя, мы не можемъ оставить для охраненія работъ менѣе семи дивизій. Англичане приросли къ своему плоскогорью; Сардинцы прикрываютъ Балаклаву; о Туркахъ развѣ потому только можно упомянуть, что они тутъ. Можно разсчитывать только на самихъ себя; намъ прійдется на своихъ плечахъ вынести всѣ затрудненія и опасности, и при томъ въ неблагопріятномъ условіи недостаточности штыковъ для успѣшнаго выполненія предпріятія.

Ваше Величество очевидно желаете въ принципѣ перемѣнить наше наступательное положеніе передъ крѣпостью въ безусловно оборонительное, при обложеніи большаго радіуса, но осуществленіе таковаго рѣшенія не такъ легко, какъ бы можно было полагать. Что была осада Севастополя? Не та какою я ее сдѣлалъ, а та, какую я засталъ? Это было упорное единоборство двухъ армій, шедшихъ другъ другу на встрѣчу, копая землю, воздвигая батареи, оспаривая одна у другой пространство, ихъ раздѣлявшее, также точно какъ оспариваютъ другъ у друга ключи позицій въ полевыхъ

сраженіяхъ. Это непрерывный, въ теченіе 8 мѣсяцевъ, бой, въ продолженіе котораго намъ удалось заставить непріятеля укрыться въ крѣпости; но мѣшать ему выйти изъ нея, мы можемъ не иначе, какъ ему угрожая. Всякій разъ, что намъ приходится остановиться, непріятель немедленно переходитъ въ наступленіе; онъ произвелъ рядъ контръ-апрошныхъ работъ чтобы, или парализировать одни изъ нашихъ подступовъ, или амфилировать другіе. Бездѣйствіе съ нашей стороны почти немыслимо и если я достигъ возможности таковаго на лѣвомъ флангѣ, то только цѣною тѣхъ кровавыхъ битвъ, которыя такъ не желательны Вашему Величеству и о которыхъ я сожалѣлъ-бы и самъ, еслибы могъ ихъ избѣгнуть;—но, еслибы я не атаковалъ, я самъ былъ бы атакованъ. Если я перестану угрожать—на меня ударятъ завтра же. Такимъ образомъ я вынужденъ постоянно быть, до извѣстной степени, въ наступательномъ положеніи относительно этой необыкновенной крѣпости и тѣ усилія, которыя Ваше Величество повелѣваете употреблять въ открытомъ полѣ, дѣлать вблизи своей операціонной линіи.

Такимъ путемъ я логически приведенъ къ необходимости избрать третью комбинацію, ту, которая наименѣе улыбается Вашему Величеству, я это сознаю. Она менѣе стратегична и представляется имѣющею болѣе узкій и ограниченный кругъ дѣйствій, но она имѣетъ большое преимущество, такъ какъ это единственная комбинація, позволяющая, хотя въ нѣкоторой степени, надѣяться поразить неожиданностію и, главное, единственная, при которой возможный нашъ успѣхъ не обратится намъ въ бѣдствіе, потому что наша связь съ Херсонесскимъ плато не прервется, съ Херсонесскимъ плато, гдѣ наша настоящая сила, гдѣ нашъ опорный пунктъ, гдѣ способы нашего существованія, гдѣ наши запасы, наше спасеніе; плато, которое мы твердо надѣемся удержать, даже послѣ проигранной битвы и гдѣ, не смотря на несчастіе, мы въ состояніи будемъ держаться въ грозномъ оборонительномъ положеніи.

Вотъ что я думаю предпринять, съ 6/18 іюня, послѣ того, какъ я выяснилъ своимъ инженерамъ всю необходимость создать въ вершинахъ Киленъ-банки средства уничтоженія русской эскадры или вынужденія ея на бездѣйствіе, съ тѣмъ, чтобы получить возможность обстрѣливать артиллеріей всю Южную сторону Севастополя, я приказалъ поставить въ вершинѣ Киленъ-банки шестидесяти-восьми калиберныя орудія для стрѣльбы каленными ядрами. Между тѣмъ, я наступаю на Малаховъ-Курганъ на сколько возможно методичнѣе, разумнѣе и подвигаюсь все ближе и ближе къ крѣпости и городу. Вмѣсто необыкновенно сильнаго артиллерійскаго огня постоянно предшествующаго штурму, прикажу, при первой возможности, производить непрерывную бомбардировку, достаточно серьезную для того, чтобы тревожить гарнизонъ ожиданіемъ атаки, утомлять его,—заставлять нести потери,—по необходимости требовать подкрѣпленій и свѣжихъ силъ съ Сѣверной стороны, словомъ, убѣдить непріятеля въ неизбѣжности повторенія битвы 6/18 іюня.

Далѣе. Призову изъ Евпаторіи Турокъ и попрошу дивизію у Омеръ-паши, какъ будто я и въ самомъ дѣлѣ готовлюсь къ штурму, а затѣмъ, оставя въ траншеяхъ и лагеряхъ лишь необходимое число войскъ, съ шестью гвардейскими дивизіями, всей кавалеріей, со всей. какую можно только будетъ собрать, артиллеріей, быстро устремлюсь на Мекензіеву гору и Инкерманскія высоты. По истинѣ, занятіе этихъ позицій будетъ нѣчто въ родѣ штурма! Соблаговолите Ваше В—о не упустуть этого изъ виду! Во всякомъ случаѣ это предпріятіе будетъ неожиданностію для непріятеля. Если, по несчастію, наше предпріятіе не увѣнчается успѣхомъ, я возвращусь на свою вторую позицію. Войска пострадаютъ, но, по крайней, мѣрѣ не понесутъ конечнаго пораженія.

Отлично понимаю, что издали такой способъ дѣйствій долженъ показаться Государю неискуснымъ и почти грубымъ. И въ самомъ дѣлѣ, не видя постоянно во очію затруднительности нашего положенія, неудобствъ существующаго здѣсь двоевластія, медленности въ совѣщаніяхъ, недостаточности генераловъ, изъ которыхъ многіе, хотя болѣе чѣмъ пятидесяти-лѣтніе, начинаютъ только учиться, не видя нетерпѣливаго невѣжества многихъ, упорной рутины другихъ, необыкновеннаго утомленія офицеровъ и нижнихъ чиновъ, опустошеній производимыхъ здѣсь холерою, неспособности въ настоящее время солдатъ къ передвиженіямъ, топографическихъ неудобствъ разоренной мѣстности, отсутствія воды и порядочныхъ путей сообщенія, среди непроходимыхъ лѣсовъ,—когда всѣ эти вопіющія неудобства сглаживаются отдаленностью и не имѣются въ виду, разумъ человѣческій, весьма естественно, увлекается возвышенными соображеніями и прельщается великими историческими примѣрами успѣшныхъ грандіозныхъ предпріятій. Большія обходныя движенія кажутся ему наиболѣе цѣлесообразными и вѣрными и онъ мало бываетъ расположенъ останавливаться передъ затрудненіями, отчасти мною указанными. Я также, Государь, лелѣялъ подобныя комбинаціи, вспоминая наши безсмертныя войны; но если-бы Ваше Величество сами изволили быть во главѣ своей Восточной арміи, Вы были бы поставлены въ необходимость ограничить полетъ своихъ мыслей, Вы увидали-бы какъ часто дѣйствительность идетъ въ разрѣзъ съ предположеніями, какъ часто она лишаетъ свободы дѣйствій и ограничиваетъ ихъ кругъ. Наши союзники Англичане—невообразимой неподвижности. Омеръ-паша считаетъ себя слишкомъ великимъ для малыхъ дѣлъ и въ то же время, онъ, буквально, слишкомъ малъ для дѣлъ великихъ. Могу разсчитывать только на мои храбрыя войска и не могу ихъ ни дробить, ни бросать на отдаленныя предпріятія, преисполненныя случайностей, не преступая обязанностей моего долга относительно Вашего Величества, показывая въ то же время, что только повинуюсь Вашей волѣ.

Если Вамъ не доложили истины относительно дѣйствій въ столь обширномъ районѣ, прежде чѣмъ я принялъ команду, это не моя вина.

Тѣмъ не менѣе, да благоволитъ Ваше Величество замѣтить, что когда настало время употребить указываемымъ способомъ армію, мой предмѣстникъ,

нашелъ и дѣло и отвѣтственность слишкомъ тяжелыми. Я настолько желаю послужить Императору согласно Его волѣ, что стойкость доселѣ проявлявшаяся въ моихъ взглядахъ не можетъ быть признана простымъ упрямствомъ, нѣтъ, эта стойкость является выраженіемъ искренности и глубокой преданности. Ищу только пользы дѣла и дѣлаю все, что могу, чтобы приблизиться къ осуществленію Вашихъ предначертаній. Вѣрьте, что если не приступаю къ осуществленію Вамъ наиболѣе симпатичныхъ проэктовъ, то чтобы не подвергать случайностямъ судебъ Вашего Величества, которыя суть судьбы Франціи.“

Приложеніе III

(къ статьѣ 5 августа, Севастополь).

Иванъ Петровичъ Голевъ.

1805—1880.

I.

Еще одну утрату понесла семья Севастопольцевъ, столь значительно уже порѣдѣвшая *).

Въ г. Самарѣ, въ 5-мъ часу утра 9 октября 1880, скончался генералъ-маіоръ Иванъ Петровичъ *Голевъ*, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни. Его торжественно, съ подобавшими ему воинскими почестями, похоронилъ баталіонъ квартирующаго въ городѣ Гурійскаго пѣхотнаго полка, въ присутствіи собравшихся на похороны почти всѣхъ, наличныхъ въ Самарѣ, Севастопольцевъ, въ Иверскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, и вотъ что я счелъ долгомъ сказать на свѣжей могилѣ моего стараго полковаго командира и друга:

„Горючія слезы неудержимо льются изъ очей тѣхъ, кому, какъ мнѣ, покойный И. П. Голевъ былъ искреннимъ и вѣрнымъ другомъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ.

Но не однимъ слезамъ дружбы орошать эту свѣжую могилу. Каждый, кому дорога слава русскаго оружія, слава Россіи, долженъ почтить память усопшаго благодарственной слезой. Генералъ Голевъ имѣетъ право на такое сочувствіе, своею кровью вписавъ въ военную исторію своего отечества нѣсколько славныхъ строкъ.

Не стану исчислять здѣсь подробностей боеваго участія генерала Голева въ нѣсколькихъ войнахъ. Скажу только, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ 4.000 нашихъ героевъ, которые, въ ночь съ 14 на 15 сентября 1829 года, подъ начальствомъ Гейсмара, разбили и уничтожили двадцати-шести тысячный отрядъ Турокъ, подъ Быйлешти. Довольно будетъ,

*) Изъ замѣчательнѣйшихъ Севастопольскихъ дѣятелей, — не говоримъ о морякахъ, командовавшихъ отдѣльными частями или занимавшихъ самостоятельные, болѣе важные посты,—дѣятелей, упоминавшихся въ реляціяхъ, слѣдовательно выдававшихся своими подвигами, сколько намъ извѣстно, остаются нынѣ въ живыхъ лишь слѣд. лица: Козляиновъ 2, Ганъ, Тимашевъ, Герсевановъ, Мельниковъ (извѣстный оберъ-кротъ), Красновъ, бывшіе командиры полковъ: Азовскаго – князь Святополкъ-Мірскій, Екатеринбургскаго—Веревкинъ; генер.-лейт. Черняевъ. (Примѣчаніе, май 1891).

если я прибавлю, что въ Восточную войну 1853—56 годовъ Голевъ командовалъ *Камчатскимъ* егерьскимъ полкомъ.

Слава, которую составилъ себѣ Камчатскій полкъ въ Севастополѣ, извѣстна не только военнымъ, но каждому, кого интересуетъ исторія Россіи.

Всѣ ли, однако, помнятъ событіе, доказавшее, что въ свое командованіе полкомъ, Голевъ успѣлъ вдохнуть въ него тотъ истинно геройскій духъ, подъ наитіемъ котораго солдаты не знаютъ невозможнаго, тотъ духъ, что приводитъ ихъ къ великимъ подвигамъ?

Извѣстно, что 27 августа 1855 года, мы имѣли единственный путь отступленія изъ Севастополя—мостъ черезъ бухту. Ключемъ этого отступленія для войскъ лѣвой половины оборонительной линіи былъ 3-й бастіонъ. Перейди этотъ бастіонъ въ руки непріятеля, и бо́льшей части арміи севастопольскихъ защитниковъ предстояло „лечь костьми“,—такъ какъ русскія арміи не сдаются!

Великое значеніе 3-го бастіона знали союзники и потому *для взятія его пошла вся армія англичанъ*, пошла и... взяла бастіонъ!... Врагъ уже торжествовалъ неслыханную побѣду, но она была вырвана у него изъ рукъ штыками *Камчатцевъ*.

Роты Камчатскаго полка ударили съ фланга на англичанъ, занявшихъ уже бастіонъ, опрокинули ихъ въ ровъ и удержали бастіонъ до прибытія резервовъ. Два раза, затѣмъ, англичане возобновляли штурмъ бастіона, но, заваливъ своими трупами его ровъ,—бастіона не взяли. 3-й бастіонъ остался за нами и Севастопольцы лѣвой половины оборонительной линіи были спасены,—путь отступленія имъ былъ обезпеченъ!

Подвигъ Камчатцевъ достойно оцѣнятъ историки Севастопольской обороны, но достойнѣйшую оцѣнку этотъ подвигъ нашелъ въ своемъ Верховномъ, Вѣнценосномъ Вождѣ. Государь Императоръ, на смотру 11-й пѣхотной дивизіи, на Инкерманскихъ высотахъ, въ ноябрѣ 1855 года, изволилъ, передъ фронтомъ войскъ спросить главнокомандующаго: „Отчего представляется на смотру только одинъ баталіонъ Камчатскаго полка?“ Главнокомандующій доложилъ, что полкъ, за огромною убылью офицеровъ и солдатъ, въ Севастополѣ, переформированъ изъ четырехъ-баталіоннаго состава въ два баталіона *), изъ которыхъ одинъ находится на аванпостахъ. Тогда Государь, обращаясь къ войскамъ, изволилъ сказать громогласно:

„*Одинъ баталіонъ Камчатцевъ—четырехъ стоитъ!*“ **).

---

*) Камчатскій полкъ вступилъ въ Севастополь, имѣя: шт.-офицеровъ 3, оберъ-оф. 45 нижнихъ чиновъ 2.983. Во время пребыванія въ Севастополѣ на укомплектованіе онаго поступило нижнихъ чиновъ 772. Слѣдовательно, полкъ имѣлъ въ Севастополѣ 3.755 человѣкъ. Въ Севастополѣ полкъ потерялъ: убитыми и умершими отъ ранъ: шт.-оф. 4, оберъ.-оф. 23; ранеными: шт.-оф. 3, оберъ-оф. 24; контуженными: шт.-оф. 1, оберъ-оф. 8; безъ вѣсти пропавшими: об.-оф. 1; т.-е. всего 64. Нижнихъ чиновъ: убитыми 488, ранеными 1.943, контуженными 1.052, безъ вѣсти пропавшими 32, итого 3.515. Если изъ полка еще могло быть сформировано 2 баталіона, то потому что раненые и контуженные, по выздоровленіи, возвращались къ своему мѣсту.

**) Мои „Походныя Записки“, т. II, стр. 389. Богдановичъ. Восточная война 1853—56 годовъ, т. IV, стр. 201.

Мнѣ прибавлять нечего. Россія въ каждомъ защитникѣ Севастополя справедливо видѣла *героя*.

Кто изъ вождей Севастопольскихъ съумѣлъ вдохнуть въ своихъ подчиненныхъ тотъ духъ, что каждаго изъ нихъ сдѣлалъ равнымъ *четыремъ* героямъ, тотъ спокойно можетъ сойти въ могилу—онъ честно сослужилъ свою службу Россіи и она его не забудетъ!..."

Какъ на засвидѣтельствованіе дѣйствительности заслугъ генерала Голева Царю и Отечеству, мы могли бы ограничиться указаніемъ только на слѣдующій отрадный фактъ: я счелъ своимъ долгомъ довести, 9 октября, по телеграфу, до свѣдѣнія Военнаго министра о кончинѣ генерала Голева и 11 октября уже удостоился получить отъ его сіятельства *) депешу, сообщавшую мнѣ, что съ Высочайшаго соизволенія, будутъ по генералѣ Голевѣ отслужены панихиды: въ Севастополѣ и въ Камчатскомъ пѣхотномъ полку; но мы, не ограничиваясь приведеніемъ этого, повторяемъ, отраднаго факта, вновь доказавшаго какъ твердое и честное выполненіе своего долга Отечеству на службѣ Севастопольской, и послѣ двадцати-пятилѣтней отставки, вспоминается и достойно чтится Русскимъ Царемъ,—позволяемъ себѣ сдѣлать бѣглый очеркъ служебной дѣятельности покойнаго, чтобы полнѣе выяснить его права на уваженіе и память соотечественниковъ. Мы сочли не лишнимъ въ этомъ же очеркѣ привести сохранившіеся въ нашихъ Запискахъ, нѣкоторые изъ разсказовъ Голева о видѣнномъ и слышанномъ имъ въ его долголѣтней жизни.

II.

И. П. Голевъ, изъ дворянъ Петербургской губерніи, родился 13-го августа 1805 года. Намъ не извѣстно, какое служебное положеніе занималъ родитель покойнаго въ послѣдніе дни свои; но знаемъ, что онъ съ честью служилъ въ военной службѣ, что доказывается хранящимся у насъ Высочайшимъ рескриптомъ на его имя, за собственноручною подписью въ Бозѣ почившаго Императора Александра I, на пожалованную ему, 23 ноября 1807 года, золотую шпагу за Прейсишъ-Эйлауское дѣло *).

*) Графа Милютина.

**) Вотъ этотъ замѣчательный документъ, мнѣ подаренный покойнымъ Иваномъ Петровичемъ, написанный на полулистѣ обыкновенной, полубѣлой бумаги:

Господинъ маіоръ Голевъ.

Въ вознагражденіе отличной храбрости, оказанной вами въ сраженіи противъ французскихъ войскъ 27 генваря при Прейсишъ-Эйлау, гдѣ вы находились у прикрытія батареи и, отражая непріятеля, покушавшагося на оную, атаковали его въ деревнѣ Шлодитенъ и, выгнавъ онаго, преслѣдовали, нанося ему сильное пораженіе, при чемъ оказали примѣрную неустрашимость и рвеніе къ службѣ. Жалую вамъ золотую шпагу съ надписью „за храбрость", увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вящему продолженію усердной службы вашей. Пребываю къ вамъ благосклонный *„Александръ"*.

Въ С.-Петербургѣ. 23 ноября 1807 г.

Полагаемъ умѣстнымъ сказать здѣсь: когда, уже около 9 часовъ вечера, Наполеонъ увидѣлъ необходимость прекратить Прейсишъ-Эйлаускую битву и отступить на соединеніе съ своими свѣжими войсками, внезапно, въ тылу нашего праваго фланга, раздалась канонада. Это было наступленіе Нея, который, слѣдуя на помощь Наполеону, опрокинулъ всѣ

Иванъ Петровичъ лишился родителей въ раннемъ дѣтствѣ и былъ помѣщенъ въ Императорскій Воѐнно-сиротскій домъ, (впослѣдствіи преобразованный въ Павловскій кадетскій корпусъ), откуда выпущенъ, съ чиномъ прапорщика, 8 августа 1823 года, въ Томскій Егерьскій (нынѣ пѣхотный) полкъ, состоявшій въ 16-й дивизіи бывшей тогда 2-й арміи, фельдмаршала Витгенштейна.

Вотъ что разсказывалъ Голевъ изъ временъ служенія его во 2-й арміи. Едва, по выпускѣ изъ училища, въ 1823 году, Голевъ пріѣхалъ на службу въ полкъ, какъ сдѣлался свидѣтелемъ замѣчательнаго случая.

Назначенъ былъ смотръ подъ Тульчиномъ и въ началѣ октября 1823 года двухдневный маневръ въ присутствіи, блаженной памяти, императора Александра I. Къ смотру былъ собранъ весь 6-й корпусъ. Главнокомандующимъ былъ фельдмаршалъ *Витгенштейнъ*, начальникомъ штаба у него *Киселевъ* (впослѣдствіи графъ и министръ государственныхъ имуществъ).

Извѣстно, что въ то время офицеры арміи Витгенштейна были проникнуты либеральнымъ духомъ. Особенно это направленіе сильнѣе другихъ сказывалось въ 16-й дивизіи, которою командовалъ Михаилъ Ѳедоровичъ *Орловъ*, молодой генералъ блистательныхъ дарованій, красавецъ собой, огромнаго роста, стройный, бѣлый, румяный, брюнетъ съ большой лысиной. Самъ Орловъ былъ человѣкъ вполнѣ свободномыслящій, а потому естественно покровительствовалъ офицерамъ того же направленія, тѣмъ болѣе, что вначалѣ всецѣло принадлежалъ къ сильно развитому тогда во 2-й арміи тайному обществу, извѣстному подъ именемъ „Союза благоденствія“. Однимъ изъ бригадныхъ командировъ дивизіи Орлова былъ генералъ *Болховской*, еще будучи капитаномъ стоявшій въ караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ, въ ночь кончины императора Павла! Болховской, не стѣсняясь хвасталъ, что его шарфъ получилъ историческую извѣстность. Государю было издавна извѣстно направленіе Орлова, прежде пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ государя, но впослѣдствіи лишившагося таковаго. Участіе Орлова въ тайномъ обществѣ сдѣлалось извѣстнымъ изъ бумагъ арестованнаго корпуснымъ командиромъ Сабанѣевымъ маіора В. Ѳ. Раевскаго, завѣдывавшаго Ланкастерской школой въ дивизіи Орлова.

Когда, на смотру, пошла мимо государя дивизія Орлова церемоніальнымъ маршемъ, императоръ взволновался до крайности. Волненіе это отразилось на конѣ государя: конь танцовалъ все время на мѣстѣ, подъ нетерпѣливыми движеніями государя, отъ его шпоръ и непрестаннаго дерганія мундштукомъ. Конь покрылся пѣной, стоя на мѣстѣ. Когда, отсалютовавъ,

---

наши и прусскіе, встрѣченные имъ, отряды и атаковалъ селеніе Шлодитенъ, наполненное нашими ранеными. „Бенигсенъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Кенигсберга, отрядилъ противъ Нея нѣсколько полковъ, и въ числѣ ихъ Таврическій гренадерскій и Воронежскій мушкатерскій, кои, ударивъ въ штыки, овладѣли Шлодитеномъ и заставили французовъ отступить къ Альтгофу. Это былъ послѣдній актъ пятнадцати-часоваго кровопролитнаго сраженія при Прейсишь-Эйлау“. Богдановичъ. Исторія царст. имп. Александра I и пр. Спб. 1869, т. II, стр. 219.

Орловъ сдѣлалъ заѣздъ и подскакалъ къ императору, то государь громко сказалъ ему: „Совѣтовалъ бы я вамъ, генералъ, больше заниматься ввѣренною вамъ дивизіею, чѣмъ дѣлами моей Имперіи!“ *).

Въ тотъ же день Орловъ и оба его бригадные командира были устранены отъ должностей, что возбудило ропотъ и неудовольствіе офицеровъ, очень любившихъ Орлова.

Кончился двухдневный маневръ 4 и 5 октября. Войска измучились до крайней степени. Солдатамъ эти двое сутокъ не варили пищи, они довольствовались хлѣбомъ, бывшимъ въ ихъ ранцахъ. За то по окончаніи маневра, солдатамъ было приготовлено обильное угощеніе: водка, мясо, булки; для офицеровъ изготовленъ обѣдъ, каждому полку отдѣльно. Для государя, генераловъ и полковыхъ командировъ всего отряда, для свиты и приглашенныхъ лицъ былъ выстроенъ особый павильонъ, въ которомъ приготовилось роскошное пиршество. Во время царскаго обѣда пѣхота образовала огромное каре, вокругъ сказаннаго павильона, за нею поставили кавалерію и далѣе, на высотахъ, артиллерію, которой приказано открыть пальбу, когда начнутся тосты. Въ началѣ все шло очень чинно; но едва взвилась сигнальная ракета и раздался артиллерійскій залпъ, какъ произошло нѣчто поразительное. Пѣхотинцы, какъ мы выше замѣтили, проголодавшіеся въ теченіе двухъ сутокъ, выпивъ водки, по чаркѣ, по другой, на тощій желудокъ, опьянѣли и забылись до того, что когда артиллерія начала стрѣлять—тоже стали стрѣлять, безъ приказанія. Кто началъ—потомъ самое строгое слѣдствіе обнаружить не могло. Однимъ словомъ, загорѣлся адскій огонь вокругъ павильона—50,000 человѣкъ палило безъостановочно! Произошло смятеніе. Государь сейчасъ же, не кончивъ обѣда, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ Тульчинъ. Генералы поскакали къ своимъ частямъ, кричали, махали платками, шляпами, силясь остановить пальбу, но всѣ усилія ихъ были тщетны—пальба продолжалась. Тотчасъ начали разводить полки по мѣстамъ, но и тутъ пальба не прекращалась. Мало того, было множество публики, съѣхавшейся посмотрѣть на государя и на блистательный смотръ, множество поляковъ, помѣщиковъ съ семействами, со всѣхъ окрестностей. Солдаты стали стрѣлять въ экипажи и лошадей публики: многія лошади понесли, другія стали биться на мѣстѣ; дамы перепугались, поднялся крикъ, шумъ; словомъ произошелъ страшный переполохъ.

Потомъ разсказывали, что эта пальба произошла отнюдь не случайно, а была устроена заговорщиками, предполагавшими воспользоваться ею, чтобы убить государя. Утверждали, что съ этою цѣлью были подговорены особыя

---

*) Подобную этому фразу вкладываютъ въ уста покойнаго государя, будто бы отнесенную имъ къ князю Волконскому, въ другое время. (Богдановичъ: „Ист. царств. имп. Александра, т. IV, ст. 503). Но Голевъ, прочтя это указаніе, настаивалъ на вѣрности своего разсказа, подтверждая его врѣзавшимся въ его память, дерзкимъ (неудобнымъ для печати) возгласомъ, который позволяли себѣ дѣлать тогдашніе офицеры, передавая другъ другу изложенный разсказъ.

лица, изъ числа разжалованныхъ, которыхъ тогда было очень много въ полкахъ и что имъ на этотъ предметъ были розданы боевые патроны.

Мы должны здѣсь замѣтить, что настоящій разсказъ о неудачномъ исходѣ военнаго празднества подъ Тульчиномъ, встрѣтилъ возраженіе со стороны одного изъ современниковъ и, можетъ быть, дѣйствительно очевидцевъ событія—Варунъ-Секрета (въ статьѣ „Къ воспоминанію П. В. Алабина о Голевѣ", Русск. Стар. 1882. Мартъ. Стр. 821).

В.-Секретъ говоритъ, что бывши, также какъ и Голевъ, на Тульчинскомъ смотру, онъ ничего подобнаго разсказанному событію не видѣлъ и о немъ не слышалъ, указывая при этомъ, что таковому разсказу противорѣчитъ и очеркъ Басаргина.

Дѣйствительно, не только Басаргинъ, въ своихъ „Запискахъ" *), но и „Описаніе Высочайшаго Государя Императора пребыванія во 2 арміи въ 1823 году", составленное „очевидцемъ", (всего вѣроятнѣе тѣмъ же Басаргинымъ, бывшимъ адъютантомъ начальника главнаго штаба арміи П. Д. Киселева, (впослѣдствіи графа), помѣщенное 14-мъ приложеніемъ къ главѣ VIII, сочиненія Заблоцкаго-Десятовскаго.—„Графъ П. Д. Киселевъ и его время". Спб. 1882 **), также, какъ и самъ генералъ Киселевъ, сообщая о Тульчинскомъ смотрѣ генералу Закревскому, ни слова не говоритъ объ этомъ случаѣ! ***).

Но въ такомъ умолчаніи о данномъ событіи мы не видимъ ничего удивительнаго, такъ же какъ и доказательства его вымысла.

Господину Варунъ-Секрету, человѣку глубокой старости, могла измѣнить память при воспоминаніи о Тульчинскомъ смотрѣ, бывшемъ 70 лѣтъ назадъ; Басаргинъ, какъ самъ заговорщикъ, могъ умышленно въ своемъ разсказѣ представить событіе не въ подлежащемъ освѣщеніи чтобы не дать повода къ предположенію возможности участія его сотоварищей въ произведеніи, съ предвзятою мыслью, разсказаннаго безпорядка; Киселевъ, въ письмѣ къ Закревскому, могъ умышленно умолчать о происшедшемъ, чтобы, такъ сказать, не портить впечатлѣнія какое должно было произвесть на читателя восторженное и картинное описаніе пребыванія Императора при

---

*) XIX вѣкъ. Изд. Бартенева. Кн. I. Ст. 83—84. „Войскамъ приказано было стоять вольно и вся эта стотысячная масса разсыпалась въ разныхъ направленіяхъ и перемѣшалась такъ, что для глазъ представило какое то странное, необыкновенное зрѣлище. Позади фронта приготовлены были для солдатъ и офицеровъ столы съ яствами и напитками.—Когда главнокомандующій провозгласилъ тостъ за здоровье Государя, то по данному нѣсколько прежде этого сигналу, войска въ одну минуту (???) пришли въ прежній свой порядокъ: изъ всей этой нестройной массы образовалось опять то же самое правильное каре. При этомъ тостѣ загремѣла артиллерія, пѣхота начала стрѣльбу и т. д."

**) „Когда главнокомандующій вынесъ чашу за здоровье Его И. В.—галлереи наполнилась крикомъ: „ура!" и въ то же время послѣдовалъ залпъ изъ 196 орудій, который послужилъ сигналомъ для жесточайшаго огня. Воины, едва успѣвшіе окончить свой обѣдъ, быстро выстроились передъ палатками, и начали производить сильнѣйшій батальный огонь; такъ что вскорѣ нельзя было даже различать артиллерійской пальбы, ибо ружейная смѣшивалась съ оною и составляла одинъ ужасный гулъ, неимѣвшій ничего себѣ подобнаго".

***) Въ письмѣ отъ 23 октябр. 1824 помѣщенномъ въ т. I вышеназваннаго сочиненія Заблоцкаго-Десятовскаго на стр. 190.

2-й арміи, или могъ не подозрѣвать даже тайныхъ пружинъ инцидента, какъ не подозрѣвалъ, до послѣдняго времени, о существованіи въ арміи, при которой онъ состоялъ начальникомъ главнаго штаба, существованія обширнаго заговора между ея интелигентнѣйшими офицерами.

Какъ бы тамъ ни было однако, но всѣ, кто, хотя сколько нибудь зналъ покойнаго И. П. Голева не повѣрятъ, чтобы онъ позволилъ себѣ выдавать вымышленное событіе за фактъ, на его глазахъ совершившійся.

Вотъ еще два разсказа Голева, относящіеся ко времени стоянки подъ Тульчиномъ:

Дивизіей командовалъ генералъ-лейтенатъ Корниловъ, (отецъ извѣстнаго севастопольскаго героя, убитаго въ первую бомбардировку). По словамъ Голева, это былъ всѣми любимый начальникъ, герой 1812 года, съ Георгіемъ на шеѣ, человѣкъ твердый, рѣшительный, смѣлый, всегда прямо и рѣзко говорившій правду сильнымъ міра сего.

Послѣ 14 декабря и открытія заговора во 2-й арміи, многихъ офицеровъ арестовывали, внезапно увозили или преслѣдовали подозрѣніями и держали подъ секретнымъ надзоромъ. Между офицерами, а въ особенности между начальствующими, была паника. Въ одномъ изъ полковъ дивизіи Корнилова, а именно въ Селенгинскомъ, произошла какая-то маленькая неурядица между офицерами, которую почти каждый изъ начальниковъ того времени, подъ вліяніемъ той-же паники, непремѣнно возвелъ бы на степень исторіи—почти каждый, но не Корниловъ. Онъ окончилъ это дѣло домашнимъ образомъ, даже не доведя о немъ до свѣдѣнія начальства, какъ о случаѣ совершенно незначительномъ. Между тѣмъ, нашлись таки добрые люди, которые передали объ этомъ дѣлѣ Витгенштейну. Вотъ какъ-то, вскорѣ послѣ этого, фельдмаршалъ за обѣдомъ у себя и спрашиваетъ Корнилова: „Что у васъ тамъ такое въ Селенгинскомъ полку было между офицерами, генералъ?“

— Ровно ничего, ваша свѣтлость. Пустяки сущіе. И говорить то объ этомъ не стоитъ, а вотъ объ этомъ такъ стоитъ поразмыслить: какъ это вашей с—и дѣлается извѣстнымъ, что за тридевять отъ васъ земель, въ какомъ-нибудь Селенгинскомъ полку, какой-то вздоръ произойдетъ, а какъ около васъ самихъ всѣ *покарбонарились*, вы и замѣтить не изволили!

Разговоръ на этомъ и прекратился.

Второй разсказъ, уже комическаго свойства. Тучковъ (впослѣдствіи Московскій генералъ-губернаторъ), въ молодости былъ большой проказникъ и шутникъ.

Гвардія, возвращаясь изъ Турецкой кампаніи, нѣкоторое время стояла подъ Тульчиномъ. Скука въ жидовскомъ городишкѣ заставляла искать развлеченій. Тучковъ занималъ хорошенькое помѣщеніе, на лучшей улицѣ городка, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Жемчужниковымъ; напротивъ помѣщалась цирюльня, съ обычною вывѣскою и надписью: „здѣсь стригутъ, брѣютъ“ и пр. и обозначеніемъ цѣны каждой операціи, а именно: за бритье

20 к. и т. д. Тучковъ прекрасно рисовалъ. Жемчужниковъ замѣчаетъ, что дня три сряду Тучковъ работаетъ надъ большой картиной, по бумагѣ, на картонѣ. Каково же было его удивленіе, когда взглянувъ на картину, онъ увидѣлъ изображеніе сидящаго на стулѣ человѣка, которому другой намыливаетъ лицо, внизу крупная надпись: 10 коп.! На утро эта новая вывѣска появилась надъ квартирой товарищей. Не прошло и часу, какъ какой-то прилично одѣтый шляхтичъ, проходя мимо, усмотрѣлъ, что здѣсь можно побриться вполовину дешевле, чѣмъ у цирюльника vis-a-vis и вошелъ въ домъ. Его встрѣтилъ Тучковъ въ архалукѣ, съ мыльницей и кисточкой въ рукахъ.

— Можно? спрашиваетъ шляхтичъ.

— Садись, отвѣчаетъ Тучковъ, подвигая ему стулъ и тотчасъ взбивъ въ мыльницѣ массу мыла, долго и густо началъ мылить ему все лицо, оставивъ не замазанными только глаза, лобъ и носъ,—намылилъ и говоритъ:—готово!—пожалуйте деньги...

— „Такъ брѣйте-же!...“

— Здѣсь не брѣютъ, а только мылютъ,—брѣютъ напротивъ, не угодно ли отправиться туда.

— „Помилуйте, что же это такое? Дайте хоть полотенце обтереться“.

— Нѣтъ уже извините, у насъ полотенецъ нѣтъ, — отправляйтесь, отправляйтесь—и не давъ шляхтичу опомниться, выпроводилъ его за дверь, всего въ мылѣ.

Въ первую царствованія Императора Николая Турецкую войну, Голевъ перешелъ Прутъ 26 апрѣля 1828 года и послѣ блистательнаго въ оной участія, будучи награжденъ за достопамятное ночное пораженіе Турокъ подъ Быйлештами чиномъ поручика и двукратно перенеся всѣ ужасы чумы, воротился съ полкомъ въ Россію только 24 октября 1832 года, т.-е. пробывъ въ Турціи и въ Придунайскихъ княжествахъ 4 года и 6 мѣсяцевъ сряду. Столь продолжительное пребываніе въ названныхъ мѣстностяхъ дало возможность Голеву въ совершенствѣ изучить молдавскій языкъ, на которомъ онъ сталъ говорить какъ на русскомъ, что послужило ему въ пользу на его дальнѣйшей службѣ.

Въ этотъ періодъ времени, а именно въ 1830 году, наши войска вторично были поражены ужаснымъ бичомъ Божіимъ — чумою. Вотъ что разсказывалъ мнѣ Голевъ о ея появленіи.

По окончаніи Турецкой кампаніи, наши арміи воротились въ Россію, оставивъ въ Молдо-Валахіи, впредь до уплаты условленной по Адріанопольскому миру контрибуціи, дивизію пѣхоты, дивизію кавалеріи, съ соотвѣтствующимъ числомъ артиллеріи и казаковъ. При отбытіи нашихъ войскъ нигдѣ не было никакого признака чумы. Оставшаяся на оккупацію пѣхота съ артиллеріей была размѣщена въ кр. Силистріи и на десятиверстномъ вокругъ нея пространствѣ, при чемъ селенія и деревни, лѣса и воды этого района были отданы въ распоряженіе оккупаціонныхъ войскъ. Тѣ Турки

этого района, у которыхъ были еще какія-нибудь средства, эмигрировали, остались только совершенные бѣдняки, да болгаре не покидали своихъ жилищъ. Комендантъ крѣпости, инженерный генералъ Руппертъ, предложилъ оккупаціоннымъ войскамъ на топливо, варку пищи и печеніе хлѣба получать деньгами, по утвержденнымъ цѣнамъ, принявъ на себя заботу о заготовкѣ необходимаго матеріала. Разумѣется, такое распоряженіе пришлось очень по сердцу полковымъ командирамъ, которые и поспѣшили условиться съ ротными командирами объ отпускѣ имъ нѣкоторыхъ суммъ съ тѣмъ, чтобы сами роты заготовляли себѣ топливо. Дѣло закипѣло. Пошла усиленная рубка лѣсовъ въ окрестностяхъ Силистріи; но однажды, а именно на Николинъ день, 6 декаб. 1830, случилось, что въ одной изъ ротъ Томскаго полка, въ которомъ служилъ Голевъ, не оказалось дровъ и ротный командиръ по случаю большаго праздника пожалѣлъ послать солдатъ за нѣсколько верстъ въ лѣсъ, на рубку, приказавъ фельдфебелю достать гдѣ-нибудь топлива поближе. Силистрія, какъ и всѣ турецкіе города, не только окружена мусульманскими кладбищами, но изобилуетъ ими въ самой городской чертѣ. Турки хоронятъ своихъ мертвыхъ безъ гробовъ. Они кладутъ тѣло въ неглубокую могилу и надъ покойникомъ устраиваютъ нѣчто въ родѣ односкатной крыши, причемъ доски и бревешки, служащія матеріаломъ для таковой, однимъ концомъ упираются въ дно могилы, а другимъ, часто торчатъ надъ ея поверхностью. Съ одного изъ такихъ, ближайшихъ къ городу, кладбищъ солдаты и натаскали досокъ и бревешекъ, повыдергавъ ихъ изъ могилъ. На утро, когда всѣ въ этой ротѣ поднялись, видятъ, что люди, доставлявшіе наканунѣ дрова, не встаютъ. Сначала думали—утомились. Дали имъ выспаться, опять поглядѣли—спятъ. Чтобы такое значило? Разбудили ихъ, растолкали, видятъ — они въ какомъ-то неестественномъ состояніи. Разумѣется, ихъ тотчасъ стащили въ лазаретъ. Тамъ полковой штабъ-лѣкарь Томскаго полка Лукинъ, вмѣсто того, чтобы осмотрѣть этихъ людей внимательно и опредѣлить ихъ болѣзнь возможно точнѣе, отнесся къ нимъ съ полной небрежностью, признавъ ихъ пьяными, и не принялъ никакихъ мѣръ къ ихъ излѣченію. Къ утру всѣ эти люди умерли. Когда же ихъ раздѣли и увидѣли на ихъ тѣлѣ черныя пятна, то и это не образумило Лукина,—онъ призналъ эти пятна слѣдствіемъ гастрической горячки. Черезъ день въ лазаретѣ Лукина умеръ фельдшеръ, осматривавшій умершихъ солдатъ, а затѣмъ чума вступила въ свои права и пошла косить людей! Но Лукинъ, боясь слѣдствія и тяжелыхъ для себя его результатовъ, скрывалъ отъ начальства ужасную истину, показывая, что сильное заболѣваніе и смертность происходятъ отъ обыкновенныхъ болѣзней. Однако, этотъ страшный секретъ долго удержать было невозможно: о появленіи чумы сдѣлалось извѣстнымъ начальству и тотчасъ наѣхало въ Силистрію множество слѣдователей, присланныхъ Киселевымъ, тогда Предсѣдателемъ Диванов княжествъ. Конечно, слѣдователи не могли остановить эпидеміи; она развилась тѣмъ съ большею силою и быстротою, что войска стояли очень скученно въ городѣ и крѣпо-

сти, а вывести ихъ въ лагерь было невозможно, потому что еще лежалъ снѣгъ. Наконецъ, насталъ февраль; снѣгъ сталъ; войска поставили лагеремъ, приняли строжайшія карантинныя мѣры; затѣмъ эпидемія вскорѣ начала ослабѣвать, успѣвъ однако похитить огромное число жертвъ какъ въ нашихъ войскахъ, такъ и изъ числа мѣстныхъ жителей.

Штабъ-лѣкаря Лукина, вмѣсто того чтобы растрѣлять за преступную небрежность, слѣдствіемъ обнаруженную и бывшую причиною гибели стольких людей, назначили главнымъ медикомъ устроеннаго тогда чумнаго отдѣленія, причемъ онъ вынужденъ былъ провесть 3 мѣсяца удаленнымъ отъ всего міра, посреди зачумленныхъ, безвыходно въ ихъ лагерѣ. Въ эти роковые три мѣсяца Лукинъ спился съ кругу и обратился въ какое-то подобіе дикаго звѣря. Нечего сказать: большую онъ, должно быть, принесъ пользу порученнымъ ему несчастнымъ страдальцамъ.

На этотъ разсказъ Голева также нашелъ необходимымъ возражать въ „Русской Старинѣ“ (1882, мартъ, стр. 821) вышеупомянутый Варунъ-Секретъ, бывшій, какъ онъ говоритъ, въ 1830 году въ должности адъютанта въ управленіи крѣпостью Силистріи генераломъ Руппертомъ.

Но что это за возраженіе? Голевъ разсказывалъ, что генералъ Руппертъ предложилъ войскамъ, подъ его начальствомъ состоявшимъ въ Силистріи, вмѣсто матеріала для отопленія, варки пищи и печенія хлѣба, получать деньгами, и о пріобрѣтеніи матеріала заботиться самимъ, а г. Варунъ-Секретъ говоритъ: нѣтъ, распоряженія о выдачѣ денегъ въ войска на заготовленіе дровъ при Руппертѣ не было; войскамъ гарнизона предоставлено было заготовлять дрова хозяйственнымъ способомъ въ лѣсахъ крѣпостнаго района“.

Хотя мы и затрудняемся согласиться, чтобы войска не получали денегъ за причитавшійся имъ дровяной матеріалъ, при разрѣшеніи заготовлять его хозяйственнымъ способомъ, но разсказъ Голева и не представляетъ несчастное зараженіе чумой послѣдствіемъ выдачи войскамъ за слѣдуемый имъ по закону дровяной матеріалъ деньгами, а указываетъ на это событіе какъ на послѣдствіе несчастной случайности. Въ разсказѣ Голева ясно говорится: „Однажды, а именно въ Николинъ день, 6 декабря 1830 года, случилось, что въ одной ротѣ не доставало дровъ и ротный командиръ, по случаю большаго праздника, пожалѣлъ солдатъ послать за нѣсколько верстъ на рубку, а приказалъ достать топлива гдѣ-нибудь поближе“. И вотъ солдаты вытащили доски изъ чумной могилы и заразились.

Спрашивается: что тутъ невозможнаго и неестественнаго? Въ праздникъ ѣхать въ лѣсъ на рубку дровъ, притомъ сырыхъ, которые долго и горѣть-то не будутъ, тогда какъ тутъ, въ десяти шагахъ, торчатъ изъ земли, никому ненужныя, сухія доски,—не естественно ли воспользоваться ими, хотя бы только на растопку?

Другія возраженія г. Варунъ-Секрета, какъ напримѣръ, что чума въ Силистріи началась въ войскахъ отъ разрытія не могилы для добычи топлива, какъ у меня разсказано, а отъ разрытія могилы при копаніи ямы

для строившагося войсками барака у крѣпостнаго бастіона *),—что открытое чумное отдѣленіе, при Силистріи, было поручено медику не спившемуся при этомъ съ кругу, какъ говоритъ Голевъ, а доктору трезвому и дѣятельному, къ сожалѣнію по фамиліи не названному, — для изслѣдованія причинъ появленія чумы было прислано Киселевымъ не множество слѣдователей, какъ сказано въ моей брошюрѣ (можетъ-быть и дѣйствительно не вполнѣ осторожно), а только трое, — полагаю, не имѣютъ существеннаго значенія, а потому не требуютъ опроверженій, тѣмъ болѣе затруднительныхъ, что если и могутъ разбираться, то на основаніи только оффиціальныхъ данныхъ, не всегда достовѣрныхъ, а тѣ лица, которыя могли бы явиться компетентными судьями или свидѣтелями въ этомъ дѣлѣ, почти всѣ сошли со сцены жизни.

Что же касается до замѣчанія г. Варунъ-Секрета на невѣрность сообщенныхъ мною свѣдѣній о томъ, что Голевъ выпущенъ въ офицеры, въ 1823 году, въ Томскій *егерскій* полкъ, 16 дивизіи, между тѣмъ какъ полкъ этотъ именованъ *егерскимъ* только въ 1833 году, а до того состоялъ не въ 16, а въ 17 дивизіи,—то въ этихъ ошибочныхъ указаніяхъ виновенъ не Голевъ, а я, ошибшійся въ цифрѣ дивизіи и по служебной привычкѣ назвавъ полкъ егерскимъ, какъ онъ назывался во время нашей службы, а не пѣхотнымъ, какъ онъ назывался въ 1823 году.

Вотъ еще нѣкоторые изъ разсказовъ Голева.

Въ арміи были убѣждены, что баронъ Гейсмаръ, безспорно человѣкъ отважный и рѣшительный, блистательными успѣхами своими въ эту кампанію и славою, имъ пріобрѣтенною, преимущественно обязанъ состоявшему при немъ Павлу Христофоровичу Граббе (впослѣдствіи графъ, прославившійся на Кавказѣ и наказный атаманъ Донскаго войска). Самъ Гейсмаръ понималъ значеніе для него Граббе и высоко цѣнилъ его воинскія дарованія. Но Граббе былъ компрометированъ по дѣлу тайныхъ обществъ во 2-й арміи и высланъ въ полкъ подъ команду младшаго **). Между тѣмъ Гейсмаръ старался, при всякомъ важномъ случаѣ, обходить это распоряженіе. Такъ, дня за три до знаменитаго Быйлештскаго дѣла, Гейсмаръ въ диспозиціи своей поручилъ полковнику Граббе командованіе резервомъ, въ составъ котораго назначилъ полкъ пѣхоты двухбаталіоннаго тогда состава и тотъ полкъ кавалеріи, въ которомъ числился Граббе, состоявшій подъ командою полковника Кельнера. Таковымъ назначеніемъ Кельнеръ обидѣлся и рапортомъ донесъ Гейсмару, что на основаніи имѣющагося у него секретнаго предписанія начальства, основаннаго на Высочайшемъ повелѣніи, онъ не можетъ

*) Очень можетъ быть, что воинское начальство Силистрійскаго гарнизона, при которомъ состоялъ адъютантомъ и г. В. Секретъ, это обстоятельство и выставило передъ начальствомъ какъ причину появленія заразы, побоявшись представить настоящую причину, которая указывала бы на допущеніе безпорядка въ войскахъ, тогда какъ выставленная причина являлась неотвратимою несчастною случайностью при исполненіи необходимаго служебнаго дѣла.

**) П. Х. Граббе не былъ судимъ уголовнымъ судомъ, но за смѣлые отвѣты въ Комитетѣ, по Высочайшему повелѣнію, содержался нѣкоторое время въ Динабургской крѣпости и потомъ отправленъ младшимъ полковникомъ въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ.

допустить, чтобы полкъ, ему ввѣренный, а равно и онъ самъ, были поставлены подъ команду Граббе, которому болѣе дивизіона поручать не приказано.

Однако Гейсмаръ былъ не изъ числа тѣхъ, которые отступаются отъ своихъ рѣшеній. Несмотря на грозившую опасность немедленнаго столкновенія съ непріятелемъ въ десятеро сильнѣйшимъ, при чемъ ему надлежало дорожить каждымъ лишнимъ человѣкомъ въ своемъ отрядѣ, Гейсмаръ тотчасъ далъ предписаніе полковнику Кельнеру отправиться съ однимъ эскадрономъ ввѣреннаго ему полка, за 90 верстъ, прикрывать городъ Краіовъ. Такимъ образомъ Граббе остался командовать указанною ему частію, при чемъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на принятіе Гейсмаромъ того отважнаго и вмѣстѣ точно разсчитаннаго рѣшенія, которое завершилось славнымъ Бый-лештскимъ дѣломъ.

Фельдмаршалъ Дибичъ любилъ сильно выпить. Въ Турецкую войну его прозвали: „Самоваръ-фельдмаршалъ“, потому что у ставки его, отъ ранняго утра до поздней ночи, кипѣлъ самоваръ,—Дибичъ постоянно пилъ пуншъ. Даже въ поѣздкахъ его верхомъ, на рекогносцировку, для осмотра войскъ и тому подобное, казакъ всегда возилъ за нимъ баклагу съ холоднымъ пуншемъ и стаканъ.

Голевъ былъ очень друженъ всегда съ покойнымъ редакторомъ „Русскаго Инвалида“ и „Военнаго Сборника“, генералъ-лейтенантомъ П. К. Меньковымъ и, вспоминая о немъ, разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

Однажды Голевъ видитъ у Менькова фотографическій портретъ его, изображающій его сидящимъ за столикомъ, на которомъ стоитъ бутылка шампанскаго.

„Это по какому случаю такая картина?“ спрашиваетъ Голевъ.

— А по случаю прибавочнаго содержанія, мною получаемаго спеціально на этотъ веселый напитокъ,—пошутилъ Меньковъ, извѣстный bon vivant.

„Нѣтъ, безъ шутокъ, въ чемъ дѣло?“

Меньковъ разсказалъ слѣдующее:

Фельдмаршалъ Паскевичъ, при которомъ состоялъ Меньковъ, любилъ, чтобы у него всегда обѣдалъ весь его штабъ, а между тѣтъ столъ у Паскевича былъ крайне скромный, стоявшее же на столѣ вино, ниже всякой критики, что было очень не по нутру Менькову, любившему хорошо поѣсть и выпить. Поэтому Меньковъ частенько не являлся къ обѣду фельдмаршала, что онъ замѣчалъ неоднократно и спрашивалъ не разъ своихъ приближенныхъ о причинѣ такой неявки, на что кто-то изъ адъютантовъ, пользуясь хорошимъ расположеніемъ фельдмаршала, шутя пояснилъ ему, что Меньковъ безъ бутылки шампанскаго обѣдать не можетъ. „Такъ бы давно и сказали“, замѣтилъ Свѣтлѣйшій и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы впредь передъ приборомъ приготовленнымъ для Менькова всегда стояла бутылка шампанскаго,

а когда онъ будетъ находиться въ командировкѣ, то ему отпускалось бы на таковую полуимперіалъ въ день.

Въ началѣ 1849 года, въ чемъ-то попался служившій въ III-мъ Отдѣленіи губернскій секретарь Петровъ, знакомый Менькова. При обыскѣ, произведенномъ у этого чиновника, въ бумагахъ было найдено письмо Менькова, просившаго его, изъ дѣлъ III Отдѣленія извлечь и доставить ему какія-то цифровыя данныя и другія свѣдѣнія, необходимыя ему въ качествѣ матеріаловъ для написанія задуманной имъ исторіи нашего казачества. Такое, вполнѣ невинное желаніе, въ то тревожное время, было сочтено какимъ-то, на что-то злоумышленіемъ: Менькова, исправлявшаго тогда должность дежурнаго штабъ-офицера при начальникѣ главнаго штаба дѣйствующей арміи, по Высочайшему повелѣнію арестовали и съ фельдъегеремъ доставили въ Петербургъ, гдѣ и засадили въ крѣпость.

Произвести дѣло о Меньковѣ было поручено статсъ-секретарю князю А. Ѳ. Голицыну и генералу Дубельту, которые, конечно, пришли къ заключенію о совершенной его невинности и въ одно прекрасное утро явившійся къ Менькову плацъ-адъютантъ предложилъ ему одѣться въ полную форму и ѣхать съ нимъ къ шефу жандармовъ (тогда) графу Орлову, который тотчасъ же повезъ его во дворецъ и ввелъ его прямо въ кабинетъ Государя.

„Ни живъ, ни мертвъ я былъ,—разсказывалъ Меньковъ,—переступая этотъ порогъ!“

„Ты что за счетчикъ такой нашелся?“ крикнулъ на него Императоръ Николай, лишь только Меньковъ вошелъ въ кабинетъ.

У Менькова языкъ прильпе къ гортани.

„По какому случаю ты, офицеръ генеральнаго штаба, входишь въ сношеніе съ посторонними лицами по предметамъ до войскъ относящимся?“

Меньковъ, въ нѣсколькихъ словахъ, объяснилъ, что онъ только собиралъ матеріалъ для выполненія научной работы.

„Слушай,—продолжалъ Государь.—Я читалъ твои письма къ матери и письмо твоей матери къ тебѣ. Изъ этихъ писемъ я вижу, что ты хорошій сынъ, а хорошій сынъ не можетъ быть дурнымъ подданнымъ и гражданиномъ. Ступай домой“.

Впослѣдствіи въ Бозѣ почивающій Императоръ Николай благоволилъ къ Менькову и нерѣдко удостоивалъ его ласковымъ словомъ и даже шуткой. Такъ однажды, когда Меньковъ пріѣхалъ съ фельдмаршаломъ Паскевичемъ въ Петербургъ, управляя его походною канцеляріею, Государь засталъ Менькова у фельдмаршала, получившаго квартиру въ Зимнемъ дворцѣ.

„Отчего онъ у тебя такой толстый?“ спрашиваетъ Государь фельдмаршала.

„На хорошихъ хлѣбахъ нахожусь, Ваше Величество!“ ввернулъ Меньковъ.

Венгерская война застала Голева полковникомъ (онъ произведенъ за отличіе: въ 1837 году въ капитаны и въ 1845 году въ подполковники) и назначенъ командиромъ баталіона въ Томскомъ полку, съ которымъ онъ и перешелъ, 6 мая 1849 года, границу Буковины, у м. Новосилицы, въ отрядѣ генер.-лейт. Гротенгельма.

Въ началѣ кампаніи Голевъ участвовалъ во многихъ стычкахъ съ Венгерцами, изъ которыхъ болѣе замѣчательная у Иллова-Маре, 9 іюня, гдѣ онъ командовалъ среднею колонною, состоявшею изъ 3-го баталіона Томскаго полка, дивизіона Буковинскаго кордоннаго баталіона австрійскихъ войскъ и небольшой части казаковъ. Эта первая стычка наша въ Трансильваніи съ Венгерцами кончилась бѣгствомъ непріятеля, потерявшаго 10 человѣкъ убитыми и до 20 взятыми въ плѣнъ. Вскорѣ затѣмъ Голевъ, какъ превосходно владѣвшій языками нѣмецкимъ и молдавскимъ, былъ назначенъ 7 іюля временнымъ комендантомъ значительнаго города Буковины—Черновцы, гдѣ и оставался до конца кампаніи при исполненіи этой трудной и сложной обязанности, за что, равно какъ и за мужество въ дѣлахъ съ Венгерцами, удостоился получить отъ австрійскаго императора орденъ Желѣзной короны 2-й степени. Нашимъ же правительствомъ за отличное мужество въ Венгерскую войну Голевъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ и чиномъ полковника, со старшинствомъ съ 9 іюля, т.-е. со дня оказаннаго имъ боеваго отличія въ дѣлѣ подъ Иллова-Маре.

Вскорѣ за этимъ Голевъ, обратившій на себя вниманіе отличнымъ знаніемъ военнаго дѣла, въ мирное и военное время, былъ назначенъ, 10 января 1850 года, командиромъ Камчатскаго егерскаго полка, стяжавшаго впослѣдствіи, подъ его командой, славную извѣстность. Еще во время продолжительной лагерной стоянки подъ Луцкомъ, для приготовленій къ смотру Императора Николая, Голевъ своею распорядительностью, отсутствіемъ всякой суетливости (которою въ то время отличалось у насъ большинство начальствующихъ, увлекавшихся напускнымъ рвеніемъ къ службѣ, часто за предѣлы возможнаго, но въ сущности дѣйствовавшихъ не подъ вліяніемъ чувства долга, а изъ простаго желанія отличиться, показавъ свою часть съ казоваго конца), точностью и опредѣлительностью своихъ приказаній, живѣйшею заботливостью о дѣйствительныхъ нуждахъ своихъ офицеровъ и солдатъ,—съумѣлъ пріобрѣсть общую любовь въ полку, что и было одною изъ главнѣйшихъ причинъ тѣхъ послѣдующихъ подвиговъ полка, къ которымъ всего скорѣе увлекаетъ нашего солдата примѣръ и слово начальника, имъ любимаго.

III.

Началась Восточная война. 24 іюня 1853 года Голевъ перевелъ свой полкъ черезъ р. Прутъ въ м. Скулянахъ и двинулся черезъ Бухарестъ въ отрядѣ графа Анрепа-Эльмпта, на Дунай, гдѣ и сталъ съ полкомъ аванпостами противъ Турокъ, близъ Калараша и Слободзеи. Отсюда, 26 октября,

Камчатскій полкъ, форсированнымъ маршемъ, пошелъ къ Ольтеницѣ, гдѣ, послѣ несчастнаго, извѣстнаго дѣла нашего 23 октября, Турки укрѣпились въ карантинѣ на лѣвомъ берегу Дуная. Отсюда Омеръ-паша, стянувъ значительныя силы, намѣревался перейти въ наступленіе; но предпріятіе это Турки, какъ извѣстно, осуществить не рѣшились, увидѣвъ 23 октября, какъ мы деремся. Однако, несмотря на обратный переходъ Турокъ за Дунай, наши войска были усилены противъ Ольтеницы и Камчатскій полкъ стоялъ на этомъ пунктѣ вплоть до весны, содержа передовые посты по Дунаю и воздвигая рядъ полевыхъ укрѣпленій, предназначенныхъ задержать наступленіе непріятеля, въ случаѣ его рѣшенія перейти въ таковое.

Въ періодъ стоянки Камчатскаго полка въ Ольтеницѣ, къ полкамъ 11 дивизіи было прикомандировано изъ гвардіи, для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ, по два офицера къ каждому. Къ Камчатскому полку были прикомандированы лейбъ-гв. Финляндскаго полка капитанъ П. С. Ванновскій *) и поручикъ Борейша. Молодые люди эти нашли въ офицерахъ Камчатскаго полка какъ бы родную семью, а въ И. П. Голевѣ такого командира, разумнаго старшаго товарища и добраго друга, службы съ которымъ, особенно въ военное время, нельзя забыть. При встрѣчѣ съ нами, въ послѣднюю кампанію, въ Бухарестѣ, П. С. Ванновскій, столь блистательную себѣ составившій извѣстность въ качествѣ начальника штаба Рущукскаго отряда Государя Наслѣдника Цесаревича, самымъ искреннимъ образомъ заявлялъ намъ, когда мы стали вспоминать Голева, что если онъ познакомился съ практикой военной службы и усвоилъ себѣ многія ея тайны, изъ книгъ и уставовъ не почерпаемыя, то онъ обязанъ этимъ службѣ подъ командою Голева, въ качествѣ сперва ротнаго, потомъ баталіоннаго командира, и дружескому сближенію съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ **). Такіе же отзывы мы слышали отъ многихъ служившихъ подъ начальствомъ Голева. Вообще, по истинѣ можно сказать, что для своихъ подчиненныхъ Голевъ былъ лучшимъ изъ учителей.

Стоянка Камчатскаго полка на Дунаѣ, у Ольтеницы, послѣ ряда перестрѣлокъ съ Турками, ознаменовалось атакой Туртукайскаго острова, при впаденіи р. Аржиса въ Дунай, 27—28-го февраля 1854 г., порученной Хрулеву. Начальникомъ пѣхоты нашего атакующаго отряда назначенъ былъ Голевъ, и хотя эта атака не имѣла успѣха, но Голевъ, все время дѣла, бывшаго боевымъ крещеніемъ Камчатскаго полка въ эту кампанію, находившійся подъ непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ непріятельскимъ, показывалъ своимъ подчиненнымъ примѣръ непоколебимаго мужества. Вскорѣ затѣмъ Голевъ съ

---

*) Нынѣ Военный министръ.

**) Полагаемъ, не будетъ нескромностью, если мы позволимъ себѣ, въ подтвержденіе своихъ словъ, привесть слѣдующую выдержку изъ письма генерала Ванновскаго къ Голеву, изъ Оргѣева, отъ 21-го января 1877 г.:

„Какъ забыть мнѣ ваше сердечное расположеніе ко мнѣ во время состоянія моего при Камчадалахъ? Какъ мнѣ забыть ту пользу, которую я извлекъ изъ постояннаго общенія съ вами и изъ вашей просвѣщенной опытности?“

полкомъ своимъ принялъ ближайшее участіе въ осадѣ Силистріи, причемъ успѣлъ заслужить такую лестную репутацію, что былъ назначенъ съ полкомъ штурмовать, съ фланга и тыла, одно изъ самыхъ важныхъ укрѣпленій — Арабъ Табію *). Извѣстно, что въ силу особыхъ политическихъ причинъ, штурмъ Силистріи былъ отмѣненъ, такъ сказать, за нѣсколько минутъ до его начала, когда штурмовыя колонны уже лежали на тѣхъ пунктахъ, съ которыхъ должны были начать приступъ, и только ждали условной сигнальной ракеты. Прикрывать совершившееся затѣмъ отступленіе нашего осаднаго корпуса изъ-подъ Силистріи поручено было Голеву. Отрядъ его состоялъ изъ Камчатскаго полка, баталіоны котораго, будучи выдвинуты въ одну линію, имѣли въ интервалахъ батарею полевой артиллеріи, и изъ казаковъ. Выждавъ извѣстное время, чтобы дать главнымъ силамъ отступить за Дунай, Голевъ, по его собственному сознанію, отъ слезъ, его душившихъ, едва имѣлъ силы скомандовать баталіонамъ: „налѣво кругомъ!“ Шаговъ 200 наше прикрытіе уже отошло отъ траншей, не тревожимое непріятельскимъ огнемъ, какъ выскочилъ изъ передовыхъ укрѣпленій одинъ турецкій удалецъ, видимо слѣдившій за нашимъ движеніемъ, потомъ появился другой, третій, затѣмъ высыпали десятки, сотни Турокъ и всѣ начали кричать „Алла“, махать руками, стрѣлять, плясать и прыгать... Досадно было смотрѣть на этотъ дивертисментъ, завершившій тяжелое и долгое представленіе, устроенное нами подъ стѣнами Силистріи и стоившее намъ столько напрасно пролитой крови!

По отступленіи нашемъ въ предѣлы Россіи, Камчатскій полкъ, изъ-подъ Одессы, былъ привезенъ на подводахъ къ Севастополю, въ который, послѣ стоянки на Бельбекѣ, и вступилъ 8-го декабря 1854 года, начавъ свою боевую службу на лѣвой половинѣ оборонительной линіи, преимущественно на Малаховомъ курганѣ и укрѣпленіяхъ, къ нему прилегавшихъ. Вскорѣ, въ видахъ усиленія нашей оборонительной линіи, на случай штурма города и возможнаго обезпеченія его отъ гибельныхъ послѣдствій безпрестанной канонады и частыхъ бомбардировокъ, наконецъ, съ тѣмъ чтобы возможно на дольшее время продлить оборону города, рѣшено было занять курганъ, находившійся въ 250 саженяхъ впереди Малахова кургана, и сильно укрѣпить его. 26-го февраля на избранномъ пунктѣ заложенъ люнетъ тремя баталіонами Якутскаго полка, а 27-го февраля, продолженіе сооруженія и удержаніе его было возложено на Камчатскій полкъ, подъ командою полковника Голева. Въ ночь на 26-е февраля заложеніе Камчатскаго люнета не замѣтили союзники, а потому потери на немъ не произошло; днемъ они увидѣли работы и начали обстрѣливать курганъ, когда, 27-го февраля, пришли на работу Камчатцы, которые и окрестили его своею кровью: вотъ отчего люнетъ и названъ *Камчатскимъ* (Ouvrage du mamelon vert—у Французовъ, впослѣдствіи, по повелѣнію Наполеона, названный „редутомъ Бранкіона“ въ

*) Записанное нами наканунѣ штурма мы привели въ своемъ мѣстѣ II части настоящаго изданія (Дунайская кампанія), а именно на страницѣ 281.

память убитаго на немъ при его взятіи полковника Бранкіона). Одиннадцать затѣмъ дней Голевъ, со своимъ полкомъ, не сходилъ съ этого новаго, самаго передоваго нашего укрѣпленія, на которое съ невыразимою яростію направился штуцерный и артиллерійскій огонь непріятеля, со всѣхъ тѣхъ батарей и подступовъ, откуда можно было наносить дѣйствительный вредъ защитникамъ воздвигавшагося люнета. Одиннадцать сутокъ безсмѣнно Голевъ съ Камчатцами находился какъ-бы въ аду! Въ это время полкъ понесъ огромныя потери, но онъ не только безтрепетно и покорно выдерживалъ непріятельскій огонь, а для его ослабленія, нерѣдко, самъ переходилъ въ наступленіе. Такъ, въ ночь на 3-е марта, 1-й баталіонъ нѣсколько разъ штыками выбилъ Французовъ изъ ихъ ложементовъ. Такъ, 5-го марта полкъ имѣлъ съ Французами боевую встрѣчу, дорого стоившую и намъ и имъ! Такъ, въ ночь съ 10 на 11 марта предпринята была генераломъ Хрулевымъ большая вылазка съ Камчатскаго люнета для уничтоженія непріятельскихъ апрошей. На этой вылазкѣ Камчатскій полкъ велъ генералъ Голевъ, командуя, въ то же время, правымъ флангомъ войскъ, посланныхъ на вылазку. Опрокинувъ Французовъ, несмотря на сильнѣйшій батальный огонь, которымъ они встрѣтили атакующихъ, Голевъ занялъ лѣвую часть ихъ подступовъ и атаковалъ ихъ первую параллель, причемъ 4-й баталіонъ полка, направясь правѣе прочихъ своихъ баталіоновъ, ворвался въ англійскую батарею, перебилъ ея прислугу и опрокинулъ ея орудія. Затѣмъ Голевъ, по приказанію генерала Хрулева, началъ отводить назадъ войска своей колонны, но замѣтивъ, что непріятель переходитъ въ наступленіе, остановился и двинулся противъ него съ фронта, пославъ баталіонъ Волынскаго полка въ обходъ праваго фланга наступавшихъ Французовъ, въ то время какъ на другой флангъ были направлены Хрулевымъ двѣ роты Волынскаго и двѣ роты Углицкаго полковъ. Слѣдствіемъ этого было то, что опрокинутые Французы бѣжали и за ними ворвались въ первую параллель Днѣпровцы и Камчатцы, перебивъ прислугу батареи и опрокинувъ ея орудія. Правда, что на этой вылазкѣ мы понесли весьма значительную потерю (убито 30 офицеровъ и 1360 нижнихъ чиновъ); но посредствомъ этой вылазки мы выиграли необходимое время для возстановленія и усиленія нашей оборонительной линіи, чему уже въ прежней степени не могъ мѣшать непріятель вслѣдствіе разрушенія апрошей *). Въ заключеніе своего донесенія о вылазкѣ 10-го марта, генералъ Хрулевъ заявилъ, что въ этомъ дѣлѣ были его помощниками дѣятельными и полезными, истинными героями, командиры полковъ: Камчатскаго—Голевъ и Днѣп-

*) По поводу этой вылазки, Голевъ, со свойственнымъ ему юморомъ, передавалъ слѣдующій случай. Начальникъ гарнизона Д. Е. Остенъ-Сакенъ, какъ извѣстно, человѣкъ весьма своеобычный, потребовалъ къ себѣ Голева, на другой день послѣ вылазки, и предложилъ ему разсказать ее въ подробности. Когда Голевъ кончилъ свой разсказъ, внимательно выслушавшій его графъ подставилъ Голеву щеку: „Поцѣлуйте меня, полковникъ!“

Предложеніе это было такъ для Голева неожиданно, что онъ, какъ самъ разсказывалъ, оторопѣлъ и чуть было не перекрестился, уже поднялъ руку, но опомнился и только приложился къ подставленной ему щекѣ.

ровскаго—Радомскій, раненый пулею въ грудь навылетъ, отъ чего впослѣдствіи и умеръ.

По письменному свидѣтельству того же генерала Хрулева *), Голевъ своимъ мужествомъ и распорядительностью много способствовалъ достопамятному отбитію штурма 6-го іюня. Что касается до насъ, то, бывши ближайшими свидѣтелями дѣятельности полковъ 11-й дивизіи въ эти достопамятные дни, мы можемъ удостовѣрить, что если штурмъ Англичанъ 6-го іюня на батарею Яновскаго и Будищева не удался вовсе, то обязаны этимъ мужеству и предусмотрительности Голева.

Извѣстно, что наканунѣ штурма, съ разсвѣтомъ, 5-го іюня, непріятель открылъ усиленное, четвертое по счету, бомбардированіе Севастополя. Голевъ сейчасъ понялъ, что эта ужасная мѣра обѣщаетъ штурмъ, и немедленно приказалъ двумъ ротамъ своего полка стоять постоянно на банкетахъ вышеназванныхъ батарей. За четверть часа до штурма 6-го іюня, Голевъ, судя по извѣстіямъ о движеніи у непріятеля, угадалъ моментъ наступленія минуты приступа и послалъ своего адъютанта, поручика Попеля, сказать людямъ, стоявшимъ на банкетахъ, чтобы были готовы сейчасъ же встрѣтить непріятеля. Предсказаніе сбылось, приступъ начался и Англичане, встрѣченные убійственнымъ ружейнымъ огнемъ съ банкетовъ, вынуждены были отступить.

Всякій разъ, что я встрѣчался съ адмираломъ Панфиловымъ (нынѣ покойнымъ) на севастопольскихъ обѣдахъ, онъ спрашивалъ меня про Голева, про его здоровье и вообще про его житье-бытье, и всякій разъ по-

*) Въ докладной запискѣ, поданной въ 1857 году, когда Голевъ былъ уже въ отставкѣ, управлявшему тогда военнымъ министерствомъ князю Васильчикову, Хрулевъ говоритъ:

Голевъ во время минувшей кампаніи обращалъ на себя особое вниманіе не только ближайшаго, но и высшаго начальства неустрашимостью и полезною распорядительностью въ дѣлахъ на Дунаѣ, преимущественно при осадѣ кр. Силистріи, въ особенности же при защитѣ Севастополя, гдѣ онъ, командуя Камчатскимъ полкомъ въ продолженіе 11 ночей, во оздвигъ, какъ извѣстно, люнетъ, названный по имени полка ему ввѣреннаго, на самомъ опасномъ пунктѣ всей оборонительной линіи Севастополя, подъ смертоноснымъ, сосредоточеннымъ огнемъ непріятеля, при чемъ выбыло изъ строя болѣе половины означеннаго полка и большая часть его храбрыхъ офицеровъ.

Въ славной ночной вылазкѣ, съ 10-го на 11-го марта, отбросившей Французовъ отъ Камчатскаго люнета и уничтожившей ихъ апроши, генералъ Голевъ, искусно и мужественно руководя дѣйствіями пѣхоты отряда, способствовалъ блистательному исходу дѣла и вслѣдъ за симъ, будучи назначенъ начальникомъ пѣхоты 3-го отдѣленія оборонительной линіи, находился на 3-мъ бастіонѣ съ 17-го апрѣля по 6-ое августа, благоразумными и смѣлыми распоряженіями способствовавъ отбитію рѣшительной атаки Англичанъ на передовыя линіи 3-го отдѣленія, 26-го мая, и славному отраженію штурма 6-го іюня отъ самаго бастіона.

Постоянно отличная боевая служба генерала Голева, его опытность въ дѣлѣ ратномъ, его неустрашимость и распорядительность при всѣхъ встрѣчахъ ввѣренной ему части съ недругомъ, тяжкая служба его на 3-мъ бастіонѣ, ознаменованная подвигами необыкновеннаго мужества и стойкости чиновъ ему ввѣренныхъ, воодушевленныхъ его твердостію,—отвага, имъ выказанная въ началѣ 5-го бомбардированія Севастополя, наконецъ головная рана и контузія, имъ понесенная на второй день оной,— всѣ эти труды и подвиги составляютъ кровью купленное право генерала Голева на вниманіе правительства, а потому онъ, Хрулевъ, какъ личный свидѣтель службы генерала Голева, проситъ князя Васильчикова ходатайствовать о пожалованіи Голеву ордена св. Георгія 3-го класса къ которому онъ уже, однажды, за сооруженіе Камчатскаго люнета былъ представляемъ.

вторялъ мнѣ при этомъ, что онъ виноватъ передъ Голевымъ и этой вины простить себѣ не можетъ. Панфиловъ обвинялъ себя въ томъ, что не исходатайствовалъ Голеву Георгія 3-й степени.

Полагая, что Панфиловъ право Голева на полученіе этой высокой награды основываетъ на сооруженіи и одиннадцати-дневной защитѣ Камчатскаго люнета, я недоумѣвалъ: почему Панфиловъ себя винитъ въ этомъ оставленіи подвига Голева безъ справедливаго вознагражденія, не бывши его начальникомъ во время этого событія, такъ какъ Панфиловъ все время командовалъ 3-мъ отдѣленіемъ оборонительной линіи, а Камчатскій люнетъ принадлежалъ къ 4-му отдѣленію оборонительной линіи. Наконецъ, когда, въ послѣднее мое свиданіе съ Панфиловымъ, онъ повторилъ мнѣ свое сѣтованіе, я рѣшился спросить его: за что именно считаетъ онъ Голева заслужившимъ Георгія 3-й степени?

Вотъ что разсказалъ мнѣ адмиралъ Панфиловъ. Во время и послѣ взятія Французами Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета, Голевъ командовалъ пѣхотою на 3-мъ бастіонѣ, который составлялъ часть 3-го отдѣленія оборонительной линіи, состоявшей подъ начальствомъ Панфилова. Взятіе этихъ передовыхъ севастопольскихъ укрѣпленій крайне встревожило нашихъ начальствующихъ, боявшихся успѣшности штурма въ случаѣ его направленія на другіе пункты. Панфиловъ обратился къ Хрулеву, начальнику лѣвой половины оборонительной линіи, въ составъ котораго входило и 3-е отдѣленіе Панфилова, съ вопросомъ: какія принять мѣры? Хрулевъ прямо отвѣчалъ: „Обратитесь къ Голеву, онъ устроитъ это дѣло“. Панфиловъ идетъ къ Голеву. Тотъ говоритъ: „Единственное спасеніе — водворить строжайшій порядокъ въ войскахъ, чтобы насъ, ни въ какомъ случаѣ, не могли застать врасплохъ“.

— Но какъ это устроить? спрашиваетъ Панфиловъ.

„Приказать, и наблюсти за исполненіемъ, чтобы назначенныя для обороны верховъ части ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не покидали своихъ постовъ, а находились бы на своихъ мѣстахъ безсмѣнно, въ продолженіе двухъ сутокъ, затѣмъ были бы смѣняемы свѣжими частями, чтобы вычистить ружья и освѣжиться, но чтобы и эти смѣненныя части не удалялись отъ бастіоновъ, а находились бы по близости, составляя ближайшій резервъ его гарнизона“.

— Однако, у насъ такъ перебьютъ много людей, замѣтилъ Панфиловъ.

— „Совершенно вѣрно, но что же дѣлать? Одно что-нибудь: жалѣть людей или Севастополь!“

Рѣшили—жалѣть Севастополь и предложенный приказъ былъ отданъ за нѣсколько дней до штурма 6-го іюня. Результатомъ было, что когда непріятель пошелъ на штурмъ 3-го бастіона, то встрѣтилъ убійственный огонь сторожившихъ его войскъ, немедленно подкрѣпленныхъ резервами.

Вотъ за эту-то разумную мѣру и за личное наблюденіе за ея точ-

нымъ исполненіемъ, подъ постояннымъ смертоноснымъ огнемъ непріятельскимъ,—мѣру, увѣнчавшуюся блистательнымъ успѣхомъ,—Панфиловъ и считалъ Голева вполнѣ заслужившимъ орденъ св. Георгія 3-й степени.

Дальнѣйшее нахожденіе Голева на 3-мъ бастіонѣ, по словамъ той же, выше цитированной нами, Записки Хрулева, „сопровождалось продолженіемъ командованія пѣхотою 3-го отдѣленія, не выходя изъ огня непріятельскаго, ежечасно, ежеминутно жертвуя своею жизнью, выдержавъ первые порывы страшной артиллерійской борьбы, начавшейся 5 августа и заключившейся для Голева (6 августа) раною и контузіею въ голову осколкомъ бомбы". Раненый Голевъ не могъ долѣе оставаться на бастіонѣ и былъ отправленъ сперва на Сѣверную, потомъ въ Аулъ-Дуванку, гдѣ и прожилъ до излѣченія и послѣдовавшаго затѣмъ, 29 октября 1855 года, назначенія командиромъ 2-й бригады 10-й пѣхотной дивизіи.

Наградою заслугъ Голева въ Восточную войну были: чинъ генералъ-маіора 14 іюля 1855 года; орденъ св. Владиміра 3 степени съ мечами, за отличіе при осадѣ Силистріи въ 1854 году; золотая сабля съ надписью: „за храбрость", 29 іюня 1855 года, за отличіе при оборонѣ Севастополя, и брилліантовая шпага съ надписью „за храбрость", за отбитіе штурма 6 іюня.

IV.

Казалось бы, И. П. Голевъ въ годы полнаго мужественнаго развитія (Голеву, когда кончилась Севастопольская война, было всего 50 лѣтъ); съ тою завидною репутаціею, какую онъ успѣлъ себѣ составить, какъ боевой офицеръ, какъ начальникъ распорядительный и твердый, какъ человѣкъ высокой честности и ума недюжиннаго; при той служебной дорогѣ, на которой онъ тогда стоялъ; при тѣхъ дружескихъ отношеніяхъ, какія у него установились со многими сильными людьми того времени,—казалось бы, Голеву стоило только продолжать службу, чтобы достигнуть высшихъ ступеней служебной карьеры, въ то же время принося дѣйствительную пользу дѣлу.

Но Голевъ думалъ иначе.

Несмотря на нѣсколько сдѣланныхъ ему оффиціальныхъ предложеній, безъ всякаго съ его стороны искательства, занять весьма видные посты военной администраціи, Голевъ вышелъ въ отставку, 16 декабря 1856 года, удовольствовавшись пенсіономъ въ 862 рубля въ годъ.

Главною причиной такой рѣшимости Голева была его крайняя скромность. „Видите,—говаривалъ онъ,—новымъ духомъ вѣетъ. Новые нужны дѣятели, свѣжія, молодыя силы. Мы уже не пригодны для предстоящей дѣятельности. Намъ переработываться поздно. Мы свою службу Отечеству отслужили, какъ умѣли. Насъ, какъ изорванныя, истрепанныя старыя знамена, надо сдавать въ арсеналъ, на храненіе!"

И вотъ Голевъ поселился въ Москвѣ, составивъ себѣ тѣсный, истин-

но-дружескій кружокъ знакомыхъ. Въ ихъ, до послѣднихъ дней съ любовью имъ поминавшемся обществѣ, да въ обществѣ книгъ, газетъ и журналовъ, посвящая чтенію цѣлые дни, Голевъ провелъ болѣе 17 лѣтъ.

Однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ домовъ Москвы, открывшихъ Голеву свои двери, былъ домъ (нынѣ покойнаго) сенатора Храповицкаго. Тамъ Иванъ Петровичъ часто встрѣчался съ знаменитымъ А. П. Ермоловымъ, который звалъ Храповицкаго своимъ „старшимъ братомъ“ *).

Ермоловъ, въ первый же день знакомства съ Голевымъ пригласилъ его къ себѣ. Разумѣется, тотъ не замедлилъ воспользоваться приглашеніемъ. Въ первый свой визитъ Ермолову, Голевъ съ большимъ вниманіемъ всматривался въ обстановку его кабинета, увѣшаннаго историческими картинами и портретами. Особенное вниманіе его остановилъ на себѣ большой портретъ Наполеона I, висѣвшій сзади кресла, обыкновенно занятаго Ермоловымъ.

— „Знаете, отчего я повѣсилъ Наполеона у себя за спиной?“ спросилъ Ермоловъ.

— Нѣтъ, ваше в—о, не могу себѣ объяснить причины.

— „Отъ того, что онъ при жизни своей привыкъ видѣть только спины наши!“

Послѣ Голевъ довольно часто посѣщалъ Алексѣя Петровича и проводилъ цѣлые часы въ бесѣдѣ съ нимъ, въ разсказахъ о Севастополѣ, выслушивая воспоминанія знаменитаго героя о давноминувшихъ временахъ Отечественной войны и о Кавказѣ.

Изъ разсказовъ Ермолова Голеву я записалъ одинъ въ 1867 году.

Однажды, Ермоловъ приглашенъ былъ къ столу императора Александра I-го, за тѣмъ же обѣдомъ былъ и генералъ Капцевичъ. Государь былъ очень веселъ, шутилъ, смѣялся и, между прочимъ, спросилъ Ермолова:

— „Послушай, Алексѣй Петровичъ, признайся: какъ ты, холостякомъ живя на Кавказѣ, пробавлялся на счетъ того... понимаешь?“

— А я, государь,—отвѣчалъ Ермоловъ,—послѣдовалъ примѣру генерала Капцевича: устроилъ тамъ этапы, да съ одного на другой и переѣзжаю!

Государь очень смѣялся, но чтобы понять смыслъ этой шутки, надо знать, что генералъ К. (присутствовавшій на обѣдѣ) былъ командиромъ корпуса Внутренней стражи и устроилъ по Россіи этапы для пересылки арестантовъ.

*) Доказательствомъ этого названія, присвоеннаго Ермоловымъ Храповицкому, хранящаяся у меня, подаренная мнѣ Голевымъ, собственноручная записка Алексѣя Петровича къ Храповицкому, писанная въ 1861 году, т. е. не задолго до кончины кавказскаго героя, но еще очень четко и твердо, хотя и по линейкамъ. Записка эта слѣдующаго содержанія: «Вчера не видѣлъ старшаго брата по собственной глупости и жалѣлъ чрезвычайно. Каюсь и впредь умничать не буду, все объясню подробно. Душевно преданный Ермоловъ». Объясненіе повода этой записки очень простое. Ермоловъ далъ слово пріѣхать къ Храповицкому обѣдать, между тѣмъ почему-то вообразилъ, что къ нему долженъ пріѣхать въ этотъ день одинъ изъ бывшихъ тогда проѣздомъ въ Москвѣ кавказскимъ генераловъ; поджидая его, Ермоловъ и пропустилъ обѣденный часъ Храповицкаго, а между тѣмъ жданный гость не пріѣхалъ.

По несчастію, въ періодъ московской жизни, въ тиши и спокойствіи кабинета, переходъ къ которымъ, быть можетъ, былъ слишкомъ рѣзокъ для могучаго организма Голева, привыкшаго, въ теченіе всей предыдущей жизни, къ постояннымъ трудамъ, лишеніямъ и тревогамъ боеваго и походнаго быта,—его поразилъ нервный ударъ, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться всю остальную жизнь, несмотря на постоянное и искусное лѣченіе. Разъ потрясенный организмъ ослабѣвалъ постоянно; удары повторялись; помощь науки была безсильна. Особенно Голевъ сталъ хирѣть съ 1873 года; онъ началъ дурно слышать; ему стала измѣнять память, а въ послѣдній годъ жизни ноги совершенно отказались служить ему и два мѣсяца до кончины онъ уже не покидалъ постели.

Лѣтъ за 7 до кончины, Голевъ оставилъ Москву и пріѣхалъ доживать свой вѣкъ въ Самару, въ мою семью, своего стараго подчиненнаго и друга, на рукахъ котораго и кончилъ свою жизнь, честную, ничѣмъ не омраченную и, въ свое время, принесшую пользу Отечеству.

За нѣсколько дней до кончины, Иванъ Петровичъ, вслѣдствіе собственнаго желанія, сподобился принятія св. Таинъ Христовыхъ. На могилѣ его поставленъ приличный памятникъ, на мраморѣ котораго, вмѣсто эпитафіи, мы начертали: „Онъ построилъ Камчатскій люнетъ“.

Миръ праху его, одного изъ остальныхъ „той стаи славной Севастопольскихъ орловъ!“.

Приложеніе IV.

Василій Васильевичъ Безобразовъ *).

(Къ статьѣ 7 августа, Севастополь).

Подпоручикъ Безобразовъ доставилъ мнѣ записку о времени, проведенномъ имъ въ Севастополѣ, которую нахожу нелишнимъ помѣстить здѣсь, считая интереснымъ все, что только дѣлалось хорошаго и дурнаго въ стѣнахъ осажденнаго Севастополя.

Въ приводимыхъ здѣсь запискахъ Б. я выбросилъ всѣ разсказы, касающіеся личныхъ ощущеній разскащика и ежедневныхъ его впечатлѣній... Я разсказываю здѣсь только факты изъ боевой жизни Б., полагая, что микроскопическое зеркало этого разсказа должно въ себѣ отразить одинъ изъ уголковъ великой картины съ вѣрностію дѣйствительности.

Конно-артиллеристъ Безобразовъ, въ числѣ трехъ офицеровъ, былъ командированъ въ Севастополь для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ по недостатку пѣшихъ артиллеристовъ.

Б., по прибытіи въ Севастополь, въ началѣ мая 1855 года былъ Начальникомъ артиллеріи гарнизона назначенъ на 4 бастіонъ. Немедленно явясь начальнику артиллеріи бастіона, капитану 2 ранга Завадовскому, Б. получилъ приказаніе поступить на вахту (въ дежурство) по бастіону, съ тѣмъ чтобы ближе познакомиться съ положеніемъ непріятельскихъ батарей и чрезъ нѣсколько дней принять батарею, вакантную за смертію ея командира, вчера убитаго. Но послушаемъ самого Б.

„Вахта на 4 бастіонѣ была для меня самою тяжкою службой. Сутки дѣлились на четыре вахты. Если бывало четверо дежурящихъ, на мою долю доставалась одна вахта въ сутки, а чаще, по случаю убыли офицеровъ, доставалось стоять двѣ вахты. Эта служба была тѣмъ утомительнѣе, что очень часто доставалось служить ночью. Послѣ таковой вахты ходишь, бывало, весь день какъ сонный. Къ тому же постоянная гроза смерти держала меня

*) В. В. Безобразовъ дворянинъ и землевладѣлецъ Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи, воспитывался въ Орловскомъ Бахтина-кадетскомъ корпусѣ и произведенъ въ прапорщики конной артиллеріи, кажется, въ 1852 году.

въ неестественномъ положеніи; душный воздухъ бастіона, постоянно прикрытаго или дымнымъ облакомъ канонады, или тучею пыли, обыкновенно подымающейся ночью при производствѣ исправленій и новыхъ сооруженій на бастіонѣ, такъ дѣйствовалъ на мое здоровье, что я думалъ: слягу непремѣнно, и всѣ мои героическія фантазіи, всѣ блестящія надежды лопнутъ, какъ мыльные пузыри, въ убійственной атмосферѣ какого-либо госпиталя!... Но вскорѣ я попривыкъ; совершенно познакомился съ мѣстностію; время моего искуса миновалось, и мнѣ дали батарею, составляющую правый флангъ праваго фаса, четвертаго бастіона.

Признаться сказать, это назначеніе меня совершенно переродило и осчастливило, возвысивъ въ собственныхъ моихъ глазахъ.

Наконецъ-то, думалось мнѣ, и я занимаю одно изъ главныхъ амплуа на театрѣ, въ которомъ зрители — весь міръ: подъ моею командою батарея въ первой оборонительной линіи, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ непріятеля; борьба съ ними предоставлена моей волѣ, мнѣ предоставлена честь обороны слабѣйшаго пункта 4 бастіона, слабѣйшаго потому, что моя батарея, построенная на скалѣ, даже не имѣла впереди себя рва. Доступъ къ моей батареѣ былъ затрудненъ для непріятеля только *боронами*, покрывающими пространство передъ нею — средство совершенно ненадежное, потому что большая часть досокъ, набитыхъ гвоздями, составлявшихъ эти *бороны*, была разбита въ щепы непріятельскими разрывными снарядами. Итакъ въ моей рукѣ судьба многихъ: я *начальникъ*, несмотря на мои 22 года и мнѣ порою начинаетъ казаться, что моя батарея исходная для меня точка того пути, которымъ достигаютъ фельдмаршальскаго жезла!... Я очень скоро сроднился съ своею батареею, съ своею маленькою арміею, составлявшею ея населеніе и защитниковъ; сблизился съ своими сосѣдями, былъ обласканъ начальниками бастіона и командирами пѣхотныхъ полковъ: Тобольскаго полковникомъ Зеленымъ *) и Томскаго полковникомъ Лидовымъ; ихъ полки составляли гарнизонъ нашего фланга бастіона, а сами они жили на бастіонѣ, по сосѣдству со мною. Скорехонько я такъ привыкъ къ бастіонной жизни, къ ея опасностямъ и тревогамъ, что жизни прекраснѣе этой я не могъ себѣ и представить.

Борьба съ моимъ противникомъ составляла для меня величайшее наслажденіе. Я съ нимъ боролся чаще, чѣмъ другіе мои товарищи боролись съ своими противниками, потому что на меня, какъ на слабѣйшаго сравнительно съ собою, онъ налегалъ всѣми силами, думая, какъ было видно, непремѣнно меня уничтожить. Это затруднительное положеніе мое и составляло для меня интересъ дѣла. Всѣ были убѣждены, что мнѣ не устоять, но въ томъ-то и была задача: не только устоять, но и одолѣть противника.

Въ постоянныхъ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ я дѣйствовалъ, какъ на практическомъ ученьи. Я, правда, посылалъ противнику рѣдкіе выстрѣлы

*) Александръ Алексѣевичъ Зеленый, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и Министръ государственныхъ имуществъ, нынѣ умершій.

въ отвѣтъ на его частую пальбу, но за то выстрѣлы обдуманные, разсчитанные по всѣмъ правиламъ науки, въ высшей степени отчетливые, выстрѣлы, за которыми я имѣлъ возможность слѣдить и, видя паденіе снарядовъ, положительно знать степень вѣрности пальбы, ручаясь такимъ образомъ за ея дѣйствительность.

Во время бомбардировокъ было уже совсѣмъ другое дѣло: непріятельскій огонь приводилъ меня въ самое плачевное состояніе, не силою своею и огромнымъ количествомъ снарядовъ, преимущественно Богъ вѣсть куда летѣвшихъ, а тѣмъ, что я долженъ былъ сидѣть, сложа руки, не имѣя возможности дѣйствовать въ непріятеля прицѣльно, по милости густой тучи дыма и пыли, которые отъ обоюднаго нашего огня стояли въ этихъ случаяхъ обыкновенно на всемъ полѣ дѣйствія и совершенно его заволакивали, закрывая отъ меня всякую цѣль, кромѣ мгновенныхъ вспышекъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Тутъ за вѣрность огня я не могъ отвѣчать, поэтому и молчалъ, отодвинувъ орудія за мерлоны и только изрѣдка посылая врагу выстрѣлъ, чтобъ онъ не возгордился, думая, будто *заставилъ* меня молчать.

Непріятель былъ въ другомъ, сравнительно со мною, положеніи: мракъ, образовывавшійся отъ пороховаго дыма и пыли, не мѣшалъ ему дѣйствовать, онъ поддерживалъ учащенный огонь (хотя, подобно мнѣ, не видѣлъ цѣли своей пальбы), въ томъ безошибочномъ предположеніи, что всякій его выстрѣлъ можетъ найти себѣ жертву или цѣль, если не на моей батареѣ, то за нею—въ городѣ.

Въ бомбардировку, предшествовавшую взятію нашихъ передовыхъ редутовъ, я контуженъ въ плечо. Послѣ бомбардировки, предвѣстницы штурма, 6 іюня, до бомбардировки, начавшейся 5 августа, наша здѣсь жизнь была однообразна, постоянно и ежедневно знаменуясь борьбою съ противниками; но къ этой борьбѣ мы уже совершенно привыкли, и проявленія ея, ежедневно поражавшія взоръ и чувства своею грандіозностію, сдѣлались для насъ явленіями жизни обыденной, потерявъ свой поразительный характеръ. Мы до того освоились съ этою жизнью, что проводили большую часть времени внѣ блиндажей, не обращая вниманія на непріятельскіе снаряды. Особенно мы сдѣлались безпечны послѣ того, какъ англійская батарея, имѣвшая возможность дѣйствовать въ тылъ моей батареѣ, перестала по ней стрѣлять, видя, что ея снаряды, переносясь чрезъ мою батарею, ложились во французскую траншею. Сдѣлавшись по милости этого событія безопаснымъ отъ прицѣльнаго анфиладнаго огня, я устроилъ подъ брустверомъ своей батареи скамеечку и проводилъ на ней большую часть свободнаго времени въ бесѣдѣ съ гостями или за книгою, несмотря на то, что одному изъ моихъ товарищей, распивавшему со мною чай, на этой самой скамьѣ осколкомъ отхватило руку. Оставивъ безъ вниманія предостереженіе судьбы, я едва не былъ тяжко наказанъ: однажды, противъ обыкновенія, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, я велѣлъ подать себѣ чай не на скамью, а въ блиндажъ, и между тѣмъ, какъ я пилъ чай, мою скамью разнесло разрывомъ бомбы!

Вотъ нѣсколько случаевъ, бывшихъ со мною во время моего пребыванія въ Севастополѣ.

17 іюня я не спалъ всю ночь и ходилъ по бастіону, присматривая за рабочими. Вдругъ чувствую сильный ударъ въ правый бокъ чѣмъ-то большимъ, но на ногахъ я устоялъ; схватился за бокъ—мокро, особой боли нѣтъ въ пораженномъ мѣстѣ. Что же, я раненъ или нѣтъ? Поскорѣе войдя въ ближайшій блиндажъ, смотрю, шинель моя вся въ крови, думаю: вѣрно я сгоряча не чувствую раны; растегиваю шинель—сухо, благодаря Бога—я невредимъ! Отправясь съ фонаремъ на мѣсто полученія удара, я увидѣлъ валяющуюся окровавленную человѣческую ногу! Тогда я понялъ, что гдѣ нибудь разнесло бомбою человѣка и ударило меня въ бокъ оторванною ногою несчастнаго.

27 іюня мы съ начальникомъ артиллеріи бастіона, А. П. Спицынымъ, сидѣли часу въ 1-мъ ночи въ моемъ маленькомъ блиндажѣ, какъ вдругъ, слышимъ, упала бомба на верхнихъ ступенькахъ спуска въ блиндажъ и катится къ намъ. — Минута была рѣшительная — мы были на волоскѣ отъ смерти, вдругъ бомба лопнула, двери блиндажа распахнулись, и значительной величины осколокъ влетѣлъ къ намъ, ударивъ въ стѣну между мною и Спицынымъ.

Мой блиндажъ находился у самой тропинки, по которой безпрестанно ходили солдаты, а потому, въ случаѣ близкаго паденія бомбы, прохожіе забѣгали въ мой блиндажъ. Однажды ночью осколокъ близко лопнувшей бомбы залетѣлъ подъ навѣсъ входа въ мой блиндажъ, убилъ и ранилъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ числа искавшихъ спасенія отъ бомбы, при чемъ одному солдату словно ножемъ отрѣзало голову.

15 іюля у меня въ блиндажѣ были гости на пирогѣ, по случаю именинъ моего отца. Вдругъ слышу, падаетъ бомба неподалеку. Чтобы пыль, поднятая ея разрывомъ, не пошла въ блиндажъ, я затворилъ его дверь и придержалъ ее рукою, несмотря на неудовольствіе присутствующихъ, которые остались въ темнотѣ. Въ это время бомбу разорвало, одинъ небольшой ея осколокъ ударилъ съ такою силою въ дверь, что я упалъ навзничь съ вывихнутымъ большимъ пальцемъ правой руки, которою держалъ дверь. Но во всякомъ случаѣ, еслибъ дверь была отворена, осколокъ влетѣлъ бы въ блиндажъ и засѣлъ бы въ комъ-нибудь изъ насъ, какъ онъ теперь засѣлъ въ дверь.

22 іюля—день навсегда для меня незабвенный! Часу въ третьемъ утра, вижу, дальная семи-орудійная батарея открыла по мнѣ огонь: я тотчасъ вызвалъ прислугу къ орудіямъ, и бой закипѣлъ. Едва я успѣлъ сдѣлать по одному выстрѣлу изъ орудія, какъ другой мой врагъ—ближайшая семи-орудійная батарея также открыла по мнѣ огонь, и однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ сбила у меня орудіе, оставивъ меня съ четырьмя орудіями дѣйствовать противъ 14-ти. Однако, несмотря на неравность силъ, уклониться отъ боя не позволяли долгъ и совѣсть, и я рѣшился бороться до послѣдней

возможности, сосредоточивъ свой огонь на дальней батареѣ, какъ на болѣе для меня опасной. Я самъ наводилъ орудія. Мой огонь былъ рѣдокъ, но страшенъ врагу: каждый выстрѣлъ мой попадалъ въ батарею, и, по особому счастью, большая часть въ самую амбразуру или мерлонъ, такъ что чрезъ $2^1/_2$ часа дальній мой противникъ замолчалъ: у него подбито мною пять орудій и два засыпаны! Видя гибель товарища, ближайшій мой противникъ самъ прекратилъ огонь, а потому замолчалъ и я, не желая больше терять людей, которыхъ въ этотъ трехчасовой бой выбыло на моей маленькой батареѣ пятнадцать человѣкъ. Я торжествовалъ. Мой успѣхъ былъ несомнѣненъ и видимъ для всѣхъ; прислуга моей батареи была на седьмомъ небѣ восторга. Начальникъ артиллеріи бастіона пришелъ посмотрѣть на результатъ моей борьбы, и, видя ея блестящій успѣхъ, донесъ немедленно начальнику гарнизона. На другой день пришелъ ко мнѣ на батарею генералъ-адъютантъ графъ Остенъ-Сакенъ, осмотрѣлъ въ трубу развалины непріятельской батареи и, удостовѣрившись въ ея разрушеніи, поцѣловалъ меня, назвалъ храбрымъ, знающимъ свое дѣло артиллеристомъ, и благодарилъ меня при всѣхъ.

На другой же день графъ Остенъ-Сакенъ объявилъ гарнизону о моемъ успѣхѣ слѣдующимъ приказомъ: „Объявляю мою искреннюю признательность подпоручику конно-легкой № 8-го батареи Безобразову, который, дѣйствуя сначала изъ пяти, а потомъ изъ четырехъ орудій противу двухъ семи-пушечныхъ непріятельскихъ батарей, въ продолженіи $2^1/_2$ часовъ, и сдѣлавъ въ сложности не болѣе 70-ти выстрѣловъ, сбилъ пять непріятельскихъ орудій, чѣмъ прекратилъ непріятельскій огонь и заставилъ ихъ надолго молчать, что означаетъ знаніе своего дѣла и исполненіе возложенныхъ на него обязанностей“. Впослѣдствіи за этотъ подвигъ я имѣлъ счастіе получить орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Въ пятую бомбардировку меня ранило осколкомъ въ голову и меня отнесли въ Николаевскія казармы, а оттуда увезли на сѣверную сторону, въ балаганъ сестры моей, Варвары Васильевны Алабиной, гдѣ я и оставался до 24 августа. Сестра сама за мною ходила, сама все время перевязывала, обмывала мою рану, берегла и лелѣяла меня.

Съ разсвѣтомъ 24 августа началась послѣдняя бомбардировка Севастополя. Съ полчаса я смотрѣлъ на ея ярость и наконецъ не могъ долѣе оставаться зрителемъ страшной борьбы: батарея моя дѣйствовала безъ меня. Эта мысль терзала мою душу, и, несмотря на незажившую еще рану, я отправился на бастіонъ. Такъ сказать подъ градомъ снарядовъ, измученный сильными ощущеніями, отъ которыхъ сталъ было отвыкать, обезсиленный болѣзнію, я едва дотащился до блиндажа начальника отдѣленія, генералъ-маіора Шульца. Тутъ я засталъ командировъ полковъ 10 дивизіи. Генералъ Шульцъ при всѣхъ благодарилъ меня за храбрость, побудившую придти раздѣлить съ товарищами опасность, отъ которой имѣлъ бы полное право быть подальше. Явившись начальству, я отправился на свою батарею, прислуга которой встрѣтила меня съ непритворнымъ восторгомъ.

Въ огнѣ и дымѣ безпрестанной канонады моя жизнь потекла прежнимъ путемъ, посреди тѣхъ же тревогъ и опасностей, къ которымъ я было уже совершенно привыкъ въ первый періодъ моей бастіонной жизни.

Бомбардировка 24, 25 и 26 августа, побудила насъ дѣйствовать съ неослабной энергіей; причемъ убитъ мой сосѣдъ по батареѣ лейтенантъ Мартынъ, съ которымъ мы подружились съ перваго дня моего прибытія на 4-й бастіонъ и который прослуживъ на бастіонѣ все время осады, съ первыхъ ея дней, оставался всегда цѣлъ и невредимъ.

27 августа, когда Французы ударили на редутъ Шварца, я открылъ батальный огонь изъ всѣхъ орудій во флангъ непріятельскимъ штурмовымъ колоннамъ; вслѣдствіе сего ближняя семи-орудійная батарея открыла по мнѣ учащенную канонаду, наносившую моей прислугѣ сильный вредъ. Однимъ изъ выстрѣловъ моего противника разбило верхнюю часть бруствера моей батареи и на меня навалило мѣшки съ землею, а пять человѣкъ убило и ранило. Вытащенный изъ-подъ мѣшковъ и видя отступленіе штурмовыхъ колоннъ, я обратилъ огонь своей батареи на своего ближайшаго врага и рѣшился до тѣхъ поръ не прекратить огня, пока не отомщу ему за нанесенную мнѣ сегодня потерю, или пока не погибну самъ.

Провидѣніе рѣшило иначе: вскорѣ получено было приказаніе отступить на Сѣверную!... Руки опустились!...

Чрезъ нѣсколько дней по совершеніи достопамятнаго отступленія, мнѣ было приказано выстроить батарею, на высотѣ, между Константиновскимъ и Михайловскимъ фортами, вооружить ее и принять надъ нею команду. Я быстро и точно исполнилъ приказаніе. Моя батарея названа *„семнадцатымъ нумеромъ“*, и я началъ дѣйствовать по всему пространству отъ сухихъ доковъ до Александровскаго форта.

Моя батарея поддерживала сильнѣйшій огонь во время бомбардированія Сѣверной стороны, производимаго союзниками съ мортирныхъ батарей, поставленныхъ за Николаевскими казармами, за № 8 и за Александровскимъ фортомъ. Впослѣдствіи же, когда бомбардированіе прекратилось и огонь моей батареи значительно былъ ослабленъ, я дѣйствовалъ только въ случаѣ появленія партіи любопытныхъ, бродившихъ по Севастополю пѣшкомъ или верхомъ, да по работамъ въ докахъ.

Такимъ образомъ я съ своею прислугою отдыхалъ на созданной мною батареѣ № 17 до заключенія мира, наслаждаясь чуднымъ воздухомъ и дивною картиною безбрежнаго моря и развернутаго подъ моими выстрѣлами завѣтнаго Севастополя.

За службу въ Севастополѣ Безобразовъ былъ награжденъ истинно по-царски! Юноша, едва со школьной скамейки, онъ получилъ: чинъ подпоручика, ордена: св. Георгія 4 степени, св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ, св. Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ, св. Станислава 2 ст. съ мечами.

Безобразовъ вышелъ изъ Крымской кампаніи съ сильно потрясеннымъ здоровьемъ, которое подорвалось окончательно службою при графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ въ Восточной Сибири, гдѣ онъ сильно простудился и получилъ сильнѣйшій ревматизмъ во время служебной командировки на острова Ситху, Сахалинъ и въ Японію, и не могъ уже возстановить своего здоровья во всю свою остальную жизнь. Не помогло ему ни успокоеніе отъ невзгодъ военно-походной жизни, на должности полицеймейстера г. Вольска, Саратовской губерніи, доставленной ему комитетомъ о раненыхъ;—уходъ и заботы нѣжно-любившей его жены; — ни частыя поѣздки за границу къ европейскимъ медицинскимъ знаменитостямъ и къ минеральнымъ водамъ, которыя онъ совершалъ благодаря щедротамъ, въ Бозѣ почивающаго нынѣ Императора Александра Николаевича, неоднократно лично удостоивавшаго выражать отеческую заботу о состояніи здоровья Безобразова; — ничего не помогало, онъ продолжалъ страдать. Куда дѣвалась его юношеская красота, его живость?! Не имѣя еще тридцати лѣтъ отъ роду Безобразовъ казался уже старикомъ. Постоянныя страданія головы и ревматическія боли не давали ему дня покоя, но страданія физическія были безсильны сломить его нравственную природу. Едва раздались первые звуки бранной трубы въ 1877 году, призывавшей Русь на новую великую борьбу, Безобразовъ поспѣшилъ стать въ боевые ряды, и когда Государь Императоръ, при его представленіи Его Величеству, изволилъ обратить вниманіе на его болѣзненный видъ, онъ отвѣчалъ: „Мы, Севастопольцы, хирѣемъ безъ дѣла. Прикажите, Государь,—оживемъ!“.

И дѣйствительно, мертвые развѣ только не оживутъ у насъ, когда развернется отечественное знамя!

Подполковника Безобразова было назначили командовать артиллерійскимъ паркомъ въ Петербургѣ; но служба эта съ ея хозяйственными заботами, канцеляршиной, денежной частію — была не по немъ; не такой скучной службы искалъ онъ и личная просьба его, обращенная къ генералъ-адъютанту Баранцеву, имѣла успѣхъ: его послали въ дѣйствующую армію и дали въ команду лѣвый флангъ осадныхъ батарей противъ Рущука, по Дунаю. Онъ строилъ эти батареи, онъ ихъ вооружалъ, онъ на нихъ боролся съ грозной Рущукской твердыней ежедневно, причемъ однажды вмѣстѣ съ полковникомъ Бильдерлингомъ, командиромъ всей линіи осадныхъ батарей противъ Рущука, слѣдя въ трубу съ батареи за дѣйствіемъ нашихъ снарядовъ по крѣпости, былъ одною разорвавшеюся надъ ними гранатою контуженъ въ голову, также какъ Бильдерлингъ и долженъ, былъ покинуть строй, хотя еще не навсегда. Безобразова отвезли въ Бухарестъ, гдѣ, въ моей квартирѣ, ему подалъ первоначальную помощь профессоръ Чудновскій, состоявшій при главномъ управленіи россійскаго общества „Краснаго Креста“, но ударъ, ему нанесенный, требовалъ радикальнаго лѣченія и онъ поступилъ въ Бранковинскій госпиталь, откуда, послѣ шестинедѣльнаго тамъ пребыванія, еще не вполнѣ оправившись, воротился къ своему посту, на Слободзейскія батареи.

Какъ онъ велъ себя на этой службѣ, лучше всего свидѣтельствуетъ слѣдующее представленіе о немъ, въ то время уже полковникѣ, сдѣланное по начальству августѣйшимъ начальникомъ Рущукскаго отряда, Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ.

„Командуя съ 10 іюня по настоящее время (14 декабря 1877 г.) лѣвымъ флангомъ осадныхъ батарей, а съ 15 іюня по 21 всѣми батареями при бомбардировкѣ крѣпости Рущука, неоднократно своими энергическими и практически-вѣрными распоряженіями, огнемъ ввѣренныхъ ему батарей достигалъ блестящихъ результатовъ, а именно:

1) Неоднократное сбитіе непріятельскихъ орудій, заставлявшее прекратить огонь съ батарей болѣе чѣмъ на сутки (12, 13, 14 и 15 іюня).

2) Взрывъ пороховаго погреба, помѣщеннаго въ мечети—19 іюня.

3) Сожженіе палубы монитора и двухъ пароходовъ 30 августа и 1 сентября, во время чего тяжело контуженъ въ голову.

4) Находясь на батареѣ № 1, распорядительностью своею предупредилъ взрывъ пороховаго погреба, загорѣвшагося было отъ попавшей въ нишу бомбы—16 ноября.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго и на основаніи Свода В. Пост. II части 2 книги, статей 116—232, по §§ 22-му и второй половины 19-го, нахожу законнымъ испрашивать о награжденіи его, какъ кавалера ордена св. Георгія 4 ст.—*Орденомъ св. Георгія 3 степени.*

Считаю заслуги настоящія Севастопольскаго героя настолько дѣйствительными, что нахожу законной обязанностью просить обратить особенное вниманіе на израненнаго, но тѣмъ не менѣе вполнѣ энергичнаго офицера“.

№ 713.
13 декабря 1877.

За отличіе, въ постоянной шестимѣсячной борьбѣ съ непріятелемъ, Безобразовъ получилъ четыре высочайшія награды, а именно: чинъ полковника, ордена: св. Анны 2 степени съ мечами, св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ и св. Владиміра 3 ст. съ мечами.

Итакъ, В. В. Безобразовъ въ двѣ войны получилъ девять высочайшихъ наградъ, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ первую изъ этихъ войнъ онъ получилъ и разрушеніе здоровья,—источникъ 24-лѣтнихъ постоянныхъ страданій,—преждевременную сѣдину,—преждевременную старость, а во вторую войну, получилъ смерть, агонія которой продолжалась 11 мѣсяцевъ, такъ какъ со времени послѣдней контузіи, страданія Безобразова не прекращались, несмотря на помощь европейскихъ знаменитостей, до самой смерти его въ Ниццѣ, куда онъ былъ отправленъ на средства правительства.

Безобразовъ умеръ въ 1879 году послѣ тяжкихъ и долгихъ мученій, на рукахъ нѣжно любившихъ его—жены и двухъ взрослыхъ дочерей.

Много, о много мукъ вынесли эти бѣдныя женщины, сострадая долгіе дни и мѣсяцы любимому существу! Пусть же утѣшеніемъ имъ послужитъ убѣжденіе, что вѣнецъ Христова мученика уготованъ не тому только кто отлетаетъ въ міръ надзвѣздный прямо съ поля битвы за Отчизну,—но онъ уготованъ и тому, кого сводитъ съ этого славнаго поля въ могилу холодная рука Ангела смерти тернистымъ, долгимъ путемъ томительныхъ страданій.

Приложеніе V.

Выдержка изъ дневника поручика Маевскаго *).

Константинополь. 2 іюня 1855 г.

Я оправился отъ болѣзни. Раны мои позволяютъ мнѣ опять взяться за перо, и хотя дневникъ мой остался на Корабельной, но я стану продолжать его, записывая все въ новую тетрадь.

Во-первыхъ, надо пополнить пробѣлъ, образовавшійся по милости послѣднихъ событій.

22 мая началось новое бомбардированіе Севастополя, часа въ три по полудни. Не обращая вниманія на снаряды, летавшіе по улицамъ, мы, отъ нечего дѣлать, преспокойно попивали пуншъ, собравшись большою гурьбою въ нашей общей съ Мясоѣдовымъ квартирѣ, толкуя о томъ, о семъ, разгадывая намѣренія союзниковъ, бывшія причиною открытія этой канонады.

Дѣло было къ вечеру. Принесли приказаніе моей ротѣ ночевать на Будищева батареѣ. Всѣ стали расходиться. Мясоѣдовъ побѣжалъ къ полковнику Голеву, при которомъ онъ состоялъ на ординарцахъ. Я перемѣнилъ бѣлье, простился съ хозяйкою и тоже пошелъ на бастіонъ. Боже мой, Боже! думалъ ли я, что мнѣ не суждено возвратиться на эту квартиру? Я выходилъ изъ воротъ съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ выходилъ и вчера, и третьяго дня. Мы провели ночь подъ брустверомъ батареи Будищева, у землянки полковника Голева съ маіоромъ Хоменко и ординарцами полковника: Мясоѣдовымъ, Митей Ивановымъ и Поленсомъ, но, до разсвѣта, часа въ два съ половиною, мы пошли съ Поленсомъ впередъ. Онъ, по обыкновенію, командуя штуцерниками, я съ ротою влѣво, во фланговый ложементъ нашихъ траншей. На смѣну намъ должны были придти вторая и третья егерскія роты. Вечеромъ, можетъ быть, онѣ и пришли, но я не дождался смѣны. Въ ложементы и траншею праваго фланга пошелъ съ третьей карабинерною ротою прапорщикъ Максимовичъ, а центръ, т.-е. пространство между мною и Максимовичемъ, занялъ со взводомъ прапорщикъ Заевскій.

Бомбардировка свирѣпѣла съ каждымъ часомъ, но, по милости Божіей, для меня и моей команды день этотъ проходилъ благополучно, и я не имѣлъ убыли въ людяхъ, несмотря на огромное количество снарядовъ, упав-

*) Нынѣ полковникъ, Воинскій начальникъ въ г. Крестцахъ.

шихъ и разрѣшившихся около насъ и надъ нами. Въ шесть часовъ пославъ унтеръ-офицера къ полковнику Голеву за приказаніемъ—гдѣ собираться ротѣ на ужинъ? я самъ обошелъ траншею до средней „каменной ломки“, приказалъ часовымъ не зѣвать, потому что канонада усиливалась ежеминутно и возвратился въ свой ложементъ.

Подали самоваръ. Лежа въ ложементѣ, мы съ Поленсомъ стали распивать чай. Я ужасно сердился на него за слѣдующую неосторожность. У насъ былъ придѣланъ къ брустверу ложемента, изъ досокъ и старыхъ мѣшковъ, шалашикъ такой величины, что только верхняя половина насъ двоихъ могла въ немъ укрываться, тогда какъ остальная была оставлена на жертву солнечнымъ лучамъ. Было около полудня. Мы съ Поленсомъ лежали въ шалашѣ, какъ сигнальщикъ закричалъ, что показались два, три Француза. Поленсъ, желая присмотрѣть, какъ хватятъ по нимъ его штуцерники, проворно выскочилъ изъ шалаша, головой зацѣпился за верхъ и уронилъ одинъ изъ камней, придерживавшій край мѣшка. Упавшій камень такъ сильно ударилъ меня по ногѣ, что я едва не закричалъ. Признаться, очень весело, въ двухъ шагахъ отъ непріятеля въ траншейномъ караулѣ, быть съ подбитою ногою. А если Англичане сдѣлаютъ нападеніе?... Я сердился не на шутку. Какъ вдругъ—легки на поминѣ...

„Ваше благородіе, Французы лѣзутъ изъ траншей!“

— Какъ? Французы, а не Англичане?

„Нѣтъ, ваше благородіе, Французы“.

— Вотъ оно что! Много?

„Да болѣе трехъ сотъ побѣжало прямо на траншею, предъ Камчатскій!“

— Въ ружье!

Мы съ Поленсомъ вскочили на брустверъ ложемента. Надобно было хорошенько разсмотрѣть, что дѣлалось.

— „Второй взводъ налѣво, сомкнись. Пальба рядами. Катай, ребята, по краснымъ шапкамъ.—Горнистъ! штуцернымъ сигналъ: „стрѣлять налѣво“. Лисовскій, командуй первымъ взводомъ, и въ оба смотри за Англичанами!“

Команда эта исполнена была мгновенно, и нѣсколько Французовъ покатились, намъ казалось, отъ нашихъ пуль, но остальные, несмотря на страшный артиллерійскій огонь, открытый нашими батареями, въ разсыпную бѣжали на Камчатскій люнетъ и мгновенно показались на его гребнѣ. Мы продолжали пальбу по бѣгущимъ къ люнету многочисленнымъ подкрѣпленіямъ непріятельскимъ, какъ вдругъ значительная часть Французовъ отдѣлилась отъ этихъ резервовъ и пошла по доковому оврагу, отрѣзывая такимъ образомъ меня отъ третьяго бастіона. Видя это, я далъ сигналъ штуцернымъ присоединиться къ ротѣ, а Максимовичу и Заевскому послалъ съ унтеръ-офицерами приказаніе: отступать къ кладбищу, что въ оврагѣ, занявъ которое, предполагалъ ружейнымъ огнемъ удержать натискъ Французовъ. Въ моментъ этого передвиженія прапорщикъ Заевскій убитъ пулею и съ нимъ пятеро солдатъ (семнадцать ранено). Чтобы не разстроить своей части окон-

чательно, я вынужденъ былъ оставить убитыхъ и раненыхъ на полѣ. Мы успѣли добѣжать до кладбища и, засѣвъ за его крестами и могилами, стали поражать наступавшихъ Французовъ, съ помощью батареи Будищева, которая чрезъ наши головы валяла непріятеля картечью.

Едва успѣлъ я послать юнкера Якубенко къ полковнику Голеву просить подкрѣпленія, какъ увидѣлъ наши колоны, вышедшія изъ-за Малахова кургана и стремительнымъ ударомъ въ штыки погнавшія Французовъ съ Камчатскаго люнета. Я прекратилъ огонь по люнету и влѣзъ на высоту, чтобы слѣдить за ходомъ дѣла, какъ вдругъ вижу, что Англичане выскочили изъ траншей и, съ дикимъ крикомъ „ура“, бѣгутъ на наши траншеи. Невольно я обернулся и съ восторгомъ увидѣлъ первый баталіонъ нашего полка, съ маіоромъ Хоменко, быстро бѣгущій отъ бастіона намъ на помощь. Тогда, не желая терять и мгновенія, я крикнулъ своимъ карабинерамъ и бросился съ ними на встрѣчу Англичанамъ. На пространствѣ, насъ раздѣлявшемъ съ врагомъ, мы были встрѣчены градомъ всевозможныхъ снарядовъ; но врагъ былъ близко: время ли было думать объ опасности? Осталось нѣсколько десятковъ шаговъ, и страшный бой закипитъ! Мы бѣжимъ впередъ, обгоняя другъ друга. Многіе повалились, я обернулся, чтобы взглянуть, много ли моихъ осталось и... упалъ замертво ничкомъ: штуцерная пуля пробила мнѣ шею навылетъ!

Когда я очнулся, была уже ночь, но было свѣтло отъ мѣсяца. Почти безсознательно я сталъ подниматься, но повалился вновь: замѣтивъ, что я живъ, англійскій солдатъ ударилъ меня штыкомъ въ грудь, противъ сердца.

Еще разъ приведенный въ чувство ночною свѣжестью, я вновь сталъ приподниматься, и еще разъ, должно быть, тотъ же Англичанинъ размахнулся ружьемъ, чтобы добить меня... Я застоналъ и протянулъ руку, думая остановить ударъ... По милости Божіей, наткнулся на эту сцену унтеръ-офицеръ. Онъ закричалъ что-то по англійски. Я могъ разобрать только слово: офицеръ. Солдатъ отошелъ. Унтеръ-офицеръ приблизился ко мнѣ и сказалъ: „pardon, officier!“ Я окинулъ взоромъ мѣстность: нашихъ не видно, мелькаютъ тѣни англійскихъ часовыхъ; силъ у меня нѣтъ... Кровь струится изъ двухъ ранъ: что дѣлать мнѣ? „Pardon, officier!“ нетерпѣливо повторилъ Англичанинъ.

— Pardon, Monsieur.

Сабли у меня уже не было. Онъ снялъ ножны, кликнулъ двухъ людей, и меня повели въ англійскій лагерь. Дорогою встрѣченные Англичане замахивались на меня ружьемъ или кулакомъ и орали. „У, у, у Русъ!“ Мой спаситель приговаривалъ: „capitaine de compagnie,“ и никто меня пальцемъ не трогалъ.

Отъ потери крови ослабѣвъ чрезвычайно, я долженъ былъ безпрестанно отдыхать—и странное дѣло: нога, ушибленная камнемъ по милости Поленса, болѣла у меня болѣе раны шейной и грудной. На батареѣ „Викторія“ мнѣ сдѣлали на скорую руку перевязку моимъ же собственнымъ бинтомъ. Оттуда

меня отвели въ англійскій госпиталь, гдѣ уже сдѣлали перевязку, какъ слѣдуетъ.

Когда замѣтили у меня на груди католическій образокъ, и удостовѣрились, что я католикъ, то мнѣ прислали ксендза; но я не могъ съ нимъ разговориться, не зная ни по-англійски, ни по-французски. Впрочемъ, припоминая гимназическіе уроки изъ латыни, я сталъ подбирать латинскія фразы; съ грѣхомъ пополамъ мы стали понимать другъ друга. Меня напоили горячимъ чаемъ, послѣ чего я крѣпко уснулъ, хотя ночью и будила меня нѣсколько разъ неоднократно загоравшаяся сильнѣйшая канонада и ружейная перестрѣлка. Утромъ я увидалъ, что лежу въ операціонной залѣ, куда безпрестанно приносили раненыхъ. Со мною рядомъ лежалъ безногій офицеръ, безпокоившійся о моемъ здоровьѣ. Меня посѣтилъ Лордъ Рагланъ и многіе англійскіе офицеры. Лордъ позволилъ мнѣ написать въ Севастополь и обѣщалъ передать письмо съ парламентеромъ; даже былъ такъ любезенъ, что обѣщалъ хлопотать о размѣнѣ меня на капитана Монтегю, находящагося у насъ въ плѣну.

Приходилъ также навѣстить меня спаситель мой, унтеръ-офицеръ 47 линейнаго полка. Я отъ души поцѣловалъ его. Подарить ему на память было нечего. Четыре дня я провелъ въ этомъ госпиталѣ, объясняясь съ докторомъ ломанымъ латинскимъ языкомъ, а съ своими сосѣдями на языкѣ вавилонскаго столпотворенія, составленномъ изъ нѣсколькихъ болѣе или менѣе знакомыхъ языковъ.

Наконецъ въ воскресенье, 30 мая, мнѣ объявили, что я могу перенести транспортировку въ Балаклаву. Меня положили на кровать, прикрѣпленную къ сѣдлу на здоровомъ мулѣ. Съ противуположной стороны на стулѣ, придѣланномъ къ тому же сѣдлу, сѣлъ муловожатый. Онъ необходимъ былъ для управленія животнымъ и для сохраненія равновѣсія *). Меня сопровождалъ офицеръ верхомъ. Во всю дорогу онъ сказалъ мнѣ одно слово, указавъ на проѣзжавшіе сардинскіе казенные фургоны: „холера!“

Въ Балаклавѣ меня повели къ коменданту. Онъ меня принялъ очень ласково, подчивалъ виномъ, бисквитами и бесѣдовалъ со мною также на ломаномъ латинскомъ языкѣ. Въ два часа отвезли меня на пароходъ „Брандомъ“, для отправленія въ Константинополь. Тутъ мнѣ отвели особую каюту. Докторъ, Ирландецъ, славный человѣкъ, порядочно сдѣлалъ мнѣ перевязку. Въ шесть часовъ пришли звать обѣдать, и, какъ я не могъ надѣть своей шинели, которая воротникомъ давила мнѣ распухшую шею, то какой-то обязательный пассажиръ, видя мое затрудненіе, потому что у меня не было другого костюма, предложилъ мнѣ заимообразно свое пальто. Одѣвшись по статскому, я вошелъ въ каютъ-компанію, гдѣ сидѣли за столомъ до двѣнадцати человѣкъ. Обѣдъ былъ отличный. Кушаній много: бульонъ, ветчина, четыре

*) Устройство французскихъ носилокъ очень удачно. Такъ называемыя «brancards»— ручныя носилки на муловъ не кладутся. Въ своемъ мѣстѣ я разскажу подробно объ устройствѣ какъ этихъ носилокъ, такъ и перекидныхъ—«cacolets».

соуса, жаркія: индюшки, цыплята, куры. Каждое жаркое подавалось отдѣльно и разрѣзывалось на столѣ. Четыре пирожныя. Въ заключеніе старый честеръ, сладкія сухія лепешки; мадера, хересъ; вмѣсто квасу портеръ и эль, и наконецъ шампанское, впрочемъ, повидимому, довольно плохаго сорта.

Каждый Англичанинъ ѣстъ за троихъ: аппетитъ у нихъ просто *волчій!* Мнѣ самому хотѣлось послѣдовать ихъ примѣру, но Ирландецъ, кромѣ чашки бульона и нѣсколькихъ ложекъ желе, не далъ мнѣ ничего. Послѣ обѣда мы вышли на палубу, матросы съ пѣснями тащили якорь нашего парохода. Боже, какое тяжкое чувство легло мнѣ на душу! цѣпь этого якоря еще привязываетъ меня къ отечеству, но со всякимъ новымъ звеномъ ея, появляющимся надъ поверхностью воды, я приближаюсь къ разлукѣ, быть можетъ, вѣчной со всѣмъ, что мило моему сердцу, съ чѣмъ сроднилась моя душа! Паръ заклубился, колеса начали пѣнить воду!.. Мы стали выходить изъ Балаклавской бухты при звукахъ салютаціонныхъ выстрѣловъ. Берегъ моей отчизны сталъ убѣгать отъ насъ быстрѣе и быстрѣе... Прости, земля родная!.. Сестра, другъ... боевые товарищи! Прости моя карьера, которую мнѣ, быть можетъ, удалось бы составить на этихъ дымящихся батареяхъ Севастополя. Простите, мои золотыя мечты, мои надежды на счастіе!.. Слезы будто пеленою закрыли отъ меня картину удаляющейся отчизны: я бросился въ каюту и плакалъ на свободѣ, какъ никому не желаю плакать.

Утромъ другого дня я испугался, взглянувъ на себя въ зеркало: глаза мои впали; я былъ блѣденъ, желтъ; похудѣлъ до чрезвычайности: меня укачало и ужасно тошнило. 1 іюня утромъ качка утихла. Мнѣ стало легче. Мы входили въ Босфоръ: *всѣ* любовались его необыкновенною красотою; какъ же было не любоваться мнѣ, впервые его увидѣвшему? Проливъ, какъ гигантская рѣка, лежитъ въ цвѣтущихъ берегахъ, покрытыхъ роскошною растительностью, обвивающею множество живописныхъ зданій въ восточномъ вкусѣ и множество, повидимому, весьма сильныхъ батарей, которыхъ, впрочемъ, съ парохода невозможно было разсмотрѣть.

Въ половинѣ одиннадцатаго, пройдя Константинопольскій проливъ, нашъ пароходъ повернулъ противъ Золотого Рога налѣво и въ одиннадцать часовъ я уже былъ представленъ въ Скутари англійскому коменданту, Лорду Паллету, который принявъ меня очень любезно, спросилъ, куда я желаю отправиться, въ Лондонъ или Константинополь. Дурное состояніе моего здоровья и желаніе быть ближе къ Севастополю, слѣдовательно и надежда на возможность скораго возврата въ его стѣны, побудила меня избрать Константинополь. Въ шесть часовъ вечера другой маленькій пароходъ принялъ меня съ „Брандома“, и перевезъ въ столицу Турціи. Едва ступивъ на берегъ, я несказанно обрадовался, услышавъ звуки языка, близкаго сердцу: передо мною стоялъ, снявъ фуражку, нашъ солдатъ. „Здравія желаемъ, ваше благородіе! Плѣннымъ-съ изволите быть? ранены подъ Севастополемъ?

— Да, братъ, да.

„Какого полка, ваше благородіе?“

— Камчатскаго. А ты?

„Охотскаго, первой роты рядовой Петръ Артемьевъ, въ сраженіи 24 октября взяли.

— Много здѣсь нашихъ?

„Да немного, ваше благородіе; есть полковникъ, уланъ и чиновникъ. Я находился при прапорщикѣ Снѣжко, мы были взяты вмѣстѣ раненые. Долго онъ мучился, сердечный. Вчера только мы его схоронили. Царство ему небесное! были и вашего полка маіоръ Ангеловъ и маіоръ Щепиловъ (Полескій—Щепилло): ихъ увезли отсель. Сказываютъ, оба померли. Ангеловъ такой былъ, упаси Богъ, строгій къ непріятелю: клялъ все Турку и Француза и Англичанина.—Вы, говоритъ, войну беззаконную противу креста ведете! Лѣкарство, ваше благородіе, вотъ, вотъ умиралъ уже, а изъ англійскихъ рукъ принимать не хотѣлъ. Въ силу, въ силу свои солдаты, которыхъ онъ какъ дѣтей ласкалъ, упросятъ выпить какую ни на есть микстуру, что прописываютъ дохтура; больше отъ сердцевъ, сказываютъ, и умеръ *).

---

*) Александръ Емануиловичъ Ангеловъ, проведя юность въ учебномъ карабинерскомъ полку, не получилъ никакого образованія. Изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Таврической губерніи, греческаго происхожденія, страстно любившій военную службу, преданный ей, провелъ онъ въ Камчатскомъ полку большую часть своей службы, и пользовался общимъ уваженіемъ начальниковъ, командуя въ продолженіе многихъ лѣтъ разными ротами. Съ товарищами Ангеловъ не всегда уживался, по чрезвычайной, необузданной пылкости своего характера, хотя, надо замѣтить, на помощь нуждающемуся товарищу, даже врагу, всегда былъ открытъ кошелекъ и готовы всѣ услуги Александра Емануиловича. Да, старые Камчатцы сознаютъ, что Ангеловъ былъ у насъ въ полку помощникомъ и благодѣтелемъ многихъ. Что же касается до солдатъ, то они его боготворили. Онъ умѣлъ съ ними ладить, умѣлъ заставить любить себя, несмотря на строгость своего управленія; онъ входилъ въ мельчайшія нужды каждаго; онъ умѣлъ защитить, отстоять своего подчиненнаго; былъ старшимъ братомъ, отцемъ солдата, мастерски умѣлъ возвысить своихъ подчиненныхъ въ ихъ собственныхъ понятіяхъ; вдохнуть въ нихъ гордость, увѣренность въ своемъ превосходствѣ надъ всѣми, даже однополчанами. Карабинеры Ангелова воображали, что они первые солдаты русской арміи во всѣхъ отношеніяхъ. Часть, которою командовалъ Ангеловъ, по стеченію обстоятельствъ, не принимала замѣтнаго участія въ послѣдней турецкой войнѣ. Труды и опасности траншейной службы подъ Силистріею на всѣхъ равно ложились своею тягостью. Отъ части своей Ангеловъ не отставалъ, дѣлалъ, что и всѣ, но, не имѣя отдѣльныхъ столкновеній съ врагомъ, не могъ выказаться, хотя и былъ уже штабъ-офицеромъ. Крымская высадка вскипятила его кровь. Его родной уголъ былъ потрясенъ! Земля, смѣшанная съ прахомъ его дѣдовъ, попрана вражьею ногою! Ангеловъ выходилъ изъ себя, и жаждалъ скорѣйшей встрѣчи съ пришлецами, видя въ каждомъ изъ нихъ не только непріятеля, въ военномъ смыслѣ этого слова, но личнаго заклятаго врага своего, которому онъ обязанъ неумолимою, кровавою местью. Словомъ, если бы во время отечественной войны Ангелову пришлось быть на мѣстѣ Фигнера, я убѣжденъ, что онъ представлялъ бы своему начальству еще менѣе плѣнныхъ, чѣмъ ихъ представлялъ нами названный знаменитый партизанъ! Наконецъ насталъ желанный день. 24-го октября 1854 г. Ангеловъ повелъ въ дѣло одинъ изъ Охотскихъ баталіоновъ. Въ полномъ разгарѣ боя, когда торжествовавшій прежде Охотскій полкъ былъ разбитъ и опрокинутъ, видѣли и слышали, какъ Ангеловъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Англичанъ, съ простреленною ногою, подпираясь саблею, призывалъ своихъ солдатъ еще разъ остановить напоръ вражьей силы... Конечно, наши не могли его выручить, подавленные многолюдствомъ непріятеля, но многіе, бросившіеся спасти любимаго начальника, умѣли только славно умереть за него!!... Послѣ сраженія объ Ангеловѣ стали носиться разные слухи. Одни говорили, что онъ убитъ, другіе, что взятъ въ плѣнъ. На одномъ изъ перемирій, кто-то изъ офицеровъ главнаго французскаго штаба справлялся у нашихъ начальствующихъ лицъ полуоффиціально объ образѣ мыслей Ангелова, его характерѣ и наклонностяхъ. Потомъ стала носиться смутная молва, что Ангеловъ отданъ Англичанами подъ военный судъ за убійство раненыхъ англичанъ послѣ Инкерманскаго дѣла и приговоренъ къ смертной казни. Впослѣдствіи, въ какой-то французской кофейнѣ Камыша, мы,

Щепиловъ смирно съ ними жилъ; все по женѣ и дѣтямъ убивался; нѣтъ, нѣтъ, да какъ зачнетъ плакать, вчуже горько на сердцѣ станетъ. Померли оба, ваше благородіе. Царство имъ небесное! Я при Снѣжко находился; прикажите, при васъ состоять буду.“

— Спасибо, голубчикъ, очень радъ, пристроивайся ко мнѣ; будемъ вмѣстѣ горе мыкать. Кстати, ты здѣшніе порядки довольно уже знаешь. А теперь проводи меня къ нашимъ офицерамъ.—Въ казармахъ выбѣжали ко мнѣ на встрѣчу обрадовавшіеся, какъ желанному гостю, городничій города Евпаторіи, коллежскій секретарь Костюковъ, частный приставъ того же города, губернскій секретарь Лихошерстовъ, переводчикъ оттуда же Сѣраго. Всѣ они бросились разспрашивать меня о Севастополѣ, о Россіи и ходѣ осады. Я едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы. Вскорѣ къ намъ пришли командиръ Балаклавскаго греческаго баталіона, полковникъ Манто, Владимірскаго полка, прапорщикъ Шацкій и топографъ втораго класса, Банановъ, принятый непріятелемъ за инженера.

Бесѣда наша длилась до поздняго вечера. Разсказавъ, что вспомнилъ, я узналъ, въ свою очередь, что здѣсь плѣнныхъ содержатъ довольно порядочно и существуетъ благодѣтельное лицо, Салинчи, который доставляетъ весьма сходно все для плѣнныхъ нужное, движимый человѣколюбіемъ и

перелистывая французскую брошюру, подъ заглавіемъ „Inkermann“, на одной изъ страницъ этой пустой и лживой болтовни встрѣтили слѣдующую тираду:« Человѣколюбивыя чувства, выраженныя русскимъ генераломъ, не были раздѣлены его подчиненными. Видѣли, какъ Русскіе добивали умирающихъ, и увѣряютъ, что застали русскаго маіора Ангелопуло, какъ онъ закалывалъ шпагою раненыхъ, валявшихся на землѣ; но это событіе не было разъяснено. Маіоръ Ангелопуло взятъ былъ въ плѣнъ и перевезенъ въ англійскій госпиталь, гдѣ и умеръ отъ ранъ. Такимъ образомъ, не могли опредѣлить, достовѣрно ли это обвиненіе или нѣтъ». Много времени спустя, въ добросовѣстномъ трудѣ де-Базанкура, «L'expedition de Crimée,» мы прочли слѣдующее примѣчаніе къ разсказу о дѣлѣ 24-го октября на Инкерманскихъ высотахъ: «Говорили, что русскій маіоръ побуждалъ своихъ солдатъ добивать раненыхъ Французовъ и Англичанъ По этому предмету много было толковъ, и увѣряли даже, что надъ маіоромъ этимъ произнесенъ смертный приговоръ.» Базанкуръ объявляетъ, что, находясь долгое время въ Крымской арміи, онъ собралъ въ главной англійской квартирѣ всѣ возможныя по этому дѣлу объяснительныя свѣдѣнія. «Вотъ что произошло на самомъ дѣлѣ, какъ оказалось по собраннымъ свѣдѣніямъ и по разсказамъ лицъ, знавшихъ это дѣло. Англійскіе офицеры и солдаты увѣряли, что они видѣли и слышали, какъ русскій маіоръ, одушевляя жестами и голосомъ своихъ солдатъ, побуждалъ ихъ наносить послѣдніе удары раненымъ, лежавшимъ на землѣ. Маіоръ этотъ, самъ будучи тяжело раненъ, былъ взятъ въ плѣнъ Англичанами. Положенный на французскія носилки, онъ тотчасъ былъ отправленъ во французскій госпиталь и чтобъ спасти его отъ послѣдствій негодованія, къ нему обнаруженнаго, его отвезли въ Камышъ, съ тѣмъ чтобъ немедленно перевести на корабль. Но англійскій главнокомандующій потребовалъ его выдачи съ такою настойчивостью, что нельзя было отказать, тѣмъ болѣе, что онъ былъ плѣнникомъ Англичанъ. Этотъ офицеръ выдержалъ множество допросовъ по этому дѣлу, гдѣ его обвиняли въ низкой жестокости, но хотя на него ложилось сильное подозрѣніе, однако никакого положительнаго доказательства его виновности не было. Такимъ образомъ, вслѣдствіе только этихъ допросовъ и подозрѣній, не могли произнести никакого рѣшенія и его отправили въ Мальту, куда переслали съ нимъ различныя подробности процесса. Этотъ офицеръ умеръ отъ ранъ». Ясно, что въ обоихъ французскихъ сочиненіяхъ идетъ дѣло о нашемъ Ангеловѣ. Справедливо ли обвиненіе, возводимое на этого энерическаго человѣка, судить не можемъ, но мы всѣ, коротко знавшіе Ангелова, убѣждены, что онъ всегда былъ готовъ на тысячу мукъ, на самую страшную смерть, лишь бы своею гибелью устроить гибель враговъ!.. Честь и вѣчная слава доблестному воину, жаждавшему гибели врага отчизны до послѣдняго момента рано угасшей жизни!..

не требуя за доставляемое денегъ тотчасъ, а получая таковыя по разсчету, изъ содержанія. Мой Артемьевъ очень жаловалъ этого господина и называлъ его отставной Турокъ-Саранча, добрая душа. Я спалъ еще, а по ходатайству Артемьева Салинчи принесъ мнѣ пару порядочнаго бѣлья, легкое, бѣлое пальто, полотенце и столовый приборъ. На первый разъ нужды мои были обезпечены, и я въ тотъ же день вошелъ въ долю съ товарищами моего плѣна, имѣвшими общій столъ. Въ этотъ день я познакомился съ остальными русскими плѣнными, гусаромъ Бѣлявскимъ и бывшимъ въ плѣну у Турокъ морякомъ Давыдовымъ. Явившись къ завѣдывавшему плѣнными англійскому капитану Голю, я помѣстился на квартирѣ съ частнымъ приставомъ и переводчикомъ, занявъ мѣсто пьянствовавшаго эту недѣлю топографа Бананова.

Константинополь. 3-го іюня. Мнѣ дали жалованье впередъ за недѣлю и за три дня прошлыхъ, всего за десять дней 21 руб. сер., т.-е. по 2 руб. 10 коп. въ сутки, жить можно. Я тотчасъ разсчитался съ добрымъ Салинчи. Пришелъ англійскій докторъ, осмотрѣлъ мои раны, сказалъ „бонъ“ и ушелъ.

6 іюня. Докторъ третій день уже не является. Мнѣ дѣлаетъ два раза въ день перевязку англійскій капралъ, а иногда унтеръ-офицеръ *Якобчицкій*, старикъ, находившійся въ Евпаторіи при полиціи. Я сблизился съ товарищами плѣна, особенно съ прапорщикомъ Шацкимъ. Мы всѣ сходимся по вечерамъ, смѣемся надъ проказами Бананова, который, подгулявъ, колотитъ Турокъ и бранится съ Англичанами. Всѣ ходятъ въ городъ; но раны все еще держатъ меня въ квартирѣ.

10 іюня. Утро. Меня мучили эту ночь ужасные сны. Мнѣ грезился Севастополь, встрѣча съ Олендскимъ на улицѣ. На мой вопросъ: гдѣ живутъ Мясоѣдовъ и Ковалевскій, тотъ отвѣчалъ: „да развѣ не знаешь — Мясоѣдовъ убитъ въ ту ночь, когда тебя взяли въ плѣнъ!“ Я началъ кричать, метаться во снѣ. Солдатъ, спавшій въ моей комнатѣ, поспѣшилъ разбудить меня, творя крестное знаменіе и думая, вѣроятно, что меня душитъ домовой.

Вечеръ. Неужели сбудется мой сонъ? Сегодня я получилъ при письмѣ Олендскаго 25 полуимперіаловъ. Голевъ, благороднѣйшій изъ людей, прислалъ мнѣ несравненно болѣе денегъ, чѣмъ причитается отъ полка. О Мясоѣдовѣ въ письмѣ ни полслова, будто Олендскій не знаетъ, какъ близокъ этотъ человѣкъ моему сердцу. И отъ него самого ни строчки въ отвѣтъ на Балаклавское письмо. Съ ужасомъ повторяю, неужели сбудется мой зловѣщій сонъ?

12 іюня. Еще горе: новыхъ пріятелей моихъ увозятъ въ Лондонъ — на показъ. Остается полковникъ Манто, Давыдовъ и прапорщикъ Москвинъ, привезенный съ женою и восмерыми дѣтьми изъ Еникале. Ужасный пожаръ цѣлыя сутки опустошалъ одинъ изъ тѣсныхъ уголковъ неизмѣримаго Стамбула. Пожаръ отъ насъ версты три, а ночью здѣсь было такъ свѣтло, по

его милости, что можно читать книгу. Банановъ самымъ рѣшительнымъ образомъ выражаетъ свою радость по случаю этого пожара и отъ души желаетъ сгорѣть цѣлому городу.

15 іюня. Мои раны почти совершенно зажили, и я успѣлъ посѣтить Галату и Перу. Не стану описывать этихъ знаменитыхъ кварталовъ: они описаны многими искуснѣйшими въ дѣлѣ литературномъ. Замѣчу лишь, что толкотня на улицахъ жестокая, и что всякому ослу, навьюченному корзинами, давай дорогу, прижавшись къ стѣнѣ, а не то будешь сбитъ съ ногъ. Также невольно бросается въ глаза обхожденіе Англичанъ и Французовъ съ Турками. Европейцы помыкаютъ мусульманами, какъ собаками, на всякомъ шагу оказывая имъ совершенное презрѣніе, дурачатъ почтенныхъ Османовъ, дѣлающихъ свой кейфъ въ кофейнѣ, раздвигаютъ чадры ихъ женъ, пробѣгающихъ по улицѣ, входятъ не снимая сапоговъ въ мечети, нещадно бьютъ саблями многочисленныхъ собакъ, которыми дорожатъ Турки, какъ зѣницею ока, колотятъ и самихъ Турокъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, не дозволяя пальцемъ тронуть никого изъ своихъ. Словомъ, такъ и кажется, что Европейцы хозяйничаютъ въ завоеванной странѣ.

Жизнь наша однообразна до чрезвычайности. Въ 5 часовъ утра купаемся въ морѣ; пьемъ чай англійскаго привоза, изъ жестяныхъ чайниковъ. На обѣдъ имѣемъ два, въ праздникъ три, кушанья стряпни Артемьева, бывшаго нѣкогда поваромъ у своего ротнаго командира. Кушанья онъ, правда, дѣлаетъ неизысканныя, но мы все таки предпочитаемъ ихъ столу, приготовляемому поваромъ Итальянцемъ, приставленнымъ къ намъ Англичанами. Его кухня намъ не по вкусу и очень дорого обходится, а потому ею пользуется одинъ полковникъ Манто. Передъ вечернимъ чаемъ спимъ, за тѣмъ опять купаемся. Вечеромъ поемъ. Я купилъ обыкновенный *офицерскій* музыкальный инструментъ — гитару для аккомпанимента. Духовнымъ пѣніемъ всѣ такъ усердно занимаемся, что вчера могли спѣть обѣдню въ церкви, устроенной плѣнными въ турецкихъ казармахъ. Обѣдню намъ служилъ греческій священникъ по славянски, не понимая самъ почти ни слова на этомъ языкѣ.

Вчера вечеромъ у насъ распространилась тревога. Разнеслась вѣсть, что Турки - фанатики хотятъ ночью насъ всѣхъ вырѣзать. Мы вооружились чѣмъ могли, кто палкою, кто вилкою; раздѣлились на партіи, назначили начальниковъ каждой, выбрали одного главнаго, составили планъ дѣйствій и рѣшились дорого продать свою жизнь. По счастію, тревога оказалась ложною. Ее произвели Греки, и нарочно, какъ оказалось въ послѣдствіи. Теперь здѣсь праздникъ „байрамъ“. Турки днемъ только собакъ кормятъ, сами же ничего не ѣдятъ. Вообще собакамъ здѣсь лучше, чѣмъ людямъ. Турокъ скорѣе ударитъ христіанина, чѣмъ собаку. При болѣзни же богатаго Турка для собакъ сущій праздникъ: отъ больного приготовляется роскошное угощеніе штукъ на 200 собакъ. Этого рода обѣды обыкновенно превращаются въ блистательную карусель.

26 іюня. Товарищи мои уже въ Лондонѣ. Скучно, читать нечего,

говорить не съ кѣмъ. Вчера собственноручно сшилъ наволочку на свою подушку, присланную безъ наволочки; сегодня шью чехолъ на гитару.—Ходилъ въ монастырь Св. Бенедетты, къ сестрамъ милосердія. Прекрасныя женщины! Какъ нѣжно сдѣлали онѣ мнѣ перевязку, съ какою готовностью снабдили меня корпіею и бинтами, а докторъ ихъ—лѣкарствами.

29 іюня. Едва я успѣлъ набросать 26 іюня нѣсколько строкъ въ свой дневникъ, какъ мнѣ объявили приказаніе приготовиться къ отъѣзду въ Лондонъ. Въ 11 часовъ я уже былъ на Мраморномъ морѣ и въ тотъ же день вступилъ въ Дарданельскій проливъ. Едва мы успѣли остановиться въ Галлиполи, чтобы запастись углемъ, какъ насъ догналъ пакетботъ и передалъ депешу о возвращеніи меня въ Севастополь... И вотъ, я опять сижу въ Константинополѣ, упоенный сладкими мечтами о скоромъ возвращеніи къ моимъ друзьямъ и братьямъ.

1 іюля. Въ семь часовъ вечера я былъ уже предъ Севастополемъ, и сердце мое обливалось кровью при видѣ этихъ дымныхъ клубовъ, безпрестанно вырывавшихся то съ той, то съ другой стороны. Ночью меня поразила вѣсть о смерти адмирала Нахимова. Даже Англичане съ уваженіемъ произносили это любезное намъ имя; какъ же было не крушиться моему сердцу при этой печальной вѣсти?

10 іюля. Меня ужасно укачивало на маленькомъ курьерскомъ пароходѣ. Адмиралъ Лайонсъ былъ такъ внимателемъ и любезенъ, что приказалъ перевести меня на свой адмиральскій корабль „Royal Albert“. Адмиралъ принялъ меня чрезвычайно учтиво и предложилъ мнѣ на выборъ: обѣдать съ нимъ или дома, или въ каютъ-компаніи. Я избралъ послѣднее и тутъ же, сблизясь со многими офицерами, проводилъ время очень пріятно въ ихъ обществѣ. Пьемъ, ѣдимъ цѣлый день.

Мнѣ построили каюту на палубѣ изъ парусовъ. Тамъ повѣсили койку, изъ которой я два раза упалъ съ непривычки. Въ восемь часовъ утра по барабану сбирались мы въ столовую, гдѣ завтракали до десяти часовъ; въ два часа закусывали, потомъ являлись на сцену книги и трубки; отъ шести вечера до одиннадцати обѣдъ, чай и попойка... Такъ протекала жизнь моя, пока на пароходѣ „Фюри“ не привезли меня въ одесскій портъ и не сдали въ карантинъ.

Маевскій разсказывалъ, что лучше всего плѣннымъ у Французовъ; съ ними очень хорошо и деликатно обращаются; хуже у Англичанъ; а тѣ, которые попались къ Туркамъ, находятся въ самомъ несчастномъ положеніи. Турки сначала не отпускали своимъ плѣннымъ денегъ, а кормили ихъ сами, но такъ скверно, что хоть съ голоду умирай. Наши стали жаловаться австрійскому посланнику. Онъ, дай Богъ ему здоровья, вступился въ это дѣло вмѣстѣ съ французскимъ, и силою своего вліянія облегчилъ участь нашихъ страдальцевъ. Посланники рѣшительно объявили Туркамъ, что если они хотятъ держать плѣнныхъ, то чтобы обращались съ ними какъ съ людьми;

въ противномъ случаѣ плѣнные будутъ принимаемы подъ покровительство союзныхъ державъ. Нечего дѣлать; Турки стали давать нашимъ кормовыя деньги, хотя все-таки въ меньшемъ количествѣ сравнительно съ другими націями, но, Богъ съ ними, имъ самимъ скоро ѣсть нечего будетъ.

Маевскій былъ въ плѣну у Англичанъ. Онъ, какъ мы видѣли, получалъ хорошее содержаніе, было чѣмъ жить. У нашихъ плѣнныхъ офицеровъ былъ артельщикомъ Турокъ, очень честный человѣкъ. Онъ закупалъ всю провизію и все, что было нужно. Офицеры имѣли общій столъ, за которымъ всегда было шумно и весело. Вина много и оно дешево; портера, фруктовъ тоже. Чего же еще? Чай, сахаръ нипочемъ. Денегъ некуда дѣвать. Солдаты то же были очень довольны отпускаемымъ имъ содержаніемъ. Кваску только негдѣ было имъ взять, чтобы борщъ заправить, да хлѣбца не было черненькаго, душу отвести: *пропадали* на булкѣ, да на супѣ, словно въ лазаретѣ. Солдатамъ позволяли гулять, заниматься чѣмъ хотятъ, спать въ волю, и они предовольны. Но, чтобы не оставаться въ праздности и заработать копѣйку на чарку рома, да на трубку табаку, они стали брать на себя у турецкаго правительства подряды *). Да, безъ шутокъ! Во время нахожденія въ плѣну Маевскаго, наши солдаты взялись шить въ турецкій коммиссаріатъ штаны и камзолы. Платили имъ два крейцера со штуки. Разумѣется, шьютъ на перегонку и шьютъ всѣ до одного солдатика, хотя бы половина ихъ съ роду иглы въ рукѣ не держала. Такое шитье, надо полагать, очень *прочно* и очень *изящно*. Не надо забывать при этомъ, что каждый солдатъ сшивалъ въ сутки до осьми штановъ. Только бы съ рукъ спихнуть, а тамъ турецкіе коммиссаріатскіе чиновники, которые, вѣроятно, за это шитье выводятъ въ расходъ казенныхъ денегъ больше, чѣмъ даютъ нашимъ солдатамъ, пустятъ ихъ въ ходъ, по сдѣлкѣ съ тѣми полковыми властями, которыя будутъ дѣлать у нихъ пріемку.—Наши солдаты разнообразятъ свою жизнь въ плѣну не только трудомъ, но и веселіемъ; устроили театръ, на которомъ господствовало солдатское остроуміе, заставлявшее помирать со смѣху невзыскательныхъ зрителей. Играли неизбѣжнаго Аникувоина, водили журавля, устраивали лодку, словомъ, всякій день у солдатъ была новая затѣя.

Приведя выдержки изъ записокъ одного изъ нашихъ товарищей израненнаго и взятаго въ плѣнъ Англичанами, мы позволяемъ себѣ, для большаго уясненія положенія нашихъ плѣнныхъ у Англичанъ помѣстить здѣсь напечатанную нами въ 1869 году въ „Военномъ сборникѣ“ слѣдующую за симъ статью.

---

*) Замѣчательно, что ни одинъ изъ Русскихъ, бывшихъ въ плѣну не вступилъ въ Польскій Легіонъ. Даже преступники-арестанты, взятые въ Бомарзундѣ, не измѣнили своему отечеству, хотя въ перспективѣ, по возвращеніи на родину, ничего не видѣли кромѣ тюрьмы. (Les prisoniners de guerre des puissance belligerantes pendant la compagne de Crimée par Jaunez-Sponville. Paris. 1870).

Русскіе раненые въ Алминскомъ сраженіи — у Англичанъ.

(Глава XLV сочиненія Кинглэка „The invasion of the Crimea". Vol. VI. Leipzig 1868 Tauchnitz edition. Съ англійскаго—Елена Алабина).

Эпизодъ, взятый нами изъ сочиненія Кинглэка, съ которымъ, конечно, незнакомо большинство Русскихъ, кромѣ того, что самъ по себѣ представляется преисполненнымъ живѣйшаго интереса для каждаго, кто хотѣлъ бы ознакомиться со всѣми подробностями крымской кампаніи, можетъ пополнить собою рядъ фактическихъ доказательствъ, приведенныхъ, въ послѣднее время, военной литературой, для подтвержденія необходимости организованія обществъ для вспоможенія раненымъ и больнымъ воинамъ на войнѣ и заключенія конвенцій между всѣми государствами о признаніи нейтральными походныхъ лазаретовъ, госпиталей и перевязочныхъ пунктовъ съ ихъ составомъ.

Въ нашъ цивилизованный вѣкъ, когда орудія вреда и гибели себѣ подобныхъ человѣчество было въ необходимости довести до поразительнаго совершенства, то же человѣчество, во имя священнѣйшихъ чувствъ своихъ, должно измыслить и принять такія мѣры, чтобы на будущее время, въ случаѣ войны, явленія, подобныя нижеразсказанному, были немыслимы.

Для большей полноты разсказа и для уясненія нѣкоторыхъ его подробностей, мы позволили себѣ къ повѣствованію англійскаго писателя, съ дозволенія его переводчицы, сдѣлать нѣсколько своихъ примѣчаній.

По окончаніи алминскаго сраженія, нѣкоторые англійскіе генералы убѣдительно просили дозволить имъ спуститься къ рѣкѣ, гдѣ и расположились войска утомленныя битвой, во избѣжаніе необходимости таскать воду на высоты крутого берега. Но лордъ Рагланъ, не желая оставить укрѣпленій, купленныхъ такою дорогою цѣною, рѣшительно отказалъ въ этихъ просьбахъ и оставилъ войска на занятыхъ ими высотахъ.

На ночлегъ генералъ Эйръ (Aigey) поставилъ англійскую пѣхоту въ одну линію, помѣстивъ артиллерію за колонами противу интерваловъ пѣхоты такъ, что, въ случаѣ надобности, она немедленно могла выстроиться и быть готовою къ дѣлу; лѣвый флангъ Англичанъ прикрывала кавалерія. Такое расположеніе очень понравилось генералу Мартенпре *) и онъ рѣшился подобнымъ же образомъ поставить и французскія войска.

Фургоны съ больными и слабосильными, слѣдовавшіе за арміей во время битвы, были остановлены внѣ выстрѣловъ, но, когда сраженіе кончи-

*) Мартенпре—начальникъ главнаго штаба французской арміи.

лось, ихъ перевезли черезъ мостъ. Многочисленность прибывшихъ вскорѣ произвела безпорядокъ въ арміи. Всю ночь люди разыскивали другъ друга и свои части.

Въ ночь послѣ сраженія люди продолжали заболѣвать и умирать холерой.

Картина поля алминской битвы представляла необыкновенное зрѣлище для каждаго, не только для солдата. Вообще, европейскія войска, идя въ сраженіе, преслѣдуются отвратительной толпой разныхъ промышленниковъ, которая затрудняетъ движенія арміи, а послѣ сраженія спѣшитъ обыкновенно на поле битвы, чтобы ограбить мертвыхъ и раненыхъ. Одежда, украшенія и обувь исчезаютъ при этомъ съ такою быстротою, что поле, къ концу дѣла казавшееся усѣяннымъ цвѣтными пятнами и блестѣвшее мундирами, вдругъ принимаетъ видъ страшной мясной лавки, въ которой валяются мертвыя и обезображенныя лошади, да желтые человѣческіе трупы, оставшіеся какъ-бы для указанія мѣста, гдѣ происходила битва. Въ началѣ войны, значительное пространство и моря, отдѣлявшія Крымскій полуостровъ отъ гнѣздилища европейскихъ пороковъ, спасали армію союзниковъ отъ грабителей-промышленниковъ, и потому-то, какъ сказано выше, поле алминской битвы представляло необыкновенное зрѣлище: убитый солдатъ лежалъ совсѣмъ одѣтый и вооруженный, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ получилъ смертельную рану; многихъ такъ быстро постигла смерть, что члены ихъ вдругъ окоченѣли, руки и оружіе остались въ томъ положеніи, какое имѣли въ моментъ смерти *). Это особенно замѣтно было въ тѣхъ случаяхъ, если смерть поражала солдата въ минуту, когда онъ стрѣлялъ. При этомъ убитый лежалъ навзничь, съ вытянутыми впередъ руками, какъ-бы готовый спустить курокъ поднятаго ружья.

Говоря вообще, одежда на убитыхъ скрывала ихъ раны отъ взоровъ зрителя, и поражающее безобразіе смерти являлось во всемъ своемъ ужасѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда у солдата была оторвана голова, или когда смерть была произведена пушечнымъ ядромъ **). Раненые, большею частію,

---

*) Медикамъ извѣстно, что такая окоченѣлость, какъ бы похожая на столбнякъ, можетъ происходить отъ огнестрѣльной раны. Въ настоящемъ случаѣ они имѣли возможность на многихъ изслѣдовать это явленіе. *Пр. Кинлзка.*

**) Мы считаемъ умѣстнымъ привесть здѣсь разсказъ французскаго очевидца и участника алминской битвы, рисующаго яркими красками не только самое это событіе, но и ближайшія его послѣдствія. Артиллеристъ, авторъ „Journal humoristique du siége de Sebastopol", такъ описываетъ вечеръ и ночь, послѣдовавшіе за алминскою битвою, равно и слѣдовавшій за нею день: „Ночь величественно спускалась надъ алминскою долиною. Луна освѣщала вдали только трупы, или кое-гдѣ раскинутыя палатки, бѣлѣвшія будто надгробные памятники. Слышны были только оклики часовыхъ и какъ-бы ропотъ, подобный шуму возмутившагося города, мѣшавшійся съ голосомъ природы.

Я пошелъ осмотрѣть поле битвы. Для новичка—обольстительная картина. Съ самаго вечера, человѣколюбивые солдаты подбирали послѣднихъ раненыхъ. Русскіе трепетали при приближеніи нашихъ солдатъ и подставляли шеи (?), какъ бы палачамъ. Ихъ обманули на нашъ счетъ, и потому они были очень удивлены, когда съ ними поступали такъ же, какъ и съ нашими ранеными. Пространство вокругъ телеграфа имѣло видъ бойни. О Боже! какое ужасное смѣшеніе обрывковъ всевозможныхъ одеждъ, изломаннаго оружія, изуродованныхъ тѣлъ, разбитыхъ и оторванныхъ членовъ! На англійской сторонѣ, равнина и па-

лежали молча. Только изрѣдка кто-нибудь изъ нихъ тихо просилъ напиться или освѣдомлялся: скоро-ли его перенесутъ и позаботятся о его ранахъ? Хотя поле битвы и не заключало въ себѣ ничего такого, что могло-бы

рапеты редутовъ представляли еще болѣе ужасающую картину, способную навсегда излѣчить отъ славолюбія. Русскіе артиллеристы грудами лежали на платформахъ, возбуждая мое удивленіе; здѣсь, въ этой усыпальницѣ всѣ легли, исполняя свой долгъ... Честь имъ! На берегу Бурлюка, у Алмы-Тамака, валялись въ пыли длинные ряды стрѣлковъ. Нѣкоторые изъ этихъ храбрецовъ упали въ воду и плавали между водяными лиліями. Другіе повисли на вѣтвяхъ кустовъ и послѣдняя ихъ кровь каплями сочилась изъ ихъ ранъ. Нѣкоторые стояли поддержанные древесными вѣтвями: можно было сказать, что эти не считали себя побѣжденными, потому что они не были повергнуты на землю. У подошвы горъ лежало множество убитыхъ молодыхъ людей: Русскихъ, Англичанъ, Французовъ, перебившихъ другъ друга, безъ всякой, впрочемъ, взаимной ненависти. . . . . .
Земля была напоена ихъ кровью; каждый изъ нихъ казался спящимъ, какъ сказочная царевна. Сколько труповъ, столько семействъ въ печали! Русскіе безъ исключенія съ босыми ногами, имѣли штаны засученные выше колѣнъ, до того мѣста, гдѣ они, въ видѣ подвязки имѣютъ обыкновеніе носить на ногѣ свой кожанный кошелекъ (чересъ). Зуавы уже успѣли осмотрѣть ихъ. Остатки деревни, зажженной наканунѣ по необходимости, еще дымились и толпы солдатъ рылись въ пепелищѣ хижинъ. Меня возмутила эта хищность побѣдителей. Но чтобы не умереть отъ чувствительности, здѣсь надлежало вырвать изъ сердца всякія нѣжныя чувства. Неумышленно я попалъ на перевязочный пунктъ. Оттуда неслись потрясающіе крики. Лазаретные прислужники входили и выходили въ передникахъ облитыхъ кровью. Они были похожи на мясниковъ во время работы. Я съ отвращеніемъ отвернулся. Рѣшительно, слава подобна тѣмъ куртизанкамъ, которыя прикрываютъ цвѣтами язвы на груди своей . . . . . Продолжая путь, я остановился передъ дѣйствовавшимъ англійскимъ лазаретомъ. Тамъ былъ большой порядокъ: требовавшіе немедленной помощи и ампутаціи могли сколько имъ было угодно жаловаться и кричать—имъ какъ будто говорили: терпѣніе! ваша очередь придетъ; дайте намъ сперва подобрать товарищей, которые могутъ подождать, дайте подобрать эти трупы, уже ненуждающіеся въ нашей помощи! О, Джонъ Буль! какъ твоя методическая флегматичность иногда бываетъ убійственна!..

„Три обширныя могилы приняли въ свои нѣдра, каждая отдѣльно, Русскихъ, Англичанъ и Французовъ. Церемонія происходила безъ пышности и надгробныхъ рѣчей. Друзья въ слезахъ, молитва искренняя, какъ горе присутствующихъ, да рыхлая земляная насыпь—вотъ и все. Намъ было невозможно воздать послѣднюю, особенную честь нашимъ сотоварищамъ—убитымъ русскимъ офицерамъ. Въ сраженіи они одеждою не отличаются отъ солдатъ. Они въ солдатскихъ шинеляхъ. Безъ сомнѣнія, они извѣстны своими талантами и храбростью: Русскіе различаютъ своихъ начальниковъ и въ суматохѣ боя. Но у насъ, если офицеръ не одѣнется въ сраженіе, какъ на балъ—прощай вліяніе начальника! У насъ считается долгомъ и славою, будто въ насмѣшку, блеснуть передъ врагомъ своими эполетами, подставляя ему грудь, какъ дѣлывали римскіе консулы, облекаясь передъ сраженіемъ въ свои пышныя боевыя тоги“.

Другой французскій писатель, де-Базанкуръ (L'expédition de Crimée j'usqu'a la prise ds Sebastopol), такъ говоритъ о днѣ послѣдовавшемъ за алминскою битвою:

„Въ день битвы, опьяненіе и дымъ все затемняютъ. Въ чаду того и во мглѣ другого, обыкновенно, ничего не видятъ, кромѣ побѣды. Но на другое утро опредѣляются дѣйствительные результаты боя—исчисляютъ потери и пріобрѣтенія. На другой только день узнаютъ славныя имена, которыя будутъ начертаны только на могилахъ, и видятъ мрачнымъ и безмолвнымъ то поле, покрытое трупами и обломками, которое наканунѣ еще было такъ кипуче и оживлено.

„Завтра, писалъ маршалъ Сентъ-Арно, въ своихъ бѣглыхъ замѣткахъ,—завтра—оборотъ медали: раненые, язвы—которыя надо исчислить!.. Побѣдѣ не слѣдовало бы вызывать сожалѣній... но это невозможно!“ Каждая побѣда покупается кровью здѣсь, слезами—тамъ. Побѣда сводитъ свой балансъ.

„Этотъ балансъ былъ славенъ для нашего оружія. 4, или 5,000 Русскихъ покрывали поле битвы посреди своихъ походныхъ мѣшковъ, разбросанныхъ вмѣстѣ съ оружіемъ. Наши перевязочные пункты переполняли раненые Русскіе и ихъ немедленно отправили въ Константинополь вмѣстѣ съ нашими.

„21 сентября было посвящено на пополненіе боевыхъ запасовъ, уборку раненыхъ и погребеніе мертвыхъ. Убитые Русскіе, надо полагать, были погребены также какъ и наши: равномѣрно и ихъ раненые, перемѣшанные съ нашими, были окружены тѣми же попеченіями, что и наши, тѣми же усиліями облегчить ихъ страданія.“ *П. А.*

ослабить воинскій духъ, но, вообще, было большимъ неудобствомъ продолжительное пребываніе молодыхъ солдатъ между мертвыми и ранеными, преимущественно потому, что зрѣлище это наводило ихъ на мысль о самосохраненіи. Что удивительнаго, если солдаты легкой дивизіи, пережившіе своихъ товарищей на штурмѣ русскихъ укрѣпленій, разсуждая о той опасности, которой подвергались, говорили въ нѣкоторыхъ полкахъ: „насъ приносятъ въ жертву“ *)! Подобныя сомнѣнія опасны. Въ битвѣ солдата поддерживаетъ безотчетная вѣра въ его начальниковъ; она даетъ ему самообладаніе. Но это чувство такого свойства, что легко можетъ не только поколебаться, но и исчезнуть, если солдатъ увидитъ, что полкъ его сильно пострадалъ въ кровавой борьбѣ **).

На другой день послѣ алминскаго сраженія, сотни русскихъ раненыхъ, лежавшихъ на той части поля битвы, которая осталась за Англичанами, были перенесены къ рѣкѣ, въ мѣсто болѣе закрытое, неподалеку отъ главной квартиры ***). Тамъ ихъ положили рядами, составившими большой овалъ. Такое удаленіе раненыхъ въ мѣсто, не бывшее на виду, имѣло слѣдствіемъ, что какъ эти раненые, такъ и приставленный къ нимъ караулъ были забыты и нѣсколько часовъ оставались безъ пищи. Къ счастію, въ главной квартирѣ нашелся человѣкъ, проникнутый чувствомъ чести и долга, въ которомъ большая сила воли, непреодолимая энергія и твердость убѣжденій соединились съ кипучею дѣятельностью. Это былъ г. Ромэнъ. Видя, что бѣдные русскіе раненые лежатъ безъ всякаго надзора, онъ рѣшился помочь имъ немедленно всѣмъ, чѣмъ только было возможно при томъ неизбѣжномъ безпорядкѣ, который обыкновенно господствуетъ на другой день большого сраженія. Зная, какъ былъ озабоченъ лордъ Рагланъ, Ромэнъ не затруднялъ его своими представленіями, а началъ дѣйствовать самъ, не давая отдыха тѣмъ, чья непосредственная помощь ему была необходима. Подъ вліяніемъ его великодушныхъ усилій и настойчивости, апатія многихъ, мало-по-малу, начала пропадать, и онъ, наконецъ, добился того, что получилъ 400 пудовъ сухарей и столько рабочихъ рукъ въ свое распоряженіе, сколько ему было необходимо. Затѣмъ Ромэнъ работалъ до тѣхъ-поръ, пока не осталось ни одного русскаго раненаго, котораго бы онъ не снабдилъ хлѣбомъ и водою ****). Ромэнъ трудился отъ 7 часовъ вечера до половины 12 ночи.

*) Такіе отзывы я самъ слышалъ въ толпѣ солдатъ одного изъ полковъ легкой дивизіи. *Пр. Кинглэка.*

**) Меня могутъ упрекнуть за такое замѣчаніе относительно опасности потерять нравственную силу, которой подвергались полки легкой дивизіи, оставаясь ночевать на полѣ алминской битвы. Но лордъ Кейтъ неоднократно повторялъ, что въ мірѣ нѣтъ войскъ, которыя, подвергаясь подобному испытанію, не рисковали бы утратить самоувѣренности и довѣрія къ своему начальству. *Пр. Кинглэка.*

***) Полагаю, ихъ было до 500; другіе говорятъ до 750 человѣкъ. *Пр. Кинглэка.*

****) Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1854 г., №№ 126 и 127 былъ напечатанъ разсказъ раненаго на Алмѣ унтеръ-офицера Владимірскаго полка Григорьева, переданный медикомъ М. Кузнецовымъ. Изъ этого разсказа видно, что, дѣйствительно, какъ далѣе говоритъ самъ Кинглэкъ, при нашихъ раненыхъ на Алмѣ, подобранныхъ Англичанами, на занятомъ ими пространствѣ, когда они стали продолжать свое наступленіе на Севастополь, былъ оставленъ докторъ Томсонъ (вскорѣ послѣ того умершій отъ холеры), съ прислужникомъ. Док-

Глядя на него, можно было подумать, что онъ такъ усердно работаетъ по какимъ-нибудь особенно важнымъ побудительнымъ причинамъ, а не изъ простаго состраданія. Онъ передавалъ намъ, что въ это время онъ перенесъ самое тяжелое, когда-либо имъ испытанное, чувство. Нѣкоторые раненые были ужасны; у многихъ не было рта: имъ нечѣмъ было ѣсть и пить. Были лица способныя являться даже во снѣ какимъ-то страшилищемъ. Хотя изъ числа этихъ страдальцевъ не было почти никого, кто могъ бы объясниться на другомъ языкѣ, кромѣ русскаго, но въ звукѣ ихъ словъ было столько мелодіи, что она давала понять иностранцу всю благодарность, которую они силились выразить *).

Маіоръ Секкэ, изъ управленія генералъ-квартирмейстера, вполнѣ сочувствуя г. Ромэну, раздѣлялъ съ нимъ физическій трудъ ухода за ранеными, и помогъ ему преодолѣть затрудненія по доставленію имъ необходимыхъ припасовъ. Находившійся при раненыхъ англійскій караулъ, оставленный, на время, безъ пищи, былъ также снабженъ сухарями и ромомъ.

Такъ какъ не было никого изъ непріятеля, кому можно было бы поручить его раненыхъ, то Англичанамъ ничего не оставалось, какъ перенести ихъ на корабль. 23 сентября, когда союзники рѣшились продолжать наступленіе, русскіе раненые были оставлены тамъ, гдѣ лежали, на берегу Алмы, подъ присмотромъ медика, съ тѣмъ, чтобы, при первой возможности, перенеся ихъ на корабль, отправить, подъ парламентерскимъ флагомъ, въ какую-нибудь русскую гавань.

На долю доктора Томсона, помощника лѣкаря 44-го полка, досталось

торъ Томсонъ своими заботами о нашихъ раненыхъ, доставленіемъ имъ пищи и поданіемъ возможной помощи, оставилъ въ нихъ чувство искренней и вѣчной къ себѣ благодарности; но что касается до г. Ромэна, то Григорьевъ не упоминаетъ о немъ въ своемъ разсказѣ.
П. А.

*) Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привесть и здѣсь кстати трогательный разсказъ духовника французской арміи, де-Дама (Souvenirs religieux et militaires de la Crimée), объ одномъ изъ нашихъ офицеровъ, раненомъ въ алминскомъ дѣлѣ. Этотъ разсказъ де-Дама воспроизвелъ со словъ какого-то зуавскаго капрала.

«Надо сознаться,—говорилъ капралъ,—что Русскіе насъ заставляютъ краснѣть: у нихъ больше христіанскихъ чувствъ, чѣмъ у насъ. Вечеромъ, послѣ алминскаго сраженія, рана моя не очень болѣла и мнѣ не захотѣлось оставаться въ палаткѣ. Я пошелъ бродить по полю битвы, и вотъ, между трупами, вижу русскаго офицера, который еще дышалъ. Замѣтивъ меня, онъ испугался. Онъ вообразилъ, что я поступлю съ нимъ по варварски и спряталъ голову подъ одно изъ тѣлъ. Онъ былъ намѣренъ, какъ мнѣ потомъ сознался, прикинуться мертвымъ и попробовать ночью уползти къ своимъ. Я подошелъ, подалъ ему руку и, думая что онъ меня не пойметъ, знаками объяснилъ ему, что готовъ быть ему полезнымъ. Успокоенный моимъ обращеніемъ, онъ заговорилъ со мной по-французски, попросилъ напиться и выразилъ желаніе видѣть доктора, который облегчилъ бы его ужасныя страданія. Сердечными словами я ободрилъ его и далъ понять, что онъ встрѣтитъ у французскихъ медиковъ великодушное и предупредительное отношеніе. Я не прежде его оставилъ, какъ онъ былъ помѣщенъ въ лазаретѣ и его раны были перевязаны. Благодарный офицеръ пожалъ мнѣ руку, когда я отправлялся, чтобы позаботиться о себѣ самомъ. Слезы блестѣли на его глазахъ, голосъ дрожалъ; онъ хотѣлъ дать мнѣ что-нибудь на память. И что же? Повѣрите ли? Поискавъ что бы подарить мнѣ, онъ снялъ съ шеи образокъ Пречистой Дѣвы, съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ и, поцѣловавъ его, отдалъ мнѣ. О, да! Русскіе заставляютъ насъ краснѣть».

— Правда,—прибавилъ другой солдатъ.—Я лежалъ рядомъ съ ихъ ранеными въ лазаретѣ. Они дѣлали крестное знаменіе, не краснѣя; они молятся явно—мы не всегда смѣемъ такъ поступать.
П. А.

взять на себя присмотръ за ранеными страдальцами, покинутыми въ странѣ, предоставленной непріятелю *). Онъ оставилъ при себѣ своего прислужника солдата, по имени Джона М. Графа. Больше не было никого, кто принималъ бы участіе въ исполненіи забытой обязанности **).

Въ случаѣ, если бы Русскіе напали на покинутыхъ доктора и его сотрудника, то лучшее чего они могли ожидать — это попасться въ плѣнъ; но если ихъ личное мнѣніе о современныхъ „казакахъ“ было не то, какое составили себѣ о нихъ союзныя войска, то все-таки они могли ожидать отъ нихъ болѣе или менѣе дурнаго обращенія ***).

Распорядившіеся, такимъ образомъ, съ русскими ранеными были, повидимому, вполнѣ убѣждены, что помощь съ флота не замедлитъ къ нимъ явиться; но (по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ), въ дѣйствительности случилось, что между тѣмъ, какъ выступила армія и явилась помощь съ кораблей, прошли три дня и три ночи ****).

Всѣ 500 человѣкъ обезображенныхъ, валявшихся на землѣ, оставлен-

---

*) Я всегда думалъ, что д-ръ Томсонъ принялъ на себя эту тяжелую обязанность по приказанію. Но изъ словъ капитана Лезингстона я убѣдился, что д-ръ Томсонъ самъ предложилъ свои услуги. *Пр. Кингл.* (См. слѣд. примѣчаніе).

**) *Капитанъ Лезингстонъ адмиралу Дондасу 27 сент. 1854 г.* Капитанъ Лезингстонъ говоритъ о д-рѣ Томсонѣ, что онъ съ своимъ прислужникомъ г. Графъ, остался одинъ въ непріятельской странѣ, безъ всякихъ удобствъ и даже безъ палатки, изъ простаго желанія облегчить страданія 500 собратьевъ по оружію.

Дондасъ, докладывая объ этомъ лорду Раглану, замѣтилъ, что «д-ръ Томсонъ и его прислужникъ остались добровольно въ пустынной странѣ безъ пищи и крова».

Дондасъ лорду Раглану. Оффиціальная депеша 30 сент. 1854 г.

«Въ чемъ нуждались эти лица, такъ это не въ крови, а въ помощи ихъ сотоварищей; а что касается до словъ Дондаса, будто они остались безъ пищи, то я видѣлъ, что лордъ Рагланъ собственноручно написалъ на поляхъ этого донесенія слѣдующія слова: *У нихъ была пища.* Р. *Пр. Кингл.*

Замѣтка лорда Раглана едва ли вполнѣ справедлива. Наши несчастные раненые, можетъ быть, и были снабжены пищею, но не настолько времени, сколько имъ пришлось проваляться, плавая въ своей крови, на берегу Алмы. Сколько намъ извѣстно, на всѣхъ нашихъ раненыхъ, до 500 человѣкъ, было оставлено двинувшимся впередъ войскомъ десять мѣшковъ сухарей, боченокъ рому, нѣкоторое количество чаю и сахарнаго песку. Д-ръ Томсонъ, во время своего пребыванія съ нашими ранеными, однажды самъ застрѣлилъ двѣ татарскія коровы и предоставилъ раненымъ раздѣлить ихъ между собою. Если бы у него имѣлся запасъ пищи для раненыхъ, ему не надо было бы прибѣгать къ такому оригинальному способу продовольствія ихъ. *П. А.*

***) Въ предыдущихъ частяхъ было говорено, что современные казаки составляли полки регулярной кавалеріи (?), утратившіе уже тотъ дикій, необузданный характеръ, которымъ такъ отличались казаки 1812 года; но фактъ, что такая перемѣна совершилась, еще не былъ извѣстенъ союзнымъ войскамъ. *Пр. Кингл.*

****) Съ утра 23 до утра 26—14 сент. Лезингстонъ прибылъ на якорное мѣсто позднею ночью 25 сентября, а на слѣдующій день, раннимъ утромъ, отправился на мѣсто, гдѣ лежали русскіе раненые. Лезингстонъ Дондасу 17 сент. 1854 г. *Пр. Кингл.*

Мы должны напомнить здѣсь, что алминское сраженіе происходило 8 сентября, а перевозка раненыхъ на корабль произведена только 14 сент. Слѣдовательно, эти несчастные оставались шесть дней безъ присмотра и необходимой перевязки ихъ ранъ. По разсказу, перепечатанному изъ Journal de St. Petersbourg, въ № 240 «Русскаго Инвалида» за 1854 годъ, «помянутые раненые, будучи перенесены послѣ битвы на берегъ Алмы, оставались тамъ въ продолженіе шести дней, безъ крова и почти безъ помощи; лишь у нѣкоторыхъ были перевязаны раны, да и то сѣномъ и соломою вмѣсто корпіи, что, разумѣется, принесло имъ не пользу, а вредъ. Потому, по прибытіи ихъ въ Одессу, почти всѣ раны были поражены антоновымъ огнемъ и 23 сентября (ст. стиля) уже умерли 31 человѣкъ, изъ числа привезенныхъ 353-хъ человѣкъ». (По болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, доставлено 342 чел.). *А. П.*

ныхъ на попеченіи единственнаго врача и его прислужника, были такъ изранены, что не въ силахъ были сколько-нибудь помогать другъ другу; очень многіе имѣли разбитые члены; другіе, терзаемые предсмертными страданіями, лежали навзничь, призывая смерть; нѣкоторые умирали; другіе были уже мертвы [1]).

Въ продолженіе этихъ трехъ дней, докторъ Томсонъ, съ своимъ прислужникомъ, работали безъ устали, напрягали всѣ силы, чтобы отдѣлить мертвыхъ отъ живыхъ, оттащить тѣла и хоть сколько-нибудь прикрыть ихъ землею; но все-таки, когда пришла помощь съ флота, нашимъ морякамъ пришлось поднять 39 тѣлъ, отчасти уже начавшихся разлагаться [2]).

Когда, наконецъ, утромъ 26-го сентября, капитанъ Лезингстонъ пріѣхалъ съ „Альбіона“ и нашелъ своихъ двухъ земляковъ на ихъ печальномъ посту, онъ былъ удивленъ ихъ твердостью и сочувствіемъ къ дѣлу, отъ котораго они столько потерпѣли [3])

Весь этотъ день и въ продолженіе шести часовъ слѣдующаго утра, матросы съ „Альбіона“ и „Везувія“, снабженные носилками, трудились надъ перенесеніемъ раненыхъ на корабль. Оставалось всего 50 раненыхъ, когда появленіе 3.000 Русскихъ заставило капитана Лезингстона оставить свой трудъ неоконченнымъ [4]).

Раненые, перенесенные на корабль, были отправлены въ Одессу, подъ бѣлымъ флагомъ [5]). Живыхъ, которыхъ можно было передать Русскимъ, было 342 [6]). Слабость этихъ страдальцевъ была такъ велика, что одесскій губернаторъ нашелъ невозможнымъ опредѣлить: сколько между ними было рядовыхъ солдатъ и сколько лицъ другихъ званій [7]). Дондасъ, въ своемъ письмѣ одесскому губернатору, говорилъ о передачѣ этихъ раненыхъ, какъ о человѣколюбивомъ поступкѣ [8]). Отвѣтъ губернатора, своею холодностью и суровостью, вынудилъ Дондаса замѣтить, что этотъ отвѣтъ могъ бы быть мягче [9]). Но, припоминая какой видъ представляли раненые на

---

[1]) Лезингстонъ—Дондасу 27 сент. 1857 г. *Кинглэкъ.*
По разсказу унтеръ-офицера Григорьева, наши раненые подавали нѣкоторую помощь другъ другу: сами варили себѣ пищу и вытаскивали умирающихъ изъ среды лежавшихъ рядами раненыхъ. *П. А.*

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же. Капитану Лезингстону телеграфировали объ исполненіи этого порученія, на его корабль „Альбіонъ“, буксированный „Везувіемъ“ и сопровождаемый транспортомъ „Эванъ“. *Кинглэкъ.*

[4]) Лезингстонъ Дондасу. 1854 г. Капитанъ Лезингстонъ очень правильно поступилъ, приказавъ своимъ, дурно вооруженнымъ, морякамъ отступить. *Кинглэкъ.*

[5]) Дондасъ лорду Раглану; частное письмо 30 сентября 1854 г. *Кинглэкъ.*

[6]) Губернаторъ говоритъ, что онъ не можетъ различить званій раненыхъ, по невозможности разспрашивать ихъ, за ихъ чрезвычайною слабостію. *Кинглэкъ.*

[7]) Дондасъ одесскому губернатору. „Я увѣренъ, что ваше превосходительство, изъ такихъ же человѣколюбивыхъ чувствъ, примете этихъ раненыхъ какъ частныхъ, не военныхъ людей, до формальнаго размѣна плѣнныхъ“. *Кинглэкъ.*

[8]) Дондасъ лорду Раглану 30 сент. 1854 г. Губернаторъ, въ отвѣтъ Дондасу, 29-го сентября, отнесся къ нему холодно; онъ только сообщилъ, что донесъ Императору о прибытіи раненыхъ и объ условіяхъ уступки ихъ, предложенныхъ Дондасомъ. *Кинглэкъ.*

[9]) Для человѣколюбиваго дѣла, съ нашей стороны, требовались жертвы, а ихъ-то и не было. Просто на-просто, несчастные русскіе раненые составляли для насъ бремя, которое оказалось удобнѣе сложить на Русскихъ. *Кинглэкъ.*

другой день битвы и принимая въ соображеніе положеніе, въ какомъ они находились съ прибытіемъ въ портъ, я извиняю одесскаго губернатора, если его раздражило слово „человѣколюбіе“, употребленное въ письмѣ Дондаса. Одесскій губернаторъ могъ даже принять за насмѣшку сдѣланное ему предложеніе смотрѣть на эти жалкіе остатки когда-то бывшихъ солдатъ, какъ на частныхъ людей, а не на воиновъ, до тѣхъ поръ пока ихъ можно будетъ обмѣнять. Если бы Дондасъ побывалъ на „Эванѣ“ и посмотрѣлъ на эти обломки человѣческихъ существъ, которыми онъ былъ нагруженъ, его доброе сердце побудило бы его скорѣе пожалѣть о разрушеніи, производимомъ войной, чѣмъ толковать о „человѣколюбіи“ *).

Однимъ только онъ могъ оправдать, какъ бы пренебреженіе, оказанное несчастнымъ русскимъ плѣннымъ—откровеннымъ указаніемъ на невозможность устранить лишенія и страданія нашихъ собственныхъ больныхъ и раненыхъ солдатъ.

Дѣйствительно положеніе раненыхъ союзниковъ при эвакуированіи ихъ бывало не лучше положенія нашихъ раненыхъ, взятыхъ въ плѣнъ Англичанами. Вотъ какую корреспонденцію изъ Константинополя приводитъ Joly въ своемъ „Mensonges et Realite“ и пр. относительно положенія раненыхъ при ихъ перевозкѣ изъ Крыма:

„На пароходъ „Kolombo“, за два дня до выхода его въ море, стали свозить раненыхъ и когда онъ поднялъ якорь, на немъ оказалось: 27 офицеровъ и 422 солдата, а также 104 русскихъ раненыхъ, всего 550 человѣкъ. Около половины изъ этихъ людей не видѣли хирурга со времени сраженія, т.-е. больше 6 дней. Для ухода за всѣми перевозимыми ранеными было только 4 хирурга, въ томъ числѣ корабельный, которому было довольно работы съ людьми его экипажа.

Судно было, буквально, завалено тѣлами, валявшимися на полу, въ такомъ количествѣ, что мѣшали экипажу работать при маневрированіи. Офицеры не могли безпрепятственно пользоваться инструментами и управлять судномъ, поэтому оно пробыло въ пути двѣнадцатью часами болѣе чѣмъ бы слѣдовало.

Тяжко больные лежали на палубѣ, которая въ два дня покрылась массою гнилья. Огнестрѣльныя раны, долго не промытыя и не перевязанныя, наполнились червями, ползавшими повсюду и заражавшими пищу всѣхъ несчастныхъ, бывшихъ на суднѣ.

Разложеніе органическихъ веществъ производило такое зловоніе, что офицеры экипажа не выдерживали. Капитанъ судна заболѣлъ отъ этого пятидневнаго путешествія. Всѣ одѣяла, болѣе 500, бросили въ море, какъ негодныя. Во время перехода умерло 30 человѣкъ.

---

*) Въ объясненіе холодности, съ какою принялъ одесскій губернаторъ услугу Англичанъ, мы можемъ указать на выше сдѣланное нами примѣчаніе, т.-е. что раненые, частію будучи перевязаны сѣномъ и соломою, частію оставаясь вовсе безъ перевязки, со времени полученія раны, имѣли уже антоновъ огонь при доставленіи ихъ въ Одессу. *П. А.*

Приложеніе VI.

Приказаніе по Севастопольскому гарнизону августа 26 дня 1855 г.

1.

Изъ числа палатокъ, доставленныхъ Селенгинскимъ пѣхотнымъ полкомъ на Сѣверную сторону, сдать подъ квитанціи въ распоряженіе штаба командира Севастопольскаго порта 10 солдатскихъ, въ распоряженіе полиціи 1 офицерскую и 17 солдатскихъ палатокъ.

2.

Управляющій Морскимъ министерствомъ, 10 сего августа за № 12760, увѣдомилъ г. главнокомандующаго, что почтосодержатели Харьковской и Полтавской губерній, поименованные въ присланномъ при семъ спискѣ, изъявили желаніе: раненыхъ при защитѣ Севастополя офицеровъ и нижнихъ чиновъ, а также осиротѣвшія семейства сихъ послѣднихъ, которыя пожелаютъ отправиться во внутреннія губерніи, для излѣченія ранъ или для присоединенія къ своимъ семействамъ, перевозить безплатно по содержимымъ ими станціямъ, отпуская для сего каждыя сутки по двѣ тройки лошадей съ возчиками и что главноуправляющимъ надъ почтовымъ департаментомъ это предложеніе ихъ разрѣшено привесть въ исполненіе.

(Въ приказаніи поименованы всѣ станціи, по которымъ таковая перевозка будетъ произведена; станціи эти содержатся слѣдующими тутъ же поименованными лицами:

Харьковской губерніи. Дѣйств. статс. совѣтникъ Анненковъ; отставной штабъ-ротмистъ Студитскій; штабъ-ротмистръ Евреиновъ; купецъ Ешопенъ; купецъ 1 гильдіи Антоновъ.

Полтавской губерніи. Полковникъ Козельскій; полковникъ Познанскій; вдова артиллеріи поручика Сухотина; полковница Абаза; артиллеріи штабсъ-капитанъ Сахновскій; 1 гильдіи купеческій сынъ Португаловъ; бердянскій 1 гильдіи купецъ Нумеровскій; кременчугскій 3 гильдіи купецъ Висловъ).

3.

Въ дополненіе приказанія по гарнизону отъ 31 мая за № 150 и согласно рапорта дежурнаго генерала арміи отъ 25 августа, г. начальникъ гарнизона приказать изволилъ: сдавать излишнее отъ некомплекта людей оружіе въ артиллерійскій гарнизонъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы годныхъ ружей было оставлено въ каждомъ полку на 20 рядовъ во взводѣ по 4-хъ баталіонному составу, сберегая излишнее по этому разсчету противъ настоящаго состава полковъ, въ полковыхъ вагенбургахъ; что же относится до поврежденнаго оружія, то таковое, все безъ остатка, слѣдуетъ сдавать въ артиллерійское вѣдомство. Подлинное подписалъ свиты Его И. В. генералъ-маіоръ князь Васильчиковъ. Вѣрно: въ должности адъютанта поручикъ Рала.

Приложеніе VII.

Свѣдѣніе (для генералъ-лейтенанта Хрулева) о числѣ войскъ на лѣвой половинѣ оборонительной линіи г. Севастополя.

25 августа 1855 года.

На 3-мъ отдѣленіи.	Генераловъ.	Штабъ-оф.	Оберъ-оф.	Унтеръ-оф.	Музыкант.	Рядовыхъ.
Въ двухъ баталіонахъ Охотскаго полка на банкетѣ.	—	2	51	196	71	1.100
Штуцерныхъ.	—	—	1	2	—	74
Нарѣзныхъ.	—	—	1	3	1	71
Охотниковъ	—	—	2	4	2	100
Портныхъ и сапожниковъ	—	—	—	—	—	64
Итого по тревогѣ.	—	2	55	205	75	1.409
Въ Камчатскомъ полку на банкетѣ.	—	3	25	170	71	947
Штуцерныхъ	—	—	1	2	2	41
Нарѣзныхъ.	—	—	1	4	4	90
Портныхъ и сапожниковъ	—	—	—	—	—	64
Итого по тревогѣ.	—	3	27	176	77	1.142
Резервный бат. Минскаго и Волынскаго пол.	—	1	9	53	14	357
Портныхъ и сапожниковъ	—	—	—	—	—	16
Итого по тревогѣ.	—	1	9	53	14	373
Въ двухъ батал. Владимірскаго—на банкетѣ	—	3	15	71	41	602
Штуцерныхъ	—	—	1	1	2	29
Нарѣзныхъ	—	—	—	1	—	59
Охотниковъ.	—	—	3	8	3	160
Итого по тревогѣ.	—	3	19	80	46	850
Въ двухъ батал. Суздальскаго—на банкетѣ	—	3	27	104	35	517
Штуцерныхъ	—	—	1	2	1	69
Съ нарѣзными	—	—	—	2	1	66
Охотниковъ	—	—	3	9	2	160
Итого по тревогѣ.	—	3	31	118	39	812
Въ двухъ батал. Селенгинскаго—на банкетѣ	—	3	44	156	95	999
Штуцерныхъ и нарѣзныхъ	—	—	1	8	1	125
Портныхъ и сапожниковъ	—	—	—	—	—	32
Итого по тревогѣ.	—	3	45	164	96	1.156
Въ Якутскомъ полку на банкетѣ.	—	3	35	145	63	969
Штуцерныхъ	—	—	2	8	2	137
Охотниковъ	—	—	—	4	—	64
Итого по тревогѣ.	—	3	37	157	65	1.170
Прикомандированная къ Якутскому полку дружина № 47-го ополченія	—	2	13	69	22	652
А всего на 3-мъ отдѣленіи.	—	20	236	1.022	434	7.563
На 4-мъ отдѣленіи.						
Въ двухъ батал. Его Величества—на банкетѣ.	—	2	39	97	96	846
Штуцерныхъ	—	—	2	3	2	96
Съ нарѣзными ружьями	—	—	1	2	—	48
Охотниковъ	—	—	2	11	1	84
Итого по тревогѣ.	—	2	44	113	99	1.074

	Генералов.	Штабъ-оф.	Оберъ-оф.	Унтеръ-оф.	Музыкант.	Рядовыхъ.
Въ двухъ батал. Модлинскаго полка	—	3	25	82	47	532
Охотниковъ	—	—	1	7	1	60
Штуцерныхъ	—	—	—	4	—	48
Итого по тревогѣ	—	3	26	93	48	640
Въ двухъ батал. Прагскаго—на банкетѣ	—	2	12	99	30	459
Штуцерныхъ	—	—	—	—	—	48
Охотниковъ	—	—	1	5	—	50
Портныхъ и сапожниковъ	—	—	—	—	—	30
Итого по тревогѣ	—	3	13	104	30	587
Въ двухъ батал. Люблинскаго—на банкетѣ	1	2	20	97	84	536
Штуцерныхъ	—	—	—	—	—	48
Итого по тревогѣ	1	2	20	97	54	584
Въ двухъ батал. Замосцкаго—на банкетѣ	—	3	22	94	55	602
Штуцерныхъ и охотниковъ	—	—	—	6	—	105
Итого по тревогѣ	—	3	22	100	55	707
Въ двухъ батал. Муромскаго—на банкетѣ	—	1	26	120	66	579
Штуцерныхъ съ нарѣзными ружьями	—	—	1	2	2	105
Охотниковъ	—	—	—	2	—	48
Итого по тревогѣ	—	1	27	124	68	732
А всего на 4-мъ отдѣленіи	—	14	152	631	354	4.324
На 5-мъ отдѣленіи.						
Въ двухъ батал. Олонецкаго—на банкетѣ	—	3	38	222	93	1.132
Штуцерныхъ	—	—	—	1	1	96
Охотниковъ	—	—	—	—	—	74
Съ нарѣзными ружьями	—	—	—	1	1	96
Итого по тревогѣ	—	3	38	224	95	1.398
Въ двухъ батал. Бендерскаго—на банкетѣ	—	4	32	184	64	1.015
Штуцерныхъ	—	—	—	2	—	72
Съ нарѣзными ружьями	—	—	—	2	—	72
Итого по тревогѣ	—	4	32	188	64	1.159
Въ двухъ батал. Забалканскаго—на банкетѣ	—	—	29	77	42	466
Штуцерныхъ	—	—	1	3	1	55
Съ нарѣзными ружьями	—	—	—	3	1	47
Охотниковъ	—	—	1	5	—	36
Итого по тревогѣ	—	4	31	88	44	604
Въ двухъ батал. Полтавскаго—на банкетѣ	—	2	18	56	15	553
Штуцерныхъ	—	—	1	2	1	68
Съ нарѣзными ружьями	—	—	—	2	—	41
Охотниковъ	—	—	1	4	—	32
Итого по тревогѣ	—	2	20	64	16	694
Въ двухъ батал. Александпольскаго—на банкетѣ	—	5	28	120	53	732
Штуцерныхъ	—	—	1	2	1	54
Съ нарѣзными ружьями	—	—	1	2	1	51
Охотниковъ	—	—	1	4	1	32
Итого по тревогѣ	—	5	31	128	56	869

	Генералов.	Штабъ-оф.	Оберъ-оф.	Унтеръ-оф.	Музыкант.	Рядовыхъ.
Прикомандированныя къ Александпольскому полку дружины № 48-го Курскаго ополченія . . .	—	1	12	64	19	623
4-го Стрѣлковаго баталіона 2-й и 4-й стрѣлковой роты.	—	—	5	13	3	105
Въ двухъ батал. Кременчугскаго—на банкетѣ . .	—	1	37	127	52	597
Штуцерныхъ	—	—	1	4	1	74
Съ нарѣзными ружьями	—	—	—	—	—	69
Охотниковъ	—	—	2	10	2	74
Итого по тревогѣ . . .	—	1	40	141	55	814
А всего на 4-мъ отдѣленіи. .	—	20	209	900	352	6.266
Въ общемъ резервѣ.						
2 батал. Сѣвскаго—на банкетѣ.	—	2	43	114	67	527
Штуцерныхъ съ нарѣзными ружьями и охотниковъ	—	—	1	8	1	243
Итого по тревогѣ . . .	—	2	44	122	68	770
Въ двухъ батал. Елецкаго—на банкетѣ.	—	2	31	147	58	616
Съ нарѣзными ружьями и штуцерныхъ.	—	—	—	—	—	164
Охотниковъ.	—	—	1	5	4	70
Итого по тревогѣ . . .	—	2	32	153	62	850
Въ двухъ батал. князя Горчакова—на банкетѣ. .	—	1	33	96	60	566
Штуцерныхъ	—	—	3	3	—	64
Съ нарѣзными ружьями	—	—	1	3	—	57
Охотниковъ	—	—	1	4	1	48
Итого по тревогѣ . . .	—	3	35	106	61	735
Въ двухъ батал. Эриванскаго полка на банкетѣ.	—	2	29	46	56	526
Штуцерныхъ	—	—	1	2	—	56
Съ нарѣзными ружьями	—	—	1	1	—	56
Итого по тревогѣ . . .	—	2	31	49	56	638
Прикомандированная къ кн. Горчакова полку дружина № 49 Курскаго ополченія	—	1	4	51	17	650
Артельщиковъ, каптенармусовъ и рабочихъ на кухнѣ	—	—	7	355	10	856
А всего въ общемъ резервѣ .	—	10	152	836	274	4.529
А Всего на 3, 4 и 5 отдѣленіи и въ резервѣ		64	749	3.399	1.414	22.662

Приложеніе VIII.

Взрывъ Павловскаго форта въ Севастополѣ.

29-го августа 1855 года.

Севастопольскій обѣдъ въ декабрѣ 1874 года далъ, какъ извѣстно, поводъ къ спору по вопросу: „Кто послѣдній оставилъ Севастополь 28-го августа 1855 года“ и при многостороннемъ разсмотрѣніи этого вопроса въ „Русской Старинѣ“ и „Русскомъ Архивѣ“ вызвалъ на Божій свѣтъ нѣсколько замѣтокъ, имѣющихъ значеніе для исторіи обороны Севастополя.

Къ числу таковыхъ замѣтокъ мы причисляемъ выдержку изъ письма князя С. С. Урусова къ издателю „Русскаго Архива“, помѣщенную въ шестой тетради названнаго сборника за этотъ годъ. Несомнѣнно, впрочемъ, что всѣ эти замѣтки имѣли бы несравненно большее значеніе и интересъ, если бы въ нихъ было больше прямыхъ указаній, чѣмъ намековъ, часто совершенно непонятныхъ читателю.

Что-нибудь одно: если уже настало время говорить чистую правду про всѣ переходы севастопольской обороны, не стѣсняясь тѣмъ, что нѣкоторые дѣйствователи этой великой драмы не успѣли еще перейти въ вѣчность, то и будемъ говорить эту правду не обинуясь; если же этого времени еще не настало, то не лучше-ли воздержаться отъ полусловъ и полупрозрачныхъ намековъ. Если мы позволяемъ себѣ говорить объ ошибкахъ и неправильныхъ дѣйствіяхъ однихъ дѣйствующихъ лицъ разсматриваемаго эпизода, то будемъ также откровенно говорить и объ ошибкахъ другихъ. Если мы позволяемъ себѣ печатать полную фамилію, напримѣръ, генерала Баумгартена, когда князь Меншиковъ въ своемъ письмѣ къ князю М. Д. Горчакову, въ самый разгаръ севастопольской войны, говоритъ, что „генералъ Баумгартенъ уже не тотъ, что былъ полковникомъ подъ Четати“ („Рус. Стар.“ февр. 1875 г., стр. 320), то я не могу понять, по какой причинѣ князь Урусовъ въ названной статьѣ не хочетъ поименовать тѣхъ „ц ѣ н и т е л е й и с у д і й“ Сѣверной стороны, которые такъ скептически относились къ подвигамъ т о г о т р а н ш е й - м а і о р а, о д н о г о в ы д е р ж а в ш а г о 28-ми д н е в н ы й и с к у с ъ и оставшагося въ живыхъ, который не нечаяннымъ

нападеніемъ, а открыто, съ незначительными силами, бросился на занявшаго нашу позицію превосходнаго въ числѣ непріятеля и отбилъ ее? Почему князь Урусовъ не называетъ имени траншей-маіора этого и не разсказываетъ съ большею ясностью и подробностью самаго факта, совершеннаго этимъ траншей-маіоромъ подвига *)?

Для исторіи севастопольской борьбы, столь интересующей отечественное общество, если и могутъ быть собраны въ достаточномъ числѣ необходимые матеріалы, то только теперь, когда еще живы многіе изъ дѣйствующихъ лицъ этой борьбы. Поэтому, если хотятъ знать истину, неподкрашенную и неподдѣланную, то именно теперь, заводя рѣчь о какомъ-либо эпизодѣ этой борьбы, надлежитъ устранять всякіе намеки и полуслова. Такимъ только способомъ сдѣлается невозможнымъ возведеніе въ фактъ какой-либо выдумки, такимъ только способомъ устранится возможность невѣрнымъ освѣщеніемъ бросать фальшивыя свѣто-тѣни на то или другое событіе.

Между тѣмъ, небезъинтересная замѣтка князя С. Урусова именно этимъ и погрѣшаетъ.

Ведется рѣчь о взрывѣ форта на Павловскомъ мыскѣ.

„Было уже за полдень, говоритъ князь Урусовъ (надо думать 28-го августа), когда эту батарею внезапно закрыло черною тучею и съ трескомъ подняло вверхъ“

Затѣмъ къ князю Урусову, въ палатку на Сѣверной, прибылъ въ числѣ гостей штабъ-офицеръ, произведшій взрывъ.

Далѣе отрывочный разсказъ князя Урусова объ этомъ событіи даетъ понять, что фортъ взорванъ вмѣстѣ съ тѣми ранеными, нашими и непріятельскими, которые въ немъ были сложены, тогда какъ, по словамъ князя Урусова, „надо думать, что судьба ихъ была ввѣрена начальнику штаба, тѣмъ болѣе, что перевозочныя средства были въ рукахъ у него“.

Очевидно, на начальника штаба крымской арміи возлагается этимъ предположеніемъ слишкомъ тяжкое обвиненіе, чтобы къ нему легко могъ относиться историкъ севастопольской обороны, чтобы онъ могъ оставить безъ надлежащей оцѣнки самый фактъ и безъ критической повѣрки образъ дѣйствій того, кто взорвалъ названную батарею, тѣмъ болѣе, что, по словамъ князя Урусова, онъ живъ и доселѣ и, слѣдовательно, можетъ объяснить, что именно побудило его взорвать фортъ Павелъ I, съ людьми въ немъ сложенными, тогда какъ намъ извѣстно и подтверждается разсказомъ самого князя Урусова, что главнокомандующій предполагалъ: не только раненыхъ, сложенныхъ въ Павловскомъ фортѣ, но и всѣхъ раненыхъ, находившихся въ Севастополѣ, поручить великодушію непріятеля.

Чтобы хотя нѣсколько облегчить будущему историку севастопольской

---

*) Очевидно, князь Урусовъ въ этомъ *траншей-маіорѣ* подразумѣваетъ *себя самого*, а въ отбитіи занятой непріятелемъ нашей позиціи инциндентъ съ забалканской батареей въ день взятія Французами Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ, о чемъ говорится нами въ своемъ мѣстѣ.

обороны трудъ разъясненія приведеннаго обвиненія, мы излагаемъ здѣсь свои по этому вопросу воспоминанія и соображенія.

Нѣтъ-ли ошибки въ разсказѣ и предположеніяхъ князя С. С. Урусова?

Я самъ былъ участникомъ и очевидцемъ отступленія изъ Севастополя. Съ напряженнымъ вниманіемъ я слѣдилъ за всѣми переходами этой кровавой драмы и, что успѣвалъ, тутъ же записывалъ.

Въ моихъ записныхъ листкахъ сохранились слѣдующія строки, относящіяся до разсматриваемаго вопроса.

Утро, 28-го августа 1855 г.

.... „Видна еще суматоха у Павловскаго мыска: тамъ оставлено болѣе 500 раненыхъ; ихъ перевозятъ теперь по согласію съ французскимъ главнокомандующимъ....“ *).

Много лѣтъ прошло со времени великаго событія. Трудно было сохранить въ памяти разныя мелкія подробности и поневолѣ приходится вѣрить тому, что было записано въ самый моментъ дѣйствія. Впрочемъ, я не вижу причины не вѣрить этому записанному. Мои записные листки не выдуманы впослѣдствіи, я ихъ набрасывалъ — т о г д а. То, что происходило послѣ отсутствія на другія и третьи сутки, я записывалъ, находясь все время на берегу бухты, на Сѣверной сторонѣ и, слѣдовательно, если у меня записано 28-го августа, что суматоха происходитъ у Павловскаго мыска, при чемъ перевозятъ раненыхъ, то, значитъ, я собственными глазами видѣлъ эту перевозку и эту суматоху.

Что перевозка эта совершалась дѣйствительно, доказывается разсказомъ подполковника А. Разина (Очерки изъ крымской войны. Рукописи о севастопольской оборонѣ, собранныя Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, томъ II, Спб., 1872, стр. 285) о перевозкѣ его, въ числѣ около 50-ти офицеровъ, на баркасѣ съ Павловскаго мыска на Сѣверную. Если же перевозка раненыхъ съ Павловскаго мыска совершалась дѣйствительно, то, значитъ, о нахожденіи тамъ раненыхъ знали, а если знали, то кто

*) При оцѣнкѣ этого свѣдѣнія надлежитъ не забывать, что я записывалъ т о г д а то, что видѣлъ и слышалъ — в с е г о я самъ видѣть не могъ. Перевозку раненыхъ съ мыска я в и д ѣ л ъ самъ: о томъ, что таковая совершается по соглашенію съ французскимъ главнокомандующимъ, я могъ только с л ы ш а т ь. Слухъ этотъ, надо думать, былъ невѣренъ; по крайней мѣрѣ доселѣ ничѣмъ не подтверждается, чтобы 28-го августа былъ посланъ къ союзнымъ главнокомандующимъ нашъ парламентеръ. Впрочемъ, этотъ ошибочный слухъ нисколько не измѣняетъ факта перевозки раненыхъ изъ Павловскаго форта, которая, надо полагать, совершилась весьма успѣшно (какъ продолжавшаяся весь день 28-го августа), потому что союзники не нашли нашихъ раненыхъ близъ этого пункта, когда его заняли. По словамъ главнаго французскаго доктора Шеню, до 500 нашихъ раненыхъ было найдено собственно у Николаевскаго форта, которые и переданы намъ. (Rapport au Conseil de santé des armées etc. par I. C. Chenu. 1885. Paris, page 114).

Профессоръ Гюббинетъ въ своей рѣчи, сказанной 27 окт. 1868 въ Обществѣ Кіевскихъ врачей, говоритъ: при отступленіи 27 августа, въ одну ночь надо было перевезти 11000 раненыхъ. Оставшіеся въ фортѣ Павловскомъ были вывезены на слѣдующее утро, а тѣ безнадежные и умирающіе, которые остались въ магазинахъ на Павловскомъ мыскѣ, тамъ и остались. Мы ихъ не убирали, опасаясь вступленія непріятеля, а онъ, опасаясь взрывовъ, вступилъ только на четвертый день.

могъ рѣшиться взорвать фортъ на воздухъ, прежде чѣмъ раненые были оттуда перевезены.

Если мнѣ не измѣняетъ память, то перевозкою раненыхъ съ Павловскаго мыска занимался капитанъ-лейтенантъ Ильинскій и чуть-ли не онъ ѣздилъ съ охотниками на Павловскій фортъ, чтобы взорвать его. Не знаю, живъ-ли доселѣ этотъ храбрый штабъ-офицеръ, а если онъ живъ, то, вѣроятно, не откажется пролить надлежащій свѣтъ на фактъ, являющійся въ разсказѣ князя Урусова по крайности прискорбнымъ.

При томъ было бы еще понятно предположеніе о взрывѣ Павловскаго форта до вывозки изъ него раненыхъ, если бы этотъ взрывъ былъ произведенъ въ самую сумятицу боя, а такъ какъ извѣстно, что Павловскій фортъ взорванъ послѣ всѣхъ другихъ и, по моему, взорванъ на третій день послѣ штурма, т. е. утромъ 29-го августа, то что другое могло замедлить взрывъ этого форта, въ подвалахъ котораго имѣлся значительный запасъ пороха, форта, находившагося на мысу Корабельной стороны, прежде другихъ частей города, занятыхъ непріятелемъ, какъ не перевозка раненыхъ изъ этого форта, болѣе затруднительная, чѣмъ перевозка съ правой стороны оборонительной линіи, потому что совершалась на судахъ.

Въ подкрѣпленіе своего указанія о взрывѣ Павловскаго форта 29-го августа, позволю себѣ войти въ нѣкоторое объясненіе.

Весьма естественно, что въ моменты кипучей служебной дѣятельности, которою я былъ всецѣло поглощенъ въ послѣдующіе за отступленіемъ изъ Севастополя дни, по весьма тогда хлопотливой должности моей Старшаго адъютанта, я долженъ былъ ограничиваться запискою въ своемъ дневникѣ многихъ совершавшихся событій только полусловами, да отрывочными фразами, а по этой причинѣ я позволялъ себѣ въ послѣдствіи, по свѣжей еще памяти, когда у меня стало больше свободнаго времени, дополнять и расширять свои записки, когда въ нихъ заходила рѣчь о событіяхъ особой важности. Такимъ образомъ мои замѣтки о дняхъ 28-го и 29-го августа, въ моихъ „Походныхъ запискахъ въ войну 1853—56 годовъ“ (Вятка, 1861 г.) слиты въ одной рубрикѣ, причемъ, впрочемъ, относящееся до 29-го августа отдѣлено чертою (томъ II, стр. 382). Что разсказъ о взрывѣ Павловскаго форта относится именно къ утру 29-го августа, служитъ доказательствомъ слова „Записокъ“: „Мы стали собираться въ походъ, какъ вновь поднялось отъ Севастополя густое черное облако и пр.“. Штабъ нашей 11-й пѣхотной дивизіи выступилъ съ Сѣверной стороны на Инкерманскія высоты 29-го августа, слѣдовательно, и разсказъ о взрывѣ Павловскаго форта относится къ тому же числу. Притомъ картина этого взрыва такъ врѣзалась въ моей памяти, что я какъ сейчасъ ее вижу и помнится она мнѣ при утренней зарѣ.

Хотя въ „Описаніи хода обороны Севастополя съ 5-го по 28-е августа, доставленномъ ген.-адъют. княземъ Горчаковымъ“ („Рус. Инв.“ 1855 года, № 204) и значится, что послѣ

полудня 28 августа взлетѣла на воздухъ Павловская батарея, но это указаніе можетъ быть также ошибочно *), какъ и помѣщенное нѣсколькими

*) Что указаніе это дѣйствительно ошибочно, свидѣтельствуетъ генералъ Богдановичъ (Восточ. война Idem ст. 134—135), на основаніи письма капитана 1 ранга Ильинскаго, помѣщеннаго въ № 1 Москов. Вѣдомостей 1876, т. е. уже послѣ напечатанія мною настоящей статьи въ «Русской Старинѣ» за 1874 годъ. Вотъ что говоритъ Богдановичъ.

«29 августа (10 сент.) была взорвана Павловская батарея. Это укрѣпленіе, въ случаѣ занятія и вооруженія его непріятелемъ, могло причинить большой вредъ нашимъ батареямъ, расположеннымъ на Сѣверной сторонѣ. Капитанъ-лейтенантъ Дм. Вас. Ильинскій, заявивъ о томъ рано утромъ генералу Тотлебену, вызываясь взорвать батарею, и, получивъ разрѣшеніе исполнить это предпріятіе, взялъ на пароходѣ *Владиміръ* баркасъ съ гребцами и отправился на Павловскій мысокъ. Тамъ въ лазаретѣ на батареѣ находились 8 раненыхъ, которыхъ Ильинскій приказалъ перенести на баркасъ, послѣ чего, устроивъ приводъ къ пороховому погребу и поджегши его, переплылъ обратно на Сѣверную сторону. Вслѣдъ затѣмъ, Павловское укрѣпленіе взлетѣло на воздухъ».

«Взрывъ Павловской батареи, говоритъ г. Богдановичъ, въ примѣчаніи 60 къ главѣ XXXV своего труда, на основаніи нѣсколькихъ уважаемыхъ (?) сочиненій, послѣдовалъ 28 авг. (4 сент.) по полудни: но я счелъ наиболѣе вѣроятнымъ показаніе того, кто самъ взорвалъ батарею». Еще бы! Если бы и мы, печатая настоящую статью въ опроверженіе показанія князя Урусова, имѣли ввиду объясненіе достопочтеннаго Дмитрія Васильевича, то мы *во первыхъ* сослались бы на него. Впрочемъ, данный вопросъ представляется намъ столь важнымъ, что категорическое его рѣшеніе, въ видахъ успокоенія чувства каждаго Русскаго, возмущеннаго инсинуаціей князя Урусова, что мы считаемъ не лишнимъ повторить здѣсь все, вышепомянутое генераломъ Богдановичемъ, письмо Д. В. Ильинскаго.

«Прочитавъ въ № 260» Московскихъ Вѣдомостей, пишетъ г. Ильинскій, статейку князя С. С. Урусова, написанную противъ помѣщенныхъ въ 8 книжкѣ «Русской Старины» за 1875 годъ соображеній г. Алабина о времени взрыва Павловскаго форта въ Севастополѣ [1]), я былъ удивленъ тою смѣлостью выводовъ, съ которою князь Урусовъ взводитъ на распорядителей отступленія на Сѣверную сторону Севастополя обвиненіе въ крайней жестокости къ несчастнымъ раненымъ.

Живя въ настоящее время въ деревнѣ, я могъ достать только 8-ю книжку «Русской Старины» со статьей г. Алабина «Взрывъ Павловскаго форта». «Русскаго» же «Архива» въ нашей мѣстности никто не получаетъ, а потому мнѣ и не удалось прочесть помѣщенной въ немъ выдержки изъ письма князя Урусова къ издателю этого журнала. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ князь Урусовъ въ № 260 «Московскихъ Вѣдомостей» говоритъ о дѣлѣ хорошо мнѣ извѣстномъ и притомъ доказываетъ, что взрывъ Павловскаго форта произведенъ былъ не 29-го, а 28-го августа, и будто-бы вмѣстѣ съ находившимися въ немъ ранеными и плѣнными. то я долгомъ считаю сдѣлать общеизвѣстнымъ тѣ обстоятельства, при которыхъ сдѣланъ былъ мною взрывъ Павловскаго форта.

Заключеніе г. Алабина о томъ, что Павловское укрѣпленіе было взорвано 29 августа, совершенно справедливо. Хорошо помню, что, будучи командиромъ брига *Эней*, я провелъ ночь съ 27 на 28 августа въ распоряженіяхъ по потопленію этого брига помощію бывшихъ на немъ троихъ часовыхъ. . . . . Къ 11 часамъ утра 28 августа потопленіе было окончено и я переправился на Сѣверную сторону Я былъ крайне утомленъ и думалъ отдохнуть у моего товарища капитана 2 ранга Коцебу, командовавшаго батареей на Сѣверной сторонѣ, но засталъ его мертвымъ: ему оторвало ядромъ обѣ ноги. Не помню, гдѣ, наконецъ, т. е. въ чьей комнатѣ и на чьей постели нашелъ я себѣ въ этотъ день пріютъ для отдыха, въ Сѣверномъ укрѣпленіи, гдѣ и провелъ часть дня 28-го и ночь на 29-е августа.

Съ самаго отъѣзда моего съ Южной стороны Севастополя меня преслѣдовала мысль что слѣдовало бы взорвать Павловское укрѣпленіе, которое, по моему убѣжденію, могло, ослибы непріятель поставилъ въ немъ орудія, причинить намъ большой вредъ, но привести

[1]) Статейка князя Урусова, о которой говоритъ г. Ильинскій, не потому оставлена мною безъ отвѣта и доводы въ ней приведенныя безъ опроверженія, что мнѣ нечѣмъ ихъ опровергнуть, а собственно потому, что о существованіи этой „статейки“, я узналъ только теперь, когда отдавалъ въ печать настоящій свой трудъ. Впрочемъ всего приличнѣе помянутую статейку князя Урусова подъ заглавіемъ „Къ воспоминаніямъ о Севастопольской оборонѣ“ оставить безъ разбора и опроверженія, такъ какъ она таковаго не заслуживаетъ, будучи наполнена подтасовкою фактовъ,— ссылками, какъ на доказательства, на свѣдѣнія очевидно ошибочныя, искаженіемъ моихъ словъ въ приводимыхъ мною данныхъ,—умышленными недомолвками,—отыскиваніемъ въ моихъ „Запискахъ“ противорѣчій въ дѣйствительности не существующихъ и тому подобное.

строками выше, въ томъ же „Описаніи“, извѣстіе, что войска, занимавшія баррикады и пр., стали отходить къ переправѣ черезъ бухту, когда былъ поданъ сигналъ отступленія, послѣ переправы раненыхъ съ Павловской батареи,—тогда какъ извѣстно, что оттуда раненыхъ перевозили 28-го августа, почти весь день, а мостъ за отступившими войсками былъ разведенъ около 9-ти часовъ утра, слѣдовательно войска, занимавшіе баррикады, къ этому времени уже отошли.

Доказательствомъ, что Павловскій фортъ взорванъ утромъ 29-го августа, служатъ слова маршала Ніеля: „Le fort Paul ne sauta que la matinée du 10“. (Siège de Sebastopol. Journal des operations du Genie etc. par le général Niel. Paris. 1858, page 447). Тоже утверж-

---

это въ исполненіе безъ разрѣшенія начальства я не рѣшался, такъ какъ, не зная общаго плана будущихъ дѣйствій, опасался вмѣсто пользы принести вредъ, взорвавъ укрѣпленіе, стоившее громадныхъ суммъ. 29 августа рано утромъ, я встрѣтилъ на Сѣверной сторонѣ генерала Тотлебена и онъ выразилъ мнѣ сожалѣніе, что при нашемъ отступленіи Павловское укрѣпленіе не было нами взорвано и что оно можетъ причинить намъ большой вредъ. Это настолько согласовалось съ моимъ личнымъ убѣжденіемъ, что я тотчасъ же предложилъ генералу свои услуги и, получивъ отъ него разрѣшеніе взорвать укрѣпленіе, поспѣшилъ взять на пароходъ *Владиміръ* баркасъ съ гребцами и отправился на Павловскій мысокъ. Осмотрѣвъ самъ все укрѣпленіе снизу до верху, я нашелъ въ лазаретѣ всего только около 20 труповъ и 8 человѣкъ раненыхъ, приползшихъ вѣроятно съ разныхъ мѣстъ Корабельной части города. Ни доктора, ни прислуги при этихъ раненыхъ не было. Всѣ они тотчасъ же были перенесены гребцами на баркасъ. Я полагаю, что тѣ раненые, которые находились предъ отступленіемъ нашимъ на Сѣверную сторону, увезены наканунѣ, но кѣмъ именно и въ какомъ числѣ, не помню, такъ какъ, проведя безсонную ночь въ занятіяхъ потопленія брига, а предъ тѣмъ весь день на первой линіи и Малаховомъ курганѣ, я былъ въ сильномъ изнеможеніи; но сборъ людей и суматоху на Павловскомъ мысѣ 28 числа днемъ я видѣлъ и потому совершенно согласенъ съ г. Алабинымъ, что въ тотъ день занимались перевозкой раненыхъ.

По перенесеніи на баркасъ найденныхъ мною въ лазаретѣ восьми раненыхъ, я распорядился завалить входъ въ пороховой погребъ пороховыми боченками, оставшимися отъ стоявшей близъ укрѣпленія коновязи соломой и сѣномъ и разнымъ другимъ удобно-возгарающимся хламомъ, удлинивъ его ввидѣ хвоста. Поджегши его, я пошелъ къ баркасу чтобы отвалить; но въ это время матросы указали мнѣ часоваго, стоявшаго у наружной стѣны укрѣпленія, при помѣщеніи въ подвальномъ этажѣ, гдѣ было сложено лазаретное бѣлье. Часовой этотъ не хотѣлъ садиться въ шлюпку. Не имѣя времени дѣйствовать на него убѣжденіями, я приказалъ схватить его, посадить въ баркасъ и отвалить. Послѣ этого мы успѣли переплыть бухту и были уже въ безопасности на Сѣверной сторонѣ, когда Павловское укрѣпленіе взлетѣло на воздухъ. Я сошелъ на берегъ, а баркасъ съ ранеными вернулся на пароходъ *Владиміръ*. Мнѣ надо было отправиться къ князю Горчакову, чтобы донести ему о подробностяхъ произведеннаго мною взрыва и потому я пошелъ въ находившуюся неподалеку отъ Сѣвернаго укрѣпленія палатку, сколько помню—князя Урусова, и попросилъ у него лошадь доѣхать до главнаго штаба. Въ разговорѣ моемъ съ княземъ Урусовымъ о раненыхъ не было и помину, и я не могу понять изъ какихъ моихъ словъ онъ выводитъ теперь заключеніе, что я могъ рѣшиться на такое ужасное преступленіе. Предъ тѣмъ какъ представиться князю Горчакову, я явился къ начальнику главнаго штаба генералъ-адъютанту Коцебу, и онъ первый спросилъ меня: не осталось ли сколько нибудь на Павловской батареѣ раненыхъ послѣ перевозки ихъ 28 августа, съ Павловскаго мыска»? Я отвѣчалъ, что послѣднихъ 8 раненыхъ и одного часоваго я захватилъ съ собою на баркасъ.

Весьма сожалѣю, что не читалъ статьи князя Урусова въ *Русскомъ Архивѣ*, но полагаю, что онъ не велъ своевременно своихъ записокъ, чрезъ 20 лѣтъ намъ можетъ измѣнить и самая лучшая память, потому и пробѣлы въ воспоминаніяхъ о давно минувшихъ событіяхъ приходится пополнять умозрѣніемъ. Только такимъ образомъ и можно, по мнѣнію моему, объяснить происхожденіе предположенія князя Урусова о возможности взрыва 500 раненыхъ. Трудно рѣшиться обвинять кого бы то ни было въ совершеніи подобнаго безразсуднаго душегубства, не оправдываемаго никакою даже самою крайнею необходимостью.

Село Успенское, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губ.

даетъ Ch. Дау. адъютантъ генерала Боске. (Souvenirs de la guerre de Crimée 1854—56. Paris. 1867, page 331).

Затѣмъ, изъ приведеннаго въ статьѣ князя Урусова разговора его съ тѣмъ штабъ-офицеромъ, который взорвалъ Павловскій фортъ, надлежитъ заключить, что онъ произвелъ взрывъ, не подозрѣвая, что въ Павловской батареѣ сложены раненые.

Предоставляемъ каждому самому обсудить: съ одной стороны, возможно-ли такое легкомысленное отношеніе къ дѣлу штабъ-офицера, очевидно пользовавшагося немалымъ довѣріемъ своего начальства, если ему было поручено такое важное дѣло, какъ взрывъ Павловскаго форта; съ другой стороны, если даже допустить такое легкомысліе въ томъ штабъ-офицерѣ, что онъ самъ и не заглянулъ въ фортъ съ цѣлью удостовѣриться: нѣтъ-ли еще въ немъ людей, — то развѣ солдаты, бывшіе съ нимъ, прислуга, состоявшая при раненыхъ (такъ какъ послѣднее время въ Павловскомъ фортѣ было устроено госпитальное отдѣленіе), наконецъ, сами раненые не заявили бы о нахожденіи въ фортѣ еще живыхъ людей. Или не думаетъ ли князь Урусовъ, что штабъ-офицеръ, взорвавшій фортъ, имѣлъ инструкціи отъ высшаго начальства взорвать фортъ, хотя бы и наполненный ранеными чужими и своими?

Наконецъ, князь Урусовъ полагаетъ, что раненые, сложенные на Павловскомъ мыскѣ, были поручены попеченію начальника главнаго штаба.

Извѣстно, что этотъ генералъ оставилъ Севастополь вмѣстѣ съ главнокомандующимъ.

Если, раздѣляя взглядъ разсматриваемой статьи князя Урусова, трудно предположить, что бы такой военачальникъ, какимъ всѣ знаютъ графа Д. Е. Остенъ-Сакена, рѣшился оставить свой постъ прежде своего начальника, то, исходя изъ того же взгляда, также труднымъ кажется предположить, чтобы начальникъ главнаго штаба, не исполнивъ порученія своего главнокомандующаго, могъ возвращаться вмѣстѣ съ нимъ изъ дѣла, покидая такимъ произвольнымъ способомъ постъ, ему указанный.

Сопоставляя совершенную невозможность такого образа дѣйствій со стороны Начальника главнаго штаба, съ извѣстною заботливостію главнокомандующаго князя Горчакова о своихъ солдатахъ, а также имѣя въ виду, что Павловскій мысокъ, заваленный ранеными, передъ самымъ отъѣздомъ князя Горчакова изъ Севастополя, былъ имъ посѣщенъ,— я съ своей стороны прихожу къ положительному заключенію, что раненые Павловскаго форта непремѣнно были поручены княземъ, при самомъ посѣщеніи форта, чьему-либо попеченію. Если таковое порученіе было возложено княземъ на начальника своего штаба, то онъ несомнѣнно кому-либо передалъ это порученіе, во всякомъ же случаѣ распоряженіе о взрывѣ Павловскаго форта не раньше могло быть сдѣлано, какъ послѣ полученія донесенія объ очищеніи форта отъ раненыхъ.

Что касается до исчезновенія полковника Нейдгардта, ампутирован-

наго въ Павловскомъ фортѣ, то онъ могъ умереть тамъ отъ раны прежде чѣмъ могли перевезти его вмѣстѣ съ другими ранеными, и такимъ образомъ штабъ-офицеръ этотъ могъ быть оставленъ въ фортѣ, такъ какъ въ суматохѣ, которая происходила при отступленіи изъ Севастополя, было уже не до уборки мертвыхъ тѣлъ *).

Я слишкомъ далекъ отъ мысли видѣть въ полупрозрачномъ разсказѣ князя Урусова что-либо другое, кромѣ простаго недоразумѣнія, и если высказываю здѣсь свои мысли и воспоминанія, относящіяся къ разсказанному событію, то собственно раздѣляя желаніе кн. Урусова, чтобы оно было разъяснено, пока живы еще свидѣтели взрыва Павловскаго форта, съ которыми, по словамъ кн. Урусова, ему удалось бесѣдовать объ этомъ событіи въ 1874 году, но которыхъ онъ, къ сожалѣнію, не называетъ въ своей статьѣ, и, главное, пока еще живъ самъ виновникъ взрыва.

Мнѣ тѣмъ болѣе кажется возможною ошибка въ прозрачномъ намекѣ князя Урусова на взрывъ Павловскаго форта съ тѣми ранеными, которые въ немъ были сложены, что въ той же статьѣ кн. Урусова есть нѣкоторыя другія указанія, на мой взглядъ, не вполнѣ точныя и вѣрныя.

Напримѣръ: 1) Князь Урусовъ утверждаетъ, что раненые, сложенные на Павловскомъ мыскѣ, не были поручены никому въ особенности, и прибавляетъ: „надо думать, что судьба ихъ была ввѣрена начальнику штаба, ибо не къ кому было больше обратиться, какъ къ нему, тѣмъ болѣе, что перевозочныя средства были въ рукахъ у него“. Что до меня касается, я полагаю этого-то думать и не надо, такъ какъ въ тотъ моментъ севастопольской борьбы, къ которому относится это предположеніе, начальникъ штаба главнокомандующаго не могъ быть занимаемъ такимъ относительно незначительнымъ дѣломъ, какъ уборка раненыхъ съ одного какого-нибудь пункта, но что этимъ дѣломъ нашлось бы и тогда даже кому поручить заняться, кромѣ начальника штаба. Полагаю, перевозка раненыхъ съ Павловскаго мыска скорѣе могла бы быть поручена вице-адмиралу Новосильскому, въ распоряженіи котораго состояли суда, пароходы и прочія перевозочныя средства для доставки войскъ съ Корабельной стороны (а не въ распоряженіи начальника главнаго штаба, какъ говоритъ князь Урусовъ), или генералъ-лейтенанту Шепелеву, которому въ концѣ дѣла были поручены всѣ войска, занимавшія Корабельную.

2) „Скоро,—говоритъ князь Урусовъ,—огненная черта опоясала всѣ курганы (въ томъ числѣ и Малаховъ)“.

Огненная черта не могла опоясать Малахова кургана, потому что Корабельная сторона не была зажжена, вслѣдствіе запрещенія, сдѣланнаго генераломъ Шейдеманомъ зажигать ее, такъ какъ онъ опасался, что пожаръ Корабельной освѣтитъ единственный путь нашего отступленія—мостъ черезъ

*) Въ «Описаніи хода обороны Севастополя» съ 5-го по 28-е августа («Рус. Инв.» 1855 г.; полковникъ Нейдгардтъ показанъ убитымъ, а отнюдь не безъ-вѣсти пропавшимъ, какъ говоритъ въ своей статьѣ князь Урусовъ.

бухту и сдѣлаетъ его хорошею цѣлью для непріятельской артиллеріи. Такимъ образомъ на Корабельной сгорѣла только часть морскихъ казармъ, что тянулись отъ Павловскаго мыска и находились въ значительномъ разстояніи отъ Малахова кургана.

3) Говоря объ отступленіи нашемъ черезъ мостъ, князь Урусовъ прибавляетъ, что „была опасность и отъ сильнаго вѣтра, ибо волны могли разорвать мостъ и потопить тысячи людей“.

Къ вечеру 27-го августа, когда началось главное отступленіе войскъ, по счастію, вѣтеръ стихъ совершенно, самая зыбь бухты нѣсколько уменьшилась, хотя еще не улегшіяся волны все-таки продолжали раскачивать мостъ.

Да не покажутся сдѣланныя мною указанія простыми придирками къ словамъ или обращающими вниманіе читателя на обстоятельства, въ сущности его не заслуживающія.

Указанія эти мною сдѣланы для того собственно, чтобы имѣть основаніе заключить: если князь Урусовъ, разсказывая извѣстное событіе, могъ ошибиться въ передачѣ нѣсколькихъ фактовъ, то онъ могъ ошибиться и въ обрисовкѣ того факта, который сдѣлался почти главною темою его повѣствованія.

Приложеніе къ N IX:

Василій Чумаченко.

Василій Чумаченко служилъ волонтеромъ въ нашей дивизіи, послѣднее время при Охотскомъ егерьскомъ полку, въ званіи унтеръ-офицера, пожалованномъ ему незабвеннымъ П. С. Нахимовымъ.

Василій Чумаченко (также Чумаковъ, какъ онъ самъ себя называетъ, когда вздумаетъ поважничать), крестьянинъ слободы заштатнаго города Калитвы, Острогожскаго уѣзда, Воронежской губерніи, имѣетъ сорокъ шесть лѣтъ отъ роду.

Чумаченко—одна изъ натуръ, выработавшихся въ осажденномъ Севастополѣ. Лицо это доселѣ немногимъ извѣстно, но оно заслуживаетъ извѣстности, связанное съ великимъ именемъ этого города, принадлежащее къ числу дѣйствователей безпримѣрной защиты, къ категоріи тѣхъ, которыхъ полныя истиннаго величія дѣла остались невѣдомы міру, частію будучи прикрыты сумракомъ могилы, поглотившей какъ самихъ дѣйствователей, такъ и свидѣтелей ими содѣяннаго; частію потому, что были совершены не для славы, людьми, даже не понимавшими величія своихъ подвиговъ, совершившими ихъ какъ обыкновенное дѣло, слѣдовательно, не считавшими нужнымъ разсказывать о своихъ дѣлахъ равнымъ даже, не только начальству.

Вотъ очеркъ жизни Чумаченко *).

Чумаченко, какъ видно, былъ съ молоду парнемъ разудалымъ, даромъ, что съ виду онъ безчувственъ и неповоротливъ. Полюбилась ему крѣпко, лѣтъ за двадцать предъ симъ, пригожая дѣвка сосѣдняго села. Крутился, вертѣлся бѣдный Василій въ борьбѣ съ разными препятствіями, но, наконецъ, удалось ему жениться на красной дѣвчинѣ. Чрезъ годъ онъ уже нянчилъ славнаго мальчишку. Всѣмъ добрымъ людямъ казалось, а самому Чумаченко болѣе всѣхъ: вотъ послалъ Богъ счастье человѣку, знай живи, да поживай. Но ни добрые люди, радовавшіеся или завистливо глядѣвшіе на счастье

*) Мы помѣстили портретъ Чумаченко въ № 17 Русскаго Художеств. Листка. 1857. Изд. Тима.

Василья, ни самъ Василій не думали и не гадали, что бѣда сидѣла у него за плечами. Подоспѣлъ рекрутскій наборъ: Чумаченко назначили въ рекруты. Какъ стало темно на душѣ у бѣднаго человѣка, какъ стало горько и больно сердцу! Какія слезы хлынули при этой смутной вѣсточкѣ у молодой четы! Но слезами не поможешь. Скорѣе умру, рѣшилъ глупый Чумаченко, чѣмъ пойду въ *москали*, и на вѣкъ покину жинку и сына; лучше проститься съ семьей на время, чѣмъ навсегда. Имѣя въ виду существовавшій тогда обычай, что стоитъ укрыться отъ рекрутчины, стоитъ обождать, чтобы сдали кого нибудь другого, и тогда оставятъ тебя въ покоѣ, Чумаченко, перекрестясь, ударилъ на югъ, и скрылся въ безбрежныхъ степяхъ прикаспійскаго края, скрылся, чтобы десятки лѣтъ послѣ того не видать ни своей *гарной жинки*, ни своего любезнаго сына.

Досужій человѣкъ Чумаченко. Здоровье у него желѣзное; терпѣніе убійственное; физическая сила значительная; смѣтливость большая. Чего еще нужно для хорошаго работника? А въ южной Россіи всегда нуждаются въ хорошихъ работникахъ. И вотъ Чумаченко скитается съ рыбаками во время улововъ по Каспійскому морю; коситъ сѣно въ степи во время косовицы; трудится, не покладывая рукъ, нѣсколько лѣтъ; жизнь ведетъ трезвую; завелась у него порядочная для простаго человѣка копѣйка; будетъ съ чѣмъ и домой воротиться, будетъ чѣмъ и властямъ *поклониться*, чтобы не поминали прошлаго. Золотыя мечты стали кружить Чумаченко голову; началъ онъ помаленьку готовиться въ путь, на родину, собирать долги, справлять новые *чеботы* — „отойдетъ только косовица, и пойду домой!.. Домой!.. цуръ ей, чужой сторонѣ!..“ и такъ далѣе, далѣе, радужныя мечты роятся и вьются предъ очами, будятъ ночью, во время работы вырываютъ косу изъ рукъ!...

Вдругъ случилась съ Чумаченко исторія. Зашелъ Василій въ какой-то городокъ (я не добился у него толку, въ какой именно), по надобности, никакъ за косою; купилъ и возвращался домой, хвативъ на дорогу добрую чепоруху водки. Верстъ было идти около двадцати, все степью, безъ дороги. Чумаченко, человѣкъ примѣтливый, не собьется съ дороги, даромъ что нѣтъ ее; знай идетъ да посвистываетъ. Вдругъ замѣчаетъ Чумаченко, что четыре Калмыка верхомъ видимо слѣдятъ за нимъ. Видалъ онъ гдѣ-то прежде эти рожи; видѣлъ въ кабакѣ, гдѣ водку пилъ; нелегкая дернула его тамъ отвязывать отъ ноги свой завѣтный чересокъ: деньги доставать! Все это промелькнуло въ головѣ Чумаченка и, признаться, бросило его въ жаръ. Взглянулъ онъ кругомъ, нигдѣ ни души, кромѣ четырехъ Калмыковъ, больно подозрительныхъ по арканамъ, которые они выправляли, сближаясь. Сотворилъ про себя молитву Чумаченко, перекрестился: будь, что будетъ, а ужъ живой въ руки не дамся, думалъ онъ, прилаживая косу торчмя въ косовицу, соорудивъ такимъ образомъ нѣчто въ родѣ ружья, съ примкнутою къ нему полусаблею. Версты не успѣлъ пройти послѣ того Василій, положивъ косу къ себѣ на плечо, у самой шеи, остріемъ внизъ, какъ разбой-

ники Калмыки повели на него рѣшительную атаку, съ арканомъ. Пустивъ лошадей во весь духъ, они, пронесясь мимо его, вдругъ, одинъ за однимъ, накинули на него два аркана, но оба были перерѣзаны ловко положенною косою, третій далъ промахъ, а четвертый Калмыкъ былъ безъ аркана. Тогда разбойники бросились на Чумаченко съ длинными нагайками въ рукахъ, но онъ сталъ защищаться отчаянно, отмахиваясь косою на всѣ стороны. Въ очарованный кругъ, описываемый этимъ страшнымъ оружіемъ, не рѣшилась броситься ни одна лошадь. Тотъ, чей арканъ былъ еще цѣлъ, думалъ подхватить нашего героя издали, размахнулся и метнулъ арканъ, но въ этотъ моментъ, невольно подавшись впередъ, онъ подвернулся подъ косу Чумаченка и простился съ тремя пальцами. Въ это же самое мгновенье, въ моментъ, не угрожаемый задержанною косою, одинъ изъ Калмыковъ ударилъ Чумаченка своею страшною нагайкою сзади чрезъ голову, и нанесъ ему ужасную рану, разбивъ верхніе покровы головы, лицо, верхнюю губу, и вышибивъ два зуба. Упалъ облитый собственною кровью несчастный Чумаченко. Калмыки насѣли на него, какъ вороны. Одни давай его бить, душить; другіе въ минуту сорвали завѣтный чересокъ его, все его богатство, и стали вязать ему ноги, чтобы онъ такъ и пропалъ въ степи.

Прощался Чумаченко съ бѣлымъ свѣтомъ. Казалось не было спасенья, какъ вдругъ стали приближаться двѣ Калмычки верхомъ, съ такими же нагайками, какъ и разбойники. Степныя амазонки, увидѣвъ издали Русскаго на землѣ, вязанье, кровь, Калмыковъ, поняли, что тамъ что-то недоброе, и поскакали прямо на эту сцену. Калмыки, не долго думая, вѣроятно, нежелая быть узнанными, на коней, тягу. Калмычки за ними; гнали нѣсколько верстъ, но конечно настигнуть не могли, оставили погоню, воротились къ Чумаченкѣ, осмотрѣли его рану, приложили какой-то тутъ же сорванной травы, оторвали рукава его же рубахи, кое-какъ перевязали, посадили его на лошадь; одна сѣла за нимъ, и покатили рысцей въ городъ. Тамъ его прямо къ своему князьку притащили, что-то долго бормотали, взяли его, положили куда-то въ особую комнату, своего врача позвали, три мѣсяца лѣчили, вылѣчили и отпустили съ Богомъ, давъ на дорогу новую рубаху и три рубля денегъ. А чересокъ—*подорожная* для возврата домой, пропалъ, и зубовъ не хватаетъ!.. Опостылѣла Чумаченко прикаспійская степь — пошелъ онъ на Донъ.

Тяжкимъ, постояннымъ трудомъ сталъ онъ заработывать порядочныя деньги. Чего бы еще кажется человѣку? Такъ вотъ нѣтъ же, не по силамъ, видите, ему стало слушать разсказы бывалыхъ людей о томъ, какъ драться весело съ разными басурманами за вѣру православную, за землю родную; тяжело стало слушать разсказы о подвигахъ геройскихъ, и думать, что самъ у себя отнялъ всякую возможность также когда-нибудь разыграть, подбоченясь, роль разскащика. Щемить стало за сердце какое-то невѣдомое дотолѣ чувство, неловко какъ-то становилось смотрѣть на Божій свѣтъ, на добрыхъ, храбрыхъ людей. Совѣсть, видно, пробудилась въ человѣкѣ. Мах-

нулъ рукою Чумаченко, разсчелся съ хозяиномъ, и пошелъ въ науку къ пластунамъ.

Извѣстное дѣло, пластуны всегда рады принять охотника раздѣлить съ ними ихъ тяжкую службу на Кубани. Чумаченко сперва заставили скотину пасти, съ винтовкою за плечами и кинжаломъ у пояса, ходить и за плугомъ и на косовицу. Не отказывался отъ тяжелой работы Василій, за то полюбили его и товарищи, и хозяева. Вскорѣ его стали употреблять на службу, особенно когда замѣтили, что онъ не хуже другого стараго пластуна умѣетъ въ ста саженяхъ влѣпить кабану въ любое мѣсто винтовочную пулю, пролежать въ камышахъ, гдѣ-нибудь въ болотѣ, нѣсколько часовъ сряду, не шелохнувшись; змѣей подползти къ сосѣднему часовому и украсть у него изъ-подъ носу что либо, для потѣхи; въ темную ночь не сбиться съ едва знакомой степной дороги; двое, трое сутокъ сряду остаться безъ пищи, съ какимъ-нибудь позеленѣлымъ сухаремъ въ карманѣ.

Однажды ночью лежалъ Чумаченко въ секретѣ, и, кажется, смотрѣлъ въ оба, да видно не досмотрѣлъ: Чеченцы накрыли его, какъ куропатку и, почти задушивъ арканомъ, утащили въ горы. Дивились пластуны не мало: куда внезапно дѣвался человѣкъ? Пришелъ служить съ ними по охотѣ, ловкій былъ дѣтина, и вдругъ сгибъ, да пропалъ! Неужто бѣжалъ? Но подробный обзоръ мѣстности, въ которой *секретовалъ* Чумаченко, слѣды нѣсколькихъ ногъ, измятая въ борьбѣ трава, объяснили пластунамъ, въ чемъ дѣло. Съ досадою почесали они затылки, и разбрелись по своимъ мѣстамъ, рѣшившись смотрѣть за ворогомъ пуще прежняго. Между тѣмъ бѣдняга Василій, избитый, измученный до полусмерти, притащенъ былъ за тридевять земель Черкесскихъ, въ тридесятое ихъ царство. Его сковали и отдали въ черную работу, которую ему постоянно отпускали въ тройной порціи за его широкія плечи и мускулистыя руки. Ѣсть ему почти вовсе не давали, бросятъ бывало кусокъ чурека и Василій сломаетъ на немъ остальные зубы, смачивая его слезами, да ключевою водою. Но Богъ послалъ плѣнному сострадательную хозяйку. Она не дала ему пропасть съ голоду. Бывало, когда мужа нѣтъ дома, она накормитъ Василья до отвала всякими кушаньями и молокомъ въ различныхъ видахъ. Разъ по этому случаю чуть было добрая хозяйка и плѣнникъ не нажили себѣ бѣды. Однажды хозяинъ возвратился домой въ хорошемъ расположеніи духа, и, видя Чумаченко, прилежно что-то работающаго на дворѣ, спрашиваетъ у жены: накормленъ ли плѣнникъ? „Успѣетъ налопаться.“ — Но вѣдь ужъ поздно; поди, накорми его.—Ругаясь и проклиная все русское племя вообще, и плѣнника своего въ особенности, хозяйка бросила ему въ лицо окаменѣлый кусокъ чурека, и сунула миску какихъ-то помой. Что было дѣлать Чумаченко? Часу не прошло, какъ онъ наѣлся за троихъ! Не признаться же было! Чумаченко бросился на предложенное блюдо съ жадностью — будто голодалъ трое сутокъ: не идетъ въ душу скверное блюдо, а нечего дѣлать—ѣстъ!—И такова сила человѣческой воли: несчастный съѣлъ до дна отвратительное ку-

шанье! Всталъ, перекрестился три раза, обратясь на сѣверъ родимый, и, отвѣсивъ низкій поклонъ искоса поглядывавшему хозяину, съ прежнимъ усердіемъ принялся за свою работу. Такъ надувалъ Василій своего хозяина, пока не пришлось проститься съ доброй старухой хозяйкой; его перепродали въ другое дальнее общество. „Пропаду я тутъ совсѣмъ, думалъ Чумаченко, къ какимъ я попался людямъ: только вошелъ въ аулъ, какъ бабы оплевали его, мальчишки закидали грязью и камнями, а сколько получилъ пинковъ, толчковъ, такъ и счету нѣтъ". Горька казалась эта перемѣна жизни, страшную она сулила будущность. Вотъ и ночь настала, спать *полягалы*, а съ Чумаченкомъ рядомъ легъ Черкесъ, здоровенный такой! Другой, съ длиннымъ кинжалищемъ наголо, очередной караульный, видно, прилегъ у дверей. Такъ и чудилось бѣдному Василью, что привели его сюда на-зарѣзъ. Какъ нарочно ночь была страшная: ураганъ свирѣпствовалъ въ горахъ; громъ не умолкалъ; всякій ударъ его повторялся эхомъ, рокоталъ до слѣдующаго удара. Шумъ ливня, трескъ ломавшихся деревьевъ, ревъ горныхъ потоковъ составляли ужасную музыку. Чумаченко рѣшился воспользоваться страшною ночью, разомъ кончить свои страданья: погибнуть или спастись. Онъ перекрестился и притворно захрапѣлъ на всю саклю, прислушиваясь къ непритворному храпу обоихъ караульщиковъ. Вотъ молнія освѣтила саклю. Чумаченко привсталъ, и какъ воронъ, заглядывающій въ потухающія очи солдата, умирающаго на бранномъ полѣ, паря надъ нимъ и еще не дерзая спуститься на его растерзанную грудь, Чумаченко наклонился надъ караульнымъ Черкесомъ. Тотъ хранитъ и не слышитъ судьбы своей... Еще блеснула молнія, и Василій трепетною рукою взялся за кинжалъ, ослабѣвшій въ рукѣ соннаго часоваго, и въ тоже мгновенье перерѣзалъ ему горло... Стона не было: продолжалось храпѣніе часоваго, но это были послѣдніе звуки отлетавшей жизни... Думать было нечего. Чумаченко подкрался къ другому человѣку, который спалъ съ нимъ рядомъ, и также удачно зарѣзалъ и его. Тогда невозможно было мѣшкать долѣе. Василій бѣжалъ изъ аула, и ударился въ лѣсъ, безъ куска хлѣба, въ одной окровавленной рубахѣ, портканъ и старенькихъ постолахъ, даже безъ шапки. До самаго свѣта онъ шелъ на удачу. Стало брезжить. Онъ влѣзъ отдохнуть на огромное дерево. Усталость его была велика; не только бѣлье, тѣло его было изодрано колючими вѣтвями *держи-дерева*. Голодъ его мучилъ, но что же дѣлать? Не воротиться же къ Черкесамъ. Лучше тутъ умирать въ лѣсу, на свободѣ, думалъ Чумаченко. Отдохнувъ, позавтракавъ кое-какими кисловатами травами, онъ поплелся дальше, держась на сѣверовостокъ.

Такимъ образомъ несчастный Чумаченко скитался двѣнадцать сутокъ по горамъ и лѣсамъ, къ счастью не набредя на Черкесовъ. Только однажды подобрался онъ къ стаду. Его пасли двое мальчишекъ: видно старый чабанъ отлучился въ аулъ. Мальчишки спали, пригрѣтые полуденнымъ жаромъ. Василій прямо вошелъ въ ихъ шалашъ, взялъ нѣсколько валявшихся лепешекъ, оборванную бурку, и скрылся въ лѣсу.

„Какъ же собаки тебя подпустили къ стаду?“ спросилъ я его.

— Ваше благородіе, собака на меня не будетъ *брехати*.

На двѣнадцатыя сутки нашъ измученный бѣглецъ, съ помощью Божіею, очутился на берегу быстрой и довольно широкой рѣки. Переплыть— не хватаетъ силъ: теченіе быстро; попытался въ бродъ—глубоко. Что дѣлать? Нарѣзалъ три большіе снопа камыша, связалъ ихъ крѣпко, въ видѣ фашины, привязалъ къ себѣ, и бросился съ ними въ воду. Нѣсколько времени метала его сердитая волна, наконецъ прибила таки къ противоположному берегу. Чумаченко, самъ того не зная, былъ уже спасенъ; его принесло на русскую сторону. Вскорѣ его встрѣтили казаки, и думая, что онъ бѣглый солдатъ, потащили къ начальнику, но попались на встрѣчу знакомые пластуны, узнали его и выручили. Когда Василій возвратился къ своимъ товарищамъ изъ двухъ-мѣсячнаго плѣна, всѣ думали, что онъ пришелъ съ того свѣта. Разспросамъ не было конца. Товарищи и начальники, жалѣя бѣднаго горемыку, накидали ему денегъ въ шапку, часть которыхъ онъ не замедлилъ послать женѣ и сыну, съ подробнымъ о себѣ увѣдомленіемъ, а самъ вновь присталъ къ пластунамъ и продолжалъ помогать имъ нести пограничную службу и добывать трудовую копѣйку.

Такъ протекло нѣсколько лѣтъ, какъ вдругъ изъ конца въ конецъ Россіи пронеслась смутная вѣсть, что Французъ опять собралъ *много языкъ*, и пошелъ на насъ войною, думая снова пробраться въ Бѣлокаменную, но съ другого только, видишь, конца: драться будутъ подъ Севастополемъ! И какъ грозныя тучи, со всѣхъ сторонъ текутъ полки къ осажденному городу, и много сердецъ забилось на могучей Руси жаждою помѣрять свои силы съ силами вражьими.

Дошла эта вѣсть и до Чумаченко; понялъ онъ, какая каша заваривается въ Крыму. Немедленно простился съ Черноморьемъ, наточилъ свой саженный кинжалъ, и явился въ Крымъ, да прямо къ Свѣтлѣйшему Меншикову. „Такъ и такъ, говоритъ, явите Божескую милость, хочу послужить и я за Вѣру Православную.“ Обласкалъ его князь, и, согласно съ желаніемъ его, прикомандировалъ къ 2-му баталіону Черноморскаго казачьяго Войска, въ пластуны.

Тутъ началась совершенно новая жизнь для Василья, преисполненная поэзіи, сопряженная съ ежеминутно грозящею опасностію, сдружившаяся со смертью, осклаблявшею свой ликъ изъ-за всякаго куста. Жизнь въ Севастополѣ, во время его осады, не могла не произвести самого рѣшительнаго впечатлѣнія на воспріимчивую душу Чумаченко, и онъ до того привязался къ боевой службѣ, что только въ ней видитъ свое счастье, свое блаженство, и службѣ этой исключительно готовъ посвятить весь остатокъ своихъ дней. Теперь Чумаченко живетъ воспоминаніями.

Мы часто бесѣдуемъ съ нимъ о прошлыхъ дняхъ Севастополя, и онъ разсказываетъ мнѣ свои похожденія по цѣлымъ часамъ, съ возрастающимъ увлеченіемъ. Кажется, онъ тогда только и живетъ, когда можетъ повести

задушевную бесѣду объ этихъ славныхъ дняхъ. Какъ-то, за нѣсколько дней предъ симъ, пришелъ онъ ко мнѣ просить билетъ въ Бахчисарай: отлучиться надо дня на два.

— Что, братъ, погулять видно захотѣлось, соскучилось на Мекензи?“

— Гдѣ тамъ *скучилось! Кынжалъ треба купить*, безъ него нельзя, 19-е *) не далеко; опять каша закипитъ. Э, нема орудія *надъ кинжалъ*, особенно въ траншеѣ. Схопишься съ *нимъ* и возишься штыкомъ, никакъ несподручно; кулакомъ рукѣ больно; задушить не всегда удастся. А вотъ когда кинжалъ есть — другое дѣло. Съ Головинскимъ пошли сибѣ на вылазку, подъ 30-е ноября, ночью... на первую, что съ четвертаго бастіона... знаете, когда мортирки позабирали?...

„Ну, знаю, знаю, чтожъ дальше?“

— Наскочилъ я на одного, должно быть, Француза. Мужикъ такой здоровый! Хотѣлъ его въ брюхо штыкомъ, а онъ какъ прыгнетъ въ сторону, я промахнулся, а онъ меня шашкой ***) *по пальцахъ*. Ружье у меня изъ рукъ вывалилось, а я Французу на шею, да не сдужаю никакъ, не сломлю; кинжалъ, какъ то выхватилъ, да подъ ложечку ему, тотъ самый кинжалъ, что у Черкесъ заграбилъ, когда двухъ зарѣзалъ. Такъ насквозь его и просадилъ. На другой день рука разболѣлась; нечего дѣлать, ушелъ въ госпиталь; три дня провалялся, а на четвертый такъ стало моркотно по своимъ, такъ болѣстно было слушать, какъ нашъ палитъ и ихъ палитъ, и не видѣть кто куда палитъ, и кому круто приходится! Сталъ у просить доктора: позвольте на бастіонъ. Не пускаетъ, а порція-то, знаете, маленькая! Чернаго хлѣба, сухаря, *ни Боже*, не дастъ! *на четверти* булки держитъ, а извѣстно, что четверть булки нашему брату, когда *самъ собою* здоровъ совершенно, только царапина на рукѣ. Ну, знаете, какъ прошелъ утромъ докторъ по палатѣ, я вышелъ, будто погулять у лазарета, да и ушелъ на бастіонъ. Никто и не видалъ. Въ одеждѣ мы въ своей были тамъ. Сначала въ шпиталяхъ не до порядку было; больныхъ много, а начальства и дохтуровъ мало, кто усмотритъ: хочешь и уйдешь. Прихожу на бастіонъ, явиться къ начальству не успѣлъ, какъ товарищъ одинъ, славный матросикъ былъ покойничекъ... эхъ! царство ему небесное, спочиванье ему святое!.. говоритъ мнѣ: „гляди, Чумаченко, вѣдь мы какъ онадысь на вылазку ходили, три тѣла подъ *его* траншеей оставили. Горестно-то вѣдь какъ: кумъ и землякъ мой тамъ остался, сердечный мой пріятель! посмотрика, братъ, въ *прозорную* трубку; вѣдь они покойниковъ, кажись, попривязали, нечисьть проклятая; чѣмъ бы похоронить храбрыхъ людей по чину церковному, такъ нѣтъ, вотъ собакамъ оставляютъ на съѣданье.“

---

*) Перемиріе было заключено первоначально по 19-е Марта.

**) Войсковой старшина Головинскій, командиръ баталіона № 2-го Черноморскаго казачьяго войска, сдѣлалъ эту вылазку съ 491 охотникомъ, противъ непріятельской батареи и траншеи, при чемъ взяты у Англичанъ три маленькія мортиры.

***) Чумаченко, какъ и большинство солдатъ изъ Кавказкихъ служакъ, не можетъ отвыкнуть называть саблю шашкой.

Но разскажемъ за Чумаченку, какъ было дѣло.

Долго смотрѣлъ въ трубу Василій и наконецъ рѣшилъ: „а достать ихъ можно. Полѣзу еще поближе, посмотрю“.

— Эхъ, кабы достать! Благодарны будемъ за трудное дѣло, могарыча поставимъ.

„Мы и безъ могарычей сладимъ“.

Поползъ Чумаченко изъ траншеи, пролѣзая, какъ змѣя, изъ ямы, вырытой бомбою, въ другую такую же. Проскользнулъ между кампями, сколь можно было далѣе, посмотрѣлъ и воротился на бастіонъ, гдѣ уже всѣ говорили о его намѣреніи утащить тѣла. До Нахимова дошло: разрѣшилъ и благословилъ Павелъ Степановичъ.

„Что же тебѣ нужно Чумаченко?“

— Дайте двѣнадцать человѣкъ Черноморцевъ, да три конца доброй бичевки, саженъ по семидесяти каждый.

Назначили команду, дали веревку.

Пошли охотники. Чумаченко прежде грязью вымаралъ рубаху, въ пыли выкатался, чтобы не бѣлѣться на землѣ. Чумаченко посадилъ товарищей въ ямы, по четыре человѣка, на томъ мѣстѣ, до котораго долѣзалъ днемъ, далъ имъ по концу веревки, и велѣлъ, когда онъ дернетъ крѣпко, по три раза каждую веревку, тогда начинать тянуть. Но тутъ надо было прекратить дальнѣйшія дѣйствія, ни шагу нельзя было сдѣлать далѣе; какъ нарочно, такая ужасная открылась по всей линіи пальба, что наши пластуны всею компаніею, оставивъ веревки на мѣстахъ, должны были ползти назадъ и спуститься въ ровъ ближайшей батареи четвертаго бастіона. Къ полночи огонь сталъ стихать и наши опять поползли впередъ. Занявъ прежнее мѣсто съ своими товарищами, Василій пустился далѣе, осторожно, медленно, разматывая три огромныя клуба. Скоро зоркій глазъ его различилъ, вправо и влѣво отъ себя, непріятельскіе секреты, человѣкъ по восьми каждый. Перекрестясь, полѣзъ онъ дальше и скоро достигъ до покойниковъ, лежавшихъ вмѣстѣ. Нельзя было терять времени. Онъ ощупалъ перваго: къ шеѣ привязана веревка, идущая другимъ концемъ къ секрету: ее Василій не тронулъ; потомъ ощупалъ, что пола матросской шинели прибита колышками къ землѣ, онъ отрѣзалъ полу. Точно такъ онъ поступилъ и со вторымъ мертвецомъ, привязавъ имъ обоимъ свои бичевы, вокругъ тѣла, подъ мышки.

Съ третьимъ труднѣе было совладать: веревка, правда, не была отъ него проведена никуда, но какою-то корабельною снастью (не умѣю объяснить: Чумаченко называлъ ее *корабельныя брюки*) онъ прихваченъ былъ къ землѣ за шею. Толстые концы снасти сидѣли въ землѣ очень глубоко. У Василья, пока онъ выковырялъ изъ земли, покрючило пальцы, ногти задрались, но онъ таки добился своего: третій мертвецъ былъ освобожденъ и прикрѣпленъ къ его веревкѣ.

Чумаченко скорѣе назадъ; доползъ до половины дороги, залегъ въ одну изъ яминъ, вырытыхъ разрывомъ бомбы, и подалъ товарищамъ условный

сигналъ. Тѣ дружно потянули мертвецовъ, разумѣется, разбудивъ полусонный французскій секретъ, къ которому отъ труповъ была проведена веревка. Не успѣли Французы сообразить, въ чемъ дѣло, какъ на одинъ изъ секретовъ пожаловали сами мертвецы! Кратчайшая дорога отъ мѣста, гдѣ они лежали, до мѣста, куда ихъ тянули, оказалась чрезъ французскій секретъ.

Легко вообразить себѣ, какой ужасъ постигъ полусонныхъ часовыхъ при посѣщеніи, сдѣланномъ тремя непріятельскими трупами, въ темную ноябрьскую полночь, при завываніи осенняго вѣтра. Разумѣется, Французы съ воплями бросились бѣжать во всѣ стороны, побросавъ ружья, оставивъ свой постъ на произволъ судьбы. Покойники были уже въ траншеѣ, на рукахъ товарищей, какъ Французы стали приходить въ себя и догадываться въ чемъ дѣло; но увлеченіе ихъ все еще было такъ велико, что, возвратясь на свое мѣсто, забывъ всякое благоразуміе, они открыли изъ секрета огонь по тому направленію, по которому, они думали, унесены мертвецы, и такимъ образомъ секреты обнаружили мѣсто своего нахожденія, а батареи наши не потеряли случая угостить ихъ картечью. На утро увидѣли на мѣстѣ ночнаго происшествія нѣсколько французскихъ труповъ. Сдѣлали *переговоръ*, какъ говорятъ Севастопольцы, и Французъ подобралъ своихъ.

Молодца Чумаченка, тотчасъ по возвращеніи его на бастіонъ, офицеры угостили ромомъ, руки вытерли ему спиртомъ, а утромъ на другой день, когда обо всемъ происходившемъ доложили Павлу Степановичу, доблестный старикъ обнялъ его крѣпко, удостоивъ троекратнымъ поцѣлуемъ, и тутъ же навязалъ ему георгіевскую ленточку *).

---

*) Въ одномъ изъ нумеровъ «Сѣверной Пчелы» (№ 28, 10 апрѣля 1856 г., стр. 429, въ статьѣ «*Освященіе георгіевскихъ знаменъ №№ 2 и 8 батальоновъ Черноморскаго казачьяго войска*», я прочелъ разсказъ о томъ же событіи, которое я сейчасъ старался обрисовать. Очень естественно, что Черноморцы разсказывали это событіе въ томъ видѣ, въ какомъ передала его означенная статья, но они въ означенномъ разсказѣ нѣсколько погрѣшили противъ истины. И ничего нѣтъ мудренаго, потому что разсказчиками, вѣроятно, были не сами дѣйствователи, а только слышавшіе разсказъ товарищей объ этомъ случаѣ. Мною переданный разсказъ достовѣренъ, потому что повѣствователемъ былъ самъ герой событія, Василій Чумаченко, получившій за этотъ подвигъ, изъ рукъ незабвеннаго адмирала Нахимова, какъ мы уже сказали, знакъ отличія Военнаго ордена. Вотъ въ чемъ погрѣшности разсказа статьи «Освященіе и пр.». Украдено въ эту ночь не *два* трупа, а *три*. Изъ нихъ одинъ былъ трупъ моряка, а два другіе пѣхотныхъ солдатъ, а не пластуновъ, какъ говоритъ статья. Войсковой старшина Головинскій, во время вылазки на 30 ноября, ходилъ уже не на *костыляхъ*, а только *съ костылемъ*, опираясь на него рукою, а не подставляя его подъ плечо. Возможная ли была вещь: идти на костыляхъ ночью, на вылазку, гдѣ надобно лазить по буеракамъ, влѣзать въ глубокія траншеи и вылѣзать изъ нихъ, переходить рвы, рытвины, насыпи, идти безъ дороги, по каменистой мѣстности! Трупы ни къ чему не были приставлены, какъ разсказываетъ статья, и отнюдь не были прислонены. Это служитъ доказательствомъ, что вовсе не предполагали заставить насъ *ихъ разстрѣливать*, а они были положены ввидѣ приманки нашимъ удальцамъ, въ предположеніи, что кто за ними полѣзетъ, тотъ и будетъ схваченъ. Это была военная хитрость, конечно непозволительная, какъ всякое коварство, въ войнѣ между образованными христіанскими народами. Еслибы трупы нашихъ прислонены были къ непріятельской траншеѣ и были привязаны, то не могли бы быть похищены безъ поднятія тревоги; при чемъ еслибы до нихъ только коснулся смѣльчакъ, *сотни штыковъ вонзились бы ему въ спину*, какъ говоритъ помянутая статья. Какъ же бы послѣ этого могли пластуны безнаказанно касаться труповъ, отрѣзывая веревки и привязывая къ мертвецамъ свои, какъ продолжаетъ разсказывать та же статья? Если же можно было пластунамъ отрѣзать веревки и привя-

„Пошли люди на вылазку съ пятаго бастіона,—разсказывалъ мнѣ однажды Чумаченко,—сталъ и я проситься у Головинскаго: позвольте и мнѣ. Не пускаетъ, говоритъ: «Чи тебѣ больше всѣхъ треба?» Что тутъ дѣлать? подумалъ я себѣ, идти, такъ и *кортыть*! Почему-жь это онъ меня не пускаетъ? Надѣлъ я суму, взялъ ружье, да и *утикъ*. Охотниковъ нагналъ уже на походѣ. Оставивъ въ сторонѣ кладбище, они подлѣзли подъ самую траншею. Пошелъ и я туда же. Сдѣлали нападеніе, вскочили на насыпь, а тутъ вотъ и они... ударить штыкомъ *опасывается*, да только ихаетъ... „Ну, братцы, не стоять же тутъ,—крикнулъ офицеръ нашъ, ура!..“—и бросились мы дальше... Который бѣжалъ изъ нихъ, которые бьются... Одинъ такъ чуть мнѣ не пропоролъ живота: штыкъ, видишь ты, наставилъ, какъ прыгнули мы, да спасибо матросъ тутъ съ боку подвернулся, топоромъ какимъ-то по ружью такъ свиснулъ, что оно въ сторону полетѣло, а я тѣмъ временемъ въ глотку Француза штыкъ какъ всуну... Тотъ повалился, а другой Французъ, откуда ни возьмись, штыкомъ мнѣ сзади и пронизалъ, какъ иглою, обѣ ляшки. Хлынула кровь: я вскочилъ, какъ ошпаренный, подхватилъ какое попало Французское ружье, да молодца прикладомъ въ високъ. Французъ покатился, а у меня сердце такъ разгорѣлось, что я еще шестерыхъ закололъ, пока самъ кровью не сталъ исходить. Какой-то Донской казакъ, спасибо, оттащилъ меня на перевязку. Мѣсяцъ цѣлый въ госпиталяхъ провалялся. Такая притча вышла: ни встать, ни ходить, ни сѣсть; все время лежалъ ничкомъ.

„Только-что я успѣлъ вернуться къ своимъ, какъ Богъ послалъ мнѣ счастье. Лежу въ секретѣ у криницы одной. Ночь темная. Сказывали люди,

---

затъ свои, то пластуны могли, безъ дальнихъ хлопотъ, схватить трупы и убѣжать съ ними, какъ сдѣлалъ Кошка зимою. Въ томъ-то и была штука, что трупы лежали *по ту* сторону непріятельскаго секрета, и иначе невозможно было унести ихъ, какъ заставивъ разбѣжаться секретъ, что и удалось вполнѣ молодцу Чумаченку. Веревокъ, которыми трупы были привязаны къ секрету, никто не обрѣзывалъ. Обрѣзывая ихъ, можно было обнаружить себя преждевременно; когда же мертвецы явились къ секрету, то оный бросилъ и самый постъ свой, и бѣжалъ. Авторъ статьи «*Освященіе*» и пр. говоритъ, что пластуны лазили смотрѣть трупы, и возвратились за ножомъ и веревкою. Положимъ, что они могли возвратиться за веревкою на бастіонъ, хотя и это невѣроятно:—проползть такое пространство и возвратиться ни съ чѣмъ, чтобы опять ползти туда же!.. Но что до остраго ножа, то у пластуновъ таковой всегда находится въ карманѣ, и, кромѣ того, пластунъ ни куда не ходитъ безъ кинжала, даже спитъ съ нимъ. Эти, повидимому, незначительныя невѣрности разсказа очень ясно доказываютъ, что разсказъ переданъ не совершителями подвига, а только слышавшими о немъ.

Все, что касается Севастопольской защиты, должно быть передано соотечественникомъ съ величайшею добросовѣстностью. Каждая черта этой великой картины, даже самая легкая, должна быть сдѣлана съ осмотрительностью. Истина непремѣнно должна быть въ основаніи, каждаго, повидимому, самаго незначительнаго описанія, предметомъ котораго послѣдній годъ Севастопольской жизни. Эти разсказы, эти легкія черты, эти очерки — достояніе исторіи! Много лѣтъ пройдетъ, и отдаленный нашъ потомокъ съ гордостью за прошлое своего отечества будетъ смотрѣть на нихъ, сложенныхъ въ одно цѣлое, поражающее своимъ величіемъ. Будемъ же осторожны въ приготовленіи матеріаловъ будущему зодчему! Будемъ указывать другъ другу свои ошибки, хотя бы и небольшія, поможемъ избавляться отъ нихъ, и съ теплотою сердечною, съ братскою любовью примемъ каждое такое указаніе, исправленіе, совѣтъ. Нарочитое же искаженіе истины, во имя какихъ бы то ни было чувствованій и отношеній, рано или поздно, непремѣнно подвергнется осужденію со стороны общественнаго мнѣнія.

что къ этому мѣсту по ночамъ Французы ходятъ. Пять ночей сряду ждалъ я, авось кто придетъ... нѣтъ, какъ нѣтъ. Наконецъ въ шестую притаился я за камнемъ; извѣстно, со мною только ружье да сума. Трубочки покурить хочется, въ горлѣ пересохло, *ажно крутитъ*, а въ секретѣ не можно курить. Въ *цѣпу* всегда куримъ ночью: шинелью съ головою укроешься, наложишь трубочку, во французскомъ пистонѣ протравкою потрешь покрѣпче, составъ тамъ загорится, и зажжешь кусочекъ губки, что загодя туда же въ пистонъ положишь. Тогда подъ шинелью куришь на здоровье; товарищъ *пильнуетъ*, огня не видно, дыму тоже. Извѣстно, ночная пора, выкуришь одну, другую, товарищу наложишь, онъ куритъ, а ты уже за двухъ смотришь. Ну, а въ секретѣ нельзя. Только лежишь, да глаза въ темноту пялишь. Вотъ вижу я, идетъ себѣ кто-то отъ *его* стороны. Я и духъ затаилъ. Пришелъ, да такъ смѣло шашку отвязалъ, положилъ на землю, сталъ на колѣни, видно, чтобы воды достать, а я думаю себѣ: что его убивать?— авось живьемъ возьму, одинъ онъ кажется, да и наши не далеко, повернулъ ружье, да какъ прикладомъ по рукѣ свисну,—руку ему перешибъ. Завопилъ, метнулся въ сторону, шашку хотѣлъ схватить, такъ нѣтъ, не успѣлъ, я на него, охватилъ, поднялъ, да о землю какъ тресну, онъ и растянулся словно пластъ. Взялъ я его тогда въ охапку, и принесъ на бастіонъ, совсѣмъ безъ *чувствія*. Съ огнемъ посмотрѣли: офицеръ. Скоро *отдыхалъ* и жаловаться сталъ на меня, „неучтиво, говоритъ, обращался, руку совсѣмъ перешибъ; я, говоритъ, офицеръ, а онъ меня—о землю!“ Ничего, ничего, въ лубки руку завязали, *загоилась*, я думаю, *доселева*. Подите, жалуется, а развѣ лучше было бы, еслибъ я ружья не оборачивалъ?.. Не сталъ бы жаловаться. Нахимовъ опять цѣловалъ меня; начальство къ большой наградѣ обѣщало представить“.

И вотъ какъ, изо-дня въ день, справлялъ службу Чумаченко, имѣя тысячи приключеній. Мы съ нимъ давно пріятели, еще съ Севастополя, а я и половины его приключеній донынѣ не знаю. Когда кончилась Севастопольская драма, Чумаченко находился въ командѣ пластуновъ, состоящей при Камчатскомъ егерскомъ полку. Туда онъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантомъ Хрулевымъ, по выпискѣ изъ госпиталя, куда было опять отправился, вслѣдствіе полученной имъ въ руку контузіи пулею и шомполомъ (застрявшимъ, вѣроятно, при заряженіи въ непріятельскомъ ружьѣ, и второпяхъ не вынутымъ).

Замѣтимъ, кстати, что Степанъ Александровичъ Хрулевъ, постоянно стараясь оживлять и поддерживать духъ своихъ подчиненныхъ, подмѣтивъ, что солдаты съ особеннымъ уваженіемъ смотрятъ на пластуновъ, видя въ нихъ истинныхъ рыцарей, и съ наслажденіемъ любуются ихъ оригинальнымъ, свободнымъ костюмомъ, завелъ въ каждомъ изъ своихъ трехъ отдѣленій оборонительной линіи *пластунную команду*. Въ составъ ея поступило по пяти человѣкъ съ каждаго полка 8-й, 9-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій, составлявшихъ гарнизонъ лѣвой половины оборонительной линіи, и въ каждую команду по одному на-

стоящему пластуну, для обученія новобранцевъ. Завѣдываніе всѣми командами лѣвой половины поручено было войсковому старшинѣ 2-го баталіона Черноморскаго казачьяго войска, Даниленкѣ. Его резиденція была на третьемъ бастіонѣ, и въ его же исключительной командѣ были вновь сформированные пластуны того отдѣленія. На пятомъ отдѣленіи было, что называется, междуцарствіе: начальники пластуновъ часто мѣнялись, постояннаго не было, а на четвертомъ отдѣленіи команда эта была поручена сдѣлавшемуся извѣстнымъ, при защитѣ Севастополя, блистательною отвагою и мужествомъ въ траншейной службѣ и на многихъ вылазкахъ, подпоручику Азовскаго пѣхотнаго полка, Кишельскому. Въ команду пластуновъ генералъ Хрулевъ назначалъ, въ видѣ отличія, самыхъ расторопныхъ въ дѣлѣ, смѣтливыхъ, отважныхъ и самыхъ удалыхъ солдатъ, умѣвшихъ что нужно подмѣтить у непріятеля и съ толкомъ разсказать о подмѣченномъ. По просьбѣ Степана Александровича Хрулева, полковые командиры немедленно сшили этимъ молодцамъ папаху, чуху съ нашитыми патронами, красные нагрудники, унтеръофицерамъ обложили черкеску галуномъ,—словомъ, снарядили имъ весь пластунскій костюмъ.

Солдаты восхищались новою одеждою и готовы были идти въ огонь и воду, чтобъ доказать свое молодечество,—не наружное только, но и дѣйствительное. Эти импровизированные пластуны стали во всемъ подражать дѣйствительнымъ: въ походкѣ медленной, тихой, съ перевалкою; въ разговорѣ — ломая языкъ на хохлацкій ладъ: даже начали строить серьезныя, безмятежныя рожи. На вылазку, въ охотники, новые пластуны лѣзутъ первыми; въ дѣлѣ—мечутся какъ львы; стрѣлять стали по-пластунски, многіе долго цѣлясь; стали учиться ползать; словомъ, заведеніе пластунской команды было чрезвычайно удачно. Служить въ этой командѣ казалось очень лестно солдатамъ; на открывавшуюся у пластуновъ вакансію обыкновенно желали попасть многіе, да и какъ же было не лестно носить костюмъ пластуна, когда онъ былъ вывѣскою храбрости и молодечества!

Нѣсколькими удачными подвигами эти пластуны составили себѣ нѣкоторую извѣстность въ короткое время. Я очень помню одинъ изъ интересныхъ случаевъ.

Дѣло было подъ конецъ Севастопольской исторіи, когда союзники уже очень близко подошли къ намъ. Новые пластуны не хуже старыхъ занимали секреты и разные ближайшіе къ непріятелю наблюдательные посты, причемъ, говорю безъ преувеличенія, нерѣдко случалось, что такой секретъ сидитъ въ четырехъ, пяти шагахъ отъ непріятельскаго секрета; но тѣ и другіе молчатъ, чтобъ изъ пустяковъ не затѣвать исторіи. Конечно, сюда уже не достигало ни отзывовъ, ни паролей, хотя все-таки ординарцамъ и адъютантамъ Хрулева нерѣдко случалось пробѣгать линію этихъ секретовъ, доползая до самыхъ переднихъ, наблюдая, чтобъ наши всегда держали ухо востро.

Находясь въ такомъ опасномъ сосѣдствѣ, пластуны обыкновенно принимаютъ нѣкоторыя совершенно особенныя мѣры предосторожности и, чтобъ

часто не лазить съ донесеніями о замѣченномъ и не покидать своего поста, извѣщаютъ, о чемъ нужно, другъ друга для пересылки этого донесенія начальству, или собственно для предосторожности товарищей, особыми условными знаками, подражая звуку кузнечика, крику филина, пѣтуха, мяуканью кошки, собачьему лаю и т. п., смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Повторяю, по большей части, секреты, другъ насупротивъ друга сидящіе, почти всегда знаютъ о мѣстопребываніи своего противника, и въ свѣтлыя ночи даже различаютъ своихъ сосѣдей, а въ темныя очень часто натыкаются на нихъ. Это особенно случалось съ нашими непріятелями, при повѣркѣ передовыхъ постовъ патрулями, или при вечернемъ занятіи секретовъ. Вотъ что случилось однажды. Въ секретѣ, предъ Малаховомъ курганомъ, лежало пять человѣкъ новыхъ пластуновъ (не помню какого полка, знаю только, что не нашей 11-й дивизіи). Видятъ они: идетъ французскій патруль въ шесть человѣкъ. Мигомъ стакнулись пластуны: четверо поползли имъ навстрѣчу, прикрываясь полуразваленнымъ гребнемъ старой траншеи, что вела къ Камчатскому люнету, а одинъ пошелъ прямо къ нимъ, по другую сторону гребня, безъ шапки, спрятавъ штуцеръ подъ полу кафтана, показывая намѣреніе передаться. Французы вскорѣ замѣтили его и остановились для совѣщанія. Пластунъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и закричалъ имъ, что желаетъ *перейти*. Къ счастію его, въ числѣ Французовъ оказался одинъ, понимавшій по-русски. Капралъ оставилъ его при себѣ, а четверыхъ своихъ товарищей послалъ въ обходъ, направо и налѣво отъ переметчика, самъ же, отдавъ свое ружье переводчику, велѣлъ ему остаться на мѣстѣ, показалъ пластуну обезоруженныя руки и пошелъ къ нему навстрѣчу одинъ. И пластунъ поднялъ свои руки, безъ оружія, и также сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, а когда сблизились, сталъ на одно колѣно и протянулъ Французу руку. Такое же привѣтствіе сдѣлалъ и Французъ. Въ такомъ положеніи они провели нѣсколько мгновеній, высказывая другъ другу что-то въ полголоса, какъ вдругъ пластунъ почувствовалъ, что Французъ, крѣпко жавшій его руку, довольно сильно потянулъ ее къ себѣ. „Э, шалишь!“ думалъ пластунъ, и, сообразивъ, что товарищи уже должны быть въ нѣсколькихъ шагахъ, свиснулъ и повалилъ Француза на земь, крѣпко зажавъ ему ротъ рукою. Пластуны какъ будто выросли изъ земли. Переводчикъ, увидя мохнатыя шапки, бѣжалъ; патрульные, замѣтя бѣгство своего солдата, толпу Русскихъ, не слыша крика, неразлучнаго съ борьбою, не подозрѣвая, что ихъ капралъ въ рукахъ у Русскихъ, нашли лучшимъ удалиться бѣгомъ въ траншею и оттуда открыть пальбу. Наша цѣпь стала отвѣчать. Заревѣла страшная канонада. Удальцы между тѣмъ поволокли плѣнника по канавѣ и доставили благополучно къ генералу Хрулеву. Оказался какой-то молодецъ съ характеромъ. Онъ былъ ужасно оскорбленъ своимъ плѣненіемъ: плакалъ, рвалъ на себѣ волосы, говорилъ, что взяли его непозволительнымъ образомъ, обманомъ, что такъ съ образованнымъ народомъ воевать нельзя и проч. Когда стали снимать съ него допросъ, онъ рѣшительно отвѣчалъ, что убить его

...НКП РСФСР
...№

могутъ, но чтобы не ждали отъ него никакихъ объясненій. Были минуты, въ которыя Французъ доходилъ до бѣшенства, и на настойчивые вопросы состоявшаго при генералъ-лейтенантѣ Хрулевѣ маіора Макарова выхватилъ изъ-за голенища своего сапога порядочный ножъ, самымъ серьезнымъ образомъ объявивъ, что если пытка необходима, то пусть къ ней приступаютъ скорѣе, потому что онъ рѣшился убить перваго, кто къ нему приблизится съ цѣлью пытать его, и затѣмъ зарѣжетъ себя. Конечно, Макаровъ обратилъ всю эту исторію въ шутку, успокоилъ разгоряченнаго Француза, отдавъ справедливость его мужеству и твердости, попотчивалъ его добрымъ ромомъ и уложилъ спать. На утро пластунъ нашъ пришелъ на Павловскій мысокъ *отвѣдать* своего плѣннаго. Тотъ сейчасъ узналъ его, разсмѣялся и протянулъ ему руку, а пластунъ, дружески пожимая руку Француза, показалъ ему свою, искусанную ночью его острыми зубами.

На Инкерманскихъ высотахъ Камчатскому полку досталось оберегать, по выходѣ изъ Севастополя, позицію отъ бухты. На этомъ пунктѣ нельзя было ожидать никакихъ столкновеній съ непріятелемъ. Чумаченко пришелъ просить прикомандированія къ другому полку. Его прикомандировали къ Селенгинскому. Побылъ онъ при немъ недѣли двѣ, какъ опять случилось, что Селенгинскій полкъ остался въ резервѣ. Выждавъ еще недѣльку, Чумаченко опять проситъ назначенія въ другой полкъ. „Скучно мнѣ, — говоритъ, — жить въ полку безъ дѣла. *Службы* я не знаю, на ученье меня не *гоняютъ*, на работу тоже. Позвольте къ Охотскому полку идти, тамъ веселѣе: онъ стражу держитъ“. Генералъ согласился, и Чумаченко зажилъ себѣ паномъ, проведя около двухъ осеннихъ мѣсяцевъ въ какомъ-то логовищѣ, устроенномъ имъ въ Инкерманскихъ развалинахъ, изъ зубчатыхъ, полуразрушенныхъ башенъ которыхъ онъ постоянно перестрѣливался съ близкими сосѣдями. Ночью Василій отправлялся въ секреты и проползалъ между кустиками, деревьями и каменными заборами, покрывающими въ этомъ мѣстѣ прибрежье Черной, почти до самыхъ *ихъ* секретовъ. Такимъ образомъ Чумаченко былъ безсмѣнно на своемъ посту; самъ не хотѣлъ смѣняться. Обѣдать ему приносили туда, когда стемнѣетъ. Ему поручили въ команду одинъ изъ наблюдательныхъ постовъ. Человѣкъ смѣтливый, зоркій, обладающій памятью мѣстности, онъ былъ очень полезенъ: кто бы ни шевельнулся на французскихъ аванпостахъ, онъ зналъ уже — зачѣмъ, что и какъ.

Въ половинѣ ноября мы перешли на Мекензію. Разумѣется, и Чумаченко съ нами. Полки ходили въ авангардъ поочередно и оставались тамъ по недѣлямъ. Служба въ авангардѣ, какъ обыкновенно, была очень тяжела.

Близость непріятеля, его штуцерный огонь, ночное бодрствованіе, аванпосты, караулы на батареяхъ и въ ложементахъ, ночная цѣпь, секреты, всѣ эти удовольствія, вмѣстѣ взятыя, требовали желѣзнаго здоровья отъ тѣхъ, кому выпало на долю нести эту тяжкую службу въ длинныя зимнія ночи, въ нездоровомъ климатѣ, на берегу маленькой рѣки, славной своими лихорадками, въ долинахъ, въ которыхъ свирѣпствуютъ сквозные вѣтры; къ

тому же надо лазить по горамъ, не знать другаго крова кромѣ небеснаго, оставаться часто безъ горячей пищи, въ полуизношенной шинели и въ небольшомъ полушубкѣ.

Едва Чумаченко успѣлъ присмотрѣться поближе къ дѣлу, намъ предстоявшему, какъ оно уже крѣпко полюбилось ему, потому что было сопряжено съ огромными трудами и постоянною опасностію. Онъ испросилъ позволеніе начальника нашего отряда находиться въ авангардѣ *безсмѣнно*, со всѣми полками дивизіи. Мало того: Василій не ждалъ службы по заказу, когда прикажутъ идти,—нѣтъ, онъ самъ напрашивался на опасную службу и нѣсколько разъ просилъ начальство позволить—идти *счастія отвѣдать*. Но по нѣкоторымъ причинамъ просьбы его невозможно было исполнить, и онъ, продолжая свою передовую службу, избралъ себѣ секретный пунктъ и изъ него почти каждое утро доставлялъ начальнику авангарда разнообразныя свѣдѣнія о непріятельской передовой стражѣ..... Вдругъ всѣ заговорили о мирѣ, стали провозглашать его основанія, всѣ обнимались, всѣ цѣловались, только Чумаченко ходилъ какъ будто повѣся носъ.

— Взгрустнулось, братъ?

„Ваше благородіе, чему я буду радоваться? Война кончилась; куда я теперь пойду? Домой? зачѣмъ? Грошей нѣтъ; отъ становаго не отмолишься, не отпросишься. Ваше благородіе, вѣдь я осьмнадцать лѣтъ въ бѣгахъ, такъ въ кандалы и закуетъ, *бисовъ сынъ*. А что тогда будетъ съ жинкой, съ сыномъ? Вѣдь доселѣ, гдѣ *якій* грошъ заработаетъ Чумаченко, все шлетъ чрезъ почту своей семьѣ, хоть и правда, ни разу еще отповѣди не получалъ. Вотъ и теперь, изъ 50 рублей, что главнокомандующій пожаловалъ, сорокъ пять рублей отослалъ домой; и только пять оставилъ на черный день. А теперь откуда денегъ возьмешь?“

— Ну, такъ что же ты думаешь съ собою дѣлать?

„А пойду къ самому Царю, въ Петербургъ. Явлюсь, скажу: такъ и такъ ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, я Чумаченко; осьмнадцать лѣтъ въ бѣгахъ находился; на *Капказѣ* у пластуновъ въ наукѣ былъ, на Кубани служилъ, а какъ съ Французомъ стычка зашла, добровольно на службу явился; одиннадцать мѣсяцевъ въ Севастополѣ прослужилъ; много разной нечести своими руками подушилъ за ТЕБЯ, *БАТЬКО* нашъ, за землю Русскую; штыкомъ три раза раненъ, шашкой по пальцахъ, *конфуженъ* два раза. Даруй же мнѣ, что глупъ я былъ смолоду! Прикажи меня помиловать со всей семьей, на *Капказъ* въ казаки записать. Тамъ, дастъ Богъ, еще не скоро война кончится; тамъ пріучу и сына своего съ нехристомъ тягаться. А что вы думаете, ваше благородіе, *не послухаетъ* меня Царь-БАТЮШКА? Не помилуетъ? Отожъ послухаетъ! Не даромъ кажетъ народъ, что у Него и у Царицы Его ангельскія души! Народа гласъ—Божій гласъ.“

Приложеніе № X.

Какія знамена взяты у насъ Французами въ Крымскую кампанію? (изъ Военнаго журнала 1864).

„Le Constitutionnel“ № 23-й 1864 года, къ статьѣ „Nouvelles diverses“, разсказывая о случаѣ, доставившемъ въ украшеніе парижскому Дому Инвалидовъ еще три знамени, трофеи войнъ перваго Наполеона, входитъ при этомъ въ подробности о трофеяхъ подобнаго рода, украшающихъ церковь Дома Инвалидовъ, и въ особенности поставленный въ немъ саркофагъ Наполеона I.

Статья, разсказывая, между прочимъ, что наканунѣ вступленія союзниковъ въ Парижъ, въ 1814 году, генералъ Серюрье, чтобы трофеи, украшавшіе Домъ Инвалидовъ, не достались врагамъ, сжегъ 1,600 знаменъ и шпагу Фридриха Великаго, говоритъ, что съ 1829 года Домъ Инвалидовъ вновь началъ обогащаться непріятельскими знаменами, какъ трофеями французской арміи, число которыхъ, несмотря на пожаръ, истребившій въ 1851 году 55 знаменъ, возросло нынѣ значительно, благодаря *Крымской* экспедиціи, войнамъ въ Италіи и въ Мексикѣ.

Это-то замѣчаніе и было причиною, почему мы взялись за перо.

Неоднократно въ иностранныхъ сочиненіяхъ, касающихся Крымской кампаніи, и въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ намъ случалось читать о знаменахъ и флагахъ, взятыхъ при послѣднемъ штурмѣ Севастополя и на развалинахъ города. Мало того, въ Парижѣ показывается любопытнымъ флагъ города Севастополя.

Лицамъ, знакомымъ съ исторіею защиты и очищенія *многострадальнаго* Севастополя, подобная похвальба представляется въ ея настоящемъ свѣтѣ какъ вымыселъ тщеславія и дѣтскаго хвастовства. Лицамъ этимъ положительно извѣстно, что русскими войсками, во время Крымской кампаніи, ни одного знамени не потеряно, что Севастополь сожженъ при нашемъ отступленіи, что всю ночь съ 27-го августа по 28-е и утро онъ былъ въ нашихъ рукахъ, слѣдовательно мы не могли въ немъ оставить крѣпостнаго флага; но большинству публики, менѣе знакомому съ дѣломъ, въ особенности публикѣ иностранной, заявленіе гозеты „Constitutionnel“ можетъ показаться правдою.

Долгъ истины побуждаетъ насъ протестовать противъ такихъ вымысловъ самымъ рѣшительнымъ образомъ и, чтобы разъ на всегда положить предѣлъ подобнаго рода похвальбамъ, щекотливымъ для русской военной чести вообще, для чести Севастопольцевъ въ особенности, вынуждаетъ насъ просить французскую литературу доказать фактически, когда именно и у кого взяты, во время Крымской кампаніи, тѣ знамена и флаги, которыми гордятся Французы, какъ военными трофеями и которые обогатили собою колекцію трофеевъ, украшающихъ саркофагъ Наполеона I, и приложить къ своему объясненію рисунки этихъ трофеевъ.

Мы надѣемся, путемъ исторической критики, доказать заблужденіе Французовъ и такимъ способомъ заградить уста публицистамъ, глаголющимъ неправду.

26-го января 1864 года.

Вятка.

ОПЕЧАТКИ ВЪ III ЧАСТИ.

Стран.	*Строка сверху.*	*Строка снизу.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
15	19	—	въ ней	противъ ней
20	1	—	поднимающійся	понимающійся
30	—	2	отвѣчалъ	Меньшиковъ отвѣчалъ
33	28	—	при	про
44	6	—	сѣять	спѣть
74	12	—	эихъ	этихъ
82	—	19	изъ облаковъ	изъ за облаковъ
110	—	9	остановили	остановила
—	—	15	Серастополь	Севастополь
115	11	—	(См. приложеніе I-е)	—
134	2	—	Клейнгаусомъ	Клейнгаузомъ
138	6	—	канорада	канонада
151	12	—	Клейнгаусъ	Клейнгаузъ
169	—	9	ровенъ	раненъ
190	19	—	суро	серьоз-
196	—	10	англійская	англійскія
199	6	—	ограничивалась	ограничивались
209	5	—	побудило	возбудило
227	—	19	да	дящіе
235	4	—	досталась	досталось
269	—	23	Горчановъ	Горчаковъ
286	8	—	Клейнгаусъ	Клейнгаузъ
307	12	—	батарей	батареи
322	—	9	выбышими	выбывшими
323	2	—	взрывы	взрывъ
338	9	—	моментально и выскочивъ	моментально выскочивъ
365	—	18	Bedolir'a	Bedolier'a
388	—	20	Забалкайской	Забалканской
393	—	20	косою	косою смерти
449	—	1	онъ	Онъ
456	15	—	помною	помпою
460	—	6	войскамъ	веркамъ
—	23	—	женъ	жетъ
462	17	—	балагура, а	балагура и
474	—	16	Столыпинъ	Столыпинъ
536	—	18	столо	стало
545	—	2	лучезарномъ	лучезарнымъ
551	—	13	третей	третьей
576	5	—	постоятъ	постоять
630	—	15	поѣзда	поѣздка
637	7	—	Seve	Seave
645	1	—	его	Его
675	10	—	погоды	пагоды
682	13	—	карантиною	карантинною
713	22	—	подлежащемъ	надлежащемъ
726	—	15	верховъ	верковъ
749	—	2	puissance	puissances
778	23	—	у просить	просить

Цѣна III-й части

4 руб.

„Четыре войны“. Походныя записки *П. Алабина.* Часть I.—Венгерская война 1849 года. Цѣна 2 руб.

„Четыре войны“. Часть II.—Восточная война. *Его же.* Цѣна 3 руб.

Выписывающій всѣ три части платитъ 7 руб. 50 к.

Сборникъ русскихъ стихотвореній, для чтенія простолюдинамъ и краткія жизнеописанія: Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слѣпушкина, съ 5-ю портретами, составилъ *П. А—нъ.* Цѣна 40 коп.

Сборникъ нѣкоторыхъ понятныхъ народу повѣствованій, разсказовъ и описаній. (Христоматія для простолюдиновъ). Составилъ *П. А—нъ.* Цѣна 40 коп.

Двадцатипятилѣтіе Самары какъ губернскаго города. (Историко-статистическій очеркъ) 1877 г. *П. Алабинъ.* Цѣна 2 руб.

Трехвѣковая годовщина г. Самары. *П. Алабинъ.* 1887.

Сборникъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи городскаго хозяйства въ главнѣйшихъ городахъ Россіи. Составилъ *П. Алабинъ и П. Коноваловъ.* 1889 г. Цѣна 2 руб.

Книги эти можно выписывать изъ г. Самары, адресуя требованія **П. В. Алабину.** За пересылку ничего не платится.